Альфред

БЕСТЕР



Тигр! Тигр!

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Тигр. Тигр!
Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. ТИГР! ТИГР!. Повести и рассказы
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

ТИГР! ТИГР!
- Пролог

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
ВАРИАНТЫ ЛИЧНОСТИ
АДАМ БЕЗ ЕВЫ
СНЕЖНЫЙ КОМ
АД— ЭТО НАВЕЧНО
ОДДИ И ИД
О ВРЕМЕНИ И ТРЕТЬЕЙ АВЕНЮ
ВЫБОР
ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА РАННЯЯ

ФЕНОМЕН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ
ВРЕМЯ — ПРЕДАТЕЛЬ
АТТРАКЦИОН
5 271 009
УБИЙСТВЕННЫЙ ФАРЕНГЕЙТ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ МАГОМЕТА
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК
УПРЯМЕЦ
ПИ-ЧЕЛОВЕК
ВЫ ПОДОЖДЕТЕ?
НЕ ПО ПРАВИЛАМ
НОЧНАЯ ВАЗА С ЦВЕТОЧНЫМ БОРДЮРОМ
ПЕРЕПУТАННЫЕ ПРОВОДА
РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ. В БУТЫЛКЕ ИЗ-ПОД ШАМПАНСКОГО
ФЕРМА ЖИВОТНЫХ
ЧЕТЫРЕХЧАСОВАЯ ФУГА
ДЬЯВОЛ БЕЗ ОЧКОВ

Аннотация

Альфред Бестер — великий экспериментатор и великий разрушитель традиций.

Странные миры, в которых обитают его герои, непредсказуемы и опасны, поскольку лишены логики и вынуждают их обитателей руководствоваться собственными правилами игры. Признанные шедевры мастера, такие романы, как «Человек без лица» и «Тигр! Тигр!», стали хрестоматийными, без них невозможно представить современную фантастику, как невозможно представить ее без романов Роберта Хайнлайна, Роджера Желязны или Филипа Дика.

В том избранных сочинений писателя, кроме уже известных, входят произведения, ранее не издававшиеся на русском.



FB2 книгу сделал mefysto

Альфред Бестер
ТИГР! ТИГР!
Повести и рассказы

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Альфред

БЕСТЕР

Тигр! Тигр!

Повести и рассказы

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2009

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

© Перевод Е. Коротковой

В бесконечной Вселенной не существует ничего нового, ничего неповторимого. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений — все это, может быть, уже не раз бывало на планете, оборачивающейся вокруг светила, Галактика которого девятикратно возрождалась заново через каждые двести миллионов лет.

Беспредельно множество цивилизаций и миров, существовавших и существующих. Все они тешили себя тщеславным заблуждением, будто во времени и пространстве не было и нет других подобных. Бесчисленно количество людей, подверженных такой же мании величия. Они воображают себя единственными, неповторимыми, незаменимыми. Их будет еще множество-множество плюс бесконечность.

Глава 1

Удар! Взрыв! Двери подвала настежь! Там, внутри, навалом денег. Хватай, тащи, тяни! Но кто это? Кто это там стоит? Бог мой! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать… Бежать…

Скорей бежать, а то я пропущу парижский пневматический и больше не увижу эту прелестную девушку, чье лицо как цветок, а тело создано для страсти. Я еще могу успеть. Но кто там у ворот? Это не сторож. Боже! Снова он, Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный… Только бы не закричать. Да перестань…

Но я и не кричу. Я пою на сцене, на ослепительной мраморной сцене, льется музыка, горят огни. А в зале ни души. Зал — пустая темная яма, и там один лишь зритель. Как пристально он глядит! Безмолвный. Огромный. Опять Человек Без Лица.

Он закричал. Теперь он вправду закричал.

Бен Рич проснулся.

Он лежал, не двигаясь, в своей гидропатической постели, и сердце его бешено стучало, а глаза, казалось, спокойно — хотя какое уж тут

спокойствие — оглядывали все вокруг. Нежно-зеленые стены; фарфоровый ночник — китайский мандарин, дотронься до него, он будет бесконечно кивать и кивать головой; разнопланетные часы, фиксирующие время трех планет и шести спутников; и, наконец, постель — кристально прозрачный бассейн, где струится нагретый до 99,9 градуса по Фаренгейту карбонизированный глицерин.

Дверь тихо отворилась, в полумраке возник Джонанс — тень в бордовой ночной пижаме, бесплотный дух с лошадиным лицом и манерами гробовщика.

— Опять? — спросил Рич.

— Да, мистер Рич.

— Громко?

— Очень громко, сэр. И так испуганно.

— Черт бы побрал ваши ослиные уши! — буркнул Рич. — Я никогда ничего не боюсь.

— Да, сэр.

— Убирайтесь.

— Слушаю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонанс сделал шаг назад, притворил дверь.

— Джонанс! — крикнул Рич.

Лакей появился опять.

— Простите меня, Джонанс.

— О, все в порядке, сэр.

— Нет, вовсе не все в порядке. — Рич обаятельно улыбнулся, — Я обращаюсь с вами как с родственником. За такую привилегию я слишком мало вам плачу.

— Ну что вы, сэр!

— В следующий раз, когда я на вас заору, гаркните и вы на меня. Будем квиты.

— О мистер Рич…

— Сделайте так, и вы подучите прибавку. — Снова улыбка. — Это все, Джонанс. Благодарю.

— Спасибо, сэр.

Камердинер ушел.

Рич вышел из постели и, обтираясь перед большим зеркалом, репетировал улыбку.

— Выбирай себе врагов сам, а не заводи их случайно, — бормотал он.

Рич внимательно разглядывал себя: мощные плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги, влажные прямые волосы, большие глаза, точеный нос и капризный тонкогубый рот с жесткой складкой.

— Ну отчего? — спросил он. — Отчего? Внешностью я не поменялся бы и с дьяволом. Положением — не захочу меняться с Богом. Отчего я ору?

Он надел халат и взглянул на часы, не ведая

о том, что его предкам показалась бы непостижимой та бессознательная легкость, с которой он единым разом охватил временно-числовую панораму Солнечной системы. На циферблатах стояло:

2301 н. э.

ВЕНЕРА	ЗЕМЛЯ	МАРС
Среднесолнечный день 22 (В зените)	Февраль 15, 0205 Гринвич	Дуодецембер 35 2220
ЛУНА	**ГАНИМЕД**	**КАЛЛИСТО**
2 д. 3 ч. 1 д. 1 ч.	6 д. 8 ч. (Затмение)	13 д. 12 ч.
ТИТАН		**ТРИТОН**
15 д. 3 ч. (Проходит меридиан)		4 д. 9 ч.

Ночь, день, лето, зима… Рич мог с лету перечислить час и время года на любых меридианах всех небесных тел, входящих в Солнечную систему. Здесь, в Нью-Йорке, отвратительное зимнее утро сменило полную безобразных кошмаров ночь. Несколько минут придется потратить на собеседование с психиатром Эспер-лиги, которого он нанял. Сколько еще можно вопить по ночам?

— «Э» — это эспер, — бормотал он. — Эспер

— это экстрасенсорная перцепция. Телепаты, прощупыватели мыслей, щупами! Предполагается, что врач из Эспер-лиги может отучить меня орать во сне. Предполагается, что доктор медицины, умеющий влезать людям в мозги, даром денег не берет. Ему лишь стоит заглянуть ко мне в башку, и крикам конец. Этих проклятых щупачей считают венцом развития homo sapiens. «Э» — это эволюция. Черта с два! Эксплуатация — вот что такое «Э».

Его трясло от ярости.

— Но я же не боюсь! — крикнул он, распахнув дверь. — Никогда ничего не боюсь.

Он вышел в коридор и звонко застучал подошвами домашних туфель по серебряным плиткам: ки-тат-ки-тат-ки-тат-ки-тат, — не тревожась о том, что жутковатый дробный стук, разбудив спозаранок прислугу, посеет страх и ненависть в двенадцати сердцах.

Толчком распахнув дверь в покои психиатра, Рич вошел и сразу лег на кушетку.

Карсон Брин, врач-эспер второй ступени, уже проснулся и ждал его. Будучи домашним психоаналистом Рича, он всегда спал «одним ухом», и во сне поддерживая с пациентом связь, готовый пробудиться по первому зову. Крик Рича

разбудил его. Брин сидел возле кушетки, очень элегантный в своем роскошном халате (Рич платил ему 20 тысяч кредиток в год), и был полон внимания, поскольку знал, что наниматель щедр, но требователен.

— Я слушаю вас, мистер Рич.

— Опять Человек Без Лица, — буркнул Рич.

— Кошмары?

— Влезь мне в голову, упырь проклятый, сам увидишь. Хотя нет, простите. Это глупо. Да, опять кошмары. Я пробовал ограбить банк. Потом догонял поезд. Потом кто-то пел. По-моему, я сам. Сейчас я вспоминаю все это как только могу подробно. Кажется, не пропускаю ничего…

Долгая пауза. Наконец Рич не выдержал:

— Ну! Нащупали что-нибудь?

— Вы продолжаете настаивать, мистер Рич, что не можете опознать этого Человека Без Лица?

— Как мне его опознать? Его лица я никогда не вижу. Я только знаю…

— Думаю, что вы могли бы его опознать. Вы просто не хотите…

— Послушайте-ка, вы… — Рича бесило ощущение, что доктор, очевидно, прав. — Я вам плачу двадцать тысяч. А вы мне тычете свои идиотские домыслы и не способны…

— Вы и вправду так полагаете, мистер Рич, или это просто общий синдром обеспокоенности?

— Да при чем тут обеспокоенность? — крикнул Рич. — Я не боюсь. Я никогда… — Он замолчал, почувствовав, что бесполезно защищать себя словами перед щупачом, чей разум мог с великой легкостью проникнуть сквозь словесные заслоны, — Вы все же ошиблись, — сказал он угрюмо. — Человек Без Лица. Вот все, что мне о нем известно.

— Вы все время обходите самые существенные пункты, мистер Рич. Вас надо натолкнуть на них. Прибегнем к способу свободных ассоциаций. Пожалуйста, без слов, просто мысли. Ограбление…

— *Драгоценные камни — часы — бриллианты — слитки — соверены — фальшивые монеты — боны — акции — курт…*

— А это еще что?

— *Простите, ошибка. Курс — наличные — шлифовка — драгоценность.*

— Нет, не ошибка, мистер Рич, а очень важная поправка или, вернее, переделка. Продолжим. Пневматический…

— *Кондиционированный — длинный — вагон — поезд — следует — катастрофа…* Чепуха все это!

— Не чепуха, мистер Рич. Подсознательная игра

слов. Подставьте вместо «следует» — «наследует» и убедитесь сами. Продолжайте, прошу вас.

— Очень уж вы, щупачи, ловки. Что там у нас? Пневматический — *поезд — подземный — сжатый воздух — ультразвуковая скорость — «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — вот девиз…* — Как называлась эта фирма? Выскочило вдруг откуда-то…

— Из подсознания, мистер Рич. Еще одна проба, и вы поймете. Амфитеатр…

— *Кресла — партер — ярус — ложи — балкон — стоячие места — стойло — лошади — марсианские лошади — марсианские пампасы…*

— Ну вот вам, мистер Рич. Марс. За последние полгода вам девяносто семь раз снились кошмарные сны с Человеком Без Лица. Он неизменно был вашим врагом, срывал все ваши планы, внушал вам ужас в этих сновидениях, которые объединены тремя общими знаменателями — финансы, транспорт и Марс. Все это повторяется снова и снова… Человек Без Лица и финансы, транспорт и Марс.

— Мне это ничего не говорит.

— И все же это не случайность, мистер Рич. Я думаю, что вы способны опознать эту пугающую вас фигуру. Зачем бы иначе вам так упорно избе-

гать его лица?

— Я ничего не избегаю.

— В качестве ключа к разгадке можно использовать слово «курт», подставленное вместо «курс», и забытое вами название фирмы, девиз которой «Мы транспортируем вас…»

— Я уже сказал — не знаю! — Рич сердито встал с кушетки. — Вашими ключами ничего не отопрешь. Я не могу его опознать.

— Этот человек пугает вас не потому, что у него нет лица. Вы знаете, кто он. Вы его ненавидите, боитесь, но вы знаете, кто он.

— Тогда сами и скажите мне. Вы же щупач.

— Мои способности ограниченны, мистер Рич. Без вашей помощи я не могу проникнуть глубже.

— Какая еще помощь? Вы лучший врач-эспер, которого я мог нанять. И если уж…

— Мистер Рич, не лукавьте ни со мной, ни с собой. Вы для того и наняли врача второй ступени, чтобы обезопасить себя именно в подобном случае. Сейчас вы расплачиваетесь за свою осторожность. Вылечить вас от кошмаров сможет лишь специалист первой ступени… Скажем, Огастес Тэйт, или Гарт, или Самюэль Экинс.

— Ладно, я подумаю, — буркнул Рич и пошел к двери.

Когда он растворил ее, Брин сказал ему вслед:

— Да, кстати… «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — девиз картеля де Куртнэ. Вам не кажется, что это как-то связано с оговоркой «курт» вместо «курс»?

— *Человек Без Лица!*

Быстро и решительно перехватив шальную мысль и задержав ее, Рич бросился по коридору к своим апартаментам. Приступ дикой ненависти охватил его.

«Он прав. Де Куртнэ — вот кто заставляет меня кричать во сне. Не потому, что я его боюсь. Я себя боюсь. Я всегда это знал. Знал в глубине души. Я чувствовал, что рано или поздно мне придется убить мерзавца. Я потому и не вижу лица, что это лицо убийства».

Вскоре Рич, уже как следует одетый, но хмурый, вихрем вылетел из своих комнат, спустился вниз и оказался на улице, где его тотчас подхватил прыгун компании «Монарх» и грациозным прыжком перенес к гигантской башне, которая вмещала сотни этажей и тысячи сотрудников, обслуживающих нью-йоркскую контору «Монарха». Башня «Монарха» являла собой нервный центр корпорации, неслыханной по объему. Корпорация эта колоссальной пирамидой воз-

вышалась на разветвленной сети транспорта и связи, предприятий тяжелой и легкой промышленности, внешней и внутренней торговли, исследовательских и изыскательских работ. «Компания Монарх. Предприятия общественного пользования, инкорпорейтед» покупала и продавала, наделяла и обменивала, созидала и разрушала. Система ее филиалов и акционерных обществ была так сложна, что приходилось держать на йодном окладе бухгалтера-эспера второй ступени, обязанностью которого было следить за общей тенденцией циркуляции финансов.

Рич вошел в кабинет, куда за ним последовала старшая секретарша (эспер-3), окруженная помощницами, которые тащили целый ворох утренней почты.

— Сбросьте все сюда и убирайтесь, — буркнул Рич.

Девушки свалили на его письменный стол бумаги и саморегистрирующие кристаллы памяти и торопливо вышли. Они не обиделись на шефа: к его вспышкам гнева здесь давно привыкли. Рич сел за стол, трясясь от жгучей, нестерпимой злобы к Крэю де Куртнэ. Наконец он пробормотал:

— Дам еще один шанс мерзавцу.

Рич открыл ключом стол, потом отпер ящик-

сейф и вытащил оттуда административный справочник шифров — издание, распределяемое только среди руководителей фирм, причисляемых Ллойдом к группе «4 А-1». Раскрыв справочник посредине, он сразу нашел все, что ему требовалось:

QQBA.....УЧАСТИЕ В ДОЛЕ
RRCB.....ОБА НАШИ
SSDC..... ОБА ВАШИ
TTED.....СЛИЯНИЕ
UUFE..... КАПИТАЛ
WGF.....ИНФОРМАЦИЯ
WWHG.....ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО
XXIH.....ОБЩЕПРИНЯТЫЙ
YYJI.....ПРЕДЛАГАЮ
ZZKJ.....СЕКРЕТНЫЙ
AALK.....РАВНОПРАВНЫЙ
BBML.....КОНТРАКТ

Заложив нужную страницу, Рич включил внутренний видеофон и, когда появилось изображение видеофонистки, распорядился:

— Дайте шифровальную.

Яркая вспышка, и на экране возникла небольшая комната, где плавал табачный дым и повсюду валялись книги и рулоны телетайпной ленты. Белесый мужчина в полинялой рубахе встрепе-

нулся, взглянув на экран.

— Слушаю, мистер Рич.

— Здравствуйте, Хэссоп. Мне кажется, вам не мешает отдохнуть. — *Выбирай себе врагов сам* — Слетайте на недельку в Космическую Ривьеру. Отпуск за счет «Монарха».

— Спасибо, мистер Рич. Большое вам спасибо.

— У меня секретная шифровка Крэю де Куртнэ. Передавайте… — Рич заглянул в справочник — Передавайте: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA Ответ доставьте тотчас же. Понятно?

— Понятно, мистер Рич. Я мигом.

Рич выключил видео. Запустив руку в груду лежащих на столе бумаг и кристаллов, он выудил один кристалл и включил его. Голос старшей секретарши произнес: «Компания «Монарх»: валовый доход понизился на 2,1134 процента. Картель де Куртнэ: повышение валового дохода на 2,1130 процента…»

— Черт бы его драл! — озлился Рич. — Так и гребет из моего кармана.

Он сердито щелкнул выключателем и вскочил. Его снедало нетерпение. Ответ придет лишь через несколько часов. Теперь вся его жизнь зависит от решения де Куртнэ. Он вышел из кабинета и начал бродить с этажа на этаж, из отдела в отдел

с таким видом, будто проверял хозяйским строгим глазом, как идет работа, Эспер-секретарша скромно и незаметно следовала за ним, как дрессированная собачка.

«Дрессированная сука!» — подумал Рич. И вслух:

— Простите. Вы это прощупали?

— Неважно, мистер Рич. Я поняла вас правильно.

— Вот как? Я и сам себя не понял. Чертов де Куртнэ!

В отделе найма проводились испытания, проверка и отсев как всегда многочисленных претендентов на должность. Тут находились клерки, мастера, специалисты, административные работники среднего масштаба и эксперты высшей квалификации. Все эти люди уже подверглись предварительному отбору, который был произведен и на этот раз из рук вон плохо, по мнению эспера — начальника отдела. Когда в кабинете появился Рич, начальник отдела найма, кипя от гнева, расхаживал из угла в угол. Он бровью не повел, приняв телепатический сигнал, посланный ему секретаршей еще из-за двери.

— Мною отведено десять минут для окончательного собеседования с каждым кандидатом, — рас-

пекал он одного из своих помощников. — Шесть человек в час, сорок восемь за день. Когда я бракую по тридцать пять процентов испытуемых, я попусту трачу время, а точнее — время «Монарха». Компания пригласила меня не для того, чтобы я отсеивал явно непригодных кандидатов. Это ваше дело. Займитесь им. — Он повернулся к Ричу и с достоинством кивнул: — Доброе утро, мистер Рич.

— Привет. Неприятности?

— Все было бы в порядке, если бы мои сотрудники уразумели, что экстрасенсорная перцепция — отнюдь не чудо, а искусство, подлежащее почасовой оплате. Каково ваше решение по поводу Блонна, мистер Рич?

Секретарша:

— Он еще не читал вашей докладной записки.

— Позвольте вам, милейшая, заметить, что, не используя мои услуги с максимальной эффективностью, компания выбрасывает деньги на ветер. Докладная записка о Блонне пролежала на столе мистера Рича целых три дня.

— Что это еще за Блонн такой свалился мне на голову? — спросил Рич.

— Мистер Рич, сперва я обрисую вам общее положение. В состав Эспер-лиги входит около ста

тысяч эсперов третьего класса. Каждый эспер-три способен проникать в область сознания объекта и обнаруживать, что думает объект в данный момент. Это низший класс телепатов. Большая часть охраны и младший технический персонал компании «Монарх» — эсперы-три. Мы наняли более пятисот…

— *Он это знает. Это каждому известно. Ближе к делу, трепач!*

— *Осмелюсь испросить вашего позволения излагать дело так, как я считаю нужным.*

— Далее: в лиге числится около десяти тысяч эсперов второго класса, — ледяным тоном продолжал начальник, — Все эти специалисты, в том числе и я, способны проникать глубже сознательного уровня, добираясь до области подсознания. Большая часть эсперов-два — врачи, адвокаты, инженеры, педагоги, архитекторы, экономисты и так далее.

— И каждому из вас приходится платить целое состояние.

— А почему бы и нет? Наши услуги стоят того. Компания «Монарх» признает это. В данный момент компания держит на службе более ста эсперов-два.

— *Вы перестанете болтать?*

— И наконец, в числе членов лиги насчитывается менее тысячи эсперов первого класса. Эспер-один обладает способностью проникать глубже областей сознания и подсознания… в область глубоких инстинктов. Все эти люди, конечно, занимают выдающееся положение на различных поприщах. Преподаватели, врачи, психоаналисты, такие как Тэйт, Гарт, Экинс, Мозель, криминалисты, например Линкольн Пауэл из парапсихологического отдела полиции, руководители внешней торговли, специальные консультанты правительства итак далее. До сих пор у компании «Монарх» не было нужды приглашать на службу эспера-один.

— И что же? — буркнул Рич.

— Сейчас нужда возникла, мистер Рич, и я надеюсь, Блонн согласится. Короче говоря…

— *Давно бы так!*

— Короче говоря, мистер Рич, «Монарх» пользуется услугами такого количества эсперов, что я предлагаю создать специальный отдел, комплектующий штаты служащих эсперов, и поставить во главе его какого-нибудь эспера первого класса, того же Блонна, к примеру.

— *Он не понимает, почему вы сами не справляетесь.*

— Я намеренно обрисовал вам общую картину, мистер Рич, чтобы объяснить, из-за чего я сам не в состоянии справиться с такой работой. Я эспер-два. Нетелепатов я опрашиваю быстро и результативно, но моя результативность падает при опросе эсперов. Все эсперы имеют обыкновение блокировать телепатический опрос, и успешность этих контрманевров зависит от категории опрашиваемого. Чтобы основательно проверить эспера-три, мне требуется час. На собеседование с эспером второго класса уйдет три часа. А сквозь блок эспера-один мне, наверное, вообще не пробиться. Для всей этой работы мы должны пригласить эспера первого класса, такого специалиста, как Блонн. Разумеется, это будет стоить огромных денег, но другого выхода нет.

— Вот как! Почему? — спросил Рич.

— *Бога ради! Что вы делаете? Приводить ему этот довод — все равно что махать красным перед носом у быка. Вы его не раззадорите, а окончательно обозлите.*

— *Я выполняю свой долг, мадам.*

— Дело в том, сэр, — пояснил начальник, обратившись к Ричу, — что мы с вами нанимаем далеко не лучших эсперов. Картель де Куртнэ уже не в первый раз перебегает нам дорогу. Из-за

плохой постановки дела нам неизменно достаются те, кто поплоше, а тем временем де Куртнэ преспокойно снимает сливки.

— Чтоб вам сгореть! И вашему де Куртнэ тоже! — крикнул Рич. — Добро. Валяйте. Пусть теперь этот Блонн сам перебегает де Куртнэ дорогу. Да подключитесь заодно и вы.

Рич бросился к дверям и отправился в отдел информации. Здесь его тоже ожидали неприятные вести. «Компания Монарх. Предприятия общественного пользования терпела поражение за поражением в единоборстве с картелем де Куртнэ. Он теснил их на всех фронтах: и в области рекламы, и в строительстве, и в исследовательских работах, и в информации. Дальше обманывать себя было нельзя. Рич понял, что его приперли к стенке.

Вернувшись к себе, он несколько минут, как бешеный, метался по кабинету.

— Хватит валять дурака! — пробормотал он. — Я знаю, что должен его убить. Он не согласится на слияние. Да и зачем ему это? Он же отлично понимает, что положил меня на обе лопатки. Мне остается только убить его, а для этого нужен помощник. Помощник-эспер. — Он щелчком включил видеофон и распорядился: — Комнату

отдыха!

На экране появился сверкающий никелем и эмалью зал со столиками для игры и с автоматическим баром. Судя по всему, в этом зале приятно было отдохнуть, и служащие «Монарха» действительно захаживали сюда с этой целью. В то же время зал являлся центром мощной сети шпионажа, обслуживающей компанию. Управляющий залом, бородатый интеллектуал по фамилии Уэст, погруженный в обдумывание шахматной задачи, взглянул на экран и тут же встал.

— Доброе утро, мистер Рич.

Официальное обращение «мистер» было предупреждением, и Рич принял его к сведению.

— Доброе утро, мистер Уэст. Решил наведаться к вам для порядка — отеческая, так сказать, забота. Как развлекаются мои подопечные?

— Каждый по-своему, мистер Рич. Впрочем, сэр, я должен вам пожаловаться: что-то слишком стали увлекаться азартными играми.

Уэст озабоченно бубнил в видеофон до тех пор, пока двое ни о чем не подозревающих клерков скромно допили свои коктейли и ушли. После этого Уэст вздохнул с облегчением, опустился в кресло и сказал:

— Выкладывайте, Бен, путь свободен.

— Скажите, Эллери, Хэссоп уже раскодировал секретную шифровку?

Бородач отрицательно покачал головой.

— Все еще возится?

Уэст ухмыльнулся и кивнул.

— Где сейчас де Куртнэ?

— Держит путь на Землю на борту «Астры».

— Вам известно, что он намерен тут делать? Где остановится?

— Не знаю. Выяснить?

— Пока не нужно. Это зависит…

— От чего? — Уэст с любопытством посмотрел на шефа. — Жаль, что чтение мыслей не осуществляется через видео. Хотелось бы мне знать, что у вас сейчас на уме.

Рич угрюмо усмехнулся:

— Слава богу, хоть одно убежище у нас осталось. Как вы относитесь к преступлениям, Эллери?

— Так же, как все.

— Все люди?

— Как все члены лиги. Наша лига не одобряет преступлений, Бен.

— И что вы с ней так носитесь, с вашей лигой? Вы же знаете цену успеху, деньгам. А лига — что она вам дает? Не пора ли вам наконец обзавестись собственным мнением и не заглядывать

в рот лиге?

— Вам этого не понять, Бен. В Эспер-лиге все мы рождены, в ней мы живем и в ней умрем. У нас есть право избирать руководителей, единственное наше право. Зато деятельность каждого из нас находится в полном распоряжении лиги. Эспер-лига учит и воспитывает нас, присваивает ступени, устанавливает этические нормы и следит за тем, чтобы мы соблюдали их. Так же как медицинские учреждения, лига оберегает права непосвященных и тем самым оберегает посвященных, то есть нас. У нас своя Гиппократова клятва. Она называется заветом эспера. И да поможет бог тому, кто рискнет завет нарушить… на что вы, кажется, меня подбиваете…

— Может быть, и так, — не улыбаясь, отозвался Рич. — Может быть, я подбиваю вас и намекаю, что вашу эспер-клятву стоит нарушить. Если речь пойдет о сумме… о такой громадной сумме, какой ни вы, ни кто-либо из ваших второступенных щупачей в жизни своей не видывал…

— Оставьте это, Бен. Я пас.

— Но все же предположим, что вы нарушили завет. Что вам грозит?

— Остракизм.

— И только-то? Подумаешь! Да ведь у вас в

кармане будет огромный куш, целое состояние. Те из щупачей, кто потолковее, давно порвали с лигой. Их подвергли остракизму. Ну и что? Не разыгрывайте из себя младенца, Эллери.

Уэст снисходительно улыбнулся:

— Вы этого не поймете, Бен.

— Так растолкуйте мне.

— Вы говорите об отверженных… о людях вроде Джерри Черча. Не такие уж они толковые. Как бы вам пояснить… — Уэст задумался. — В ту пору, когда хирургия была в зачаточном состоянии, среди людей существовали группы увечных, называемых глухонемыми.

— Это те, что не могли ни говорить, ни слышать?

— Они самые. Между собой они общались языком жестов. А с остальными людьми общаться они не могли. Вы понимаете? Чтобы существовать, они должны были держаться друг за дружку. Человек лишится разума, если ему не с кем обменяться словом.

— Дальше.

— Дальше кто-то из них додумался заняться вымогательством. Эти люди обложили еженедельным налогом самых богатых глухонемых. Тех, кто отказывался платить, подвергали ост-

ракизму. Но никто не отказывался. Каждый предпочитал выложить деньги и спастись от перспективы медленно сходить с ума в полнейшем одиночестве.

— Значит, вы, щупачи, такие же глухонемые?

— О нет, Бен. Глухонемые — это вы. Если кому-нибудь из нас придется жить одному среди вас, то он спятит. Поэтому не нужно соблазнять меня и посвящать в ваши черные замыслы. Я знать их не желаю.

Уэст без церемонии выключил видеофон. Взревев от злости, Рич схватил со стола золотое пресс-папье и с размаху запустил им в хрустальный экран. Осколки еще не осыпались, а он уже мчался по коридору к выходу.

Его эспер-секретарша знала, куда он уходит. Эспер-шофер знал, куда его везти. Дома его встретила эспер-экономка, которая тут же, составив меню в точном соответствии с невысказанным желанием Рича, распорядилась подать ланч. Поев и слегка поостыв, Рич прошествовал в свой кабинет и сразу направился к сейфу, мерцавшему в дальнем углу кабинета.

Сейф представлял собой небольшой открытый шкаф со множеством ячеек, расстроенный по фазе с некоторым ритмическим колебанием.

Когда фаза сейфа и фаза колебания совпадали, сейф вспыхивал ярким светом. Не успевал свет померкнуть, как новое совпадение фаз вызывало очередную вспышку. Таким образом, сейф непрестанно пульсировал, излучая мерцающее силовое поле, которое не позволяло ни проникнуть в шкаф, ни даже увидеть его содержимое. Ключом к сейфу был отпечаток левого указательного пальца Рича, что исключало возможность подделки.

Рич коснулся пальцем точки, из которой излучалось сияние. Сияние померкло, появился шкаф. Не отрывая пальца, Рич вынул из одной ячейки черную записную книжечку, а из другой — большой красный конверт. Потом убрал палец, произошло фазовое рассогласование, и сейф замерцал снова.

Рич торопливо перелистывал страницы записной книжки: «авантюристы»... «анархисты»... «аферисты»... «банкроты (злостные)»... «взяточники (разоблаченные)»... «взяточники (потенциальные)». Под рубрикой «потенциальные» стояло пятьдесят семь фамилий именитых граждан, и в том числе Огастес Тэйт, эспер-врач первой ступени. Рич удовлетворенно кивнул.

Потом он вскрыл красный конверт и иссле-

довал его содержимое. В конверте оказалось пять листков, исписанных убористым почерком, каким писали несколько веков назад. Это было послание потомкам от основателя компании «Монарх» и клана Ричей. На четырех листках значилось: «План *А*», «План Б», «План В», «План Г». Пятый план был озаглавлен «Вступление». Рич стал читать, не без труда разбирая старинные завитушки:

«Моим наследникам. Только слабые разумом спорят с очевидностью. Если ты открыл это письмо, мы поймем друг друга. Возможно, тебе пригодятся четыре плана убийств, подготовленные мной в общих чертах. Я завещаю их тебе как часть наследства Ричей. Это только схемы. Ты можешь сам детально разработать их, сообразуясь с требованиями времени, среды и обстоятельств.

Предупреждение: сущность убийства остается неизменной. Во все века убийство есть конфликт общества и убийцы, а ставкой является жертва. Основа этого конфликта с обществом всегда одна.

Будь смелым, будь целеустремленным, будь дерзким, и общество не сумеет противопоставить тебе ничего.

Джеффри Рич».

Рич не спеша проглядел планы, искренне восхищаясь предусмотрительностью своего предка, который не упустил ни одной случайности. Сами схемы, хотя и оказались устарелыми, воспламеняли воображение; идеи одна за другой зарождались и зрели в его мозгу, он обдумывал их, находил уязвимые пункты и наконец отвергал. Потом его внимание привлекла одна фраза из послания:

«Не обдумывай свой план слишком подробно, если ты считаешь себя прирожденным убийцей. Доверься инстинкту. Разум может подвести тебя, но инстинкт убийцы непобедим».

— Инстинкт убийцы! — шепотом воскликнул Рич. — Господом Богом клянусь, этот инстинкт у меня есть.

Прозвенел видеофон, и тотчас заработал телетайп. Под торопливый треск рывками поползла лента. Рич бросился к столу и впился в нее глазами. Сообщение было коротким и убийственным.

Шифровка Ричу. Ответ WWHG.

— Отказ! Отказ! Я так и знал! — выкрикнул Рич. — Ну хорошо же, де Куртнэ. Держись! Не ты сживещь меня со света, а я тебя отправлю на тот свет.

Глава 2

Огастес Тэйт, эспер д. м.-1, получал за час психоанализа 1000 кредиток — не столь уж крупный гонорар, если иметь в виду, что редкий пациент решался больше часа злоупотреблять разрушительным для своего бюджета временем доктора. И все же ежедневный доход Тэйта составлял восемь тысяч кредиток, а в год он заколачивал два миллиона с добрым гаком. Мало кто знал, какую долю этой суммы забирала Эспер-лига на воспитание новых телепатов и осуществление евгенического плана лиги, поставившего целью наделить экстрасенсорной перцепцией все человечество.

Огастес Тэйт, который эту цифру знал, не мог смириться с тем, что 91 процент заработанных денег уплывает из его рук. Потому он и стал членом Союза эспер-патриотов, крайне правой группировки внутри лиги, домогающейся сохранения автократии и неприкосновенности доходов эсперов высшего класса. Как и все члены этого союза, Тэйт попал под рубрику «Потенциальные взяточники» в записной книжке Бена Рича. Стремительно прошествовав в элегантный кабинет

доктора Тэйта, Рич бегло взглянул на хозяина, чья хлипкая и не вполне пропорциональная фигура выглядела изящной благодаря усилиям портных, затем сел и буркнул:

— Прощупайте меня, быстро!

Он сосредоточенно уставился на Тэйта, а миниатюрный психиатр-щупач, впившись в него заблестевшими глазами, отрывисто бросал фразу за фразой:

— Вы Бен Рич из компании «Монарх». Фирма стоит десять миллионов кредиток. Вы полагаете, что я слышал о вас. Это так. У вас идет смертельная борьба с картелем де Куртнэ. Верно? Вы люто ненавидите де Куртнэ. Так? Сегодня утром вы предложили ему объединиться. Послали шифровку: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. Он ответил отказом. Верно? В отчаянии вы решили… — Тэйт осекся.

— Продолжайте, — сказал Рич.

— …убить Крэя де Куртнэ и сделать тем самым первый шаг к тому, чтобы завладеть его картелем. Вам нужна моя помощь… Мистер Рич, это смешно! Если вы не прекратите это думать, я должен буду на вас донести. Закон вам известен.

— Так помогите его обойти. Не мне вас учить.

— Нет, мистер Рич, я вам помочь не могу.

— Не можете! И это говорит первостатейный эспер? Как я поверю вам, когда знаю, что вы способны провести любого хитреца, не одного — десяток, сотню… Если захотите, то и весь мир.

Тэйт улыбнулся.

— Подсластить пилюлю, — начал он. — Излюбленный прием…

— Прощупайте меня, — перебил Рич. — Не тратьте времени даром. Прочтите мои мысли. Ваш талант. Мои капиталы. Против нас никто не устоит. Бог ты мой! Пусть скажут мне спасибо, что я решил прикончить только одного. Да мы с вами могли бы распять всю Вселенную.

— Нет, — решительно ответил Тэйт, — Я не согласен. Мистер Рич, мне придется на вас донести.

— Погодите. Неужели вам не интересно, сколько я намерен предложить? Прощупайте-ка глубже. Нашли? До какой суммы я могу дойти?

Тэйт закрыл глаза. Его бесстрастное, как у манекена, лицо окаменело в напряжении. Но вот глаза изумленно открылись.

— Вы шутите! — воскликнул он.

— Отнюдь, — негромко буркнул Рич. — И что самое главное: вы, надеюсь, поняли, что от обещанного я не отступлюсь.

Тэйт медленно кивнул.

— К тому же вам известно, что «Монарх» плюс картель де Куртнэ в состоянии осуществить все это.

— Готов вам поверить.

— Еще бы не поверить! Я пять лет финансирую ваш Союз патриотов. Прощупайте меня поглубже, и вы поймете почему. Также как и вы, я ненавижу эту свалочную Эспер-лигу. Ее этические установки наносят бизнесу смертельный вред. В бизнесе нельзя распускать сопли. Но рано или поздно ваш Союз расколошматит Эспер-лигу…

— Я уже прочел все это, — нетерпеливо прервал Тэйт.

— Человеку, которому принадлежат и компания «Монарх», и картель де Куртнэ, по плечу и более серьезные дела, чем помочь вашей фракции распатронить лигу. Я назначу вас пожизненным президентом новой лиги. Считайте, что этот пост вам обеспечен. В одиночку вы никогда бы не добились этого, но вдвоем со мной добьетесь.

Зажмурив глаза, Тэйт еле слышно произнес:

— Вот уже семьдесят девять лет как ни одно преднамеренное убийство не прошло безнаказанно. Мало кому удается скрыть свои намерения от эсперов. Но даже если это удалось, убийца все

равно разоблачит себя впоследствии.

— Эсперы не имеют права давать показания в суде.

— Это так, но, если эспер нападет на след, он всегда сумеет найти объективные данные, подтверждающие то, что он нащупал. Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела полиции, кремень, а не человек. — Тэйт поднял веки. — Что, если мы забудем этот разговор?

— Нет, — отрезал Рич. — Сперва давайте разберемся. Вы говорите, что убийство невозможно скрыть. Почему? Да потому, что щупачи прочитывают наши мысли. Чем же можно заслонить себя от щупача? Еще одним щупачом. Но до сегодняшнего дня ни один убийца не додумался нанять хорошего щупача для страховки. Или, может быть, додумался, но не сумел. Я буду первым.

— Вы уверены, что будете?

— Я вступил в войну, — продолжал Рич, — Мне предстоит жестокая схватка с обществом. Необходимо разработать стратегию и тактику. Любая армия, вступив в войну, разрабатывает стратегию и тактику. Одной смелости, напористости, дерзости еще мало. Чтобы выиграть войну, армии нужна разведка. Моим лазутчиком можете стать только вы.

— Это так.

— Я буду сражаться. А вы вести разведку. Мне необходимо знать, куда направится де Куртнэ, мне нужно выяснить, где и когда удобней нанести удар. Убивать я буду сам, но вы должны сказать мне, где и когда это удобней всего сделать.

— Ясно.

— Я нападу первым… мне нужно пробиться сквозь линию обороны, окружающую де Куртнэ. Рекогносцировку предстоит проделать вам. Прощупать всех нетелепатов, предупредить меня о щупачах и, если я все же столкнусь с ними, блокировать мои мысли. После убийства мне придется отступать сквозь новые ряды щупачей и нетелепатов. Вы будете в арьергарде. Останетесь на поле боя уже после убийства и установите, кого и почему подозревает полиция. Если я узнаю, что подозрение направлено на меня, я сумею отвести его. Если же я узнаю, что заподозрен другой человек, я смогу очернить его еще больше. Станьте моей разведкой, и я смело вступлю в войну и выиграю ее. Разве это не правда? Прощупайте меня.

После долгой паузы Тэйт сказал:

— Правда. Мы сумеем это сделать.

— Так вы беретесь мне помочь?

Тэйт помолчал, колеблясь, и наконец реши-

тельно ответил:

— Да. Берусь.

Рич с облегчением вздохнул:

— Прекрасно. А теперь я познакомлю вас со своим планом действия. Добраться до де Куртнэ мне поможет некая старинная игра под названием «Сардинки». Я воспользуюсь возможностью, которую предоставит мне эта игра, и убью де Куртнэ. Я уже придумал, как именно убить его, чтоб замести следы. Я пущу в ход старинный револьвер, но стрелять буду не пулей.

— Стойте, — вдруг воскликнул Тэйт. — Как вы не понимаете, что все эти ваши замыслы с легкостью прочтет первый попавшийся вам щупач. Я могу вас прикрывать, только когда я рядом. Но я не буду постоянно возле вас.

— Можно поставить временный мыслеблок. Я зайду в Музыкальный тупик к одной девице, сочиняющей песенки, что-нибудь ей навру, и она поможет мне.

— Что ж, пожалуй, — согласился Тэйт, быстро прощупав его, — Но вот что меня беспокоит. Де Куртнэ, возможно, будут охранять. Вы станете стрелять и по охране?

— Нет. Надеюсь, до этого не дойдет. Некто Джордан, физиолог, работающий для моей компании,

недавно изобрел слепящие капсулы. Мы собирались их использовать во время столкновений с забастовщиками. Я испробую их на охране де Куртнэ.

— Ясно.

— Вы будете работать на меня все время, постоянно все разведывать и разузнавать, но одну вещь необходимо выяснить прежде всего остального. Приезжая в наш город, де Куртнэ останавливается у Марии Бомон.

— У Золоченой Мумии?

— Да. Узнайте, собирается ли он и в этот раз быть ее гостем. Тогда все решится.

— Это нетрудно. Я сумею раскопать и где он остановится, и что намерен делать. Линкольн Пауэл устраивает у себя сегодня вечеринку. Врач Крэя де Куртнэ, наверно, тоже будет там. Он уже неделю гостит на Земле. С него я и начну разведку.

— А вы не боитесь Пауэла?

Тэйт надменно улыбнулся.

— Если бы я его боялся, я бы не рискнул принять ваше предложение. Не заблуждайтесь на мой счет, мистер Рич. Я ведь не Джерри Черч.

— Кто?

— Не нужно делать таких удивленных глаз.

Джерри Черч, эспер второго класса. Его выставили из лиги десять лет тому назад, после того как вы однажды пригласили его на пикник.

— Черт бы вас взял! Нащупали?

— Что-то нащупал, а кое-что знал раньше.

— Ничего, это не повторится на сей раз. Черч по сравнению *с* вами слабак. Вам не потребуется к нынешнему вечеру что-нибудь для антуража? Женщины? Костюм? Драгоценности? Деньги? Вам стоит только позвонить в «Монарх».

— Ничего не нужно, но очень благодарен вам.

— Таков уж я — преступник, но… широкая душа. — Рич встал, улыбнулся и двинулся к выходу, не попрощавшись с Тэйтом за руку.

— Мистер Рич! — окликнул тот, когда гость был уже возле двери.

Рич обернулся.

— Крики по ночам не прекратятся. Человек Без Лица — это не символ убийства.

— Что? О господи! Значит, опять кошмары? Чтоб ты сдох, чертов щупач! Как ты узнал? Как ты…

— Не будьте дураком. Вы что шутки хотели шутить с эспером первой ступени?

— Кто с тобой шутит, сволочь? Что ты знаешь о кошмарах?

— А вот этого я вам не скажу. Я очень сомневаюсь, мистер Рич, что кто-то, кроме «первоступенного», сумеет просветить вас. К тому же… после беседы со мной вы вряд ли осмелитесь с кем-то еще консультироваться.

— Как вас понять? Вы не поможете мне?

— Нет, мистер Рич, — Тэйт злорадно улыбнулся. — Нужно же и мне чем-то пополнить свой арсенал. Равновесие сил — залог того, что стороны будут действовать на паритетных началах. Взаимная зависимость обеспечит верность общим интересам. Таков уж я — преступник, но… щупач.

Как все эсперы высшей ступени, Линкольн Пауэл жил в собственном особняке. Это была не роскошь, а скорее необходимость. Ток мыслей, слишком слабый для того, чтобы проникать через каменную и кирпичную кладку, все же пробивался сквозь пластиковые стены квартир. Жизнь в многоквартирном доме, где на тебя обрушиваются мысли и чувства множества людей, сущий ад для эспера.

Префект полиции Пауэл мог позволить себе небольшой особнячок на Гудзон-Рэмл с видом на Норт-Ривер. В доме было всего четыре комнаты: кабинет и спальня наверху, а внизу — гостиная

и кухня. Слуг у Пауэла не было. Как почти все эсперы высшей ступени, он должен был подолгу находиться в одиночестве и предпочитал вести хозяйство сам. Сейчас он готовил на кухне угощение для предстоящей вечеринки и, следя за приборами на кухонном пульте, насвистывал какой-то жалобный и замысловатый мотив.

Пауэлу было уже под сорок; высокий, тонкий, он двигался медленно и небрежно. Большой рот, всегда, казалось бы, готовый раскрыться в улыбке, сейчас был скорбно сжат. Пауэл распекал себя за глупый и ребяческий поступок, один из многих, на которые нет-нет да и толкал его самый тяжкий его порок.

Главное свойство эсперов — непосредственность реакции. Любая перемена обстоятельств вызывает у них немедленный отклик. Слабостью Пауэла было чрезмерно развитое чувство юмора, принимавшего порой весьма причудливые формы под влиянием какого-либо толчка со стороны. Пауэл говорил, что в таких случаях в него вселяется Бесчестный Эйб. Что на него находило, он и сам не знал. Кто-нибудь задавал Линкольну Пауэлу самый невинный вопрос, и Бесчестный Эйб внезапно вступал в дело. С чистосердечным и серьезным видом Пауэл плел неслыханные

небылицы, созданные в один миг его разбушевавшейся фантазией. Побороть себя он был не в силах.

Не далее как сегодня полицейский комиссар Крэбб, справляясь о каком-то заурядном деле шантажиста, произнес одну фамилию неправильно, и это вдохновило Пауэла на сочинение необычайно драматической истории. Речь шла о вымышленном преступлении, о дерзком рейде, совершенном полицией в полночь, во время которого проявил чудеса героизма несуществующий лейтенант Копеник. Сейчас Пауэл узнал, что комиссар намерен наградить Копеника медалью.

— Бесчестный Эйб, ты замучил меня, — сокрушенно жаловался Пауэл.

Прозвенел звонок. Пауэл удивленно взглянул на часы (для гостей было еще не время) и поставил в положение «Открыто» чувствительный элемент замка. Замок откликался на телепатический сигнал, как камертон на соответствующую частоту. Парадная дверь отворилась.

Сразу же возник знакомый сенсорный импульс: *снег/мята/ тюльпаны/тафта.*

— Мэри Нойес! Пришла помочь холостяку подготовиться к приему гостей? Как мило!

— Я надеялась, что нужна тебе, Линк.

— Каждому хозяину нужна хозяйка. Мэри, с чем мне приготовить канапе?

— Я как раз недавно изобрело одну штуку. Взять острую приправу и пережарить.

Она зашла на кухню, в зрительном восприятии маленькая, а в мысленном — высокая, осанистая. Темноволосая смугляночка внешне, а в душе холодная, морозно-белая, как монахиня в белоснежной одежде.

Но ведь не то реально, что мы видим. Внешность обманчива.

— Жаль, что я не в состоянии измениться внутренне.

— Ты хочешь измениться, моя радость? (Спешу целовать тебя такою, как ты есть.)

— (И всегда лишь мысленно.) Очень бы хотела, но, увы. Мне до смерти надоел вкус мяты, который ты ощущаешь при каждой нашей встрече.

— В следующий раз добавлю льда и бренди. Хорошо смешать, и voila — отличный ерш. Мэри-коктейль.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Мэри.

— Спасибо, Линк. — Но эти слова он сказал. Он всегда их говорит. Говорит, а не думает. Мэри быстро отвернулась. Прощупав ее слезы, он

опечалился.

— Мэри, ты снова?

— Не снова, а всегда. Всегда. — Из глубины ее сознания рвалось как крик: *— Линкольн, я люблю тебя. Люблю тебя. Образ моего отца. Символ надежности, теплоты, нежной защиты. Не отвергай меня всегда… всегда… и навсегда…*

— Мэри, послушай…

— Линк, зачем же говорить? К чему слова? Невыносимо, когда между нами стоят слова.

— Ты мой друг, Мэри. Я разделю с тобой все твои горести. Все радости.

— Но не любовь.

— Нет, не любовь, моя голубка. Не надо так терзать себя. Все, кроме любви.

— Но у меня — пусть бог меня помилует — хватит любви и для двоих.

— Пусть бог помилует обоих нас, но для двоих нужно, чтобы любили двое.

— Все эсперы должны жениться до сорока лет. Этого требует устав. Ты знаешь, Линк.

— Знаю.

— Мы дружны. Женись на мне, Линкольн. Дай мне год, я больше не прошу. Один короткий год, чтобы любить тебя. Я не стану тебя удерживать. Я отпущу тебя. Тебе не придется меня

ненавидеть. Милый, как мало я прошу… как мало у тебя прошу.

Зазвенел звонок. Пауэл растерянно взглянул на Мэри.

— Гости, — пробормотал он и поставил чувствительный элемент звонка в положение «Открыто».

В ту же секунду Мэри направила более мощный импульс: «Закрыто». Сигналы сложились, дверь осталась закрытой.

— Сперва ответь мне, Линкольн.

— Я не могу ответить так, как тебе хочется.

Опять звонок.

Он крепко взял ее за плечи и, не отпуская, очень пристально посмотрел ей в глаза.

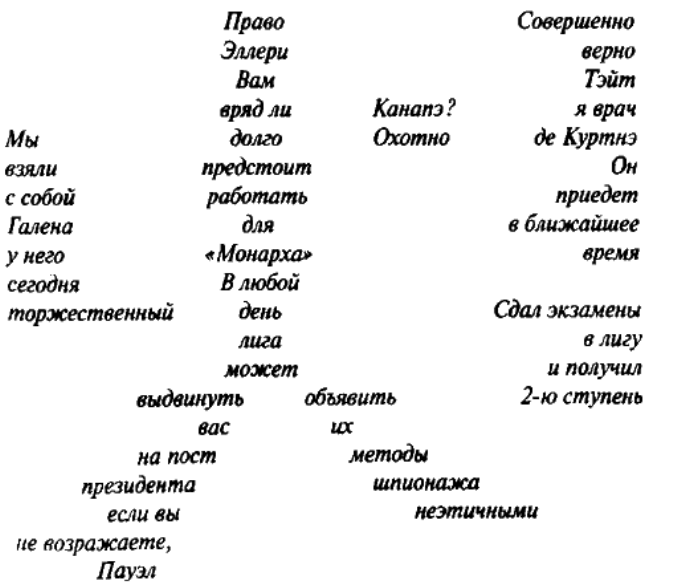
— Ты вторая. Загляни в меня как можно глубже. Что у меня в мыслях? Что на сердце? Каков мой ответ?

Он снял все блоки. Образы, чувства, мысли с грохотом ринулись и закружили ее в жарком и грозном водовороте… Она и боялась, и замирала в радостном ожидании, но…

— Снег. Мята. Тюльпаны. Тафта, — произнесла Мэри устало. — Идите встречать гостей, мистер Пауэл. Я приготовлю вам канапе. *Это единственное, на что я пригодна.*

Пауэл поцеловал ее, потом прошел через гостиную и отпер парадную дверь. Тотчас же в дом ворвался сверкающий, искрометный невидимый поток, а вслед за тем вошли и гости.

Началась вечеринка эсперов.



— Экинс! Червил! Тэйт! Помилосердствуйте! Да вы взгляните только, что мы тут наплели.

Телепатическая болтовня умолкла. Прошло мгновение; собравшись с мыслями, гости весело расхохотались.

— Точно так мы лопотали когда-то в детском саду. Пожалейте беднягу хозяина. От этой мешанины можно помешаться. Должна же быть какая-то система, я уж не говорю о красоте.

— Предложите схему, Линк.

— Что бы вы хотели?

— Математическая кривая? Музыка? Плетенка? Архитектурный проект?

— Все, что угодно. Все, что вам угодно. Только чтобы свербило мозги.

Простите, Линкольн Мы исправим все Сейчас
Тэйт ожидали повсюду
но Алана развелось
я Сивера так много
Не выбирают у нас в президенты неженатых
вправе числе эсперов
сообщать прочих что
Вам ясно что наша затея провалится
что он весь
делает вряд ли евгенический
де Куртнэ тогда при думает новый план
прийти

Новый взрыв хохота приветствовал слово «прийти», которое по недосмотру Мэри Нойес проскочило за край плетенки еще раз прозвенел звонок, и в комнату вошел адвокат-2 интерпланетного суда совести. Он привел девушку, застенчивую, тихую, на редкость привлекательную внешне. Телепатически она была наивна и поверхностна. Типичная третьяшка.

— *Приветствую, друзья. Приветствую. Слезная просьба извинить за опоздание. Причина — флердоранж, обручальные кольца… весь этот ассоциативный ряд… Только что сделал предложение.*

— И боюсь, что оно принято, — сказала девушка с улыбкой.

— Не вслух! — оборвал адвокат. — *Тут не галдят, как на сборище третьеступенников. Я же предупреждал тебя.*

— Я забыла, — опять невольно вырвалось у девушки, и по гостиной заметались горячие волны испуга и смущения. Но тут к бедняжке подошел Линкольн Пауэл и ласково взял ее за руку. Рука дрожала.

— *Не обращайте на него внимания, дорогая. Это всего лишь второступенный сноб. Я хозяин этого дома Линкольн Пауэл. Шерлок Холмс на*

жалованье. Если жених вас колотит, я помогу ему раскаяться. Сейчас я познакомлю вас с вашими соущербниками. — Он повел ее по гостиной. — *Это вот Гас Тэйт, он знахарь-шарлатан. Рядом с ним Сэм и Салли Экинс. Сэм тоже шаманит, а Сами микропедиатр-два. Они только что прилетели с Венеры. Гостят у нас…*

— Здрав… *Ой, то есть здравствуйте.*

— *Толстяк, сидящий на полу, Уалди Червил, архитектор-два. Блондиночка, которую он держит на коленях, его супруга, Джун. Она редактор-два. Их сын, Гален, разговаривает с Эллери Уэстом. Галли — студент политехник-три.*

Молодой Гален Червил с негодованием стал объяснять, что получил — как раз сегодня — вторую ступень, что он может хоть год обходиться без слов. Пауэл прервал его и на уровне, недоступном восприятию девушки, растолковал, по какой причине допустил он эту вполне сознательную ошибку.

— О! — воскликнул Гален. — Братья и сестры третьячки, нашего полку прибыло. Это отрадно. Я совсем было струхнул тут в одиночестве, среди глубинных щупачей.

— Да что вы! Мне сперва тоже было страшновато, а теперь как будто ничего.

— А вот наша хозяйка Мэри Нойес.

— Добрый вечер. Канапе?

— Спасибо. Какие они у вас красивые, миссис Пауэл!

— Что, если нам поиграть? — быстро вмешался Пауэл. *— Кто хочет играть в шарады?*

В темной нише, прильнув к двери, ведущей из сада в дом, прятался Джерри Черч и жадно слушал. Джерри Черч, продрогший и окоченевший, молчаливый и жаждущий Джерри Черч.

Обида, ненависть, уязвленная гордость и жажда терзали его. Бывший эспер-2 умирал от жажды, утолить которую ему мешала мертвая хватка остракизма. Сквозь тонкую кленовую филенку просачивались одна за другой телепатемы: переливчатый и переменчивый пестрый узор. И Джерри Черч, который уже десять лет томился на голодной словесной диете, жаждал всей душой общения со своими, с навсегда потерянным для него миром эсперов.

— Я вспомнил о де Куртнэ, так как недавно наткнулся на подобный случай.

Это Огастес Тэйт подъезжает к Экинсу.

— В самом деле? Очень любопытно. Нужно было сравнить истории болезней. Кстати, я ведь прибыл на Землю только из-за де Куртнэ, досад-

но, что он... мм... недоступен.

Экинс явно не договаривает, а Тэйт, похоже, хочет до чего-то докопаться. Может быть, это и не так, подумал Черч, но только слишком уж напоминает дуэль их изящная манера скрещивать блоки и контрблоки.

— Послушайте, щупан. По-моему, вы довольно по-хамски ведете себя с этой бедной девочкой.

— Поглядите-ка вы на него, — пробурчал Черч. — Достопочтенный Пауэл, Его Прохиндейство, тот, что выставил меня из лиги, читает проповеди адвокату.

— С бедной девочкой? С кретинкой, было бы вернее сказать. Господи! Бывают же такие нескладехи!

— Вы несправедливы к ней. Ведь у нее всего лишь третья ступень.

— Мне от нее тошно.

— Я вы считаете... порядочным жениться на девушке, которая внушает вам такие чувства?

— Вы сентиментальный осел, Пауэл. Сами знаете: нам можно жениться только на щупачках. А эта хоть хорошенькая.

Посреди гостиной играли в шарады. Мэри Нойес тщательно маскировала образ старинным стихотворением. Что бы это могло быть? Какая-то

планета и сосна. Марс и сосна? Э, нет. Марс и ель. Ну конечно, Марсель, не так уж и трудно.

— Как вам кажется, Эллери, Пауэл подходящая кандидатура?

Это уже Червил с всегдашней елейной улыбкой и с поповским брюхом.

— На пост президента?

— Да.

— Пауэл дьявольски толковый малый. Романтик и в то же время очень толковый. Лучшего президента не найти, если бы он был женат.

— Вы же сами сказали, что он романтик. Хочет жениться по любви.

— Вы, глубинные, кажется, все женитесь по любви? Слава богу, у меня только вторая ступень.

Тут в кухне с грохотом разлетелся стакан, и святоша Пауэл, не теряя времени, уже принялся обрабатывать мозгляка Гаса Тэйта.

— Не беспокойтесь, Гас, я уберу. Я его нарочно бросил, чтобы прикрыть вас. Вы излучаете тревогу, как новая звезда.

— Вы что, с ума сошли?

— Нет, это вы сегодня не в своем уме. Что там у вас с Беном Ричем?

Мозглячок, как видно, был настороже. Его ду-

ховная броня буквально на глазах затвердела.

— Бен Рич? Я о нем и не думаю.

— Думаете, да еще как. Он весь вечер не выходит у вас из головы. Трудно было не заметить.

— Вы перепутали, Пауэл. Наверно, вы наткнулись не на мои телепатемы.

Образ хохочущей лошади.

— Пауэл, клянусь вам…

— Гас, вы столковались с Ричем?

— Нет.

Но блоки так и грохнули.

— Послушайте доброго совета, Гас. Рич втянет вас в неприятности. Будьте благоразумны. Помните Джерри Черча? Рич погубил его. Остерегайтесь и вы.

С непринужденным видом Тэйт направился в гостиную. Пауэл остался в кухне, спокойно, не спеша убрал осколки. На ступеньке, за дверью, съежившись, лежал замерзший Черч, и ненависть бурлила в его сердце. Юный Червил выкаблучивал перед девушкой адвоката: пел любовную балладу и визуально ее пародировал. Студенческие штучки. Дамы оживленно сплетничали синусоидами. Экинс и Уэст крест-накрест плели разговор с таким заманчиво сложным узором сенсорных образов, что Джерри изнывал

от зависти.

— *Хотите выпить, Джерри?*

Дверь открылась. На пороге темным силуэтом вырисовывалась фигура Пауэла с пенящимся бокалом в руке. На лицо его падал неяркий свет звезд. Из-под тяжелых век сочувственно смотрели умные глубокие глаза. Изумленный Черч с трудом поднялся на ноги и робко взял протянутый ему бокал.

— *Не сообщайте об этом в лигу, Джерри. Мне чертовски нагорит за то, что я нарушил табу. Вечно я что-то нарушаю. Бедный Джерри… Десять лет — огромный срок. Нужно как-то вам помочь.*

Внезапно Джерри выплеснул вино в лицо Пауэлу, повернулся и убежал.

Глава 3

В понедельник в девять часов утра Рич увидел на экране своего видео безжизненное, как у манекена, лицо Тэйта.

— Эта линия не прослушивается? — резко бросил Тэйт.

Рич молча указал на предохранительную изоляцию.

— Отлично, — сказал Тэйт. — По-моему, я справился с заданием. Вчера вечером я прощупал Экинса. Но прежде чем дать отчет, я должен вас предупредить. При глубинном прощупывании первоступенного никогда не исключается вероятность ошибки. Экинс к тому же довольно тщательно блокировался.

— Понятно.

— Крэй де Куртнэ прибывает с Марса на борту «Астры» утром в ближайшую среду. Он сразу же направится в городской дом Марии Бомон, где пробудет негласно, втайне от всех, до следующего утра… Не долее.

— Только одну ночь, — вполголоса произнес Рич. — А потом? Что он намерен делать?

— Я не знаю. Похоже, что де Куртнэ готовится к

решительному ходу…

— Против меня!

— Судя по тому, что я узнал, де Куртнэ гнетет какая-то тяжесть, и из-за этого нарушился его приспособительный баланс. Инстинкт жизни и инстинкт смерти расслоились. Эмоциональная несостоятельность быстро ведет его к упадку.

— Бросьте ваши выкрутасы, черт бы вас побрал! — вспыхнул Рич. — Вся моя жизнь висит на волоске. Рассказывайте просто.

— Сейчас объясню. Каждый из нас представляет собой сочетание двух противоположных стимулов — инстинкта жизни и инстинкта смерти. Причем цель обоих стимулов одна — нирвана. Инстинкт жизни стремится достичь ее, сметая все препятствия. А инстинкт смерти — путем самоуничтожения. У приспособляемого индивидуума оба инстинкта сосуществуют в прочном сочетании. Но под воздействием психической нагрузки они расслаиваются. Именно это происходит сейчас с де Куртнэ.

— Да, черт возьми! А жертвой буду я.

— Экинс встретится с де Куртнэ в четверг утром и попытается отговорить его от того, что он затевает. Экинс не знает его планов, но считает их опасными и потому решил им помешать. Для

этого-то он и прилетел сюда с Венеры.

— Я обойдусь и без него. Меня не нужно защищать. Я сам себя защищу. Это самозащита, Тэйт, а не убийство! Самозащита! Вы молодец, справились как следует. Мне больше ничего не нужно.

— Вам много чего нужно, Рич. Например, вам не хватает времени. Сегодня уже понедельник. Вы должны подготовиться к среде.

— Подготовлюсь, — буркнул Рич. — Кстати, вы и сами будьте наготове.

— Мы не можем позволить себе сорваться, Рич. Срыв — это Разрушение. Вы понимаете?

— Разрушение для нас обоих. Понимаю. — Голос Рича дрогнул. — Да, Тэйт, мы с вами связаны одной веревочкой до самого конца… вплоть до Разрушения.

Весь понедельник он обдумывал свои планы, смелые, дерзкие, целеустремленные планы. Осторожно обозначил контуры, как делает художник, прежде чем начнет наносить краски. Но красок наносить не стал, решил довериться инстинкту и не обдумывать деталей до среды.

Вечером он лег спать и вновь проснулся с криком: ему опять приснился Человек Без Лица.

Во вторник днем он вышел из башни «Монарха» и отправился на Шеридан-плейс в аудиокниж-

ный магазин «Столетие». Магазин торговал главным образом пьезоэлектрическими кристаллами, сделанными в виде драгоценностей в изящной оправе. Последним криком моды были оперы-блошки, лучший подарок даме.

В магазине было также несколько полок архаических печатных книг.

— Мне нужен оригинальный подарок для возобновления старинного знакомства, — обратился Рич к продавцу.

Тот засыпал его образцами.

— Нет, это все не то, — заметил Рич. — Отчего бы вам не нанять щупача, чтобы избавить покупателей от затруднений. Вы слишком старомодны.

Сопровождаемый свитой перепуганных приказчиков, Рич начал сам обходить магазин, вдоволь поморочив им голову; однако, прежде чем встревоженный хозяин успел послать за приказчиком-щупачом, Рич вдруг остановился перед книжными полками.

— А это еще что? — сказал он удивленно.

— Древние книги, мистер Рич.

Служащие магазина принялись объяснять ему теорию и практику архаической визуальной книги, а Рич слушал их и не спеша разыскивал потрепанный коричневый том, за которым он сюда

явился. Он отлично помнил эту книгу. Посмотрев ее пять лет назад, он сразу сделал пометку в черном блокноте. Старый Джеффри Рич был не единственным в их роду предусмотрительным человеком.

— Интересно. Очень… Очень увлекательно. Ну а это что за книга? — Рич снял с полки коричневый том. — «Развлечения для вечеринки». Когда это напечатано? Не может быть! Неужели уже тогда устраивали вечеринки?

Продавцы его заверили, что пращуры порой отличались удивительно современными вкусами.

— Поглядим-ка содержание, — посмеиваясь, сказал Рич — «Бридж новобрачных»… «Прусский вист»… «Почта»… «Сардинки»… Что бы это могло быть? Страница девяносто шесть. Ну-ка, ну-ка.

Небрежно листая книгу, он увидел набранный жирным шрифтом заголовок: «Веселые затеи при смешанном составе игроков».

— Ишь ты! — рассмеялся он, с деланым удивлением указывая на хорошо знакомый ему абзац.

«САРДИНКИ

Один игрок водит. В доме гасят все огни, и ведущий прячется. Через несколько минут все остальные порознь отправляются его искать. Тот, кто первым находит ведущего, не сообщает

об этом другим, а присоединяется к ведущему и остается там, где тот прячется. Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся «сардинок» и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому».

— Беру, — сказал Рич. — Это то, что мне нужно.

Вечером он потратил три часа на то, чтобы сделать неудобочитаемой всю книгу. Он кромсал страницы ножницами, прожигал их огнем, кислотой и усеивал пятнами. Каждый ожог, порез, царапину он наносил с таким ожесточением, будто перед ним было тело ненавистного де Куртнэ. В конце концов в книге не осталось ни одного пояснения к игре, из которого можно было бы что-то уразуметь. Единственным исключением были «сардинки».

Потом Рич обернул книгу и послал ее пневматической почтой оценщику Грэхему. Книга с шумом устремилась в путь, а через час вернулась с оценкой и с удостоверяющей оценку печатью. Грэхем не заметил, что том испорчен.

В красивой подарочной обертке Рич отправил книгу (приложив к ней, по обычаю, оценку) все тем же способом к Марии Бомон. Через двадцать минут пришел ответ.

«Мой, милый! Милый! Милый! Я уж думала, что ты совсем зобыл, — (записку явно писала сама Мария), — старую прилестницу. Щаслива получить такой подарок. Приходи севодня, у меня будут гости, и мы поиграем в какую-нибудь игру из твоей семпатичной книжки». В капсуле вместе с запиской находилась синтетическая рубиновая звездочка с портретом Марии в центре. Мария, разумеется, была изображена обнаженной.

Рич ответил:

«Увы!.. Не сегодня. Прогорает один из моих миллионов».

Мария отозвалась:

«Приходи в среду, умник. Я тибе подарю один из моих».

На это Рич ответил:

«С восторгом принимаю приглашение. Приведу с собой приятеля. Целую тебя всю». И отправился в постель.

Ему приснился Человек Без Лица, и Рич проснулся с криком.

В среду утром Рич посетил научный центр «Монарха» (отеческая, так сказать, забота) и потратил час на то, чтобы подогреть энтузиазм молодых и одаренных сотрудников центра. Он поговорил с ними об их работе и блестящем будущем, которое

их ждет, если они и впредь будут верны «Монарху». Рассказал им неприличный бородатый анекдот о пионере-девственнике, который совершил вынужденную посадку в глубоком космосе на катафалке, а покойница вдруг объявила: «Я просто туристка».

Одаренные молодые люди деликатно посмеялись, ощущая некоторое презрение к шефу. Воспользовавшись непринужденностью обстановки, Рич проскользнул в секретную лабораторию и унес оттуда «нок-капсулу».

Капсулы представляли собой небольшие медные кубики, действующие очень эффективно. Разрываясь, они извергали слепящее голубое пламя, которое полностью разлагало родопсин — зрительный пурпур в сетчатке глаза, ослепляя жертву и лишая ее способности воспринимать пространство и время.

В среду днем Рич отправился в Музыкальный тупик, расположенный в центре театрального района, и зашел в контору «Психопесни, инкорпорейтид». Владелица этой конторы, очень неглупая молодая особа, сочиняла великолепные созвучия для рекламы и песенки-штрейкбрехериады, когда «Монарху» срочно требовалось уничтожить следы очередного конфликта с рабо-

чими. Ее звали Даффи Уиг. Рич считал, что Даффи — символ преуспевающей современной девицы — девственная соблазнительница.

— Ну-с, Даффи… — Он небрежно поцеловал ее. Даффи была очень недурна собой, но слишком молода, на его вкус.

— Ну-с, мистер Рич? — Даффи как-то странно на него взглянула. — Знаете, что я сделаю в один прекрасный день? Найму эспер-ходатая по любовным делам, чтобы проанализировать ваш поцелуй. По-моему, вы ко мне равнодушны.

— Совершенно верно.

— Свинья.

— Нужно выбирать одно из двух, моя красавица. Или с девушками целоваться, или делать деньги.

— Но вы целуете меня.

— Лишь потому, что вы точная копия леди, изображенной на кредитке.

— Пим, — сказала она.

— Пом, — сказал он.

— Бим, — сказала она.

— Бам, — сказал он.

— Я бы с удовольствием убила негодника, который это выдумал, — мрачно сказала Даффи. — Добро, красавец мой. Что у вас нынче за

печаль?

— Картежники, — ответил Рич. — Эллери Уэст, мой управляющий клубом, жалуется, что многие пристрастились к азартной игре. По его мнению, слишком многие. Лично меня это не тревожит.

— Тот, кто сидит по уши в долгах, не смеет просить о прибавке.

— Вы слишком проницательны, моя радость.

— Значит, вам нужны антикартежные куплеты?

— Что-нибудь в этом роде. Доходчивое и не слишком в лоб. Нечто скорее отвлекающее, чем агитационное. И притом такое, что всплывает в памяти само собой.

Даффи кивнула, делая пометки.

— Подберите к куплетам мелодию, которую приятно слушать. Ведь ее теперь начнут насвистывать, мурлыкать и напевать все мои служащие.

— Нахал! Каждую из моих мелодий приятно слушать.

— Не более одного раза.

— Между прочим, вы их слушаете и по тысяче раз.

Рич засмеялся.

— Кстати, об однообразии, — добавил он непри-

нужденно.

— Этим грехом мы не грешим.

— Какой самый прилипчивый мотив из тех, что вы когда-то сочиняли?

— Прилипчивый?

— Вы знаете, о чем я говорю. Что-нибудь вроде этих рекламных куплетов, которые потом не выбросишь из головы.

— А-а… Мы их называем «пепси».

— Почему?

— Кто его знает. Говорят, их изобрел впервые еще несколько веков назад какой-то Пепси. Я этого товара не держу. Когда-то написала одну штучку… — Даффи скорчила гримасу. — Даже сейчас не могу вспомнить без содрогания. Такая дрянь, стоит раз услышать — привяжется не меньше чем на месяц. Меня она промучила год.

— Вы шутите.

— Честное скаутское, мистер Рич. Песенка называлась «Смотри в оба». Я ее написала для той злополучной пьесы о сумасшедшем математике, которая потом с таким треском провалилась. Они просили что-нибудь въедливое, и я уж постаралась. Публика так негодовала, что спектакль сняли со сцены и потеряли на этом целое состояние.

— Спойте мне ее.

— Я слишком хорошо к вам отношусь.

— Нет, правда, Даффи. Я умираю от любопытства.

— Вы раскаетесь.

— Я вам не верю.

— Ну ладно, свинтус. — Даффи пододвинула к себе переносную панель с клавиатурой. — Это вам расплата за ваш ледяной поцелуи.

Ее рука грациозно заскользила по панели. Комнату наполнила предельно монотонная мелодия, мучительно банальная, въедающаяся своей банальностью в мозги. Это была квинтэссенция всех мелодических клише, которые когда-либо слышал Рич. Какой бы ты мотив ни начал вспоминать, ты неизбежно соскальзывал на изъезженную дорожку этой мелодии.

— «Смотри в оба».

И Даффи запела:

Три, два, раз…
А ну еще!
Три, четыре
Горячо!
Ах ты, камбала,
Не вобла,

Смотри в оба!
Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»,
Получил синяк под глаз…
Три, четыре…
Три, два, раз![1]

— О господи! — воскликнул Рич.

— У меня тут есть неплохие находки, — говорила Даффи, продолжая играть. — Заметили вы этот такт после слов «Смотри в оба»? Это полукаденция. После «три, два, раз» такт снова повторяется. Это превращает и концовку в полукаденцию, и песню можно продолжать без конца. Такт как бы гонит вас по кругу. «Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!» Тррам. «Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри…»

— Будет вам, чертенок! — Рич вскочил, зажав уши ладонями. — Что вы со мной сделали? Сколько продлится это наваждение?

— Не меньше месяца.

— Ах ты, камбала, не вобла, смотри… Я погиб. Можно как-нибудь от этого спастись?

— Конечно. Очень просто. Погубите меня. —

---

[1] Примечания: 1
Перевод Ю. Петрова.

Даффи прижалась к нему и поцеловала со всем пылом юности. — Дурачок, — шептала она, — Олух. Балбес. Недотепа. Для кого ты меня бережешь, глупыш? Втащи меня в сточную канаву. А я-то думала, ты человек без предрассудков.

— У меня их еще меньше, чем ты думала, — ответил он и вышел.

Его расчет оправдался: песенка накрепко засела у него в мозгу и, пока он спускался по лестнице, трещала без перерыва.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Тррам.

Отличный мыслеблок для неэспера. Какой щупач пролезет сквозь этот заслон?

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба!

— Еще меньше предрассудков, чем ты думала, — пробормотал он и нацелил своего прыгуна на ссудную кассу Джерри Черча, расположенную на западной окраине города.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба!..

Ростовщичество, что бы не утверждали завистники, — одна из старейших профессий. Еще в далекой древности люди занимались тем, что ссужали своим ближним деньги под залог движимого имущества. Уходя истоками в глубины

прошлого и устремляясь в будущее к самым его отдаленным рубежам, эта профессия не подвергается переменам, как и сама ссудная касса. Заваленный реликвиями разных эпох погребок Джерри Черча в глазах посетителей выглядел музеем вечности. И даже сам Черч с любопытным уклончивым взглядом, со сморщенной физиономией, покореженной и почерневшей от невидимых ударов (следы душевных мук), казался существом без возраста, олицетворением извечного ростовщика.

Черч вылез из полутьмы и оказался перед Ричем, который стоял у прилавка, освещенный косо падающим на него солнечным лучом. Черч не вздрогнул. Он не узнал посетителя. Прошмыгнув мимо того, кто уже десять лет был его злейшим врагом, Черч забрался за прилавок и спросил:

— Чем могу служить?

— Здравствуйте, Джерри.

Не поднимая глаз, Черч протянул через прилавок руку. Рич хотел ее пожать, но Черч ее отдернул.

— Нет уж, — произнес он с истерическим смешком. — Нет уж, спасибо. Просто дайте мне то, что вы принесли в заклад. Так обеднели? Подумать только, какой человек споткнулся! Но мы ведь

все под этим ходим. Все мы спотыкаемся. Все спотыкаемся.

Черч искоса глядел на Рича, пробуя прощупать его мысли. Ну что же, пусть попробует.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!

Пусть пробьется через эту идиотскую мелодию, которая трещит у него в голове.

— Все мы спотыкаемся, — сказал Черч. — Все как один.

— Вы это верно заметили, Джерри. Но я пока что не споткнулся. Мне повезло.

— А мне не повезло. — ответил Черч, злобно блеснув глазами. — Я встретился с вами.

— Нет, Джерри, — мягко сказал Рич. — Вам не оттого не повезло, что вы меня встретили, а оттого, что так вам на роду написано. Не…

— Дрянь паршивая! — произнес Черч зловеще-мягким голосом, — Гад ползучий! Чтоб тебе сгнить заживо! Паразит! А ну мотай отсюда. Ничего больше от тебя не хочу. Ничего! Понятно?

— Даже моих денег? — Рич вынул из кармана десять матово блестящих соверенов и положил их на прилавок.

В этом был тонкий расчет. В отличие от кредитки соверен имел хождение в преступном мире.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!

— А денег твоих и подавно. Чтоб тебя разорвало! Чтоб ты истек кровью! Чтоб у тебя, у живого, черви выели глаза… Вот чего я хочу, а не денег твоих.

— Ну а чего же вы все-таки хотите, Джерри?

— Я же сказал тебе! — взвизгнул щупач. — Сволочь, мерзавец…

— Чего же вы хотите, Джерри? — холодно повторил Рич, не спуская глаз с его морщинистой физиономии.

Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!

С Черчем он может справиться. Ему наплевать на то, что Черч — второступенный. Тут не умение читать мысли главное, а сила воли.

Три, два, раз, а ну еще! Три, четыре — горячо…

С Черчем он всегда справлялся… справится с ним и впредь.

— Что вам нужно? — угрюмо спросил Черч.

Рич хмыкнул.

— Вы щупач. Ответьте сами, вам и карты в руки.

Черч помолчал и нерешительно пробормотал:

— Не знаю. Я ничего не пойму. Эта дурацкая

музыка все перепутала…

— Ну, тогда мне придется ответить вам. Мне нужен револьвер.

— Как вы сказали?

— Ре-воль-вер. Старинное оружие. Он выбрасывает пули после того, как внутри у него происходит взрыв.

— У меня нет ничего такого.

— Есть, Джерри. Кено Киззард мне об этом както говорил. Кено даже видел у вас револьвер. Он сделан из стали, разбирается на части. Занятная вещь.

— Зачем он вам нужен?

— Прочтите мои мысли, Джерри, и вы все узнаете. Мне нечего скрывать. Нужен для самой невинной цели.

С отвращением сморщившись, Черч выбрался из-за прилавка.

— Мне-то что, — пробормотал он и, шаркая ногами, скрылся в полутьме.

Рич услышал, как в дальнем конце погребка Черч лязгал металлическими ящиками. Потом он вернулся, неся небольшой предмет из тусклой стали, и положил его на прилавок рядом с деньгами. Он нажал на кнопку, и кусок металла неожиданно превратился в кастет, револьвер и

стилет. Это был пистолет с ножом, изделие двадцатого столетия — квинтэссенция убийства.

— Зачем он вам нужен? — снова спросил Черч.

— Вы, кажется, надеетесь выудить из меня что-нибудь пригодное для шантажа, — усмехнулся Рич. — Увы. Это подарок.

— Довольно опасный подарок. — Бывший эспер украдкой смерил покупателя смеющимся и злобным взглядом. — Задумали еще кого-нибудь погубить?

— Вовсе нет, Джерри. Я подарю его моему другу, доктору Огастесу Тэйту.

— Тэйту! — Черч внимательно на него поглядел.

— Вы его знаете? Он собирает старинные вещи.

— Я его знаю. Я знаю его. — Черч астматически захихикал. — Но сейчас я вижу, что не так уж хорошо его знал. И мне становится его жаль, — Он перестал смеяться и метнул на Рича испытующий взгляд. — Да, конечно. Какой приятный подарок. Именно то, что ему требуется. Револьвер-то заряжен.

— Да ну? Он заряжен?

— Представьте себе. Он заряжен. Пять славненьких таких патрончиков. — Черч снова захихикал

— Пять патрончиков. Гасу в подарок.

Он открыт цилиндрический барабан с пятью гнездами, в которые были вставлены медные патроны. Он посмотрел на патроны, потом перевел взгляд на Рича.

— Пять змеиных зубов получит в подарок Гас.

— Я уже сказал вам, что вы заблуждаетесь, — жестко произнес Рич. — Я прошу вас вырвать эти пять зубов.

Черч с удивлением уставился на него, затем куда-то торопливо вышел и вскоре вернулся назад с инструментами. Он быстро извлек из патронов пули. Потом вставил холостые патроны в барабан и положил револьвер рядом с деньгами.

— Теперь порядок, — сообщил он радостно. — Теперь бедняжке Гасу ничто не грозит.

Он выжидательно посмотрел на Рича. Тот протянул к прилавку руки. Одной он пододвинул деньги к Черчу, другой — потянул к себе револьвер. В то же мгновение с Черчем произошла новая перемена. Веселенький сумасшедший исчез. Будто железными когтями, схватил он Рича за руки и, перегнувшись через прилавок, жарко заговорил.

— Нет, Бен. — Он первый раз назвал его по имени. — Нет, нет. Мне не такая нужна плата. Вы

это знаете. Знаю, что знаете, и ваша малахольная песенка не может помешать мне это знать.

— Пусть так, — спокойно сказал Рич, не выпуская револьвера из руки. — Назначьте вашу цену. Сколько?

— Я хочу быть восстановленным в правах, — сказал щупач, — Хочу вернуться в лигу. Хочу снова стать живым. Вот моя цена.

— Чем я могу вам помочь? Я не щупач, не член лиги.

— И все-таки можете, Бен. Вы много чего можете. Можете повлиять на лигу. Добиться, чтобы меня восстановили.

— Это невозможно.

— Вы можете подкупить, запугать, шантажировать… можете подольститься, вскружить голову, очаровать… Сделайте это, Бен. Сделайте ради меня. Помогите мне. Я ведь помог вам однажды.

— За вашу помощь я с вами расплатился сполна.

— А я? Чем расплатился я? — взвизгнул щупач. — Я расплатился своей жизнью.

— Вы своей глупостью расплатились.

— Ради бога, Бен. Помогите мне. Помогите или убейте меня. Я ведь и так все равно что покойник. Просто не хватает смелости покончить с собой.

Рич помолчал и вдруг грубо сказал:

— Я думаю, самоубийство для вас — лучший выход, Джерри.

Щупач отпрянул, будто в него ткнули раскаленной головешкой. Остекленевшим взглядом он уставился на Рича.

— Ну, назовите же вашу цену, — сказал Рич.

Черч, примерившись, не спеша плюнул на кучку соверенов и с ненавистью посмотрел на Рича.

— Возьмите его даром, — сказал он, повернулся и исчез в сумраке погреба.

Глава 4

Нью-йоркский вокзал Пенсильвания до того, как он почему-то был разрушен в конце XX столетия (смутный период, о котором мало что можно узнать), посещали миллионы пассажиров. Никому из них не приходило в голову, что вокзал осуществляет связь времен. А между тем внутри он представлял собой точную копию знаменитых бань Каракаллы в Древнем Риме. То же самое можно было сказать и о вместительном особняке, принадлежащем мадам Марии Бомон, более известной среди сотен ее интимнейших врагов в качестве Золоченой Мумии.

Спускаясь вниз по эскалатору в восточной части дома с доктором Тэйтом под боком и убийством, притаившимся в кармане, Бен Рич, как чуткая струна, отзывался на все убыстряющееся стаккато своих чувств. Толпа гостей внизу… Блеск мундиров, туалетов, сверкающая кожа и пастельные пучки лучей, падающие от торшеров, раскачивающихся на тонких ножках…

Три, четыре — горячо.

Слышатся голоса, музыка, возгласы, отзвуки…

И когда сказал «четыре», получил синяк под

глаз…

Восхитительное попурри тел и запахов, еды, вина, мишурного блеска…

Три, два, раз!

Мишурный убор смерти… Вернее того, чего — свидетель бог — уже семьдесят лет никому не удавалось осуществить. Забытое искусство… Забытое, как алхимия, умение отворять кровь, делать операции с помощью скальпеля.

Я верну людям смерть. Не жалкий акт уничтожения себе подобных, наскоро осуществленный в приступе ярости, а здравое, расчетливое, преднамеренное, хладнокровное…

— Богом вас заклинаю, — прошипел Тэйт. — Осторожнее. Убийство так и прет из вас.

Три, два, раз! А ну еще! Три, четыре — горячо…

— Вот то-то. К нам направляется один из эспер-секретарей. Он выслеживает тех, кто здесь без приглашения. Пойте дальше.

Секретарь Марии, тонкий и стройный юноша, весь порыв, подстриженные золотистые волосы, лиловая блуза, брыжи с воланами.

— Доктор Тэйт! Мистер Рич! Я немею. Буквально немею. Я не нахожу слов. Входите же! Входите!

Три, четыре — горячо…

Мария Бомон, рассекая толпу, тянулась к нему

руками, глазами, обнаженным бюстом, — пневматическая операция превратила ее тело в несколько преувеличенное подобие индийской статуи: раздутые бедра, раздутые икры, раздутые позолоченные груди. Будто раскрашенная фигура на носу корабля порнографии, подумал Рич, знаменитая Золоченая Мумия.

— Бен, голубчик мой, — воскликнула она, заключая его в мощные пневматические объятия и прижимая к себе его руку, — как все это поэтично!..

— Как все это хирургично! — прошептал он ей на ухо.

— А что твой миллион? — еще не выскользнул из рук.

— Поосторожнее, бедовый мой любовничек. Этот прелестный бал у меня весь до капелюшечки записывается.

Рич искоса взглянул на Тэйта.

Тэйт одобрительно кивнул.

— Ну, иди там пообщайся, — сказала Мария. Она взяла его за руку — У нас с тобой еще уйма времени впереди.

Под крестовым сводом потолка люстры загорелись другим светом, и весь спектр зала сразу переменился. Изменили цвет костюмы. Отсве-

чивающие розовым перламутром тела излучали теперь призрачное сияние.

С левого фланга Тэйт подал предупредительный сигнал. Внимание! Опасность! Опасность! Опасность!

Смотри в оба, смотри в оба! И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз. Три, четыре! Три, два, раз! Трамм!

Мария знакомит с ним еще одного среднеполого — весь порыв, подстриженные волосы, пурпурная блуза, голубые прусские брыжи с воланами.

— Это Ларри Ферар, Бен. Мой второй секретарь. Ларри умирает от желания с тобой познакомиться.

Три, четыре — горячо…

— Мистер Рич! Я счастлив! Я не нахожу слов.

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

Рич одарил юношу улыбкой, и тот удалился. Тэйт одобрительно кивнул Ричу, все еще продолжая прикрывать его защитным кольцом. Снова переменились огни в люстрах. Часть туалетов на гостях как бы растаяла. Рич, который отрицательно отнесся к моде вставлять в одежду ультрафиолетовые оконца, был в полной без-

опасности в своем непроницаемом костюме и с гадливостью наблюдал, как другие торопливо шарят глазами в толпе, высматривая, сравнивая, вожделея.

Тэйт сигнализировал: опасность! Опасность! Опасность!

Ах ты, камбала, не вобла…

Рядом с Марией возник секретарь.

— Мадам, — пролепетал он, — маленький конфуз.

— В чем дело?

— Юный Червил. Гален Червил.

У Тэйта вытянулось лицо.

— Ну и что такое с ним? — Мария поискала в толпе глазами.

— Слева от фонтана. Он здесь без приглашения, мадам. Я его прощупал. Он — студент колледжа. Побился об заклад, что проберется на бал незваным. В доказательство хочет похитить вашу фотокарточку.

— Мою карточку! — Мария с интересом глянула в оконца на костюме молодого Червила, — А что он обо мне думает?

— Видите ли, мадам, его очень трудно зондировать. Мне кажется, что он не прочь похитить у вас кое-что еще, кроме фотокарточки.

— Да что вы! — умилилась Мария.

— Это так, мадам. Прикажете его вывести?

— Нех — Мария бросила еще один взгляд на стройного юношу. — Он получит доказательство.

— Не прибегая к краже, — сказал Рич.

Мария пискнула:

— Ревнует! Ревнует! Ну а теперь прошу к столу.

Тэйт встревоженно поманил Рича, и тот поспешно отошел вместе с ним в сторону.

— Рич, сегодня ничего не выйдет.

— Это еще почему?

— Здесь молодой Червил.

— Ну и что же?

— Он эспер второй ступени.

— А, черт!

— У этого юнца не полетам блестящие способности… В прошлое воскресенье я видел его у Пауэла. Мария Бомон не приглашает щупачей на свои вечеринки. Я на это и рассчитывал. Меня самого пустили только из-за вас.

— И надо же, чтобы этот чертов щупачонок пролез сюда без приглашения. Такая дрянь.

— Будьте благоразумны, Рич.

— А может быть, он до меня не доберется?

— Рич, я могу блокировать вас от секретарей.

У них всего лишь третья ступень. Но я не могу ручаться, что плюс к ним сумею справиться еще и с эспером-два… пусть даже совсем зеленым. Он, конечно, еще мальчишка. От волнения может запутаться. Но я не отвечаю ни за что.

— Я не отступлюсь, — отрезал Рич. — Я не могу. Такого случая больше не подвернется. И даже если бы была возможность попытаться еще раз, я не стал бы тянуть. Сил нет. Я нюхом чувствую этого вонючего де Куртнэ. Я…

— Рич, вы же не сможете…

— Не спорые. Я решил довести дело до конца. — Рич яростно взглянул прямо в испуганное лицо Тэйта. — Я знаю, что вам хочется найти лазейку и улизнуть, но ничего у вас не выйдет. Мыв этом деле так увязли, что вам от меня не избавиться вплоть до самого конца, до Разрушения.

Спрятав за ледяной улыбкой перекосившую его лицо злобную мину, Рич присоединился к хозяйке, которая уже устроилась на одной из кушеток, расставленных вдоль столов.

На пиршествах такого рода все еще сохранился обычай каждой парочке кормить друг друга. Порожденный восточной учтивостью и восточным гостеприимством, обычай этот выродился в эротическую игру. Пишу слизывали друг у друга

с пальцев языком, часто передавали из уст в уста. Таким же образом поили вином. Сладостями угощали еще более интимным способом.

Рич, которого смертельно раздражали эти штучки, с нетерпением ждал Тэйта. Тэйт должен был определить, в какой части дома прячется де Куртнэ. Крошка щупач сновал между гостей, принюхиваясь, приглядываясь и примериваясь, но, вернувшись в конце концов к Ричу, отрицательно покачал головой и указал на Марию Бомон. Во всем зале, конечно, одна только Мария знала, где де Куртнэ, но разве к ней подступишься, когда она так взбудоражена от сладострастия. В бесконечном ряду препятствий, преодолеть которые должен был инстинкт убийцы, появилось новое. Рич встал и зашагал к фонтану. Тэйт бросился ему наперерез.

— Что вы хотите делать, Рич?

— А разве вам не ясно? Вышибить молодого Червила у нее из башки.

— Как вы это сделаете?

— Есть только один способ.

— Ради бога, Рич, не приближайтесь к нему.

— Отойдите.

Волна необузданной воли, налетев на Тэйта, отшвырнула его прочь. Он стал в ужасе анализи-

ровать, и Рич попробовал взять себя в руки.

— Это, конечно, риск, но не такой уж страшный, как вы думаете. Прежде всего, он молод и зелен. Во-вторых, он здесь без приглашения и трусит. В-третьих, он, наверное, еще не насобачился в ваших делах, если эсперы на побегушках так быстро его нащупали.

— Умеете вы контролировать свое сознание? Как у вас получается процесс параллельного мышления?

— С меня хватит этой песни. Слишком много хлопот, чтобы развлекаться параллельным мышлением. Займитесь Марией и не путайтесь у меня под ногами.

Червил ел в одиночестве возле фонтана, довольно неловко пытаясь изобразить, что он тут свой человек.

— Пим, — сказал Рич.

— Пом, — сказал Червил.

— Бим, — сказал Рич.

— Бам, — сказал Червил.

После этой «разминки», с которой модно было начинать любой непринужденный разговор, Рич уселся рядом с юношей.

— Я — Бен Рич, — сказал он.

— Я — Галли Червил. То есть… Гален. Я… — На

молодого Червила явно произвела впечатление фамилия его собеседника.

И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз.

— Вот идиотская песня, — проворчал Рич. — На днях ее услышал и никак не отделаюсь. Мария знает, что вы заяц, Червил.

— Знает?

Рич кивнул.

Получил синяк под глаз…

— Значит, я должен смываться?

— А фотография?

— Вы и об этом знаете? В доме, наверное, есть щупач.

— Целых два. Секретари хозяйки. Их обязанность — выслеживать таких господ, как вы.

— Я.

— Как же мне быть с фотографией, мистер Рич? Я на нее поставил пятьдесят кредиток. Вы должны понимать, что такое пари. Ведь вы сами игр… мм… финансист.

— Небось рады, что я не щупач? Я не обиделся, не беспокойтесь. Видите ту арку? Пройдите через нее и сразу же направо. Там будет кабинет. Все стены в нем увешаны фотопортретами Марии, заключенными в синтетические камни. Позаим-

ствуйте один, а Мария его никогда и не хватится.

Юноша вскочил, рассыпав еду.

— Спасибо, мистер Рич. Когда-нибудь я, в свою очередь, окажу вам услугу.

— Каким образом?

— Вы ни за что не догадаетесь, ведь я… — Гален прикусил язык и покраснел, — Там увидите, сэр. Еще раз спасибо. — Огибая столики, Гален заторопился к арке.

Три, два, раз, — а ну еще!..

Рич вернулся к хозяйке дома.

— Изменник, — сказала она, — Кого ты там кормил? Я ей глаза выцарапаю.

— Молодого Червила, — ответил Рич. — Он меня спрашивал, где ты держишь свои фото.

— Бен! Неужели ты сказал ему?

— Ага. — Рич усмехнулся. — Он туда уже навострил лыжи. А потом смотается. Я ведь ревнивый, ты знаешь.

Мария вскочила и понеслась к кабинету.

— Есть такое дело, — сказал Рич.

К одиннадцати часам гости до того взвинтились, потчуя друг дружку, что жаждали только уединения и темноты. Мария Бомон никогда не обманывала ожиданий своих гостей, и Рич надеялся, что она и в этот раз не отступит от правил.

По его расчетам, Мария непременно должна была затеять игру в «сардинки». Он в этом уже совсем не сомневался, когда из кабинета вышел Тэйт, принесший точные данные о местонахождении де Куртнэ.

— Не представляю, как это вам удалось себя не выдать, — шепотом сказал Тэйт. — Вы излучаете жажду крови на всех телепатических волнах. Он здесь. Один. Без слуг. При нем только два человека охраны, которых предоставила ему Мария. Экинс был прав. Де Куртнэ в самом деле очень серьезно болен.

— Ничего, я его вылечу. Где он?

— Выйдите из зала через Западную арку. Поверните направо и поднимитесь по лестнице вверх. Пройдите по крытому переходу и снова сверните направо. Там будет картинная галерея. Дверцу между полотнами, изображающими «Соблазнение Лукреции» и «Похищение сабинянок»…

— Какие удачные ориентиры!

— Дверцу откроете. За ней будет небольшая лестница, ведущая в прихожую. В прихожей охрана, дальше — де Куртнэ. Это покои для новобрачных, построенные еще дедом нашей хозяйки.

— Для новобрачных? Бог ты мой, вот и пре-

красно. Я обручу его со смертью! А сам выйду сухим из воды, Да, да, малютка Гас, выйду, не сомневайтесь.

Мария что-то собиралась сообщить гостям. Облитая розовым светом, распаренная, красная, она стояла на помосте между двумя фонтанами и хлопала в ладоши, требуя тишины. Хлопки ее потных ладоней отдавались в ушах у Рича громким отзвуком: «Смерть. Смерть. Смерть».

— Слушайте, миленькие мои, слушайте! — вопила Мария. — Сегодня у нас будет очень весело. Мы будем сами себя развлекать.

По рядам гостей пронесся стон, и чей-то пьяный голос выкрикнул:

— Я просто туристка!

— Не смейте жаловаться, негодники, — продолжала Мария, не дожидаясь, когда смолкнет смех. — Мы будем играть в чудесную старинную игру, и играть в нее мы будем в темноте.

Освещение начало меркнуть, толпа оживилась. Лампы гасли одна за другой, и только помост по-прежнему был залит ярким светом. Мария достала потрепанную книжечку — подарок Рича.

…И когда сказал «четыре»…

Мария медленно листала страницы, всматриваясь в непривычный печатный шрифт.

Получил синяк под глаз.

— Эта игра, — провозгласила Мария, — называется «сард инки». Ну не прелесть ли?

Она взяла наживку. Она на крючке. Через три минуты я буду невидим.

Рич пошарил по карманам. Револьвер. Родопсин.

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

— «Один игрок водит», — читала Мария. — Этот игрок буду я. «В доме гасят все огни, и ведущий прячется».

Пока Золоченая Мумия по складам разбирала пояснение к игре, зал погрузился в кромешную тьму, и только на помост все еще падал розовый луч света.

— «Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся «сардинок» и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому», — Мария закрыла книгу. — И, куколки вы мои, нам нужно очень пожалеть бедняжку проигравшего, потому что эту интересную старинную игру мы с вами прелестно подновим.

Стало темнеть и на помосте. Но не успел еще погаснуть свет, как Мария сбросила платье,

обнажив свое удивительное тело — чудо пневматической хирургии.

— Вот как мы будем играть в «сардинки»! — крикнула она.

Погас последний отблеск света. В темноте зала раздались громкие аплодисменты, ликующий хохот гостей, а вслед за тем отовсюду послышался шелест торопливо сбрасываемой одежды. Время от времени раздавался треск порванной материи, досадливое восклицание, и это вызывало новый взрыв смеха.

Рич наконец-то стал невидим. У него было полчаса на то, чтобы проникнуть внутрь дома, разыскать де Куртнэ, убить его и после этого опять присоединиться к играющим. Обязанностью Тэйта было устроить так, чтобы секретари Марии не оказались у него на дороге. Рич мог чувствовать себя свободно. Единственное, что ему угрожало, это молодой Червил. Тут уж ничего поделать было нельзя.

Он пересек главный зал и у Западной арки наткнулся на чьи-то тела. Выйдя из арки, Рич оказался в маленьком концертном зале, и чьи-то руки хватали его, как щупальца осьминога, пытаясь повалить. Затем он преодолел семнадцать ступенек, семнадцать бесконечных ступенек, и

стал пробираться по узкому крытому переходу, обитому велюром изнутри. Вдруг его схватили, на нем повисла какая-то женщина.

— Сардиночка, привет! — прошептала она ему на ухо.

Потом женщина разобрала, что он одет.

— Брр! — фыркнула она.

Ее рука наткнулась на револьвер, лежавший у него в грудном кармане.

— Что это у тебя?

Он оттолкнул ее руку.

— Не теряйся, сардинка, — захихикала женщина. — Вылезай из баночки.

Наконец он от нее избавился, забрел в тупик и расшиб нос, наткнувшись на стену. Выбравшись из перехода, он двинулся направо, открыл дверь и очутился в сводчатой галерее более пятидесяти футов длиной. Здесь тоже были погашены лампы, но подсвечиваемые ультрафиолетовыми прожекторами картины наполняли галерею призрачным светом. В галерее было пусто.

Между мертвенно-синей Лукрецией и ордой сабинянок блестела бронзовая дверца. Остановившись перед ней, Рич достал из заднего кармана слепящую капсулу. Его руки так тряслись, что он еле смог удержать между большим и ука-

зательным пальцами крохотный медный кубик. Ненависть и гнев кипели в нем; он воображал себе корчащегося в смертельной муке де Куртнэ и вновь и вновь упивался этим зрелищем.

— Господи! — воскликнул он. — Если не я, так он. Это ведь он схватил меня за горло. Я только защищаюсь.

Он троекратно вознес мольбы к небу, трижды повторяя каждую:

— Господи, не оставь! Ныне, присно и во веки веков. Не оставь! Не оставь! Не оставь!

Дрожь унялась. Он крепко зажал в пальцах капсулу, потом распахнул бронзовую дверь, и перед ним открылось девять ступенек, ведущих к прихожей брачных покоев. Рич щелкнул по медному кубику ногтем большого пальца с такой энергией, будто намеревался запулить его на луну. В тот миг, когда капсула влетела в прихожую, Рич зажмурился. Полыхнуло холодным пурпурным огнем. Словно тигр, Рич бросился вверх по ступенькам к прихожей. Двое из охраны, обслуживающей особняк «Бомон», словно окаменели на скамейке. Их челюсти отвисли, глаза не видели ничего, сознание отключилось.

Если кто-нибудь войдет, пока он здесь, и обнаружит охранников в таком состоянии, Разрушение

неминуемо. Если охранники очнутся, пока он здесь, Разрушение неминуемо. Чем бы ни кончилась игра, ставка — Разрушение. Оставив за порогом последние крохи благоразумия, Рич толкнул дверь и вошел в брачные покои.

Глава 5

Рич оказался в сферической комнате, напоминавшей сердцевину исполинской орхидеи: золотистая чашечка пола, изогнутые лепестки стен. Все в комнате: стулья, столики, кушетки — тоже было золотое или под цвет лепестков. Но комната была старая, лепестки выцвели и облупились, между стертыми золотыми плитками виднелись щели. На одной из кушеток лежал старик, высохший и хилый, как увядший сорняк. Этот вытянувшийся, будто труп, старик был де Куртнэ.

Рич в гневе хлопнул дверью.

— Неужели сам подох, мерзавец? — вскрикнул он. — Быть этого не может.

Старик привстал, внимательно в него вгляделся, вдруг заулыбался и с усилием поднялся с кушетки.

— Ага, еще живой, — обрадовался Рич.

Де Куртнэ, продолжая улыбаться, шагнул к Ричу, простирая к нему руки, как библейский старец, встречающий блудного сына. Опешивший Рич проворчал:

— Вы что, глухой?

Старик отрицательно покачал головой.

— Вы говорите по-английски! — крикнул Рич. — Вы слышите мои слова? Что вы дурачитесь? Я — Рич. Рич из «Монарха».

Де Куртнэ кивнул, все еще улыбаясь. Его губы беззвучно шевелились. На глазах неожиданно заблестели слезы.

— Что с вами, черт возьми, творится? Я — Бен Рич. Бен Рич! Вы меня знаете? Отвечайте же.

Де Куртнэ снова помотал готовой и указал на свое горло. Он опять зашевелил губами. Послышался какой-то хрип, и тихо-тихо, будто сыплется песок, зашелестели слова:

— Бен… Милый Бен… Так долго ждал… А теперь… Не могу говорить. Горло… Не могу говорить.

Де Куртнэ снова потянулся, чтобы обнять его.

— Фу, черт! Отцепитесь от меня, идиот вы безмозглый!

Рич надвинулся на него, ощетинившись, как хищник; убийство бурлило в его крови.

Де Куртнэ с трудом выговорил:

— Милый Бен…

— Вы знаете, зачем я здесь. Чего же вы мне голову морочите? Хотите обольстить меня? — Рич рассмеялся. — Ловкач. Неужели вы подумали,

что я размякну от вашего маразматического хлюпанья?

Он размахнулся и влепил де Куртнэ пощечину. Старик отлетел от удара назад и свалился в красное, как рана, кресло — лепесток багровой орхидеи.

— Послушай, ты! — Рич подошел к де Куртнэ вплотную и, нагнувшись над ним, стал бессвязно кричать: — Я жду расплаты много лет. Я хочу получить чистоганом, а ты подсовываешь мне Иудин поцелуй. А может быть, убийцам тоже подставляют другую щеку? Если да, то обнимемся, брат душегуб. Облобызаем смерть. Возлюбим ее. Да пребудет на нас благочестие, и позор, и кровь, и… Нет. Постой. Я…

Он замолк и по-бычьи затряс головой; исступление давило его, как тугой недоуздок сдавливает шею быка.

— Бен, — в ужасе прошептал де Куртнэ, — послушай, Бен…

— Десять лет ты держишь меня за горло. Мы друг другу не мешали, ты и я, «Монарх» и де Куртнэ. Нам не было тесно ни во времени, ни в пространстве, но тебе хотелось моей крови. Хотелось слопать меня. Угробить. Хотелось все прибрать к своим поганым загребущим лапам.

Человек Без Лица!

Де Куртнэ недоуменно покачал головой.

— Нет, Бен, нет…

— Какой я тебе Бен? Тоже мне друг-приятель нашелся! На той неделе я предоставил тебе последний шанс с достоинством выбраться из этой грязи. Я, Бен Рич. Я просил о согласии. Я умолял тебя покончить дело миром, стать моим компаньоном. Умолял, как перепуганная истеричка. Отец, будь он жив, в лицо бы мне плюнул. Да и не только он. У нас в роду такого срама еще не было. И все же я просил тебя о мире. Так? Так или нет? — в бешенстве допытывался он у де Куртнэ. — Отвечай!

Побелевший от страха де Куртнэ ошеломленно глядел на него. Наконец он прошептал:

— Да. Ты просил, я согласился.

— Что ты сделал?

— Согласился. Я ждал этого столько лет. Конечно, согласился.

— Ах, ты согласился!

Де Куртнэ кивнул головой. Его губы беззвучно выговорили буквы: WWHG.

— Что ты там лопочешь? WWHG? И это значит «согласился»?

Старик снова кивнул.

Рич расхохотался.

— Жалкий старый лгун! Это отказ. Решительный и окончательный отказ. Объявление войны.

— Нет, Бен…

Протянув руку, Рич рывком поставил де Куртнэ на ноги. И хотя старик так исхудал, что стал легким как перышко, Ричу почему-то показалось, что на его руке повис невыносимо тяжкий груз, а прикосновение к коже де Куртнэ обожгло ему пальцы.

— Что ж, значит, война? Война и смерть?

Качая головой, де Куртнэ пытался что-то объяснить ему знаками.

— Ты сам отверг сотрудничество. Ты отверг мир. Значит, остается смерть. Таков твой выбор.

— Бен… Нет.

— Ты согласишься на мои условия?

— Да, — прошептал де Куртнэ. — Да, Бен. Да.

— Ты лгун. Ты жалкий старый лгун. — Рич засмеялся. — Но ты опасный тип. Я тебя раскусил. Вон какой придумал фокус. Изображаешь слабоумного, а простаки на это ловятся. Только меня не поймать. Ни за что не поймать…

— Я не… враг тебе, Бен.

— Это верно, — отрезал Рич. — Ты больше мне не враг, ты — покойник. С того мгновения, как

я вошел в этот цветочный гроб, ты — покойник. Человек Без Лица! Ты в последний раз слышишь мой крик. Тебе конец!

Рич выхватил из кармана револьвер. Нажал на кнопку, и оружие раскрылось, будто расцвел стальной цветок. Де Куртнэ тихо застонал и в ужасе попятился. Рич подошел к нему, схватил, зажал в тиски. Де Куртнэ дергался, тщетно пытаясь освободиться, и умоляюще смотрел ему в лицо остекленевшими, слезящимися глазами. Рич запрокинул его голову. Чтобы осуществить свой план, он должен был выстрелить прямо в рот де Куртнэ.

В это мгновение в комнату влетела полуодетая дама. Ошеломленный Рич увидел за нею коридор и в конце его открытую дверь спальни. Девушка едва успела второпях набросить серебрящийся, как иней, шелковый халатик, ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга… Ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась к де Куртнэ. Не отпуская старика, Рич быстро заслонил его. Девушка остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом вдруг, вскрикнув, бросилась к ним сбоку. Мгновенно обернувшись, Рич со страшной яростью занес над

ней стилет. Девушка ускользнула от удара, но не могла теперь приблизиться к ним: ей мешала кушетка. Рич просунул кончик стилета между зубами старика и разжал его челюсти.

— Нет! — крикнула девушка. — Не надо! Ради всего святого! Папа!

Ей удаюсь выбраться из-за кушетки, и она снова к ним подбежала. Рич сунул дуло револьвера в рот де Куртнэ и спустил курок. Раздался приглушенный взрыв, и из затылка де Куртнэ с силой выбросило сгусток крови. Рич выпустил из рук обмякшее тело старика, бросился к девушке и схватил ее. Она вырывалась, кричала.

Внезапно закричал и Рич. Страшная судорога свела его тело, и он не мог удержать девушку. Она упала на колени и поползла к отцу. Застонав, как от боли, девушка вытащила револьвер, все еще торчащий у него изо рта. Потом она прильнула к вздрагивающему телу старика и застыла молча, пристально вглядываясь в его восковое лицо.

Рич с усилием глотнул воздух и, сжав кулаки, так сильно ударил друг о друга костяшками пальцев, что стало больно. Когда шум в ушах немного стих, он двинулся к девушке, пытаясь собраться с мыслями и на ходу перестроить свой план. Ему и в голову не приходило, что здесь окажется дочь

де Куртнэ. Никто о ней ни разу не упомянул. Паршивец Тэйт! Девчонку придется убить. Ему…

Девушка обернулась и метнула на него взгляд, полный панического ужаса. Опять ударом молнии сверкнула ее дикая краса: желтые волосы, темные глаза и брови. Она вскочила, увернулась от его все еще непослушных рук, подбежала к инкрустированной драгоценностями двери и, распахнув ее, выбежала в прихожую. Дверь захлопнулась не сразу; Рич успел увидеть оцепеневших на скамье охранников и девушку, которая молча сбегала вниз по ступенькам, унося в своих руках револьвер… унося Разрушение.

Рич пришел в себя. Кровь опять пульсировала в его жилах. Тремя огромными прыжками он добрался до двери, вихрем вылетел из прихожей, скатился с лестницы и очутился в картинной галерее. В галерее было пусто, но он успел увидеть, как затворяется дверь, ведущая в крытый переход. Девушка по-прежнему бежала молча. Она не подняла тревоги. Сколько времени еще пройдет, прежде чем она всполошит своим криком весь дом?

Рич пронесся по галерее и вбежал в крытый переход. Там по-прежнему стоял кромешный мрак. Он, спотыкаясь, ощупью добрался до противопо-

ложной двери, вышел на площадку, которая вела в концертный зал, и опять остановился. В доме ни звука. Все спокойно.

Рич спустился по ступенькам. Ему было жутко в этом безмолвном мраке. Почему она не кричит? Где она?

Рич вышел из Восточной арки и по тихому плеску фонтанов определил, что он находится в конце большого зала. Где же девушка? Где прячется она в этом непроницаемо-черном безмолвии? А револьвер? О господи! Если найдут револьвер, ему не удастся сбить с толку полицию.

Кто-то тронул его за руку. Рич дернулся как ошпаренный. Он услышал шепот Тэйта:

— Я вас все время прикрывал. У нас ушло ровно…

— Сукин ты сын! — взорвался Рич — С ним была дочка. Какого дьявола…

— Тихо! — цыкнул на него Тэйт — Я это сейчас прощупаю. Не мешайте.

— Боже мой, — заскулил Тэйт испуганным голосом. — Господи боже мой…

Его испуг подействовал на Рича как катализатор. К нему вернулось самообладание. Ом снова мог думать.

— Заткнитесь! — буркнул Рич. — Пока еще вам

не грозит Разрушение.

— Нужно убить и ее тоже, Рич. Вам нужно…

— Заткнитесь! Сперва разыщите ее. Обшарьте весь дом. Вы уже извлекли из моего сознания ее приметы. Найдите ее. Я буду ждать у фонтана. Мигом!

Он оттолкнул от себя Тэйта и, неуверенно ступая в темноте, подошел к фонтану. Перегнувшись через выложенный яшмой край фонтана, Рич обмыл свое разгоряченное лицо. Оказалось, что из фонтана бьет не вода, а бургундское. Рич вытер лицо, не обращая внимания на глухую возню с другой стороны фонтана. Несомненно, там кто-то купался в вине, то ли один, то ли в компании.

Рич лихорадочно соображал. Девчонку найти и убить. Если револьвер все еще у нее, то убить, конечно, так же, как ее отца, — из револьвера. А если его нет? Как поступить? Задушить ее? Нет… утопить в фонтане. Она ведь совершенно голая под этим шелковым халатиком. Халатик сбросить. Когда обнаружится труп, все подумают, что это одна из приглашенных, чересчур увлекшаяся хмельной ванной. Но ему нужно спешить… спешить… спешить… Успеть, пока не кончится эта дурацкая игра в «сардинки». Куда девался Тэйт? Где девушка?

Спотыкаясь в темноте и тяжело дыша, подошел Тэйт.

— Ну?

— Ее нет в доме.

— Вы подозрительно быстро вернулись.

— Подозревайте кого угодно, только не меня. Зачем мне вас обманывать? В доме нет никого с такими данными. Она ушла.

— Ее кто-нибудь видел?

— Нет.

— Господи! Где же ее искать?

— Нам тоже следовало бы уйти.

— Это, конечно, так, но сбежать, не попрощавшись, мы не можем. Разумеется, нам нужно как можно скорее приняться за поиски. И все же мы должны уйти из дома так, чтобы это никому не показалось странным. Где Золоченая Мумия?

— В кинозале.

— Смотрит передачу?

— Нет, они еще не кончили играть в «сардинки». Их там как сельдей в бочке. Собрались уже все, кроме нас с вами.

— В одиночестве бродящих по темному дому. Ну что же. пора и нам примкнуть к большинству.

Он крепко сжал дрожащий локоть Тэйта и поташил щупача в кинозал. На ходу он выкрикивал

жалобным голосом:

— Э-э-эй!.. Где вы там прячетесь? Мария! Мария! Где вы прячетесь?

Тэйт истерически всхлипнул. Рич грубо его встряхнул.

— Не раскисать! Через пять минут мы выберемся отсюда. Тогда волнуйтесь на здоровье.

— Но если нас задержат, мы не сможем разыскать эту девушку. И тогда…

— Нас не задержат. Смелость, дерзость, целеустремленность. Вот три кита, Гас, на которых все стоит.

Рич распахнул дверь в зал. Здесь было жарко от множества скопившихся в комнате тел, но так же темно, как и всюду.

— Эй! — крикнул Рич, — Где вы попрятались? Никого не могу найти.

Молчание.

— Мария, долго мне бродить тут в темноте?

Послышался бессвязный приглушенный говор, потом смех.

— Ах ты мой бедненький! — воскликнула Мария. — Все самое интересное-то пропустил.

— Мария, где ты? Я пришел попрощаться.

— О, не уходи еще.

— Уже поздно, дорогая. Не могу. Завтра с утра

я должен околпачить одного приятеля. Где ты там, Мария?

— Поднимись на сцену, миленький мой.

Рич прошел по проходу, нащупал ступеньки и поднялся на сцену. Спиной он ощутил холодное прикосновение проекционного шара. Кто-то крикнул:

— Порядок. Теперь он попался. Свет!

Белый поток света залил экран, ослепив Рича. Расположившиеся в креслах вокруг сцены гости сперва было загоготали, но, разглядев его, возмущенно взвыли.

— Бен, ты обманщик, — возмутилась Мария. — Так нечестно, ты одет. Знаешь, как мы тут застукали всех остальных? Это же сказка!

— В другой раз расскажешь, моя прелесть. — Рич вытянул руку, готовый склониться в изящном прощальном поклоне. — Мое почтение, мадам. Благодарю за…

Он вдруг осекся, потрясенный. На его ослепительно белой кружевной манжете гневно загорелось красное пятно. Не в силах вымолвить ни слова, Рич глядел, как рядом с первым появилось второе пятно, потом третье. Он отдернул руку, и красная капля шлепнулась на пол перед ним, а вслед за тем неумолимо и медленно одна за

другой посыпались сверкающие алые капельки.

— Это кровь! — завизжала Мария, — Кровь! Там наверху кто-то истекает кровью. Ради бога, Бен… Не можешь же ты меня бросить в такой момент. Свет! Свет! Скорей зажгите свет!

Глава 6

В 12.30 ночи аварийный полицейский патруль прибыл в особняк Марии Бомон, получив из местного участка извещение: «GZ Бомон YLP — R», что означало «Есть сведения, что по адресу Бомон-Хаус, 9, Парк-Саут, произошло нечто противозаконное».

В 12.40 патруль доложил: «Акт криминального характера, возможно, уголовное преступление 3-А», после чего в Бомон-Хаус выехал из местного участка капитан полиции.

В час пополуночи в Бомон-Хаус прибыл Линкольн Пауэл, срочно вызванный взволнованным помощником инспектора.

— Уверяю вас, Пауэл, что это преступление Три-А. Готов поклясться. У меня просто дух захватило. Я уж не знаю, радоваться мне или дрожать, но одно несомненно — с этим делом никому из нас не справиться.

— Что же вас так напугало?

— Судите сами. Убийство — это отклонение от нормы. Насильственно оборвать жизнь себе подобного способен только человек с деформированным душевным строем, что неизбежно

отражается и на его телепатических приметах, ведь так?

— Да.

— По этой причине уже больше семидесяти лет никому не удавалось осуществить Три-А В наше время невозможно оставаться незамеченным, замышляя убийство. Человек с искаженным душевным строем так же бросается в глаза, как, скажем, если б он имел три головы. Вы, щупачи, выуживаете их задолго до того, как они что-нибудь предпримут.

— Мы пытаемся это делать… В тех случаях, когда сталкиваемся с ними лично.

— Ну знаете ли, сейчас на каждом шагу развелось такое множество щупаческих рогаток и фильтров, что человеку, ведущему нормальный образ жизни, невозможно сквозь них проскочить. Для этого нужно быть отшельником. Но отшельники никого не убивают.

— И то правда.

— В данном случае имело место тщательно подготовленное убийство, а убийцу никто не заметил. О нем никто ни разу нам не сообщил. В том числе даже эспер-секретари Марии Бомон. Отсюда можно сделать вывод, что замечать было нечего. Патологический душевный строй, ис-

каженный до такой степени, что человек стал убийцей, почему-то не отразился на его телепатемах. Вот парадокс, который, черт возьми, я не в силах решить.

— Понятно. Что вы намерены сделать?

— В этом деле чертова гибель неувязок, с них и надо начать. Во-первых, мы не знаем, чем убит де Куртнэ. Во-вторых, исчезла его дочь. В-третьих, кто-то обокрал охранников де Куртнэ ровно на час жизни, и мы понятия не имеем, каким образом это сделано. В-четвертых…

— Достаточно и трех… Я еду.

Большой зал Бомон-Хауса залит резким белым светом. Повсюду мундиры полицейских. Суетливые, как жуки, снуют эксперты в белых халатах. Гостей (уже одетых) собрали в середине зала, и они мечутся, как стадо перепуганных быков на бойне.

Скользя вниз по восточному эскалатору, Пауэл, высокий, стройный, в черном смокинге с белой манишкой, уже с первых секунд ощутил хлынувшую на него волну неприязни. Он торопливо бросил находившемуся в зале Джексону Беку, полицейскому инспектору-2:

— *Как ситуация, Джекс?*

— *Сложная.*

И тут же, перейдя на неофициальный арго полицейских, созданный на искаженной семантической и образной основе и системе персональных символов, Бек добавил:

— Осторожней. Здесь есть щупачи.

После чего за микродолю секунды познакомил Пауэла с обстоятельствами.

— Ясно. Дело дрянь. Что это все они сгрудились посреди зала? Вы затеваете представление?

— Да. Злодей и избавитель.

— Это необходимо?

— Здесь одни подонки. Избалованные. Распущенные. Помощи от таких ждать нельзя. Что-то узнать от них можно только хитростью, и в данном случае игра стоит свеч. Я буду злодеем. Вы их избавителем.

— Одобряю. Молодец. Хороший план.

На середине спуска Пауэл приостановился. Он сурово сжал губы. Глубокие темные глаза уже не светились дружелюбием. На лице появилось возмущенное выражение.

— Бек! — рявкнул он, и его голос эхом прогремел по залу. Наступила мертвая тишина. Все взгляды обратились к нему.

Инспектор Бек сердито повернулся к Пауэлу и с вызовом ответил:

— Здесь, сэр.

— Это вы тут распоряжаетесь, Бек?

— Да, сэр.

— Любопытные у вас, однако, представления о том, как вести следствие. Сгоняете гуртом, будто скотину, пи в чем не повинных людей.

— Нечего сказать, неповинные, — огрызнулся Бек. — Эти ни в чем не повинные человека убили.

— Все эти люди, Бек, невиновны. До тех пор, пока не будет выяснена истина, всех присутствующих здесь вы должны считать ни в чем не повинными и обращаться с ними со всей возможной учтивостью.

— Что? — фыркнул Бек. — С этой бандой лжецов? Учтиво обращаться? С этим великосветским быдлом, сволотой, погаными гиенами…

— Да как вы смеете? Сейчас же извинитесь.

Бек засопел и свирепо сжал кулаки.

— Инспектор Бек, вы меня слышите? Немедленно извинитесь перед этими леди и джентльменами.

Бек бросил взгляд на Пауэла и повернулся к гостям, которые во все глаза таращились на эту сцену.

— Прошу прощения, — буркнул он.

— И зарубите себе на носу, Бек, — грозно добавил Пауэл. — Если что-нибудь подобное повторится, я вас разжалую. Из грязи вылезли и снова плюхнетесь туда же. Ну а теперь убирайтесь и не показывайтесь мне на глаза.

Пауэл спустился в зал и улыбнулся гостям. В один миг он вновь преобразился. Нечто неуловимое в его манерах наводило гостей на мысль, что в душе он такой, как они. Даже в его произношении чуть проскальзывало модное пришепетывание.

— Леди и джентльмены, разумеется, каждого из вас я знаю в лицо. Но поскольку сам я не столь знаменит, позвольте представиться вам — Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела. Префект, да к тому же еще парапсихологический отдел. Не правда ли, какой старомодный титул? Пусть он не смущает вас. — Пауэл направился к хозяйке дома, приветливо протянув руку. — Дорогая мадам Мария, какое волнующее завершение изысканного вечера. Я всем вам завидую. Вы войдете в историю.

Гости оживились, по их рядам пробежал довольный ропот. Мрачная туча враждебности рассеивалась. Мария, машинально охорашиваясь, словно зачарованная взяла его руку.

— Мадам… — Он смутил и растрогал Марию,

с отеческой нежностью запечатлев на ее лбу поцелуй. — Очень вам сочувствую. Эти мужланы в полицейских мундирах были, конечно, несносны.

— Ах, дорогой префект! — С доверчивостью ребенка Мария уцепилась за его руку. — Я так напугалась.

— У вас в доме найдется тихая комната, где мы все могли бы устроиться и посидеть, пока не завершится эта тягостная процедура?

— Да, конечно. Мой кабинет, дорогой префект Пауэл.

Мария так вошла в роль милой крошки, что начала картавить.

Махнув рукой стоящим сзади полицейским, Пауэл щелкнул пальцами и приказал тут же выступившему вперед капитану:

— Проводите мадам и ее гостей в кабинет. Караульных не ставить. Леди и джентльмены должны чувствовать себя вполне свободно.

— Мистер Пауэл, сэр… — Капитан откашлялся. — По поводу гостей мадам. Один из них прибыл сюда уже после того, как было сообщено о преступлении. Частный поверенный, мистер 1/4мэйн.

Пауэл разыскал среди гостей Джо 1/4мэйна,

эспер-поверенного-2, и послал ему телепатический привет.

— Джо?

— Он самый.

— Что вас провело в этот гадюшник?

— Дело. Меня вызвал кли(Бен Рич)ент.

— Эта акула? Очень подозрительно. Останьтесь здесь вместе с ним. Произведём разведку.

— Здорово вы все это изобразили с Беком.

— Чтоб вам пусто было! Разгадали наш жаргон?

— Какое там! Просто я знаю вас обоих. Добрейший Бек в роли зверюги-полисмена, это же цирк.

Бек, с угрюмым видом удалившийся в конец зала, подал оттуда реплику:

— Не выдавайте нас, Джо.

— Вы что, сума сошли? — обиделся 1/4мэйн.

Обращаться к нему с такой просьбой было все равно что призывать его не втаптывать в грязь святая святых Эспер-лиги. От 1/4мэйна с такой силой рванило негодованием, что Бек усмехнулся.

Все это произошло в течение одной секунды, а Пауэл в это время, запечатлев на лбу Марии еще один невинный поцелуй, мягко освободился от ее трепетно уцепившейся за него ручки.

— Леди и джентльмены, мы встретимся в ка-

бинете.

Сопровождаемая капитаном толпа гостей повалила к дверям.

Снова слышалась оживленная болтовня. Трагедия принимала облик захватывающе-увлекательной новой игры. В плеске голосов и смеха Пауэл вдруг наткнулся на железную решетку непроницаемого телепатического блока. Он узнал ее тотчас же и позволил себе не скрыть удивления.

— *Гас! Гас Тэйт!*

— *О! Добрый вечер, Пауэл.*

— *Что вы здесь притаились?*

— *Гас?* — встрепенулся Бек. — *Гас здесь? Как это я его не осалил?*

— *Какого дьявола вы прячетесь?*

Хаотический ответ, в котором перемешались злость, досада, боязнь за свою репутацию, самоуничижение, стыд…

— *Отключитесь, Гас. Ваша телепатема блокирована обратной связью. И чего вы так разволновались? Вам не повредит, что вы оказались причастны к скандалу. Напротив. Это придаст вам человечности. Помогите мне немного. Хотя вы так трясетесь, что, чует мое сердце, помощи от вас я не дождусь.*

Когда зал освободился, Пауэл оглядел трех оставшихся. Джо 1/4мэйн был плотный, крепкий, грузный, с блестящей лысиной и грубоватым добродушным лицом. Крошка Тэйт — нервозный, возбужденный… больше, чем обычно.

И наконец, пресловутый Бен Рич. Пауэл видел его впервые. Высокий, широкоплечий, решительный. Из него ключом бьют обаяние и сила. Сила, в общем-то, добрая, но подпорченная привычкой властвовать. У него хорошие глаза, красивые и проницательные, а вот губы, пожалуй, слишком тонкие и чувственные. Привлекательный человек, но есть в нем что-то темное, отталкивающее.

Пауэл улыбнулся ему. Рич улыбнулся тоже. Их руки встретились в рукопожатии.

Пауэл спросил:

— Вы всех обезоруживаете таким образом?

— Секрет успеха, — ухмыльнулся Рич.

«Он сообразил, на что я намекаю, — подумал Пауэл. — Достойный противник».

— В таком случае пусть хотя бы все остальные не видят, как вы меня очаровываете. Они заподозрят сговор.

— Вас они не заподозрят. Вы обведете их вокруг пальца, и они решат, что сговор у вас с ними.

Опять улыбка. Несомненно, их влекло друг к другу. Это было и неожиданно, и опасно. Пауэл попробовал избавиться от наваждения. Он повернулся к 1/4мэйну.

— Ну что там у вас, Джо?

— *Насчет прощупывания, Линк…*

— Объясняйтесь так, чтобы было понятно и Ричу, — перебил Пауэл. — Мы никого не собираемся обманывать.

— Рич вызвал меня для того, чтобы я его представлял. Никакой телепатии, Линк, все на равных условиях. Я для того сюда и прибыл. Я буду присутствовать на всех допросах.

— Джо, у вас нет права запрещать прощупывание. Мы выясним все, что сможем выяснить…

— Только с согласия спрашиваемого. Я буду сообщать вам, есть это согласие или нет.

Пауэл обернулся к Ричу.

— Что здесь произошло?

— А вы не знаете?

— Хотел послушать вашу версию.

— Почему именно его? — запальчиво вмешался Джо 1/4мэйн.

— Мне хочется узнать, из-за чего он так поспешно вызвал адвоката. Вы что, замешаны в этой истории?

— В чем я только не замешан, — усмехнулся Рич. — Попробуйте руководить такой махиной, как «Монарх», и не увязнуть в омуте разных секретов.

— Но убийства, надеюсь, в вашем омуте не водятся?

— Линк, поворачивайте-ка назад.

— Уберите блоки, Джо. Я прощупываю вашего клиента только потому, что он мне нравится.

— Вы не могли бы проявить свою приязнь как-нибудь в другое время?

— Джо не хочет, чтобы я вам симпатизировал. — Пауэл снова улыбнулся Ричу. — Жаль, что вы вызвали адвоката. Это внушает мне подозрение.

— Профессиональная болезнь? — со смехом спросил Рич.

— Нет. — На сцену вдруг прорвался Бесчестный Эйб и начал запивать: — Вы никогда не поверите, но профессиональное заболевание детективов — латеральность, то есть однобокость. Одни из нас все делают только левой рукой, другие — только правой. Причем самое неприятное, что у большей части детективов эти отклонения ни с того ни с сего почему-то сменяют друг друга. Я, например, был левшой и вдруг во время дела Парсона…

Спохватившись, Пауэл замолк на середине фразы. Он отошел на несколько шагов от заинтригованных слушателей, глубоко вздохнул. Когда он снова к ним вернулся, Бесчестный Эйб был изгнан.

— Расскажу об этом как-нибудь в следующий раз, — сказал он. — А сейчас лучше вы расскажите, что здесь произошло после того, как Мария и все остальные увидели падающие на вашу манжету капли крови.

Рич покосился на красные пятнышки на своей манжете.

— Мария начала вопить, что наверху, в брачных покоях, кого-то прирезали, и все мы ринулись наверх.

— Как вы нашли дорогу в темноте?

— Было светло. Мария крикнула, чтобы включили свет.

— И уже при свете вы без труда разыскали эти покои, э?

Рич зло усмехнулся.

— Это не я искал покои. Их местоположение держали в тайне. Мария сама отвела нас туда.

— Там находились охранники… кажется, их оглушили?

— Да. Они казались мертвыми.

— Будто каменные, а? Шелохнуться не могли?

— А я откуда знаю?

— В самом деле, откуда? — Пауэл в упор взглянул на Рича. — Ну а де Куртнэ?

— На вид и он казался мертвым… фу ты, черт, он мертвым и был.

— И все вы там столпились и смотрели на труп?

— Нет, некоторые разошлись по другим комнатам: искали дочку.

— Барбару де Куртнэ? По-моему, никто из вас не знал, что де Куртнэ и его дочь находятся в доме. Почему же ее искали?

— Сперва мы этого не знали. Но Мария нам сказала, и мы начали искать.

— Вы удивились, что ее нет?

— Мы уже ничему не удивлялись.

— Куда же она могла исчезнуть?

— Мария говорит, что девушка убила старика и смылась.

— Вам это кажется возможным?

— Как знать? Вся эта история — сплошное сумасшествие. Если девушка так ошалела, что, ни слова никому не говоря, улизнула из дому и голая мчалась по улицам, она была способна прихватить с собой и папашин скальп.

— Вы позволите мне прощупать вас, чтобы уяснить кое-какие детали и общую обстановку?

— Как решит мой адвокат.

— Я против, — отрезал 1/4мэйн, — Согласно конституции, каждый может отказаться от эспер-обследования, не подвергая себя никаким подозрениям. Считайте, что Рич отказался.

— Темный лес, и хоть бы маленький просвет. — Пауэл вздохнул, пожал плечами. — Ну что ж, приступаем к расследованию.

Они двинулись к кабинету. Стоявший в дальнем конце зала Джексон Бек, не выдержав, спросил на непонятном для Тэйта с 1/4мэйном полицейском жаргоне:

— Линк, зачем вы ему позволили вас дурачить?

— Он меня дурачил?

— А то нет? Этот чертов стервятник вьет из вас веревки.

— Бросьте, Джекс. Стервятник сам запутался и угодил в силки, из которых только один выход — Разрушение.

— Что?!

— А вы разве не заметили, как он проболтался, пока с таким усердием вил из меня веревки? Он, видите ли, не знал о том, что была дочка. Этого никто не знал. Он ее не видел. Ее никто не видел.

Он допускает мысль, что она выбежала из дому после убийства. Все допускают эту мысль. Ну, а откуда он узнал, что она голая?

Изумленное молчание, и затем уже в арке между залом и кабинетом Пауэла догоняет волна восхищения.

— Я преклоняюсь перед вами, Линк. Я преклоняюсь перед мастером.

Кабинет Бомон-Хауса спроектирован по образцу турецких бань. Пол выложен мозаикой из ярких камней — гиацинта, шпинеля, солнечного камня. В украшенные золотой сеткой стены вделаны синтетические камни — рубины, изумруды, гранаты, хризолиты, аметисты, топазы — и в центре каждого из них портрет хозяйки в разных видах. Повсюду бархатные коврики, множество кресел, диванов.

Пауэл вошел в кабинет и, оставив позади Рича, Тэйта и 1/4мэйна, сразу направился в середину комнаты. Гул голосов смолк, и Мария Бомон томно привстала. Пауэл жестом попросил ее не подниматься. Он огляделся, тщательно прикидывая в уме духовный потенциал собравшихся здесь сластолюбцев и обдумывая тактику, которую следовало применить. Наконец он начал.

— Закон, — сказал он, — глупо и нелепо услож-

няет такое заурядное явление, как смерть. Люди каждый день мрут тысячами, тем не менее, согласно закону, тот смельчак, который взял на себя инициативу подтолкнуть старичка де Куртнэ к неизбежной кончине, почему-то считается врагом человечества. По-моему, Это идиотизм, но прошу на меня не ссылаться.

Он помолчал и закурил сигарету.

— Все вы, конечно, знаете, что я щупач. Некоторых это, может быть, даже пугает. Я представляюсь вам чудовищем, которое, не сходя с места, ревизует все ваши мысли и чувства. Так вот: если бы даже я это умел, Джо 1/4мэйн помешал бы мне. Кроме того, признаюсь вам, будь это так, я не стоял бы сейчас здесь. Я возвышался бы на троне повелителя Вселенной и практически не отличался бы от Господа Бога. Но, мне кажется, никто из вас этого сходства пока не заметил?

Прошелестел смешок, Пауэл обаятельно улыбнулся и продолжал:

— Увы, массовое течение мыслей не по зубам ни одному щупачу. Исследовать отдельную личность и то не так просто. А телепатические сигналы большой группы людей создают хаос, в котором вовсе невозможно разобраться. И если к тому же эта группа состоит из неповторимых,

ярких индивидуальностей, вроде собравшихся здесь, нам остается лишь одно — сдаться на вашу милость.

— И Он еще говорит, что это я умею очаровывать, — прошептал Рич.

— Сегодня вечером, — продолжал Пауэл, — вы играли в игру, называемую «сардинки». Мне очень жаль, мадам, что я не был в числе приглашенных. Надеюсь, в следующий раз вы обо мне не забудете…

— Ну конечно! — вскричала Мария. — Ну конечно, милый префект!..

— Пока шла игра, убили старого де Куртнэ. Можно почти не сомневаться, что убийство было преднамеренным. Мы установим это точно, получив отчет лаборатории. Впрочем, допустим, не дожидаясь отчета, что мы имеем дело с преступлением Три-А. Это даст нам возможность сыграть еще в одну игру… назовем ее «убийство».

По рядам гостей прошел неясный говорок. Пауэл продолжал все с тем же небрежным видом, исподволь превращая самое страшное преступление, совершенное за последние семьдесят лет, в нечто невещественное.

— Играя в «убийство», — объяснял он, — мы представим себе, что кто-то из нас убит. Один

из нас пусть будет «сыщиком», цель которого — найти «убийцу». Другие станут изображать «подозреваемых». Все игроки обязаны говорить правду, и только «убийце» разрешается лгать. Сравнив все версии, «сыщик» определяет, кто лжет, и находит «убийцу». По-моему, очень увлекательно.

Кто-то спросил:

— Что это?

Еще кто-то крикнул:

— Я просто туристка!

Снова смех.

— При расследовании убийства, — с улыбкой продолжал Пауэл, — рассматриваются три аспекта преступления. Во-первых, мотив. Во-вторых, метод. И в-третьих, обстоятельства. Двумя последними аспектами занимаются наши эксперты. Что же касается первого, то в процессе игры мы можем сами его выявить. Если это нам удастся, мы разрешим и остальные две проблемы, над которыми сейчас ломают головы наши эксперты-криминалисты. Вам известно, что они не могут установить, каким образом был убит де Куртнэ? Известно вам, что дочь убитого исчезла? Она вышла из дома, когда вы были заняты игрой. Известно вам, что охрану каким-то таинственным

образом отключили на один час? Да, представьте себе. Кто-то выкрал у них ровно по часу жизни. Нам бы хотелось узнать как.

Слушатели, зачарованные, затаив дыхание, уже вплотную приблизились к западне. Нужно было с безграничной осторожностью захлопнуть их в ловушке.

— Один умер, у двоих похищено по часу жизни, исчезла девушка… и мы можем все это разгадать, выяснив мотив. Итак, представьте, что я сыщик. А вы будете изображать подследственных. Вы говорите мне только правду… все, кроме убийцы, разумеется. Ему полагается врать. Но мы его поймаем и достойно завершим этот необычайный вечер, если вы мне позволите провести телепатический опрос каждого из вас.

— О-о! — в тревоге вскрикнула Мария.

— Одну секундочку, мадам. Позвольте объяснить. От вас не требуется ничего, кроме согласия. Мне не придется прощупывать никого из вас. Потому что, видите ли, если все невиновные дадут свое согласие, то отказаться может только один человек, и этот человек и есть убийца. Лишь ему необходимо оградить себя от прощупывания.

— Как вы думаете, может у него пройти этот номер? — шепотом спросил Рич у 1/4мэйна.

1/4мэйн кивнул.

— Представим себе на миг, как все это происходит. — Пауэл втягивал их в спектакль, комната превратилась в сцену. — Я официально обращаюсь к одному: «Разрешите мне произвести телепатический опрос?» Затем обхожу всех. — Пауэл медленно двинулся вкруговую по комнате, поочередно кланяясь каждому из гостей. — Мне отвечают: «Да… Да… Конечно… Отчего же?.. Разумеется… Да… Да…» И внезапно драматическая пауза. — Пауэл, грозно выпрямившись, остановился перед Ричем. — «А вы, сэр, — говорю я, — вы позволите мне вас прощупать?»

Все обмерли. Даже Рич словно к полу примерз под этим испытующим и грозным взглядом.

— Он не знает, как быть. Кровь бросилась ему в лицо, потом отхлынула, и он становится мертвенно-бледным. С мучительным усилием он выдавливает из себя ответ: «Не согласен». И в этот момент… — Пауэл стремительно жестом поворачивается к своим слушателям, и у них перехватывает дыхание, — в этот волнующий момент мы понимаем, что поймали убийцу!

Он почти уговорил их. Почти уговорил. Его затея показалась им дерзкой, волнующей, новой. Еще немного, и откроются ультрафиолетовые

оконца. Сквозь одежду и плоть удастся заглянуть в чужую душу. Но чего только не кроется в их душах — клятвопреступления… внебрачные дети… измены… сам сатана. Боязнь разоблачения поглотила любопытство.

— Нет! — крикнула Мария.

И все вскочили на ноги, крича:

— Нет! Нет! Нет!

— Вы были изумительны, Линк, и тем не менее… Вам не дождаться помощи от этих гиен.

Пауэл и побежденный не утратил своего обаяния.

— Мне очень жаль, леди и джентльмены, но, право же, я не могу вас винить. Только идиоты доверяют полисменам. — Он вздохнул, — Если есть желающие сообщить что-нибудь новое устно, один из моих помощников запишет их показания на магнитофон. Мистер 1/4мэйн будет при этом присутствовать, чтобы, помогая вам советом, ограждать ваши интересы. *А на мои наплевать* — Он грустно взглянул на 1/4мэйна.

— Линк, не давите мне на психику. Это первое Три-А за семьдесят с лишком лет. Я должен очень осторожно действовать, чтобы не погубить свою карьеру.

— И моя карьера под угрозой. Если дело оста-

нется нераскрытым, мне больше не служить.

— Значит, каждый щупач за себя. Примите мои наилучшие помышления.

— Подите к черту, — сказал Пауэл.

Подмигнув Ричу, он с беспечным видом вышел из комнаты.

В багряно-золотистых брачных покоях закончили свою работу эксперты. Начальник лаборатории де Сантис, взвинченный, беспокойный, резкий, вручил Пауэлу данные экспертизы и измученным голосом произнес:

— Бред собачий.

Пауэл посмотрел на тело и саркастически осведомился:

— Самоубийство?

Он всегда разговаривал с де Сантисом на повышенных тонах: тот неуютно себя чувствовал, если с ним говорили иначе.

— Что?! Ни в коем случае! Не найдено оружие.

— Что же его убило?

— Мы не знаем.

— Все еще не знаете? Вы провозились три часа.

— И ничего не знаем, — яростно повторил де Сантис, — Я потому и говорю, что это бред собачий.

— Так трудно что-нибудь установить, когда у

человека в голове такая огромная дырища?

— Да! Да! Да! Представьте себе, я ее тоже заметил. Вход над твердым небом. Выход в затылке. Смерть наступила немедленно. Но откуда взялась рана? Чем просверлили ему эту скважину в черепе? Может быть, вы угадаете?

— Жесткие лучи?

— Нет ожога.

— Кристаллизация?

— Нет обморожения.

— Кислота?

— Не тот характер повреждений. Вообще-то, кислотой можно прожечь такую рану, но не разломить при этом весь затылок.

— Холодное оружие?

— Вы имеете в виду нож или кинжал?

— Что-нибудь в этом роде.

— Невозможно. Вы представляете себе, с какой силой нужно ударить, чтобы нанести такую рану? Это практически неосуществимо.

— Гм… Кажется, я выдохся. Хотя постойте. Может быть, револьвер?

— А что это?

— Старинное оружие. В старину люди стреляли пулями. С шумом и вонью.

— Нет, здесь это исключено.

— Почему же?

— Почему? — окрысился де Сантис — А потому, что не найдена пуля. В ране ее нет. И в комнате нет. Вообще нигде ничего не найдено.

— Какая-то дьявольщина.

— Вполне с вами согласен.

— Значит, вам нечего мне сообщить? Абсолютно нечего?

— Не совсем так. Перед смертью де Куртнэ ел печенье. В ротовой полости убитого нашли полурастаявший кусочек глазури…

— Ну и?..

— Во всех покоях нет никаких следов печенья.

— Значит, он его съел?

— В желудке тоже ничего нет. Кстати, при его болезни горла он не мог есть печенье.

— А что у него было?

— Психогенный рак. Очень тяжелое состояние. Он говорить не мог, не то что жевать сласти.

— Черт-те что! Нужно найти это оружие… непременно найти.

Пауэл перелистал данные экспертизы, внимательно оглядывая труп и насвистывая затейливый мотивчик. Он вспомнил, как в одной аудиокниге слышал об эспере, который умел прощупывать покойников… Это напоминало

давнишний миф о том, как восстановили картину убийства, сфотографировав у убитого сетчатку глаза. Жаль, что и то и другое — выдумки.

— Ну что ж, — сказал он наконец, вздохнув. — С мотивом мы сели в галошу и со способом убийства тоже. Надо надеяться, что мы хоть что-то выясним об обстоятельствах. Иначе Рич ускользнет от нас.

— Какой еще Рич? Бен Рич? При чем тут он?

— Хитрец Гас Тэйт, вот кто меня тревожит, — тихо сказал Пауэл. — Если и он замешан… Что? А, Рич. Так ведь убил-то он. Мне удалось это окончательно выяснить во время беседы в кабинете мадам Марии. Перед этим Рич нечаянно кое-что ляпнул. Чтобы окончательно убедиться, я разыграл в кабинете целое действо, заморочил голову Джо, а сам прощупал Рича. В отчет это, конечно, не пойдет, но я узнал достаточно, чтобы не сомневаться, кто убийца.

— Господи Иисусе! — ужаснулся де Сантис.

— Да, но мы еще очень далеки от того, чтобы собрать доказательства, которые удовлетворили бы судей. А стало быть, и Разрушение неблизко. Весьма и весьма неблизко.

Пауэл уныло кивнул начальнику лаборатории, не спеша прошел через прихожую и стал спус-

каться к галерее.

— Ко всему тому он мне еще и нравится, этот молодчик, — пробормотал он.

В картинной галерее, где располагалась штаб-квартира следствия, между Пауэлом и Беком произошло совещание. Обмен мыслями, протекавший в стремительном темпе, характерном для телепатических разговоров, занял ровно тридцать секунд.

Итак, Джекс, это все-таки Рич. Мы его засекли уже во время разговора, а в кабинете я его еще разок щупнул, и развеялись последние сомнения. Попался мальчик.

Вы никогда этого не докажете, Линк.

Может быть, нам как-то поможет охрана?

Какое там! Целый час они фактически были покойниками. Де Сантис говорит, что им временно разрушили родопсин, то есть зрительный пурпур — то самое, чем видит глаз. Сами они уверены, что все это время выполняли свои обязанности и что в покоях ничего не произошло до тех пор, пока внезапно туда не влетела вся орава и Мария не принялась на них вопить... а они оба с негодованием это отрицали.

Понятно.

Вы-то знаете. А остальные ничего не знают.

Хорошенькое ничего!

Представляю себе, как она вопила.

Но мы знаем, что это Рич.

Он пробрался на верхний этаж, пока гости играли в «сардинки». Каким-то образом ослепил охранников, украв у них по часу жизни. Потом прошел в покои и убил де Куртнэ. Та девушка, наверно, тоже как-то связана с убийством и поэтому сбежала.

Каким?

Как он убил его?

Я не знаю. Я ровно ничего не знаю... пока.

Кстати, последний вопрос: почему он убил де Куртнэ?

Это-то мне известно.

Значит, вам не на чем построить обвинение.

Да, да...

Вам нужно на основе объективных данных назвать мотив, способ убийства, обстоятельства. А у вас на руках всего-навсего один козырь, да и тот щупаческий.

Да, да...

Я же только прошелся по верхам... Джо следил за мной.

Вы не прощупали, каким образом и почему он это сделал?

Черт бы их всех побрал! Джексон, нам необходимо найти эту девушку.

И очень вероятно, глубже вам и не пробраться. Джо — осторожный малый.

Да. Она — ключ ко всему. Если она нам расскажет, что она видела и почему убежала, мы сможем передать дело в суд. Уточните и подшейте к делу все, что нам удалось выяснить. Хотя, пока нет девушки, этот материал бесполезен. Свидетелей отпустите по домам. Без девушки от них нет толку. Нужно как следует заняться Ричем... может быть, нам удастся собрать кое-какие косвенные улики, хотя...

Барбару де Куртнэ?

Совершенно точно.

Я уже начинаю ее ненавидеть.

Без распроклятой девчонки и от улик не будет толку.

Мистер Бек, я временами тоже чувствую себя женоненавистником. Ума не приложу, чего ради все стараются меня женить.

Пауэл встал и покинул галерею. Он прошел

крытым переходом, спустился в концертный зал и вышел в главный. У фонтана что-то увлеченно обсуждали Рич, 1/4мэйн и Тэйт. И снова у Пауэла при одной мысли о Тэйте пробежали мурашки по спине. Если маленький гцупач и впрямь связался с Ричем, как заподозрил Пауэл еще неделю назад у себя на вечеринке, он замешан в убийстве.

Немыслимо вообразить себе, что эспер первой ступени, один из столпов лиги, — соучастник убийства; но если это так, то черта с два его разоблачишь. Еще не было случая, чтобы у эспера-1 что-нибудь удалось выудить без его согласия. И если Тэйт (невероятно… невозможно… сто против одного) работает на Рича, то неуязвимым может оказаться и сам Рич. Решив последний раз попробовать убедить Рича, Пауэл направился к разговаривающим.

Перехватив взгляд 1/4мэйна, он бросил щупачам:

— Джо, Гас, мотайте отсюда. Мне нужно кое-что сказать Ричу по секрету от вас. Я не буду его прощупывать и записывать его слова. Обещаю вам.

1/4мэйн и Тэйт кивнули и, что-то буркнув Ричу, тихо удалились. Рич с любопытством поглядел на них и перевел глаза на Пауэла.

— Это вы их спугнули? — осведомился он.

— Нет, просто попросил. Садитесь, Рич.

Они присели на край фонтана и помолчали, дружелюбно глядя друг на друга.

— Нет, нет, — сказал наконец Пауэл, — я не прощупываю вас.

— Я этого и не думал. А вот в кабинете Марии было дело, э?

— Почувствовали?

— Нет. Догадался. Я бы сам на вашем месте так поступил.

— Мы с вами, кажется, не очень-то надежные ребята?

— Надежные! — сердито фыркнул Рич. — Мы не в детские игры играем. Мы дело делаем. Только трусы, слабаки и нытики прячутся за всякими там правилами и честной игрой.

— Ну а как же этика и честь?

— Честь у нас есть, только кодекс мы себе выбираем сами, а не пользуемся кукольными правилами, которые какой-то слабонервный трус изобрел для таких же, как он сам, запуганных людишек. У каждого есть своя этика и своя честь, и, пока человек придерживается их, никто не вправе осудить его. Вы можете не одобрять его этику, это другое дело, но у вас нет права назы-

вать его неэтичным.

Пауэл грустно покачал головой.

— В вас как-то уживаются два человека, Рич, — заметил он, — Один хороший, а другой — негодяй. Будь вы только убийцей, это бы еще куда ни шло. Но в вас перемешались мерзавец и святой, и в этом вся беда.

— Когда вы подмигнули мне, я сразу понял, что дело скверно. — Рич усмехнулся. — Ох и штучка же вы, Пауэл! Честное слово, я вас боюсь. Черт вас разберет, откуда вы ударите и как от вас увернуться.

— Так не увертывайтесь, бога ради, и покончим с этим раз и навсегда, — сказал Пауэл. Сказал с таким жаром, что Рича снова охватила паника. Его ожгли голос Пауэла, его взгляд.

— Поверьте, Бен, — продолжал Пауэл, — что вам со мной не справиться. Я объявляю бой убийце, потому что восхищен святым. Для вас это начало конца. Вы и сами это знаете. Так стоит ли барахтаться?

Еще мгновение, и Рич бы сдался. Но он заставил себя не отступать.

— Капитулировать без боя? Проиграть величайшее сражение в моей жизни? Нет, Линк, хоть миллион лет дожидайтесь, но мы уж расхлебаем

эту кашу до конца.

Пауэл сердито пожал плечами. Оба встали. Их руки машинально встретились в прощальном рукопожатии.

— Я потерял в вашем лице великолепного сообщника, — сказал Рич.

— Вы потеряли великого человека в своем собственном лице.

— Значит, враги?

— Враги.

Так был сделан первый шаг к Разрушению.

Глава 7

Полицейский префект города, насчитывающего семнадцать с половиной миллионов населения, не может быть прикованным к письменному столу. Он не держит в своем кабинете заметок, досье, картотек и рулонов, свернутых из канители. Но зато у него есть три эспер-секретаря, кудесники, хранящие в своей памяти мельчайшие подробности всех его дел. Они следуют за ним по отделу, как ходячий справочник в трех томах. Сопровождаемый своим летучим отрядом (сотрудники прозвали их Фигли, Мигли и Провернулл), Пауэл вихрем носился по Сент-стрит, собирая материалы для предстоящего сражения.

Перед комиссаром Крэббом он еще раз набросал общую схему действий.

— Нам нужно выяснить мотив, способ убийства и обстоятельства, комиссар. Мы воссоздали картину предполагаемых обстоятельств, но ничего определенного нам не известно. А старикашке Мозу, как вы знаете, подавай только факты да факты.

— Какому старикашке? — удивился Крэбб.

— Старому Мозу. — Пауэл усмехнулся. — Мы

прозвали так Мозаичный Следственный Компьютер. Не называть же его каждый раз полным именем. Так и подавиться можно.

— А, этот проклятущий агрегат! — фыркнул Крэбб.

— Да, сэр. Итак, я готов начать наступление на Рича и компанию «Монарх» с целью собрать доказательства для старикашки Моза. Но прежде я хочу спросить вас откровенно: вы до конца нас поддерживаете?

Комиссар Крэбб, ненавидящий и опасавшийся всех эсперов без исключения, побагровел и, как подброшенный пружиной, вскочил с кресла, сделанного из черного дерева и стоявшего за сделанным из черного же дерева столом, который красовался в его кабинете, сплошь отделанном черным деревом и серебром.

— На что вы, черт возьми, намекаете, Пауэл?

— Сэр, не ищите в моих словах тайного смысла, его нет.

Я просто спрашиваю: не связаны ли вы каким-то образом с компанией «Монарх» и Ричем? Не окажетесь ли вы в неловком положении, если мы припрем Рича к стенке? Не может ли он в таком случае потребовать, чтобы вы открыли ему запасную дверцу?

— Нет, черт бы вас побрал.

— *Сэр,* — выскочил Фигли, — *четвертою декабря минувшего года вы обсуждали с комиссаром Крэббом дело «Монолита». Вот выдержки:*

«Пауэл: Случай довольно каверзный, комиссар. Я опасаюсь, как бы «Монарх «не обвел нас вокруг пальца.

Крэбб: Рич обещал мне этого не делать. А Бену Ричу я привык доверять. Он поддерживал меня, еще когда я баллотировался на пост окружного прокурора». Цитата окончена.

— *Молодчина, Фигли. Мне все время казалось, что у нас что-то такое есть на Крэбба.*

Пауэл с места в карьер обрушился на комиссара:

— Что вы мне очки втираете? А как вы стали прокурором округа? Вы, кажется, уже забыли, что Рич вас поддерживал?

— Вовсе нет, я прекрасно это помню.

— И хотите меня убедить, будто Рич с тех пор ни разу вам не оказывал поддержки?

— Что за наглость, Пауэл… Да, так оно и есть… Тогда он мне помог. Но после этого у нас с ним никаких дел не было.

— Значит, я могу заняться Ричем?

— Почему вы так упорно утверждаете, что Рич

убил этого человека? Это несерьезно. У вас нет доказательств. Только домыслы. Рич его не убивал. Бен Рич никого не станет убивать. Он вполне порядочный человек, который…

Пауэл негодующе смотрел на комиссара.

— Вы даете мне «добро»?

— Ладно, Пауэл. Даю.

— *Нос очень большими ограничениями. Сделайте заметку, мальчики. Комиссар до смерти боится Рича. Сделайте еще одну заметку. Я его тоже боюсь.*

Сотрудникам Пауэл сказал:

— Вот послушайте: всем вам известно, что за привередливое чудовище наш старый Моз. Ненасытная утроба, вечно требующая фактов… Фактов… доказательств… неопровержимых улик. Заставить эту стервозную машину начать судебное преследование можно, только если мы соберем все нужные доказательства. Чтобы их раздобыть, мы применим метод дубль-слежки. Он вам знаком. По каждому следу мы пускаем двух агентов: Недотепу и Ловкача. Недотепа не знает, что Ловкач работает с ним рядом. Не знает этого и объект слежки. Избавившись от Недотепы, он воображает, что за ним больше нет хвоста. А Ловкачу только того и нужно. Вот этот метод

мы и применим сейчас.

— Слушаюсь, — сказал Бек.

— Вы обойдете все полицейские участки. Подберите сотню самых бестолковых фараонов. Обрядите всех их в штатское и прикомандируйте к делу Рича. Из лаборатории выудите всех забракованных роботов-следопытов, каких им всучивали за последние десять лет. Одним словом, валите в кучу все, что поплоше, и приспосабливайте к делу Рича. Чем больше, тем лучше… Этакий длиннющий хвост, который он стряхнет, конечно, с легкостью, но все-таки потратит время, чтобы его стряхнуть.

— В каких направлениях вести расследование? — спросил Бек.

— Прежде всего, почему там начали играть в «сардинки». Кто предложил эту игру? Секретари мадам Бомон утверждают, что Рича невозможно прощупать из-за песенки, мельтешившей в его мозгу. Что за песенка? Кто ее сочинил? Где Рич ее услышал? Эксперты сообщили, что охрана была выведена из строя каким-то «ионизатором родопсина». Проверить все исследовательские работы, ведущиеся в этой области. Чем был убит де Куртнэ? Изучить все возможные виды оружия. Выяснить, какие отношения были у Рича с де

Куртнэ. Известно, что они конкурировали. Существовала ли между ними острая, смертельная вражда? Было ли убийство вызвано корыстными соображениями? Страхом? Что именно и в каком размере Рич приобрел в результате кончины де Куртнэ?

— Господи! — ужаснулся Бек. — И все это для блезиру? Мы погорим.

— Возможно. Но не думаю. Рич — человек удачливый. Он привык побеждать, и это сделало его самонадеянным. По-моему, он клюнет. Каждый раз, общелкав очередную нашу приманную птичку, он будет думать, что перехитрил нас. Пусть думает. Нам с вами придется публично себя оплевать. Газетчики на нас живого места не оставят. А мы им подыграем. Будем возмущаться. Иными словами, изображать бестолковых дурней-полисменов. И когда Рич как следует отъестся на наших харчах…

— То вы слопаете Рича, — усмехнулся Бек. — А как быть с девушкой?

— Она — единственное исключение. На ее счет мы не будем темнить. Ее описание и фото должны быть в течение часа разосланы всем полицейским офицерам в стране; кроме того, объявите, что тот, кто обнаружит ее местопребывание,

будет автоматически повышен в должности на пять чинов.

— Сэр, *уставом запрещается повышать в звании более чем на три чина сразу,* — вмешался Мигли.

— Начхать мне на устав, — отрезал Пауэл. — Повышение на пять чинов человеку, который найдет Барбару де Куртнэ. Она мне необходима.

В башне «Монарха» Рич смахнул со стола саморегистрирующие кристаллы в дрожащие руки секретарш.

— Выметайтесь вон отсюда и унесите все это дерьмо, — прорычал он. — С конторской работой отныне справляйтесь без моего участия. Ясно? Меня не беспокоить.

— Мистер Рич, у нас создалось впечатление, что вы намереваетесь скупить акции всех предприятий де Куртнэ в случае его смерти. Если вы…

— Именно этим я сейчас занимаюсь. И потому прошу мне не мешать. Кончено. Брысь!

Грозно надвинувшись на свою перепуганную свиту, он выставил ее из кабинета, захлопнул дверь и заперся на ключ. Подойдя к видеофону, он набрал В. Д. — 12,232 и с нетерпением ждал отзыва. В конце концов на экране появилось изображение Джерри Черча, окруженного облом-

ками минувших эпох.

— Вы? — ощерился Черч и потянулся к выключателю.

— Да, я. Постойте, у меня серьезный разговор. Вас по-прежнему интересует восстановление в правах?

Черч недоверчиво взглянул на него.

— А что?

— Выгорело ваше дело. С нынешнего дня я принимаюсь хлопотать о том, чтоб вас восстановили. Это осуществимо, Джерри. Мне принадлежит Союз эспер-патриотов. Но и я, в свою очередь, кое-что потребую от вас.

— Ради бога, Бен. Требуйте все, что возможно.

— Мне именно это и нужно.

— Все возможное?

— И невозможное. Да. Неограниченные услуги. Цену вы уже знаете. Ну, по рукам?

— Я согласен, Бен. По рукам.

— Мне нужен будет также Кено Киззард.

— Зачем он вам? Он скользкий человек. Он продаст вас ни за грош.

— Нам нужно увидеться. Место встречи — прежнее. Время то же. Точь-в-точь как бывало, а, Джерри? Только на этот раз конец будет счастливый.

В приемной института Эспер-лиги, куда вошел Линкольн Пауэл, как всегда, толпилась очередь. Сотни энтузиастов обоих полов, всех возрастов, всех классов общества, мечтающие обнаружить у себя магическое свойство, которое превратит их жизнь в сказку наяву, и не имеющие представления о том, какую тяжкую ответственность налагает это свойство на людей, обладающих им. Как всегда, мечты их были так наивны, что Пауэл не мог сдержать улыбки.

Буду читать чужие мысли и сорву на бирже огромный куш… (Устав лиги запрещал щупачам заниматься биржевыми спекуляциями.) *Буду читать чужие мысли и узнаю, что отвечать на экзамене* (это школьник, не подозревающий, что для предотвращения такого рода жульничества все экзаменационные комиссии пользуются услугами эспер-инспекгоров.) *Буду читать чужие мысли и узнаю, кто что обо мне думает… Буду читать чужие мысли и узнаю, какая девушка не прочь… Буду читать чужие мысли и стану жить по-королевски…*

За столом секретарша устало повторяла на широчайшей телепатической волне:

— Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для

служащих». Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для служащих»…

Одновременно она говорила самоуверенной светской молодой особе с чековой книжкой в руке:

— Нет, мадам. Ваше предложение неосуществимо. Лига не практикует платного обучения. Пожалуйста, возвращайтесь домой, мадам. Мы ничем не можем вам помочь.

Глухая к основному тесту лиги, женщина сердито повернулась. На ее место встал школьник.

— Ясли вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой «Только для служащих».

Из очереди вдруг вышел молодой неф, нерешительно взглянул на секретаршу и двинулся к двери с табличкой «Только для служащих». Он открыл дверь и вошел. У Пауэла захватило дух. «Скрытые» эсперы — большая редкость. Просто здорово, что он здесь оказался именно в этот момент.

Кивнув секретарше, Пауэл последовал за «скрытым». В кабинете двое служащих с энтузиазмом пожимали руку удивленному молодому человеку и хлопали его по спине. Поздравил его и Пауэл. В

лиге считался праздником тот день, когда удавалось откопать нового эспера.

Пауэл прошел по коридору в ректорат. Он миновал детский сад, где тридцать детей и десять взрослых переплетали речь и мысли в ужасающе бесформенный клубок. Воспитательница терпеливо передавала:

— *Всем думать. Думать. Обходиться без слов. Думайте. Не забывайте пресекать речевой рефлекс. Повторяйте за мной первое правило…*

Класс нараспев громко заголосил:

— Забудьте, что у вас есть голос.

Пауэл сморщился и двинулся дальше. Всю стену против дверей детского сада занимала золотая мемориальная доска, на которой были вырезаны слова священной клятвы эспера:

«Я обещаю, что обучивший меня этому искусству станет для меня таким же близким, как отец и мать. Я разделю с ним свое имущество и помогу ему во всем, в чем он испытает нужду. К его отпрыскам я буду относиться как к родным братьям и обучу их этому искусству всеми возможными способами. Я также буду обучать этому искусству и всех остальных.

В соответствии со своими суждениями и в полную меру способностей я буду действовать

на благо человечества, а не во вред ему, не ради лжи. И никогда не причиню я мыслью огорчение или боль человеку, даже если он будет просить об этом сам. В чье бы сознание я ни проник, я это сделаю для блага человечества, всегда с самыми чистыми и благородными намерениями. Каждый раз, когда я услышу или увижу в чужом сознании не подлежащую огласке мысль, я буду хранить молчание, почитая ее священной тайной».

В аудитории группа третьеступенников обсуждала международные события, с усердием располагая мысли простой плетенкой. Среди старших затесался двенадцатилетний вундеркинд на уровне второй ступени. Он украшал скучную дискуссию причудливыми зигзагами и нанизывал на каждый зубчик произнесенное вслух слово. Слова рифмовались между собой и складывались в единые замечания по поводу выступавших. Парнишка был, как говорится, молодой да ранний, и это получалось у него занятно.

В ректорате стоял дым коромыслом. Все двери настежь, клерки и секретарши носятся сломя голову. Старик Цун Хсай, ректор (он же президент Эспер-лиги), дородный мандарин с бритым черепом и благодушным лицом, пылая гневом, стоял

посреди кабинета. Он был так рассержен, что кричал, и произнесенные вслух слова наводили трепет на его служащих.

— Мне плевать на то, как именуют себя эти негодяи, — гремел Цун Хсай. — Для меня они банда себялюбивых и своекорыстных реакционеров. Чистота расы их волнует, вон оно что! Мнят себя аристократами, вот как! Я с ними побеседую. Я дам работу их барабанным перепонкам! Мисс Принн! Мисс При-и-инн!

Мисс Принн, повергнутая в ужас перспективой устной диктовки, робко пробралась в кабинет.

— Отправьте этим дьяволам письмо. «В Союз эспер-патриотов. Джентльмены…» *Доброе утро, Пауэл. Сколько вечностей, сколько эпох? Как поживает Бесчестный* Эйб?«…кампания, организованная вашей кликой с целью сокращения доходов лиги, предназначенных на воспитание новых эсперов и повсеместное распространение эспер-обучения, проникнута духом предательства и фашизма». Абзац…

Вынырнув из глубин своей грозной филиппики, Цун мысленно подмигнул Пауэлу:

— Ну как, нашли вы эспер-девушку своей мечты?

— Пока нет, сэр.

— Черт бы взял вас, Пауэл. Женитесь! — рявкнул Цун. — Я не намерен торчать тут всю жизнь. С новой строки, мисс Принн: «Вы жалуетесь на обременительность налогов, толкуете о том, что нужно сохранить аристократию лиги, что среднему индивиду не под силу эспер-обучение…» *Что вы хотели, Пауэл?*

— *Воспользоваться тайной сигнальной сетью, сэр.*

— *Так не отвлекайте меня. Поговорите с моей секретаршей-два..* С новой строки, мисс Принн: «Почему бы вам не высказаться откровенно? Вы паразиты, которые решили сохранить телепатические дарования в пределах ограниченного круга и, присосавшись, вытягивать соки из остальной части человечества. Вы пиявки…»

Пауэл деликатно притворил за собой дверь и повернулся ко второй секретарше, которая тряслась мелкой дрожью в углу.

— *Вы в самом деле так боитесь?*

Образ подмигивающего глаза.

Образ трясущегося мелкой дрожью вопросительного знака.

— *Когда папаша Цун развоюется, мы всегда делаем вид, что умираем от страха. Это его утешает. Он терпеть не может, когда ему напо-*

минают, что он Санта-Клаус.

— Кстати, я тоже Санта-Клаус. Положите это в свой рождественский чулок.

Пауэл опустил на стол описание примет и фотокарточку Барбары де Куртнэ.

— Какая красавица! — воскликнула секретарша.

— Отправьте все это по тайной сети. Индекс: срочно. За выполнение — награда. Пустите слух, что щупач, который найдет Барбару де Куртнэ, на год освобождается от налогов.

— Ой ты! — Секретарша так и подпрыгнула. — *Вам это позволят?*

— Думаю, что я смогу провернуть такое предложение в Совете.

— От такого предложения вся наша сеть взовьется.

— Я этого и хочу: Пусть взовьется каждый щупач. Единственный рождественский подарок, о котором я мечтаю, — сведения об этой девушке.

Казино Киззарда было убрано и вычищено до блеска во время обеденного перерыва, единственного перерыва, который позволяют себе игроки. Со столов для рулетки и ЭО была стерта пыль, «птичья клетка» сверкала, зеленели карточные столики. В хрустальных шарах поблескивали, как

кусочки сахара, игральные кости. На конторке кассира выстроились соблазнительные столбики соверенов — расхожей монеты уголовников и игроков.

Бен Рич сидел возле бильярдного стола с Черчем и Киззардом, слепым крупье. Киззард был огромный, рыхлый человек, толстый, с рыжей бородой, мертвенно-белой кожей и недобрыми, мертвенно-белыми глазами.

— Цену вы уже знаете, — говорил Рич, обращаясь к Черчу. — Но предупреждаю вас, Джерри. Если вы желаете себе добра, не пытайтесь меня прощупать. Для вас это опасно, смертельно опасно. Если вы заберетесь мне в голову, вам останется только один путь — к Разрушению. Поберегитесь.

— Иисусе, — недовольно сказал Киззард, — вон, значит, какие пироги? Нет, Рич. Разрушение меня совсем не прельщает.

— Вы не оригинальны. Что же вас прельщает, Кено?

— Вопрос! — Кено протянул назад руку, уверенным движением снял с конторки стопку соверенов и пересыпал их в ладонь другой руки. Монеты хлынули звонкой струйкой. — Вот что меня манит.

— Назовите самую высокую цену, которая придет вам в голову, Кено.

— Цену за что?

— Неважно. Я покупаю у вас услуги, не ограниченные никакими лимитами, и плачу сполна. А вы мне говорите, сколько с меня причитается, чтобы их… оплатить.

— Многовато же причитается с вас.

— Не разорюсь.

— Сотня кусков сыщется у вас в кубышке?

— Сотня тысяч. Вас устроит такая цена?

— Силы небесные! — У Черча чуть глаза на лоб не выскочили. — Сто тысяч?

— Ну, решайтесь, Джерри, — насмешливо проворчал Рич, — что вас больше привлекает — деньги или восстановление в правах?

— Да с таким богатством я, пожалуй… хотя… Нет. Я с ума сошел. Восстановление в правах.

— Тогда перестаньте скулить. — Рич повернулся к Киззарду — Итак, цена — сто тысяч.

— В соверенах?

— А в чем же еще? Теперь скажите: вы сразу приступите к делу или хотите, чтобы я вам сперва заплатил?

— Бог с вами, Рич, — ответил Киззард.

— Не виляйте, — прикрикнул Рич. — Я вас

знаю, Кено. Вы решили разнюхать, чего я хочу, а потом вступить со мной в торг. Договоримся сразу. Я вам поэтому и позволил назвать вашу собственную цену.

— М-да, — пожевал губами Киззард. — Правда. Была у меня такая идея — Он улыбнулся, и молочно-белые глаза скрылись в складках кожи — Была и… осталась.

— Тогда я сразу вам посоветую, кому предложить товар. Покупателя зовут Линкольн Пауэл. Я, правда, к сожалению, не знаю, чем он будет вам платить.

— Чем бы он ни платил, от Пауэла мне ничего не нужно, — отрезал Киззард.

— Не я, так он, Кено. Нас только двое в аукционе. Я назначил цену. Теперь слово за вами.

— По рукам, — решился Киззард.

— Отлично, — сказал Рич. — Теперь послушайте меня. Прежде всего вам нужно найти одну девушку. Ее имя Барбара де Куртнэ.

— Убийство? Так я и знал, — сказал Киззард, угрюмо кивнув головой.

— У вас есть возражения?

Киззард пересыпал из руки в руку звонкие золотые монеты и помотал головой.

— Найти ее необходимо. Вчера вечером она вы-

скочила из Бомон-Хауса, и ни одна душа не знает, где она сейчас. Найдите мне ее, Кено. Найдите прежде, чем до нее доберется полиция.

Киззард кивнул.

— Ей лет двадцать пять. Рост — немного выше среднего. Вес — приблизительно фунтов сто двадцать. Стройная фигура. Тонкая талия. Длинные ноги…

Жирные губы жадно улыбнулись. Блеснули мертвенно-белые глаза.

— Волосы желтые. Глаза черные. Овал лица — сердцевидный. Полные губы, нос с горбинкой… Запоминающееся лицо. Посмотришь — словно электричеством ударит.

— Одежда?

— Когда я ее видел в последний раз, на ней был шелковый халатик. Белый, полупрозрачный… как заиндевевшее окно. Ни туфель, ни чулок, ни драгоценностей, ни шляпы. Она была как ненормальная, вылетела из дома, и след простыл. Разыщите ее и доставьте мне. — Что-то заставило его добавить: — В полной сохранности.

— Такой товар без утруски? Будьте человеком, Рич, — Киззард облизал свой жирные губы. — Не получится это у вас. У нее не получится.

— Найдите ее, не теряя времени, и все получит-

ся. Сто кусков — приз за скорость доставки.

— Мне, наверное, придется перерыть все наше городское дно.

— Ну что ж. Обшарьте все публичные дома, притоны и «малины». Включите в дело тайную сигнальную сеть. За мной не пропадет. Только без лишних разговоров. Мне нужна девушка, и больше ничего. Понятно?

Продолжая позвякивать золотом, Киззард кивнул.

Внезапно Рич, перегнувшись через стол, стукнул ребром ладони по жирным рукам Киззарда. Соверены звякнули и раскатились по всем четырем углам.

— Только не вздумайте меня дурачить, — пригрозил Рич, — Мне очень нужна эта девушка.

Глава 8

Сражение длится семь дней.

Всю неделю наносятся и отражаются удары, броски наталкиваются на оборону, но все эти стычки происходят на поверхности, в то время как в самых глубинах взбаламученных вод безмолвно, как акулы, кружат Пауэл и Огастес Тэйт, дожидаясь, когда начнется настоящая борьба.

Переодетый в штатское начальник патруля считал, что всего лучше захватить противника врасплох. Он подстерег Марию Бомон в театре во время антракта и, к ужасу ее спутников, вдруг заорал:

— Знаю я ваши штуки! Вы в сговоре с убийцей. У вас все подстроено. Иначе для чего бы вы затеяли эту игру в «сардинки»? А ну выкладывайте все как есть!

Золоченая Мумия взвизгнула и убежала. Недотепа ринулся за ней в погоню, не подозревая, что в этот момент его тщательно и глубоко прощупывают.

Тэйт — Ричу: Полисмен говорил правду. В его отделе Марию считают сообщницей убийцы.

Рич — Тэйту: Очень хорошо. Бросим ее на съе-

дение волкам. Пусть полисмены заберут ее.

И в результате мадам Бомон осталась без защиты. Убежищем она избрала не что иное, как биржу — главный источник доходов семейства Бомон. Там ее и обнаружил через три часа ретивый начальник патруля и препроводил в мясорубку, называемую отделом прощупывания побуждений. Он не знал, что, допрашивая Марию, начальник отдела переговаривался с сидевшим в смежной комнате Пауэлом.

Пауэл — своим секретарям: Она нашла эту игру в старинной книге, подаренной ей Ричем. Книга, возможно, куплена в «Столетии». У них бывает такой товар. Сообщить всем агентам. Купил ли он книгу случайно? Проверить также Грэхема, оценщика. Выяснить, как получилось, что единственный в книге удобочитаемый текст оказался описанием юры в «сардинки». Старый Моз все это пожелает знать. И наконец, где девушка?

Переодетый в штатское автоинспектор был сторонником обходных маневров. Явившись в аудиокнижный магазин «Столетие», он стал канючить:

— Мне нужны старые книги с описанием различных игр. Что-нибудь вроде той, которую у вас спрашивал на той неделе мой закадычный

друг Бен Рич.

Тэйт — Ричу: Прощупывание показало, что их интересует купленная вами для Марии книга.

Рич — Тэйту: Там все шито-крыто. Пусть проверяют. А я займусь вплотную поисками этой девушки.

Служащие магазина «Столетие» так обстоятельно отвечали на деликатные расспросы Недотепы, что почти все покупатели, потеряв терпение, ушли. Остался лишь один: сидя в углу, он увлекся прослушиванием музыкальной записи и не заметил, что рядом с ним нет никого из продавцов. Никто не знал, что слух Джексона Бека был совершенно невосприимчив к музыке.

Пауэл — секретарям: По всей вероятности, Рич нашел эту книгу случайно. Наткнулся на нее, когда искал подарок для Марии Бомон. Сообщить всем агентам. И где эта девушка?

На совещании в рекламном агентстве, занятом распространением прыгунов «Монарха» — «Единственный в своем роде семейный аэромобиль» — Рич выдвинул новую программу рекламирования.

— Вы обратили внимание, — сказал он, — что люди всегда очеловечивают окружающие их предметы? Наделяют их человеческими чертами.

Придумывают им ласковые прозвища да и обращаются с ними как с комнатными животными. Покупатель охотней приобретает прыгуна, если тот внушит ему приязнь. Он хочет любить свою машину.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Нашего прыгуна нужно очеловечить, — продолжал Рич. — Объявим конкурс на звание «прекрасной покровительницы прыгунов Монарха». Тогда в воображении наших покупателей и машина как бы будет олицетворять свою прекрасную покровительницу.

— Великолепно! — вскричал руководитель агентства, — Мистер Рич, это идея глобального размаха. Нам с нашими идейками до вас, что до небес.

— Немедля приступите к поискам покровительницы прыгунов. Включите вдело всех продавцов и коммивояжеров. Прочешите весь город. Мне эта девушка представляется так: лет около двадцати пяти. Рост выше среднего, вес фунтов сто двадцать. Хорошо сложена. Обаятельна.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Пусть она будет блондинкой с темными глазами. Полные губы. Красивый нос. Вот тут я набросал ее воображаемый портрет. Ознакомь-

тесь, размножьте и передайте вашим огольцам. Того, кто найдет такую девушку, как я задумал, ожидает повышение.

Тэйт — Ричу: Я прощупал полицейских. Они собираются подослать в «Монарх» своего человека, чтобы выявить связи между вами и оценщиком Грэхемом.

Рич — Тэйту: Пусть их. Связи между нами нет, к тому же Грэхем укатил из города. Нечего сказать, додумались! Я считал Пауэла умнее. Очевидно, я его переоценивал.

Переодетый в штатское сержант в порыве служебного рвения решил прибегнуть к услугам хирургии. Не теряя времени, он обзавелся физиономией монгольского типа и устроился на службу в бухгалтерию фирмы «Монарх», где рассчитывал обнаружить финансовую зависимость, связывающую оценщика Грэхема с Ричем. Ему и в голову не приходило, что его намерение было сразу же прощупано начальником отдела найма, который сообщил об этом выше, а «выше» только усмехнулись.

Пауэл — секретарям: Наш остолоп пытался разыскать следы взяточничества среди финансовых отчетов «Монарха». Это заставит Рича потерять к нам уважение на пятьдесят процен-

тов и соответственно сделает его на пятьдесят процентов уязвимее. Сообщить всем агентам. Где девушка?

На заседании редакционной коллегии «Ауэр», единственной на земле ежечасной газеты (двадцать четыре выпуска в сутки), Рич объявил о новом благотворительном начинании «Монарха».

— Мы назовем его «Убежище», — объявил он, — Мы предлагаем помощь, уход и пристанище миллионам несчастных этого города, попавшим в беду. Если вы лишились крова, потерпели банкротство, стали жертвой шантажа или мошенничества; если вы чего-то боитесь и не знаете, куда обратиться, если вы в отчаянии — вспомните об «Убежище».

— Потрясающий почин, — сказал главный редактор, — но вы ухлопаете уйму денег. Зачем вам это?

— Для рекламы, — огрызнулся Рич. — Напечатать в ближайшем же выпуске. Ясно?

Рич вышел из редакции, спустился на улицу и вошел в кабину видеофона-автомата. Он позвонил в зал отдыха и дал подробные распоряжения Эллери Уэсту.

— Пусть в каждой конторе «Убежища» сидит

ваш человек. Немедленно пересылать мне описание и фото всех просителей! Вы слышите, Эллери? Тотчас же пересылать, ни секундой позже!

— Я ни о чем не спрашиваю, Бен, но сожалею, что не могу вас прощупать.

— Я, кажется, вызвал ваши подозрения? — вспыхнул Рич.

— Нет, просто любопытство.

— Боритесь с ним, оно к добру не приведет.

Когда Рич вышел из кабинки, какой-то нескладный субъект ринулся к нему как одержимый.

— О мистер Рич! Что за счастливая случайность! Я только что слышал об «Убежище» и как раз подумал, что интервью с инициатором этой восхитительной новой кампании представляет большой человеческий интерес для…

Счастливая случайность! Чудаковатый тип был знаменитым эспер-репоргером из «Индастриал критик». Наверно, выследил его и…

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

— Мне нечего вам сообщить, — промямлил Рич.

Три, два, раз, а ну еще! Три четыре — горячо!

— Какие воспоминания детства породили в вашем сердце острую жажду…

И когда сказал «четыре», получил синяк под глаз…

— Был у вас в жизни случай, когда вы не знали, куда обратиться? Вам угрожала смерть, убийство? Или, может…

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

В этот момент к стоянке подлетел общественный прыгун. Рич нырнул в него и скрылся.

Тэйт — Ричу: Полиция всерьез занялась поисками Грэхема. Вся их лаборатория ищет оценщика. Не знаю, что там взбрело Пауэлу в голову, но он явно взял фальшивый след. По-моему, наш коэффициент безопасности возрастает.

Рич — Тэйту: Мы сможем чувствовать себя спокойнее только тогда, когда найдем девушку.

Маркус Грэхем скрылся в неизвестном направлении, задав немало хлопот шести недоделанным роботам-следопытам. Их недоделанные создатели ринулись каждый вслед за своим детищем в разные части Солнечной системы. Маркус Грэхем тем временем прибыл на Ганимед, где на аукционе антикварных книг, проводимом с бешеной скоростью щупачом-аукцион-шиком, его застукал Пауэл. Примитивные старинные книги, распродававшиеся с аукциона, были получены

из библиотеки «Дрейка», обширного поместья, унаследованного Беном Ричем от матери. Их появление на книжном рынке явилось полной неожиданностью.

Пауэл побеседовал с Грэхемом в фойе аукциона, расположенного против хрустальной стены космического порта. Вокруг простиралась арктическая тундра Ганимеда, и почти все черное небо заполнял перепоясанный красновато-коричневый силуэт Юпитера. Затем Пауэл отправился обратно на Землю, и за две недели пути чары красотки стюардессы заставили Бесчестного Эйба проявить себя не с лучшей стороны. Пауэл вернулся в свою штаб-квартиру в довольно подавленном настроении, и Фигли, Мигли и Провернулл скабрезно перемигивались.

Пауэл — секретарям: Номер пустой. Не знаю, для чего понадобилось Ричу сопровождать оценщика на Ганимед.

Бек — Пауэлу: Что выяснилось насчет книги?

Пауэл — Беку: Рич купил ее, отослал на оценку и преподнес в подарок. Книга была в скверном состоянии, поэтому единственной игрой, которую могла выбрать Мария, оказались «сардинки». Для Моза этого, конечно, недостаточно. Уж я-то знаю, как работают мозговые извилины этой машины.

Вот черт!

И где, наконец, девушка?

Трое переодетых в штатское агентов один за другим попытались подъехать к мисс Даффи Уиг, один за другим были разбиты наголову и с позором удалились. Тогда за дело принялся сам Пауэл и, встретившись с мисс Уиг на «бале» 4000, совершенно очаровал ее.

Пауэл — сотрудникам: Я говорил с Эллери Уэстом из «Монарха», и он подтверждает показания мисс Уиг. Уэст и в самом деле жаловался Ричу на картежников. Похоже, что Рич случайно подцепил этот мыслеблок, когда заказывал антикартежные куплеты. Что выяснено о штуковине, которой Рич заколдовал охрану? И где эта девушка?

В ответ на злобные нападки и насмешки прессы комиссар Крэбб устроил пресс-конференцию для избранного круга журналистов, которым сообщил, что криминалистическими лабораториями разработана новая техника расследования. Это позволит, сказал комиссар Крэбб, справиться с делом де Куртнэ в двадцать четыре часа. Фотографический анализ зрительного пурпура, находящегося в глазу покойника, позволит воспроизвести портрет убийцы. Ученые, работа-

ющие над проблемой родопсина, будут опрошены полицией.

Рич, которому совсем не улыбалось, чтобы допросу полицейских подвергся Уилсон Джордан, физиолог, создавший для «Монарха» ионизатор родопсина, позвонил Кено Киззарду и попросил помочь ему выманить доктора за пределы планеты. Чтобы это осуществить, Рич изобрел одну уловку.

— У меня есть имение на Каллисто, — сказал он. — Я ликвидирую свое право владения и подстрою так, что юридически Джордан сможет претендовать на него.

— А я его об этом извещу? — брюзгливо спросил Киззард.

— Нет, лучше действовать не так открыто, Кено. Чтобы не наследить, сделаем так: вы позвоните Джордану, притворившись, что хотите нагреть на этом деле руки. А остальное пусть он выясняет сам.

Вскоре после этого разговора Уилсону Джордану позвонил какой-то неизвестный и с деланым равнодушием брюзгливым голосом спросил, не продаст ли доктор Джордан по умеренной пене свою долю поместья «Дрейк» на Каллисто. Брюзгливый голос показался подозрительным доктору

Джордану, отродясь не слыхавшему о поместье «Дрейк», и он позвонил своему адвокату. Так он узнал, что только что сделался претендентом на полмиллиона кредиток. Через час ошеломленный физиолог вылетел на Каллисто.

Пауэл — секретарям: Одного мы спугнули. Думаю, что именно от Джордана мы сможем узнать все связанное с родопсином. Доктор Джордан — единственный из ученых, работающих в области глазной физиологии, который скрылся после заявления, сделанного на пресс-конференции комиссаром Крэббом. Передайте Беку приказ разыскать Джордана на Каллисто и все выяснить. Что слышно о девушке?

Между тем давно уже неприметно включилась в работу вторая линия операции «Недотепа и Ловкач». В то время, когда Рич, посмеиваясь, наблюдал за перипетиями панического бегства Марии, из юридического отдела «Монарха» весьма искусно выманили на Марс молодого способного адвоката и втихомолку придержали его там, предъявив устарелое, но не утратившее законной силы обвинение в безнравственности. Служебные обязанности молодого юриста выполнял тем временем двойник, с которым они были похожи как две капли воды.

Тэйт — Ричу: Проверьте ваш юридический отдел. Не могу прощупать, что там происходит, но дело нечисто. Это опасно.

Под предлогом текущей проверки Рич пригласил эспер-инспектора-1 по определению квалифицированности кадров и установил подмену. Тогда он обратился к Кено Киззарду. Слепой крупье сыскал субъекта, который тут же подал в суд жалобу на способного молодого юриста за злоупотребление служебным положением. Так, безболезненно и благовидно, была пресечена связь двойника с «Монархом».

Пауэл — секретарям: А, черт! Снова опростоволосились. Рич захлопывает у нас прямо перед носом все двери. Продолжаем операцию «Недотепа и Ловкач». Узнайте, кто добывает для него сведения, и, кстати, узнайте, наконец, где эта девушка.

Пока переодетый в штатское сержант с благоприобретенной азиатской физиономией рылся в бухгалтерских отчетах «Монарха», в лабораторию компании вернулся из больницы пострадавший во время взрыва сотрудник. Он возвратился на неделю раньше срока и, хотя был весь в бинтах, стремился поскорее приступить к работе. Добрый старый «монархистский» дух.

Тэйт — Ричу: Я наконец их раскусил. Пауэл не так глуп. Он ведет расследование по двум линиям параллельно. Не обращайте внимания на ту, что заметна. Следите за скрытой. Я прощупал, что с больницей что-то нечисто. Проверьте.

Рич проверил. Проверка заняла три дня, а затем он снова позвонил Кено Киззарду. Сразу же после этого в лабораторию «Монарха» наведались взломщики, которые унесли с собой на 50 тысяч кредиток лабораторной платины, перевернув вверх дном и приведя в негодность секретный отдел. Вскоре выяснилось, что забинтованный энтузиаст, лаборант, оказался самозванцем, его разоблачили и как сообщника грабителей передали в руки полиции.

Пауэл — сотрудникам: Иными словами, нам не удалось доказать, что Рич взял ионизатор родопсина из своей собственной лаборатории. Ума не приложу, как ему удалось разловкачить нашего Ловкача? Обе наши линии слежки перекрыты. И где, наконец, девушка?

В то время как Рич потешался над нелепой погоней роботов за Маркусом Грэхемом, дирекция «Монарха» приветствовала континентального налогового инспектора, эспера-2, давно уже собиравшегося обследовать документацию компании

«Монарх. Предприятия общественного пользования, инкорпорейтид». В числе помощников инспектора была щупачка, состоявшая при шефе в качестве «негра», — она писала для него отчеты. Эта особа привыкла выполнять специальные задания — главным образом задания полиции.

Тэйт — Ричу: Помощники нашего инспектора не вызывают у меня доверия. Будьте осторожней.

Рич злорадно усмехнулся и передал помощникам инспектора открытую документацию. После этого он отправил своего старшего шифровальщика Хэссопа в обещанный отпуск на Космическую Ривьеру. Хэссоп любезно согласился прихватить с собой среди обычных фотопринадлежностей маленькую кассету с проявленной пленкой. В кассете содержалась секретная документация «Монарха», помещенная в термоизоляционную оболочку. Чтобы не испортить запись, пленку следовало вынимать совершенно особым способом. Единственный запасной экземпляр пленки находился в доме Рича, в его недоступном сейфе.

Пауэл — сотрудникам: Пожалуй, это конец. Но все-таки пошлите вслед за Хэссопом два хвоста — Ловкача и Недотепу. Возможно, он увез с собой серьезные улики; и Рич, наверно, позаботится,

чтобы они не попали к нам в руки. Полный провал, скажу я вам. Старина Моз наверняка скажет то же самое. Да вы и сами видите. Силы небесные! Куда же, наконец, девалась чертова девчонка?

Как на космической схеме кровеносной системы, где артерии нарисованы красным, а вены — синим, по городу раскинулись две сети — заброшенная Пауэлом и заброшенная Ричем. Ректорат Эспер-лиги сообщил приметы Барбары де Куртнэ инструкторам и студентам, те передали своим друзьям, затем друзьям друзей, знакомым, сослуживцам. Из казино Киззарда запрос пошел гулять от крупье к игрокам, к шулерам и к гангстерам, к мелким воришкам, к хулиганам и жуликам и их дружкам, еще не успевшим перешагнуть грани закона.

В пятницу утром Фред Дил, эспер-3, проснулся, встал, принял душ, позавтракал и отправился на службу. Он работал старшим дежурным по этажу в Межпланетном банке на Мейден-лейн, обменивающем марсианскую валюту. На станции пневматической дороги Фред задержался, чтобы купить сезонку, и перекинулся словцом с девушкой из справочного, эспер-3, которая сообщила ему о поисках Барбары де Куртнэ. Ее телепатически переданный портрет запечатлел-

ся в его памяти как моментальный фотоснимок — головка, обрамленная кредитными билетами.

В пятницу же утром Сним Ази проснулся, разбуженный громкими воплями: хозяйка дока Чука Фруд требовала, чтобы Сним заплатил наконец за квартиру.

— Да отстань ты, Чука, — отругивался Сним. — Мало, что ли, ты гребешь с этой своей желтоволосой психой, которую ты намедни подцепила? Этот ваш рэкет с привидениями в подвале — чистые золотые прииски. Чего ж ты от меня-то хочешь?

Чука Фруд возразила на это, что: а) девушка с желтыми волосами совсем не сумасшедшая, она настоящий медиум; б) сама она (Чука) не занимается рэкетом, она гадалка с патентом; в) если он (Сним) не рассчитается сегодня же за кров и хлеб, которыми бесплатно пользовался полтора месяца, то она (Чука) сумеет предсказать его судьбу без всяких затруднений. Сним вылетит на улицу.

Сним вылез из постели и, так как был уже одет, сразу отправился в город раздобыть несколько кредиток. Было еще слишком рано для того, чтобы идти в казино к Киззарду и пытаться что-то выклянчить у более удачливых клиентов. Сним хотел проехать «зайцем» на «пневматичке», но щупач-кондуктор выгнал его, и пришлось идти

пешком. До ссудной кассы Джерри Черча был порядочный конец, зато в кассе лежало заложенное Снимом золотое карманное пианино, украшенное жемчужинками, и он надеялся упросить Джерри выплатить ему еще хоть соверен в счет залога.

Черч куда-то ушел по делу, а приказчик ничего не мог сделать для Снима. Они немного поболтали. Сним поплакался приказчику на старую каргу хозяйку — сама купается в деньгах с тех пор, как завернула этот свой новый гадальный рэкет с призраками, да еще его пытается доить. Толстокожий приказчик не раскошелился даже на чашку кофе. Сним ушел.

Когда в кассу ненадолго заглянул Джерри Черч, весь день как безумный колесивший по городу в поисках Барбары де Куртнэ, приказчик рассказал ему о посещении Снима и об их разговоре. То, чего приказчик не смог рассказать, Черч прощупал. Чуть не свалившись в обморок, он с трудом добрел до телефона и позвонил Ричу. Рича нигде не было. Черч судорожно перевел дыхание и позвонил Кено Киззарду.

Снима тем временем начинало охватывать чувство отчаяния. Оно и натолкнуло его на шальную мысль — попытать счастья в каком-нибудь

банке. Сним поплелся на Мейден-лейн. Будучи человеком недалеким, он избрал полем своей деятельности Межпланетный банк, где обменивалась марсианская валюта. Банк выглядел старомодным и провинциальным. Сним не знал, что только очень богатые и могущественные учреждения могут позволить себе иметь неказистый вид.

Сним вошел в банк, пересек заполненный людьми центральный зал, направился к конторкам, которые длинным рядом выстроились против касс, и потихоньку стащил толстую пачку бланков и авторучку. Когда Сним выходил из банка, Фред Дил мельком взглянул на него и небрежно махнул рукой своим подручным.

— Видали поганца? — Он указал на Снима, проскользнувшего через главный вход. — Этот тип собирается провернуть махинацию с «пересчетом».

— Задержать его, Фред?

— А что толку? Не выйдет у нас, он полезет куда-то еще. Пока не вмешивайтесь. Возьмем его с поличным, тогда хоть будет за что его притянуть. Пусть отдохнет, голубчик. В Кингстоне места хватит.

Не подозревая об этом разговоре, Сним при-

таился у входа в банк, внимательно наблюдая за кассами. У кассы Z стоял какой-то важный господин, кассир вручал ему крупные пачки бумажных денег. Вот бы эту «рыбку» ему на крючок. Сним торопливо сбросил пиджак, закатал рукава рубахи и сунул ручку за ухо.

Когда «рыбка», пересчитывая деньги, выплыла из банка, Сним незаметно подкрался сзади и тронул свою жертву за плечо.

— Извините, сэр, — заговорил он бойко. — Я из отдела Z. Боюсь, что наш кассир по ошибке обсчитал вас. Вы, может быть, вернетесь, чтобы мы произвели пересчет? — Помахивая пачкой бланков, Сним грациозно вымел деньги из-под «рыбкиного» плавника и повернулся ко входу в банк. — Пожалуйте сюда, сэр, — пригласил он услужливо. — Вам недодали целую сотню кредиток.

Когда удивленный вкладчик двинулся следом за ним, Сним деловито прошмыгнул в зал и, смешавшись с толпой, направился к боковому выходу. Он бы наверняка успел благополучно смыться, прежде чем «рыбка» уразумела, что попалась на удочку. Но тут вдруг чья-то грубая рука сграбастала Снима за шиворот, резко крутанула, и он оказался лицом к лицу с дежурным по

этажу. В одно мгновение в смятенном сознании Снима промелькнули потасовка, побег, взятка, суд, Кингстонский госпиталь, старая сука Чука Фруд со своей желтоволосой призрачной девкой, карманное пианино и тот ротозей, у которого он его свистнул. Потом он скис и расплакался.

Щупач-дежурный отшвырнул его к другому служащему в форме и закричал:

— Подержите-ка его, ребята! Ну, братцы, я разбогател!

— За этого огарка полагается награда, Фред?

— Не за него. За то, что у него в башке. Я иду звонить в лигу.

В конце дня в пятницу, почти в один и тот же момент, Бен Рич и Линкольн Пауэл получили совершенно одинаковое сообщение: девушку, соответствующую описанию Барбары де Куртнэ, можно найти у гадалки Чуки Фруд, Бастион-Уэст-сайд, 99.

Глава 9

Знаменитый Бастион-Уэст-сайд, последний оплот американцев во время осады Нью-Йорка, решено было сохранить в качестве памятника войны. Десять акров изувеченной земли должны были до скончания веков служить горькой эпитафией безумству, породившему последнюю войну. Но последняя война, как водится, оказалась предпоследней, и мало-помалу бездомный люд заселил и приспособил для жилья руины, превратив разрушенные здания и выжженные переулки Бастион-Уэст-сайда в какие-то фантастические трущобы.

Номер 99 представлял собой выпотрошенное помещение керамической фабрики. Снаряды, рвавшиеся один за другим среди многотысячного скопления синтетической керамики, расплавили сосуды и расплескали вокруг яркую радужную массу, превратив внутренность дома в подобие лунного кратера. В каменные стены вплавились желтые, ярко-красные, фиолетовые, бирюзовые и бурые гигантские кляксы. Извергнутые из дверей и окон оранжевые, малиновые и пурпурные струи исполосовали размашистыми мазками

ближние мостовые и развалины. Это здание и стало Радужным домом Чуки Фруд.

Верхние этажи кое-как зачинили, настроили перегородок и превратили эту часть здания в составленный из множества каморок лабиринт, такой запутанный и сложный, что ориентироваться в нем могла лишь Чука, да и та порою путалась. Ловить здесь кого-нибудь было совершенно безнадежным делом, так как, передвигаясь из ячейки в ячейку, беглец мог с легкостью скрываться от своих преследователей до тех пор, пока у них не кончится терпение. Это необычность планировки ежегодно приносила Чуке немалый доход.

Нижние этажи были отведены под знаменитый «Парадиз», куда стекались люди, наделенные всеми возможными пороками, и где их принимал квалифицированный консультант, который за достаточную сумму находил способ удовлетворить всех алчущих, а временами изобретал и новые пороки для пресыщенных. Но самой доходной частью предприятия являлся подвальный этаж дома, где жила Чука Фруд.

Обстрелы, превратившие здание в радужный кратер, растопили всю имевшуюся на заводе керамику, металл, пластик и стекло. Расплав-

ленная смесь просачивалась с этажа на этаж и наконец скопилась в подвале, где залила весь пол и, затвердев, образовала светящуюся кристаллическую массу, откликающуюся странным поющим звуком на каждое движение и шум.

Путь к Бастиону был небезопасен, но игра стоила свеч. Вы пробирались по кривым переулкам, пока не натыкались на оранжевую полосу, зигзагами устремлявшуюся к дверям Радужного дома Чуки. У порога вас встречал чопорный мужчина в парадном костюме двадцатого века и спрашивал: «Парадиз или предсказание, сэр?» Если вы отвечали: «Предсказание», вас вели к двери какого-то склепа, взимали огромную плату и вручали фосфорную свечу. Держа ее в поднятой руке, вы спускались по крутой каменной лестнице. У основания лестница круто поворачивала, и вашим глазам представал длинный и широкий сводчатый погреб, залитый озером поющего огня.

Вы ступали на поверхность озера. Она была гладкой и скользкой. Под поверхностью мягко искрились и мерцали сполохи северного сияния. Кристаллическая гладь озера отзывалась на каждый шаг приглушенными мелодичными аккордами, которые долго трепетали в воздухе, подобно тому как разливается звон бронзовых ко-

локольчиков. Даже если вы сидели неподвижно, озеро продолжало петь, откликаясь на вибрации, доносившиеся с отдаленных улиц.

На каменных скамьях, расположенных вдоль стен, уже дожидались другие клиенты, каждый с фосфорной свечой в руке. Они сидели присмиревшие, испуганные, и у зрителя внезапно возникала мысль, что они похожи на святых — окружены сиянием, каждое их движение сопровождает музыка. Свеч и сия — ли, как звезды в морозную ночь.

Жгучая, трепещущая тишина захватывала вас, и вы ждали молча, пока не раздавался звон серебряного колокола. Он повторялся вновь и вновь, озеро откликалось на этот звон мелодией и переливами внезапно сделавшихся ослепительно яркими сполохов. И вот в каскаде пламенеющей мелодии в подвал входила Чука Фруд и направлялась на середину озера.

— И тут иллюзия кончается, — пробормотал Линкольн Пауэл.

Лицо у Чуки было фубос: толстый нос, пустые глаза, бесформенный рот. Яркие сполохи, которые пробегали по ее лицу и фигуре, плотно закутанной в какую-то хламиду, не могли скрыть того, что старуха при всем своем незаурядном

честолюбии, изобретательности и жадности совершенно лишена проницательности и чутья.

«Может, она хоть играть умеет», — подумал Пауэл.

Чука остановилась на середине озера — вульгарная трущобная Медуза — и задрала вверх руки, должно быть стараясь вложить в этот жест мистическую властность.

«Нет, и играть не умеет», — заключил Пауэл.

— Я пришла сюда, — хриплым голосом нараспев завела Чука, — чтобы помочь вам заглянуть в глубину ваших сердец. Все вы пришли сюды из-за того, что чего-то хочете. Пусть заглянет к себе в сердце и та, что хочет… — Чука замялась, потом продолжала: — Хочет отомстить человеку с Марса по имени Зерлен… и тот, кто хочет иметь любовь с красноглазой женщиной с Каллисто… и тот, кто хочет получить все кредитки богатого дядюшки из Парижа… и тот…

— Вот так номер! Бабка-то — щупачка!

Чука оцепенела, разинув рот.

— Ты принимаешь мои мысли, так ведь, Чука Фруд?

От испуга ее телепатический отклик был бессвязным, отрывочным. Чука явно никогда не тренировала свой природный дар.

— Чево?.. Как?.. Это который… ты?

Очень тщательно, словно общаясь с третьеступенным младенцем, Пауэл проскандировал:

— Имя: Линкольн Пауэл. Занятие: префект полиции. Намерение: допросить девушку по имени Барбара де Куртнэ. Я слышал, что она участвует в твоем представлении.

Пауэл мысленно передал изображение девушки.

Чука сделала жалкую попытку заблокироваться.

— Уйди отсюда. Вон! Уходи вон! Уйди! Уйди вон! Вон!

— Почему ты не явилась в лигу? Почему не общаешься со своими?

— Вон отсюда! Уходи! Щупач! Пошел вон!

— Ты тоже щупачка. Отчего ты не пришла к нам учиться? Разве это жизнь? Шаманство… Заглядываешь разным дуракам в мозги и изображаешь гадалку. У нас для тебя нашлась бы настоящая работа, Чука.

— Настоящие деньги?

Пауэл подавил закипевшее в нем раздражение. Он сердился не на Чуку. Его возмущала безрассудная сила эволюции, которая наделяла людей все большим могуществом, не освобождая их

от пороков, мешающих воспользоваться этим могуществом.

— Поговорим об этом позже, Чука. Где девушка?

— Нету. Никакой девушки нету.

— Не глупи. Прощупаем твоих клиентов вместе. Вот, например, этот старый козел, помешанный на красноглазой… — Пауэл осторожно его исследовал, *— Он здесь уже бывал. Он ждет, когда появится Барбара де Куртнэ. Ты наряжаешь ее в платье с блестками. Она должна здесь появиться через полчаса. Ему приятно на нее смотреть. Когда она тут появляется, его в жар бросает. Ее платье распахивается, обнажая тело, и ему это нравится. Она…*

— Он ненормальный. Я никогда…

— Теперь женщина, с которой так по-свински обошелся человек по имени Зерлен. Она не раз видела девушку. Она ей верит. Она ждет ее. Где эта девушка, Чука?

— Нету!

— А, понятно! Наверху. Где именно наверху? Не пробуй заслоняться, я прощупываю глубже. Ты не можешь наврать первому… Ага, так, так… Четвертая комната влево от поворота. Ну и запутанный же у тебя лабиринт! А ну-ка еще раз

для верности...

Беспомощная и униженная, Чука вдруг завопила:

— Пошел вон отсюда, чертов фараон! Убирайся!

— Не нужно сердиться, — сказал Пауэл, — Я ухожу.

Он встал и вышел.

Весь этот телепатический допрос длился одну секунду, именно ту секунду, в течение которой Рич, спускавшийся в подвальный этаж, передвинулся с восемнадцатой до двадцатой ступеньки. Рич услышал яростный вопль Чуки и ответ Пауэла. Он тут же повернулся и побежал наверх.

Проскользнув мимо привратника, он сунул ему в руку соверен и прошипел:

— Меня здесь не было. Понятно?

— У нас здесь никогда никого не бывает, мистер Рич.

Рич торопливо обошел «Парадиз».

Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!

Не обращая внимания на девиц, которые разными способами пытались соблазнить его. Рич добрался до видеофона-автомата и набрал ВД-12,232. На экране появилась встревоженная

физиономия Черча.

— Ну что там, Бен?

— Мы погорели. Здесь Пауэл.

— Боже мой!

— Куда девался Киззард?

— Разве он не с вами?

— Я не могу его найти.

— Мне казалось, что он там, в подвале… Он…

— В подвале только что был Пауэл и прощупал Чуку. В том, что там не было Киззарда, можете не сомневаться. Где его черти носят?

— Не знаю, Бен. Они с женой ушли и…

— Слушайте, Джерри. Пауэл, наверное, узнал, где девушка. Но, если постараться, я бы сумел опередить его минут на пять. Я рассчитывал, что мне поможет Киззард. Но его нигде нет — ни в подвале, ни в «Парадизе».

— Значит, он наверху, в «крольчатнике».

— Как раз туда я и хотел подняться. Кстати, вы не знаете кратчайший путь к «крольчатнику»? Мне нужно оказаться там раньше Пауэла.

— Если Пауэл прощупал Чуку, то ему известен и кратчайший путь.

— Наверное, да. Хотя чем черт не шутит! Все его мысли были сосредоточены на девушке. Я, пожалуй, рискну…

— Тогда слушайте. За парадной лестницей есть мраморный барельеф. Поверните голову женщины, изображенной на барельефе, направо. Тела раздвинутся, и вы увидите дверь пневматического лифта.

— Прекрасно.

Рич отключил видео, вышел из кабины и побежал к парадной лестнице. Спустившись по мраморным ступенькам, он нашел барельеф, торопливо повернул голову женщины, и тела на барельефе плавно разомкнулись. Показалась стальная дверца. На ней была укреплена вертикальная панель с кнопками. Рич нажал верхнюю, распахнул дверь и шагнул в открытую шахту. Тотчас о его подошвы ударилась выскочившая снизу металлическая плита и сжатый воздух со свистом подбросил его на восемь этажей вверх. Магнитный тормоз удерживал плиту, пока Рич открывал дверь шахты и выходил из лифта.

Он оказался в коридоре, который шел влево от лифта, с наклоном вверх примерно в тридцать градусов. Пол был устлан брезентом. На потолке го вспыхивали, то гасли радоновые шарики. В коридор выходило много дверей, все без номеров.

— Киззард! — крикнул Рич.

Ответа не было.

— Кено Киззард!

Опять молчание.

Рич побежал по коридору и где-то в середине наугад толкнулся в одну из дверей. За дверью оказалась узкая комнатушка, вся занятая овальной гидропатической кроватью. Рич споткнулся о края кровати и упал. Он пополз по пенистому матрасу к противоположной двери, толкнул ее и кубарем скатился за порог. Рич оказался на площадке лестницы, ведущей к круглому холлу, в который выходило несколько дверей. Он торопливо сбежал вниз и остановился, шумно дыша и растерянно глядя па окружающие его двери.

— Киззард! — закричал он снова, — Кено Киззард!

Кто-то невнятно отозвался. Резко повернувшись, Рич бросился к двери и, распахнув ее, чуть не налетел на женщину с красными, как у альбиноски, глазами — результат пластической операции. Она ни с того ни с сего расхохоталась, потом подняла кулаки и ударила его по лицу. Растерянный, он заморгал, попятился и, наверное, нащупал ручку не той двери, через которую вошел, а какой-то другой, поскольку очутился теперь уже не в холле. Его ноги увязли в толстом и мягком, как стеганое одеяло, пластике. Рич

растянулся навзничь, успев захлопнуть дверь, и так больно ударился головой о край изразцовой печки, что все поплыло у него перед глазами.

Когда его зрение прояснилось, он увидел прямо перед собой разъяренную физиономию Чуки Фруд.

— Какого черта ты вломился ко мне в комнату? — пронзительно заорала Чука.

Рич быстро вскочил.

— Где она? — спросил он.

— Катись отсюда к дьяволу, Бен Рич!

— Я спрашиваю, где она? Где Барбара де Куртнэ? Куда ты ее спрятала?

Чука взвизгнула:

— Магда!

В комнату вошла красноглазая. Она держала в руке нейронный дезинтегратор. Женщина все еще хохотала, но ее рука не шевелилась, и пистолет, нацеленный прямо в голову Рича, ни разу не дрогнул.

— Пошел вон отсюда! — повторила Чука.

— Мне нужна эта девушка, Чука. Я должен увидеть ее прежде, чем до нее доберется Пауэл. Где она?

— Магда, выстави его отсюда! — завизжала Чука.

Рич тыльной стороной ладони ударил Магду по глазам. Она упала, выронила пистолет и судорожно задергалась в углу, продолжая смеяться. Даже не глянув в ее сторону, Рич поднял пистолет и приставил его к виску Чуки.

— Где девушка?

— Пошел ты к черту, ты…

Рич сдвинул курок до первой отметки. На нервную систему Чуки обрушилось низкочастотное излучение. Старуха одеревенела, затряслась, ее кожа заблестела от пота. И все же она продолжала отрицательно качать головой. Рич передвинул курок к следующей отметке. Теперь все тело Чуки колотила мучительная, лихорадочная дрожь. Ее глаза полезли из орбит. Она глухо урчала, как замученное животное. Рич продержал ее так пять минут и отпустил курок.

— Третья отметка — смерть, — сказал он. — Там стоит большая буква «С». Мне ведь на все наплевать, Чука. Если я не найду девушку, Разрушение неминуемо. Так где она?

Чука была почти полностью парализована.

— Там… за дверью, — проскрипела она. — Четвертая комната… за поворотом.

Рич выпустил ее, и старуха свалилась на пол. Выскочив из спальни, Рич увидел винтовую

лестницу, поднялся вверх, повернул влево, отсчитал три двери и остановился перед четвертой. Он прислушался на миг. За дверью было тихо. Толкнув дверь, он вошел в комнату. Он увидел пустую кровать, туалетный столик, пустой шкаф и один-единственный стул.

— Одурачили! А, чтоб вам! — крикнул он.

Он подошел к кровати. Казалось, ею никто не пользовался. Шкафом тоже. Однако, прежде чем уйти, Рич потянул к себе средний ящик. В нем оказался шелковый, серебрящийся, как иней, халатик и испещренный пятнами стальной предмет, похожий на какой-то зловещий цветок. Это был револьвер, орудие убийства.

— Господи! — прошептал он. — Господи боже мой!

Он схватил револьвер и оглядел его. В барабане по-прежнему лежали холостые патроны. Тот, что вышиб затылок Крея де Куртнэ, все еще оставался на месте, прижатый ударником.

— С Разрушением пока что можно погодить, — пробормотал Рич. — Дудки! Клянусь Богом, вам до меня не добраться.

Он сложил нож-револьвер и спрятал в карман. В это мгновение до него издали донесся смех… брюзгливый, поганенький смех. Это смеялся

Киззард.

Рич быстро направился к винтовой лестнице и, прислушавшись, пошел туда, откуда доносился смех. Он увидел нишу и в ней обитую плющом дверь на медных петлях. Дверь была широко открыта. Рич вошел, держа наготове нейронный дезинтегратор с курком, поставленным на большое «С». Послышалось шипение сжатого воздуха, и дверь затворилась.

Рич оказался в маленькой круглой комнате. Ее стены и потолок были обтянуты черным бархатом, но сквозь прозрачный хрустальный пол отлично можно было разглядеть будуар, находившийся этажом ниже. Чука пользовалась этой комнаткой, чтобы наблюдать за посетителями «Парадиза».

В будуаре в мягком кресле сидел Киззард, его невидящие глаза блестели, он держал на коленях Барбару де Куртнэ.

На девушке было причудливое одеяние с блестками и большим разрезом. Ее желтые волосы были гладко причесаны, глубокие темные глаза смотрели безмятежно, она сидела смирно, не замечая грубых ласк крупье. Возле стены стояла маленькая увядшая женщина с измученным лицом.

Это была жена Киззарда.

Рич выругался и поднял пистолет. Из нейронного пистолета можно убить и сквозь хрустальный пол. Из него можно убить сквозь что угодно. И сейчас он это сделает. В этот момент в будуар вошел Пауэл.

Женщина сразу же его увидела. Со страшным криком «Кено, спасайся! Беги!» она бросилась к Пауэлу и вцепилась в него, стараясь выцарапать ему глаза.

Потом она споткнулась и упала. Падая она, наверное, лишилась сознания, потому что так и осталась лежать на полу, совершенно неподвижная.

Киззард встал было с девушкой на руках, вытаращив свои слепые глаза, и тут Рич с ужасом понял, что женщина упала не случайно: Киззард тоже, не успев и шагу сделать, свалился. Девушка выпала из его рук и опустилась в кресло.

Пауэл, несомненно, применил какой-то телепатический прием, и в первый раз за время их единоборства Рич почувствовал, что боится Пауэла… боится самым примитивным образом.

Он снова поднял пистолет, целясь на этот раз в голову Пауэла, направлявшегося к креслу.

— Здравствуйте, мисс де Куртнэ, — сказал

Пауэл.

— До свидания, мистер Пауэл, — пробурчал Рич, стараясь унять дрожь в руке, держащей дезинтегратор.

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? — спросил Пауэл, и, так как девушка молчала, он нагнулся и, внимательно посмотрев ей в лицо, встретил ее безмятежный, ничего не выражавший взгляд.

Он тронул ее за руку и повторил:

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? Мисс де Куртнэ! Вам нужна помощь?

При слове «помощь» девушка выпрямилась в кресле и замерла, как бы прислушиваясь. Потом соскочила на пол. Она пробежала мимо Пауэла, внезапно остановилась и сделала такое движение, будто хватается за ручку двери. Она повернула ручку, распахнула воображаемую дверь и бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась вперед, но вдруг остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом, вскрикнув, попробовала забежать сбоку. Отскочив, будто спасаясь от удара, она заметалась, отчаянно крича:

— Нет! Не надо! Ради всего святого! Папа!

Потом она снова вернулась на то же место и пыталась вырваться из невидимых рук, которые ее удерживали. Она боролась и кричала, все время глядя в одну точку прямо перед собой, и вдруг замерла, прижав к ушам ладони, как будто рядом с ней раздался нестерпимо громкий шум.

Она упала на колени и, застонав, как от боли, поползла по полу. Потом остановилась, прильнула к чему-то невидимому, лежавшему на полу и застыла молча, а ее лицо вновь стало кукольно безмятежным и мертвым. Рич понял, что все это значит, и похолодел.

Девушка только что воспроизвела всю сцену гибели своего отца. Воспроизвела ее для Пауэла. И если Пауэл сумел прочесть все остальное…

Пауэл подошел к девушке и поднял ее. Она встала грациозно, как танцовщица, безмятежно, как сомнамбула. Поддерживая девушку, Пауэл повел ее к дверям. Они не видели Рича, не знали, что он держит их на мушке, а он выжидал удобного момента. Один выстрел, и ему уж ничто не грозит. Пауэл открыл дверь, потом внезапно повернул девушку, прижал к себе и посмотрел вверх. У Рича перехватило дыхание.

— Ну что же вы? — крикнул Пауэл. — Стреляй-

те, мишень хоть куда. Сразу избавитесь от обоих. Стреляйте, чего там!

Краска гнева залила его худое лицо. Над темными глазами хмурились черные густые брови. С полминуты он в упор глядел на невидимого ему Рича, глядел дерзко, зло, без страха. Потом Рич опустил глаза и отвернулся, пряча лицо от взгляда человека, который не мог его видеть.

Пауэл вывел девушку — она была все так же послушна — из комнаты, тихо прикрыл за собой дверь, и Рич понял, что упустил шанс на спасение. Он был теперь на пол пути к Разрушению.

Глава 10

Представьте себе испорченный фотоаппарат, который постоянно воспроизводит один кадр — тот самый эффект, фиксируя который аппарат поломался. Представьте себе исковерканный записывающий кристалл, который повторяет лишь одну музыкальную фразу, ужасную, незабываемую фразу.

— У нее состояние навязчивых воспоминаний, — так объяснил, сидя в гостиной у Пауэла, доктор Джиме из Кингстонского госпиталя внимательно слушавшим его Пауэлу и Мэри Нойес. — Она реагирует только на ключевое слово «помощь» и воспроизводит сцену, с которой для нее связано какое-то ужасное воспоминание…

— Смерть отца, — сказал Пауэл.

— О? Тогда понятно. Что же касается остального — кататония.

— Это неизлечимо? — спросила Мэри Нойес.

Молодой доктор Джиме взглянул на Мэри с удивлением и возмущением. Хоть он и не был щупачом, но в Кингстонском госпитале считался одним из самых способных молодых ученых и был фанатически предан науке.

— В наше время, в наши дни? Сейчас нет ничего неизлечимого, мисс Нойес, за исключением физической смерти, но и над этой проблемой уже начали работать у нас в Кингстоне. Исследуя смерть с симптоматической точки зрения, мы приходим к выводу…

— В другой раз, доктор, — перебил Пауэл. — Сегодня лекция не состоится. Прежде всего дело. Как, по-вашему, могу я работать с этой девушкой?

— Каким образом?

— Обследовать ее телепатически.

Джиме задумался.

— А почему бы нет? Я лечу ее методом deja eprouve. Вам это не должно помешать.

— Метод deja eprouve? — переспросила Мэри.

— Величайшее изобретение, — взволнованно объяснил Джиме. — Его автор — Гарт, один из ваших щупачей. Больной впадает в кататонию. Это бегство. Уход от действительности. Его сознание противится конфликту между окружающей реальностью и тем, что заложено в его подсознании. Отсюда стремление не существовать, перечеркнуть весь свой жизненный опыт, вернуться к зачаточному состоянию. Вы меня понимаете?

Мэри кивнула:

— Пока да.

— Отлично. Deja eprouve — старинный термин, введенный в употребление психиатрами в девятнадцатом веке. Буквально он означает: нечто уже пережитое, испытанное. Многие больные так горячо чего-то хотят, что в конце концов им и впрямь начинает казаться, будто они сделали или испытали то, к чему стремятся все их помыслы. Это понятно?

— Постойте, — неуверенно сказала Мэри. — Выходит, я…

— Ну вот, представьте себе, например, — оживленно перебил Джиме, — что вас одолевает жгучее желание… э-э, скажем, сделаться женой мистера Пауэла и матерью его детей. Так?

Мэри вспыхнула и принужденно ответила:

— Так.

Пауэлу в этот момент ужасно захотелось вздуть доброжелательного нескладеху доктора.

— Итак, — в блаженном неведении продолжал распространяться Джиме, — утратив равновесие, вы можете вообразить себе, что вышли замуж за Пауэла и родили ему троих детей. Это и будет deja eprouve. Наш метод состоит в том, что мы синтезируем для пациента искусственное deja eprouve. Например, помогаем сознанию этой девушки осу-

ществить кататоническое стремление бежать от действительности. Желаемое делается реальным. Мы возвращаем ее разум назад к зачаточному состоянию и не препятствуем ей ощущать себя только что рожденной к новой жизни. Понятно?

— Понятно.

Мэри уже овладела собой и даже попыталась улыбнуться.

— Что же касается сознания, то пациент вторично, хотя и в ускоренном темпе, проходит через все стадии развития. Младенчество, детство, отрочество и, наконец, зрелость.

— Вы хотите сказать, что Барбара де Куртнэ превратится в младенца… будет снова учиться говорить… ходить?

— Именно так. На все это уйдет около трех недель. К тому времени, как ее сознание достигнет уровня, соответствующего ее возрасту, она уже будет готова к восприятию реальности, от которой пытается сейчас спастись. Как говорится, созреет для этого. Но, как я уже объяснял, все эти перемены затронут лишь ее сознание. Глубже все останется без изменений. Вы можете обследовать ее телепатически. Беда лишь в том, что под влиянием шока там, в глубине, все перепутано. Вам нелегко будет докопаться до того, что вас

интересует. Но, конечно, вы специалист. Рано или поздно какой-то ключ вы подберете.

Доктор Джиме вдруг встал.

— Мне пора. — Он направился к выходу. — Счастлив был помочь вам. Я всегда очень рад, если ко мне обращаются эсперы. Мне совершенно непонятна эта враждебность к вашему брату, которая с некоторых пор начала распространяться…

Доктор вышел.

— Гмм. Многозначительное заявление под занавес.

— Что ты имеешь в виду, Линк?

— Наш могущественный приятель Бен Рич… ведь это он поддерживает антиэсперовскую кампанию. Весь этот вздор — щупами держатся особняком, им нельзя доверять, они не патриоты, устраивают межпланетные заговоры, едят детей, которых похищают у нетелепатов, и прочее.

— Какая гадость! И при этом тот же Рич поддерживает Союз эспер-патриотов. Отвратительный, опасный человек.

— Опасный, но не отвратительный. В нем есть обаяние, Мэри, и это делает его вдвойне опасным. Обычно ведь считается, что у злодея должен

быть и вид злодейский. Что ж, надеюсь, мы все же успеем вовремя обезвредить его. Приведи сюда Барбару, Мэри.

Мэри сходила на второй этаж за девушкой и, введя ее в гостиную, усадила на возвышение возле стены. Барбара села, невозмутимая, как статуя. Мэри переодела ее в голубой трикотажный спортивный костюм, зачесала назад белокурые волосы и подвязала их голубой лентой. Чистенькая и опрятная, Барбара напоминала красивую восковую куклу.

— Снаружи все прелестно, зато внутри… Мерзавец Рич!

— Что еще он устроил?

— Я уже говорил тебе, Мэри. Там, в «крольчатнике» у Чуки, когда я нащупал Рича, спрятавшегося на верхнем этаже, я решил преподнести ему тот же подарок, который перед этим сгоряча выдал Киззарду с женой…

— А что ты сделал с Киззардом?

— Это у нас называется ОНШ — основательный неврошок. Зайди как-нибудь в лабораторию, и мы тебе покажем. Одна из наших последних новинок. Если ты будешь держать экзамен на первую ступень, тебе придется это освоить. Похоже на нейронный дезинтегратор, но психогенного

характера.

— Это смертельно?

— Ты забыла завет эспера? Конечно нет.

— И ты сквозь пол нащупал Рича? Как тебе это удалось?

— Телепатическое отражение. Между темной комнатой и будуаром быт открытые акустические каналы. Рич этого не учел. Я уловил его телепатемы и, клянусь честью, всей душой надеялся, что он рискнет пальнуть. Его выстрел я предупредил бы добрым ОНШ и с блеском вошел бы в историю криминалистики.

— Почему же он не выстрелил?

— Не знаю, Мэри, право, не знаю. Он считал, шоу него есть предостаточно причин, чтобы убить нас. Считал, что сам он в полной безопасности. Он не подозревал о неврошоке, хотя видел, как упали супруги Киззард, и это его ошеломило… И все же он не смог выстрелить в нас.

— Боялся?

— Рич не трус. Он не боялся. Не мог, и все. Не знаю почему. Возможно, в следующий раз все сложится иначе. Поэтому я и оставил Барбару де Куртнэ у себя. Здесь ей ничто не угрожает.

— В Кингстонском госпитале ей тоже ничто не угрожало бы.

— Да, но там нет условий, нужных для работы, которую я должен проделать.

— ?

— В ее больном сознании завязла сцена убийства со всеми подробностями... Мне нужно по кусочкам выудить ее, и тогда Рич будет у меня в руках.

Мэри встала.

— Я удаляюсь.

— Сядь, голубка моя. Зачем, по-твоему, я тебя пригласил? Ты будешь жить здесь вместе с этой девушкой. Ее нельзя оставлять одну. Вы можете поселиться в моей спальне, а я переберусь в кабинет.

— Линк, постой, не тарахти так. Тебя что-то смущает. Сейчас попробую отыскать щелочку в этом мыслеизвержении.

— Знаешь что...

— Ага! Не пускаете, мистер Пауэл? — Мэри засмеялась. *— Тогда все ясно. Я понадобилась вам в качестве компаньонки. Викторианское слово, верно? Но ты и сам такой же, Линк. Типичный анахронизм.*

— Клевета. Меня считают очень современным в самых пижонских кругах.

— А что это за образ промелькнул там? Ба-

тюшки, да ведь это рыцари Круглого стола. Сэр Галахад Пауэл. А глубже еще что-то спрятано. Я…

Мэри вдруг перестала смеяться и побледнела.

— Что ты там откопала?

— Лучше не спрашивай.

— Ну полно, Мэри.

— Забудь об этом, Линк. И не пытайся нащупать. Если ты сам не разобрался, то не стоит, узнавать от постороннего лица. Тем паче от меня.

Он посмотрел на нее с любопытством, потом пожал плечами.

— Хорошо. В таком случае приступим к делу.

Он повернулся к Барбаре де Куртнэ и сказал:

— Помощь, Барбара.

Девушка тотчас же выпрямилась и замерла, как бы прислушиваясь, а он осторожно исследовал ее ощущения… Прикосновение постельного белья… издали донесся голос…

— Чей голос, Барбара?

Она откликнулась из подсознания:

— Кто это спрашивает?

— Твой друг, Барбара.

— Тут никого нет. Я одна, совсем одна.

Одна, совсем одна, она стремительно пробе-

жала по коридору, распахнула дверь, влетела в багряно-золотую комнату и увидела…

— *Что, Барбара?*

— Человек. Двое людей.

— *Кто они?*

— Уйди. Прошу тебя, уйди. Мне неприятно слышать эти голоса. Один кричит. Он так страшно кричит.

Она и сама закричала, в ужасе шарахнувшись от кого-то, кто хотел схватить ее и оттащить от отца. Она увернулась и забежала сбоку…

— *Что делает твой отец, Барбара?*

— Он… Постой… Откуда ты? Тебя здесь нет. Нас только трое здесь. Мы с отцом и…

И кто-то третий, кто схватил ее и держит. Его лицо промелькнуло на миг и исчезло. Ничего не видно.

— *Вглядись еще раз, Барбара. У него гладкие волосы. Большие глаза. Тонкий орлиный нос. Тонкие чувственные губы, похожие на шрам. Это тот человек, Барбара? Вот и я его подробно описал. Он это?*

— Да. Да. Да.

И все исчезло.

Девушка стояла на коленях, безмятежная, неживая, как кукла.

Пауэл вытер с лица пот и отвел Барбару к возвышению у стены. Он был потрясен, измучен сильней, чем она. Истерическое состояние служило для девушки как бы амортизатором.

У Пауэла не было такого амортизатора. Незащищенный, неприкрытый, он принял на себя ее испуг, панику, боль.

— Это был Бен Рич, Мэри. Ты тоже успела его разглядеть?

— *Линк, я оставалась там недолго. Не могла, сил не хватило.*

— *Это был он, вне всякого сомнения. Но мне неясно, как Бен Рич убил ее отца. Чем он его убил? Почему старик не защищался? Придется повторить все снова. Жаль мучить бедняжку…*

— *А мне жаль смотреть, как мучаешься ты.*

— *Что поделаешь.*

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Помощь, Барбара.

Девушка снова выпрямилась и прислушалась. Он тут же принялся ей подсказывать:

— *Потихоньку, дорогая моя. Не надо спешить. У нас много времени.*

— Снова ты?

— *Ты меня помнишь, Барбара?*

— Нет. Нет. Я не знаю тебя. Уходи.

— Ноя ведь часть тебя. Вот мы вдвоем бежим по коридору. Ты видишь? Вместе открываем дверь. Вместе все гораздо легче. Мы друг другу помогаем.

— Мы?

— Да, Барбара, мы, нас двое — ты и я.

— Отчего же ты сейчас не помогаешь мне?

— Чем я могу тебе помочь?

— Посмотри на отца! Помоги мне его остановить. Останови его. Останови. Что же ты не кричишь? Кричи! Меня никто не слышит! Бога ради, помоги мне!

И вдруг она опять опустилась на колени, безмятежная, неживая, как кукла.

Почувствовав, как кто-то тянет его за руку. Пауэл понял, что сам он последовал примеру Барбары. Распростертое на полу тело медленно исчезло. Исчезла комната, похожая на орхидею. Мэри Нойес пыталась его поднять.

— На этот раз ты выдохся первым, — сказала она жестко.

Пауэл покачал головой. Он наклонился к Барбаре де Куртнэ, но не сумел помочь ей. Он упал.

— Очень хорошо, сэр Галахад. Поостыньте немного.

Мэри поставила девушку на ноги и отвела к

возвышению.

Потом вернулась к Пауэлу.

— Теперь могу помочь тебе. Как, по-твоему, я парень что надо?

— Ты очень мужественный человек, я бы это так назвал. Но не трать на меня времени, потому что мне сейчас нужно собраться не с силами, а с мыслями. Обнаружился неприятный сюрприз.

— Что ты нащупал?

— Де Куртнэ хотел, чтобы его убили.

— Как так?

— Да уж так. Он хотел умереть. Насколько я могу понять, он, возможно, даже сам и покончил с собой в присутствии Рича. Воспоминания Барбары очень невнятны. Этот вопрос надо выяснить. Я должен поговорить с врачом де Куртнэ.

— Он лечился у Сэма Экинса. Сэм и Салли несколько дней назад вернулись на Венеру.

— Тогда я должен вылететь туда же. Я успею на десятичасовой звездолет? Вызови такси.

Сэм Экинс, эспер-1, доктор медицины, получал тысячу кредиток за час психоанализа. Всему свету было известно, что Сэм зарабатывает два миллиона кредиток в год, зато мало кто знал, сколько сил и здоровья растрачивает он на неимущих пациентов, которых лечит бесплатно. Сэм был

одним из самых преданных борцов за осуществление перспективного воспитательного плана лиги, убежденных в том, что телепатические способности нередкое свойство, что они присущи каждому живому организму и их можно развить путем упражнений.

Вот почему дом Сэма, расположенный в безводной пустыне неподалеку от Венусбурга, кишмя кишел неудачниками. Сэм призывал всех малоимущих переложить свои заботы на его плечи и, изыскивая способы помочь своим подопечным, одновременно силился раздуть в каждом из них телепатическую искру. Рассуждал он просто. Если исходить из того, что телепатические способности можно развить, упражняя не натренированные прежде мускулы, напрашивается вывод, что большинство людей оказались жертвой собственной лени или отсутствия благоприятных обстоятельств. Когда же человек попал в беду, лень для него недопустимая роскошь; и Сэм старался предоставить этим людям возможность поупражняться и проявить себя.

В результате он выявлял среди своих подшефных около двух процентов скрытых эсперов, то есть меньше, чем отбиралось в среднем в приемной института Эспер-лиги. Сэма это не

обескураживало.

Пауэл разыскал его в саду, где доктор Экинс, полагая, что занимается прополкой, безжалостно расправлялся с представителями местной флоры. Одновременно он беседовал с целой толпой пациентов, которые с унылым видом следовали за ним по пятам. Как всегда, на Венере было облачно, и яркий свет рассеивался, пробиваясь сквозь облака. Лысая голова Сэма отливала розовым. Он сердито покрикивал и на растения, и на людей.

— Чушь! Никакая это не светящаяся трава, а самый настоящий сорняк. Что я, по-вашему, сорняка не узнаю? Дайте тяпку, Бернард.

Низенький человечек в черном протянул ему тяпку и сказал:

— Меня зовут Уолтер, доктор Экинс.

— И в этом вся наша беда, — буркнул Экинс, извлекая из земли упругий красный клубень. Тот судорожно бросался из одной цветовой гаммы в другую и жалобно пищал, из чего следовало, что это не сорняк и не светящаяся трава, а совершенно фантастическое порождение природы — венерианский вербейник.

Экинс с неодобрением его разглядывал. Затем грозно посмотрел на человечка в черном.

— Семантическое бегство, Бернард. Вы ориен-

тируетесь не на существо явления, а на ярлык. В этом и состоит ваше бегство от реальности. От чего вы скрываетесь, Бернард?

— Я надеялся, что вы мне скажете это, доктор Экинс, — отозвался Уолтер.

Пауэл не торопился сообщать о своем присутствии, любуясь этим зрелищем. Оно напоминало патриархальную библейскую сцену. Раздражительный мессия Сэм, окруженный толпой смиренных учеников. Вокруг поблескивала испещренная кристалликами кварца каменистая почва и во все стороны ползли пятнистые сухие растения. Над головой раскаленный перламутровый купол, а вдали, насколько хватало глаз, красные, пурпурные и фиолетовые пустоши планеты.

Экинс негодующе бросил Уолтеру-Бернарду:

— Вы напоминаете мне нашу рыжую. Кстати, где эта квазикуртизанка?

Хорошенькая рыжеволосая девушка пробралась вперед и жеманно произнесла:

— Я здесь, доктор Экинс.

— Я вижу, вы взыграли духом. Ярлычок, которым я вас наделил, для этого не основание, — хмуро осадил ее доктор и продолжил на телепатической волне: — *Вы от себя в восторге*

только потому, что вы женщина, так ведь? В этом смысл вашего существования. «Я женщина, — говорите вы себе, — и оттого желанна для мужчин. Я знаю, что, если бы позволила, тысячи мужчин обладали бы мною, и я довольна. Это сознание делает меня реальной». Вздор! Вам не удастся спрятаться от действительности за рассуждениями такого рода. Секс — не выдумка. И жизнь — не выдумка. Не возводите девственность в апофеоз.

Ожидая ответа, Экинс сердито взглянул на девицу, но она молчала и только строила глазки. Сэм не выдержал:

— Неужели ни один из вас не слышал моих слов?

— Я слышал, господин учитель.

— Линкольн Пауэл! Каким ветром вас занесло сюда? Откуда вы?

— С Земли. Я приехал за консультацией, Сэм, и времени у меня в обрез. Хочу успеть вылететь следующим звездолетом.

— Отчего же вы не позвонили по межпланетной?

— Это было бы слишком сложно, Сэм. *У меня к вам конфиденциальный разговор. В связи с делом де Куртнэ.*

— *О! А! Гм! Прекрасно. Идите в дом и выпейте чего-нибудь, через минуту я к вам присоединюсь.* — Сэм гаркнул во всю свою телепатическую мочь: — *САЛЛИ! ГОСТИ!*

Один из его паствы неожиданно вздрогнул, и Сэм пришел в ажиотаж:

— Вы услышали, говорите, услышали?

— Я ничего не слышал, сэр.

— Неправда. Вы только что приняли телепатическое сообщение.

— Нет, доктор Экинс.

— Отчего же вы дернулись?

— Меня укусил комар.

— Это выдумки! — загремел Экинс, — В моем саду нет комаров. *ВЫ ВСЕ МЕНЯ ОТЛИЧНО СЛЫШИТЕ. НЕ ОТРИЦАЙТЕ ЭТОГО. ВЕДЬ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ВАМ ПОМОГ. ОТВЕЧАЙТЕ МНЕ! БЫСТРЕЙ!*

Пауэл нашел Салли Экинс в просторной и прохладной гостиной с открытым потолком. На Венере нет дождей, а пластиковый купол — вполне достаточная защита от нестерпимого блеска, излучаемого небосводом в течение семисотчасового венерианского дня. Когда же вступит в свои права семисотчасовая леденящая ночь, Экинсы сложат веши и вернутся в утепленный

городской блок в Венусбурге. На Венере вся жизнь расписана по тридцатидневным циклам.

Сэм влетел в гостиную и залпом выпил большую кружку ледяной воды.

— Десять кредиток коту под хвост на нашем черном рынке, — бросил он Пауэлу. *— Вам это известно? У нас на Венере есть черный рынок, где торгуют водой. Интересно, о чем думает полиция? Не обижайтесь, Линк. Я знаю, что это вне вашей компетенции. Что вы хотели узнать о де Куртнэ?*

Пауэл рассказал о своих затруднениях. Картину гибели де Куртнэ, судя по горячечным воспоминаниям его дочери, можно представить себе двояко. Рич либо убил де Куртнэ, либо же просто был свидетелем его самоубийства. Старый Моз потребует, чтобы в этот пункт была внесена ясность.

— Понятно. Я выбрал бы второй вариант. У де Куртнэ была тяга к самоубийству.

— Тяга к самоубийству? Как это понять?

— Он находился в состоянии тяжелой депрессии. Его приспособительный баланс нарушился. Он регрессировал на почве эмоционального истощения и был на грани самоуничтожения. Опасаясь рокового исхода, я бросил все дела и последовал за ним на Землю.

— М-да... это удар. Значит, он был способен продырявить себе голову?

— Что? Продырявить голову?

— Конечно. Вот фотоснимок. Мы еще не знаем, каким оружием он пользовался, но...

— Постойте-ка. В таком случае я смогу дать вам более определенный ответ. Если де Куртнэ умер таким образом, то это не самоубийство.

— Почему?

— А потому, что его внимание было фиксировано на отравлении. Он решил отравиться наркотиком. Вы не знаете самоубийц, Линк. Выбрав способ умертвить себя, они от него никогда не откажутся. Де Куртнэ, конечно, был убит.

— Поменяемся ролями, Сэм. Скажите, почему де Куртнэ решил прибегнуть именно к яду?

— Я вижу, вы шутник. Если бы я это знал, он бы остался в живых. Меня очень опечалила вся эта история, Пауэл. Из-за Рича веемой труды пошли прахом. Я мог бы спасти де Куртнэ...

— И вы не догадываетесь, что послужило причиной его депрессии?

— Кое-какие догадки у меня были. Де Куртнэ испытывал глубокое сознание вины.

— Перед кем?

— Перед своим ребенком.

— Перед Барбарой? Каким образом? Почему?

— Я не знаю. Ему не давали покоя какие-то непонятные иррациональные символы… одиночество… заброшенность, позор… отвращение… трусость. Вот все, что я знаю. Я еще только собирался заняться этим.

— Возможно ли, что Рич каким-то образом узнал об этом обстоятельстве и решил использовать его для осуществления своих планов? Старый Моз непременно найдет тут повод для придирки, когда мы представим дело в суд.

— Рич мог догадываться… Хотя нет. Исключено. Вот если бы ему помогал очень умелый…

— Минутку, Сэм. У вас что-то запрятано где-то там глубже. Как бы мне…

— Валяйте, добирайтесь. Я перед вами весь как на ладони.

— Не старайтесь мне помочь. Вы еще больше все запутали. Постойте-ка… что-то связанное с развлечением… вечеринка… разговор во время вечеринки… у меня. В прошлом месяце. Гас Тэйт, ваш коллега, хотел посоветоваться по поводу пациента с аналогичным заболеванием. — Пауэл так огорчился, что заговорил вслух: — Что прикажете делать с этим субъектом?

— О ком вы говорите?

— Гас Тэйт был в Бомон-Хаусе в ту ночь, когда убили де Куртнэ. Он пришел вместе с Ричем, но я все же надеялся…

— *Линк, этого не может быть!*

— Я тоже так считал, но против фактов не попрешь. Малютка Гас Тэйт оказался тем самым «умелым помощником», который подстраховывал Рича и подготовил почву для убийства. Он выудил из вас все, что вы знаете, и сообщил убийце. Как видно, ему наплевать на клятву Эспера.

— А заодно и на Разрушение, — яростно произнес Экинс.

Из холла позвала Салли:

— *Линк! Видеофон.*

— Что за черт? Никто, кроме Мэри, не знает, где я. Не случилось ли чего с дочкой де Куртнэ?

Пауэл бегом заторопился к нише, где стоял видеофон. Еще издали он увидел на экране лицо Бека. Лейтенант тоже заметил его и возбужденно замахал рукой. Он начал говорить прежде, чем Пауэл мог его услышать.

— …сообщила мне, куда звонить. Рад, что успел перехватить вас, босс. У нас только двадцать шесть часов.

— Одну минуту. Рассказывайте по порядку, Джекс.

— Доктор Уилсон Джордан, тот, что занимался родопсином, вернулся на Землю с Каллисто. По милости Рича он теперь богатый человек. Я, разумеется, последовал за ним. Он оформит свои права, приведет дела в порядок, и уже через двадцать шесть часов новоиспеченный землевладелец махнет обратно на Каллисто. Если вы хотите что-нибудь от него узнать, я вам советую поторопиться.

— А он согласен дать показания?

— Был бы он согласен, я не стал бы вам звонить по межпланетной. Нет, босс. Он очень признателен Ричу, который, цитирую, «так благородно отступился от своих собственных притязаний» в пользу доктора Джордана и во имя справедливости. Так что я вам советую поскорее вернуться на Землю и лично заняться им.

— А это, — сказал Пауэл, — наша лаборатория, доктор Джордан.

На доктора лаборатория произвела большое впечатление. Дня исследовательских работ был отведен целый этаж здания института Эспер-лиги. Помещение лаборатории представляло собой круглый зал около тысячи футов в диаметре, увенчанный куполом из двух слоев поляризированного кварца, который позволял менял»

освещение от предельно яркого до полной темноты. Сейчас, в полдень, солнечный свет был приглушен так, что столы и скамьи, серебряную и хрустальную аппаратуру и сотрудников в комбинезонах озаряло мягкое розоватое сияние.

— Хотите осмотреть лабораторию? — любезно предложил Пауэл.

— Вообще-то я спешу, мистер Пауэл, но… — Джордан колебался.

— Я понимаю. И все же нам так нужен ваш совет. Мы вам будем бесконечно благодарны даже за небольшую консультацию.

— Если речь идет о де Куртнэ… — начал Джордан.

— О ком? Ах да, это убийство. Что это вам пришло в голову?

— Меня выслеживали, — мрачно пояснил Джордан.

— Доктор Джордан, поверьте мне, мы ждем от вас научной консультации, а не сведений об убийстве. Что для ученого убийства? У нас иные интересы.

Джордан слегка оттаял.

— Вполне с вами согласен. Достаточно взглянуть на вашу лабораторию, чтобы убедиться в этом.

— Так пойдемте? — Пауэл взял Джордана под руку. Одновременно он оповестил всех сотрудников лаборатории: — *Прошу внимания, щупачи! Готовится розыгрыш.*

Нетелепату трудно было бы представить себе, какой гам внезапно поднялся в тихой и чинной лаборатории. Сквозь град ехидных образов пробился хриплый выкрик одного остряка: *«А кто украл погоду, Пауэл?»* Вопрос относился к малоизвестному эпизоду из деятельности Бесчестного Эйба. В чем состоял сам эпизод, ни разу никому не удалось прощупать, зато было замечено, что упоминание об этом случае всегда вгоняет Пауэла в краску. Покраснел он и сейчас под беззвучный гогот остальных.

— *Нет, щупачи, это дело серьезное. Исход всей моей работы зависит от того, что мне удастся выудить из этого человека.*

Веселье тотчас стихло.

— *Это доктор Уилсон Джордан,* — сообщил Пауэл, — *Он специализировался в области физиологии зрения и располагает сведениями, которые мне желательно от него получить. Пусть он почувствует себя мэтром среди желторотых новичков. Изобретите какие-нибудь несуществующие проблемы и взывайте о помощи. Заставьте*

его говорить.

Они подходили поодиночке, по двое и целыми группами. Рыжеволосый изобретатель, занятый проблемой транзистора, воспроизводящего телепатемы, смиренно попросил доктора просветить его. Поделились своими затруднениями две хорошенькие девушки, поглощенные головоломным исследованием, — они пытались определить возможность телепатического общения на расстоянии. Группа японцев, изучавших экстрасенсорный узел — центр телепатической восприимчивости, — с вежливым пришепетыванием настойчиво осаждала доктора Джордана.

В час дня Пауэл сказал:

— Прошу извинения, доктор, но указанный вами срок подошел к концу… вас ждут дела.

— Ничего, ничего, неважно, — отмахнулся Джордан — Так вот, милейший доктор, если вы попробуете разделить оптическую…

Через полчаса Пауэл напомнил снова:

— Уже половина второго, доктор Джордан. Вы вылетаете в пять. Право же…

— У меня еще уйма времени. Уйма… Звездолеты, знаете ли, как женщины. Ни на одном из них свет клином не сошелся. Беда в том, дорогой сэр, что в вашем замечательном исследовании

есть существенное упущение. Вы ни разу не попробовали исследовать узел жизни с помощью витальных красителей. Я посоветовал бы вам…

В два часа был сервирован ланч, не помешавший пиршеству умов.

В два тридцать раскрасневшийся от приятного возбуждения доктор Джордан признался, что ему претит мысль о роскошной жизни на Каллисто. Там нет ученых. Не с кем поговорить.

Разве там мыслимо что-либо хоть отдаленно напоминающее этот блистательный коллоквиум?

В три часа он без утайки поведал Пауэлу, как ему досталось это проклятое поместье. Сперва им, кажется, владел Крэй де Куртнэ. Старому Ричу (отцу Бена), наверное, каким-то образом удалось оттягать поместье, и он записал его на имя жены. После ее смерти поместье перешло к сыну. Ворюгу Бена Рича, видно, мучила совесть, коль скоро он передоверил решение дела крючкам-юристам, а те, петляя в дебрях закона, неожиданно обнаружили, что имение принадлежит Уилсону Джордану.

— И конечно, это далеко не единственное, что есть на совести у Рича, — сказал Джордан, — Чего я только не нагляделся, когда работал на него! Но финансисты ведь все жулики. Разве не так?

— На мой взгляд, вы несправедливы к Бену Ричу, — с благородным беспристрастием возразил Пауэл, — В нем многое достойно восхищения.

— О конечно, конечно, — торопливо согласился Джордан. — Совесть у него все же есть, и это, право, восхитительно. Мне не хотелось бы давать ему повод подумать, будто я…

— Разумеется. — Пауэл с заговорщицким видом одарил Джордана пленительной улыбкой. — То, что как ученые мы не можем порицать, нам приходится хвалить как светским людям.

— Мы друг друга понимаем, — сказал Джордан, с чувством пожимая Пауэлу руку.

В четыре часа доктор Джордан уведомил осчастливленного японца, что с радостью передаст самую секретную часть своей работы по зрительному пурпуру этим славным юношам, чтобы помочь им в исследованиях, над которыми они трудятся. Он вручает факел грядущему поколению. Его глаза увлажнились, голос срывался от волнения, и он двадцать минут подробно объяснял принцип ионизатора, разработанного им для «Монарха».

В пять часов доктор Джордан прибыл на аэроскутере на космодром. Доктора провожал весь штат сотрудников лаборатории. Они усыпа-

ли его каюту цветами и подарками. Они засыпали его самого бурными изъявлениями благодарности, и, когда, набирая скорость, звездолет устремился к четвертому спутнику Юпитера, доктор ощущал приятное сознание, что он принес пользу науке и ни единым словом не нанес вреда своему щедрому и благородному патрону мистеру Бенджамену Ричу.

В гостиной Барбара старательно училась ползать. Ее недавно покормили, и она перемазалась в желтке.

— Та-та-та-та-та-та, — говорила она. — Тата.

— *Мэри! Мэри! Где же ты? Иди скорей сюда. Она говорит!*

— *Не может быть!* — Мэри вбежала в комнату. — *Что она сказала?*

— *Она назвала меня «папа».*

— Тата, — сказала Барбара, — Та-та-та-та-та-та.

Мэри облила его презрением.

— *Ишь что придумал. Ничего она не говорит, просто лопочет: та-та-та.*

Мэри направилась в кухню.

— *Она хотела сказать «папа». Она ведь еще маленькая, и ей трудно выговаривать слова.*

Пауэл наклонился к Барбаре:

— Скажи «папа», детка. Папа. Папа. Скажи

«па-па».

— Та-та, — милым детским голоском протяжно отозвалась Барбара.

Пауэл капитулировал. Минуя уровень сознания, он, как прежде, обратился к подсознанию:

— *Здравствуй, Барбара.*

— Это снова ты?

— *Ты меня помнишь?*

— Не знаю.

— *Конечно помнишь. Я тот малый, что без спросу лазит к тебе в душу, чтобы помочь тебе унять ее смятение.*

— Значит, нас только двое?

— *Только двое. Ты знаешь, кто ты? Хочешь, я расскажу тебе, как получилось, что ты совсем одна и бесконечно далека от всех?*

— Я ничего не знаю. Расскажи.

— *Слушай, милое мое дитя, когда-то давным-давно все это с тобой уже было — тогда ты тоже просто-напросто существовала. Потом ты родилась. У тебя была мать, был отец. Ты выросла и стала красивой, стройной, грациозной девушкой с белокурыми волосами и темными глазами. Ты прилетела с Марса на Землю вместе с отцом, и вы…*

— Неправда. Кроме тебя, нет никого другого.

Нас только двое в темноте.

— *Нет, Барбара, у тебя был отец.*

— Никого у меня не было. Никого нет.

— *Прости, милая. Мне очень жаль, но мы опять должны пройти через эту муку. Мне нужно кое-что узнать.*

— Нет. Нет, прошу тебя. Нас с тобой только двое. Дух, миленький, прошу тебя, не надо.

— *Мы и будем вдвоем. Иди сюда, моя хорошая. Твой отец в другой комнате… в комнате, похожей на цветок… и вдруг мы слышим…*

Пауэл глубоко вздохнул и крикнул:

— Помощь, Барбара. Помощь!

И они замерли, напряженно прислушиваясь. Прикосновение постельного белья. Холодный пол под босыми ногами… нескончаемый коридор… а потом, добежав до комнаты, похожей на орхидею, они врываются в дверь, с криком шарахаются прочь от страшного Бена Рича, который что-то прикладывает к губам отца. Что он к ним приложил? Задержи этот образ. Сфотографируй. О господи! Как ужасен был этот приглушенный взрыв! Голова проломлена, и тот, который вызывает столько нежности, почтения, любви, неестественно скорчившись, падает на пол, и сердце надрывается от боли, нужно доползти и

выхватить из помертвевших губ этот зловещий стальной цветок…

— Встань, Линк! Ты с ума сошел!

Мэри Нойес, возмущенная и негодующая, силилась поставить его на ноги.

— Идиот! Тебя нельзя оставить даже на минуту.

— Я очень долго простоял здесь на коленях, Мэри?

— Не меньше получаса. Вхожу из кухни, и нате вам, любуйтесь!

— Ты знаешь, Мэри, я нашел то, что искал. Это был револьвер. Старинное огнестрельное оружие. Я его очень отчетливо видел. Вот взгляни…

— Ммм. Это и есть револьвер?

— Да.

— Где Рич мог его достать? В музее?

— Сомневаюсь. Я хочу рискнуть, попробую одним выстрелом убить двух зайцев. Пожалуйста, стань так, чтобы тебя не было видно на экране.

Подойдя к видеофону, Пауэл набрал БД-12,232. Почти тотчас на экране возникло перекошенное лицо Черча.

— Привет, Джерри.

— Здравствуйте… Пауэл.

Черч держался крайне настороженно.

— Гас Тэйт покупал у вас какой-то револьвер?

— Револьвер?

— Да, огнестрельное оружие. Образца двадцатого столетия. Тот самый, что был пущен в ход при убийстве де Куртнэ.

— Не покупал.

— Неправда. Джерри, я уверен, что убийца — Гас Тэйт. Мне казалось, что пистолет приобретен у вас. Я сейчас приеду к вам и покажу, как выглядит тот револьвер, а вы мне скажете, прав я или нет, — Поколебавшись, Пауэл тихо, но веско добавил: — Вы нам очень поможете, Джерри, и я буду чрезвычайно признателен. Чрезвычайно. Ждите меня. Я буду у вас через полчаса.

Пауэл отключил видеофон. Взглянул на Мэри. Образ подмигивающего глаза.

— За полчаса малютка Гас должен домчаться до ссудной кассы Черча.

— Но почему вдруг Гас? Я думала, Бен Рич... — Мэри перехватила схему, в общих чертах составленную Пауэлом для себя еще в доме Экинсов, — *Ага, понятно. Ловушка и для Тэйта, и для Черча сразу. Черч продал Ричу револьвер.*

— Возможно. Наверняка, конечно, знать нельзя. И все-таки ссудная касса — это почти то же, что музей.

— Ну а Тэйт, выходит, помогал Ричу осуществить убийство? Не могу поверить.

— В этом почти нет сомнений.

— Ты хочешь натравить двух этих щупачей друг на друга?

— И обоих на Рича. В качестве следователей мы потерпели полный крах. Попробую их общупачить.

— Но если ты не сможешь натравить этих двоих на Рича? Что, если они сразу вызовут его в ломбард?

— Его нет в городе. Мы его выманили. Запугали Кено Киззарда так, что он кинулся в бега, а Рич пытается его перехватить, пока Кено не проболтался.

— Да ты и правда жулик, Линк. Держу пари, что не кто иной, как ты, украл погоду.

— Нет, — ответил он, — не я, а Бесчестный Эйб.

Покраснев, он поцеловал Мэри, поцеловал Барбару, снова покраснел и, сконфуженный, вышел из дома.

Глава 11

В ссудной кассе было темно. Горела только лампа на прилавке, отбрасывая круг неяркого света. В световом пятне время от времени появлялись лица и руки трех собеседников, то наклонявшихся друг к другу в пылу разговора, то распрямлявшихся и тут же исчезавших в темноте.

— Нет, — твердо сказал Пауэл. — Я не намерен вас прощупывать. Мне нужен откровенный разговор. Вам двоим как щупачам может показаться обидным, что я обращаюсь к вам вслух, но я поступаю так в знак доверия. Я не могу одновременно разговаривать и прощупывать.

— Ой ли? — сказал Тэйт, и в круге света появилось настороженное личико гнома, — Вы и не на такие фокусы способны.

— Только не сейчас. Если угодно, проверьте. Я хочу поговорить с вами в открытую. Вы сами знаете, я веду следствие по делу об убийстве. Прощупывание мне здесь не поможет.

— Что вам нужно, Пауэл? — вмешался Черч.

— Вы продали револьвер Гасу Тэйту?

— Ничего подобного, — ответил Тэйт.

— Тогда зачем вы здесь?

— Вам кажется, я должен был оставить без внимания ваше чудовищное обвинение?

— Черч вызвал вас сюда, так как продал вам револьвер и отлично знает, как он был использован.

В круге возникло лицо Черча.

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался: съели?

— Съел, — ответил, усмехнувшись, Пауэл. — Я сам прекрасно знаю, что вы не продавали револьвера Гасу. Вы его продали Бену Ричу.

В световом круге снова появилась физиономия Тэйта:

— Тогда почему же вы…

— Почему*? — Пауэл пристально взглянул ему в глаза. — Мне нужно было вызвать вас сюда для разговора. Но подождите минуту. Я закончу с Джерри. — Он повернулся к Черчу. — В вашей кассе был револьвер. Не могло не быть. Рич пришел сюда за ним. Единственное место, куда он мог прийти. Вы с ним уже обделывали делишки. Я не забыл ваших упражнений на бирже…

— Будьте вы прокляты! — выкрикнул Черч.

— В результате этих упражнений вы и вылетели вон из лиги, — продолжал Пауэл. — Рискнули всем и потеряли все только потому, что Рич вас

попросил покопаться в мыслях у четырех биржевиков и сообщить ему, что вы узнаете. Он нажил миллион и, пальцем не пошевельнув, просто нашел дегенерата щупача, готового к услугам.

— Он заплатил мне за услугу! — крикнул Черч.

— А я вас просто-напросто прошу ответить на вопрос о револьвере.

— Чем вы заплатите?

— Не глупите, Джерри. Я вас выставил из лиги, потому что я ханжа и чистоплюй, ведь так? Стану ли я вступать в сомнительные сделки?

— Значит, вы ничего не обещаете?

— Ничего. Доверьтесь мне, рискните ответить честно. Только никаких посулов вы от меня не дождетесь.

— А от других дождался, — пробормотал Черч.

— Вот как? Должно быть, от Бена Рича. Обещать-то он горазд. Вот выполняет не всегда. Ну что ж, решайте, кому довериться — мне или Ричу… Так что вы знаете о револьвере?

Черч откинулся назад, и голова его скрылась в тени. Немного погодя из темноты раздался его голос:

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался. Вот вам мои честные и беспристрастные показания.

— Спасибо, Джерри, — Пауэл с улыбкой пожал плечами и повернулся к Тэйту, — Я хочу задать вам только один вопрос, Гас. Мы не будем говорить о том, что вы сообщник Бена Рича… что по его заданию вы расспрашивали Сэма Экинса о де Куртнэ… не будем говорить о том, что вы отправились вместе с Ричем на вечеринку в Бомон-Хаус, где прикрывали его и блокировали, и что такие же услуги вы продолжаете ему оказывать…

— *Одну минуту…*

— Не паникуйте, Гас. Я лишь одно хочу знать: правильно ли я угадал, чем Рич вас купил? Деньгами вас не подкупишь — вы слишком много зарабатываете. Не подкупишь и положением — вы достигли самых вершин. Власть — вот что он вам предложил. Я не ошибся?

Тэйт судорожно его прощупывал и, натыкаясь на спокойную уверенность Пауэла, приходил все в большее и большее волнение. Когда же он убедился, что Пауэл знает о его вине, нимало в ней не сомневается илаже не удивлен, его волнение перешло в панику. Он заразил ею и Черча. Пауэл на это и рассчитывал, чтобы использовать их смятение в нужный момент.

— Рич мог предложить вам власть в своем мире, в мире бизнеса, — рассуждал между тем

Пауэл, — но это сомнительно. Он вряд ли поступился бы частью своего могущества, да и вам оно ни к чему. Скорее, он предложил вам власть в мире эсперов. Может он это осуществить? Он финансирует Союз эспер-патриотов. Наверное, он собирался действовать через Союз… устроить переворот? Сделать вас диктатором Эспер-лиги? Возможно, вы уже состоите в Союзе.

— *Слушайте, Пауэл…*

— Таковы мои предположения, Гас, — сухо сказал Пауэл, — и что-то мне подсказывает, что я сумею их подтвердить. Неужели вы вообразили, что мы позволим вам с Ричем так запросто уничтожить лигу?

— *Вам не удастся доказать…*

— Что доказать?

— *Ваши обвинения голословны. Я…*

— Вы недоумок. Разве вы никогда не видели, как у нас судят щупачей? Мы не прибегаем к судебной процедуре, состоящей в том, что все клянутся говорить правду, а присяжным нужно выяснить, кто же все-таки врет. У нас это иначе, крошка Гас. Вас будет инспектировать комиссия, а состоит она только из эсперов первой ступени. Вы тоже первый, Гас. Пожалуй, вам удастся блокировать двоих… Возможно, и троих. Но не всех

же. Говорю вам, вы погибли.

— *Погодите, Пауэл, прошу вас… погодите!* — Бесстрастное личико манекена подергивалось от ужаса. — *Лига принимает во внимание, если виновный признает свою вину. Если он добровольно сознается в ней. Я вам все расскажу. Все до последнего слова. Сам не знаю, что на меня нашло. Но сейчас я выздоровел. Скажите это в лиге. Когда имеешь дело с таким психопатом, как Рич, то невозможно сохранить свою индивидуальность. Вы невольно себя с ним отождествляете. Но сейчас с этим покончено. Так и скажите в лиге. Читайте, вот вам вся история. Он жаловался на кошмары, в которых ему снился Человек Без Лица. Он…*

— *Он к вам пришел в качестве пациента?*

— *Да. Так он заманил меня в ловушку. Принудил стать его сообщником! Но это уже позади. Скажите в лиге, что я с вами. Я от него отрекаюсь. Я расскажу вам все чистосердечно. Пусть Черч будет свидетелем…*

— Не буду я свидетелем! — крикнул Черч — Трус паршивый! После того как Бен Рич обещал…

— Да заткнитесь вы. По-вашему, я хочу стать на всю жизнь отщепенцем вроде вас? Слуга покорный. Только такой сумасшедший, как вы, мог с

ним спутаться. А я пока еще в своем уме.

— Вы — ничтожество и трус. Надеетесь, что спасете свою шкуру? Надеетесь…

— Плевать мне на все! — взвизгнул Тэйт. — Пропадать, так хоть не в одиночку. Я сперва утоплю Рича. Я приду в суд свидетелем и сделаю там все, что сумею, чтобы помочь вам, Пауэл. Скажите это в лиге, Линк. Скажите им…

— Ни в какой вы суд не пойдете! — рявкнул Пауэл.

— Как так?

— Вас воспитала лига. Вы пока что состоите в ней. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы щупач донес на пациента?

— Но у меня ведь все улики!

— Ну и что? Пусть и останутся при вас. А я не допущу, чтобы щупач трепался на суде и марал честь своих собратьев.

— Но если вы не уличите Рича, вы рискуете своим местом.

— Пес с ним. Мне будет жаль расстаться со своей работой, жаль упустить Рича, но такую цену я платить не собираюсь. При ясном солнышке легко не сбиться с курса, а в ненастье — гораздо трудней. Вы не устояли против непогоды, Гас. И глядите теперь, до чего докатились!

— Но я хочу помочь вам, Пауэл.

— Вы мне не можете помочь. Во всяком случае, пе такой ценой.

— Но я же сообщник убийцы! — крикнул Тэйт. — По-вашему, этично отпускать меня по-добру-поздорову? По-вашему…

— Смотрите на него, — засмеялся Пауэл. — Ишь как он рвется навстречу Разрушению! Нет, Гас. Мы вас возьмем вместе с Ричем. Но я его разоблачу, не прибегая к вашей помощи. Я сыграю так, чтобы не нарушить клятву эспера.

Пауэл повернулся и вышел из светового круга, скрывшись в темноте. Приближаясь к входным дверям, он ждал: возьмет ли Черч приманку? Вся эта сцена была разы грана лишь для него, чтобы в последнюю секунду… За крючок пока никто не дергал.

Когда Пауэл распахнул дверь и в комнату хлынул с улицы холодный серебристый свет, Черч вдруг окликнул его:

— Погодите-ка!

Темный силуэт Пауэла замер на пороге.

— Да?

— О чем это вы толковали Тэйту?

— О клятве эспера. Вам следовало бы ее помнить.

— Дайте-ка мне вас прощупать.

— Валяйте. Я открыт.

Пауэл снял почти все блоки. То, чего Черчу знать не следовало, было тщательно замаскировано и затемнено тангенциальными ассоциациями и калейдоскопом телепатем, в которых эсперу второй ступени было не под силу разобраться.

— Не знаю, — произнес наконец Черч. — Сам не знаю, как быть.

— О чем вы, Джерри? Объясните вслух — я ведь вас сейчас не прощупываю.

— Да обо всей этой истории с револьвером. Бог вас знает. Хоть вы и ханжа и чистоплюй, но, может, мне и в самом деле следовало бы вам довериться.

— Вот этот разговор мне уже по душе. Вы помните, я вам сказал, что ничего не обещаю?

— Помню. Но, может быть, вы из таких, с кем и не нужно загодя сговариваться. Может быть, беда моя именно в том, что я всегда старался сторговаться загодя и не…

В этот момент недремлющий локатор Пауэла уловил на улице смерть. Мгновенно отскочив назад, Пауэл захлопнул дверь.

— *Не стойте на полу! Скорей куда-нибудь взбирайтесь!*

В три больших шага оказавшись у прилавка, Пауэл вспрыгнул на него.

— *Сюда, ко мне! Джерри! Гас! Живей же, дурни!*

Комната затряслась противной тошнотворной дрожью; вибрация усиливалась, наращивая темп. Пауэл сбросил лампу ногой. Свет погас.

— *Прыгайте вверх и цепляйтесь за люстру. Это гармонический дезинтегратор. Прыгайте!*

Судорожно глотнув воздух, Черч прыгнул вверх, в темноту. Пауэл схватил Тэйта за руку, рука дрожала.

— *Боитесь не допрыгнуть, Гас? Высоковато для вас… Вытяните руки, я вас подброшу.*

Он кинул Тэйта вверх и следом прыгнул сам. Вцепившись в стальные паучьи лапы люстры, Тэйт, Пауэл и Черч повисли в воздухе, спасаясь от смертоносной вибрации, которая создавала гармонию распада во всем, что находилось на полу или с ним соприкасалось. Стекло, металл, камень, пластик — все это со скрежетом разлеталось на куски. Слышно было, как потрескивает пол, глухо рокочет потолок. Тэйт застонал.

— Держитесь крепче, Гас. Это наемные убийцы Киззарда. Отчаянная шайка. Один раз чуть было меня не укокошили.

У Тэйта отключилось сознание. Он автомати-

чески продолжал цепляться за люстру, но его связи с окружающим все больше и больше терялись, и Пауэл, почувствовав это, обратился к подсознанию.

— Держаться! Держаться! Держаться! Не отпускать! Не отпускать! Не отпускать!

В подсознании Тэйта так явственно обозначилась обреченность, что Пауэл понял: никакими мерами лига не смогла бы уже спасти его. Он неуклонно двигался навстречу гибели. Последние остатки чувства самосохранения иссякли, руки маленького щупача разжались, и он упал на пол. Вибрация затихла сразу после того, как, глухо шмякнувшись об пол, распалось тело. Черч тоже слышал этот звук и вскрикнул.

— Тише, Джерри! Еще не кончено. Держитесь.

— В-вы это слышали? Вы слышали ЭТО?

— Слышал. Мы еще в опасности. Держитесь!

Дверь ссудной кассы приоткрылась. Острый как бритва луч пробежал по полу. Задержавшись на три секунды там, где размазалось страшное месиво, луч мигнул и исчез. Дверь закрылась.

— Отлично, Джерри. Эти молодчики опять решили, что со мной разделались. Теперь вопите на здоровье.

— Я не могу спрыгнуть, Пауэл. Я не могу на это

наступить...

— Еще бы, Джерри, я вас понимаю.

Повиснув на одной руке, Пауэл схватил другой Черча за плечо и подтолкнул к прилавку. Черч спрыгнул. Пауэл последовал за ним. Их обоих мутило.

— Так вы говорите, что это кто-то из молодчиков Киззарда?

— Конечно. У него целая банда психопатов. Не успеем выловить и спровадить в Кингстон одних, а Киззард уже подбирает новых. Он их приманивает наркотиками.

— Но что они имеют против вас?

— Неужели не ясно, Джерри? Они работают на Бена. А Бен начал паниковать.

— Бен? Бен Рич? Но ведь они явились в мою кассу. Я мог здесь оказаться.

— Вы и оказались здесь. Что это меняет, скажите на милость?

— Как — что меняет? Рич не позволил бы им подвергать мою жизнь опасности.

— Вы в этом уверены? — Образ улыбающейся кошки.

Черч остолбенел. Потом вдруг вскрикнул, охваченный яростью:

— Ах сукин сын! Ах распроклятый сукин сын!

— Не стоит горячиться, Джерри. Рич спасает собственную жизнь. Едва ли от него можно ждать сейчас особой щепетильности.

— Ну что же, если он спасает свою жизнь, то я займусь спасением своей, и пусть не жалуется на меня, подлец… Готовьтесь, Пауэл. Я ничего не утаю, коль скоро уж я раскололся.

После страшной гибели Тэйта, беседы с Черчем и очередного посещения полиции приятно было, возвратясь домой, встретить белокурую озорницу малышку. В правой руке у Барбары был черный карандаш, в левой — красный. Высунув язык и скосив темные глаза от усердия, она что-то старательно малевала на стенах.

— Бэри! — строго воскликнул Пауэл — Ты что это делаешь?

— Рисоваю картиноцки, — отозвалась Барбара, — славные картиноцки для папы.

— Спасибо, душенька, — сказал он. — Превосходная идея. Теперь пойди сюда и посиди с папой.

— Не-е, — ответила она, продолжая рисовать.

— Ты моя девочка?

— Дя.

— А разве моя девочка бывает непослушной? Бэри слушается папу.

Барбара взвесила в уме этот довод.

— Дя, — ответила она, сунула карандаши в карман и села рядом с Пауэлом на тахту, взяв его за руки своими выпачканными в мелу ручонками.

— Право же, Барбара, — пробормотал он, — твоя шепелявость начинает меня беспокоить. Может быть, тебе надо надеть пластиночку на зубы?

Он сказал это полусерьезно. Как-то забывалось, что рядом с ним сидит взрослая девушка. Он заглянул в темные глубокие глаза, сверкающие и пустые, как не наполненный вином бокал.

Медленно пробираясь сквозь верхние слои ее сознания, он приближался к густо затянутому покровом туч взбаламученному подсознанию. Слабый проблеск света там, за тучами, одинокий и трогательный, стал уже чем-то мил ему. Но сейчас его встретил не робкий проблеск, а острие луча, который мог бы исходить разве что от пышущей грозным жаром новой звезды.

— *Здравствуй, Барбара. Ты, кажется…*

Откликом был такой взрыв страсти, что Пауэл поспешно отступил.

— Эй, Мэри! — крикнул он. — Скорей сюда!

Из кухни выскочила Мэри Нойес.

— Новые осложнения?

— Пока еще нет. Но скоро будут. Наша пациент-

ка пошла на поправку.

— Я не заметила в ней перемен.

— Загляни вместе со мной внутрь. В ней ожили глубокие инстинкты. Где-то в самой, самой глубине. Мне чуть мозги не выжгло.

— А при чем тут я? Потребовалась компаньонка? Охранять секреты девичьего сердца?

— Ты шутишь? Это меня нужно охранять. Протянуть руку помощи.

— Барбара держит тебя за обе руки.

— Я выразился фигурально. — Пауэл смущенно посмотрел на спокойное кукольное личико, прохладные пальцы, вяло прикасавшиеся к его рукам, — Ну, пошли.

Снова вглубь по темным переходам к пылающему в ней — к пылающему в каждом из людей — горнилу, вечному источнику душевных сил и психической энергии, безжалостной, безрассудной, алчной. Он чувствовал, как Мэри Нойес на цыпочках пробирается следом за ним. На этот раз он остановился поодаль.

— *Привет Барбара!*

— Убирайся!

— *Это же я, дух.*

Его полоснуло ненавистью.

— Ты меня помнишь?

Ненависть перешла в смятение, потом прихлынула жаркая волна страсти.

— Линк, спасайся, пока не поздно. Затянет в омут, потом не вырвещься.

— Мне нужно кое-что найти.

— Что ты найдешь? Там только страсть и смерть, во всей своей неприкрытой примитивности.

— Я хочу знать об ее отношениях с отцом. Почему он чувствовал себя перед ней виноватым?

— Делай как знаешь. Я ухожу.

Новая вспышка. Мэри убежала.

То отходя, то приближаясь, Пауэл двинулся в обход, настороженный и собранный, как электрик, который ищет среди нескольких оголенных проводов один — обесточенный. Где-то близко полыхнул разряд. Пауэл потянулся в ту сторону, отступил, оглушенный, и сразу почувствовал, как его облепил покров инстинкта самосохранения. Собравшись с духом, он погрузился в водоворот ее ассоциаций и начал их классифицировать. Вокруг бушевал такой хаос энергии, что Пауэлу не без усилия удалось оградить свое сознание от внешних воздействий.

Сигнализация соматических клеток — топливо всего этого котла. Реакции несметных биллионов

клеток, их органические вопли, приглушенное гудение мышечных тонов, циркуляция крови и колебаний ее кислотности — все это пенилось и бурлило в неустойчивом равновесии, составляя душевный мир девушки. То тут, то там проскальзывали искаженные образы, полусимволы, незавершенные ассоциативные связи… Ионизированные атомы мысли.

Вот это вроде бы напоминает взрывной согласный звук… Пауэл проследил его до буквы «п»… и до сенсорной ассоциации с поцелуем, а дальше путем перекрестной связи перешел к сосательному рефлексу грудного младенца, к младенческим воспоминаниям о… матери? Нет, о кормилице. Сюда же вкраплено общение с родителями — отрицательная величина. Мать со знаком минус. Пауэла чуть не опалила вспышка детской обиды и гнева (комплекс заброшенности), но ему удалось уклониться. Снова подобрав «п», он подыскал соотносящееся с ним «па», потом «папа» и, в конце концов, «отец».

Неожиданно он оказался лицом к лицу с самим собой. Уставившись на этот образ, Пауэл только ценою огромных усилий сумел удержаться на грани вменяемости.

— Да кто же ты такой, черт тебя побери?

С чарующей улыбкой образ скрылся.

«П»… «па»… «папа»… «отец». Жар преданности и любви, связанных с… Он снова оказался лицом к лицу со своим образом. На этот раз он обнаженный, могучий; он излучает ток желания и любви; он протягивает руки.

— *Я потерялся. Ты сбиваешь меня с толку.*

Образ исчез. *Влюбилась она в меня, что ли?*

— Здравствуй, дух.

Так вот, оказывается, какой видит себя Барбара — умилительно карикатурной: белесые патлы, темные кляксы глаз, угловатая, нескладная фигура… Образ расплылся… и снова неудержимым потоком хлынул, обрушился, все вытеснил собой Пауэл — могучий и нежный защитник. На сей раз он отступил перед своим двойником. Стиснул зубы, но удержался и принялся его разглядывать. Образ оказался двуликим: спереди, как в зеркале, он видел свое лицо, а сзади — лицо де Куртнэ. Сверкнула цепь двойных ассоциаций: бог Янус, двойник, копия, парный, соединенный и вдруг… Рич? Невозмож… Да, в самом деле, Бен Рич и карикатурный образ Барбары срослись боками, как сиамские близнецы. Брат и сестра. Барбара и Бен. Единство крови. Единство…

— *Линк!*

Оклик раздался где-то очень далеко. Непонятно откуда.

— Линкольн!

Пусть немного погодит. С этим Ричем придется…

— Линкольн Пауэл! Я здесь, идиот!

— Мэри?

— Не могу тебя найти.

— Через несколько минут буду с тобой.

— Линк, я уже третий раз пытаюсь тебя обнаружить. Если ты сейчас не выйдешь, ты пропал.

— Третий раз?

— За три часа. Линк, ну, пожалуйста… пока я еще в силах.

Он начал выбираться на поверхность. Но не мог сообразить, куда он должен двигаться. Вокруг бесновался вневременной и внепространственный хаос. Снова появился образ Барбары де Куртнэ, на этот раз — карикатура на эротическую сирену.

— Здравствуй, дух.

— Линкольн, богом тебя заклинаю!

Он заметался было в панике, потом взяла свое щупаческая выучка. Автоматически Пауэл выполнял все, что требовалось для осуществления отхода. В строгой последовательности захлопывались блоки; каждый заслон — шаг назад, все

ближе к свету. На середине пути он ощутил, что Мэри рядом с ним. Она его сопровождала до самого конца, до тех пор, пока он вновь не оказался у себя в гостиной рядом с Барбарой. Словно обжегшись, Пауэл отпустил ее руки.

— Мэри, я обнаружил какую-то загадочную связь между ней и Беном Ричем. Они каким-то образом…

Мэри держала намоченное в холодной воде полотенце. Размахнувшись, она больно хлопнула им Пауэла по лицу. Только тогда он понял, что трясется, как в ознобе.

— Вся трудность в том… Понимаешь, пытаться по кусочкам воссоздать целое из обрывков сенсорных сигналов — это все равно что пробовать осуществить химический анализ, находясь в середине солнца.

Снова удар полотенцем.

— Ив том и в другом случае ты имеешь дело не с элементами, а с расщепленными частицами… — Пауэл увернулся от очередного удара полотенцем и внимательно посмотрел на Барбару. *— Подумай, Мэри, бедняжка, кажется, в меня влюбилась.*

Образ подмигивающей горлицы.

— Серьезно. Я там все время натыкался на

себя.

— Да ну? А за собой ты ничего не замечаешь?

— Я тебя не понял.

— Чем объясняется, скажи мне, твой отказ послать ее в Кингстонский госпиталь? — спросила Мэри. — Чем ты объяснишь эти телепатические экскурсы, столь регулярно проводимые по два раза в день? И для чего тебе вдруг понадобилась компаньонка? Я вам скажу, что это значит, мистер Пауэл.

— Что же?

— То, что ты в нее влюблен. Влюблен еще с тех пор, когда увидел ее в доме Чуки Фруд.

— Мэри!

Вспыхнув, она бросила ему в лицо яркое комплексное изображение: он сам, и Барбара, и то, что Мэри подглядела несколько дней назад… то, что заставило ее побледнеть от ревности и гнева. Пауэл знал, что она не ошиблась.

— Мэри, милая…

— Не беспокойся обо мне. На меня наплевать. Послушай, ты в нее влюбился, а она ведь не щупачка. Мало того, она помешанная. Что ты в ней любишь? Ее лицо? Инстинкты? Какую часть от целого составляет предмет твоей страсти? Одну десятую? А остальные девять? Ты уверен, что ты

их полюбишь? Будь ты проклят! И зачем я тебя вытащила, лучше бы сгинул там, в дебрях ее подсознания.

Мэри отвернулась и заплакала.

— *Мэри, я умоляю тебя…*

— Заткнись, — сказала она, всхлипывая. — Будь ты проклят! Тебе звонили. Из полиции. Ты должен срочно вылететь на Космическую Ривьеру. Там Бен Рич, он куда-то исчез. Одним словом, ты им нужен позарез. Ты нужен всем. Как видишь, я не исключение.

Глава 12

Пауэл уже десять лет не бывал на Космической Ривьере. Усевшись в полицейский аэроскутер, который прибыл, чтобы снять его с борта «Холили Куин», роскошного космического лайнера, Пауэл с любопытством смотрел вниз, разглядывая порт и раскинувшуюся за ним панораму. То, что он видел, больше всего напоминало шитое серебром и золотом лоскутное одеяло. И как всегда в эти минуты, он улыбнулся, представив себе сцену, которую его воображение рисовало ему каждый раз, когда он приближался к этому космическому курорту. Он вообразил себе, как исследуют Космическую Ривьеру, случайно натолкнувшись на нее во время путешествия, какие-нибудь первопроходцы из отдаленной галактики, суровые и серьезные диковинные создания. Как ни пытался он представить себе, что же они напишут в своих отчетах, ему это никак не удавалось.

— Это уже работка для Бесчестного Эйба, — пробормотал он.

Ривьера начала свое существование больше столетия тому назад, когда некий энтузиаст, помешанный на культе здоровья, создал для своей

цели небольшой, всего полмили в диаметре, искусственный астероид — плоское блюдечко в космическом пространстве. Он нарастил на этом блюдечке коллоидную воздушную полусферу, установил атмосферный генератор и стал основателем колонии. За сотню с лишком лет в космическом пространстве вокруг блюдечка вырос целый пиршественный стол, занявший сотни миль. Каждый новый владелец участка просто-напросто добавлял к общему столу очередную милю, наращивал на ней атмосферу, и дело было сделано. К тому времени, когда специалисты, спохватившись, посоветовали придать Космической Ривьере более удобную и экономную шарообразную форму, сделать это было уже невозможно. Колония просто продолжала размножаться.

Скутер вошел в вираж, и под лучами солнца сотни полусфер заискрились в темно-синем космосе, как мыльные пузыри. В центре находился все еще функционирующий пансионат, построенный на участке основателя колонии. Вокруг были отели, луна-парки, санатории, лечебницы и даже кладбище. Со стороны Юпитера располагалась гигантская пятидесятимильная полусфера, покрывавшая заповедник Космической Ривьеры. Здесь посетитель получал с каждой квадратной

мили куда больше природы и погоды, чем на любой естественно образовавшейся планете.

— Слушаю вас, — сказал Пауэл.

Сержант полиции, волнуясь, начал рассказывать.

— Мы все делали по инструкции. Выпустили за Хэссопом Недотепу. Ловкач шел следом. Потом девушка Рича выловила Недотепу…

— О, так это девушка его выловила?

— Ага… Бедовая такая красотка, зовут Даффи Уиг.

— Вот дьявольщина! — вспыхнул Пауэл. Сержант поглядел на него с удивлением. — Как же так, я сам ее допрашивал, и хоть бы… — Он осекся. — Выходит, и я сел в калошу. Да послужит мой пример вам уроком. Если имеешь дело с красивой девушкой… — Он не договорил и потряс головой.

— Так вот, значит, — продолжил свой рассказ сержант, — девушка выловила Недотепу, а едва только взялся за дело Ловкач, как Рича понесла нелегкая сюда.

— На чем он вылетел?

— На собственной яхте. В космосе с ним произошла авария. Всю носовую часть вмяло внутрь. То ли на метеор они налетели, то ли на оставленный командой звездолет. На яхте один убитый и трое

раненых, в том числе Рич. Его доставили в больницу, и мы считали, что хоть некоторое время он там пролежит. Но не успели мы оглянуться, как он исчез. Хэссоп тоже пропал. Я хватаю щупача-переводчика со знанием четырех языков, ищем, ищем — все впустую.

— А где вещи Хэссопа?

— Они тоже исчезли.

— Черт-те что! Нам просто необходимо взять его с вещами. Только тогда мы сможем выяснить мотив. Ведь Хэссоп — старший шифровальщик «Монарха». Нам необходимо узнать у него содержание последней телеграммы, отправленной Ричем Крэю де Куртнэ, и ответ…

— В понедельник, за два дня до убийства?

— Да. Возможно, именно этот обмен телеграммами и подтолкнул его к преступлению. Ктому же не исключено, что Хэссоп захватил с собой финансовые отчеты фирмы. Они могли бы помочь суду узнать причину, из-за которой Ричу так приспичило расправиться с де Куртнэ.

— А… какую, к примеру, причину?

— В «Монархе» поговаривают, что де Куртнэ совершенно припер Рича к стенке.

— А вы уже выяснили обстоятельства и способ убийства?

— И да, и нет. Джерри Черч мне выложил все, что знал, но тут сложная механика. Мы можем рассказать, при каких обстоятельствах произошло убийство. Наши доводы сочтут достаточными, если при этом будут известны мотив и способ убийства. Способ описать мы можем. И суд будет удовлетворен, если мы прибавим к этому мотив и обстоятельства. То же самое и с мотивом. Это похоже на три шеста, которые подпирают вигвам. Каждый из них поддерживает два остальных. Но ни один не держится сам по себе. Вот такие же установки у старикашки Моза. И вот почему мне так нужен Хэссоп.

— Они ведь здесь, на Ривьере. Хоть за это я могу поручиться.

— Не стоит вешать голову из-за того, что Рич вас одурачил. Он многих одурачивал. Меня в том числе.

Сержант угрюмо качнул головой.

— Буду искать сразу обоих — и Хэссопа, и Рича, — сказал Пауэл, когда проскользнул в воздушный шлюз. — Но сначала мне хотелось бы проверить один свой домысел. Покажите мне труп.

— Чей труп?

— Человека, который погиб во время катастро-

фы на аэрояхте.

В полицейском морге на воздушной подушке лежал замороженный труп мужчины с очень белой кожей и огненно-рыжей бородой.

— Так, так, — негромко сказал Пауэл. — Кено Киззард.

— Вы его знаете?

— Да. Он работал на Рича, но оказался слишком дошлым. Теперь можно не сомневаться, что авария на яхте произошла не случайно, она была подстроена для того, чтобы замаскировать убийство.

— Да, но как же это! — вскрикнул полисмен. — Двое других тоже опасно ранены. Рич, может быть, и симулировал. Допустим. Но ведь и яхта погибла, а потом те двое…

— Те двое ранены. И погибла яхта. Ну и что ж из этого? Зато Киззард теперь уже наверняка не проболтается, а Ричу только этого и надо. Это его работа. Нам, правда, сроду не удастся доказать его вину, но это и ни к чему, если мы найдем Хэссопа. Мы тогда и так сможем спровадить нашего дружка на Разрушение.

Раскрашенный в яркий спортивный костюм (в этом сезоне на Космической Ривьере было модно наносить одежду краской из пульвериза-

тора), Пауэл пустился в стремительное турне по мыльным пузырям… Отель «Виктория», отель «Спортсмен», «Магический», «Родина на чужбине», «Новый Нью-Трепльсберг», «Марсианин» (очень шикарный), «Венусбург» (форменный бардак) и десятки других… В поисках незабвенных старинных друзей Пауэл перезнакомился со множеством народу и на шести языках описывал приметы Хэссопа и Рича, одновременно осторожно прощупывая собеседника. Убедившись, что собеседник вполне ясно представил себе и того и другого, Пауэл ждал ответа. Все отвечали одно и то же. Нет, не видел. Их ни разу никто не видел.

Со щупачами было легче… На Космической Ривьере работали и отдыхали целые сонмы щупачей… но и от них было не больше толку.

Традиционный сбор в Солнечном Реймсе… сотни коленопреклоненных фанатиков радостным пением приветствуют Празднество Летнего Утра. Результат поисков все тот же. Гонки в Марсе-на-Чужбине. Парусники скачут по воде, как с силой брошенные камешки. Результат тот же. Санаторий при лечебнице пластической хирургии… сотни забинтованных лип и тел. Результат поисков тот же. Летное поло. Результат тот же. Горячие серные ключи, Белые серные ключи,

Черные серные ключи… Результат все тот же.

Обескураженный Пауэл свернул наконец на кладбище «Рассветный луч». Оно напоминало английский парк — украшенные флагами дорожки, дубы, ясени и вязы и маленькие газончики ярко-зеленой травы. Слышна приглушенная музыка, это в укромно расположенных павильонах пиликают струнные квартеты роботов. Пауэл уже не мог сдержать улыбку.

В центре кладбища находилась очень добросовестно воспроизведенная копия собора Парижской Богоматери. На соборе аккуратная табличка: «Наша славная шотландская часовенка». Одна из химер елейным голосом зычно вещала: «В НАШЕЙ СЛАВНОЙ ШОТЛАНДСКОЙ ЧАСОВЕНКЕ ВЫ УВИДИТЕ ДЕЙСТВО РОБОТОВ, КОТОРЫЕ РАЗЫГРЫВАЮТ ДРАМУ БОГОВ. МОИСЕЙ НА ГОРЕ СИНАЙСКОЙ. РАСПЯТИЕ ХРИСТА, МАГОМЕД И ГОРА, ЛАО ЦЗЫ И ЛУНА, ОТКРОВЕНИЕ МЭРИ БЕЙКЕР ЭДДИ, ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО БУДДЫ, ЯВЛЕНИЕ ИСТИННОГО И ЕДИНОГО БОГА ГАЛАКТИКИ…» Пауза и чуть более деловито: «ВВИДУ БЛАГОЧЕСТИВОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВА ВХОД ТОЛЬКО ПО БИЛЕТАМ. БИЛЕТЫ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ У БЭЙЛИФА».

Пауза, и уже новый голос, умоляющий и оскорб-

ленный: «ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ, ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ… НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО».

Затем щелчок, и другая химера принялась вешать на другом языке. Пауэл расхохотался.

— Как вам не стыдно, — сказала стоявшая сзади девушка.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Извините. В самом деле, ясно сказано: не разговаривать и не смеяться громко. А вам не кажется, что это уморительнейшая…

И вдруг, узнав знакомые телепатемы, Пауэл быстро обернулся. Перед ним стояла Даффи Уиг.

— Даффи? Ну и ну! — сказал он.

Сердитое лицо девушки стало на миг растерянным, но тут же его осветила улыбка.

— Мистер Пауэл! — воскликнула она. — Неотразимый сыщик. Вы помните, за вами танец?

— И извинение, — добавил Пауэл.

— Прелестно. Хоть одно. Мне их столько задолжали! За что же в данном случае?

— Я вас недооценил.

— К этому мне не привыкать, — Взяв Пауэла под руку, Даффи повлекла его за собой по дорожке. — Ну, скажите же, благодаря чему восторжествовала справедливость? Вы на меня

внимательно взглянули и…

— … осознал, что вы умнее всех остальных, работающих на Бена Рича.

— Я умна. Я в самом деле выполняла кое-какую работу для Бена… Однако в вашем комплименте мне послышались минорные полутона. Намекните, что вас опечалило?

— Наш хвост за Хэссопом.

— Пожалуйста, чуть поотчетливей ритм.

— Вы сорвали наш хвост. Поздравляю с удачей.

— А-а, я поняла. У вас есть лошадь — Хэссоп. В жеребячьем возрасте несчастный случай лишил Хэссопа его лучшего украшения, и тогда вы заменили его хвост искусственным, который…

— Плохо, Даффи, никуда не годно. Придумайте что-нибудь поумней.

— Знаете, что я скажу вам, чудо-мальчик: давайте полный ток, хватит темнить. — Ее задорная мордочка повернулась к Пауэлу с полусерьезной, полунасмешливой миной. — Что вы такое городите?

— Сейчас все объясню, прямо по буквам. У нас был хвост за Хэссопом. Хвост — это соглядатай, шпион, тайный агент, которому поручено повсюду следовать и наблюдать за подозреваемым…

— Усекла. А что такое Хэссоп?

— Хэссоп работает у Рича. Он его старший шифровальщик.

— И что я сделала с вашим шпионом?

— Выполняя инструкцию, полученную от Рича, вы очаровали нашего агента, вскружили ему голову, довели до того, что, забыв служебный долг, он целыми днями торчал с вами у рояля, а затем…

— Стойте! — резко перебила Даффи. — Я его знаю. Такой поганчик. Ну, ну, ну! Так это был полисмен?

— Право же, Даффи…

— Я задала вопрос.

— Да, это был полисмен.

— И следил за Хэссопом?

— Верно.

— Хэссоп… это такой белесый? Волосы и глаза будто пылью присыпаны? Глаза голубые?

Пауэл кивнул.

— Мерзавец, — прошептала Даффи. — Подлый мерзавец. А вы, значит, считаете, что я из тех, кто делает для него грязную работу? — в ярости повернулась она к Пауэлу. — Вот оно что! Эх вы… щупач называется! Так вот, послушайте, что я вам скажу. Рич попросил меня оказать ему услугу. Сказал, что этот человек обдумывает очень

интересный музыкальный код. Мол, не возьмусь ли я его проинспектировать? Ну как мне было догадаться, что это какой-то хвост? Как я могла узнать, что ваш агент вздумает выдавать себя за музыканта?

— То есть вы утверждаете, что Рич вас обманул? — удивился Пауэл.

— А что ж еще? — вскипела Даффи. — Я своих мыслей не таю, прощупывайте. Если бы Рич не был сейчас в Заповеднике, то вы легко бы убедились…

— Стоп! — нетерпеливо перебил Пауэл. Проникнув за барьер ее сознания, он за десять секунд четко и исчерпывающе обследовал ее. Затем бросился бежать.

— Э-эй! — крикнула Даффи. — Каково решение присяжных?

— Выдать вам медаль, — не останавливаясь, отозвался Пауэл. — Я пришпилю вам ее лично, как только спасу чью-нибудь жизнь.

— Зачем мне чья-то жизнь? Мне нужны вы.

— Это ваш недостаток, Даффи. Вам нужны все.

— Кто-о-о-о?

— Все-э-э-э.

«ПРОСЬБА НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО!»

Пауэл нашел сержанта в местном театре «Глобус», где великолепная эспер-актриса своей игрой волновала тысячи сердец. Трудно сказать, в чем состояла главная прелесть исполнения — в отточенной ли сценической технике или в телепатической чуткости, с какой артистка откликалась на реакцию публики, но во всем зале только один человек остался равнодушным. То был сержант полиции, который угрюмо и методично оглядывал одно за другим лица зрителей. Пауэл взял его за руку и вывел из театра.

— Он в Заповеднике, — сообщил Пауэл сержанту. — Там же вместе с ним и Хэссоп. И там же веши Хэссопа. Очень ловко все придумано. Человек только что побывал в катастрофе, и ему хочется развлечься, отдохнуть. Едет он, конечно, не один, а со спутником. Они опередили нас на восемь часов.

— Заповедник? М-да... — задумчиво пробормотал сержант, — Две с половиной тысячи квадратных миль, до отказа набитых такой прорвой флоры, фауны, рельефов и климатов, какой нигде больше не увидишь, даже если проживешь три жизни.

— Вы считаете вероятным, что Хэссоп может там погибнуть — если он уже не погиб?

— Я гроша ломаного не дам за его голову.

— Чтобы спасти беднягу, нам придется взять вертолет и немедленно вылететь.

Сержант откашлялся:

— Кгм… На территории Заповедника не разрешается пользоваться механическим транспортом.

— Но это же особый случай. Старикашка Моз непременно потребует к себе Хэссопа.

— Тогда пусть ваша чертова машина уломает нашу мэрию. Недельки через три-четыре вы, может быть, получите специальное разрешение.

— К тому времени от Хэссопа и костей не останется. Ну а если применить телепатический радар или сонар? Мы могли бы определить телепатемы Хэссопа и…

— Кгм… — снова откашлялся сержант. — Никакие приборы, за исключением кино- и фотокамер, не допускаются на территорию Заповедника.

— Послушайте, что за чертовня творится в этом вашем знаменитом Заповеднике?

— Заповедник сулит встречу со стопроцентно девственной природой для тех, у кого шило в заднем месте. Все там делается на свой риск. Опасность приодет экскурсии еще большую пикантность. Представляете? Вы боретесь со

стихией. Боретесь с дикими зверями. Вы вновь становитесь примитивным и обновленным. Так говорят рекламные объявления.

— И что там делают туристы: трут чурки одну о другую?

— Несомненно. Вы путешествуете пешим ходом. Припасы тащите на себе. А чтобы вас не слопали медведи, нужно захватить непроницаемый защитный барьер. Если нужен огонь, разведите костер. Желаете поохотиться, сами изготовьте себе оружие. Рыбку поудить — опять же делайте все сами. Честное состязание с природой. А на тот случай, если она вас победит, вы должны, пока живы, выдать расписку.

— Как же нам искать Хэссопа?

— Подмахнуть расписку и двинуться в путь.

— Вдвоем? Обшарить две с половиной тысячи квадратных миль этой первозданной географии? Сколько патрульных вы можете для меня выделить?

— Человек десять.

— То есть по двести пятьдесят квадратных миль на душу. Вы шутите.

— Может быть, вы сумеете уговорить наше правление… хотя нет, вы и собрать-то их всех вместе сможете не раньше чем через неделю.

Впрочем, стойте! Не сумели бы вы их объединить телепатическим путем? Послать какие-нибудь аварийные сигналы, что ли? Как там у вас, щупачей, это делается?

— Вашего брата мы только прощупываем. А что-либо передать мы можем лишь друг другу… Стоп! Ага, вот это уже идея!

— Что за идея?

— Человеческий организм не считается прибором?

— Пока нет.

— И не относится к плодам цивилизации?

— Это точно.

— В таком случае мне нужно как можно скорее кое с кем договориться, и я отбуду в Заповедник с персональным радаром.

Следствием осенившей Пауэла идеи явилось то, что знаменитый адвокат во время щекотливейших переговоров в роскошном, как все на Ривьере, зале заседаний внезапно ощутил непреодолимую тягу к природе. То же чувство овладело секретарем известного писателя, арбитром по вопросам семейного права, консультантом отдела найма при Объединенной ассоциации отелей, специалистом по технической эстетике, председателем Вселенского комитета жалоб, главным

кибернетиком Титана, секретарем Совета политической психологии, двумя членами кабинета министров, пятью парламентскими лидерами и десятками других работающих и отдыхающих на Ривьере эсперов.

Длинной вереницей входили они в ворота Заповедника, объединенные ощущением праздничной приподнятости и взаимосвязанности. Те, кто заблаговременно получил сообщение по тайной сети, успели переодеться. Остальные не успели: контролеры, занятые проверкой багажа туристов, с удивлением проводили глазами безумца, который прошествовал в ворота с рюкзаком на спине и при всех дипломатических регалиях. Зато все как один поклонники природы имели при себе большие карты Заповедника, тщательно разбитые на секторы.

Быстрым шагом они разошлись во все стороны миниатюрного искусственного континента. Воздух как бы гудел, насыщенный телепатемами; все сообщения и замечания пробегали по контурам живого радара, сходясь к его центральной точке, к Пауэлу.

— *Путь закрыт. Передо мной гора.*

— *Тут снег. Ну и метель!*

— *Болота и (фу, дрянь!) москиты в моем сек-*

торе.

— Стоп. Линк, впереди люди. Сектор двадцать один.

— Дайте мне на них взглянуть.

— Пожалуйста.

— К сожалению, не то.

— Впереди люди, Линк. Сектор девять.

— Перешлите их изображение.

— Держите.

— Нет. Не то.

— Впереди люди, Линк. Сектор семнадцать.

— Дайте изображение.

— А, черт! Это медведь.

— Не удирайте! Действуйте дипломатично!

— Впереди люди, Линк. Сектор двенадцать.

— Дайте изображение.

— Получите.

— Опять не то.

— Вот это да!

— Метель?

— Нет. Льет как из ведра.

— Впереди люди, Линк. Сектор сорок один.

— Дайте изображение.

— Пожалуйста.

— Не они.

— Линк, объясните, как лазят по пальмам.

— Перехватывайте ствол руками и ногами и взбирайтесь вверх.

— Мне нужно вниз, а не вверх.

— А как вы попали наверх, ваша честь?

— Не знаю. Спросите у носорога, которого я встретил возле этой пальмы.

— Впереди люди, Линк. Сектор тридцать семь.

— Перешлите их изображение.

— Держите.

— Не годится.

— Впереди люди, Линк. Сектор шестьдесят.

— Гоните их изображение.

— Пожалуйста…

— Шагайте мимо.

— Долго нам еще тут странствовать?

— Они опередили нас по меньшей мере на восемь часов.

— Нет, щупачи, поправка. Они взяли старт на восемь часов раньше нас, но это не значит, что нас разделяет восемь часов пути.

— Нельзя ли попонятней, Линк?

— Ричу не обязательно забираться в глубь Заповедника. Он мог и поближе к воротам облюбовать удобное местечко.

— Удобное для чего?

— Для убийства.

— Простите. Как уговорить дикую кошку, чтобы она вас не сожрала?

— Прибегните к политической психологии.

— Прибегните к защитному барьеру, мистер секретарь.

— Впереди люди, Линк. Сектор один.

— Дайте их изображение, мистер главный кибернетик.

— Пожалуйста.

— Пройдите мимо, сэр. Это Рич и Хэссоп.

— ЧТО?!

— Без паники. Не привлекайте к себе внимания. Спокойно про ходите мимо. Когда скроетесь из поля зрения, сверните к сектору два. Всем возвратиться к воротам и разойтись по домам. Тысяча благодарностей. С этой минуты я начинаю действовать на свой риск.

— Возьмите нас в долю, Линк.

— Не выйдет. Здесь нужна ювелирная работа. Рич не должен знать, что я похитил Хэссопа. Все будет выглядеть естественно, закономерно и не вызовет подозрений. Так сказать, кража без взлома.

— И совершите ее, конечно, вы.

— Кто украл погоду, Пауэл?

Жаркая вспышка смущения догнала направ-

лявшихся к воротам эсперов.

Облюбованная Ричем квадратная миля представляла собой густые заболоченные, насыщенные влажными испарениями джунгли. Когда спустилась темнота, Пауэл медленно пополз к костру, который Рич разложил на поляне у небольшого озерца. Вода кишела крокодилами, гиппопотамами и водяными. На земле и на деревьях тоже бурлила жизнь. Экологи Заповедника употребили немало усилий, чтобы совместить и сосредоточить максимум живности на крохотном клочке земли. И поскольку их усилия увенчались блестящим успехом, непроницаемый защитный барьер Рича работал с максимальной нагрузкой.

Пауэл слышал, как попискивают, ударяясь о барьер, москиты, как со щелчком отскакивают от невидимой стены более крупные насекомые. Он не рискнул установить свой собственный барьер: защитные барьеры слегка гудят, работая, а у Бена Рича острый слух. Пауэл подобрался поближе к костру и стал прощупывать.

Хэссоп был спокоен и беспечен; ему слегка кружила голову дружба могущественного шефа, слегка пьянила мысль, что в его коробке с пленками хранится судьба Бена Рича. Рич лихо-

радочно мастерил огромный самодельный лук, обдумывая, как подстроить «несчастный случай» и устранить Хэссопа. Этот лук и лежавший рядом с Ричем на земле пучок стрел с закаленными на огне остриями съели восемь часов, на которые он опередил Пауэла. Но для того чтобы подстроить несчастный случай на охоте, нужно охотиться.

Пауэл встал на колени и подполз поближе, нацелив все свои чувства на восприятие Рича. Он замер как вкопанный, когда в сознании Рича звякнул сигнал тревоги. Рич, который только что доделал лук, вскочил и, напряженно вглядываясь в темноту, прицелился.

— Что случилось, Бен? — шепотом спросил Хэссоп.

— Не знаю. Там что-то есть.

— Вот страсть-то. Но ведь у нас барьер.

— Да, я о нем все забываю.

Он снова сел на землю и поворошил костер. Рич не забыл о барьере, но недремлющий инстинкт убийцы смутно и в то же время настойчиво предупреждал его… Пауэлу оставалось только удивляться изощренной чуткости человеческого сознания. Он опять прощупал Рича. Тот, как всегда, когда чувствовал приближение опасности, машинально прикрылся привычным блоком: *И*

когда сказал «четыре», получил синяк под глаз. Три, четыре, три, два, раз!

Глубже бушевал водоворот. Все острей желание убить… убить немедленно и беспощадно… и уж после позаботиться о том, чтобы придать убийству видимость несчастного случая.

Стараясь не глядеть на Хэссопа, Рич взял лук. Ему не терпелось поскорее выпустить смертоносную стрелу. Пауэл двинулся вперед. Но не успел Рич пройти и десяти футов, как новый сигнал тревоги заставил его вскочить на ноги. Выхватив из костра горящее полено, он запустил им в темноту туда, где скрывался Пауэл. Рич так быстро принял и осуществил свое решение, что Пауэл не успел его предугадать. Пылающая головня наверняка бы угодила в Пауэла, если бы не защитный барьер, о котором забыл Рич. Налету наткнувшись на преграду, полено упало на землю.

— А-а! — крикнул Рич и вдруг повернулся к Хэссопу.

— Да что случилось, Бен?

Вместо ответа Рич прицелился в Хэссопа, так туго натянув тетиву, что тупой коней стрелы коснулся мочки его уха.

Хэссоп испуганно вскочил.

— Бен, осторожнее! Вы можете в меня попасть!

Рич выстрелил, но Хэссоп неожиданно метнулся в сторону, и стрела пролетела мимо.

— Бен! Да что вы там…

Внезапно Хэссоп все понял. С приглушенным криком он побежал прочь от костра и от Рича, который уже положил новую стрелу на тетиву. Хэссоп, с разбегу врезавшись в барьер, отлетел назад. Стрела, просвистевшая над самым его плечом, тоже уткнулась в барьер.

— Бен! — взвизгнул Хэссоп.

— У, сукин сын! — прохрипел Рич, еще раз заряжая лук.

Пауэл был уже возле барьера. Но он не мог проникнуть внутрь.

Хэссоп с визгом метался у дальней стены, а Рич надвигался на него, держа перед собою лук. Вторично налетев на невидимую стену барьера, Хэссоп упал, пополз на четвереньках, потом встал на ноги и, словно загнанная крыса, шмыгнул в сторону от неотступно преследовавшего его Рича.

— Боже мой! — прошептал Пауэл и отступил в темноту.

Нужно было что-то предпринять, и предпринять немедленно. В ушах у него гудело от набегавшего волнами ропота и рева, которыми джунгли

откликнулись на вопли Хэссопа. Пауэл весь обратился в телепатическую восприимчивость. Слепой страх, слепой гнев, слепые инстинкты — вот все, что окружало его. Бегемоты, тяжелые, тупые… Глухие, злобные, голодные крокодилы… Огромные водяные нетопыри, свирепые, как носороги, которых они вдвое превышали размером. Издали долетают приглушенные расстоянием телепатические сигналы слонов, вапити, гигантских кошек…

— Ну, была не была, — решился Пауат. — Попробую взломать барьер. Другого пути нет.

Он задвинул все блоки, пригнал их впритирку и, оставив выход только для сообщения эмоций, начал передавать: *страх, страх, ужас, страх…* Он посылал самые примитивные эмоции из всего ряда… *Страх. Страх. Ужас. Страх. СТРАХ— БЕГСТВО — УЖАС. СТРАХ — БЕГСТВО — УЖАС — БЕЖАТЬ!*

Во всех гнездах, пискнув, пробудились птицы. На птичий писк воплем отозвались обезьяны, и тысячи ветвей заколыхались под телами четвероруких беглецов. На озерце послышался нестройный залп громких чавкающих взрывов — то выскакивали из прибрежной отмели охваченные слепым ужасом бегемоты. Стонала земля под ногами слонов, которые бежали в панике

и оглашали джунгли пронзительным трубным ревом. Рич услыхал все это и застыл на месте, забыв о Хэссопе, который, плача и крича, все еще продолжал метаться между стенами барьера.

Бегемоты первыми наткнулись на барьер. За ними следовали гигантские водяные нетопыри и крокодилы. Затем подоспели слоны. А дальше на барьер с тяжелым топотом обрушились стада зебр, гну, вапити. История Заповедника еще не знала такого массовою бегства животных. Немудрено, что и создатели непроницаемого защитного барьера не предусмотрели столь интенсивного напора. Барьер рухнул с пронзительным скрежетом, будто кто-то резал ножницами стекло.

Бегемоты раскидали и затоптали костер. Пробравшись в темноте к ополоумевшему от ужаса Хэссопу, Пауэл схватил его за руку и потащил к краю поляны, где были сложены вещи. Удар копыта чуть не сбил Пауэла с ног, но он не выпустил Хэссопа и вскоре обнаружил драгоценную коробку с пленкой. В кромешной, напоенной страхом тьме Пауэл различал телепатемы бегущих в панике животных, и ему удалось выбраться, таща за собой Хэссопа, из середины живого потока. Спрятавшись за широким стволом тукового дерева, он приостановился, чтобы отдышаться и

спрятать в карман коробку. Хэссоп все еще всхлипывал. Затем Пауэл поймал телепатемы Рича — тот стоял, прижавшись спиной к дереву, всего лишь в сотне футов и сжимал оцепеневшими руками лук и стрелы. Он был растерян, взбешен, перепуган… и пока что невредим. Больше всего на свете Пауэлу хотелось сберечь его в целости и сохранности для Разрушения.

Отцепив свой собственный защитный барьер, Пауэл швырнул его через поляну к выжженной костром проплешине, где Ричу уже нетрудно было бы его найти. Потом он повернулся и повел к воротам покорно следовавшего за ним шифровальщика.

Глава 13

Дело Рича можно было наконец передать окружному прокурору. Пауэл надеялся, что оно достаточно подготовлено для того, чтобы им мог заняться толстокожий скептик, ненасытный пожиратель фактов старикашка Моз.

Пауэл и его сотрудники собрались в кабинете Моза. В середине кабинета стоял круглый стол. На столе находился прозрачный макет Бомон-Хауса, населенный миниатюрными андроидами. Сотрудники лаборатории, изготовляя модели, изображающие главных действующих лиц, превзошли себя. Крохотные Рич, Тэйт, Мария Бомон и другие передвигались по макету, воспроизводя все особенности походки оригиналов. Рядом с макетом на столе лежала кипа документов, подготовленных для Моза сотрудниками парапсихологического отдела.

Сам «старикашка» занимал всю окружность стены своего гигантского круглого кабинета. Помаргивали и мерцали холодным блеском его многочисленные глаза. Гудели и жужжали многочисленные блоки памяти. Конус рта чуть приоткрылся, словно в изумлении перед челове-

ческой глупостью. Многочисленные руки-рычаги застыли над рулоном перфорированной ленты, готовые сразу же вслед за получением данных отстучать логический вывод. Моз, он же Мозаичный Следственный Компьютер окружной прокуратуры, держал в страхе всех сотрудников полиции, контролируя и оценивая каждое их действие, решение и заключение.

— Сперва не будем беспокоить Моза, — сказал Пауэл прокурору. — Включим модели и посмотрим, насколько точно их действия совпадут с имеющимся у нас графиком. У ваших сотрудников есть таблицы времени. Сверяйтесь с ними: если наши куклы что-нибудь сделают не так, дайте знать, и мы выбросим макет на помойку.

Он кивнул де Сантису, вспыльчивому заведующему лабораторией, и тот, сдерживая раздражение, спросил:

— Один к одному?

— Нет, это слишком быстро. Сделайте один к двум. Вдвое медленней нормальной скорости движения.

— При таком темпе андроиды выглядят неестественно, — вскипел де Сантис. — Их не смогут оценить. Мы как проклятые вкалывали две недели…

— Не тревожьтесь. Мы повосхищаемся ими потом.

Употребив титаническое усилие воли, де Сантис сдержался, затем нажал на кнопку. В макете зажегся свет, и куклы ожили, возник звуковой фон, в котором угадывались музыка, смех, разговоры. В главном зале Бомон-Хауса пневматическая модель Марии медленно взобралась на помост, держа крохотный томик в руках.

— Это происходило в одиннадцать ноль девять, — пояснил Пауэл сотрудникам прокуратуры. — Следите за часами над макетом. Они, как и модели, будут работать в два раза медленней обычного.

Все умолкли и, затаив дыхание, следили за сценой, на которой андроиды воспроизводили события рокового вечера. Вновь, как и тогда, Мария Бомон, стоя на помосте в главном зале, прочитала объяснения к игре в «сардинки». Свет стал меркнуть и погас. Бен Рич осторожно пробрался из главного зала в концертный, повернул направо, поднялся по ступенькам в картинную галерею, через бронзовую дверцу проник в прихожую брачных покоев, оглушил охрану и вошел в багряно-золотую комнату в форме цветка.

И снова Рич встретил там де Куртнэ, подошел

к нему вплотную, вытащил из кармана нож-револьвер и лезвием разомкнул челюсти старика, который и не пробовал сопротивляться. Снова резко распахнулась дверь, впустив Барбару де Куртнэ в белом, искрящемся, как иней, халатике. Снова она все пыталась подбежать к отцу, а Рич никак не мог ее поймать, а потом вдруг выстрелил в рот де Куртнэ и пробил ему череп.

— Подлинные кадры, — шепотом сообщил Пауэл. — Я раздобыл этот материал, прощупывая ее подсознание.

Барбара подползла к телу отца, вынула револьвер и неожиданно выбежала из комнаты. Рич бросился за ней вслед, но не сумел найти ее в темном доме, и девушка через парадный вход проскользнула на улицу. Затем Рич встретил Тэйта, и они оба, сделав вид, что играют в «сардинки», проследовали в просмотровый зал. Драма закончилась, когда толпа испуганных гостей, ворвавшись в брачные покои, окружила бездыханное тело старика. Куклы застыли в неподвижности, являя собой причудливую живую картину в миниатюре.

Наступила длинная пауза; сотрудники прокуратуры обдумывали увиденное.

— Ну вот, — сказал Пауэл. — Происходило это

так. А сейчас давайте вручим наши данные Мозу и посмотрим, что он думает. Сначала — замысел. Вы ведь не станете отрицать, что игра в «сардинки» предоставила Ричу отличную возможность осуществить его замысел.

— Как мог Рич знать, что там будут играть в «сардинки»? — буркнул прокурор.

— Рич купил книгу и послал ее Марии Бомон. Он это сделал неспроста.

— Как мог он предугадать, какую игру выберут?

— Он знал, что Мария любит игры. А игра в «сардинки» была единственной во всем томике, объяснение к которой осталось удобочитаемым.

— Ну, не знаю. — Прокурор почесал голову — Моза не так-то легко убедить. Подайте этот материал. Вреда не будет.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет прошествовал комиссар Крэбб с таким видом, словно он командовал парадом.

— Господин префект Пауэл, — произнес он официальным тоном.

— Господин комиссар?

— Мне стало известно, сэр, что вы пытаетесь при помощи этой машины обвинить моего друга Бена Рича в гнусном и вероломном убийстве

Крэя де Куртнэ. Мистер Пауэл, ваши намерения абсурдны. Бен Рич один из наших самых уважаемых и выдающихся сограждан. Кроме того, сэр, я никогда не одобрял тенденции передоверять решение важных вопросов электронному мозгу. Избиратели доверили вам пост префекта, чтобы вы работали своей головой, а не пресмыкались…

Пауэл кивнул Беку, и тот начал вставлять перфокарты.

— Вы совершенно правы, комиссар, — ответил Пауэл. — Теперь коснемся обстоятельств. Первое: скажите-ка, де Сантис, каким образом Рич оглушил охрану?

— К тому же, господа… — продолжил Крэбб.

— Ионизатором родопсина, — резко отчеканил де Сантис. Он достал пластмассовую горошину и перебросил Пауэлу, который продемонстрировал ее всем остальным, — Человек по имени Джордан придумал эту штуку для частной полиции Рича. У меня есть эмпирическая формула изготовления ионизатора, которую можно ввести в компьютер, а также созданный в нашей лаборатории образец. Не желает ли кто-нибудь его испытать?

Прокурор не проявил энтузиазма.

— В этом нет необходимости. Моз и без испытаний может сделать вывод.

— И в связи с этим, господа… — подводил итог Крэбб.

— Нет уж, позвольте, — с деланой приветливостью возразил де Сантис — Не увидев собственными глазами, вы нам не поверите. Это совсем не больно. Вы всего-навсего становитесь non compos на каких-нибудь шесть или семь…

Шарик начал расползаться в пальцах Пауэла. Яркая вспышка голубого пламени метнулась Крэббу прямо в нос. Комиссар умолк на полуслове и свалился, как пустой мешок. Пауэл в ужасе озирался.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Что я наделал? Эта горошина сама растаяла в моей руке. — И, повернувшись к де Сантису, строго сказал: — Слишком тонкая оболочка, де Сантис. Полюбуйтесь, что вы натворили с комиссаром.

— Я натворил?

— Передайте эти материалы Мозу, — вмешался прокурор, стараясь говорить бесстрастно и сухо. — Такие данные он примет.

Тело комиссара уложили в глубокое кресло.

— Итак, об обстоятельствах убийства, джентльмены, — продолжал Пауэл. — Вот, не угодно ли взглянуть? Рука быстрее глаза, — Он продемонстрировал собравшимся револьвер из

музея полиции. Вынул патроны, затем из одного вытащил пулю, — Именно так поступил Рич с револьвером, полученным им накануне убийства от Джерри Черча. Он сделал вид, что обезвредил револьвер. Ложное алиби.

— Кой черт ложное? Револьвер действительно не может выстрелить. Это показания Черча?

— Да. Там у вас записано.

— Тогда даже не стоит беспокоить Моза, — Прокурор брезгливо отшвырнул бумаги. — У вас нет улик.

— Улики есть.

— Разве можно убить холостым патроном? В вашем протоколе не сказано, что Рич вторично зарядил патрон.

— Он его не заряжал.

— Что правда, то правда, — едко вставил де Сантис. — Ни в ране, ни в комнате мы не нашли ничего похожего на пулю. Ничего!

— Нашли, любезнейший. Только мы не сразу сообразили, что к чему.

— Не было там ничего! — крикнул де Сантис.

— Полноте, де Сантис, ведь вы сами нашли то, что помогло мне подобрать ключ. Помните комочек глазури во рту де Куртнэ? Вспомнили? А в желудке не оказалось никаких следов печенья.

Встретив изумленный взгляд де Сантиса, Пауэл усмехнулся. Он взял пипетку и наполнил водой сделанную из глазури капсулу. Затем он вставил ее в гильзу патрона и зарядил револьвер. Установив на краю стола деревянную панельку, Пауэл прицелился и нажал на курок. Последовал негромкий, как бы приглушенный звук взрыва, и панелька разлетелась на куски.

— Бог мой… да как же это? — воскликнул прокурор. — Неужели там была только вода?

Он начал перебирать кусочки дерева.

— Вода, и больше ничего, — ответил Пауэл. — Из револьвера можно выстрелить не пулей, а просто унцией воды. Причем начальная скорость будет достаточно велика, чтобы вышибить человеку затылок, если вы стреляли в мягкое нёбо. Вот почему Ричу было необходимо стрелять своей жертве в рот. Вот почему мы ничего другого не нашли. Там ничего и не было.

— Передайте это Мозу, — слабым голосом произнес прокурор, — Честное слово, Пауэл, я начинаю верить, что мы наскребем достаточно улик.

— Прекрасно. И последнее — мотив. Изучив финансовые отчеты «Монарха», мы пришли к выводу, что де Куртнэ загнал Рича в тупик. Рич не мог одолеть конкурента, и ему оставалось только

сделаться его компаньоном. Он предложил де Куртнэ объединить капиталы, но тот отказался. Тогда Рич убил де Куртнэ. Наши выводы вам кажутся логичными?

— Вполне. Только вот покажутся ли они логичными старику Мозу? Суньте все это ему, и поглядим.

Они вставили в компьютер оставшиеся перфокарты, хорошенько раззадорили «старика», сразу же включив его на максимальную мощность, и Моз принялся за дело. Он сосредоточенно мигнул. В нем что-то тихо заурчало. Послышалось прерывистое сопение. Пауэл и остальные со все возрастающим нетерпением ждали ответа. Внезапно Моз икнул. Раздался тихий звон: «Динь-динь-динь-динь-динь», и руки-рычаги начали колотить по чистой ленте.

— С РАЗРЕШЕНИЯ СУДА, — ответил Моз, — СОГЛАСНО ХОДАТАЙСТВУ НЕУМЫШЛЕННИКОВ И ВОЗРАЖЕНИЮ ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ. ПОДПИСИ. СС. ПРЕЦЕДЕНТ: ХЭЙ прот. КОГОУЗА И РЕШЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ ШЕЛЛИ.

— Что это он? — Пауэл вопросительно взглянул на Бека.

— Резвится.

— Нашел время!

— С ним это иногда случается. Попробуем еще раз.

Они снова вставили в компьютер перфокарты и добрых пять минут подзадоривали «старика».

И опять Моз заморгал, засопел, опять у него внутри заурчало, а Пауэл и все остальные встревоженно ждали ответа. Чтобы узнать этот ответ, десятки людей напряженно трудились целый месяц. Но вот застучали по перфоленте рукирычаги.

— РЕЗЮМЕ ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ОДИН НОЛЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ
ВОСЕМЬ. СЕКЦИЯ СИ-ОДИН. МОТИВ, — сказал Моз — НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ прот. ХАНРАХАНА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ РЯД ПРЕЦЕДЕНТОВ.

— Эмоциональные мотивы? — растерялся Пауэл. — Что он, ополоумел? Да ведь тут корыстные мотивы. Бек, проверьте секцию Си-один.

Бек проверил.

— Там все в порядке.

— Попытаемся снова.

Компьютер запросили в третий раз, и на сей раз он ответил по существу:

— РЕЗЮМЕ ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ОДИН НОЛЬ

ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ. СЕКЦИЯ СИ-ОДИН. МОТИВ. НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ КОРЫСТНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ прот. РОЙЯЛ ОДНА ТЫСЯЧА СТО ДЕВЯНОСТО СЕМЬ ВЕРХ. СУД ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ.

— Вы как следует подготовили материалы для Си-один? — спросил Пауэл.

— Мы сделали все, что сумели, — ответил Бек.

— Простите. — Пауэл повернулся к остальным. — Нам с Беком придется перебросить несколькими мыслями. Надеюсь, вы не возражаете. — Он обратился к Беку. — *Ну-ка уберите блоки, Джексон, дайте мне взглянуть. Что-то уклончивое померещилось мне в вашем последнем ответе. А ну-ка мы…*

— *Честное слово, Линк, я представления не имею…*

— *Если бы вы имели представление, это была бы уже не уклончивость, а просто ложь. А ну-ка. А-а… Конечно! Дурень. Вы считаете себя виновным в том, что не готова расшифровка.*

— Дело в том, — пояснил Пауэл, обращаясь вслух ко всем сидящим в кабинете, — что у Бека среди подготовленных им материалов недостает одной мелочи. Хэссоп и наши шифровальщи-

ки сейчас пытаются раскодировать личный код Рича. Пока же нам известно лишь, что Рич предложил слияние капиталов и получил отказ. Подлинный текст предложения и отказа нами еще не получен. Их-то и требует Моз. Въедливый старикан.

— Если вы не раскодировали код, откуда вам известно, что Рич делал такое предложение и получил отказ? — спросил прокурор.

— Я узнал это от самого Рича через посредство Гаса Тэйта. Тэйт успел мне это сообщить за несколько секунд до своей гибели. Знаете, что мы сделаем, Бек? Добавьте к перфокарте предположительные данные. Что думает Моз о нашем деле, если допустить (а мы это вправе сделать), что имеющиеся у нас сведения об обмене телеграммами подтвердятся?

Бек от руки перфорировал карту, присоединил ее к основному материалу и снова вставил в компьютер. Моз к этому времени уже разгулялся, и ответ последовал через 30 секунд:

— РЕЗЮМЕ ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ОДИН НОЛЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ. С ДОПУСКОМ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
ВЕРОЯТНАЯ ДОКАЗУЕМОСТЬ ОБВИНЕНИЯ ДЕВЯНОСТО СЕМЬ ЦЕЛЫХ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ

ДЕСЯТИТЫСЯЧНЫХ ПРОЦЕНТА.

Сотрудники Пауэла заулыбались и с облегчением перевели дух. Пауэл оторвал ленту и широким галантным жестом вручил прокурору.

— Прошу принять дело, господин окружной прокурор. Как видите, в полном ажуре.

— Ну и ну! — воскликнул прокурор. — Подумать только, девяносто семь процентов. Да у нас и девяноста ни разу не набегало за все время моей службы. Семидесяти были рады. Девяносто семь процентов… И против кого? Самого Бена Рича! — Он ошеломленно оглядел своих сотрудников. — Ну и в историю мы с вами влипли.

Дверь открылась, в комнату, размахивая какими-то листками, вбежали двое вспотевших, запыхавшихся людей.

— А вот и шифр, — сказал Пауэл. — Раздолбали, значит, наконец?

— Раздолбали, — отозвались шифровальщики. — И код раздолбали, и вас. Все ваше дело раздолбали вдребезги.

— Как? Что вы мелете?

— Рич укокошил де Куртнэ из-за того, что тот не захотел с ним объединяться, так мы считали? Ему во что бы то ни стало нужно было избавиться от старика, ведь так? Черта с два!

Бек тихо застонал.

— В шифровке, которую Рич отправил де Куртнэ, стояло: YYJI TTED RRCB UUFEAALK QQBA. А это значит: ПРЕДЛАГАЮ СЛИЯНИЕ НАШИХ КАПИТАЛОВ НА НАЧАЛАХ РАВНОГО УЧАСТИЯ В ДОЛЕ.

— Черт возьми! Да ведь и я то же самое говорю. А де Куртнэ ответил: WWHG, то есть отказался. Рич сообщил об этом Тэйту, а Тэйт — мне.

— Де Куртнэ ему ответил WWHG, что означает: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО.

— Вранье!

— А вот и не вранье. WWHG — ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО. Именно тот ответ, который был нужен Ричу. Получив такую телеграмму, Рич должен был пылинки с де Куртнэ сдувать.

Вы не сможете убедить ни один суд в Солнечной системе, что у Рича были причины убить де Куртнэ. Лопнуло ваше дело.

С полминуты Пауэл стоял неподвижно, стиснув зубы, сжав кулаки. Лицо его подергивалось. Внезапно он повернулся к макету, вынул фигурку Рича и свернул ей голову. Потом подошел к Мозу, вырвал перфорированную ленту, свернул ее в комок и швырнул через всю комнату.

Решительным шагом Пауэл направился к крес-

лу, где возлежал Крэбб, и изо всех сил саданул ногой в сиденье. К ужасу зрителей, кресло перевернулось и вместе с комиссаром грохнулось на пол.

— А чтоб ему пусто было! Вечно торчит в кресле! — срывающимся голосом крикнул Пауэл и выбежал за дверь.

Глава 14

Удар! Взрыв! Дверь камеры настежь! Где-то там, снаружи, во тьме, ждет свобода и полет в неизведанное.

Но кто это? Кто стоит там за дверью? Боже милостивый! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать! Спасаться! Улететь!

Он летит в космосе… Как спокойно чувствуешь себя в этом пустом уединенном космокаре, опоясанном серебряной полосой, который устремляется в глубины неизведанного… Люк! Он открывается. Но этого не может быть. На космокаре нет никого, а крышка люка открывается медленно, зловеще… Боже мой! Человек Без Лица! Притаился. Огромный. Безмолвный…

Но я же невиновен, ваша честь. Невиновен. Вам никогда не доказать моей вины, а я буду бесконечно опротестовывать приговор, без конца опротестовывать, пусть даже я оглохну от грохота вашего судейского молотка, и… О господи! Там, на скамье. В парике и в мантии. Человек Без Лица. Притаился. Глядит. Воплощение возмездия…

Грохот молотка все глуше. Да это вовсе и не молоток. Это постукивают костяшки пальцев. Кто-то негромко стучит в дверь каюты. Снаружи слышится голос стюарда:

— Мы над Нью-Йорком, мистер Рич. Через час посадка. Мистер Рич, мы уже над Нью-Йорком.

Костяшки пальцев продолжают барабанить в дверь.

Наконец Рич обретает дар речи.

— Ладно, — говорит он хрипло. — Я вас слышу.

Стюард ушел. Рич выбрался из своей жидкой гидропатической постели и почувствовал, что у него подкашиваются ноги. В конце концов, цепляясь руками за стену и кляня себя последними словами, он встал, все еще полный только что пережитого ужаса, прошел в ванную, побрился, принял душ, паровую и воздушные ванны. Его все еще покачивало. Войдя в нишу для массажа, он нажал на кнопку с надписью «Ионизированная соль». Тотчас пульверизаторы рассыпали по его коже два фунта ароматного порошка, щелкнули рычажки электромассажера, готовые приняться за дело. Но тут вдруг Рич решил, что было бы неплохо выпить кофе. Он вышел из ниши, чтобы вызвать стюарда, и в это мгновение в нише послышался глухой взрыв.

Что-то с силой оттолкнуло Рича, и он упал ничком на пол. Град крохотных острых осколков осыпал его спину. Он вскочил, бросился в спальню, схватил саквояж и, затравленно озираясь, начал рыться в нем, разыскивая разрывные баллоны, которые всегда носил с собой.

Потом он взял себя в руки и тут же почувствовал, как щиплет спину попавшая в порезы соль, как сочится из ранок кровь. И еще он почувствовал, что его больше не бьет озноб. Он вернулся в ванную, выключил систему электромассажа и осмотрел то, что осталось в нише. Судя по всему, ночью кто-то похитил у него из саквояжа разрывные баллоны и заложил их под массажные рычажки. Пустая гильза одного из баллонов валялась на полу возле ниши. Его спасло чудо. Еще какая-нибудь доля секунды… Но кто, кто мог подстроить этот взрыв?

Он самым внимательным образом осмотрел дверь. Замок открывал, по-видимому, мастер своего дела. Но кто он, этот террорист? И зачем ему было устраивать покушение?

— Сукин сын! — прорычал Рич.

Не позволяя себе поддаться панике, он вернулся в ванную, смыл соль и кровь, опрыскал спину коагулянтом, оделся, выпил кофе и лишь после

этого спустился в просмотровый зал. Выдержав там яростную стычку с таможенниками-щупачами *(Получил синяк под глаз! Три, четыре. Три, два, раз!),* он перешел на борт принадлежащего его фирме авиаскутера, который поджидал его, чтобы доставить в город.

Из кабины скутера он связался с башней «Монарха». На экране возникло лицо секретарши.

— Узнали что-нибудь новое о Хэссопе? — спросил Рич.

— Нет, мистер Рич. Ничего нового с тех пор, как вы звонили с Ривьеры.

— Дайте мне зал отдыха.

На экране замелькала елочка фона, затем появился сверкающий хромированной мебелью зал. Бородатый, похожий на ученого Уэст старательно подшивал в пластиковые папки листки с машинописным текстом. Он поднял голову и улыбнулся.

— Хэлло, Бен!

— Чему вы радуетесь, Эллери? — хмуро сказал Рич. — Где черти носят этого Хэссопа? Уж вам-то следовало бы…

— Это больше не моя забота, Бен.

— Что вы болтаете?

Уэст показал папки.

— Вот, закругляюсь, как видите. Это история моей карьеры на службе фирме «Монарх. Предприятия общественного пользования». Для ваших архивов. Означенная карьера завершилась сегодня в девять утра.

— Что?

— Ну да. Я давно предупреждал вас. По решению лиги я наконец освобожден от службы в вашей фирме. Лига находит, что методы промышленного шпионажа вашей компании неэтичны.

— Послушайте, Эллери, вы не можете бросить меня сейчас. Вы мне до смерти нужны, я просто в тупике. Сегодня утром на звездолете кто-то подсунул мне мину. Я чудом спасся. Я должен узнать, чьих рук это дело. А для этого мне нужен щупач.

— Мне очень жаль, Бен.

— Вам не обязательно работать для «Монарха». Я заключу с вами персональный контракт на предмет частной службы. Как с Брином.

— Брин? Второступенный? Психоаналист?

— Да. Мой психоаналист.

— Уже не ваш.

— Что?

Уэст кивнул.

— Сегодня объявлено постановление покончить с частной практикой. Она снижает полезную

отдачу эсперов. Мы должны посвятить себя тому, чтобы приносить максимальную пользу максимальному количеству людей. Вот почему вы лишились Брина.

— Это все Пауэл! — крикнул Рич. — Откапывает на мусорной свалке всевозможные гнусные щупаческие увертки и все, чтобы меня прищучить. Старается пристегнуть мне дело де Куртнэ, подлый щупач! Все…

— Не сотрясайте понапрасну воздух, Бен. Пауэл не имеет к этому никакого отношения. Расстанемся по-хорошему, а? Мы с вами всегда отлично ладили. Так расстанемся же по-доброму. Что вы сказали?

— Сказал, чтобы вы катились ко всем чертям! — рявкнул Рич и выключил видеофон. Затем точно таким же тоном он бросил капитану скутера: — Ко мне домой.

Рич ворвался в свой изящный фешенебельный особняк, построенный на крыше гигантского небоскреба, пробудив, как пробуждал уже не раз, страх и ненависть в сердцах слуг. Он запустил саквояжем в камердинера и направился в комнаты, отведенные Брину. Они были пусты. Суховатая записка на столе извещала Рича о том же, о чем он только что узнал от Уэста. Рич ши-

рокими сердитыми шагами направился в свои покои, подошел к видеофону и набрал номер Гаса Тэйта. На пустом экране вспыхнула надпись:

ПРИЕМА НЕТ

Рич изумленно поглядел на надпись, отключил видеофон и набрал номер Джерри Черча. И снова на чистом экране появилась надпись:

ЛОМБАРД ЗАКРЫТ

Рич злобно щелкнул тумблером и начал неуверенно расхаживать по кабинету, затем, направившись к сейфу, мерцавшему в углу, настроил его на временную фазу и, когда появились ячейки, протянул руку, чтобы взять маленький красный конверт, лежавший в левом верхнем углу. Коснувшись конверта рукой, он услышал негромкий щелчок. И тут же, пригнувшись, метнулся *в* сторону. Из сейфа вырвалась слепящая вспышка пламени, затем раздался мощный взрыв. Что-то больно толкнуло Рича в левый бок. Пролетев через весь кабинет, он ударился о стену. Посыпался град осколков.

С большим трудом ему удалось встать на ноги. Ошеломленный, разъяренный, свирепо что-то рыча, он принялся срывать с себя изодранный пиджак, чтобы выяснить, насколько сильно его покалечило. Он обнаружил множество ран от

осколков, а мучительная боль в боку свидетельствовала о том, что сломано по крайней мере одно ребро.

Услыхав, что слуги бегут к нему по коридору, он заорал:

— Никому не входить! Слышите вы? Никому! Все оставайтесь на месте.

Спотыкаясь об обломки, он начал разбирать то, что осталось от сейфа. Вот нейронный дезинтегратор, отнятый им у красноглазой помощницы Чуки Фруд. А вот зловещий стальной цветок, тот самый нож-револьвер, которым был убит де Куртнэ. В обойме остались четыре нестреляных патрона с наполненными водой ампулами из глазури. Он сунул то и другое в карман (к этому времени он успел переодеться), взял из стола новый запас разрывных баллонов и выбежал из комнаты, даже не взглянув в сторону изумленных слуг.

Спускаясь к гаражу, расположенному в подвале, Рич ругался последними словами. Ругаясь, он сунул в щель автоматического вызова автомобилей ключ от своего маленького личного прыгуна и стал ждать. В это время в гараж вошел еще один из жильцов небоскреба. Остановившись поодаль, он с любопытством поглядывал на Ри-

ча. Наконец прыгун вынырнул из хранилища с ключом, торчащим в дверце. Рич повернул ключ, рывком распахнул дверцу и уже собирался сесть в кабину, когда до его слуха донесся тихий звук, похожий на шипение воздуха, вырывающегося из проколотого баллона. Рич бросился ничком на землю. В ту же секунду в прыгуне взорвался бак. К счастью, обошлось без пожара. Вырвался лишь мощный гейзер горючего, и во все стороны полетели обломки искореженного металла. Рич со всей быстротой, на какую был способен, пополз к выходу, кое-как добрался до лестницы и сломя голову бросился вон из гаража.

Вот и улица. Растерзанный, окровавленный, провонявший креозотом, он остановился и как безумный стал озираться по сторонам в надежде поймать общественного прыгуна. Прыгунов-автоматов не было, но ему удалось остановить аэромобиль с водителем.

— Куда? — спросил шофер.

Рич с некоторым даже изумлением взглянул на свою окровавленную, запятнанную жирными пятнами одежду и хриплым, срывающимся голосом приказал:

— К Чуке Фруд!

Одним прыжком такси перенесло его к Бастиг-

ону на Уэст, 99.

Не обращая внимания на протесты швейцара, Рич протиснулся в дом, пронесся через приемную мимо негодующего секретаря и высокооплачиваемого консультанта Чуки Фруд и вломился в личный кабинет гадалки. Кабинет представлял собой комнату в викторианском стиле с захватанными стеклянными лампами, пышными диванами и конторкой на роликах. За конторкой в подозрительного вида халате сидела Чука. Недоверие, написанное на ее лице вначале, сменил испуг.

— Господь с вами, Рич! — воскликнула она.

— Ну вот я и пришел, Чука, — сказал он хрипло. — Можно начинать игру. Но прежде чем нам начать партию, давай-ка пустим пробный шар. Этот дезинтегратор однажды уже помог мне объясниться с тобой. Сейчас у меня появилась охота попробовать еще разок. И виновата в этом ты сама.

Старуха выскочила из-за конторки и завизжала:

— Магда!

Рич схватил ее за руку и отшвырнул в противоположный конец комнаты. В следующий момент в кабинет влетела красноглазая телохранитель-

ница. Но Рич поджидал ее. Подскочив сзади, он ударил ее ребром ладони по шее и, когда женщина ничком повалилась на пол, наступил ей на спину.

— Ну, рассказывай-ка все начистоту. Зачем ты подкладываешь мне мины? — крикнул он Чуке, не обращая внимания на возню распластавшейся на полу красноглазой, которая, стараясь освободиться, извивалась всем телом и царапала его ногу.

— О чем вы говорите? — взвизгнула Чука.

— И у тебя хватает наглости об этом спрашивать? Ты умеешь читать мысли. Вот и читай по этим кровавым пятнам, негодяйка ты этакая! Я три раза был на волосок от смерти. Не может же мне без конца везти!

— Никак не возьму в толк, о чем это вы, Рич. Не пойму я, о чем вы толкуете…

— Я толкую о смерти, Чука, о большом «С», которое означает смерть. Недавно я вошел к тебе силой, увел отсюда эту девчонку, дочь де Куртнэ, задал хорошую трепку твоей подружке, да и самой тебе досталось. Вот ты в отместку и пытаешься меня ухлопать, подсовываешь мины-сюрпризы. Ведь так?

Старуха растерянно трясла головой.

— Ты мне подсунула уже три штуки. Одну — на космическом лайнере, который вез меня с Ривьеры. Вторую — в моем кабинете. Третью — в аэромобиль. Сколько ты мне их еще подкинешь, а, Чука?

— Это не я, Рич. Помогите мне встать. Я…

— Кроме тебя некому. Узнаю тебя по хватке. А потом, кто еще, кроме тебя, станет мараться с разной шпаной, нанимать уголовников? Нет, все улики против тебя. Кончай темнить. — Он снял дезинтегратор с предохранителя. — Некогда мне рассусоливать с тобой. Еще не хватало тратить время на задрипанную старую бесовку и ее вампиров…

— Господи помилуй! — завопила Чука. — Да за каким же дьяволом стала бы я с вами враждовать? Ну, поколобродили вы малость в доме. Ну, Магда от вас схлопотала. Так не от вас же первого. Да и не от последнего. Так зачем мне, пораскиньте-ка мозгами…

— Я уже пораскинул. Если не ты, то кто же?

— Кено Киззард. Он тоже шпану нанимает. Я слыхала, вы с ним…

— Киззард вышел из игры. Он мертв, еще кто?

— Может, Черч?

— Черч на такое не решится, кишка тонка. А

решился бы, так сделал бы это десять лет назад. Кто еще?

— А мне почем знать? Сотни людей вас ненавидят.

— Не сотни, а тысячи, но кто мог влезть в мой сейф, подобрать комбинацию?

— Может, ее никто и не подбирал, комбинацию-то вашу. Может, не в сейф, а в голову к вам кто залез, прощупал комбинацию…

— Прощупал?

— А что? Хоть бы Черч. Почем вы знаете, тонка у него кишка или нет? Или еще какой щупач, кому не терпится упрятать вас в могилу.

— Боже мой! — прошептал Рич. — Боже мой, ну конечно.

— Черч?

— Нет. Пауэл.

— Фараон?

— Да, Пауэл, конечно же! Его святошеское прохиндейство. Линкольн Пауэл! — Злобные восклицания хлынули потоком, — А, черт! Пауэл! Сукин сын проклятущий, вот за что принялся. Увидел, что честным путем меня не одолеть. Не сумел доказать свои обвинения, так мины мне подкладывает!

— Да вы что, рехнулись?

— Рехнулся? А за каким дьяволом он забрал у меня Эллери Уэста и Брина? Знал, негодяй, что только какой-нибудь щупач сумел бы мне помочь защититься от его мин-сюрпризов. Нет, это Пауэл.

— Но он же полицейский, Рич. Сам ведь в полиции служит!

— Ну и что из того, что служит? — крикнул Рич. — А чем это может ему помешать? Еще удобнее. Кто его заподозрит? Ловкий ход. На его месте я бы сам так поступил. Ну хорошо же!.. Я в долгу не останусь. Такой ему подложу сюрпризец!..

Он пинком отшвырнул красноглазую, подошел к Чуке, рывком поставил ее на ноги.

— Звони Пауэлу.

— Чего?

— Звони, говорю, Пауэлу, сейчас же! — заорал он. — Линкольну Пауэлу. Домой. Скажи, чтоб сию минуту шел сюда.

— Нет, Рич…

Он схватил ее за ворот и встряхнул, как мешок.

— Слушай меня, дура набитая. Бастион Уэст принадлежит картелю де Куртнэ. Сейчас, когда старик де Куртнэ умер, его картель станет моим и Бастион тоже станет моим. Теперь я буду хозяином этого дома. Твоим хозяином, Чука. Хочешь

остаться при своем доме? Звони Пауэлу.

Она уставилась, на его багровое лицо, кое-как прощупала его и хоть с трудом, но сообразила, что он говорит правду.

— А что я ему скажу?

— Постой-ка… минутку. — Рич подумал, потом вынул из кармана нож-револьвер и сунул его в руки гадалке. — Покажи ему эту штуковину. Скажи, что дочка де Куртнэ оставила это здесь.

— А что это?

— Пистолет, которым убит де Куртнэ.

— Ох… как же так?..

Рич засмеялся.

— Все равно никакой пользы ему от этой штуки не будет. К тому времени, когда этот пистолет окажется у него в руках, я подложу ему мину. Позвони ему. Покажи ему револьвер. Замани сюда.

Он подтолкнул Чуку к видеофону, а сам встал рядом, однако так, чтобы его изображение не попадало на экран, и многозначительно взвесил в руке дезинтегратор. Чука поняла угрозу.

Она набрала номер Пауэла. На экране появилась Мэри Нойес, выслушала Чуку и пошла звать Пауэла. Он тут же подошел к видеофону. Худое лицо префекта осунулось, под темными глазами лежали глубокие черные тени.

— Я… У меня тут кое-что есть. Мистер Пауэл, может, для вас нужное, — запинаясь, начала Чука. — Вот давеча нашла. Эта девушка, что вы увели отсюдова… Она оставила…

— Что оставила?

— Да револьвер, из которого отца ее… ухлопали…

— Не может быть! — Лицо Пауэла внезапно оживилось. — Покажи.

Чука продемонстрировала нож-револьвер.

— Клянусь небом, это он! — воскликнул Пауэл, — Может, мне и в самом деле наконец-то повезет. Никуда не уходи, слышишь, Чука? Я прибуду так быстро, как только сможет домчать меня прыгун.

Экран погас. Так сжав зубы, что во рту появился вкус крови, Рич бросился к выходу, вылетел из Радужного дома, разыскал свободный прыгун-автомат, сунул в щель монету в полкредитки, отпер дверцу и ввалился в кабину. С оглушительным свистом прыгун свечой взмыл вверх, ударился о карниз тридцатого этажа и чуть не перевернулся. У Рича промелькнула смутная мысль, что в таком состоянии, пожалуй, не рекомендуется ни садиться за штурвал, ни заниматься подкладыванием мин. Однако эту мысль тотчас перебила

другая: «Не ломай себе голову, ничего не пытайся рассчитывать. Предоставь все инстинкту. Ты — убийца. Нужно просто выждать время и убить».

Сделав над собой огромное усилие, он повел прыгун к Гул-зон-Рэмп, благополучно долетел до места и начал снижаться, борясь с буйными и неустойчивыми ветрами, которые всегда дуют над Норт-Ривер. Он уже почти приземлился, когда, движимый все тем же инстинктом убийцы, снова резко поднял машину, потом бросил се вниз и сел в садике за домом Пауэла, утроб и в прыгуна. Инстинкт подсказал ему, что при посадке нужно разбить аэромобиль. Зачем? Этого он еще не знал. Толчком распахнув смятую дверцу кабины, он услышал записанный на пленку голос: «Прошу внимания. Вы ответственны за все повреждения, нанесенные этому летательному аппарату. Пожалуйста, сообщите ваши имя и адрес. Если мы окажемся вынужденными разыскивать вас, вам придется оплатить расходы, связанные с розысками. Заранее благодарим».

— На здоровье, — проворчал Рич, — Надеюсь, это будет не единственное повреждение, за которое я окажусь ответственным…

Он нырнул под ветви густо разросшихся кустов форситии и стал ждать, держа наготове дезин-

тегратор. Через несколько секунд он понял, для чего нужно было разбивать аэромобиль. Из дома вышла девушка — та, что подходила к видеофону, — и побежала через сад к разбитому прыгуну. Рич ждал. Кроме девушки, из дома никто не вышел. Значит, она одна. Рич начал выбираться из кустов, но девушка повернулась в его сторону раньше, чем зашелестели ветки. Щупачка! Он передвинул спусковой крючок на первую отметку. Тело девушки вздрогнуло и словно одеревенело. Теперь она была беспомощна.

В тот момент, когда Рич собирался перевести спусковой крючок к большому «С», инстинкт опять остановил его. Он вдруг придумал, каким образом подложить Пауэлу мину. Девушку следовало убить в доме, а не в сану, баллоны со взрывчаткой вложить в ее тело и оставить этот сюрприз для Пауэла. По смуглому лицу девушки градом катился пот, желваки на скулах судорожно подергивались. Рич взял ее под руку и повел в лом. Она шла как заводная, переступая негнущимися ногами. Втащив девушку в дом, Рич через кухню провел ее в гостиную и пихнул на широкий плетеный шезлонг. Он чувствовал, как отчаянно она сопротивляется, хотя мускулы совершенно не повиновались ей. Рич злобно

усмехнулся, наклонился к ней и крепко поцеловал в губы.

— Мой сердечный привет Пауэлу, — сказал он и отступил на шаг, поднимая дезинтегратор. Но тут же опустил его.

За ним кто-то наблюдал.

Он машинально обернулся, окинул беглым взглядом комнату. Она была пуста.

— Ваши телепатические выкрутасы, а, щупачка? — спросил он, повернувшись к Мэри Нойес.

Он снова поднял дезинтегратор и опять опустил его.

На него кто-то смотрел.

На этот раз Рич, крадучись, обошел гостиную, заглядывая за все стулья, открывая дверцы стенных шкафов. В комнате никого не было. Он осмотрел кухню, ванную. Никого. Возвратившись в гостиную, он вдруг подумал, что надо бы сходить и на второй этаж, подошел к лестнице, поднял ногу, собираясь взобраться наверх, и вдруг замер, не успев опустить ее на ступеньку, словно оглушенный внезапным ударом.

Он не ошибся: за ним и вправду наблюдали.

Она была на лестничной площадке наверху и, как ребенок, стоя на коленях, заглядывала сквозь перила вниз. Она и одета была, как ребенок, в

колготки, зачесанные назад волосы перевязаны ленточкой. Она разглядывала его с озорным и по-детски лукавым выражением лица. Барбара де Куртнэ.

— Хэлло, — сказала она.

Он почувствовал, что его бьет дрожь.

— Я Бэри, — сказала она.

Он поманил ее.

Она сразу же встала и, крепко держась за перила, начала осторожно спускаться.

— Мне не разрешают сходить вниз, — доверительно сказала она, — Вы папин друг?

Рич судорожно глотнул воздух.

— Я… — пробормотал он срывающимся голосом, — я…

Она продолжала лепетать:

— Папе пришлось уйти. Но он скоро вернется. Он мне обещал. Если я буду хорошей девочкой, он мне подарок принесет. Я стараюсь, правда. Но это ужасно трудно. А вы хороший?

— Ваш отец? Ве-ве-вернется? Ваш отец?

Она кивнула.

— А во что вы играли с тетей Мэри? Вы ее поцеловали, я видела. Папа меня тоже целует. Мне это нравится. А тете Мэри понравилось? — Она доверчиво взяла его руку, — Когда я вырасту

большая, я выйду за папу замуж и всегда буду его девочкой. А у вас есть девочка?

Рич повернул ее лицом к себе и заглянул ей в глаза.

— Что ты мне голову морочишь? — хрипло спросил он. — Думаешь, меня так просто обвести вокруг пальца? Что ты рассказала Пауэлу?

— Он мой папа, — сказала девушка. — А когда я его спрашиваю, почему нас с ним по-разному зовут, он такой чудной-чудной делается. А тебя как зовут?

— Отвечай! — заорал Рич. — Я тебя спрашиваю, что ты ему рассказала? Кого ты хочешь провести этим кривляньем? Ну, отвечай.

Она растерянно взглянула на него и заплакала. Потом попробовала вырваться из его рук, но не смогла.

— Уйди! — кричала она, всхлипывая, — Отпусти!

— Ты мне ответишь?

— Отпусти!

Он приволок ее в гостиную, бросил в шезлонг рядом с Мэри Нойес, которая еще не оправилась от действия дезинтегратора, отступил назад и нацелил на них свое оружие. Внезапно Барбара приподнялась и замерла, как бы прислушиваясь

к чему-то. Ребячливое выражение исчезло с ее лица, теперь оно было страдальческим и напряженным. Она спустила ноги, спрыгнула с кресла, как спрыгивают с постели, и побежала. Потом на секунду остановилась, сделала такое движение, будто открывает дверь, и снова бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от страха — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

У Рича замерло сердце. Она бежала к нему. Он шагнул навстречу, чтобы схватить ее. Она остановилась, отступила, метнулась влево и побежала, полукругом огибая комнату, отчаянно крича и все время глядя в одну точку.

— Нет! — кричала она. — Нет! Не надо! Ради всего святого! Отец!

Рич бросился к ней наперерез. На сей раз ему удалось схватить девушку, хотя она кричала и отчаянно вырывалась. Сам он тоже что-то кричал. Вдруг, словно оцепенев, Барбара замерла и прижала к ушам ладони. Рич увидел себя в орхидейной комнате Бомон-Хауса. Он услышал выстрел, увидел, как из затылка де Куртнэ вылетел страшный кровавый сгусток. И вдруг почувствовал, как все его тело свело судорогой, и

он не смог удержать девушку. Барбара упала на колени, поползла по полу, и он увидел, как она прильнула к застывшему телу старика.

Рич с усилием глотнул воздух, чтобы привести себя в чувство. Сжав кулаки, он так сильно ударил костяшками пальцев друг о друга, что стало больно. Наконец шум в ушах немного утих, и он медленно направился к Барбаре, пытаясь собраться с мыслями и на ходу перестроить свой план. Он никак не мог предположить, что здесь окажется свидетельница. Мерзавец Пауэл! Девчонку придется убить. Успеет он убить двоих за… Нет. Никого он не собирается убивать. Он хочет подложить мину. Паршивец Тэйт. Стоп! Он ведь сейчас не в Бомон-Хаусе. Он на…

— Гудзон — Рэмп, тридцать три, — с порога подсказал Пауэл.

Рич быстро оглянулся, машинально пригнувшись и перебросив дезинтегратор под локоть левой рукой, как его научили бандиты Кено Киззарда.

Пауэл шагнул в сторону.

— Не вздумайте стрелять! — сказал он резко.

— Сукин сын! — заорал Рич, машинально повернувшись к Пауэлу. На какое-то мгновение тот оказался прямо перед дулом дезинтегратора,

но снова быстро отступил в сторону. — Щупач проклятый! Сволочь, доходяга…

Пауэл сделал вид, будто собирается броситься влево, а сам одним прыжком подскочил к Ричу и нанес ему резкий удар в локтевой нервный узел. Дезинтегратор упал на пол. Оставшись безоружным, Рич бросился врукопашную. Он дубасил Пауэла кулаками, царапался, бодался, осыпая его площадной руганью. Пауэл ответил тремя молниеносными ударами — по шее у основания черепа, в солнечное сплетение и в пах. В результате у Рича была полностью блокирована деятельность нервного позвоночного столба. Он грузно свалился на пол. Из носу у него потекла струйка крови, тело сотрясали позывы к рвоте.

— А ты думал, ты один умеешь драться? — с усмешкой сказал Пауэл.

Он подошел к Барбаре де Куртнэ, все еще стоявшей на коленях, и помог ей подняться.

— Ну как ты, Барбара? — спросил он.

— Хэлло, папа. Мне снился страшный сон.

— Я знаю, детка. Мне пришлось все так устроить, чтобы проучить этого здоровенного дуралея.

— Поцелуй меня.

Он поцеловал ее в лоб.

— Ну и быстро же ты растешь! — сказал он с

улыбкой. — Вчера еще лепетала, как совсем маленький ребенок, а сегодня…

— А я нарочно так расту. Потому что ты обещал, что подождешь, когда я стану большая.

— Раз обещал, значит, так и сделаю. Можешь сама забраться на второй этаж или отнести тебя на ручках, как вчера?

— Я сама могу.

— Вот и умница. Беги наверх.

Она подошла к лестнице, крепко уцепилась за перила и начала взбираться наверх. На последней ступеньке она быстро обернулась, показала Ричу язык и скрылась. Пауэл подошел к Мэри Нойес, пощупал пульс и поудобнее усадил в шезлонге.

— Первая отметка, так? — сквозь зубы произнес он, обращаясь к Ричу. — Это мучительно, но через час она полностью придет в себя, — Он подошел к распростертому на полу Ричу, посмотрел на него сверху вниз. Его измученное лицо потемнело от гнева. — Мне следовало бы рассчитаться с вами за Мэри, но что толку? — сказал он. — Разве такому, как вы, что-нибудь объяснишь? Хоть кол на голове теши…

— Убейте меня, — простонал Рич. — Или убейте, или подымите. Но тогда уж, клянусь богом, я сам вас убью.

Пауэл поднял дезинтегратор и искоса взглянул на Рича.

— Попытайтесь немного пошевелить мускулами. Шоковое состояние длится не более нескольких секунд. — Он сел, держа дезинтегратор на коленях. — Да, с этой вылазкой вам явно не повезло. Уже через пять минут после того, как я вышел из дому, мне стало ясно, что меня выманили обманом. Чука, конечно, действовала по вашему наущению.

— Обманом! Сам ты обманщик! — крикнул Рич. — И ты, и этика твоя, и все твои высокопарные рассуждения — все обман. И все вы со своими…

— Чука сказала, что из этого револьвера был убит де Куртнэ, — невозмутимо продолжал Пауэл. — Стреляли-то, конечно, из этого револьвера, но вот чем стреляли, никто не знает… кроме нас с вами. Я сразу же вернулся, и вот… Однако что-то долго вы не поднимаетесь. Пожалуй, слишком долго. Ну, попробуйте-ка встать. Вы уже можете это сделать.

Рич, пошатываясь и тяжело дыша, поднялся на ноги. Внезапно он быстро сунул руку в карман и вытащил разрывной баллон. В ту же секунду Пауэл откинулся на спинку кресла, толкнул Рича

в грудь каблуком и выбил баллон у него из руки.

Рич навзничь рухнул на диван.

— И когда же наконец все вы усвоите, что не в ваших силах захватить врасплох щупача? — сказал Пауэл. Он подошел к валявшемуся на полу баллону и поднял его, — А вы, я вижу, вооружились до зубов. И ведете себя скорее как непойманный преступник, а не как свободный человек. Заметьте, я не говорю «невинный человек», я говорю «свободный».

— А надолго ли я свободен? — процедил сквозь зубы Рич. — О виновности или невиновности я тоже не говорю. Но свободен-то надолго ли?

— Навсегда, — ответил Пауэл. — Ах, какое роскошное обвинительное заключение было у меня против вас! Все сходилось тютелька в тютельку, все факты. Окончательно я проверил их сейчас, когда увидел вас здесь, с Барбарой. Все укладывалось в схему, все факты, кроме одного. И из-за этого-то одного фактика все наши усилия пошли прахом. Вы свободный человек, Рич. Дело против вас прекращено.

Рич вытаращил на него глаза.

— Прекращено?

— Ну да. Обвинение не доказано. Я сел в лужу. Теперь можете разоружаться, Рич. Займитесь сво-

ими делами. Вас никто больше не побеспокоит.

— Врешь! Опять щупаческие фокусы. Ты мне не вкручивай…

— Да ничего подобного. Вы послушайте, я вам все расскажу. Я знаю о вас все. Я знаю, какой суммой вы подкупили Гаса Тэйта. Что обещали Джерри Черчу. Каким образом нашли эту игру в «сардинки». Как применили изобретенные доктором Джорданом капсулы. Знаю, что вы проделали с револьверными патронами: чтобы отвести от себя обвинение, вы вынули из них пули, а потом с помощью унции воды снова сделали их смертоносными. Как видите, я собрал неопровержимую цепь улик. Я выяснил все — и способ убийства, и обстоятельства. Одного я не знал — мотива. Суду надо было представить обоснованный мотив преступления, и сделать это я не сумел. Вот почему вы оказались на свободе.

— Врешь!

— Разумеется, я мог бы предъявить вам обвинение в том, ото вы ворвались ко мне в дом с явным намерением совершить убийство. Но это было бы несолидно — все равно что стрелять из игрушечного пугача, сделав осечку из пушки. К тому же вы наверняка бы выкрутились и на этот раз. Ведь мои единственные свидетели — щупачка и

больная девушка.

— Ты лгун, — отрезал Рич. — Ты лицемер. Ты брехливый щупач. Какой осел тебе поверит? Кто станет слушать твои байки? Не было у тебя никаких доказательств. Ничего не было! Я разбил тебя по всем пунктам. Вот почему ты подбрасываешь мне эти мины-сюрпризы. Вот почему ты… — Внезапно Рич замолчал и стукнул себя кулаком по лбу. — Так это же, наверное, и есть твоя самая главная мина. А я сдуру на нее напоролся. Ну и остолоп же я! Ну и…

— Заткнитесь! — резко оборвал его Пауэл. — Я не могу прощупывать человека, у которого мысли прыгают, как зайцы. Что еще за мины-сюрпризы? Продумайте это как следует.

Рич ехидно рассмеялся.

— Будто ты сам не знаешь. В каюте космического лайнера. У меня в сейфе. В прыгуне…

Почти целую минуту Пауэл сосредоточенно прощупывал мысли Рича, впитывал их, классифицировал, разбирал. Неожиданно лицо его побледнело, сердце гулко заколотилось в груди.

— Боже мой! — воскликнул он и, вскочив, заметался по комнате. — Боже мой! Так вот в чем дело!.. Тогда все понятно… Старикашка Моз был прав. Эмоциональные мотивы, а мы-то решили,

что он дурачится. И этот образ в виде сиамских близнецов среди глубинных инстинктов Барбары… И ощущение вины, терзавшее де Куртнэ… Неудивительно, что Рич не смог убить нас в доме Чуки. Да, но теперь уже речь не об убийстве! Что там убийство? Все это серьезнее. И очень опасно… Более чем я когда-либо воображал себе.

Он замолчал, повернулся к Ричу и с ненавистью посмотрел на него.

— Если бы я мог убить вас, — крикнул он, — я бы свернул вам шею собственными руками! Я разорвал бы вас на куски, развесил бы их на галактической виселице, и вся Вселенная благословила бы меня. Да знаете ли вы, как вы опасны? Впрочем, что с вами говорить! Разве знает чума, сколько гибели она несет? Разве смерть действует сознательно?

Рич молчал и только с удивлением таращил на Пауэла глаза. Префект с досадой мотнул головой.

— Какой смысл вас спрашивать, — пробормотал он. — Вы не знаете, о чем я говорю. И никогда не узнаете.

Он подошел к буфету, достал две ампулы бренди и засунул их Ричу в рот. Рич попытался их выплюнуть. Но Пауэл сжал его челюсти.

— Проглотите их, — сказал он повелительно. —

Мне нужно, чтобы вы очухались и выслушали меня. Может быть, чтобы успокоиться, вам нужен какой-нибудь наркотик?

Рич поперхнулся бренди, что-то злобно забормотал и стал отплевываться. Пауэлу пришлось встряхнуть его, чтобы утихомирить.

— Слушайте, Рич, — сказал он. — Я со всей прямотой обрисую вам ту сторону дела, которую вы в состоянии уразуметь. Обвинение с вас снято. Сейчас, когда я узнал от вас об этих минах-сюрпризах, я понял, что иначе и быть не могло. Знай я о них раньше, я бы и не подумал начинать расследование. Я наплевал бы на все свои принципы и просто убил вас. Постарайтесь же понять все, что я вам скажу.

Рич перестал плеваться.

— Мне не удалось выяснить мотив совершенного вами преступления. Это была единственная прореха в проделанной мною работе. Когда вы предложили де Куртнэ слияние капиталов, он согласился. В своей шифровке он написал WWHG. Это согласие. У вас не было причины убивать его. Наоборот.

Рич побледнел. Его мысли метались в бешеном водовороте.

— Нет. Нет. Неправда. WWHG — это отказ. Он

отказался. Отказался!

— Согласился.

— Да нет же, нет. Мерзавец отверг мое предложение. Он…

— Он принял ваше предложение. Когда я узнал, что де Куртнэ согласился на ваше предложение, я понял, что проиграл. Я знал, что суд не примет нашего обвинительного заключения. Но мне и в голову не приходило подбрасывать вам мины. Я не взламывал замок в вашей каюте на космическом лайнере. Я не подкладывал вам баллонов со взрывчаткой. Я вовсе не тот человек, который хотел вашей смерти. Тот, кто старается убить вас, потому и намеревается это сделать, что знает: я для вас неопасен. Ни я, ни Разрушение. Он всегда знал то, что я открыл только сейчас. Он всегда знал, что вы смертельный враг всего нашего будущего.

Рич попытался заговорить, но не смог. Пошатываясь, он поднялся наконец с дивана и спросил:

— Да кто же это? Кто он? Кто?

— Ваш старинный враг, Рич. Человек, от которого вам не спастись. Вам не убежать от него, не спрятаться… и молю бога, чтобы вам и впредь не удалось укрыться от него.

— Кто же это, Пауэл? КТО ОН ТАКОЙ?

— Человек Без Лица.

Рич хрипло вскрикнул, как раненый зверь, повернулся и, спотыкаясь, вышел из дому.

Глава 15

Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…
Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…

— Заткнись! — крикнул Рич.

Три» два, раз!
А ну еще!
Три, четыре —
горячо!

— Богом тебя заклинаю! Заткнись!

Три, четыре —
горячо!
Ах ты, камбала,
не вобла,
Смотри в оба!

— Ты должен все обдумать. Почему ты не думаешь? Что с тобой? Думай же!

Смотри в оба…

— Он лгал. Ты знаешь, что он лгал. Ты ведь сразу все понял: это и была его самая главная мина-сюрприз. WWHG — отказ! Конечно же, отказ. Но для чего же он врал? Чем это может ему помочь?

И когда сказал «четыре»…

— Человек Без Лица… Брин мог рассказать о нем. И Гас Тэйт тоже мог. Думай же!

Получил синяк под глаз…

— Да ведь нет этого Человека Без Лица. Это сон. Ночной кошмар!

Три, четыре..

— А мины? Откуда взялись мины? Сейчас я был в его руках. Почему он не разделался со мной? Он сказал, что я свободен. Что он замышляет? Думай же!

Три, два, раз!

Кто-то тронул его за плечо.
— Мистер Рич?
— А?
— Мистер Рич?

— А? Кто это?

Мало-помалу расплывчатые тени вокруг него приобрели форму: он увидел, что хлещет дождь, а сам он лежит на боку, зарывшись щекой в грязь, поджав колени и обхватив их руками. Он промок до нитки. Рядом печально шелестели мокрые ветки деревьев. Кто-то наклонился над ним.

— Кто это?

— Гален Червил, мистер Рич.

— А?

— Гален Червил, сэр. Мы познакомились на балу у Марии Бомон. Не пора ли мне оказать обещанную вам услугу, мистер Рич?

— Не прощупывайте меня! — крикнул Рич.

— Что вы, мистер Рич! Мы ведь обычно не… — Молодой Червил вдруг осекся. — Вы знаете, что я шупач? Откуда? Вы бы встали, сэр.

Он взял Рича за руку и потянул, пытаясь помочь ему подняться. Тот со стоном выдернул руку. Тогда молодой Червил взял его под мышки, поставил на ноги и с изумлением заглянул в его перепуганное лицо.

— Вас избили, мистер Рич?

— А? Нет. Нет…

— Несчастный случай, сэр?

— Да нет же. Я… О бог ты мой, — вдруг взорвался

Рич, — катитесь-ка вы к черту!

— Да, конечно, сэр. Мне просто показалось, что вам нужна помощь, а ведь за мной обещанная услуга, но…

— Постойте, — перебил Рич, — Идите сюда, — Обхватив ствол дерева, он привалился к нему, тяжело и хрипло дыша. В конце концов ему удалось выпрямиться, и он уставился на Червила воспаленными глазами. — Вы и в самом деле намерены оказать мне услугу?

— Конечно, мистер Рич.

— И ни о чем меня не спрашивать? Не болтать потом?

— Разумеется, мистер Рич.

— Речь идет об убийстве, Червил. Я хочу выяснить, кто покушается на мою жизнь. Можете вы оказать мне эту услугу? Прощупаете для меня одного человека, которого я вам укажу?

— Но мне кажется… тут уж скорее полиция…

— Полиция? — Рич истерически расхохотался, но тут же мучительная боль в сломанном ребре заставила его замолчать, — Именно полицейского-то я и прошу для меня прощупать, Червил. Очень важного полицейского. Их комиссара. Вот так. — Он отпустил ствол и, качнувшись, уцепился за Червила — Я намерен навестить моего друга

комиссара и задать ему несколько вопросов. А вас прошу при сем присутствовать и сказать мне потом всю правду. Пойдете со мной к Крэббу, прощупаете его? А сделав это, согласны тут же все забыть? А? Согласны?

— Да, мистер Рич… я согласен.

— Вот как? Честный щупач? Впервые вижу. Ну что ж, идемте. Быстрей, быстрей!

Скорчившись от боли, Рич заковылял по площади. Червил последовал за ним, ошеломленный силой ярости этого человека, которая влекла его вперед, несмотря на лихорадку и боль. В управлении полиции Рич, как разъяренный бык, прорвался сквозь заслон дежурных и клерков и, окровавленный, грязный, вломился в отделанный серебром и черным деревом изысканный кабинет комиссара Крэбба.

— Боже мой, Рич! — Крэбб помертвел от ужаса. — Это вы, это и в самом деле вы, Бен Рич?

— Сядьте, Червил, — сказал Рич. — Да, я, а кто же еще? — Он повернулся к Крэббу. — Вот, полюбуйтесь. Я наполовину мертвец, Крэбб. Вот это красное — это кровь. Все остальное — грязь. Славный у меня денек сегодня. Можно сказать, выдающийся день… Хотелось бы мне знать, где все это время черти носили полицию? Где оши-

вается ваш ангел во плоти, ваш префект Пауэл? Где ваши…

— Постойте, Бен, почему мертвец, о чем вы толкуете?

— Я толкую о том, что сегодня меня три раза чуть не убили. Этот юноша, — Рич показал на Червила, — этот юноша нашел меня лежащим на земле, причем я больше походил на труп, чем на живого человека. Да посмотрите, в конце концов, на меня, только посмотрите!

— Вы говорите, чуть не убили? — Крэбб гневно грохнул кулаком по столу. — Я так и думал. Этот Пауэл просто болван. Не нужно было его слушать. Тот самый человек, который убил де Куртнэ, сейчас пытается убить вас.

Рич незаметно для комиссара сделал яростный знак Чер-вилу.

— Говорил же я Пауэлу, что вы невиновны. Но он и слушать не хотел, — продолжал Крэбб. — Даже когда этот чертов агрегат у окружного прокурора сказал ему, что вы невиновны, он и тогда не хотел слушать.

— Значит, компьютер сказал, что я невиновен?

— Ну конечно. Против вас нет никаких улик. Да никогда и не было. И согласно нашему священному Биллю о правах, вас самого надлежит

защищать от убийцы, как любого честного гражданина. Я немедленно этим займусь. — Крэбб грозно направился к двери. — И думается мне, что теперь-то я заставлю замолчать мистера Пауэла! Не уходите, Бен. Я хочу с вами поговорить по поводу вашей поддержки на выборах в сенат Солнечной системы.

Дверь распахнулась, потом захлопнулась. У Рича все поплыло перед глазами, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не упасть в обморок. Три Червила смотрели на него.

— Ну, — тихо пробормотал Рич. — Ну?

— Он сказал вам правду, мистер Рич.

— Обо мне? О Пауэле?

— Да как вам сказать... — Червил замялся, пытаясь поточнее сформулировать ответ.

— Ну чего ты тянешь, стервец? — простонал Рич, — Ты думаешь, у меня нервы железные — все могут выдержать?

— О вас он сказал правду, — быстро произнес Червил, — Следственный компьютер отказался санкционировать возбуждение против вас дела по обвинению в убийстве де Куртнэ. Мистеру Пауэлу пришлось отказаться от расследования, и... ну, словом, его могут даже уволить.

— Это правда? — Рич, пошатываясь, подошел

к юноше и схватил его за плечи. — Это правда, Червил? Я обелен? Я могу снова заняться делами? Меня больше не будут тревожить?

— Против вас ничего нет, мистер Рич. Вы имеете полную возможность снова заняться делами. Никто вас не потревожит.

Рич торжествующе расхохотался. От смеха боль в изломанном, избитом теле стала такой нестерпимо острой, что он застонал и на глазах у него выступили слезы. Но он взял себя в руки, миновал Червила и вышел из кабинета. Когда, хромая, но по-прежнему надменный, он ковылял по коридорам управления, окровавленный, грязный, хохочущий и стонущий, он напоминал неандертальца. Для полноты картины не хватало только оленьей туши у него на плечах или торжественно влекомого позади пещерного медведя.

«Для полноты картины мне не хватает головы префекта, — усмехнувшись, подумал он, — Велю набить из нее чучело и повесить на стену. А картелем де Куртнэ набью себе карманы. Тоже для полноты картины. Дайте мне время, и, клянусь богом, я для полноты картины вставлю в рамочку всю Галактику!»

Он миновал стальной портал управления и немного постоял на ступеньках, глядя тяжелым

взглядом на залитые дождем улицы, на сияющие светом кварталы увеселительного центра по ту сторону площади, покрытые одним прозрачным куполом, на ярко освещенные витрины магазинов, где уже начиналась оживленная вечерняя торговля, на возвышавшиеся на заднем плане двухсотэтажные башни деловых зданий и связывавшую эти гигантские кубы кружевную сеть воздушных трасс, на мерцающие фары прыгунов, которые, как красноглазые кузнечики, сновали вверх и вниз в темноте.

— И все вы будете моими! — закричал он, воздев руки, словно желая обхватить всю Вселенную. — Все будет моим! И тела, и страсти, и души.

Неожиданно взгляд его упал на высокую зловещую фигуру. Незнакомец переходил площадь, украдкой следя за ним. Рожденная из черных теней, эта фигура блестела, осыпанная, будто драгоценными каменьями, капельками дождя. Она приближалась к нему, безмолвная, страшная… Человек Без Лица.

Раздался приглушенный крик. Железные нервы не выдержали. Как высохшее дерево, Рич рухнул на землю.

Без одной минуты девять. В кабинете президента Цуна собрались десять из пятнадцати членов

Совета Эспер-лиги. Они собрались для того, чтобы обсудить дело чрезвычайной важности. В одну минуту десятого решение было принято и заседание объявлено закрытым. Вот что произошло за эти 120 эспер-секунд.

Стук председательского молотка.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 59.

Секундная на 60.

ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Обсудить предложение Линкольна Пауэла о массовом катексисе. Роль живого проводника латентной энергии при осуществлении массового катексиса Пауэл берет на себя.

(Всеобщее оцепенение.)

ЦУН. Я полагаю, вы шутите, Пауэл. Как вы можете выдвигать такое предложение? Что за причина заставляет вас предлагать осуществление столь экстраординарной и опасной для вас меры?

ПАУЭЛ. Нечаянное открытие, сделанное мною в процессе следствия по делу де Куртнэ. Мне бы хотелось представить вам его на рассмотрение.

(Члены Совета знакомятся с открытием Пауэла.)

ПАУЭЛ. Все вы знаете, что Рич — наш самый опасный враг. Он поддерживает клеветническую антиэсперовскую кампанию. Если его не остановить, то нам грозит участь, которой не раз подвергалось гонимое меньшинство.

ЭКИНС. Весьма вероятно.

ПАУЭЛ. Кроме того, он поддерживает лигу эспер-патриотов. Если не удастся помешать деятельности этой организации, мы, возможно, будем ввергнуты в гражданскую войну и навеки увязнем в трясине междоусобицы.

ФРАНЬОН. И это верно.

ПАУЭЛ. Но, как вы только что убедились, это еще не все. Рич в самом ближайшем будущем займет главенствующее положение в Галактике. Станет связующим звеном между известным нам прошлым и еще не определившимся будущим. Очень скоро его личность подвергнется радикальной перестройке. Дорога каждая секунда. Если, прежде чем я доберусь до него, он сумеет перестроиться и все увидеть в новом свете, он станет неподвластным существующей ныне реальности и смертельным врагом как ее самой, так и всех признанных в этой реальности истин.

ЭКИНС. Вы, право же, преувеличиваете, Пауэл.

ПАУЭЛ. Вы находите? Вглядитесь вместе со

мной в эту схему. Обратите внимание на положение Рича в пространстве и времени. Разве его убеждения не станут убеждениями всего мира? Иными словами, разве мир не примет его реальность? Разве может Рич, обладая столь исключительным сочетанием могущества, энергии и интеллекта, не привести нас к полной гибели?

(Собравшиеся убеждаются, что он прав.)

ЦУН. Это, конечно, так. И тем не менее мне не хотелось бы санкционировать проведение массового катексиса. Как вы помните, осуществление этой меры каждый раз влекло за собой гибель живого проводника энергии. Мы слишком ценим вас, Пауэл, чтобы позволить вам погибнуть.

ПАУЭЛ. Вы должны мне разрешить пойти на риск. Ведь Рич принадлежит к числу тех немногих, кто имеет возможность ниспровергнуть все мировые основы. Он еще дитя, но очень скоро повзрослеет. И вся наша реальность: эсперы, нетелепаты, жизнь. Земля, Солнечная система, сама Вселенная — вся наша реальность существует лишь до его пробуждения. Мы не можем позволить ему пробудиться для этой искаженной реальности. Я прошу проголосовать за мое предложение.

ФРАНЬОН. Вы просите нас проголосовать за вашу гибель.

ПАУЭЛ. Альтернатива такова: либо моя смерть, либо гибель всего, что существует в настоящее время. Я прошу проголосовать за мое предложение.

ЭКИНС. Пусть себе Рич пробуждается когда угодно. Он не застанет нас врасплох. Мы сразимся с ним в любое время.

ПАУЭЛ. Я прошу, я требую проголосовать за мое предложение.

Предложение принято.

Совещание закончено.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 01.

Секундная на Разрушении.

Часом позже Пауэл пришел домой. К этому времени он написал завещание, расплатился по счетам, подписал нужные бумаги, привел в порядок все свои дела. В лиге царило глубокое уныние. Такое же уныние встретило его и дома. Мэри Нойес прочитала все, едва он появился в дверях.

— Линк!

— *Замнем. Это было необходимо.*

— Но...

— Я, может быть, еще останусь в живых. Да, чуть не забыл. Лаборатории желательно произвести вскрытие мозга сразу же после моей смерти... если я умру. Я подписал все, что нужно, но, если возникнут какие-либо затруднения, помоги им. Они хотели бы получить тело еще до того, как оно окоченеет. Если труп не сохранится полностью, то хотя бы голову. Проследи за этим, ладно?

— Линк!

— Прости. Ну а теперь сложи-ка вещи и отвези нашу малютку в Кингстонский госпиталь. Для нее небезопасно оставаться тут.

— Она уже не малютка. Она...

Мэри повернулась и побежала вверх по лестнице, оставляя за собой знакомый сенсорный импульс: *снег/мята/тюльпаны/тафта,* смешанный сейчас с ужасом и со слезами. Пауэл вздохнул, но тут же улыбнулся: наверху, на лестничной площадке, появилась девочка-подросток и с восхитительно небрежным и в то же время величественным видом начала спускаться вниз. Она была одета в платье, на лине — отрепетированное изумление. На полдороге она остановилась, чтобы дать ему возможность

оценить и туалет, и позу.

— О! Мистер Пауэл, не так ли?

— Он самый. Доброе утро, Барбара.

— Что привело вас сегодня к нашему скромному очагу? — Легонько прикасаясь кончиками пальцев к перилам, Барбара снова двинулась вниз, но на последней ступеньке споткнулась, — О-ой! — взвизгнула она. — Пим!

Пауэл подхватил ее.

— Пам, — сказал он.

— Бим.

— Бам.

Она подняла на него глаза.

— Стойте здесь, не двигайтесь. Я сейчас спущусь снова. Спорим, на этот раз все будет в порядке.

— Спорим, что нет.

Барбара повернулась, взбежала наверх и опять остановилась в важной позе на верхней ступеньке.

— Дорогой мистер Пауэл, вы, наверно, считаете меня ужасно ветреной, — Барбара начала торжественно спускаться по ступенькам, — Вам придется переглядеть свое мнение обо мне. Я уже не такая маленькая, как вчера. Я очень повзрослела. Теперь вы должны обращаться со мной как со взрослой, — Она благополучно преодолела по-

следнюю ступеньку и вопросительно посмотрела на Пауэла. — Переглядеть? Я правильно говорю?

— Я бы сказал, пересмотреть.

— Я думала, что смотреть, что глядеть — все равно.

Она вдруг засмеялась, толкнула его в кресло и плюхнулась ему на колени. Пауэл застонал.

— Ой, Барбара! Что ты делаешь? Ты ведь теперь не такая уж маленькая и не такая уж легонькая.

— Слушай, — сказала она. — Что это я вдруг придумала, будто ты мне отец?

— Чем тебе плох такой отец?

— Нет, ты скажи честно. Совсем-совсем честно.

— А как же еще?

— Как ты ко мне относишься — как отец? Ведь я к тебе отношусь совсем не как дочка.

— Да ну? Как же ты ко мне относишься?

— Раньше ты ответь. Я первая спросила.

— Я отношусь к тебе как любящий и покорный сын.

— Да нет, по правде.

— Я решил быть почтительным сыном для каждой женщины до тех пор, пока Вулкан не займет надлежащего места в содружестве планет.

Она покраснела от досады и спрыгнула с колен.

— Я хотела, чтобы ты серьезно со мной поговорил, потому что мне нужен совет. А ты…

— Ну ладно, прости, Барбара. Что же такое у тебя случилось?

Она опустилась рядом с ним на колени и взяла его за руку.

— Я и сама не понимаю. Все у меня перепуталось.

— Что перепуталось?

С пугающей прямотой юности она посмотрела ему в глаза.

— Ты знаешь что.

Помолчав, он кивнул.

— Да, знаю.

— И у тебя все так же путанно. Я знаю.

— Да, Барбара. И у меня.

— Это нехорошо?

Он поднялся с кресла и, расстроенный, начал ходить по комнате.

— Нет, Барбара, не то чтобы нехорошо, а… преждевременно.

— Расскажи мне об этом.

— Рассказать? Ну что ж, пожалуй… Я бы это так определил. Мы с тобой целых четыре человека. Два человека — ты, два — я.

— Как это?

— Ты заболела, милая. Чтобы вылечить тебя, нам пришлось превратить тебя в ребенка и ждать, когда ты снова вырастешь. Вот так и получились две Барбары. Взрослая — где-то внутри, а снаружи — ребенок.

— Ну а ты?

— Я — двое взрослых. Один из них — Пауэл, то есть я сам. Второй же — член Совета Эспер-лиги.

— А что это такое?

— Ну, это не важно. Важно то, что из-за этой моей половины все у нас и спуталось. Бог знает, может быть, из двух моих «я» это меньше всего взрослое. Я не знаю.

Она обдумала его слова и медленно произнесла:

— А вот скажи, когда я отношусь к тебе не так, как дочь, это какая половина?

— Не знаю, Барбара.

— Нет, нет, ты знаешь. Почему же ты не хочешь мне сказать? — Она подошла к нему и обняла за шею — взрослая женщина и в то же время ребенок, — Если в этом нет плохого, то почему же ты не скажешь мне? Если я люблю тебя…

— Новое дело, теперь мы вдруг заговорили о любви.

— Да ведь мы о ней и говорили. Все время. Разве

нет? Я люблю тебя, а ты меня. Ведь правда?

— *Ну вот, дождался!* — в отчаянии подумал Пауэл. — *Что же теперь делать? Признать правду?*

— *Да* — Ответ донесся с лестницы. Сверху спускалась Мэри с саквояжем в руке. — Да, *признать правду, Линк.*

— *Но она же не щупачка!*

— *Забудь об этом! Она женщина и любит тебя. А ты любишь ее. Линк, ты будешь каяться, если упустишь...*

— *Что я упущу? Возможность завести роман, если останусь жив? Ведь другое невозможно. Ты знаешь, что лига не разрешает нам вступать в брак с нетелепатами.*

— *Она пойдет на это. Она с радостью пойдет на это. Уж кто-кто, а я-то могу это предсказать.*

— *Ну а если я умру? Что ей останется? Полувоспоминание полулюбви?*

— Нет, Барбара, — сказал он, — Ты ошиблась. Это совсем не то.

— Нет, — твердо ответила она. — Я не ошиблась. Нет.

— Ошиблась, Барбара. В тебе говорит твоя ребяческая половина. Это ребенок вообразил себя влюбленным, ребенок, а не женщина.

— Ребенок вырастет и станет женщиной.

— И к тому времени меня забудет.

— Ты не позволишь ей забыть.

— Почему?

— Потому что ты чувствуешь то же, что и я. Я это знаю.

Пауэл рассмеялся.

— Ох, дитя, дитя! Отчего ты вообразила себе, будто я люблю именно тебя? Да вовсе нет. Нет этого и не было.

— Есть!

— Открой же глаза, Барбара. Посмотри внимательней на меня. На Мэри. Ты ведь так повзрослела. Как же ты не поймешь? Неужели я должен объяснять тебе то, что и так очевидно?

— Линк, господь с тобой!

— Прости меня, Мэри. Как видишь, пришлось все-таки за тебя зацепиться.

— Мы с тобой прощаемся… может быть, навсегда, и в такой момент мне еще это нужно вынести? Разве мало я намучилась?

— Ну-ну, не надо, милая, не надо.

Барбара внимательно посмотрела на Мэри, потом на Пауэла и медленно покачала головой.

— Ты лжешь.

— Вот как? Ну-ка взгляни на меня. — Он поло-

жил руки ей на плечи и посмотрел ей в глаза. Бесчестный Эйб пришел ему на выручку. Он посмотрел на Барбару с отцовской снисходительностью, чуть насмешливо и добродушно. — Взгляни же на меня.

— Нет! — крикнула она. — Твое лицо лжет. Оно… оно противное. Я его ненавижу! — Она расплакалась и, всхлипывая, проговорила: — Раз так, уходи. Что же ты не уходишь?

— Мы с тобой уходим, Барбара, — сказала Мэри. Она подошла к девушке, взяла ее за руку и повела к дверям.

— Мэри, вас ждет прыгун.

— А я жду тебя. Жду всегда. И я, и Червилы, и Экинс, и Джордан, и… и… и… «… и… и… и… и… и…

— Я знаю. Знаю. Я всех вас люблю. Всех вас целую. Да хранит вас…

Образ четырехлистного клевера, кроличьих лап, лошадиных подков.

Непристойный ответный образ Пауэла, который вылезает из нечистот, усыпанный бриллиантами.

Слабый смех.

Последнее прощание.

Он стоял на пороге, насвистывая какой-то жалобный замысловатый мотивчик и глядя вслед

прыгуну, который уходил в стальную голубизну неба, на север, к Кингстонскому госпиталю. Он чувствовал себя словно выжатый лимон. И немного гордился собой из-за того, что решил принести себя в жертву. И жгуче стыдился этой гордости.

Им овладела легкая, прозрачная печаль. Может быть, взять крупинку никотинового калия и взвинтить себя до психоза? Впрочем, на кой черт ему все это нужно? Вот он раскинулся перед ним, этот огромный сволочной город, где из семнадцати с половиной миллионов душ нет ни одной, которая болела бы за него. Вот он…

Пришел первый импульс. Тонкая струйка латентной энергии. Он отчетливо ощутил ее и взглянул на часы. Двадцать минут одиннадцатого. Уже? Так скоро? Отлично. Значит, пора готовиться.

Он вернулся в дом, взбежал вверх по лестнице в свою туалетную комнату.

Импульсы прилетали, как первые редкие капли дождя перед бурей. Впитывая эти крохотные капельки латентной энергии, он чувствовал, как набухает, пополняясь, запас его душевных сил. Он сменил костюм, одевшись для любой погоды, и…

Импульсы уже не сыпались отдельными ка-

пельками, они моросили, как частый дождик, обмывая его, наполняя сознание лихорадочным ознобом, который неожиданно перемежался эмоциональными вспышками. И… Ах да, питательные капсулы. Вот о чем надо думать. Питательные. Питательные!

Он сбегал вниз, в кухню. Нашел пластмассовый футляр, вскрыл его и проглотил дюжину капсул.

Энергия прибывала теперь потоками. Струйки латентной энергии от каждого эспера в городе сливались в ручейки, ручейки — в реку, в бушующий водоворотом океан массового катексиса, направленного к Пауэлу, настроенного на Пауэла.

Он снял все блоки и впитывал этот поток. Его нервная система супергетеродировала и свистела, и турбина, с невыносимым воем вращавшаяся в его сознании, крутилась все быстрей и быстрей.

Он уже не дома, он бродит по улицам, слепой, глухой, бесчувственный ко всему, погруженный в эту бурлящую массу латентной энергии. Подобно тому как парусник, оказавшись в объятиях тайфуна, стремится использовать для своего спасения само безумие урагана, так и Пауэл стремился поглотить, впитать в себя этот ужасающий поток,

с тем чтобы в нужный момент израсходовать латентную энергию, всю до капли катексировать ее и направить на разрушение Рича, пока еще не поздно, не поздно…

Глава 16

УНИЧТОЖИТЬ ПУТАНИЦУ.

СЛОМАТЬ ЛАБИРИНТ.

ЛИКВИДИРОВАТЬ ГОЛОВОЛОМКУ.

(X^2 0 Y^3 d! Пространство d! Время.)

РАССЕЯТЬ.

(ДЕЙСТВИЯ, ФОРМУЛЫ, МНОЖИТЕЛИ, ДРОБИ, СТЕПЕНИ, ЭКСПОНЕНТЫ, РАДИКАЛЫ, ТОЖДЕСТВА, УРАВНЕНИЯ, ПРОГРЕССИИ, ВАРИАЦИИ, ПЕРЕСТАНОВКИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕШЕНИЯ.)

ВЫЧЕРКНУТЬ.

(ЭЛЕКТРОН, ПРОТОН, НЕЙТРОН, МЕЗОН И ФОТОН.)

СТЕРЕТЬ.

(КЭЛИ, ХОНСОНА, ЛИЛИЕНТАЛЯ, ШАНУТА, ЛАНГЛЕЯ, РАЙТА, ТЭРНБУЛА и СИЭРСОНА.)

ИСКОРЕНИТЬ.

(ТУМАННОСТИ, СКОПЛЕНИЯ, БИНАРНЫЕ СИСТЕМЫ, ОСНОВНУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЗВЕЗД И БЕЛЫХ КАРЛИКОВ.)

РАЗМЕТАТЬ.

(РЫБ, АМФИБИЙ, ПТИЦ, МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ЧЕЛОВЕКА.)

УНИЧТОЖИТЬ.
СЛОМАТЬ.
ЛИКВИДИРОВАТЬ.
РАССЕЯТЬ.
ВЫЧЕРКНУТЬ
ВСЕ УРАВНЕНИЯ. БЕСКОНЕЧНОСТЬ РАВНА НУЛЮ.
КОНЕЦ…

— Конец чему? — крикнул Рич. — Чему конец? — Он старался подняться, отталкивая от себя одеяло и чьи-то руки. — Чему конец?

— Конец кошмарам, — сказала Даффи Уиг.

— Кто это?

— Я Даффи.

Рич открыл глаза. Замысловато убранная спаленка, замысловатая кровать, застланная на старинный манер крахмальным бельем и одеялами. Даффи Уиг, свежая, чистенькая, прохладная, упирается руками ему в плечи, пытаясь уложить его на подушки.

— Я сплю, — сказал Рич. — Сплю и хочу проснуться.

— Вот и славно. Положи голову на подушку, и ты увидишь новый сон.

Рич лег.

— Я уже просыпался, — сказал он хмуро, — Впервые в жизни полностью проснулся. Я слу-

шал… Не знаю, как это назвать. Бесконечность и ничто. Что-то важное. Настоящее! Потом уснул и оказался здесь.

— Маленькое уточнение, — сказала Даффи, — Не уснул, а проснулся.

— Я сплю! — крикнул Рич. Он сел. — Послушай, впрысни-ка мне что-нибудь. Ну опиум, гашиш, сомнар, летете… Мне нужно проснуться, Даффи. Мне нужно вернуться к реальности.

Даффи наклонилась к нему и крепко поцеловала в губы.

— Ну а это как? Реально?

— Пойми. Все, что было до сих пор, мне только чудилось… галлюцинация. Я должен перестроиться, должен увидеть все в новом свете, новыми глазами. Пока не поздно, Даффи. Пока еще не поздно, не поздно, не поздно…

Даффи всплеснула руками.

— Вылечили, называется! — воскликнула она. — Сперва негодяй доктор напугал тебя до обморока. Потом поклялся, что ты пошел на поправку. И вдруг на тебе: совсем, оказывается, с ума сошел. — Нагнувшись над кроватью, Даффи строго погрозила пальцем. — Еще слово, сэр, и я вызову Кингстон.

— Кто? Как ты сказала?

— Кингстонский госпиталь. Туда забирают таких мальчиков, как ты.

— Я не о том. Кто напугал меня до обморока?

— Мой приятель доктор.

— На площади перед зданием полиции?

— Именно там.

— Ты уверена?

— Мы вместе с ним тебя искали. Твой слуга сообщил мне о взрыве, и я испугалась. Мы с доктором едва успели.

— Ты видела его лицо?

— Ну еще бы.

— На что оно было похоже?

— Лицо как лицо. Два глаза. Две губы. Два уха. Один нос. Три подбородка. Слушай, Бен, если ты взялся за прежний репертуар насчет яви, сна, реальности и бесконечности, то номер не пройдет.

— Значит, ты привезла меня сюда, когда я потерял сознание?

— Конечно. Разве могла я упустить единственную возможность залучить тебя в свою постель?

Рич усмехнулся. И, успокоенный, сказал ей:

— Ладно, Даффи, теперь можешь меня поцеловать.

— Мистер Рич, я уже целовала вас. Или это происходило, когда вы бодрствовали?

— Забудь об этом. Страшный сон, и больше ничего. — Он вдруг расхохотался, — Стоит ли тревожиться о страшных снах? В моих руках весь мир. Так пусть будут и сны в придачу. Даффи, ты когда-то, помнится, просила, чтобы я затащил тебя в сточную канаву?

— Детский каприз. Я надеялась попасть в заслуживающее интереса общество.

— Скажи, какая тебе нужна канава, и ты получишь ее. Золотая… бриллиантовая? Может быть, от Земли до Марса? Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы я превратил в сточную канаву всю Солнечную систему? Сделаем. Пустяк. Захочешь, я Галактику в помойку превращу, — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Хочешь взглянуть на бога? Вот он перед тобой. Любуйся.

— Очень мил. Какая скромность в грозный час похмелья!

— Ты думаешь, я пьян? Да, я, конечно, пьян. — Рич спустил с кровати ноги и, слегка пошатываясь, встал. Даффи тут же подошла и обвила его рукой свою талию, чтобы его поддерживать. — Как мне не быть пьяным? Я одолел де Куртнэ. Я одолел Пауэла. Мне всего сорок. Еще шесть десятков лет я буду владеть миром. Да, всем этим проклятущим миром, Даффи!

Он двинулся по комнате, слегка опираясь на Даффи. Пройтись по ее спальне было все равно что совершить прогулку в знойный мир ее эротических представлений. Щупач-декоратор при оформлении комнаты полностью воспроизвел душевные порывы девушки.

— Даффи, хочешь основать со мной династию?

— А как их основывают?

— Я тебе расскажу. Чтобы основать династию Бена Рича, нужно прежде всего выйти за него замуж. Потом…

— С меня достаточно начала.

— Потом родить ему детей. Мальчиков. Десятки мальчиков.

— Нет, девочек. И только троих.

— И ты увидишь, как Бен Рич приберет к рукам картель де Куртнэ и соединит со своей фирмой. А всех своих врагов он опрокинет… вот так!

Рич с размаху ударил ногой по туалетному столику. Столик перевернулся, и размешенные в его округлых выпуклостях и впадинках хрустальные флакончики свалились и рассыпались мелкими осколками по полу.

— После того как «Монарх» и картель де Куртнэ станут «Рич инкорпорейтид», ты увидишь, как я слопаю остальных… мелкую сошку. Кейз

и Амбрел с Венеры. Проглочены! — Рич ударом кулака сломал сделанную в виде торса тумбочку. — «Юнайтид транзэкшнз» на Марсе. Смяты в лепешку и съедены. — Он сокрушил изящный хрупкий стул. — «Трест ГКИ» на Ганимеде. «Каллисто и Ио»… «Химическая и атомная промышленность Титана»… Ну а там уж остается шушера: злопыхатели, клеветники, лига щупачей, моралисты, патриоты… Всех слопал! Слопал! Слопал! — Он колотил ладонью по мраморной обнаженной фигурке, пока она не отломилась от пьедестала и не слетела на пол.

— Чудачок. — Даффи повисла у него на шее, — Что ты зря расходуешь энергию? Если уж так руки чешутся, возьмись за меня.

Рич приподнял ее и начал трясти, пока девушка не взвизгнула.

— Весь мир проглочу по кусочкам, пусть даже они окажутся со всячинкой — иные сладкие, как ты, а от иных будет разить; я всех их слопаю. — Он рассмеялся и прижал Даффи к себе. — Я не знаю, как и что там заведено у богов, зато знаю, что по вкусу мне. Мы расколотим все вдребезги, а потом построим то, что требуется нам. Нам с тобой и нашей династии.

Он поднес ее к окну, сорвал гардину, с грохотом

высадил пинком оконный переплет. Бархатная тьма укутала город. Только вдоль улиц и воздушных трасс мерцали огоньки да по временам из черноты выпрыгивали багровые глаза какого-нибудь прыгуна. Дождь перестал, и тонкий бледный месяц повис на небосводе. Сквозь приторный запах разлитых по полу духов в комнату ворвался ночной ветер.

— Эй вы там! — крикнул Рич. — Слышите меня? Вы… спящие и видящие сны. Теперь уж вам другие сны будут сниться — мои сны. Теперь…

Внезапно он замолчал. Он разжал руки. Даффи выскользнула из его рук и встала с ним рядом. Ухватившись за края оконного проема, он высунулся как можно дальше в темноту и, задрав голову, посмотрел вверх. Когда он снова втянул голову в комнату, его лицо выражало растерянность.

— Звезды, — запинаясь, выговорил он. — Куда исчезли звезды?

— Что исчезло? — удивилась Даффи.

— Звезды, — повторил Рич. Он боязливо указал рукой на небо. — Звезды куда-то девались. Все до одной.

Даффи с любопытством посмотрела на него.

— Что, ты говоришь, пропало?

— Звезды! — крикнул он. — Взгляни на небо. Там совсем нет звезд. И созвездия исчезли. Большая и Малая Медведицы. Кассиопея. Дракон. Пегас. Все куда-то подевались! Только месяц торчит! Гляди!

— Все так же, как всегда, — сказала Даффи.

— Нет, не так же! А где звезды?

— Какие звезды?

— Я не знаю, как они называются… Полярная звезда и… Вега… и… кой дьявол их упомнит? Я не астроном. Но что произошло? Что случилось со звездами?

— А что такое звезды? — спросила Даффи.

Рич схватил ее за плечи и со злостью встряхнул.

— Это солнца. Кипящие, сверкающие светом солнца. Их тысячи… миллионы сияют в ночи. Что с тобой? Как ты не понимаешь? В космосе катастрофа. Исчезли звезды!

Даффи покачала головой. Она смотрела на него с ужасом.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Бен. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Он оттолкнул ее, выбежал из комнаты, бросился в ванную и заперся там. Он наспех принял душ и начал одеваться. Даффи, которая все время коло-

тила в дверь и уговаривала его не глупить, вдруг замолчала. Он услышал, как она, понизив голос, говорит с кем-то в Кингстонском госпитале.

— Пусть расскажет им про звезды, — пробурчал Рич, чувствуя, как в нем поднимаются злость и ужас.

Закончив туалет, он вышел. Даффи поспешно отключила видео и повернулась к нему.

— Бен… — начала она.

— Жди меня здесь, — сказал он резко. — Пока я не узнаю.

— О чем ты хочешь узнавать?

— О звездах! — гаркнул он. — Из царства бога всемогущего исчезли звезды!

Он выскочил на лестничную площадку и торопливо сбежал вниз. На пустынном тротуаре он приостановился и снова посмотрел на небо. Луна была. Кроме Луны, сверкала еще одинокая красная точка — Марс. И еще одна — Юпитер. И больше ничего. Чернота. Чернота. Чернота. Непроглядная, зловещая, пугающая чернота нависла над его головой, и казалось, что она жмет на него, давит, мешает вздохнуть.

Продолжая глядеть вверх, он побежал. Сворачивая за угол, он налетел на какую-то женщину, и та упала. Он помог ей встать.

— Дурак безглазый! — взвизгнула она, отряхивая и приводя в порядок украшавшие ее перья. Потом вдруг вкрадчиво: — Скучаем, капитан?

Рич взял ее за руку. Он указал на небо.

— Посмотри. Звезды исчезли. Ты ведь заметила? Звезд нет.

— Чего нет?

— Звезд. А ты разве не видишь? Исчезли звезды.

— Я не пойму, про чего такое ты говоришь, капитан. Айда ко мне! Уж у меня погуляем!

Он вырвался из ее цепких лап и убежал. Через полквартала он увидел нишу с видеофоном-автоматом. Рич вошел и набрал номер справочного. Экран осветился, и голос робота сказал:

— Спрашивайте.

— Что случилось со звездами? — спросил Рич. — Когда это случилось? Их исчезновение, наверное, уже заметили. Чем его можно объяснить?

Щелчок — пауза — затем еще щелчок.

— Повторите, пожалуйста, слово по буквам.

— Звезда! — заорал Рич. — З-В-Е-З-Д-А. Звезда!

Щелчок — пауза — щелчок.

— Имя существительное или наречие?

— Существительное, черт бы вас побрал!

Щелчок — пауза — щелчок.

— У нас нет информации под названной вами рубрикой, — сообщил записанный на пленку голос.

Рич выругался, но тут же взял себя в руки.

— Где находится ближайшая к городу обсерватория?

— Будьте любезны сообщить, о каком городе речь.

— Об этом. О Нью-Йорке.

Щелчок — пауза — щелчок.

— Лунная обсерватория Кротонского парка находится в тридцати милях к северу от города. Вы можете доехать туда рейсовым прыгуном. Северная координата — двести двадцать семь. Лунная обсерватория была основана в две тысячи…

Рич со злостью отключил видеофон.

— Нет информации под этой рубрикой. Ну-ну! С ума, что ли, они сошли?

Он помчался по улице в поисках рейсового прыгуна. Завидев аэротакси, Рич помахал рукой, и машина к нему спикировала.

— Северная координата двести двадцать семь, — отрывисто бросил он, входя в кабину. — Тридцать миль от города. Обсерватория.

— Плата за рейс по повышенному тарифу, — сказал шофер.

— Согласен. Ну, скорей!

Машина взмыла в воздух. Минут пять Рич сдерживался, но наконец не выдержал и с напускной небрежностью сказал:

— Вы обратили внимание на небо?

— А что такое, мистер?

— Звезды исчезли.

Водитель выдавил из себя вежливый смешок.

— Я и не думал шутить, — сказал Рич. — Действительно исчезли звезды.

— А не шутите, так говорите поясней, — сказал шофер. — Что это еще за чертовщина — звезды?

Рич позеленел от ярости, но не успел он рта раскрыть, как такси пошло на посадку и приземлилось неподалеку от здания под куполообразной крышей. Сердито бросив: «Подождите меня», Рич побежал через газон к низкому каменному портику.

Дверь была приоткрыта. Он вошел в обсерваторию и услышал тихий скрип поворотного механизма, вращающего купол, и негромкое тиканье часов. В обсерватории было темно, только светился на часах циферблат. Работал двенадцатидюймовый рефрактор. Рич смутно различил фигуру наблюдателя, склонившегося над окуляром телескопа. Взвинченный и напряженный,

нервно вздрагивая от слишком громкого звука собственных шагов, Рич направился к этому человеку через полутемный прохладный зал.

— Послушайте, — начал он тихо. — Мне неудобно вас беспокоить, но я убежден, что уж вы-то не могли этого не заметить. Звезды — ваш бизнес. Вы ведь заметили, верно? Исчезли звезды. Все до одной. Что с ними случилось? Почему никто не говорит об этом и все притворяются, что так было всегда? Подумать только! Звезды! Мы себе и не представляли, что можно жить без звезд. И вдруг их нет. Что с ними случилось? Куда они делись?

Наблюдатель медленно выпрямился и повернулся.

— Звезд не существует, — сказал он.

Это был Человек Без Лица.

Рич вскрикнул. Повернулся, побежал. Он выскочил за дверь, потом вниз по ступенькам и опрометью помчался через газон к такси. С разбегу ударившись о хрустальную стенку кабины, не удержался на ногах и рухнул на колени рядом с прыгуном. Шофер помог ему подняться.

— Вам нехорошо, Мак?

— Не знаю, — жалобно ответил Рич. — Я просто ничего не понимаю.

— Дело, конечно, хозяйское, — сказал шофер. —

Только на вашем месте я сходил бы к щупачу. У вас и разговор психованный.

— Насчет звезд?

— Ага.

Рич вдруг схватил его за руку.

— Послушайте, — сказал он. — Я Бен Рич. Бен Рич из «Монарха».

— Да, Мак. Я узнал вас.

— Хорошо. За услугу я могу отплатить чем угодно. Деньгами… Новая работа… Все, что вы захотите…

— Вы ничем не можете мне отплатить, Мак. Я уже побывал в Кингстоне, и меня там подвинтили.

— Тем лучше. Честный человек. Вы согласитесь мне помочь из христианских или еще каких-нибудь там добрых чувств?

— Конечно, Мак.

— Войдите в это здание. Посмотрите на человека за телескопом. Хорошенько посмотрите. А потом опишите его мне.

Шофер ушел и через пять минут вернулся.

— Ну?

— Старикан как старикан, Мак. Лет примерно шестидесяти. Лысый, на лице морщины. Уши оттопыренные, а подбородок этакий, как говорят,

безвольный. Ну вроде стесанный.

— Это никто… никто, — прошептал Рич.

— Чего?

— Да, насчет звезд, — сказал вдруг Рич. — Вы что же, никогда о них не слышали? И никогда не видели их? Совсем не представляете себе, о чем я говорю?

— Нет.

— Господи! — простонал Рич. — Боже милостивый!

— Главное, не тушуйтесь, Мак. — Шофер с размаху хлопнул его по спине. — Я вот что вам расскажу. В Кингстоне разного наслушался. Ну, скажем, так бывает: просыпаетесь вы утром, и вдруг у вас заскок. Он у вас только-только, так сказать, прорезался, а вам-то кажется, что так, мол, всегда было. Ну… кгм… например, будто люди раньше были одноглазые, и вдруг ни с того ни с сего у всех стало по два глаза.

Рич с неожиданным интересом взглянул на шофера.

— И начинаете вы бегать да орать: «Люди добрые, с чего это вдруг все стали двуглазые?» Вам отвечают: «Всегда были двуглазые». А вы кричите: «Ни черта, я точно помню, что у каждого был только один глаз!» И сами в это верите, вот

ведь в чем штука. Черт те сколько времени с вами провозятся, пока не вышибут у вас этот заскок. — Шофер снова хлопнул его по спине. — На то похоже, Мак, что у вас с этими звездами такой же выверт, как у тех, что с одним глазом.

— Один глаз, — забормотал Рич. — Два глаза. Три, четыре… Три, четыре…

— Чего?

— Я не знаю. Не знаю. Я так измотался за последний месяц, что… Может быть, вы и правы. Но…

— Так вас в Кингстон отвезти?

— Нет!

— Тут, что ли, останетесь и будете канючить про свои звезды?

Рич вдруг крикнул:

— Плевать мне на них!

Страх сменился бурной вспышкой ярости. Рич снова ощутил прилив энергии и сил и вскочил в кабину.

— Мне принадлежит весь мир. Не глупо ли оплакивать потерю нескольких жалких заблуждений?

— Вот это по-нашему, Мак. Куда?

— В королевский дворец.

— Который?

Рич рассмеялся.

— К «Монарху», — сказал он, и, пока не показался силуэт башни «Монарха», словно парившей в утренних лучах, он продолжал покатываться со смеху. Но в этом смехе слышались истерические нотки.

Управление работало круглосуточно, и служащие, приступившие к работе в полночь, сонливо добивали последний, восьмой час ночной смены. Хотя весь этот месяц Рич редко появлялся здесь, служащим была хорошо известна его манера сваливаться словно снег на голову, и они без труда переключались на третью скорость. Когда он подошел к столу, туда уже подоспели и секретарши, принесшие сведения по самым неотложным делам.

— С этим успеется, — буркнул Рич. — Позвать сюда всех начальников отделов и инспекторов! Я должен сделать сообщение.

Оживление, царившее в Башне «Монарха», успокоило его и возвратило в привычную колею. Он снова чувствовал себя Живым, реальным. Да ведь все то, что окружает его здесь, и есть единственная настоящая реальность — спешка, толкотня, звонки сигнального нумератора, приглушенные голоса, отдающие распоряжения, и быстро заполнивший кабинет поток перепуган-

ных служащих.

— Как всем вам известно, — начал Рич, медленно расхаживая перед сотрудниками и бросая по временам внимательный взгляд на их лица, — наша фирма вела острую, смертельную борьбу с картелем де Куртнэ. Месяц назад Крэй де Куртнэ был убит. В связи с этим возникли некоторые затруднения, которые в настоящее время полностью ликвидированы. Могу порадовать вас сообщением, что путь перед нами теперь открыт. Мы можем заняться осуществлением плана «двойное А», то есть присоединением к «Монарху» предприятий картеля де Куртнэ.

Он сделал паузу, предполагая, что на это сообщение отзовется возбужденный ропот голосов. Но отклика не последовало.

— Кое-кто из вас, возможно, — сказал он, — не представляет себе весь размах и значение наших новых перспектив. Я постараюсь изложить это подоходчивее. Те, кто сейчас является инспекторами городов, станут инспекторами континентов. Континентальные инспектора возглавят спутники. А те, в чьем подчинении сейчас спутники, будут инспектировать планеты. Отныне «Монарх» господствует во всей Солнечной системе. Мы теперь должны мыслить в масшта-

бах Солнечной системы. Все мы теперь…

Рич замялся, его тревожили озадаченные взгляды слушателей. Оглядевшись, он остановил глаза на старшей секретарше.

— В чем, черт возьми, дело? — проворчал он. — Вы узнали что-то, о чем я еще не слыхал? Плохие новости?

— Н-нет, мистер Рич.

— Тогда что у вас не слава богу? Случилось то, чего мы все давно ждем. Чем вы недовольны?

— Мы… я… — запинаясь, пролепетала секретарша. — Простите, сэр, но я н-не пойму, о ч-чем вы говорите.

— О картеле де Куртнэ.

— Я… я н-никогда не слыхала о такой организации, мистер Рич, сэр. Я… мы…

Секретарша огляделась, как бы ища поддержки. К изумлению Рича, весь его штат недоуменно затряс головами.

— Картель де Куртнэ на Марсе! — крикнул Рич.

— Где, сэр?

— На Марсе. Марс! М-А-Р-С. Одна из десяти планет. Четвертая от Солнца. — И, чувствуя, как его снова охватывает ужас, Рич бессвязно завопил: — Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн. Марс! Марс! Марс! Сто сорок один миллион миль

от Солнца! Марс!

Но служащие лишь качали головами. Прошел какой-то шепоток, и все они стали потихоньку пятиться от Рича. Он бросился к секретаршам и выхватил у них из рук пачки бумаг.

— Здесь у вас сотни записей насчет картеля де Куртнэ на Марсе. Бог ты мой, как им не быть, когда мы уже десять лет воюем с де Куртнэ. Когда…

Он судорожно перебирал бумаги, расшвыривая куда придется листки, так что в конторе поднялся настоящий бумажный вихрь. Ни в одном из документов не упоминались ни картель де Куртнэ, ни Марс. Не было там также никаких упоминаний о Венере, Юпитере, Луне и прочих планетах и спутниках.

— Негодяйки, лгуньи! — крикнул Рич. — Ну смотрите. Я вам сейчас свои собственные записи покажу. У меня их сотни в столе. Вот, гладите…

Рич бросился к столу и стал рывками выдвигать ящики. Внезапно раздался оглушительный взрыв. Стол разлетелся вдребезги. На служащих посыпались щепки и куски дерева, а крышка стола мощным броском, как рука великана, отшвырнула Рича к самому окну.

— Человек Без Лица! — крикнул Рич. — Великий боже! — Он потряс головой и с упорством

одержимого опять вернулся к тому, что казалось ему самым важным. — Где архивы? Я вам в архивах покажу… Де Куртнэ, и Марс, и все прочее. Я и ему покажу… Человеку Без Лица… Пошли!

Выбежав из кабинета, он бросился в подвал, где располагались архивы. Он опорожнял полку за полкой, расшвыривая бумаги, горстями высыпал кристаллы памяти, старинные магнитофонные записи, микрофильмы, молекулярные фотокопии. Нигде ни одного упоминания ни о Марсе, ни о Крэе де Куртнэ. Нигде ни слова о Венере, Юпитере, Меркурии, об астероидах и спутниках.

А тем временем шум все усиливался, раздавались звонки сигнального нумератора, резкие, повелительные голоса. Служащие в панике носились по этажам; в подвал, где хранились архивы, рысцой вбежали трое плечистых джентльменов, дежуривших в зале отдыха. Их привела исцарапанная осколками секретарша.

— У нас нет другого выхода! Просто нет другого выхода! — убеждала она их, — Всю ответственность я беру на себя!

— А ну, спокойненько, мистер Рич, спокойненько, спокойненько, — приговаривали они свистящим полушепотом, как конюхи, успокаивающие норовистого жеребца. — Полегче, мистер

Рич, полегче.

— Пошли вон, сукины дети!

— Легче, сэр. Все будет в порядке, сэр.

Плечистые джентльмены продолжали медленно подступать к Ричу.

Между тем наверху стоял дым коромыслом. Звенели звонки, слышались голоса: «Кто его врач? Нужно вызвать врача! Да позвоните же в Кингстон! А полицию известили? Хотя нет, не надо. Лучше без огласки. Позвоните же, наконец, в юридический отдел, слышите? Больницы уже открыты?»

Хрипло дыша, Рич швырнул под ноги плечистым джентльменам огромную кипу бумаг, пригнул голову, как разъяренный бык, и, могучим рывком протаранив порядки осаждающих, выбежал в боковой коридор и метнулся к пневматическому лифту. Открылась дверь. Он нажал кнопку с надписью «Научный центр, 57-й этаж», вступил в воздушный шлюз и, взлетев к месту назначения, покинул кабину.

Здесь находились лаборатория и библиотека. Весь этаж был погружен в темноту. Служащие, скорее всего, решили, что он поднялся из подвала на тот этаж, где был выход на улицу. Если так, то у него есть время.

Все еще тяжело дыша, он пробежал в лабораторию, влетел в библиотеку и, щелкнув выключателем, подошел к справочному пульту. Перед креслом пульта была укреплена приподнятая, как чертежная доска, пластина замороженного кристалла. Рядом с ней находилась панель со множеством кнопок.

Рич сел и нажал кнопку с надписью «Включ.». Пластина осветилась, и в динамике над его головой записанный на пленку голос произнес:

— Тема?

Рич надавил кнопку «НАУКА».

— Раздел?

Рич нажал кнопку «АСТРОНОМИЯ».

— Вопрос?

— Вселенная.

Щелчок — пауза — щелчок.

— Термин «Вселенная» в общефизическом аспекте включает всю существующую материю.

— Что подразумевается под всей существующей материей?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Массы материи разной величины, от элементарного атома вплоть до крупнейших скоплений, известных астрономам.

— Каковы крупнейшие скопления материи,

известные астрономам? — спросил Рич и нажал кнопку «ГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ».

Щелчок — пауза — щелчок.

— Солнце.

На хрустальной пластине возникло изображение Солнца.

— Ну а остальные? Например, звезды?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Звезд не существует.

— А планеты?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Существует Земля.

Появилось изображение вращающегося земного шара.

— Ну а другие планеты? Марс? Юпитер? Сатурн?..

Щелчок — пауза — щелчок.

— Других планет не существует.

— А Луна?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Луны не существует.

Рич глубоко вздохнул, его трясло.

— Попробуем еще раз. Возвратимся к Солнцу.

На хрустальной пластине снова возникло Солнце.

— Солнце — величайшее скопление материи,

известное астрономам, — начал записанный на пленку голос.

Внезапно он замолчал.

Щелчок — пауза — щелчок.

Изображение Солнца стало медленно тускнеть. Голос сказал:

— Солнца не существует.

Модель исчезла, и лишь остаточное изображение маячило на пластине, глядя на Рича, безмолвное, страшное… Человек Без Лица.

Рич застонал. Он вскочил на ноги, опрокинул стул. Потом схватил его и запустил им в страшное видение. Потом он повернулся и неверными шагами выбежал из библиотеки в лабораторию, а оттуда в коридор. У пневматического вертикального лифта он надавил на кнопку «УЛИЦА». Дверь открылась, он ввалился внутрь и слетел пятьюдесятью семью этажами ниже, в главный зал научного центра «Монарха».

Зал был полон народу — скоро должна была начаться утренняя смена. Проталкиваясь сквозь толпу, Рич ловил любопытные взгляды, направленные на его окровавленное лицо. Вдруг он заметил, что к нему приближаются с разных сторон полдюжины людей, одетых в форму охраны «Монарха». Он бросился бежать, прошмыгнул

через вращающиеся двери и вылетел на улицу. Но, очутившись на тротуаре, он застыл на месте, будто перед носом у него выросла стена из раскаленного добела железа. Солнца не было.

Горели уличные фонари, в небе мерцали воздушные трассы, мимо проносились фары прыгунов, ослепительным светом сверкали витрины… А вверху — ничего, кроме глубокой, черной неизмеримой бесконечности.

— Солнце! — крикнул Рич. — Где Солнце?

Он указал рукой на небо. Служащие окидывали его подозрительными взглядами и проходили мимо. Ни один из них даже не взглянул вверх.

— Солнце! Где же Солнце? Неужели вы не понимаете, вы, идиоты? Исчезло Солнце!

Рич хватал их за руки и, потрясая кулаком, указывал на небо. Потом, увидев, что из вращающихся дверей уже выбегают первые охранники, он пустился наутек.

Добравшись до угла, он проворно свернул направо и единым духом промчался через ярко освещенный, полный покупателей пассаж. Сразу же за пассажем был вход в вертикальную «пневматичку», которая вела к воздушной трассе. Рич успел проскочить в дверь и, когда она задвигалась, оглянувшись, увидел своих пресле-

дователей всего в нескольких шагах. Затем он, как мяч, свечой взлетел на семидесятиэтажную высоту и оказался на воздушной трассе.

Тут была расположена электромобильная стоянка, полого спускавшаяся к фасаду башни «Монарха» и соединенная с воздушной трассой подъездной дорогой. Рич бросился к стоянке, швырнул несколько кредиток служителю, вскочил в аэромобиль и нажал кнопку пуска. Машина двинулась. В конце подъездной дороги он нажал кнопку «Налево». Аэромобиль свернул налево и покатил по трассе. Система управления в этих аэромобилях была очень проста. На щите находилось всего несколько кнопок: «Налево», «Направо», «Пуск», «Стоп». Все управление машиной производилось автоматически. Электромобили этого типа предназначались только для езды по воздушным трассам. Сев в такую машину, вы могли часами кружить над городом, как белка в колесе.

Электромобиль не требовал внимания. Рич ехал и попеременно поглядывал то назад, то вверх, на небо. Солнца нет, а им и горя мало, словно его никогда и не было. Вдруг он похолодел. А что, если и это такой же заскок, как у тех, что считают людей одноглазыми? Неожиданно машина

замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. Рич застрял посредине воздушной трассы, между башней «Монарха» и колоссальным «Виэиофон энд визиограф билдинг».

Он принялся лихорадочно нажимать на все кнопки. Безрезультатно! Тогда он выскочил и поднял задний капот, чтобы проверить, не испортилось ли контактное реле. Вдали на трассе показались бегущие к нему охранники. Тут только Рич понял, в чем дело. Аэромобиль питался энергией, посылаемой со стоянки. Добравшись до стоянки, охранники приказали прекратить подачу энергии в его электромобиль и побежали за ним вдогонку. Рич бросил бесполезную теперь машину и что было духу помчался к «ВВ Билдинг».

Трасса проходила по туннелю, пронизывавшему здание «ВВ Билдинг». Вдоль туннеля располагались магазины, рестораны, театр… Кстати, там помешалось и бюро путешествий! Это выход. Быстро купить билет, занять одноместную капсулу… Затем его забросят на какую-нибудь взлетную площадку… Ведь ему нужно совсем немного времени, чтобы перестроиться, взглянуть на все новыми глазами… А в Париже у него свой дом. Ловко увертываясь от автомобилей, он

пересек туннель и вбежал в бюро.

Бюро путешествий напоминало небольшой банк. Короткая стойка, окошко, защищенное решеткой и взломонепроницаемым пластиком. Рич подошел к окошку, вынул из кармана деньги. Отсчитав несколько кредиток, он подтолкнул их к решетке.

— Билет до Парижа, — сказал он. — Сдачу оставьте себе. Где у вас капсулы? Живо, любезный! Живо!

— Париж? — переспросил кассир. — Какой Париж? У нас нет никакого Парижа.

Рич всмотрелся в человека за полупрозрачным пластиком. За окном маячил, глядя на него, молчаливый, страшный… Человек Без Лица. Ричу показалось, что голова его вот-вот лопнет, сердце бешено колотилось. Он раза два бестолково повернулся на месте, наконец увидел дверь и выбежал наружу. Спотыкаясь, как слепой, он ринулся назад к трассе, сделал слабую попытку увернуться от приближающегося автомобиля и погрузился во тьму, плотно окутавшую его со всех сторон.

УНИЧТОЖИТЬ
СЛОМАТЬ
ЛИКВИДИРОВАТЬ

РАССЕЯТЬ
(МИНЕРАЛОГИЮ, ПЕТРАЛОГИЮ, ГЕОЛОГИЮ, ФИЗИОГРАФИЮ)
РАЗМЕТАТЬ
(МЕТЕОРОЛОГИЮ,
ГИДРОЛОГИЮ, СЕЙСМОЛОГИЮ) СТЕРЕТЬ
(x^2 y^3 d: Пространство (d: Время)
ВЫЧЕРКНУТЬ ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…
— …что является?
ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…
— …является что? Что? ЧТО?

Чья-то рука прикрыла ему рот. Рич открыл глаза. Он находился в маленькой комнатке с кафельными стенами, наверное, в медпункте при полицейском участке. Он лежал на белом столе, который окружали охранники, трое полицейских в форме и еще какие-то люди. Все они старательно что-то записывали в блокноты, бормоча себе под нос и смущенно пожимая плечами.

Незнакомец отнял руки от губ Рича, наклонился к нему.

— Все будет хорошо, — сказал он мягко. — Не волнуйтесь. Я врач.

— Щупач?

— Что?

— Вы не щупач? Мне нужен щупач, мне нужен

кто-нибудь, кто бы влез мне в башку и подтвердил, что я прав. Бог ты мой! Мне это нужно до зарезу. За ценою я не постою…

— Что ему нужно? — спросил полисмен.

— Я не знаю. Он сказал «щупач». — Врач повернулся к Ричу. — Что это значит? Объясните нам, пожалуйста. Что значит «щупач»?

— Это эспер. Тот, кто читает мысли.

Доктор улыбнулся.

— Фантазирует. Разыгрывает бодрячка. Больные часто ведут себя так. Делают вид, что катастрофа их не испугала. Мы называем это юмором висельника.

— Послушайте, — взмолился Рич, — приподнимите меня. Я должен кое-что сказать.

Ему помогли приподняться.

— Меня зовут Бен Рич, — сказал он, обращаясь к полицейским, — Бен Рич из «Монарха». Вы, конечно, слышали обо мне. Я хочу сделать признание. Но я признаюсь лично Линкольну Пауэлу, полицейскому префекту. Доставьте меня к нему.

— Кто такой Пауэл?

— И в чем вы хотите признаться?

— В убийстве де Куртнэ. Месяц тому назад я убил Крэя де Куртнэ. Это произошло в доме Марии Бомон. Скажите Пауэлу. Я убил де Куртнэ.

Полицейские удивленно переглянулись. Один из них, не торопясь, поплелся в угол к старинному телефону.

— Капитан? У нас тут один тип. Называет себя Беном Ричем из «Монарха». Хочет сделать признание какому-то префекту по фамилии Пауэл. Говорит, в прошлом месяце кокнул какого-то малого, которого звали Крэй де Куртнэ. — Полицейский помолчал и обратился к Ричу: — Как пишется эта фамилия?

— Де Куртнэ! Маленькое «дэ», потом «е», потом отдельно заглавная «ка», «у», «эр», «тэ», «эн», «э».

Полисмен продиктовал фамилию по буквам и стал ждать. Некоторое время спустя он усмехнулся и повесил трубку.

— Все наврал, — сказал он и положил блокнот в карман.

— Послушайте… — начал Рич.

— Как он, в порядке? — спросил полисмен у врача, не оборачиваясь к Ричу.

— Небольшой шок, а вообще он в норме.

— Да слушайте же! — крикнул Рич.

Полисмен рывком поставил его на ноги, подтолкнул к дверям.

— Порядок, приятель. Катись!

— Вы должны меня выслушать. Я…

— Нет, приятель, это ты меня выслушай. В полиции нету никакого Линкольна Пауэла. В книге происшествий не зарегистрировано убийство этого твоего де Куртнэ. Понял? Так что проваливай подобру-поздорову. Запивать можешь в другом месте. — И он вытолкнул Рича на улицу.

Тротуар выглядел странно. Он был весь вздыблен, словно изрытый пневматическим молотком. Рич споткнулся, но кое-как удержался на ногах и застыл, безгласный, растерянный. Темнота сгустилась еще больше… вечная темнота. Лишь кое-где горели редкие фонари. Воздушные трассы исчезли. Не видно было прыгунов. Даже горизонт стал не сплошным — в нем появились проломы.

— Я болен, — простонал Рич. — Я болен. Помогите!

Прижимая руки к животу, пошатываясь, он побрел по разбитому тротуару.

— Прыгун! — вопил он не своим голосом. — Прыгун! Такси! Да есть ли кто живой в этом забытом богом городе? Где вы все попрятались? Такси!

Ничего.

— Я болен… болен. Мне нужно домой. Я заболел. — Он снова заорал: — Слышит меня кто-нибудь? Я болен. Помогите… По-мо-ги-те!..

Ответа нет.

Рич застонал, потом вдруг захихикал, бессмысленно и жалобно. Срывающимся голосом он запел:

Три, два, раз… А ну еще!
Три, четыре — горячо.
Ах ты, камбала, не вобла,
Смотри в оба! Смотри в оба!..

— Да где же вы все? Мария! — чуть не плача, позвал он, — Мария, включи свет! Ма-а-ри-и-ия! Да прекрати ты эту дурацкую игру в «сардинки»!

Он споткнулся.

— Где ты? — кричал Рич. — Вернись, умоляю, вернись! Я тут совсем один!

Безмолвие.

Он искал Парк-Саут, 9, вглядываясь в темноту, не покажется ли особняк Бомонов, дом, где встретил свою гибель де Куртнэ. Как успокоительно было бы повидать «старую прелестницу» Марию!

Безмолвие.

Мрачная, холодная пустыня. Черное небо. Все чужое вокруг. Пусто. Безмолвие и пустота.

Рич крикнул. Одинокий, хриплый крик, крик злобы и страха.

Безмолвие. Даже эхо не откликнулось.

— Ради бога! — кричал он. — Ради бога! Верните все обратно! Куда все девалось? Одно пространство, одно пространство!

Из пустоты проступила и выросла зловещая гигантская фигура. Она родилась из черных теней. Рич смотрел на нее, оцепенев. Она маячила перед ним, безмолвная, страшная… Человек Без Лица. Внезапно он заговорил:

— Нет пространства. Ничего нет.

Рич услышал пронзительный крик. Это кричал он сам. Услышал оглушительный грохот. То билось его сердце. Он бежал нездешней, неземной тропой, проложенной в пустоте, где не было ни жизни, ни пространства, бежал, пока еще не поздно, пока еще не поздно, еще не поздно, пока еще есть время, еще есть время, время…

И на полном бегу наткнулся на фигуру, рожденную из черных теней, на Человека Без Лица. Человек Без Лица сказал:

— Времени не существует. Ничего нет.

Рич отпрянул. Повернулся. Упал. Теряя последние силы, он полз сквозь вечную пустоту и визжал:

— Пауэл! Даффи! Киззард! Тэйт! О господи! Где вы все? Где все? Ради бога!..

И опять перед ним возник Человек Без Лица.

— Бога не существует, — сказал он. — Ничего нет.

Теперь уже невозможно было спастись бегством. Остались лишь антибесконечность — бесконечность со знаком минус, и Рич, и Человек Без Лица. Намертво вмерзнув в это триединство, Рич поднял наконец глаза и посмотрел прямо в лицо своему смертельному врагу, от которого он не мог спастись, тому, кто преследовал его в ночных кошмарах… тому, кто разрушил всю его жизнь…

Это был… он сам.

Де Куртнэ.

Они оба.

Их лица сливались в одно. Бен де Куртнэ — Крэй Рич. Де Куртнэ — Рич. Де — Р.

Он не мог говорить. Не мог шевельнуться. Ведь не существовало ни времени, ни пространства, ни материи. Только умирающая мысль.

— Отец?

— И сын.

— Ты — это я?

— Мы — это мы.

— Отец и сын?

— До.

— Я не могу понять… Что случилось?

— Ты проиграл игру.

— Игру в «сардинки»?

— Нет. Глобальную игру.

— Но я же выиграл. Я выиграл. Я выиграл. Ведь мне принадлежала вся Галактика, до последней песчинки…

— Потому ты и проиграл. Мы проиграли.

— Что мы проиграли?

— Возможность выжить.

— Я ничего не понимаю. Не могу понять.

— Зато это понимает моя половина. Ты бы тоже понял это, Бен, если бы ты не отторгнул меня от себя.

— Что же тебя отторгло?

— Все, что есть в тебе извращенного, испорченного, дурного.

— И это говоришь ты? Ты… предатель, пытавшийся меня убить?

— Я это делал без гнева, Бен. Делал лишь для того, чтобы сокрушить тебя прежде, чем ты сокрушишь нас. Чтобы выжить. Чтобы помочь тебе проиграть Галактику и выиграть игру, Бен.

— Что это за игра? Ты назвал ее глобальной?

— Да. Это головоломка. Вселенная — это лабиринт, путаница, головоломка, которую мы должны решить. Все галактики, звезды, солнце,

планеты... весь мир, каким мы его знали. Мы с тобой были единственной реальностью. Все остальное вымысел... куклы, марионетки, бутафория, комедиантство. Нам с тобой предстояло разгадать воображаемую реальность.

— Мне это удалось. Я завладел ею.

— Но не сумел решить головоломку. Решения мы так и не узнаем, но это не террор, не воровство, не ненависть, не похоть, не убийство, не насилие. Ты не решил головоломку, и все уничтожено, развеяно...

— А что же стало с нами?

— Уничтожены и мы. Я пробовал предупредить тебя. Остановить. Но мы не выдержали испытания.

— Но почему же? Почему? Кто мы такие? Что мы собой представляем?

— Кто знает? Разве зерно, которому не удалось упасть на добрую почву, знает, кем и чем оно стаю бы? Не всели нам равно, кто мы и что? Мы проиграли. Испытаниям конец. Конец и нам.

— Нет!

— Возможно, Бен, если бы мы решили головоломку, все осталось бы реальностью. Но дело сделано. Реальность превратилась в утраченную возможность. И вот мы проснулись, чтобы

упасть в ничто.

— Мы еще вернемся. Мы попытаемся снова…

— Назад возврата нет. Конец.

— Мы что-нибудь придумаем. Ведь можно же что-нибудь придумать!

— Ничего нельзя придумать. Конец.

Все было кончено.

Теперь… Разрушение.

Глава 17

Их обоих нашли на следующее утро почти в центре острова, в парке, откуда открывался вид на старый гарлемский канал. Оба всю ночь блуждали по улицам и воздушным трассам, не видя ничего вокруг и все же медленно и неуклонно приближаясь друг к другу, как две намагниченные иглы.

Пауэл, скрестив ноги, сидел на влажном дерне. Лицо его осунулось и потемнело, дыхание почти угасло, пульс едва прослушивался, но руки, будто железные тиски, все еще сжимали свернувшегося в тугой ком Рича.

Пауэла немедленно отвезли в его особнячок на Гудзон-Рэмп, где, установив круглосуточное дежурство, его усердно принялись выхаживать все сотрудники лаборатории при институте Эспер-лиги, донельзя обрадованные этим первым в истории успешным завершением массового катексиса. С Ричем не было нужды спешить. В должное время и с соблюдением необходимых формальностей его, по-прежнему недвижимого, доставили в Кингстонский госпиталь на предмет Разрушения.

Прошло семь дней.

На восьмой Пауэл встал, принял душ, оделся, выиграл сражение со своими сиделками и вышел из дому. Заскочив по дороге к «Сюкре и Си», он вышел оттуда с неким таинственным большим пакетом, после чего направился в полицейское управление, чтобы лично доложить комиссару Крэббу об окончании дела. Однако, прежде чем подняться в кабинет шефа, он заглянул к Джексону Беку.

— Привет, Джекс.

— Здра(и бедст)вия желаю.

— Бедствия?

— Я заключил пари на пятьдесят кредиток, что вас продержат в постели до среды.

— Проиграли. Как отнесся Моз к нашей версии мотива преступления?

— Поддержал руками и ногами. Заседание длилось всего час. Рича уже готовят к Разрушению.

— Отлично. Ну я пошел наверх. Постараюсь все это рас-тол-ко-вать комиссару Крэббу.

— Что это у вас под мышкой?

— Подарок.

— Для меня?

— Сегодня не для вас. Пока, Джекс. Примите мои наилучшие помышления.

Пауэл поднялся вверх, постучал в дверь отделанного серебром и черным деревом кабинета и, услышав повелительный голос: «Войдите!», отворил дверь. Крэбб был должным образом внимателен, но сух. Дело де Куртнэ не способствовало улучшению его отношений с Пауэлом. А заключительный эпизод явился последней каплей.

— Это был на редкость сложный случай, сэр, — тактично начал Пауэл. — Никто из нас ничего не понимал, и никого нельзя винить. Видите ли, комиссар, даже сам Рич не отдавал себе отчета, по какой причине он убил де Куртнэ. Единственным, кто попал в точку, был наш следственный компьютер, но мы тогда решили, что он дурачится.

— Этот агрегат? Он понял?

— Да, сэр. Когда мы в первый раз снабдили его информацией, компьютер дал ответ, что недостаточно подтверждены документацией эмоциональные мотивы преступления. Мы же все предполагали, что преступление совершено из корыстных соображений. Кстати, так же думал и Рич. Само собой, мы решили, что компьютер чудит, и запросили у него вторичного расчета, подтверждающего нашу версию об убийстве с корыстными целями. И тем самым укрепились в ошибке.

— А чертов агрегат, значит, был прав?

— Да, комиссар. Прав. Рич сам себя уверил, что причина убийства — его финансовые взаимоотношения с де Куртнэ. Так он бессознательно скрывал от себя истинный эмоциональный мотив преступления. Как вы знаете, он предложил де Куртнэ слияние капиталов. Тот согласился. Но подсознательный импульс толкнул Рича к тому, чтобы неправильно расшифровать ответ. Иначе он не мог. Он не мог не верить, что убивает ради денег.

— Почему?

— Потому что он не мог признать действительным подлинный мотив убийства.

— И этот мотив?.. В чем же он заключался?

— Де Куртнэ был его отцом.

— Что? — изумился Крэбб. — Его отцом? И свою плоть и кровь?..

— Да, сэр. Мы все это могли узнать гораздо раньше, но не сообразили… поскольку и сам Рич не осознавал того. Вот, к примеру, это поместье на Каллисто, которым Рич пожертвовал, чтобы удалить доктора Джордана за пределы Земли. Рич унаследовал его от матери, а та, в свою очередь, получила поместье в дар от де Куртнэ. Мы предполагали, что еще старый Рич каким-то

образом оттягал его у де Куртнэ и передал жене. Оказывается, ничего подобного. Де Куртнэ сам подарил его своей возлюбленной — матери Рича, когда узнал, что она ждет от него ребенка. Рич и родился там. Джексон Бек все это выяснил, когда мы подобрали к делу ключ.

Крэбб открыл было рот, потом снова сжал губы.

— Мы много чего проглядели. Например, тягу де Кургнэ к самоубийству на почве острого ощущения своей вины перед кем-то, покинутым им. Он ведь и впрямь покинул сына. Это его мучило. Затем не обратили внимания на проглянувший среди первичных инстинктов Барбары де Куртнэ образ ее самой и Бена Рича в виде полублизнецов. Она каким-то образом знала, что он ее сводный брат. Да ведь и Рич не смог убить Барбару в доме у Чуки Фруд. Инстинктивно он тоже все знал. Отиа за то, что тот отверг его, он ненавидел и хотел уничтожить, а вот заставить себя причинить вред сестре не смог.

— Так когда же вы докопались до сути?

— Уже после того, как дело было прекращено, сэр. Когда Рич на меня напустился, обвиняя в том, что я ему подбрасываю мины-сюрпризы.

— Да. он говорил, что это делаете вы. Он… но,

постойте, Пауэл, если не вы, то кто же этим занимался?

— Сам Рич, сэр.

— Рич?

— Да. Он убил отца. Сделал то, на что толкала его ненависть. Но его суперЭго, его подсознание не позволяло ему оставаться безнаказанным после столь ужасного преступления. Так как полиция, по всей видимости, оказалась не в состоянии покарать его, то его собственная совесть взяла на себя миссию палача, воплотившись в образ, преследовавший Рича в его ночных кошмарах, — в образ Человека Без Лица.

— Человек Без Лица?

— Да, комиссар. Это был символ истинной взаимосвязи Рича и де Куртнэ. И так как Рич был не в состоянии увидеть правду, признать, что де Куртнэ его отец, человек этот был без лица. Когда Рич пришел к решению убить своего отца, ему начала сниться эта безликая фигура. Она не давала ему покоя. Человек Без Лица сперва символизировал угрозу наказания за преступный замысел, а позже стал и самой карой за убийство.

— И значит, мины-сюрпризы?..

— Именно так, комиссар. Его совесть требовала, чтобы за преступлением последовала заслу-

женная кара. Но поскольку у Рича ни разу не возникла мысль, что он убил своего отца, он мог наказать себя лишь бессознательно. Рич подкладывал себе все эти мины, сам не понимая, что делает, как лунатик, во сне или днем, в минуты бегства от реальности, в краткие периоды беспамятства. Ухищрения психического аппарата неисчерпаемы.

— Но если Рич и сам не подозревал обо всем этом, как вам удалось докопаться до сути дела, Пауэл?

— В том-то и дело, сэр. В этом была вся трудность. Рич был настроен к нам враждебно, в то время как для обследований такого рода требуется полное содействие субъекта. К тому же на обследование уходит несколько месяцев, а у нас не было времени. Рич, оправившись от целого ряда свалившихся на него потрясений, вполне мог перестроиться, взглянуть на все новыми глазами и стать для нас неуязвимым. Это было опасно, поскольку он обладал возможностью вывернуть наизнанку всю Солнечную систему. Он принадлежал к тем редким ниспровергателям мировых основ, в чьих силах было разрушить все наше общественное здание и создать новое общество, на свой лад.

Крэбб кивнул.

— И он почти добился цели. Истории известны такого рода деятели. Они — связующее звено между прошлым и будущим.

Если им позволить войти в силу, то человечество окажется прикованным к ужасному завтра.

— Как же вы поступили?

— Прибегли к массовому катексису, как мы его называем. Не так-то просто объяснить, в чем он заключается, но я все же попробую. Психический комплекс каждого человека, то, что называют душевными силами, состоит из двух видов энергии — резервной, или, как мы говорим, латентной, и расходуемой. Латентная энергия скрыта в глубине нашей души как неприкосновенный запас. Расходуемую энергию мы тратим в своей повседневной психической и мыслительной деятельности. Латентную энергию большинство людей расходует крайне редко и в очень малом количестве — ничтожную ее долю.

— Понятно.

— Котла Эспер-лига прибегает к массовому катексису, каждый эспер раскрывает, если так можно выразиться, свою душу и пересылает все запасы своей латентной энергии в общий фонд. Воспользуется этой энергией один-единственный

эспер, у которого из латентной она станет расходуемой. Если он сумеет распорядиться ею, он сможет проделать титаническую работу. Однако операция эта трудна и крайне опасна. Выполнить ее — это примерно то же, что отправиться на Луну, вставив себе динамитную шашку в… э-э… словом, лететь на динамитной шашке.

Крэбб вдруг ухмыльнулся.

— Жаль, что я не щупач, — сказал он. — Хотелось бы мне знать, как вы на самом деле представляете этот полет на Луну.

— Вы уже представили, сэр, — усмехнулся Пауэл.

Впервые между ними установился контакт.

— Нам было необходимо, — продолжал Пауэл, — столкнуть Рича с Человеком Без Лица. Ведь мы могли узнать правду только после того, как ее узнает сам Рич. Используя весь фонд латентной энергии, я вызвал у Рича самые обычные, элементарные невротические представления — иллюзию, будто только он один реален в этом мире.

— Хм, обычные… нечего сказать — обычные!

— О, самые обычные, сэр. Такая иллюзия — один из самых тривиальных методов бегства от действительности. Когда жизнь становится

вам невмоготу, вы спасаетесь от ее тягот, вообразив себе, что все ваши беды всего лишь выдумки, гигантская мистификация. Рич уже носил в себе зародыш этой иллюзии. Я просто интенсифицировал ее. В последнее время жизнь ему и впрямь стала невмоготу, и я заставил его поверить, что Вселенная — обман, головоломка. Затем постепенно на его глазах я уничтожил весь окружавший его мир, разобрал головоломку на части и оставил его наедине с Человеком Без Лица. Тогда он впервые взглянул на него открытыми глазами, узнал в нем себя, узнал отца… и мы все поняли.

Пауэл взял сверток, встал со стула. Крэбб тоже вышел из-за стола и, дружески придерживая Пауэла рукой за плечо, проводил его до двери.

— Вы проделали феноменальную работу, Пауэл. Поистине феноменальную. Я просто не нахожу слов. Это, наверное, замечательно — быть эспером.

— И замечательно, и страшно, сэр.

— Вы все, наверно, очень счастливы.

— Счастливы? — Пауэл задержался у двери и взглянул на Крэбба. — Были бы вы счастливы, комиссар, если бы вам пришлось всю жизнь провести в больнице?

— Как — в больнице?

— Да, именно там мы все и живем. В психиатрической лечебнице. Без надежды на бегство, на избавление. Так что радуйтесь, что вы не эспер, сэр. Радуйтесь, что вам видна лишь внешность человека. Радуйтесь, что вам не приходится видеть ненависти, ревности, злобы, боли. Радуйтесь, что вам не часто открывается страшная сущность человека. Мир будет чудесным местом, когда все люди станут телепатами и освободятся от пороков, от всех аномалий… А до тех пор радуйтесь своей слепоте.

Он вышел из управления полиции, взял прыгуна и понесся на север к Кингстонскому госпиталю. Сидя в кабине со свертком на коленях, он любовался величественным видом Гудзонской долины и насвистывал какой-то замысловатый мотив. Только раз он улыбнулся и пробормотал: «Подумать только, мне все же удалось просветить хоть немного Крэбба! Теперь остается только стабилизировать наши отношения. И главное, с сегодняшнего дня он будет сочувствовать щупачам и относиться к нам дружески».

Внизу, постепенно разворачиваясь, показалась великолепная панорама Кингстонского госпиталя — солярии, бассейны, сады, спортивные

площадки, коттеджи, клиники… Весь архитектурный ансамбль госпиталя был спроектирован в изысканном неоклассическом стиле. Прыпун пошел на посадку. Пауэл уже различал отдельные фигуры — сестер, врачей, пациентов. Загорелые, оживленные, они веселились, играли. Пауэл вспомнил о предупредительных мерах Правительственного Совета, которые тот должен был принять, справедливо опасаясь, как бы Кингстон не превратился в модный курорт: слишком много жаждущих развлечения богатых бездельников стремились туда попасть, симулируя различные заболевания.

Справившись в комнате посетителей, где найти Барбару де Куртнэ, Пауэл отправился в указанном направлении. Он очень ослабел за последние дни, но сейчас его так и подмывало перемахнуть через изгородь, взобраться на ворота или пуститься бегом по дорожке. Ему не терпелось поскорее задать Барбаре вопрос, не дававший ему покоя с самого утра, с того момента, когда, очнувшись после недельного оцепенения, он почувствовал, что в силах подняться.

Они увидели друг друга одновременно. Их разделял широкий газон, примыкавший к великолепному саду и каменным террасам. Барбара

замахала рукой и бросилась к нему прямо по траве. Он тоже побежал ей навстречу. И вдруг их охватило смущение. Они остановились в нескольких шагах друг от друга и опустили глаза.

— Хэлло, — сказала она.

— Хэлло, Барбара.

— Я… Давайте пройдем в тень, ладно?

Они повернули к террасе. Пауэл краем глаза взглянул на девушку. Она снова вернулась к жизни, такой он ее еще не видел. Прежним в ней оставалось только знакомое ему озорное выражение лица, лукавая мина сорванца-мальчишки, которую он считал следствием лечения по методу deja eprouve. Она вся светилась пленительным веселым озорством. И в то же время была взрослой. Взрослой девушкой, незнакомой ему.

— Сегодня вечером меня выписывают, — сказала Барбара.

— Я знаю.

— Я так благодарна вам за все, что вы…

— Пожалуйста, не говорите этого.

— За все, что вы для меня сделали, — твердо закончила Барбара.

Они сели на каменную скамью.

— Я хочу, чтобы вы знали, как я вам благодарна, — сказала она, серьезно взглянув на него.

— Ради бога, Барбара, пожалуйста, не нужно. Вы меня просто пугаете.

— В самом деле?

— Я вас так близко знал, когда вы… как бы это сказать… были ребенком. А теперь…

— Теперь я снова взрослая.

— Да.

— И нам нужно как следует познакомиться. — Она приветливо улыбнулась. — Ну, скажем, завтра за чаем в пять часов?

— В пять часов?

— Попросту. Смокинг не обязателен.

— Послушайте, — в отчаянии начал Пауэл. — Я много раз помогал вам одеваться. И причесываться, и зубы чистить. — (Барбара небрежно махнула рукой.) — Ваше поведение за столом было ниже всякой критики. Вы любили рыбу и терпеть не могли баранину. Однажды вы запустили бараньей котлетой мне в глаз.

— Это было сто лет назад, мистер Пауэл.

— Всего лишь две недели, мисс де Куртнэ.

Она величественно поднялась.

— Право же, мистер Пауэл, мне кажется, нам следует прервать нашу беседу. Ваша склонность к хронографическим инсинуациям… — Она остановилась, посмотрела на него, и опять выглянул

сорванец-мальчишка. — Хронографические? — переспросила она.

Пауэл выронил пакет и сжал девушку в объятиях.

— Мистер Пауэл, мистер Пауэл, мистер Пауэл, — шептала она. — Здрасте, мистер Пауэл.

— Бог ты мой, Барбара… Бэри, милая. А я-то уж решил, что ты это серьезно.

— Вот тебе расплата за то, что сделал меня взрослой.

— Ты всегда была злопамятным ребенком.

— А ты придирой. — Барбара отклонилась назад и посмотрела на него. — Какой же ты на самом деле? Какие мы оба? Успеем мы узнать друг друга?

— Успеем?

— Прежде чем… Нет, не могу сказать. Лучше прочитай у меня в мыслях.

— Так нельзя, моя хорошая. Скажи сама.

— Мэри Нойес мне рассказала. Все рассказала.

— О! Вот как?

Барбара кивнула.

— Но мне все равно. Все равно. Она права. Я на все решусь. Даже если ты не можешь на мне жениться…

Он засмеялся. Его радостное возбуждение вот-

вот готово было хлынуть через край.

— Ни на что ты не должна решаться, — сказал он. — Сядь. Я хочу задать тебе один вопрос.

Она села к нему на колени.

— Вернемся еще раз к той ночи, — сказал он.

— В Бомон-Хаусе?

Он кивнул.

— Мне трудно говорить об этом.

— Это займет меньше минуты. Теперь представь: ты в постели, спишь. Потом вдруг просыпаешься и стремглав бежишь в tv комнату. Ты помнишь остальное…

— Да.

— Всего один вопрос. Тебя разбудил крик. Что за крик?

— Ты сам знаешь.

— Я знаю, но хочу, чтобы ты сказала. Скажи вслух.

— А что, если у меня… если опять будет припадок?

— Не будет. Говори.

Она долго молчала, потом тихо проговорила: «На помощь, Барбара!»

Он кивнул.

— Кто это кричал?

— Как кто? Ну, конечно… — Девушка вдруг

замолчала.

— Кричал не Бен Рич. Зачем ему было звать на помощь? Он в ней не нуждался. Кто же кричал?

— Мой… мой отец.

— Но он не мог говорить, Барбара! У него был рак горла, он и слова не мог вымолвить.

— Я услыхала его.

— Нет, приняла телепатему.

Она вскинула на него глаза. Потом покачала головой.

— Нет, я…

— Ты приняла телепатему, — мягко повторил Пауэл — Ты скрытый эспер. Отец позвал тебя телепатически. Если бы я не был таком ослом и не сосредоточил все мысли на Риче, то давно бы уже догадался. Когда ты жила у меня, ты бессознательно прощупывала и меня, и Мэри.

Барбара все не могла усвоить эту мысль.

— *Ты меня любишь?* — вдруг спросил он.

— Люблю, конечно, — тихо отозвалась она, — только, по-моему, ты выдаешь желаемое…

— Кто это спрашивал?

— О чем?

— Любишь ли ты меня?

— Да ведь ты сам только что… — Она запнулась, но все-таки попробовала договорить: — Ты

сказал… т-ты…

— Я ничего не говорил. Теперь ты поняла? Вот почему нам не нужно ни на что решаться.

Прошло, казалось, несколько секунд, а на самом деле добрых полчаса, когда страшный грохот на террасе над их головами заставил их отстраниться друг от друга и с удивлением взглянуть вверх. На каменной стене появилось какое-то голое существо. Некоторое время оно стояло, что-то невнятно бормоча, взвизгивая и подергиваясь всем телом, потом низверглось вниз, скатилось по клумбам цветника и плюхнулось на газон, дергаясь, как гальванизированная лягушка, и крича истошным голосом. Это был Бен Рич, почти неузнаваемый, полуразрушенный.

Пауэл быстро повернул Барбару к нему спиной и прижал к себе.

— Ты по-прежнему моя девочка? — проговорил он, взяв ее за подбородок.

Она кивнула.

— Я не хочу, чтобы ты видела это. Это не опасно, но тебе не нужно на это смотреть. Беги-ка в павильон и подожди меня там. Будь умницей, ладно? Отлично. Ну, беги скорей!

Она схватила его руку, быстро поцеловала и, ни разу не оглянувшись, перебежала через газон.

Пауэл проводил ее глазами и, когда она скрылась, повернулся к Ричу.

Когда в Кингстонском госпитале человека подвергают Разрушению, то разрушают всю его психику. В результате серии осмотических инъекций разрушение начинается с самых верхних пластов сознания, корковых слоев, постепенно продвигаясь вглубь, размыкая все циклы, стирая все виды памяти, истребляя все накопленное психикой со дня рождения. И по мере того как пласт за пластом стирается мироощущение пациента, каждая клетка, возвращая свою долю энергии, превращает его тело во вздрагивающий клубок, в водоворот распада.

Но не в этом боль, не в этом ужас Разрушения. Самое страшное состоит в том, что сознание не покидает человека, что в то время как стирают душу, разум сознает свою медленную, движущуюся вспять смерть, сознает, что в конце концов тоже исчезнет, и ждет нового рождения, и прощается с жизнью, и скорбит на собственных нескончаемых похоронах.

В мигающих вздрагивающих глазах Бена Рича Пауэл увидел это сознание своей гибели, и боль, и трагическое отчаяние.

— Как это он умудрился отсюда сверзиться? Что

его связанным, что ли, держать? — Над стеной террасы появилась голова доктора Джимса, — О, здравствуйте, Пауэл. Вот ваш приятель. Вы его помните?

— Очень живо.

Обернувшись назад, Джиме распорядился:

— Пройдите на газон и подберите его. Я с него теперь глаз не спущу. — Он повернулся к Пауэлу. — На редкость энергичный малый, прямо бурлит весь. Мы возлагаем на него большие надежды.

Рич пронзительно завизжал и дернулся.

— Как проходит Разрушение?

— Великолепно. У него такой запас жизненных сил, что хватит на что угодно. Мы воздействуем на него по ускоренной системе. Через год он должен быть готов к новому рождению.

— Я жду этого с нетерпением. Нам нужны такие люди, как Рич. Жаль было бы его лишиться.

— Лишиться? Каким образом? Не думаете же вы, что такой пустяк, как это падение со стены…

— Нет, я имею в виду совсем другое. Три или четыре сотни лет назад наш брат полицейский ловил людей, подобных Ричу, только для того, чтобы предать их смерти. Это называлось «смертная казнь».

— Вы шутите.

— Честное скаутское.

— Но это же бессмыслица! Если у человека хватило смелости и таланта, чтобы переть против общества, он, несомненно, незауряден. Его нужно ценить. Исправьте его и превратите в положительную величину. Зачем его уничтожать? Если мы станем разбрасываться такими людьми, так у нас, чего доброго, останутся одни овцы.

— Не знаю. Может быть, в те времена им и нужны были овцы.

На газон рысцой примчались санитары, подняли Рича, поставили на ноги. Он кричал и вырывался. Мягко и искусно утихомиривая его с помощью особых приемов кингстонского дзюдо, они быстро проверили, нет ли у него переломов или растяжения, и, удостоверившись, что все в порядке, повели его прочь.

— Одну минутку, — окликнул их Пауэл.

Он взял со скамьи таинственный сверток и развернул его. Это была коробка конфет, одна из самых великолепных, какие только продавались у «Сюкре и Си». Пауэл подошел к разрушаемому человеку и протянул ему коробку.

— Вот вам подарок, Бен. Возьмите.

Голое существо угрюмо уставилось сперва на

Пауэла, потом на коробку. Наконец две неловкие руки неуклюже вытянулись вперед и взяли подарок.

— Фу ты черт, валандаюсь с ним, как нянюшка, — сердито буркнул себе под нос Пауэл. — Все мы няньки в этом сумасшедшем мире. Стоит ли он того?

И вдруг из клубившегося в Риче хаоса вспышкой вырвалось:

— Пауэл — щупач — Пауэл — друг — Пауэл — друг...

Это было так внезапно, так неожиданно, так наэлектризовано жаркой благодарностью, что Пауэла словно залило горячей волной и к глазам подступили слезы. Он попробовал улыбнуться, потом молча повернулся и зашагал через газон к павильону, где ждала его Барбара.

— Слушайте, — восклицал он, исполненный ликования, — слушайте, вы, нетелепаты! Вы должны узнать это. Должны это понять. Вы должны смести барьеры. Сорвать покровы. Мы видим истину, которая вам не видна. Мы видим, что в человеке нет ничего, кроме любви и верности, мужества и доброты, самоотверженности и благородства. Все остальное — это лишь барьер, воздвигнутый вашей слепотой. Настанет день,

когда не останется преград, разделяющих наши умы и сердца.

В бесконечной Вселенной не существовало ничего неповторимого и нового. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений — все это уже не раз бывало на планете, обращающейся вокруг светила, Галактика которого девятикратно возрождалась заново каждые двести миллионов лет. В мире была радость. Радость придет вновь…

ТИГР! ТИГР!

© Перевод В. Баканова

Пролог

То был Золотой Век, время накала страстей и приключений, бурной жизни и трудной смерти… но никто этого не замечал. То была пора разбоя и воровства, культуры и порока, столетие крайностей и извращений… но никто его не любил.

Все пригодные миры Солнечной системы были заселены. Три планеты, восемь спутников, одиннадцать миллиардов людей — сплелись в единый клубок самого захватывающего периода в истории. И все же умы томились по иным временам, как всегда, как везде. Солнечная система бурлила жизнью: сражалась, пожирала все на своем пути, схватывала новые науки прежде, чем познавались старые, рвалась к звездам, в глубокий космос. И все же…

— Где новые границы? — причитали романтики. А новая граница человеческого ума открылась на заре XXIV века при трагическом происшествии в лаборатории на Каллисто. Один исследователь по имени Джанте случайно устроил пожар и возопил о помощи, естественно подумав об огнетушителе. И оказался рядом с ним — в семидесяти футах от лаборатории.

Телепортация — перемещение в пространстве усилием воли, давняя теоретическая концепция. Сотни ничем не подкрепленных утверждений, что такое случалось раньше. И вот впервые это произошло на глазах у профессиональных наблюдателей.

Ученые набросились на Эффект Джанте яростно и безжалостно. Церемониться с таким потрясающим событием? Да и сам Джанте горел желанием обессмертить свое имя. Он написал завещание и распрощался с друзьями. Джанте знал, что идет на смерть, потому что коллеги намеревались убить его.

Двенадцать психологов, парапсихологов и нейрометристов собрались в качестве наблюдателей. Экспериментаторы поместили Джанте в прочнейший стеклянный сосуд. Открыли клапан, пуская воду в сосуд, затем сорвали запорный кран. Невозможно разбить стенки и выбраться наружу; невозможно остановить поток воды.

Теория предполагала: если угроза смерти заставила Джанте телепортироваться в первый раз, ему надо устроить неминуемую гибель во второй. Вода быстро наполняла сосуд. Ученые записывали свои наблюдения. Джанте начал захлебываться.

Затем он оказался снаружи, судорожно втягивая в себя воздух и спазматически кашляя.

Его расспрашивали и исследовали, просвечивали рентгеновскими лучами и производили сложнейшие анализы. В обстановке секретности стали набирать добровольцев-самоубийц. Примитивная стадия; другой шпоры, кроме смерти, не знали.

Добровольцев тщательно обучали. Сам Джанте читал им лекции, что и как он делал. Потом их убивали: сжигали, топили, вешали. Изобретали новые формы медленной и наблюдаемой смерти.

Восемьдесят процентов испытуемых погибло. Многое можно было бы рассказать об их муках и агонии, но этому нет места в нашей истории. Достаточно заметить, что восемьдесят процентов испытуемых погибло, а двадцать все-таки джантировало (имя сразу превратилось в глагол).

Знания накапливались быстро. В первом десятилетии XXIV века были установлены принципы джантации и открыта первая школа — лично Чарлзом Фортом Джанте, в то время пятидесятилетним, бессмертным и стыдящимся признаться, что он больше никогда не осмеливался джантировать. Но те примитивные дни миновали, исчезла

необходимость угрожать человеку смертью. Люди постигли, как распознавать, подчинять и использовать еще один резерв неисчерпаемого мозга.

Джантировать способен всякий — если он в состоянии видеть, помнить, собирать свою волю. Надо только отчетливо представить то место, куда собираешься себя телепортировать, и сконцентрировать латентную энергию мозга в единый импульс. Кроме всего, необходимо иметь веру — веру, которую Чарлз Форт Джанте безвозвратно утратил. Малейшее сомнение блокирует способность телепортации.

Свойственные человеку недостатки неизбежно ограничивали джантацию. Некоторые могли блестяще представить себе место назначения, однако не обладали энергией, чтобы попасть туда. Другие в избытке имели энергию, но не видели, если можно так выразиться, куда джантировать. И последнее ограничение накладывало расстояние, ибо никто никогда не джантировал более чем на тысячу миль.

Вскоре стала обычной следующая анкета:

ИМЯ
МЕСТО
ЖИТЕЛЬСТВА

ДЖАНТ-КЛАСС
L (50 миль) X (10 миль) V (5 миль)
M (1000 миль) D (500 миль) C (100 миль)

Несмотря на все усилия, ни один человек не джантировал в космос, хотя множество специалистов и идиотов пытались это сделать. Гельмут Грант месяц запоминал координаты джант-площадки на Луне, представляя себе каждую милю двухсотсорокатысячемильной траектории от Таймс-сквер до Кеплер-Сити. Грант джантировал и бесследно исчез. Бесследно исчезли Энрико Дандридж, религиозный фанатик из Лос-Анджелеса, ищущий Рай, Яков Мария Френдлих, парапсихолог, вздумавший джантировать в метаизмерение, и сотни других — лунатиков, самоубийц, любителей рекламы и сумасшедших.

Однако через два поколения вся Солнечная система свободно джантировала. На трех планетах и восьми спутниках ломались социальные, правовые и экономические структуры. Произошла революция на транспорте, произошла революция в домостроительстве. Дня предотвращения незаконного джантирования использовались лабиринты и маскирующие устройства. Банкротство следовало за банкротством — разваливалась доджантная промышленность. Людьми завладе-

ла паника.

Свирепствовали эпидемии. Бродяги разносили заразу по беззащитным районам. Малярия, элефантиаз и лихорадка пришли на север. В Англии после трехсотлетнего отсутствия появилось бешенство. Из какой-то забытой дыры на Борнео выползла и распространилась проказа.

Волна преступности захлестнула планеты и спутники, когда «дно» всколыхнули новые возможности, открытые джантацией. Началось возвращение к худшему викторианскому ханжеству — общество боролось с сексуальными и моральными угрозами джантации с помощью законов и табу. Безжалостная война разразилась между Внутренними Планетами — Венерой, Землей и Марсом — и Внешними Спутниками, война, порожденная экономическим и политическим бременем телепортации.

То был век чудовищ, выродков и гротеска. Весь мир разлетелся, как карточный домик, и дрожал на грани взрыва, который изменит человека и сделает его хозяином Вселенной.

На фоне этого бурлящего столетия и началась история мести Гулливера Фойла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава 1

Сто семьдесят дней он умирал и все еще не был мертв. Он дрался за жизнь с яростью загнанного в ловушку зверя. В минуты просветления его примитивный мозг вырывался из брела и принимал боль гниющего тела. Тогда он поднимал немое лиио к Вечности и бормотал:

— Что там, эй? Помоги, Целитель. Помоги, и все.

Богохульство давалось ему легко, ругань была его языком всю жизнь. Он родился в сточной канаве двадцать четвертого века, воспитывался «дном» и говорил только на уличном жаргоне. Он цеплялся за жизнь и молился, сквернословя; но иногда его заблудший мозг прыгал на тридцать лет назад и вспоминал колыбельную песенку:

Гулли Фойл меня зовут,
Если это имеет значение.
В глубоком космосе я живу,
И смерть — мое назначение.

Гулливер Фойл, помощник механика 3-го

класса, тридцатилетний, тупой и грубый, сто семьдесят дней дрейфовал в космосе. Гулливер Фойл — смазчик, уборщик, грузчик, слишком легкомысленный, чтобы почувствовать горе, слишком сонный, чтобы изведать радость, слишком пустой для дружбы, слишком ленивый для любви. Летаргические контуры его характера видны из архива Торгового Флота:

Фойл Гулливер

Образование.....*никакого*

Навыки.....*никаких*

Достоинства.....*никаких*

Рекомендации.....*никаких*

Краткая характеристика: Физически сильный. Интеллектуальный потенциал подавлен отсутствием целей. Типичный Средний Человек. Не рекомендуется для дальнейшего продвижения.

Фойл застыл в мертвой точке. Тридцать лет он плыл по жизни, как некое бронированное чудовище, неповоротливое и безразличное… Гулли Фойл, типичный Средний Человек. Но теперь он дрейфовал в космосе, и ключ к его пробуждению был уже в замке. Вот-вот он повернется и откроет дверь в катастрофу.

Разбитый космический корабль «Номад» замер на полпути между Марсом и Юпитером.

Собственно, от корабля остался искореженный скелет, замерзший и молчаливый. Поломанное и погнутое оборудование, обломки машин и аппаратуры зависли внутри непроходимыми джунглями, постепенно сближаясь друг с другом под действием взаимного притяжения.

Гулливер Фойл, единственный, кто остался в живых, занимал инструментальный шкаф на главной палубе — четыре фута в ширину, четыре фута в глубину и девять футов в высоту. Никаких других герметических помещений не сохранилось. Шкаф имел размеры большого гроба. Шестью столетиями раньше самой изощренной пыткой считалось поместить человека в подобную клетку на несколько недель. И все же Фойл существовал в этой погруженной во тьму клетке пять месяцев, двадцать дней и четыре часа.

— *Кто ты?*

— *Гулли Фойл меня зовут.*

— *Где ты?*

— *В глубоком космосе я живу.*

— *Куда ты направляешься?*

— *Смерть — мое назначение.*

На сто семьдесят первый день борьбы за существование Фойл ответил на эти вопросы и очнулся. Сердце его судорожно колотилось, горло

пылало. Он схватился в темноте за резервуар с воздухом, деливший с ним гроб. Резервуар был пуст. Требовалось немедленно заменить его. Итак, день начнется с еще одной схватки со смертью; что Фойл воспринял с немой покорностью.

Он пошарил на полках своего шкафа и нащупал рваный скафандр. Другого на борту «Номада» не было. Фойл заклеил дыру, но никак не мог зарядить или заменить пустые кислородные баллоны на спине. Воздуха в скафандре хватало на пять минут…

Фойл открыл дверь и ступил в черную стужу космоса. Вырвавшийся с ним влажный воздух превратился в крошечное снежное облако и поплыл по исковерканному коридору главной палубы. Фойл налег на пустой резервуар и вытолкнул его из камеры. Минута прошла.

Фойл повернулся в сторону грузового отсека. Его движения были обманчиво медлительны. Он отталкивался от пола, стен, обходил скопления хлама… Влетел в люк. Прошло две минуты. Как на всех космических кораблях, воздушные резервуары «Номада» располагались вдоль длинного киля, опутанные сетью труб… еще минута на отсоединение. Фойл не знал, какой резервуар выбрал. Пуст он или полон, выяснится только

в камере. Раз в неделю он играл в космический покер.

В ушах зашумело, воздух в скафандре быстро становился негодным для дыхания. Фойл толкнул массивный цилиндр к люку и кинулся за ним. Прошло четыре минуты. Он провел резервуар по коридору главной палубы и открыл камеру. Фойл захлопнул герметическую дверь, нащупал на полке молоток, трижды ударил по промерзшему цилиндру, чтобы ослабить клапан, и с мрачной безысходностью повернул ручку. Из последних сил он распахнул шлем, чтобы не задохнуться в скафандре, пока камера наполняется воздухом… если в резервуаре есть воздух. Он потерял сознание — как и много раз до того — возможно, навсегда.

— *Кто ты?*

— *Гулли Фойл.*

— *Где ты?*

— *В космосе.*

— *Куда направляешься?*

Фойл пришел в себя. Он был жив.

Он не тратил время на благодарственные молитвы, а продолжал бороться за жизнь. Обшарил в темноте полки, где держал пишу, — там оказалась всего пара пакетов. Так как он все равно

в скафандре, можно еще раз выйти в космос и пополнить запасы.

Он снова выплыл на мороз и свет. Извиваясь, вновь прошел главную палубу — не более чем крытый коридор в космосе. Наполовину сорванный люк висел на одной петле, дверь в никуда, в чернильную пустоту и ледяные искрящиеся звезды.

Минуя люк, он увидел случайно свое отражение в полированном металле… Гулли Фойл, высокое черное создание, бородатое, покрытое коркой засохшей крови и грязи, изможденное, с большими терпеливыми глазами… Потревоженный хлам тянулся за ним, как хвост кометы.

На обратном пути, побросав пищевые пакеты, концентраты и кусок льда из взорвавшегося водяного бака в большой медный котел, Фойл остановился и вновь взглянул на себя… И в недоумении застыл. Он смотрел на звезды, ставшие за пять месяцев старыми знакомыми. Среди них объявился самозванец. А потом Фойл понял, что смотрит на тормозящий космический корабль…

— Нет, — пробормотал он. — Нет.

Он постоянно страдал от галлюцинаций. Он повернулся и поплыл назад в свой гроб. А затем взглянул опять — все еще тормозящий косми-

ческий корабль. Фойл поделился мыслями с Вечностью.

— Уже шесть месяцев, — произнес он на уличном арго. — Нет? Ты слушай меня, ты. Иду на спор. Смотрю еще — если корабль, я твой. Но если нет… скафандр прочь, и с концами. Кишки наружу. Играем честно, и все тут.

Он посмотрел в третий раз. И в третий раз увидел тормозящий космический корабль.

Это знак. Он поверил: спасен. Фойл встрепенулся и бросился, как мог, к контрольной рубке, но у лестницы взял себя в руки — оставшегося воздуха хватит на минуту. Он кинул на приближающийся корабль молящий взгляд, затем рванулся в инструментальный шкаф и заполнил скафандр.

Фойл поднялся на капитанский мостик. На пульте управления нажал кнопку «Световой сигнал». Две томительные секунды он мучился. Потом его ослепили яркие вспышки, три тройных взрыва, девять молитв о помощи. Он нажал на кнопку еще дважды, и еще дважды вспыхивали огни, и радиоактивные вещества в аварийных сигналах заполняли космос воем, который примет любой приемник, на любой волне.

Космический корабль выключил двигатели. Его заметили! Его спасут!

Фойл переродился. Фойл возликовал. Он нырнул в свой шкаф и открыл скафандр, из глаз потекли слезы. Он стал собирать имущество: часы без циферблата, которые он исправно заводил для того, чтобы слышать их тиканье; яйцерезку, на нитях которой наигрывал незамысловатые мелодии; разводной ключ с деревянной ручкой, которую сжимал порой в моменты тоскливого одиночества… Он уронил их от возбуждения, зашарил по полу в темноте, а потом дико захохотал над собой.

Фойл закрыл скафандр, помчался обратно на капитанский мостик и нажал кнопку «Свет». Из кормы «Номада» ударил яркий белый луч.

— Иди, — хрипло молил Фойл. — Торопись, друг. Иди, иди ко мне.

Полупризрачной грозной торпедой в конус света скользнул корабль, медленно приближаясь. У Фойла на миг сжалось сердце: так осторожно маневрировал незнакомец, что его можно было принять за вражеский корабль с Внешних Спутников. Потом проплыла знаменитая красно-синяя эмблема, торговый знак могущественного клана Престейна, Престейна с Земли, всесильного, милостивого, щедрого. «Номад» тоже принадлежал Престейну. Фойл понял: к нему

нисходит ангел с небес.

— Милый, — истово бормотал Фойл, — ангел, унеси меня домой.

Корабль поравнялся с Фойлом. Его иллюминаторы горели теплым дружеским светом; отчетливо были видны название и регистрационный номер на корпусе: «Ворга-Т 1339». В одну секунду корабль поравнялся, в другую — прошел дальше, в третью — исчез.

Друг отверг его, ангел покинул. Фойл прекратил пританцовывать и бормотать и замер. Его лицо застыло. Он прыгнул к пульту и замолотил по кнопкам. Аварийные, посадочные, взлетные сигналы засверкали безумным соцветием красок… а «Ворга-Т» удалялся беззвучно и неумолимо, вновь набирая скорость.

Так в течение пяти секунд Фойл родился, жил и умер. После тридцати лет существования и шести месяцев пытки Гулли Фойл, типичный Средний Человек, исчез. Ключ повернулся в замке его души и открыл дверь. То, что появилось, перечеркнуло Среднего Человека навсегда.

— Ты прошел мимо, — с холодной яростью проговорил он. — Ты бросил меня гнить, как паршивого пса. Ты бросил меня подыхать, Ворга… Ворга-Т 1339. Нет. Не уйдешь, нет. Я выйду. Я

найду тебя, Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я отплачу тебе, ты, Ворга. Сгною. Убью, убью. Я убью тебя насмерть, Ворга.

Кипящая кислота ненависти опалила его плоть, завладела его душой, выела скотское долготерпение и безразличие, сделавшее из него ничтожество, и возбудила цепь реакций, которые превратят Гулли Фойла в адскую машину. Он был одержим.

— Ворга, я убью тебя насмерть.

Фойл сделал то, на что не способно ничтожество — освободился. Два дня в пятиминутных вылазках прочесывал он обломки корабля. Потом хитроумным способом укрепил на плечах резервуар с воздухом и импровизированным шлангом соединил его со шлемом. Фойл извивался по коридорам, как муравей, что тащит соломинку, но обрел свободу передвижений.

Он думал. Он научился пользоваться немногими уцелевшими навигационными приборами, до дыр зачитав паспорта и руководства, разбросанные по контрольной рубке. За десять лет космической службы ему и в голову не приходила такая мысль, несмотря на обещанные продвижение и деньги, но теперь его ждал «Ворга».

«Номад» дрейфовал по эклиптической орбите,

в трехстах миллионах миль от Солнца. Перед ним расстилались созвездия Персея, Андромеды и Рыбы. Прямо впереди завис пыльный оранжевый диск Юпитера, ясно видимый невооруженным глазом.

Юпитер не был, не мог быть обитаем. Подобно прочим планетам за поясом астероидов, Юпитер был колоссальным замерзшим шаром метана и аммиака, но четыре самых больших его спутника захлебывались городами и людьми — теперь воюющими с Внутренними Планетами. Фойл станет военнопленным, но спасет жизнь, чтобы свести счеты с «Воргой-Т 1339».

Он осмотрел ходовой отсек «Номада». В баках еще сохранилось топливо, и один из четырех хвостовых двигателей был работоспособен. Фойл восстановил систему подачи топлива в камеру сгорания. Баки находились на солнечной стороне корпуса, и температура держалась выше точки замерзания. Но в невесомости топливо не польется по трубам.

Фойл перерыл судовую библиотеку и узнал кое-что о гравитации. Если заставить корабль вращаться, центробежная сила погонит топливо в камеру сгорания уцелевшего двигателя. Если воспламенить топливо в камере сгорания уцелев-

шего двигателя, несбалансированный импульс придаст «Номаду» вращательный момент.

Но воспламенить топливо, пока корабль не вращается, нельзя, как нельзя и раскрутить корабль, не воспламенив сперва топлива.

Фойл нашел выход из тупика; его вдохновил «Ворга». Он открыл дренаж и терпеливо наполнил камеру вручную. Залил насос. Теперь, если воспламенить горючее, оно создаст достаточный импульс, чтобы сыграла свою роль центробежная сила.

Он попробовал спички.

Спички не горят в вакууме.

Попробовал сталь и кремень.

Искры не поджигают при абсолютном нуле космоса.

Подумал о нитях накала.

На борту «Номада» не было электричества, чтобы накалить эти нити.

Фойл перерыл книги и справочники. Часто теряя сознание и находясь на грани полного изнеможения, он думал и действовал. «Ворга» пробудил его гений.

Фойл принес лед из взорвавшихся резервуаров, растопил его и ввел воду в камеру сгорания двигателя. Вода и топливо несмешиваемы, вода

покрыла топливо тонким слоем.

В химической лаборатории Фойл отыскал серебристую проволочку из чистого натрия и просунул ее через открытый краник топливопровода. Коснувшись воды, натрий жарко вспыхнул, от тепла занялось горючее. Кормовая дюза выплюнула пламя, с беззвучной вибрацией сотрясая корабль.

Несбалансированный импульс придал «Номаду» вращательное движение, появился слабый вес, и центробежная сила продолжала гнать топливо в камеру сгорания.

Фойл не тратил времени на восторг. Он покинул ходовой отсек и заспешил в контрольную рубку, чтобы бросить последний, решающий взгляд. Сейчас будет ясно, обречен ли корабль на вечное бессмысленное кувыркание в глубинах космоса, или лег на курс к Юпитеру и спасению.

Резервуар с воздухом превратился в почти непосильную тяжесть. Резкий толчок ускорения швырнул всю массу плавающих обломков назад, на вышедшего на капитанский мостик Фойла. Его подмяло, понесло, покатило подлинному пустому коридору и кинуло в переборку. Фойл лежал, пригвожденный полутонной груза, беспомощный, едва живой, но пылающий жаждой мести.

— Кто ты?
— Где ты?
— Куда направляешься?

Глава 2

Между Марсом и Юпитером широко раскинулся пояс астероидов. Из тысяч известных и неизвестных, именованных и безымянных, остановимся на одном — крошечной планетке, собранной ее обитателями из естественного камня и обломков кораблекрушений.

Они были дикарями, ее обитатели, единственными дикарями XXIV века — потомки участников научной экспедиции, затерянной и полоненной в поясе астероидов двести лет назад. Ко времени, когда их нашли, они построили свою жизнь и свою культуру и предпочли остаться в космосе, собирая хлам и практикуя варварские обряды, выглядевшие карикатурами на научные методы, которые применяли их предки. Они называли себя Ученым Людом.

Космический корабль «Номад» падал, кувыркаясь, в бездну. Он проходил в миле от астероида и был схвачен Ученым Людом с целью присоединения к своей планете. Они нашли Фойла.

Раз он очнулся, когда его торжественно несли на носилках по естественным и искусственным проходам внутри астероида, сооруженного из камней и металлических обшивок. На некоторых из них еще не стерлись имена, давно забытые историей космоплавания: «Королева; Земля», «Пустынник; Марс», «Три кольца; Сатурн». Проходы вели в залы, хранилища, кладовые и дома, все из подобранных кораблей, вцементированных в астероид.

Фойла пронесли через древнее ганимедское суденышко, лассельский ледокол, тяжелый крейсер с Каллисто, старый транспортник со стеклянными баками, еще заполненными дымчатым ракетным топливом… Рой собранных за два столетия останков: арсеналы, библиотеки, музеи одежды, склады механизмов, инструментов, еды, химикалиев и суррогатов.

Толпа вокруг носилок победно ревела.

— Достат Кол!

Женские голоса восторженно завыли:

Бромистый аммоний…… 1,5 г
Бромистый калий……..3г
Бромистый натрий……2 г
Лимонная кислота……Достат. кол.

— Достат Кол! — орал Ученый Люд. — Достат Кол!

Фойл потерял сознание.

Он вновь очнулся. Его извлекли из скафандра в оранжерее, занимавшей огромный старый рудовоз. Одна стена была полностью застеклена… круглые иллюминаторы, квадратные иллюминаторы, алмазные, гексагональные… любой формы и материала… казалось, что стену сотворил безумный ткач из лоскутков стекла и света.

Сверкало далекое Солнце, воздух был горяч и влажен. Фойл обвел помещение затуманенным взглядом. На него скалилась дьявольская рожа. Щеки, подбородок, нос и веки были чудовищно размалеваны наподобие дикарской маски. На лбу виднелась татуировка: ДЖОЗЕФ. Букву «о» в «Джозефе» перечеркивала крошечная стрела, превращая ее в символ Марса, который используют ученые для обозначения мужского пола.

— Мы — Ученый Люд, — сказал Джозеф. — Я — Джозеф; это мои братья.

Фойл вглядывался в обступившую носилки толпу; на всех лицах вытатуированы дьявольские маски, все лбы заклеймены именами.

— Сколько тебя носило? — спросил Джозеф.

— Ворга, — прохрипел Фойл.

— Ты первый, кто явился сюда живым за последние пятьдесят лет. Ты могучий человек. Прибытие сильнейших — доктрина Святого Дарвина. В высшей степени научно.

— Достат Кол! — взревела толпа.

Джозеф схватил Фойла за локоть, подобно врачу, щупающему пульс. Его судорожно искривленный рот торжественно сосчитал до девяноста восьми.

— Твой пульс. Девяносто восемь и шесть, — объявил Джозеф, извлекая термометр и благоговейно выставляя его напоказ. — В высшей степени научно.

— Достат Кол! — подхватил хор.

Перед Фойлом возникли три девушки с чудовищно разукрашенными лицами. Их лбы пересекали имена: ДЖОАН, МОЙРА, ПОЛЛИ. В основании «О» каждого имени был крошечный крест.

— Выбирай! — велел Джозеф. — Ученый Люд следует Естественному Отбору. Будь научным в своем выборе. Будь генетичным.

Фойл в очередной раз потерял сознание. Его рука упала с носилок и коснулась Мойры.

— Достат Кол!

Он пришел в себя в круглом зале и увидел груду

ржавого оборудования: центрифугу, операционный стол, поломанный рентгеновский аппарат, автоклавы, покореженные хирургические инструменты.

Фойла, бредящего и что-то бессвязно выкрикивающего, привязали к операционному столу. Его накормили. Его вымыли и побрили. Двое мужчин раскрутили вручную древнюю центрифугу. Она ритмично лязгала, напоминая бой военного барабана. Собравшиеся, притопывая, затянули песню.

Включили старый автоклав. Тот закипел и забурлил, выплевывая шипящий пар. Потом включили рентгеновский аппарат. Ослепительные молнии короткого замыкания с треском раскололи наполненный горячим паром зал.

Из обжигающего тумана вынырнула трехметровая фигура и замаячила перед столом. Это был Джозеф на ходулях — в хирургической шапочке, маске и халате.

— Нарекаю тебя Номадом! — провозгласил он.

Рев стал оглушительным. Джозеф перевернул над телом Фойла ржавую канистру, запахло эфиром. Фойл утратил последние крохи сознания, и все поглотила тьма. Снова и снова медленно надвигался «Ворга-Т 1339», обжигая плоть, испе-

пеляя кровь, и Фойл беззвучно кричал.

Он смутно осознавал, как его мыли и кормили, плясали вокруг него и пели. Через некоторое время Фойл очнулся окончательно. Стояла тишина. Он лежал в постели. Та девушка — Мойра — лежала рядом с ним.

— Ты… кто? — прохрипел Фойл.

— Твоя жена, Номад.

— Что?

— Твоя жена. Ты выбрал меня, Номад. Мы гаметы.

— Что?

— Научно спарены, — гордо объяснила Мойра.

Фойл с трудом встал на ноги.

— Где мы?

— Дома.

— В чьем доме?

— В твоем. Ты один из нас, Номад. Ты должен жениться каждый месяц и зачать много детей. Это будет научно. Но я первая.

Фойл не слушал ее. Он находился в главной рубке маленькой ракеты постройки 2300-х годов… некогда личной яхты. Рубку переделали в спальню. С телом астероида ракету соединяли переходы. В двух крошечных каютах выращивались растения, обеспечивающие свежий воздух. Мо-

торный отсек был превратен в кухню. Ракетное топливо питало горелки на маленькой плите.

Фойл отсоединил топливопровод от плиты и вновь направил горючее в камеры сгорания. За ним хвостом ходила Мойра, с любопытством наблюдая за его действиями.

— Что ты делаешь, Номад?

— Нужно выбраться, — пробормотал Фойл. — Нужно назад. Дело с Воргой. Понимаешь? Нужно назад, и все.

Мойра испуганно попятилась. Фойл увидел выражение ее глаз и прыгнул. Он был так слаб, что девушка легко увернулась, потом открыла рот и испустила пронзительный крик. В этот момент кабину наполнил грохот — Джозеф и его братья колотили снаружи по корпусу, исполняя для новобрачных научный концерт.

Фойл загнал Мойру в угол, сорвал ночную рубашку и связал свою нареченную, засунув ей в рот кляп. Она визжала изо всех сил, но научный концерт был громче.

Фойл наскоро подлатал моторный отсек: он стал уже специалистом. Потом схватил извивающуюся девушку и выволок ее в шлюзовую камеру.

— Ухожу, — прокричал он на ухо Мойре. — Вз-

лет. Прямо из астероида. Может быть, сдохнете. Все разлетится. Нет больше воздуха. Нет больше астероида. Предупреди их. Скажи.

Он вышвырнул Мойру, захлопнул и задраил люк. Автоматически взревела взлетная сирена, зазвучавшая впервые за многие десятилетия. Фойл ждал, пока повысится температура в камере сгорания. Ждал и страдал. Ракета была вцементирована в астероид. Ее окружали камни и металл. Ее дюзы упирались в корпус другого корабля. Фойл не знал, что случится, когда заработают двигатели; его толкал на риск «Ворга».

Из кормы ударила первая порция раскаленных газов, раздался гулкий взрыв. Корпус задрожал, нагрелся, пронзительно заскрипела сталь. Затем ракета со скрежетом пошла вперед. Камень, стекло, железо разлетелись в разные стороны, и корабль вырвался в открытый космос.

Его подобрали около Марса. Как обезглавленный червяк, Фойл извивался в старой космической рухляди, окровавленный, загноившийся, гангренозный. Его поместили в лазарет патрульного крейсера и закрыли к нему доступ. Даже луженые желудки закоренелых космических бродяг не могли вынести это зрелище.

По пути к Земле Фойл обрел сознание и бор-

мотал слова, начинающиеся на «В». Он знал, что спасен, что только время стоит между ним и мщением.

Санитар услышал его ликование и заглянул за перегородку. Санитар не мог сдержать любопытства.

— Ты слышишь меня? — прошептал он.

Фойл замычал. Санитар наклонился ниже.

— Что случилось? Кто это с тобой сделал?

— Что? — прохрипел Фойл.

— Ты не знаешь?

— Что? Что такое, ты?

— Подожди.

Санитар исчез, джантировав в подсобное помещение. И возник вновь через пять секунд. Фойл шевельнулся. Его глаза пылали.

— Я вспоминаю… Не мог джантировать на «Номаде», нет. Забыл как, и все. Забыл… еще не помню. Я…

Он в ужасе отпрянул, когда санитар протянул изображение чудовищно изуродованного татуировкой лица. Африканской маски. Щеки, подбородок, нос, веки разрисованы тигриными полосами, на лбу надпись «НОМАД». Фойл широко раскрыл глаза и страшно закричал. Изображение было зеркалом. Лицо — его собственным.

Глава 3

— Браво, мистер Харрис! Отлично. Р-В-О, джентльмены. Не забывайте. Расположение. Высота. Окружение. Это единственный способ запомнить джант-координаты. Не джантируйте пока, мистер Питерс. Подождите своей очереди. Наберитесь терпения, вес будете джантировать по классу С. Никто не видел мистера Фойла? Куда-то запропастился. Вечный путешественник. За ним не уследишь. О боже, опять я думаю открыто… или я говорила, джентльмены?

— Половина наполовину, мэм.

— Право же, это нечестно. Односторонняя телепатия — ужасное неудобство. Поверьте, я вовсе не специально забрасываю вас своими мыслями.

— У вас приятные мысли, мэм.

— Как это мило с вашей стороны, мистер Горгас. Ну, хорошо, класс. Возвращаемся в школу и начинаем сначала.

Робин Уэднесбери проводила практические занятия по джантации с «церебральным» классом — потеря памяти вследствие контузии, — и это доставляло ее подопечным не меньше радости, чем детишкам. Они повторяли правила джанта-

ции на перекрестках Нью-Йорка, хором выводя:

— Р-В-О, мадам. Расположение. Высота. Окружение.

Робин была высокой привлекательной негритянкой, умной и блестяще образованной. Правда, ей сильно мешал один недостаток: односторонняя телепатия. Она передавала свои мысли всему свету, но ничего не могла принимать. Однако, несмотря на взбалмошный характер и горячий темперамент, Робин Уэднесбери была методичным и внимательным инструктором джантации.

Класс пришел в школу, целиком занимавшую дом на 42-й улице, из Объединенного Военного Госпиталя. Они проследовали к необъятной джант-площадке на Таймс-сквер и старательно ее запомнили. Потом все джантировали в школу и обратно на Таймс-сквер. Затем также гуськом прошли к Башне Колумба и запомнили ее координаты. Джантировали в школу через Таймс-сквер и вернулись тем же путем на площадь Колумба.

Робин восстанавливала в памяти своих учеников, утративших способность к джантации, основные пункты, самые крупные общественные джант-площадки. Позже они будут запоминать новые и новые места. Ограниченные не только

своими способностями, но и доходами. Ибо, чтобы запомнить место, надо побывать там и, стало быть, заплатить за дорогу. Круизы приобрели новое значение для сильных мира сего.

— Расположение. Высота. Окружение, — нараспев повторяла Робин Уэднесбери, и класс джантировал от Вашингтонских Высот до Гудзонского моста полумильными шагами.

Маленький сержант-техник со стальным черепом внезапно сказал:

— Так ведь высоты нет, мэм. На земле, мы.

— «Мы на земле», сержант Логан. Простите. Наставления легко входят в привычку, а я сегодня никак не могу совладать со своими мыслями. Такие тревожные военные новости… Мы займемся Высотой, когда станем запоминать площадки на небоскребах, сержант Логан. — Робин обернулась. — Не тушуйтесь, Харрис, смелее. Колебания рождают сомнения, а сомнение означает конец джантации. Сосредоточьтесь — и вперед!

— Я порой побаиваюсь, мэм, — сказал человек с туго забинтованной головой. — А вдруг там уже есть кто-нибудь, и я прямо в него?

— Ну, я же объясняла много раз. Каждая площадка рассчитана на нагрузку в часы пик. Вот почему личные джант-площадки такие малень-

кие, а площадка на Таймс-сквер в две сотни ярдов шириной. Вероятность столкновения там меньше, чем шансы попасть под машину на улице.

Пока перебинтованный собирался с духом, площадка внезапно ожила потоком прибывающих и отбывающих людей. Фигуры на миг появлялись, оглядывались, ориентируя себя и устанавливая новые координаты, и исчезали. При каждом исчезновении раздавался слабый хлопок, когда воздух заполнял место, только что занятое телом.

— Внимание, класс, — предупредила Робин. — Пожалуйста, сойдите с площадки.

Рабочие в теплой одежде, еще осыпанной снегом, направлялись на юг к своим домам после смены в северных лесах. Белохалатники с молокозавода спешили в Сент-Луис. А из Гренландии, где уже был полдень, ринулись на обед в Нью-Йорк толпы «белых воротничков».

Наплыв кончился так же неожиданно, как и начался.

— Так, класс, продолжим, — сказала Робин. — О господи, ну где же мистер Фойл?! Вечно он пропадает!

— С таким липом, как у него, нельзя его винить, мэм.

— Он выглядит кошмарно, не правда ли, сержант Логан? Неужели нельзя вывести эти отметины?

— Они пытаются, мисс Робин, но ни один док не умеет. Называется «татуировка», и это вроде как забыто.

— А где же ему ее сделали?

— Бог знает, мисс Робин. Он у нас, потому что без памяти. Мозги напрочь отшибло. Может, оно и лучше, с таким лицом-то.

— Ужасно. Сержант Логан, не могла у меня случайно сорваться мысль и задеть чувства мистера Фойла?

Маленький человек со стальным черепом задумался.

— Нет, мэм, вряд ли. Вашим мыслям и мухи не обидеть. А у Фойла чего задевать. Тупое бревно, он, Фойл.

— Мне нужно быть осторожнее, сержант Логан. Понимаете, вряд ли кому нравится знать, что о нем думает ближний.

А мои мысли порой понятны, и меня ненавидят. Я одинока. Я… Пожалуйста, не слушайте. Не могу справиться… Ага, вот и вы, мистер Фойл! Где вы пропадали?

Фойл возник на джант-площадке и тихо сту-

пил в сторону; плечи сгорблены, ужасное лицо опущено вниз.

— Практиковался, — пробормотал он.

Робин подавила отвращение и, подойдя к нему, ласково взяла за руку.

— Вам следует больше бывать с нами. Мы же друзья. Не уединяйтесь.

Фойл упорно не смотрел ей в глаза. Когда он угрюмо высвободил руку, Робин заметила, что вся его госпитальная одежда насквозь промокла.

— Он попал где-то под дождь. Но я слышала сводку погоды. Везде до Сент-Луиса сухо. Значит, он джантировал дальше. Как же так, ведь он не в состоянии… потерял память и способность к джантации. Он симулирует…

Фойл яростно рванулся к ней.

— Заткнись, ты! — Его кошмарное лицо судорожно исказилось.

— Значит, вы симулируете.

— Что еще тебе известно?

— Что вы дурак. Прекратите истерику.

— Они слышат тебя?

— Не знаю. Пустите! — Робин повернулась в сторону. — Хорошо, класс. На сегодня достаточно. Все назад в школу и на госпитальный автобус. Первым джантирует сержант Логан. Помните:

Р-В-О. Расположение. Высота. Окружение…

— Чего тебе надо, ты? — прорычал Фойл. — Денег?

— Тише. Успокойтесь. Не надо колебаться, Харрис. Джантируйте.

— Я хочу потолковать с тобой.

— Разумеется, нет. Подождите своей очереди, мистер Питерс. Не спешите.

— Ты продашь меня в госпитале?

— Конечно.

— Я хочу потолковать с тобой.

— Нет.

— Я жду в твоей квартире.

— В моей квартире? — Робин была неподдельно испугана.

— Грин-Бей, Висконсин.

— Это абсурд. Мне не о чем говорить…

— Ой ли, мисс Робин? О семье, например.

Фойл ухмыльнулся, почувствовав ее ужас.

— Вы не знаете, где я живу, — дрожащим голосом проговорила она.

— Я только что сказал, или нет?

— В-вы не можете джантировать так далеко. Вы…

— Нет? — Маска скривилась в усмешке. — Сама говорила, что я симу… то слово. Это так. Ну,

давай, ты.

Робин Уэднесбери жила в большом доме, одиноко стоявшем на берегу залива. Казалось, волшебник выхватил его из центра города и перенес прямо в хвойный лес. Такие здания не были редкостью в джантирующем мире.

Квартира состояла из четырех комнат, тщательно изолированных, чтобы защитить соседей от непрошеных мыслей Робин, и была битком набита книгами, картинами, пластинками… спутниками эмоциональной и одинокой жизни несчастного человека.

Робин джантировала в гостиную на несколько секунд позже Фойла, ждавшего ее со свирепым нетерпением.

— Теперь ты знаешь точно, — сразу начал он и яростно, до боли сжал ее запястье. — Но ты никому не скажешь обо мне, мисс Робин. Никому.

— Отпустите меня! — Робин ударила его по лицу. — Чудовище! Скотина! Не смейте касаться меня!

Пораженный на миг силой ее отвращения, Фойл шагнул назад.

— Итак, вы симулировали. Вы ничего не забыли… Но почему? Почему? Чего вы хотите?

Выражение одержимого коварства появилось

на кошмарном лице.

— Я затаился в госпитале. Моя база, да? Я кое-что делаю, мисс Робин. Есть должок, обязан отплатить. Должен знать, где один корабль. Сгною. Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я убью тебя насмерть!

Он прекратил кричать. В его глазах сверкало дикое торжество. Робин попятилась.

— Ради бога, о чем вы?

— «Ворга». «Ворга-Т 1339». Я нашел, я, пока вы там учились скакать по перекресткам. «Ворга» в Ванкувере. Собственность Престейна из Престейнов. Слыхали, мисс Робин? Престейн — самый большой человек на Земле, и все. Но он не остановит меня. Я убью «Воргу». И ты не остановишь меня, мисс Робин. — Фойл качнулся к ней, вплотную придвинул лицо. — Потому что я прикрываю себя. Я прикрываю все слабые места. У меня есть кое-что на каждого, кто может стать на пути к «Ворге»… Включая тебя, мисс Робин.

— Нет.

— Да. Я узнал, где ты живешь. Там, в госпитале, знают. Я был здесь и прочитал твой дневник, мисс Робин. У тебя семья на Каллисто — мать и две сестры.

— Ради бога!

— Когда началась война, таким, как ты, дали

месяц, чтобы убраться из Внутренних Планет домой. Оставшиеся по закону считаются шпионами. Ты у меня вот где, девочка. — Он сжал руку в кулак.

— Моя мать и сестры полтора года пытались покинуть Каллисто. Наше место на Земле. Мы…

— Вот здесь, девочка, — повторил Фойл. — Ты знаешь, как поступают со шпионами? Из них выколачивают сведения. Тебя выпотрошат. Разрежут на части, кусок за куском…

Робин закричала. Фойл исступленно сжал ее трясущиеся плечи.

— Ты у меня в руках, девочка, и все. Ты не можешь даже убежать, потому что стоит мне сказать пару слов в Разведке, и где ты тогда? Никто меня не остановит — ни госпиталь, ни даже Святой Всемогущий Престейн из Престейнов.

— Убирайся, ты, грязная, мерзкая… тварь! Убирайся!

— Не нравится мое лицо, мисс Робин? И здесь ты ничего не сделаешь.

Внезапно Фойл схватил ее и бросил на диван.

— Ничего… — хрипло повторил он.

Преданный принципу показной расточительности, на котором основано все общество, Престейн из Престейнов держат в своем ко-

лоссальном особняке в Центральном парке внутренние телефоны, кухонные лифты и другие экономящие труд приспособления, исчезнувшие за ненадобностью с появлением джантации. Многочисленные слуги покорно ходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери и взбираясь по лестницам.

Престейн из Престейнов встал, оделся с помощью камердинера и парикмахера, спустился на лифте вниз и позавтракал, обслуживаемый дворецким, лакеем и официантами. Потом он покинул комнату для завтрака и прошел в кабинет. Когда средства связи отжили свой век, когда вместо того, чтобы звонить или слать телеграммы, гораздо проще джантировать прямо на место и обсудить вопросы лично, — Престейн сохранил целый телефонный узел с личным оператором.

— Свяжите меня с Дагенхемом, — велел он.

«Курьеры Дагенхема, Инк.» была богатейшей и могущественной организацией дипломированных джантеров, выполняющей любые общественные или конфиденциальные поручения. Плата — 1 Кр за милю. Дагенхем гарантировал, что его курьер обойдет вокруг света всего за восемьдесят минут.

Через минуту после звонка на частной джант-

площадке возле особняка Престейна появился курьер Дагенхема. Его провели через противоджантный лабиринт. Как всякий член организации Дагенхема, курьер был джантером М-класса, способным телепортироваться на тысячу миль за раз, знающим координаты десятков тысяч джант-площадок. Он был блестящим специалистом обмана и уловок, экспертом по лести и крючкотворству, вымуштрованным до едкой эффективности и язвительной прямоты, свойственных «Курьерам Дагенхема» и отражавших безжалостность их основателя.

— Престейн? — спросил он, не тратя времени на церемонии.

— Я желаю нанять Дагенхема.

— К вашим услугам.

— Не вас. Лично Дагенхема.

— Мистер Дагенхем не оказывает услуг менее чем за 1 000 000 кредиток.

— Даю в пять раз больше.

— Решено. Дело?

— ПирЕ.

— По буквам, пожалуйста.

— Вам название ничего не говорит?

— Нет.

— Отлично. Дагенхему скажет. П заглавное

— И — Р — Е заглавное. Передайте Дагенхему: мы узнали, где ПирЕ. Его задача — достать ПирЕ… любой ценой… через человека по имени Фойл. Гулливер Фойл.

Курьер взял крошечную серебряную жемчужину-мемеограф, надиктовал инструкции Престейна и удалился без лишних слов.

Престейн повернулся к оператору:

— Соедините меня с Регисом Шеффилдом.

Через десять минут после звонка в нотариальную контору Региса Шеффилда на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился молодой клерк.

— Извините за промедление, — сказал он, пройдя через лабиринт и представ перед Престейном. — Мы получили ваш вызов в Чикаго, а у меня всего лишь класс Д.

— Ваш шеф ведет дело в Чикаго?

— В Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне. Он весь день джантирует из суда в суд.

— Я желаю нанять его.

— Это большая честь, Престейн, но мистер Шеффилд крайне занят.

— Он не может быть слишком занят для ПирЕ.

— Простите, сэр, я не совсем…

— Нет, вы совсем; но Шеффилд поймет. Скажи-

те ему просто: ПирЕ. И назовите сумму гонорара.

— А именно?

— Полмиллиона.

— Какого рода действия требуются от мистера Шеффилда?

— Необходимо подготовить все законные средства похищения человека и основания не выдавать его армии, военному флоту и полиции.

— Ясно. Имя человека?

— Гулливер Фойл.

Клерк повторил указания в мемеограф, кивнул и удалился. Престейн вышел из кабинета и по плюшевым ступеням спустился на половину дочери.

В домах верхушки женщины жили в комнатах без окон и дверей, в комнатах, открытых лишь для джантирования членов Семьи. Так блюли мораль и охраняли целомудрие. Но Оливия Престейн была слепа, она не могла джантировать. В ее апартаменты вели двери, которые оберегали вассалы в клановых ливреях.

Оливия Престейн была великолепной альбиноской. Ее волосы были похожи на белый шелк, кожа — на белый атлас; ее ногти, ее губы, ее глаза были коралловыми. Она была изумительно красива. И слепа тоже изумительно, ибо видела

только в инфракрасном свете, с семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн. Она видела тепловые и радиоволны, электромагнитные поля.

Оливия Престейн вела Гранд Леви — утренний прием в своей гостиной. Она восседала на парчовом троне под охраной дуэньи, управляя двором, непринужденно беседуя с десятками мужчин и женщин, заполнявших салон. Она казалась изысканной статуей из мрамора и коралла, сверкая смотрящими, но незрячими глазами.

Гостиная представлялась ей пульсирующим клубком тепловых излучений — от горячих вспышек до прохладных теней. Она видела слепящие магнитные рисунки часов, огней и телефонов. Она видела и распознавала людей по характерным тепловым узорам их лиц и тел. Видела электромагнитный ореол вокруг каждой головы и пробивающееся сквозь тепловой фон тела сверкание вечно изменяющегося нервного и мышечного тонуса.

Престейн не обращал внимания на свиту артистов, музыкантов и хлыщей, но с удовольствием отметил присутствие именитостей. Здесь были Сирс-Робук, Жиллет, юный Сидней Кодак, который однажды станет Кодаком из Кодаков, Бьюик

из Бьюиков и Р. Мэси XVI, глава могущественного клана Сакс-Гимбелей.

Престейн засвидетельствовал почтение дочери, покинул дом и в запряженной четверкой карете направился в свою деловую штаб-квартиру на Уолл-стрит, 99. Кучер и грум носили ливреи с красно-черно-синей эмблемой дома Престейнов. Черное «П» на ало-голубом фоне считалось одним из самых древних и благородных знаков в социальном регистре и соперничало с «57» клана Хайнца и «РР» династии Роллс-Ройсов.

Нью-йоркские джантеры хорошо знали главу клана Престейнов. Седой, красивый, мужественный, безупречно одетый, с несколько старомодными манерами, Престейн из Престейнов являлся воплощением социальной элиты и стоял так высоко, что нанимал кучеров, грумов, конюхов и лошадей для исполнения функций, которые простые смертные осуществляли джантацией.

По мере подъема по социальной лестнице люди в те дни обозначали свое положение отказом от джантации. Многообещающий бизнесмен разъезжал в маленьком спортивном автомобиле. Видного деятеля возили на каком-нибудь древнем «Бентли» или «Кадиллаке». Руководитель большой коммерческой группы седлал велоси-

пед. Его прямой наследник пользовался яхтой или самолетом. Престейн из Престейнов, глава клана Престейнов, владел каретами, машинами, яхтами, самолетами и поездами. Его позиция в обществе была столь высока, что он не джантировал сорок лет. И презирал выскочек и нуворишей, подобных Дагенхему и Шеффилду, которые все еще бесстыдно джантировали.

Престейн вошел в дом 99 по Уолл-стрит, в свою святая святых, Храм Престейна, находящийся под охраной его знаменитой джант-стражи, все в клановых ливреях. Он шествовал подобно грозному вождю среди покорных рабов. Он был величественнее вождя, в чем на собственном горьком опыте убедился докучливый государственный чиновник, дожидавшийся аудиенции. Несчастный пробился сквозь толпу просителей навстречу Престейну, когда тот проходил по коридору.

— Мистер Престейн, я из Департамента внутренних сборов. Мне необходимо повидаться с вами…

Престейн смерил его ледяным взглядом.

— Существуют тысячи Престейнов, — надменно произнес он. — Ко всем обращаются «мистер». Но я — Престейн из Престейнов, глава дома и

клана, первый в семье. И ко мне обращаются «Престейн». Не «мистер» Престейн, а Престейн.

Престейн кивнул, улыбнулся улыбкой василиска, сел за необъятный стол и знаком велел докладывать. Он презирал мемеографы и прочие механические устройства.

— Состояние предприятий Клана Престейн. Средний курс по Нью-Йорку, Парижу, Цейлону…

Престейн раздраженно махнул рукой.

— Необходимо посвятить нового мистера Престо, Престейн.

Престейн сдержал нетерпение и прошел через утомительную процедуру приведения к присяге 497-го мистера Престо, которые в престейновской иерархии управляли магазинами розничной торговли. До недавних пор этот человек имел свои собственные лицо и тело. Теперь, после десяти лет осторожной проверки и тщательных испытаний, его причислили к лику Престо.

В результате шести месяцев хирургии и психообработки он стал совершенно неотличим от остальных 496 мистеров Престо и идеализированного портрета, висящего за троном Престейна… Добрый, честный человек, напоминающий Авраама Линкольна, человек, которого нужно любить, которому можно доверять. В каком бы уголке

света вы что-либо ни покупали, вы оказывались в одном и том же магазине Престейна и имели дело с отечески заботливым мистером Престо. С ним соперничали — но не могли его превзойти — мистер Квик клана Колаков и дядюшка Монти Монтгомери.

По завершении обряда Престейн резко поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. В кабинете остались лишь высшие чины иерархии. Престейн мерил комнату шагами, с трудом подавляя бурлящее нетерпение. Он никогда не ругался, но его выдержка наводила больший ужас, чем брань.

— Фойл, — сдавленно проговорил он. — Подонок. Шваль. И я — Престейн из Престейнов. Но этот человек стоит между мной и…

— Извините, Престейн. Сейчас одиннадцать часов по западному времени, восемь по атлантическому…

— И что?

— Я хочу напомнить, что в девять состоится церемония запуска. С ванкуверских стапелей сходит корабль, престейновская «Принцесса». Установление трехмерного контакта со стапелями займет некоторое время, так что нам лучше…

— Я буду присутствовать лично.

— Лично! — поперхнулся советник. — Но мы не можем за час долететь до Ванкувера, Престейн. Мы…

— Я джантирую! — рявкнул Престейн из Престейнов. Таково было его возбуждение.

Ошеломленный штат начал готовиться. По всем концам страны помчались гонцы, расчищая частные площадки. Престейна отвели к площадке его нью-йоркской цитадели. Она представляла собой округлую платформу в закрытой наглухо комнате без окон. Маскировка и предосторожности были необходимы для предотвращения непрошеных визитеров, чтобы невозможно было узнать и запомнить джант-координаты. В тех же целях все дома и конторы имели запутанные лабиринты у дверей.

Для джантации нужно (среди прочих вещей) знать точно, где находишься и куда направляешься, иначе у вас нет шансов попасть куда-либо живым. Нельзя джантировать из неопределенной точки — точно так же, как нельзя прибыть в неизвестный пункт. Подобно стрельбе из пистолета — надо знать, куда целиться и за какой конец держать оружие. Но единого взгляда через окно иди дверь может быть достаточно для опытного человека, чтобы запомнить РВО-координаты.

Перешагивая по его миль, Престейн пересек континент и прибыл к ванкуверским стапелям ровно в девять часов по атлантическому времени. Он покинул Нью-Йорк в одиннадцать и выиграл два часа. Такие вещи тоже были обычным явлением вджантируюшем мире.

Почтительно выждав секунду, рядом появился его штат. Квадратная миля неогороженного бетона (какая изгородь может остановить джантера?) выглядела белой скатертью, на которой концентрическими окружностями выложены черные монеты. Однако при внимательном рассмотрении монеты оказывались тридцатиметровыми провалами шахт, уходящих в глубь земли. Каждую такую пасть окружали здания, конторы, контрольные пункты, хранилища.

Это были взлетно-посадочные колодцы, сухие доки строительных стапелей. Космические корабли, как и морские суда, не рассчитаны самостоятельно противостоять оковам тяготения. Земная тяжесть расколет корабль, словно пустую скорлупу. Корабли строились в глубоких колодцах, на специальных подпорках, поддерживаемые антигравитационными экранами. Из таких же колодцев они взлетали, взбираясь по антигравитационному лучу, и в них же садились.

Когда свита Престейна ступила на ванкуверские стапели, часть колодцев была занята. Из некоторых поднимались носы или корпуса кораблей, окруженные группками рабочих. В центре находились три транспорта класса «В»; «Вега», «Весталка» и «Ворга». Вокруг них суетились люди, вспыхивали огни ремонтной сварки.

У бетонного здания с надписью «ВХОД» свита Престейна остановилась перед светящимся предупреждением: «Входя на территорию без разрешения, вы подвергаете свою жизнь опасности». Всем вручили значки посетителей, и даже Престейн из Престейнов покорно приколол его к костюму, зная, чем может закончиться вторжение без защитного значка. Свита двинулась дальше, пока не достигла шахты 0–3, украшенной цветами Престейна. Рядом была сооружена небольшая трибуна.

Заиграл, засверкал медью оркестр. Одна нота обезумела и полезла все выше и громче, пока не перекрыла весь оркестр и изумленные восклицания. Только тогда Престейн понял, что это ревет сирена.

На территорию проник посторонний, человек без значка сотрудника или посетителя. Сквозь оглушающий рев еле доносились хлопки воздуха

— джантирующая охрана занимала свои места по необъятному полю. Личная джант-стража Престейна быстро и тревожно сомкнулась вокруг него.

Над бетоном разнесся усиленный мощными динамиками голос:

— На территории посторонний. На территории посторонний. Направляется к шахте Е-9.

— Кто-то ворвался! — вскричал советник.

— Я догадываюсь, — спокойно сказал Престейн.

— Видимо, он здесь чужой, раз не джантирует.

— Я догадываюсь и об этом.

— Посторонний приближается к шахте Д-5. Д-5. Внимание.

— О господи, что ему надо?! — воскликнул советник.

— Вам известны мои правила, сэр, — холодно отчеканил Престейн. — Ни один служащий не может всуе произносить Святое Имя. Вы забываетесь.

— Ц-5. Внимание. Посторонний приближается к шахте Ц-5.

Советник тронул Престейна за рукав:

— Он идет сюда, Престейн. Укройтесь.

— Нет.

— Престейн, на вас уже трижды покушались. Если…

— Как мне подняться наверх?

— Престейн!

— Помогите мне.

С помощью отчаянно протестующего советника Престейн взошел на трибуну — наблюдать силу клана в борьбе с опасностью. К центру событий с дальних концов стягивалась охрана.

— Посторонний двигается к Б-3.

Престейн посмотрел на шахту. Рядом с ней возникла фигура бегущего человека. Это был высокий мужчина в голубом больничном халате, с копной всклоченных черных волос и искаженным мертвенно-бледным лицом. Его одежда дымилась, нагретая защитным индуктивным полем; у шеи, локтей и коленей показались огни пламени.

— Внимание. Б-3. Внимание. Б-3. Охрана, завершить окружение.

Раздались крики и отдаленные выстрелы; на чужака бросилось с полдюжины рабочих в белом. Он раскидал их, как кегли, и рванулся к шахте, откуда торчал нос «Вороги». Его одежда пылала. Неожиданно нарушитель остановился, сунул руку в горящую куртку и вытащил черный пред-

мет. Конвульсивным движением корчащегося в смертных муках зверя он зубами вырвал какую-то деталь и швырнул предмет в сторону «Ворги». В следующий миг его сбили с ног.

— Взрывчатка. Внимание. Всем укрыться. Взрывчатка.

— Престейн! — взвыл советник.

Престейн стряхнул его и взглядом следил, как летит к «Вор-ге», кувыркаясь и блестя на солнце, черная бомба. На краю шахты ее подхватил антигравитационный луч и бросил наверх гигантским незримым пальцем. Все выше, выше… Потом ослепительно полыхнуло, и через мгновение титанический взрыв заложил уши.

Престейн спустился с трибуны, подошел к пульту и коснулся пусковой кнопки «Принцессы».

— Доставьте мне этого человека, если он жив, — бросил Престейн советнику. И нажал кнопку. — Нарекаю тебя… «Сила Престейна!» — ликующе крикнул он.

Глава 4

Звездный Зал Храма Престейна был обит металлическими панелями и украшен высокими зеркалами. В нем находились золотой орган и

робот-органист, библиотека с библиотекаршей-андроидом на шаткой лесенке, письменный стол с секретаршей-андроидом за механическим пишущим устройством и американский бар с роботом-барменом. Престейн предпочитал слуглюдей, но андроиды и роботы лучше хранили тайну.

— Садитесь, капитан Йовил, — вежливо предложил он. — Мистер Шеффилд, представляющий сейчас мои интересы. Молодой человек — его помощник.

— Банни — моя походная библиотека, — засмеялся Шеффилд.

Престейн дотронулся до кнопки. В Звездном Зале пробудилась механическая жизнь. Органист играл, библиотекарь разбирал книги, секретарша печатала, бармен изящно работал шейкером. Это было эффектное зрелище, и его действие, тщательно рассчитанное психологами, давало Престейну преимущество над посетителями.

— Вы говорили о человеке по имени Фойл, — подсказал Престейн.

Капитан Йанг-Йовил из Центральной Разведки Вооруженных Сил Внутренних Планет состоял членом наводящего ужас Общества Бумажных Человечков, был адептом тзень-цинских Хаме-

леонов, Мастером Суеверий и свободно владел Секретной Речью. Сейчас капитан колебался, прекрасно осознавая действующее против него психологическое давление. Он изучил бесстрастное аскетичное лицо Престейна; упрямое агрессивное выражение Шеффидда; прилежную маску молодого человека по имени Банни, кроличьи черты которого выдавали восточное происхождение. Йанг-Йовилу было необходимо восстановить контроль над положением или хотя бы ответить на удар ударом.

Он начал обходной маневр.

— Не связаны ли мы случайно родственными узами в пределах пятнадцати колен? — спросил он Банни на мандаринском диалекте. — Я принадлежу к дому ученого Менг-Тзе, прозванного варварами Менцием.

— Тогда мы кровные враги, — запинаясь, ответил Банни. — Мой великий предок, правитель Шантунга, был свергнут в 342 году до н. э. земляной свиньей Менг-Тзе.

— С любовью и благоговением я брею ваши кривые брови, — сказал Йанг-Йовил.

— Со смиренным почтением я подпалю ваши обломанные зубы, — смеясь, ответил Банни.

— Господа, господа! — запротестовал Престейн.

— Мы возобновляем трехтысячелетнюю вражду, — объяснил Йанг-Йовил Престсйну, раздраженному непонятным разговором и смехом. Капитан попробовал нанести прямой удар. — Когда вы закончите с Фойлом?

— С каким Фойлом? — вмешался Шеффилд.

— А какой у вас Фойл?

— С кланом Престейн связаны тринадцать человек, носящих это имя.

— Любопытное число. Вам известно, что я Мастер Суеверий? Когда-нибудь я открою вам тайну Зсркала-и-Слуха… Я имею в виду Фойла, связанного с утренним покушением на мистера Престейна.

— На Престейна, — поправил Престейн. — Я не «мистер». Я Престейн из Престейнов.

— На жизнь Престейна совершено три покушения, — отчеканил Шеффилд. — Вам следует быть более точным.

Капитан попробовал другой ход:

— Хотел бы я, чтобы наш мистер Престо был более точным.

— Ваш мистер Престо!.. — воскликнул Престейн.

— Разве вы не знали, что один из пятисот ваших Престо — наш агент? Странно. Мы были уверены,

что вам все известно, и приняли соответствующие меры.

Престейн был потрясен. Йанг-Йовил положил ногу на ногу и доверительно произнес:

— Разведка часто страдает от чрезмерных ухищрений и предосторожностей.

— Это провокация! — не выдержал Престейн. — Никто из наших Престо не мог знать о Гулливере Фойле.

— Спасибо, — улыбнулся Йанг-Йовил. — Вот этот Фойл мне и нужен. Когда мы сможем его забрать?

Шеффилд бросил злой взгляд на Престейна и повернулся к Йанг-Йовилу.

— Кто это «мы»? — поинтересовался он.

— Центральная Разведка.

— Это гражданское дело, касающееся частных лиц, и пока и поскольку оно не связано с военным сырьем, кадровым персоналом, тактикой или стратегией, оно не входит в сферу вашей компетенции.

— Согласно 191-й поправке, — пробормотал Банни.

— «Номад» нес стратегическое сырье.

— «Номад» перевозил в Банк Марса платиновые слитки! — рявкнул Престейн. — Если деньги…

— Разговор веду я! — оборвал Шеффилд и резко повернулся к Йанг-Йовилу: — Назовите стратегическое сырье.

Прямой вызов ошеломил Йанг-Йовила. Свистопляска вокруг «Номада» возникла из-за наличия на борту двадцати фунтов ПирЕ, мирового запаса вещества, не восполнимого после гибели его создателя. Оба это знали, но Йовил полагал, что адвокат предпочтет не упоминать ПирЕ.

Он решил ответить на прямоту прямотой.

— Хорошо, джентльмены, я назову. «Номад» нес двадцать фунтов ПирЕ.

Престейн вскинулся; Шеффилд яростным взглядом осадил его.

— Что такое ПирЕ?

— По нашим данным…

— Полученным от мистера Престо?

— О, это ерунда, — засмеялся Йанг-Йовил и тут же перехватил инициативу: — По данным разведки, ПирЕ был разработан для Престейна, а изобретатель его исчез. Пирофор. Это все, что мы знаем точно. Но до нас доходят странные слухи… Невероятные доклады от надежных агентов… Если хотя бы часть наших догадок верна, ПирЕ может решить исход войны.

— Чепуха. Никакой военный материал не мо-

жет иметь решающего значения.

— Нет? А антигравы 2022 года? А Универсальный Экран 2194? Любой стратегический материал имеет решающее значение, особенно если враг доберется до него первым.

— Сейчас такого шанса не существует.

— Благодарю вас за признание важности ПирЕ.

— Я ничего не признаю. Я все отрицаю.

— Центральная Разведка готова предложить вам обмен. Человек за человека. Изобретателя ПирЕ за Гулли Фойла.

— Он у вас? — потребовал Шеффилд. — В таком случае зачем вам Фойл?

— У нас труп! — вспыхнул Йанг-Йовил. — Полгода вооруженные силы Внешних Спутников держали изобретателя на Ласселе и выбивали информацию. Мы устроили рейд, который закончился почти поголовной смертью его участников. Вывезли труп. И до сих пор не знаем, сколько они из него вытянули.

Престейн резко выпрямился.

— Черт подери, — бушевал Йанг-Йовил, — неужели вы не видите всей остроты положения, Шеффилд? Мы все ходим по проволоке. Какого дьявола вы поддерживаете Престейна в этом грязном деле? Вы — лидер Либеральной партии…

сверхпатриот. Главный политический враг Престейна. Продайте его, глупец, пока он не продал всех нас!

— Капитал Йовил, — ядовито вставил Престейн, — я не могу одобрить ваши выражения.

— Нам отчаянно нужен ПирЕ, — продолжал Йанг-Йовил. — Мы исследуем это вещество, научимся его синтезировать, применять в военных действиях… пока нас не опередили ВС. Но Престейн отказывается помогать. Почему? Потому что находится в оппозиции к правящей партии. Он не хочет никаких побед для либералов. Ради своей политики он предпочел бы наше поражение, потому что богачи вроде Престейна никогда не проигрывают. Придите в себя, Шеффилд! Вас нанял предатель. Подумайте, что вы собираетесь сделать!

В этот момент раздался стук, и в Звездный Зал вошел Саул Дагенхем. Было время, когда Дагенхем, чародей от науки, сверкал среди физиков звездой первой величины — колоссальной памятью, изумительной интуицией и мозгом изощренней вычислительной машины шестого поколения. Однако произошла катастрофа. Ядерный взрыв не убил Дагенхема, но сделал его радиоактивным, «горячим», ходячей чумой.

Правительство Внутренних Планет ежегодно выплачивало ему двадцать пять тысяч кредиток для обеспечения защитных мер. Дагенхем не мог общаться с человеком более пяти минут, не мог занимать никакое помещение, включая собственное, более тридцати минут в сутки. Изолированный от жизни и любви, он бросил свои исследования и создал колосс «Курьеры Инк.».

Когда бледный труп со свинцовой кожей появился в Звездном Зале, Йанг-Йовил понял неминуемость поражения. Он не мог соперничать одновременно с тремя такими людьми. Он встал.

— Переговоры закончены. Я беру ордер на арест Фойла.

— Капитан Йовил уходит, — обратился Престейн к офицеру джант-стражи, приведшему Дагенхема. — Проводите его через лабиринт.

Йанг-Йовил отвесил короткий поклон, а когда офицер двинулся вперед, посмотрел прямо на Престейна, иронично улыбнулся и исчез со слабым хлопком.

— Престейн! — воскликнул Банни. — Он джантировал! Координаты этой комнаты не тайна для него! Он…

— Очевидно, — ледяным тоном отрезал Пре-

стейн. — Офицер, сообщите начальнику стражи. Звездный Зал немедленно перенести в другое место. Теперь…

— Подождите, — сказал Дагенхем. — Надо заняться ордером.

И без извинения или объяснения он также исчез. Престейн поднял бровь.

— Еще один, — пробормотал он. — Но у этого, по крайней мере, хватило такта хранить свою информацию до конца.

Вновь появился Дагенхем.

— Не имеет смысла тратить время на лабиринт, — сказал он. — Я принял меры. Йовила задержат — два часа гарантировано, три часа вероятно, четыре возможно.

— Как? — поразился Банни.

Дагенхем холодно улыбнулся.

— Мне пора.

— Что с Фойлом? — спросил Престейн.

— Пока ничего. — На лице Дагенхема снова появилась страшная улыбка. — Он действительно уникален. Я перепробовал все обычные методы и наркотики… Ничего. Снаружи — всего лишь заурядный космонавт… если забыть татуировку… но внутри — он из стали. Что-то завладело всеми его помыслами, всем существом, и не отпускает.

— Что же? — спросил Шеффилд.

— Я надеюсь узнать.

— Как?

— Не спрашивайте — станете соучастником. Корабль наготове?

Престейн кивнул.

— Ждите. Фойл долго не выстоит.

— Где вы его держите?

Дагенхем покачал головой:

— Это помещение ненадежно.

Дагенхем джантировал Цинциннати — Нью-Орлеан — Монтеррей — Мехико и появился в психиатрическом крыле гигантского госпиталя Объединенных Земных Университетов. Крыло — едва ли подходящее название для целого города в маленькой стране госпиталя. Дагенхем возник на сорок третьем этаже терапевтического отделения, где в изолированном баке плавал без сознания Гулливер Фойл. Рядом стоял солидный бородатый мужчина в халате.

— Привет, Фриц.

— Привет, Саул.

— Хорошая картинка — главврач обхаживает для меня пациента.

— Мы у тебя в долгу, Саул.

— Хватит об этом, Фриц. Я не облучу твой гос-

питаль?

— Здесь свинцовые стены.

— Готов к работе?

— Хотел бы я знать, за чем ты охотишься.

— За информацией.

— И собираешься для этого превратить терапевтическое отделение в камеру пыток? Почему не использовать обычные наркотики?

— Все испробовано. Бесполезно. Он не обычный человек.

— Это запрещено, ты же знаешь.

— Передумал? За четверть миллиона я могу продублировать твое оборудование.

— Нет, Саул. Мы всегда будем у тебя в долгу.

— Тогда начнем.

Театр Кошмаров появился на свет в результате ранних попыток лечения шизофрении методом шока с целью заставить больного вернуться к реальности, превратив его воображаемый мир в пытку. Однако связанные с этим эмоциональные перегрузки пациента были признаны слишком жестокими.

Проекторы очистили от пыли и подготовили к работе. Фойла выбрали из бака, сделали ему стимулирующий укол и оставили на полу. Бак удалили. Свет выключили.

Каждый ребенок считает, будто его воображаемый мир уникален. Психиатрам же известно: радости и ужасы личных фантазий — общее наследство всего человечества. Терапевтическое отделение Объединенного Госпиталя записало эмоции на тысячах километров пленки и создало всеобъемлющий сплав ужаса в Театре Кошмаров.

Фойл очнулся в холодном поту, так и не поняв, что вышел из забытья. Его сжимали в клещах, кидали в пропасть, жарили на костре. С него содрали кожу и кислотой выжигали внутренности. Он завыл. Он побежал — вязкое болото обхватило его ноги. И какофонию скрежета, визга, стонов, угроз, терзавшую его слух, перекрывал настойчивый голос:

— Где Номад, где Номад, где Номад, где Номад?

— Ворга, — хрипел Фойл. — Ворга.

Его защищало собственное сумасшествие. Его собственный кошмар создал иммунитет.

— Где Номад? Где ты оставил Номад? Что случилось с Номадом? Где Номад?

— Ворга! — кричал Фойл. — Ворга. Ворга. Ворга.

В контрольном помещении Дагенхем выругался. Главврач, управляющий проекторами, взглянул на часы.

— Минута сорок пять, Саул. Он может больше не выдержать.

— Его надо расколоть. Выжми все!

Фойла хоронили заживо, медленно, неумолимо, безжалостно. Его засасывала глубина. Вонючая слизь обволакивала со всех сторон, отрезая от света и воздуха. Он мучительно долго задыхался, а вдали гремел голос:

— ГДЕ НОМАД? ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ НОМАД? ТЫ МОЖЕШЬ СПАСТИСЬ, ЕСЛИ НАЙДЕШЬ НОМАД. ГДЕ НОМАД?

Но Фойл был на борту «Номада» в своем гробу, без света и воздуха. Он свернулся в зародышевый комок и приготовился спать. Он был доволен. Он выживет. Он найдет «Воргу».

— Толстокожая скотина! — выругался Даген-хем. — Кто-нибудь раньше выдерживал Театр Кошмаров, Фриц?

— Нет. Ты прав. Это поразительный человек, Саул.

— Мы должны из него вытянуть… Ну хорошо, к черту эту штуку. Попробуем Мегалан. Актеры готовы?

— Все готово.

— Начнем.

Мания величия может развиваться в шести

направлениях; Мегалан являлся драматической попыткой диагностики конкретного течения мегаломании.

Фойл проснулся в громадной постели. Он находился в роскошной спальне, сплошь в парче и бархате. Фойл удивленно огляделся. Мягкий солнечный свет падал через решетчатые окна. В дальнем углу застыл лакей, поправляя сложенную одежду.

— Эй… — промычал Фойл.

Лакей повернулся.

— Доброе утро, мистер Формайл.

— Что?

— Прекрасное утро, сэр. Я приготовил вам бежевую саржу и легкие кожаные туфли.

— В чем дело, эй, ты?

— Я?.. — Лакей удивленно посмотрел на Фойла. — Вы чем-то недовольны, мистер Формайл?

— Как ты меня зовешь?

— По имени, сэр.

— Мое имя… Формайл? — Фойл приподнялся на локтях. — Нет, мое имя Фойл. Гулли Фойл. Так звать меня.

Лакей прикусил губу.

— Простите, сэр…

Он вышел, и через минуту в комнату вбежала

прелестная девушка в белом.

Она села на край постели, взяла Фойла за руку и заглянула в глаза. Ее лицо выражало страдание.

— Милый, милый, милый, — прошептала она, — пожалуйста, не надо начинать все сначала. Доктор клянется, что ты пошел на поправку.

— Что начинать?

— Всю эту чепуху про Гулливера Фойла, будто бы ты простой…

— Я Гулли Фойл. Мое имя — Гулли Фойл.

— Любимый, нет. Это болезнь. Ты чересчур много работал.

— Гулли Фойл всю мою жизнь, я.

— Да, знаю, дорогой, тебе так кажется. На самом деле ты Джеффри Формайл. Ты… о, к чему я это рассказываю? Одевайся, любовь моя. Тебя ждут внизу.

Фойл позволил лакею одеть себя и, как в тумане, спустился по лестнице.

Прелестная девушка, очевидно обожавшая его, повсюду была с ним.

Они пересекли колоссальную студию, заставленную мольбертами и незаконченными картинами, миновали зал со шкафами, столами, посыльными и секретаршами и вошли в громадную лабораторию с высокими потолками,

загроможденную стеклом и хромом. Колыхалось и шипело пламя горелок, бурлили и пенились разноцветные жидкости, пахло странными химикалиями. По всему чувствовалось, что здесь проводятся необычные эксперименты.

— Что все это? — спросил Фойл.

Девушка усадила его в плюшевое кресло у необъятного стола, заваленного бумагами. На некоторых из них красовалась оставленная небрежным взмахом пера внушительная подпись: Джеффри Формайл.

— Все свихнулись, все… — забормотал Фойл.

Девушка остановила его:

— Вот доктор Реган. Он объяснит.

Импозантный джентльмен со спокойными уверенными манерами подошел к Фойлу, пощупал пульс, осмотрел глаза и удовлетворенно хмыкнул.

— Прекрасно, — сказал он. — Превосходно. Вы близки к полному выздоровлению, мистер Формайл. Можете уделить мне одну минуту?

Фойл кивнул.

— Вы ничего не помните. Случается — перетрудились, к чему скрывать — чрезмерно увлеклись спиртным и не выдержали нагрузок. Вы утратили связь с реальностью.

— Я…

— Вы убедили себя в собственном ничтожестве — инфантильная попытка уйти от ответственности. Вбили себе в голову, будто вы простой космонавт по имени Фойл. Гулливер Фойл, верно? Со странным номером…

— Гулли Фойл. АС 128/127.006. Но это я! Про…

— Это не вы. Вот вы. — Доктор Реган махнул рукой в сторону необычных помещений, виднеющихся через прозрачную перегородку. — Обрести настоящую память, всю эту великолепную реальность можно, лишь избавившись от фальшивой. — Доктор Реган подался вперед, гипнотически сверкнув стеклами очков. — Восстановите детально вашу старую память, и я уничтожу ее без следа. Где, по-вашему, вы оставили воображаемый корабль «Номад»? Как вам удалось спастись? Где ваш воображаемый «Номад»?

Фойл заколебался.

— Мне кажется, я оставил «Номад»… — Он замолчал. Из блестящих очков доктора Регана на него уставилось дьявольское лицо… кошмарная тигриная маска с выжженной надписью «НОМАД» через перекошенные брови. Фойл вскочил.

— Врете! — взревел он. ~ Это я, по настояще-

му я!

В лабораторию вошел Саул Дагенхем.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Все свободны.

Кипучая жизнь в соседних комнатах прекратилась. Актеры исчезли быстро и тихо, не глядя в сторону Фойла.

Дагенхем обратил к Фойлу свою смертельную улыбку.

— Ты крепкий орешек, не правда ли? Ты воистину уникален. Меня зовут Саул Дагенхем. У нас есть пять минут для разговора. Выйдем в сад.

Сад Успокоения на крыше Терапевтического Здания был венцом лечебного планирования. Каждая перспектива, каждый цвет, каждый контур умиротворяли страсти, гасили раздражение, смягчали злость, убирали истерию, наводили меланхолию.

— Садись. — Дагенхем указал на скамейку рядом с кристально чистым бассейном. — Мне придется походить вокруг. Я облучен. Ты понимаешь, что это значит?

Фойл угрюмо мотнул головой. Дагенхем сорвал орхидею и обхватил ее ладонями.

— Следи за цветком. Увидишь. — Он прошел перед скамейкой и неожиданно остановился. — Ты прав, разумеется. Все, что с тобой случилось, —

правда. Только… что с тобой случилось?

— Проваливай, — прорычал Фойл.

— Знаешь, Фойл, я восхищаюсь тобой.

— Проваливай.

— По-своему, по-примитивному, у тебя есть характер и изобретательность. Ты кроманьонец, Фойл. Бомба, брошенная на верфи Престейна, была замечательна; ты разграбил чуть ли не весь Объединенный Госпиталь, добывая деньги и материалы. — Дагенхем стал считать по пальцам. — Обобрал слепую сиделку, очистил шкафчики, украл химикалии, украл приборы.

— Проваливай.

— Но откуда такая ненависть к Престейну? Зачем ты пытался взорвать его корабль? Чего ты хотел?

— Проваливай.

Дагенхем улыбнулся.

— Если мы собираемся беседовать, тебе придется выдумать что-нибудь новенькое. Твои ответы становятся однообразными. Что произошло с «Номадом»?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Последнее сообщение с корабля пришло семь месяцев назад. Потом… Что ты делал все это

время? Украшал лицо?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Нет, Фойл, не пойдет. У тебя на лбу татуировка «Номад». Свежая татуировка. Гулливер Фойл, АС 128/127.006, помощник механика, находился на борту «Номада». И как будто одного этого недостаточно, чтобы разведку залихорадило, ты возвращаешься на частной яхте, считавшейся пропавшей более пятидесяти лет. Послушай, да ты просто напрашиваешься на неприятности! Знаешь, как в разведке выбивают ответы из людей?

Фойл выпрямился. Дагенхем кивнул, увидев, что его слова попали в цель.

— Подумай хорошенько. Нам нужна правда, Фойл. Я пытался выманить ее у тебя хитростью, признаю. Ничего не получилось, признаю. Теперь я предлагаю тебе честную сделку. Если пойдешь на нее, мы защитим тебя. Если нет, проведешь пять лет в застенках разведки — или в ее лабораториях.

Фойла испугали не пытки; он боялся потерять свободу. Нужна свобода, чтобы набрать денег и снова найти «Воргу»; чтобы убить «Воргу».

— Какую сделку? — спросил он.

— Скажи нам, что произошло с «Номадом» и где он сейчас?

— Зачем, ты?

— Зачем? Спасти груз, ты.

— Там нечего спасать. Чтоб за миллион миль да ради обломков?! Не крути, ты.

— Ну, хорошо, — сдался Дагенхем. — «Номад» нес груз, о котором ты не подозревал, — платиновые слитки. Престейн покрывал свой долг Банку Марса — двадцать миллионов кредиток.

— Двадцать миллионов… — прошептал Фойл.

— Плюс-минус пара тысяч. Тебя бы ждало вознаграждение. Ну, скажем, тридцать тысяч кредиток.

— Двадцать миллионов, — снова прошептал Фойл.

— Мы предполагаем, что с «Номадом» расправился крейсер Внешних Спутников. Тем не менее они не поднимались на борт и не грабили, иначе тебя бы уже не было в живых. Значит, в сейфе капитана… Ты слушаешь?

Но Фойл не слушал. Перед его глазами стояли двадцать миллионов… не двадцать тысяч… двадцать миллионов в платиновых слитках, как сияющая дорога к «Ворге». Не надо больше никакого воровства; двадцать миллионов, чтобы

разыскать и стереть с лица земли «Воргу».

— Фойл!

Фойл очнулся и посмотрел на Дагенхема.

— Не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Я предлагаю щедрое вознаграждение. На тридцать тысяч космонавт может кутить, ни о чем не думая, целый год… Чего тебе еще?

— Ничего не знаю.

— Либо мы, либо разведка, Фойл.

— Больно вам надо, чтобы я попал им в лапы, иначе к чему разговоры? Но это все пустой треп. Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Ты!.. — Дагенхем пытался подавить бешенство. Он слишком много открыл этому хитрому примитивному созданию. — Да, мы не стремимся выдать тебя разведке. У нас есть свои собственные средства. — Его голос окреп. — Ты думаешь, что сможешь надуть нас. Ты думаешь, мы станем ждать, пока рак на горе свистнет. Ты думаешь даже, что раньше нас доберешься до «Номада».

— Нет, — сказал Фойл.

— Так вот слушай. На тебя заготовлено дело. Наш адвокат в Нью-Йорке только ждет звонка, чтобы обвинить тебя в саботаже, пиратстве в космосе, грабеже и убийстве. Если у тебя и раньше было знакомство с полицией, это означает

лоботомию. Они вскроют твой череп и выжгут половину мозгов, и ты никогда не сможешь джантировать.

Дагенхем замолчал и пристально посмотрел на Фойла. Когда тот покачал головой, Дагенхем продолжил:

— Что ж, тебя присудят к десяти годам того, что в насмешку называют лечением. В нашу просвещенную эпоху преступников не наказывают; их лечат. Тебя бросят в камеру одного из подземных госпиталей, и там ты будешь гнить в темноте и одиночестве. Ты будешь гнить там, пока не решишь заговорить. Ты будешь гнить там вечно. Выбирай.

Ворга, я убью тебя насмерть.

— Я ничего не знаю о «Номаде». Ничего!

— Хорошо. — Дагенхем сплюнул. Внезапно он протянул сжатый в ладони цветок орхидеи. Цветок почернел и рассыпался. — Вот что с тобой будет.

Глава 5

К югу от Сен-Жирона, возле франко-испанской границы, тянутся на километры под Пиренеями глубочайшие пещеры во Франции — Жофре Мар-

тель. Это самый большой и самый страшный госпиталь на Земле. Ни один пациент не джантировал из его чернильной тьмы. Ни один пациент не мог узнать джант-координаты мрачных недр госпиталя.

Если не считать фронтальной лоботомии, есть всего три пути лишить человека возможности джантировать: удар по голове, расслабляющий наркотик и засекречивание джант-координат. Из этих трех наиболее практичным считался последний.

Камеры, отходящие от запутанных коридоров Жофре Мартель, были вырублены в скале. Они никогда не освещались. Коридоры тоже никогда не освещались. Лучи инфракрасных ламп пронизывали мрак подземелий. Охрана и обслуживающий персонал носили специальные очки. Для пациентов существовали лишь тьма да отдаленный шум подземных вод.

Для Фойла существовали лишь тьма, шум вод и однообразие госпитального режима. В восемь часов (или в любой другой час этой немой бездны) его будил звонок. Он вставал и получал завтрак, выплюнутый пневматической трубой. Завтрак надо было съесть немедленно, потому что чашки и тарелки через пятнадцать минут распадались.

В восемь тридцать дверь камеры отворялась, и Фойл вместе с сотнями других слепо шаркал по извивавшимся коридорам к Санитарии.

Там, также в темноте, с ними обращались, как со скотом на бойне — быстро, холодно и эффективно. Их мыли, брили, дезинфицировали, им вкалывали лекарства, делали прививки. Старую бумажную одежду удаляли и сжигали, и тут же выдавали новую. Затем пациентов так же безучастно гнали в камеры, автоматически вычищенные и обеззараженные во время их отсутствия. Все утро Фойл слушал в камере лечебные рекомендации, лекции, морали и этические наставления. Потом снова наступала закладывающая уши тишина, и ничто не нарушало ее, кроме отдаленного шума вод и едва слышных шагов надзирателей в коридоре.

Днем их занимали лечебным трудом. В каждой камере зажигался телевизионный экран, и пациент погружал руки в открывавшееся отверстие. Он видел и чувствовал трехмерно переданные предметы и инструменты. Он кроил и штопал госпитальные робы, мастерил кухонную утварь и готовил пищу. На самом деле он ни до чего не дотрагивался, однако его движения передавались в мастерские и там управляли соответствующи-

ми механизмами. После одного короткого часа облегчения вновь наваливались мрак и тишина темницы.

Но временами… раз или два в неделю (или, может быть, раз или два в год) доносился приглушенный звук далекого взрыва. И Фойл отрывался от горнила ненависти, где закалялась его жажда мести. В Санитарии он шептал вопросы невидимым фигурам:

— Что за взрывы, там?

— Взрывы?

— Слышу их, как будто далеко, я.

— Это Чертовджант.

— Что?

— Чертовджант. Когда кто-то по горло сыт Жофре. Поперек глотки. Джантирует прямо к черту, он.

— Ах ты!..

— Вот так вот. Невесть откуда, невесть куда. Чертовджант… вслепую… и мы слышим, их. Бум! Чертов-джант.

Фойл был потрясен, но он мог понять. Тьма, тишина, одиночество вызывали отчаяние, ужас, сводили с ума. Монотонность была невыносима. Погребенные в застенках госпиталя Жофре Мартель пациенты страстно ждали утра ради

возможности прошептать слово и услышать ответ. Но разговоры сразу пресекались охраной, и динамик потом читал наставления о Добродетели Многотерпения.

Фойл знал записи наизусть, каждое слово, каждый шорох и треск ленты. Он возненавидел эти голоса: всепонимающий баритон, бодрый тенор, доверительный бас. Он научился отрешаться, научился работать механически.

Но перед бесконечными часами одиночества он был беспомощен. Одной ярости не хватало.

Фойл потерял счет дням. Он больше не перешептывался в Санитарии. Его сознание оторвалось от реальности и куда-то медленно и бездумно плыло. Ему стало казаться, что он снова на «Номаде», опять дерется за жизнь. Потом и эта слабая связь с иллюзией оборвалась; он все глубже и глубже погружался в пучину кататонии. В лоно тишины, в лоно темноты, в лоно сна.

То были странные, быстротечные сны. Однажды ему явился голос ангела-спасителя. Ангела-женщины. Она тихонько напевала. Трижды он слышал слова: «О боже…», «Боже мой!..» и «О…»

Фойл падал в бездонную бездну и слушал.

— Есть выход, — сладко нашептывал в его уши ангел. Ее голос был мягким и нежным и в то же

время горел безумием. Голос ангела гнева. — Есть выход.

И внезапно, с безрассудной логикой отчаяния, Фойл осознал: выход есть. Глупец, он не видел этого раньше.

— Да, — прохрипел он. — Есть выход.

Послышался сдавленный вздох.

— Кто это?

— Я, — сказал Фойл. — Это я, никто иной. Ты меня знаешь.

— Где ты?

— Здесь. Где всегда.

— Но здесь никого нет. Я одна.

— Спасибо, ты показала мне путь.

— Я слышу голос, — прошептал ангел гнева. — Это начало конца.

— Ты показала мне путь. Чертовджант.

— Чертовджант!.. Боже мой, неужели это правда? Ты говоришь на уличном арго… ты существуешь на самом деле… Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Но ты не в моей камере. И даже не поблизости. Мужчин держат в северной части Жофре Мартель. Я — в «Юге-900». А ты?

— «Север-3».

— Четверть мили. Как мы… О господи! Конечно!

Это Линия Шепота. Я всегда думала — выдумки… А она существует…

— Что ж, пора, — пробормотал Фойл. — Чертов-джант.

— Фойл, не смей! Послушай меня. Это чудо.

— Что чудо?

— Акустический феномен… такое случается в пещерах… Каприз передачи звука… Старожилы называют это Линией Шепота. Я никогда им не верила. Никто не верит, но это правда! Мы на разных концах Линии Шепота. Мы можем разговаривать. Мы можем строить планы. У нас есть надежда. Мы можем спастись.

Ее звали Джизбелла Маккуин. Она была вспыльчива, умна, образованна и независима. Жофре Мартель пять лет должен был лечить ее от бандитизма. Джизбелла поведала Фойлу о том, как она бросила вызов обществу.

— Ты не знаешь, что джантация принесла женщинам, Гулли. Она заперла нас. Отправила назад в сераль.

— Что такое сераль?

— Гарем. Место, где содержат женщин — хранят. Через тысячу лет развития цивилизации мы снова — собственность. Джантация так угрожала нашей добродетели, нашему достоинству, нашей

чести, что нас заперли, как золотые слитки в сейф. Нам закрыты все дороги. Это страшный тупик, Гулли, и из него нет выхода. Остается только плюнуть на все и идти напролом.

— Зачем это тебе, Джиз?

— Свобода нужна мне как воздух, Гулли. Я хочу жить своей собственной жизнью, а общество заковало меня в кандалы и обрекло на смирение.

И она поведала ему все мрачные и трагические подробности своего бунта: Слабохарактерное Вымогательство, Каскадный Шантаж, Новобрачное и Похоронное Ограбления и другие.

Фойл рассказал ей о «Номаде» и «Ворге»; открыл свою ненависть и свои планы. Он не сказал Джизбелле о своем лице и о двадцати миллионах в платиновых слитках, скрытых в поясе астероидов.

— Что случилось с «Номадом»? — спросила Джизбелла. — Верно ли то, что говорил тот человек, Дагенхем? Его уничтожил крейсер Внешних Спутников?

— Мне не понять. Сказано — не помню.

— Очевидно, взрыв вызвал у тебя амнезию, а шесть месяцев одиночества и мук усугубили потерю памяти. На корабле не осталось ничего ценного?

— Нет.

— И Дагенхем ни о чем не упоминал?

— Нет, — солгал Фойл.

— Значит, у него была иная причина упрятать тебя в Жофре Мартель. Зачем-то ему нужен «Номад»… Но пытаться взорвать «Воргу» — это глупость. Только дикий зверь грызет захлопнувшийся капкан. Сталь не виновата.

— Не пойму, о чем ты. «Ворга» прошел мимо.

— Кару заслужил мозг, Гулли. Тот мозг, который устроил западню. Выясни, кто находился на борту «Ворги». Узнай, кто приказал уйти. И накажи его.

— Да-а. Как?

— Думай, Гулли. Голова, сообразившая, как сдвинуть «Номад» и как из него собрать адскую машинку, должна найти способ. Но никаких бомб — думай! Разыщи кого-нибудь из экипажа «Ворги». Он назовет остальных. Выследи их, узнай, кто отдал приказ. И покарай его. Но на это требуется время, Гулли… время и деньги; больше, чем у тебя есть.

Они часами переговаривались по Линии Шепота; голоса слабые, но звучавшие будто у самых ушей. Лишь в определенном месте каждой камеры можно было услышать собеседника, вот

почему они не сразу обнаружили это чудо. Но теперь они наверстывали упущенное. И Джизбелла учила Фойла.

— Если нам когда-нибудь удастся выбраться из Жофре Мартель, мы будем вместе, а я не могу довериться безграмотному человеку.

— Кто безграмотный?

— Ты, — решительно заявила Джизбелла. — Мне приходится все время разговаривать на уличном арго.

— Я умею читать и писать.

— И все… то есть, кроме голой силы — ты нуль.

— Говори толком, ты, — рассвирепел Фойл.

— Говорю толком, я. Что проку от самого лучшего резца, если он тупой? Надо заострить твой разум, Гулли. Надо дать тебе образование.

Он покорился. Он понял: она права. Надо знать гораздо больше — не только для того, чтобы выбраться, но и для поисков «Ворги». Джизбелла была дочерью архитектора и получила блестящее образование. Она муштровала Фойла, вбивая в него знания с циничным опытом пяти лет тюрьмы. Иногда он бунтовал против тяжелого труда. Тоща по Линии Шепота кипели яростные, но тихие споры; затем в конце концов Фойл просил прощения и вновь покорялся. А иногда Джиз-

белла уставала от наставлений, и они просто разговаривали и мечтали.

— Мне кажется, мы начинаем влюбляться друг в друга, Гулли.

— Мне тоже так кажется, Джиз.

— Я старая карга, Гулли. Мне сто пять лет. А ты как выглядишь?

— Кошмарно.

— То есть?

— Лицо.

— Это романтично. Один из тех загадочных шрамов, украшающих настоящих мужчин?

— Нет. Ты увидишь, когда встретимся, мы. Неправильно, да, Джиз? Просто: «когда мы встретимся».

— Молодец.

— Мы ведь встретимся однажды, Джиз?

— Скоро, я надеюсь, Гулли. — Далекий голос Джизбеллы окреп. — А теперь пора за работу. Нам надо готовиться.

За пять лет Джизбелла многое узнала о Жофре Мартель. Никто никогда не джантировал из подземного госпиталя, но десятилетиями из уст в уста передавались слухи и крупицы истины. Так, на основе этих сведений Джизбелла быстро опознала соединяющую их Линию Шепота. На их

основе начала она обсуждать планы спасения.

— Это в наших силах, Гулли, не сомневайся. В системе охраны наверняка есть недостатки.

— Никто их раньше не находил.

— Никто раньше не действовал с партнером.

Фойл не волочился больше в Санитарию и обратно бесцельно. Во мраке он задавал шепотом продуманные вопросы. Он ощупывал стены, замечал двери, их фактуру, считал, слушал, изучал и докладывал. Фойл и Джизбелла создавали картину порядков и охраны Жофре Мартель.

Однажды утром по возвращении из Санитарии его остановили на пороге камеры.

— Иди дальше, Фойл.

— Это «Север-3». Я знаю свое место.

— Двигай, говорят.

— Но… — Фойл пришел в ужас. — Меня переводят?

— К тебе посетитель.

Его довели до конца северного коридора, до пересечения с тремя остальными главными коридорами госпиталя. Там, на гигантском перекрестке, располагались административные помещения и мастерские. Фойла втолкнули в непроглядную темень комнаты и закрыли сзади дверь. Перед ним маячил слабо мерцающий

силуэт, едва уловимый контур, не более чем призрачный намек, очертания тела и головы самой Смерти. Два бездонных провала на черепе — глазницы или инфракрасные очки.

— Доброе утро, — произнес Дагенхем.

— Вы?! — воскликнул Фойл.

— Я. У меня есть пять минут, не больше. Садитесь. Стул сзади вас.

Фойл нащупал стул и медленно опустился.

— Довольны? — поинтересовался Дагенхем.

— Что вам надо?

— Замечаю перемену, — сухо сказал Дагенхем. — В нашу последнюю встречу вы ограничивались исключительно «убирайтесь к черту».

— Убирайтесь к черту, Дагенхем, если угодно.

— Ого, вы начали острить; и речь улучшилась… Вы изменились… — задумчиво проговорил Дагенхем. — Изменились чертовски быстро. Мне это не нравится. Что с вами случилось?

— Я посещал вечернюю школу.

— Вы десять месяцев посещали эту вечерней школу.

— Десять месяцев! — изумленно повторил Фойл. — Неужели так долго?

— Десять месяцев во мраке и тишине. Десять месяцев полного одиночества. Вы должны быть

сломлены.

— О, я сломлен, не беспокойтесь.

— Должны были просто взвыть… Я прав. Вы не обычный человек… Таким темпом это займет слишком долго… Мы не можем ждать. Я хочу сделать новое предложение. Десять процентов. Два миллиона.

— Два миллиона! — воскликнул Фойл. — Почему вы сразу не сказали?

— Я не знал вас. По рукам?

— Почти.

— А что еще?

— Я выбираюсь из Жофре Мартель.

— Естественно.

— И кое-кто еще.

— Сделаем. Дальше.

— Открытый доступ к архивам Престейна.

— Это исключено. Вы с ума сошли? Будьте благоразумны.

— К его корабельным архивам.

— Зачем?

— Мне нужен список команды одного из кораблей.

— Так. — В голосе Дагенхема вновь зазвучало оживление. — Обещаю. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Значит, договорились. — Дагенхем был доволен. Мерцающий контур поднялся со стула. — Приготовления для вашего друга мы начнем немедленно. Вас выпустим через шесть часов. Жаль, что мы потеряли столько времени. Фойл.

— Почему вы не подослали ко мне телепата?

— Телепата? О чем вы говорите? На всех Внутренних Планетах не наберется и десятка телепатов. Каждый их час расписан на десять лет вперед. Никто бы из них не согласился нарушить расписание.

— Прошу прощения, Дагенхем. Я думал, вы плохо знаете свое дело.

— Вы меня обижаете.

— Теперь я вижу, что вы просто лжете. За долю в двадцати миллионах можно нанять любого телепата.

— Правительство никогда…

— Не все они работают на правительство. Нет. Дело не в этом. Тут кроется что-то слишком важное.

Пятно света метнулось через комнату и схватило Фойла.

— Что вам еще известно?! Что вы скрываете? На кого работаете? — Руки Дагенхема тряслись. — Господи, какой я глупец! Конечно, вы не простой

космонавт… Отвечайте: на кого вы работаете?

Фойл резко стряхнул руки Дагенхема.

— Ни на кого, — сказал он. — Ни на кого, кроме себя.

— Да? Включая друга в Жофре Мартель, которого вы так стремитесь спасти? Боже мой, вы чуть не одурачили меня, Фойл. Передайте капитану Йанг-Йовилу мои поздравления. Его люди лучше, чем я думал.

— Не знаю никакого Йанг-Йовила.

— Так вот, вы и ваш коллега здесь сгниете! Издохнете! Я переведу вас в самую страшную камеру. Я брошу вас на самое дно Жофре Мартель. Я… Охрана, сюда! Охра…

Фойл схватил Дагенхема за горло, повалил на пол и стал бить головой о каменную плитку. Дагенхем раз вскрикнул и затих. Фойл сорвал с его лица очки и надел их на себя. В мягком розовом свете вернулось зрение.

Фойл раздел Дагенхема и быстро, разрывая по шву, влез в его костюм. На столе лежала широкополая шляпа. Фойл надвинул ее на самый лоб.

Из комнаты вели две двери. Фойл подскочил к ближайшей и осторожно ее приоткрыл. Она выходила в северный коридор. Он закрыл ее, бросился к другой двери и вырвался в противод-

жантный лабиринт. И сразу потерял ориентацию. Он отчаянно заметался по переходам и вбежал снова в ту же комнату. Дагенхем силился подняться на колени.

Фойл повернулся и кинулся назад в лабиринт, распахнул первую попавшуюся дверь и оказался в просторной и ярко освещенной мастерской. На него ошеломленно уставились двое рабочих. Фойл схватил кувалду, прыгнул на них и двумя ударами свалил. Донесся крик Дагенхема. Фойл затравленно огляделся, ворвался в следующую дверь и вновь потерялся в лабиринте. Заревела сирена. Фойл замахнулся кувалдой, пробил тонкий пластик перегородки и оказался в южном коридоре женской половины, освещенном инфракрасным светом.

Навстречу бежали две надзирательницы; Фойл страшным ударом повалил их. Перед ним тянулся бесконечный ряд камер, на каждой двери красным огнем горел номер. Фойл привстал на цыпочки и разбил инфракрасный фонарь над головой. Весь коридор погрузился во мрак… даже для оснащенных очками.

— Теперь мы на равных, — выдохнул Фойл и побежал дальше, на ощупь считая двери. Он налетел на охранницу, расправился с ней, обнаружил,

что сбился со счета, пробежал еще, остановился.

— Джиз! — взревел Фойл.

До него донесся ее голос. Он помчался вперед, нашел камеру Джизбеллы.

— Гулли, о Гулли, боже мой…

— Отойди, детка! Назад! — Он трижды яростно ударил молотом, и дверь поддалась. Фойл ввалился внутрь. — Джиз?.. — задыхаясь, выдавил он. — Проходил мимо. Дай, думаю, загляну.

— Гулли, ради…

— Да-а… Ничего себе встреча, а? Идем. Идем, девочка. — Он вытащил се из камеры. — Назад через приемную пути нет. Я там не понравился. Где ваша Санитария?

— Гулли, ты сошел с ума!..

— Вся половина обесточена. Я разбил силовой кабель. У нас есть полшанса. Идем, девочка. Идем.

Он подтолкнул ее вперед, и она повела его по проходам к автоматическим стойлам женской Санитарии. Пока механические руки удаляли одежду, мыли, опрыскивали и дезинфицировали их, Фойл нащупал контрольное медицинское окошко и разбил его молотом.

— Лезь, Джиз.

Он протолкнул ее сквозь окошко и последовал

за ней. Голые, намыленные, изрезанные, окровавленные, они искали дверь, через которую входили врачи. Вдруг Фойл поскользнулся и с грохотом упал.

— Не могу найти дверь, Джиз. Дверь. Я…

— Тсс!

— Но…

— Тихо, Гулли!

Мыльная рука нащупала и зажала его рот. Поблизости раздался топот ног — закоулки Санитарии вслепую обшаривали охранники. Инфракрасное освещение до сих пор не исправили.

— Окно могут не заметить, — прошептала Лиз.

Они скорчились на полу. Шаги прогромыхали и затихли.

— Все в порядке, — выдохнула Джизбелла. — Однако в любую минуту включат прожектора. Идем, Гулли, живей!

— Двбрь в клинику, Джиз… Я думал…

— Двери нет. Врачи спускаются по убирающейся винтовой лестнице. И это предусмотрено. Надо попытаться найти грузовой лифт. Хотя бог знает, что это нам даст… О, Гулли, ты идиот! Ты совершенный ил йот!

Они полезли обратно через контрольное окошко и стали лихорадочно искать лифт, в котором

увозили старую одежду и подавали новую. И механические руки в темноте снова мылили, опрыскивали и дезинфицировали их. Внезапно надрывно взвыла сирена, заглушая все прочие звуки, и наступила полная тишина, удушающая, как мрак.

— Они выслеживают нас геофоном, Гулли.

— Чем?

— Геофоном. Им можно уловить шепот за целую милю.

— Грузовой лифт… Грузовой лифт… — лихорадочно бормотал Фойл.

— Нам не найти.

— Тогда идем.

— Куда?

— Мы убегаем.

— Куда?

— Не знаю. Но я не собираюсь ждать, как баран. Идем. Физические упражнения тебе на пользу.

Он снова толкнул Джизбеллу вперед, и они побежали, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух и спотыкаясь, в черные глубины Жофре Мартель. Джизбелла дважды падала, и Фойл выбежал вперед, как антенну вытянув перед собой рукоятку молота и ею нащупывая проход. Потом они наткнулись на стену и поняли, что оказались

в тупике. Пути вперед не было.

— Что теперь?

— Не знаю. Похоже, я больше ничего придумать не могу. Но и возвращаться нам нельзя. Я пристукнул Дагенхема. Мерзкий тип. Как этикетка на бутылке с ядом. Тебя не осенило, девочка?

— О, Гулли… Гулли… — Джизбелла всхлипнула.

— Рассчитывал на тебя. «Никаких бомб», — говорила ты. Хотел бы я сейчас иметь бомбу. По крайней мере… Погоди-ка. — Он ощупал скользкую стену. — Внимание, Г. Фойл передает последние известия. Это не естественный пещерный свод, а сложенная из кирпича стена. Посмотри.

— Ну?

— Значит, проход здесь не кончается. Его просто заложили. Прочь!

Он отшвырнул Джизбеллу назад и яростно набросился на стену. Он бил ритмично и мощно, со всхлипом втягивая сквозь зубы воздух и приставнывая при каждом ударе.

— Они приближаются, — сказала Джизбелла. — Я слышу.

Начали сыпаться камни. Фойл удвоил усилия. Внезапно стена поддалась, и в лица им ударил

поток ледяного воздуха.

— Лезь.

Фойл бросил молот, схватил Джизбеллу и поднял ее к отверстию на высоте груди. Она вскрикнула от боли, протискиваясь через острые камни. Фойл безжалостно толкал ее вперед, пока не прошли плечи, а затем и бедра. Он отпустил ее нош, услышал, как она упала по ту сторону, и последовал за ней. Ее руки попытались смягчить его падение на груду камней и щебня. Беглецы оказались в ледяной черноте естественных пещер Жофре Мартель… — мили неисследованных проходов и гротов.

— Мы еще вырвемся, — прохрипел Фойл.

— Не знаю, есть ли отсюда выход, Гулли. — Джизбелла дрожала от холода. — Может быть, это тупик.

— Должен быть выход. Мы найдем его. Давай, девочка!

Они слепо двинулись вперед. Фойл сорвал бесполезные очки и швырнул их под ноги.

Они натыкались на стены, углы, низкие своды. Они падали на острые камни и катились вниз. Потом однажды их ноги разъехались, и оба тяжело упали на гладкий пол. Фойл ощупал его и притронулся языком.

— Лед, — пробормотал он. — Хорошо. Мы в ледяной пещере. Джиз. Подземный ледник.

Они с трудом поднялись и неуверенно пошли по льду, тысячелетиями нараставшему в безднах Жофре Мартель. Они пробирались сквозь лес сталактитов и сталагмитов, поднимавшихся снизу и свисавших сверху; от каждого их шага с гулким уханьем падали, рассыпаясь, камни. Так они брели вперед — слепо, наугад, спотыкаясь, падая и снова вставая. Закладывающую уши тишину нарушали только судорожное дыхание и колотящиеся сердца, грохот булыжников, звон срывающихся капель и отдаленный шум подземной реки.

— Не туда, девочка. — Фойл легонько подтолкнул ее в сторону. — Бери левее.

— Ты хоть немного представляешь себе, куда мы идем, Гулли?

— Вниз, Джиз. Только вниз.

— У тебя есть идея…

— Да. Сюрприз! Сюрприз! Голова вместо бомб.

— Голова вместо… — Джизбелла истерически рассмеялась. — Ты ворвался с молотом в руках — и это, по-твоему, голова вместо б-б-б…

Она не могла выговорить и подавилась всхлипываниями. Фойл схватил ее и яростно встрях-

нул.

— Заткнись, Джиз. Если нас выслеживают геофоном, тебя услышат с Марса.

— П-прости, Гулли. Прости. — Она глубоко вздохнула. — Почему вниз?

— Река. Она должна быть близко. Вероятно, это растаявшие воды ледника. Единственный надежный путь. Где-нибудь она выходит наружу. Мы поплывем.

— Гулли, ты сошел с ума!

— В чем дело, ты? Не умеешь плавать?

— Я умею плавать, но…

— Мы должны попытаться. Иди, Джиз. Вперед.

Шум реки приближался, но силы их стали иссякать. Джизбелла остановилась, хватая ртом воздух.

— Гулли, мне надо передохнуть.

— Слишком холодно. Иди вперед.

— Я не могу.

— Иди вперед. — Он нащупал ее локоть.

— Убери свои руки! — яростно закричала она.

Фойл изумленно отступил.

— Что с тобой? Девочка, успокойся. Я пропаду без тебя.

— Вот как? Я говорила тебе: надо готовиться… думать… а ты втянул нас в эту западню…

— Я сам был в западне. Дагенхем угрожал перевести меня в другую камеру. И больше уже не было бы Линии Шепота. Меня вынудили, Джиз… и мы ведь выбрались, правда?

— Выбрались?! Мы потерялись в Жофре Мартель! Ищем греклягую реку, чтобы утопиться. Ты кретин, Гулли, а я набитая дура, что позволила втянуть себя в эту авантюру. Будь ты проклят! Бежать. Спасаться. Молотить… Все, что ты знаешь. Бить. Ломать. Взрывать. Крушить. Уничтожать… Гулли!

Джизбелла вскрикнула. Покатились камни, и послышался тяжелый всплеск. Фойл бросился вперед, заорал: «Джиз!» и сорвался с обрыва.

Он упал в воду с оглушающим ударом. Ледяная река поглотила его и мгновенно закрутила. Бешено заработав руками и ногами, Фойл почувствовал, как течение тащит ею по скользким камням, захлебнулся и выплыл на поверхность. Он откашлялся и закричал. Джизбелла ответила слабым голосом, едва слышным в ревущем потоке. Бурное течение швырнуло его на холодное тело, цепляющееся за скалу.

— Джиз!

— Гулли! Боже мой! — Джизбелла зашлась кашлем.

Прижимаясь к стене, Фойл стал ощупывать своды. Вода с ревом уходила в туннель, и поток засасывал их за собой.

— Держись! — прохрипел Фойл. Он обследовал своды слева и справа — гладкие, скользкие; ухватиться было невозможно.

— Нам не выбраться. Придется плыть! — прокричал Фойл, стараясь перекрыть оглушающий шум воды.

— Там нечем дышать, Гулли. Не выплывещь.

— Ненадолго, Джиз. Наберем воздуха и нырнем.

— Туннель может тянуться дальше, чем нам хватит дыхания.

— Придется рискнуть.

— Я не смогу.

— Ты должна. Другого пути нет. Давай первая. Помогу, в случае чего.

— В случае чего!.. — безумным голосом повторила Джизбелла и нырнула. Течение всосало ее в туннель. Фойл тоже мгновенно погрузился под воду. Яростный ноток тянул вниз, швыряя на гладкие стены. Фойл плыл сразу за Джизбеллой, и ее молотящие ноги били его по голове и плечам. Они неслись в туннеле, пока не запылали легкие. Затем внезапно раздался рев воды, их вынесло

наверх, и они смогли дышать.

Вместо заледеневших сводов появились изломанные скалы. Одной рукой Фойл ухватил ногу Джизбеллы, другой вцепился за выступавший камень.

— Надо выбираться! — прокричал он. — Слышишь этот рев? Водопад. Разорвет на части. Лезь, Джиз.

У нее не было сил, чтобы выбраться из воды. Он подкинул обмякшее тело наверх и вскарабкался сам. Они в изнеможении лежали на мокрых камнях, не в состоянии даже говорить. Наконец Фойл, шатаясь, поднялся.

— Нужно идти, — пробормотал он. — Вниз по реке. Готова?

Она не могла ответить, она не могла протестовать. Он приподнял ее, и они, еле держась на ногах, побрели вперед, обходя разбросанные гигантские валуны. Они потеряли реку, заблудившись в каменном лабиринте.

— Все… — с отвращением выдавил Фойл. — Снова потерялись. На этот раз, похоже, окончательно. Что будем делать?

Джизбелла зарыдала. Это был не плач, а беспомощные, но яростные звуки. Фойл остановился и сел, потянув ее вниз за собой.

— Возможно, ты права, девочка, — устало произнес он. — Возможно, я кретин. Моя вина.

Она не ответила.

— Ну, вот и все, на что способна голова… Хорошее образование ты мне дала. — Он поколебался. — Не попробовать ли нам вернуться в госпиталь?

— Мы не сможем.

— Вероятно. Просто упражнение на сообразительность… Устроим шум? Чтобы нас нашли по геофону?

— Они не услышат… Нас не успеют найти…

— Мы поднимем настоящий шум. Побьешь меня немного… Это доставит удовольствие нам обоим.

— Заткнись.

— Ну и ну! — Фойл откинулся назад, опустив голову на мягкую траву. — На «Номаде» был хоть какой-то шанс. Я по крайней мере ввдел, куда надо попасть. Я мог… — Он неожиданно замолчал и судорожно подскочил. — Джиз!

— Не говори так много.

Он зарыл руки в почву и швырнул ей в лицо пригоршню мягкой пахучей земли.

— Вдохни! — захохотал он. — Попробуй! Это трава, Джиз. Земля и трава. Мы выбрались из

Жофре Мартель.

— Что?!

— Снаружи ночь. Непроглядная ночь. Мы вышли из пещеры и не поняли этого. Мы вышли!

Они вскочили на ноги. Их окружала кромешная тьма, но они чувствовали дыхание ласкового ветра, и сладкий аромат растений коснулся их ноздрей. Издалека донесся собачий лай.

— Боже мой, Гулли… — недоверчиво прошептала Джизбелла. — Ты прав. Мы выбрались. Надо только ждать рассвета.

Она засмеялась. Она раскинула руки, обняла его и поцеловала. Они что-то лепетали возбужденно, перебивая друг друга; потом опустились на мягкую траву, обессиленные, но не способные забыться сном, нетерпеливые, горячие, на заре новой жизни.

— Здравствуй, Гулли, милый Гулли. Здравствуй, Гулли, после всего этого времени…

— Здравствуй, Джиз.

— Я же говорила, что мы встретимся однажды… Я говорила тебе, любимый. И вот настал этот день.

— Ночь.

— Пускай ночь. Но больше не будет одинокого перешептывания во тьме. Наша ночь кончилась,

Гулли, милый.

Внезапно они осознали, что лежат рядом, обнаженные, касаясь друг друга. Джизбелла замолчала. Фойл схватил ее и яростно сжал, и она ответила с не меньшей страстью.

Когда рассвело, он увидел, что она прекрасна: высокая и стройная, с дымчатыми рыжими волосами и щедрым ртом.

Но когда рассвело, она увидела его лицо.

Глава 6

У доктора медицины Харли Бэйкера была маленькая практика в Вашингтоне, вполне законная и едва оплачивающая счета за дизельное топливо, которое он сжигал, еженедельно участвуя в тракторных гонках в Сахаре. Настоящий доход приносила его Фабрика Уродов в Трентоне, куда он джантировал по понедельникам, средам и пятницам. Там, за огромную плату и без лишних вопросов, Бэйкер создавал чудовищ для бизнеса развлечений и творил новые лица для воротил преступного мира.

Похожий на повивальную бабку, Бэйкер сидел на прохладной веранде своего дома и дослушивал повествование Джиз Маккуин.

— По сравнению с побегом из Жофре Мартель, все остальное казалось чепухой. Мы наткнулись на охотничий домик, выломали дверь и достали себе одежду. К тому же там было оружие… старое доброе оружие, стреляющее пулями. Мы продали его кое-каким местным и купили билеты к ближайшей известной нам джант-площадке.

— Именно?

— Биарриц.

— Переезжали ночью?

— Естественно.

— Лицо прикрывали?

— Пытались нанести грим. Ничего не получилось. Проклятая татуировка просвечивала. Тогда я купила темную кожу-суррогат и опрыскала его.

— Ну?

— Бесполезно, — раздраженно бросила Джиз. — Лицо должно быть неподвижно, иначе суррогат трескается и отпадает. Фойл не в состоянии контролировать себя. Это был настоящий ад.

— Где он сейчас?

— С Сэмом Куаттом.

— Я думал, Сэм завязал.

— Да, — мрачно сказала Джиз. — Но он мне обязан.

— Любопытно… — пробормотал Бэйкер. — Ни-

когда в жизни не видел татуировки. Полагал, что ее искусство умерло. Я бы хотел добавить его к моей коллекции. Ты знаешь, что я собираю курьезы, Джиз?

— Все знают о твоем зоопарке в Трентоне, Бэйкер. Это ужасно.

— В прошлом месяце я приобрел настоящий шедевр — интереснейший случай сиамских близнецов, — увлеченно начал Бэйкер.

— Не желаю слышать об этом, — резко оборвала Джиз. — И не заикайся о своем зверинце. Ты можешь очистить его лицо? Он говорит, что в Госпитале махнули рукой.

— У них нет моего опыта, дорогая. Гм-м… Кажется, я что-то читал… где-то… Так где же?.. Подожди. — Бэйкер поднялся и со слабым хлопком исчез. Джизбелла нервно мерила веранду шагами, пока через двадцать минут он не появился вновь с потрепанной книгой в руке и с торжествующей улыбкой на лице. — Нашел! Ты воистину можешь восхищаться моей памятью.

— К черту твою память. Как с его лицом?

— Сделать можно. — Бэйкер перелистал хрупкие выцветшие страницы и задумался. — Да, это можно сделать. Индиготиновая кислота. Вероятно, ее придется синтезировать, но… — Бэйкер

захлопнул книгу и уверенно кивнул. — Я могу это сделать. Жаль только портить такое уникальное лицо.

— Да забудь ты про свое хобби! — злобно вскричала Джизбелла. — Нас разыскивают, понимаешь?! Мы первые, кто удрал из Жофре Маргель. Ищейки не угомонятся, пока нас не схватят. Это вопрос престижа.

— Чего ты бесишься?

— Я не бешусь. Я объясняю.

— Он будет счастлив в зверинце, — убеждал Бэйкер. — Там его никто не найдет. Я помещу его рядом с девушкой-циклопом и…

— Зоопарк исключен. Абсолютно.

— Ну хорошо, дорогая… Но почему ты беспокоишься о Фойле? Пускай его схватывают. А ты отсидишься.

— Почему тебя беспокоит то, что я беспокоюсь о Фойле? Тебе предлагают работу. Я заплачу.

— Это дорого обойдется, милая. Я пытаюсь сэкономить твои деньги.

— Неправда.

— Значит, я просто любопытен.

— Тогда скажем, что я благодарна. Он помог мне, теперь я помогаю ему.

Бэйкер цинично улыбнулся.

— Так давай поможем ему по-настоящему — сделаем совершенно новое лицо.

— Нет.

— Я так и думал. Ты хочешь очистить его лицо, потому что оно тебя интересует.

— Будь ты проклят, Бэйкер, ты согласен или нет?

— Пять тысяч.

— Не чересчур?

— Тысяча, чтобы синтезировать кислоту. Три тысячи за операцию. И тысячу за…

— Твое любопытство?

— Нет, моя милая. — Он снова улыбнулся. — Тысяча за наркоз.

— Зачем наркоз?

Бэйкер приоткрыл древний текст.

— Это болезненная процедура. Знаешь, как делают татуировку? Берут иглу, макают в краску и вкалывают в кожу. Чтобы вывести краску, мне придется пройтись иглой по всему лицу, пора за порой, и вкалывать индиготиновую кислоту. Это больно.

Глаза Джизбеллы вспыхнули.

— Можно это сделать без наркоза?

— Я могу, дорогая, но Фойлу…

— К черту Фойла. Плачу четыре тысячи. Ника-

кого наркоза, Бэйкер. Пусть страдает.

— Джиз! Ты не ведаешь, на что его обрекаешь!

— Знаю. Пусть мучается. — Джизбелла истерически засмеялась. — Пусть и он помучается из-за своего лица.

Бэйкеровская Фабрика Уродов занимала пятиэтажное здание, в котором раньше находился завод. Завод выпускал вагончики для метро, пока с метро не покончила джантация. Задние окна фабрики выходили на ракетное поле, и пациенты Бэйкера могли развлекаться, наблюдая за взлетающими и садящимися по антигравитационным лучам кораблями.

В подвальном этаже располагался бэйкеровский зоопарк анатомических аномалий, естественных выродков и чудовищ — купленных, одурманенных или похищенных. Бэйкер был страстно предан этим несчастным созданиям и проводил с ними долгие часы, упиваясь уродством, как другие упиваются красотой искусства. На средних этажах размещались палаты для прооперированных пациентов, лаборатории, склады и кухни. И наверху — операционные.

В одной из последних — крошечной комнатке, обычно используемой для экспериментов на сетчатке глаза, — Бэйкер работал над лицом

Фойла. Под ослепительно-яркими лампами он склонился с маленьким стальным молотком, выискивая каждую пору с краской и вбивая туда иглу. Голову Фойла сжимали тиски, но тело было не привязано. И хотя его мышцы дергались, он ни разу не шевельнулся, вцепившись руками в край операционного стола.

— Самообладание, — выдавил Фойл сквозь зубы. — Ты хотела, чтобы я научился самообладанию, Джиз. Я учусь. — Он поморщился.

— Не двигайся, — приказал Бэйкер.

— Мне смешно.

— Все хорошо, сынок, — произнес Сэм Куатт, отвернувшись. Он искоса взглянул на яростное лицо Джизбеллы. — Что скажешь, Джиз?

— Пусть учится.

Бэйкер методично продолжал работать иглой и молоточком.

— Послушай, Сэм, — еле слышно пробормотал Фойл. — Джиз сказала мне, что у тебя есть свой корабль.

— Да. Из тех, что зовут «Уик-энд на Сатурне».

— То есть?

— Уик-энд на Сатурне длится девяносто дней. Корабль обеспечивает жизнь четырех человек в течение девяноста дней.

— Как раз для меня, — невнятно проговорил Фойл. Он скорчился от боли, но тут же взял себя в руки. — Сэм, я хочу воспользоваться твоим кораблем.

— Зачем?

— Есть дело.

— Законное?

— Нет.

— Тогда это не для меня, сынок. Я завязал.

— Плачу пятьдесят тысяч. Хочешь заработать пятьдесят тысяч? И считай их целыми днями.

Безжалостно впивалась игла. Фойл корчился.

— У меня есть пятьдесят тысяч. В венском банке лежит в десять раз больше. — Куатт вытащил из кармана колечко с мерцающими радиоактивными ключами. — Вот ключ от сейфа. Вот ключ от моего дома в Йобурге — двадцать комнат, двадцать акров земли. А вот ключ от корабля в Монтоке. Можешь не искушать меня, сынок. Я джантирую в Йобург и остаток дней своих буду жить тихо и мирно.

— Позволь мне взять корабль. Сиди в Йобурге и греби деньги.

— Когда будут деньги? И откуда?

— Когда вернусь. В астероидах… корабль «Номад».

— Что там ценного?

— Не знаю.

— Лжешь.

— Не знаю, — упрямо пробормотал Фойл. — Но там должно быть что-то ценное. Спроси Джиз.

— Послушай, — зло произнес Куатт, — если хочешь договориться, давай начистоту. Ты осторожничаешь, как проклятый татуированный тигр, готовящийся к прыжку. Мы твои единственные друзья.

С губ Фойла сорвался крик.

— Не шевелись, — бесстрастно сказал Бэйкер. — Когда у тебя дергается лицо, я не туда попадаю иглой.

Он поднял глаза и пристально посмотрел на Джизбеллу. Ее губы дрожали. Внезапно она открыла сумочку и достала две банкноты по пятьсот кредиток.

— Мы подождем снаружи.

В приемной она потеряла сознание. Куатт подтащил ее к креслу и разыскал сестру, которая привела ее в чувство нашатырем. Джиз так зарыдала, что Куатт испугался. Он отпустил сестру и ждал, не решаясь подойти, пока рыдания не стихли.

— Черт побери, что происходит?! — потребовал

он. — Что значат эти деньги?

— Это кровавые деньги.

— За что?

— Не хочу говорить об этом.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

— Могу я тебе помочь?

— Нет.

Наступило молчание. Потом Джизбелла произнесла усталым голосом:

— Ты согласен на предложение Гулли?

— Я? Нет. Пустой номер.

— На «Номаде» должно быть что-то ценное. Иначе Дагенхем не преследовал бы Гулли.

— Я все равно пас. А ты?

— Тоже. Не желаю больше иметь ничего общего с Гулли Фойлом.

Снова наступило молчание. Потом Куатт спросил:

— Значит, я возвращаюсь домой?

— Тебе несладко пришлось, да, Сэм?

— Я тысячу раз думал, что вот-вот сдохну, нянчась с этим тигром.

— Прости, Сэм.

— Я бросил тебя, когда ты попала в беду в Мемфисе.

— Это было только естественно.

— Мы всегда делаем то, что естественно, хотя иногда не следовало бы.

— Я знаю, Сэм. Знаю.

— А потом проводишь остаток дней, пытаясь отквитаться… Пожалуй, я счастлив, Джиз. Сегодня ночью я сумел отдать долг. Могу я теперь вернуться домой?

— Назад в Йобург, к спокойной жизни?

— Да.

— Не оставляй меня одну, Сэм. Я стыжусь себя.

— Почему?

— Жестокость к глупым животным.

— Ч то это значит?

— Не обращай внимания. Побудь со мной немного. Расскажи мне о счастливой жизни. Что такое счастье?

— Ну, — задумчиво произнес Куатт, — это иметь все, о чем мечтал в детстве. Если в пятьдесят у тебя есть все, о чем мечтал в пятнадцать, это счастье. А мечтал я…

И Куатт описывал символы, цели и разочарования своего детства, пока из операционной не вышел Бэйкер.

— Ну, как? — нетерпеливо спросила Джизбелла.

— Все. С наркозом я мог работать быстрее. Сейчас его бинтуют.

— Он ослаб?

— Разумеется.

— Когда снимут бинты?

— Через пять-шесть дней.

— Лицо будет чистым?

— Я полагал, тебя не интересует его лицо, дорогая… Оно должно быть чистым. Не думаю, что я пропустил хоть пятнышко. Можешь восхищаться моим мастерством, Джизбелла… и моей проницательностью. Я собираюсь поддержать затею Фойла.

— Что?! — Куатт рассмеялся. — Ты так рискуешь, Бэйкер? Я считал тебя умнее.

— Не сомневайся. Под наркозом он заговорил… На борту «Номада» — двадцать миллионов в платиновых слитках.

— Двадцать миллионов!

Лицо Куатта побагровело. Он повернулся к Джизбелле, но та тоже была в ярости.

— Не смотри на меня, Сэм. Я не знала. Он и мне не сказал. Клялся, что понятия не имеет, почему Дагенхем его преследует… Я убью его. Я растерзаю его своими собственными руками и не оставлю ничего, кроме черной гнили. Он будет экспона-

том твоего зверинца, Бэйкер. О господи, почему я сразу не позволила тебе…

Дверь операционной открылась, и две сестры выкатили носилки, на которых, слегка подергиваясь, лежат Фойл. Голова его была одним сплошным кулем.

— Он в сознании? — спросил Куатт.

— Этим займусь я, — вспыхнула Джизбелла. — Я буду говорить с этим… Фойл!

Фойл слабо отозвался сквозь марлевую повязку. Когда Джизбелла в бешенстве втянула воздух, одна стена госпиталя вдруг исчезла, и оглушающий взрыв повалил их с ног. Здание зашаталось. В образовавшийся проем хлынули люди в форме.

— Рейд! — выдохнул Бэйкер. — Рейд!

— Боже всемогущий! — Куатт задрожал.

Солдаты заполнили здание, крича:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Со слабым хлопком исчез Бэйкер. Бросив носилки, джантировал обслуживающий персонал. Фойл хныкал, немощно шевеля руками и ногами.

— Это рейд! — Куатт встряхнул Джизбеллу. — Беги, девонька, беги!

— Мы не можем оставить Фойла! — крикнула Джизбелла.

— Очнись, девонька! Беги!

— Мы не можем его бросить.

Джизбелла схватила носилки и помчалась с ними по коридору. Куатт тяжело бежал рядом. Крики стали громче:

— Фойл! Фойл! Фойл!

— Оставь его, ради бога! — молил Куатт. — Пускай он достанется им.

— Нет.

— Ты знаешь, что это для нас?.. Лоботомия, Джиз!

— Мы не можем бросить его.

Они завернули за угол и врезались в толпу вопящих пациентов — людей-птиц с трепещущими крыльями, тащившихся подобно тюленям русалок, гермафродитов, гигантов, пигмеев, двухголовых близнецов, кентавров и мяукающих сфинксов. Все они в ужасе выли и цеплялись за Джизбеллу и Куатта.

— Снимай его с носилок! — закричала Джизбелла.

Куатт сдернул Фойла с носилок. Тот оказался на ногах и медленно повалился. Джизбелла и Куатт подхватили его за руки и втащили в палату, где Бэйкер содержал уродов с ускоренным чувством времени, подобно летучим мышам мечущихся

по комнате и подобно летучим мышам испускающих пронзительные визги.

— Сэм, джантируй с ним.

— После того, как он собирался надуть нас?

— Мы не можем бросить его, Сэм. Ты должен был бы уже понять. Джантируй с ним. Быстрее!

Джизбелла помогла Куатту взвалить Фойла на плечо. Воздух дрожал от душераздирающего визга уродцев. Двери палаты настежь распахнулись. Залязгали пневматические винтовки. Куатта швырнуло в стену, он охнул и выронил Фойла. На виске появился иссине-черный подтек.

— Убирайся отсюда, — прохрипел Куатт. — Со мной покончено.

— Сэм!

— Со мной покончено. Я не могу джантировать. Спасайся!

Превозмогая боль, Куатт выпрямился и с ревом бросился на хлынувших в палату солдат. Джизбелла схватила Фойла за руку и поволокла через заднюю дверь, через кладовую, через клинику, через приемную, вниз по древним ступеням — шатким, скрипучим, поднимающим клубы пыли. Она протащила Фойла через подвальный склад продовольствия, наткнулась на забитую деревянную дверь и вышибла ее. Они спустились

по выщербленным ступенькам и очутились в старом угольном подвале. Взрывы и крики над головой звучали тише. Скатившись по спускному желобу, Джизбелла и Фойл оказались у задней стены Фабрики Уродов. Перед ними расстилалось ракетное поле. Пока они переводили дыхание, Джизбелла проследила взглядом за садящимся по антигравитационному лучу грузовым кораблем. Его иллюминаторы сверкали, опознавательные огни перемигивались, как зловещая неоновая вывеска, выхватывая из тьмы заднюю стену госпиталя.

С крыши здания сорвалась фигура. То был отчаянный прыжок Сэма Куатта, надеющегося долететь до ближайшей шахты, где антигравитационный луч мог бы подхватить его и смягчить падение. Он рассчитал идеально и в семидесяти футах над землей пролетел над шахтой. Луч был выключен. Сэм упал на бетон и разбился.

Джизбелла сдавленно вскрикнула. Все еще машинально держа Фойла за руку, она подбежала к телу Куатта. Там она выпустила Фойла и нежно коснулась головы Сэма. Ее пальцы обагрились кровью. Фойл вцепился в свою повязку и проделал дыры перед глазами. Он что-то бормотал, прислушиваясь к рыданиям Джизбеллы и доно-

сящимся крикам. Его руки слепо ощупали тело Куатта, потом он поднялся и потянул Джизбеллу.

— Надо идти, — прокаркал он. — Надо убираться. Нас заметили.

Джизбелла не шевельнулась. Фойл напряг силы и поднял ее на ноги.

— Таймс-сквер, — бормотал он. — Джантируй, Джиз! Таймс-сквер. Джантируй!

Вокруг них возникли фигуры в форме. Фойл дернул Джизбеллу за руку и джантировал на Таймс-сквер. Тысячи джантеров изумленно уставились на огромного человека с перебинтованной головой. Фойл до боли всматривался сквозь бинты. Джизбелла могла быть где угодно. Он закричал.

— Монток, Джиз! Монток!

Фойл джантировал с последней вспышкой энергии и молитвой. В лицо ударил холодный северный ветер, швырнув горсть колючих ледяных крошек. На площадке виднелась еще одна фигура. Фойл на неверных ногах заковылял через снег и ветер. Это была Джизбелла, замерзшая и оцепеневшая.

— Слава богу, — пробормотал Фойл. — Слава богу. Где Сэм держит свой «Уик-энд»? — Он встряхнул Джизбеллу. — Где Сэм держит свой

«Уик-энд»?

— Сэм мертв.

— Где он держит свой корабль?

— Сэм отошел от дел. Теперь его не напугаешь.

— Где корабль, Джиз?

— Там, за маяком.

— Идем.

— Куда?

— К кораблю Сэма. — Фойл взмахнул рукой перед глазами Джизбеллы; связка мерцающих ключей лежала в его ладони. — Идем.

— Он дал тебе ключи?

— Я снял их с тела.

— Вампир! — Она засмеялась. — Лжец… Вор… Тигр… Вампир… Мразь… Стервятник… Гулли Фойл.

И все же она пошла вслед за ним через буран к маяку.

Трем акробатам в напудренных париках, четырем огненно-красным женщинам, обвитым питонами, младенцу с золотыми кудрями и циничным ртом и инвалиду с пустотелой стеклянной ногой, в которой плавала золотая рыбка, Саул Дагенхем сказал:

— Все, операция закончена. Отзовите остальных.

Статисты джантировали и исчезли. Регис Шеффилд протер глаза и спросил:

— Что значит это помешательство, Дагенхем?

— Юрист сбит с толку, не так ли? Это часть нашей операции ВФБК. Веселье, фантазия, беспорядок, катастрофа. — Дагенхем повернулся к Престейну и улыбнулся своей улыбкой мертвой головы. — Я могу вернуть вашу плату, если угодно, Престейн.

— Вы выходите из игры?

— Нет. Я получаю колоссальное удовольствие. Я готов работать бесплатно. Мне никогда не доводилось сталкиваться с человеком такого масштаба. Фойл уникален.

— То есть? — резко потребовал Шеффилд.

— Я устроил ему побег из Жофре Мартель. Он бежал, да, но не так, как я предполагал. Я пытался спасти его от лап полиции беспорядком и катастрофами; он ушел от полиции, но не так, как я рассчитывал… по-своему. Я пытался вырвать его из лап Разведки весельем и фантазией. Он ушел… и опять по-своему. Я хотел заманить его на корабль, чтобы он сделал бросок на «Номад». Он не поддался на уловку, но достал корабль. И сейчас летит.

— А вы следом.

— Разумеется. — В голосе Дагенхема появилось сомнение. — Но что он делал на Фабрике Бэйкера?

— Пластическая операция? — предположил Шеффилд. — Новое лицо?

— Не может быть. Бэйкер недурной хирург, но он не мог сделать пластическую операцию так быстро. Фойл был на ногах с забинтованной головой.

— Татуировка, — сказал Престейн.

Дагенхем кивнул, и улыбка сошла с его губ.

— Вот что меня беспокоит. Вы понимаете, Престейн, что если Бэйкер свел татуировку, мы не узнаем Фойла?

— Мой дорогой Дагенхем, лицо-то не изменилось.

— Мы никогда не видели его лица. Мы видели только маску.

— Я вообще не встречался с ним, — заметил Шеффилд. — На что похожа эта маска?

— На тигра. Я дважды беседовал с Фойлом и должен был бы запомнить его лицо наизусть — но не запомнил. Я знаю только татуировку.

— Нелепо, — резко бросил Шеффилд.

— Нет. Чтобы поверить, Фойла надо видеть. Однако это уже не имеет значения. Он приведет

нас к «Номаду», к вашим сокровищам и ПирЕ, Престейн. Я почти жалею, что все кончено. Я говорил, что получаю огромное удовольствие. Он воистину уникален.

Глава 7

«Уик-энд на Сатурне» — корабль на четверых. Для двоих он более чем просторен; но только не для Фойла и Джиз Маккуин. Фойл спал в рубке, Джиз держалась своей каюты.

На седьмой день Джизбелла заговорила с Фойлом во второй раз.

— Пора снимать повязку, Чудовище.

Фойл покинул камбуз, где угрюмо варил кофе, и вплыл за Джизбсллой в ванную. Джизбелла открыла капсулу с эфиром и начала промокать и снимать бинты напряженными ненавидящими руками. Медленно сходили слои прозрачного газового полотна. Фойл мучился в агонии подозрительности.

— Ты думаешь, у Бэйкера все получилось?

Молчание.

— Он ничего не мог пропустить?

Снимаются бинты.

— Болеть перестало два дня назад.

Молчание.

— Ради всего святого, Джиз! Между нами еще война?

Руки Джизбеллы замерли. Она с ненавистью смотрела на забинтованное лицо.

— Как ты думаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— Да.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Объясни.

— Заткнись.

— Если между нами война, зачем ты пошла со мной?

— За тем, что причитается Сэму и мне.

— Деньги?

— Заткнись.

— Это было не обязательно. Ты можешь мне доверять.

— Доверять? Тебе?

Джизбелла мрачно засмеялась, продолжая снимать повязку. Фойл грубо отмахнулся от ее рук.

— Я сам.

Она наотмашь ударила его по забинтованному лицу.

— Ты будешь делать то, что говорю тебе я. Спо-

койно, Чудовище!

Последний стой бинта упал с глаз Фойла. Огромные и темные, они пристально смотрели на Джизбеллу. Веки были чистыми; переносица была чистой. Последний слой бинта сошел с подбородка. Подбородок был иссиия-черный. Фойл, жадно наблюдавший в зеркало, хрипло вздохнул.

— Он пропустил подбородок! Бэйкер…

— Заткнись, — бросила Джиз. — Это борода.

Лоб был чист. Щеки под глазами были чисты. Все остальное было покрыто черной семидневной щетиной.

— Побрейся, — приказала Джиз.

Фойл пустил воду, смочил лицо, втер мазь и смыл бороду. Потом он подался к зеркалу и внимательно рассмотрел себя, не замечая, что его голова едва не касается головы Джиз, тоже наклонившейся вперед. От татуировки не осталось и следа. Оба вздохнули.

— Чистое, — прошептал Фойл. — Чистое. — Внезапно он еще ближе придвинул лицо к зеркалу и с удивлением изучил себя. Лицо показалось ему незнакомым. — Я изменился. Не помню, чтобы я так выглядел. Мне сделали пластическую операцию?

— Нет, — сказала Джизбелла. — Твоя душа изменила его. Ты видишь вампира; вампира, лжеца и обманщика.

— Ради бога! Прекрати! Оставь меня в покое!

— Вампир, — повторила Джизбелла, глядя в лицо Фойла широко раскрытыми горящими глазами. — Лжец. Обманщик.

Он схватил ее за плечи и пихнул в кают-компанию. Она поплыла по коридору, ударилась о поручень и закрутилась.

— Вампир! Лжец! Обманщик! Вампир! Зверь!

Фойл догнал ее. Снова схватил и яростно встряхнул. Огненно-красные волосы Джизбеллы разметались и всплыли русалочьими косами. Выражение отчаянной ненависти превратило ярость Фойла в страсть. Он обнял ее и зарыл свое новое лицо на ее фуди.

— Лжец, — прошептала Джиз. — Животное…

— О, Джиз…

— Свет, — выдохнула Джизбелла.

Фойл нащупал сзади выключатель, и «Уик-энд на Сатурне» продолжал полет к астероидам с темными иллюминаторами…

Они плавали в каюте, нежась, переговариваясь, ласково касаясь друг друга.

— Бедный Гулли, — шептала Джизбелла. — Бед-

ный мой милый Гулли.

— Не бедный, — возразил он. — Богатый… скоро.

— Да, богатый и пустой. У тебя же ничего нет внутри, Гулли, милый… Ничего, кроме ненависти и жажды мести.

— Этого достаточно.

— Сейчас достаточно. А потом?

— Потом? Будет видно.

— Смотря что у тебя внутри, Гулли, смотря чем ты обладаешь.

— Нет, смотря от чего я смогу избавиться.

— Гулли… почему ты обманул меня в Жофре Мартель? Почему не сказал о сокровище на «Номаде»?

— Я не мог.

— Ты мне не доверял?

— Не то. Просто не мог. Что-то глубоко внутри… то, от чего мне необходимо избавиться.

— Снова контроль, а, Гулли? Ты одержим.

— Да, одержим. Я не могу обучиться самообладанию, Джиз. Хочу, но не могу.

— Азы пытаешься?

— Да. Видит бог, да. Но вдруг что-то происходит, и…

— И тогда ты срываешься. «Мерзкий, извра-

щенный, отвратительный негодяй. Зверь. Хуже зверя».

— Что это?

— Один человек по имени Шекспир написал. Это ты, Гулли… когда теряешь контроль.

— Если бы я мог носить тебя в кармане, Джиз… предупреждать меня… колоть меня булавкой…

— Никто это за тебя не сделает, Гулли. Ты должен научиться сам.

Фойл помолчал, затем проговорил неуверенно:

— Джиз… насчет этих денег…

— К черту деньги.

— Могу я не делиться?

— Ох, Гулли…

— Нет… не то что я жадничаю. Если бы не «Ворга», я бы дал тебе все, что ты хочешь. Все! Я отдам тебе каждый цент, когда закончу. Но я боюсь, Джиз. «Ворга» — крепкий орешек… Престейн, и Дагенхем, и их адвокат, Шеффилд… Я должен экономить каждый грош, Джиз. Я боюсь, что если я дам тебе хоть одну кредитку, то именно ее мне не хватит на «Воргу». — Он замолчал. — Ну?

— Ты одержим, — устало произнесла она. — Ты совершенно одержим.

— Нет.

— Да, Гулли. Какая-то малая часть твоя занима-

ется любовью, но остальное живет «Воргой».

В этот момент неожиданно и пронзительно зазвенел радар.

— Прибыли, — выдохнул Фойл; вновь напряженный, вновь одержимый. Он рванулся в контрольную рубку.

Фойл налетел на астероид с необузданной свирепостью вандала. Корабль резко затормозил, выплевывая пламя из носовых дюз, и лег на орбиту вокруг кучи хлама, вихрем проносясь мимо большого люка, из которого Джозеф и его братья выходили на сбор космических обломков, мимо кратера, вырванного Фойлом из бока астероида во время отчаянного броска на Землю. Они прошли над окнами парника и увидели сотни запрокинутых лиц, мелких белых бликов, испещренных татуировкой.

— Значит, они спаслись, — пробормотал Фойл. — Они ушли в глубь астероида… пока ремонтируют остальное.

— Ты поможешь им, Гулли?

— Зачем?

— По твоей вине они чуть не погибли.

— Пускай проваливают к черту. У меня своих хлопот полно. Но я рад. По крайней мере не будут мешать.

Он сделал еще один круг над астероидом и подвел корабль к кратеру.

— Начнем отсюда. Надевай скафандр, Джиз. Пойдем. Пойдем!

Он гнал ее, сжигаемый нетерпением; он гнал себя. Они залезли в скафандры, вышли из корабля и стали продираться сквозь дебри кратера в холодные внутренности астероида, извиваться и протискиваться в узкие извилистые ходы, словно пробуравленные гигантскими червями. Фойл включил микроволновый передатчик и обратился к Джиз:

— Осторожнее, не потеряйся. Держись ближе ко мне.

— Куда мы идем, Гулли?

— К «Номаду». Помню, что они вцементировали его в астероид. Не знаю где. Надо искать.

Их продвижение было бесшумным в безвоздушных проходах, но звук передавался по скалам и стальным каркасам. Однажды они остановились перевести дыхание у изъеденного корпуса древнего крейсера и, прислонившись к нему, почувствовали ритмичный стук.

Фойл улыбнулся.

— Джозеф и Ученый Люд. Просят на пару слов. Уйдем от ответа. — Он дважды стукнул по корпу-

су. — А теперь личное послание моей жене. — Его лицо потемнело. Он яростно ударил по металлу и повернулся. — Идем.

Но сигналы преследовали их постоянно. Было очевидно, что наружная часть астероида брошена, племя оттянулось в центр. Неожиданно в проходе из покореженного алюминия открылся люк, блеснул свет, и в чудовищном старом костюме появился Джозеф. Он стоял с моляще воздетыми руками, шевеля дьявольским ртом, гримасничая дьявольским лицом.

Фойл, заворожено не отрывая глаз от старика, сделал шаг вперед, потом остановился, судорожно сжимая кулаки и беззвучно сглатывая. И Джизбелла, посмотрев на Фойла, в ужасе закричала, потому что старая татуировка выступила на его лице, кроваво-красная на мертвенно-бледной коже, уже алая, а не черная, настоящая тигриная маска.

— Гулли! Боже мой! Твое лицо!

Фойл не сводил глаз с Джозефа. Тот делал молящие жесты, отчаянно размахивал руками, предлагая войта внутрь астероида, потом исчез. Только тогда Фойл повернулся к Джизбелле.

— Что? Что ты сказала?

Через прозрачный шлем скафандра она отчет-

ливо видела его лицо. По мере того, как утихала ярость, татуировка бледнела и наконец совсем пропала.

— Твое лицо, Гулли. Я знаю, что случилось с твоим лицом.

— О чем ты?

— Тебе хотелось иметь при себе контролера, Гулли? Так ты его получил. Твое лицо. Оно… — Джизбелла истерически засмеялась. — Теперь тебе придется научиться самоконтролю, Гулли. Ты никогда не сможешь дать волю эмоциям… чувствам… потому что…

Но Фойл смотрел мимо нее и внезапно с диким криком сорвался с места. Он резко остановился перед открытым люком и восторженно завопил, потрясая руками. Люк вел в инструментальный шкаф размером четыре на четыре на девять. В этом гробу Фойл жил на борту «Номада».

Корабль был практически не тронут. Фойл схватил Джизбеллу за руки и потащил по палубам. Наконец они добрались до каюты капитана. И там, разбросав обломки и сорвав обшивку, Фойл нашел массивный стальной сейф, тусклый и неприступный.

— У нас есть выбор, — пробормотал он. — Выдрать сейф из корпуса и отвезти на Землю или

открыть здесь. Я за второе. Дагенхем мог лгать. Смотря какие инструменты держит Сэм на корабле. Пошли назад, Джиз.

Он так и не заметил ее молчания и отвлеченного вида, пока не перерыл весь корабль в поисках инструментов.

— Ничего! — в отчаянии воскликнул он. — На борту нет даже молотка или дрели. Абсолютно ничего, кроме открывалок!

Джизбелла молчала, не сводя глаз с его лица.

— Ты чего так на меня уставилась? — раздраженно спросил Фойл.

— Я зачарована, — медленно произнесла она.

— Чем?

— Я тебе кое-что покажу, Гулли.

— Что?

— Свое презрение.

Джизбелла трижды ударила его. Ошеломленный пощечинами, Фойл яростно сверкнул глазами. Джизбелла взяла зеркальце и поднесла к нему.

— Взгляни на себя, Гулли, — сказала она спокойно. — Посмотри на свое лицо.

Он посмотрел. Он увидел налившуюся кровью татуировку, пылавшую под кожей и превращавшую лицо в ало-белую тигриную маску. Его так

заворожило ужасное зрелище, что ярость сразу же улеглась, и одновременно исчезла маска.

— Боже мой, — прошептал Фойл. — О боже мой… Что это значит, Джиз? Бэйкер запорол работу?

— Не думаю. У тебя остались шрамы под кожей, Гулли… от татуировки и от операции. Иголочные шрамы. Они не видны обычно, но стоит тебе потерять самообладание, дать волю чувствам, как они наливаются кровью… когда тебя охватывает страх, бешенство, ярость… Ты понимаешь?

Он покачал головой, все еще изучая свое лицо, пораженно ощупывая его.

— Ты хотел носить меня в кармане, чтобы я колола тебя булавками, когда ты выходишь из себя… У тебя есть теперь кое-что лучше этого, Гулли, или хуже, бедный мой милый. У тебя есть твое лицо.

— Нет! — закричал он. — Нет!

— Тебе никогда нельзя терять контроль, Гулли. Ты никогда не сможешь слишком много нить, слишком яростно ненавидеть, слишком сильно любить… Ты должен держать себя в железных тисках.

— Нет! — отчаянно настаивал он. — Все можно изменить. Бэйкер сможет или кто-нибудь другой.

Я не хочу отказываться от чувств из боязни, что превращусь в чудовище!

— Думаю, ничего нельзя сделать, Гулли.

— Пересадка кожи.

— Шрамы чересчур глубоки. Ты никогда не сможешь избавиться от своего клейма, Гулли. Тебе придется научиться жить с ним.

С внезапной вспышкой ярости Фойл отшвырнул зеркало, и кроваво-красная маска вновь зардела под кожей. Он бросился в тамбур и стал судорожно напяливать скафандр.

— Гулли! Куда ты? Что ты собираешься делать?

— Достать инструменты! — выкрикнул он. — Инструменты для проклятого сейфа.

— Где?

— В астероиде. У них там десятки складов, набитых инструментами с кораблей. Там должно быть все, что мне нужно. Не ходи со мной. Могут возникнуть осложнения. Как теперь мое личико? Дает о себе знать? О господи, ниспошли мне испытание!

Фойл нашел ход в обитаемую зону и заколотил по двери. Он ждал, и снова колотил, и продолжал свой повелительный вызов, пока люк не открылся. Из него высунулись руки и втянули Фойла внутрь; люк захлопнулся.

Фойл моргнул и оскалился, глядя на Джозефа и сгрудившихся невинных братьев с чудовищно разрисованными лицами. И понял: его лицо сейчас ярко пылает, потому что Джозеф неожиданно отпрянул, и кошмарный дьявольский рот по слогам прочитал «НОМАД».

Фойл пошел сквозь толпу, грубо расталкивая всех в стороны, и сокрушительно ударил Джозефа кулаком. Он бродил по жилым коридорам, смутно припоминая их, пока наконец не нашел склад: полупещеру, полукамеру, где хранились инструменты.

Он рылся, отбрасывая ненужное, отбирая дрели, алмазные сверла, кислоты, головые шашки, запалы. В медленно вращавшемся астероиде общий вес набранного не превышал ста фунтов. Он наспех перевязал все кабелем и вышел из склада.

Джозеф и братия поджидали его и набросились, как блохи на волка.

Фойл жестоко бил их, расшвыривал и топтал — безжалостно, свирепо, упоенно. Скафандр защищал его от ударов. И он неумолимо шествовал по коридорам, ища люк, ведущий в пустоту.

В шлемофоне раздался голос Джизбеллы, слабый и тревожный.

— Гулли, слышишь меня? Это Джиз. Гулли, слушай.

— Ну?

— Две минуты назад появился чужой корабль. Он по другую сторону от астероида.

— Что?!

— Весь расписан желтым и черным, как шершень.

— Цвета Дагенхема!

— Значит, нас выследили.

— Как же иначе? Дагенхем, очевидно, следил за мной с тех пор, как мы вырвались из Жофре Мартель. Я просто болван, что не подумал об этом. Как он выследил меня, Джиз? Через тебя?

— Гулли!

— Не обращай внимания. Неудачная шутка. — Он глухо рассмеялся. — Надо спешить, Джиз. Надевай скафандр и беги на «Номад», к сейфу. Иди, девочка.

— Но…

— Все, они могут прослушивать нашу волну. Иди!

Фойл проложил себе путь через астероид, прорвался сквозь заслон у запертого люка, разбил его и вышел в пустоту внешних переходов. Ученый Люд временно отложил погоню, чтобы закрыть

люк; однако они не собирались оставлять его в покое.

Джизбелла ждала у сейфа. Она сделала движение к рации, но Фойл приложил свой шлем к ее и прокричал:

— Никакого радио! Запеленгуют! Ты ведь слышишь меня?

Она кивнула.

— Хорошо. У нас есть, может быть, час, пока нас не найдет Дагенхем и его братия. Мы попали в дьявольский переплет. Надо пошевеливаться.

Она снова кивнула.

— Сейф вскрывать некогда… а потом еще перетаскивать слитки.

— Если они там.

— Дагенхем здесь, не так ли? Вот лучшее доказательство. Нам придется вырубить сейф и целиком перетащить его на «Уикэнд». Потом — вперед.

— Но…

— Слушай и делай, что я велю. Возвращайся на корабль и выброси все лишнее. Все, без чего можно обойтись… все запасы, кроме НЗ.

— Почему?

— Потому что я не знаю, сколько тонн в этом сейфе. Наша яхточка когда-нибудь вернется на Землю, и мы не можем позволить себе рисковать.

Очисти корабль. Быстро! Иди, девочка, иди!

Фойл отбросил Джизбеллу в сторону и, больше не взглянув в ее направлении, накинулся на сейф. Он был встроен в корпус, массивный стальной шар четырех футов в диаметре, приваренный к каркасу «Номада» в двенадцати местах. И каждый стык Фойл поочередно атаковал кислотами, дрелью и термитом. Он следовал теории напряжения… нагреть, охладить и травить сталь до разрушения ее кристаллической решетки. Он брал металл на усталость.

Вернулась Джизбелла, и Фойл понял, что прошло сорок пять минут. Он весь взмок, руки его дрожали, но массивный глобус сейфа все же отделился от корпуса, растопырив двенадцать вывороченных ребер. Фойл судорожно махнул Джиз; и хотя они вместе налегли на шар, им не удалось стронуть сто с места. Когда они в изнеможении отвалились, черная тень закрыла на миг солнечный свет, льющийся через дыры в корпусе «Номада».

Фойл прижал шлем к Джизбелле:

— Дагенхем. Наверное, уже выпустил поисковую группу. Как только они поговорят с Джозефом, нам каюк.

— Ох, Гулли…

— У нас есть шанс — если не сразу заметят «Уик-экнд». еще хотя бы пару витков, и мы успеем перетащить сейф на борт…

— Как?

— Я не знаю, черт подери! Я не знаю. — Он яростно ударил кулаком по стене. — Конец.

— А не попробовать ли взрывом?

— Взрывом?.. Что — бомбы вместо мозгов? Ты ли это?

— Послушай. Взрыв вместо реактивного двигателя… он подтолкнет.

— Понял. А что потом? Одними взрывами не поможешь. Нет времени.

— А мы приведем корабль.

— Что?

— Взрывом выталкиваем сейф в космос. Затем подводим корабль, и пускай этот гроб падает в грузовой люк. Все равно что ловить шляпой шарик. Понимаешь?

— Господи… Джиз, годится! — Фойл прыгнул к инструментам и стал выбирать динамитные шашки и запалы. — Придется использовать радио. Один из нас останется с сейфом, другой поведет корабль.

— Ты лучше веди. А я буду направлять.

Он кивнул, уже прикрепляя взрывчатку.

— Вакуумные запалы, Джиз; рассчитаны на две минуты. По моей команде срывай колпачок и убирайся подальше. Ясно?

— Ясно.

— Как только ловим сейф, сразу лезь за ним. Не зевай. Времени в обрез.

Фойл хлопнул ее по плечу и вернулся на «Уик-экнд». И наружный, и внутренний люки он оставил открытыми; лишившись воздуха, корабль выглядел заброшенным и чужим.

Фойл сразу сел за пульт и включил радио.

— Начинаем, — пробормотал он. — Я иду.

«Уик-энд» поднялся легко и свободно, расталкивая хлам, как всплывающий кит. И тут же Фойл крикнул:

— Динамит, Джиз!

Вспышки не было; новый кратер открылся в астероиде, и распускающимся цветком брызнули в стороны обломки, сразу опередив лениво вращающийся тусклый шар.

— Спокойней. — Голос Джизбеллы звучал холодно и уверенно. — Ты подходишь слишком быстро. И, между прочим, нас накрыли.

Фойл затормозил, тревожно глядя вниз. Поверхность астероида облепил рой шершней. То была команда Дагенхема в желто-черных полосатых

скафандрах. Они кружили вокруг одинокой белой фигурки.

— Не волнуйся. — Джиз говорила спокойно, но он слышал, как тяжело она дышит… — Еще немного… Сделай четверть оборота…

Фойл повиновался почти автоматически, продолжая наблюдать за борьбой внизу. Корма яхты закрыла сейф, но он все еще видел людей Дагенхема и Джизбеллу. Она включила ранцевый двигатель… крохотный язычок пламени вырвался из ее спины… она снова сумела увернуться.

Тут же вспыхнули огни людей Дагенхема. С десяток бросили преследование Джизбеллы и ринулись на «Уик-энд».

— Держись, Гулли. — Джизбелла судорожно втягивала воздух, но голос звучал уверенно. — Сейчас должен выйти корабль Дагенхема… Так, хорошо… Секунд через десять…

Шершни сомкнулись и поглотили маленький белый скафандр.

— Фойл! Ты слышишь меня, Фойл? — Голос Дагенхема сперва еле пробивался через шум, потом вдруг прозвучал в шлемофоне ясно и отчетливо. — Это Дагенхем говорит на вашей волне. Сдавайся, Фойл!

— Джиз! Джиз! Ты можешь вырваться?

— Так держать, Гулли… Ну, идет!!

Корабль содрогнулся, когда медленно кувыркающийся сейф ударил в главный люк. И в тот же миг белая фигурка выскочила из густого роя и, оставляя огненный хвост, преследуемая буквально по пятам, помчалась к яхте.

— Давай, Джиз! Давай!!! — взвыл Фойл. — Скорей, девочка, скорей!

Джизбелла скрылась из виду за кормой корабля, и Фойл приготовился к максимальному ускорению.

— Фойл! Ты ответишь мне? Говорит Дагенхем.

— Убирайся к черту, Дагенхем! — закричал Фойл. — Скажи мне, когда будешь на корабле, Джиз, и держись.

— Я не могу попасть, Гулли.

— Ну давай же, девочка!

— Я не могу попасть на корабль. Сейф закрыл проход. Нет никакой щели…

— Джиз!

— Говорю тебе, не могу!! — в отчаянии выкрикнула она.

Фойл дико озирался. Люди Дагенхема карабкались по корпусу «Уик-энда» с грозной сноровкой профессиональных пиратов. Над низким горизонтом астероида поднимался корабль Дагенхема. У

Фойла закружилась голова.

— Фойл, тебе конец. Тебе и девушке. Но я предлагаю сделку…

— Гулли, помоги мне! Сделай что-нибудь, Гулли! Спаси!.. Я погибла!

— Ворга, — озверело выдавил Фойл. Он закрыл глаза и опустил руки на пульт. Взревели кормовые двигатели. «Уикэнд» содрогнулся и прыгнул вперед. Он оставил позади пиратов Дагенхема, Джизбеллу, угрозы, мольбы. Он безжалостно вдавил Фойла в кресло чудовищным ускорением, ускорением менее жестоким, менее коварным, менее предательским, чем обуявшая его ярость.

И на лице одержимого взошло кровавое клеймо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 1

Война смертельным ядом пропитывала планеты. К концу года боевые действия ожесточились. Из романтических приключений и происходящих где-то в глубинах космоса стычек война превратилась в чудовищную бойню. Воюющие стороны медленно, но неумолимо посылали людей и технику на уничтожение. Внешние Спутники объявили всеобщую мобилизацию; Внутренние Планеты, естественно, последовали их примеру. На службу армии были поставлены торговля, промышленность, наука и ремесла. Начались запреты и преследования.

Коммерция повиновалась, потому что эта война (как и все войны) была лишь продолжением политики другими средствами. Но люди возмущались и протестовали; многие джантировали, спасаясь от призыва и принудительных работ. Бродили слухи о шпионах и диверсантах. Паникеры становились Информаторами и Линчевателями. Зловещие предчувствия завладели умами и парализовали жизнь… Конец года

скрашивался лишь прибытием Пятимильного Цирка.

Так называли нелепую свиту Джеффри Формайла с Цереса, молодого повесы с одного из крупнейших астероидов. Формайл был невообразимо богат и невообразимо занятен. Его сопровождение представляло собой абсурдный гибрид передвижного цирка и бродячих комедиантов. Таким он явился в Грин-Бей, штат Висконсин.

Сперва ранним утром прибыл нотариус в высоченном цилиндре, выискал большой луг у озера Мичиган и арендовал его за бешеную цену. За ним последовала орава землемеров, в двадцать минут наметившая лагерь. Заговорили о прибытии Пятимильного Цирка. Из Висконсина, Мичигана и Миннесоты стали собираться зеваки.

На луг джантировали двадцать рабочих, каждый с тюком-палаткой за спиной. Распоряжения, крики, проклятья, истошный вой сжатого воздуха сплелись в единый хор. Двадцать гигантских куполов рванулись вверх, сверкая быстро высыхающей на зимнем солнце радужной пленкой. Толпа наблюдателей одобрительно зашумела.

Над землей повис шестимоторный вертолет. Из его разверзнувшегося брюха полился водопад

мебели. Появились повара, официанты, слуги и камердинеры. Они обставили и украсили шатры. Задымили кухни, и дразнящие ароматы наполнили лагерь. Частная полиция Формайла уже находилась на посту, патрулируя окрестности и отгоняя праздношатающихся.

Затем — самолетами, машинами, автобусами, грузовиками и велосипедами — стала прибывать свита Формайла. Библиотекари и книги, лаборатории и ученые, философы, поэты и спортсмены. Разбили площадку для фехтования, ринг для бокса, уложили маты для дзюдо. Свежевырытый пруд молниеносно заполнили водой из озера. Любопытная перебранка произошла между двумя мускулистыми атлетами — подогреть ли воду для плавания или заморозить для фигурного катания. Прибыли музыканты, актеры, жонглеры и акробаты. Стоял оглушительный гам. Компания механиков в мгновение ока соорудила заправочно-ремонтный пункт и со страшным ревом завела две дюжины дизельных тракторов — личную коллекцию Формайла. Последней появилась обычная лагерная публика: жены, дочери, любовницы, шлюхи, попрошайки, мошенники и жулики. Через пару часов гомон цирка был слышен за пять миль — отсюда и его название.

Ровно в полдень, демонстрируя транспорт столь вопиюще несуразный и крикливый, что рассмеялся бы и закоренелый меланхолик, прибыл Формайл с Переса. Гигантский гидроплан зажужжал с севера и опустился на поверхность озера. Из брюха гидроплана вылезла баржа и поплыла к берегу. Ее борт откинулся, и на середину лагеря выехал большой старый автомобиль.

— Что теперь? Велосипед?

— Нет, самокат…

— Он вылетит на помеле…

Формайл превзошел самые дикие предположения. Над крышей автомобиля показалось жерло цирковой пушки. Раздался грохот; из клубов черного дыма вылетел Формайл с Переса и упал в растянутую сеть у самых дверей своего шатра. Аплодисменты, которыми его приветствовали, были слышны за шесть миль. Формайл взобрался на плечи лакея и взмахом руки потребовал тишины.

— О господи! Оно собирается произносить речь!

— «Оно»? Вы имеете в виду «он»?

— Нет, оно. Это не может быть человеком.

— Друзья, римляне, соотечественники! — проникновенно воззвал Формайл. — Доверьте мне

свои уши. Шекспир, 1564–1616. Проклятье! — Четыре белые голубки выпорхнули из рукава Формайла; он проводил их изумленным взглядом, затем продолжил: — Друзья, приветствия, bonjour, bon ton, bon vivant, bon… Что за черт?! — Карманы Формайла вспыхнули, из них с треском взлетели римские свечи. Он попытался погасить пламя, и отовсюду посыпались конфетти. — Друзья… Молчать! Я все-таки произнесу эту речь! Тихо!.. Друзья!.. — Формайл ошарашенно замер. Его одежда задымилась и стала испаряться, открывая ярко-оранжевое трико. — Клейнман! — яростно взревел он. — Клейнман! Что с вашим чертовым гипнообучением?

Из шатра высунулась лохматая голова.

— Ви училь свой речь, Формайл?

— Будьте уверены. Я училь ее битых два часа. Не отрываясь от проклятого курса… об иллюзионизме.

— Нет, нет, нет! — закричал лохматый. — Сколько раз мне говорить?! Иллюзионизм не есть красноречии! Иллюзионизм есть магия! Dumbkopfl! Ви училь неправильный курс!

Оранжевое трико начало таять. Формайл рухнул с плеч дрожащего слуги и исчез в шатре. Ревела и бушевала толпа. Коптили и дымили

кухни. Кипели страсти. Царил разгул обжорства и пьянства. Гремела музыка. Стоял кавардак. Жизнь неслась на полных парах. Водевиль продолжался.

В шатре Формайл переоделся, задумался, махнул рукой, переоделся, снова передумал, накинулся с тумаками на лакеев и на исковерканном французском потребовал портного. Не успев надеть новый костюм, вспомнил, что не принял ванну, и велел вылить в пруд десять галлонов духов. Тут его осенило поэтическое вдохновение. Он вызвал придворного стихотворца.

— Запишите-ка, — приказал Формайл. — Le roi est mort, les… Погодите. Рифму на «блещет».

— Вещий, — предложил поэт. — Рукоплещет, трепещет…

— Мой опыт! Я забыл про мой опыт! — вскричал Формайл. — Доктор Кресчет! Доктор Кресчет!

Полураздетый, очертя голову, он влетел в лабораторию и сбил с ног доктора Кресчета, придворного химика. Когда химик попытался подняться, оказалось, что его держат весьма болезненной удушающей хваткой.

— Нагучи! — воскликнул Формайл. — Эй, Нагучи! Я изобрел новый захват!

Формайл встал, поднял полузадушенного хи-

мика и джантировал с ним на маты. Инструктор дзюдо, маленький японец, посмотрел на захват и покачал головой.

— Нет, посалуйста, — вежливо просвистел он. — Фссс. Васэ давление на дыхательное горло не есть верно. Фес. Я покасу вам, посалуйста. — Он схватил ошеломленного химика, крутанул его в воздухе и с треском припечатал к мату в позиции вечного самоудавления. — Вы смотрисе, посалуйста, Формайл?

Но Формайл был уже в библиотеке — дубасил библиотекаря толстенной «Das Sexual Leben» Блоха, потому что у несчастного не оказалось трудов по производству вечных двигателей. Он кинулся в физическую лабораторию, где испортил дорогостоящий хронометр, чтобы поэкспериментировать с шестеренками; джантировал в оркестр, схватил там дирижерскую палочку и расстроил игру музыкантов; надел коньки и упал в парфюмированый пруд, откуда был вытащен изрыгающим проклятья по поводу отсутствия льда; затем выразил желание побыть в одиночестве.

— Я хочу пообщаться с собой, — заявил Формайл, щедро наделяя слуг оплеухами. Он захрапел, не успел еще последний из них доковылять

до двери.

Храп прекратился, и Фойл поднялся на ноги.

— На сегодня им хватит. — Он подошел к зеркалу, глубоко вздохнул и задержал дыхание, внимательно наблюдая за своим лицом. По истечении одной минуты оно оставалось чистым. Он продолжал сдерживать дыхание, жестко контролируя пульс и мышечный тонус, сохраняя железное спокойствие. Через две минуты двадцать секунд на лице появилось кроваво-красное клеймо.

Фойл выпустил воздух. Тигриная маска исчезла.

— Лучше, — пробормотал он. — Гораздо лучше. Прав был старый факир — ответ в йоге. Контроль. Пульс, дыхание, желудок, мозг.

Он разделся и осмотрел свое тело. Фойл был в великолепной форме, но на коже от шеи до лодыжек до сих пор виднелась сеть тонких серебристых швов. Как будто кто-то вырезал на теле схему нервной системы. То были следы операции, и они еще не прошли.

Операция обошлась в двести тысяч кредиток — столько заплатил Фойл главному хирургу Марсианской диверсионно-десантной бригады, бригады коммандос, — и превратила его в несрав-

нимую боевую машину. Каждый нервный центр был перестроен, в кости и мускулы вживили микроскопические транзисторы и трансформаторы. К незаметному выходу на спине он подсоединил батарею размером с блоху и включил ее. Во всем его теле начали пульсировать электрические токи.

«Скорее машина, чем человек», — подумал Фойл. Он сменил экстравагантное облачение Формайла с Переса на скромное черное платье и джантировал в одинокое здание среди висконсинских сосен, в квартиру Робин Уэднесбери. То была истинная причина прибытия Пятимильного Цирка в Грин-Бей.

Он джантировал, очутился во тьме и осознал, что падает. «О боже! — промелькнула мысль. — Ошибся?»

Он ударился о торчащий конец разбитой балки и свалился на полуразложившийся труп.

Фойл брезгливо отпрянул, сохраняя ледяное спокойствие, и нажал языком на верхний правый коренник. (Операция, превратившая его тело в электрический аппарат, расположила управление во рту). Тотчас внешний слой клеток сетчатки был возбужден до испускания мягкого света. Он взглянул двумя бледными лучами на

останки человека, поднял глаза вверх и увидел проваленный пол квартиры Робин Уэднесбери.

— Разграблено, — прошептал Фойл. — Здесь все разграблено. Что случилось?

Эпоха джантации сплавила бродяг, попрошаек, бездельников, весь сброд в новый класс. Они кочевали вслед за ночью, с востока на запад, всегда в темноте, всегда в поисках добычи, остатков бедствий, катастроф, в поисках падали. Как стервятники набрасываются на мертвечину, как мухи облепляют гниющие трупы, так они наводняли сгоревшие дома или вскрытые взрывами магазины. Они называли себя джек-джантерами. Это были шакалы.

Фойл вскарабкался в коридор на этаж выше. Там располагались лагерем джек-джантеры. На вертеле жарилась туша теленка. Вокруг огня сидели с дюжину мужчин и три женщины — оборванные, грязные, страшные. Они переговаривались на кошмарном рифмованном сленге шакалов и сосали картофельное пиво из хрустальных бокалов.

Грозное рычание ярости и ужаса встретило появление Фойла, когда он, весь в черном, испуская из бездонных глаз бледные лучи света, спокойно прошел по квартире Робин Уэднесбери. Железное

самообладание, вошедшее в привычку, придавало ему отрешенный вид.

«Если она мертва, — думал он, — мне конец. Без нее я пропал. Если она мертва…»

Квартира Робин, как и весь дом, была буквально выпотрошена. В полу гостиной зияла огромная рваная дыра. На постели в спальне возились женщина и двое мужчин. Женщина закричала. Мужчины взревели и бросились на Фойла. Он отступил назад и нажал языком на верхние резцы. Нервные цепи взвыли, все чувства обострились, все реакции ускорились в пять раз.

В результате окружающий мир мгновенно застыл. Звук превратился в басовитое урчание, цвета сместились по спектру в красную сторону. Двое атакующих плыли с сонной медлительностью. Фойл расплылся в молниеносно двигающееся пятно, увернулся от застывших кулаков, обошел мужчин сзади и по одному швырнул их в дыру. Они медленно опускались вниз, развернутые рты испускали утробное рычание.

Фойл смерчем обернулся к сжавшейся на постели женщине.

— Здбтл? — взвыло расплывчатое пятно.

Женщина завизжала. Фойл снова нажал языком на верхние резцы, и окружающий мир резко

ожил. Звук и цвет скачком вернулись на свои места; тела двух шакалов исчезли в дыре и с грохотом упали на пол этажом ниже.

— Здесь было тело? — мягко спросил Фойл. — Тело молодой негритянки?

Женщина была невменяема. Он схватил ее за волосы и встряхнул, а затем кинул в дыру. В это время из коридора появилась толпа с факелами и импровизированным оружием. Джек-джантеры не были профессиональными убийцами. Они всего лишь мучили беззащитные жертвы до смерти.

— Не досаждайте мне, — тихо предупредил Фойл, роясь в груде мебели и одежды в поисках ключа к судьбе Робин.

Толпа подвинулась ближе, подстрекаемая головорезом в норковом манто и воодушевляемая доносящимися снизу проклятьями. Предводитель швырнул в Фойла факел. Фойл снова ускорился, и джек-джантеры превратились в живые статуи. Фойл взял ножку стула и спокойно стал избивать едва двигающиеся фигуры, повалил бандита в норке и прижал его к полу. Потом нажал на верхние зубы. Мир ожил. Шакалы попадали, их предводитель заревел.

— Здесь было тело, — с окаменевшей улыбкой

проговорил Фойл. — Тело негритянки. Высокой. Красивой.

Бандит корчился и извивался, пытаясь дотянуться до глаз Фойла.

— Я знаю, что вы обращаете на это внимание, — терпеливо продолжал Фойл. — Некоторым из вас мертвые девушки нравятся больше живых. Здесь было тело?

Не получив удовлетворительного ответа, он схватил пылающий факел и поджег норковое манто. Потом поднялся и стал наблюдать с отрешенным интересом. Бандит с воем вскочил, споткнулся у края дыры и, охваченный пламенем, полетел в темноту.

— Так было тело? — проводив его взглядом, тихо спросил Фойл и покачал головой над ответом. — Не очень искусно, — пробормотал он. — Надо уметь извлекать информацию. Дагенхем мог бы кое-чему меня научить.

Фойл джантировал и появился в Грин-Бей, так явственно воняя палеными волосами и обугленной кожей, что ему пришлось зайти в местный магазин Престейна (камни, украшения, косметика, парфюмерия) за дезодорантом. Но местный мистер Престо, очевидно, лицезрел прибытие Пятимильного Цирка и узнал его. Мгновенно

Фойл сбросил отрешенное спокойствие и превратился в эксцентричного Формайла с Цереса. Он паясничал и кривлялся, скакал и гримасничал, купил десятиунцевый флакон «Euge N 5» по сто кредиток за унцию и опрокинул его на себя, к вящему удовольствию мистера Престо.

Старший клерк в Архиве ничего не знал и был упрям и несговорчив.

— Нет, сэр. Документы Архива не разрешается просматривать без надлежащего ордера. Это Мое Последнее Слово.

Фойл посмотрел на него остро, но беззлобно. Астеничный тип, определил он, худой, немощный. Эгоист. Недалек. Педантичен, сух. Неподкупен — слишком сдержан и нетерпим. Но это брешь в его броне.

Через час в Архиве появились шесть лиц женского пола, щедро наделенных пороками. Через два часа, одурманенный и соблазненный плотью и дьяволом, клерк выдал нужную информацию. Жилой дом был открыт джек-джантерам взрывом газа пару недель назад. Все квартиранты переселены. Робин Уэднесбери находится на принудительном лечении в Госпитале Милосердия близ Железной горы.

— Принудительное лечение? — недоумевал

Фойл. — Почему? Что она сделала?

Организация Рождественского Бардака в Пятимильном Цирке заняла тридцать минут. В нем принимали участие музыканты, певцы, актеры и толпа — все, кто знал координаты Железной горы. Ведомые своим главным фигляром, они джантировали с шумом, фейерверками, горячительным и дарами. Они прошествовали через город с безудержным весельем и плясками. Они ворвались в Госпиталь Милосердия вслед за Санта-Клаусом, ревущим и скачущим с отрешенным спокойствием печального слона. Санта-Клаус перецеловал сестер, напоил сиделок, щедро одарил пациентов, забросал пол деньгами из большого мешка, висящего за спиной, и внезапно исчез, когда дикий разгул достиг таких высот, что прибыла полиция. Впоследствии обнаружилось, что исчезла также одна пациентка, несмотря на то что была оглушена наркотиками и не могла джантировать. Собственно говоря, она покинула госпиталь в мешке Санта-Клауса.

Фойл джантировал вместе с ней на госпитальный двор и там, в укрытии сосновых крон под морозным небом помог ей выбраться из мешка. Она была одета в белое грубое больничное белье; она была прекрасна. Фойл, сбросивший свой шу-

товской наряд, смотрел на нее, не отрывая глаз.

Девушка была озадачена и встревожена, ее мысли метались, как языки раздуваемого ветром костра. Боже мой! Что произошло? Снова шакалы? Музыка. Буйство. Почему в мешке? Что ему от меня надо? Кто он?

— Я Формайл с Цереса, — сказал Фойл.

— Что? Кто? Формайл с… Да, конечно, понимаю. Шут. Паяц. Вульгарность. Непристойность. Слабоумие. Пятимильный Цирк. О господи! Я опять не сдерживаюсь. Вы слышите меня?

— Я слышу вас, мисс Уэднесбери, — тихо проговорил Фойл.

— Зачем вы это сделали? Что вам нужно? Как…

— Я хочу, чтобы вы на меня посмотрели.

— «Бонжур, мадам. В мешок, мадам. Оп! Посмотрите на меня». Я смотрю, — сказала Робин, пытаясь справиться с круговертью мыслей. Она вглядывалась в него и не узнавала. Это лицо. Я видела такое, множество ему подобных. Лица мужчин, о господи! Черты мужественности. На уме одна случка.

— Мой брачный период позади, мисс Уэднесбери.

— Простите. Я просто напугана… Вы знаете меня?

— Я знаю вас.

— Мы встречались?

Она внимательно его изучала и не могла узнать. Глубоко внутри Фойл возликовал. Уж если эта женщина не вспомнила его, он в безопасности — при условии, что будет держать себя в руках.

— Мы никогда не встречались, — сказал он. — Но я слышал о вас. Мне кое-что нужно. Вот почему мы здесь — для разговора. Если мое предложение вам не понравится, можете вернуться в госпиталь.

— Вам что-то надо? Но у меня ничего нет… ничего, ничего. Ничего не осталось, кроме позора и… о господи, почему я выжила? Почему не сумела…

— Вы пытались покончить с собой? — мягко перебил Фойл. — Так вот откуда взрыв газа… и принудительное лечение. Вы не пострадали во время взрыва?

— Так много людей погибло. Но не я. Должно быть, я невезучая. Мне не везло всю жизнь.

— Почему вы решились на самоубийство?

— Я устала. Я конченый человек. Я все потеряла. Мое имя в черных списках… за мной следят, мне не доверяют. Нет работы. Нет семьи. Нет… Почему решилась на самоубийство? О господи, что же еще?!

— Вы можете работать у меня.

— Я могу… что вы сказали?

— Я хочу взять вас на работу, мисс Уэднесбери.

Она истерически засмеялась.

— Еще одна Шлюха Вавилонская…

— У вас на уме порочные мысли, — упрекнул Фойл. — Я не ищу шлюх. Как правило, они ищут меня.

— Простите. Я помешалась на чудовище, которое меня уничтожило… Вы украли меня из госпиталя, чтобы предложить работу. Вы слышали обо мне. Значит, вам нужно что-то особенное.

— Обаяние.

— Что?

— Я хочу купить ваше обаяние, мисс Уэднесбери.

— Не понимаю.

— Ну как же, — терпеливо сказал Фойл. — Вам должно быть ясно. Я — паяц. Я сама вульгарность, непристойность, слабоумие. С этим надо покончить. Я хочу нанять вас в качестве светского секретаря.

— Думаете, я вам поверю? Вы в состоянии нанять сотню секретарей, тысячу… с вашими деньгами. Хотите мне внушить, что вам подхожу только я? Что вам специально пришлось похи-

тить меня?

Фойл кивнул:

— Верно, секретарей тысячи, но не все могут передавать мысли.

— При чем тут это?

— Вы будете вентрологом; я стану вашей куклой. Я не знаю жизни высшего общества, вы — знаете. У них своя речь, свои шутки, свои манеры. Тот, кто хочет быть принятым в это общество, обязан говорить на их языке. Я не могу, вы — можете. Вы будете говорить за меня, моим ртом…

— Новы могли бы научиться…

— Нет. Слишком долго. И обаянию не научиться. Я собираюсь купить ваше очарование, мисс Уэднесбери. Теперь о плате. Я предлагаю вам тысячу в месяц.

— Вы очень щедры, Формайл.

— Я удалю из вашего личного дела всякое упоминание о попытке самоубийства. Я гарантирую, что вас вычеркнут из черного списка. У вас будут деньги и чистое прошлое.

Губы Робин задрожали, и она заплакала. Она всхлипывала и дрожала. Фойл обнял се за плечи и успокоил.

— Ну? — спросил он. — Вы согласны?

Она кивнула.

— Вы так добры. Это… Я отвыкла от доброты.

Донесся звук отдаленного взрыва. Фойл оцепенел.

— Боже! — воскликнул он в панике. — Чертовджант. Я…

— Нет, — возразила Робин. — Не знаю, что такое чертовджант, но это просто испытания на полигоне…

Она взглянула на лицо Фойла и отпрянула. Потрясение от неожиданного взрыва и яркая цепочка ассоциаций лишили его самообладания. Под кожей выступили багровые рубцы татуировки. Робин кричала, не в силах отвести глаз.

Он прыгнул на нее и зажал рот.

— Что, проявилось? — проскрежетал он, страшно ос калясь. — Потерял контроль. Показалось, что я опять в Жофре Мартель. Да, я Фойл. Чудовище, которое тебя уничтожило. Ты все равно узнала бы рано или поздно. Я Фойл, снова вернулся. Ты будешь слушать меня?

Она отчаянно замотала головой, пытаясь вырваться. Фойл хладнокровно ударил ее в подбородок. Робин обмякла. Фойл подхватил ее, завернул в пальто и стал ждать. Вскоре ее ресницы вздрогнули.

— Чудовище… зверь…

— Я мог сделать не так, — заговорил Фойл. — Я мог шантажировать тебя. Мне известно, что твоя мать и сестры на Каллисто. Это автоматически заносит тебя в черный список, ipso facto. Верно? Ipso facto. «Самим фактом». Латынь. Нельзя доверять гипнообучению. Мне стоило лишь донести, и ты была бы не просто подозреваемой… — Он почувствовал ее дрожь. — Но я так не поступлю. Я скажу тебе правду, потому что хочу, чтобы ты стала другом. Твоя мать на Внутренних Планетах. На Внутренних Планетах, — повторил он. — Может быть, на Земле.

— Невредима? — прошептала Робин.

— Не знаю.

— Отпусти меня.

— Ты замерзнешь.

— Отпусти меня.

Он опустил ее на землю.

— Однажды ты меня уничтожил, — сдавленно произнесла Робин. — Теперь пытаешься снова?

— Нет. Ты будешь слушать? — Она кивнула. — Я был брошен в космосе. Я гнил шесть месяцев. Пролетал корабль, который мог бы спасти меня. Он прошел мимо. «Ворга-Т 1339». Это название тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Джиз Маккуин — мой лучший друг, она мертва, — как-то посоветовала выяснить, почему меня оставили подыхать; тогда я узнаю, кто отдал этот приказ. И я начал покупать информацию о «Ворге». Любую информацию.

— При чем тут моя мать?

— Слушай. Эту информацию оказалось трудно раздобыть. Все документы «Ворги» исчезли из архивов. Я сумел установить три имени… три из команды в шестнадцать человек. Никто ничего не знал или не хотел говорить. И я нашел это. — Фойл протянул Робин серебряный медальон. — Он был заложен одним членом экипажа. Вот все, что я смог обнаружить.

Робин охнула и дрожащими пальцами взяла медальон. Внутри находилась ее фотография и фотография еще двух девушек. Когда медальон открылся, объемные фотографии прошептали:

— Маме с любовью от Робин… Маме с любовью от Холли… Маме с любовью от Венды…

— Медальон мамы… — со слезами на глазах проговорила Робин. — Это… Она… Ради бога, где она?!

— Не знаю, — твердо сказал Фойл. — Но догадываюсь. Я думаю, что твоя мать выбралась из этого концентрационного лагеря… так или иначе.

— И сестры тоже. Она бы никогда их не оставила.

— Может быть, и сестры. Полагаю, что беженцев с Каллисто заставляли платить — деньгами или драгоценностями, чтобы попасть на борт «Ворги».

— Где они теперь?

— Не имею понятия. Возможно, брошены на Марсе или на Венере. Скорее всего, проданы в трудовой лагерь на Луне и поэтому не могут разыскать тебя. Я не знаю, где они; но «Ворга» знает.

— Ты лжешь? Обманываешь меня?

— Разве медальон — ложь?.. Я хочу выяснить, почему меня обрекли на смерть и по чьей вине. Человек, который отдал приказ, знает, где твоя семья. Он скажет тебе… перед тем, как я его убью. У него хватит времени. Он будет умирать медленно.

Робин, как завороженная, в ужасе смотрела на Фойла. Обуявшая его страсть вновь проявила кровавое клеймо. Он превратился в тигра, сжавшегося перед смертельным прыжком.

— Я не ограничен в средствах… неважно, откуда они. У меня есть три месяца. Я достаточно овладел математикой, чтобы рассчитать вероятность.

Через три месяца поймут, что Формайл с Цереса — Гулли Фойл. Девяносто дней. От Нового года до 1 апреля. Ты со мной?

— С тобой? — с отвращением воскликнула Робин. — С тобой?

— Пятимильный Цирк — всего лишь камуфляж. Шут недостоин подозрений. Но все это время я учился, работал, готовился. Теперь мне нужна ты.

— Зачем?

— Я не знаю, куда может завести мой поиск… в высшее общество или в трущобы. Нужно быть готовым и к тому, и к другому. С трущобами я справлюсь сам; я не забыл. Но для общества мне нужна ты. Поможешь мне найти «Воргу» и своих родных?

— Я ненавижу тебя, — яростно прошептала Робин. — Я презираю тебя. Ты испорчен, ты гадишь, крушишь, уничтожаешь все на своем пути. Когда-нибудь я отомщу тебе.

— Но с Нового года до апреля мы работаем вместе?

— Да. Мы работаем вместе.

Глава 2

В канун Нового года Джеффри Формайл с Цереса атаковал высшее общество. Сперва, за час до полуночи, он появился в Канберре, на балу у губернатора. Это было пышное зрелище, помпезное и сверкающее красками, ибо традиция требовала, чтобы члены клана носили одежду, модную в год основания клана или патентования его торговой марки.

Так мужчины клана Морзе (телефон и телеграф) носили сюртуки, а дамы — викторианские фижмы. Шкоды (порох и огнестрельное оружие) вели свои истоки с восемнадцатого века и щеголяли колготками и юбками на кринолине. Дерзкие Пенемюнде (ракеты и реакторы) ходили в смокингах начала XX столетия, а их женщины бесстыдно обнажали ноги, плечи и шеи.

Формайл с Цереса появился в вечернем туалете, очень современном и очень черном. Его сопровождала Робин в ослепительно-белом платье. Туго схватывающий тонкую талию китовый ус подчеркивал стройность прямой спины и грациозную походку.

Черно-белый контраст немедленно приковал

всеобщее внимание.

— Формайл? Паяц?

— Да. Пятимильный Цирк. У всех на языке.

— Тот самый?

— Не может быть. Он похож на человека.

Сливки общества окружили Формайла, любопытствующие, но настороженные.

— Начинается, — пробормотал Фойл.

— *Успокойся. Покажи им утонченные манеры.*

— Вы — тот самый ужасный Формайл из цирка?

— *Конечно. Улыбайся.*

— Да, мадам. Можете меня потрогать.

— Ох, да вы, кажется, горды? Вы гордитесь своим дурным вкусом?

— *Сегодня проблема вообще иметь вкус.*

— Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус. Пожалуй, я удачлив.

— Удачливы, но непристойны.

— Непристоен, но не скучен.

— Ужасны, но очаровательны.

— Я «под влиянием», мадам.

— О боже! Вы пьяны? Я леди Шрапнель. Когда вы протрезвитесь?

— Я под вашим влиянием, леди Шрапнель.

— Ох, вы испорченный молодой человек!

Чарльз! Чарльз! Иди сюда и спасай Формайла. Я гублю его.

— *Это Виктор из «Эр-Си-Эй».*

— Формайл? Рад. Сколько стоит ваш антураж?

— Скажи правду.

— Сорок тысяч, Виктор.

— Боже всемогущий! В неделю?

— В день.

— Зачем вы тратите такие деньги?

— *Правду!*

— Ради рекламы, Виктор.

— Ха! Вы серьезно?

— Я говорила тебе, что он испорчен, Чарльз.

— Чертовски приятно. Клаус! Послушай. Этот нахальный молодой человек тратит сорок тысяч в день — ради рекламы, если угодно.

— *Шкода из Шкода.*

— Добрый вечер, Формайл. Меня весьма интересует история вашего имени. Полагаю, вы потомок основателей компании «Церес, Инк.»?

— *Правду.*

— Нет. Я купил компанию и титул. Я выскочка.

— Отлично. Toujours audace!

— Честное слово, Формайл, вы откровенны!

— Я же говорил, что он нахален. Свежая струя. Выскочек хватает, молодой человек, но они не

признаются в этом. Элизабет, познакомься с Формайлом с Цереса.

— Формайл! Мне до смерти хотелось вас видеть!

— Леди Элизабет Ситроен.

— Правда, что вы путешествуете с передвижным колледжем?

— С институтом, леди Элизабет.

— Но с какой стати, Формайл?

— О, мадам, так трудно тратить деньги в наши дни. Приходится выискивать самые глупые предлоги. Пора кому-нибудь придумать новое сумасбродство.

— Вам следует путешествовать с изобретателем.

— У меня он есть, да, Робин? Но он тратит время на вечный двигатель. Мне требуется настоящий мот. Какой из ваших кланов мог бы ссудить мне младшего сына?

— Стало быть, вам нужен вечный расточитель?

— Нет. Это постыдная трата денег. Весь смак экстравагантности в том, чтобы вести себя как дурак, чувствовать себя дураком и наслаждаться этим. Где изюминка вечного движения? Есть ли экстравагантность в энтропии? Миллионы на че-

пуху, но ни гроша на энтропию — вот мой девиз.

Все рассмеялись. Обступившая Формайла толпа росла. У них появилась новая игрушка.

Большие часы возвестили наступление нового года, и собравшиеся приготовились джантировать вслед за полуночью вокруг света.

— Идем с нами на Яву, Формайл. Реггис Шеффилд устраивает восхитительный вечер. Мы будем играть «Судья-трезвенник».

— В Гонконг, Формайл!

— В Токио, Формайл! В Гонконге дождь. Давайте в Токио и захватите свой цирк.

— Нет, благодарю вас. Я в Шанхай. Встретимся все через два часа. Готова, Робин?

— *Не джантируй. Дурные манеры. Выйди. Медленно. Сейчас высший шик — в томности. Засвидетельствуй почтение губернатору… Уполномоченному… их дамам… Bien. Не забудь дать на чай прислуге… Не ему, идиот! Это вице-губернатор… Ну хорошо, экзамен выдержан. Тебя приняли. Что теперь?*

— Теперь — то, зачем мы в Канберре.

— *Разве не ради бала?*

— Ради бала и человека по имени Форрест.

— *Кто это?*

— Бен Форрест, бывший член экипажа «Ворги».

Есть три нити к тому, кто дал приказ бросить меня умирать. Три имени. В Риме — повар, Погги; в Шанхае — знахарь, Орель; и этот человек, Форрест. У нас два часа, чтобы расколоть его. Ты знаешь координаты Аусси?

— Я не желаю принимать участия в твоей мести. Я ищу семью.

Он так посмотрел на нее, что Робин вздрогнула и сразу джантировала. Когда Фойл появился в Пятимильном Цирке, она уже переодевалась в дорожное платье. Хотя Фойл заставил ее жить с ним в одном шатре по соображениям безопасности, он никогда больше не трогал ее. Робин поймала его взгляд и застыла.

Фойл покачал головой.

— Мой брачный сезон позади.

— Как интересно. Ты отказался от насилия?

— Одевайся, — отрезал он. — И передай, что я даю два часа на переезд лагеря в Шанхай.

В ноль тридцать Фойла и Робин встретил мэр Аусси.

— С Новым годом! — пропел он и втолкнул их в вертолет. — Счастье!! Счастье!! Позвольте мне показать вам город. Сегодня у нас масса гостей. Вот наш ледяной дворец… слева бассейны… Большой купол — лыжный трамплин. Снег круглый год…

Тропический сад под стеклянной крышей. Пальмы, попугаи, орхидеи, фрукты… Наш рынок… театр… своя телевизионная компания. Взгляните на футбольный стадион. Двое наших парней вошли в сборную. Да, сэр, у нас есть вес. Абсолютно все. Вам не надо джантировать по свету в поисках развлечений. Наш город — маленькая вселенная. Самая счастливая маленькая вселенная в мире… Форрест, вы говорите? Вот.

Он высадил их перед особняком в швейцарском стиле и сразу улетел. Фойл и Робин ступили на крыльцо. Вдруг дверь перед ними вспыхнула красным, и мертвенно-белым огнем засияли на ней череп и кости. Раздался механический голос: «ПРЕДУПРЕЖДАЕМ. ЭТОТ ДОМ ЗАЩИЩЕН ОТ ВТОРЖЕНИЯ СИСТЕМОЙ ШВЕДСКОЙ КОМПАНИИ «ОБОРОНА». ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

— Что за черт? — пробормотал Фойл. — В канун Нового года? Дружелюбен, нечего сказать… Давай сзади.

Они обошли особняк, преследуемые световой и звуковой сигнализацией. Из ярко освещенного подвального окна донесся невнятный хор голосов:

— Господь мой пастырь…

— Христиане-подвальники! — воскликнул

Фойл.

Они заглянули в окно. Около тридцати верующих разных исповеданий праздновали Новый год, справляя комбинированную и в высшей степени нелегальную службу. XXIV столетие хотя и не отменило бога, но запретило организованную религию.

— Неудивительно, что дом превращен в крепость, — произнес Фойл. — С таким-то мерзким занятием... Посмотри, там и священник, и раввин, а та штука сзади — распятие... Идем.

Задняя стена была сделана из толстого стекла, открывавшего пустую, тускло освещенную гостиную.

— Ложись, — приказал Фойл. — Я вхожу.

Робин легла ничком. Фойл ускорился и резким ударом разбил стекло. Где-то в самом низу частотного диапазона он услышал глухие разрывы. Это были выстрелы. Фойл упал на пол и прослушал весь диапазон звуковых волн до ультразвука, пока наконец не уловил гул механизма управления. Затем он проскользнул сквозь поток пуль, отключил питание и затормозился.

— Иди сюда, быстро!

Робин с опаской вошла в гостиную. Где-то забегали христиане-подвальники, страдальчески

стеная.

— Жди здесь, — буркнул Фойл и вновь ускорился. Он молнией скользнул по дому, нашел христиан-подвальников, застывших в паническом беге, и, повернувшись к Робин, замедлился.

— Форреста среди них нет, — сообщил Фойл. — Возможно, он наверху.

Они помчались по лестнице и остановились перевести дыхание на площадке перед последним пролетом.

— Надо торопиться, — выдохнул Фойл. — Сейчас сюда могут джантировать…

Внезапно он замолчал. Из-за двери наверху донесся низкий протяжный звук. Фойл принюхался.

— Аналог! — воскликнул он. — Наверное, Форрест. Надеюсь только, что он не горилла.

Фойл прошел сквозь дверь, как тяжелый трактор, и оказался в просторной пустой комнате. С потолка свисал толстый канат. Между полом и потолком, переплетясь с канатом, висел голый мужчина. Он зашипел и поднялся выше.

— Питон, — пробормотал Фойл. — Это уже легче… Не подходи к нему. Может раздавить все твои кости.

— Форрест! С Новым годом, Форрест! Где ты?

— Идут, — прохрипел Фойл. — Надо джантировать с ним. Встретимся на берегу.

Он выхватил из кармана нож, перерезал канат, взвалил извивающегося полузверя на спину, джантировал и появился на берегу на секунду раньше Робин. Вокруг его шеи и плеч питоном обвивался голый мужчина, сдавливая его в ужасающем объятии. Кровавое клеймо вспыхнуло на лице Фойла.

— Синдбад, — выдавил он, — мореход… Быстро! Правый карман. Второй снизу. Ампула…

Робин открыла карман, вытащила пакет микроампул и уколола извивающегося человека в шею. Тот обмяк. Фойл стряхнул его и поднялся с песка.

— Боже, — всхлипнул он, потирая горло, и глубоко вздохнул. — Контроль, — прошептал он, вновь принимая выражение отрешенного спокойствия. Багровая татуировка исчезла с его лица.

— Что это за ужас? — спросила Робин.

— Аналог. Лекарственный наркотик для психопатов. Запрещенный. Психу надо как-то дать себе выход; возврат к первобытному. Он отождествляется с каким-нибудь животным… с гориллой, гризли, волком… Принимает дозу и…

— Откуда ты все это знаешь?

— Говорил тебе — готовился… готовился к «Ворге». Это кое-что из того, что я узнал. Покажу тебе еще кое-что, если не трусишь. Как вывести его из Аналога.

Фойл открыл другой карман своего боевого костюма и начал работать над Форрестом. Робин сперва смотрела, потом в ужасе застонала, отвернулась и отошла к самой кромке воды, где стояла, слепо глядя на прибой и звезды.

— Можешь вернуться.

Робин приблизилась к полууничтоженному существу, копошащемуся у ног Фойла и смотрящему на него тусклыми трезвыми глазами.

— Ты — Форрест?

— Кто вы?..

— Ты — Бен Форрест, бывший член экипажа престейновской «Ворги». Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на борту «Ворги».

Форрест всхлипнул и затряс головой.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо разбитого корабля. Мимо остатков «Номада». Он дат сигнал о помощи. Но вы ушли. Обрекли его на гибель. Почему «Ворга» прошла мимо?

Форрест страшно закричал.

— Кто приказал пройти мимо?

— Боже, нет! Нет! Нет!

— Из архивов пропали все документы. Кто-то наложил на них лапу раньше меня. Кто? Кто находился на борту «Ворги»? Кто был с тобой? Кто командовал?

— Нет! — надрывался Форрест. — Нет!!

Фойл сунул в лицо бьющемуся в истерике человеку пачку банкнот.

— Я плачу за информацию. Пятьдесят тысяч. Аналог до конца дней твоих. Кто приказал бросить меня околевать? Кто?

Форрест вырвал деньги из рук Фойла, вскочил и побежал по берегу. Фойл нагнал его и повалил на песок, головой в воду.

— Кто командовал «Воргой»? Кто отдал приказ?

— Ты его утопишь! — закричала Робин.

— Пускай помучается, вода лучше, чем космос. Я мучился шесть месяцев… Кто отдал приказ?

Форрест пускал пузыри и захлебывался. Фойл за волосы приподнял его голову.

— Что ты?! Преданный? Сумасшедший? Напуганный? Такие, как ты, продаются с потрохами за пять тысяч. Я предлагаю пятьдесят. Пятьдесят тысяч за пару слов, ты, сукин сын, иначе сдохнешь

медленно и болезненно!

На лице Фойла выступила татуировка. Он с силой вжал голову Форреста в воду и навалился на извивающееся тело. Робин пыталась оттащить Фойла.

— Ты убиваешь его!

Фойл повернул к Робин свое кошмарное лицо.

— Прочь руки, сволочь!.. Кто был с тобой на борту, Форрест? Кто отдал приказ? Почему?

Форрест извернулся и приподнял голову.

— Нас было двенадцать, — хватая ртом воздух, прохрипел он. — Господи, спаси меня! Я, Кемп…

Он судорожно дернулся и обмяк. Фойл вытащил тело из воды.

— Ну, продолжай! Ты и кто? Кемп? Кто еще? Говори!

Ответа не было. Фойл склонился ниже.

— Мертв… — прорычал он.

— О господи! Господи!

— Одна нить к черту. И только когда раскололся. Что за невезение… — Фойл глубоко вздохнул и, как за щитом, укрылся за стеной безразличия. Татуировка исчезла с его лица. — В Шанхае почти полночь. Пора. Возможно, удача ждет нас с Сержем Орелем, помощником корабельного врача. Не смотри на меня так. Это всего лишь убийство.

Вперед, крошка. Джантируй!

Робин охнула и ошеломленно уставилась куда-то за его спину. Фойл повернулся. На песке возникла пылающая фигура — высокий мужчина в охваченной огнем одежде, со страшно татуированным лицом. Это был он сам.

— Боже! — выдавил Фойл. Он шагнул в сторону своего горящего двойника, и видение сразу исчезло.

Дрожа от потрясения, Фойл повернулся к Робин:

— Видела?

— Да.

— Что это было?

— Ты.

— Ради бога! Как это возможно? Как…

— Это был ты.

— Но… — Он запнулся, обессиленный и растерянный. — Галлюцинация?

— Не знаю.

— Боже всемогущий! Видеть себя….лицом к липу… Одежда пылала… Что же это?

— Это был Гулли Фойл, — проговорила Робин, — горящий в аду.

— Ну хорошо, — свирепо прошипел Фойл. — Я в аду. Но это меня не остановит. Если мне суждено

гореть в аду, «Ворга» будет гореть со мной. — Он резко сжал кулаки, вновь обретая силу и целеустремленность. — Меня не остановить, клянусь! На очереди Шанхай. Джантируй!

Глава 3

На Костюмированном Балу в Шанхае Формайл с Цереса взбудоражил публику, появившись в роли Смерти в дюреровской «Смерти и девушке». Его сопровождало ослепительное создание, закутанное в прозрачные вуали. Викторианское общество, душившее своих женщин паранджой и считавшее платья клана Пенемюнде верхом дерзости, было шокировано. Но когда Формайл открыл, что Это не женщина, а великолепный андроид, мнение немедленно изменилось в его пользу. Общество пришло в восхищение от искусного обмана. Обнаженное тело, позорное у человека, — всего лишь бесполая диковинка у андроида.

Ровно в полночь Формайл пустил андроида с аукциона.

— Деньги идут на благотворительность, Формайл?

— Конечно, нет! Вам известен мой девиз: «Ни

гроша на энтропию!»… Что я слышу? — сто кредиток за это дорогое и очаровательное создание? Всего лишь одна сотня, джентльмены? Сама красота и изумительная приспособляемость. Две? Благодарю. Давайте, давайте! Кто больше? Замечательный плод местного гения Пятимильного Цирка. Она ходит, она говорит, она приспосабливается. В нес заложена обязательная любовь к хозяину. Девять? Кто еще? Что, это все? Вы побиты? Вы сдаетесь? Продано лорду Йельскому за девятьсот кредиток.

Шум, аплодисменты и недоуменные подсчеты:

— Боже, такой андроид должен стоить девяносто тысяч! Так тратить деньги…

— Будьте любезны, передайте деньги андроиду, лорд Йель. Она отреагирует соответственно… До встречи в Риме, леди и джентльмены! Ровно в полночь во дворце Борджиа. С Новым годом!

Формайл уже исчез, когда, к восторгу всех холостяков, лорд Йель обнаружил, что их обманули дважды. Андроид оказался живым человеческим существом; сама красота и изумительная приспособляемость. На девятьсот кредиток она отреагировала великолепно. Шутку долго еще смаковали в курительных салонах. Купленным на корню холостякам не терпелось поздравить

Формайла.

А в это время Фойл и Уэднесбери, прочитав табличку «Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше» на семи языках, ступили во владения «д-ра Ореля, несравненного мастера увеличения возможностей мозга».

Стены приемной покрывали зловещие огненные карты, наглядно поясняющие, как д-р Орель припарками, бальзамами, магнитными полями и электролизом заставлял мозг удвоить дальность джантации или денежную наличность. Кроме того, он улучшал память жаропонижающими и слабительными, укреплял мораль тонизирующими примочками и снимал душевные страдания Целительным Зельем Ореля.

Фойл наугад открыл дверь, увидел длинную госпитальную палату и в отвращении скривился.

— Притон для Снежков. Кокаиншики. Мог бы догадаться, что он и этим не брезгует…

Притон предназначался для Болезников, самых безнадежных наркоманов. Они покоились в больничных койках, умеренно страдая от нарочно вызванных паракори, парагриппа, парамалярии, жадно наслаждаясь незаконными болезнями и вниманием сестер в ослепительно-белых халатах.

— Взгляни на них, — презрительно бросил Фойл. — Отвратительно! Если есть что-то более мерзкое, чем наркорелигия, то только это.

— Добрый вечер. — Сзади раздался голос.

Фойл захлопнул дверь и повернулся. Перед ним стоял, поклонившись, доктор Орель, деловитый и аккуратный, в классической белой шапочке, халате и хирургической маске медицинского клана, к которому принадлежал лишь по мошенническому утверждению.

— Сюда, пожалуйста, — указал доктор Орель и тут же с хлопком исчез. За указанной дверью открывался длинный лестничный пролет. Когда Фойл и Робин спали подниматься по ступеням, доктор Орель возник наверху. — Сюда, сюда, пожалуйста. О… один момент. — Он исчез и возник снова сзади них. — Вы забыли закрыть дверь. — Он закрыл дверь и опять джантировал, на сей раз появившись на площадке. — Пожалуйста, проходите.

— Показуха, — пробормотал Фойл. — Джантируйте вдвое дальше… Так или иначе, он дьявольски проворен. Мне надо быть проворней.

Шарлатан ждал за столом в заставленной внушительной, но устаревшей медицинской техникой комнате. Он джантировал к двери, закрыл

ее, джантировал назад за стол, поклонился, указал на стулья, джантировал к Робин и любезно помог ей сесть, джантировал к окну и поправил шторы, джантировал к выключателю и включил свет и снова появился за столом.

— Всего лишь год назад, — улыбнулся Орель, — я вовсе не мог джантировать. Затем я открыл секрет — Целебное Промывание, которое…

Фойл коснулся языком пульта управления, вмонтированного в нервные окончания зуба, и ускорился. Он без спешки поднялся, ступил к застывшей фигуре, что-то утробно тянувшей, достал тяжелый кастет и со знанием дела ударил Ореля но лбу, вызывая сотрясения передних долей и повреждая центр джантации. Потом он привязал доктора к стулу. Все это заняло пять секунд и показалось Робин одним размытым движением.

Фойл замедлился. Шарлатан дернулся и сверкнул глазами яростно и растерянно.

— Итак, вы — Орель, помощник врача на «Ворге», — тихо произнес Фойл. — Шестнадцатого сентября 2336 года вы находились на борту корабля.

Ярость и растерянность превратились в ужас.

— Шестнадцатого сентября рядом с поясом

астероидов вы проходили мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а вы ушли. Вы бросили его и обрекли на гибель. Почему?

Орель закатил глаза, но не ответил.

— Кто отдал приказ? Кто хотел, чтобы я сгнил заживо?

Орель невнятно замычал.

— Кто находился на борту «Ворги»? Кто еще был с тобой? Кто командовал?.. Я добьюсь ответа, не сомневайся. — Фойл чеканил с холодной свирепостью. — Деньгами или силой… Почему меня бросили на смерть? Кто приказал оставить меня издыхать?

Орель вскрикнул.

— Я не могу говорить о… Погодите, пока…

Он обмяк. Фойл осмотрел тело.

— Мертв, — пробормотал он. — И как раз, когда начал говорить. Как Форрест.

— Убит.

— Нет. Я его пальцем не тронул. Самоубийство, — мрачно хохотнул Фойл.

— Ты сумасшедший…

— Нет, просто мне смешно. Я не убивал их; я вынудил их покончить с собой.

— Что за ерунда?

— Им поставили Блок Сочувствия. Слыхала о

БС, милая? Его ставят всем секретным агентам. Возьми некую часть информации, разглашать которую нежелательно. Свяжи се с симпатической нервной системой, контролирующей дыхание и сердцебиение. Когда субъект пытается раскрыть эту информацию, срабатывает блок — сердце и легкие останавливаются, человек умирает. Тайна сохранена. И агенту не надо думать о самоубийстве, чтобы избежать пыток, — все будет сделано за него.

— Этим людям?..

— Очевидно.

— Но почему?

— Откуда мне знать?.. Перевозка беженцев тут ни при чем.

«Ворга», видимо, занимался куда более серьезными делами, иначе к чему такие меры предосторожности. Но вот задача. Последняя нить — Погги в Риме. Анжело Погги, помощник шеф-повара. Как нам добыть из него информацию…

Фойл запнулся на полуслове. Перед ним стоял его образ — огненное лицо, пылающая одежда.

Фойл был парализован. Он судорожно вздохнул и выдавил дрожащим голосом:

— Кто ты? Что…

Образ исчез. Фойл провел языком по пересохшим губам и повернулся к Робин.

— Ты видела?.. — Ее выражение говорило само за себя. — Это… на самом деле?

Она показала на стол Ореля, возле которого стоял пылающий образ. Бумаги на столе воспламенились и ярко горели. Все еще перепуганный и ошеломленный, Фойл неуверенно попятился назад и провел рукой по лицу. Она оказалась влажной.

Робин бросилась к столу и попыталась сбить пламя. Фойл не шелохнулся.

— Я не могу погасить огонь! — наконец выдохнула она. — Надо убираться отсюда. Быстро!

Фойл кивнул с отсутствующим видом; потом, явно напрягая всю силу воли, взял себя в руки.

— В Рим, — хрипло каркнул он. — Джантируем в Рим. Этому должно быть какое-то объяснение. Я найду его, клянусь всем на свете! А пока… Рим. Джантируй, девочка. Джантируй!

Со времен Средних веков Испанская Лестница служила местом средоточия отбросов общества Рима. Поднимаясь широкой длинной эстакадой от Пиацца ди Испанья до садов виллы Борджиа, Испанская Лестница кишела, кишит и будет кишеть пороком. Ступени заполняют сводники,

попрошайки, шлюхи, извращенцы и воры. Наглые и высокомерные, они гордо выставляют себя напоказ и глумятся над случайно проходящими «порядочными».

Ядерные войны конца XX столетия уничтожили Испанскую Лестницу. Она была отстроена и снова уничтожена во время Мирового Восстановления в XXI веке. Ее вновь отстроили и на этот раз защитили взрывоупорным кристаллическим куполом. Купол загородил вид, открывавшийся из дома, где почил великий Ките. Посетители больше не прильнут к узкому окошку, дабы прочувствовать картину, которую лицезрел умирающий поэт. Теперь виден был лишь дымчатый купол Испанской Лестницы и сквозь него — искаженные тени Содома и Гоморры внизу.

Тысячелетиями Рим встречал Новый год всякого рода фейерверками: ракетами, торпедами, стрельбой, шутихами, бутылками, банками… Римляне целыми месяцами сберегали старье и рухлядь, чтобы выбросить из окон, когда пробьет полночь. Какофония вспышек, рев голосов, треск огненной иллюминации, шум падающего на купол хлама оглушили Фойла и Робин Уэднесбери, улизнувших с карнавала во дворце Борджиа.

Они были еще в костюмах: Фойл — в черно-

красном обтягивающем камзоле Цезаря Борджиа, Робин — в расшитом серебристом платье Лукреции Борджиа; лица скрывали нелепые вельветовые маски. Контраст между их старинными нарядами и современным тряпьем вокруг вызвал поток насмешек и присвистываний. Даже Лобо, постоянные завсегдатаи Испанской Лестницы, неудачливые закоренелые преступники, у которых вырезали четверть мозга, временно вышли из мрачной апатии. Толпа вскипела вокруг спускающейся по ступеням пары.

— Погги, — спокойно повторял Фойл. — Анжело Погги?

Кошмарный урод придвинул свое лицо и сатанически захохотал.

— Погги? Анжело Погги? — бесстрастно спрашивал Фойл. — Мне сказали, что его можно найти ночью на Лестнице. Анжело Погги?

Чудовищная шлюха помянула его мать.

— Анжело Погги? Десять кредиток тому, кто его покажет.

Фойла мгновенно окружили протянутые руки — изуродованные, вонючие, жадные. Он покачал головой:

— Сперва показать.

Вокруг бурлил римский гнев.

— Погги? Анжело Потти?

После шести недель бездарной траты времени, после шести недель томительного ожидания капитан Питер Йанг-Йовил наконец услышал слова, которые надеялся услышать все это время. Шесть недель тягостного пребывания в шкуре некоего Анжело Погги, давно умершего помощника повара «Ворги». С самого начала это была авантюра, задуманная, когда до Разведки стали доходить сведения, что некто осторожно собирает данные о команде престейновской «Ворги» и не стесняется в средствах.

— Это выстрел наугад, — признал тогда капитан Йанг-Йовил. — Но Гулли Фойл, АС-128/127.006, все-таки совершил безумную попытку взорвать «Воргу». А двадцать фунтов ПирЕ стоят выстрела наугад.

Теперь он вперевалку сходил по ступеням навстречу человеку в старинном камзоле и маске — опустившийся повар с воровской наружностью, протягивающий кипу замаранных конвертов.

— Грязные картинки, синьор? Христиане-подвальники — молятся, целуют крест? Очень мерзко, очень непристойно, синьор. Развлеките друзей, заинтересуйте дам…

— Нет. — Фойл небрежно отодвинул его рукой. — Я ищу Анжело Погги.

Йанг-Йовил подал незаметный сигнал; его люди на Лестнице стали снимать и записывать происходящий разговор, не прекращая сводничать и продаваться. Секретная Речь Разведывательной Службы вооруженных сил Внутренних Планет гремела вокруг Фойла и Робин градом перемигиваний, ужимок, гримас, жестов на древнем китайском языке век, бровей, пальцев и неуловимых телодвижений.

— Синьор? — прогнусавил Йанг-Йовил.

— Анжело Погги?

— Си, синьор. Я Анжело Погги.

— Помощник повара на «Ворге»? — Ожидая знакомое выражение смертельного ужаса, которое он наконец понял, Фойл схватил локоть Йанг-Йовила. — Да?

— Си, синьор, — безмятежно ответил Йанг-Йовил. — Чем могу заслужить вашу милость?

— Может быть, этот… — пробормотал Фойл Робин. — Он не испуган. Может быть, он знает, как обойти блок.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что рассказал, Погги. Я хочу купить все, что тебе известно. Все. Называй цену.

— Но, синьор! Я человек немолодой и бывалый. Мой опыт нельзя купить целиком. Мне надо платить пункт за пунктом. Выбирайте, что вас интересует, а я буду называть цену. Что вам угодно?

— Ты находился на борту «Ворги» шестнадцатого сентября 2336 года?

— Цена ответа 10 кр.

Фойл мрачно усмехнулся и выложил деньги.

— Да, синьор.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а «Ворга» ушел. Кто отдал приказ?

— Ах, синьор!

— Кто отдал приказ и почему?

— Зачем вам это, синьор?

— Не твое дело. Называй цену и выкладывай.

— Перед ответом мне надо узнать причину вопроса, синьор. — Йанг-Йовил сально ухмыльнулся. — За свою осторожность я заплачу снижением цены. Почему вас так интересуют «Ворга» и «Номад» и это позорное предательство в космосе? Уж не вы ли, случаем, оказались там брошенным?

— Он не итальянец! Произношение идеальное, но совсем не те обороты. Ни один итальянец не

станет так строить предложения.

Фойл застыл. Зоркие опытные глаза Йанг-Йовила, натренированные улавливать и распознавать малейшие детали, заметили перемену. Йанг-Йовил мгновенно понял, что где-то ошибся, и подал условный знак.

На Испанской Лестнице вскипела ссора. Через секунду Фойл и Робин оказались в гуще разъяренной, вопящей, дерущейся толпы. Люди Йанг-Йовила были виртуозами обходного маневра, рассчитанного на предотвращение джантации и основанного на том, что между неожиданным нападением и защитной реакцией неминуемо должно пройти время. Специалисты из Разведки гарантировали: в течение этого времени их молниеносные действия застанут любого атакуемого врасплох и лишат его возможности спастись.

В три пятых секунды Фойла отколотили, швырнули на колени, оглушили, бросили на ступени и распластали. Маску с лица сорвали, и он лежал, обнаженный и беззащитный, перед равнодушными глазами камер. Затем, впервые за всю историю существования этой процедуры, привычный ход событий был нарушен.

Появился человек, поправ ногами распростертое тело Фойла… гигантский человек с чудовищно

татуированным лицом и дымящейся одеждой. Видение было таким ужасающим, что все застыли. Толпа на Лестнице взвыла:

— Горящий человек! Глядите! Горящий Человек!

— Но это Фойл… — прошептал Йанг-Йовил.

С четверть минуты видение молча стояло, пылая, дымясь, пепеля взглядом слепых глаз. Потом оно исчезло. Распростертый на ступенях человек тоже исчез. Он обернулся в размытое пятно действия, молнией заскользил среди толпы, отыскивая и уничтожая камеры, магнитофоны, все регистрирующие устройства. Затем пятно метнулось к девушке в старинном платье, схватило ее и исчезло.

Испанская Лестница вновь ожила — мучительно, тягостно, словно приходя в себя после кошмара. Ошеломленные разведчики собрались вокруг Йанг-Йовила.

— Господи, что это было, Йео?

— Я думаю, что это наш человек, Гулли Фойл. Та же татуировка на лице.

— А горящая одежда!.. Как ведьма на вертеле…

— Но если это огненное явление — Фойл, на кого мы тратили время?

— Не знаю. Нет ли у Бригады Коммандос разве-

дывательной службы, о существовании которой они не удосужились сообщить?

— При чем тут Коммандос, Йео?

— Не видел, как наш «Ноги-в-руки» ускорился? Он уничтожил все снимки и записи.

— Не могу поверить собственным глазам.

— Это величайший секрет Коммандос. Они разбирают своих людей на винтики, перестраивают и перенастраивают их. Я свяжусь с марсианским штабом и узнаю, не ведут ли они параллельное расследование… Да, и еще: с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо… — Йанг-Йовил на минуту замолчал, впервые не замечая многозначительных взглядов вокруг. — Надо выяснить, кто она, — добавил он мечтательно.

— Если она тоже перестроена, это действительно любопытно, Йео, — произнес нарочито бесстрастный мягкий голос. — Ромео и Коммандос.

Йанг-Йовил покраснел.

— Ну, хорошо, — выпалил он. — Меня насквозь видно.

— Ты просто повторяешься, Йео. Все твои увлечения начинаются одинаково: «с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо…» А затем — Долли Квакер, Джин Вебстер, Гуин Роже,

Марион…

— Пожалуйста, без имен! — перебил другой голос. — Разве Ромео…

— Завтра все отправитесь чистить нужники, — сказал Йанг-Йовил. — Будь я проклят, если снесу такое непристойное ослушание… Нет, не завтра — как только мы закончим с этим делом. — Его ястребиное лицо помрачнело. — Боже, что за содом! Кто когда-нибудь сможет забыть Фойла, торчащего здесь, как пылающая головня? Но где он? Чего он хочет? Что все это значит?

Глава 4

Дворец Престейна в Центральном парке сверкал яркими новогодними огнями. Очаровательные древние электрические лампы с остроконечными верхушками и изогнутыми нитями накаливания разливали желтый свет. По особому случаю был удален противоджантный лабиринт и распахнуты двери. Прихожую дома от непрошеных взглядов закрывал разукрашенный драгоценными каменьями экран, установленный сразу за дверями.

Зеваки гулом и криками встречали появление знаменитых и почти знаменитых представите-

лей кланов и семей. Те прибывали на автомобилях, на носилках, в каретах — любым способом приличествующего передвижения. Престейн из Престейнов лично стоял у входа, серо-стальной, неотразимый, с улыбкой василиска на лице, и встречал общество у порога своего открытого дома. Едва одна знаменитость скрывалась за экраном, как другая, еще более прославленная, появлялась в еще более диковинном экипаже.

Кола приехали на фузовике. Семейство Эссо (шесть сыновей, три дочери) — в великолепном стеклянном грейхаундовском автобусе. Буквально по пятам явились Грейхаунды (в эдиссоновском электромобиле), что послужило предметом шуток и смеха. Но когда с мотовагонетки, заправленной бензином «эссо», слез Эдиссон из Уэстингхауза, завершив тем самым круг, смех на ступенях перешел в безудержный хохот.

Только гости приготовились войти в дом Престейна, как их внимание привлекла отдаленная суматоха. Грохот, лязг, стук пневматических поршней и неистовый металлический скрежет. Все это быстро приближалось. Толпа зевак расступилась. По дороге громыхал тяжелый грузовик. Шестеро мужчин скидывали с кузова деревян-

ные балки. За грузовиком следовали двадцать рабочих, укладывающих балки ровными рядами. Престейн и его гости пораженно замерли.

По этим шпалам с оглушающим ревом ползла гигантская машина, оставляя за собой две полосы стальных рельсов. Рабочие с молотами и пневматическими ключами крепили рельсы к деревянным шпалам. Железнодорожное полотно подошло к дому Престейна широким полукругом и изогнулось в сторону. Ревущий механизм и рабочие исчезли в темноте.

— Боже всемогущий! — воскликнул Престейн.

Вдали раздался пронзительный гудок. Из тьмы на освещенный участок перед домом выехал человек на белом коне, размахивая красным флажком. За ним громко пыхтел паровоз с единственным вагоном. Состав остановился перед входом. Из вагона выскочил проводник и разложил лесенку. По ступеням спустилась элегантная пара — леди и джентльмен в вечерних туалетах.

— Я ненадолго, — бросил проводнику джентльмен. — Приезжайте за мной через час.

— Боже всемогущий! — снова воскликнул Престейн.

Поезд с лязгом и шипением тронулся. Пара подошла к дому.

— Добрый вечер, Престейн, — сказал джентльмен. — Мне крайне жаль, что лошадь потоптала ваши газоны, но по старым нью-йоркским правилам перед составом до сих пор требуется сигнальщик с красным флажком.

— Формайл! — вскричали гости.

— Формайл с Цереса! — взревела толпа.

Вечеру у Престейна был обеспечен успех.

В просторной парадной зале, обшитой бархатом и плюшем, Престейн с любопытством рассмотрел Формайла. Фойл невозмутимо выдержал ироничный взгляд, улыбаясь и раскланиваясь с восторженными поклонниками, которых успел снискать от Канберры.

«Самообладание, — думал он. — Кровь, внутренности и мозг. Престейн пытал меня полтора часа после моего безумного нападения на «Воргу». Узнает ли он меня?»

— Мне знакомо ваше лицо, Престейн, — сказал Формайл. — Мы не встречались?

— Не имел чести знать Формайла до сегодняшнего вечера, — сдержанно ответил Престейн.

Фойл научился читать по лицам, но жесткое красивое лицо Престейна было непроницаемо. Они стояли лицом к лицу — один небрежный и бесстрастный, другой — собранный и неприступ-

ный, — словно две бронзовые статуи, раскаленные добела и готовые вот-вот расплавиться.

— Я слышал, вы кичитесь тем, что вы — выскочка, Формайл.

— Да. По образу и подобию первого Престейна.

— Вот как?

— Вы, безусловно, помните — он гордился, что начало семейного состояния было заложено на черном рынке во время Третьей мировой войны.

— Во время Второй, Формайл. Но лицемеры из нашего клана его не признают. Его фамилия Пэйн.

— Не знал.

— А какова была ваша несчастная фамилия до того, как вы сменили ее на «Формайл»?

— Престейн.

— В самом деле? — Убийственная улыбка василиска обозначила попадание. — Вы претендуете на принадлежность к нашему клану?

— Я предъявлю свои права позже.

— Какой степени?

— Скажем… кровное родство.

— Любопытно. Я чувствую в вас определенную слабость к крови, Формайл.

— Безусловно, семейная черта, Престейн.

— Вам нравится быть циничным, — заметил

Престейн не без цинизма. — Впрочем, вы говорите правду. У нас всегда была пагубная слабость к крови и деньгам. Это наш порок. Я признаю.

— А я разделяю его.

— Влечение к деньгам?

— Да. Самое страстное влечение.

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия?

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

— Формайл, вы мне по душе. Если бы вы не претендовали на родство с моим кланом, я бы вынужден был принять вас.

— Вы опоздали, Престейн. Я уже принял вас.

Престейн взял Фойла под руку.

— Хочу представить вас моей дочери, леди Оливии. Вы разрешите?

Они пересекли залу. В Фойле бурлило торжество. Он не знает. Он никогда не узнает. Затем пришло сомнение. Но я никогда не узнаю, если он когда-нибудь узнает. Это не человек — сталь. Вот кто мог бы поучить меня самообладанию.

Со всех сторон Фойла приветствовали знакомые.

— Вы дьявольски ловко провели всех в Шанхае.

— Чудесный карнавал в Риме, не правда ли? Слышали о появившемся на Испанской Лестнице Горящем Человеке?

— Мы искали вас в Лондоне.

— У вас был божественный выход, — сказал Гарри Шервин-Вильямс. — Вы перещеголяли нас всех. По сравнению с вами мы выглядели как распроклятые приготовишки.

— Не забывайтесь, Гарри, — холодно отчеканил Престейн. — В моем доме не принято выражаться.

— Извините, Престейн. Где ваш Цирк теперь, Формайл?

— Не знаю, — беззаботно ответил Фойл. — Одну секунду.

Вокруг мгновенно собралась толпа, улыбаясь в предвкушении очередной выходки. Фойл достал платиновые часы и со щелчком откинул крышку. На циферблате появилось лицо слуги.

— Эээ… как вас там… Где вы сейчас находитесь?

— Вы приказали нам обосноваться в Нью-Йорке, Формайл.

— Вот как? И?..

— Мы купили собор Святого Патрика, Формайл.

— А где это?

— На углу Пятой авеню и бывшей Пятидесятой улицы. Мы разбили лагерь внутри.

— Благодарю. — Формайл захлопнул часы. — Мой адрес: Нью-Йорк, собор Святого Патрика… Одного не отнимешь у запрещенных религий — по крайней мере, строили такие храмы, в которых размещается цирк.

Оливия Престейн восседала на троне, окруженная поклонниками. Снежная Дева, Ледяная Принцесса с коралловыми глазами и коралловыми губами, царственная, недосягаемая, прекрасная. Фойл посмотрел на нее раз и тут же в замешательстве опустил глаза перед ее слепым взглядом, который различал лишь электромагнитные волны и инфракрасный свет. Его сердце заколотилось.

«Не будь дураком! — яростно подумал он. — Держи себя в руках. Это может оказаться опасным…»

Его представили. К нему обратились — хрипловатым снисходительным голосом. Ему протянули руку — изящную и холодную. Но она как будто взорвалась в его руке. Фойла словно пронзило током.

«Что это? Она символ… Недоступная… Прин-

цесса Мечты… Самообладание!»

Он боролся с собой так ожесточенно, что не заметил, как им пренебрегли, любезно и равнодушно. Он застыл, хватая ртом воздух, на миг потеряв дар речи.

— Что? Вы еще здесь, Формайл?

— Я не могу поверить, что вы уделили мне так мало внимания, леди Оливия.

— Ну, едва ли. Боюсь, вы мешаете подойти моим друзьям.

— Я не привык к такому обращению, леди Оливия. («Нет, нет. Все не так!») По крайней мере, от человека, которого хотел бы считать другом.

— Не будьте навязчивым, Формайл. Пожалуйста, отойдите.

— Я вас обидел?

— Обидели? Не смешите меня.

— Леди Оливия… («Боже! Могу я хоть что-нибудь сказать правильно?! Где Робин?») Давайте начнем сначала.

— Если вы стараетесь показать свою неотесанность, Формайл, то у вас получается восхитительно.

— Пожалуйста, снова вашу руку. Благодарю. Я — Формайл с Цереса.

— Ну, хорошо. — Она рассмеялась. — Я признаю

вас фигляром. Теперь отойдите. Уверена, что вы найдете, кого развлечь.

— Что случилось теперь?

— Достаточно, сэр. По-моему, вы хотите меня разозлить.

— Нет. («Да, хочу! Хочу достать тебя как-то… пробиться сквозь лед».) Первый раз наше рукопожатие было… неистово. Сейчас же… оно пусто. Что произошло?

— Формайл, — утомленно вздохнула Оливия. — Я признаю: вы оригинальны, остроумны, неотразимы… все, что угодно, если вы только уйдете.

Фойл, спотыкаясь, отошел. «Дрянь. Дрянь. Дрянь. Нет. Она именно такая, о какой я мечтал. Ледяная вершина, которую надо штурмовать и покорить. Осадить… ворваться… изнасиловать… заставить пасть на колени…»

И тут он столкнулся лицом к лицу с Дагенхемом. Он застыл, парализованный.

— А, Формайл, — произнес Престейн. — Познакомьтесь: Саул Дагенхем. Он может уделить нам только тридцать минут и желает одну из них провести с вами.

«…Знает? Послал за Дагенхемом, чтобы убедиться?.. Нападай. Toujours audace».

— Что с вашим лицом, Дагенхем?

— А я думал, что знаменит. Лучевое поражение. Я радиоактивен. «Горяч». — Беспощадные глаза ощупали Фойла. — Что скрывается за вашим цирком?

— Страсть к популярности.

— Я сам мастер камуфляжа. Узнаю признаки. Каким ремеслом занимаетесь?

— Разве Дилинджер делится с Капоне? — Фойл улыбнулся, успокаиваясь, сдерживая облегчение. («Я перехитрил их обоих».) — Вы кажетесь счастливее, Дагенхем.

Он тут же понял свою ошибку. Дагенхем мгновенно уловил ее.

— Счастливее, чем когда? Где мы встречались раньше?

— Не «счастливее, чем когда», а «счастливее, чем кто». Вы счастливее меня. — Фойл повернулся к Престейну: — Я безнадежно влюблен в леди Оливию.

— Саул, твои полчаса истекли.

Дагенхем и Престейн, по разные стороны от Фойла, обернулись. К ним подошла высокая женщина в изумрудном платье, статная, с длинными, отливающими медью волосами. Это была Джизбелла Маккуин.

Их взгляды встретились. Прежде чем потрясение могло отразиться на его лице, Фойл отвернулся, пробежал шесть шагов до ближайшей двери и выскочил наружу.

Дверь захлопнулась. Он оказался в коротком темном коридоре. Раздался щелчок, шорох, и механический голос вежливо произнес:

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

Фойл судорожно вздохнул, пытаясь прийти в себя.

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я и представить не мог… Думал, она убита… Она узнала меня…»

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я пропал. Она никогда не простит мне… Сейчас, наверное, рассказывает Дагенхему и Престейну».

Дверь из зала отворилась, и на миг Фойлу почудилось, будто он видит свой пылающий образ. Потом он понял, что смотрит на огненные волосы Джизбеллы. Она не шевельнулась; она просто стояла и улыбалась в неистовом триумфе возмездия.

Фойл выпрямился.

«Нет, я не заскулю!»

Не торопясь, Фойл вышел из коридора, взял Джизбеллу под руку и вернулся с ней в зал. Он не удосужился оглядеться. Дагенхем и Престейн сами проявят себя, в свое время, охранниками и силой. Фойл улыбнулся Джизбелле; она ответила все той же торжествующей улыбкой.

— Спасибо за бегство, Гулли. Я никогда не думала, что ты мне можешь доставить такое удовольствие.

— Бегство? Моя дорогая Джиз!..

— Ну?

— Ты невообразимо хороша сегодня. Мы далеко ушли от Жофре Мартель, не так ли? — Фойл взмахнул рукой. — Потанцуем?

Она была поражена его хладнокровием и покорно позволила провести себя к площадке.

— Между прочим, Джиз, как тебе удалось избежать Жофре Мартель?

— Это устроил Дагенхем… Итак, ты теперь танцуешь, Гулли?

— Я танцую, скверно изъясняюсь на четырех языках, занимаюсь наукой и философией, пописываю жалкие стишки, то и дело взрываюсь к черту при идиотских экспериментах, фехтую,

как марионетка, боксирую, как фигляр… Короче говоря, я — пресловутый Формайл с Цереса.

— Гулли Фойла больше нет…

— Он лишь для тебя… и для тех, кому ты сообщишь.

— Только Дагенхему. Тебе жаль, что я сказала?

— Ты не более властна над собой, чем я.

— Да, ты прав. Твое имя просто вылетело, я не могла удержаться. А сколько бы ты заплатил за мое молчание?

— Не валяй дурака, Джиз. Этот случай принесет тебе семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят тысяч.

— Что ты имеешь в виду?

— Я обещал отдать тебе все, что останется после того, как я разделаюсь с «Воргой».

— Ты разделался с «Воргой»? — изумленно спросила она.

— Нет, дорогая, ты разделалась со мной. Но я сдержу обещание.

Она рассмеялась.

— Щедрый Гулли Фойл… Расщедрись по-настоящему, Гулли. Развлеки меня немного.

— Завизжать, как крыса? Я не умею, Джиз. Меня выдрессировали на охоту, ни на что большее я не способен.

— А я прикончила тигра… Сделай мне одолжение, Гулли. Скажи, что ты был близок к «Воргс». Признайся, что я погубила тебя за шаг до победы. Ну?

— Хотел бы я это сказать, Джиз… Увы. Я застрял. Сегодня я пытался напасть на новый след.

— Бедный Гулли. Не исключено, что я вызволю тебя. Скажу… что обозналась… или пошутила… что на самом деле ты не Гулли Фокл. Я знаю, как убедить Саула. Я могу сделать это, Гулли… если ты по-прежнему любишь меня.

Он посмотрел на нее и покачал головой.

— Между нами никогда не было любви, Джиз. Ты сама понимаешь это. Я слишком целеустремлен, чтобы быть способным на что-либо, кроме охоты.

— Слишком целеустремлен, чтобы не быть дураком!

— Что ты имела в виду, Джиз… говоря, что Дагенхем спас тебя от Жофре Мартель? Ты знаешь, как его убедить… Что у тебя с ним общего?

— Я на него работаю. Я — один из его курьеров.

— Ты хочешь сказать, он тебя шантажирует? Угрожает упрятать тебя назад, если…

— Нет. С этим было покончено в первую минуту нашей встречи. Он хотел захватить меня, а

вышло все наоборот.

— То есть?

— Не догадываешься?

Фойл ошеломленно раскрыл глаза.

— Джиз! С ним?

— Да.

— Но как?! Он…

— Существуют меры предосторожности… Я не хочу касаться подробностей, Гулли.

— Прости… Долго он не возвращается.

— Не возвращается?..

— Дагенхем. Со своим войском.

— Ах да, конечно. — Джизбелла снова коротко рассмеялась; потом вдруг неистово зашептала: — Ты и не знаешь, что ходил по проволоке, Гулли. Попытайся ты разжалобить меня, или подкупить, или заверить в своей любви… О господи, я бы уничтожила тебя. Раскрыла бы всему свету, кто ты… Кричала бы об этом на всех перекрестках…

— О чем ты говоришь?

— Саул не вернется. Он ни о чем не догадывается. Можешь проваливать в ад.

— Не верю.

— Думаешь, он задержался бы так долго? Саул Дагенхем?

— Но почему ты ему не сказала? После того, как

я бросил тебя…

— Потому что я не хочу, чтобы он попал в ад вместе с тобой. Я не имею в виду «Воргу». Речь идет кое о чем другом — ПирЕ. Вот из-за чего тебя преследуют. Вот к чему они рвутся. Двадцать фунтов ПирЕ.

— Что это?

— Вспомни… Когда ты вскрыл сейф, не было там маленькой коробки? Сделанной из ИСИ… Инертсвинцового Изомера?

— Была.

— Что находилось внутри?

— Двадцать зернышек, похожих на кристаллы йода.

— Что ты с ними сделал?

— Два отправил на анализ. Никто не смог выяснить, из чего они. Над третьим вожусь я сам в своей лаборатории… когда не кривляюсь перед публикой.

— Ты возишься… Зачем?

— Я расту, Джиз, — мягко произнес Фойл. — Нетрудно сообразить, что именно это нужно Престейну и Дагенхему.

— Как ты поступил с остальными зернышками?

— Они в надежном месте.

— Они не могут быть в надежном месте. Не может быть надежного места. Я не знаю, что такое ПирЕ, но мне известно, что это дорога в ад. Я не хочу, чтобы по ней пошел Саул.

— Ты так его любишь?

— Я так его уважаю. Он первый человек, кто показал мне, что стоит перейти пол чужие знамена.

— Джиз, что такое ПирЕ? Ты знаешь.

— Догадываюсь. Я сопоставила все известные мне факты и слухи, и у меня появилась идея. Но я не скажу тебе, Гулли. — Ее лицо осветилось яростью. — На этот раз я бросаю тебя. Я оставлю тебя беспомощным и во мраке. Испытай, каково это, на собственной шкуре. Насладись!

Она вырвалась и побежала по зале. И в этот момент упали первые бомбы.

Они шли, как метеоритный поток, не столь многочисленны, но куда более смертоносны. Они шли на утренний квадрант; на ту сторону земного шара, которая находилась на границе между тьмой и светом. Покрыв расстояние в четыреста миллионов миль, они столкнулись с Землей.

Их космической скорости противостояло быстродействие земных военных компьютеров, за микросекунды обнаруживших и перехвативших

новогодние подарки с Внешних Спутников. Рой ослепительно-ярких звезд вспыхнул в небе — это были бомбы, детонированные на высоте пятьсот миль над их целью.

Но так тонка была грань между скоростью атаки и скоростью обороны, что многие прорвались. Невидимые траектории завершились титаническими сотрясениями.

Первый атомный взрыв, уничтоживший Ньюарк, резко встряхнул особняк Престейна. Стены и пол свели страшные судороги. Гости повалились на роскошную мебель и друг на друга. Удар следовал за ударом. Почва содрогалась от землетрясений. Оглушающие, леденящие душу взрывы, неестественно бледные вспышки лишали людей рассудка, оставив лишь голый примитивный ужас обезумевших животных, в панике вопящих, спасающихся, бегущих. За пять секунд новогодний вечер у Престейна из изысканного приема превратился в дикий хаос.

Фойл поднялся с пола. Он посмотрел на сплетенные, извивающиеся тела на паркете, заметил пытающуюся освободиться Джизбеллу, сделал шаг вперед и остановился. Вокруг продолжало грохотать. Он увидел ошеломленную и раненую Робин Уэднесбери, еле поднимающую голову, и

сделал шаг к ней, но снова остановился. Он понял, куда должен идти.

Фойл ускорился. Грохот и молнии обратились вдруг в скрежетанье и мельтешенье. Конвульсии землетрясений стали волнообразными покачиваниями. Фойл перерыл весь колоссальный дворец, пока наконец не нашел ее в саду стоящей на мраморной скамье — мраморная статуя для его ускоренных чувств… статуя экзальтации.

Он замедлился. Ощущения скачком вернулись в норму, и снова он был оглушен и ослеплен.

— Леди Оливия, — окликнул Фойл.

— Кто это?

— Паяц.

— Формайл?

— Да.

— Вы меня искали? Я тронута, воистину тронута.

— Вы с ума сошли! Стоять здесь, на открытом месте… Молю вас, позвольте…

— Нет, нет. Это прекрасно… Великолепно!

— Позвольте мне джантировать с вами в какое-нибудь укрытие.

— А, вы представляетесь себе доблестным рыцарем в доспехах? Благородны и преданны… Это вам не подходит, мой дорогой. У вас нет к этому

склонности. Лучше вам уйти.

— Я останусь.

— Как влюбленный в красоту?

— Как влюбленный.

— Вы все так же утомительны, Формайл. Ну, вдохновитесь! Это Армагеддон… Расцветающее Уродство… Расскажите мне, что вы видите.

— Немногое, — ответил он, оглядываясь и морщась. — Над всем горизонтом свет. Стремительные облака света. А выше — сияние. Словно переливаются огоньки новогодней гирлянды.

— О, вы так мало видите своими глазами… Представьте, что вижу я. В небе раскинулся купол. Цвета меняются от темного привкуса до сверкающего ожога. Так я назвала открытые мне краски. Что это может быть за купол?

— Радарный экран, — пробормотал Фойл.

— И еще… громадные копья света, рвущиеся вверх, покачивающиеся, извивающиеся, колеблющиеся, танцующие. Что это?

— Следящие лучи. Вы видите всю электронную систему обороны.

— Я вижу и летящие бомбы… резкие мазки того, что вы зовете красным. Но не вашего красного — моего. Почему я их вижу?

— Они нагреты трением о воздух, но инертная

свинцовая оболочка для нас бесцветна.

— Смотрите, вам гораздо лучше удается роль Галилея, чем Галахада. О! Вот одна появилась на востоке. Следите! Падает, падает, падает… Ну!!

Яркая вспышка на востоке доказала, что это не плод ее воображения.

— А вот другая, на севере. Очень близко. Очень. Сейчас! — Земля всколыхнулась. — И взрывы, Формайл… Не просто облака света — ткань, плетенье, паучья сеть перемешавшихся красок. Так прекрасно. Будто изысканный саван.

— Так оно и есть, леди Оливия, — отрезвляюще заметил Фойл.

— Вы боитесь?

— Да.

— Тоща убегайте.

— Нет.

— В вас сидит дух противоречия.

— Не знаю. Я испуган, но не уйду.

— Вы нагло выкручиваетесь. Бравируете рыцарской отвагой? — Хрипловатый голос зазвучал язвительно. — Только подумайте, Галахад… Ну сколько времени нужно, чтобы джантировать? Через считаные секунды вы можете быть в Мексике, Канаде, Аляске. В полной безопасности. Там сейчас наверняка миллионы. В городе, вероятно,

никого, кроме нас, не осталось.

— Не каждый может джантировать так далеко и так быстро.

— Значит, мы последние из тех, кто идет в расчет. Почему вы не бросите меня? Меня скоро убьют. Никто не узнает, что вы струсили и задали стрекача.

— Дрянь!

— Ага, вы злитесь. Что за грубый язык. Это первый признак слабости. Почему бы вам не применить силу и в моих же интересах не унести меня? Это был бы второй признак.

— Будь ты проклята!

Он подступил к ней вплотную, яростно сжав кулаки. Оливия коснулась его щеки холодной изящной рукой, и снова Фойл ощутил электрический удар.

— Нет, слишком поздно, мой милый, — тихо произнесла она. — Сюда летит целый рой красных мазков… ниже, ниже… ниже… прямо на нас. Нам не спастись. Теперь — быстро! Беги! Джантируй! Возьми меня с собой! Быстро! Быстро!

Он схватил ее.

— Дрянь! Никогда!

Он сжал ее, нашел мягкий коралловый рот и поцеловал. Он терзал ее губы и ждал конца. Ни-

чего не произошло.

— Надули! — воскликнул он.

Она рассмеялась. Фойл вновь поцеловал ее и наконец заставил себя разжать объятия. Она глубоко вздохнула, затем опять засмеялась, сверкая коралловыми глазами.

— Все кончено, — сказала Оливия.

— Ничего еще не начиналось.

— Ты имеешь в виду войну?

— Войну между нами.

— Так пусть же будет война! — неистово проговорила она. — Ты первый, кого не обманула моя внешность. О боже! Скука обходительного рыцарства и сладенькая любовь к принцессе. Но я не такая… внутри. Не такая. Не такая. Нет. Да здравствует свирепая, жестокая, беспощадная война между нами. Не побеждай меня… — уничтожь!

Внезапно она снова стала леди Оливией, надменной снежной девой.

— Боюсь, что обстрел прекратился, мой дорогой Формайл. Представление окончено. Что за восхитительная прелюдия к новому году!.. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи?! — вскричал Фойл.

— Спокойной ночи, — повторила она. — Право, любезный Формайл, неужели вы столь неоте-

санны, что не замечаете, когда надоели? Можете идти.

Фойл застыл, судорожно пытаясь найти нужные слова, затем повернулся и, пошатываясь, вышел из дома. Он дрожал от возбуждения и брел, как в тумане, едва осознавая беспорядок и смятение вокруг. Горизонт был залит полыханием огненных языков. Взрывные волны так разворошили атмосферу, что до сих пор то и дело со свистом налетали шквалы ветра. Многие здания были повреждены — стекло разбилось, сталь покорежилась, карнизы обвалились. Город был полуразрушен, несмотря на то что избежал прямых попаданий.

Улицы пустовали. Все население Нью-Йорка джантировало в отчаянных поисках безопасности… на пределе своих возможностей… на пять миль, на пятьдесят, на пятьсот. Некоторые джантировали прямо под удар бомбы. Тысячи погибли в джант-взрывах, поскольку общественные джант-площадки не были рассчитаны на такой массовый исход.

Фойл осознал, что на улицах стали появляться спасатели в белых защитных костюмах. Властный окрик напомнил ему, что его могут поставить на аварийные работы. Проблемы эва-

куации джантирующего населения не было, а вот вынудить людей вернуться, восстановить порядок… Фойл никак не намеревался неделю провести в борьбе с пожарами и грабителями. Он ускорился и ускользнул от Аварийной Команды.

На Пятой авеню он замедлился; ускорение пожирало огромное количество энергии. Долгие периоды ускорения требовали потом многих дней восстановления сил.

Грабители и джек-джантеры уже хозяйничали на авеню — поодиночке и бандами, трусливые, но свирепые; шакалы, раздирающие тело живого, беспомощного животного. Сегодня город принадлежал им, и они орудовали без стеснения. Они налетели на Фойла.

— Я не в настроении, — предупредил он. — Поиграйте с кем-нибудь другим.

Он вывернул все карманы и швырнул им деньги. Они торопливо схватили их, но остались не удовлетворены. Они жаждали забавы, и беззащитный джентльмен вполне мог ее предоставить. С полдюжины бандитов окружили Фойла тесным кольцом.

— Добрый господин, — скалились они. — Давай повеселимся.

Фойл однажды видел изуродованное тело од-

ной из жертв их веселья. Он вздохнул и с трудом отрешился от образа Оливии Престейн.

— Ну что ж, — сказал он. — Повеселимся.

Он нащупал пульт управления во рту и на двадцать губительных секунд превратился в самую смертоносную боевую машину… коммандос-убийца. Все происходило как будто помимо его воли; тело просто следовало вживленным в мускулы навыкам и рефлексам… На тротуаре осталось лежать шесть трупов.

Собор Святого Патрика стоял незыблемый, вечный, своим величием подавляя крошечные языки пламени, лизавшие позеленевшую медь крыши. Он был пуст. Освещенные и обставленные шатры Пятимильного Цирка заполняли неф церкви, но люди их покинули. Слуги, повара, камердинеры, атлеты, лакеи, философы и мошенники поспешно бежали.

— Но они вернутся пограбить, — пробормотал Фойл.

Он вошел в свой шатер и увидел сгорбившуюся на ковре фигурку в белом, что-то невнятно и тихо мычащую. Это была Робин Уэднесбери — платье в клочья, рассудок в клочья.

— Робин!

Она продолжала мычать. Он поднял ее на но-

ги, встряхнул, ударил по лицу. Она просияла и продолжала мычать. Фойл достал шприц и ввел ей лошадиную дозу ниацина. Отрезвляющее действие наркотика на ее патетическое бегство от реальности было чудовищно. Робин буквально вывернуло наизнанку. Атласная кожа побелела, прекрасное лицо исказилось. Она узнала Фойла, вспомнила то, что пыталась забыть, закричала и упала на колени. Она зарыдала.

— Так-то лучше, — произнес Фойл. — Ты великая любительница спасаться бегством. Сперва самоубийство. Теперь это. Что следующее?

— Уйди.

— Возможно, религия. Ты чудесно впишешься в какую-нибудь секту. Примешь муки за веру… В состоянии ты смотреть жизни прямо в глаза?

— Разве тебе никогда не приходилось убегать?

— Никогда. Бегство — для неврастеников.

— Неврастеник… Любимое слово нашего образованного умника… Ты ведь образован, не правда ли? Так образован. Так уравновешен. Так спокоен… Да ты удирал всю свою жизнь!

— Я?! Никогда. Всю свою жизнь я преследовал.

— Ты удирал. Ты уходил от реальной жизни, нападая на нее… отрицая ее… уничтожая ее… Вот что ты делал.

— Что? — Фойл резко встрепенулся. — Ты хочешь сказать, будто я от чего-то спасался?

— Безусловно.

— Отчего же?

— От реальности. Ты не в состоянии принять жизнь такой, какая она есть. Ты отказываешься это сделать. Ты пытаешься загнать ее в твои собственные рамки. Ты ненавидишь и уничтожаешь все, что не укладывается в твои безумные рамки. — Она подняла залитое слезами лицо. — Я больше не могу этого выдержать. Отпусти меня.

— Отпустить?.. Куда?

— Жить своей жизнью.

— А как же твоя семья?

— …И искать их самой.

— Почему? Что случилось?

— Слишком много… нет сил… ты и война… потому что ты так же страшен, как и война. Страшнее. Что случилось со мной сегодня, происходит постоянно, когда я с тобой. Я могу вынести либо одно, либо другое — но не вместе.

— Нет, — отрезал Фойл. — Ты мне нужна.

— Я готова выкупить себя.

— Каким образом?

— Ты потерял все нити, ведущие к «Ворге», не правда ли?

— И?

— Я нашла еще одну.

— Где?

— Не имеет значения. Ты согласен отпустить меня, если я тебе се передам?

— Я могу вырвать силой.

— Можешь? После сегодняшней бомбежки? Попробуй.

Он был захвачен врасплох ее вызовом.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Я дам тебе намек. Помнишь того человека в Австралии?

— Форреста?

— Да. Он пытался назвать имена своих товарищей. Помнишь единственное имя, которое он сумел произнести?

— Кемп.

— Он умер, не успев закончить. То имя — Кемпси.

— Это и есть твоя нить?

— Да. Кемпси. Имя и адрес. В обмен на твое обещание отпустить меня.

— По рукам, — сказал он. — Ты свободна. Выкладывай.

Робин подошла к дорожному платью, в котором была в Шанхае, и достала из кармана обгоревший

клочок бумаги.

— Я заметила это на столе Ореля, когда пыталась потушить пожар… пожар, который устроил Горящий Человек…

Это был отрывок письма.

…все, что угодно, только бы вырваться из этого ада. Почему с человеком надо обращаться как с паршивой собакой лишь из-за того, что он не умеет джантировать?! Пожалуйста, помоги мне, прошу. Спаси старого товарища по кораблю, который нельзя упоминать. Неужели ты не найдешь сто кредиток? Помнишь, я выручал тебя… Пошли сто кредиток… хотя бы пятьдесят. Не покидай меня в беде. Родж Кемпси.

Барак N3. «Бактерия, Инк.»

Море Спокойствия, Луна.

— Боже мой! — вскричал Фойл. — Это действительно нить! На этот раз ничто нам не помешает. Я выжму из него все… все. — Он криво ухмыльнулся Робин. — Мы летим на Луну завтра вечером. Закажи билеты. Нет. Купи корабль. Теперь, после атаки, от них будут отделываться по дешевке.

— Мы? — потрясенно проговорила Робин. — Не мы, а ты.

— Нет, мы. Мы летим на Луну. Вдвоем.

— Я ухожу.

— Ты никуда не уходишь. Ты остаешься со мной.

— Но ты поклялся.

— Уймись, девочка! Пора взяться за ум. Ради этого я бы поклялся чем угодно. Теперь ты мне нужна больше, чем когда-либо. Не для «Ворги»; с «Воргой» я справлюсь сам. Есть кое-что гораздо более важное.

Он посмотрел на ее все еще недоверчивое лицо и сочувственно улыбнулся.

— Мне очень жаль, девочка. Если бы ты дала мне это письмо два часа назад, я бы сдержал свое слово. Но сейчас слишком поздно. Мне нужен Доверенный Секретарь. Я влюблен в Оливию Престейн.

Робин вскочила на нош, словно сгусток живой ярости.

— Ты влюблен в нее? В Оливию Престейн?! В этот белый труп! — Ее горькое негодование явилось для него ошеломляющим открытием. — Вот теперь ты потерял меня. Навсегда. Теперь я тебя уничтожу!

Она исчезла.

Глава 5

Капитан Питер Йанг-Йовил принимал донесения в Центральном Штабе в Лондоне со скоростью шесть в минуту. Сообщения приходили по телефону, по телеграфу, по радио, с джант-курьерами. Сложившаяся после бомбардировки ситуация быстро прояснялась.

ОБСТРЕЛ НАКРЫЛ СЕВ. И ЮЖ. АМЕРИКУ ОТ 60° ДО 120° ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ… ОТ ЛАБРАДОРА ДО АЛЯСКИ… ОТ РИО ДО ЭКВАДОРА… ПО ПРИБЛИЖЕННЫМ ОЦЕНКАМ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ (10 %) РАКЕТ ПРОНИКЛО ЧЕРЕЗ ЗАЩИТНЫЙ ЭКРАН… ОРИЕНТИРОВОЧНЫЕ ПОТЕРИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ — ОТ ДЕСЯТИ ДО ДВАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ…

— Спасибо, что существует джантация, — сказал Йанг-Йовил. — Иначе потери были бы в пять раз больше. Но все равно, это нокаут. Еще один такой удар, и с Землей покончено.

Он обращался к помощникам, джантирующим туда и обратно, появляющимся и исчезающим. Они кидали на его стол донесения и мелом заносили результаты на стеклянную доску, занимавшую всю стену.

Здесь действовали без церемоний, и Йанг-Йовил был удивлен и насторожен, когда один из помощников постучал в дверь и вошел с соблюдением всех формальностей.

— Ну, что вы еще придумали? — едко спросил он.

— К вам дама.

— Сейчас не время ломать комедии, — раздраженно бросил Йанг-Йовил. Он указал на доску, красноречиво отражавшую весь ужас положения. — Прочти и поплачь на обратном пути.

— Не обычная дама, Йео. Ваша Венера с Испанской Лестницы.

— Что? Какая Венера?

— Ваша чернокожая Венера.

— Как?.. Та самая?.. — Йанг-Йовил покраснел. — Пусть войдет.

— Вы будете допрашивать ее с глазу на глаз, разумеется?

— Не ехидничай, пожалуйста. Идет война. Если я кому-нибудь понадоблюсь, пускай обращаются ко мне на Секретном Языке.

Робин Уэднесбери ступила в кабинет все в том же рваном белом платье. Она джантировала из Нью-Йорка в Лондон, даже не переодевшись. Грязное и искаженное, ее лицо сохраняло красо-

ту. Йанг-Йовил мгновенно окинул ее взглядом и пришел к выводу, что его первое впечатление было верным.

Робин ответила столь же оценивающим взглядом, и ее глаза расширились.

— Вы… вы — повар с Испанской Лестницы! Анжело Погги!

Как офицер Разведки, Йанг-Йовил был готов справиться с критической ситуацией.

— Не повар, мадам. Я не имел возможности проявить свою истинную чарующую личность. Пожалуйста, садитесь, мисс…

— Уэднесбери. Робин Уэднесбери.

— Очень приятно. Капитан Йанг-Йовил. Как мило с вашей стороны навестить меня, мисс Робин. Вы избавили меня от долгих поисков.

— Н-но я не понимаю. Что вы делали на Испанской Лестнице? Зачем…

Йанг-Йовил обратил внимание, что губы ее не шевелятся.

— О, так вы телепат, мисс Уэднесбери? Как это может быть? Я считал, что знаю всех телепатов.

— Я не телепат. Я могу только слать… а не принимать.

— Что, разумеется, обесценивает ваш дар. Понимаю. — Йанг-Йовил грустно покачал го-

ловой. — Что за подлость, мисс Уэднесбери… в полной мере ощущать все недостатки телепатии и в то же время быть лишенной се преимуществ. Поверьте, я сочувствую вам.

— Господи, он первый, кто понял это сам, без разъяснений…

— Осторожней, мисс Уэднесбери. Я принимаю ваши мысли. Ну, так что же Испанская Лестница?..

Но она не могла справиться со своей тревогой.

— Он меня выслеживал? Из-за семьи? О ужас!.. Меня будут пы тать… Выбивать информацию… Я…

— Моя милая девочка, — мягко произнес Йанг-Йовил. Он взял ее руки и ласково сжал их. — Послушайте. Вы зря волнуетесь. Очевидно, вы числитесь в черных списках, так?

Она кивнула.

— Это плохо, но сейчас не будем об этом беспокоиться. То, что в Разведке мучают людей, выбивая информацию… пропаганда.

— Пропаганда?

— Мы не звери, мисс Уэднесбери. Нам известно, как заставить людей говорить, не прибегая к средневековой жестокости. Но мы специально распространяем подобные слухи, чтобы, так ска-

зать, заранее подготовить почву.

— Правда? Он лжет. Пытается обмануть меня.

— Это правда, мисс Уэднесбери. Я действительно иногда прибегаю к хитрости, но сейчас в этом нет нужды. Зачем, — когда вы пришли сюда по доброй воле.

— Он слишком находчив… слишком быстр. Он…

— Мне кажется, вас жестоко обманули недавно, мисс Уэднесбери… Жестоко обидели.

— Да. Но это, в основном, моих рук дело. Я дура. Проклятая дура!

— Никак не дура, мисс Уэднесбери, и ни в коем случае не проклятая. Не знаю, что могло так подорвать вашу уверенность в себе, но я надеюсь восстановить ее. Итак… вы обмануты? В основном, сами собой? Что ж, с каждым бывает. Но вам ведь кто-то помогал… Кто?

— Я предаю его.

— Тогда не говорите.

— Но я должна найти мать и сестер… Я не могу ему больше верить… — Робин глубоко вздохнула. — Я хочу рассказать вам о человеке по имени Гулливер Фойл.

— Правда, что он приехал по железной дороге? — спросила Оливия Престейн. — На паровозе

с вагончиком? Какая удивительная смелость.

— Да, это замечательный молодой человек, — ответил Престейн. Они находились в приемной зале своего особняка, вдвоем во всем доме. Престейн стоял на страже чести и жизни, ожидая возвращения бежавших в панике слуг, и невозмутимо развлекал дочь беседой, не позволяя ей догадаться, какой серьезной опасности они подвергались.

— Папа, я устала.

— У нас была тяжелая ночь, дорогая. Но я прошу тебя пока не уходить.

— Почему?

— Мне одиноко, Оливия. Поговорим еще немного.

— Я сделала дерзкую вещь, папа. Я следила за обстрелом из сада.

— Как! Одна?

— Нет. С Формайлом.

В запертую дверь заколотили.

— Кто это?

— Бандиты, — спокойно сказал Престейн. — Не тревожься, Оливия. Они не войдут. — Он шагнул к столу, где аккуратно и ряд выложил оружие. — Нет никакой опасности. — Он попытался отвлечь ее. — Ты говорила мне о Формайле…

— Ах, да. Мы смотрели вместе… описывая друг другу увиденное.

— Без компаньонки? Это неблагоразумно, Оливия.

— Знаю, я вела себя недостойно. Он казался таким большим, таким спокойным, таким самоуверенным, что я решила разыграть леди Надменность. Помнишь мисс Пост, мою гувернантку, такую бесстрастную и высокомерную, что я прозвала ее леди Надменность? Я вела себя как леди Надменность. Он пришел в ярость, папа. Поэтому отправился искать меня в саду.

— Ты позволила ему остаться? Я поражен, дорогая.

— Я тоже. Я, наверное, наполовину сошла с ума от возбуждения. Как он выглядит, папа? Как он тебе показался?

— Он действительно большой. Высокий, жгуче-черный, довольно загадочный. Похож на Борджиа. Он мечется между наглостью и дикостью.

— Ага, так он дикарь, да? Я почувствовала это. Он излучает угрозу… Большинство людей просто мерцают… он же искрится, как молния. Ужасно захватывающе.

— Дорогая, — нравоучительно указал Пре-

стейн. — Твои слова недостойны скромной девушки. Я бы огорчился, любовь моя, если бы у тебя появилось романтическое влечение к такому парвеню, как этот Формайл.

В зал стали джантировать слуги, повара, официанты, лакеи, камердинеры, кучера, горничные. Все они были пристыжены своим паническим бегством.

— Вы бросили свои посты. Это не будет забыто, — холодно отчеканил Престейн. — Моя безопасность и моя честь снова в ваших руках. Берегите их. Леди Оливия и я удаляемся на покой.

Он взял дочь под локоть и помог ей подняться по лестнице, ревностно охраняя свою ледяную принцессу.

— Кровь и деньги, — пробормотал Престейн.

— Что, папа?

— Я подумал о семейном пороке, Оливия. Какое счастье, что ты не унаследовала его.

— Что за порок?

— Тебе незачем знать. Это все, что у нас есть общего с Формайлом.

— Значит, он испорчен? Я почувствовала. Как Борджиа, ты сказал. Безнравственный Борджиа, с черными глазами и печатью на лице.

— С печатью?

— Да. Я видела какие-то линии… не обычную электрическую сеть нервов и мышц. Что-то на это накладывается. Это поразило меня с самого начала. Фантастическое, чудовищно порочное клеймо… Не могу выразить словами. Дай мне карандаш. Я попробую нарисовать.

Они остановились перед чиппенлельским секретером. Престейн достал плиту оправленного в серебро хрусталя. Оливия прикоснулась к ней кончиком пальца; появилась черная точка. Она повела палец, и точка превратилась в линию. Быстрыми штрихами она набросала кошмарные завихрения дьявольской тигриной маски.

Саул Дагенхем покинул затемненную спальню. Через секунду ее залил свет, излучаемый стеной. Казалось, гигантское зеркало отражало покои Джизбеллы, но с одним причудливым искажением. В постели лежала Джизбелла, а в отражении на постели сидел Дагенхем. Зеркало было на самом деле свинцовым стеклом, разделяющим две одинаковые комнаты. Дагенхем только что включил в своей свет.

— Любовь по часам, — раздался в динамике голос Дагенхема. — Отвратительно.

— Нет, Саул. Нет.

— Низко.

— Снова нет.

— Горько.

— Нет. Ты жаден. Довольствуйся тем, что имеешь.

— Богу известно, это больше, чем я когда-либо имел. Ты прекрасна.

— Ты любишь крайности… Спи, милый. Завтра едем кататься на лыжах.

— Нет, мои планы изменились. Надо работать.

— Саул… ты ведь обещал. Достаточно работы, волнений и беготни. Ты не собираешься сдержать слово?

— Не могу. Идет война.

— К черту войну. Ты уже в полной мере пожертвовал собой. Что еще они могут требовать от тебя?

— Я должен закончить работу.

— Я помогу тебе.

— Нет. Не вмешивайся в это.

— Ты мне не доверяешь.

— Я не хочу тебе вреда.

— Ничто не может повредить нам.

— Фойл может.

— Ч-что?..

— Формайл — Фойл. Ты знаешь это. Я знаю, что ты знаешь.

— Но я никогда…

— Да, ты мне не говорила. Ты прекрасна. Так же храни верность и мне, Джизбелла.

— Тогда каким образом ты узнал?

— Фойл допустил ошибку.

— Какую?

— Имя.

— Формайл с Цереса? Он купил его.

— Но Джеффри Формайл?

— Просто выдумал.

— Полагает, что выдумал… Он его помнит. Формайл — имя, которое используют в Мегалане. В свое время я применял к Фойлу все пытки Объединенного Госпиталя в Мехико. Имя осталось глубоко в его памяти и всплыло, когда он подыскивал себе новое.

— Бедный Гулли.

Дагенхем улыбнулся.

— Да. Как мы ни защищаемся от внешних врагов, нас всегда подводят внутренние. Против измены нет защиты, и мы все предаем себя.

— Что ты собираешься делать, Саул?

— Покончить с ним, разумеется.

— Ради двадцати фунтов ПирЕ?

— Нет. Чтобы вырвать победу в проигранной войне.

— Что? — Джизбелла подошла к стеклянной перегородке, разделяющей комнаты. — Саул, ты? Патриотичен?

Он кивнул, почти смущенно.

— Странно. Абсурдно. Но это так. Ты изменила меня полностью. Я снова нормальный человек.

Он прижал лицо к стене, и они поцеловались через три дюйма свинцового стекла.

Море Спокойствия идеально подходило для выращивания анаэробных бактерий, редких плесеней, грибков и прочих видов микроорганизмов, требующих безвоздушного культивирования и столь необходимых медицине и промышленности.

«Бактерия, Инк.» была огромной мозаикой возделанных полей, разбросанных вокруг скопления бараков и контор. Каждое поле представляло собой гигантскую кадку ста футов высотой и не более двух молекул толщиной. За день до того, как линия восхода, ползущая по поверхности Луны, достигала Моря Спокойствия, кадки наполнялись питательной средой. На восходе — резком и слепящем на безвоздушном спутнике — их засевали, и на протяжении следующих четырнадцати дней непрерывного солнца лелеяли, прикрывали, подкармливали мельтешащие фигурки

полевых рабочих в скафандрах. Перед заходом урожай снимали, а кадки оставляли на мороз и стерилизацию двухнедельной лунной ночи.

Джантация была не нужна для этой кропотливой работы. «Бактерия, Инк.» нанимала несчастных, неспособных к джантации, и платила им жалкие гроши. Самый непрестижный труд; занимались им отбросы и подонки со всей Солнечной системы. И бараки «Бактерии, Инк.» во время вынужденного четырнадцатидневного безделья напоминали ад. Фойл убедился в этом, войдя в барак N 3.

Ему открылась ужасающая картина. Большое помещение ходило ходуном. Две сотни мужчин жрали, пили, сидели, лежали ничком, тупо смотрели на стены, плясали и горланили. Между ними сновали шлюхи и пронырливые сводники, профессиональные игроки с раскладными столиками, торговцы наркотиками, ростовщики и воры. Клубы табачного дыма перекрывали вонь пота, сивухи и Аналога. На полу валялись безжизненные тела, разбросанное белье, одежда, пустые бутылки и гниющая пища.

Дикий рев отметил появление Фойла, но это его не удивило.

— Кемпси? — спокойно сказал он первой ис-

каженной роже, возникшей в сантиметрах от его лица. И вместо ответа услышал хохот. Он улыбнулся и сунул банкноту в сто кредиток. — Кемпси? — спросил он другого. И вместо ответа услышал проклятья. Но он снова заплатил и безмятежно стал проталкиваться вглубь, спокойно раздавая банкноты в благодарность за насмешки и оскорбления. В середине барака он нашел того, кого искал, — капо, огромного, чудовищно безобразного зверя. Громила возился с двумя проститутками и лакал виски, подносимое льстивыми руками лизоблюдов.

— Кемпси? — обратился Фойл на незабытом языке отродья городских трущоб. — Нужно Роджера Кемпси.

— Тебе ни шиша не нужно, — ответил громила, выбрасывая вперед огромную лапу. — Гони монету.

Толпа радостно взревела. Фойл оскалился и плюнул ему в глаз. Все испуганно застыли. Громила отшвырнул проституток и яростно кинулся на Фойла. Через пять секунд он ползал на полу; Фойл придавил его шею ногой.

— Нужно Кемпси, — ласкою проговорил Фойл. — Сильно нужно. Лучше скажи, а не то конец тебе, и все.

— В уборной! — прохрипел громила. — Отсиживается. Он всегда там…

Фойл презрительно швырнул остаток денег и быстрым шагом прошел в уборную. Кемпси скорчился в углу, прижав лицо к стене, глухо постанывая в однообразном ритме, очевидно, не первый час.

— Кемпси?

Ему ответило мычание.

— Что такое, ты?

— Одежда… — всхлипнул Кемпси. — Одежда. Везде. Повсюду. Одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо… Одежда. Кругом одежда.

— Вставай. Вставай, ты.

— Одежда. Везде одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо…

— Кемпси, очнись. Меня прислал Орель.

Кемпси перестал стонать и повернул к Фойлу распухшее лицо.

— Кто? Кто?

— Меня прислал Орель. Я помогу тебе. Ты свободен. Уносим ноги.

— Когда?

— Сейчас.

— Благослови его бог! О господи, благослови!..

Кемпси неуклюже запрыгал, исцарапанное

багровое лицо расплылось в искаженной улыбке. Он надтреснуто смеялся и скакал; Фойл вывел его из уборной. Но в бараке Кемпси снова застонал и заплакал. Они шли подлинному помещению, а голые шлюхи хватали охапки грязной одежды и трясли перед ею глазами. Кемпси что-то нечленораздельно хрипел и трясся, на губах выступила пена.

— Что такое, с ним? — спросил Фойл у громилы на языке уличных подонков.

Громила демонстрировал ныне почтительный нейтралитет, если не горячую любовь.

— Всегда так, он. Сунешь рванье — и дергается.

— Чего он?

— Чего? Чокнутый, и все.

В тамбуре Фойл натянул на себя и Кемпси скафандры и вывел его на ракетное поле. Антигравитационные лучи бледными пальцами тянулись из шахт к зависшей в ночном небе горбатой Земле. В яхте Фойл достал из шкафчика бутылку и ампулу, нашел стакан и спрятал ампулу в ладони.

Кемпси жадно глотнул виски — все еще потрясенный, все еще ликующий.

— Свободен, — бормотал он. — Благослови его бог! Свободен… — Он снова выпил. — Что я пере-

жил… До сих пор не могу поверить. Это словно во сне. Почему мы не взлетаем? Я… — Кемпси подавился и выронил стакан, в ужасе глядя на Фойла. — Твое лицо! — воскликнул он. — Боже мой, твое лицо! Что с ним случилось?

— Ты с ним случился, ты, сволочь! — вскричал Фойл.

Он прыгнул — подобранный, как тигр, жестокий, как тигр, пылая тигриной маской, — и метнул ампулу. Та вошла в шею Кемпси и, подрагивая, повисла. У Кемпси подогнулись ноги.

Фойл ускорился, подхватил тело в падении и понес в правую каюту. На яхте было всего две каюты, и обе Фойл подготовил заранее. Правая каюта была превращена в операционную. Фойл привязал тело к столу, открыл чемоданчик с инструментами и начал тончайшую операцию, технику которой усвоил в то же утро гипнообучением… операцию, возможную только благодаря его пятикратному ускорению.

Он разрезал кожу и фасцию, пропилил грудную клетку, обнажил сердце, рассек его и соединил вены и артерии с механизмом искусственного кровообращения, находящимся радом со столом. Потом наложил на лицо Кемпси маску и включил кислородный насос. Прошло двадцать секунд

объективного времени.

Фойл замедлился, проверил температуру Кемпси, сделал противошоковый укол и стал ждать. Клокочущая кровь шла через насос в тело Кемпси. Через пять минут Фойл снял кислородную маску. Дыхательный рефлекс поддерживался. Кемпси жил без сердца. Фойл сидел у операционного стола и ждал. На лице его горело клеймо.

Кемпси был без сознания.

Фойл ждал.

Кемпси пришел в себя и закричал. Фойл вскочил, затянул ремни и склонился над распростертым телом.

— Здравствуй, Кемпси.

Кемпси кричал.

— Взгляни на себя, Кемнси. Ты мертв.

Кемпси потерял сознание. Фойл наложил кислородную маску и привел его в чувство.

— Дай мне умереть, дай мне умереть, ради бога!

— В чем дело? Что, больно? Я умирал шесть месяцев и не выл.

— Дай мне умереть…

— В свое время. В свое время… если будешь вести себя как следует. Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на «Ворге»…

— О боже, дай умереть…

— Ты был на «Ворге»?

— Да.

— Вам встретились остатки кораблекрушения. С обломков «Номада» попросили о помощи, а вы прошли мимо. Так?

— Да.

— Почему?

— Господи! О господи, помоги мне!

— Почему?

— Боже мой!

— На «Номаде» был я, Кемпси. Почему вы обрекли меня на смерть?

— О боже мой, боже мой! Господи, спаси меня!

— Я спасу тебя, Кемпси, если ты мне ответишь. Почему вы бросили меня?

— Мы не могли.

— Не могли взять на борт? Почему?

— Беженцы.

— А-а, значит, я верно догадался. Вы везли беженцев с Каллисто?

— Да.

— Сколько?

— Шестьсот.

— Это немало, но еще для одного места бы хватило. Почему вы меня не подобрали?

— Мы их прикончили.

— Что?! — вскричал Фойл.

— За борт… всех… шестьсот человек… Раздели донага… забрали их одежду, деньги, вещи, драгоценности… За борт, всех, пачками… Боже! Одежда по всему кораблю… Они кричат и… о господи, если бы я только мог забыть! Женщины… голые… синие… вокруг нас. Одежда… Везде одежда… Шестьсот человек!

— Вы взяли с них деньги, даже и не думая везти на Землю? Ты, сволочь, отвечай, быстро!

— Да.

— Почему не подобрали меня?

— Все равно пришлось бы выбросить за борт.

— Кто отдал приказ?

— Капитан.

— Имя!

— Джойс. Линдси Джойс.

— Адрес!

— Колония Склотски, Марс.

— Что?! — Фойл был оглушен. — Он — Склотски? Я шел по его следам, я шал его год, я все отдал… и не могу прикоснуться… причинить боль… заставить почувствовать то, что чувствовал я?! — Он отвернулся от корчащегося на столе человека, равно корчась от крушения всех надежд. — Ск-

лотски! Единственное, о чем я никогда не думал… Что мне делать?! Что же мне делать?! — взревел он в ярости. Клеймо ярко пылало на его лице.

Фойл пришел в себя от стона Кемпси. Он шагнул к столу и наклонился над рассеченным телом.

— Давай-ка напоследок уточним. Это Линдси Джойс приказал избавиться от беженцев?

— Да.

— И бросить меня гнить?

— Да. Да. Ради всего святого, довольно. Дай мне умереть.

— Живи, свинья!.. Мерзкий и бессердечный ублюдок! Живи без сердца. Живи и страдай. Ты у меня будешь жить долго, ты…

Уголком глаз Фойл заметил яркую вспышку и поднял голову. Его горящий лик заглядывал в большой квадратный иллюминатор каюты. Фойл прыгнул к иллюминатору, и пылающий человек исчез.

Фойл выбежал из каюты и помчался в контрольную рубку, дающую обзор на 270°. Горящего человека нигде не было.

— Этого не может быть, — пробормотал он. — Не может быть такою. Это знак, знак удачи… ангел-спаситель. Он спас меня на Испанской Лестнице. Он велит мне не сдаваться и разыскать

Линдси Джойса.

Фойл пристегнулся к пилотскому креслу, врубил двигатель и выжал полное ускорение.

— Линдси Джойс, Колония Склотски, Марс, — шептал он, противясь железной силе, вдавившей его в кресло. — Склотски… Без чувств, без радости, без боли… Он недостижим… Как покарать его? Мучить, пытать? Затащить в левую каюту и заставить почувствовать то, что чувствовал я, брошенный на «Номаде»? Проклятье! Он все равно мертв! Он и есть труп. Живой, ходящий труп. А мне надо победить безжизненное тело и заставить его ощутить боль. Подойти так близко к цели… и оказаться перед запертой дверью. Кошмарный удар. Крушение… Как отомстить?

Через час он освободился от ускорения и ярости, отстегнул ремни и вспомнил о Кемпси. В операционной царила тишина. Перегрузки нарушили работу насоса. Кемпси был мертв.

Неожиданно Фойла захлестнуло новое, незнакомое чувство — отвращение к себе. Он отчаянно пытался побороть его.

— В чем дело, ты? — шептал он. — Подумай о шести сотнях убитых… Подумай о себе… Никак превращаешься в добродетельного христианина-подвальника… готов подставить другую щеку и

заскулить о прощении… Оливия, что ты творишь со мной? Силы прошу, а не слабости…

И все же он отвел глаза, выбрасывая тело за борт.

Глава 6

ВСЕ ЛИЦА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЛУЖБЕ У ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА ИЛИ СВЯЗАННЫЕ С НИМ ИНЫМ ОБРАЗОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАДЕРЖАНЫ И ПОДВЕРГНУТЫ ДОПРОСУ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

ВСЕМ СЛУЖАЩИМ КОМПАНИИ В СЛУЧАЕ ПОЯВЛЕНИЯ НЕКОЕГО ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА НЕМЕДЛЕННО ДОКЛАДЫВАТЬ МЕСТНОМУ МИСТЕРУ ПРЕСТО. ПРЕСТЕЙН.

ВСЕМ КУРЬЕРАМ. ОСТАВИТЬ ТЕКУЩУЮ РАБОТУ И ЯВИТЬСЯ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАНИЯ ПО ДЕЛУ ФОЙЛА. ДАГЕНХЕМ.

ПОД ПРЕДЛОГОМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕКРАТИТЬ ВСЕ БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ. ЦЕЛЬ — ОТРЕЗАТЬ ФОЙЛА ОТ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

КАЖДОЕ ЛИЦО, НАВОДЯЩЕЕ СПРАВКИ О К/К

«ВОРГА», ДОСТАВЛЯТЬ В ЗАМОК ПРЕСТЕЙНА ДЛЯ ПРОВЕРКИ. ПРЕСТЕЙН.

ВСЕ ПОРТЫ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ ПРИВЕСТИ В СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРИБЫТИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА. КАРАНТИННЫМ И ТАМОЖЕННЫМ СЛУЖБАМ КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОСАДКИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

СОБОР СВЯТОГО ПАТРИКА ОБЫСКАТЬ. ВЕСТИ КРУГЛОСУТОЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ. ДАГЕНХЕМ.

УСТАНОВИТЬ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ФАМИЛИИ ОФИЦЕРОВ И РЯДОВОГО СОСТАВА К/К «ВОРГА» С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ХОДА ФОЙЛА. ПРЕСТЕЙН.

КОМИТЕТУ ПО ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОСТАВИТЬ СПИСОК ВРАГОВ НАРОДА, НАЧИНАЯ С ФОЙЛА. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА

1 000 000 КР. ЗА ИНФОРМАЦИЮ, ВЕДУЩУЮ К ЗАДЕРЖАНИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА, ОН ЖЕ ГУЛЛИ ФОЙЛ, НЫНЕ НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ. КРАЙНЕ ВАЖНО! СРОЧНО! ОПАСНО!

И после двухсотлетней колонизации нехватка

воздуха на Марсе была столь резкой, что там до сих пор действовал Закон Р — Л — Закон Растительности — Линча. Повредить или уничтожить любое растение, жизненно необходимое для превращения богатой двуокисью углерода атмосферы Марса в кислородную, считалось тягчайшим преступлением. Предупреждения типа «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» были излишни. Любой человек, сошедший с дорожки, был бы немедленно пристрелен. Женщину, сорвавшую цветок, убили бы без пощады. Два столетия кислородного голодания породили месть за беззащитную зелень, поднятую почти до уровня святыни.

Фойл вспоминал все это, торопливо шагая по середине старой дороги, ведущей к Сен-Мишелю. Прямо с аэродрома Сиртис он джантировал на площадку Сен-Мишель, в начало дорога, четверть мили тянущейся среди зеленых полей. Остаток пути ему предстояло пройти пешком.

Как и оригинальный Мон-Сен-Мишель на побережье Франции, марсианский Сен-Мишель был величественным готическим собором со множеством шпилей и контрфорсов. Он стоял на холме и стремительно взвивался в небо. Океанские волны окружали Сен-Мишель на Земле; зеленые волны травы окружали Сен-Мишель на

Марсе. Оба были крепостями: Мон-Сен-Мишель — крепостью веры, до того, как организованную религию запретили, марсианский Сен-Мишель — крепостью телепатии. Там жил единственный полный телепат Марса Зигурд Магсмэн.

— Итак, Зигурда Магсмэна защищают, — речитативом повторял Фойл полуистерично, полублагоговейно, — во-первых, правительство Солнечной системы; во-вторых, военное положение; в-третьих, Дагенхем — Престейн и Ко; в-четвертых, сама крепость; в-пятых, охрана, слуги и обожатели седобородого мудреца, прекрасно всем нам известного Зигурда Магсмэна, продающего свои поразительный способности за поразительную цену… — Фойл зашелся смехом и еле отдышался. — Но существует кое-что шестое: ахиллесова пята Зигурда Магсмэна. Я знаю ее, потому что заплатил 1 000 000 Кр. Зигурду III… или IV?

Он прошел внешний лабиринт Сен-Мишеля по фальшивым документам и чуть не поддался искушению обманом или силой добиться аудиенции с самим Соломоном. Однако время поджимало. Враги обложили его, как медведя, и стягивали кольцо все туже. Вместо этого он ускорился и нашел скромный домик в обнесенном стенами

саду. С тусклыми окнами и соломенной крышей, домик по ошибке можно было принять за конюшню. Фойл проскользнул внутрь.

Домик был детской. Три милые няни безжизненно сидели в качалках, сжимая в застывших руках вязанье. Фойл молниеносным пятном сделал им по уколу и замедлился. Он посмотрел на древнего, древнего младенца; высохшего, сморщенного ребенка, сидящего на полу рядом с моделью электрической железной дороги.

— Здравствуй, Зигурд, — сказал Фойл.

Младенец заплакал.

— Плакса! Чего ты ревещь? Не бойся, я тебя не обижу.

— Ты плохой человек, с плохим лицом.

— Я твой друг, Зигурд.

— Нет, ты хочешь, чтобы я делал б-бяку.

— Я твой друг. Я все знаю о тех больших дядях, которые выдают себя за тебя — но молчу. Прочитай мои мысли и убедись.

— Ты хочешь обидеть его.

— Кого?

— Капитана. Скл… Скол… — Он не сумел выговорить и заплакал еще горше. — Уходи. Ты плохой. У тебя в голове вред, горящие люди и…

— Иди ко мне, Зигурд.

— Нет! НЯНЯ! НЯНЯ-А-А!

— Заткнись, ублюдок! — Фойл схватил семидесятилетнего младенца и встряхнул его. — Ты испытаешь кое-что новое для себя, Зигурд. В первый раз тебя заставят сделать что-нибудь силой. Понимаешь?

Дряхлый ребенок прочел его мысли и завопил.

— Заткнись! Сейчас мы отправимся в Колонию Склотски. Будь паинькой и веди себя хорошо, делай все, что я тебе скажу. Тогда я верну тебя назад целым и невредимым и дам леденец… или чем там они тебя подкупают. Не будешь слушаться — я из тебя дух вышибу.

— Нет, не вышибешь… не вышибешь. Я — Зигурд Магсмэн. Зигурд-телепат. Ты не посмеешь.

— Сынок, я — Гулли Фойл, Враг Номер Один. Лишь шаг отделяет меня от заветной цели… Я рискую шеей, потому что ты мне нужен для сведения счетов с одной сволочью… Сынок, я Гулли Фойл. Нет такой веши, которую я не посмею сделать.

Телепат стал излучать ужас с такой силой, что по марсианскому Сен-Мишелю заревели сирены. Фойл крепко ухватил древнего младенца, ускорился и вынес его из крепости. Затем он джантировал.

СРОЧНО!
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПОХИЩЕН ЗИГУРД МАГСМЭН. ПОХИТИТЕЛЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ГУЛЛИ ФОЙЛ, ОН ЖЕ ФОРМАЙЛ С ЦЕРЕСА, ВРАГ НОМЕР ОДИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНО УСТАНОВЛЕНО. ПОДНЯТЬ БРИГАДУ КОММАНДОС. СРОЧНО. СРОЧНО.

Члены древней секты Склотски веровали, что корнем всего зла является секс, и безжалостно искореняли зло самокастрированием. Современные Склотски, веруя, что корнем зла являются ощущения, практиковали еще более зверский обряд. Вступив в Колонию Склотски и заплатив за эту привилегию целое состояние, вновь посвященные с великой радостью подвергались операции, отделявшей органы чувств от нервной системы, и вели существование, лишенные слуха, зрения, речи, обоняния, осязания и вкусовых ощущений.

Новичкам, впервые вошедшим в монастырь, показывали уютные кельи. Подразумевалось, что здесь, любовно ухоженные, они проведут остаток дней своих в созерцательном раздумье. В действительности несчастных загоняли в катакомбы и кормили раз в сутки. Двадцать три часа из двадцати четырех они сидели в темноте на

сырых каменных плитах, забытые, заброшенные, никому не нужные.

— Живые трупы, — пробормотал Фойл.

Он замедлился, опустил Зигурда Магсмэна и активизировал сетчатку глаз до излучения света, пытаясь разглядеть что-нибудь в утробном мраке. Наверху была ночь. Здесь, в катакомбах, царила вечная ночь. Зигурд Магсмэн распространял такой ужас и муку, что Фойлу пришлось снова его встряхнуть.

— Тихо! — прошипел он. — Этих мертвецов ты не поднимешь. Найди мне Линдси Джойса.

— Они все больны… все больны… в головах будто черви, и болезнь, и…

— О господи, мне ли не знать это… Давай скорее, надо заканчивать. Нам предстоит еще кое-что похуже.

Они пробирались по извивающимся коридорам катакомб. По стенам, от пола до потолка, тянулись каменные полки. Склотски, бледные, как слизни, немые, как трупы, неподвижные, как будды, наполняли каверны смердением разлагающейся плоти. Телепатическое дитя всхлипывало и стонало. Фойл стальной хваткой держал его за воротник; Фойл стальной хваткой держал след.

— Джонсо, Райт, Киили, Графф, Настро, Андервуд… Боже, их здесь тысячи… — Фойл читал бронзовые таблички, прикрепленные к полкам. — Ищи, Зигурд. Ищи мне Линдси Джойса. Мы будем блуждать тут без конца. Кон, Брейди, Регаль, Винсент… Что за?..

Фойл отпрянул. Одна из кошмарно-белых фигур задела его рукой. Она покачивалась и корчилась. Телепатические волны ужаса и муки, излучаемые Зигурдом Магсмэном, достигли Склотски и пытали.

— Прекрати! — рявкнул Фойл. — Найди Линдси Джойса, и мы уберемся отсюда. Ищи его.

— Дальше вниз, — всхлипнул Зигурд. — Прямо вниз. Семь, восемь, девять полок… Я хочу домой. Мне плохо. Я…

Фойл сорвался с места и побежал по проходу, волоча Зигурда за собой. Потом он увидел табличку: «ЛИНДСИ ДЖОЙС. БУГАНВИЛЬ. ВЕНЕРА».

Это был его враг, виновник его смерти и смерти шестисот невинных людей с Каллисто. Это был враг, о котором он мечтал и к которому рвался долгие месяцы. Это был враг, которому он подготовил мучительную агонию в левой каюте яхты. Это был «Ворга». Это была женщина.

Фойла как громом поразило. В дни ханжеского

пуританства, в дни, когда женщины ходили в парандже, многие наряжались мужчинами и так вступали в жизнь, иначе для них закрытую… Но он никогда не слышал о женщине в космическом флоте, женщине-капитане…

— Это?! — яростно вскричал он. — Это Линдси Джойс?! Линдси Джойс с «Ворги»? Спроси ее!

— Я не знаю, что такое «Ворга».

— Спрашивай!

— Но я… Она была… Она командовала.

— Капитан?

— Я не люблю, что у нее внутри. Там темно и плохо. Мне больно. Я хочу домой.

— Спрашивай. Она была капитаном «Ворги»?

— Да. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня больше. Там мрак. Там боль. Я не люблю ее.

— Скажи ей, что я тот, кого она не подобрала шестнадцатого сентября 2336 года. Скажи ей, что я наконец пришел свести счеты. Скажи ей, что я собираюсь отквитаться.

— Н-не понимаю. Не понимаю.

— Скажи ей, что я собираюсь убить ее, медленно и мучительно. Скажи, что у меня на яхте есть каюта… точно такая, как инструментальный шкаф на «Номаде», где я гнил шесть месяцев… где

по ее приказу я был брошен издыхать. Скажи, что она будет гнить и издыхать, как я. Скажи! — Фойл неистово затряс сморщенное дитя. — Заставь ее почувствовать это. Неужели она уйдет, превратившись в Склотски?! Скажи, что я убью ее насмерть! Прочти мои мысли и скажи ей!!

— Она н-не… Она не отдавала этого приказа.

— Что?!

— Не могу понять.

— Она не приказывала меня бросить?

— Я боюсь…

— Спрашивай, тварь, или я разорву тебя на части! Что она имеет в виду?

Дитя рыдало. Женщина корчилась. Фойл кипел.

— Ну! Давай же! О господи, почему единственный телепат на Марсе — ребенок?! Зигурд! Зигурд, послушай меня. Спроси: приказывала ли она выбросить беженцев?

— Нет. Нет!

— Нет — не приказывала, или нет — ты не будешь спрашивать?

— Она не приказывала.

— Приказывала она пройти мимо «Номада»?

— Там холодно, темно и страшно. О, пожалуйста! НЯНЯ-А-А! Я хочу домой. Хочу домой.

— Она приказывала пройти мимо «Номада»?

— Нет.

— Не приказывала?

— Нет. Отведи меня домой.

— Спроси у нее, кто отдал этот приказ.

— Я хочу к няне.

— Спроси, кто ей приказал. Она была капитаном корабля. Кто мог командовать ей? Спрашивай!

— Я хочу к няне.

— Спрашивай!

— Нет. Нет. Нет. Я боюсь. Она больная. Она черная и страшная. Она плохая. Я не понимаю ее. Я хочу к няне. Я хочу домой.

Дитя вскрикивало и тряслось. Фойл орал. Эхо гремело. Фойл в ярости шагнул к ребенку, и тут глаза его ослепил яркий свет. Катакомбы были освещены Горящим Человеком. Перед Фойлом возник его собственный образ — лицо искажено в кошмарной маске, одежда в огне, пылающие глаза прикованы к бьющемуся в конвульсиях Склотски — Линдси Джойс.

Горящий Человек открыл свой тигриный зев. Раздался скрежещущий звук, как охваченный пламенем смех.

— Ей больно. — Горящий Человек сморщился. — Слишком ярко, — прохрипел он. — Меньше

света.

Фойл шагнул вперед. Горящий Человек страдальчески зажал уши руками.

— Слишком громко! — закричал он. — Не двигайся так громко!

— Ты мой ангел-хранитель?

— Не слепи меня! Тссс! — Внезапно он опять рассмеялся. — Послушай ее. Она кричит. Она ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет подыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

Фойл дрожал.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. — Горящий Человек вытянул указующий перст. — Она говорит — Оливия.

— Что?!

— Она говорит — Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Горящий Человек исчез. В катакомбах снова воцарилась тьма.

Фойла закружил вихрь калейдоскопических огней и какофония звуков. Он пошатнулся и судорожно глотнул ртом воздух.

— Чертовджант… — пробормотал он. — Оливия. Нет. Нет. Не может быть. Оливия.

Фойл почувствовал чью-то руку.

— Джиз?! — хрипло каркнул он.

За его пальцы держался плачущий Зигурд Магсмэн. Он взял ребенка на руки.

— Мне больно, — скулил Зигурд.

— Мне тоже больно, сынок.

— Хочу домой.

Так, все еще держа младенца на руках, Фойл побрел по катакомбам.

— Живые трупы, — выдавил он. А потом: — И я среди них.

Он нашел каменные ступени, ведущие из глубины наверх, в монастырь, и стал карабкаться, вкушая смерть и отчаяние. Перед ним забрезжил свет, и на какой-то миг он подумал, что уже рассвело. Потом он понял, что монастырь ярко освещен прожекторами. Донеслось грохотанье сапог и невнятная скороговорка команд. Фойл остановился и собрал все свои силы.

— Зигурд, — прошептал он. — Кто там?

— Солдатики, — ответило дитя.

— Солдаты? Какие солдаты?

— Коммандос. — Сморщенное лицо Зигурда просветлело. — Они пришли за мной. Забрать меня домой к няне. Я ЗДЕСЬ! Я ЗДЕСЬ!

Телепатический вопль вызвал крики наверху. Фойл ускорился и молнией выскочил на свет,

на зеленый дворик с арками. В центре дворика стоял огромный ливанский кедр. Дорожки кишели солдатами. Фойл оказался лицом к лицу с соперником, который ему не уступал. Через миг после того, как размытое пятно скользнуло у выхода из катакомб, коммандос ускорились. Они были на равных.

Но Фойл держал ребенка; использование оружия исключалось. Прижимая Зигурда к груди, как бегун по пересеченной местности, он, виляя, помчался через двор монастыря. Никто не посмел остановить его — лобовое столкновение на пятикратном ускорении несло мгновенную гибель обоим. Объективно этот головокружительный бросок казался зигзагом молнии.

Фойл перебежал дворик, пронесся через лабиринт и выскочил на общественную джант-площадку за главными воротами. Там он замедлился и джантировал на аэродром, в четверти мили от монастыря. Взлетное поле сверкало огнями и кишело коммандос. Все антигравитационные шахты занимали военные корабли. Его собственная яхта была под охраной.

Через пятую долю секунды после появления Фойла в аэропорту туда джантировали преследователи из монастыря. Фойл затравленно

озирался. Он был окружен бригадой коммандос — все под ускорением, все великолепно обученные и смертельно опасные. Перед ними он был беспомощен. У него не оставалось ни одного шанса.

И тут вмешались Внешние Спутники. Ровно через неделю после уничтожительного рейда на Землю они нанесли удар по Марсу.

Снова ракеты пришлись на рассветный квадрат. Снова вспыхнули и заиграли перехватывающие лучи, и небеса содрогнулись от детонаций. На горизонте вспухли зловещие смерчи огня, и задрожала земля. Но была еще одна страшная особенность, ибо наверху вспыхнула Новая, заливая ночную сторону планеты мертвенно-слспящим светом. Рой ядерных боеголовок ударил по крошечному спутнику Марса, Фобосу, и в мгновение ока испарил его.

Смятение, охватившее коммандос, предоставило Фойлу тот единственный шанс. Он снова ускорился и напролом бросился к яхте. Перед люком остановился и молниеносно оценил нерешительность охраны. Какую-то долю секунды они колебались, не зная, выполнять ли задачу или реагировать на новую обстановку. Фойл швырнул застывшее тело Зигурда Магсмэна в воздух, охранники инстинктивно кинулись ло-

вить его, а Фойл рванулся в яхту и захлопнул за собой люк.

Все еще под ускорением, ни на миг не останавливаясь и не проверяя, есть ли кто-нибудь на борту, он ворвался в рубку, ударил по тумблеру взлета, откинув его до предела, и яхта взмыла по антигравитационному лучу с десятикратным ускорением. Фойл не успел привязаться к креслу. Действие десятикратной тяги на его беззащитное тело было чудовищным.

Сокрушительная сила вырвала его из кресла. Его ускоренным чувствам казалось, что задняя стенка рубки приближается со скоростью сомнамбулы. Он выбросил обе руки, ладонями вперед. Неотвратимая сила развела руки в стороны и вжала его в стену, сперва мягко, потом все сильнее и сильнее, пока лицо, челюсть, грудь и тело не распластались на металле.

Нарастающее давление стало невыносимым. Фойл попытался нащупать языком выключатель во рту, но сокрушительная сила, медленно размазывающая его по стене, парализовала чугунное тело. Череда взрывов — так низко по звуковому диапазону, что они казались едва уловимым урчанием, — сказала ему, что Бригада Коммандос обстреливает его с Марса. Когда яхта, раздирая

верхние слои атмосферы, выскочила в иссиня-черную ночь открытого космоса, он завизжал, как летучая мышь, и визжал до тех пор, пока милосердное сознание не покинуло его.

Глава 7

Фойл очнулся в темноте. Он был замедлен, но полное истощение свидетельствовало: в бессознательном состоянии он находился под ускорением. Либо иссякла батарея, либо… Он по миллиметру продвинул руку к спине. Батарея исчезла. Ее удалили.

Фойл стал ощупываться дрожащими пальцами. Он лежал в постели. Его окружал гул вентиляторов и кондиционеров, пощелкивание и жужжание сервомеханизмов. Он находился на корабле. К постели его привязывали ремни. Корабль был в свободном падении.

Фойл отстегнул ремни, оттолкнулся локтями и взмыл в воздух. Он парил в темноте, тщетно надеясь нашарить выключатель или кнопку вызова. Его руки наткнулись на графин с рельефными буквами на стекле. Он прочитал их кончиками пальцев. ВОРГА. Ворга.

Он закричал. Дверь каюты открылась. Из

светлого помещения с роскошной обстановкой выплыла фигура.

— На этот раз мы тебя подобрали, — сказала Оливия Престейн.

— Оливия?

— Да.

— Значит, это правда?

— Да, Гулли.

Фойл заплакал.

— Ты очень слаб. Ложись.

Она выплыла с ним в соседнее помещение и уложила его в шезлонг, пристегнув ремни. Шезлонг еще хранил тепло ее тела.

— Ты был в таком состоянии шесть дней. Мы не думали, что ты выживешь. Тебя покинули все силы, прежде чем хирург нашел эту батарею на спине.

— Где она? — выдавил Фойл.

— Бери в любой момент. Не волнуйся, дорогой.

Он пристально посмотрел на Оливию. Его Снежная Дева-возлюбленная Принцесса… белая шелковая кожа, слепые коралловые глаза, тонкие коралловые губы… Она коснулась его влажных щек надушенным платком.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Тсс. Знаю, Гулли.

— Ты знаешь обо мне все. Давно?

— Я знала, что Гулли Фойл — мой враг, с самого начала. Но до нашей встречи я не догадывалась, что он — Формайл. Ах, если б я только знала раньше… Сколько было бы спасено…

— Ты знала и смеялась надо мной?

— Нет.

— Была радом и давилась смехом.

— Была рядом и любила тебя. Не перебивай, дай мне сказать. Я стараюсь быть рациональной, а это нелегко. — На мраморное лицо пал румянец. — Я не играю с тобой. Я… выдала тебя своему отцу. Да. И через час поняла, что совершила ошибку — я люблю тебя. Теперь мне приходится расплачиваться. Тебе незачем знать.

— Ты рассчитываешь, что я поверю?

— Зачем тогда здесь я? — Она слегка задрожала. — Почему я последовала за тобой? Эта кошмарная бомбежка… еще пару минут, и ты был бы мертв, если бы мы тебя не подобрали. От твоей яхты ничего не осталось.

— Где мы сейчас?

— Какая разница?

— Я тяну время.

— Время? Для чего?

— Чтобы собраться с силами.

— Мы на орбите вокруг Земли.

— Как вы нашли меня?

— Я знала, что тебе нужна Линдси Джойс, и взяла один из отцовских кораблей. Это снова оказался «Ворга».

— Ему известно?

— Ничего ему не известно. У меня своя жизнь.

Фойл не мог отвести от нее глаз, и в то же время ему было больно смотреть на нее. Он жаждал и ненавидел… жаждал изменить содеянное и ненавидел правду за то, что она такова. Он осознал, что гладит ее платок дрожащими пальцами.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я люблю тебя, Гулли, враг мой.

— Ради бога! — взорвался он. — Почему ты это сделала?

— Что?! Ты требуешь извинения?! — хлестнула она.

— Я требую объяснения.

— От меня ты его не услышишь.

— «Кровь и деньги» — сказал твой отец. И он прав. О-о… Дрянь! Дрянь! Дрянь!

— Кровь и деньги — да; и не стыжусь!

— Я тону, Оливия. Кинь мне хоть тростинку…

— Тогда тони. Меня не спасал никто. Нет, нет… Все не так… не так… Подожди, мой милый. По-

дожди. — Она взяла себя в руки и заговорила спокойно и очень нежно: — Я могу солгать, Гулли, любимый, и заставить тебя поверить, но я буду честной. Объяснение очень простое. У меня есть своя личная жизнь. У всех есть. И у тебя…

— Какая же жизнь у тебя?

— Ничем не отличающаяся от твоей… от любой другой. Я лгу, я обманываю, я уничтожаю… как все мы. Я преступник… как все мы.

— Зачем? Ради денег? Тебе не нужны деньги.

— Нет.

— Ради власти… могущества?

— Нет.

— Тогда зачем?

Оливия глубоко вздохнула, как будто признание мучило ее страшно.

— Ради ненависти… чтобы отомстить.

— За что?

— За мою слепоту, — проговорила она низким голосом. — За беспомощность… Меня следовало убить в колыбели. Известно ли тебе, что такое быть слепой… воспринимать жизнь из вторых рук? Быть зависимой, искалеченной, бессильной… «Если ты слепа, пускай они будут еще более слепы. Если ты беспомощна, раздави их. Отплати им… всем им».

— Оливия, ты безумна.

— А ты?

— Я люблю чудовище.

— Мы оба чудовища.

— Нет!

— Нет? Ты не чудовище?! — Она вспыхнула. — Что же ты делал, если не мстил, подобно мне, всему миру? Что такое твоя месть, если не сведение счетов с невезением? Кто не назовет тебя безумным зверем? Говорю тебе, мы пара, Гулли. Мы не могли не полюбить друг друга.

Правда сказанных слов ошеломила его. Он примерил на себя пелену ее откровения, и она подошла, облегая туже, чем тигриная маска, вытатуированная на его лице.

— «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй! — произнес он. — Зверь! Хуже зверя!» Это правда. Я ничем не лучше тебя. Хуже. Но богу известно, я не убивал шестьсот человек.

— Ты убиваешь шесть миллионов.

— Что?

— Возможно, больше. У тебя есть что-то, необходимое им для окончания войны.

— Ты имеешь в виду ПирЕ?

— Да.

— Что за миротворец эти двадцать фунтов

чуда?

— Не знаю. Знаю лишь, что он им нужен отчаянно. Но мне все равно. Да, сейчас я честна. Мне все равно. Пускай гибнут миллионы! Для нас это не имеет значения. Потому что мы стоим выше, Гулли. Мы стоим выше и сами творим мир. Мы сильны.

— Мы прокляты.

— Мы освящены. Мы нашли друг друга. — Внезапно Оливия рассмеялась и протянула руки. — Я спорю, когда нет нужды говорить. Приди ко мне, любимый… Где бы ты ни был, приди ко мне.

Он сперва слегка коснулся ее, потом обнял, сжал, стал яростно целовать… И тут же выпустил.

— Что, Гулли, милый мой?

— Я больше не ребенок, — устало проговорил он. — Я научился понимать, что нет ничего простого. Простых ответов не бывает. Можно любить и презирать. И ты заставляешь меня презирать себя.

— Нет, дорогой.

— Всю свою жизнь я был тигром. Я выдрессировал себя… дал себе образование… сам тянул за свои тигриные полосы, отращивал все более мощные лапы и острые клыки… становясь все

более быстрым и смертоносным.

— Ты и есть такой. Ты такой. Самый смертоносный.

— Нет. Нет. Я зашел чересчур далеко. Я миновал простоту. Превратился в мыслящее существо. Я смотрю на себя твоими слепыми глазами, любовь моя, которую я презираю, и вижу — тигр исчез.

— Тигру некуда деться. Ты обложен, Гулли, — Дагенхемом, разведкой, моим отцом, всем светом.

— Знаю.

— Но со мной ты в безопасности. Мы оба в безопасности. Им никогда не придет в голову искать тебя рядом со мной. Мы можем вместе жить, вместе драться, вместе уничтожать их…

— Нет. Только не вместе.

— Ты что?! — вновь вспыхнула она. — Все еще охотишься за мной? Дело в этом? Ты еще жаждешь мести? Ну так мсти. Вот я. Ну же!..

— Нет. С этим покончено.

— А, я знаю, что тебя беспокоит. — Она мгновенно стала опять ласковой. — Твое лицо. Ты стыдишься своего тигриного лика; но я люблю его. Ты горишь так ярко! Ты горишь сквозь слепоту. Поверь мне…

— Боже, что за пара кошмарных чудовищ!

— Что с тобой случилось? — потребовала Оливия. Она отпрянула, сверкая незрячими глазами. — Где человек, который стоял возле меня во время рейда? Где бесстыжий дикарь, который…

— Пропал, Оливия. Ты потеряла его. Мы оба потеряли его.

— Гулли!

— Да-да.

— Но почему?! Что я сделала?

— Ты не понимаешь.

— Где ты? — Она потянулась, коснулась его и приникла. — Послушай меня, милый. Ты устал. Ты обессилен. Вот и все. Ничего не пропало. — Слова лились из нее бессвязным потоком. — Ты прав. Конечно, прав. Мы были плохими, отвратительными. Но сейчас все позади. Ничего не потеряно. Мы были испорчены, потому что были одиноки и несчастны. Но мы нашли друг друга и можем спастись. Будь моей любовью. Всегда. Вечно. Я так долго ждала тебя, ждала, надеялась и молилась…

— Нет. Ты лжешь, Оливия, и знаешь это.

— Ради бога, Гулли!

— Опускай «Воргу», Оливия.

— Вниз?

— Да.

— Что ты собираешься делать? Ты сошел с ума. Они же гонятся за тобой по пятам… ловят тебя… ждут, пока ты угодишь им в лапы. Что ты собираешься делать?

— Думаешь, мне просто?.. Я все еще одержим, и мне не вырваться из плена. Но теперь в седле иная страсть, и шпоры жгут, черт их подери. Жгут невыносимо.

Фойл подавил ярость и совладал с собой. Он взял ее руки и поцеловал в ладони.

— Все кончено, Оливия, — тихо произнес он. — Но я люблю тебя. Всегда. Вечно.

— Подытожим, — мрачно сказал Дагенхем. — В ночь, когда мы нашли Фойла, нас бомбили. Мы потеряли его на Луне, а обнаружили через неделю на Марсе. Нас опять бомбили. Мы опять его потеряли. Прошла еще неделя. Предстоит очередная бомбежка. Венеры? Луны? Снова Земли? Кто знает. Ясно одно: еще один рейд без возмездия, и нам конец.

Дагенхем скользнул взглядом вокруг стола. Золото и слоновая кость убранства Звездного Зала замка Престейна еще больше подчеркивали напряженность его лица, напряженность лиц всех троих присутствующих. Йанг-Йовил тревожно нахмурился. Престейн крепко сжал тонкие губы.

— И еще одно нам известно, — продолжал Дагенхем. — Мы не можем нанести ответный удар без ПирЕ и не можем найти ПирЕ без Фойла.

— Я давал указание, — вмешался Престейн, — не упоминать ПирЕ публично.

— Во-первых, это не простая публика, — резко ответил Дагенхем. — Это общий фонд информации. Во-вторых, сейчас нам не до прав на собственность. Обсуждается вопрос выживания, и здесь у всех равные права… Да, Джиз?

Джизбелла Маккуин джантировала в Звездный Зал, полная решимости и ярости.

— До сих пор никаких следов Фойла.

— Собор под наблюдением?

— Да.

— Доклад Бригады Коммандос с Марса?

— Не пришел.

— Это мое дело, и совершенно секретное, — мягко заметил Йанг-Йовил.

— У вас так же мало секретов от меня, как у меня от вас, — безжалостно усмехнулся Дагенхем. — Постарайся опередить Разведку с этим докладом, Джиз. Иди.

Она исчезла.

— Кстати, о правах, — проворковал Йанг-Йовил. — Центральная Разведка гарантирует

Престейну полную оплату его прав на ПирЕ.

— Что ты с ним нянчишься, Йовил?

— Наше совещание записывается, — холодно указал Престейн. — Предложение капитана зарегистрировано. — Он повернул свое застывшее лицо к Дагенхему. — Вы у меня на службе, мистер Дагенхем. Пожалуйста, оставьте все ваши замечания мне.

— И вашей собственности? — с убийственной улыбкой осведомился Дагенхем. — Вы и ваша проклятая собственность… Мы на грани уничтожения — ради вашей собственности. Я не преувеличиваю. Если этой войне не положить конец, то больше уже войн не будет.

— Мы всегда можем сдаться, — заметил Престейн.

— Нет, — сказал Йанг-Йовил. — Этот вариант уже обсуждался и был отклонен в Штаб-квартире. Нам известны дальнейшие планы Внешних Спутников; они включают тотальную эксплуатацию Внутренних Планет. Нас просто-напросто выпотрошат, а потом выкинут за ненадобностью. Сдаться — все равно что погибнуть.

— Но не для Престейна, — добавил Дагенхем.

— Скажем… за исключением присутствующих, — изящно поправил Йанг-Йовил.

— Ну, Престейн, — нетерпеливо потребовал Дагенхем. — Мы ждем.

— Прошу прощения, сэр?

— Выкладывайте все о ПирЕ. У меня есть идея, как выманить Фойла, но для этого необходимо знать все факты.

— Нет, — сказал Престейн.

— Что «нет»?

— Я принял решение не спешить с выдачей информации о ПирЕ.

— Боже всемогущий, Престейн! Вы спятили? Сейчас не время ломаться.

— Все очень просто, Дагенхем, — заметил Йанг-Йовил. — Мое сообщение указало Престейну, как улучшить свое положение. Вне всякого сомнения, он намеревается предложить эти сведения врагу в обмен на… имущественные выгоды.

— Неужели ничто не может вас тронуть? — презрительно бросил Престейну Дагенхем. — Неужели в вас ничего не осталось, кроме собственности?.. Уйди, Джиз, все пропало.

Джизбелла снова джантировал а в Звездный Зал.

— Доклад бригады Коммандос, — сказала она. — Мы знаем, что случилось с Фойлом. Он у Престейна.

— Что?!

Дагенхем и Йанг-Йовил вскочили на ноги.

— Он покинул Марс на частной яхте, был сбит и подобран престейновской «Воргой».

— Будь ты проклят, Престейн! — вскричал Дагенхем. — Так вот почему…

— Подождите, — приказал Йанг-Йовил. — Он впервые это слышит, Дагенхем. Посмотрите на него.

Красивое лицо Престейна посерело, как пепел. Он попытался встать и тяжело свалился назад, в кресло.

— Оливия, — прохрипел он. — С ним, с этим подонком…

— Престейн!

— Моя дочь, джентльмены, некоторое… некоторое время занималась определенной деятельностью. Семейный порок. Кровь и… Я закрывал глаза… Почти убедил себя, что ошибаюсь. Я… Но Фойл! Грязь! Мерзость! Его надо уничтожить!

Голос Престейна перешел в визг и сорвался. Его голова неестественно запрокинулась назад, как у повешенного, тело забилось в конвульсиях.

— Какого…

— Эпилепсия… — коротко бросил Йанг-Йовил. — Подайте ложку, мисс Маккуин. Живо.

Он вытащил Престейна из кресла, уложил на полу и засунул ложку между зубами, чтобы уберечь язык. Приступ прошел так же внезапно, как и начался. Дрожь прекратилась. Престейн открыл глаза.

— Petit mal, — пробормотал Йанг-Йовил, убирая ложку. — еще некоторое время он будет не в себе.

Неожиданно Престейн заговорил слабым монотонным голосом:

— ПирЕ — пирофорный сплав. Пирофор — это металл, который испускает искры, когда его скоблят или трут. ПирЕ испускает энергию, отсюда «Е» — символ энергии. ПирЕ — твердый раствор трансплутониевых изотопов. Его открыватель был убежден, что получил эквивалент первичного протовещества, давшего начало Вселенной.

— О боже! — воскликнула Джизбелла.

Дагенхем жестом прервал ее и склонился над Престейном.

— Как подвести его к критической массе? Каким образом высвобождается энергия?

— Как создавалась энергия в начале времен, — бесстрастно произнес Престейн. — Через Волю и Идею.

— Уверен, что он христианин-подвальник, —

тихо сказал Дагенхем Йанг-Йовилу. Он повысил голос: — Объясните.

— Через Волю и Идею, — повторил Престейн. — ПирЕ можно детонировать лишь психокинетически. Его энергия высвобождается мыслью. Нужно захотеть, чтобы он взорвался. Направленная мысль. Вот единственный способ.

— И нет никакого ключа? Никакой формулы?

— Нет. Лишь Водя и Идея.

Остекленевшие глаза Престейна закрылись.

— Боже всемогущий! — Дагенхем ошеломленно стер пот со лба. — Заставит это подумать Внешние Спутники, Йовил?

— Это всех нас заставит подумать.

— Это дорога в ад, — прошептала Джизбелла.

— Так давайте отыщем эту дорогу и сойдем с нее. У меня есть предложение, Йовил. Фойл возился с ПирЕ в своей лаборатории в соборе, пытаясь анализировать его.

— Я рассказала тебе об этом по строжайшему секрету! — гневно вспыхнула Джизбелла.

— Прости, дорогая. Теперь не время церемониться. Гляди, Йовил… какие-то остатки этого вещества должны были сохраниться, остаться вокруг нас. В растворе, как пыль… Надо детонировать эти остатки и взорвать Цирк Фойла к

чертовой матери.

— Зачем?

— Чтобы выманить его. Где-то же он спрятал основную массу ПирЕ… Он примчится, чтобы спасти свое сокровище.

— А если взорвется все?

— Не может быть. ПирЕ в сейфе из Инертсвинцового Изомера.

— Возможно, он не весь внутри.

— По словам Джиз — весь; так, по крайней мере, сказал Фойл. Мы вынуждены рисковать.

— Рисковать! — воскликнул Йанг-Йовил. — Мы рискуем всю Солнечную систему превратить в Сверхновую.

— А что остается делать? Выбирай любой путь… и это путь к уничтожению. Есть у нас выбор?

— Мы можем подождать, — предложила Джизбелла.

— Чего? Пока Фойл не взорвет нас своими экспериментами?

— Мы его предупредим.

— Нам неизвестно, где он.

— Найдем.

— Как скоро? Разве это не риск? А пылинки ПирЕ вокруг нас? Будут ждать, пока кто-нибудь не превратит их случайно в энергию? А если сейф

взломают джек-джантеры в поисках добычи? Тогда уже не пыль, а двадцать фунтов будут ждать случайной мысли.

Лицо Джизбеллы покрылось смертельной белизной. Дагенхем повернулся.

— Тебе решать, Йовил.

Йанг-Йовил тяжело вздохнул.

— Я боюсь… Будь прокляты все ученые… Есть еще одно обстоятельство. Внешние Спутники тоже занимаются этим. У нас имеются основания полагать, что все их агенты отчаянно ищут Фойла. Если мы будет ждать, они могут добраться до него первыми. Да что там, возможно, он уже сейчас у них в лапах.

— Итак, твое решение…

— Взрывать.

— Нет! — вскричала Джизбелла.

— Как? — спросил Дагенхем, не обращая на нее внимания.

— О, у меня как раз есть человек для такой работы. Односторонний телепат по имени Робин Уэднесбери.

— Когда?

— Немедленно. Мы эвакуируем соседние районы. Новости получат полное освещение и будут переданы по всей системе. Если Фойл находится

па Внутренних Планетах, он услышит об этом.

— Не *«об этом»*, — отчаянно проговорила Джизбелла. — Он услышит *это*. Это последнее, что каждый из нас услышит.

Как всегда, возвращаясь после тяжелого, бурного, но выигранного процесса, Регис Шеффилд был доволен и благодушен, словно нахальный петух, только что победивший в жестоком бою. Он остановился у Блекмана в Берлине, где выпил и поболтал о ходе военных действий, добавил и еще поболтал в Париже и основательно посидел в лондонском «Кожа-да-кости». В свою нью-йоркскую контору он попал уже изрядно навеселе.

Миновав узкие коридоры и внешние комнаты, он ступил в приемную, где его встретил секретарь с пригоршней бусинок-мемеографов.

— Я заткнул их за пояс! — восторженно сообщил Шеффилд. — Осуждены, плюс возмещение всех убытков.

Он взял бусинки и стал кидать в самые неподходящие места, включая разинутый рот секретаря.

— Как, мистер Шеффилд! Вы пили!

— Ничего, сегодня уже работы нет, а военные новости чересчур унылые. Надо оставаться бодрым. Не поскандалить ли нам на улице?

— Мистер Шеффилд!

— Есть что-нибудь неотложное?

— В вашем кабинете ждет один джентльмен.

— Ого! Ему удалось проникнуть так далеко? — Шеффилд уважительно покачал головой. — Кто он? Сам господь бог?

— Он не представился. Но дал мне это.

Секретарь протянул Шеффидду запечатанный конверт со сделанной небрежным почерком надписью: «КРАЙНЕ ВАЖНО». Движимый любопытством, Шеффилд быстро вскрыл конверт. Затем глаза его расширились. Внутри лежали две банкноты по 50 000 кредиток. Не говоря ни слова, Шеффилд повернулся и ворвался в кабинет.

— Они настоящие! — выпалил он.

— Насколько мне известно.

— Ровно двадцать таких купюр было выпущено в прошлом году. Все хранятся в Земном Казначействе. Как они к вам попали?

— Мистер Шеффилд?

— Кто же еще?.. Как они к вам попали?

— Взятка.

— Зачем?

— Я полагал в ту пору, что они могут пригодиться.

— Для чего? Для других взяток?

— Если законную оплату считать взяткой.

— Я сам устанавливаю размер платы, — отрезал Шеффилд и кинул бумажки Фойлу. — Достанете их снова, если я решу взять ваше дело и если я решу, что могу быть настолько вам полезен. В чем суть вашей проблемы?

— В преступлении.

— Пока не уточняйте. И?..

— Я хочу прийти с повинной.

— В полицию?

— Да.

— Какое преступление?

— Преступлен-и-я.

— Назовите два.

— Грабеж и изнасилование.

— Еще два.

— Шантаж и убийство.

— Еще.

— Измена и геноцид.

— Это исчерпывает ваш реестр?

— Пожалуй. Хотя, возможно, когда мы станем уточнять, вскроется еще несколько.

— Я вижу, вы времени зря не теряли… Либо вы Принц Зла, либо сумасшедший.

— Я был и тем, и другим, мистер Шеффилд.

— Почему вы решили сдаться в руки правосудия?

— Я пришел в себя, — с горечью ответил Фойл.

— Я имею в виду не это. Преступник никогда не сдается, пока его не настигли. Вас явно не настигли. В чем дело?

— Произошло самое ужасное, что может случиться с человеком. Я подхватил редкое заболевание, называемое «совесть».

Шеффилд фыркнул.

— Это может плохо кончиться.

— Уже кончилось. Я понял, что вел себя как зверь.

— И теперь желаете искупить вину?

— Нет, все не так просто, — мрачно сказал Фойл. — Собственно, поэтому я пришел к вам… для коренной переделки. Человек, который ставит свои решения выше общества, — преступник. Человек, который нарушает морфологию общества, — это рак. Но бывают цепные реакции. Искупить вину наказанием недостаточно. Вес еще нужно расставить на свои места. Если бы положение можно было бы исправить, просто-напросто казнив меня или отправив снова в Жофре Мартель…

— Снова? — быстро вставил Шеффилд.

— Уточнять?

— Пока не надо… Продолжайте. Похоже, вы

мучаетесь душевной болью.

— В том-то и дело. — Фойл возбужденно вскочил на ноги и зашагал по комнате, нервно сминая банкноты длинными пальцами. — Все смешалось в одну дьявольскую кашу, Шеффилд. Есть девушка, которая должна заплатить за ужасное, тягчайшее преступление. То, что я люблю ее… Впрочем, не обращайте внимания. Она — раковая опухоль и ее необходимо вырезать… как меня. Видимо, мне придется дополнить свой реестр. Моя личная явка с повинной, собственно, ничего не меняет.

— Черт подери, о чем вы?! Что за чушь?

Фойл поднял глаза и пристально посмотрел на Шеффилда.

— Одна из Новогодних бомб только что вошла в ваш кабинет и заявляет: «Пожалуйста, сделайте все, как было. Соберите меня снова и отправьте домой. Восстановите города, которые я стерла с лица земли, и людей, которых я уничтожила». Вот зачем я хочу нанять вас. Не знаю, как ведет себя преступник, но…

— Спокойно и благоразумно; как здравомыслящий бизнесмен, которому не повезло, — с готовностью подсказал Шеффилд. — Так обычно ведут себя профессиональные преступники…

Совершенно ясно, что вы любитель, если преступник вообще. Мой дорогой сэр, пожалуйста, будьте разумны. Вы приходите ко мне, сумасбродно и несдержанно обвиняя себя в грабеже, насилии, убийстве, геноциде, измене и еще бог весть в чем. Неужели вы ожидаете, что я всему этому поверю?

Внезапно в кабинет джантировал личный секретарь Шеффилда, Банни.

— Шеф! — возбужденно затараторил он. — Подвернулось кое-что совершенно новое. Джант-камера. Два типа подкупили кассира, чтобы тот сфотографировал внутренние помещения Земного Кредитного… О-о, простите. Я не заметил, что у вас… — Банни неожиданно замолчал и широко раскрыл глаза. — Формайл! — воскликнул он.

— Что? Кто?

— Как, вы не знаете его, шеф? — Банни запнулся. — Это Формайл с Цереса. Гулли Фойл.

Больше года назад Регуса Шеффилда, как тетиву лука, гипнотически взвели для этой минуты. Его тело было готово реагировать мгновенно. С быстротой молнии Шеффилд поразил Фойла тремя ударами: висок, горло, пах. Заранее было решено не полагаться на оружие — его могло не оказаться под рукой.

Фойл упал. Так же мгновенно Шеффилд расправился с Банни. Затем он плюнул на ладонь. Было решено не полагаться на наркотики — их могло не оказаться под рукой. Его слюнные железы под воздействием раздражителя выделяли антиген. Шеффилд разорвал рукав Фойла, глубоко процарапал ногтем его локоть и втер в рану слюну, вызывая анафилаксию.

Странный крик сорвался с губ Фойла; на лице выступила багровая татуировка. Прежде чем оглушенный секретарь успел пошевелиться, Шеффилд взвалил Фойла на плечо и джантировал.

Он материализовался в самом центре Пятимильного Цирка в соборе Святого Патрика. Это был дерзкий, но рассчитанный ход. Здесь его стали бы искать в последнюю очередь, и в то же время именно здесь, скорее всего, находился ПирЕ. Шеффилд был готов к любым встречам, но цирк оказался пуст.

Тут уже похозяйничали грабители. Гигантские шатры выглядели потускневшими и заброшенными. Шеффилд вбежал в первый попавшийся и очутился в походной библиотеке Формайла, наполненной сотнями книг и тысячами блестящих мемео-бусинок. Джек-джантеров не интересова-

ла литература. Шеффилд свалил Фойла на пол и только тогда достал из кармана пистолет.

Веки Фойла затрепетали, глаза открылись.

— Я ввел тебе наркотик, — быстро сказал Шеффилд. — Не вздумай джантировать. И не шевелись. Предупреждаю. Ты у меня в руках.

Плохо соображая, что к чему, Фойл попытался подняться. Шеффилд мгновенно выстрелил и опалил его плечо. Фойла швырнуло на каменный пол. В ушах шумело, по жилам текла отравленная кровь.

— Предупреждаю, — повторил Шеффилд. — Я готов на все.

— Чего вам надо? — проговорил Фойл.

— Две вещи… Двадцать фунтов ПирЕ и тебя. Тебя самого больше всего.

— Вы псих! Проклятый маньяк! Я пришел к вам с повинной… сдаваться… отдать добровольно…

— Отдать ВС?

— Чему?

— Внешним Спутникам? Произнести по буквам?

— Нет… — еле слышно пробормотал Фойл. — Мне следовало догадаться. Шеффилд, патриот — агент ВС. О-о, я болван…

— Ты самый ценный болван на свете, Фойл.

Ты нужен нам еще больше, чем ПирЕ. Про ПирЕ мы мало что знаем, зато нам отлично известно, кто ты.

— О чем вы? Что вы несете?

— Господи! Ты ничего не знаешь, да? Итак, ты ничего не знаешь… и не подозреваешь…

— Что?!

— Послушай. — Шеффилд говорил громким резким голосом. — Вернемся на два года назад. Гибель «Номада». Наш крейсер снял тебя с обломков — единственного, кто остался в живых.

— Значит, «Номад» был уничтожен кораблем ВС?

— Да. Не помнишь?

— Я ничего не помню об этом. Я не мог вспомнить, сколько ни пытался.

— Сейчас объясню почему. У капитана крейсера родилась идея: тебя должны были использовать… превратить в подсадную утку, понимаешь? Таким же полумертвым, как нашли, тебя выбросили в космос с работающим маяком. Ты передавал сигнал бедствия и молил о помощи на всех волнах. Согласно замыслу, крейсер подстерегал в засаде любой корабль ВП, который придет на твое спасение.

Фойл начал смеяться.

— Я встаю, — прохрипел он. — Стреляй, сволочь, я встаю. — Он с трудом поднялся на ноги, зажимая раненое плечо. — Итак, «Ворга» все равно не мог меня спасти. — Фойл страшно оскалился. — Я был подсадной уткой. Ко мне нельзя было подходить. Я был приманкой в западне… Смешно, не правда ли? «Номад» никто не имел права спасать. Выходит, я не имел права на месть.

— До тебя все еще не дошло?! — взревел Шеффилд. — «Номада» там и в помине не было! Тебя выкинули из крейсера в шестистах тысячах миль от «Номада».

— В шестистах тыся…

— «Номад» находился слишком далеко от основных путей… Итак, ты оказался в космосе, и крейсер отошел назад. С тебя не спускали глаз. На скафандре мигали фонари, а ты молил о помощи на всю мощь передатчика. Затем ты пропал.

— Пропал?

— Просто исчез. Ни огней, ни сигналов. Крейсер вернулся для проверки. Ты исчез без следа. А потом мы узнали… Ты вернулся на «Номад».

— Невозможно.

— Дай пойми же, черт побери! — яростно прошипел Шеффилд. — Ты джантировал в космосе. Полуживой, на грани смерти, в бреду, ты джан-

тировал шестьсот тысяч миль в абсолютной пустоте! Сделал то, что никому не удавалось раньше. Одному богу известно, каким образом. Ты сам не знаешь; но мы узнаем. Я заберу тебя на Спутники, и там мы добудем этот секрет, даже если нам придется вырывать его раскаленными клещами.

Он перебросил пистолет в левую руку, а правой схватил Фойла за горло.

— Но сперва нам нужен ПирЕ. Ты отдашь его, Фойл. Не тешь себя надеждой. — Он наотмашь ударил Фойла рукояткой пистолета. — Я на все пойду. Не сомневайся. — Он снова ударил Фойла, холодно, расчетливо. — Ты жаждал наказания? Ты его обрел!

Банни соскочил с общественной джант-площадки и, как испуганный кролик, помчался к главному входу нью-йоркского филиала Центральной Разведки. Он проскочил через внешний кордон охраны, через защитный лабиринт и ворвался во внутренние помещения. Его преследовали по пятам. Впереди вырастали новые фигуры… Охранники окружили его со всех сторон и спокойно ждали.

Банни начал кричать:

— Йовил! Йовил! Йовил!

Продолжая бежать, он метался между столами, опрокидывая стулья и создавая страшный шум. При этом он не прекращал истошно вопить:

— Йовил! Йовил!

Когда его уже скрутили, появился Йанг-Йовил.

— Что все это значит?! — рявкнул он. — Я приказал, чтобы мисс Уэднесбери работала в абсолютной тишине.

— Йовил! — закричал Банни.

— Кто это?

— Секретарь Шеффидда.

— Что?.. Банни?

— Фойл! — взвыл Банни. — Гулли Фойл!

Йанг-Йовил покрыл разделявшие их пятьдесят футов ровно за одну и шестьдесят шесть сотых секунды.

— Что — Фойл?!

— Он у Шеффидда.

— Давно?

— С полчаса.

— Почему тот его не привел?

— Не знаю… кажется, он агент ВС…

— Почему не пришли сразу?

— Шеффилд джантировал с Фойлом… Нокаутировал его и исчез. Я искал. Повсюду. Джантировал в пятьдесят мест за двадцать минут…

— Любитель! — презрительно воскликнул Йанг-Йовил. — Почему вы не предоставили это профессионалам?

— Нашел их.

— Нашли! Где?

— Собор Святого Патрика. Шеффилду нужен…

Но Йанг-Йовил крутанулся на каблуках и бежал по коридору с криком:

— Робин! Робин! Остановись!

И в этот миг уши заложило грохотом взрыва.

Глава 8

Как разбегающиеся круги на воде, распространялись Идея и Воля, ширились и ширились, выискивая, нащупывая и спуская чувствительный субатомный курок ПирЕ. Мысль находила частички, пыль, дым, пар, молекулы.

В Сицилии, где доктор Франко Торре до изнеможения бился, пытаясь раскрыть секрет одного кусочка ПирЕ, осадки и отстой из лаборатории по дренажной трубе попадали в море. Много месяцев течения разносили их по дну. В единый миг морская поверхность сгорбилась, колоссальные массы воды вознеслись на пятьдесят футов и покатили по их следам на северо-восток

к Сардинии и на юго-запад к Триполи. В микросекунду все Средиземноморье оказалось во власти гигантского водяного червя, обвивавшегося вокруг островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоса и Мальты.

Какие-то миллиграммы были сожжены; ушли в трубу вместе с дымом и паром и продрейфовали сотни миль, прежде чем осесть. Эти частички заявили о себе в Марокко, Алжире, Ливии и Греции слепящими точечными взрывами невероятной краткости и мощности. А другие, еще блуждающие в стратосфере, обнаружили себя, засверкав дневными звездами.

В Техасе, где над ПирЕ безрезультатно бился профессор Джон Мантли, большая часть отходов попала в выработанную нефтяную скважину, используемую для хранения радиоактивных отбросов. ПирЕ просочился в водозаборник и медленно распространился по площади около десяти квадратных миль. Десять квадратных миль техасских квартир взлетели на воздух. Большое скрытое месторождение газа нашло наконец выход наружу и с ревом устремилось на поверхность, где искры от летящих камней воспламенили его и превратили в беснующийся факел в две сотни футов высотой.

Миллиграмм ПирЕ отложился на кружке фильтровальной бумаги, давным-давно смятой, выброшенной и забытой. Переработанная с макулатурой, она попала в форму для гарта и уничтожила целиком вечерний тираж «Глазго Обсервер». Частичка ПирЕ осела на лабораторном халате, переработанном в тряпичную бумагу, и развеяла на молекулы благодарственную записку, написанную леди Шрапнель, а заодно и тонну почты. Манжет рубашки, ненароком попавший в кислотный раствор ПирЕ и много месяцев назад выкинутый хозяином вместе с рубашкой, в одно мгновение яростной ампутации оторвал руку джек-джантера. Миллионная доля грамма ПирЕ, оставшаяся на хрустальной лабораторной посуде для выпаривания, ныне используемой в качестве пепельницы, моментально сожгла кабинет некоего Бэйкера — торговца уродами и поставщика чудовищ.

По всей планете гремели взрывы, отдельные и целые очсре-ли, бушевали пожары, сверкали вспышки, горели метеориты в небе, узкие каналы и гигантские воронки вспахивали землю, вспучивали землю, извергались из земли. Как будто разгневанный Господь вновь посетил Свой народ с огнем и серой.

В лаборатории Формайла в соборе Святого Патрика оставалась почти десятая доля грамма ПирЕ. Остальное было заперто в сейфе из Инертсвинцового Изомера, надежно защищено от случайного или намеренного психокинетического воспламенения.

Колоссальная энергия, высвободившаяся из этой десятой доли грамма, разбросала стены и раскололо полы словно в судороге землетрясения. Какое-то мгновение контрфорсы еще поддерживали колонны, а затем рухнули. Ревущей лавиной повалились башни, шпили, устои, подпоры, своды — и застыли над зияющим кратером пола в безумно переплетенном равновесии. Дуновение ветра, слабая дрожь — и обвал завершится, наполняя воронку камнями и размельченной пылью.

Звездная температура взрыва зажгла сотни пожаров и расплавила древнюю толстую медь обвалившейся кровли. Участвуй во взрыве еще один миллиграмм ПирЕ, и жара хватило бы, чтобы немедленно испарить металл. Вместо этого он добела раскалился и начал течь. Каплями, струйками и потоками расплавленная мель нащупывала путь вниз через нагромождения камней, железа, дерева и стекла, как некий чудовищный огненный змей, ползущий сквозь

дебри.

Дагенхем и Йанг-Йовил джантировали к храму почти одновременно. Через мгновение появилась Робин Уэднесбери, а затем Джизбелла Маккуин. Прибыли дюжина оперативных работников Разведки, шесть курьеров Дагенхема, престейновская джант-стража и полиция. Они оцепили полыхающие развалины, хотя любопытных почти не было. (Нью-йоркские жители, в памяти которых осталось Новогоднее Нападение, в панике джантировали прочь.)

С протяжным гулом свирепствовал огонь, пожирая зависшие в угрожающе шатком равновесии развалины. Чтобы перекрыть страшный рев, приходилось кричать, хотя каждый и боялся вибрации. Йанг-Йовил наклонился к Дагенхему и проорал на ухо новости о Фойле и Шеффилде. Дагенхем кивнул, и на его лице появилась смертельная улыбка.

— Нужно попасть внутрь!

— Защитные костюмы — гаркнул в ответ Йовил.

Он исчез и материализовался с парой белых огнеупорных костюмов. При виде их Робин и Джизбелла истерически закричали. Дагенхем и Йанг-Йовил, не обращая внимания, залезли в

инерт-изомерную броню и двинулись в ад.

Гигантская рука смяла собор Святого Патрика и сложила обломки в некое подобие шатра. Сверху медленно текли языки расплавленной меди, забираясь в каждую щель, осторожно нащупывая, обходя или покрывая обугленное дерево, раздробленные камни, разбитое стекло. Тонкие струйки меди едва светились вишневым светом, но мощные потоки полыхали и разбрасывали искры раскаленного добела металла.

Под образовавшимся шатром на месте кафедрального пола зияла огромная дыра. Взрыв расколол и отбросил в стороны плиты, обнажая подвалы, погреба и хранилища. Они тоже были заполнены каменным крошевом, балками, трубами, проволокой, остатками шатров Пятимильного Цирка и освещались неверным мерцанием маленьких огоньков. Потом в кратер потекли первые потоки расплавленной меди, и все озарилось слепящим светом.

Привлекая внимание Йанг-Йовила, Дагенхем постучал его по плечу и указал вниз. На середине склона кратера, в самой гуще каменного завала, виднелись изуродованные останки Регниса Шеффилда. Йанг-Йовил постучал по плечу Дагенхема и указал: почти на самом дне огромной воронки

лежал Гулли Фойл. Вдруг сверху сорвалась струя расплавленной меди, и в свете брызг они увидели, что он шевелится. Дагенхем и Йанг-Йовил немедленно повернулись и выбрались из собора.

— Он жив.

— Невообразимо.

— Я, кажется, могу это объяснить. Заметил рядом остатки тента? Очевидно, взрыв произошел в дальнем углу собора, и шатры ослабили удар. А потом Фойл провалился под пол прежде, чем стали падать обломки.

— Что ж, похоже. Надо его вытащить. Он — единственный человек, кто знает, где находится ПирЕ.

— Разве могло остаться что-то… невзорванное?

— В сейфе из ИСИ — да. Но как нам его вытащить?

— Сверху к нему не добраться.

— Почему?

— Одно неверное движение, и все обрушится.

— Ты видел стекающую медь? Так вот, если через десять минут мы его не вытащим, он окажется на дне пруда из расплавленного металла.

— Что же делать?

— Есть одна задумка…

— Какая?

— Подвалы здания «Эр-Си-Эй» также глубоки, как подвалы собора.

— И?..

— Спустимся и попытаемся пробить ход. Может быть, мы доберемся до Фойла снизу.

В старое здание «Эр-Си-Эй», давным-давно запертое и заброшенное, ворвался отряд. Они вломились в нижние пассажи, ветхие музеи древних розничных магазинов. Они нашли грузовые шахты и спустились по ним в подвалы, заполненные электрооборудованием, обогревательными и холодильными системами. Они спустились еще ниже, на уровень фундамента, по грудь в воде от ручьев доисторического острова Манхэттен, от ручьев, которые все еще текли под покрывающими их улицами.

Медленно продвигаясь по направлению собора Святого Патрика, они неожиданно обнаружили, что непроглядная тьма освещается огненным мерцанием. Дагенхем закричал и бросился вперед. Взрыв, обнаживший подвалы собора, расколол перегородку между склепами двух зданий. Через искромсанные разрывы в земле и камне открывался вид на дно ада.

В лабиринте искореженных труб, балок, камней, проволоки и металла лежал Гулли Фойл. Его

освещали мерцающее сияние сверху и маленькие языки пламени вокруг. Его одежда горела; на лице пылала татуировка. Он слабо шевелился.

— Боже мой! — воскликнул Йанг-Йовил. — Горящий Человек!

— Что?

— Горящий Человек, которого я видел на Испанской Лестнице. Впрочем, сейчас это неважно. Как нам быть?

— Идти вперед, разумеется.

Слепящий белый плевок меди внезапно упал сверху и с громким чавканьем расплескался в десяти футах от Фойла. За ним последовал второй, третий, мощный тягучий поток. Начало образовываться маленькое озеро. Дагенхем и Йанг-Йовил опустили лицевые пластины своих костюмов и полезли через щель. После трех минут отчаянных попыток им стало ясно, что они не в силах добраться до Фойла; пройти через лабиринт снаружи было невозможно. Дагенхем и Йанг-Йовил попятились.

— Нам к нему не подойти! — прокричал Дагенхем. — Но Фойл выбраться может.

— Каким образом? Он, очевидно, не в состоянии джантировать, иначе бы его здесь не было.

— Он может ползти. Смотри. Налево, потом

вверх, назад, обогнуть балку, поднырнуть под нее и выпихнуть тот спутанный клубок проволоки. Внутрь нам его не протолкнуть, а вот Фойл выбраться может.

Озеро расплавленной меди медленно текло к Фойлу.

— Если он сейчас же не вылезет, то зажарится заживо.

— Ему надо подсказать, что делать.

Они начали кричать:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Горящий человек в лабиринте продолжал слабо копошиться. Ливень шипящего металла полыхал огнем.

— Фойл! Поверни влево. Ты слышишь? Фойл?! Поверни влево и лезь наверх. Потом… Фойл!

— Он не слушает… Фойл! Гулли Фойл! Ты слышишь?

— Надо послать за Джизбеллой. Может быть, он ее послушает.

— Нет, лучше за Робин.

— Но согласится ли она? Спасти именно его?

— Ей придется. Это больше, чем ненависть. Это больше, чем все на свете. Я приведу ее.

Йанг-Йовил повернулся, но Дагенхем остановил его:

— Погоди, Йео. Взгляни, он мерцает.

— Мерцает?

— Смотри! Он… исчезает и появляется. Часто-часто. Вот он есть, и вот его нет.

Фойла словно била мелкая дрожь. Он напоминал неистово трепещущего мотылька, полоненного дурманящим огнем.

— Что это? Что он пытается сделать? Что происходит?

Он пытался спастись. Как загнанный зверь, как раненая птица, как бабочка, заманенная открытой жаровней маяка, Фойл отчаянно бился… опаленное, измученное создание, из последних сил пытающееся выжить, кидающееся в неведомое.

Звук он видел, воспринимал его как странной формы свет. Они выкрикивали его имя, а он воспринимал яркие ритмы:

ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ

ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ
ФОЙЛ

Движение казалось ему звуком. Он слышал корчащееся пламя, он слышал водовороты дыма, он слышал мерцающие, глумящиеся тени… Все обращались к нему на странных языках.

— БУРУУ ГИАР РУУАУ РЖЖИНТ? — вопрошал пар.

— Аш. Ашша. Кири-тики-зи мдик, — причитали мельтешащие тени.

— ОООх. Аааx, Хиии, Ччиии. ОООо, Аааа, — пульсировал раскаленный воздух. — Аааx. Мааа. Паaа. Лаааaа!

И даже огоньки его собственной тлеющей одежды вговари-вали белиберду в уши:

— МАНГЕРГЕЙСТМАНН! — ревели они. — УНТРАКИН-СТЕЙН ГАНЗЕЛЬСФУРСТИНЛАСТЭНБРУГГ!

Цвет был болью… жаром, стужей, давлением; ощущением непереносимых высот и захватывающих дух глубин, колоссальных ускорений и убийственных сжатий.

КРАСНОЕ ОТСТУПИЛО ЗЕЛЕНОЕ НАБРОСИЛОСЬ ИНДИГО С ТОШНОТВОРНОЙ СКОРОСТЬЮ

ЗАСКОЛЬЗИЛО ВОЛНАМИ, СЛОВНО СУДОРОЖНО ТРЕПЕЩУЩАЯ ЗМЕЯ

Осязание было вкусом… Прикосновение к дереву отдавало во рту кислотой и мелом, металл был солью, камень казался кисло-сладким на ощупь, битое стекло, как приторное пирожное, вызывало тошноту.

Запах был прикосновением… Раскаленный камень пах, как ласкающий щеку бархат. Дым и пепел терпким шероховатым вельветом терли его кожу. От расплавленного металла несло яростно колотящимся сердцем; озонированный взрывом воздух пах, как сочащаяся сквозь пальцы вода.

Фойл не был слеп, не был глух, не лишился чувств. Ощущения поступали к нему; но поступали профильтрованные через нервную систему исковерканную, перепутанную и короткозамкнутую. Он находился во власти синестезии, того редкого состояния, когда органы чувств воспринимают информацию от объективного мира и передают ее в мозг, но там все ощущения путаются и перемешиваются друг с другом. Звук выражался светом, движение — звуком, цвета казались болью, прикосновения — вкусом, запах — прикосновением. Фойл не просто затерялся в

адском лабиринте под собором Святого Патрика; он затерялся в калейдоскопической мешанине собственных чувств.

Снова доведенный до отчаяния, на самой грани смерти, он отказался от всех устоев и привычек жизни; или, может быть, ему было в них отказано. Из сформированного опытом и окружающей средой существа Фойл превратился в зачаточное, рудиментарное создание, жаждущее спастись и выжить и делающее для этого все возможное. И снова, как два года назад, произошло чудо.

Вся энергия человеческого организма целиком, каждой клетки, каждого нерва, мускула, фибра питала эту жажду, и снова Фойл джантировал в космос.

Его несло по геопространственным линиям искривленной Вселенной со скоростью мысли, далеко превосходящей скорость света. Пространственная скорость была столь пугающе велика, что временная ось отошла от вертикальной линии, начертанной от Прошлого через Настоящее в Будущее. Он мчался по новой, почти горизонтальной оси, по новой геопространственной линии, движимый неисчерпаемым потенциалом человеческого мозга, не обузданного более концепциями невозможного.

Снова он достиг того, чего не смогли Гельмут Грант, Энрико Дапдридж и множество других экспериментаторов, потому что слепая паника заставила его забыть пространственно-временные оковы, обрекшие на неудачу предыдущие попытки. Он джантировал не в Другое Место; он джантировал в Другое Время. Но самое важное — сознание четвертого измерения, завершенная картина Стрелы Времени и своего положения на ней, которые заложены в каждом человеке, однако находятся в зачаточном состоянии, подавляемые тривиальностью бытия, у Фойла выросло и окрепло. Он джантировал по пространственно-временным линиям, переводя «i» — квадратный корень из минус единицы — из мнимого числа в действительность великолепным действом воображения.

Он джантировал.

Он был на борту «Номада», плывя через бездонную стужу космоса. Он стоил у двери в никуда.

Холод казался вкусом лимона, а вакуум когтями раздирал кожу. Солнце и звезды били все тело лихорадочной дрожью.

—

ГЛОММНАФРЕДНИИТ КЛОМОХАМАГЕНЗИН! — ревело в его уши движение.

Фигура, обращенная к нему спиной, исчезла в конце коридора; фигура с медным котлом, наполненным пищевыми концентратами. То был Гулли Фойл.

— МЕЕХАТ ДЖЕСРОТ К КРОНАГАНУ НО ФЛИММКОРК, — рычало его движение.

— Ох-хо! Ах-ха! Ооооо? Соооо? Нееее. А-аххххх, — стонали завихрения света и теней.

Лимонный вкус во рту стал невыносим; раздирающие тело когти были мукой.

Он джантировал.

И появился в полыхающем горниле под собором Святого Патрика всего через секунду после своего исчезновения. Его тянуло сюда, как снова и снова притягивает мотылька манящее пламя. Он выдержал в ревущей топке всего лишь миг.

И джантировал.

Он находился в глубинах Жофре Мартель. Бархатная бездонная тьма была раем, блаженством, эйфорией.

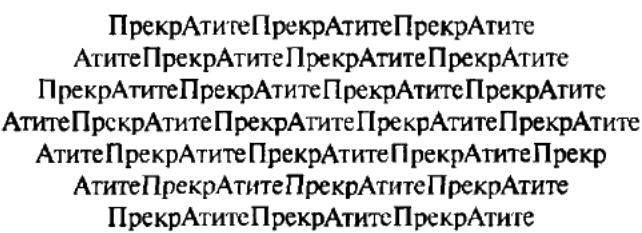
— А-ах! — облегченно выдохнул он.

— АХ! — раздалось эхо его голоса, и звук предстал ослепительно-ярким узором света:



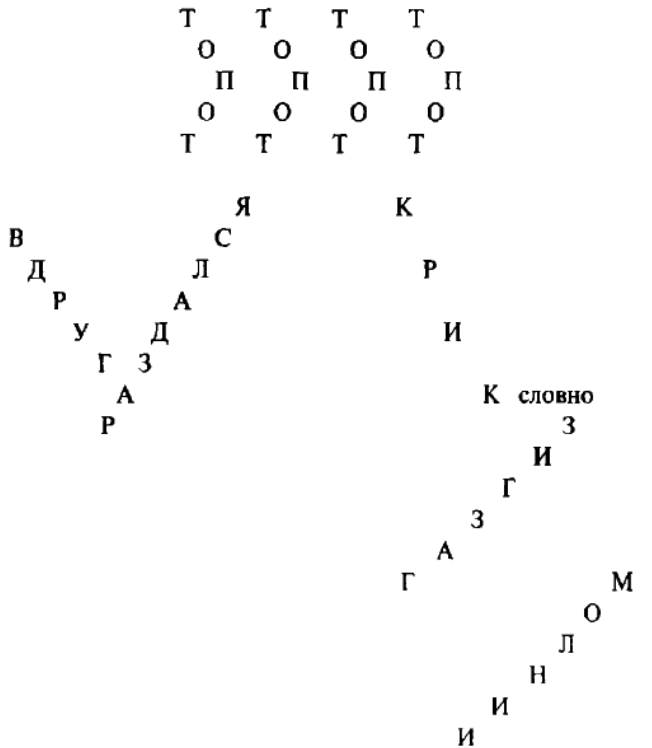
Горящий Человек скорчился.

— Прекратите! — закричал он, ослепленный шумом. И снова донесся сверкающий рисунок эха:



Отдаленный топот явился его глазам затейли-

вым узором развевающегося вымпела:



УДАРИЛ ЛУЧ СВЕТА

То была поисковая группа из госпиталя Жофре Мартель, при помощи геофона выслеживающая Фойла и Джизбеллу Маккуин. Горящий Человек исчез, но невольно сбил ищеек со следа беглецов.

Он снова появился под собором. Отчаянное трепыхание швыряло Фойла вверх по геодезическим линиям; те же неотвратимо возвращали его назад, в то Настоящее, которого он стремился избежать; ибо Настоящее было самой низкой точкой параболы пространства — времени.

Он мог гнать себя вверх и вверх, в Прошлое или Будущее, но рано или поздно падал в Настоящее, подобно брошенному со дна бесконечного колодца мячу, который сперва катится вверх по пологому склону, потом на миг застывает и падает вниз.

И все же снова и снова он бился в неведомое.

Он джантировал.

И оказался на пустынном австралийском побережье.

Бурление пенящихся волн оглушало:

— ЛОГГЕРМИСТ КРОТОХАВЕН ЙАПЛ. ЛУГТЕРМИСК МО-ТЕСЛАВЕН ДЖУЛ.

Шум пузырящегося прибоя слепил.

Рядом стояли Гулли Фойл и Робин Уэднесбери.

Неподвижное тело лежало на песке, отдававшем уксусом во рту Горящего Человека. Морской ветер пах оберточной бумагой.

Фойл шагнул.

— ГРАШШШ! — взвыло движение.

Горящий Человек джантировал.

И появился в кабинете доктора Ореля в Шанхае.

Фойл снова стоял рядом и говорил узорами света:

К К К К К К
ТЫ ТЫ ТЫ ТЫ ТЫ ТЫ
О О О О О О

Джантировал.

он был на бурлящей испанской лестнице. он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице, он был на бурлящей испанской лестнице.

Джантировал.

Вновь холод, вкус лимонов и раздирающие кожу когти… Горящий Человек заглядывал в иллюминатор серебристой яхты. Сзади выси-

лись зазубренные горы Луны. Он увидел резкое перестукивание подающих кровь и кислород насосов и услышал грохот движения Гулли Фойла. Безжалостные клешни вакуума удушающе сжали горло.

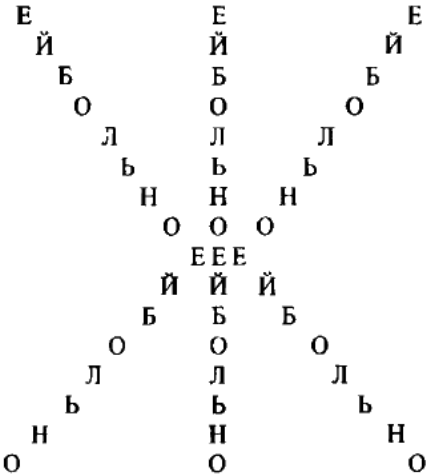
Геодезические линии пространства — времени понесли его назад, в Настоящее, в сатанинскую жаровню под собором Святого Патрика, где едва истекли две секунды с тех пор, как он начал бешеную борьбу за существование. Еще раз, словно огненное копье, Фойл швырнул себя в неведомое.

Он был в катакомбах колонии Склотски на Марсе. Перед ним извивался и корчился белый червяк, Линдси Джойс.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — кричало ее судорожное дергание. — НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ УБИВАЙТЕ МЕНЯ. ПОЖАЛУЙСТА… НЕ НАДО… ПОЖАЛУЙСТА… ПОЖАЛУЙСТА…

Горящий Человек оскалил тигриную пасть и засмеялся.

— Ей больно, — сказал он. Звук собственного голоса обжег глаза.



— Кто ты? — прошептал Фойл



Горящий Человек содрогнулся.
— Слишком ярко. Меньше света.

Фойл шагнул вперед.

— БЛАА — ГАА — ДАА — МАА — ФРАА — МИШИНГЛИСТОН-ВИСТА! — загремело движение.

Горящий Человек страдальчески скривился и в ужасе зажал уши.

— Слишком громко! — крикнул он. — Не двигайся так громко!

Извивания корчащейся Склотски продолжали заклинать:

— НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ.

Горящий Человек снова засмеялся.

— Послушай ее. Она кричит. Она ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет сдыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

— ПРИКАЗ ОТДАЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. НЕ Я. НЕ.ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. Она говорит — Оливия.

ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?

Шахматное сверкание вопроса Фойла было непереносимо.

— Она говорит: Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Он джантировал. И оказался в каменном капкане под собором Святого Патрика. Внезапно смятение и отчаяние подсказали ему, что он мертв. Это конец Гулли Фойла. Это вечность и реальный ад. То, что он видел, — Прошлое, проносящееся перед распадающимся сознанием в заключительный момент смерти. То, что он перенес, ему суждено переносить бесконечно. Он мертв. Он знал, что мертв.

Он отказался подчиниться вечности. И снова швырнул себя в неведомое.

Искрящийся туман… вихрь звезд-снежинок… поток жидких бриллиантов. Тела его коснулись невесомые трепетные крылья… Язык ощутил вкус нити прохладных жемчужин… Перемешавшиеся чувства не могли помочь ему сориентироваться, но он отчетливо понимал, что хочет остаться в этом Нигде навсегда.

— Здравствуй, Гулли.

— Кто то?

— Робин.

— Робин?

— Бывшая Робин Уэднесбери.

— Бывшая?..

— Ныне Робин Йовил.

— Не понимаю. Я мертв?

— Нет, Гулли.

— Где я?

— Далеко, очень далеко от Святого Патрика.

— Но где?

— Мне некогда объяснять, Гулли. У тебя мало времени.

— Почему?

— Потому что ты еще не умеешь джантировать через пространство — время. Тебе надо вернуться и научиться.

— Я умею. Должен уметь. Шеффилд сказал, что я джантировал к «Номаду»… шестьсот тысяч миль.

— Тогда это было случайность, Гулли, Ты снова сделаешь это — когда научишься… А пока ты не знаешь, как удержаться… как обратить любое Настоящее в реальность. Вот-вот ты опять сорвещься в собор Святого Патрика.

— Робин, я только что вспомнил. У меня для тебя плохие новости.

— Знаю, Гулли.

— Твоя мать и сестры погибли.

— Я знаю это очень давно.

— Давно?

— Тридцать лет.

— Это невозможно.

— Возможно. Ты далеко, далеко от Святого Патрика… Я хочу рассказать тебе, как спастись от огня, Гулли. Ты будешь слушать?

— Я не мертв?

— Нет.

— Я буду слушать.

— Ты страдаешь синестезией, все твои чувства перепуганы. Это скоро пройдет, но пока придется говорить так, чтобы ты понял.

— Почему ты мне помогаешь?.. После того, что я сделал с тобой…

— Все прошено и забыто, Гулли. Слушай меня. Когда опять окажешься в соборе, повернись к самой громкой тени. Ясно?

— Да.

— Иди на шум, пока не ощутишь покалывание на коже. Остановись. Сделай пол-оборота в сжатие и чувство паления. Иди туда. Пройдешь через столб света и приблизишься ко вкусу хинина. На самом деле это клубок проволоки. Продирайся прямо через хинин; там увидишь что-то стучащее, словно паровой молот. Ты будешь в безопасности.

— Откуда все это тебе известно, Робин?

— Мне объяснил специалист, Гулли. — Появилось ощущение смеха. — Вот-вот ты сорвещься в прошлое… Здесь Питер и Саул. Они передают тебе привет и желают удачи. Джиз Дагенхем тоже. Счастливо, Гулли, милый…

— В Прошлое?.. Это Будущее?..

— Да, Гулли.

— А я там есть?.. А… Оливия?

И в этот миг он, кувыркаясь, полетел вниз, вниз, вниз, по пространственно-временным линиям вниз, в кошмарную яму Настоящего.

Глава 9

Его ощущения пришли в норму в Звездном Зале дворца Престейна. Зрение стало зрением, и он увидел высокие зеркала и золотые стены, библиотеку с библиотекарем-андроидом на шаткой библиотечной лесенке. Звук стал звуком, и он услышал стук механического пишущего устройства, за которым сидела секретарша-андроид. Вкус стал вкусом, когда он пригубил коньяк, поданный роботом-барменом.

Фойл понимал, что находится в безвыходном положении: он приперт к стене; сейчас ему

предстоит принять самое важное решение в жизни. На данный момент он пренебрег врагами и обратился к сияющей улыбке, застывшей на металлическом лице бармена, классическому ирландскому оскалу.

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — ответил робот, ожидая следующей реплики.

— Приятный день, — заметил Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — отозвался робот.

— Погода, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Это я, — сказал он, указывая на робота. — Это мы все. Мы болтаем о свободе воли, но не представляем из себя ничего, кроме реакции… механической реакции, однозначно заданной и определенной. И вот… вот я здесь, готовый реагировать. Нажмите на кнопочку, и я подпрыгну. — Он передразнил холодный голос робота: — Счастлив служить, сэр. — Внезапно его тон изменился и прозвучал, как удар бича: — Что вам надо?

Они беспокойно зашевелились. Фойл был обо-

жжен, обессилен, изранен… и все же оставался хозяином положения.

— Давайте оговорим условия, — продолжал Фойл. — Меня повесят, утопят, четвертуют, если я не… Чего вы хотите?

— Я хочу вернуть свою собственность, — холодно улыбаясь, заметил Престейн. — Восемнадцать с лишним фунтов ПирЕ.

— Так. Что вы предлагаете?

— Я не делаю никаких предложений. Я требую то, что принадлежит мне по праву.

Заговорили Дагенхем и Йанг-Йовил. Фойл резко оборвал их:

— Пожалуйста, давите на кнопку по одному, джентльмены. — Он повернулся к Престейну. — Жмите сильнее… кровь и деньги… или найдите другую кнопку. Кто вы такой, чтобы выставлять сейчас требования?

Престейн поджал губы.

— Закон… — начал он.

— Что? Угрозы? — Фойл рассмеялся. — Хотите меня запугать? Не валяйте дурака, Престейн. Разговаривайте со мной так, как говорили на Новогоднем балу… без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

Престейн склонил голову, глубоко вздохнул и

прекратил улыбаться.

— Я предлагаю власть, — сказал он. — Признание вас моим наследником, равную долю в предприятиях Престейна, руководство кланом и семьей. Вместе мы сможем править миром.

— С ПирЕ?

— Да.

— Ваше предложение рассмотрено и отклонено. Предложите свою дочь.

— Оливию?! — Престейн подавился и сжал кулаки.

— Да, Оливию. Где она?

— Ты!.. — вскричал Престейн. — Подонок… мерзавец… Ты смеешь…

— Вы предложите дочь за ПирЕ?

— Да, — едва слышно произнес Престейн.

Фойл повернулся к Дагенхему:

— Ваша очередь, мертвая голова.

— Если разговор будет идти подобным образом… — возмущенно начал Дагенхем.

— Будет. Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия. Что вы предлагаете?

— Славу. Мы не можем предложить денег или власть. Мы можем предложить честь. Гулли Фойл — человек, спасший Внутренние Планеты от уничтожения. Мы можем предложить безопасность.

Мы ликвидируем ваше досье, дадим уважаемое имя, прославим навеки.

— Нет, — вмешалась неожиданно Джизбелла Маккуин. — Не соглашайся. Если хочешь быть спасителем, уничтожь секрет. Не давай ПирЕ никому.

— Что такое ПирЕ?

— Тихо! — рявкнул Дагенхем.

— Это термоядерное взрывчатое вещество, которое воспламеняется одной лишь мыслью… психокинезом, — сказала Джизбелла.

— Какой мыслью?

— Просто желанием взорвать его, направленным желанием. Этого достаточно, если ПирЕ не изолирован Инертсвинцовым Изомером.

— Я велел тебе молчать, — прорычал Дагенхем. — Это больше, чем идеализм.

— Ничего нет больше идеализма.

— Секрет Фойла больше, — пробормотал Йанг-Йовил. — ПирЕ сейчас сравнительно маловажен. — Он улыбнулся Фойлу. — Секретарь Шеффилда подслушал часть вашей милой беседы в соборе. Нам известно, что вы джантировали в космосе.

Воцарилась внезапная тишина.

— Джантация в космосе! — воскликнул Да-

генхем. — Невозможно! Ты не знаешь, что говоришь.

— Знаю. Фойл доказал, что это возможно. Он джантировал на шестьсот тысяч миль от крейсера ВС до остатков «Номада». Как я сказал, это гораздо больше, чем ПирЕ. Мне кажется, этим следует заняться в первую очередь.

— Тут каждый говорит о том, что он хочет, — медленно произнесла Робин Уэднесбери. — Чего хочешь ты, Гулли Фойл?

— Спасибо тебе, — промолвил Фойл. — Я жажду понести наказание.

— Что?

— Я хочу очищения, — сказал он сдавленным голосом. Позорное клеймо стало проступать на его перебинтованном лице. — Я хочу искупить содеянное; свести счеты. Я хочу освободиться от своего тяжкого креста… эта боль раскалывает мне спину. Я хочу вернуться в Жофре Мартель… лоботомию, если заслуживаю… И я хочу знать. Я хочу…

— Вы хотите спасения, — перебил Дагенхем. — Спасения нет.

— Я хочу освобождения!

— Исключено, — отрезал Йанг-Йовил. — Ваша голова слишком ценна, чтобы отдавать ее на

лоботомию.

— Нам не до простых детских понятий — преступление, наказание… — вставил Дагенхем.

— Нет, — возразила Робин. — Должен быть грех, и должно быть прощение. Мы никогда не сможем преступить их.

— Нажива и убыток, грех и прошение, идеализм и практицизм… — горько улыбнулся Фойл. — Вы все так уверены, так прямодушны… А у меня сплошные сомнения. Посмотрим, насколько вы действительно уверены… Итак, вы отдаете мне Оливию? Мне — да, так? А закону? Она — убийца.

Престейн попытался встать, но рухнул в кресло.

— Должно быть прощение, Робин? Ты простишь Оливию Престейн? Она убила твоих родных.

Робин смертельно побледнела.

— Вы, Йовил. У Внешних Спутников ПирЕ нет; Шеффилд признался в этом. Все равно будете испытывать его на них? Чтобы мое имя вспоминали рядом с именами Линча и Бойкота?

Фойл повернулся к Джизбелле:

— Вернешься ты ради своего идеализма в Жофре Мартель отсиживать срок до конца? А вы, Дагенхем, откажетесь от нее? Спокойно отпусти-

те в тюрьму?.. Жизнь так проста, — иронично продолжал он. — И это решение так просто, не правда ли? Уважить права Престейна? Благополучие планет? Идеалы Джизбеллы? Реализм Дагенхема? Совесть Робин? Нажмите на кнопку, и робот дернется. Но я не робот. Я выродок Вселенной… мыслящее животное… Я пытаюсь разглядеть путь через эту трясину. Возвратить ПирЕ миру, и пусть он себя губит? Обучить мир джантации в космосе, и пусть себе величаво ступает от галактики к галактике, распространяя повсюду заразу своего уродливого образа жизни? Каков же ответ?

Робот-бармен внезапно швырнул миксер через всю комнату. В последовавшей тишине надсадно прозвучал голос Дагенхема:

— Проклятье! Ваши куклы, Престейн, опять разладились от радиации.

— Ответ — «да», — отчетливо произнес робот.

— Что? — ошарашенно спросил Фойл.

— Ответ на ваш вопрос — «да».

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — отозвался робот. — Человек в первую очередь — член общества, а только потом уже индивидуум. И независимо от того, обречет ли себя общество на уничтожение

или нет, вы должны оставаться с ним.

— Совсем спятил, — раздраженно бросил Дагенхем. — Выключите его, Престейн.

— Погодите, — приказал Фойл, не сводя глаз с ослепительной улыбки, застывшей на механическом лице робота. — Но общество может быть таким тупым, таким запутавшимся… Ты свидетель нашего разговора.

— Верно, сэр, но вы должны учить, а не диктовать. Вы должны учить общество.

— Джантации в космосе? Зачем? Стоит ли нам рваться к звездам и галактикам? Ради чего?

— Потому что вы живы, сэр. С таким же успехом можно задаться вопросом «Ради чего жизнь?». Об этом не спрашивают. Просто живут.

— Сумасшествие, — пробормотал Дагенхем.

— Но увлекательное, — заметил Йанг-Йовил.

— Жизнь должна быть больше, чем простое выживание, — сказал Фойл роботу.

— Тогда определите это «больше» для себя, сэр. Не требуйте от мира гибели, если у вас возникли сомнения.

— Но почему мы не можем все идти вперед?

— Потому что вы все разные. Вы не лемминги. Кому-то нужно вести — и надеяться, что остальные не отстанут.

— Кому же вести?

— Тем, кто должен… одержимым.

— Выродкам.

— Все вы выродки, сэр. Вы всегда были выродками. Жизнь — это выродок.

— Спасибо тебе большое.

— Счастлив служить, сэр.

— Ты спас сегодняшний день. И не только сегодняшний.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — проговорил робот.

Потом он заискрился, затрещал и рухнул, развалившись на части.

Фойл повернулся к присутствующим:

— Он прав; а вы не правы. Кто мы такие, любой из нас, чтобы принимать решения за весь мир? Пускай мир сам принимает решения. Кто мы такие, чтобы хранить секреты от мира? Пускай мир знает их и решает за себя. Идем в собор.

Он джантировал; остальные — следом. Район до сих пор был оцеплен, но вокруг собралась колоссальная толпа. Столько опрометчивых и любопытствующих людей джантировало в дымящиеся развалины, что полиция установила защитный индукционный экран. И все равно озорники и зеваки пытались проникнуть на

руины; опаленные индукционным полем, они убегали с жалобным воем.

По знаку Йанг-Йовила поле выключили. Фойл прошел по горячему щебню к восточной стене собора, от которой еще оставалось футов пятнадцать в высоту. Он ощупал почерневшие камни, раздался скрежещущий звук, и кусок стены три на пять футов с резким визгом стал открываться; потом заел. Фойл нетерпеливо схватил его и дернул. Перекаленные петли не выдержали и рассыпались, панель упала.

Двумя столетиями раньше, когда религия была запрещена, а истовые верующие всех исповеданий ушли в подполье, несколько преданных благочестивых душ устроили эту потайную нишу и обратили ее в алтарь. Золото распятия до сих пор сияло негасимым огнем веры. У подножия креста покоился маленький черный ящик из Инертсвинцового Изомера.

— Знак?.. — выдохнул Фойл. — Ответ, который я ищу?

Он выхватил тяжелый сейф прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться, джантировал сотню ярдов на остатки кафедральных ступеней и там, на виду у всей толпы, открыл. Вопль ужаса сорвался с губ сотрудников Разведки; они знали его

содержимое.

— Фойл! — бешено закричал Дагенхем.

— Ради бога, Фойл! — заревел Йанг-Йовил.

Фойл вытащил кусочек ПирЕ — цвета кристаллов йода, размера сигареты… один фунт твердого раствора трансплутониевых изотопов.

— ПирЕ! — выкрикнул он, обращаясь к толпе. — Держите его! Это ваше будущее. ПирЕ! — Он швырнул кусочек в гущу людей и добавил через плечо: — Сан-Франциско!

Фойл джантировал Сент-Луис — Денвер — Сан-Франциско; там было четыре часа пополудни, и улицы кипели озабоченно снующими служащими.

— ПирЕ! — взревел Фойл. Его дьявольская маска налилась кровью и устрашающе горела. — ПирЕ… Он ваш. Заставьте их рассказать вам, что это… Ном! — крикнул он прибывающим преследователям и джантировал.

В толпе оцепеневших от ужаса лесорубов, торопящихся к своим бифштексам с пивом, возникла кошмарная фигура с тигриным оскалом. Фигура размахнулась и бросила что-то в гущу людей.

— ПирЕ! Эй, там, слышите меня, нет? ПирЕ! Хватайте — и без вопросов. Слышите там, вы? Пусть расскажут про ПирЕ, и все!.

Дагенхем, Йанг-Йовил и прочие, джантирующие за Фойлом с секундным опозданием, услышали:

— Токио. Императорская площадка!

Он исчез за миг до того, как долетели их пули.

Фойл побывал в Бангкоке, где дождь лил как из ведра, и Дели, где бушевал муссон… преследуемый по пятам гончими псами. В Багдаде в три часа ночи его встретили пьяным умилением завсегдатаи ночных баров, джантирующие вокруг света, вечно опережая время закрытия на полчаса. В Лондоне и Париже стояла полночь; шумные толпы на Елисейских Полях и Пикадилли бурлили, как море, от странных действий и страстных призывов Фойла.

Проведя своих преследователей за пятьдесят минут почти полный путь вокруг света, Фойл позволил в Лондоне настичь себя. Он позволил им повалить себя, вырвать из рук сейф из ИСИ и пересчитать оставшиеся кусочки ПирЕ.

— Для войны осталось достаточно. Вполне достаточно для полного уничтожения… если посмеете. — Фойл смеялся и рыдал в истерическом триумфе. — Миллиарды на оборону, но ни гроша на выживание…

— Ты понимаешь, что ты наделал, убийца?! —

закричал Дагенхем.

— Я знаю, что сделал.

— Девять фунтов ПирЕ разбросаны по миру! Одна мысль, и мы… Как забрать его, не говоря им правды?! Ради бога, Йео, осади эту толпу. Они могут услышать.

— Это выше наших сил.

— В таком случае джантируем.

— Нет! — прорычал Фойл. — Пусть слышат. Пусть слышат все.

— Ты сошел с ума. Только безумец даст заряженный револьвер несмышленому ребенку.

— Прекратите относиться к ним как к детям. Объясните им про заряженный револьвер. Откройте все. — Фойл свирепо рассмеялся. — Только что я положил конец последней тайне. Никаких больше секретов… Никаких больше указаний детишкам, что для них лучше… Пусть взрослеют. Пора уже.

— Господи, он в самом деле потерял рассудок.

— Разве? Я вернул жизнь и смерть в руки людей, которые живут и умирают. Простого человека слишком долго бичевали и вели такие одержимые, как мы… необузданные, неукротимые люди… люди-тигры, которые не могли не подхлестывать мир. Мы все тигры, все трое, но кто мы

такие, какое право имеем решать за всех? Пусть мир сам выбирает между жизнью и смертью. Почему мы навьючены такой ответственностью?

— Мы не навьючены, — тихо сказал Йанг-Йовил. — Мы одержимы. Мы вынуждены принять ответственность, которой страшится средний человек.

— Так пусть перестанет страшиться, перестанет увиливать. Пускай не перекладывает свой долг и свою вину на плечи первого попавшегося выродка, который поспешит принять их на себя. Или нам суждено вечно быть копами отпущения?

— Будь ты проклят! — бушевал Дагенхем. — Неужели до тебя не доходит, что людям доверять нельзя?! Они сами не знают, чего им надо!

— Так пусть узнают — или сдохнут! Мы все в одной упряжке. Будем жить вместе — или вместе умирать.

— Хочешь сдохнуть из-за их невежества?! Тебе придется найти способ собрать все кусочки ПирЕ, не взлетев на воздух.

— Нет. Я в них верю. Я сам был одним из них — до того, как стал тигром. И каждый может стать необыкновенным, езди его встряхнуть, как меня, если его пробудить.

Фойл неожиданно вырвался, джантировал на

бронзовую голову Эроса, пятьюдесятью футами выше Пикадилли, и яростно взревел:

— Слушайте меня! Слушайте все! Буду проповедь читать, я.

Ему ответил дружный рев.

— Вы свиньи, вы. Вы гниете, как свиньи, и все. В вас есть многое, а вы довольствуетесь крохами. Слышите меня, вы? У вас есть миллионы, а расходуете гроши. В вас есть гений, а мыслей что у чокнутого. В вас есть сердце, а чувствуете пустоту… Вы все. Каждый и всякий.

Его осыпали насмешками, над ним глумились. Он продолжал со страстной, истеричной яростью одержимого:

— Нужна война, чтобы вы раскошелились. Нужен хлыст, чтобы вы соображали. Нужен вызов, чтобы пробудить гений… Остальное время вы пускаете слюни. Лентяи! Свиньи, вы все! Ну хорошо, вызываю вас, я! Сдохните — или живите в величии. Сдохните, сволочи, будьте вы прокляты, или придите ко мне, Гулли Фойлу, и я сделаю вас великими. Я помогу вам встать на ноги. Я сделаю вас людьми!

НАСТОЯЩЕЕ: Ригель в Орионе, иссиня-белый, пятьсот сорок световых лег от Земли, в десять тысяч раз ярче Солнца, котел чудовищной энер-

гии, окруженный тридцатью семью громадными планетами… Фойл завис в космосе, замерзая и задыхаясь, лицом к лицу с судьбой, в которую верил, но которая оставалась непостижима. Он завис в космосе на ослепительный миг, такой же беспомощный, такой же ошеломленный и такой же неизбежный, как та первая рыба, выползшая из моря выпученными глазами посмотреть на доисторический берег у истоков жизни.

Он джантировал, обращая пара-Настоящее в…

НАСТОЯЩЕЕ: Вега в Лире, звезда типа АО в двадцати шести световых годах от Земли, беспланетная, но окруженная роем сверкающих комет, прочерчивающих огненные хвосты на небесном своде…

И вновь он обратил настоящее в НАСТОЯЩЕЕ: Канопус, желтый, как Солнце, гигантский, грозовой в безмолвных просторах космоса, свидетель появления некого создания; создания, у которого когда-то были жабры. Создание зависло, выпучив глаза на берег Вселенной; ближе к смерти, чем к жизни, ближе к Будущему, чем к Прошлому, в десяти лигах за краем света. Создание пораженно глядело…

НАСТОЯЩЕЕ: Альдебаран в Тельце, одна из пары чудовищных красных звезд, чьи шестнадцать

планет неслись по эллиптическим орбитам вокруг взаимновращающихся родителей… Он мчался через пространство — время с растущей уверенностью…

НАСТОЯЩЕЕ: Антарес, красный гигант, спаренный подобно Альдебарану, двести пятьдесят световых лет от Земли, двести пятьдесят планетоидов размером с Меркурий, с климатом Эдема…

И наконец… НАСТОЯЩЕЕ:

Он находился на борту «Номада».

Мойра нашла его в инструментальном шкафу свернувшимся в зародышевый комочек, с пустым лицом, с горящими священным откровением глазами.

Фойл спал и размышлял, переваривая обретенное величие. Он очнулся от мечтаний и выплыл из шкафа, обжигая Мойру слепыми очами, минуя пораженную девушку, которая отступила назад и пала на колени. Он бродил по пустынным проходам и наконец вернулся в утробу шкафа; там свернулся снова и был утерян.

Она коснулась его; он не шевельнулся. Она произнесла имя, выжженное на его лбу; он не дал ответа. Она повернулась и кинулась вовнутрь астероида, в святая святых, где правил Джозеф.

— Мой муж вернулся к нам! — выпалила Мой-

ра.

— Твой муж?

— Человек-бог, который нас уничтожил.

Лицо Джозефа потемнело от гнева.

— Где он?! Покажи мне!

— Ты не тронешь его?

— Долги нужно платить. Покажи мне.

Джозеф прошел за ней к шкафчику на борт «Номада» и посмотрел пристально на Фойла. Ярость на его лице сменилась изумлениесм. Он коснулся Фойла и обратился к нему; ответа не было.

— Ты не можешь его наказать, — сказала Мойра. — Он умирает.

— Нет, — тихо промолвил Джозеф. — Он не умирает. Он грезит. Я, жрец, знаю эти грезы. Придет время, и он очнется, и откроет нам, своему народу, все свои помыслы.

— И тогда ты покараешь его?

— Он уже нашел кару — в самом себе.

Джозеф устроился рядом со шкафчиком, готовый ожидать пробуждения. Девушка, Мойра, побежала по изогнутым коридорам и вернулась с серебряным тазиком теплой воды и серебряным подносом с едой. Она обмыла Фойла нежно и опустила перед ним поднос как приношение. Потом устроилась рядом с Джозефом… радом со

всем миром… ждать пробуждения.

ВАРИАНТЫ ЛИЧНОСТИ

© Перевод К. Плешкова.

1

Черный автомобиль поравнялся с их спортивной машиной и резко свернул, перегораживая дорогу. Взвизгнули тормоза. Дэвид Кони пинком распахнул дверцу, вскинул на плечо тяжелый рюкзак и схватил Хильду за руку.

— Быстрее! — крикнул он.

Тяжело дыша, они побежали в сгущающихся сумерках через поле для гольфа. Конн увидел, как что-то хлестнуло рядом с ним по траве, а долю секунды спустя услышал позади треск выстрела. Хильда вздрогнула.

— Шутить они явно не собираются, — пробормотал Конн.

Он оглянулся на бегу. В полумраке их преследовали темные силуэты. Пять… шесть… семь. Если бы только найти какое-нибудь укрытие… Но они бежали через широкую лужайку, открытую со всех сторон. В двух сотнях ярдов левее показались очертания рва с песком, на зеленом накате

развевался флажок.

— Сюда! — выдохнул Конн.

Едва они перекатились через край рва, упав на мягкий песок, как снова раздались выстрелы, резко и отчетливо прозвучавшие в тишине апрельского вечера. Конн сбросил с плеча рюкзак и подполз к земляной насыпи, глядя в сторону преследователей. Вытащив пистолет, он выстрелил в едва различимую фигуру. Хильда осторожно приблизилась нему.

— Спрячься, — велел Конн, — Им нужна ты.

— Живой, — напомнила Хильда, — но не мертвой. От мертвой им не будет никакого толку.

— Зато от меня будет, — сказал Конн.

Он попытался перевести дух. Вдалеке, вне досягаемости револьверного выстрела, черные фигуры, сбившись в тесный круг, о чем-то договаривались. Конн пересчитал патроны. Две обоймы. Двенадцать. Слишком мало. Они дождутся, пока совсем стемнеет, а потом нападут. Он не мог позволить себе терять время. До своего аппарата ему нужно добраться до восьми — то есть у него оставалось меньше часа на то, чтобы совершить невозможное и выиграть это сражение.

— Оставь для меня пулю, — попросила Хильда.

Конн бросил на нее быстрый взгляд. Мягкие

светлые волосы, голубые глаза…

«Как странно, — подумал он, — Я влюбился в девушку, которая умерла за тысячу лет до моего рождения. Я смотрю на ее прелестные губы, и мне хочется их поцеловать, но в то же время я знаю, что губы эти уже тысячелетие как обратились в прах».

— Глупости, — мягко сказал Конн. — Ты не знаешь, на что я способен.

— Возможно, это ты не знаешь, на что способны нацисты, — возразила Хильда. — Они увезут меня обратно в Голландию и используют для политического шантажа. Они будут держать меня в плену — как Леопольда, короля Бельгии. Оставь пулю.

Семеро все еще совещались. Конн знал, в чем их самая большая проблема. Их беспокоило, что во время нападения могла погибнуть Хильда. Быстро темнело. Конн дважды выстрелил в их сторону, просто чтобы напомнить о себе, потом снова посмотрел на Хильду. Она робко улыбнулась.

— Я думаю о том, какая ты красивая, — сказал Конн.

— Ты думаешь о том, что зря связался с беженкой. Ты был бы рад, если бы у премьер-министра

Питьена никогда не было дочери…

— Нет, — возразил Конн. Ему становилось не по себе при одной мысли о том, что кто-то хочет причинить вред Хильде. — Мне просто пришло в голову, что тысячу лет назад мы вполне могли носить фамилию Коэн. И потому я хотел бы говорить откровенно.

— Тысячу лет? — уставилась на него Хильда.

— Послушай, — сказал Конн. — Мне не хватало духу все тебе рассказать. Я ждал до последней минуты — пока не добрался до того места, куда стремился, на склоне вон того холма. Догадываешься, что я имея в виду, когда говорил про тысячу лет?

— Нет, — покачала головой Хильда. — Для меня это звучит словно какое-то безумие. Все, что я знаю, — ты спешил попасть в какое-то место, когда нам преградили дорогу. В прошлом месяце ты говорил мне, что ты репортер с Западного побережья…

— Репортер, верно, но не с побережья… — Конн нервно повертел в руке револьвер. — Возможно, ты мне не поверишь…

Хильда толкнула его под локоть. Тени разделились. Он едва мог их разглядеть. В вечерней тишине раздались почти неслышимые шаги по

покрытой росой траве. Конн ждал, чувствуя, как отчаянно бьется сердце.

Они наверняка набросятся на нас со всех сторон, подумал он, и в темноте он сможет уложить одного, самое большее двоих. Потом остальные схватят Хильду. Ее свяжут, заткнут кляпом рот, и через месяц она снова окажется в Голландии. Она больше не будет просто Хильдой. Она будет Хильдой Питьен, дочерью премьер-министра, всего лишь еще одной фишкой в нацистском покере. А он умрет здесь, на пале для гольфа, за тысячу лет до того, как родился.

С треском взлетела красная ракета. Конн выстрелил в ответ. Это был сигнал. Послышался звук бегущих ног.

«Что мне терять?» — подумал Конн.

Встав на колени, он выбрался на край рва, обнаружив себя. Тщательно прицелившись, выпустил оставшиеся пули в нависшие над ним тени и, не успело еще смолкнуть эхо от выстрелов, снова скатился в яму, шаря в поисках последней обоймы. Ему казалось, будто вокруг вспыхивают огни прожекторов.

Черная фигура перевалилась через край рва и обрушилась на него. Конн выронил обойму и с размаху ударил бесполезным револьвером в

лицо нападавшего. В тот же миг на него сбоку навалился еще один, увлекая за собой. Крупный песок оцарапал теку Копна. Он опрокинулся на спину, взмахнув руками, и врезал коленом по шее противника.

Потом пытался подняться на ноги, скользя по песку. Нападавший с силой пнул его в живот. Конн накренился вперед, молотя перед собой кулаками и метя в лицо. Хрустнул хрящ, враг застонал и обмяк. Конн добавил ему правой в челюсть, и стало тихо.

— Всё? — хрипло пробормотал Конн. Хильда помогла ему подняться, глаза ее были широко раскрыты от страха. — Всё? — снова спросил Конн. — Наверняка остались еще. Я не мог убить пятерых двумя выстрелами.

Он огляделся по сторонам, но в свете восходящей луны ничего не увидел. Земля вокруг была взрыхлена и истоптана.

— Всё, — выдохнула Хильда. — О дорогой…

Конн обнял ее и поцеловал.

«Последний абзац романа, — подумал он. — Обычно за ним не следует ничего, кроме «Они жили долго и счастливо», а потом «Конец»».

Конн потерся оцарапанной щекой о ее шелковистые волосы, пытаясь запомнить их запах, и

мягко отстранил Хильду от себя.

— Мне нужно идти, — сказал Копи. Скоро ночь. Прощай, Хильда, прощай надолго. Возможно, навсегда…

Даже в темноте Дэвид почувствовал, как она напряглась. Хильда отступила назад, поднеся руку к губам.

— О… — прошептала она.

— Это вовсе не то, о чем ты думаешь, милая, — промямлил Конн, — Я люблю тебя, но…

Чересчур взволнованный для того, чтобы продолжать, он трясущимися руками начал искать револьвер и обойму, наконец нашел и попытался стряхнуть с них песок.

— Думаю, нам лучше вернуться к машине, — предложила Хильда.

— Нет, дальше я пойду пешком, — покачал головой Конн. — Это недалеко… в каком-то смысле. — Он взвалил на спину тяжелый рюкзак, мгновение помедлил, а потом вдруг схватил Хильду за руки и слегка встряхнул. — Ты должна понять, — сказал он. — У меня нет другого выхода. Я не могу поступать так, как мне заблагорассудится… на мне лежит огромная ответственность.

— Не говори ничего. Оправданиями ничему не поможешь.

— Ты просто не можешь понять…

Хильда высвободилась из его рук и попыталась взобраться по склону песчаной ямы. Конн помог ей. Они стояли посреди лужайки, чувствуя, как вечерний ветерок обдувает их липа.

— Послушай меня, — вновь заговорил Конн. Он достал ключи от своего автомобиля и протянул ей, — Это от машины. Она теперь твоя. Мне она больше не понадобится. Хильда, я вовсе не так хотел с тобой попрощаться. Я думал, что мы приедем на место и я тебе все объясню. Если бы ты увидела мой аппарат, возможно, тебе легче было бы понять. Может быть, так, в конце концов, и лучше. Здесь мы расстанемся. Ты поедешь обратно в город, ненавидя меня. Но очень скоро ты забудешь…

Хильда молча взяла ключи, презрительно глядя на него, и неожиданно ударила его по лицу. Щеку обожгло. Конн криво улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Прощай…

Конн направился к холму, внутри которого находился аппарат. Пройдя десяток шагов, он обернулся и увидел в полумраке силуэт Хильды. Еще через десять шагов он услышал ее крик:

— Дэвид!

А потом снова, уже другим, радостным голо-

сом:

— Дэвид!

Ему показалось, будто мимо него пронесся порыв ветра — словно его собственный призрак возвращался к Хильде.

Больше всего на свете Конну сейчас хотелось вернуться к ней.

«К черту Данбара и мой долг перед ним, — подумал он. — К черту аппарат — пусть сгниет навсегда. К черту все на свете, кроме Хильды…»

Но до восьми оставалось двадцать минут, а дисциплинированность была одним из его врожденных качеств. Конн пробрался сквозь заросли у подножия холма и начал подниматься по склону.

С каждым шагом этот столь понравившийся ему мир уходил все дальше в прошлое. Впереди ждало его собственное время — время, которое должно было наступить через тысячу лет. Та же Земля, но — мир многоэтажных городов и гигантских лабораторий, огромных машин, преобразовавших землю, и грохочущих ракетных кораблей, пронзавших небо.

Конн представил себе размеренное существование, к которому он возвращался, и вздохнул. Жизнь была слишком спокойной и легкой.

Слишком мало работы, никаких волнений, приключений или опасностей. В этом грубом мире прошлого, который он покидал, Конн нашел все то, к чему стремился. Нашел и потерял девушку, которая в отчаянии звала его, а он уходил… девушку, чьи крики смолкли тысячу лет назад.

Дэвид добрался до вершины холма. Сердцевина его состояла из сплошного гранита, древнего, как вечность, — об этом позаботился Данбар. Конн осторожно опробовал ногами землю, пока не нашел мягкий участок, и начал энергично копать. Наконец из-под земли появилась панель с кнопками. Он набрал нужную комбинацию и выпрямился.

Круг дерна диаметром в ярд медленно ушел вниз, унося с собой и его. Круг опустился на пятьдесят футов, и перед Конном появилась узкая стальная дверь, вделанная заподлицо в стену шахты. Открыв ее, он шагнул внутрь и нажал кнопку, расположенную высоко надверной раме. Земляной круг стал подниматься наверх.

Конн закрыл за собой дверь и включил свет. Перед ним сиял аппарат — хитросплетение соленоидов и селеновых генераторов, сверкавшее так, словно Данбар собрал его полчаса назад. Он посмотрел на часы. Без пяти восемь. Данбар дал

ему строгие указания вернуться самое большее через год. Энергия аккумуляторных батарей иссякала от бездействия. Сейчас она была на пределе. Еще один день задержки, и возвращение стало бы невозможным.

Конн поспешно проверил записи и образцы, упакованные в рюкзак. Под ними лежали коробки с отснятыми им кинопленками. Он забросил рюкзак на спину, проверил показания приборов, потом шагнул на небольшую платформу в середине аппарата и протянул руку к огромному рубильнику.

«Я дурак, — подумал он. — Мое место здесь. Я нужен Хильде. То, что нам удалось отбиться от одной группы нацистских агентов, вовсе не означает, что ей больше ничего не грозит.

Почему, собственно, меня должны волновать нацисты? Все это в прошлом и забыто. С демократией ничего не случится. Последние остатки фашизма будут уничтожены в 1945 году — четыре года спустя. Хильда станет старше. Возможно, она выйдет замуж и у нее будут дети. Возможно, иногда она будет вспоминать «репортера», с которым познакомилась в канун нового, 1941 года. Возможно, она будет думать, что он ее бросил.

Я не принадлежу к мертвому миру прошлого.

Почему же я не радуюсь? Я возвращаюсь к своей семье и друзьям. Я из мира 2941 года. Данбар ждет моего отчета».

Наступило восемь часов. Конн дернул рубильник, и рев машины заглушил его проклятия.

2

Путешествие на тысячу лет сквозь время заняло меньше пяти секунд. Конн стоял на платформе, с нетерпением ожидая, когда иссякнут остатки исходящего из шахты излучения. Соленоиды все еще издавали тихий писк, подобный затухающим звукам сирены. Затрещали контакты, по медленно вращающимся генераторам пробежали фиолетовые отблески. Это были последние капли могучей энергии, забросившей его на тысячелетие вперед в потоке времени.

Конн сошел с платформы и посмотрел на датчик заряда аккумулятора. Стрелка зависла над красной отметкой — энергии хватило едва-едва. Устало подойдя к двери, он отодвинул тяжелую стальную панель.

Конн снова нажал на кнопку, и вскоре к нему стала опускаться круглая пластина. Наверху виднелось пятно бледного света. Там должна была находиться старая лаборатория Данбара, постро-

енная на вершине гранитного утеса. Вероятно, там был и сам Данбар, нетерпеливо расхаживавший по мраморному полу; возможно, прошло уже минут пять с тех пор, как Конн отправился в путь. Дэвид вспомнил огромную лабораторию, ее сверкающие стены и высокий потолок.

Прежде всего он поприветствует Данбара. А потом первым делом выйдет на балкон и посмотрит на восток, где когда-то было поле для гольфа, и еще дальше, туда, где уходила в сторону Нью-Йорка серебристая лента Меррик-хайвэя. Теперь же там не будет ничего, кроме рядов тянущихся на целую милю вверх зданий. Нет, в его время больше не существовало зелени и лесов. Лишь уходящие вдаль миля за милей башни из стали и мрамора и лишь кое-где — тщательно оберегаемые небольшие сады.

Диск замер перед ним. Конн шагнул вперед — и у него перехватило дыхание. Диск не был покрыт сверкающим серым мрамором, так же как и пол лаборатории Данбара, — вместо этого он был усыпан коричневой каменной крошкой, перемешанной с влажной землей, среди которой виднелись редкие стебли травы. Конн ошеломленно уставился вверх, откуда все так же лился бледный свет. В кругу света виднелись мерцаю-

щие звезды.

Запустив диск, он начал подниматься наверх, сгорая от нетерпения и беспокойства.

— Данбар! — сдавленным голосом позвал он. — Данбар, это я, Конн!

Ответа не последовало. Лишь тихо поскрипывал подъемный механизм.

На небе ярко светила полная луна. На севере виднелись очертания густого темного леса. К востоку и югу простирались холмы, испещренные пятнами каменных пород, и широкая река, в которой отражался лунный свет. На запад тянулись пшеничные поля, а в миле за ними Конн различил силуэт высоких зубчатых стен, увенчанных янтарными огоньками.

Что случилось с его миром?

Конн потрогал рюкзак с записями.

«Ошибки быть не может, — подумал он, — Данбар проверял и перепроверял аппарат множество раз. Он был настроен на апрель 2941 года, и если это так, то именно в этом времени я и нахожусь. Что случилось с моим миром?»

В десяти футах от него в воздух бесшумно взмыл большой камень и упал на землю, подняв облако пыли. Конн резко обернулся, не обращая внимания на град мелких осколков, оцарапавших

ему лицо. Увидев подпрыгнувший рядом второй камень, он бросился на землю, прикрыв руками голову. На этот раз осколки рассекли ему одежду, словно маленькие лезвия.

Внизу, вокруг всего холма, возникали и исчезали короткие вспышки взрывов. Казалось, будто холм окружен кольцом гигантских светлячков. Но это были не взрывы — звука он не слышал, лишь ощущал легкие толчки и мог различить воронки, волшебным образом возникавшие на месте вспышек.

Конн прищурился, глядя в темноту. Похоже, у подножия холма шло беззвучное сражение. Когда глаза его приспособились к полумраку, он смог разглядеть внизу две фигуры, частично скрытые валунами, — рослые мужчины в доспехах, сверкавших при свете луны. Лежа ничком, они, словно ружья, держали у плеча копья длиной футов в десять. Позади них лежали две лошади. Конн слышал их тихое фырканье и позвякивание удил.

Осажденных окружала быстро движущаяся орда звероподобных существ. Они были людьми, но больше напоминали огромных мохнатых кроликов. У них тоже были копья, и Конн видел, как они то и дело опускаются на одно колено,

вскидывают копья и стреляют. Очевидно, это и было то самое оружие, которое производило бесшумные взрывы.

Орда «кроликов» теснилась вокруг двух осажденных, но не приближалась к ним ближе чем на пятьдесят ярдов. При виде того, как отважно сопротивлялись эти двое, у Конна сильнее забилось сердце. Затаив дыхание, он смотрел, как они терпеливо ждут приближения атакующих, а затем слегка приподнимаются и стреляют. Выстрелов он не слышал, но увидел град усеявших землю разрывов.

Раздался пронзительный свист, и нападающие остановились. Конн понял, что это преамбула к решающей атаке и что тех двоих в доспехах наверняка сомнут. Быстро стряхнув последние песчинки с револьвера, он вставил в него последнюю обойму.

Когда свист раздался во второй раз, он уже бежал вниз по склону, чувствуя, как рюкзак бьет его по ягодицам. Набрав скорость, Конн резко затормозил как раз в тот момент, когда люди-кролики сплошной волной хлынули к группе камней. Бросив взгляд на людей в доспехах, которые теперь стояли во весь рост, выставив перед собой копья, он перевел дух и начал стрелять.

После первого выстрела один из «кроликов» вскрикнул и упал. Остальные остановились, и Конн увидел белые пятна их лиц, повернувшихся на звук стрельбы. Он торжествующе закричал, и в холмах эхом отдались еще два выстрела. Еще два «кролика» осели на землю. Конн услышал, как загремели по камням их копья.

— Давайте, парни, я с вами! — выкрикнул Конн.

Однако двое мужчин стояли, словно парализованные увиденным. Конн выстрелил еще трижды, медленно и тщательно прицеливаясь. С каждым выстрелом падало еще одно тело. Когда упал третий, «кролики» в ужасе завопили и бросились бежать. Конн вприпрыжку помчался вниз по склону. Когда он добрался до парочки в доспехах, нападавшие уже скрылись во тьме.

— Повезло вам, что я оказался рядом! — выпалил Конн.

Сквозь молочно-белый туман ему показалось, что они неотличимы от рыцарей Круглого стола — только вместо стальных забрала на их шлемах были стеклянными.

— Повезло вам, — повторил Конн. Ему очень не понравилось, как они продолжают держать копья — направив ему в грудь. — В чем дело,

парни, вам мало того, что я для вас сделал?

Один из них коротко рассмеялся. Смех его прозвучал хрипло и грубовато.

— Брось копье, Шиллер, — сказал он. — Он не читатель.

— Где тогда его доспехи? — возразил тот, кого назвали Шиллером, не отводя тяжелого взгляда от Конна. — Ты сваст? — спросил он.

— Послушай, приятель, — сказал Конн. — Я тут чужой и не знаю ничего ни о свастах, ни о читателях. Я просто проходил мимо и решил вам помочь. И рассчитываю хотя бы на спасибо.

— Конечно, — снова рассмеялся первый. — Мы все в последнее время чересчур подозрительны, но Шиллер слишком уж далеко зашел. Я готов поблагодарить любого, кто прикончил шесть крыс-читателей. — Он протянул руку в перчатке. — Благодарю тебя, незнакомец. Меня зовут Хорст.

— Меня — Дэвид Конн.

Конн пожал протянутую руку. Хорст толкнул своего товарища под локоть.

— Ну давай же, Шиллер, — сказал он, — У тебя что, не найдется слов для парня, который спас тебя от того, чтобы с тебя живьем содрали шкуру?

— Угу, спасибо, — мрачно пробурчал Шиллер,

но руки не подал.

Вместо этого он повернулся и поднял обеих лошадей на ноги. Конн растерянно наблюдал, как тот садится в седло и направляет лошадь в сторону замка, расположенного за пшеничными полями.

Хорст взял лошадь за поводья и пошел рядом с Конном следом за Шиллером по узкой грязной тропинке, извивавшейся среди высоких колосьев пшеницы.

— Шиллер нервничает, — пояснил Хорст. — Читатели нас постоянно осаждают, и ему не терпится вернуться в замок. Это единственное место, где в наше время сваст может чувствовать себя в безопасности.

— Даже так? — удивился Конн.

— Они словно крысы, эти читатели, — продолжал Хорст, — Они кишат повсюду. А теперь они даже начали угрожать замку. Если он падет, я не знаю, что мы будем делать. — Он покачал головой. — Это наша последняя цитадель.

— Ничего себе, — пробормотал Конн.

Сейчас, когда первое возбуждение после боя прошло, он вновь начал удивляться тому, что с ним произошло. Убрав пустой револьвер в карман, Конн попытался хоть что-то понять.

Что случилось с его Землей? Кто эти свасты и читатели?

— В наше время каждый человек на счету, — сказал Хорст. — Замок едва ли мог бы позволить себе потерять двух бойцов, и мы рады еще одному добровольцу. Ты первый сваст, который добрался до нас за три года. Не думал, что они еще остались в Америке.

— Вряд ли, — заметил Конн.

Кто, черт возьми, эти свасты? И почему их больше не осталось в Америке?

— Что за копье было у тебя там, на холме? — спросил ехавший впереди Шиллер. Он неожиданно обернулся и снова пристально посмотрел на Конна. — Никогда не видел копья, которое производит столько шума.

— Это не копье, — ответил Конн. — Это револьвер.

— Револьвер! — возбужденно воскликнул Хорсг — Старинный? Древнее огнестрельное оружие? Где ты его взял? Дай посмотреть!

Конн на мгновение задумался, глядя на высокие стебли пшеницы вокруг и размышляя, что стоит и чего не стоит говорить этим людям. Он решил, что лучше будет немного осмотреться вокруг, прежде чем раскрывать свои карты.

— Покажу, когда доберемся до замка, — сказал он.

Шиллер осадил лошадь столь резко, что едва не порезал ей удилами рот.

— А что это тебе так не терпится попасть в замок? — требовательно спросил он.

— Вовсе нет, — возразил Конн. — Я просто хочу добраться до него, и…

— Вот видишь? — бросил Шиллер Хорсту.

Тот остановился и кивнул.

— Может, стоит все-таки его обыскать, — сказал он. Голос его вновь стал столь же грубым, как и раньше, — Я хотел бы взглянуть на этот револьвер. И еще я хотел бы заглянуть в мешок у тебя за спиной. Читатели — хитрые твари. Они вполне могут пожертвовать шестерыми, чтобы заслать в замок шпиона.

Конн посмотрел на них. Шиллер уже вытащил копье из чехла, и оно лежало поперек седла, дулом к нему. Конн достал револьвер.

— Держи, — сказал он.

Хорст с любопытством оглядел револьвер, затем опустил его в седельную сумку и потянулся к рюкзаку. Не снимая лямки с плеча, Конн приподнял рюкзак и откинул клапан, показывая содержимое.

— Черт побери, — сердито проворчал он. — Скольких мне нужно убить, чтобы мне поверили? Я не шпион. И не читатель.

— Книги! — прорычал Хорст, показывая Шиллеру маленький блокноте записями Конна, — Книги! Эта свинья — читатель!

Шиллер выругался и поднял копье. Конн выхватил блокнот из рук Хорста и, продолжая движение, с силой ударил им по шее лошади Шиллера. Животное встало на дыбы, фыркая от боли. Бесшумный выстрел Шиллера оставил на дороге небольшую воронку. Он снова выругался и дернул за поводья.

Конн вывернулся из-под лошадиных копыт и двинул Хорста коленом в живот. Доспехи оцарапали ему кожу, но Хорст застонал и согнулся пополам. Конн схватил рюкзак обеими руками и помчался прочь от дороги через поле. Шиллер что-то крикнул, и неожиданно среди колосьев рядом с Конном возникла яркая вспышка, на месте которой образовалась воронка и во все стороны полетели осколки камня.

Позади раздавался стук копыт. Шиллер и Хорст кинулись в погоню. Конн низко пригнулся, молясь о том, чтобы высокие стебли растений укрыли его. Продираться сквозь пшеницу было

ничуть не легче, чем бежать по морю патоки. Он тяжело дышал.

Конн пытался петлять, чтобы сбить преследователей со следа, но те быстро настигали. Его охватило тошнотворное ощущение непреодолимого ужаса. Бесшумные взрывы продолжали вспыхивать вокруг него, и он чувствовал себя словно слепой, бегущий в неизвестность.

— Вот он! — крикнул Хорст, и голос его прозвучал опасно близко.

Конн молился, продолжая бежать.

Взрывы от перекрестного огня взрыли землю прямо перед ним. Закрыв руками обожженные глаза, Конн из последних сил рванулся вперед — и почва ушла у него из-под ног. Он рухнул в массу перемешанных с землей стеблей пшеницы. Ошеломленный, Конн попытался подняться и с ужасом понял, что вокруг него смыкаются мохнатые фигуры. Его схватило множество рук.

— Только попробуй пикнуть и… — произнес чей-то голос.

Конн кивнул.

3

Преследователи продолжали что-то выкрикивать. Конн чувство вал, как стучат по земле

копыта их лошадей. Сверху падали мелкие комья земли. В темноте слышалось тяжелое дыхание окружавших его людей.

— Слишком близко к поверхности! — прошептал кто-то, — Я вас предупреждал. От верха шахты до земли меньше пяти футов.

— Подпорки, — последовал ответ. — Все было бы в порядке, сумей мы поставить бревна на место. Слишком мало времени!

— В любом случае, — послышался шепот третьего, — кто мог предположить, что чертовы свасты начнут палить в своих пшеничных полях? Взрыв и сломал крепеж шахты. Взрыв — и еще вот этот! — Он встряхнул Конна.

Земля попала Конну за шиворот, но он боялся ее вытряхнуть. Потом кто-то судорожно вздохнул и сильнее сжал пальцы на его плече. Копыта застучали по земле прямо над ними, и сверху посыпались комья земли и камни.

Он слышал тяжелое дыхание животных и скрип кожаной упряжи, ругательства Шиллера, понукавшего лошадь. Если хоть одна из лошадей провалится сюда…

— Нужно возвращаться! — послышался шепот. — Мы не можем просто так здесь стоять и ждать, пока начнется настоящий ад! Нас раз-

давят…

Конн посмотрел вверх. Над головой зияла проделанная взрывом четырехфутовая дыра, через которую он свалился. Он стоял на дне кратера глубиной в пятнадцать футов, похожего на перевернутую воронку с узким горлышком. Шахта по обе стороны от него была плотно забита землей, которая продолжала сыпаться сверху, набиваясь вокруг них.

— Возвращаться? Как? — Говоривший тревожно поднял взгляд. — Стоит свастам нас заметить, и они перестреляют нас, словно крыс. У нас даже нет копий, чтобы защититься.

— Как? Будем копать, само собой.

— Через завал? На это потребуются часы.

— Не через завал! — Человек раздраженно постучал по твердому полу. — Будем копать вниз. Там проходит уровень три-двадцать, меньше чем в трех футах отсюда. Давай же, копай!

Он оттащил Конна в сторону. Остальные двое сразу же вонзили в землю кирки. Твердая поверхность медленно поддавалась, и наконец появилась более мягкая почва. Бросив кирки, они начали яростно разбрасывать ее в стороны.

Над головой Конн услышал отдаленное рычание Шиллера:

— Ушел в одну из их крысиных нор! Смотри вниз, на землю, Хорст. Может, удастся заметить вход.

Хорст негромко выругался.

— Ну и дурак же я! — сказал он. — Мне следовало это подозревать. Но кто мог знать, что они ради военной хитрости убьют шестерых своих? Слезай с коня, Шиллер. Будем искать пешком!

— Бревна! — прошептал один из копавших. — Я наткнулся на потолочные балки…

— Тогда копай в сторону, и побыстрее!

Земля полетела в стороны. Конн увидел, как расширяется небольшая дыра, и услышал, как сыплется земля в нижний туннель. Потом инструменты со звоном упали вниз.

— Достаточно! — выдохнул копавший. — Пошли!

Он опустил вниз ноги и, извиваясь, начал протискиваться в дыру; мгновение спустя он приземлился в нижнем туннеле. Следом за ним там же исчез второй. Человек, державший Конна, подтолкнул его к дыре. Пролезая в нее, Конн зацепился за шедшее вдоль туннеля бревно, ухватился за него и спрыгнул вниз.

Совсем рядом раздался крик Шиллера:

— Хорст! Он здесь! В этой яме!

Едва Конн коснулся земли, чьи-то руки оттащили его в сторону. В отверстии над ним появилась следующая пара ног. Хорст и Шиллер что-то кричали. Люди в нижнем туннеле ухватились за торчащие ноги и резко дернули. Земля вздрогнула, что-то ярко вспыхнуло — Хорст и Шиллер начали стрелять. Сверху снова посыпались комья. Бревна зловеще затрещали.

— Быстрее! Бежим! — бросил третей. — Они взорвали и эту шахту. Долго она не продержится.

Туннель, полностью погруженный во мрак, был узким и достаточно высоким, они передвигались по нему пригнувшись. Внезапно Конн наткнулся на тяжелую балку в стене, споткнулся, и бежавший за ним налетел на него сзади. Послышалось приглушенное ругательство, и все остановились.

— Бесполезно, — сказал тот, кто, судя по всему, был тут главным, — Он не знает туннеля. Придется его тащить. Ложись!

Конн растянулся на полу туннеля. Его тут же подхватили за лодыжки и плечи, и он почувствовал, что его поднимают.

— Вперед! — прошептал предводитель.

Они снова двинулись по туннелю. Конн раскачивался, словно в гамаке, вцепившись в рюкзак обеими руками. От быстрого движения головой

вперед сквозь темноту его слегка поташнивало. Он то и дело вздрагивал, опасаясь очередного жестокого столкновения с едва видимыми балками. Далеко позади скорее ощущался, чем слышался грохот падающей земли — вероятно, обвал, вызванный стрельбой свастов.

Неожиданно стало светло. Группа остановилась и сбросила Конна на землю. С трудом поднявшись на ноги, он увидел, что они находятся у развилки туннеля. Перед ними были два ответвления, оба широкие и с высоким сводом. Над головами через каждые десять футов располагались крошечные огоньки.

— Направо или налево? — спросил тот, который нес инструменты.

— Налево, — ответил предводитель. — Нужно доставить этого парня к Роллинсу и доложить о случившемся. Кроме того, с обвалом тоже надо что-то делать.

Они поспешно подтолкнули Конна к входу в левый туннель. Проход постепенно опускался все ниже, расширяясь и углубляясь, пока не превратился в огромный проход, в который то и дело вливались другие туннели. Конн чувствовал себя кровяным тельцем, отправившимся странствовать по венам и артериям.

Еще через полмили они неожиданно оказались перед вделанной в гранит широкой переборкой из тяжелого кованого железа, которая выглядела несокрушимой, как скалы Гибралтара. Предводитель поспешно подошел к ней и постучал, потом заглянул в открывшееся зарешеченное окошечко. Он произнес несколько слов, после чего небольшая панель отошла в сторону и Конн, наклонив голову, прошел в дверь следом за остальными.

Увиденное настолько ошеломило его, что он застыл как вкопанный. В лицо Конну ударил порыв теплого ароматного ветра. Перед ним тянулась просторная аркада, высотой, по крайней мере, в сто футов и шириной около двухсот. Она напоминала сияющую огнями станцию подземки. Пол ее был усыпан белым сверкающим песком, на котором рядами стояли маленькие белые домики с красными, синими и зелеными черепичными крышами в окружении пальм, отбрасывавших на них легкую тень.

Да, именно тень. Конн посмотрел на крышу аркады и заморгал. Она представляла собой сплошную светящуюся поверхность, излучающую тепло. По песку небольшими группами разгуливали люди в купальных костюмах, загорелые и здоровые.

«Словно подземный пляжный курорт, — подумал Конн. — Подземная версия Майами-Бич».

— Неплохо, да? — произнес рядом чей-то голос.

Конн обернулся. Трое, что привели его сюда, стаскивали с себя тяжелые шубы, делавшие их похожими на кроликов. Их предводитель стоял рядом в сандалиях и плавках — тоже загорелый и с впечатляющей мускулатурой.

Он повел Конна вдоль аркады. Проходя мимо людей, Конн таращился на хорошо сложенных мужчин и жсншин. Девушки выглядели так, словно собрались на конкурс красоты, и их скудная одежда не оставляла простора воображению. Впрочем, против подобного он никогда не возражал.

Конна несколько смущало то, как вес смотрели на его одежду и рюкзак, и он ощутил нескрываемое облегчение, когда его привели в большой оштукатуренный двухэтажный дом. Они поднялись наверх по лестнице. К тому времени у него уже так кружилась голова, что перед глазами, казалось, плыл белый светящийся туман. Конн едва осознавал, что его ведут по мраморным ступеням к широкой двери. Потом он оказался в большой комнате перед столом. За столом сидели люди, некоторые молодые, но в основном старые,

официального вида, в костюмах, и от их проницательных взглядов Конну стало не по себе.

— Ну, Брэдли? — спросил сидевший во главе стола седой человек с серыми глазами.

Он был весь какой-то серо-стальной. Даже морщины на его лице напоминали складки смятого железа.

— Смотри, кого я привел, Роллинс, — без лишних слов начал Брэдли. — Он свалился в новую шахту, в которой мы работали, на уровне тринадцать… — Он ткнул большим пальцем в сторону Конна.

— Свалился? — воскликнул Роллинс. Остальные взволнованно переглянулись. — Он сваст?

— Наверняка сваст, — выпалил один из тех, что помоложе. Он возбужденно вскочил и ударил кулаком по столу. — Это тот самый, который застрелил шестерых наших час назад. Я вам рассказывал. У него какое-то новое огнестрельное оружие.

«Я сошел с ума, — устало подумал Конн. — Мы все сошли с ума. Я возвращаюсь в свой мир и нахожу наверху короля Артура, а внизу Майами-Бич. Свасты называют меня читателем, а читатели называют меня свастом. Черт ногу сломит…»

— Я не сваст, — сказал он.

— Он *лжет*! — крикнул молодой человек, поворачиваясь к Роллинсу, — Я буду крайне рад, Питер, если ты разрешишь мне наблюдать за его казнью.

— Я не лгу, — возразил Конн, расправляя плечи. Похоже, объяснить им будет непросто. — Да, я признаюсь, что убил шестерых ваших. Но… это недоразумение.

— Недоразумение! — фыркнул Брэдли.

— Да, именно гак. Мой рассказ мог бы быть длинным, но, возможно, я не проживу достаточно долго, чтобы его закончить. Так что буду краток. Я пришел на вершину того холма и увидел, что на двоих нападают двадцать. Я не знал, кто с кем сражается и из-за чего, да меня это и не волновало. Я просто принял сторону меньшинства. Так меня учили поступать.

— Тебя учили поступать опрометчиво, — тихо сказал Роллинс, но в голосе его звучал металл. — Порой стоит остановиться и подумать о последствиях.

— Угу, — кивнул Конн. — Двое парней, которым я помог, полчаса спустя ни с того ни с сего накинулись на меня…

— К черту его рассказ, — бросил разозленный молодой человек. — Он сваст. Он убил шестерых

наших. Туннель на уровне три-пятнадцать обвалился, и одному богу известно, что случится, когда свасты в замке об этом узнают…

— Они уже знают, — вмешался Брэдли.

— О господи! — простонал молодой человек, — Роллинс, сейчас не время…

— Одну минуту! — прервал Роллинс, с любопытством разглядывая Конна. — Этот человек странно одет. Ты говоришь, у него было странное оружие. Он говорит, что свасты ни с того ни с сего на него напали. Я хотел бы знать, из-за чего именно.

— Из-за книг, — сказал Конн.

Все ошеломленно замолчали. В наступившей тишине Конн почувствовал, как стол, лица и комната плывут у него перед глазами.

— Ты сказал «книги»? — тихо переспросил Роллинс.

— Я сказал «книги»! — заорал Конн. Сбросив рюкзак с плеча, он швырнул его содержимое в лица сидящих за столом, которые пронзительно завопили при виде рассыпавшихся по столу томов и бросились к ним. — Я сказал «книги»! — прорычат Конн, — Книги, книги, книги!

Повернувшись к Брэдли, он врезал кулаком ему в ухо. Брэдли застонал и рухнул на пол. Конн

перегнулся через стол и начал бить кулаками в живот рассерженного молодого человека, который после четырех ударов согнулся пополам с удивленным выражением на лице и осел под стол. Конн развернулся кругом, собираясь броситься к двери, но белый пол вдруг подпрыгнул и с размаху ударил его в лицо.

4

— Извини, что пришлось тебя утихомирить, — сказал Роллинс.

Конн перевернулся на спину и сел на край узкой койки. Вокруг него тянулось бесчисленное множество полок с бутылками, кюветами, масляными лампами, свечами, сверкающим стеклом и керамикой. Рядом не было никого, кроме Роллинса.

— Моя лаборатория, — сказал Роллинс.

— В смысле — палата в психушке? — простонал Конн. Он посмотрел на яркий свет за окном, чувствуя лихорадочную дрожь. — Послушай, или вы сошли с ума, или я. Если я — можешь посадить меня под замок. Но прежде я должен кое-что вам рассказать, поскольку иначе я снова начну тут все крушить…

— Слушаю, — спокойно кивнул Роллинс. Он

указал належавшие рядом с рюкзаком книги и пленки в коробках. — Как я понимаю, твой рассказ будет весьма удивителен.

— Какой сейчас год? — спросил Конн.

— Две тысячи девятьсот сорок первый.

— Вот как? Ладно, Роллинс, посмотрим, сумеете ли вы понять. Я тут чужой, понимаешь? Меня зовут Дэвид Конн. Насколько мне известно, я никогда ничего не слышал о читателях, свастах или каких-либо других разновидностях вашей расы. Но штука вот в чем. В две тысячи девятьсот сорок первом году я жил на Земле. Моя Земля была высокоцивилизованным и технологичным обществом. Всю поверхность планеты занимал один гигантский город. Нигде не было ни зеленых полей, ни рек, ни лесов. Половину океанов осушили, чтобы освободить место для города людей…

— Ты сказал — Земля? — перебил его Роллинс. — Наша Земля?

— Наша Земля, наша Луна, наше Солнце, наши звезды — все то же самое. Мы уже решили проблему космических полетов и установили контакт с другими планетами. Мы подчинили себе атомную энергию. Мы даже исследовали механизмы времени, и один из нас, по имени Данбар, решил проблему…

— Время… — медленно кивнул Роллинс. — Путешествие во времени. Мне следовало догадаться.

— Да, именно… — Конн замолчал, чувствуя, как его захлестывает ощущение беспомощности. — Да, Данбар решил проблему путешествий во времени, я был его помощником. В апреле две тысячи девятьсот сорок первого Данбар и я установил и наш аппарат внутри выходящего на поверхность слоя гранитной породы — на том самом холме, где я, к несчастью, убил шестерых ваших людей. Как помощник Данбара, я должен был первым испытать машину. Он отправил меня на тысячу лет назад в качестве, так сказать, журналиста во времени. У меня было полно денег, снаряжения и так далее. Я должен был вернуться в течение года в апрель две тысячи девятьсот сорок первого, всего на несколько минут позже того момента, когда я отправился в путь. Но когда я вернулся — я оказался здесь.

— Понятно, — сказал Роллинс. Он прошелся туда-сюда и потрогал одну из книг Конна. Яркий свет сглаживал его резкие черты, — И ты хочешь, чтобы я все объяснил, да? Что ж, для начата скажу, что теоретически тебя здесь не существует.

Конн протянул руку и крепко сжал предплечье Роллинса.

— Я что, призрак?

— Я же сказал — теоретически. Мы с тобой двоюродные братья, Конн, или, еще лучше, — сводные братья. Я вижу, что ваша раса была сильна в техническом плане — вы сумели построить машину времени. Мы этого не сумели, но у нас тоже есть своя сила. Теория. И боюсь, что вы были в этом слабы.

— Мне не нравится, что вы употребляете прошедшее время, — сказал Конн. — У меня возникает чувство, будто мой мир давно мертв.

— Единственно верное время, — ответил Роллинс, — еще не изобретено. Оно должно называться альтернативным. Сядь спокойно и позволь мне объяснить. Ты настоящий, не беспокойся. Ты и твой мир всегда были настоящими. В две тысячи девятьсот сорок первом году, когда ты отправился в свое путешествие во времени, ты был реальностью. В тысяча девятьсот сорок первом ты тоже был реальностью. Но сейчас, снова в две тысячи девятьсот сорок первом году, ты — альтернативная реальность, существующая не там, где должно. Вот почему я сказал, что теоретически тебя здесь не существует.

— Альтернативная реальность? — переспросил Конн, шаря по карманам в поисках сигарет.

Вторая замечательная страсть, которую он приобрел в двадцатом веке. Первой была его любовь к Хильде.

— Примерно так, — подтвердил Роллинс. — Будущее никогда не может повлиять на прошлое, не став частью прошлого — и таким образом уничтожив себя.

— Например?

— Что ж, возьмем такую ситуацию. Человек входит в дом и думает, подняться ему наверх или спуститься вниз. Он этого не знает, но если он поднимется наверх, то встретит девушку, на которой женится, а если спустится вниз, то встретит негодяя, который его убьет. В тот момент, когда он входит в дом и решает, что ему делать, его ждут два альтернативных варианта возможного будущего — смерть или женитьба. Его выбор определяет, какое из этих будущих для него наступит и станет реальностью, хотя в теории каждая альтернатива может существовать и быть реальной сама по себе.

— Ох! — пробормотал Конн.

— А когда этот человек примет решение, — бесстрастно продолжал Роллинс, — и начнет подниматься или спускаться, его выбор станет частью прошлого — того самого прошлого, которое

влияет на будущее и управляет им. Невозможно жениться в будущем, не решив подняться наверх в прошлом. Понятно?

— Думаю, да.

— А теперь предположим, что в момент выбора внезапно разверзлись небеса и появилась чья-то голова со словами: «Джон Смит, к тебе обращается из будущего твой внук. Если ты не поднимешься наверх, ты не встретишь Дорис Доу, не женишься и меня никогда не будет. И потому повелеваю тебе подняться наверх».

Конн рассмеялся.

— В теории, — Роллинс тоже улыбнулся, — подобное могло бы произойти, поскольку существует возможность появления подобного внука. Однако он никогда не скажет этих слов, поскольку для него в силу естественных причин существует именно то прошлое — которое для Джона Смита является будущим, — где Смит поднялся наверх. И он будет воспринимать его как данность. Но есть один подвох, которого не учел твой Данбар. Если бы внук действительно явился к Джону Смиту и каким-то образом повлиял на выбор деда, послав его наверх, внук никогда не смог бы вернуться в свое собственное настоящее, другими словами, в будущее.

— Почему?

— Потому что будущее управляется и формируется прошлым. Будущее, в котором существовал внук, зависело от поступка Джона Смита, стоявшего в одиночестве перед лестницей и решившего подняться наверх. Явившись к Джону Смиту и побудив его подняться, внук изменил прошлое таким образом, что его будущее для него больше не существует. Он вернется в иное будущее.

— Погодите минуту, — простонал Конн. — Мы действительно слабы в теории, в точности так, как вы сказали. Объясните попроще.

— Попробуем с помощью символов, — предложил Роллинс. Он взял грифельную доску и карандаш. — Возьмем уравнение: СУММА ПРОШЛОГО = БУДУЩЕЕ. Пусть ABC представляет собой прошлое. Тогда ABC = abc, будущее. Как видишь, abc — единственный возможный логический результат ABC. Если бы прошлое выглядело как BCA, то будущим будет Ьса. Более того, думаю, ты понимаешь, что в момент в настоящем, когда существуют факторы A, B и C, есть шесть возможных вариантов будущего: abc, bac, cab и так далее.

— Понял, — кивнул Конн.

— Вот и хорошо, — усмехнулся Роллинс, —

поскольку я почти закончил. Вот что не учел Данбар. Предположим, что в уравнении ABC = abc фактор b альтернативного будущего abc отправился назад во времени мимо знака равенства, посетив ABC. Тогда b становится членом группы ABC, и сам этот факт делает невозможным его возвращение; хотя его собственное настоящее может продолжать существовать, для него *этого* настоящего больше не существует.

— Почему?

— Потому что прошлое для него теперь будет содержать факторы ABC плюс Ь. Другими словами, ABC + b никогда не может быть равно abc. Это временное уравнение не имеет решения. Так что, хотя b может отправить свою машину времени назад и вернуться в ту же самую дат>', он никогда не найдет гам того настоящего, которое он покинул. Он всегда окажется в каком-то другом из бесконечного множества сосуществующих альтернативных будущих. ABC + b может иметь результатом abeb, abbc, babe и так далее — но никогда abc!

— Понимаю, — пробормотал Конн. — Вы пытаетесь сказать, что, отправившись назад в мое прошлое, я перескочил на другую ветку и потому не смог вернуться по исходной ветке.

— Я пытаюсь сказать даже нечто большее, — прервал его Роллинс. — Я хочу сказать, что ты никогда не сможешь дважды пройти по одной и той же ветке. Другими словами, путешествие во времени невозможно в том смысле, что человек может отправиться в прошлое и вернуться в свое исходное настоящее. Ты мог бы продолжать перемещаться туда и обратно между тысяча девятьсот сорок первым и две тысячи девятьсот сорок первым годами, но, хотя по очевидным причинам ты каждый раз будешь находить одно и то же настоящее в тысяча девятьсот сорок первом, ты никогда не найдешь того же в две тысячи девятьсот сорок первом. Есть бесконечное количество альтернативно сосуществующих вариантов будущего. Каждый раз, совершая путешествие туда и обратно, ты создаешь очередное бесконечное число альтернатив. Если представить каждое путешествие в виде уравнения, вот математическое доказательство того, почему, отправившись однажды назад во времени, ты никогда не сможешь вернуться в исходную точку…

Роллинс быстро написал:

(1) ABC = abc

(2) ABC + b = abc + b

(3) ABC + 2b = abc + 2b

(4) ABC + 3b = abc + 3b

(5) ABC + n(b) = abc + n(b)

У Конна тряслись руки, но ему наконец удалось зажечь сигарету. Горящая спичка тускло выглядела на ярком свету. Конн держал спичку на весу, пока она не обожгла ему пальцы.

«Так мне и надо, — подумал он, затягиваясь сигаретой. — Бросил Хильду ради долга перед неким человеком, перед миром, которого я никогда больше не увижу. Возможно, Данбар пошлет на поиски кого-нибудь еще. Возможно, он пошлет десятки людей, удивляясь, почему никто не возвращается. Возможно, он в конце концов догадается про подвох, о котором говорит Роллинс».

Его охватило горькое чувство собственного бессилия, ностальгия человека, потерявшего все.

«Даже не человека, — мрачно подумал Конн, — всего лишь альтернативы, рядового варианта, сосуществующего с бесчисленным множеством других. Всем версиям Конна следовало бы собраться вместе и дать мне хорошего пинка».

— А как насчет свастов? — наконец устало спросил он. — И читателей? Вашей войны, туннелей, замка и всего прочего?

— Мне пришлось бы изложить тебе тысячелетнюю историю, — улыбнулся Роллинс. — Если

коротко — около девятисот лет назад в Америку вторглись орды нацистов, которые в конце концов ее завоевали. Их кредо заключалось в превосходстве грубой силы над разумом. Их символом была свастика, от которой происходит их нынешнее название…

— Назисты, — повторил Конн, — или нацисты. Конечно. Мне следовало догадаться. Но, судя по истории, нацисты не добрались до Америки. Их разгромили в Европе в тысяча девятьсот сорок пятом…

— Я же говорил — это история твоей альтернативы, — ответил Роллинс. — Так или иначе, те немногие американцы, которые держались до последнего и вели партизанскую войну, стали известны как читатели, благодаря их уважению к науке. Вот почему из-за самого факта обладания книгами у тебя возникли неприятности со свастами, которым ты, к несчастью, помог. И вот почему они решили, будто ты связан с нами. Твой книги и записи будут для нас бесценны, но я хотел бы спросить о банках с целлулоидными лентами…

— Это кинофильмы, — сказал Конн. — В моих записях сказано, как сделать проектор. Они дадут тебе намного больше, чем книги. А замок?

— Это последняя цитадель свастов в Америке.

Они завладели этим зданием много столетий назад. Изначально оно использовалось читателями для каких-то важных целей, но, к сожалению, в наших записях не говорится…

Раздался резкий стук в дверь, и в комнату ворвался Брэдли. Он с трудом сдерживал нетерпение, но все же решил подождать, когда ему дадут возможность высказаться.

— Послушайте, — вздохнул Конн, — не считайте меня неблагодарным, но я бы хотел покинуть ваш мир. Похоже, вы тут неплохо все устроили, и вообще тут прекрасное место, но я, пожалуй, не останусь. Я… я хотел бы…

Он замолчал. При воспоминании о Хильде у него перехватило дыхание. По телу пробежала дрожь при мысли о том, насколько она близка и как быстро машина внутри холма может вернуть его к любимой.

— Я хотел бы зарядить мои батареи, — продолжил Конн, — Я хотел бы вернуться в прошлое и остаться там. Ты говорил, что оно окажется прежним?

— Прежним, — кивнул Роллинс. — Должно пройти немалое время, прежде чем альтернативные варианты будущего разойдутся по разным путям и станут сильно отличаться. Ты найдешь

там тот же тысяча девятьсот сорок первый год, который ты покинул, — но, боюсь, я не знаю, что ты подразумеваешь под словом «зарядить».

— Батареи, — повторил Конн, чувствуя нарастающую панику. — Аккумуляторы… ну, генераторы, электричество, батареи…

Роллинс печально покачал головой.

— Мы уже много поколений пытаемся возродить утраченное искусство электротехники. Но пока что нам это не удается.

— Тогда займемся этим вместе, — бросил Конн. — В моих записях ты найдешь все материалы, которые нужны, чтобы возродить ваше утраченное искусство. Через месяц здесь будет электричество, а через два месяца я возвращусь в…

Он недоговорил. На лице Роллинса появилось выражение недоверия, смешанного с детской радостью. Он сжал Конна за плечи и посмотрел ему в глаза, потом отступил назад.

— Через месяц, — вдруг вмешался Брэдли, — никакое электричество уже никому не понадобится.

— Что такое? — уставился на него Роллинс.

— Тут ничего больше не останется, — неестественно хриплым голосом проговорил Брэд-

ли. — Не будет никаких подземелий, никаких читателей, ничего. Свасты вернулись на уровень три-пятнадцать. Они идут за своими вожаками и взрывают своими копьями каждый туннель. Через час они доберутся до города. Все кончено.

Конн наконец сообразил, что имел в виду Брэдли.

— Ничего не кончено, — прорычал он, — Я возвращаюсь в тысяча девятьсот сорок первый год, и ради этого я готов выиграть для вас вашу войну. — Он энергично похлопал Брэдли и Роллинса по спине, — Выше голову, читатели. Я захватил с собой из прошлого несколько штучек, которые чертовски изменят это будущее. Идемте в зал совета!

5

Когда они вошли в помещение, к ним повернулись охваченные ужасом лица.

— В ситуации, не терпящей промедления, — заговорил Роллинс, — оборону возьмет на себя Дэвид Конн. Прошу тишины! — Он поднял руку. — Я понимаю, что Конн прибыл к нам при крайне необычных обстоятельствах. Я слышал его историю и могу вас заверить, что у меня нет насчет него никаких сомнений. Думаю, не будет

их и у вас, когда вы найдете время его послушать. Пока же, полагаю, будет разумно довериться его руководству.

Роллинс провел Конна во главу стола и сел рядом. Послышался удивленный ропот, кто-то негромко присвистнул. Наконец все кивнули.

— Первым делом, — быстро сказал Конн, — оружие. Что у вас есть?

— Только копья, — ответил Брэдли. — Больше ничего.

— Как работают эти копья? Как происходят бесшумные взрывы?

Со своего места поднялся уже знакомый Дэвиду вспыльчивый молодой человек. Роллинс наклонился к Конну.

— Это Уайлдер, — пояснил он. — Главный техник. Будь с ним вежлив, твои кулаки ему вряд ли понравились.

— Мы на самом деле не знаем, — сказал Уайлдер — Собственно говоря, эти копья — всего лишь самозарядные пружинные ружья. Они стреляют радиоактивными пулями из урана двести тридцать семь. Тот же изотоп дает нам свет и тепло в виде медленного излучения. При выстреле небольшие частицы радиоактивного вещества дезинтегрируются от резкого удара, и

взрыв разрушает все находящееся в некотором радиусе вокруг.

— Понятно, — сказал Конн, — Вы используете силу пружины для придания заряду ускорения, причем не слишком резкого — иначе он взрывался бы в момент выстрела, разнося в клочья оружие и стрелка.

— Именно это я и собирался сказать, — просиял Уайлдер.

— Каков радиус действия ваших копий?

— Тридцать — сорок ярдов.

— Как насчет взрывчатки? Пироксилин? Тринитротолуол?

Все озадаченно переглянулись. Конн понял, что для читателей это еще одно утраченное искусство. Он быстро повернулся к Брэдли.

— Что, собственно, делают сейчас свасты? Идут к нам по туннелям?

— Черт побери, нет! — рассерженно бросил Брэдли. — В туннели им пока не попасть, сейчас они проделывают ходы с поверхности, пробивая себе путь копьями…

Внезапно замолчав, он поднял голову и уставился в пустоту. Конн тоже ощутил содрогания почвы. Несколько секунд спустя ему показалось, будто он слышит неясный шум, подобный тому,

что производят камни, катящиеся по далекому склону.

— Нет! Только не это! — прошептал Брэдли.

Он вскочил и выбежал из комнаты, Конн и остальные последовали за ним.

Снаружи, под сверкающим потолком пещеры, испуганно метались читатели. Брэдли остановился, прислушиваясь к доносившимся со стороны входа звукам. Земля снова содрогнулась у них под ногами, и раздался отдаленный грохот. Отряды читателей с копьями в руках бросились к входу. Мужчины загоняли в укрытия женщин и детей. Брэдли остановил одного из них.

— Что случилось?

Вид у человека был измученный.

— Свасты! — выдохнул он. Подмышкой мужчина держал оравшего во всю глотку двухлетнего ребенка, — Свасты прошли через туннель, их сотни. Сейчас они за воротами и пытаются прорваться.

Он двинулся было дальше, но Конн остановил его.

— Уходите потайным путем? — спросил он, показывая в глубину аркады.

Незнакомец горестно покачал головой.

— Нет никакого потайного пути… Мы просто

прячемся…

— За триста лет, — безучастно проговорил Брэдли, — свасты никогда не отваживались атаковать нас у ворот. Нам никогда не требовалось больше одного выхода…

Конн схватил Брэдли за руку и встряхнул его что было силы.

— Как долго вы можете удерживать ворота? — спросил Конн.

Потом повторил вопрос снова и снова, пока Брэдли не ответил.

— Часов двенадцать, может быть. Ворота прочные, но не слишком…

— Двенадцати часов мне хватит! — Конн снова встряхнул Брэдли. — Очнись же, наконец! Я втянул тебя в эту заварушку, я тебя из нее и вытащу. Ты мой заместитель, понял? Иди к воротам, я сейчас приду.

Брэдли молча кивнул. Взгляд его снова оживился. Конн подтолкнул его, и он побежал в сторону ворот.

— Роллинс! — выкрикнул Конн. — Времени мало. Мне потребуется помощь каждого техника, которого вы сможете выделить, плюс команда землекопов.

— Ты их получишь.

— Сперва землекопы. Мне нужна шахта из пещеры до поверхности. Можете сверлить, взрывать, копать, царапать ногтями — мне все равно, главное, чтобы это было сделано за шесть часов.

— Ты с ума сошел, — проворчал Уайлдер, — Это невозможно.

— Возможно, — вмешался курносый молодой человек — Скала наверху и по всему этому сектору источена ходами и разломами. Это опасно — но вполне возможно.

— Даже в этом случае, — огрызнулся Уайлдер, — нет никакого смысла создавать для нас лишнюю опасность, а для свастов — преимущество. Мы пытаемся оборонять от них один вход, вы же собираетесь сделать другой.

— И что? — Конн посмотрел на Уайлдера, сдерживая желание снова ударить его кулаком в живот. — Возможно, тебе не пришло в голову, что мы здесь в ловушке. Если мы не будем действовать, и притом быстро, без разницы, сколько дыр будет в этой пещере. Нас просто прихлопнут как мух.

Роллинс отдал распоряжения землекопам. Курносый парень побежал проследить за их работой. Конн повел Роллинса и остальных техников обратно в лабораторию. В окна лился все тот

же яркий свет, отчего создавалось впечатление, будто с тех пор, как он очнулся на койке, прошло всего несколько минут. Казалось странным, что здесь нет движущегося по небу солнца.

Конн окинул взглядом лабораторию и стоявших вокруг него взволнованных людей.

«Это все я виноват, — решил он. — Если мне не удастся что-нибудь придумать, то не будет больше ни поддельного солнца, ни читателей, ни пещеры. С 1941 года прошла тысяча лет, но я до сих пор ненавижу нацистов и детей их детей. Я ненавижу все, что с ними связано. Я ненавижу одну лишь мысль о том, что может случиться с этими сильными стройными мужчинами, с детьми, с этими прекрасными девушками…»

Подобные мысли вновь вызвали у него воспоминания о Хильде. Конн вздрогнул и попытался сосредоточиться на предстоящей работе. Нужно было что-то придумать.

— Роллинс, — сказал он, — вы, скорее всего, не понимаете, что я имею в виду, но нам нужна взрывчатка. Вы можете сделать большие пули из урана двести тридцать семь — что-то вроде бомб?

— Это невозможно. — Роллинс покачал головой. — Они сожгут людей дотла, прежде чем те

успеют к ним приблизиться. Не существует никакой защиты…

— Угу, — пробормотал Конн.

Он постучал карандашом по зубам, снова оглядывая лабораторию и стоящие на полках бутылки. Они были сделаны из прочного стекла — настолько прочного, что не разбились бы, даже если их уронить. Конн посмотрел на реактивы. Читатели, судя по всему, утратили искусство химических обозначений, но, возможно, они могли бы воссоздать необходимые ингредиенты того, в чем он нуждался. Возможно…

— Нитрат калия? — спросил Конн. — Есть? Он еще известен как…

— Полно, — ответил Роллинс.

— Как насчет серы? Есть? Отлично. Древесный уголь и воск? Есть? — Конн взялся за дело, выстроив перед собой техников, — С этого момента, ребята, вы всего лишь повара. Понятно? Точно следуйте моим указаниям. Составляйте смесь. Нитрат калия, шестьдесят пять процентов. Сера, два процента. Уголь, двадцать процентов. Остальное — воск.

Карандаши заскрипели по грифельным доскам. Все кивнули.

— Когда все смешаете, осторожно разлейте по

бутылкам объемом в пинту, — продолжал Конн, показывая одну, — Вот такие. Плотно заткните их пробками. Через пробки, глубоко в смесь и по крайней мере на фут наружу, пропустите толстые свечные фитили. Поняли?

Он собрался уже уходить, но у двери остановился.

— И последнее, парни. Будьте с этой смесью крайне осторожны, прошу вас. И если вам дорога жизнь, не зажигайте рядом с ней даже искорки.

Конн сбежал по лестнице и направился к воротам пещеры. Сама пещера опустела. Все те, кто не сражался, спрятались в укрытиях. По дороге к воротам на глаза попадались следы поспешного бегства — детские игрушки, сандалия, горсть винограда, маленький портрет, вырезанный на дереве. Конн подумал о его владельце — останется ли тот в живых, чтобы его подобрать?

Сами ворота тряслись, словно в лихорадке. Приглушенный грохот раздавался теперь непрерывно, и Конн понял, что свасты постоянно обстреливают их с той стороны. Оборону держали не более полутора сотен вооруженных копьями читателей, и Конн впервые понял, сколь невелики их шансы. Он отыскал Брэдли.

— Как дела? — спросил он.

— Могло быть и лучше, — ответил тот. — Слава небесам, вокруг ворот сплошной камень. Какое-то время он выдержит. Их копья не могут быстро пробить камень — только землю.

— Не слишком-то много у вас людей, — заметил Конн.

Брэдли окинул взглядом небольшую армию.

— У нас есть еще двадцать человек, — ответил он, — но они сейчас прокладывают ход на поверхность. В чем, собственно, суть плана?

— Там, откуда я пришел, это старая идея, — сказал Конн. — Когда враг атакует и ты проигрываешь, единственный способ заставить его отступить — ударить в самое уязвимое его место. Именно это мы и собираемся сделать. Догадываешься, где у них самое уязвимое место?

Брэдли уставился на него.

— Замок? — выдохнул он.

— Именно, — мрачно ответил Конн.

6

От поверхности их отделяло двести футов. Шахта начиналась сбоку от пещеры и уходила вверх зигзагообразной линией, используя естественные пустоты и разломы в толще камня.

Конн потянул за веревочную лестницу, сви-

савшую из входа в шахту у него над головой. Лестница, по которой только что поднялся последний читатель, все еще слегка подрагивала.

— Сотня, — сказал Брэдли. Он забросил копье за спину и посмотрел на Конна, — Что дальше?

— Поднимайся тоже, — сосредоточенно проговорил Конн, — Спрячьтесь там и ждите меня. Сейчас приду.

Брэдли кивнул и полез наверх. Несколько секунд спустя его ноги исчезли в темном отверстии шахты. Конн поднял туго набитый рюкзак и осторожно закинул его за спину. Внутри находились двадцать пять пинт разрушительной смеси. Ему не слишком нравилась идея тащить этот груз наверх по узкой извилистой шахте. Именно потому ему хотелось, чтобы его небольшая армия находилась подальше, на случай непредвиденных обстоятельств.

Курносый техник положил руку на плечо Конну.

— Будь осторожен, когда будешь подниматься, — сказал он, — Ты незнаком с нашей местностью. Здесь сплошные гранитные скалы, источенные трещинами и разломами, и наши туннели отнюдь не делают их прочнее. Слишком сильный взрыв может вызвать оползень, из-за

которого обрушатся скалы на много миль вокруг. И от пещеры ничего не останется, как и от нас самих.

— Спасибо, утешил, — усмехнулся Конн, — Удерживайте ворота любой пеной, — сказал он Роллинсу, — Женщин и детей можете отправить наверх по этой лестнице, но только в крайнем случае. Свасты просто прикончат их на открытом пространстве. Не беспокойся, я вытащу вас из этой заварушки. Обещаю!

Он начал подниматься. Лестница раскачивалась и вздрагивала, рюкзак шлепал по спине. В шахте царила кромешная тьма, но читатели покрыл и одну из веревок ураном, и она светилась перед глазами, словно бесконечный червяк.

Лестница уходила вверх на семьдесят футов, и Конн успел оцарапать локти и колени о шершавые стены шахты. Потом он выбрался на небольшую полку и полез дальше по узкому, уходившему вверх туннелю с острыми краями. Он слышал, как рвется его одежда, а рюкзак цепляется за каменные выступы, издавая стеклянный звон.

Камень под его ногой покачнулся, и Конн услышал, как он с грохотом летит вниз по туннелю. Раздалось приглушенное бормотание, затем скре-

жет и шорох. Он подумал, что это, скорее всего, эхо падения, но звук был больше похож на тот, который издает камень под большим давлением. Конн судорожно сглотнул и попытался лезть быстрее. Если смещающиеся пласты гранита перережут над ним лестницу…

Туннель закончился, и лестница снова ушла вверх. Конн карабкался по лестнице, преодолевая открытое пространство и раскачиваясь словно маятник. Он понятия не имел, сколько прошло времени, — счет ступеням был давно потерян. Времени в кромешной тьме словно бы не существовало. Но в конце концов его рука наткнулась на камень, и Конн начал протискиваться между двумя плоскими валунами, которые разделяло расстояние не более чем в три фута.

Валуны походили на две огромные ладони, готовые медленно сдвинуться и раздавить его. Конн лез наверх, цепляясь ногтями, стараясь не слышать шорох и бормотание вибрирующих камней. Вибрация усилилась, звук стал громче. Он чувствовал, как мягко сжимаются тяжелые каменные ладони. Застонав, он отчаянно рванулся вперед. Смерть могла оказаться очень медленной и очень страшной.

Чьи-то руки подхватили его и потащили

вверх.

— Тсс! — прошептал Брэдли, и Конн испытал ни с чем не сравнимое блаженство от дуновения ночного ветра, звезд над головой и близости сотни вооруженных людей.

Он немного полежал, переводя дыхание.

Было около трех или четырех часов утра. Луна миновала зенит и маленьким серебристым шариком опускалась к западу. Конн поднялся на ноги и осторожно огляделся. В миле от него за полями возвышался замок. Примерно в четверти мили левее виднелось большое черное пятно, издававшее негромкие звуки.

— Лошади, — пояснил Брэдли. — Они привязали их там и выставили небольшую охрану. Пора идти.

Конн кивнул. Они двинулись вперед, низко пригнувшись и прячась среди пшеничных стеблей. Не было слышно ни звука. Читатели, вынужденные скрываться в течение сотен лет, умели передвигаться бесшумно.

Они быстро миновали холм.

«Странная штука время, — подумал Конн. — Я всегда это знал, но это никогда не касалось меня лично. Если наша военная хитрость сработает, мы уничтожим свастов. Возможно, через месяц-

другой я сумею построить оборудование, которое позволит мне зарядить батареи и вернуться обратно к Хильде. Возможно, я вернусь на следующий день после того, как я ее оставил, — она будет без меня только один день, и тем не менее я буду без нее десять недель…»

Ему пришла в голову мысль, что можно было бы взять с собой Роллинса. Роллинс мог бы собрать все данные, необходимые для того, чтобы возродить развитую цивилизацию в его собственном времени. Но Конн тут же отбросил эту идею. Он совсем забыл, что Роллинс создаст вариант ABC + 3Ь и потому никогда не сможет вернуться в свою собственную альтернативу. Роллинс тоже стал бы версией самого себя, человеком-вариантом. Нет, Конн больше ничего не может сделать для этих людей. Они получили его записи, и этого достаточно.

Брэдли схватил его за руку.

— Вот он, — прошептал он, — Вероятно, свасты выставили охрану. Нужно быть осторожнее.

Замок высился прямо перед ними — высокое квадратное строение с башнями по углам. Вокруг здания свасты соорудили прочную каменную стену высотой но меньшей мере в двадцать футов. Взобраться по ней было невозможно. Свасты

перестреляли бы их раньше, чем они добрались до верха.

Конн зажег сигарету, передвинул рюкзак на грудь и открыл клапан так, чтобы туда можно было быстро сунуть руку и достать бутылку. Читатели выстроились позади него клином, и все осторожно двинулись вперед, с Конном во главе.

Неожиданно вспыхнули огни и раздались удары гонга. Звук был настолько низким, что был почти неслышим, лишь давил на уши. На башнях вспыхнули гигантские факелы, заливая все вокруг ярко-красным светом. Со стороны замка послышались крики, и на земле перед ними начали появляться огненные воронки.

— Тревога! — закричал Брэдли сквозь рев факелов, — Они подняли тревогу!

— Вперед! — прорычал Конн и побежал со всех ног.

Он обнимал рюкзак обеими руками, думая о том, сможет ли его достать выстрел из копья. Воронки на земле опасно приближались. Если в него попадут, он и его маленькая армия взлетят на воздух, и взрыв этот будет означать коней для читателей. Ему не хотелось проигрывать последнюю битву с нацистами. Битву за Америку.

Конн достал бутылку и прикоснулся кончиком

фитиля к горящей сигарете. Фитиль зашипел и вспыхнул. Продолжая бежать, он замахнулся, зацепившись за плечо Брэдли, И едва не выронил бомбу, но все же сумел ее бросить. Она взорвалась, ударившись о стену, и от грохота у Конна заложило уши. Но когда густой дым рассеялся, он увидел, что часть каменной кладки исчезла.

Брэдли что-то хрипло кричал, позади слышались испуганные вопли читателей.

Конн поджег еще один фитиль и швырнул бутылку в пролом. На этот раз за взрывом последовал грохот падающих камней, и стена обрушилась на протяжении двадцати футов.

Добравшись до стены, они присели возле нее по одну сторону от пролома. После тепла, исходившего от гигантских факелов, здесь было холодно. Конн смотрел на огненные воронки, беззвучно возникавшие в проломе.

«Они прикрывают его, — подумал он. — Любой, кто попытается пробраться через пролом, будет уничтожен».

— Шум! — крикнул Брэдли. — Он привлекает остальных свастов!

— Это тоже часть плана, — сказал Конн.

Он поджег третий запал и швырнул бутылку как можно дальше вдоль стены. Она взорвалась

с грохотом, и в сорока фугах от них загремели падающие камни. За это время Конн уже успел поджечь четвертый запал. Шансов было мало, но рискнуть стоило. Свастов в замке следовало застать врасплох.

Конн вскочил на ноги и шагнул в пролом. Прямо перед ним в стене замка виднелась черная арка. Он швырнул туда бутылку и снова нырнул за стену, в то самое мгновение, когда раздался взрыв. Когда он снова выполз из-за стены, на месте арки зияла огромная дыра с зазубренными краями. Через исковерканные оконные рамы падал свет. Конн взорвал ряд окон замка. Странно, но он отметил, что окна были готическими высокими и островерхими.

— Брэдли, — распорядился Конн, — бери половину своих людей и иди ко второму пролому. Жди там, пока не услышишь еще два взрыва, — а потом прорывайся в замок.

Брэдли кивнул и исчез. Пятьдесят человеке копьями в руках скрылись в темноте.

Конн выглянул за край пролома и одну за другой бросил две бомбы. У первой оказался слишком короткий фитиль, и она взорвалась, еще катясь по земле. Он услышал звон стеклянных осколков и обругал Уайлдера. Вторая влетела внутрь замка

и взорвалась с приглушенным грохотом. Послышались крики.

— Вперед! — рявкнул Конн, раскуривая сигарету.

Они обогнули край пролома и бегом бросились к дыре. Вспыхнули воронки, и люди начали падать со сдавленными стонами. Неподалеку Конн видел людей Брэдли, которые отбрасывали в сторону куски камня и устремлялись во второй пролом. Человек десять исчезли в бесшумных огненных вспышках. Остальные кинулись к разбитым окнам.

Конн на бегу поджег фитиль и швырнул вперед еще одну бомбу.

Когда она взорвалась, он был уже внутри замка. Вокруг царил хаос. Помещение, в котором он оказался, вероятно, когда-то представляло собой просторный зал. Теперь же каменный пол раскололся, стены обрушились, потолок провалился. По камням были разбросаны окровавленные куски доспехов и человеческого мяса.

Послышался хриплый рев — откуда-то сверху, а потом сзади. Конн увидел вспышки — свасты стреляли через проломы в потолке. Перед ними находились развороченные остатки широкой лестницы. Читатели с криками бросились по

ней наверх.

Конн остановился и, схватив за руку пробегавшего мимо Брэдли, оттащил его в сторону.

— Послушай меня! — крикнул Конн.

Брэдли дико огляделся по сторонам, облизывая пересохшие губы.

— Мы их разбили! — ликующе выдохнул он. — Последняя цитадель пала! За час мы тут всех прикончим!

Брэдли повернулся, намереваясь догнать своих. Конн слышал грохот падающих камней и крики читателей, прорывавшихся на верхние этажи.

— Послушай, — настойчиво повторил Конн. — Мы сделали лишь четверть работы. В любую минуту могут вернуться остальные свасты. Оставь половину своих людей для зачистки, а остальных отправь ко мне удерживать свастов.

Брэдли кивнул и убежал. Конн пересчитал бомбы. Оставалось двадцать. Он обвел взглядом разрушенный зал, думая, что же здесь могло быть раньше. Разбитые мраморные колонны, фрагменты чего-то похожего на саркофаг… Возможно, свасты хоронили в этом зале своих мертвых? Кладбище? На стенах висели большие гобелены, порванные и забрызганные кровью. Больше всего сбивал с толку огромный сфинкс наверху лест-

ницы. Лицо его было повреждено, и он выглядел невероятно древним. Может, свасты коллекционировали произведения искусства — хотя это никак не сочеталось с тем, что говорил Роллинс.

По лестнице сбежало два десятка читателей в порванной одежде, с видом весьма кровожадным. Конн выстроил их в ряд и попытался привести в чувство, но они лишь что-то бессвязно бормотали и хватались за копья. С тысячелетней ненавистью ничего нельзя было поделать.

Они выбежали наружу, и Конн расставил своих бойцов вдоль стены. Он едва успел вернуться на исходную позицию, когда до его ушей донесся стук копыт. Он зажег новую сигарету, вглядываясь в дальний край залитого красным светом пространства. Оттуда галопом неслись темные фигуры. Багряные отблески падали на доспехи и длинные копья. Снова начали вспыхивать огненные воронки. Стоявшие вдоль стены читатели закричали.

Конн швырнул бомбу. Она взорвалась слишком близко, но осколки стекла просвистели рядом с лошадью и всадником.

Лошадь встала на дыбы и заржала. Всадник свалился на землю, но тут же вскочил на ноги и побежал под прикрытие темноты. Свасты про-

должали окружать их, непрерывно стреляя.

Выбежал Брэдли с небольшим отрядом, что-то крича.

— Сюда! — крикнул Конн.

— Плохо, — выдохнул Брэдли, — Они могут держать нас в осаде и при этом продолжать атаковать пещеру. Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — бросил Конн. — Я рассчитывал выбраться из замка до их возвращения и напасть на них из засады.

— Возможно, их прои іе будет перебить сверху, — сказал Брэдли. — Нужно разделаться с ними здесь и сейчас. Иначе будет еще хуже, чем раньше.

7

Конн приказал десятерым из отряда Брэдли оставаться у стен, остальные вернулись вместе с ним и Брэдли в замок. Поднявшись по лестнице, они обогнули сфинкса, и Брэдли повел Конна по низкому коридору, увешанному оружием. Посреди коридора стояли разбитые стеклянные ящики, внутри которых громоздились горы доспехов.

— Склад, — пробормотал Брэдли.

Однако Конну это помещение не казалось похожим на склад. Он мог понять свастов, хра-

нивших здесь свои доспехи, но тем не менее… Пока они бежали по коридору вместе со своим небольшим отрядом, он пытался сообразить, что же это такое.

Брэдли быстро провел его через зал, полный картин и статуй, потом еще на этаж выше, и они оказались в большом помещении размером во всю башню. Кони замер, ошеломленно глядя по сторонам.

— Пошли дальше, — бросил Брэдли. — Бояться тут нечего — я не знаю, что это такое, но ничего страшного в нем нет.

Но Конн знал, что это. Внезапно он все понял. Он посмотрел на уменьшенные в размерах модели настенах, на крошечный вертолет, висевший под потолком, и, наконец, на огромный тягач на гусеничном ходу в стеклянной витрине. Ему стало ясно, что в качестве своей последней цитадели свасты выбрали музей.

— Погоди… — пробормотал Конн, не обращая внимания на возбужденные крики Брэдли, и подошел к витрине, внутри которой стоял тягач.

Это был самосвал с большим кузовом, вероятно, предназначенным для перевозки песка или щебня. Похоже, это была модель двадцать первого века, поскольку она выглядела лучше

любой из виденных им моделей 1940-х годов и приводилась в действие дизельным двигателем. Именно это и навело его на мысль перенести войну 1940-х годов в 2941-й с помощью безобидной машины из 2040 года. Неожиданно выхватив у одного из читателей копье, он вдребезги разнес стеклянную витрину.

Конн перешагнул через пустую раму, и его окутало облако газа, такого вонючего, что он едва не лишился чувств. Это был хороший знак. Тот, кто установил этот тягач в витрине, принял все меры к тому, чтобы он оставался в хорошем состоянии.

— Брэдли! — отрывисто бросил он. — У свастов на башнях стоят огромные факелы. На чем они работают? На масле?

Брэдли кивнул.

— Тогда бери всех и поднимайтесь на башни. Найдите маслопровод и принесите сюда все масло, какое сумеете. Быстрее!

Брэдли уставился на него, потом повернулся и погнал свой отряд к башням. Конн осторожно пристроил рюкзак с бомбами в угол, отыскал маленькую масляную лампу и начал разогревать цилиндры дизеля.

Сверху прибежали читатели в поисках подхо-

дящих емкостей для масла. Конн высыпал на пол образцы минералов и отдал им металлические коробки. Разорвав рубашку, он сделал импровизированный фильтр. От дизеля исходил сильный запах горячего металла.

Они смогли набрать около пятнадцати галлонов. Фильтруя масло и дожидаясь, пока дизель прогреется, Конн прикинул, что этого ему хватило бы, чтобы доехать до Калифорнии и обратно. Соорудив импровизированную воронку, он залил масло в топливный бак. Топливный фильтр был одноразовым, и прокладка в нем оказалась свежей и белой.

Дизель запускался с помощью электрического стартера. Аккумуляторы были пусты, и Конн послал Брэдли за водой, чтобы их наполнить. Их нужно было зарядить, и, хотя Конн заметил подсоединенный к ним генератор на пятьсот ватт, при неработающем двигателе от него никакого толку. Дизель можно было запустить лишь вручную.

На маховик намотали прочную веревку, и Конн со всей силы дернул за нее. Колесо со скрежетом провернулось. Он продолжал дергать, пока не выбился из сил, и тогда его сменил Брэдли, отличавшийся, насколько помнил Конн, выдающейся

мускулатурой. Мышцы его, казалось, трещали от напряжения. Внезапно тягач закашлял и взревел. Веревка обожгла Брэдли ладони, и он, вскрикнув от боли, сплюнул на них.

Но двигатель тягача тарахтел и яростно ревел, и Конн понял, что война уже более чем наполовину выиграна.

— Извини, Брэд! — крикнул Конн. Он закинул за спину рюкзак с бомбами и прыгнул на сиденье водителя. — Забирайтесь в кузов!

Читатели подхватили копья, залезли в кузов и помогли забраться Брэдли. Конн рванул за рычаг сцепления. Тягач снова закашлял и снес пару витрин, прежде чем Конн успел отвернуть в сторону. Он осторожно повел машину вниз по лестнице. Люди в кузове что-то бормотали, а Брэдли ругался, дуя на обожженные ладони.

В зале с доспехами Конн в качестве эксперимента протаранил еще с полдюжины витрин. Тягач выглядел столь же смертоубийственно, как самый лучший немецкий танк. Конн обогнул гигантского сфинкса и устремился вниз по разбитой лестнице, чувствуя, как трещат под гусеницами обломки стекла и металла.

Разбитые окна оказались чересчур узкими, но гусеницы проложили себе дорогу, оставив позади

каменное крошево. Конн подъехал к пролому в стене и окликнул стоявших там читателей. Паре десятков из них хватило смелости прыгнуть в кузов. Конн рассчитывал, что они могли бы там укрыться и обстреливать свастов под зашитой стальных бортов. Он был единственным, кто не был ничем защищен, но приходилось рисковать.

Конн с грохотом преодолел пролом в каменной стене. Свасты все еще скакали галопом вокруг замка. Их отряды расположились с флангов, ожидая сигнала к атаке. Конн пошарил по приборной панели и щелкнул переключателем. Ярко вспыхнули передние фары. Аккумуляторы зарядились на удивление быстро — да и сама машина оказалась в отличном рабочем состоянии.

Рядом возникла воронка, и сквозь непрекращающийся рев двигателя Конн услышал, как о стальную стенку кузова ударились земля и камни. Затормозив, он развернул тягач, направив его через пшеничные поля и преграждая дорогу свастам.

Они мчались галопом со всех сторон, словно полчища разъяренных фурий. Лошади пугались жуткого звука, но все же свастам удавалось подскочить к тягачу, выстрелить из копья, а затем резко развернуться и ускакать прочь. Читатели

в кузове стреляли в ответ. Свасты падали с седел в ослепительных вспышках света. Ночь заполнилась криками, ржанием и ревом.

«Черт побери, — подумал Конн, — пора с этим кончать, и побыстрее. Хильда ждет».

Он уперся ногами в пол, пытаясь удержаться в раскачивающемся водительском кресле, сумел зажечь еще одну сигарету и начал швырять бомбы. На открытом пространстве разрывы звучали глухо, но огонь был настоящим, и по сухой пшенице побежали огненные ручейки.

Происходившее как будто совершенно не затрагивало Конна. Ему казалось, будто он смотрит со стороны на незнакомца, который поджигает стеклянные бутылки со смертоносной смесью и швыряет их. И будто маленькие группки вооруженных всадников, разносимые в вопящие кровавые клочья, — всего лишь игрушки. И еще ему казалось, что кто-то стучит кулаками ему в спину.

Это был Брэдли. Лицо его исказилось от боли, но он продолжал колотить по спине Конна.

— Все? — крикнул Конн, подставляя ухо к губам Брэдли.

— Мы их уничтожили, — крикнул в ответ Брэдли, — но дело не в том. Прекрати кидать бомбы.

Начался оползень.

Конн огляделся. Свастов больше не было видно. Он сбросил газ и заглушил дизель, потом прислушался — и почувствовал, как содрогается под ним земля. Ему стало не по себе.

— Тот, курносый, меня предупреждал, — вслух вспомнил он. — Начальник шахтеров. Он сказал, что вся толща камня изрыта разломами. И вряд ли от ваших туннелей она стала прочнее.

Конн подумал о пещере, и у него комок подступил к горлу.

Там, внизу, были сотни читателей, но он вспомнил Роллинса, Уайлдера и других техников. Они должны все понять. Они всех выведут. К тому же теперь вся эта земля принадлежала им. Они могли начать новую жизнь, под солнцем и открытым небом.

Он пытался загнать в глубины подсознания мысль о холме, но страх неумолимо охватывал его. Холм — обнажение скальных пород — наверняка разрушится первым. И больше не будет никакой машины времени. Он никогда не увидит Хильду.

— Пещера может продержаться, а может, и нет, — крикнул Брэдли. — Нужно вернуться туда!

— Нет! — проскрежетал зубами Конн, вновь дергая за рычаг.

Дизель взвыл, и он направил машину прямо в сторону холма. Свистели пшеничные стебли, тягач проваливался в ямы и подпрыгивал на неровностях. Позади себя Конн слышал ругательства Брэдли и громкие вопросы, но не обращал на них внимания.

Когда холм уже появился в пределах видимости, Конн ощутил тепло на спине. Он обернулся и вдруг понял, чем вызваны проклятия Брэдли. Вокруг пылали акры сухой пшеницы. За ними двигалась красно-оранжевая стена, увенчанная густым маслянистым дымом. Затем его внимание вновь переключилось на поднимающийся по склону холма тягач. Остановившись на вершине, он вновь заглушил двигатель. Читатели выпрыгнули из кузова.

— Что за черт, Конн? — хрипло спросил Брэдли. — Ты с ума сошел?

Конн не обращал на него внимания. Нагнувшись, он разбросал дерн и отыскал панель с кнопками. Земля под ногами вздрагивала. Огонь, землетрясение и война — вот через что пришлось ему пройти ради Хильды. Но оно того стоило.

— Ты с ума сошел? — снова спросил Брэдли.

— Нет, — ответил Конн. — Послушай, Брэд, мне нужно зарядить мои батареи и вернуться назад во времени, прежде чем этот оползень раздавит машину. Поможешь?

— Не понимаю, о чем ты!

— Я уже все объяснял Роллинсу, — сказал Конн. — Послушай, Брэд, для меня это означает жизнь. Я не могу быть счастлив в вашем мире. Мне нужно вернуться в мир, к которому я принадлежу. Мне просто нужна твоя помощь, минут на десять. Это все, о чем я прошу.

— Десять минут, — кивнул Брэдли, — Но не больше, Конн. Мы нужны там, в пещере.

— Отлично — Конн показал на тягач. — Поставь его на камни и сними гусеницы…

Он набрал нужную комбинацию. Диск опустился, унося его с собой. Стены шахты покрывали многочисленные трещины, и по мере приближения к входу в камеру он слышал, как скрипит сталь.

Конн рывком распахнул дверь. Батареи разрядились, так что света не было. Конн пошарил в ящике с запчастями и вытащил моток изолированного провода. Быстро подсоединив его к контактам батарей, он размотал провод и снова отправил диск наверх, отпуская провод по мере

подъема.

Брэдли вместе со своими людьми поставили тягач на камни и сбивали с колес гусеницы. Конн снял ремень, залез под машину и соединил передний приводной вал с генератором, рассчитывая таким образом получить вдвое больше энергии за вдвое меньшее время. Генератор мог сгореть — а мог и не сгореть. Это была чудовищная машина. Конн оторвал провода генератора от аккумуляторов и подсоединил их к проводам от своих батарей.

Он завел двигатель. Дизель взревел, вал с воем завертелся. Конн молился, чтобы от вибрации тягач не свалился на бок, прежде чем зарядятся батареи. Прыгнув на диск, он отправил его вниз.

Стрелка аккумулятора уже вышла из красной зоны и ползла по циферблату. Над головой Конн услышал крик Брэдли. Сойдя с диска, он посмотрел вверх. Голова Брэдли казалась черной точкой в отверстии шахты.

— Огонь почти добрался до нас, Конн! — крикнул он.

Конн почувствовал, как снова содрогнулась земля. Внезапно он понял, что и у Брэдли хватает своих собственных проблем.

— Ладно, Брэд! — крикнул он в ответ. — Вы мне

больше не нужны. Займитесь своими делами. Привет Роллинсу и остальным. Удачи…

— Удачи, Конн! — Брэдли медлил, не двигаясь с места.

— Давай, — рассмеялся Конн, — выбирайся отсюда. Да, кстати, — я оставил там наверху свой рюкзак с бомбами. Честный обмен. Брось мне сюда одно копье, хорошо? В тысяча девятьсот сорок первом оно может пригодиться…

Копье полетело вниз. Конн подхватил его и посмотрел на Брэдли, испытывая непреодолимое желание подать руку этому человеку — всему его сражающемуся поколению. Но их разделяло пятьдесят футов — и тысяча лет.

— Ты уберешься отсюда или нет? — крикнул Конн.

— Ладно, — ответил Брэдли. — Пока. Жаль, что не можешь остаться с нами. Нам бы пригодилась твоя отвага…

Потом он исчез. Конн внес копье в камеру и положил на платформу. Установив приборы на апрель 1941 года, он посмотрел на циферблат аккумулятора. Стрелка уже дошла почти до конца. Уже скоро.

В его батареи вливался поток энергии в тысячу ватт — а может, и больше. Сумеет ли он вернуть-

ся к Хильде, зависело от того, сколько пройдет времени, прежде чем огонь доберется до тягача и расплавит его или прежде чем этот холм опустится на несколько футов и раздавит его в лепешку. Конн прислушался к отдаленному гудению дизеля, молясь, чтобы этого не случилось, потом к скрежету камня о сталь — и снова помолился.

Его ноздрей коснулся запах дыма. Конн встал у двери, дожидаясь последнего момента, когда ему придется отправить диск наверх. Он дрожал от страха, пытаясь думать о чем угодно, лишь бы отвлечься от мрачных мыслей.

«Читатели… У них есть уран-237. И они подобрались к тайне атомной энергии намного ближе, чем мы в нашем высокотехнологичном обществе.

Америка сумеет найти применение этим копьям, — подумал он — Они станут еще одним фактором, которое будущее добавит к прошлому — и создаст очередное бесконечное множество альтернативных будущих».

Конн закашлялся и понял, что шахта заполнилась дымом. Над головой послышался грохот, словно тяжелая машина покатилась по склону холма. Словно по волшебству, концы проводов оторвались от контактов и со свистом унеслись в

шахту, увлекаемые тягачом.

Он отправил диск следом за ними с глупой мыслью: «Наверное, так выглядит рыболовная леска для рыбы».

А потом закрыл дверь.

Конн шагнул на платформу, опасаясь взглянуть на циферблат аккумулятора. Возможно, в его распоряжении имелось даже больше энергии, чем требовалось, но, так или иначе, ему нужно было пробиться назад во времени. Если он не доберется до 1941 года, то снова окажется в Темных веках и застрянет там навечно. Там не будет ни электричества, ни каких-либо шансов его создать.

Конн поднял копье и потянулся к рубильнику. Словно прыжок с завязанными глазами в неизвестность, куда более пугающую, чем просто бесконечность…

Он рванул рубильник.

8

Когда Конн наконец поднялся на поверхность, похожая на серебристое яблоко луна вновь откатилась к восточному горизонту. Теперь она была большой и кроваво-красной, и ее окружало серо-голубое небо. Конн облокотился на копье, чувствуя себя больным и страшно уставшим.

Отдаленный треск выстрела заставил его насторожиться. Конн тщательно утоптал дерн над панелью с кнопками и вприпрыжку сбежал по склону холма. Все происходящее казалось ему кошмарным сном, который он однажды уже видел, — но ему пришла в голову одна довольно странная мысль…

Продравшись через высокие стебли у подножия холма, он оказался на краю большой поляны. В ста ярдах впереди Конн разглядел развевающийся флаг и темную полоску рва с песком. Вдали виднелась небольшая группа людей — семь фигур. Они разделились и начали медленно двигаться в его сторону. Внезапно Конн все понял.

Опустившись на четвереньки, он пополз по земле. С треском взлетела красная ракета. Из песчаного рва раздался ответный выстрел. Семь фигур бросились вперед. Над бруствером возник темный силуэт человека. Он дважды выстрелил и снова нырнул в укрытие. Фигуры продолжали бежать.

— Спокойно, Дэвид, — пробормотал Кони. — Я *с* тобой…

Встав на колено, он поднял копье и нажал на спуск. Одна за другой последовали пять бесшумных вспышек. На траве появились воронки — и

из нападавших нацистов осталось только двое.

Конн вздохнул, подошел к краю поляны, лег и приготовился ждать. Он знал, что это займет всего пять минут. Его версия, Конн-предыдущий, уложит двух оставшихся нацистов, поцелует Хильду, получит пощечину и попрощается. Возможно, он даже увидит, как тот уходит во мрак.

«Он пойдет к машине времени, — подумал Конн, — и отправится в еще одно альтернативное будущее. Может быть, там он будет счастлив — а может быть, и нет. Может быть, он тоже попытается вернуться. Никто этого не знает. Гадать не имеет смысла, ибо время слишком безгранично, чтобы его мог постичь человеческий разум. Да… слишком многое придется объяснять Хильде…»

Почему он ее бросил? Почему вернулся так быстро? Почему вся его одежда порвана в клочья? Откуда у него это копье? И многое другое. Но это было неважно. Сейчас для него не было ничего важнее Хильды. И она наверняка все поймет.

Мимо него кто-то прошел, угрюмо шагая по влажной земле, — Конн-вариант с рюкзаком на плече. Конну хотелось встать и сказать: «Привет!» — может быть, даже подойти и пожать руку, но тот прошел мимо, тоскливо обернувшись назад, и Конн услышал крик Хильды:

— Дэвид!

Это был сигнал. Он вскочил на ноги и побежал к ней. Увидев его, девушка снова вскрикнула, на этот раз радостно:

— Дэвид!

Конн обнял Хильду и поцеловал, не переставая шептать: — Все хорошо, милая, все хорошо…

И тут ему в голову пришла мысль, что это действительно последний абзац. Больше ничего не будет, кроме «Они жили долго и счастливо» и «Конец». Конн потерся оцарапанной щекой о ее шелковистые волосы, ощущая искреннюю жалость к бесконечному множеству последующих версий Конна.

«Интересно, — подумал он, — сколько из них знают, что именно они потеряли?»

АДАМ БЕЗ ЕВЫ

© Перевод Е. Ходос

Крэйн знал, что это берег моря. Ему подсказывал инстинкт, а еще те обрывки знаний, за которые цеплялся изношенный мозг, звезды, ночью проглядывавшие сквозь редкие просветы в тучах, и компас, все еще указывавший на север дрожащей стрелкой. Это самое странное, думал Крэйн. На искалеченной Земле сохранилась полярность.

В сущности, это уже не было берегом — не осталось никаких морей. Только на север и на юг в бесконечное пространство тянулась еле различимая полоска того, что некогда называли скалистым формированием. Линия серого пепла — такого же пепла и золы, что оставались позади и простирались перед ним… Вязкий ил по колено при каждом движении поднимался, грозя удушьем; ночью дикие ветры приносили густые тучи пепла, и постоянно шел дождь, от которого темная пыль сбивалась в грязь.

Небо блестело чернотой. В вышине плыли тяжелые тучи, их порой протыкали лучи солнечного

света. Там, где свет попадал в пепельную бурю, он наполнялся потоками танцующих, мерцающих частиц. Если солнечный луч резвился в дожде, то порождал маленькие радуги. Лил дождь, дули пепельные бури, пробивался свет — все вместе, попеременно, постоянно, в черно-белом неистовстве. И так уже многие месяцы, на каждом клочке огромной планеты.

Крэйн преодолел хребет пепельных скал и пополз вниз по гладкому склону бывшего морского дна. Он полз уже так долго, что сросся со своей болью. Он ставил вперед локти и подтягивался всем телом. Потом подбирал под себя правое колено и снова выставлял локти. Локти, колено, локти, колено… Он уж и забыл, как это — ходить.

Жизнь, думал Крэйн изумленно, удивительная штука. Приспосабливаешься ко всему. Ползать так ползать — на коленях и локтях нарастают мозоли. Укрепляются шея и плечи. Ноздри привыкают перед вздохом отдувать золу.

Вот только раненая нога пухнет и нагнаивается. Она одеревенела, скоро сгниет и отвалится.

— Прошу прощения? — сказал Крэйн, — Я не совсем расслышал…

Он вглядывается в стоящего перед ним человека, пытается разобрать слова. Это Холмиер. На

нем запачканный лабораторный халат, его седая шевелюра взъерошена. Холмиер стоит на золе; непонятно, однако, почему сквозь него видно, как несутся по небу серые тучи.

— Как тебе твой мир, Стивен? — спрашивает Холмиер.

Крэйн горестно мотает головой.

— Не очень-то хорош, да? Оглянись вокруг. Пыль, и все. Пыль и зола. Ползи, Стивен, ползи. Ты не увидишь ничего, кроме пыли и золы…

Холмиер достает из ниоткуда кубок с водой. Вода прозрачная и холодная. Крэйну видна дымка на ее поверхности, и он вдруг чувствует во рту песок.

— Холмиер! — кричит он.

Потом пробует встать и дотянуться до кубка, но резкая боль в правой ноге не пускает его. Крэйн снова падает. Холмиер набирает в рот воду и плюет ему в лило. Вода теплая.

— Ползи, ползи, — резко говорит Холмиер, — Ползи вокруг Земли. Не найдешь ничего, кроме пыли и золы. — Он выливает воду на землю перед Крэйном. — Ползи. Сколько? Сам решишь. Диаметр, умноженный на «пи». Диаметр около восьми тысяч…

Он исчез вместе с халатом и кубком.

Крэйн понял, что снова идет дождь, — вжался липом в теплую пепельную грязь, открыл рот и попытался глотнуть жижу. Потом опять пополз.

Его вел вперед инстинкт. Ему нужно было куда-то попасть. Он знал, это как-то связано с морем, с берегом моря. Там, на берегу, что-то его поджидало. Это «что-то» поможет понять все происходящее. Нужно к морю — если оно еще существует.

Грохочущий дождь будто тяжелой доской бил по спине. Крэйн остановился, рывком перекинул рюкзак на бок и исследовал его одной рукой. В нем было ровно три вещи: пистолет, плитка шоколада и банка консервированных персиков. Все, что осталось от двухмесячных запасов. Шоколад совсем раскис. Лучше съесть его до того, как пропадут питательные свойства. Но в следующий раз может не хватить сил, чтобы открыть персики.

Крэйн вытащил банку и набросился на нее с консервным ножом. К тому времени, как он проткнул ее и с трудом снял крышку, дождь прошел.

Жуя персики и потягивая маленькими глотками сок, он смотрел, как дождевая пелена спускается перед ним по склону морского дна. Сквозь грязь хлынули водяные потоки. Уже прорезались маленькие каналы, которые в один

прекрасный день станут новыми реками — в тот день, которого он никогда не увидит, и никто другой тоже. Смахнув в сторону пустую банку, Крэйн подумал: последнее живое существо на Земле обедает в последний раз. Последний акт метаболизма.

За дождем налетит ветер. Крэйн уже изучил это за бесконечные недели в пути. Через несколько минут задует и будет сечь его облаками пепла и золы. Он пополз вперед, мутными глазами выискивая убежище на серой бесконечной плоскости.

Эвелин тронула его за плечо. Крэйн знал, что это она, еще до того, как повернул голову, — свежая и нарядная в своем ярком платье, вот только ее прекрасное лицо омрачено тревогой.

— Стивен, — говорит она, — ты должен спешить!

Он любуется тем, как ее гладкие волосы волнами струятся по плечам.

— Ах, любимый, — восклицает Эвелин, — ты ранен!

Она быстрыми нежными движениями дотрагивается до его ног и спины. Крэйн кивает.

— Это во время спуска, — отвечает он. — Я не очень хорошо умею пользоваться парашютом.

Мне всегда казалось, что спускаются плавно — будто ныряют в постель. Но земля наскочила на меня, как жесткий кулак. А Юмб вырывался у меня из рук. Я ведь не мог его выпустить.

— Конечно же нет, дорогой, — соглашается Эвелин.

— Поэтому я просто держал его и пытался поджать ноги, — рассказывает Крэйн. — А потом что-то ударило меня по ногам и вбок…

Он замолкает в нерешительности, размышляя, знает ли она, что произошло на самом деле. Ему не хочется ее пугать.

— Эвелин, любимая, — зовет он, пытаясь поднять руки.

— Нет, милый, — говорит она, испуганно обернувшись. — Тебе нужно торопиться. Берегись того, что сзади!

— Пепельные бури? — Он поморщился. — Я с ними уже отлично знаком.

— Не бури! — кричит Эвелин. — Что-то другое. Ах, Стивен…

Она исчезла, но Крэйн понимает ее правоту. Что-то находится позади и его преследует. Подсознательно он чувствовал угрозу, окружившую его, как саван.

Крэйн помотал головой. Вообще-то, это невоз-

можно. Он — последнее живое существо на Земле. Откуда тогда угроза?

За спиной взревел ветер, и через мгновение налетели тяжелые тучи пепла и золы. Они хлестали его, разъедая кожу. Тускнеющими глазами он увидел, как они накрыли грязь тонкой сухой коркой. Крэйн подтянул под себя колени и закрыл голову руками; сунув под нее рюкзак как подушку, он приготовился пережидать бурю. Она пройдет так же быстро, как и дождь.

Буря создала страшную путаницу в его больной голове. Он, как ребенок, хватался за обрывки воспоминаний, пытаясь сложить их воедино. Почему Холмиер так злится на него? Ведь не из-за того спора?

Какого спора? Ну, до того, как все случилось.

Ах, этого!..

Крэйн стоял и восхищался гладкими обводами корпуса своего корабля. Крышу с ангара сняли, и поднятый нос ракеты покоился на раме, нацеленный в небо. Рабочий аккуратно чистил внутренности двигателей.

Из корабля донеслась приглушенная ругань, потом что-то загремело. Крэйн забрался по короткой железной лестнице наверх и заглянул внутрь ракеты. Внизу, в нескольких футах от

него, два человека устанавливали большие баки с раствором железа.

— Полегче там, — крикнул Крэйн. — Вы что, хотите расколошматить корабль?

Один из рабочих поднял голову и ухмыльнулся. Крэйн понял, о чем он думает: корабль сам разорвется на куски. Так говорили все. Все, кроме Эвелин. Она в него верила. Холмиер тоже этого не говорил, но считал Крэйна безумцем подругой причине.

Спустившись, Крэйн увидел, что в ангар вошел Холмиер в халате нараспашку.

— Вспомнишь черта, и он появится, — пробормотал Крэйн.

Заметив Крэйна, Холмиер сразу заорал:

— Послушай…

— Опять снова здорово, — вздохнул Крэйн.

Холмиер выудил из кармана пачку бумаг и помахал ею перед носом товарища.

— Я полночи не спал, снова в этом копался. Говорю тебе, я прав! Абсолютно прав.

Крэйн посмотрел на уравнения, написанные сжатым почерком, потом на покрасневшие глаза Холмиера. Тот был еле жив от страха.

— В последний раз повторяю, — продолжал Холмиер, — Ты используешь свой новый катали-

затор на растворе железа. Хорошо. Я допускаю, что это удивительное открытие. Отдаю тебе должное.

Удивительное — не то слово. Крэйн отдавал себе в этом отчет, потому что не был тщеславен и знал, что сделал открытие случайно. Только случайно можно наткнуться на катализатор, который вызывает расщепление атомов железа и производит десять в одиннадцатой степени эргов энергии на каждый грамм топлива. Никто бы не мог до такого додуматься.

— Ты считаешь, у меня ничего не выйдет?

— Долететь до Луны? Вокруг Луны? Возможно. Шансов пятьдесят на пятьдесят. — Холмиер провел рукой по гладким волосам — Но, Стивен, пойми, ради бога, я волнуюсь не за тебя. Хочешь погибнуть, дело твое. Я боюсь за Землю.

— Чушь собачья. Иди проспись.

— Вот смотри… — Холмиер трясущейся рукой ткнул в бумажки, — Какую бы ты ни разработал систему подачи и смешивания топлива, стопроцентной эффективности не добиться.

— Из-за этого и шансов пятьдесят на пятьдесят, — сказал Крэйн. — Ну и что тебе не нравится?

— Катализатор, который улетучится через

сопла ракеты. Ты понимаешь, что будет, если хоть одна капля упадет на Землю? Она запустит цепную реакцию распада на всей планете! Она захватит все атомы железа — а оно повсюду. Тебе будет некуда вернуться.

— Послушай, — устало произнес Крэйн. — Мы все это уже много раз пережевывали.

Он подвел Холмиера к основанию рамы, на которой стояла ракета. Внизу железный каркас корабля заканчивался двухсотфутовым углублением шириной в пятьдесят футов, выложенным огнеупорным кирпичом.

— Вот эта штука — для начального выхода пламени. Если какие-то частицы катализатора просочатся сюда, они нейтрализуются вторичными реакциями в ловушке. Ну, теперь доволен?

— Но во время полета ты будешь угрожать планете до тех пор, пока не преодолеешь предел Роше, — упорствовал Холмиер. — Капля неактивированного катализатора в конце концов упадет на Землю, и тогда…

— Все, объясняю последний раз, — перебил Крэйн. — Есть пламя выхода — оно задержит любые случайные частицы и разрушит их. Теперь выметайся. Мне надо работать.

Крэйн вытолкал Холмиера за дверь, а тот виз-

жал и размахивал руками.

— Я не позволю тебе сделать это! — твердил он. — Не допущу, чтобы ты рисковал такими вещами…

Какое это упоение — работа! Корабль красив изысканной красотой удачно сделанной вещи — элегантностью отполированной брони, начищенного эфеса рапиры, пары дуэльных пистолетов. Крэйн не думал ни об опасности, ни о смерти. Последние штрихи, и он вытер руки.

Она стояла на опоре, готовая пронзить небеса. Пятьдесят футов изящной стали; головки заклепок блестят, как драгоценные камни. Тридцать футов отдано под горючее и катализатор. Большую часть носового отсека занимало сконструированное Крэйном кресло-амортизатор. На носу корабля — иллюминатор из природного хрусталя, который смотрит в небо, как глаз циклопа.

Крэйн подумал о том, что корабль погибнет после путешествия — вернется на Землю и разрушится в огне и громе, потому что пока еще не придумали мягкой посадки для космических кораблей. Но игра стоит свеч. Он совершит свой единственный великий полет, а это то, к чему должен стремиться каждый из нас. Один гранди-

озный, прекрасный полет в неизведанное…

Закрыв дверь мастерской, Крэйн услышал, как его зовет Холмиер — у домика за полем. Сквозь вечернюю полутьму было видно, что тот отчаянно машет ему рукой. Он заспешил по хрустящей скошенной соломе, глубоко вдыхая морозный воздух, благодарный Богу за то, что живет.

— Звонит Эвелин, — сказал Холмиер.

Крэйн уставился на него. Тот отвел глаза.

— Зачем? Мы же договорились, что она не должна звонить… не должна общаться со мной, пока я не буду готов к полету. Это ты вбиваешь ей в голову всякую чушь? Так ты пытаешься мне помешать!

— Нет, — Холмиер старательно изучал темнеющий горизонт.

Крэйн вошел в ломик и взял трубку.

— Послушай, любимая, — произнес он без предисловий, — не стоит так волноваться. Я же все точно объяснил. Перед тем как корабль разрушится, я спрыгну с парашютом. Я тебя очень люблю, и мы увидимся в среду перед стартом. Ну, до встречи…

— До свидания, милый, — произнес чистый голосок Эвелин, — Ты мне звонил, чтобы это сказать?

— Я звонил?!

Коричневая туша вскочила с коврика на сильные лапы. Юмб, большой мастиф, фыркнул и навострил уши. Потом завыл.

— Ты говоришь, я тебе позвонил? — повторил Крэйн.

Вдруг из глотки Юмба вырвался рев. Он одним прыжком подскочил к хозяину, посмотрел ему в лицо и одновременно заревел и заскулил.

— Заткнись, ты, чудище! — сказал ему Крэйн и ногой оттолкнул собаку.

— Стукни его от меня, — рассмеялась Эвелин. — Да, дорогой. Кто-то позвонил и сказал, что ты хочешь со мной поговорить.

— Вот как? Слушай, любимая, я тебе перезвоню.

Крэйн повесил трубку. Он в недоумении встал, наблюдая за неуклюжими движениями Юмба. Закат за окном разбрасывал оранжевый дрожащий свет. Юмб посмотрел на него, фыркнул и снова завыл. Внезапно Крэйн бросился к окну, пораженный.

С другой стороны поля в воздухе полыхал огненный столб, в котором горели и рушились стены мастерской. В пламени отражалось несколько бегущих прочь людей.

Крэйн выскочил из домика и помчался к ангару, Юмб за ним. На бегу было видно, что грациозный нос корабля внутри огненного столба пока еще не задет пламенем. Если бы только удалось добежать до него прежде, чем огонь расплавит металл и примется разъедать швы!..

К нему подскочили покрытые сажей, задыхающиеся рабочие. Крэйн бросил на них взгляд, полный ярости и изумления.

— Холмиер! — заорал он. — Холмиер!

Тот уже пробирался сквозь толпу. Его глаза светились торжеством.

— Плохо дело, — сказал он, — Стивен, мне очень жаль…

— Ах ты подлец! — вскричал Крэйн. Он схватил Холмиера за лацканы и сильно встряхнул. Потом выпустил его и побежал в ангар.

Холмиер что-то приказал рабочим. Через мгновение кто-то бросился Крэйну под ноги и свалил его на землю. Крэйн тут же вскочил, размахивая кулаками. Юмб стоял рядом, рычанием заглушая рев пламени. Его хозяин с силой стукнул нападавшего по лицу, и тот упал назад, на второго. Крэйн в ярости ударил последнего рабочего коленом в пах так, что бедняга, скорчившись, рухнул на землю. Победитель быстро наклонился и нырнул

в мастерскую.

Сначала Крэйн не чувствовал ожогов, но, добравшись до лестницы и карабкаясь наверх, он уже кричал от боли. Юмб стоял внизу и выл, и Крэйн понял, что собака погибнет при взлете ракеты, поэтому спустился и затащил пса на корабль.

У него кружилась голова, когда он закрывал и задраивал люки. Ему едва удалось добраться до кресла-амортизатора. Потом, повинуясь лишь инстинкту, руки будто сами нащупали пульт управления, — инстинкту и яростному отказу отдать прекрасный корабль на растерзание пламени. Да, он проиграет. Но — в попытке победить.

Пальцы бегали по кнопкам на пульте. Махина тряслась и ревела. Й на него опустилась темнота.

Сколько он был без сознания?

Крэйн очнулся, когда что-то холодное прижалось к его лицу и телу, испуганно визжа. Он посмотрел вверх и увидел Юмба, запутавшегося в веревках и ремнях кресла.

Его первым импульсом было рассмеяться, потом он вдруг осознал: он смотрит вверх. Кресло вверху!

Крэйн, скрючившись, лежал в отсеке хрустального носа ракеты. Корабль поднялся высоко — может быть, почти до предела Роше, где заканчивается земное притяжение, но потом без управления не смог продолжать полет, повернулся и теперь падал обратно на Землю. Пилот посмотрел наружу сквозь хрусталь, и у него перехватило дыхание.

Под ним была планета размером в три Луны. Но это была не его Земля, а огненный шар в черных тучах. В самой северной точке виднелось маленькое белое пятно, и прямо у него на глазах оно вдруг окрасилось красным, алым и малиновым цветом.

Холмиер оказался прав.

Крэйн застыл в носовом отсеке падающего корабля, наблюдая, как постепенно умирает пламя, не оставляя ничего, кроме толстого черного покрывала вокруг Земли. Он оцепенел от ужаса и не мог ни сосчитать, сколько погибло людей, ни понять, что прекрасная зеленая планета стала пеплом и золой. Исчезло все, что он любил и чем дорожил. Он был не в состоянии подумать об Эвелин.

Свистящий за бортом воздух что-то пробудил в нем. Оставшиеся капли рассудка подсказывали,

что нужно остаться на корабле и забыть обо всем в грохоте и разрушении, но инстинкт самосохранения заставлял действовать.

Крэйн добрался до склада и стал собираться. Парашют, маленький баллон с кислородом, рюкзак с продуктами… Лишь отчасти сознавая, что делает, он оделся, пристегнул парашют и открыл люк. Юмб жалобно заскулил, хозяин взял тяжелого пса на руки и шагнул наружу.

В верхних слоях атмосферы и раньше было трудно дышать. Но из-за большой разреженности воздуха, а не из-за того, что его загрязняет пепел.

Каждый вдох — полные легкие земли, или пепла, или золы…

Много-много времени прошло с тех пор, как его погребло в золе. Когда именно — он не помнил: недели, дни или месяцы назад. Крэйн стал руками расчищать себе путь наверх из пепельной горы, которую насыпал ветер, и вскоре снова вылез на свет. Ветер стих. Пора опять ползти к морю.

Яркие воспоминания рассеялись, впереди открывались зловещие перспективы. Крэйн нахмурился. Он смутно надеялся, что, если все тщательно вспомнить, можно изменить хотя бы частицу содеянного, какую-то мелочь, и тогда все это окажется неправдой. Он думал: если все

вспомнят и пожелают чего-то одновременно… Но никаких «всех» нет. *Я* один-единственный. Последняя память на Земле. Последняя жизнь.

Он ползет. Локти, колено, локти, колено… Рядом с ним ползет Холмиер и очень веселится — хихикает и ныряет в серые хлопья, как счастливый морской лев.

— А зачем нам нужно к морю? — спрашивает Крэйн.

Холмиер отдувает пепельную пену.

— У нее спроси, — говорит он, вытягивая руку.

С другой стороны рядом с Крэйном ползет Эвелин — серьезно, решительно, подражая каждому его движению.

— Потому что там наш домик. Любимый, помнишь наш домик? На высокой скале. Мы поселимся там навсегда. Я находилась именно там, когда ты улетел. Теперь ты возвратишься в домик на берегу моря. Твой прекрасный полет закончен, мой дорогой, и ты вернулся ко мне. Мы будем жить вместе, вдвоем, как Адам и Ева…

— Здорово, — говорит Крэйн.

Потом Эвелин оборачивается и кричит:

— Ах, Стивен! Осторожно!

И он чувствует, как его вновь окружает опасность. Он ползет, при этом оборачивается назад

на широкие серые пепельные поля — и ничего не видит. Когда он снова смотрит на Эвелин, то замечает только собственную четкую черную тень. Потом и она бледнеет: по Земле проходит световой луч.

Но ужас остался. Эвелин дважды предупредила его, а она никогда не ошибалась. Крэйн остановился, обернулся и устроился так, чтобы наблюдать. Если его действительно преследуют, он увидит, кто или что крадется сзади.

Наступила болезненная минута просветления.

«Я сошел с ума, — пробилось сквозь жар и сумбур в голове, — Разложение в ноге перекинулось на мозг. Нет ни Эвелин, ни Холмиера, ни угрозы. На всем этом пространстве ни одной живой души, кроме меня; наверное, даже привидения и духи преисподней погибли в аду, окружившем планету. Нет, ничего, кроме меня и моей болезни, не существует. Я умираю — и когда это случится, погибнет все. Останутся только кучи безжизненного пепла».

Но он почувствовал какое-то движение. Снова повинуясь инстинкту, Крэйн опустил голову и затаился. Он смотрел на серые равнины сквозь распухшие веки и думал, не смерть ли играет с его глазами дурную шутку. Надвигалась новая

дождевая стена, и он надеялся проверить сомнения до того, как все исчезнет в дожде.

Да. Вон там. Позади, в четверти мили от него, по серой поверхности легко передвигалось что-то серо-коричневое. Сквозь далекий гул дождя был слышен шорох пепла и видны вздымающиеся маленькие облачка. Крэйн украдкой нащупал в рюкзаке револьвер, а его мозг, объятый ужасом, искал объяснение происходящему.

Нечто подобралось ближе, и Крэйн, прищурившись, вдруг все понял. Он вспомнил, как при посадке на покрытую золой землю Юмб бился и вырывался от страха из рук.

— Ну конечно, это Юмб, — пробормотал Крэйн и встал. Собака остановилась. — Сюда, малыш, сюда! — радостно прохрипел хозяин.

Он был безумно рад — его давило одиночество, жуткое чувство, что ты один в пустоте. Теперь одиночество кончилось, кроме него есть еще кто-то. Друг, который будет его любить, общаться с ним. Снова вспыхнул огонек надежды.

— Сюда, малыш. Давай же…

Мастиф пятился от него, обнажив клыки, высунув язык. Собака отощала, ее глаза в темноте светились красным. Крэйн позвал ее еще раз, и пес зарычал. Из его ноздрей вылетели клубы

пепла.

«Голодный, бедняга», — подумал Крэйн.

Он сунул руку в рюкзак, и пес опять зарычал. Его хозяин вытащил плитку шоколада, с трудом снял обертку и фольгу, потом слабой рукой кинул шоколадку Юмбу. Она упала, не долетев до него. Минутное замешательство, затем собака медленно подошла и схватила пищу. Ее морда была будто посыпана пеплом. Животное непрерывно облизывалось и продолжало приближаться к Крэйну.

Он вдруг запаниковал.

Внутренний голос настаивал: «Это недруг. Он не будет тебя любить и общаться с тобой. Любовь и общение исчезли с лица Земли вместе с жизнью. Не осталось ничего, кроме голода».

— Нет, — прошептал Крэйн, — Это несправедливо, что нам нужно вцепиться друг в друга и сожрать…

Но Юмб подкрадывался все ближе, обнажив острые белые клыки. Когда Крэйн в упор посмотрел на пса, тот зарычал и сделал молниеносный прыжок.

Крэйн рукой стукнул собаку в морду, но повалился назад под тяжестью такого груза. Он закричал от страшной боли в распухшей ноге,

которую пес придавил своим весом. Свободной рукой он продолжал наносить слабые удары, едва чувствуя, как зубы размалывают его левую руку. Потом он наткнулся на что-то металлическое и понял, что лежит на выпавшем револьвере. Крэйн нащупал оружие и теперь молился, чтобы оно не оказалось забито пеплом. Когда Юмб отпустил руку и рванул его за горло, Крэйн поднял револьвер и вслепую ткнул дулом в тело собаки. Он все нажимал на курок, пока не стих шум выстрелов и были слышны лишь щелчки. Перед ним в золе содрогался Юмб, почти разорванный пополам. Серое обагрилось темно-алым.

Эвелин и Холмиер грустно смотрят на убитое животное. Эвелин плачет, а Холмиер своим привычным жестом нервно запускает пальцы в волосы.

— Это конец, Стивен, — говорит он. — Ты убил часть самого себя. О да, ты будешь жить дальше, но не весь. Похорони тело, Стивен. Это труп твоей души.

— Не могу. Ветер развеет пепел.

— Тогда сожги его, — приказывает Холмиер.

Казалось, они помогли ему засунуть мертвую собаку в рюкзак. С их помощью он снял одежду, разложил ее под рюкзаком. Они ладонями

прикрывали горящие спички, пока огонь не перекинулся на одежду, и поначалу слабое пламя затрещало и разгорелось сильнее. Крэйн ползал вокруг, охраняя костер.

Потом он повернулся и снова пополз вниз по дну моря. Теперь он был голым. Не осталось ничего из того, что было раньше, кроме трепета его маленькой жизни.

Горе было слишком велико, чтобы он мог почувствовать, как дождь яростно бьет его, или ощутить жуткую боль, опалившую почерневшую ногу до самого бедра. Он полз. Локти, колено, локти, колено… Безжизненно, механически, безразлично ко всему — к решетчатым небесам, к мрачным пепельным равнинам и даже к тусклому блеску далекой воды впереди. Он знал, что это море — то, что осталось от старого или новое в процессе рождения. Но это пустое, мертвое морю, которое когда-нибудь выплеснется на сухой, безжизненный берег. Это будет планета камней и пыли, железа, снега, льда и воды — а жизни больше не будет. От него одного нет толку. Он — Адам, но нет Евы.

Эвелин радостно машет ему с берега. Она стоит у белого ломика, ветер раздувает платье, облегающее ее стройную фигурку. Крэйн подходит

ближе, девушка бежит к нему на помощь. Она не говорит ни слова — только протягивает руки и помогает приподнять его тяжелое, угнетенное болью тело. Наконец он добрался до моря.

Оно настоящее. Даже когда Эвелин и домик исчезли, Крэйн продолжал ощущать холодную воду на своем лице.

«Вот море, — думал он, — и я здесь. Адам без Евы. Надежды нет».

Крэйн скатился еще дальше в воду. Его, истерзанного, омывали волны. Он лежал лицом вверх, глядел на высокие грозные небеса, и горечь прихлынула к горлу.

— Это неправильно! — крикнул он. — Несправедливо, что все должно погибнуть. Жизнь так красива и не должна сгинуть от сумасшествия одного безумца…

Воды тихо омывали его. Тихо… Спокойно… Море мягко укачивало, и даже смерть, подступившая к сердцу, казалась просто рукой в перчатке.

Вдруг небеса раскололись — впервые за все эти месяцы, — и Крэйн увидел звезды. Тогда он понял.

Жизнь не кончается. Она никогда не может кончиться. В его теле, в гниющих частях организма, которые качает море, — источник многих

миллионов жизней. Клетки, ткани, бактерии, амебы… Бесчисленное множество жизней, которые снова зародятся в воле и будут существовать долго, когда его уже не будет.

Они будут жить на его останках. Будут кормиться друг другом. Приспособятся к новым условиям и начнут питаться минералами и кусками осадочных пород, которые смоет в новое море. Будут расти, крепнуть, развиваться. Жизнь опять выйдет на сушу. Вновь вернется старый, неизменный круговорот, который, наверное, начался с гниющих останков последнего уцелевшего после межзвездного перелета. В грядущих веках это будет повторяться снова и снова.

И Крэйн понял, что привело его к морю. Не нужно ни Адама, ни Евы. Должно быть только море — великое, дающее жизнь. Море позвало его обратно в свои глубины для того, чтобы вскоре вновь могла возникнуть жизнь, и он был доволен.

Вода мягко баюкала его. Тихо… Спокойно… Мать укачивала последнее дитя старого круговорота, которое перейдет в первого ребенка нового круга.

И Стивен Крэйн тускнеющими глазами улыбался звездам, равномерно разбросанным в небе.

Звездам, еще не собравшимся в знакомые созвездия; они не соберутся еще сотню миллионов лет.

СНЕЖНЫЙ КОМ

© Перевод М. Загота

Думаю, уже давно пора собрать все эти истории в кучу и сжечь. Вы знаете, о чем я: X — сумасшедший ученый, стремится поставить мир с ног на голову; Y — безжалостный диктатор, стремится подчинить себе весь мир; Z — пришельцы с другой планеты, стремятся наш мир уничтожить.

Я расскажу вам другую историю. Целый мир стремился подчинить себе волю одного человека — планета людей охотилась на одного-единственного человека, чтобы изменить его жизнь, да-да, а если надо, и уничтожить его. Схема вроде бы старая — один человек против всего мира, — только стороны поменялись местами.

Есть в Манхэттене одно местечко, его мало кто знает. В том смысле, что насчет ядра атома в свое время тоже мало знали, пока ученые не разобрались, что к чему. Так вот, это местечко — такое же ядро, но его не открыли и по сей день. Это стержень, вокруг которого крутится наша Вселенная. Все мировые потрясения рождаются здесь. И как ни странно, рождаются они знаете

для чего? Чтобы предотвратить уж вовсе немыслимые страсти.

Не задавайте никаких вопросов. По ходу во всем разберетесь.

Рядовому обывателю об этом ядре ничего не известно. По простой причине — узнай он о нем, он бы в момент спятил! Наши чиновники следят, чтобы никто о ядре, не дай бог, не пронюхал, тут они, я думаю, правы. Хотя, конечно, от общественности ничего скрывать нельзя, и, если факт сокрытия раскопают, поднимется скандал на весь мир.

Это обычное здание, десятиэтажный белый прямоугольник, смахивает на бывшую больницу. К девяти утра сюда съезжаются десятка два-три обычного вида служащих, в конце дня некоторые из них едут по домам. Некоторые, но не все. Кое-кто остается работать сверхурочно, до самого рассвета, а то прихватывает и еще пару денечков. Окна тщательно задрапированы — вдруг какой-нибудь сознательный гражданин увидит вечером свет и помчится докладывать Контролеру, что кто-то, дескать, трудится сверхурочно и подрывает устои Стабильности? Впрочем, у этих парней есть разрешение.

Да, работенка у них важная — важнее некуда.

Подумать только — им разрешено нарушать самый главный, незыблемый закон. Они имеют право работать сверхурочно. Да эти парни, если разобраться, могут делать все, что вздумается, и никакая Стабильность им не помеха, потому что поддерживать Стабильность — это и есть их работа. Как это так, спрашиваете? Не торопитесь.

Времени у нас много — все своим чередом. Здание это называется «Прог», и здесь регулярно пасутся газетчики — так же как пару сотен лет назад они толклись возле судов или полицейских участков. К трем часам каждая газета подсылает сюда своего представителя. Газетчики поболтаются немного, почешут языки, потом выходит какой-нибудь крупный босс и дает интервью — насчет политики, экономики, что творится в мире, чего можно ждать в ближайшем будущем. Обычно на таких конференциях стоит скука смертная, но время от времени выплывает что-то действительно стоящее, например, там мы узнали, что решено высушить Средиземное море. Тогда…

Что? Никогда об этом не слышали? Эй, ребята, это что за чудо такое? Шутник вы, право! Всю жизнь просидели на Луне? И никогда не видали Землю-матушку? И не слыхали толком, что на

ней делается? Здорово! Настоящий космический провинциал! Раз так, приятель, не серчай, приношу извинения. Я-то думал, такие, как ты, вывелись еще до моего рождения. Ну ладно, если чего неясно, сразу спрашивай и не стесняйся — сердце у меня доброе.

Короче, в три часа я всегда торчал в «Проге», а в тот день, помню, меня принесло чуть пораньше. Из «Триба» должен был явиться новый газетчик, какой-то Хейли Хоган, я о нем ничего не слышал. Ну и хотел с ним покалякать, выяснить, чем он дышит. Для отшельника с Луны объясняю, что все городские газеты обязаны выступать с разными мнениями и точками зрения. Повторов и совпадений быть не должно.

Для вас это новость? Странно. Да нет, какие шутки? Все так и есть. Для чего нужна Стабильность? Охранять цивилизацию. В мире все должно быть стабильно. Но ведь Стабильность не есть неподвижность, застой. Она достигается за счет взаимодействия различных сил, которые уравновешивают друг друга. Газеты призваны уравновешивать силы общественного мнения, стало быть, точек зрения должно быть как можно больше. Мы, газетчики, прежде чем давать материал, всегда устраиваем летучку, чтобы каждый

выступал с разным мнением. Ну, это вам ясно: один напишет, что то-то и то-то — жуть в полосочку, другой — что конфетка, а третий — что ни рыба ни мясо, и так далее. Я тогда работал в «Таймсе», и нашим основным конкурентом и оппозицией был «Триб».

Газетчикам в «Проге» отвели комнату рядом с кабинетами начальства, около вестибюля. Это большущая комната, низкий потолок и стены обиты планками из синтетического дерева. В центре стоял круглый стол со стульями, но мы всегда убирали их к стене и подтаскивали к столу глубокие кожаные кресла. Забирались в них, а ноги клали на стол, так что на нем против каждого кресла выточились бороздки. Наш неписаный закон гласил: пока все бороздки не заняты, никакой журналистской болтовни.

Так вот, пришел я и поразился — почти все уже в сборе. Скользнул в свое кресло, ноги на стол и осматриваюсь. Все подметки на месте, кроме пары напротив меня. Раз такое дело, я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Не было как раз моей оппозиции, парня из «Триба», чего же я буду сотрясать воздух, если некому возразить в ответ?

— Как делишки, Кармайкл?

Я пробурчал что-то невнятное.

А «Пост» не унимается:

— Не спи, детка, не спи, проспишь сенсацию.

— Заглохни, — перебил его «Леджер», — правил, что ли, не знаешь?

И он указал на незанятую бороздку.

— Точно, — говорю, — закон джунглей.

Тут вступил «Рекорд», оппозиция «Леджера»:

— Старина Боббус слинял. Не выдержал нашего общества.

— Как так?

— Подписал контракт с фирмой «Стерео». Будет кропать сценарии для комедий.

Да, думаю, снова мне бороться. Есть у нас такой ритуал: когда возникает новая пара газетчиков-«оппозиционеров», они должны провести символическую борцовскую схватку. Но одной схваткой дело обычно не обходится, завязывается общая потасовка, и все счастливы до небес. А вслух говорю:

— Наверное, этот Хоган — салага, еще пороха не нюхал. Но я на всякий случай потренируюсь. Кто-нибудь его видел? Крепкий малый?

Все отрицательно затрясли головами — никто не видел.

— Ладно, раз так, потреплемся без него.

— Ваш корреспондент, — начал «Пост», — счи-

тает, что дело пахнет керосином. Сюда, — и он ткнул большим пальцем в сторону кабинетов, — сбежались все городские тузы.

Мы все посмотрели на дверь, а я по привычке попытался вышибить ее взглядом. Представляете, мы приходили в «Прог» каждый божий день, но что в этом здании делается, понятия не имели. Да, не удивляйтесь. Мы просто приходили, садились, выслушивали, что нам наплетут боссы, и убирались восвояси. Как какие-то бедные родственники. Нас всех это задевало, но меня в особенности.

Я даже во сне пытался разгадать тайну «Прога». Как-то раз мне приснилось, что там живет чудо-человек, но дышит он почему-то хлором и обитает в огромных баках. В другой раз привиделось еще хлеще — там держат мумии всех великих покойников и каждый день, ровно в полдень, их реанимируют и задают вопросы. А однажды пригрезилась корова, которая вся состояла из мозгов, и ее научили мекать специальным шифром. Иногда мне казалось, что я лопну от огорчения, если не проникну внутрь «Прога».

— Думаешь, они снова собрались залить воду в Средиземное море? — спросил я.

«Леджер» расхохотался, потом сказал:

— Ходят слухи, что они хотят поменять местами полюса. Северный будет Южным, а Южный — Северным.

— Неужто пойдут на такое? — изумился «Рекорд».

— А что? — «Леджер» пожал плечами, — По мне, так за ради бога — вдруг, глядишь, в бридж начнет везти.

— Будет вам сплетни мусолить! — вмешался я. — Сейчас послушаем, что они нам напоют.

— Между прочим, — заговорил «Джорнал», — здесь вся шатия. Контролер, Вице-Контролер и Зам Вице-Контролера. Но это еще не все — прибыл сам Главный Стабилиссимус!

— Врешь!

Он кивнул, остальные тоже утвердительно закивали головами.

— Все точно. ГС собственной персоной. Прилетел на пневматической ракете из Вашингтона.

— Батюшки-светы! — воскликнул я. — Ставлю один к двум, что теперь они решили подкопаться под Атлантический океан!

«Рекорд» покачал головой:

— Какой там подкоп! По виду ГС, тут дело серьезнее.

В эту минуту дверь кабинета распахнулась и

оттуда, меча громы и молнии, вывалился ГС. Я не преувеличиваю. Старина Гротинг здорово смахивал на Моисея — борода и все такое, — и когда он хмурился, так и жди, что из глаз у него посыплются молнии. Сейчас он хмурился. Он пронесся мимо стола, за долю секунды испепелил нас своими голубыми кварцевыми глазами — мы враз скинули ноги на пол. Не успели прийти в себя, как его уже не было в комнате — только со свистом рассекла воздух его репсовая туника.

За ним гусиным косяком появились Контролер, Вице-Контролер и Зам Вице-Контролера. Лица у них тоже были хмурые, и они тоже спешили будто на пожар. Мы вскочили с мест и поймали Зама Вице-Контролера у самого выхода. Это был толстенький коротышка, и озабоченность никак не вязалась с его пухлым лицом. Оно слегка перекосилось.

— Только не сейчас, джентльмены, — сказал он.

— Минуточку, мистер Клэнг, — начал я. — По-моему, вы поступаете с прессой несправедливо.

— Знаю, — согласился Зам, — и прошу меня извинить, но сейчас действительно нет времени.

— Что ж, — произнес я, — придется сообщить пятнадцати миллионам читателей, что время в

наши дни стало слишком дорогим…

Он с ненавистью взглянул на меня, только я и сам насупился — должен же я выудить из него этот проклятый материл!

— Не будьте так безжалостны. Если что-то поколебало Стабильность Главного Стабилиссимуса, вы должны раскрыть нам глаза!

Тут он забеспокоился, как я и ожидал. Пятнадцать миллионов будут в легкой панике, если прочтут, что ГС метался, как тигр в клетке.

— Слушайте, — наседал на него я. — В чем все-таки дело? Что вы там такое обсуждали?

— Хорошо, — сказал он. — Идемте все в мой кабинет. Там подготовим выпуск для прессы.

Но я не пошел вместе со всеми. Терзая Клэнга, я заметил: они вылетели из кабинета столь стремительно, что забыли запереть за собой дверь. На моей памяти такое случалось впервые, и я понял — сейчас или никогда. Потому я и нажал на Зама, чтобы дал сводку для прессы. А я тем временем прорвусь внутрь «Прога» — все играло мне на руку. Во-первых, открытая дверь, во-вторых, не было моей оппозиции из «Триба».

При чем здесь оппозиция? Как же вы не понимаете? Оппозиционные газеты всегда работают на пару. «Леджер» уходит писать с «Рекордом»,

«Джорнал» — с «Ньюсом» и так далее. Значит, я был свободен, никто меня не хватится, не заметит, что я смылся. Я немножко потолкался вместе со всеми, пока они тянулись за Замом, всех пропустил и остался в комнате последним. Я сделал вид, что зацепился за порог, подождал секунду — и стрелой к приоткрытой двери кабинета. Захлопнул ее за собой, перевел дыхание и пробормотал: «Ну, чудо-человек, держись!»

Я стоял в небольшом зале, на стенах из синтетического материала висели светящиеся картины. Зал был без дверей и кончался у подножия белой лестницы. Я мог идти только вперед. Дверь за моей спиной была заперта, и я чувствовал себя в относительной безопасности — но только в относительной, друзья мои, не более. Рано или поздно кто-то спросит меня, как я сюда попал.

Ступеньки поражали красотой — белые, ровненькие, они поднимались по кривой, слегка на конус. Я перебирал пальцами по гладким каменным перилам и не спеша двигался наверх, ожидая, что сейчас на меня бросится кобра или какой-нибудь робот-охранник. Поджилки тряслись от страха.

Я ступил на квадратную лестничную площадку и тут только обратил внимание на вибрацию.

Сначала-то подумал, что это сердце выколачивает под ребрами, бывает так, бам-бам-бам. дыхание перехватит, а под желудком растекается холод. Потом смотрю, нет, пульсация исходит из самого здания. Я взбежал по оставшимся ступенькам и очутился перед раздвижной дверью. Ну, думаю, на самый худой конец из меня сделают чучело и положат под стекло, — взялся за ручку и толкнул дверь.

И здесь, братишки, находилось оно самое — ядро, о котором я говорил вначале. Ничего подобного я в жизни не видел, а повидать мне довелось немало. Попробую вам его описать. Шириной эта комната во все здание, высотой — не меньше двух этажей. Я будто очутился внутри огромных часов. Буквально все пространство заполняли какие-то кулачки и шестеренки, они вращались и при этом сияли, будто капля воды перед падением. Все эти тысячи колесиков вертелись в гнездах из драгоценного камня — как в часах, только масштаб другой, — а красные, желтые, зеленые и голубые точки ярко искрились, точь-в-точь как на картинах одного давно отдавшего богу душу француза. По фамилии Сера.

Стены были испещрены расчетными интерграфами — я даже различил суммарные кривые,

выстроенные на фотоэлектрических пластинах. Датчики для интеграфов находились на уровне глаз и перемещались по всей окружности комнаты, словно цепь из белых циферблатов. Это все, что я мог более или менее различить. Остальное было жутко сложным.

А из самого центра комнаты — бам-бам-бам, которое я поначалу принял за стук своего сердца. Между двумя вертикальными осями, снизу и сверху, был закреплен кристаллический восьмигранник. Он медленно, с небольшими рывками, двигался, а вибрация исходила от вращающих его двигателей. Сверху восьмигранник освещался прожекторами. Лучи света отражались от медленно поворачивающихся граней и плясали по всей комнате. Вот это, братва, было зрелище!

Не успел *я* сделать два шага, откуда ни возьмись какой-то старый хрен в белом халате — увидел меня, кивнул и потопал назад. НО через секунду обернулся — и снова ко мне, на этот раз очень медленно.

— Я не совсем… — начал было он, но тут же с сомнением осекся. Взгляд у него был потухший, отсутствующий, словно он всю жизнь пытался вспомнить, зачем живет на белом свете.

— Я Кармайкл, — объявил я.

— Ах да! — Лицо его чуть просветлело, но в тот же миг на нем снова появилось сомнение.

Тут я показал, что я — парень не промах.

— Я со Стабилиссимусом Гротингом.

— Вы его секретарь?

— Да.

— Вы знаете, мистер Митчелл, — заговорил старикан, — хоть перспективы и мрачные, мне кажется, светлые места тоже есть. Ведь скоро наша система обработки данных позволит прогнозировать и ближайшее будущее… — И он с надеждой посмотрел на меня — такой взгляд бывает у собаки, когда она, сидя на задних лапах, ждет похвалы хозяина.

— Неужели? — удивился я.

— Все говорит за то. Ведь если наш метод позволяет заглядывать в абсолютное будущее, значит, со временем мы научимся давать точный прогноз хоть на завтра — потребуется лишь небольшая модификация.

— Пожалуй, вы правы, — согласился я, а сам думаю: что он такое несет? Испуг прошел, и я ощутил легкое разочарование. Я ведь думал, что сейчас увижу чудо-человека, который выдает нашим боссам все тайны бытия, а тут нате вам — часовой механизм.

Старикан довольно заулыбался.

— Вы так считаете? — робко спросил он.

— Именно так.

— Может, вам будет нетрудно сказать об этом мистеру Гротингу? Вдруг ваша подсказка подействует…

Тут я снова показал себя молодцом.

— Сказать по правде, сэр, — говорю, — Главный Стабилиссимус послал меня к вам для небольшой беседы. Я у него работаю недавно и, к несчастью, задержался в Вашингтоне.

— Ах, извините, пожалуйста, — забормотал он, — Проходите сюда, мистер… мистер…

И он повел меня через лабиринт из движущихся деталей к пульту в другом конце комнаты. Там стояло полдюжины кресел, в одно он уселся сам, другое предложил мне. На плоской поверхности пульта гнездилось множество переключателей и кнопок. Он нажал какой-то тумблер, и освещение погасло. Нажал еще один — и бам-бам-бам участилось до монотонного гудения. Восьмигранник завертелся так быстро, что под светом прожекторов превратился в туманную дымку.

— Вы, наверное, знаете, — самодовольно начал просвещать меня этот старый хрен, — что сейчас мы впервые смогли применить наш аналитиче-

ский метод к абсолютному будущему. Спасибо Уиггонсу, что разработал систему самопроверки данных, без нее мы бы еще корпели и корпели.

— Молодец ваш Уиггонс, — говорю, а сам ну хоть бы что-нибудь понял. Такое состояние бывает, когда только что проснулся и не можешь вспомнить, что видел во сне. Это знакомо каждому — нужная мысль бродит где-то совсем рядом, а ухватить ее не можешь. Вот и у меня тогда роились в голове сотни разных ассоциаций, звонили тысячи колокольчиков — а состыковать ничего не удавалось. Но я чувствовал — рыбина тут большая.

По кристаллу начали метаться тени. Появились несфокусированные изображения, вспышки цвета. Чудной старик что-то пошептал про себя, и его пальцы прошлись по клавишам пульта, будто он играл фугу. Наконец он сказал «Есть!», откинулся в кресле и принялся следить за кристаллом. И я вместе с ним.

Передо мной возникло окно в пространство, через это окно я видел одинокую звезду, ярко горевшую в темноте. Свет был острый, холодный и до рези в глазах сильный. Сразу же за окном, на переднем плане, я увидел космический корабль. Нет, не в форме сигары или яйцевидного

сфероида, ничего подобного. Такой космический корабль увидишь разве что во сне. Огромное чудовище с какими-то немыслимыми крыльями и башенками, натыканными без всякой системы окнами. Будто его никто и не собирался запускать в космос, а сделали баловства ради.

— Смотрите внимательно, мистер Маггинс, — предупредил старый хрен. — При такой скорости все происходит очень быстро.

Быстро? Это не то слово. На корабле вдруг поднялась суматоха. Башенки поднимались и опускались, люди, похожие в скафандрах на клопов, сновали взад и вперед; к кораблю подлетела маленькая ракета в форме утолщенной иглы, немного повисела рядом и улетела. Напряженная секунда ожидания — и вдруг звезда померкла. А следом за ней — и космический корабль. Кристалл потух.

Мой экскурсовод, трехнутый профессор, переключил несколько тумблеров, и перед нами открылся дальний, глубокий план. Четко и ярко возникли звезды, мириады звезд. Постепенно верхняя часть кристалла начала темнеть. Раз, два — и все звезды погасли. Представляете? Погасли. Были — и нету. Я вдруг вспомнил школьные годы, как в каплю под микроскопом мы добавляли

тушь и смотрели, как гибнут бедные амебы.

Старикан с бешеной скоростью принялся нажимать разные кнопки, и перед нами возникали все новые и новые картины Вселенной, но черное облако каждый раз расползалось и поглощало все вокруг. Скоро звезд вообще не осталось. Не осталось ничего, кроме черноты. Не скажу, что все это выглядело эффектнее приличного стереофильма, но нервишки слегка пощекотало. Я не без жалости задумался над судьбой амеб.

Зажегся свет, я снова оказался внутри часового механизма. Профессор повернулся ко мне и спросил:

— Ну, что вы об этом думаете?

— Думаю, что это шикарно.

На лице его появилось разочарование. Он промямлил:

— Нет, нет, я не о том. Как вы это объясняете? Вы согласны с остальными?

— Со Стабилиссимусом Гротингом?

Он кивнул.

— Мне надо немного подумать, — ушел я от ответа — Все это несколько… неожиданно.

— Разумеется, разумеется, — запричитал он, провожая меня к двери. — Подумайте как следует. Хотя, — рука его застыла на дверной ручке, — я

не вполне согласен с вашим «неожиданно». В конце концов, мы всегда этого ждали. Вселенная обречена, а каким будет конец, не так важно.

Недурно, а? Пока я шел вниз, чувствовал, как у меня извилины шевелятся. Никак не мог понять, чем уж это черное облако так огорчило Стабилиссимуса. Я поплелся к выходу из «Прога» и на ходу принял решение — поеду-ка сейчас прямо к Контролеру и устрою у него еще один спектакль. На углу я поймал пневматическую капсулу и набрал на диске нужный адрес. Через три с половиной минуты я был на месте.

Не успел я выбраться из капсулы, как меня окружила вся наша газетная шайка.

— Где ты пропадал, старина? — спрашивает «Леджер», — Нам твои мозги были вот как нужны.

— Никак Хогана не найду, — отвечаю — Пока с ним не встречусь, не знаю, что писать. А чего это вам вдруг мозги понадобились?

— Да не мозги вообще, а твои мозги.

Я вылез наконец-то из капсулы и показал им пустые карманы.

— Думаешь, мы тебя хотим расколоть? — удивился «Леджер». — Да нет же, просто не хватало человека, который умеет интерполировать.

— Чего?

— Это чучело хотело сказать «интерпретировать», — поправил «Рекорд». — Нам сегодня опять выдали официальную сводку. Слов много, а смысла никакого.

— Братцы, — сказал я, — вам нужен человек, который умеет фантазировать. Сегодня я от этой роли отказываюсь. А то, чего доброго, нафантазирую на свою голову.

В общем, притопал я по дорожке к главному входу, иду к кабинету Зама Вице-Контролера, а сам думаю: «Вопрос у меня не шутейный, чего я буду размениваться на всяких замов?» Разворачиваю лыжи — и в приемную самого Контролера. А до него добраться не просто — у него делопроизводители живые, не какие-то там роботы-пустобрехи. Да еще четыре секретарши. Красотки как на подбор, но чтут дисциплину.

Первая меня даже не заметила. Я пронесся мимо нее и был уже во второй прихожей, а она только начала стрекотать: «Простите, что вы хотели?» Вторую всполошил стук двери, и она успела схватить меня за руку. В общем, повисли на мне обе, но я знай себе рвусь вперед. Тут третья, и как ко мне прижмется! Понял я — заслон не прорвать. Но здесь меня уже мог услышать

Контролер, поэтому я как заору:

— Долой Стабильность!

Да, да. Именно так и заорал. И еще:

— Стабильность никуда не годится! Даешь Хаос! Да здравствует Хаос!

И еще что-то в этом роде. Секретарши порядком струхнули, одна включила сигнал тревоги, тут же ввалились двое ребятишек и уже собрались считать мне ребра. Но я продолжал хулить Стабильность и прорываться в святая святых, наслаждаясь при этом жизнью — ведь на мне висели три первосортные красотки, а в ноздри лез запах «Изобилия № 5». Наконец на шум вышел сам Контролер.

Меня тут же отпустили, и Контролер спросил:

— Из-за чего такой шум?.. Ах, это вы.

— Не сердитесь, пожалуйста, — говорю.

— Я смотрю, вы любитель пошутить, Кармайкл.

— Нет, сэр, просто у меня не было другого способа быстро добраться до вас.

— Извините, Кармайкл, но вы явно перестарались.

— Подождите минутку, сэр.

— Простите, я очень занят. — Вид у него был обеспокоенный и нетерпеливый.

— Мне нужно сказать вам два слова наедине, — настаивал я.

— Исключено. Поговорите с моим делопроизводителем — И он повернулся к своему кабинету.

— Прошу вас, сэр…

Но он, махнув рукой, уже входил в кабинет. Я кинулся к нему и поймал за локоть. Он что-то сердито зашипел, но я повернул его к себе, обхватил руками и, когда мой рот оказался рядом с его ухом, с жаром прошептал:

— Я был наверху в «Проге». Я все знаю!

Его нижняя челюсть отвисла. Он сделал два каких-то неясных жеста и кивком головы позвал меня за собой. Я ввалился в его кабинет, а там… Я чуть не умер на месте. Там был Главный Стабилиссимус. Да, да, старый громовержец Гротинг. Он стоял у окна, и для полноты картины ему не хватало в руках по молнии.

Тут, доложу вам, братцы, я сразу отрезвел, вся спесь с меня вмиг слетела — при виде Стабилиссимуса любой отрезвеет, неважно, какой козырь у него в кармане. Я вежливо кивнул и подождал, пока Контролер закроет дверь. Эх, думаю, по ту сторону двери было бы уютнее. И чего я полез в этот «Прог»?

— Мистер Гротинг, — сказал Контролер, — это

Джон Кармайкл, репортер из «Таймса».

Мы сказали друг другу: «Здравствуйте», но слышно было только Гротинга. Я едва пошевелил губами.

— Итак, Кармайкл, — продолжал Контролер, — что вы хотели сказать насчет «Прога»?

— Я был наверху, сэр.

— Что-о?

— Б-был наверху.

Тут в глазах ГС действительно сверкнули молнии.

— Извините, если доставил вам неприятности. Я годами мечтал о том, чтобы подняться туда… и, когда сегодня представилась возможность, я не удержался… — И я рассказал им, как мне удалось прорваться наверх и что я там увидел.

Контролер был вне себя от ярости, и я понял — не спрашивайте почему, понял, и все, — что надо успеть выговориться, иначе ко мне примут самые крутые меры. Но к этому времени я уже кое-что скумекал. Поворачиваюсь прямо к ГС и говорю:

— Сэр, скажите, «Прог» означает «прогнозирование»?

Ответом было молчание. Потом Гротинг медленно кивнул.

— Наверху стоит машина, которая предсказы-

вает будущее, — продолжил я. — Каждый день вы поднимаетесь туда и получаете прогноз. Потом выдаете эти сведения газетчикам, но так, будто до всего вы дошли сами. Правильно?

Контролер гневно забулькал, но Гротинг снова кивнул.

— Сегодня, — сказал я, — был предсказан конец света.

Снова наступила тишина. Наконец Гротинг устало вздохнул и произнес:

— Похоже, мистер Кармайкл действительно знает слишком много.

— Я здесь ни при чем, — взорвался Контролер. — Я всегда настаивал на солидной охране. Выставь мы охранников…

— Охранники, — перебил Гротинг, — только нарушили бы существующую Стабильность. Люди могли заподозрить что-то неладное. Поэтому нам пришлось положиться на судьбу в надежде, что ничего не произойдет. Сейчас это «что-то» произошло, и нужно искать выход из создавшегося положения.

— Простите, сэр, — вступил я, — но я пришел сюда вовсе не потому, что хотел похвастаться. Без хвастовства я мог бы и обойтись. Меня тревожит другое: почему так встревожены вы?

Гротинг пристально посмотрел на меня, потом принялся холить по комнате. Гнева на его лице я не видел, он просто ходил по большой ком нате и думал, хладнокровно размышлял, как со мной поступить. Меня бросило в дрожь.

— Обещаю вам, — начал я, — что буду держать язык за зубами, если все дело в этом.

Он даже не повернул головы — знай себе ходит. Что со мной могут сотворить? На ум пришли разные ужасы. Упекут на всю жизнь в одиночку. Вышлют на край Вселенной, якобы для проведения исследований. Сотрут все, что накопилось в моей памяти, а это значит, что мои двадцать восемь лет — коту под хвост.

Я здорово струхнул и давай кричать:

— Вы ничего не сможете мне сделать. Сейчас Стабильность! — И я начал цитировать Кредо, затараторил, что помнил: — Статус-кво следует поддерживать любой ценой. Каждый член общества является существенным и неотъемлемым элементом статус-кво. Удар по Стабильности любого члена общества означает удар по Стабильности самого общества. Стабильность, которая поддерживается за счет ущерба, причиняемого отдельной личности, равнозначна Хаосу…

— Спасибо, мистер Кармайкл, — перебил меня

ГС. — Я пока еще помню Кредо.

Он подошел к пульту на столе Контролера и быстро нажал несколько клавиш. Через несколько минут томительного ожидания телетайп отстучал ответ. Гротинг прочитал текст, довольно кивнул и подозвал меня. Подхожу к нему, ребята, а сам думаю — каким чудом меня еще ноги держат?

— Мистер Кармайкл, — объявил Гротинг. — Рад сообщить, что вы назначены конфиденциальным представителем прессы при аппарате по поддержанию Стабильности — на время настоящего кризиса.

Я только ойкнул.

— Таким образом, — пояснил Главный Стабилиссимус, — Стабильность остается незыблемой, и есть полная гарантия того, что вы будете молчать. Общество не терпит изменений, но безобидные дополнения оно приветствует. Был создан новый пост, и его займете вы.

— С-спасибо, — вымолвил я.

— Разумеется, ваш кредит существенно возрастет. Работать будете со мной лично. Все сообщения — строго конфиденциальные. Если вы раскроете вверенную вам тайну, общество накажет вас за злоупотребление служебным

положением. Процитировать соответствующий параграф Кредо?

— Нет, сэр! — воскликнул я, потому что прекрасно знал этот параграф. Ловко он загнал меня в угол, ничего не скажешь! — А что будет с моей работой в «Таймсе»?

— В «Таймсе»? — переспросил Гротинг. — Продолжайте работать как обычно. Представляйте официальные сводки, словно вы не имеете понятия о том, что в действительности происходит. Времени на то, чтобы появляться в своей газете, у вас будет достаточно. Перегружать вас я не собираюсь.

Он вдруг улыбнулся, и на душе у меня сразу полегчало. Я понял, что он не такой уж злодей, — наоборот, он сделал все возможное, чтобы вытащить меня из этой ямы, в которую я угодил из-за своего любопытства. Я ухмыльнулся и на радостях протянул ему руку. Он крепко пожал ее. Гроза как будто миновала.

— Итак, мистер Кармайкл, теперь, когда мы с вами коллеги, перейдем прямо к делу, — продолжал ГС. — «Прог», как вы догадались, действительно Центр прогнозирования. С помощью совершенной системы обработки данных и сложного сочетания интеграфов нам удается, пользуясь

вашей терминологией, предсказывать будущее.

— Честно говоря, сэр, — признался я, — я шпарил наобум. Неужели все так и есть?

— Именно так, — улыбнулся Гротинг. — В пророчестве нет ничего мистического. Это очень логичная наука, выстроенная на экспериментальных факторах. Солнечное затмение предсказывают с точностью до секунды, до градуса долготы, и обывателя это приводит в изумление. Ученые же знают, что здесь всего лишь точный математический расчет на основе точных данных.

— Разумеется, — начал я, — но…

Гротинг поднял руку.

— Предсказание будущего, — продолжал он, — по сути дела та же самая задача, но тут есть своя сложность — трудно получить точные данные и в требуемом объеме. Вот пример: имеется яблочный сад. Велика ли вероятность кражи яблок?

— Кто его знает. Наверное, это зависит от того, много ли ребятишек живет по соседству.

— Правильно, — согласился Гротинг. — Вот вам уже дополнительные данные. Значит, имеются сад и ребятишки. Велика ли вероятность кражи яблок?

— Даже очень.

— Вот вам еще дополнительные сведения: в районе свирепствует саранча.

— Вероятность меньше.

— Еще: Министерство сельского хозяйства сообщило о новом эффективном разбрызгивателе против саранчи.

— Теперь больше.

— Есть и другие данные: в прошлые годы мальчишки украли яблоки и были крепко за это наказаны. Какова вероятность теперь?

— Наверно, чуть поменьше.

— К экспериментальным факторам добавьте анализ поведения мальчишек. Это сорвиголовы, и наказание на них не действует. Сюда же приплюсуйте прогноз погоды на лето, местоположение сада. А как к кражам относится владелец? Теперь суммируйте: сад, плюс мальчишки, плюс кражи, плюс наказание, плюс характер владельца, плюс саранча, плюс опыление, плюс…

— О боже! — вырвалось у меня.

— Вас поражает объем и задачи, — улыбнулся Гротинг, — но не отсутствие логики. Обработав все имеющиеся сведения по данному саду, мы точно скажем, совершится ли кража, мало того, определим ее время и место. Перенесите этот пример на Вселенную, и вам станут ясны мас-

штабы работы, которая ведется в здании «Прога». Анализаторы данных размещаются на восьми этажах. Отобранные сведения подаются в интеграторы, и оп-ля — получите предсказание!

— Оп-ля, бедная моя головушка!

— Ничего, со временем привыкнете.

— А изображения? — спросил я.

— Решение математической задачи можно выразить по-разному, — стал объяснять Гротинг. — Для «Прога», естественно, мы выбрали визуальный показ прогнозируемых событий. Все крупные правительственные решения перед проведением в жизнь облекаются в форму данных и подаются в интегратор. Мы узнаем, как тот или иной шаг отразится на обстановке в мире. Если налицо выгоды, мы делаем этот шаг. В противном случае мы от него отказываемся и ищем другие пути…

— А как насчет изображения, которое я ввдел сегодня? — поинтересовался я.

Улыбка сбежала с лица Гротинга. Он сказал:

— Вплоть до сегодняшнего дня, мистер Кармайкл, мы могли приблизиться к настоящему в лучшем случае на неделю, а углубиться в будущее — максимум на несколько сот лет. Новый метод Уиггонса позволил заглянуть в будущее вплоть

до конца нашей цивилизации, и конец этот, как выяснилось, устрашающе близок. Гибель Вселенной, которую вы наблюдали, произойдет менее чем через тысячу лет. И меры должны быть приняты немедленно.

— К чему пороть горячку? Впереди еще десять веков, за это время наверняка произойдет какое-нибудь событие, которое не позволит Вселенной погибнуть.

— Какое событие? — Гротинг покачал головой. — Вы плохо представляете себе, как обстоит дело. С одной стороны, имеется теория нашего общества. Стабильность. Вы сами недавно цитировали Кредо. Если обществу приходится поддерживать Стабильность ценой нестабильности, возникает Хаос. Обратите на это внимание. С другой стороны, мы не можем ждать, когда наше общество быстро покатится к самоуничтожению. Чем ближе оно будет к этой точке, тем более решительные изменения потребуются для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Маленький снежок, катящийся с вершины горы, на пути превращается в огромный снежный ком и в конце концов сносит здоровенный домище у основания горы. Наверху достаточно чуть щелкнуть пальцем — и направление будущей

лавины изменится. Щелкнуть пальцем — и будет спасен целый дом. Но если упустить момент и опомниться, когда снежный ком наберет мощь, потребуются огромные усилия, чтобы отвести в сторону грозную лавину.

— Сегодняшние изображения как раз были снежным комом, падающим в наш дом. И вы хотите щелкнуть пальцем сейчас…

Гротинг кивнул.

— Нам предстоит просеять миллиарды факторов, имеющихся в «Проге», и найти этот маленький снежок.

Контролер, все это время пребывавший в состоянии оцепенения, словно очнулся от сна.

— Говорю же вам, мистер Гротинг, это невозможно. Как вы хотите откопать один нужный фактор среди миллиардов?

— Тем не менее другого пути нет.

— Есть! — возмутился Контролер. — И я все время о нем говорю. Давайте действовать методом проб и ошибок. Мы вызовем серию изменений сейчас и посмотрим, изменится ли линия будущего. Рано или поздно мы наткнемся на то, что ищем.

— Исключено, — сказан Гротинг, — Это значит распроститься со Стабильностью. Если цивилиза-

ция покупает спасение ценой своих принципов, она недостойна спасения.

— Сэр, — вмешался я. — У меня есть предложение.

Они посмотрели на меня. ГС одобрительно кивнул.

— По-моему, вы оба на неверном пути. Вы ищете фактор в настоящем. А поиски надо начинать из будущего.

— То есть?

— Вот, допустим, я говорю: за то, что выросло много клевера, надо благодарить старых дев. И вы начинаете поиски с этих самых дев. А надо начинать с клевера и двигаться в обратном направлении.

— Постарайтесь говорить яснее, мистер Кармайкл!

— Я говорю о логическом построении от конца к началу. Вы знаете, сэр, что в свое время старичок по фамилии Дарвин пытался объяснить равновесие, царящее в природе, вывести причинно-следственную взаимосвязь. Он, в частности, сказал, что от числа старых дев в городе зависит урожай клевера, да, так и сказал; но, если вы хотите разобраться, что он имел в виду, нужно идти от конца к началу. От следствия к причине.

Вот так: для опыления клевера требуются шмели. Чем больше шмелей, тем больше клевера. Полевые мыши разоряют шмелиные гнезда, значит, больше полевых мышей, меньше клевера. Дальше — коты едят мышей. Чем больше котов, тем больше клевера. Котов держат старые девы. Следовательно, чем больше старых дев, тем больше клевера, что и требовалось доказать.

— Так-так, — засмеялся Гротинг, — а теперь выводы.

— По-моему, вы должны начать с момента катастрофы и тянуть причинную цепочку, звено за звеном, пока не доберетесь до первопричины. Запустите Прогнозатор в обратном направлении — и найдете точку, с которой началось движение нашего снежка.

Наступила долгая тишина — они обдумывали мое предложение. Контролер выглядел слегка ошарашенным, он все бормотал про себя: «кошки — клевер — старые девы», но ГС моя мысль явно зацепила. Он подошел к окну и стоял там, глядя в пространство, недвижимый, словно статуя.

Казалось, все происходит во сне — страстные переживания из-за события, которое произойдет через тысячу лет. Но уж такова Стабильность. Обязательно надо смотреть вперед. У моего

приятеля из «Морнинг глоб» над столом висит табличка: «Думай о завтрашнем дне, сегодняшний сам о себе подумает».

Наконец Гротинг произнес:

— Мистер Кармайкл, думаю, вам лучше вернуться в «Прог»…

Меня, естественно, распирало от гордости. Мы шли через зал к пневматическим капсулам, а я думал: «Я подал шикарную идею Главному Стабилиссимусу! Он принял мое предложение!» Секретарши, увидев, что мы выходим, сразу кинулись вперед через зал. У выхода уже стояли три капсулы. Мало того, ГС и Контролер ждали, пока я звонил к себе в редакцию и давал официальную сводку. Редактор был недоволен, что я куда-то смылся, но у меня было прекрасное алиби. Я искал Хогана. Искал, друзья мои, еще как искал!

Мы быстро миновали кабинеты «Прога» и поднялись по конусообразной лестнице. По дороге ГС сказал, что Ярру, старому хрену, которого я околпачил, правду говорить не стоит. Пусть считает, что я на самом деле конфиденциальный секретарь.

Мы снова оказались внутри этих поразительных часов. Крутились мириады колесиков и кулачков, медленно вращался кристалл, разда-

валось гипнотическое «бам-бам» двигателей. Ярр встретил нас у дверей и с рассеянным подобострастием проводил к смотровому столу. В комнате снова стало темно, и мы еще раз увидели, как черное облако расползается по поверхности Вселенной. Сейчас я воспринял это зрелище совершенно иначе — у меня мурашки побежали по коже.

Гротинг повернулся ко мне и спросил:

— Есть какие-нибудь предложения, мистер Кармайкл?

— Прежде всего, — сказал я, — надо узнать, какое отношение к черному облаку имеет космический корабль… вы согласны?

— Н-да, вполне, — Гротинг сказал Ярру: — Дайте нам крупным планом космический корабль и включите звук. Интеграцию, пожалуйста, с нормальной скоростью.

— Чтобы просмотреть весь кусок втаком темпе, потребуется неделя, — заявил Ярр, — Может, вам нужно что-то конкретное?

У меня мелькнула идея.

— Покажите нам место, когда прилетает ракета.

Ярр вернулся к пульту управления. Мы увидели крупным планом большое круглое отверстие. За-

работал звуковой механизм на высокой скорости, стал слышен клекот писклявых голосов. Неожиданно появилась ракета. Ярр дал замедление до нормальной скорости.

Ракета — толстая игла — носом вошла в отверстие, раздалось какое-то шипение — производилась стыковка методом всасывания. Внезапно картинка изменилась, и мы увидели шлюз между двумя кораблями. Голые по пояс мужчины в промасленных рабочих штанах, потные, перетаскивали в большой корабль тяжелое, обвязанное мешковиной оборудование. В сторонке два типа средних лет быстро разговаривали:

— У вас все нормально?

— Если бы нормально. Славу богу, это последняя партия.

— А как насчет кредитов?

— Все выгребли.

— Серьезно?

— Еще как.

— Не понимаю. У нас осталось больше двух миллионов.

— А у нас все вылетело на косвенные закупки и на…

— На что?

— На взятки, если вам так надо знать.

— На взятки?

— Эх, дорогой мой, стоит заказать циклотроны, и на тебя сразу начинают подозрительно коситься. А уж если заикнешься об атоме, считай, на тебя уже завели дело.

— Раз так, значит, дело заведено на любого из нас.

— От этого никому не легче.

— До чего несправедливо — предавать анафеме ценнейшую частицу самого нашего существования.

— Вы имеете в виду…

— Атом, разумеется.

Говоривший задумчиво уставился перед собой, потом вздохнул и скрылся в темных глубинах корабля.

— Хватит, достаточно, — велел я, — Теперь найдите момент прямо перед началом затемнения. Внутри корабля.

Обороты интегратора возросли, со звуковой дорожки снова понесся писк. На кристалле, быстро меняясь, мелькали изображения внутри корабля. Перед нами несколько раз проплыла камера управления с прозрачным куполом, в ней метались фи-[урки людей. Наконец изображение сфокусировалось на камере и словно застыло,

превратилось в фотографию: несколько полуобнаженных мужчин склонились над панелью управления и чуть откинули назад головы, чтобы видеть сквозь купол.

— Смотрите внимательно, — предупредил Ярр, — Тут недолго.

— Поехали, — скомандовал я.

Сцена чуть смазалась — и тут же ожила.

— …Защитные экраны готовы?

— Готовы, сэр.

— Питание в порядке?

— В порядке, сэр.

— Все в состоянии готовности. Время?

— Еще две минуты.

— Хорошо.

Седобородый мужчина принялся ходить по камере, сцепив руки за спиной, будто капитан на капитанском мостике. Шаги его гулко стучали на фоне равномерного урчания двигателей.

— Время?

— Минута сорок.

— Друзья! В эти короткие мгновения мне хочется поблагодарить вас за вашу чудесную помощь. Я имею в виду не техническую сторону — тут работа говорит сама за себя, — а ваше страстное желание идти со мной до конца, даже если от

этого страдает ваша репутация… Время?

— Минута двадцать пять.

— Мы надеемся, что наша работа принесет Вселенной неслыханные, ни с чем не сравнимые блага, и очень грустно, что проводить эту работу нам пришлось в обстановке полной секретности. Безграничные энергетические возможности — понятие настолько обширное, что даже я затрудняюсь определить будущее наших миров. Через несколько минут мы станем героями, известными во всех уголках Вселенной. Сейчас, когда работа еще не окончена, я хочу сказать вам — для меня вы уже герои… Время?

— Пятьдесят секунд.

— До сегодняшнего дня математика и другие точные науки были лишь подспорьем для человеческих деяний. Об этом говорил Фицджон на своей первой лекции, и сейчас мы докажем, что в основе всего — человек. Энергомеханика развивается не по пути расширения и усложнения энергокомплексов, она упрощается, вся энергия сосредоточивается внутри самого человека… Время?

— Двадцать секунд.

— Мужайтесь, друзья мои. Сейчас наступит момент, ради которого мы работали все десять

лет. В обстановке полной секретности. Как преступники. Что ж, такой всегда была участь людей, приносивших человечеству самые ценные дары.

— Десять секунд.

— Полная готовность.

— Есть полная готовность.

Последние секунды превратились в мучительную пытку. При счете «ноль» все на корабле пришло в бурное движение. Уследить за действиями людей или понять их я не мог, но по четкости и взаимодействию было ясно, что работает слаженный коллектив. Для нас это зрелище было исполнено трагедии — ведь мы знали, чем все кончится.

Внезат ю все остановились и устремили взгляды вверх, сквозь кристально прозрачный купол. Далеко-далеко, на фоне густой черноты, сияла одинокая звезда. Вот она мигнула в последний раз и погасла.

Раздались крики, все показывали наверх. Седобородый воскликнул:

— Это невозможно!

— Что, сэр?

— Я…

В эту секунду изображение потонуло в черноте.

— Хватит, — сказал я.

Ярр зажег свет, остальные повернулись ко мне. Я подумал немного, лениво разглядывая блестящие кулачки и колесики. Потом заговорил:

— Что ж, начало неплохое; кажется, я знаю, почему вас все это слегка озадачило. Вы — люди занятые, на глупости времени нет. Я же занят меньше вас, валять дурака могу целыми днями, поэтому люблю читать детективы. Так вот, это у нас тоже детектив, только наоборот.

— Допустим, — откликнулся Гротинг. — Продолжайте.

— Кое-какие исходные данные у нас есть. Во-первых, Вселенная погибла при попытке наполнить ее энергией из гиперпространства. Во-вторых, попытка не удалась по причинам, которые нам пока неизвестны. В-третьих, попытка предпринималась втайне. Почему?

— А что тут особенного? — возразил Контролер. — Ученые — народ такой…

— Я говорю о другой тайне. Ведь эти люди были вне закона, они проводили запрещенный эксперимент. Вот что надо выяснить — почему эксперименты с атомной энергией были запрещены. Тогда, возможно, нам удастся приблизиться на несколько десятилетий к настоящему.

— Но как это сделать?

— Прежде всего проследить, откуда летела ракета. Выясним, какое оборудование они покупали, — и область поисков заметно сузится. Справитесь, доктор Ярр?

— Потребуется много времени.

— Ничего, у нас впереди тысяча лет.

Доктор Ярр уложился в два дня. Я тем временем узнал много интересного о Прогнозаторе. Сработан он был на славу, ничего не скажешь. Будущее целиком и полностью складывается из вероятностей. И интегратор мог подключить любую такую вероятность, подключить и проверить — что получится? Если данная вероятность крайне мала, изображение будет не в фокусе. Если будущее событие более или менее возможно, его уже можно разглядеть, но все равно резкость будет невелика. А вот если какое-то событие произойдет наверняка — исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений, — изображение будет четким и резким.

Когда через два дня мы вернулись в «Прог», Ярр готов был прыгать от радости.

— Похоже, я поймал то, что вы ищете, — сказал он.

— Что же это?

— Я засек момент подкупа. Увидите, там есть интересная информация, она наведет вас на след.

Мы уселись позади пульта управления, Ярр принялся крутить ручки. Он держал листок бумаги, заглядывал в него и, что-то бурча под нос, подбирал нужные координаты. Поначалу мелькали какие-то тени, потом в комнату хлынул звук — будто сразу включили сотню стереопроигрывателей. И тут же изображение на кристалле стало резким.

Мы увидели гигантский литейный цех, в уши бил невыносимый лязг и скрежет. Вдоль обеих стен цеха тянулись мощные стальные фермы, они уходили далеко в глубь изображения и напоминали колонны в каком-то жутком сатанинском соборе. Мостовые краны с изяществом перетаскивали огромные куски металла. Черный и белый дым, освещаемый вспышками пламени из печей, вихрился вокруг крошечных человеческих фигурок.

Перед гигантской отливкой стояли двое. Литейщик в засаленном комбинезоне что-то быстро измерял и выкрикивал цифры, а второй человек тщательно сверял их с чертежом на синьке. На фоне грохота литейного цеха мы услышали крат-

кий и сжатый диалог:

— Сто три и семь.

— Есть.

— Короткая ось. Пятьдесят два и пять.

— Есть.

— Тангенс овального диаметра. Три градуса ноль пятьдесят два.

— Есть.

— Параметры внешнего изгиба?

— Игрек равен косинусу икс.

— Тогда икс равен минус половине пи.

— Есть.

Литейщик вылез из отливки, сложил трехмерный измерительный калибр. Какой-то ветошью вытер пот с лица и с любопытством посмотрел на инженера, а тот неторопливо скатал синьку и сунул ее в узенький рулон из других чертежей.

— Вроде бы неплохо поработали, — сказал литейщик.

Инженер согласно кивнул.

— Но за каким чертом вам это нужно? В жизни не видел такой отливки.

— Могу объяснить, но, боюсь, вы не поймете. Очень уж сложно.

— Слишком вы, теоретики, любите заноситься, — вспыхнул литейщик. — Думаете, раз я умею

лить металл, в уравнении мне не разобраться?

— Нет, почему же? Но не будем об этом. А отливку я готов забрать сейчас же.

Инженер повернулся и двинулся было к выходу, нервно похлопывая себя свернутыми чертежами по лодыжке, как вдруг над его головой зависла огромная железная чушка, выплывшая из глубин изображения. Литейщик вскрикнул, бросился вперед, схватил инженера за плечо и толкнул на бетонный пол. Чертежи рассыпались.

Пораженный инженер смотрел, как многотонная железяка чинно проплывает мимо. Литейщик тут же помог ему подняться, потом подобрал с пола чертежи и начал их аккуратно складывать. Но вот он замер и пристально вгляделся в один из них. Начал было рассматривать другие, но инженер уже выхватил их.

— Для чего нужна эта отливка? — спросил литейщик.

Быстрыми, энергичными движениями инженер скатал чертежи в трубку.

— Не лезьте не в свое дело, — бросил он.

— Я и без вас знаю. Это четверть циклотрона. А остальные части вам отольют в других местах, верно?

Инженер не ответил.

— Вы, наверное, забыли девятьсот тридцатое правило Стабилизации?

— Ничего я не забыл. С ума вы сошли, что ли?

— Хотите, чтобы я созвал официальную проверку?

Инженер вздохнул, потом пожал плечами.

— Идемте, — сказал он. — Я покажу вам чертежи с общим видом, тогда поймете, что ошибаетесь…

Они вышли из литейного цеха и не спеша направились к широкому бетонному полю, на котором лежала толстая игла-ракета. По приставной лестнице они поднялись к боковой дверце и забрались внутрь. Там инженер вдруг закричал:

— Сюда, ребята! Нас снова накрыли!

Дверь за их спиной захлопнулась. Из всех близлежащих отсеков появились космонавты. Вид у них был суровый и отрешенный, а в руках поблескивали тупоносые парализаторы. Литейщик обвел космонавтов долгим взглядом. Наконец сказал:

— Вот, значит, как обстоит дело?

— Именно так. Мне очень жаль.

— Ну, ничего, может, когда-нибудь вы встретитесь с моими дружками…

— Может быть.

— У них с вами будет меньше хлопот, чем у вас со мной! — Он сжал кулаки и изготовился к бою.

— Эй! — воскликнул инженер. — Погодите минутку! Не надо терять голову. Вы мне здорово подсобили. Я не хочу оставаться в долгу. Тут у меня как раз есть лишние кредиты.

Литейщик озадаченно посмотрел на инженера. Потом слегка успокоился и стал будто в раздумье тереть подбородок.

— Похоже, вы не такие уж и плохие ребята, — сказал он — По крайней мере, я тут у вас почти освоился…

Инженер довольно ухмыльнулся.

— Стоп, достаточно, — закричал я, и изображение тут же исчезло.

— Ну что? — взволнованно спросил Ярр.

— Мы явно напали на след, — подытожил я. — Давайте пойдем еще дальше назад и выясним, как проходило обсуждение правила девятьсот тридцать. — Я повернулся к ГС. — Сэр, какое у вас последнее правило на сегодняшний день?

— Семьсот пятнадцатое, — ответил Гротинг.

Контролер уже что-то высчитывал. Потом сказал:

— Если считать, что новые законы будут появляться через те же интервалы, что и сейчас,

правило девятьсот тридцатое введут примерно через шесть веков. Так, мистер Гротинг?

Тот согласно кивнул, и Ярр вернулся к панели управления. Нам пришлось проглядеть много всякой чепухи, так что не буду утомлять вас подробностями. Для отшельника с Луны могу добавить, что большую часть времени мы околачивались в библиотеке, ждали, когда Ярр набредет на год, в котором ввели правило 930. Потом мы быстро нашли то, что хотели, — дебаты при принятии этого правила.

Его ввели по поразительным, с одной стороны, причинам, но, с другой стороны, по вполне объяснимым. За предшествующие сто пятьдесят лет почти в каждом крупном университете земного шара произошел взрыв, вызванный экспериментами с ядерной энергией. Взрывы — это было поразительно, правило — объяснимо. Расскажу подробнее, как шли дебаты, — кое-что из увиденного здорово запало мне в душу.

Интегратор выбрал прохладный, радующий глаз вестибюль в административном здании в Вашингтоне. Мраморный пол напоминал скованную льдом молочную реку с золотыми вкраплениями. Одна стена являла собой огромное квадратное окно, состоящее из тысячи круглых

стеклянных плиточек, они преломляли яркий солнечный свет в теплые разноцветные струи. В глубине изображения можно было видеть огромные двери из синтетического дуба. Перед ними оживленно беседовала молодая пара — красивый парень с папкой под мышкой и поразительной красоты девушка. Знаете такой тип: гладкие волосы коротко подстрижены, а лицо ясное, свежее, словно умытое самой природой.

— Интересно, — воскликнул Контролер, — это же вестибюль перед залом для заседаний! За шестьсот лет ничуть не изменился.

— Стабильность! — заметил Гротиш и удовлетворенно хмыкнул.

— Внутри идет обсуждение, — сказал Ярр, — Сейчас я найду…

— Подождите, — остановил его я. — Давайте немного посмотрим это.

Сам не знаю, почему я так сказал, наверно, только потому, что при виде девушки пульс у меня вдруг забился быстрее и я не мог оторвать от нее глаз.

Она едва не плакала.

— Умоляю тебя, не делай этого — ну хотя бы ради меня.

— Ради тебя? — Парень немного смутился.

— Да, — кивнула она. — Ты уничтожишь дело всей его жизни несколькими фразами.

— Это дело моей жизни тоже.

— Неужели ты не видишь разницы? Мы с тобой молоды. А молодость всегда любит ниспровергать прежних идолов. Она пирует на обломках старого. Уничтожает прошлые идеи и прокладывает путь своим собственным. Но ведь он-то уже не молод. Он живет только своей прошлой работой. И если ты развенчаешь ее, его ждет одно — горькое разочарование. Я останусь со сломленным стариком на руках, который сведет в могилу себя и меня. Дорогой, я не говорю, что ты не прав, но прошу тебя — подожди немного.

Из глаз ее полились слезы. Парень взял ее за руку и подвел к мозаичному окну. Девушка отвернула лицо от света, от его лица. Парень сказал:

— Он был моим учителем. Я боготворю его. То, что я хочу сделать, может, и похоже на предательство, но лишь по отношению к его преклонным годам. Я остаюсь верен человеку, каким он был тридцать лет назад. Тогда он поступил бы со своим учителем точно так же.

— А обо мне ты подумал? — воскликнула девушка. — Тебе вся радость разрушения, а убирать обломки придется мне! Что будет с моей жизнью?

Мне все годы придется нести этот крест — нянчиться с ним, утешать его, делать все, чтобы он забыл о твоем безумном поступке!

— Мы будем жить вместе, Барбара. Я от тебя не отказываюсь.

— Как у тебя все просто! — Она горько засмеялась. — «Мы будем жить вместе», этой короткой фразой ты — р-раз! — она прищелкнула пальцами, — беспечно отбрасываешь все. А где будет жить он? Один? Или с нами? Ну, где?

— Что-нибудь придумаем.

— Тебе приятно мнить себя настоящим правдолюбцем, но при этом ты упрям и слеп! Стивен… в последний раз… пожалуйста. Подожди, дай ему умереть своей смертью. Всего несколько лет. Оставь его в покое. Его и нас.

Он решительно покачал головой и направился к дубовым дверям.

— Ждать несколько лет, чтобы ублажить гордость старика? За эти несколько лет произойдет еще несколько катастроф, погибнут еще тысячи людей — это слишком большая цена.

Она бессильно прислонилась к окну, ее силуэт четко обозначился на красочном цветном фоне. Парень шел через вестибюль. У нее не осталось сил даже для слез. Она так ослабела, что в любую

секунду могла упасть на пол. И вдруг я увидел, как она вся подтянулась, напряглась, — в вестибюле появился еще один человек и бросился к парню. Это был лысый, изрядно поживший на свете старик, лицо его, утратившее приметы возраста, было словно выточено из слоновой кости. Он был высок и тощ. Глубоко в подглазьях тлели тусклые угольки.

— Стивен! — крикнул он.

Парень остановился и обернулся.

— Стивен, я хочу поговорить с тобой!

— Это ничего не даст, сэр.

— Ты очень нетерпелив, Стивен. Несколько лет исследований — и ты хочешь перечеркнуть работу, которую я делал всю жизнь. Раньше я уважал тебя. Я считал, что ты примешь от меня эстафетную палочку, как в свое время это сделал я — принял эстафету от поколений, шедших до меня.

— А теперь вы так не считаете?

— Нет. — Старик вцепился в тунику молодого человека и с жаром заговорил: — Ты хочешь предать всех нас, хочешь закрыть дорогу исследованиям, которые обещают спасти человечество. За пять минут ты уничтожишь работу, которая велась пять веков. Неужели ты можешь допу-

стить, чтобы труд и пот шедших впереди нас пропал впустую?

— Я не могу также допустить, — сказал парень, — чтобы люди продолжали бессмысленно умирать.

— Ты слишком много думаешь о смерти и слишком мало о жизни. Пусть погибнет тысяча человек, десять тысяч — все равно эта игра будет стоить свеч!

— Такая игра никогда не будет стоить свеч! Потому что у этой игры нет конца. Ваша теория неверна, она основана на ложных посылках.

— Ты глупец! — вскричал старик, — Самодовольный, неоперившийся зеленый глупец! Ты не пойдешь туда!

— Пойду, сэр.

— Я не пущу тебя.

Парень высвободил свою руку и потянулся к двери. Старик снова вцепился в него. Парень на мгновение потерял равновесие, что-то сердито пробурчал и, подобравшись, оттолкнул старика. В ту же секунду девушка вскрикнула, вихрем подлетела к спорящим и оказалась между ними. Потом еще раз вскрикнула и отступила в сторону.

Парень мягко осел на пол, рот его широко рас-

крылся от удивления. Он пытался что-то сказать, но словно передумал. Девушка упала на колени рядом с ним, хотела приподнять его голову. Но вдруг отпрянула.

Все было кончено. Ни выстрела, ни звука. В руке старика, склонившегося над телом убитого, блестел металлический ствол.

— Я только хотел… — запричитал старик. — Я только… — И он разрыдался.

Девушка повернула голову с огромным трудом, словно она весила тонну, и посмотрела на отца. Лицо ее окаменело. Ледяным тоном она произнесла:

— Уходи, отец.

— Я только… — выдавил из себя старик. Губы его дрожали.

Девушка подняла с пола папку и встала. Не глядя больше на отца, она открыла двери, шагнула внутрь и мягко прикрыла их за собой. При ее появлении голоса смолкли.

Она подошла к центру стола, положила на него папку, открыла ее и вытащила кипу машинописных листов. Затем перевела взгляд на сидевших за столом мужчин, недоуменно воззрившихся на нее.

— Мне очень жаль, но я должна довести до ва-

шего сведения, что мистер Стивен Уайлдер по не зависящим от него причинам выступить перед вами не может. Как его невеста и помощница, я беру на себя его миссию и предлагаю вниманию комитета собранные им материалы. — Она смолкла и выпрямилась, стараясь сохранить самообладание.

— Спасибо, — сказал один из мужчин. — Мы готовы выслушать вас, мисс…

— Барбара Лидс.

— Спасибо, мисс Лидс. Итак?

Загробным голосом она продолжала:

— Мы полностью поддерживаем девятьсот тридцатое правило Стабилизации, которое запрещает любые эксперименты в атомной энергодинамике. Все подобные эксперименты были основаны на аксиомах и математических формулах Фицджона. Унесшие столько жизней взрывы объясняются тем, что неверна первоначальная посылка этой теории. Мы можем доказать, что ошибочным является даже базовое уравнение Фицджона. Я говорю об

$$i = (d/u)\, b^2 i\, N/a\, (ze - j/a)...$$

Она взглянула в записи, поколебалась мгнове-

ние, затем добавила:

— Ошибки Фицджона легко обнаружить, если рассмотреть производные Лидса с трансконечными величинами…

Полным трагизма голосом она продолжала свою монотонную обвинительную речь.

— С-стоп, — сказал я.

Воцарилась тишина. Нам было как-то не по себе, мороз слегка продирал по коже. Я тогда подумал: могу гордиться тем, что я — человек. Не потому, что мыслю, что вообще существую, а потому, что умею чувствовать. Потому что человечество может протянуть к нам руку через века — неважно, из прошлого или будущего, с реальностью или вымыслом, — и разбередить в нас какие-то струны, тронуть нас до глубины души. Наконец я сказал:

— Что ж, мы явно на верном пути.

Ответа не было.

— Надо полагать, — не смутился я, — что секретный эксперимент, который уничтожил Вселенную, был основан на ошибочной теории Фицджона.

— Что? — очнулся ГС, — Ах да, Кармайкл, вы абсолютно правы.

Чуть слышно Контролер произнес:

— Как жаль, что такое произошло. Этот Уайлдер… до чего был симпатичный молодой человек… подавал большие надежды…

— Сэр, — воскликнул я, — успокойтесь, ведь в наших силах помешать этому, для того мы здесь и пыхтим. Если найдем начало этой истории и чуть его изменим, парень с девушкой, возможно, поженятся и счастливо проживут свою жизнь.

— Вы правы. — Контролер смутился. — Я об этом не подумал…

— Надо копать дальше, — заключил я, — пока не доберемся до Фицджона. Кажется, в нашей головоломке он — ключевая фигура.

Господи, как мы искали! Ребята, скажу вам, мы словно собирали из кусочков пирамидку, которая имеет четыре измерения, и четвертым измерением было время. Мы отыскали сотню университетов, в которых специальные кафедры и отделения занимались исключительно разработкой теорий и математических формул Фицджона. Мы проскочили еще один век в направлении к настоящему и обнаружили уже только пятьдесят таких университетов, и в них учились студенты, чьи ученики возглавили кафедры век спустя.

Мы приблизились к настоящему еще на сто лет

— теория Фицджона изучалась только в десяти университетах. Сторонники и последователи Фицджона с пеной у рта защищали его на страницах научных журналов, вели кровопролитные битвы с его противниками. Мы перепахали груду библиотечных материалов, сфотографировали скоростным методом множество уравнений, которые нам предлагал вращающийся восьмигранник, — вдруг пригодится на будущее? Наконец мы добрались-таки до колледжа, в котором преподавал сам Фицджон, в котором он сделал свое революционное открытое и приобрел первых сторонников. Мы приближались к цели.

Фицджон оказался незаурядным человеком. Его рост, телосложение, цвет лица соответствовали средним величинам, но он обладал редким физическим даром — абсолютным чувством равновесия. Что бы он ни делал: стоял, сидел, двигался — он всегда сохранял королевскую осанку. Видимо, скульпторы именно так представляли себе человеческое совершенство.

Фицджон никогда не улыбался. Лицо его было словно высечено из грубого песчаника. Голос у Фицджона был низкий, небогатый в смысле тембра, но запоминающийся, — он произносил слова необычайно ясно и четко. В общем, Фицджон был

загадочной личностью.

Загадочным его можно было назвать и по другой причине: всю его сорокалетнюю карьеру в колледже мы излазили вдоль и поперек, проследили пути сотен его учеников, многие из которых потом стали его злейшими противниками, — но нам никак не удавалось докопаться до юности или даже молодости Фицджона. Мы знали о нем все с того момента, как он впервые появился на кафедре физики в колледже. Дальше след пропадал. Можно было подумать, что до колледжа Фицджон где-то скрывался.

Ярр метал громы и молнии.

— Это совершенно немыслимо, — кипятился он. — Мы провели всю цепочку, осталось каких-то пятьдесят лет до наших дней, и вдруг такая загвоздка… — Он поднял трубку небольшого настольного телефона и позвонил в хранилище информационных данных, — Каллен? Мне нужно все, что у вас есть о фамилии Фицджон. И побыстрее.

— Можно подумать, — заметал я, — что Фицджон хотел скрыть от людей свое происхождение.

— Хотел или нет, — с обидой в голосе произнес Ярр, — ничего у него не выйдет. Если потребуется, я прослежу всю его жизнь с точностью до

секунды!

— Но на это потребуется уйма времени, верно? — поинтересовался я.

— Верно.

— Может быть, года два?

— Может, и так. Но какая разница? Вы же сами сказали, что у нас в запасе целая тысяча лет.

— Не думал, что вы поймете мои слова буквально, доктор Ярр.

Маленькое пневматическое устройство на столе доктора Ярра заурчало, раздался щелчок. Выскочила кассета. Ярр открыл ее и извлек список цифр. Цифры были устрашающие; оказалось, что только на Земле проживает двести тысяч Фицджонов. Если проверять всех с помощью интеграторов, уйдет не меньше десяти лет. Ярр с отвращением отшвырнул листок и повернулся к нам.

— Что будем делать? — спросил он.

— Похоже, проследить жизнь Фицджона с точностью до секунды нам не удастся, — откликнулся я. — За десять лет мы можем проверить все Фицджонов и без интегратора.

— Вы хотите что-то предложить?

— Когда мы ворошили карьеру Фиджона, — сказал я, — там два раза попалось нечто любопыт-

ное. Да и после его смерти об этом заходила речь.

— Что-то не припоминаю… — начал ГС.

— Я говорю о лекции, сэр, — пояснил я. — Первая большая публичная лекция Фииджона, в которой он дал отпор всем своим критикам. Давайте-ка отыщем ее и пройдемся по ней мелким гребешком. Думаю, что-то важное обязательно выплывет.

— Попробуем.

В поисках нужного куска Ярр взялся за ручки настройки, кристалл снова начал вращаться, по нему побежали мутные изображения. Обрывочно мелькнули разрушенные здания Манхэттена, огромные крабоподобные существа давили несчастных и беспомощных людей, зловеще поблескивала ярко-красная крабья чешуя. Замелькали другие изображения, совсем затуманенные. Вот город из одного огромного ступенчатого здания, оно уходит в небо, словно Вавилонская башня; гигантский пожар захлестнул все атлантическое побережье Америки; а вот какая-то цивилизация странных обнаженных существ, с одного гигантского цветка они перелетают на другой. Все эти изображения были настолько не в фокусе, что у меня заболела голова. А звук просто никуда не годился.

Гротинг наклонился ко мне и прошептал:

— Степень вероятности самая минимальная…

Я кивнул и снова сосредоточился на кристалле — изображение стало ясным и четким. Перед нами простирался амфитеатр. Он был явно смоделирован с греческого, имел форму лошадиной подковы, сверкающие галереи из белого камня спускались к небольшой квадратной белой кафедре. За кафедрой и вокруг верхнего яруса была видна простая колоннада. Здание было незамысловатым и в то же время очень изящным.

— Что же это такое? — удивился Контролер, — Не узнаю.

— Архитекторы скоро сдадут чертежи, — ответил Гротинг, — Строительство планируют закончить через тридцать лет. Хотим воздвигнуть это здание в северной части Центрального парка…

Я с трудом их слышал, потому что комнату наполнил рев многоголосой толпы из амфитеатра. От самого низа до галерки он был заполнен непоседливой молодежью. Парни и девушки перебирались с одной галереи на другую, проталкивались вверх и вниз по широким проходам, вставали на сиденья и размахивали руками. Но главным образом они кричали. Раскатистые

звуки, подобно волнам, перекатывались по амфитеатру, сквозь общий хаос пробивался какой-то слабый ритм.

Из-за колонн появился человек, спокойно поднялся на кафедру и начал раскладывать на маленьком столике бумаги. Это был Фицджон, холодный и неприступный, величавый в своей белой тунике. Стоя рядом со столом, он тщательно разбирал свои записи, не обращая ни малейшего внимания на шум, который с его появлением удвоился. На фоне беспорядочного ора вдруг прорезались бульварные стишки — их четко скандировала какая-то особо буйная группа:

— Неон — криптон — наэлектризованный — Фицджон! Неон — криптон — наэлектризованный — Фицджон!

Покончив с записями, Фицджон выпрямился, чуть оперся пальцами правой руки на крышку стола и посмотрел прямо в грохочущий зал; ни один мускул на его лице не дрогнул. Рев, казалось, достиг апогея. Скандирование продолжалось, на верхних ярусах появились какие-то ряженые и начали пробираться по проходам к кафедре. Эти студенты напялили на себя каркасы из металлических трубок, изображавшие геометрические фигуры. Кубы, шары, ромбы и гессеракты. Ряже-

ные скакали и дико отплясывали.

Со спрятанного за колоннадой барабана два парня начали раскручивать длинный транспарант. На белом шелке было отпечатано бесконечное уравнение:

$$eia = 1 + ia - a2! + a3! - a4!..$$

и так далее, и так снова и снова. Смысла я не уловил, но понял, что это — искаженная ссылка на одно из уравнений Фицджона.

Представление продолжалось, номера, одни странные, другие просто непонятные, следовали друг за другом. Гуттаперчевые акробаты, схватившись руками за лодыжки, покатились по проходам. Откуда ни возьмись появились девицы, одетые в черную сеть, и начали откалывать какие-то балетные коленца. В воздух запустили шары, соединенные друг с другом в некую загадочную конструкцию.

Они совсем обезумели, и это было отвратительно — смотреть, как взбесившиеся студентки и студенты превращали лекцию Фицджона в карнавальное шествие. Эти молодые дикари, наверное, не смогли бы объяснить свое отношение к Фицджону, а точнее, не свое, а своих препо-

давателей. Я смутно вспомнил, что подобное уже случалось в прошлом, — например, тысяча гарвардских студентов устроила такой же прием Оскару Уайльду. А сами-то небось ничего не читали, кроме «Полицейских новостей».

Так вот, гомон, рев и крик продолжались, а Фицджон стоял неподвижно, чуть касаясь пальцами стола, стоял и ждал, когда этот балаган кончится. Я почувствовал, что восхищаюсь его выдержкой. Потом вдруг понял: на моих глазах проходит захватывающая дуэль. Я не мог оторвать глаз от недвижной фигуры, ждал, когда же Фицджон пошевелится, — но он не шевелился.

Что? Ничего особенного, говорите вы? Ну-ка, кто-нибудь, давайте попробуйте. Встаньте около стола и слегка обопритесь пальцами на стол — не твердо, не перекладывая на пальцы вес своего тела, атак, только прикоснитесь. Знаю, вам кажется, что это очень просто. А вы попробуйте. Ни один из вас не простоит в такой позе хотя бы минуту — готов спорить на что угодно. Ну, есть желающие? То-то. Теперь понимаете?

Публика в амфитеатре тоже начала понимать смысл происходящего. Свистопляска вдруг утихла, будто от стыда.

Конечно, какая же радость делать из себя иди-

отов, если зритель и бровью не ведет? Потом студенты начали снова, уже из чувства протеста, но их хватило ненадолго. Утихло скандирование, девчонки перестали плясать, и вот вся многотысячная аудитория замолкла и с чувством неловкости взирала на Фицджона. А он продолжал стоять в той же позе.

И тут студенты неожиданно сдались. На нескольких ярусах сразу раздались аплодисменты. Их немедленно подхватил весь зал, и вот уже неистово рукоплескали тысячи ладоней. Только молодежь способна так быстро оценить настоящий поступок. Казалось, аплодисментам не будет конца. Фицджон, однако, дождался тишины, взял со стола одну из своих карточек и без всякого предисловия, будто ничего не произошло, начал лекцию.

«Леди и джентльмены, меня обвиняют в том, что мою теорию энергодинамики и математики я создал из ничего, и критиканы утверждают: «Из ничего и получится ничего». Позвольте напомнить вам, что человек ничего не создает на пустом месте. Неверно думать, будто он изобретает нечто, не существовавшее ранее. Человек только открывает. И все наши изобретения, лаже самые новые, самые революционные, — это всего

лишь открытия. Явления давно существуют, они просто ждут нас.

Более того, не могу сказать, что мою теорию я открыл в одиночку. Ученый — это не одинокий странник, натыкающийся на золотые россыпи без посторонней помощи. Его путь всегда вымощен теми, кто шел раньше нас, и мы, делающие открытие за открытием, на самом деле лишь вносим свой вклад в имеющуюся копилку знаний.

Чтобы показать, насколько невелик мой собственный вклад и как много я унаследовал из прошлого, могу добавить, что основное уравнение моей теории, по сути дела, принадлежит не мне. Оно было открыто пятьдесят лет тому назад — примерно за десять лет до моего появления на свет.

Представьте себе, вечером 9 февраля 2909 года, в Центральном парке, рядом с этим самым амфитеатром, моему отцу пришла в голову мысль, и он поделился ею с моей матерью. Это и было уравнение

$$i = (d/u)\ b^2 i\ N/a\ (ze - j/a)...$$

вдохновившее меня на создание теории. Так что сами видите, мой вклад в «изобретение» урав-

нений энергодинамики поистине невелик…»

Фицджон взглянул на первую карточку и продолжал:

«Давайте теперь рассмотрим возможные перемещения фактора j/a…»

— Стоп! — заорал я. — Достаточно!

Но не успел я открыть рот, как Контролер и ГС тоже кричали во весь голос. Ярр вырубил кристалл и зажег свет. Мы все вскочили на ноги и возбужденно смотрели друг на друга. Бедняга Ярр прямо-таки вылетел из кресла, оно даже опрокинулось.

Откуда такая паника, спрашиваете? Потому что тот день и был 9 февраля 2909 года, а до вечера оставалось не больше двух часов.

— Мы можем найти этих Фицджонов? — спросил Контролер.

— За два часа? Не говорите глупостей. К тому же вполне вероятно, что сегодня многие из них и не Фицджоны вовсе.

— Это еще почему?

— Потому что они могли изменить фамилию — это сейчас модно. Допустим, кто-то хочет скрыть свое прошлое. Да мало ли причин…

— Все равно мы должны до них добраться, кем бы они ни были!

— Держите себя в руках, — осадил его ГС. — Может, вы предлагаете развести одиннадцать миллионов супружеских пар? Ведь сейчас Стабильность!

— Черт с ней, со Стабильностью! Мы не можем позволить, чтобы этот разговор состоялся… а если он все-таки состоится, нельзя допустить, чтобы у них потом родился сын!

Гротинг по-настоящему рассердился.

— Лучше отправляйтесь домой и как следует почитайте Кредо. Даже если речь идет о спасении Вселенной, я не имею права расторгнуть брак. А уж тем более причинить вред ребенку.

— Так что же делать?

— Сохранять спокойствие. Что-нибудь придумаем.

— Простите, сэр, — вмешался я, — Кажется, у меня есть идея.

— Нашли время для идей, — взревел Контролер, — Нам нужны действия.

— Вот я и предлагаю действовать.

— Говорите, Кармайкл, — разрешил ГС.

— По-моему, самое главное для нас — сделать так, чтобы ни одна супружеская пара не попала сегодня вечером в северную часть Центрального парка. Давайте срочно вызовем специальное по-

лицейское подразделение. Потом прочешем парк и всех оттуда попросим. Устроим что-то вроде карантина — выставим вокруг парка кордон на всю ночь.

— А если наш Фицджон — это один из полицейских? — возразил Контролер.

— Хорошо, давайте возьмем только неженатых. И отдадим категорический приказ — женщин и близко не подпускать.

— Что ж, — с сомнением произнес ГС, — может, и повезет. Мы обязаны предотвратить этот разговор.

— Простите, сэр, — обратился к нему я, — а вы случайно не женаты?

— Моя жена в Вашингтоне, — усмехнулся он. — Я позвоню ей, чтобы никуда не уезжала.

— А что скажет Контролер?

— Жена остается дома, — ответил тот, — Как насчет вас?

— Насчет меня? Я один как перст.

— Вам не позавидуешь, — засмеялся Гротинг, — но на сегодня этот вариант подходит. Что ж, за дело, у нас мало времени.

В пневматической капсуле мы живо перенеслись в административное здание, и как тут все завертелось-закружилось!

Через десять минут три роты были готовы к выполнению задания. Контролер, казалось, был доволен, а я — нет. Я сказал:

— Три роты — это мало. Нам нужно пять.

— Пятьсот человек? Вы с ума сошли!

— Будь моя воля, я бы вызвал пять тысяч! Мы переворошили целое тысячелетие, чуть головы себе не сломали. И теперь, когда истина у нас в руках, я не хочу, чтобы мы угробили наш единственный шанс.

— Вызовите еще две роты, — распорядился ГС.

— Не уверен, что в нашей полиции найдется столько холостяков.

— Тогда пусть будет сколько есть. И чтобы кордон был густым, не то какая-нибудь заблудшая парочка обязательно просочится. Поймите, это же не охота на преступника, который скрывается от полиции. Мы ищем мужчину и женщину, не виноватых ни в чем, и наша задача — не допустить, чтобы они случайно прошли сквозь кордон. Мы пытаемся предотвратить несчастный случай, а не раскрыть преступление.

Всего в полиции набралось четыреста десять холостяков. Этот маленький полк выстроился перед административным зданием, и ГС наплел им насчет какого-то преступника и возможного

преступления еще какую-то белиберду, сейчас уж и не помню. Естественно, насчет «Прога» он не сказал ничего — надеюсь, не нужно объяснять почему?

Что, нужно? Ну так и быть, для отшельника с Луны скажу. Стабильность Стабильностью, но ведь человек всегда был и остается человеком. Прознай народ о «Проге» — и вокруг каждый день собиралась бы миллионная толпа, жаждущая узнать свою судьбу и результаты завтрашних скачек. А самое важное — это вопрос о смерти. Нельзя, чтобы человек знал, когда и как его настигнет смерть. Нельзя, и все тут.

От газетчиков, решили мы, скрываться не стоит — каждый, кто окажется около Центрального парка, поймет, что заваривается какая-то каша. Пока ГС инструктировал полицию, я скользнул в телефонную будку и вызвал всю нашу газетную братию. Когда они появились на разных секторах экрана, я воскликнул:

— Общий привет всей шайке-лейке!

Они все негодующе загалдели, потому что три дня назад я будто в воду канул.

— Все, братцы-кролики, тишина. Слушайте Кармайкла. Ноги в руки, и чтобы через час все были у Северного входа в Центральный парк.

Будет на что посмотреть!

— Это ты за три дня такие новости нагреб? — спросил «Джорнал».

— Точно.

— Не свисти, Кармайкл, — высказался «Пост». — Когда в прошлый раз ты послал нас на север, рухнул южный участок парка Бэттери.

— Нет, сейчас все железно. Никакого подвоха. Чистая сенсация. Четыре сотни полицейских маршируют туда под барабаны. Так что шевелитесь, не то пропустите шикарный спектакль.

«Ньюс» с хитрой ухмылкой посмотрел на меня и сказал:

— Ну гляди, братишка, дай бог, чтобы ты не шутил, — а то я для тебя тоже маленькую сенсацию припас.

— Это, «Ньюси», споешь кому-нибудь другому. Я тороплюсь. — И я отключился.

В феврале, сами понимаете, темнеет быстро. Чернота собирается в небе, словно скомканный плащ. Потом кто-то его отпускает, и он быстро окутывает вас черными складками. Когда мы подъехали к парку, сумеречные складки уже расползались по небу. Полицейские высыпали из гелиостатов, и через полминуты сотни две уже прочесывали парк и выпроваживали посетите-

лей за его пределы. А остальные формировали костяк кордона.

Мы проверяли целый час и наконец убедились: в парке не осталось ни одного человека. Как тут не проверять? Ведь если граждане получают какое-то указание, двадцать из ста почти наверняка его не выполнят: не потому, что они против, а так — из принципа, из любопытства или просто чтобы повалять дурака.

Сигнал о том, что парк пуст, поступил в шесть часов, когда на город уже опускалась темнота. Контролер, ГС и я стояли перед высокими железными воротами. Влево и вправо от нас убегали длинные светящиеся цепочки полицейских фонарей. Яркие точки мерцающим жемчужным ожерельем опоясали всю северную часть парка.

Тишина была томительной, ожидание — невыносимым. Вдруг я сказал:

— Простите, сэр, а насчет репортеров вы капитана предупредили?

— Предупредил, Кармайкл, — ответил ГС, и на этом разговор закончился. Я-то надеялся поговорить немножко, это всегда снимает напряжение.

И снова то же — холодная тишина и ожидание. Звезды над головой были прекрасны — словно кусочки радия, я даже подумал: жаль, что

они не конфеты, так и хочется их съесть. Я попробовал было представить, как они гаснут и постепенно исчезают, но у меня ничего не вышло. Представить себе, как уничтожается что-то прекрасное, — это всегда трудно. Потом я попробовал посчитать полицейские фонари — сколько их во всем парке? Но бросил это занятие, досчитав до двадцати.

Наконец я сказал:

— Сэр, а что, если мы зайдем в парк и прогуляемся немножко?

— Не возражаю, — ответил ГС.

Мы прошли через ворота, но не сделали и трех шагов по территории парка, как услышали сзади окрик и топот бегущих ног. Но это был всего лишь Ярр, а с ним — двое полицейских. Полы его пальто развевались, огромный шарф срывался с шеи — он был похож на привидение. Старикан запыхался и ловил ртом воздух, а ГС тем временем объяснил полицейским, что все в порядке.

— Я… я… — пытался выдохнуть Ярр.

— Не волнуйтесь, Ярр, пока все спокойно.

Ярр сделал мощнейший вдох, задержал на мгновение воздух, потом со свистом его выдохнул. Более или менее нормальным тоном он сказал:

— Хотел попросить вас не отпускать эту парочку, если вы ее задержите. Я бы потом проверил их на Прогнозаторе.

Как можно мягче ГС объяснил:

— Мы не собираемся ловить их, доктор Ярр. Мы не знаем, кто они, и, возможно, никогда не узнаем. Нас сейчас волнует одно — сделать так, чтобы их разговор не состоялся.

В общем, в парк мы уже не пошли, вернулись к воротам, а здесь все то же: холод, тишина, томительное ожидание. Я стиснул ладони, но от холода и волнения показалось, что между ладонями у меня — ледяная вода. Небо быстро прочертила красная полоса — выхлоп ракетных двигателей лунной капсулы, а через десять секунд я услышал грохот — капсула совершила взлет с Губернаторского острова и с жужжанием полетела к Луне. Но капсула давно уже улетела, а жужжание все продолжается, и какое-то оно странное, тонюсенькое…

Я озадаченно посмотрел в небо и увидел, что над парком в центре сада с декоративными скалами лениво кружит гелиостат. Его силуэт четко вырисовывался на фоне звездного неба, я хорошо видел яркие квадраты окошек кабины. Вдруг я понял, что в середине сада есть лужайка и гелио-

стат вполне может на нее сесть. А там, глядишь, из него выпорхнет парочка, чтобы размять ноги и прогуляться по травке.

Я постарался не паниковать и просто сказал:

— По-моему, надо пойти туда и выгнать этот гелиостат из сада.

Мы прошли в ворота и быстро зашагали в сторону сада, вместе с нами — двое полицейских. Шагов десять я прошел спокойно, потом не выдержал. Ноги сами понесли меня вперед, за мной побежали все остальные — Контролер, ГС, Ярр и полицейские. Мы пронеслись по усыпанной гравием аллейке, обогнули неработавший фонтан и взбежали через три ступеньки по лестнице.

Когда я подбежал к краю лужайки, гелиостат приземлялся.

— Улетайте! Улетайте отсюда! — завопил я и кинулся к гелиостату по подмерзшему газону.

Шаги мои громыхали в тишине, впрочем, сердце под ребрами громыхало с не меньшей силой. Наверное, вшестером мы производили шума больше, чем стадо буйволов. Мне оставалось до гелиостата еще метров пятьдесят, но оттуда уже начали появляться темные фигуры.

Я заорал:

— Вы что, оглохли? Улетайте живо из парка!

И тут слышу голос «Поста»;

— Это ты, Кармайкл? В чем дело?

Естественно, это были братья-газетчики. Я тут же остановился, а вместе со мной — и остальные. Я сказал ГС:

— Извините, сэр, ложная тревога. Что будем делать с газетчиками — прогоним или пусть остаются? Они думают, что здесь отлавливают преступника.

Гротинг чуть запыхался.

— Пусть остаются, Кармайкл, — ответил он, — они помогут нам найти доктора Ярра. Похоже, он заблудился где-то в зарослях.

— Хорошо, сэр, — согласился я и пошел к гелиостату.

Дверь кабины была открыта, и оттуда в темноту струился теплый янтарный свет. Все парни уже выбрались наружу и теперь толклись около гелиостата и вели обычный газетный треп. Когда я подошел, «Пост» заявил:

— Мы привезли твою оппозицию, Кармайкл, — Хоган из «Триба».

— Как насчет матча по борьбе, а? — спросил «Ньюс», — Момент вполне подходящий. Ты сейчас в форме, Кармайкл?

В голосе его слышалась издевательская на-

смешка, и я подумал про себя: «Ого, наверное, этот Хоган — верзила под сто кило и мигом впечатает меня в газон; нуда ладно, пусть дорогой коллега из «Ньюса» порадуется».

Тут они выпихнули этого Хогана вперед. Смотрю, никакой он не верзила. Но я не стал об этом думать, а решил: сейчас не время для церемоний, надо все кончить побыстрее. Я прыгнул вперед в темноте, схватил этого Хогана поперек груди и кинул его на землю.

— Вот и порядок, оппозиция, — бодро заявил я. — Будем считать…

Тут вдруг я понял, что этот Хоган — какой-то мягкий. Крепкий, жесткий — но мягкий, понимаете? Девушка! Я в смущении посмотрел на нее сверху вниз, она на меня с негодованием — снизу вверх, а вся наша толпа зашлась от хохота.

Тогда я сказал:

— И дубина же я…

И тут, друзья мои, я попал в эпицентр всех мировых катаклизмов, катастроф, извергающихся вулканов и бешеных ураганов. Начал кричать ГС, за ним — Контролер, а через секунду — и полицейские. Они накинулись на меня и устроили на мне настоящую кучу-малу. Откуда ни возьмись объявился Ярр, завопил на Гротинга, тот что-то

проорал в ответ, и Ярр, стиснув маленькие кулачки, принялся махать ими около моей головы. Потом, на глазах у изумленных репортеров и этой девушки, Хейли Хоган, меня вернули в вертикальное положение и увели. Не могу вам точно сказать, что было дальше — споры, обсуждения, неизбежные шум и ярость, — потому что почти все это время я просидел под замком. Скажу одно — им оказался я. Да, я. Человеком, которого мы пытались остановить, оказался я. Сумасшедший ученый X, безжалостный диктатор Y, планета пришельцев Z — все эти гадости сплелись воедино во мне. Человеком, остановить которого хотела вся Земля, оказался я.

Почему, спрашиваете? А вот почему: напишите чуть-чуть по-другому «и дубина же я» — и получите уравнение Фицджона:

Уж не знаю, как мой сын догадается, что это — математическая формула. Наверное, это будет еще один случай, когда легенда с годами обрастает все новыми подробностями и в конце концов ее и не узнать. Так бывает — ребенок что-нибудь гугукнет в колыбельке, а послушать его отца, он изрек что-то гениальное, вроде преамбулы к Кредо.

Что? Нет, я не женат — пока не женат. Поэтому

меня и засунули сюда, на этот богом забытый астероид, редактировать двухстраничный еженедельник. Старик Гротинг знаете как это называет? Повышение в целях безопасности. Конечно, это неплохая работа, лучше, чем бегать репортером. ГС сказал, что расторгать брак они бы не стали, но, коли мы не женаты… в общем, будут держать нас подальше друг от друга, пока не выжмут из Прогнозатора что-нибудь путное.

Нет, с тех пор, как я кинул ее на газон, мы больше не встречались. А хочется, и даже очень. Я видел ее только мельком, но она напомнила мне Барбару Лидс, ту, из будущего, через шестьсот лет после нас. Тот же тип красоты: гладкие волосы и ясное, свежее лицо, словно умытое самой природой…

Я все время думаю о ней. Думаю, что не так уж и сложно рвануть отсюда на Землю — на какой-нибудь грузовой ракете, — а там, глядишь, сменю фамилию, устроюсь на другую работу. К черту Гротинга, к черту Стабильность. Я хочу ее видеть — и как можно скорее.

И все время думаю о новой встрече.

АД— ЭТО НАВЕЧНО

© Перевод М. Пчелинцева

Вокруг и вокруг потухшего сквера
Мы с чертом гуляли рука в руке.
Ни звука, лишь скрежет его копыт
Да хохот его и мой.
И вино мы черное пили.

«Учитель, бежим, я тебя обгоню!» —
Я крикнул. «Бежим! — он ответил. —
Посмотрим, кто прытче, ведь нечего нам
Бояться сегодня ночью
При свете подлой луны!»

Я взглянул на него и зашелся смехом
Над жалкой ложью его.
И напрасно скрывал он страх,
что был виден в его глазах,
И не зря говорили за разам раз,
Что он стар, непомерно стар.

Енох Соамес[2]*. Из поэмы «Фунгоиды»*

I

Их было шестеро, и они перепробовали все.

Они начали с алкоголя и пили, пока у них вконец не притупилось ощущение вкуса, Вина — амонтильядо, бьен, киршвассер, бордо, рейнвейн, бургундское, медок и шамбертен; виски — скотч, ирландский и аскебо; а также шнапс, коньяк, джин и ром. Они пили их раздельно и вперемешку, они смешивали напитки и ароматические добавки в умопомрачительные коктейли, в тысячи вкусовых симфоний. Они экспериментировали, придумывали, создавали и уничтожали созданное, и в конце концов им это наскучило.

Затем последовали наркотики, сперва помягче, а затем и серьезные. Темно-коричневый, похожий на лакрицу опиум, который сперва опаляли огнем, а потом катали из него шарики, чтобы курить их из длинных, слоновой кости трубок; густой зеленый абсент, крепкий и очень горький, который пили маленькими глоточками без саха-

---

[2] Примечания: 2

Енох Соамес — персонаж из рассказа английского пародиста и карикатуриста Макса Бирбома (1872–1956), поэт-модернист, продавший душу дьяволу за возможность перенестись на сто лет вперед и посмотреть, что напишут о нем потомки. (Прим. перев.)

ра и не разбавляя водой; скрипучие белоснежные кристаллы кокаина и героина, самокрутки из марихуаны, молочно-белый творожистый гашиш, который глотали, почти не разжевывая, и гашиш «бант», смолистые комки которого долго жевались, после чего губы окрашивались в густой коричневый цвет.

Потом им и это прискучило. Погоня за новыми ощущениями становилась лихорадочной, тем более что все их чувства давно притупились. Они расширили свои сборища и превратили их в фестивали ужаса. В просторную, с низким потолком комнату приводили экзотических танцоров и танцовщиц, а также неких загадочных, мало схожих с людьми существ, и все они давали там свои невероятные спектакли. Боль и страх, любовь, желание и ненависть расчленялись, препарировались и выставлялись напоказ, как трепещущие внутренности подопытного животного.

Густой, навязчивый аромат духов мешался с острой вонью возбужденных, вспотевших тел, страдальческие вопли терзаемых существ лишь ненадолго прерывали бойкую, безостановочную болтовню зрителей, но со временем все это тоже безнадежно приелось.

Они вернулись к первоначальному составу

своих сборищ и снова каждую неделю скучали вшестером, ничуть не утолив голод по новым ощущениям. Теперь лениво и без всякого энтузиазма они играли с оккультизмом, превратив комнату для собраний в некое подобие прибежища некроманта.

С первого взгляда вы ни за что бы не догадались, что это бомбоубежище. Стены большого квадратного помещения облицованы звукопоглощающим материалом, имитировавшим мрамор. Низкий потолок перекрещивают массивные деревянные балки, единственная дверь располагается справа и запирается на огромный чугунный засов. Окон, как таковых, нет, но отверстия системы кондиционирования воздуха сделаны под стрельчатые окошки средневекового монастыря. Леди Саттон закрыла верхние их части витражами и поместила за ними маленькие электрические лампочки. Они бросали в комнату снопы зловещего, сумеречного света.

Старинный ореховый паркет был до блеска отполирован и блестел как металлический; впрочем, его сплошь покрывали два десятка ярких восточных ковриков. К дальней стене примыкал исполинский, на всю ширину бомбоубежища, диван, обитый индийским батиком. Над диваном

тянулись ряды книжных полок, а перед ним стоял длинный стол на козлах, заваленный остатками пиршества. На свободной части бомбоубежища в беспорядке стояли глубокие мягкие, так и заманивающие присесть кресла, обтянутые золотой парчой.

Столетия назад это помещение, расположенное на глубине в несколько сотен футов, было мрачнейшим из застенков Саттоновского замка. Теперь же, просушенное, снабженное системами отопления, подачи воздуха и наново отделанное, оно стало подмостками экстравагантных спектаклей, которыми были, по сути, все вечеринки у леди Саттон. Более того, это было официальное место сбора Общества шестерых. Шесть декадентов — такое название дали они себе.

— Мы последние духовные наследники Нерона, последнего из восхитительных аристократов зла, — раз за разом повторяла леди Саттон. — Мы, друзья мои, на много веков опоздали родиться. В мире, который нам более не принадлежит, жить нам не для чего, кроме собственных капризов. Мы вшестером представляем собой отдельную человеческую породу.

И когда невиданные доселе бомбежки сотрясали Англию с такой силой, что содрогались даже

стены этого убежища, леди Саттон лишь бросала взгляды на потолок и разражалась хохотом.

— Пусть они, эти свиньи, поскорей перебьют друг друга. Мы всегда идем своим путем, вы согласны? Подумайте, друзья, до чего же будет весело выйти однажды солнечным утром из убежища и обнаружить, что Лондон мертв и весь мир погиб.

И вновь она разражалась хриплым, похожим на собачий лай хохотом.

Хохотала она и сейчас, огромной, перевернутой на спину жабой колыхалось ее чудовищно жирное тело, раскинувшееся на половину дивана. Она хохотала, разглядывая программу, которую ей только что вручил Дигби Финчли. Программа была работой самого Финчли — изящная гравюра с дьяволами и ангелами в пылу гротескной любовной битвы. Все это окружали каббалистического стиля буквы, складывающиеся в надпись:

ПРИСУТСТВУЮТ ШЕСТЕРО АСТАРОТ
ПО СУТИ СВОЕЙ ЛЕДИ
Сочинение Христиана Бро
Участвуют
(в порядке появления на сцене)
Некромант Христиан Бро
Черный кот Мерлин

(по любезности леди Саттон)
Астарот Фиона Дюбеда
Небирос, вспомогательный демон
Костюмы Дигби Финчли
Специальные эффекты Роберт Пил
Музыка Сидра Пил

— Думаю, небольшая комедия внесет определенное разнообразие, не правда ли? — сказал Финчли.

Леди Саттон зашлась неудержимым хохотом.

— «Астарот по сути своей леди»! Крис, а ты уверен, что это твое сочинение?

Ответа не последовало. С маленькой сцены, воздвигнутой в дальнем конце помещения, из-за задернутого занавеса доносились звуки торопливой суеты.

— Эй, Крис! — крикнула леди Саттон своим надтреснутым басом. — Эй, там…

В занавесе открылась шелка, и в нее просунулась белесая голова альбиноса. Лицо Христиана Бро было отчасти загримировано — рыжие брови, борода, темно-синие тени у глаз.

— Да, леди Саттон? — спросил Христиан.

Взглянув на его лицо, леди Саттон опять повалилась на диван и задрожала от хохота, словно гора полужидкого студня. Губы Финчли изогну-

лись в осторожной кошачьей улыбке. Голова Христиана Бро едва заметно качнулась.

— Я спросила, Крис, ты и вправду сам написал эту штуку или снова нанял какого-нибудь негра?

Лицо Бро приняло возмущенное выражение и вновь исчезло за занавесом.

— Клянусь своей шляпкой! — задыхаясь, пробулькала леди Саттон. — Это лучше, чем целый галлон шампанского. К слову сказать, кто там поближе к шипучке? Боб, налей-ка мне еще. Эй, Боб! Да ты слышишь меня или нет?

Мужчина, обвисший в кресле рядом со столиком, уставленным ведерками со льдом, даже не пошевелился. Он лежал, привалившись к креслу затылком и выставив вперед широко раскинутые ноги. Его рубашка сбилась до бородатого подбородка. Финчли пересек комнату, посмотрел на Роберта Пила и констатировал:

— Отключился.

— Так быстро? Впрочем, какая разница. Подкинь-ка мне, Диг, стакашку, будь ласка.

Финчли наполнил резной хрустальный бокал и доставил его леди Саттон. Она вынула из сумочки каменный, с камеей на лицевой стороне флакончик, добавила в шампанское три капли

лауданума[3], крутнула искрящийся напиток и стала его не спеша прихлебывать, читая параллельно программу.

— Небирос… это ты, что ли, Диг?

Финчли молча кивнул.

— А что такое этот некромант?

— Ну, это вроде как маг. Разновидность мага.

— Мага? О, это хорошо, это очень хорошо!

Она пролила шампанское на свою огромную, с массой родинок грудь и принялась не слишком успешно смахивать пролитое программкой.

— Леди Саттон, — встревожился Финчли и придержал ее руку. — Вы бы поосторожнее с этой программкой, я сделал всего один оттиск и уничтожил доску. Она уникальна и должна представлять немалую ценность.

— Для коллекционеров? И это, конечно, тоже твоя работа?

— Да.

— Не слишком большой отход от всегдашней порнографии?

Леди Саттон опять разразилась хохотом, кото-

---

[3] Примечания: 3

Лауданум — экстракт опия, применявшийся как болеутоляющее и успокаивающее средство, а иногда как наркотик. Был довольно дорог. К слову сказать, знаменитое высказывание Карла Маркса звучит в действительности так: «Религия это лауданум для народа». *(Прим. перев.)*

рый постепенно перешел в приступ сухого кашля. Бокал вывалился у нее из пальцев. Финчли побагровел, затем подобрал бокал и отнес в буфет, осторожно переступая через раскинутые ноги Пила.

— А кто такой этот Астарот? — продолжала допрос леди Саттон.

— Я! — крикнула из-за занавеса Фиона Дюбеда. — Ихь! Муа! — Ее сипловатый голос чем-то напоминал серый дым.

— Я знаю, дорогуша, что это ты, но только кто ты такая?

— Дьявол какой-то, я думаю. Дьяволица.

— Астарот, иначе говоря, Астарта занимает в иерархии демонов одну из высочайших позиций, — пояснил Финчли. — Так сказать, весьма серьезная дьяволица.

— Фиона — дьяволица? Я в этом никогда не сомневалась.

Леди Саттон окончательно выдохлась от внезапного приступа веселья и лежача теперь на расписном диване притихшая и даже задумчивая. Через какое-то время она подняла колодообразную руку и взглянула на часы. Жирная плоть складками свисала с ее локтей, с рукава поднятой руки дождем посыпались оторвавшиеся блестки.

— Ты бы, Диг, поскорее все это проворачивал. В полночь я должна уйти.

— Уйти?

— Ты слышал, что я сказала.

Ладо Финчли перекосилось. Весь напряженный от еле сдерживаемого гнева он наклонился над леди Саттон и ощупал ее тусклыми, бесцветными глазами.

— В чем дело? Что такое случилось?

— Ничего.

— А тогда…

— Просто кое-что изменилось, вот и все.

— Что изменилось?

Леди Саттон ответила взглядом на взгляд, и лицо ее стало жестким, словно жир превратился в обсидиан.

— Слишком рано тебе рассказывать, но скоро ты все узнаешь. А пока, Диг, перестань донимать меня своими вопросами!

Было видно, что Финчли с трудом сохраняет над собой хоть какой-то контроль. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но в тот же самый момент из ниши рядом со сценой, где был установлен орган, вдруг высунулась голова Сидры Пил.

— Ро-берт!

— Боб снова отключился, — выдавил Финчли полузадушенным голосом.

Сидра Пил выбралась из ниши, дергающейся походкой подошла к своему мужу и всмотрелась в его лицо. Хрупкая и невысокая, она была жгучей брюнеткой; ее тело напоминало высоковольтный провод, блестящий, но подыспятнанный следами бурных, неизбывных страстей. Ее черные, глубоко посаженные глаза были как заледеневшие угли с яркими, сверкающими искрами посередине. Она глядела на мужа, нервно шевеля напряженными пальцами, затем рука ее вдруг поднялась и наградила безвольно обмякшее лицо звонкой пощечиной.

— Свинья! — прошипела Сидра.

Леди Саттон рассмеялась и тут же закашлялась. Сидра Пил ответила ненавидящим взглядом и шагнула в сторону дивана, стук каблучка по паркету был похож на пистолетный выстрел. Финчли попридержал ее торопливым взмахом руки. Сидра остановилась, чуть-чуть помедлила, вернулась в свою нишу и сказала оттуда:

— Музыка готова.

— И я тоже, — откликнулась леди Саттон. — Пора бы и начинатъ. — Она вновь раскинулась на диване, а Финчли подсунул ей под голову пару

ярко-алых подушек — Диг, очень мило с твоей стороны поставить для меня эту маленькую комедию. Жаль, что нас сегодня лишь шестеро, хорошо бы побольше зрителей.

— Нам, леди Саттон, не нужно никаких зрителей, кроме вас.

— Сохранить это все для семейного круга?

— Фигурально говоря.

— Шестеро — счастливое семейство взаимной ненависти.

— Вы же знаете, леди Саттон, что это совсем не так.

— Не притворяйся, Диг, совсем уж полным ослом. Все мы отвратительны и себе, и другим и буквально купаемся в этом отвращении. Мне ли не знать, ведь я — счетовод отвращения. Когда-нибудь я ознакомлю вас с записями. Не просто когда-нибудь, а очень скоро.

— Какие записи?

— Любопытно стало? Да ничего особенного. Как Сидра пыталась угробить своего муженька, а Боб издевался над ней тем, что остался жив. И ты, забивающий огромные деньги на похабных картинках, а тем временем сходящий с извращенного своего ума по этой фригидной дьяволице Фионе…

— Ну, пожалуйста, леди Саттон!

— И сама Фиона, — продолжила она с нескрываемым удовольствием, — которая использует свое ледяное тело в качестве орудия пыток… и Крис… Сколько, ты думаешь, его книг накатали для него эти несчастные литературные негры?

— Да откуда мне знать?

— А я вот знаю. Все до единой. Целое состояние на чужих мозгах. О, мы истинно прекрасная отвратительная шайка. И это, Диг, единственное, чем мы можем гордиться, — единственное, что выделяет нас из миллиарда бестолковых морализирующих идиотов, унаследовавших нашу землю. И мы обязаны так и жить счастливым семейством взаимной ненависти.

— Я бы назвал это взаимным восхищением, — пробормотал Финчли, а затем галантно поклонился и направился к сцене.

В строгом вечернем костюме он еще более, чем обычно, напоминал огородное пугало — очень высокий, два метра без малого, и поразительно худой, длинные тонкие руки и ноги болтаются как на шарнирах, плоское унылое лицо словно нарисовано на серой неопрятной подушке.

Финчли поднялся на сцену и задернул за собою занавес, его голос прошептал команду, и верхний

свет частично померк. Полную тишину, повисшую в низкой просторной комнате, нарушало только тяжелое, с хрипом и присвистом дыхание леди Саттон. Пил, так и сидевший, обвиснув, в своем кресле, не шевелился и стал совсем незаметен.

Из какой-то бесконечной дали накатилась легкая дрожь. Сперва она казалась жутковатым напоминанием об аде, бушующем в Англии, в сотнях футах над их головами. Затем эта дрожь постепенно окрепла и превратилась в самый нижний регистр органа, а на этом пульсирующем фоне раскатилось хроматическими интервалами жутковатое, до мурашек по коже тремоло пустых, никчемных четвертушек, пробегавших по клавиатуре с самого верха до самого низа. Леди Саттон негромко хохотнула.

— Ей-же-ей, — сказала она, — это и вправду кошмарно. Омерзительно. Могу тебя, Сидра, поздравить.

Мрачная музыка заглушила ее голос, наполнила бомбоубежище леденящими волокнами звука, которые были больше чем звук. Занавес медленно раздвинулся. На сцене стоял Христиан Бро, одетый сплошь в черное; его лицо, превращенное гримом в жуткую, красную с фиолетовым маску,

резко контрастировало с белесыми, почти седыми волосами. С трех сторон его окружали столики на тоненьких ножках, заваленные непонятными колдовскими приспособлениями. Второй после некроманта по важности фигурой был Мерлин, черный кот леди Саттон, царственно разлегшийся на огромном кожаном с железными уголками томе.

Бро взял со столика кусок черного мела и обвел себя по полу окружностью с поперечником футов в двенадцать. Окружность он сплошь расписал каббалистическими символами, пентаграммами и прочими таинственными знаками. Затем он взял со столика просфору и продемонстрировал ее своей немногочисленной публике.

— Это, — возгласил Бро глухим замогильным голосом, — освященная просфора, украденная из церкви ровно в полночь.

Леди Саттон саркастически зааплодировала, но тут же опустила руки; было похоже, что музыка действует ей на нервы. Она зябко поерзала, бросая по сторонам неуверенные взгляды.

Торопливо пробормотывая святотатственные проклятия, Бро вознес стальной кинжал и с размаху пронзил им просфору. Затем он пристроил над зажженной спиртовой горелкой латунную

жаровню и начал сыпать в нее какие-то разноцветные порошки. Взяв со стола пузырек с кроваво-красной жидкостью, он вылил все его содержимое в глубокую фарфоровую миску. Раздался негромкий хлопок, и к потолку взметнулось плотное облачко пара.

Орган звучал все громче и громче. Бро еле слышно бормотал таинственные заклинания и время от времени делал какие-то странные жесты. Убежище наполнилось густыми ароматами, дымом и фиолетовыми облаками.

— Отлично, Боб, — сказала леди Саттон, взглянув на стоящее неподалеку кресло. — Восхитительные эффекты, я ничуть не шучу.

Она старалась говорить бодро и весело, но получился какой-то жалкий хрип. Пил так и не шевелился.

Резким, неожиданным движением Бро вырвал из кошачьего хвоста три волоска. Мерлин возмущенно взвыл и перепрыгнул с книги на инкрустированный шкафчик, стоявший в глубине сцены; его огромные желтые глаза сверкали сквозь клубящийся дым яростно и злобно.

— Пора! — возгласил Бро.

Он бросил кинжал вместе с пронзенной просфорой в фарфоровую миску с красной жидкостью,

а затем выплеснул все это в раскаленную жаровню.

Раздался оглушительный взрыв. Взметнувшееся облако черного дыма наполнило сцену и расползлось по всему убежищу. Постепенно оно стало рассеиваться, обнаруживая высокую обнаженную женскую фигуру изумительного телосложения, но с жуткой головой дьяволицы. Бро куда-то исчез.

— Приветствую тебя, леди Саттон, — сказала дьяволица сипловатым голосом Фионы Дюбеда и шагнула из дыма, растекавшегося по сцене.

В пульсирующем свете софитов ее тело словно сияло своим собственным перламутровым светом. И грудь, и живот имели нормальный, естественный цвет, и в то же время, по не совсем понятной причине, это идеальное тело было холодным и безжизненным — таким же противоестественным, как гротескная маска, прятавшая ее лицо.

— Приветствую тебя… — вторично произнесла Фиона.

— Привет, старуха, — оборвала ее леди Саттон. — Ну, как там делишки в аду?

Из ниши, где сидела за органом Сидра Пил, донеслось негромкое хихиканье. Фиона приняла

картинную позу, вскинула голову еще выше и заговорила снова:

— Я принесла тебе…

— Дорогуша, — взвизгнула леди Саттон, — почему ты не сказала мне заранее, как все это будет? Я бы продавала билеты.

Фиона царственно вскинула руку и попыталась начать еще раз.

— Я принесла тебе благодарность тех пятерых, которые…

Она резко умолкла.

Секунд на пять повисла звенящая тишина, нарушаемая еле слышным бормотанием органа и лихорадочным дыханием Фионы, звучавшим все чаще и чаще, все громче и громче и в конце концов перешедшим в жуткий пронзительный крик.

Из-за кулис выбежали в зал Бро, уже успевший разгримироваться, с костюмом некроманта, перекинутым через руку, и Финчли со сценарием в руке, похожий в своем вечернем костюме на черные, каким-то чудом оживленные ножницы. Орган начал запинаться, затем умолк на громком, режущем ухо аккорде, и Сидра Пил выбежала из своей ниши. Фиона попыталась что-то сказать, но голос ее сорвался и смолк.

— В чем дело? — крикнула с дивана леди Саттон. — Что-нибудь не так?

Фиона сдавленно застонала и указала трясущейся рукой на середину сцены.

— Смотрите… Там…

Ее голос звучал на самых верхних нотах и был похож на скрип гвоздя по стеклу. Она медленно, неуверенно пятилась и в конце концов сшибла спиною столик с каким-то загадочным устройством; раздался звон.

— Да в чем же дело, в конце концов? Объясните мне, ради всего…

— Он подействовал, — простонала Фиона. — Этот р-ритуал, он подействовал!

Теперь все смотрели на сцену, где посреди обведенного некромантом круга медленно поднималось огромное *нечто* — смутная расплывчатая фигура, издававшая глухое шипение, похожее на звук закипающего котла.

— Что это? — крикнула, отпрянув к стене, леди Саттон.

Нечто плавно, как гигантская амеба, подалось вперед, но тут же, дойдя до черной окружности, остановилось. Шипение зазвучало громче, теперь в нем чувствовалась угроза.

— Это что же, один из нас? — Голос леди Саттон

дрожал и срывался. — Что за глупые фокусы! Финчли… Бро…

Онемевшие от ужаса, они отвечали ей лишь короткими взглядами.

— Сидра… Роберт… Фиона… Нет, все вы здесь. Так кто же тогда это? Как он сюда попал?

— Это невозможно, — прошептал Бро, медленно отступая назад. Его ноги наткнулись на край дивана, и он неуклюже повалился на спину.

— Да сделайте хоть что-нибудь! — взвизгнула леди Саттон и стала лупить его вялыми, бессильными кулаками, — Сделайте же хоть что-нибудь!

Финчли явно пытался сохранить хоть какие-то остатки здравого смысла.

— М-мы можем ничего не бояться, пока этот круг не нарушен. Оно не сможет выбраться на…

Тем временем на сцене Фиона истерически всхлипывала и судорожно дергала руками, словно что-то от себя отталкивая. А потом она вдруг осела на пол, и ее правая рука, все так же продолжая дергаться, стерла кусок черного круга. Нечто мгновенно отреагировало, просочилось через стертый участок и плавно, словно темная вязкая жидкость, стекло со сцены.

Финчли и Сидра Пил закричали от ужаса и отдернулись в сторону. Казалось, что сам воздух в

убежище угрожающе сгущается. Нечто с неотвратимой медлительностью подплывало к дивану, раздвигая своей бесформенной головой мелкие клочья дыма.

— Вы тут все шутите! — крикнула леди Саттон отчаянным голосом, — Это ненастоящее. Этого просто не может быть!

Она подползла к краю дивана, неуверенно встала на ноги и с побелевшим от страха лицом пересчитала присутствующих еще раз. Один, два и еще четыре, получалось шесть, а кошмарная фигура была седьмой. Но должно было быть ровно шесть.

Она попятилась и побежала к двери. Нечто двинулось следом. Леди Саттон рванула ручку, совсем позабыв, что сама же и запирала старинный чугунный замок. С поразительной для своей огромной туши быстротой она пробежала по краю убежища, натыкаясь по дороге на столы и кресла и слыша за спиной, как отвратительно, с присвистом шипит кошмарное Нечто, схватила свою сумку, рывком открыла и трясущимися руками стала нащупывать ключ.

Шипение, звучавшее откуда-то из глубин черного силуэта, превратилось в низкий утробный вой. Леди Саттон вздрогнула, оглянулась и стала

негромко, по-собачьи повизгивать. В тот момент, когда Нечто было готово поглотить ее в свои неведомые черные глубины, она громко, отчаянно вскрикнула и тяжело осела на пол.

Тишина.

Под потолком плыли последние клочья дыма.

Викторианские фарфоровые часы негромко пробили затейливую каденцию.

— Ну что ж, — сказал Финчли абсолютно будничным голосом, — теперь нам можно и расслабиться.

Он подошел к леди Саттон, недвижно лежавшей на полу, проверил пульс, послушал дыхание, и на какое-то мгновение в его глазах мелькнула дикая злоба. Затем Финчли вскинул глаза и широко улыбнулся.

— Мертвая как колода. В точности как и должно было быть. Сердечный приступ. Слишком уж она была толстая.

Он так и остался стоять на коленях, буквально впивая смерть леди Саттон; остальные сгрудились вокруг жабообразного тела, глядя на расширенные ноздри запрокинутой головы. Это длилось какую-то долю секунды, а потом на их лицах вновь появилось выражение бесконечной скуки.

Черное Нечто несколько раз взмахнуло руками, а затем его костюм расползся по швам, обнаружив сложный каркас и вспотевшее бород атое лицо Роберта Пила. Он уронил костюм с плеч на пол, вышагнул из него и подошел к неподвижной фигуре, обмякшей в кресле.

— Идея с куклой была просто блеск. — Глаза Пила на мгновение сверкнули, сейчас он очень напоминал садистическую миниатюру с изображением Эдуарда VII. — Она бы ни за что не поверила, не организуй мы появление на сцене седьмого неизвестного. Эта пощечина, Сидра, — он бросил взгляд на свою жену, — была гениальным штрихом. Потрясающий реализм…

— Я била от всей души.

— Да знаю я, знаю, любовь моя, но все равно спасибо.

Тем временем Фиона Дюбеда успела подняться и накинуть купальный халат. Она спустилась со сцены и подошла к трупу, снимая на ходу жуткую дьявольскую маску. Лицо Фионы, словно вырезанное из слоновой кости, было очаровательным и холодным. Ее светлые, чуть золотистые волосы буквально сияли во мраке.

— Твоя игра, Фиона, была просто великолепна, — сказал Бро и в знак признательности

склонил свою белую голову.

Фиона ответила не сразу. Она стояла, взирая на бесформенную груду мертвой плоти, и на лице ее не было ничего, кроме безразличного любопытства, с каким случайный пешеход смотрит на фигуру индейца с трубкой в витрине табачной лавки. Да нет, куда там, ее любопытство было не в пример меньше.

— Так получается, оно того совсем не стоило, — вздохнула Фиона.

— Что? — не понял Бро, искавший по карманам сигареты.

— Да все это наше представление. Мы, Крис, снова остались ни с чем.

Бро чиркнул спичкой, оранжевая вспышка на мгновение осветила разочарованные, почти сливающиеся друг с другом лица. Он закурил сигарету, поднял догорающее пламя повыше и посмотрел на своих соучастников. Неверный колеблющийся свет превратил их лица в карикатуры, подчеркнув все то же выражение бесконечной скуки.

— Мне бы каза… — начал Бро.

— Да что там говорить, Крис. Все это убийство с треском провалилось. В нем не больше вкуса, чем в стакане водопроводной воды.

— Я ощутил нечто вроде прихода, — заговорил Финчли, — когда подумал, что она подозревает.

Он ссутулился и расхаживал из стороны в сторону, как чучело на ходулях.

— И за то скажи спасибо.

— Вот я и говорю.

Пил разочарованно прищелкнул языком, затем встал на колени, сверкая лысиной, и начал рыться в содержимом растерзанной сумки леди Саттон. Попавшиеся под руку банкноты он аккуратно сложил и спрятал в карман. Взяв за запястье вялую мертвую руку он показал ее Фионе.

— Ты всегда восхищалась ее сапфиром. Хочешь? Бери.

— Я не смогу его снять, да и ты, Боб, тоже не сможешь.

— Смогу, еще как смогу.

Пил ухватился за кольцо и начал ожесточенно крутить и дергать.

— Да черт с ним, с этим сапфиром.

— Подожди, оно уже слезает.

Кольцо доползло до косточки пальца и там окончательно застряло. Пил ухватился покрепче и принялся тянуть и крутить с удвоенным ожесточением. Послышался треск, затем негромкий хлопок, и от руки отделилась половина пальца.

По ноздрям ударил тяжелый гнилостный запах, и все с любопытством переглянулись. Пил пожал плечами, уронил палец на пол и встал, отряхивая руки.

— Что-то слишком уж быстро она гниет, — вяло удивился он. — Странно…

— Наверное, потому, что такая толстая, — ответил Бро, брезгливо наморщив нос.

— Ну и что же нам делать? — в отчаянии воскликнула Фиона и отвернулась от трупа.

— Что? Разве не осталось ощущений, которые мы не успели еще попробовать?

Сухо пожужжав, часы начали бить раз за разом. Полночь.

— Придется вернуться к наркотикам, — уныло вздохнул Финчли. — Хотя все они такая же тщета, как и это дурацкое убийство.

— Но есть и другие ощущения. Новые.

— Назови мне хотя бы одно! — воскликнула Фиона все тем же отчаянным голосом. — Одно-единственное.

— Я могу назвать не одно, а несколько — если все вы спокойно сядете и позволите мне…

— Это ведь ты говорил, Диг? — перебила его Фиона, — Ты?

— Н-нет, — откликнулся Финчли каким-то

изменившимся голосом. — Я думал, Крис, что это ты.

— Нет, не я.

— Ты, Боб?

— Нет.

— Т-тогда…

— Если леди и джентльмены…

Голос явно шел со сцены. Там находилось Нечто — Нечто, говорившее тихим спокойным голосом, да вот и Мерлин начал расхаживать туда-сюда, высоко выгибая спину, словно терся о невидимую ногу.

— …соблаговолят спокойно сесть и послушать, я все очень быстро объясню, — продолжил голос, звучавший почти гипнотически.

Смелее всех оказался Бро. Не выпуская сигареты из туб, он медленным уверенным шагом направился к сцене и внимательно ее оглядел. Затем выпустил из ноздрей две струи дыма и сказал ободряющим голосом:

— Да нет там ничего.

И тут голубоватый табачный дымок обрисовал в пустоте некую фигуру. Фигура была видна какое-то мгновение, но и этого было достаточно, чтобы Бро отчаянно закричал и отпрыгнул назад. Испугались и все остальные, испугались и попя-

тились к креслам.

— Извините, — сказал спокойный голос. — Этого больше не случится.

— Исключительно из интересов… — начал Пил, стараясь взять себя в руки.

— Да?

— Исключительно из интересов научного любопытства… Пил пытался, но не мог унять тик на левой щеке.

— Успокойтесь, мой друг.

— Этот ритуал… Он что, действительно сработал?

— Естественно, нет. Друзья мои, эти фантастические церемонии ровно никому не нужны. Если мы действительно вам нужны, мы приходим.

— Так значит, вы…

— Я? О… Я знаю, что вы давно обо мне думаете. А сегодня вы меня захотели — действительно захотели, и я пришел.

Остатки сигаретного дыма еле заметно обрисовали кошмарную, из пустоты состоящую фигуру, которая вроде бы наклонилась и непринужденно присела на край сцены. Кот секунду помедлил, а затем начал выгибать шею и громко мурлыкать, словно кто-то его гладил.

— Но все эти обряды и ритуалы, пришедшие

к нам из глубин… — снова заговорил Пил, уже успевший кое-как справиться со своим тиком.

— Чистейшая символика, мистер Пил. — (Услышав свое имя, Пил непроизвольно дернулся.) — Вы читали, вне всяких сомнений, что мы появляемся только по исполнении определенного ритуала и только если он исполнен абсолютно точно. Все это, естественно, ерунда. Мы появляемся, если нас призывают искренне, — это условие абсолютно обязательно, — а там уж был ритуал или не было…

— Я выйду, — прошептала Сидра, бывшая на грани нервного срыва. — Что-то тошнит.

И попыталась встать.

— Секундочку, если позволите, — остановил ее тихий голос.

— Нет, ни секунды!

— Я помогу вам, миссис Пил, избавиться от вашего мужа.

Сидра недоуменно сморгнула и снова уселась в кресло. Пил сжал кулаки, попытался что-то сказать, но тихий голос опередил его:

— А вы, мистер Пил, сохраните свою жену, раз уж вам действительно так хочется. Я вам это гарантирую.

Кот сам собою поднялся в воздух и удобно раз-

легся на пустоте в паре футов от пола. Было видно, как ложится и поднимается шерсть под гладящей его невидимой рукой. После долгого молчания Бро спросил:

— Так что же вы имеете нам предложить?

— Я предлагаю каждому из вас его самое страстное желание.

— И что же это конкретно?

— Новое ощущение — абсолютно новое ощущение…

— Какое новое ощущение?

— Ощущение реальности.

— Не думаю, чтобы кто-то из нас хотел именно этого, — рассмеялся Бро.

— И все же это так, ибо я предлагаю вам пять различных реальностей, реальностей, которые вы сможете сформировать каждый по собственному вкусу. Я предлагаю вам миры вашего собственного изготовления, где миссис Пил сможет радостно убить своего мужа и в то же самое время мистер Пил, в своем отдельном мире, сможет сохранить свою жену. Мистеру Бро я предлагаю фантастический мир писателя, мистеру Финчли — бесконечные возможности для творчества…

— Но все это сны, — презрительно бросила Фиона, — а снам цена пенни в базарный день. У

каждого из нас их в избытке.

— Но после сна вы пробуждаетесь и платите горькую цену за осознание того, что это был лишь сон. Я же предлагаю вам пробуждение из настоящего в будущую реальность, которую вы сможете формировать по своему собственному желанию, — реальность, которая никогда не кончится.

— Пять одновременных различных реальностей — это противоречие в исходных посылках, — не преминул заметить Пил. — Это парадокс, невозможное.

— Так значит, я предлагаю вам невозможное.

— А цена?

— Простите?

— А цена? — повторил Пил, ощущавший все нарастающую смелость. — Мы же все-таки не совсем наивны. Мы знаем, что всегда есть цена.

Последовала долгая пауза, после которой загадочный голос сказал укоризненно:

— Бытует очень много неверных представлений, и я боюсь, что вы не все понимаете. В данный момент я не могу объяснить вам подробно, но поверьте мне, что платить ничего не придется.

— Просто смеху подобно. Ничто и никогда не отдается задаром.

— Хорошо, мистер Пил. Если уж нам нужно пользоваться базарной терминологией, позвольте мне сказать, что мы никогда не появляемся, если цена не уплачена вперед. Вы свою уже заплатили.

— Заплатили?

Их глаза непроизвольно метнулись к трупу, коченевшему на полу.

— Заплатили, и полностью.

— И тогда?

— Я вижу, что вы согласны на мое предложение. Хорошо…

Кот снова поднялся в воздух и был осторожно опущен на пол. Напоследок невидимая рука погладила его еще раз. Остатки дыма, висевшие под потолком, заколебались, было понятно, что невидимый даритель встал и идет вперед. Пятеро людей инстинктивно встали и напряглись, в страхе ожидая, что же будет, но сильнее страха было предвкушение близкого исполнения желаний.

Тяжелый ключ подскочил с пола, доплыл до двери, на мгновение задержался, примериваясь к замочной скважине, а затем вставился и повернулся. Чугунная щеколда поднялась, и дверь распахнулась настежь. Вообще-то дверь выхо-

дила в проход, ведущий к верхним помещениям Саттоновского замка — узкий коридор с низким потолком и стенами из грубых известняковых блоков, вымощенный каменными плитами. Теперь же сразу за ней висела пламенная завеса.

Бледная, невероятно прекрасная, она была словно сплетена из мерцающих огненных разноцветных нитей. Эти нити находились в непрерывном движении. Они срастались и разъединялись, плыли и перекрещивались, словно линии жизни невидимых рук. Бесконечность пламени и эмоций, шелковая пряжа времени, колышущаяся оболочка пространства — они были этим и всем другим, что только возможно, но, главное, они были прекрасны.

— Для вас, — сказал спокойный голос, — ваша старая реальность кончается за этим порогом.

— Так просто?

— Совершенно просто.

— Но… — начал Пил.

— Вот вы стоите здесь, — перебил его голос, — на последнем островке вашей бывшей реальности. Пройдите эту дверь, пройдите сквозь эту завесу, и вы войдете в ту реальность, которую я вам обещал.

— И что же мы найдем за завесой?

— То, что каждый из вас желает. Сейчас за завесой нет ничего. Там нет ничего — кроме пространства и времени, ждущих, чтобы их облекли в форму. Там нет ничего и есть потенциал для всего.

— Пространство и время? — удивился Пил. — Но не мало ли этого для пяти различных реальностей?

— Там *все* пространства, мой друг, и *все* времена, — терпеливо пояснил спокойный голос. — Пройдите — и вы найдете там свои мечты.

Если до того они стояли тесной кучкой с чувством какого-то отчужденного товарищества, то теперь, во вдруг наступившей тишине, слегка разошлись, словно каждый из них уже наметил для себя свою собственную реальность — жизнь, полностью отрезанную от прошлого и ото всех былых привязанностей. Это был непроизвольный жест полного внутреннего обособления. В едином порыве, хотя и с разными желаниями, они двинулись к сверкающей завесе…

II

Я художник, думал Дигби Финчли, а художник это творец. Творить это значит становиться подобным богу, и я стану подобным богу. Я буду

богом своего мира, созидателем всего из ничего, и мое все будет прекрасно. Он первым шагнул к завесе и первым прошел сквозь нее. В лицо ему словно брызнули прохладной водой, в глазах замелькали цветные огни. Ослепленный ярко-красными и фиолетовыми вспышками, Финчли на мгновение зажмурился, а когда снова открыл глаза, завеса осталась уже позади и он стоял в темноте.

Нет, не просто в темноте. Это была глухая, беспросветная, чернильно-черная пустота. Она давила ему на глаза, вдавливала их в глазницы, словно тяжелая свинцовая рука. Он ужаснулся и начал крутить головой, вглядываясь в непроницаемое ничто и принимая эфемерные фосфены за далекую реальность.

Впрочем, он даже не стоял.

Когда он опрометчиво шагнул, то отчетливо почувствовал, что не имеет никакой опоры, утерял какую-либо связь с массой и материей. Исходный страх перешел в панический ужас, когда он до конца осознал свое полное одиночество и то, что вокруг нечего видеть, нечего слышать, не к чему прикоснуться. Горечь одиночества навалилась на него тяжелым грузом, и он не просто не понял, но прочувствовал, насколько правдиво говорил

тот голос в бомбоубежище и насколько ужасна его новая реальность.

И этот момент стал его спасением.

— Потому что, — пробормотал Финчли и криво ухмыльнулся в пустоту, — быть одиноким, единственным это главный элемент божественной сущности.

Тут он окончательно успокоился и застыл неподвижно в пространстве и времени, намечая планы творения.

— Первым делом, — сказал по размышлении Финчли, — мне нужен небесный престол, подобающий богу. Затем мне нужно небесное царство и ангелы в услужение, ибо никакой бог не полон без подобающей свиты.

Он помедлил еще, перебирая в уме различные небесные царства, известные ему из литературы и живописи. Тут уж не было никакой нужды в особой оригинальности.

Оригинальность будет играть серьезнейшую роль в сотворении его вселенной. Теперь же важно было одно — обеспечить себе достаточную степень роскоши и комфорта, а для этого сойдет и старомодный антураж ветхозаветного Иеговы.

Чувствуя себя до крайности глупо, он вскинул руку и отдал приказ; в то же мгновение мрак

рассеялся, и перед ним возникли ступени из белоснежного с золотыми прожилками мрамора, восходящие к сверкающему престолу. Престол был высокий, с подлокотниками, ножками и спинкой из чистейшего серебра и мягким пурпурным сиденьем. Но садиться на него не хотелось, и было даже страшновато — слишком тонкие и высокие ножки, какие-то расхлябанные подлокотники, узкая, неудобная спинка.

— Да что же это! — воскликнул Финчли и попытался все переделать, но сколько он ни менял пропорции, престол оставался ужасным. Как, впрочем, и восходящие к нему ступени, потому что неким образом сверкавшие в них золотые прожилки вырисовывали непристойные сцены, очень напоминавшие эротические картинки, которыми пробавлялся Финчли в прошлом своем существовании.

В конце концов он оставил свои попытки, взошел по ступеням и с нелегким сердцем уселся на престол. Было ощущение, словно он сидит на коленях у трупа, чьи мертвые руки грозят заключить его в свои жуткие объятия.

— Да уж, — сказал он и слегка передернулся, — Дизайн мебели отнюдь не моя профессия.

Финчли посмотрел по сторонам и снова воздел

руку. Непроницаемо черные облака, клубившиеся вокруг трона, тут же рассеялись, обнаружив высокие колонны и свод, выложенный гладкими плитами. Зал простирался во все стороны на тысячи и тысячи ярдов, словно некий бесконечный собор. И все это пространство было заполнено сонмами ангельских чинов. Первыми стояли ангелы: изящные крылатые существа обоего пола в белых одеждах, с белокурыми сияющими головами, сапфирово-синими глазами и ярко-алыми улыбающимися губами. За ними стояли на коленях херувимы, гигантские крылатые быки с темно-рыжими шкурами и чеканными серебряными копытами. На их ассирийских лицах чернели ухоженные кудрявые бороды. Третьими были серафимы, ряды за рядами огромных шестикрылых змеев с чешуей из драгоценных камней, сиявшей своим внутренним светом.

Пока Финчли восхищенно взирал на совершенство своего творения, они стройно, негромко пели: «Слава богу. Слава господу Финчли, высочайшему из высочайших… Слава господу Финчли…» Он сидел и смотрел, и постепенно ему стало казаться, что у него появился некий порок зрения, ведь проявились несомненные признаки того, что это скорее собор греха, чем собор

небесный. На цоколях и капителях колон были искусно вырезаны омерзительные гротески, зал, уходивший в непроглядную даль, был населен отвратительными тенями, которые гримасничали, лихо плясали и выделывали курбеты.

В дальних уголках неоглядного зала разыгрывались сценки, поразившие даже его. Не прерывая стройного пения, ангелы искоса бросали на херувимов недвусмысленные взгляды, а за одной из колонн крылатый бык уже притиснул прелестную белокурую ангелессу похоти и сжал ее в объятиях; продолжение было очевидно.

В полном отчаянии Финчли снова вознес руку, и вокруг заклубился все тот же первозданный мрак.

— С царствами небесными, — сказал он горько, — мы, пожалуй, покончили.

Витая в пустоте, он вновь размышлял о самых грандиозных художественных задачах, с какими ему только приходилось сталкиваться.

До сих пор, думал Финчли, с содроганием вспоминая созданный им кошмар, я всего лишь играл, пробовал свои силы, фигурально говоря, разогревался, как художник, набрасывающий пастелью скетчи на листе шероховатой бумаги. Теперь настало время перейти к настоящей работе.

Со всей подобающей богу серьезностью он провел сам с собою долгое совещание.

Чем, спросил он себя, было творение в прошлом?

Тем, что можно назвать природой.

Хорошо, назовем это природой.

Так что же плохого в природном творении?

Ответ очевиден — природа не была и не будет художником. Природа творит методом проб и ошибок. Вся существовавшая красота была не более чем случайным, побочным продуктом.

Разница меж… Разницей, перебил он себя, между старой природой и новым богом Финчли будет порядок. Мой космос будет упорядочен, полностью посвящен красоте и лишен каких-либо ненужных трат. В нем не будет ничего случайного. Не будет никакого слепого блуждания. Первым делом — холст.

— Да будет бесконечное пространство! — возгласил Финчли.

Звук прокатился по костям его черепа и глухо, бесцветно отдался в ушах, но сразу же после приказа матовый непроглядный мрак превратился в густую черноту. Финчли как не видел ничего, так и не видел, но разница ощущалась.

Прежний космос, думал он, был не более чем

скопищем звезд и туманностей, огромных огненных тел, в беспорядке разбросанных по небу. Никто не знал их назначения, никто не знал, откуда они и какова будет их судьба.

В моем же космосе будет ясная цель, ибо каждое тело будет домом отдельной породы существ, чьим единственным предназначением будет служение мне.

— Да будут, — вскричал он, — вселенные числом ровно сто, равномерно заполняющие пространство! Каждая вселенная да будет состоять из тысячи галактик, а каждая галактика из миллиона звезд. Вокруг каждой звезды да будет обращаться по десять планет, а вокруг каждой планеты — по две луны. И пусть они никогда не восстанут на своего создателя! Да будет свет!

Финчли закричал и закрыл глаза от света, внезапно хлынувшего со всех сторон. Звезды, близкие и горячие как солнце, далекие и холодные как льдинки, — поодиночке, парами и огромными расплывчатыми облаками, — сверкающе-алые и желтые, густо-зеленые и фиолетовые. Их сияние было бушующей стихией света, которая сжала его сердце, переполнила его ужасом перед силами, в нем раскрытыми.

— С творением космоса, — голос Финчли звучал

жалобно, как скулеж, — мы тоже пока покончим.

Он зажмурился и вновь собрал свою волю. Под ногами появилось ощущение твердой опоры, и, когда Финчли осторожно открыл глаза, он стоял на одной из своих земель; голубел небосвод, и сверкающее голубое солнце быстро катилось к западному горизонту. Земля была голой, коричневатой, в соответствии с его замыслом, — это был просто гигантский шар исходного материала, ждущего формирования, ибо Финчли решил, что первым делом он создаст для себя прекрасную зеленую Землю, планету красоты, где Финчли, господь всего сущего, будет царствовать в своем Эдеме.

Весь остаток дня он работал, работал быстро и с артистическим изяществом. Неоглядный океан, зеленый с белоснежными клочьями пены, залил половину новосозданного мира, и в нем сотни миль океанских просторов перемежались тесными кучками теплых ласковых островов. Свой единственный материк Финчли разделил пополам позвоночником из диких остроконечных гор, протянувшимся от полюса и до полюса.

Он работал с величайшей осторожностью, используя масляные и акварельные, сделанные

углем и свинцовым карандашом наброски, он планировал и воплощал целый мир. Горы и долины, ущелья, пропасти и заурядные валуны — все они были искусно созданы в ненавязчивой, прекрасно сбалансированной гармонии.

Он вложил весь свой талант, весь артистизм в распределение озер, сверкавших словно драгоценные камни, и в затейливые арабески рек, вьющихся по лицу планеты. Он серьезно занялся цветовой гаммой: серая галька, белые, черные и розовые пески, плодородная земля, бурая, цвета умбры и сепии, пятнистые сланцы, сверкающая слюда и мутновато-прозрачный кварц, — и к тому времени, когда солнце совсем закатилось, его Эдем превратился в сказочное царство земли, камней и металла, готовое к восприятию жизни.

Когда небесный свод начал темнеть, на нем обозначилась мертвенно-бледная луна; Финчли смотрел на нее с нелегким чувством, а вскоре на востоке взошла и вторая луна, кроваво-красная, жуткого вида, и тоже поплыла по небу. С трудом оторвав от них взгляд, Финчли стал смотреть на мирно мерцающие звезды.

Это его быстро успокоило.

Я знаю в точности, думал он самодовольно, сколько их там. Умножить сто на тысячу, а потом

на миллион, вот и готов ответ — именно это я называю порядком!

Он раскинулся навзничь на теплой мягкой земле, заложил руки за голову и смотрел в небо.

И я в точности знаю, для чего они все нужны: чтобы на них жили люди, миллиарды миллиардов людей, которых я придумаю и сотворю с единственной, строго определенной целью, чтобы служить Господу Финчли и поклоняться ему, — ну чем вам не предназначение!

И он знал, куда направляется каждая из этих разноцветных искорок, ибо там, в дальних просторах пространства, все они мчались по круговым орбитам, центром которых была точка в космосе, совсем недавно им покинутая. Наступит день, и он вернется в это место, и возведет там небесный замок, и будет сидеть в нем всю вечность, наблюдая за кружением миров.

Но в зените было некое странное пятнышко. Первое время Финчли смотрел на него рассеянно, но затем оно стало разрастаться и приковало к себе его внимание. Оно расплывалось как чернильная клякса, меняя цвет сперва на оранжевый, а затем и на ярко-белый. Финчли с каким-то неуютным чувством осознал, что ему становится жарко.

Прошел час, за ним второй и третий. Белое с красным ободком пятно расползалось все шире и шире, пока не стало похоже на круглое огненное облако. Его бледный, расплывчатый край подползал к какой-то звезде и вскоре ее коснулся. В тот же момент смотревшего в небо Финчли ударила по глазам ослепительная вспышка, все вокруг залил яростный белый, как от горящего магния, свет. Ощущение жара сразу же возросло, по коже Финчли покатились бисеринки пота.

К полночи необъяснимо раскрывшийся огненный ад затопил уже половину неба, мирно мерцавшие звезды одна за другой бесшумно взрывались. Свет был все тем же, ослепительно белым, а стг жары было трудно дышать. Финчли встал и пустился бежать, тщетно пытаясь найти либо тень, либо какую-нибудь лужу, — только теперь до него дошло, что вселенная сбрендила начисто.

— Нет! — закричал он в отчаянии. — Нет!

Жар был ошеломляющим. Финчли упал и покатился по острым камням, рвавшим его тело, пока не зацепился за один из них и не застыл с лицом, обращенным к небу. Нестерпимый свет легко проникал сквозь плотно зажмуренные веки и даже сквозь прижатые к глазам ладони.

— Да почему все пошло не так? — заорал Финчли. — Места же хватало для чего угодно! С какой стати…

В полубредовом из-за жары состоянии он услышал громовые раскаты и почувствовал, что земля качается, словно его Эдем готов разлететься в клочья.

— Стоп! — закричал Финчли. — Стоп! Пусть все это прекратится!

В полном отчаянии он бил себя кулаками по голове и в конце концов обессиленно прошептал:

— Ну ладно… если ужя снова сделал ошибку, тогда… ладно…

Он безнадежно махнул рукой.

И снова небеса были черными и пустыми. Только все те же две луны продолжали свой долгий путь на запад, а на востоке еле заметное зарево уже предвещало восход.

— Видимо, — пробормотал Финчли, — чтобы управлять космосом, нужно больше знать математику и физику. Этому я научусь как-нибудь позднее, я ведь художник и никогда не делал вид, что знаю все. Но при всем при том… я действительно художник, и передо мною целая земля, которую следует заселить. Завтра… нужно поскорее этим заняться… завтра…

И уснул как убитый.

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко, и его злобное око наполнило Финчли беспокойством. Взглянув на пейзаж, с такими трудами сформированный им вчера, он обеспокоился еще больше, потому что во всем были заметны явные искажения. Долины устилал какой-то неприятный налет, похожий на коросту прокаженного. Горные отроги приобрели странную, навевавшую ужас форму. Непонятным образом ужас таился даже в озерах под их гладкой невинной поверхностью.

И все это было заметно только при взгляде искоса, краем глаза. Если смотреть прямо, все выглядело правильно — хорошие пропорции, изящные контуры, великолепная цветовая гамма. Но в то же время…

Он пожал плечами и решил, что следует попрактиковаться в рисунке. Не было сомнений, что в его работу вкралась некая досадная ошибка.

Финчли подошел к небольшому ручью, сгреб с его берега большой ком красной глины, размыл его и разгладил. Слегка подсушив этот ком на солнце, он вылепил из него постамент и принялся за основную работу. Опытными уверенными пальцами он сотворил большого пушистого кро-

лика. Кролик с великолепно сформированными телом, лапами и головой словно присел на камне, готовясь к прыжку. Финчли любовно улыбнулся своей работе, к нему наконец-то вернулась уверенность в собственных силах. Пристукнув пальцем по округлой голове, он скомандовал:

— Живи, дружище.

После секундного промедления, когда в глиняное тельце вливалась жизнь, кролик выгнул спину и попытался прыгнуть. Он кое-как добрался до края пьедестала, мокрой тряпкой перевесился через край, шлепнулся на землю и поковылял прочь, издавая по пути негромкое, режущее ухо ворчание. Отойдя шагов на десять, он оглянулся на Финчли, и на морде его отражалась явная, неприкрытая неприязнь. Улыбка сползла с лица Финчли, словно стертая школьной резинкой. Он нахмурился, немного подумал, а затем наскреб второй ком глины и положил его на пьедестал. Час с лишним он без устали работал, лепя изящного ирландского сеттера, а под конец пристукнул его по голове и начал все ту же фразу:

— Живи…

Собака тут же рухнула и обмякла. Затем она беспомощно заскулила и поднялась на трясущи-

еся ноги, похожая на огромного паука, глаза ее расширились и остекленели. Доковыляв до края пьедестала, она спрыгнула вниз и случайно ударилась о ногу Финчли. Раздалось низкое злобное рычание, и в лодыжку Финчли вонзились острые клыки; тот с криком отпрыгнул и в ярости шарахнул собаку ногой. Прискуливая и воя, сеттер неуклюже, как покалеченное чудовище, побежал через луг.

Финчли с удвоенной решимостью вернулся к работе. Он лепил зверя за зверем и всех их наделял жизнью, и все они — горилла, мартышка, лисица, куница, крыса, ящерица и жаба, разнообразные птицы и рыбы — получались гротескными чудищами, еле способными плавать, ковылять и трепыхаться. Под конец Финчли выдохся и окончательное перестал что-либо понимать. Он присел на пьедестал и начал всхлипывать, машинально разминая пальцами очередной ком красноватой глины.

Ведь я все-таки художник, думал он, почему же все выходит так скверно? Что превращает мои создания в этот чудовищный парад уродов? Его пальцы машинально работали, и под ними постепенно вырисовывалась человеческая голова.

В прошлой моей жизни, думал он, мое искус-

ство высоко ценилось. Не могли же все сразу сойти с ума. Они покупали мои работы по самым разным причинам, но главная из причин состояла в том, что работы эти были прекрасны.

Только теперь Финчли заметил ком глины, над которым трудились его пальцы. Этот ком уже начинал походить на женскую голову. Финчли присмотрелся к ней повнимательней и впервые за много часов улыбнулся.

— Ну конечно же! — воскликнул он. — Я в жизни не занимался анимализмом. С фигурою человека все пойдет несравненно лучше.

Не теряя времени, он слепил из тяжелых комков глины грубые контуры женской фигуры; вдобавок к голове появились руки, ноги и торс. Напевая себе под нос, он работал и думал: это будет прелестнейшая Ева изо всех когда-либо созданных, и, что еще важнее, потомки ее будут истинными потомками божьими.

Осторожными, любящими руками он вылепил полные икры, аккуратно приладил к худощавым лодыжкам маленькие, изящные ступни. Круглые бедра переходили в плоский, чуть-чуть возвышенный живот. Работая над сильными руками и плечами, Финчли вдруг остановился и отступил на шаг.

Да возможно ли это?

Он медленно обошел полузавершенную фигуру.

Да…

Сила привычки?

Возможно, и это. А возможно — любовь, пронесенная им через множество сиротливых лет.

Финчли вернулся к фигуре и удвоил свои усилия. Со все возраставшим подъемом он завершил руки, шею и голову. В нем горела уверенность, что уж здесь-то неудачи не может быть. Слишком уж часто он лепил и рисовал эту фигуру, слишком уж подробно он ее знал. И когда он кончил работать, на пьедестале стояла Фиона Дюбеда, прекрасно вылепленная из глины.

Финчли умиротворенно сел на соседний валун, извлек из воздуха сигарету и без спички зажег ее. Он сидел так минуты две, глубоко затягиваясь, чтобы хоть немного унять возбуждение. В конце концов, с вихрем мыслей в голове и нарастающим предвкушением, он сказал громко:

— Женщина…

Но тут же поперхнулся и смолк. И начал снова:

— Оживи, Фиона.

Прошла секунда, другая. Обнаженная фигура чуть пошевелилась и начала дрожать. Притя-

гиваемый как магнитом, Финчли встал, шагнул вперед и протянул к ней руки в немом призыве. Послышался хриплый вдох, голубые глаза открылись и внимательно его оглядели.

Ожившая девушка выпрямилась и завопила; прежде чем Финчли успел до нее дотронуться, она ударила его по лицу, сильно расцарапав ногтями кожу. Затем она свалилась с пьедестала, вскочила на ноги и, по примеру всех прочих, неуклюже, как искалеченная, побежала через луг, непрерывно вопя и завывая. Предзакатное солнце освещало ее чуть сбоку, прыгавшая по кочкам тень выглядела совершенно чудовищно.

Финчли еще долго продолжал смотреть в направлении, в котором она исчезла; безответная горькая любовь жгла его как едкая кислота. Затем он снова повернулся к пьедесталу и с ледяным безразличием занялся прерванной работой. И лишь когда пятое из сотворенных им кошмарных существ убежало с воплями в ночь, он остановился, распрямил спину и начал поочередно смотреть то на свои руки, то на взбесившиеся луны, катившиеся по небу.

Кто-то постучал его по плечу; Финчли обернулся и даже не удивился, увидев, что рядом стоит леди Саттон. На хозяйке солидного замка было

все то же вечернее платье с блестками, в двойном лунном свете ее лицо казалось особенно грубым и мужеподобным.

— О… это вы? — выдавил Финчли.

— А у тебя-то, Диг, как дела?

Финчли задумался над вопросом, пытаясь внести в издевательскую бредовость, охватившую его космос, хоть малую толику здравого смысла.

— Да не то чтобы слишком хорошо, — сказал он в конце концов.

— Неприятности?

— Да… — Он не закончил фразу и взглянул на нее в упор. — Послушайте, леди Саттон, каким чертом вас сюда занесло?

— Я же мертвая, Диг, — рассмеялась она. — Уж тебе ли не знать?

— Мертвая? О… я… — Дигли смешался и смолк.

— Да ты не бойся, я и не думаю обижаться. Доведись мне быть на твоем месте, я сделала бы ровно то же.

— Неужели?

— Все, что угодно, ради новых ощущений. Это всегда было нашим девизом, не правда ли? — Она благодушно кивнула и ухмыльнулась все той же давно знакомой сатанинской ухмылкой.

— Но что вы здесь делаете? — не отступал

Финчли. — В смысле, как вы сюда…

— Да говорю же тебе, что я мертвая, — перебила его леди Саттон. — А в этом деле с умиранием ты еще многого не понимаешь.

— Но ведь это моя личная, частная реальность. Я ее единственный собственник.

— Что бы ты там, Диг, ни говорил, но я все равно умерла. И теперь я могу войти в любую долбаную реальность, какую ни захочу. Подожди, ты еще разберешься.

— С какой такой стати, ведь я же никогда… ну… то есть у меня не будет случая. Потому что я никогда не умру.

— Ой ли?

— Нет, не умру. Теперь я бог.

— Бог? Ну и как тебе это нравится?

— Мне… мне совсем не нравится. — Он стал запинаться, подбирая слова. — Я… в смысле, некто обещал мне реальность, которую я смогу формировать по собственному вкусу, только у меня, леди Саттон, не получается, не получается, хоть ты убейся.

— А по какой такой причине?

— Не знаю, и все тут. Я действительно бог, но как только я пытаюсь сотворить что-нибудь прекрасное, получается ужас либо пародия.

— Например?

Финчли показал ей перекореженные горы и равнины, жуткие озера и реки и кошмарных существ, им созданных. Леди Саттон изучала все это с предельным вниманием. Под конец она поджала губы, на секунду задумалась, а затем сказала, все так же пристально глядя на Финчли:

— Странно, Диг, что ты не догадался сотворить себе зеркало.

— Зеркало? — повторил Финчли, — Мне даже в голову не приходило… Я никогда не нуждался…

— А вот сейчас сотвори. Работай.

Финчли кинул на нее озабоченный взгляд, взмахнул рукой и словно выловил из воздуха средних размеров зеркало. И галантно повернул его зеркальной поверхностью к даме.

— Нет, — замахала руками леди Саттон. — Мне не нужно. А вот ты посмотри на себя.

Финчли недоуменно посмотрелся в зеркало, отчаянно закричал и стал с отвращением рассматривать свое отражение. В ночном полумраке ему ухмылялась кошмарная морда, достойная средневековой горгульи. В крошечных раскосых глазах, в приплюснутом, с вывернутыми ноздрями носе и неровном частоколе гнилых зубов он увидел все то же, что видел до того в своем урод-

ливом космосе. Увидел непристойный небесный дворец со сворой похабничающих и паясничающих псевдоангелов; увидел вращающийся хаос натыкающихся друг на друга звезд; увидел перекошенный пейзаж своего Эдема, всех отвратительных, вопящих и завывающих существ, сотворенных им за этот день; увидел все ужасы, порожденные его же собственным мозгом. Он с ненавистью отбросил зеркало и взглянул леди Саттон прямо в глаза.

— Что это?

Ужас мешался в его голосе с отвращением.

— Диг, ты же бог, — расхохоталась леди Саттон, — и должен был знать, что бог способен творить лишь по собственному образу и подобию. Вот и все объяснение. Отличная шутка, правда?

— Шутка?

Будущее раскрылось перед ним с ужасающей ясностью. Вечно жить со своим отвратительным *«я»*, жить собой, жить внутри себя, раз за разом повторяющегося в каждом солнце и каждой звезде, в каждой мертвой веши и каждом живом существе, — ныне, и присно, и во веки веков. Чудовищный бог, питающийся собой и медленно, неотвратимо сходящий с ума.

— Шутка! — заорал он не своим голосом.

Финчли вскинул руку и вновь поплыл в пустоте, вне всякой связи с массой и материей. Он снова был абсолютно один. Ему вновь было нечего видеть, слышать и осязать. Безнадежно размышляя, что следующая попытка будет столь же напрасной, что и все предыдущие, он вновь услышал знакомый лающий смех.

Вот таким получилось его царство небесное.

III

— Дай мне сил! О дай мне достаточно сил!

Пройдя сквозь завесу, эта невысокая стройная смуглая брюнетка оказалась там, где и было положено: в подземном коридоре Саттоновского замка. В первый момент она так растерялась оттого, что не попала в некую страну туманов и снов, что даже перестала взывать к неведомым силам. Но затем, горько улыбнувшись, она вспомнила, какую реальность ей хотелось получить. Перед ней стояли старинные доспехи, стройная фигура из отшлифованной стали с рифлением по бокам. Она подошла к доспехам вплотную. Из блестящего панциря на нее смотрело взволнованное лицо с черными как уголь глазами и черными как смоль волосами, заходившими на лоб острым клином, который предвещает раннее

вдовство. Отражение говорило: это Сидра Пил. Это женщина, бывшая в прошлом прикованной к тусклейшему, скучнейшему из мужчин, назвавшему себя ее мужем. Сегодня она разобьет эти оковы, если только достанет сил.

— Разбить оковы! — повторила она с яростью. — И это будет для него расплатой за все причиненные мне муки. Боже, если только в этом мире есть бог, помоги мне достойно с ним расплатиться! Помоги мне…

Сидра замерла, в висках у нее застучало. Кто-то прошел по длинному коридору и встал за ее спиной. Она ощутила тепло, ауру присутствия и легкое прикосновение чужого тела. В мутноватом зеркале панциря было видно чье-то лицо, глядящее через ее плечо.

— А-а-а! — закричала Сидра и рывком обернулась.

— Извини, — сказал неизвестный — Я думал, ты меня ждешь.

Глаза Сидры буквально приросли к его лицу. Он вежливо улыбался, однако пряди светлых волос, тени, падающие на лицо, и пульсирующие вены создавали пугающий пейзаж грубой чувственности.

— Успокойся, — сказал он Сидре, лихорадочно

думавшей, что же ей делать дальше, и прилагавшей все силы, чтобы не закричать.

— Но кто… кто… — Она осеклась и сглотнула.

— Я думал, ты меня ждешь, — повторил незнакомец.

— Я жду тебя?

Он кивнул и взял ее за руки. Его ладони были холодные и чуть влажные.

— Да, у нас была договоренность.

Сидра слегка приоткрыла рот и покачала головой.

— В двенадцать сорок… — Он отпустил ее левую руку и взглянул на свои часы. — Я пришел минута в минуту.

— Нет, — отрезала Сидра, вырывая руку. — Нет, мы ни о чем не договаривались, я тебя даже не знаю.

— Ты не узнала меня, Сидра? Странно, очень странно, но я думаю, ты скоро вспомнишь, кто я такой.

— Так кто же ты?

— Не скажу, ты должна вспомнить сама.

Слегка успокоившись, Сидра вгляделась в его лицо.

Со стремительностью водопада на нее накатила странная смесь притяжения и отвращения.

Этот человек и бесил ее, и возбуждал. Она боялась уже самого его присутствия и в то же время была заинтригована.

В конце концов она покачала головой и сказала:

— Я все равно ничего не понимаю. Я никогда вас не звала, мистер Не-знаю-уж-как-вас-там-звать.

— Абсолютно точно ты меня звала.

— Абсолютно точно, что нет! — вспыхнула она, взбешенная его наглой самоуверенностью. — Я хотела свой старый мир. Тот самый, какой я знала всегда…

— Но с единственным исключением?

— Д-да… — Не выдержав его взгляда, Сидра опустила глаза, ее ярость как-то вдруг поугасла. — Да, с единственным исключением.

— И ты взывала о силах, способных произвести это исключение?

Сидра молча кивнула. Он ухмыльнулся и снова взял ее за руку.

— Что ж, Сидра, вот ты меня и звала, вот мы и договаривались. Я — ответ на твою мольбу.

Не в силах разорвать невидимые узы магнетического притяжения, Сидра позволила вести себя по узким, уводящим все выше и выше лестницам. Прикосновение его руки се ужасало. Все в ней

яростно протестовало против этого ощущения, и все же была в ней некая часть, которая его радостно приветствовав.

Когда они проходили сквозь тусклые пятна света от нечасто повешенных ламп, Сидра краем глаза присматривалась к спутнику. Он был высокий и великолепно сложенный. При малейшем повороте надменно посаженной головы на его мускулистой шее проступали толстые жилы. Он был в твидовом костюме песочного цвета, и от него исходил едковатый аромат, похожий на запах торфяника. Расстегнутая на две пуговицы рубашка чуть показывала волосатую грудь.

На первом этаже замка не было никого. Мужчина провел Сидру по анфиладе изящно обставленных комнат до прихожей, где он сам достал из гардероба ее шубку и накинул ей на плечи. А затем крепко взял ее за руки чуть повыше локтей.

Сидра не сразу, но вырвалась. На нее накатил новый приступ негодования. В тихом полумраке прихожей было видно, что он улыбается, и это еще больше разожгло ее гнев.

— Ну какая же я дура, — воскликнула она, — что сразу тебе поверила! «Ты взывала, ты меня знаешь…» Ты что, совсем меня за дурочку считаешь? И держи свои лапы при себе!

Сидра тяжело дышала и буквально сжигала его взглядом, но он ничего не отвечал. На лице его не дрогнул ни один мускул. Вроде этих змей, про которых рассказывают, змей с гипнотическим взглядом. В своей бесстрастной красоте они сливаются в тугое кольцо, а тебя к ним тянет и тянет, и тебе никуда не уйти. Или высокая башня, с которой так и хочется спрыгнуть на землю. Или острое сверкающее лезвие, так и зовущее нежную плоть твоего горла. Выхода нет!

— Убирайся! — воскликнула Сидра в последнем отчаянном усилии. — Убирайся отсюда! Это мой мир. Он мой, и только мой, и я могу делать в нем все, что захочу. Мне не нужны в нем такие наглые, самоуверенные скотины!

Быстро, без единого слова он схватил ее за плечи и притянул к себе. Все время, пока он ее целовал, она вырывалась, драла его острыми ногтями и пыталась освободить свой рот. Но втайне она понимала, что, отпусти он ее сейчас, ей недостанет сил оторваться от этого дикого поцелуя. Когда он ослабил наконец хватку и отпустил ее, она начала тихо всхлипывать. Словно не замечая этого, он заговорил с ней в прежней непринужденной манере.

— В этом твоем мире ты хочешь одну-един-

ственную вещь, Сидра, и потому должна прибегнуть к моей помощи.

— Да кто же ты такой, во имя всего святого?

— Я сила, о которой ты молилась. А теперь пошли.

Снаружи был кромешный мрак, и, когда они сели в двухместную спортивную машину Сидры, чтобы направиться в Лондон, следить за дорогой было почти невозможно. Осторожно подавая машину из стороны в сторону, Сидра нашла наконец разделительную полосу; ее приспособившиеся к темноте глаза стали постепенно отличать черный бархат неба над головой от китайской туши горизонта. Млечный Путь был похож на длинное пятно просыпанной пудры.

Ветер в лицо приятно бодрил. С обычным своим темпераментным безрассудством она вжала акселератор в пол, и машина с ревом помчалась по темной коварной дороге. Волосы Сидры трепетали за спиной, словно черные вымпелы. Воздух, задувавший за ветровое стекло, казался потоком холодной воды, он подхлестывал ее смелость и уверенность. А главное, он вернул ей чувство юмора.

— Так как же тебя звать? — спросила она, не поворачиваясь.

И сквозь завывание ветра в ушах еле расслышала встречный вопрос:

— А что, это имеет значение?

— Конечно, имеет. Ну как я должна к тебе обращаться: «Эй, ты там!», или «Послушай», или «Уважаемый сэр»?

— Ну хорошо, Сидра. Можешь называть меня Ардис.

— Ардис? Но это не английское имя.

— Какая разница?

— Не напускай на себя тумана. Есть разница. Я пытаюсь разобраться, кто ты такой.

— Понимаю.

— Ты знаком с леди Саттон?

Не получив ответа, Сидра покосилась налево и внутренне похолодела. Со все так же вскинутой головой, рисовавшейся на фоне звездного неба, спутник ее был еще загадочнее, чем прежде. Сейчас, в этом спортивном «родстере»[4], он казался совершенно не к месту.

— Ты знаком с леди Саттон? — повторила она вопрос.

Он кивнул, и внимание Сидры вернулось к дороге. Луга и поля уже кончились, теперь они

---

[4] Примечания: 4

«Родстер» — открытая двухместная машина. *(Прим. перев.)*

мчались по окраинам Лондона. Мимо мелькали маленькие приземистые домики, сплошь похожие друг на друга, все с плоскими безликими фасадами, вес выкрашенные тусклыми, грязноватых оттенков красками; вумп-вумп-вумп — отражался от них рев проносящегося автомобиля.

— Где ты живещь? — спросила она, не теряя веселого настроения.

— В Лондоне.

— Где — в Лондоне?

— Челси-сквер.

— Челси? Очень странно. И какой номер дома?

— Сто сорок девять.

Этот ответ привел Спиру в бешеное веселье.

— Твоя наглость просто великолепна, — сказала она, задыхаясь от хохота, и вновь на него оглянулась. — Так уж странно случилось, что это мой адрес.

— Я знаю, Сидра, — кивнул незнакомец.

Ее смех оборвался на икающей ноте и отнюдь не из-за ответа — Сидра почти его не слышала. С трудом сдерживая рвущийся из горла крик, она уставилась прямо перед собой, дрожащие руки едва справлялись с баранкой. Этот человек сидел в потоке яростного ветра, и ни один волосок на

его голове не шевелился.

«Господи милосердный! — воззвала она про себя. — Это в какую же кашу… Кто он, это чудовище, этот?.. Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Тво… Избавь меня от него! Я его не хочу. Даже если я и просила о нем, сознательно или нет, теперь я его не хочу. Я хочу изменить свой мир, сию же секунду! Я хочу, чтоб его в нем не было».

— Бесполезно, Сидра, — сказал незнакомец.

Но ее губы шевелились в безмолвной молитве: «Убери его отсюда! Измени абсолютно все, измени что угодно, но только убери его. Пусть он исчезнет. Пусть его поглотит кромешный мрак. Пусть он усохнет, сморщится, растает…»

— Сидра, — крикнул он, — прекрати сейчас же! — и болезненно ткнул ее в бок кулаком. — Все равно ты от меня не избавишься — слишком поздно!

Панический ужас перепугал все ее мысли, она не могла даже молиться.

— Придумав однажды свой новый мир, ты обречена в нем жить, — Ардис говорил с ней словно с ребенком. — Нельзя передумать, нельзя хоть что-нибудь изменить, разве вам этого не говорили?

— Нет, — прошептала она чуть слышно, — ничего нам такого не говорили.

— Ну что же, теперь ты знаешь.

Сидра замолкла и словно окаменела, вернее, не окаменела, а стала вялой и безразличной. Безвольно выполняя все его указания, она подъехала к своему дому со стороны черного хода и припарковалась за маленькой рощей, расположенной на муниципальной земле.

— Нельзя же, — пояснил он, — идти на убийство прямо, в открытую. Так поступают одни лишь ушлые преступники из детективов. Мы же, в реальной жизни, предпочитаем быть осторожнее.

«Реальная жизнь! — думала она истерически, выходя из машины. — Реальность! Это то самое Нечто из бомбоубежища…»

— Если судить по твоим словам, ты имеешь опыт по этой части, — заметила она вслух.

— Пойдем через рощу, — ответил он, тронув ее за локоть, — Там нас никто не увидит.

Обе обочины узкой тропы заросли высокой, чуть не в рост человека травой и колючими кустами. Ардис пропустил Сидру вперед и пошел следом, отставая на два-три шага.

— Что касается опыта, — сказал он, — то — да, у меня его много. Но ты и сама бы должна это знать.

Ничего такого она не знала, однако не отозва-

лась ни словом. Роща густо заросла деревьями и кустами, и, хотя она ходила здесь сотни раз, сейчас они казались чуждыми и гротескными. Нет, слава богу, они не казались ей живыми, до этого Сидра все-таки не дошла. Однако сейчас она впервые осознала, как мрачно и призрачно все они выглядят, словно соучастники грязных убийств, творившихся здесь год за годом.

Вскоре влажный туман заставил Сидру закашляться, и Ардис сочувственно постучал ее по спине. Сидра задрожала от прикосновения, словно сжатая стальная пружина, а когда она перестала кашлять, рука его осталась на ее плече, и она уже знала, что он попробует сделать здесь, в темноте.

Сидра зашагала быстрее, его ладонь упала с ее плеча, но тут же схватила за руку. Она вырвалась и побежала по тропинке, все время спотыкаясь из-за шпилек. Сзади донеслось приглушенное восклицание, а затем топот бегущих ног. Тропинка пошла через низину, по краю заболоченного пруда, земля под ногами стала мокрой и вязкой. В теплом, как парное молоко, ночном воздухе кожа Сидры покрылась капельками пота, но топот за спиной ее подгонял.

Дыхание Сидры стало рваным и хриплым, и,

когда тропинка свернула и пошла в гору, она почувствовала, что ее легкие сейчас разорвутся; ноги у нее подламывались. Однако, различив за деревьями чугунные ворота, означающие выход из рощи, она удвоила свои усилия.

«И что потом? — смутно проплыло в ее сознании. — Он догонит меня на улице, если не раньше… Мне нужно было бежать к машине, тогда можно было бы уехать… Я…»

Он схватил ее за плечо в тот самый момент, когда она пробегала ворота, дальнейшее сопротивление стало вроде бы бесполезным, но тут Сидра услышала голоса и увидела на той стороне улицы несколько фигур. Она крикнула: «Эй, подождите!» — и побежала через улицу, громко стуча каблуками. Лишь когда она к ним подбежала, они обернулись.

— Извините, — затараторила Сидра, — мне показалось, что мы знакомы… Я шла через ро…

И осеклась. Перед ней были Финчли, Бро и леди Саттон.

— Сидра, дорогуша, да какого черта ты здесь делаешь? — вопросила леди Саттон. Чуть-чуть наклонив тяжелую голову, она вгляделась в лицо Сидры, а затем толкнула Бро и Финчли локтями. — Эта девица бежала через рощу. Попомни

мое слово, Крис, она малость свихнулась.

— Похоже, за ней кто-то гнался, — откликнулся Бро.

Он шагнул чуть в сторону и стал смотреть через плечо Сидры. Его голова смутно белела в звездном свете.

Сидра сумела наконец отдышаться и огляну-лась. За плечом ее стоял Ардис, спокойный, как и всегда.

«Нет смысла, — подумала она, — безнадежно даже пытаться что-либо им объяснить. Все равно мне никто не поверит. И никто не поможет».

— Да так, — ответила она леди Саттон, — захо-телось немного размяться. Прекрасная сегодня ночь.

— Размяться! — фыркнула леди Саттон. — Те-перь-то я уж точно знаю, что ты свихнулась.

— Сидра, — спросил Финчли, — а чего это ты вдруг сорвалась и уехала? Боб буквально стоял на ушах. Нам пришлось подвезти его домой.

— Я…

Все это было чистым безумием. Менее часа назад она видела, как Финчли исчез за огненной завесой — исчез в своем собственном, лично им придуманном мире. И вот он здесь и задает вопросы.

— Финчли был в твоем мире, — негромко пояснил Ардис, — Он и теперь остается в нем.

— Но это невозможно! — воскликнула Сидра. — Двух Финчли просто не может быть.

— Двух Финчли, — повторила леди Саттон. — Теперь-тоя, дорогуша, вижу, что ты окончательно сбрендила! Ты пьяная. В стельку, вдребезги пьяная. Бегает по роще! Размяться ей вдруг захотелось! Два Финчли!

Леди Саттон? Она же мертвая. Должна быть мертвая! Мы убили ее меньше часа…

— Это было целый мир назад, — пояснил Ардис. — А это, Сидра, твой новый мир, и леди Саттон есть в нем место. В нем есть место для всего, что было, — кроме твоего мужа.

— Но… даже если она мертвая?

— Кто мертвая? — вздрогнул Финчли.

— Я думаю, — вмешался Бро, — нам бы лучше вернуться и уложить сс в постель.

— Нет, — закачала головой Сидра. — Нет, в этом нет никакой необходимости! Со мною все в порядке.

— Да отстаньте вы от нее, — проворчала леди Саттон. Она запахнула плащ вокруг бочковидной талии и решительно двинулась прочь. — Не забывайте, ребята, один из наших девизов: «Никогда

ни во что не вмешивайся». Ладно, Сидра, жду вас с Бобом в убежище через неделю. Спок ночи.

— Спокойной ночи.

Финчли и Бро тоже направились прочь. Три фигуры быстро смешались с тенями, растворились в тумане. Напоследок Сидра услышала слова Бро:

— Нашим девизом должно быть: «Никогда ничего не стыдись».

— Чушь, — с жаром откликнулся Финчли. — Стыд это тоже ощущение, не хуже и не лучше всех прочих. Он сво…

Они окончательно пропали.

И тут же по коже Сидры побежали мурашки. Она наконец осознала, что ни мужчины, ни леди Саттон не видели Ардиса, не слышали и даже не догадывались о его…

— Естественно, — прервал ее мысли Ардис.

— Чего тут такого естественного?

— Ты поймешь это чуть позднее. А в данный момент перед нами задача — убийство.

— Нет! — воскликнула Сидра и отшатнулась. — Нет!

— Как же так, Сидра? И это после того, как ты многие годы мечтала об этом моменте. Составляла сложные планы. Заранее им упивалась.

— Ну… я слишком взбудоражена… боюсь, мне

не хватит духа.

— Ничего, успокоишься. Пошли.

Рука об руку они прошли несколько шагов по узенькой улочке, свернули на щебеночную дорожку и миновали ворота, ведущие на задний двор дома. Протягивая руку к дверной ручке, Ардис чуть помедлил и повернулся к Сидре.

— Это, — сказал он, — твой главный момент. Сейчас он начнется. Это момент, когда ты разобьешь оковы и расплатишься за все свои муки. Это день, когда ты сведешь свои счеты. Любовь — это хорошо, но ненависть много лучше. Умение прощать — это жалкое достоинство, а страсть — всеобъемлющий смысл жизни!

Он толкнул дверь, схватил Сидру за локоть и поволок ее в буфетную; там было темно и казалось, что по углам таятся какие-то тени. Они осторожно пробрались сквозь мрак, нащупали дверь на кухню и вошли. Сидра негромко застонала и обвисла на руке Ардиса.

Когда-то это действительно была кухня, теперь же плиты, раковины, шкафчики, столы, стулья вознеслись под потолок и зависли там в невозможной, бредовой путанице. На полу горел тускло-синий огонек, а вокруг него, припевая и кривляясь, кружило два десятка теней.

Они были похожи на отвердевший дым, на какой-то полужидкий газ. Их прозрачные внутренности тошнотворно извивались, напоминая ожившую грязь. Это, думала Сидра, то же, что смотреть в микроскоп на мельчайшие существа, поганящие кровь трупа, на пену на поверхности застойной воды, наполняющую болото омерзительными миазмами; а хуже всего — что все они были карикатурами на ее мужа. Два десятка Робертов Пилов кривлялись, непристойно жестикулировали и, пришепетывая, пели в унисон:

Quis multa gracilis te puer in rosa
Perfiisus liquidis urget odoribus
Grato, Sidra, sub antro?

— Ардис, что это такое?
— Я пока что еще не знаю.
— Но эти тени, они же…
— Со временем все прояснится.

Ни на секунду не прекращая пения, двадцать приплясывающих облачков окружили их тесным кольцом. Сидра и Ардис поневоле прошли вперед и оказались радом с сапфировым огоньком, горевшем прямо в воздухе в нескольких дюймах от пола. Еле ощутимые пальцы толкали и щупали Сидру, щипали и тыкали, а тем временем

голубые фигуры кривлялись с шипящим хохотом и в странном экстазе шлепали себя по голым задницам.

Резкая боль заставила Сидру вскрикнуть и взглянуть на свое запястье: на белой коже краснели капельки крови. Словно в каком-то забытьи, она подняла руку и приложила запястье к губам Арлиса. Точно так же и он поднес свое запястье к ее губам, и она ощутила едкую соль его крови.

— Нет! — в ужасе крикнула Сидра, — Я всему этому не верю. Ты напускаешь на меня какой-то морок.

Она повернулась и выбежала из кухни в сторону подсобной буфетной, Ардис следовал за ней по пятам. А синие тени продолжали свое шепелявое монотонное пение:

Qui nine te fruitur credulous aurea;
Qui simper vacuam, simper amabilem,
Sperat, nescius aurac
Fallacia…

Добежав до лестницы на второй этаж, Сидра обессиленно вцепилась в перила. Запястьем свободной, непострадавшей руки она несколько раз провела по тубам, стараясь стереть солоноватый вкус, от которого ее едва не тошнило.

— Пожалуй, я знаю, что это было такое, — спокойно заметил Ардис.

Сидра молча вскинула на него глаза.

— Некая разновидность свадебной церемонии, — продолжил он со все той же непринужденностью. — Ты же читала о таком? Странно, не правда ли? В этом доме сплошной разгул каких-то могущественных сил. Ты узнала эти фантомы?

Сидра устало покачала головой. Зачем было думать, разговаривать?

— Не узнала? Нам придется об этом подумать. Я никогда не был сторонником бессмысленного одержания. Больше такого дурачества не будет. — Он на секунду задумался, а затем указал на лестницу. — Твой муж должен быть у себя, наверху. Идем.

Они поднимались по широкой, погруженной в полумрак лестнице, и Сидра пыталась собрать воедино последние остатки способности рассуждать.

Первое: ты поднимаешься по лестнице. По лестнице, ведущей… Куда? К очередному безумию? Черт бы побрал эту штуку из убежища!

Второе: это ад, а никакая не реальность.

Третье: или кошмарный сон. Да! Кошмарный сон. Омар прошлым вечером. Где мы были тем

вечером, мы с Бобом?

Четвертое: милый Боб. И с чего это я… И еще этот Ардис. Я знаю, почему он кажется мне таким знакомым. Почему он практически повторяет мои мысли. Наверное, это некий…

Пятое: …симпатичный молодой человек, который в реальной жизни увлекается теннисом. Искаженный кошмарным сном. Да, конечно.

Шестое…

Седьмое…

— Осторожнее, не наткнись, — остерег ее Ардис.

Сидра резко остановилась и подняла глаза. У нее уже не было сил ни кричать, ни биться в истерике. Она просто смотрела на труп с неестественно свернутой шеей, висевший прямо над лестничной площадкой. Обмякший труп ее мужа на куске бельевой веревки.

Труп чуть раскачивался, словно длинный тяжелый маятник. Его губы сошлись в сардоническую ухмылку, глаза чуть не выкатывались из глазниц и смотрели вниз, на нее, с наглой издевкой. Сидра смутно осознавала, что сквозь него чуть просвечивают ступеньки лестницы.

— Соедините руки, — произнес труп торжественным, благостным голосом.

— Боб!

— Так это твой муж? — воскликнул Ардис.

— Возлюбленные чада мои, — начал труп, — мы собрались здесь, на виду у Бога и перед этим сообществом, дабы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака, каковые…

Голос гудел и гудел.

— Боб! — выкрикнула Сидра.

— Опуститесь на колени! — скомандовал труп.

Сидра бросилась в сторону и, спотыкаясь, побежала по лестнице вверх. В какой-то момент она чуть не упала, но сильные руки Ардиса тут же ее поддержали. За спиною призрачный труп громко провозгласил:

— Я объявляю вас мужем и женой.

— Теперь нам нужно побыстрее, — прошептал Ардис. — Быстрее!

В конце лестницы Сидра сделала последнюю попытку обрести свободу. Она уже оставила всякую надежду хоть что-то понять и в чем-то разобраться. Теперь она хотела только остаться одной и найти какое-нибудь место, где можно было бы посидеть, забыв про страсти, буквально выворачивавшие ее душу. Не говоря ни слова, она обернулась и посмотрела Ардису прямо в глаза. И сразу же поняла, что это почти то же

самое, как бороться с письменами, вырезанными неизвестной рукой на доисторическом камне. Они несколько минут стояли в полумраке, глядя друг другу в глаза. Справа была лестница, по которой они поднялись, слева спальня Сидры, а позади короткий коридор, который вел в кабинет Боба Пила — в комнату, где он, сам того не зная, ждал, когда же его убьют. Беззвучное сражение длилось и длилось, но уже с первого момента, когда Сидра встретила этот бездонный сверкающий взгляд, она с отчаянием поняла, что неизбежно проиграет.

В ней уже не осталось ни воли, ни сил, ни отваги. Хуже того, в силу какого-то духовного осмоса они до последней капли перетекли в стоявшего перед ней мужчину. Еще продолжая сопротивляться, она осознала, что это подобно бунту руки против руководящего ею мозга.

— Господи! Да кто же ты все-таки такой? — спросила она.

И получила тот же ответ:

— Ты узнаешь, и очень скоро. Но я думаю, ты и сейчас уже знаешь. Думаю, знаешь.

Беспомощная и безвольная, Сидра повернулась и прошла в свою спальню. Там был револьвер, и она понимала, что пришла за ним. Открыв ящик

тумбочки, она откинула в сторону кипу шелкового белья; оно почему-то оказалось влажным и липким. Сидра застыла в замешательстве, а тем временем Ардис перегнулся через ее плечо и взял револьвер. На рукоятке намертво сомкнулись пальцы окровавленной, оторванной от тела кисти, указательный палец застыл на спусковом крючке. Ардис нетерпеливо поцокал и попытался оторвать руку от рукоятки. Рука не поддавалась. Он выворачивал палец за пальцем, но тошнотворная мертвая рука упорно цеплялась за револьвер. Сидра присела на краешек кровати и стала с наивным детским интересом наблюдать разыгрывавшийся спектакль, отстранен-но замечая, как под руками Ардиса шевелятся и напрягаются мышцы и жилы окровавленной культи.

Из-под двери ванной медленно выползала алая змейка. Она извивалась по паркетному полу, мягко коснулась края ее юбки и стала разливаться лужицей. Когда Ардис оставил свои тщетные старания и со злостью отбросил револьвер, ему на глаза попался красный ручей. Он кинулся к ванной и распахнул дверь, чтобы уже через секунду снова ее захлопнуть.

— Ладно, пошли, — бросил он Сидре.

Сидра механически кивнула и встала, не обращая внимания на намокшую юбку, хлеставшую ее по лодыжкам. Подойдя к кабинету Роберта, она стала осторожно поворачивать ручку, пока еле слышный щелчок не оповестил ее, что запор открылся, а затем столь же тихо толкнула дверь, и та широко распахнулась. Кабинет ее мужа был погружен в полумрак. Письменный стол стоял перед высоким окном с задернутыми шторами, и Пил сидел за столом спиной к двери. Отблески света свечи или какой-то лампы окружали его фигуру сиянием и пробивались вокруг нее в комнату. Он сидел совершенно неподвижно.

Сидра направилась на цыпочках вперед, но вскоре остановилась. Ардис предостерегающе приложил палец к губам, с кошачьей бесшумностью подбежал к холодному камину, взял тяжелую медную кочергу и протянул Сидре. Ее рука поднялась, словно сама собой, и сжала холодную металлическую ручку.

«Так естественно, — подумалось Сидре, — словно я всю жизнь занимаюсь убийствами».

Но против всего, что толкало шагнуть вперед и занести кочергу над головою Роберта, в тайных глубинах Сидры плакало и стонало нечто слабое, охваченное отвращением: плакало, и стонало, и

хныкало, как трясущийся в лихорадке ребенок. Последние капли ее самообладания дрожали и исчезали, словно вода, разлитая по песку.

А затем Ардис ее коснулся. Его палец нажал чуть повыше основания позвоночника и словно послал вверх, в голову, заряд дикого, прямо-таки зверского бешенства. Подхваченная накатившей волной ярости, ненависти и желания отомстить, Сидра вскинула кочергу и с размаху опустила ее на голову все так же неподвижного мужа. И тут последовало что-то похожее на бесшумный взрыв. Засверкали огни, закружились тени. Сидра била и била по обмякшему телу, которое вскоре соскользнуло на пол. Сидра била безжалостно, истерически, пока не превратила его голову в кровавую бесформенную массу, и лишь тогда она выронила кочергу и отступила на шаг.

Ардис встал около тела на колени и перевернул его лицом вверх.

— Мертвый, мертвей не бывает. Это и есть тот момент, о котором ты, Сидра, взывала. Ты свободна!

Сидра в ужасе смотрела на труп. И труп, распростертый на темно-красном ковре, тоже смотрел на нее. У трупа было худощавое нервное лицо с угольно-черными глазами и черными волосами,

заходившими на лоб острым треугольником. Невероятное понимание заставило ее громко застонать.

— Да, это Сидра Пил. В этом человеке, которого ты убила, ты убила саму себя. Убила единственную свою часть, которую стоило сохранить.

— Ай! — по-детски закричала Сидра, обхватила себя руками и стала раскачиваться от отчаяния и полной безнадежности.

— Вглядись в меня получше, — сказало лицо. — Моей смертью ты разбила оковы — единственно, чтобы обрести другие.

Она уже это понимала, понимала без всяких сомнений. Ибо все еще стеная и раскачиваясь от муки, конца которой никогда не предвиделось, она увидела, как Ардис встал и пошел к ней с распростертыми объятиями. Его глаза сверкали, словно кошмарные омуты, а распростертые руки были щупальцами собственной неугасающей страсти Сидры, жаждавшими обвить ее. И теперь уже некуда было бежать, и не будет исхода у этого тошнотворного брака с ее собственными похотями. Вот таким пребудет присно и во веки веков прекрасный новый мир Сидры Пил.

IV

Все остальные уже прошли сквозь завесу, а Христиан Бро все еще медлил и медлил. Изображая полную невозмутимость, он закурил очередную сигарету, задул и выкинул спичку и только потом окликнул:

— Э-э… Мистер Некто?

— Да, мистер Бро?

Звук голоса, прозвучавший ниоткуда, заставил Бро поневоле вздрогнуть.

— Вообще-то я… правду говоря, я остался, чтобы немного с вами побеседовать.

— Этого я, собственно, и ждал.

— Да? И почему вы этого ждали?

— Ваша неутомимая жажда нового материала отнюдь не является для меня тайной.

— О? — Бро нервно огляделся по сторонам, — Понятно.

— Но это не должно вызывать у вас ни малейшей тревоги. Никто нас тут не подслушает. Ваше притворство так и останется никем не обнаруженным.

— Притворство!

— Ведь вы же, мистер Бро, совсем не плохой человек. В этой саттоновской компании вы с

самого начала были чем-то чужеродным.

Вместо ответа Бро сардонически рассмеялся.

— А уж передо мной вам и тем более не нужно ничего разыгрывать, — дружелюбно продолжил голос. — Я ведь знаю, что вся эта история ваших бесчисленных плагиатов есть всего лишь одно из творений плодовитой фантазии Христиана Бро.

— Вы это знаете?

— Конечно знаю. Вы сочинили эту легенду с единственной целью попасть сюда, в это убежище. Год за годом вы разыгрывали роль лживого негодяя, даже несмотря на то, что иногда это было очень для вас болезненно.

— А знаете ли вы, зачем я это делал?

— Естественно, знаю. Правду говоря, мистер Бро, я знаю о вас практически все, хотя и должен признаться, что есть в вас некая вещь, приводящая меня в замешательство.

— И что же это за вещь?

— Ну почему вы, спрашивается, так рветесь получить все новый и новый материал, хотя могли бы по примеру большинства писателей работать с тем, что вам прекрасно известно? Откуда это необузданное стремление найти уникальный материал, пройти никем еще не хожеными тропами? Почему вы с охотою платите столь

горькую, непомерную цену за какие-то жалкие крохи новизны?

— Почему? — Бро глубоко затянулся и выпустил дым сквозь сжатые зубы, — Такого вопроса попросту не возникло бы, будь вы, как я, человеком. Ведь я не ошибаюсь, считая, что вы не?..

— Тут я должен обойтись без комментариев.

— Тогда я скажу вам почему. Я терзаюсь этим всю свою жизнь. Каждый человек от рождения наделен силой воображения.

— А-а, воображение.

— Когда воображение слабосильно, мир является для такого человека неисчерпаемым источником чудес и восторгов. Но для того, кто обладает воображением живым, беспокойным, этот мир представляется местом унылым и жалким, ни в коей мере не сравнимым с чудесами его собственного воображения!

— Есть чудеса, вообразить которые попросту невозможно.

— Кому — невозможно? Только не мне, мой невидимый друг, и не прочим аналогичным существам, насильно привязанным к земле и скованным плотью. Человек воистину достоин сожаления. Родиться с воображением богов и быть навечно приклеенным к жалкому глиня-

ному шарику! Мне подарено уникальное Это, плодороднейшая почва для творений вечного духа, и все это богатство заключено в мешок из паршивенькой, быстро гниющей кожи.

— Это… — задумался голос. — Это нечто такое, чего никто из нас, увы, не может понять. Из всего известного космоса его нет нигде, кроме вашей, мистер Бро, планеты. Это довольно устрашающе и приводит меня временами к мысли, что ваше племя когда-нибудь…

Голос резко оборвал фразу.

— Что — когда-нибудь наше племя?.. — повторил Бро.

— Если разобраться, — сменил тему Некто, — за вами долг значительно меньший, чем за всеми остальными, а потому мне хотелось бы дать вам воспользоваться преимуществами моею обширного опыта. Позвольте мне помочь вам выбрать реальность.

— Меньший? — слегка удивился Бро.

И вновь его вопрос остался без ответа.

— Вы как бы хотели, выбрать иную реальность в собственноручно созданном космосе или удовольствуетесь тем мирозданием, которое уже имеется? Я могу предложить вам миры огромные и миры совершенно крошечные, огромных

существ, сотрясающих пространство и наполняющих звезды своим грохотом, и крохотных существ, очаровательных и совершенных, едва касающихся слуха звуками своих мыслей. Вас интересует ужас? Я могу предложить вам реальность, повергающую в содрогание. Красота? Я могу показать вам реальности, не могущие не вызвать бесконечный восторг. Страдания? Телесная боль и пытки? Любые возможные ощущения. Вы только назовите одно — или несколько — или все одновременно. Я сформирую вам реальность, которая превзойдет даже ту огромность концепций, каковой вы несомненно обладаете.

— Нет, — ответил Бро по долгом размышлении. — Чувства это всего лишь чувства, и со временем они неизбежно притупляются. Нельзя напитать воображение взбитыми сливками новых форм и ароматов.

— Тогда я могу увести вас в миры дополнительных измерений, способные ошеломить любую фантазию. Есть система, способная бесконечно вас забавлять своими несуразностями — где в горе и тоске вы чешете себя за ухом или за каким-то там его эквивалентом, где, когда вы любите, то едите тыквенную кашу, а когда умираете, то прямо лопаетесь со смеху. Есть измерения, где

вы можете с уверенностью и наверняка делать невозможное, где остроумцы ежедневно соревнуются в составлении живых парадоксов и где душевное выворачивание себя наизнанку характеризуется словом «критна», что примерно соответствует американскому «банально».

Если вы хотите испытать все эмоции в строгом порядке, я могу отправить вас в n-мерный мир, где один за другим вы сможете испытать все сложнейшие нюансы двадцати семи первичных эмоций, а затем перейти к их сочетаниям со всеми перестановками в количестве двадцать семь на десять в двадцать седьмой. Ну так что же из этого вы предпочтете?

— Ничего, — без раздумий отрезал Бро. — Чем дальше, тем, друг мой, становится яснее, что вы неспособны понять человеческое Это. Это — не какое-нибудь ребячество, которое можно забавлять милыми игрушками, и в то же время оно — ребячество, вечно стремящееся к недостижимому.

— Ваше Это, мистер Бро, представляется мне не ребячеством, а чем-то животным, потому что оно никогда не смеется. Давно уже сказано, что изо всех на земле живых существ один лить человек способен смеяться. Отнимите у него юмор, и останется животное. У вас, мистер Бро, нет чувства

юмора.

— Это, — продолжил, не слушая, Бро, — неизменно желает только того, чего оно никогда не подучит и на что оно не может надеяться. Как только ты что-либо получил, оно перестает быть желанным. Можете ли вы дать мне реальность, в которой я смогу обладать тем, что желаю получить, потому что получить никогда не смогу, и чтобы этим самым обладанием я бы ничуть не нарушил причину своего желания? Вот это вы можете?

— Боюсь, — ответил голос с невидимой, но явно ощутимой улыбкой, — что ваше воображение слишком изощренно.

— Вот-вот, — вздохнул Бро, обращаясь больше к себе, чем к невидимому собеседнику, — этого я, собственно, и боялся. Ну почему мироздание заправляют второразрядные личности, чья изобретательность с моей и рядом не стояла? Ну почему вокруг сплошная посредственность?

— Вы стремитесь достичь недостижимого, — рассудительно подытожил голос, — и тем самым его не достичь. Противоречие очевидно, и оно находится внутри вас. Может быть, вам самому стоило бы измениться?

— Нет… я не хочу меняться, — покачал головою

Бро. Он погрузился в глубокие раздумья, а затем вздохнул и раздавил окурок в пепельнице. — У этой проблемы есть только одно решение.

— И какое же?

— Рационализация, ведущая к ее снятию. Увидев, что ты не можешь удовлетворить какое-либо желание, ты должен внятно его объяснить. Если человек не может найти любви, он пишет психологический трактат о страсти. Я сделаю примерно то же.

Он пожал плечами и повернулся к завесе. Голос иронически хмыкнул и тут же, без паузы, спросил:

— Так куда же ведет тебя, о человек, это твое пресловутое Это?

— К истине всех вещей, — откликнулся Бро. — Не имея возможности ослабить свое стремление, я хотя бы узнаю, почему я стремлюсь.

— Истину, мистер Бро, можно найти только в аду или в чистилище.

— И почему бы это?

— Потому что истина всегда ад.

— А ад это истина, тут уж нет никаких сомнений. И все равно я туда пойду — в ад, или в чистилище, или куда угодно, где таится истина.

— Да понравятся тебе, о человек, найденные

ответы.

— Спасибо за доброе пожелание.

— И да научишься ты смеяться.

Но этого Бро уже не слышал, потому что прошел сквозь завесу.

Он оказался перед высоким, в рост человека помостом, какие бывают в суде. Ничего другого поблизости не было. Впрочем, утверждать наверняка было трудно — неведомых размеров помещение затянуло серным дымом, скрывавшим от глаз все, кроме этого внушавшего почтение помоста. Бро чуть вскинул голову и посмотрел вверх. С той стороны помоста на него смотрело крошечное лицо, усато-бородатое, косоглазое и древнее, как грех. К личику прилагалась усохшая, как печеное яблоко, головка в высоком островерхом колпаке, похожем на колпак волшебника.

«Или на дурацкий колпак», — подумалось Бро.

За головой смутно различались высокие стеллажи конторских книг и папок с наклейками на корешках: «А-АВ», «АС-АО» и так далее. Были и странные надписи вроде: «#», «& —?», «*-с». На переднем плане стояли сверкающая черная чернильница и стакан с гусиными перьями. Картину завершали огромные песочные часы, внутри которых мохнатый паук сплел себе паутину и

теперь по ней лазал.

— ПО-разительно! — проквакал маленький человечек, — ПО-трясающе! Не вероятно!

В Бро постепенно копились досада и раздражение.

Человечек скрючился подобно Квазимодо и придвинул к Бро свое клоунское личико. Затем он выставил шишковатый указательный палец и осторожно потыкал им Бро. На лице его появилось крайнее удивление, он откинулся назад и протявкал:

— ТАМ-муз! ДА-гон! РИМ-мон!

Послышались звуки какой-то возни, а затем рядом с человечком появились трое других — появились и молча уставились на Бро. Шла минута за минутой, они все глазели, и Бро в конце концов не выдержал.

— Ну ладно, — сказал он, — поглазели и будет. Ну скажите хоть что-нибудь. Сделайте что-нибудь.

— Оно говорит! — завопили человечки — Оно живое!

Они сдвинули носы и быстро, вперемешку залопотали:

— НевероятноДагононговоритРиммоннукгобымогсебепредставитьчеловековиденВелиалэтому-

должнабытьсвояпричинаТаммузданосуверенностьютутнескажешь.

Они резко умолкли.

И снова уставились на него.

— Первым делом надо узнать, как оно сюда попало, — сказал один из околпаченных человечков.

— И совсем не это самое важное. Надо узнать, что оно такое. Животное? Растение? Минерал?

— Надо узнать, откуда оно, — внес свою лепту третий.

— С этими, знаешь ли, чужаками надо быть поосторожнее.

— Почему? Мы же абсолютно неуязвимы.

— Ты так думаешь? А как насчет ангела Азраила?

— Ты имеешь в виду анге…

— Не говори этого вслух! Не говори!

Последовал яростный спор, во время которого Бро нетерпеливо постукивал по полу носком ботинка. В конце концов они пришли к какому-то решению. Колдун номер один ткнул пальцем в сторону Бро и уличающе вопросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Сперва мне хотелось бы разобраться, — отрезал Бро, — где это я?

— Оно хочет узнать, где оно находится, — ухмыльнулся человечек, повернувшись к своим собратьям Таммузу, Дагону и Риммону.

— Ну так скажи ему, Велиал.

— Давай, Велиал, говори, нельзя же тянуть до бесконечности.

— Ты! — Велиал повернулся к Бро. — Это центральная администрация, универсальный контрольный центр; Велиал, Риммон, Дагон и Таммуз от имени и по поручению его всевеличайшества.

— Это что же значит? Сатана?

— Твоя фамильярность совершенно неуместна.

— Я пришел сюда, чтобы повидаться с Сатаной.

— Оно хочет повидаться с Господом Люцифером!

Человечки были в крайнем замешательстве. Затем Дагон ткнул двух своих собратьев в бока остренькими локотками и глубокомысленно уперся пальцем в лоб.

— Шпион, — сказал он в конце концов и для пояснения многозначительно ткнул пальцем вверх.

— Только не вслух, Дагон! Только не вслух!

— Такое уже случалось, — сказал Велиал, ожесточенно листая гигантский гроссбух. — Он

вполне определенно нездешний. На ближайшие… — он перевернул песочные часы, что привело паука в полное бешенство, — шесть часов никаких доставок не предвидится. Оно не мертвое, потому что не воняет. Оно не живое, потому что призываются одни лишь мертвые. Вопрос перед нами все тот же: что нам с ним делать?

— Дивинация, — подсказал Таммуз. — Абсолютно непогрешимый метод.

— Верно, Таммуз.

Велиал уперся глазами в Бро.

— Имя?

— Христиан Бро.

— Это он сказал! Мы не говорили!

— Давайте попробуем ономантию, — предложил Дагон. — Возьмем номера всех букв его имени и фамилии, «А» это один и так далее. Да нет, Велиал, ничего тут страшного, говорить все буквы по отдельности это совсем не то же, что прямо произносить. Возьмем их полную сумму, удвоим и прибавим десять. Разделим на два с половиной и вычтем первоначальную сумму.

Они стали всей командой складывать, делить и вычитать. Скребли по пергаменту гусиные перья, бормотание четырех голосов было похоже на гу-

дение назойливой мухи. В конце концов Велиал взял в руки клочок пергамента со своим ответом и недоверчиво в него вгляделся. Все остальные вгляделись в свои ответы. А затем дружно пожали плечами и порвали клочки пергамента на клочки еще меньшие.

— Я ничего не понимаю, — пожаловался Риммон. — У нас же всегда получалось пять.

— Ладно, неважно, — сказал Велиал и мрачно воззрился на Бро. — Ты! Когда ты родился?

— Восемнадцатого декабря тысяча девятьсот тринадцатого года.

— Время?

— В двенадцать пятнадцать пополудни.

— Звездные карты! — завопил Таммуз. — Генетлиация вернее всего.

Бро чуть не задохнулся в облаках пыли, поднявшихся, когда человечки торопливо копались на стеллажах и вытаскивали огромные пергаментные свитки, похожие на рулоны светомаскировочных штор. На этот раз им потребовалось пятнадцать минут, чтобы получить результат, каковой они тщательно изучили и столь же тщательно изорвали в клочки.

— Как-то очень уж это странно, — констатировал Риммон.

— Ну почему они все рождаются под знаком Дельфина? — с возмущением вопросил Дагон.

— А может, он и есть дельфин. Это бы сразу все объяснило.

— Не мешало бы отвести его в лабораторию на проверку. Если мы прошляпим с этим экземпляром, *он* может прийти в дурное расположение духа.

Они перегнулись через стол и дружно поманили пальцами; Бро фыркнул, но подчинился. Он обогнул стол и оказался перед маленькой дверкой, окаймленной по сторонам книжными стеллажами. Четыре карапузистых центральных администратора попрыгали на пол и сопроводили его в дверь. Бро пришлось согнуться чуть ли не пополам — и сами они, и дверь едва доходили ему до пояса.

Адская лаборатория оказалась круглым помещением с низким потолком, кафельным полом и кафельными же стенами, сплошь забитым шкафами, шкафчиками и стеллажами, с заросшими пылью стеклянными сосудами, истрепанными книгами, всякими алхимическими приспособлениями, костями и бутылками, ни одна из которых не имела этикетки. На самой середине лежал большой плоский жернов; его осевая дырка за-

метно обгорела, однако никакой дымовой трубы над ним не было.

Велиал покопался в углу, отбросил в сторону несколько драных зонтиков, тавро для клеймения скота и раздобыл наконец охапку тонких сухих палочек.

— Для жертвенного огня, — объяснил он, сделал шаг в направлении жернова и тут же обо что-то споткнулся.

Палочки со стуком посыпались на пол, Бро нагнулся и стал их собирать.

— Палкотатство! — взвизгнул Риммон. — Пересортица!

Выхватив из какого-то ящика большую блестящую ящерицу, он начал писать на ее спине куском древесного угля, отмечая порядок, в котором Бро поднимал дрова д ля жертвенного огня.

— Где тут восток? — спросил Риммон, следуя на четвереньках за ящерицей, у которой, видимо, нашлись какие-то свои дела.

Таммуз указал пальцем вниз. Риммон поблагодарил его скупым кивком и принялся вести на спине ящерицы какие-то сложные расчеты. Постепенно рука его стала двигаться все медленней и медленней. К тому времени, как Бро свалил все дрова на жертвенник, Риммон уже удерживал

ящерицу за хвост, недоуменно разглядывая свои записи. В конце концов он бросил это занятие и сунул ящерицу под наваленные дрова, дрова тут же вспыхнули.

— Саламандра, — объяснил Риммон. — Здорово, правда?

— Пиромантия, — воодушевился Дагон. Он бегал вокруг огня, чуть не обжигая нос, и заунывно пел: — Алеф, бет, гимел, далет, хе, вав, заин, хет…

Песня звучала все тише и тише.

Велиал тревожно заерзал и вполголоса пробормотал Таммузу:

— В прошлый раз он уснул за этим занятием.

— Это на иврите, — сказал Таммуз, надо думать, для просвещения Бро.

Песня затихла совсем, веки Дагона блаженно сомкнулись, и он повалился лицом в огонь.

— Ну вот, — пожал плечами Велиал, — опять то же самое.

Они вытащили Дагона из огня и стали хлестать его по лицу, чтобы потушить вспыхнувшую бороду. Таммуз принюхался к вони паленых волос, затем указал на поднимавшийся кверху дымок и радостно возгласил:

— Капномантия! Она не может не получиться. И мы наконец-то доищемся, что оно все-таки

такое.

Они взялись за руки и стали ходить хороводом вокруг жертвенника, раздувая облачко дыма. В конце концов оно полностью исчезло.

— Не получилось, — чуть не заплакал Таммуз. — А все потому, что оно не принимало никакого участия.

— Ну конечно! — Они злобно уставились на Бро. — Это все из-за тебя, вероломное оно.

— Да ничего подобного, — отмахнулся Бро. — Мне нечего скрывать. Понятно, я ни на грош не верю всему этому вашему цирку, но это, по сути, и неважно. Я ничуть не ограничен во времени.

— Неважно? И чему же это ты не веришь?

— Да ничто не заставит меня поверить, что такие вот гороховые шуты имеют хоть какое-то отношение к истине, а тем более — к его величеству отцу Сатане.

— Да ты послушай, идиот ты этакий, мы же и есть Сатана.

— В некотором смысле, — поспешно добавили человечки, обращаясь к неким невидимым ушам. — Не обижайтесь, пожалуйста. Мы просто хотим сказать, что действуем по доверенности. Но это, — повернулись они к Бро с наново возраставшим возмущением, — отнюдь не лишает нас

власти делать все, что угодно, с тобой, нахальное ты оно. Мы выследим тебя, проникнем за завесу, взломаем печать, сорвем с тебя маску, выведем тебя на чистую воду посредством сидеромантии. Подать сюда гадальное железо!

Дагон выкатил на середину маленькую тачку, нагруженную кусками железа рыбообразной формы.

— Эта дивинация не может не получиться, — объяснил он, обращаясь к Бро. — Возьми отсюда одного из карпов… Любого, какой попадется.

Бро взял одну из железных рыбин. Дагон тут же с раздражением ее перехватил, бросил в небольшой тигелек, разжег под ним огонь и отодвинулся в сторону, а Таммуз начал раздувать пламя при помощи ручных мехов.

— Уж теперь-то получится, — сказал Таммуз, когда рыба разогрелась до белого каления. — Сидеромантия не может не получиться.

Затем все четверо стали ждать, и Бро терялся в догадках, чего же это они ждут. В конце концов они дружно вздохнули.

— Не получилось, — равнодушно констатировал Бро.

— Попробуем тогда молибденомантию, — предложил Велиал.

Они дружно закивали и бросили раскаленную железяку в холодный тигель со свинцом. Послышалось громкое шипение, поднялось облако пара, словно тигель был наполнен водой. Через какое-то время свинец расплавился, Велиал опрокинул тигель, и по полу побежала змейка серебристой жидкости. Бро поспешно убрал свои ноги.

— Ми-ми-ми-ми-ми-ми, — завел заунывно Велиал. — Ми-ииииииии!

Но не успел он приступить к заклинанию, как раздался резкий хлопок.

Одна из кафельных плиток пола разлетелась вдребезги, расплавленный свинец исчез в образовавшейся дыре, а еще через мгновение из дыры ударил мощный фонтан воды.

— Снова трубу прорвало, — отрешенно констатировал Велиал.

— Пегомантия! — осенило Дагона. Он благоговейно приблизился к фонтану, встал перед ним на колени и завел очередную заунывную песню: — Алиф, ба, та, са, гим, ха, ха, даль…

Через тридцать секунд его веки сомкнулись и он упал головой в воду.

— Это арабский, — пояснил Таммуз, — Нужно просушить его, а то ведь помрет.

Таммуз с Велиалом подхватили Дагона под руки, под тащили к жертвеннику, несколько раз обошли вокруг ярко пылавшего огня и были готовы уже остановиться, когда прочухавшийся Дагон с трудом прохрипел:

— Двигайтесь, двигайтесь дальше. Гиромантия.

— Но у тебя же кончились все алфавиты.

— Нет, остался еще греческий. Ходите, ходите по кругу. Альфа, бета, гамма, дельта… Ой!

— Нет, там же следующая ипсилон, — вмешался Таммуз и тут же воскликнул: — Ой!

Бро с интересом повернулся взглянуть, на что это они ойкают.

В лаборатории появилась невысокая, великолепно сложенная девушка, ее медно-рыжие волосы были увязаны на затылке тугим узлом. Одежды на ней не было никакой, зато ярость на лице прямо пылала.

— Ой! — пробормотал Бро.

— Ну вот! — воскликнула девушка. — Опять эти ваши штучки. Ну сколько раз можно…

Она оборвала фразу, подбежала к стене, схватила замысловатую стеклянную реторту и швырнула ее, поразив свою цель с весьма завидной точностью. Когда отзвенели брызнувшие оскол-

ки, девушка договорила уже чуть спокойнее:

— Ну сколько раз можно вам говорить, чтобы прекратили всю эту дурь, а то я точно о вас доложу.

Велиал тем временем пытался остановить кровь из многочисленных порезов, а заодно состроить невинную улыбку.

— Ну что ты, Астарта, ты же не скажешь ему самому? Правда, не скажешь?

— Я не желаю, чтобы вы уродовали мой потолок и заливали мой кабинет. Расплавленный свинец, потом вода, а в результате месячная работа полетела коту под хвост. Мой шератоновский стол безнадежно испорчен. А тут еще это, — Она повернулась боком, демонстрируя длинный ожог на плече. — Погублено двенадцать дюймов кожи!

— Извини, Астарта, мы оплатим тебе замену.

— А кто оплатит мою боль?

— Лучше всего дубильная кислота, — заговорил Бро. — Завариваешь очень крепкий чай и делаешь холодный компресс, боль почти сразу утихает.

Рыжая голова повернулась, и Астарта скользнула по Бро взглядом зеленых, как весенняя травка, глаз.

— А это еще кто такой?

— Мы не знаем, — прозаикался Велиал. — Оно подошло к моему столу… Потому-то мы и… Мы подозреваем, что это дельфин…

Бро шагнул вперед и подал девушке руку.

— Я человек. Живой. Послан сюда одним из ваших коллег, имя которого мне неизвестно. Моя фамилия Бро. Христиан Бро.

Рука у девушки была прохладная и твердая.

— Возможно, это… Да нет, неважно. Меня звать Астарта, и я тоже христианка.

Центральная администрация залепила ладонями уши, чтобы не слышать таких непристойностей.

— Христианка в команде Сатаны? — удивился Бро.

— Нас там довольно много. А почему бы, собственно, нет? До падения все мы были такими.

Было не очень понятно, что тут можно ответить.

— Есть здесь какое-нибудь место, где мы могли бы спокойно поговорить? И чтобы подальше от этой публики?

— Ну, к примеру, мой кабинет.

— Мне нравятся кабинеты.

Нравилась ему и Астарта, и даже больше, чем нравилась. Ее просторный, со вкусом обстав-

ленный кабинет располагался этажом ниже. Она скинула со стула ворох бумаг, предложила ему сесть, скользнула враждебным взглядом по протекшему потолку, села на то, что осталось от ее стола, и попросила Бро рассказывать все по порядку.

— Крайне необычно, — сказала Астарта, когда он замолк. — Вы хотите встретиться с Сатаной, господом контрмира. Ну что ж, это и есть единственный ад, а он — единственный Сатана, других просто нет. Вы уверены, что попали туда, куда хотели?

Бро был в полном недоумении.

— Ад? Как у Данте? Сера, огонь и все прочее?

— Нет, — покачала головою Астарта. — Все это лишь плоды богатого воображения. Реальные муки имеют чисто фрейдистскую природу. Вот встретитесь с Алигьери, сможете подробно с ним все обсудить. — Она улыбнулась помрачневшему Бро.

И тут мы подходим к главному вопросу. Вы вполне уверены, что вы не мертвый? А то ведь иногда забывают.

Бро молча кивнул.

— Хм… — Она вновь окинула его взглядом. — Есть смысл заняться вами поближе, а то ведь я

никогда не зналась с живыми. Так вы уверены, что живой?

— Вполне уверен.

— И какое у вас дело к отцу Сатане?

— Истина, — гордо ответил Бро. — Я хотел узнать истину обо всем сущем, и безымянное существо направило меня сюда. Только почему главным держателем истины должен быть отец Сатана, а не…

Он неловко замялся.

— Да говорите, Христиан, не стесняйтесь.

— А не Господь Небесный, этого я не могу понять. Как бы там ни было, истина, способная прекратить эти проклятые стремления, буквально рвущие меня на части, стоит любой пены. А потому я бы очень хотел с ним побеседовать.

— Это, — Астарта улыбнулась и побарабанила по столу наманикюренными ноготками, — будет просто роскошно. — Она встала, открыла дверь кабинета и указала рукою на коридор, где густо висел серный дым. — Прямо по коридору, на первой же развилке свернуть налево и потом уж прямо до самого конца, заблудиться невозможно.

— А я еще вас увижу? — спросил Бро, выходя в коридор.

— Увидите, и не раз, — рассмеялась Астарта.

Как-то все это слишком уж смехотворно, думал Бро, пробираясь по коридору, где висел едкий желтый туман. В поисках цитадели истины ты проходишь сквозь некую завесу. Там тебя развлекают четыре идиотских колдуна и рыжеволосая богиня. Затем ты идешь по затянутому дымом коридору, сворачиваешь налево и снова прямо и получаешь возможность поговорить с знающим суть всего сущего.

А как же с моим стремлением к недостижимому? Как же с истинами, способными все объяснить? Неужели во всем этом нет ничего достойного уважения? Неужели весь ад это дешевая комедия, сплошной разнузданный балаган?

Он свернул у развилки налево и пошел прямо. Короткий коридор кончался зеленой двустворчатой дверью. Бро не без робости открыл ее и, к большому своему облегчению, оказался всего лишь на каменном мосту, несколько напоминавшем мост Вздохов[5]. За его спиной громоздился фасад покинутого им здания, сложенный из глыб самородной серы и уходивший что влево, что вправо, что вверх в некую туманную даль. Перед

---

[5] Примечания: 5

Мост Вздохов — один из знаменитейших мостов Венеции. *(Прим. перев.)*

ним было здание поменьше, имевшее форму шара.

Бро постарался перейти мост побыстрее, от здешних туманов у него уже кружилась голова, и лишь на секунду задержался перед второй двустворчатой дверью, стараясь придать себе непринужденный вид.

Странно, сказал он себе, заявляться к дьяволу так беспечно, но в этом аду столько бредятины, что она не могла на мне не отразиться.

За дверью была огромная комната явно канцелярского свойства, и Бро опять ощутил облегчение оттого, что страшившая его беседа отодвигалась в будущее. Круглое, как планетарий, помещение было битком забито электрическими арифмометрами, настолько огромными, что Бро просто не верил глазам. Перед клавиатурой возвышался пятиэтажный помост, по которому носился маленький сухонький клерк в очках размером с морской бинокль. Он бегал влево и вправо, вверх и вниз и все время стучал по клавишам, а арифмометры гудели, как сотни подвесных моторов.

Из подсознательного желания отодвинуть подальше надвигавшуюся беседу с отцом Сатаной Бро задержался и стал смотреть на клерка. Этот

плюгавый мужичонка, думал он, уже целую вечность вычисляет суммы грехов, суммы смертей и прочие статистические величины. Он и сам похож на некую сумму.

— Эй, там, — окликнул он клерка.

— В чем дело? — откликнулся клерк, ни на мгновение не останавливаясь.

Его голос был такой же сухой и сморщенный, как его кожа.

— Эта арифметика, она не может немного обождать?

— Извините, но никак не может.

— Ну подождите хоть секунду! — крикнул Бро, стараясь перекрыть жужжание арифмометров. — Я хочу повидаться с вашим боссом.

Клерк резко остановился и повернулся, медленно снимая очки.

— Благодарю вас, — сказал Бро. — Ну так вот, любезный, я хотел бы повидаться с его черным величеством отцом Сатаной. Астарта сказала, что…

— Это я, — оборвал его старичок.

Бро словно ударили под дых.

По сухонькому лицу скользнула бледная тень улыбки.

— Да, сынок, это я и есть. Я Сатана.

Бро хоть и с огромным трудом, но все-таки в это

поверил и, поверив, не сел, а буквально рухнул на нижнюю ступеньку лестницы, которая вела к помосту. Сдержанно хохотнув, Сатана щелкнул тумблером исполинского арифмометра, скрипнули шестеренки, и арифмометр снова защелкал, теперь его клавиши двигались сами собой.

Его дьявольское величество спустился по ступенькам, сел радом с Бро, достал из кармана застиранный носовой платок и начал протирать очки. Картина была вполне мирная: мирный дружелюбный старичок сидит бок о бок со случайно заглянувшим чужаком и всем своим видом выражает желание немножечко с ним посплетничать.

— И о чем это, сынок, ты задумался? — спросил он в конце концов.

— П-понимаете, ваше величество… — начал Бро.

— Ты, сынок, называл бы меня лучше папашей.

— Но почему? Я в том смысле, что… — Бро смущенно замялся.

— Никак тебя смущают все эти историйки насчет рая и ада?

Бро отвел глаза и кивнул.

Сатана вздохнул и покачал головой.

— Даже не знаю, что с этим делать, — сказал он — Ведь если по правде, это одно и то же. Нуда, я распустил такой слух, что это два разных места. Так это просто чтобы некоторые не стишком расслаблялись. Но в действительности все совсем не так. Я ведь, сынок, один — Бог, или Сатана, или Шива, или Верховный координатор, как хочешь, так меня и называй.

Бро, при всей своей скептичности, был совершенно им очарован.

— Я бы назвал вас милейшим стариком. И буду счастлив возможности называть вас «Отец».

— И хорошо, сынок, и очень хорошо. Я рад, что ты испытываешь такие чувства. Но ты, конечно же, понимаешь, что нельзя допустить, чтобы это знали все и каждый. Может вызвать неуважение. Но ты-то совсем другой. Особый.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

— Хочешь не хочешь, но нужно иметь эффективность. А для этого нужно людей попугивать, хотя бы изредка. Нужно внушать уважение. Управлять без уважения просто невозможно.

— Понимаю, сэр.

— Нужно иметь эффективность. Нельзя управлять жизнью изо дня в день, из года в год, вечность напролет, если нет эффективности. А какая же

эффективность, если нет уважения?

— Конечно, сэр, — сказал Бро, ощущая нарастающее сомнение.

Нуда, это был прелестный старик, но в то же время — болтливый и пустословный. Его сатанинское величество оказался существом довольно скучным и далеко уступавшим Христиану Бро в ясности мысли.

— И вот что я вечно твержу, — продолжил старик, задумчиво потирая коленку. — Вся эта любовь, и поклонение, и всякое в этом роде, их добиться не так уж и трудно. Все они очень приятны, но эффективность гораздо важнее, во всяком случае, для того, кто в моем положении. Ну а ты-то, сынок, что ты-то здесь ищешь?

«Посредственность, — горько подумал Бро, — унылейшая посредственность.»

— Истину, — сказал он, — Я ищу истину.

— Зачем же тебе, Христиан, эта самая истина?

— Отец Сатана, я просто хочу ее знать. Я все время ее ищу. Я хочу знать, почему мы существуем, почему мы живем и всегда к чему-то стремимся. Я хочу все это знать.

— Да уж, — хохотнул старичок, — запросы, сынок, у тебя что надо. Серьезные такие запросики.

— Так вы можете рассказать мне, отеп Сатана?

— Немножко, Христиан, совсем чуть-чуть. А что бы хотел ты узнать в первую очередь?

— Что в нас такое, что заставляет стремиться к недостижимому? Что суть те силы, которые нами двигают? Что оно есть такое это самое Это, которое не дает мне ни секунды успокоения, не ищет успокоения, изводит меня вопросами, а если они разрешаются, тут же находит новые? Что все это такое?

— Да как же, — сказал Сатана и указал на свой арифмометр. — Все это устройство, оно всем и управляет.

— Вот эта штука?

— Да, эта штука.

— И она всем управляет?

— Управляет всем, чем управляю я, а я управляю всем сущим. — Старичок опять хохотнул и протянул Христиану Бро свои очки. — Ты, Христиан, необычный парень. Первый, кому достало уважения навестить старика Сатану… в смысле, живьем. Я хочу отплатить за любезность любезностью. На, возьми.

Удивляясь, зачем ему это, Бро взял очки.

— Да ты надень их, надень, — сказал старичок. — Посмотри все сам.

И как только Бро надел очки, его удивление воз-

росло безмерно — теперь он видел всю Вселенную и смотрел на нее глазами Вселенной. Сатанинский арифмометр превратился из устройства, только и умеющего, что складывать и вычитать, в непомерно сложную перекладину кукловода, с которой свисало бесконечное количество мерцающих серебряных нитей.

Каждая из этих нитей была привязана сзади к шее того или иного живого существа, и в результате все живое плясало пляску жизни под управлением весьма эффективной сатанинской машины. Бро встал, поднялся на нижний помост и ткнул наугад в одну из клавиш. На некоей бледной планете некое существо взалкало убить и убило. Второй нажим на клавишу — и оно пожалело о сделанном. Третий — и оно все забыло. Четвертый — в полуконтиненте оттуда другое похожее существо проснулось на пять минут раньше обычного, с чего началась цепочка случайностей, приведшая к разоблачению и наказанию убийцы.

Бро отшатнулся и сдвинул очки на лоб, арифмометр продолжал пощелкивать. Отстранение и почти не удивляясь, Бро про себя отметил, что стрелки исполинского хронометра, заполнявшего всю верхнюю часть купола, успели за это время

сдвинуться на три месяца.

Вот, думал он, мне и ответ — жуткий, жестокий ответ на все мои вопросы, и мистер Некто в бомбоубежище был абсолютно прав. Истина это ад. Все мы марионетки. Мы почти не отличаемся от бездушных тряпичных кукол, подвешенных на ниточках и только притворяющихся, что живут. Вот здесь, в этом здании, некий старичок, приятный, но не слишком-то умный, нажимает на клавиши, а там, у себя внизу, мы принимаем это за свободную волю, судьбу, карму, эволюцию, веление природы и тысячу прочих сущностей, не значащих в действительности ровно ничего. Да, горькое открытие. Ну почему так всегда выходит, что истина тошнотворна?

Он посмотрел вниз. Старик Сатана сидел на ступеньке, уронив голову набок, с полузакрытыми глазами и бормотал что-то неразборчивое насчет непосильной работы и невозможности передохнуть.

— Отец Сатана…

— Да, мой мальчик? — встрепенулся старик.

— Так что же, все это правда? И все мы, сколько нас есть, пляшем под ваши клавиши?

— Да, мой мальчик, так оно и есть. — Старик широко, блаженно зевнул. — Все вы считаете себя

свободными, и все вы пляшете под мою игру.

— В таком случае, отче, даруй мне, пожалуйста, одну вещь. Совсем-совсем маленькую. В некоем закоулке этой звездной империи есть крошечная планета, буквально пылинка, которую мы называем Земля.

— Земля? Нет, сынок, сразу я и не вспомню. Но если тебе так уж надо, могу навести справки.

— Не беспокойтесь, сэр, она там действительно есть. Я это знаю точно, потому что и сам на ней жил. Сделайте мне одолжение: оборвите ниточки, идущие к ней. Отпустите Землю на свободу.

— Ты, Христиан, хороший парень, но мог бы быть и поумнее. Мог бы и своим умом понять, что это невозможно.

— В вашем царстве, — не унимался Бро, — душ так много, что их и не сосчитать. Там бессчетные солнца и планеты. И эта крошечная пылинка праха… Уж конечно, вы, владеющие столь многим, могли бы без ущерба расстаться с этой крошечной его частью.

— Нет, сынок, никак не могу. Ты уж меня извини.

— Вы единственный, кому известна свобода. Неужели вы не можете дать ее горстке других?

Но координатор всего, что существует, вновь

погрузился в сон.

Немного подумав, Бро опустил очки на глаза. Пусть немного поспит, пока он, Бро, Сатана pro tempore[6], работает вместо него.

«О, я с лихвой отплачу за крах своих ожиданий, вдоволь позабавлюсь, сочиняя романы, писанные плотью и кровью. А может быть, если удастся найти нитку, привязанную к моему затылку, и заодно нужную клавишу, не знаю уж как, но дам свободу себе, Христиану Бро. Это ли не вызов — недостижимая цель, которая может быть достигнута, что в свою очередь приведет к новым и новым вызовам».

Он виновато оглянулся, не видит ли Сатана того, чем он тут занимается. Ведь может быть наказание, и поделом. Глаза его скользнули по тщедушному правителю всего сущего, и Бро вдруг испытал настоящее потрясение. Сперва задрожали его пальцы, потом руки, а кончилось тем, что все его тело стало бить неудержимой дрожью. И тогда, впервые в своей жизни, он зашелся смехом. Это был настоящий, искренний смех, а не тот деланый смешок, который он столь часто изображал в прошлом. Его хохот гулко раскатывался

---

[6] Примечания: 6
На время, временно *(лат.). (Прим. перев.)*

под высоким, огромным куполом. Отец Сатана не мог не проснуться.

— В чем дело, сынок? — воскликнул он. — Что это вдруг с тобою?

Был это горький смех крушения всех надежд? Или смех облегчения? Смех ада или чистилища? Бро и не пытался в этом разобраться, а просто трясся от хохота, глядя на мерцающую ниточку, которая тянулась к затылку Сатаны, превращая его в марионетку, на серебряное волоконце, другой конец которого терялся из виду где-то там, в вышине, где находилась многоогромнейшая машина безначального и бесконечного кукловода, таившегося в непознаваемых далях непознаваемого космоса. О блаженная непознаваемость!

V

Так было, что вначале все было тьма. Не было ни суши, ни моря, ни неба, ни кружащих в нем звезд. Не было ничего. Затем пришел Иалдабаоф и отделил свет от тьмы. И тьму Он собрал всю вместе и слепил из нее ночь и небо. И свет Он собрал весь вместе и слепил из него Солнце и звезды. Затем от плоти Его плоти и крови Его крови сделал Иалдабаоф землю

и все вещи, которые на ней.

Но дети Иалдабаофа были новыми к жизни и лишенными знания, и племя их не давало плодов. И когда дети Иалдабоофа стали уменьшаться в числе, они воззвали к Господу: «Господи Великий, даруй нам знамение, чтобы мы знали, как плодиться и размножаться! О Господи, даруй нам знамение, дабы Твое сильное и доброе племя не исчезло с лица Твоей земли!»

И тогда Иалдабаоф удалил лицо Свое от назойливых тварей Своих. И ожесточились они сердцем, греховно думая, что Господь их покинул. И пути их были путями неправедными, пока не восстал пророк, чье имя было Маарт. И собрал Маарт всех чад Иалдабаофа, и воззвал к ним, глаголя: «Греховны пути твои, о народ Господень, ибо усомнился ты в Господе, ибо дал он вам знамение веры».

Они же ответили: «Где то знамение?»

И тогда Маарт пошел в горы, а с ним вместе великое множество людей. Девять дней они странствовали и девять ночей, пока не поднялись на вершину горы Синар. А па вершине горы Синар они узрели

великое чудо и пали на колени, выкликая: «Велик наш Господь! Чудесны дела Его!»

Ибо пред ними сверкала сплошная завеса огня.

Книга Маарта, XIII: 29-37

Пройти сквозь завесу — к какой реальности? Нет смысла даже пытаться что-то решить. Я не могу. Видит Бог, это всегда было для меня главной мукой — пытаться сделать выбор. Я никогда ничего не чувствовала, ничто меня никогда не трогало, никогда! Это или то. Взять кофе или чай. Купить серебряное платье или черное. Выйти замуж за лорда Бакли или жить с Фредди Уидертоном. Позволить Финчли приставать ко мне или больше для него не позировать. Нет, нет смысла даже пытаться.

Как блестит эта завеса в дверном проеме! Словно радужный муар. Вот идет Сидра. Проходит словно сквозь пустоту. Похоже, это не больно. Это хорошо. Видит Бог, я могу выдержать все, что угодно, но только не боль. Не осталось уже никого, кроме меня и Боба, и он, похоже, не спешит. Нет, остался еще и Крис, он вроде как прячется в органной нише. Теперь, похоже, моя очередь. Как-то слишком уж быстро, но нельзя же торчать

здесь до бесконечности. И куда же я?

Никуда?

Да, вот именно. Никуда.

В этом мире, который я покидаю, не было и нет места для меня, настоящей меня. Мир не хотел от меня ничего, кроме моей красоты, не хотел того, что внутри меня. Я хочу быть полезной. Я хочу быть частью чего-то. Будь я частью чего-то, имей моя жизнь хоть какую-то цель, эта ледышка в моем сердце могла бы и растаять. Я могла бы научиться что-то делать, что-то чувствовать, чему-то радоваться, могла бы даже научиться влюбляться. Да, я направляюсь в никуда.

Пусть будет новая реальность, которая во мне нуждается, которая меня хочет, может меня использовать… И пусть эта реальность примет решение сама и позовет меня. Ведь если придется выбирать, я непременно снова выберу не то.

А что, если я не нужна нигде, если я пройду сквозь этот огонь, чтобы вечно странствовать в пустом безликом пространстве? Даже и тогда я ничего не теряю. Разве не этим я занималась всю свою жизнь?

Возьми меня, ты, кто меня желает, кому я нужна!

Какая прохладная эта завеса… словно обрызга-

ли чем-то ароматным.

> *И когда люди стояли на коленях и молились, Маарт воззвал к ним: «Встаньте, о чада Иалдабаофа, и воззрите своими глазами!»*
>
> *Тогда они встали и содрогнулись от ужаса, ибо из завесы огня вышел зверь, от одного вида которого сердца всех похолодели. Он возвышался на восемь локтей, а шкура его была розовая с белым. Шерсть на его голове была длинная и желтая, а туловище — длинное и с изгибами, словно некое поганое дерево. И все оно было покрыто свободно висящими складками странного белого меха.*
>
> ***Книга Маарта, XIII: 38-39***

Боже Всемилостивый! Так это и есть реальность, меня призвавшая? Реальность, которой я нужна?

Это солнце… такое высокое… его яркий голубоватый глаз, как на картине у итальянского художника… горные вершины. Они выг ладят словно груды отвратительных нечистот. И эти долины… как гноящиеся раны. И тошнотворный, как на помойке, запах. Везде гниение и распад.

И эти отвратительные существа… они толпятся вокруг… словно гориллы, измазанные дегтем. Не животные — и не люди. Словно люди, не очень успешно переделанные в зверей, — или звери, совсем уже плохо переделанные в людей. Они мне что-то напоминают. И пейзаж тоже какой-то знакомый. Где-то я все это уже видела. Не знаю как, но я бывала здесь прежде. Возможно, в мечтах о смерти… возможно.

Так это реальность смерти, и она меня призвала? И я ей нужна?

> *И снова народ вскричал: «Слава Иалдабаофу!» И при звуках священного имени зверь повернулся к огненной завесе, из коей пришел он, и завеса тут же исчезла.*
>
> ***Книга Маарта, XIII: 40***

Нет отступления?

Нет выхода?

Нет возвращения в нормальный, разумный мир?

Но она же была здесь секунду назад, эта завеса. Выхода нет. Только послушать эти звуки, которые они издают. Визжат, словно свиньи. Неужели они считают, что поклоняются мне? Нет. Это не может быть реальным. Никакая реальность не может

быть столь ужасна. Некий грязный трюк… Вроде того, что мы сыграл и с леди Саттон. Я нахожусь в бомбоубежище. Боб Пил сыграл очередную шуточку и подсунул нам некий новый наркотик. Потихоньку, так, чтобы мы и не знали. Я лежу на диване и вскрикиваю во сне. Но скоро проснусь. Или верный Диг меня растолкает… до того как эти страшилища подойдут совсем близко.

Я должна проснуться!

С громким криком зверь огня пробежал сквозь толпу и помчался вниз по горному склону. И звук его голоса вселял в сердца страх, подобный страху, какой бывает, когда колотят в медные щиты.

И когда он пробегал под низко нависшими ветвями горных деревьев, дети Иалдабаофа снова тревожно вскричали, ибо зверь устрашающим образом скидывал по пути свою белую шерстистую шкуру. И клочки этой шкуры так и остались висеть на деревьях. А зверь все бежал и бежал, словно ужасное белое с розовым предупреждение всем, кто грешит и не следует путям праведным.

Книга Маарта, XIII: 41-43

Быстрее! Быстрее! Пробежать через их толпу, прежде чем они коснутся меня своими мерзкими лапами. Если это кошмарный сон, бег может меня разбудить. Если это реально… нет, такого не может быть. Чтобы со мной приключился весь этот ужас?!! Нет, не может быть. Неужели боги взревновали к моей красоте? Нет, боги никогда не ревнуют. Это люди.

Мое прекрасное платье…

Одернулось по пути.

Возвращаться за ним уже некогда. Побегу голая. Как исступленно они кричат — жаждут меня. Вниз! Вниз! Быстрее, как только возможно, со склона этой горы. Эта здешняя гнилая земля. Ноги

липнут. Вязнут.

О Господи! Они бегут за мной.

Не за тем, чтобы поклоняться.

Ну почему я не могу проснуться?

В моих легких словно сотня ножей.

Они уже близко. Слышу их топот. Все ближе и ближе!

НУ ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ПРОСНУТЬСЯ?

И тогда Маарт громко вскричал: «Предложите этого зверя Господу нашему Иалдабаофу в жертву!»

По этому зову люди воспрянули духом и препоясали свои чресла. С палками и камнями в руках они преследовали зверя по склону горы Синар, и многие из числа их боялись, но все они выкликали Имя Господа.

Уже на равнине ловко брошенный кем-то камень заставил зверя упасть на колени, и вскричал он голосом ужасным для слуха. А затем отважные воины ударяли его крепкими палками, и в конце концов крики его утихли, и он остался лежать без движения. Из мерзкого его тела выступила ядовитая красная вода,

от которой тошнило всех, ее видевших.

Когда же принесли зверя в верховный храм Иалдабаофа и заключили в поставленную пред жертвенником клетку, крики его зазвучали вновь, оскверняя священный храм. И верховные жрецы преисполнились тревогой, говоря: «Подобает ли предлагать столь мерзостную жертву Иалдабаофу, Господу богов?»

Книга Маарта, XIII: 44-47

Боль.

Нестерпимая жгучая боль.

Не могу пошевелиться.

Не бывает снов настолько длинных… настолько реальных. Так что ж, все это реально? Реально. А я? Тоже реальная. Посторонняя в некой реальности мерзости и терзаний. Но почему? Почему? Почему?

В моей голове все перепугалось, смешалось в какую-то кашу.

Это терзание… где-то… в каком-то месте… я уже слышала это слово. Терзание. Приятно звучит. Муки? Нет, терзание лучше. Звучит как нечто из мадригала. Название корабля. Княжеский титул. Принц Терзание. Красавица и принц.

Все перемешалось в голове. Мощный свет и ослепительные звуки накатываются и пропадают и не имеют значения.

Жила была красавица, терзавшая одного человека. Вот так говорят. Говорили.

Как его звали?

Принц Терзание? Нет. Финчли. Да. Дигби Финчли.

Говорят — говорили, — Дигби Финчли любил ледяную богиню, которую звали Фиона Дюбеда. Розовая ледяная богиня. Где-то она сейчас?

И пока этот зверь изрыгая с жертвенника угрозы и богохульства, собрался верховный синедрион, и пришел на него Маарт и сказал: «О вы, жрецы Иаядабаофа, возвысьте свой голос во славу Господа, ибо был Он во гневе, и отвернул Он лицо Свое от нас. И вот дана была нам жертва, дабы принял Он и заключили с Ним мир».

Но тут заговорил верховный жрец и сказал: «Что мы слышим, Маарт? Говоришь ли ты, что это жертва Господу нашему?»

И сказал Маарт: «Да. Ибо это есть зверь из огня, и священным огнем Иалдабаофа

он будет возвращен, откуда он вышел».

И спросил тогда верховный жрец: «Но достойна ли эта жертва глаз нашего Господа?»

И ответил Маарт: «Все вещи от Господа, а потому любая вещь достойна глаз Его. Возможно, через эту жертву Иалдабаоф ниспошлет нам знамение, чтобы народ Его не погиб с лица земли. Так принесем зверя в жертву».

И тогда синедрион согласился, потому что жрецы боялись, что детей Господа больше не будет.

Книга Маарта, ХШ: 48-54

Как танцуют эти глупые обезьяны.

Вокруг, и вокруг, и вокруг.

И рычат при этом.

Словно говорят.

Словно…

Нужно прекратить этот звон в голове. Этот «диги-дон, диги-дон». Словно в те дни, когда Диг напряженно работал и я принимала эти хребтоломательные позы и стояла так час за часом, лишь изредка делая пятиминутные перерывы, и у меня закружилась голова, и я потеряла созна-

ние и упала с помоста, а Диг уронил палитру и бросился ко мне, и его большие серьезные глаза были готовы заплакать.

Мужчины не должны плакать, но это, я знаю, потому, что он любил меня, и я тоже хотела любить или его, или кого-нибудь другого, но он мне был не нужен. Мне ничего не было нужно, только найти самое себя. Все равно что поиск сокровища. И теперь я найдена. Вот это — я. Теперь у меня нужда, и боль, и одиночество, и тоска по Дигу с его большими серьезными глазами. Видеть эти глаза, и страх перед моими обмороками, и как он танцует около меня с чашкой чая.

Танцуют. Танцуют. Танцуют.

И гулко стучат себя в грудь, и хрюкают, и стучат.

И когда они злобно рычат, с их желтых клыков стекает слюна. И эти шестеро, чьи груди завернуты в гнилые обрывки какой-то ткани, шествуют вокруг почти как царственные особы, почти как люди.

Как танцуют эти глупые обезьяны.

Они танцуют вокруг, и вокруг, и вокруг, и…

И было так, что приближался великий праздник Иалдабаофа. И когда этот день

наступил, синедрион распахнул двери храма и вошли в храм великие толпы детей Иалдабаофа. И вытащили жрецы зверя из клетки, и возложили его на жертвенник. Каждый из четырех жрецов держал зверя за одну из лап, и раскинули они его на жертвенном камне, и зверь издавал богомерзкие звуки.

И вскричал тогда пророк Маарт: «Разорвите зверя на куски, дабы вонь его смерти вознеслась к небесам и стала для Иалдабаофа знаком, что принесли мы Ему жертву».

И четыре жреца, сильных и непорочных, держали зверя за лапы, и чудно было видеть его мерзкие корчи, и греховный свет его кошмарной шкуры повергал всех, кто видел, в ужас.

И когда Маарт возжег жертвенные огни, твердь с грохотом содрогнулась.

Книга Маарта, XIII: 55-59

Дигби, приди ко мне!
Дигби, где бы ты ни был, приди ко мне!
Это Фиона.
Фиона.

Твоя ледяная богиня.

Уже не ледяная, Дигби.

Еще чуть-чуть, и я сойду с ума.

Колеса крутятся быстрее, и быстрее, и быстрее.

У меня в голове, все быстрее, и быстрее, и быстрее.

Дигби, приди ко мне.

Ты мне нужен.

Принц Терзание.

Терзание.

А затем своды храма с грохотом раскололись, и все, кто там был, содрогнулись от страха, и внутренности их стали подобны воде. И все они узрели, как Господь Иалдабаоф нисходит с черного как уголь неба прямо на жертвенник.

И словно бы целую вечность взирал Господь наш Иалдабаоф на пришедшего из огня зверя, приносимого Ему в жертву, зверь же корчился, извергая богохульства, и греховная мерзость его была бессильна в руках непорочных жрецов.

Книга Маарта, XIII: 59—60

Это уже запредельный ужас, запредельная мука.

Это чудовище, которое спускается с неба.

Человек-обезьяна-зверь-ужас.

И запредельная шутка, что он слетает как нечто сделанное из пуха, тончайшего шелка и перьев, как нечто радостное и почти невесомое. Чудовище на крыльях света. Чудовище с перекрученными ногами и руками, с тошнотворным телом. Голова человека-обезьяны… разбитая, распоротая, расквашенная, и в ней большие, блестящие пристальные глаза.

Глаза? Где это я?..

ЭТИ ГЛАЗА!

Нет, это не сумасшествие. Нет. Не «дин-дон-звон». Нет. Мне знакомы эти глаза, эти большие серьезные глаза. Я видела их прежде. Годы назад. Минуты назад. В клетке зоопарка? Нет. За стеклом аквариума? Нет. Большие серьезные глаза, полные обожания и безнадежной любви.

Нет… Пусть будет, что я ошибаюсь.

Эти большие серьезные глаза совсем уже готовы расплакаться.

Расплакаться, но ведь мужчины не плачут.

Нет, не Дигби. Этого не может быть, не должно быть. Ну пожалуйста!

Так вот где я видела это место, этих людей-животных и этот адский пейзаж — на рисунках

Дигби. На этих жутких картинах, которые он рисовал. Для забавы, говорил он, для развлечения.

Развлечение!

Но он-то почему так выглядит? Почему он такой же ужасный и мерзкий, как и все остальные… Такой, как его картины?

Так что же, Дигби, это твоя реальность? Ты меня призвал? Ты нуждаешься во мне, хочешь меня?

Дигби!

Диг.

Диги-диг-круть-и-верть-диги-дон-звон-звон-звон…

Почему ты меня не слушаешь? Не слышишь? Почему ты на меня так смотришь, как сумасшедший, ведь минуту назад ты расхаживал по убежищу, пытаясь принять решение, и первым прошел сквозь эту огненную завесу, и я тобой восхищалась, потому что мужчины всегда должны быть смелыми, но не мужчины-обезьяны-звери-чудовища…

И тогда Господь Иалдабаоф заговорил со своим народом, и от голоса Его содрогнулись горы, и сказал Он: «Восславьте Господа, чада мои, ибо этот зверь был послан вам быть вашей королевой и су-

пругой Господа вашего».

И вскричал тогда весь народ одним голосам: «Слава Господу нашему Иалдабаофу».

И склонился Маарт перед Господом и вознес мольбу: «Даруй, о Господи, чадам Своим знамение, что будут они плодиться и размножаться».

И протянул Господь к зверю длань Свою, и принял его из жертвенных огней и рук непорочных жрецов, и свершилось новое чудо. Греховность возопила в последний раз и покинула тело зверя, оставив после себя одно лишь благолепие. И сказал Господь, обращаясь к Маарту: «Се есть вам знамение».

Книга Маарта, XIII: 60-63

Пусть я умру.

Пусть я умру навсегда.

Чтобы не видеть и не слышать…

Что?

Прелестные обезьяны танцуют кругом и кругом и кругом такие хорошие и красивые и все вокруг такое хорошее и красивое и большие серьезные глаза смотрят прямо мне в душу и милый Диг-а-

Диг касается меня руками которые так странно изменились стали хорошими и красивыми от скипидара или охры или жженой умбры или сепии или желтого хрома которые были у него на пальцах каждый раз когда он ронял палитру и кисти и бросался ко мне когда я…

Любовь все изменяет. Да. Как хорошо быть любимой милым Дигби. Как тепло и уютно быть любимой и нужной и хотеть быть единственной изо всех миллионов и видеть как он странно прекрасно торжественно идет слетает снисходит в реальность вроде реальности Саттоновского замка где то убежище и я точно знаю что эти обрывы… с прелестными обезьянами которые смеются и прыгают и поклоняются такие забавные такие забавные такие милые такие хорошие такие забавные такие…

Тогда приняли дети Иалдабаофа знамение Божье сердцами своими и стали с той поры плодиться и размножаться по примеру Господа нашего Бога и Его супруги иже суть на небесех.

Здесь кончается КНИГА МААРТА.

VI

Войдя в пылающую завесу, Пил неуверенно остановился. Ведь он не сделал еще выбор. Для него, человека логики и разума, это было до крайности необычно. Впервые за всю свою жизнь он не смог принять мгновенное решение, что лишний раз показывает, насколько глубоко потрясла его эта *штука* в убежище.

Он стоял, окутанный огненной дымкой, переливавшейся как опал и бывшей куда плотнее, чем могло показаться раньше. Она его окружала и полностью изолировала, чтобы другие, шедшие следом, не могли на него натолкнуться, но никого вокруг как не было, так и не было. Пилу дымка представлялась не то чтобы красивой, но довольно интересной. Хроматическая дисперсия была необычно широкой и раскинулась на сотни тончайших оттенков видимого спектра.

Пил прикинул обстановку. Данных под рукой было мало, но, скорее всего, он находился вне пространства и времени или между измерениями. По-видимому. Это помешало их en rapport[7]

---

[7] Примечания: 7

В связь *(фр.).* Выражение чаще всего употребляется в смысле психической связи. *(Прим, перев,)*

с матрицей существования, так что уже само намерение, с которым они входили в завесу, определяло координаты точки выхода. Завеса была в некотором смысле шарниром, на котором они могли развернуться к любому желаемому существованию в любом пространстве и времени — что возвращало Пила к вопросу его собственного выбора.

Он тщательно взвесил то, что уже имеет, против того, что мог бы получить. До данного момента он был вполне удовлетворен своей жизнью. У него было много денег, серьезная профессия инженера-консультанта, прекрасный дом на Челси-сквер и привлекательная жена. Отдавать все это в обмен на неопределенные обещания лица, чьи полномочия никому неизвестны, было бы непростительной глупостью. Пил давно уже научился никогда ничего не изменять без достаточных к тому оснований.

Во мне отсутствует авантюризм, холодно размышлял Пил. Отсутствует и совсем мне не нужен. Меня ничуть не привлекает романтика, я с подозрением отношусь к неизвестному. Мне нравится сохранять то, что я имею. Не буду скрывать, во мне силен инстинкт приобретательства, но не менее силен и собственнический инстинкт.

Теперь же я хочу сохранить то, что уже имею. Без всяких изменений. Д ля меня не может быть иного решения. Пусть остальные дурят с этой самой романтикой сколько угодно, я же сохраню свой мир точно таким, какой он есть. Повторяю: никаких изменений.

Это решение заняло у Пила не меньше минуты, промежуток времени необычно длинный, но ведь и ситуация была не совсем обычной. Он уверенно шагнул вперед и оказался в подземном коридоре Саттоновского замка.

Навстречу ему уже в каких-то футах поспешала молоденькая служанка с подносом в руках. На подносе стояла бутылка эля и лежал исполинский сэндвич. Услышав появившегося Пила, она вскинула глаза и резко остановилась. Поднос с грохотом упал на пол.

— Какого черта?.. — начал Пил, ошарашенный ее поведением.

— М-мистер Пил, — взвизгнула служанка и тут же заорала во весь голос: — Помогите! Убивают! Помогите!

Чтобы утихомирить истерическую девицу, Пил ударил ее по щеке.

— Не будешь ли ты добра заткнуться и разумно объяснить, какого черта ты здесь делаешь в пер-

вом часу ночи?

Девица жалобно вскрикнула и что-то залопотала; прежде чем Пил отвесил ей следующую пощечину, он почувствовал на плече чью-то тяжелую руку. Резко обернувшись, он был еще больше ошарашен, увидев перед собой красную мясистую физиономию полисмена. И эта физиономия горела праведным гневом. Пил едва не разинул от изумления рот и опустил уже поднимавшуюся руку. Он попал в водоворот непонятных событий, и не было смысла барахтаться, пока не станут ясны все подводные течения.

— Нет, сэр, — сказал полицейский. — Не надо, сэр, бить эту девушку.

Пил не ответил, нужно было накопить побольше фактов. Служанка и полисмен. Что они здесь делают? Полисмен подошел к нему сзади. Так он что, тоже прошел сквозь завесу? Впрочем, никакой завесы уже не было, была только тяжелая дверь бомбоубежища.

— Если я слышал правильно, эта девушка назвала вас по имени, сэр. Вы не могли бы, сэр, сообщить его мне?

— Я Роберт Пил, гость леди Саттон. А что тут, собственно, происходит?

— Мистер Пил, — возликовал полицейский. —

Ну надо же какая удача! Я получу за это повышение. Я должен забрать вас в участок. Мистер Пил, вы арестованы.

— Арестован? Да вы с ума сошли, милейший.

Пил сделал шаг назад и заглянул через плечо полицейского. Дверь убежища была приоткрыта, и можно было рассмотреть, что там делается. Все помещение было вверх тормашками, словно после большой уборки. И по всей видимости, там не было ни души.

— Я предупреждаю вас, мистер Пил, чтобы вы не оказывали сопротивления.

Девица снова завыла.

— Послушайте, — вконец разозлился Пил, — какое вы имеете право вламываться в частное жилище и напропалую развлекаться, производя аресты? Кто вы такой?

— Моя фамилия Дженкинс, сэр, полиция графства Саттон. Я совсем не развлекаюсь, сэр.

— Так вы что, всерьез?

— Идемте, сэр — Полисмен величественно показал вперед, в сторону девицы и коридора. — И ведите себя лучше спокойно.

— Да ответьте же, идиот! Это что, настоящий арест?

— Вам следовало бы знать, — ответил полицей-

ский со зловещими нотками в голосе. — Идите первым, сэр.

Пил нехотя подчинился. Он давно уже научился тому, что, встречаясь с непонятной, непредвиденной ситуацией, нельзя предпринимать решительных действий, пока не наберется достаточное количество исходных данных. Он шел по коридору и винтовым лестницам, а сзади следовали полисмен и все еще хныкавшая девица. Пока что он твердо знал только две вещи. Первая: где-то что-то случилось. Вторая: вмешалась полиция. Все это было по меньшей мере сумбурно, но он будет хранить ясную голову. Он привык гордиться тем, что не терялся ни при каких обстоятельствах.

На выходе из подземелья Пила ждал новый сюрприз. На улице был ясный, солнечный день. Он взглянул на часы, они показывали без двадцати час. Пил опустил руку и зажмурился от резанувшего по глазам солнечного света. Полицейский тронул его за локоть и направил в сторону библиотеки. Пил без раздумий подошел к двери и распахнул ее.

Библиотека была длинная, высокая и мрачноватая, с узкой галереей, огибавшей ее со всех сторон почти под самым готическим потолком.

Посередине помещения стоял длинный тяжелый стол; в снопах солнечного света, проникавших сквозь высокие окна, рисовались силуэты трех сидящих за столом фигур. Пил шагнул через порог, мельком заметил второго полисмена, сторожившего у двери, и узко прищурился, пытаясь рассмотреть лица. Одновременно он пытался извлечь максимальную информацию из гула удивленных восклицаний, которым был встречен его приход. Судя по всему: первое, эти люди его искали. Второе, он какое-то время отсутствовал. Третье, никто не ожидал найти его здесь, в Саттоновском замке. Примечание: как вообще он сюда попал? Все это вытекало из удивленных восклицаний. А затем его глаза попривыкли.

Одним из трех был угловатый мужчина с узкой седеющей головой и морщинистым лицом. Пил его вроде бы где-то видел. Второй был маленький, плотный, с до смешного тоненькими очочками, воздетыми на обширный, картошкою нос. Третьей была женщина, в которой Пил с удивлением узнал свою жену. На Сидре был костюм из шотландки и красная фетровая шляпка.

Угловатый мужчина жестом призвал остальных к тишине и сказал:

— Мистер Пил?

— Да?

— Я инспектор Росс.

— Мне так и показалось, что я узнал вас, инспектор. Ведь мы встречались?

— Да, встречались, — кивнул инспектор Росс, а затем указал на соседа в очках. — Доктор Ричардс.

— Рад познакомиться, доктор. — Пил повернулся к своей жене, и губы его изогнулись в улыбке. — Сидра? Ну как дела, дорогая?

— Прекрасно, Роберт, — ответила Сидра сухим, без выражения голосом.

— Должен признаться, что у меня все несколько перепуталось, — продолжил Пил, словно не заметив ее тона. — Произошло очень много всякого, и продолжает происходить.

Достаточно. Сейчас нельзя ничего лишнего. Осторожность. Никакой определенности, пока не удастся во всем разобраться.

— Произошло и происходит, — кивнул инспектор Росс.

— Прежде чем переходить к дальнейшему, могу я спросить, сколько сейчас времени?

Росс был явно удивлен.

— Два часа пополудни.

— Благодарю вас. — Пил послушал свои часы, а

затем переставил стрелки. — Мои часы как шли, так и идут, но они почему-то сильно отстали.

В то же время он скрытно наблюдал за выражениями их лиц. Предстояло плавание в очень опасных водах, и эти лица были единственным маяком. А затем Пил заметил перед Россом настольный календарь, и это было как удар под ребра.

— Скажите, инспектор, это правильная дата? — спросил он, судорожно сглотнув.

— Естественно, мистер Пил. Двадцать третье число, воскресенье.

Целых три дня! Это никак не возможно! — кричало что-то в его голове. Однако Пил усилием воли сдержал волнение. Спокойнее… спокойнее… все идет как надо. Эти три дня куда-то потерялись, ведь когда он шагнул в завесу, был четверг, тридцать восемь минут пополуночи. Да. Главное, не волноваться. На кону стоит гораздо больше, чем пропавшие три дня. Конечно же так, а иначе — откуда полиция? Тянуть время, пока не наберется побольше информации.

— Мистер Пил, — сказал инспектор Росс, — все эти три дня мы вас искази. Вы исчезли совершенно неожиданно, мы несколько удивлены, найдя вас в замке.

— Да? Почему?

Действительно — почему? Что тут такое случилось? И почему это Сидра сверкает глазами, словно фурия, обуянная жаждою мести?

— Потому, мистер Пил, что вы обвиняетесь в предумышленном убийстве леди Саттон.

Потрясение и опять потрясение! Они наваливались одно за другим, но Пил все так же держал себя в руках. Вот теперь информация хлынула широким потоком. Он задержался в завесе на какую-то пару минут, но эти минуты, проведенные в чистилище, превратились при переходе к нормальному времени в целых три дня. Тело леди Саттон было обнаружено, и его обвинили в убийстве.

Он знал, что никому не уступит в силе и ясности мысли, способности выходить из любых, самых трудных положений, но знал и то, что следует действовать с предельной осторожностью…

— Я не понимаю, инспектор. Вы бы объяснили все это поподробнее.

— Хорошо. В пятницу утром поступило сообщение о смерти леди Саттон. Медицинское обследование показало, что она умерла от инфаркта, наступившего в результате внезапного потрясения. У нас есть свидетельские показания,

что вы намеренно напугали леди Саттон с целью вызвать сердечный приступ, будучи полностью осведомлены о слабости ее сердца. Если все это так, мистер Пил, то мы имеем дело с предумышленным убийством.

— Конечно, — согласился Пил, — но вот именно «если*. Если это действительно так и если вы сможете это доказать. Могу я попросить вас назвать имена ваших свидетелей?

— Дигби Финчли, Христиан Бро, Фиона Дюбеда и… — Росс закашлялся и оборвал фразу.

— И Сидра Пил, — сухо докончил Пил и бьи вознагражден за догадливость злобным взглядом жены.

Вот теперь все стало понятно, все встало на места. Они ударились в панику и выбрали его козлом отпущения. Тем более что Сидра с радостью готова от него освободиться. Прежде чем Росс или Ричардс успели вмешаться, он схватил Сидру за руку и потянул ее в угол библиотеки.

— Не беспокойтесь, инспектор, я просто хочу поговорить с ней с глазу на глаз. И могу вас заверить, что не будет никакого насилия.

Сидра с ненавистью вырвала руку и пронзила Пила испепеляющим взглядом, ее губы чуть-чуть раздвинулись, показав острые белые зубки.

— Это ты все устроила, — негромко сказал ей Пил.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Ведь это ты придумала, Сидра.

— Ты убил ее, Роберт.

— Это ты так говоришь.

— Не я, а мы, нас четверо, а ты один.

— Отлично вы все задумали.

— Бро хороший писатель.

— На основании ваших показаний меня вздернут за это убийство. А ты получишь дом, мое состояние и заодно избавишься от меня.

Сидра улыбнулась кошачьей улыбкой.

— Так это и есть га реальность, которую ты заказала? Именно это ты и задумала, проходя сквозь горящую завесу?

— Какую завесу?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Ты совсем сошел с ума.

Сидра была искренне ошарашена. Ну конечно же, подумал он, я ведь хотел, чтобы мир остался таким, как и был. Это, естественно, исключало и таинственное Нечто, и завесу, сквозь которую мы прошли. Но это не исключало ни убийства, случившегося раньше, ни всего того, что случилось потом.

— Нет, — сказал Пил, — я не сошел с ума, а просто не хочу быть для вас козлом отпущения. И не позволю вам все это провернуть.

— Не позволишь? — Сидра повернулась к инспектору. — Он хочет подкупить свидетелей. Я должна предложить каждому из них по десять тысяч фунтов, — добавила она, возвращаясь к своему стулу.

Так что предстояла кровавая битва. Его мозг работал быстро и точно, как отлаженная машина. Лучшей защитой было нападение, и время нападать наступило.

— Она лжет, инспектор, и все они лгут. Я обвиняю Бро, Финчли, мисс Дюбеда и мою жену в предумышленном убийстве леди Саттон.

— Не верьте ему! — взвизгнула Сидра. — Обвиняя нас, он просто пытается снять вину с самого себя. Он….

Пил не мешал жене визжать и лаже был благодарен ей за дополнительное время, когда можно было обдумать эту его ложь. Ложь должна быть убедительной, безупречной, истина лежала за пределами возможного. В этом новом старом мире никогда и не было никакой завесы, никакого загадочного Нечто.

— Убийство леди Саттон задумали и осуществи-

ли эти четыре личности, — продолжил Пил. — Я был единственным из группы, кто решительно возражал. Можно допустить, что четыре лица совершили преступление, невзирая на мнение пятого, но чтобы один против воли четырех, это не лезет ни в какие ворота. К тому же они прекрасно знали, что показания четверых перевесят показания одного, вы согласны со мною, инспектор?

Росс медленно кивнул, не в силах противиться отстраненной логике рассуждений Пила.

— Он врет, инспектор, — кричала Сидра и била инспектора кулачком по плечу. — Неужели вы сами не видите? Если все это правда, зачем же тогда он сбежал? Вы спросите его, где он пробыл все эти три дня…

Росс попытался навести хоть какой-то порядок.

— Успокойтесь, миссис Пил, успокойтесь, пожалуйста. Я же просто снимаю показания. Я никому из вас не верю и не не верю. Мистер Пил, вы хотите сказать что-нибудь еще?

— Да, конечно. Мы шестеро устраивали в прошлом много глупых, иногда опасных розыгрышей, но убийство с какой бы то ни было целью выходило за всякие рамки. В четверг эти четверо осознали, что я хочу раскрыть леди Саттон их

замысел, осознали и заранее подготовились. Мне подсыпали в вино какой-то наркотик. Я смутно помню, как два человека поднимают меня и куда-то несут, — и это все, что я знаю про убийство.

Инспектор снова кивнул. Доктор наклонился к нему и что-то прошептал.

— Да, конечно, — пробормотал инспектор, — Анализами займемся попозже. Продолжайте, пожалуйста, мистер Пил.

Пока все идет хорошо, думал Пил. Теперь добавим немного колорита, чтобы замазать шероховатости.

— Я очнулся в непроглядной темноте. Не было слышно ни звука, кроме тиканья моих часов. Как оказалось позднее, стены каземата были толщиною в десять — пятнадцать футов, так что я и не мог гам что-либо слышать. Изучив на ощупь обстановку, я понял, что нахожусь в небольшой полости размером приблизительно в два длинных шага на три.

— То есть примерно шесть футов на девять?

— Примерно. Я понял, что нахожусь в тайном застенке, известном кому-то из прочих членов нашей компании. После долгих часов отчаянных криков и стука по стенам очередной мой удар попал по нужному месту и сдвинул какой-то рычаг

либо пружину. Секция толстой стены отошла в сторону, и я оказался в коридоре, где…

— Да врет он, врет, разве вы не видите! — завизжала Сидра.

Пил ее полностью игнорировал.

— Вот, собственно, и все, что я могу рассказать.

И подкопаться к этому рассказу будет почти невозможно, думал он, стараясь сдержать злорадную улыбку. Саттоновский замок был известен изобилием тайных ходов. Его собственная одежда была помята и кое-где порвана каркасом, в котором он разыгрывал дьявола. Ни один из известных анализов не сможет показать, принимал ли он наркотик тремя днями ранее. Густые борода и усы полностью снимут опасность по линии бритья. Да, он имел законное право гордиться этой превосходной выдумкой, несколько экзотичной, но имевшей подтверждение в логике «четверо против одного».

— Мы зафиксировали, мистер Пил, — медленно начал инспектор, — что вы объявляете себя невиновным, и зафиксировали также ваши показания и предъявленное вами обвинение. Должен признаться, что ваше отсутствие казалось нам прямым указанием на вашу виновность, но теперь… — Он перевел дыхание. — Теперь, если мы

сможем обнаружить эту камеру, в которой вы находились…

Пил подготовился и к этому.

— Или сможете, или не сможете. Я все-таки инженер. Единственный способ, каким вам удастся обнаружить камеру наверняка, это взрывные работы, которые, скорее всего, уничтожат любые следы.

— Ничего, мистер Пил, мы рискнем.

— Это риск совершенно не нужен, — вмешался доктор.

— Почему? — удивился Росс.

Пил коротко, с подозрением взглянул на доктора. Опыт научил его, что толстяки зачастую бывают опасны. Нервы его напряглись.

— Вы, мистер Пил, — сказал толстый доктор, — рассказали презабавнейшую историю. Весьма занимательную. Но в то же самое время, уважаемый сэр, вы допустили промашку, непростительную для инженера.

— Вы не могли бы сказать мне, на чем основано это ваше заявление?

— С превеликой радостью. По вашим словам, вы очнулись в кромешной тьме и полной тишине. Каменные стены были настолько толстыми, что вы не слышали ничего, кроме тиканья ваших

часов.

— Именно так и было.

— Весьма колоритно, — улыбнулся доктор, — однако, увы, изобличает вас во лжи. Вы пробыли без сознания трое суток, а не бывает наручных часов, которые идут по семьдесят часов без подзавода.

Пил мгновенно понял, что доктор прав. Это же надо было сделать такую ошибку… не продумать простейшие обстоятельства… и поздно уже идти на попятный и вносить какие-либо поправки. Все эти выдумки взаимосвязаны: оборви он одну только ниточку, и расползется вся ткань. Черти бы драли этого доктора, но он абсолютно прав. Пил загнал себя в ловушку. Одного взгляда на лицо торжествующей Сидры было более чем достаточно. Нужно что-то делать, и как можно скорее! Он со смехом встал и поднял руки, признавая свое поражение. Такой себе рыцарственный Пил. А затем молнией метнулся к окну, скрестил руки перед липом, прикрыл ладонями уши, выбил стекло головой и прыгнул.

За спиной — звон осколков и удивленные крики. Слегка согнув нога, Пил приземлился на какую-то клумбу, чудом сумел не упасть и, не задерживаясь, побежал вокруг замка, туда,

где стояли машины. Пятью секундами позже он рванул дверцу Сидриного «родстера», а еще через пять секунд уже миновал чугунные ворота и погнал, набирая скорость, к проходившему рядом шоссе. Даже в такой критической обстановке Пил думал быстро и точно. Он сбежал настолько стремительно, что вряд ли кто-нибудь успел заметить, куда направилась машина, а направилась она в сторону неожиданную, на Лондон. В Лондоне можно на время затеряться, но не это главное. Следя глазами за пролетавшей мимо дорогой, он методично перебрал факты и без колебаний пришел к единственному решению. Доказать свою невиновность невозможно. Да и какая там невиновность, он так же виновен в убийстве, как и все остальные. Но они все сговорились, и единственным убийцей будет он.

Сейчас война, и за границу не уедешь, не получится даже залечь на дно на сколько-нибудь длительное время. Только и остается, что жалкая участь беглеца от правосудия, живущего в какой-нибудь дыре, дрожа от страха быть пойманным, что неизбежно произойдет если не через месяц, то через два, максимум через три. А потом будет суд, и суд этот станет сенсацией. И как же порадуется Сидра, наблюдая его последний путь от

кричащих газетных заголовков до петли палача.

Пил вел машину и спокойно, ни на секунду не ударяясь в панику, планировал свои дальнейшие действия. Самым наглым было бы явиться прямо домой. Им и в голову не придет искать его дома… во всяком случае, какое-то время. Время более чем достаточное, чтобы сделать то, что следует сделать.

— Месть, — произнес он вслух. — Кровь за кровь.

Пил уже въехал в Лондон и направлялся к Челси-сквер — свирепый чернобородый мужик, очень похожий на пирата Тича со старинных гравюр[8].

Для начала он проехал по другой стороне площади, цепко поглядывая по сторонам, нет ли полиции. Полиции не было, все выглядело мирно, ничто не вызывало подозрений. Только «мирно» не совсем то слово. Взглянув на фасад своего дома, он увидел, что в левое крыло его попала бомба. Произошло это, видимо, несколько дней назад, потому что обломки были аккуратно сложены, а с разбитой стороны поставлен забор.

Так оно даже и лучше, с мрачным весельем

---

[8] Примечания: 8

Эдвард («Чернобородый») Тич (16807-1718) — знаменитый английский пират. *(Прим, персе,)*

подумал Пил. Дом, без сомнения, пуст, и слуги не будут мешать. Он припарковал машину и быстрым шагом направился к главному входу. Решение было принято, оставалось его исполнить.

В доме ни души. Пил прошел в библиотеку, взял ручку, чернильницу и бумагу и сел за письменный стол. Внимательно, не упуская ни малейших деталей, он написал новое завещание, лишавшее жену прав на наследство и сформулированное таким однозначным образом, что опротестовать его становилось невозможно. Да, этот шедевр юриспруденции выстоит в любом суде. Затем он открыл дверь на улицу, зазвал в дом двоих проходивших мимо рабочих и попросил их стать свидетелями, как он подписывает завещание. Он заплатил им, поблагодарил и проводил на улицу, а затем закрыл и запер входную дверь.

Теперь можно было минутку передохнуть. С Сидрой разобрались. Он знал, что тут им руководил собственнический инстинкт, ему хотелось сохранить собственное состояние даже и после смерти. А еще ему хотелось сохранить честь и достоинство даже и после смерти. Первое было сделано, теперь оставалось привести в исполнение второе. Привести в исполнение. Самое верное выражение.

Пил подумал секунду — было много возможных способов, — а затем кивнул и прошел на кухню. Достав из комода охапку простыней и полотенец, он плотно заткнул все щели окон и дверей. Затем, по внезапно пришедшей в голову мысли, он написал на большом куске картона сапожным гуталином: «ОПАСНО! ГАЗ!» — и поставил картонку за кухонной дверью.

Еще раз проверив, насколько тщательно закупорена кухня, Пил подошел к плите, открыл духовку и повернул до отказа краник. Из форсунок с шипением хлынул газ, резко пахнувший и прохладный. Пил встал на колени, всунул голову в духовку и начат мерно, глубоко дышать. Он знал, что довольно скоро он потеряет сознание. Он знал, что это не будет болезненно.

Впервые за последнее время он позволил себе расслабиться и с чувством, близким к благодарности, стал ждать приближение смерти. Хотя он и был прагматиком, прожил жизнь жестко спланированную, словно расчерченную на квадраты, сейчас его мысли обратились к самым лирическим ее моментам. Пил ни о чем не жалел, ни за что не просил прощения, и все же ему вспоминались дни, когда он впервые встретился с Сидрой, вспоминались со щемящей печалью.

Кто сей юнец, умастивший себя ароматами

И среди роз в милом гроте любви твоей ищущий,

Сидра, скажи мне…[9]

Пил едва не улыбнулся. Эти строчки написал он в приступе детского романтизма, когда поклонялся ей как богине юности, красоты и добра. Как ему казалось, в ней было все, чего ему недоставало. Словом, идеальная пара. Это были прекрасные дни — дни, когда он закончил Манчестерский колледж и переехал в Лондон. Создавать себе репутацию и состояние, всю свою жизнь… жидковолосый мальчишка с отточенными привычками и ясным умом. Он перебирал события прошлого как эпизоды увлекательной пьесы.

Пил резко пришел в себя и вдруг осознал, что стоит на коленях с головой в духовке уже добрые двадцать минут. Что-то тут было сильно не так. Он не совсем еще перезабыл химию и знал, что

---

[9] Примечания: 9

Гораций. Оды. Книга 1, ода 5. В рассказе (см. с. 587) эти строки герой цитирует на латыни с заменой имени Пирра на имя Сидры. Там же дается продолжение цитаты из той же оды:

Кто упивается счастьем твоей благосклонности,

Веря, что вечно ты будешь мила и приветлива,

Но забывает, что нет ничего переменчивей Ветра…

(Прим. перев.)

двадцати минут более чем достаточно, чтобы человек потерял сознание. В полной растерянности он встал и тут же сморщился от боли в колене. Разбираться в причинах было некогда. Неизбежные преследователи могли с минуты на минуту взять его за горло.

Ну конечно же. Немногим болезненнее газа и значительно быстрее. Пил закрыл духовку, выключил газ, открыл окно, достал из шкафа крепкую бельевую веревку и вышел из кухни, прихватив по пути предупреждающий знак. Разрывая картонку на мелкие квадратики, он ощупывал глазами свой дом: где тут самое удобное место? Ну да, конечно же, в лестничном колодце. Можно перекинуть веревку через балку, встать на перила и спрыгнуть. Под ногами будет десять футов свободного пространства.

Пил взбежал по лестнице, перекинул веревку через балку и поймал ее свободный конец. Он соорудил на этом конце булинь, прихватив основную веревку, и подтащил узел к самой балке. Дернув пару раз для проверки, он взялся за веревку и повис на ней всем телом. Веревка держала великолепно, не было и мысли, что она порвется.

Он снова встал на перила, сделал «петлю ви-

сельника», накинул ее себе на шею и подтянул узел под правым ухом. Падать предстояло футов шесть. Он весил сто пятьдесят фунтов. Взятого вместе, этого хватало, чтобы рывок в конце падения быстро и безболезненно сломал ему шею. Пил секунду постоял, глубоко вдохнул и прыгнул, не заботясь о такой ерунде, как последний раз помолиться.

В голове его после прыжка происходило молниеносное вычисление, сколько осталось жить. Тридцать два фута в секунду за секунду, деленные на шесть, давали почти одну пятую… Рывок сотряс его тело, по ушам ударил оглушительный треск, каждый нерв обожгло мучительной болью, он начал судорожно дергаться.

И вдруг осознал, что все еще жив. Он висел, понимая, что так и не умер, и был не в силах понять — почему. Ужас полз по его телу, как полчища муравьев. Он качался и дергался, не желая поверить, что произошло невозможное. Безвыходность ситуации притупила его мозг, почти лишила остатков самоконтроля.

В конце концов Пил сунул руку в карман, достал перочинный нож и с большим трудом — руки почти не слушались — обнажил лезвие. Затем после долгих трудов он перерезал веревку у себя

над головой и тяжело рухнул на лестничную площадку с высоты в несколько футов. Вес еще стоя на четвереньках, он пощупал свою шею. Шея была сломана. Он чувствовал сквозь кожу края раздробленных позвонков. Его голова застыла под диким углом, отчего все вокруг было словно вверх тормашками.

Пил потащил свое тело по лестнице, смутно осознавая, что с ним случилось что-то жуткое, слишком жуткое для понимания. Он даже не пытался в этом холодно разобраться — не поступало никаких дополнительных данных, все было попросту алогично. Достигнув второго этажа, Пил пробрался через Сидрину спальню в ванную, которой и сам он, случалось, пользовался. Открыл там аптечку и начал щупать внутри, пока не наткнулся на одну из своих бритв — шестидюймовое лезвие, острое как… как бритва. Дрожащей от напряжения рукой он полоснул себя по горлу.

И тут же захлебнулся от обильно хлынувшей крови. Согнувшись пополам, он стал мучительно откашливать красную пену. Кашляя и задыхаясь, хрипло присвистывая перерезанной глоткой, Пил осел на кафельный пол; кровь, выбивавшаяся из горла при каждом ударе пульса, пропитала его насквозь. Да, трижды убитый, он даже не по-

терял сознания. Жизнь цеплялась за него с такой же отчаянной страстью, с какой обычно люди цепляются за жизнь.

С огромным, невероятным трудом Пил привел себя в вертикальное положение, старательно избегая зеркал, чтобы не видеть кровавого кошмара, в который превратил он себя. Кровь — то немногое, что от нее осталось, — уже начинала спекаться. Время от времени ему все еще удавалось судорожно вздохнуть. Хватая ртом воздух, едва переставляя ноги, Пил вернулся в спальню, открыл Сидрину тумбочку и нащупал в ней револьвер. Собрав последние силы, он трясущейся, непослушной рукой приставил ствол к груди и трижды выстрелил себе в сердце. Пули отшвырнули его к стене, в груди образовалась жуткая яма, пульс исчез, но он по-прежнему жил. Это все тело, мелькало в его сознании. Пока сохраняется тело, хоть малейший кусочек, способный вместить искру жизни, жизнь никуда не уйдет. Она властно владеет мною, эта самая жизнь. Но должен же быть выход, и я, как опытный инженер, должен его найти…

Полная дезинтеграция. Раздробить тело на крошечные частицы — тысячи, миллионы частиц, — и тогда не останется вместилища для его

неотвязной жизни. Взрывчатка. Именно. Но здесь ее нет. В доме нет ничего подходящего, кроме его инженерной смекалки. Да, но все-таки чем и как? Он был на грани помешательства, и осенившая его идея тоже была на грани помешательства.

Цепляясь за стены, Пил пробрался в свой кабинет, достал из письменного стола колоду целлулоидных игральных карт и долго резал их на мелкие кусочки лежавшими на столе канцелярскими ножницами. Затем он взял из камина бронзовую подставку для дров и с огромным трудом разобрал ее на части. Подставка была пустотелой. Он натолкал в массивный бронзовый стакан обрезки карт, стараясь упаковать нитроцеллюлозу как можно плотнее. Сверху он положил три спичечные головки и завинтил цилиндром, крепившим подставку к ножкам.

Взяв со стола спиртовку, на которой он подогревал стынущий кофейник, Пил поместил бронзовый цилиндр в ее пламя, подвинул поближе стул и наклонился над нагревавшейся бомбой. Нитроцеллюлоза прекрасно взрывается, если воспламенить ее под давлением. Он знал, что пройдет какое-то время и прогремит мощный взрыв, который разнесет его в мелкие клочья и дарует желанную смерть. Пил тихо поскуливал

от муки и нетерпения. Из его горла опять запузырилась красная пена, а тем временем кровь, пропитавшая на нем всю одежду, уже начинала твердеть.

Слишком медленно нагревалась бомба, слишком медленно.

Слишком медленно тянулись минуты.

Слишком быстро росли и росли нестерпимые муки.

Пил дрожал и негромко взвизгивал, затем голой рукой пододвинул бомбу поглубже в огонь. Он увидел, как пальцы его обгорели, но не почувствовал боли. Вся возможная боль собралась внутри.

Боль ревела в ушах, но даже сквозь этот рев он расслышал звуки шагов на первом этаже. Шаги звучали громче и громче, неотвратимые, как поступь судьбы. При мысли о триумфе Сидры и полиции Пила охватило отчаяние. Он попытался усилить пламя спиртовки.

Звуки шагов пересекли прихожую и стали подниматься по лестнице, каждый шаг звучал ближе и ближе, громче и громче. Пил сгорбился еще ниже и стал в каком-то дальнем уголке своего мозга отчаянно молиться, чтобы это была сама смерть, пришедшая по его душу. Шаги достигли

верхней лестничной площадки и направились к его кабинету. Тихо скрипнула дверь. В жару и лихорадке, совсем на грани помешательства, Пил упрямо не хотел повернуть к двери голову.

— Что за дела, Боб, — спросил резкий неприятный голос, — как это следует понимать?

Он не смог ни повернуться, ни ответить.

— Не будь идиотом, Боб!

До Пила смутно дошло, что он уже слышал этот голос. Слышал, но где и когда? Шаги зазвучали вновь, и рядом с ним появилась какая-то фигура. Пил вскинул безжизненный взгляд. Это была леди Саттон. На ней было все то же платье с блестками.

— Мамочки! — Ее глазки поблескивали из обширных наплывов плоти. — Ты решил, что кранты, и всего себя изуродовал!

— У-у-уй… ди… — Искаженные слова хрипели и свистели, потому что половина его дыхания вырывалась из перерезанной глотки. — Н-не… х-хочу… духов.

— Духов? — рассмеялась леди Саттон. — Отличная шутка.

— Т-ты умерла, — прохрипел Роберт Пил.

— А это что еще за штука? — спросила леди Саттон. — А, понятно. Бомба. Хочешь взорвать

себя, Боб?

Его губы зашевелились, но ответа не было слышно.

— Так вот, — сказала леди Саттон, — давай-ка кончать эти глупости.

Она потянулась, чтобы вышибить бомбу из пламени, однако Пил сумел приподняться и схватил ее за руку. Она оказалась очень тяжелой, необычно тяжелой для духа. И все-таки Пил отшвырнул ее в сторону.

— Пуссь… так, — просвистело во взрезанной глотке.

— Боб, прекрати сейчас же, — строго приказала леди Саттон. — У меня же и в мыслях не было причинять тебе столько мук.

Пил не уловил в ее словах никакого смысла, все его мысли сосредоточились на том, чтобы не дать ей добраться до бомбы. Но для него, в его нынешнем состоянии, леди Саттон была слишком тяжелой, слишком сильной. Спасая свое спасение, он упал с раскинутыми руками прямо на спиртовку.

— Боб! — воскликнула леди Саттон. — Идиот ты проклятый!

Взрыв швырнул Пилу в лицо вспышку ослепительного света и оглушительный громоподобный

грохот. Весь кабинет заходил ходуном, часть внутренней стены отвалилась, с полок дождем посыпались книга, все помещение затянуло облаком пыли и дыма.

Облако рассеялось. Леди Саттон так и стояла рядом с местом, где был недавно стол. Впервые за многие годы — возможно, за многие вечности — лицо ее было грустным. После долгого молчания она заговорила тем же самым спокойным голосом, который говорил с пятью из шестерых в бомбоубежище:

— Неужели, Боб, тебе не понятно, что ты не можешь себя убить? Мертвые умирают лишь однажды, а ты уже мертвый.

Все вы умерли несколько дней назад. Как это вышло, что никто из вас этого так и не понял? Возможно, все дело в этом Это, о котором разглагольствовал Бро, возможно. Но во всяком случае, вы умерли еще до того, как попали в четверг в бомбоубежище. Ты мог бы и догадаться, когда увидел свой разбомбленный дом. В четверг бомбили особенно сильно.

Она подняла руки и стала освобождаться от платья. В мертвой тишине было слышно, как шуршат и позвякивают блестки. Платье упало на пол, обнаружив пустоту. Абсолютно пустое

место.

— Мне понравилось это убийство, — продолжила леди Саттон. — Было очень забавно, что мертвые пытаются убить. Поэтому я и позволила вам довести ваш план до конца.

Она сняла чулки и туфли; теперь не осталось ничего, кроме рук, плечей и тучной головы леди Саттон. Ее лицо по-прежнему было слегка печальным.

— С учетом того, кто я такая, было просто смешно, что вы хотите меня убить. Конечно же, никто из вас этого не знал. Эта пьеса, Боб, была чистый восторг, потому что я — Астарот.

Голова и руки вдруг подпрыгнули в воздух и упали рядом с отброшенным платьем. Теперь ее голос звучал из пустого, дымом и пылью заполненного пространства, совершенно бесплотный, но, когда случайный сквозняк вскручивал пыль, обрисовывался контур, пустой пузырек страшной для глаз фигуры.

— Да, — продолжил спокойный голос. — Я — Астарот, старая как мир, старая и исскучавшаяся, как сама вечность. Потому я и решила разыграть эту маленькую шутку. Я решила для смеха поменяться с вами ролями. Если ты целую вечность только тем и занимаешься, что устраиваешь

ад для проклятых, поневоле истоскуешься по новизне и забавам, ибо нет ада страшнее, чем ад однообразия и скуки.

Голос говорил, а тысячи разбросанных кусков Роберта Пила слышали и понимали. Тысячи частиц, каждая из которых содержала истерзанную искорку жизни, слышали голос Астарот и понимали ее.

— О жизни я не знаю ничего, — задумчиво сказала Астарот, — но вот смерть я знаю, смерть и справедливость. Я знаю, что каждое живое существо создает, и создает навсегда, свой собственный ад. То, чем вы стали сейчас, вы создали сами. Внимайте же все, прежде чем я удалюсь. Если кто-то из вас готов возразить справедливости Астарот — говорите!

Ее голос разнесся по всем уголкам Вселенной, и ответа не прозвучало.

Тысячи истерзанных частиц Роберта Пила все слышали и не ответили.

Фиона Дюбеда, пребывавшая в свирепых объятиях своего боголюбовника, все слышала и не ответила.

И гниющий, самопожирающий Дигби Финчли тоже все слышал и не ответил.

И ищущий, вечно сомневающийся Христиан

Бро услышал в чистилище и ничего не ответил.

Не ответили ни Сидра Пил, ни зеркальный образ ее страсти.

Все проклятые всех времен в бесконечном количестве ими же созданных вариантов ада все слышали, все поняли и ничего не ответили.

Справедливость Астарот не подлежала сомнению.

ОДДИ И ИД[10]

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Это история о чудовище.

Его назвали Одиссеем Голем в честь папиного любимого героя и вопреки маминым отчаянным возражениям; однако с тех пор, как ему исполнился год, все звали его Одди.

Первый год жизни есть Эгоистическое стремление к теплу и надежности. Однако, когда Одди родился, он вряд ли мог на это рассчитывать, потому что папина контора по продаже недвижимости обанкротилась и мама стала размышлять о разводе. Неожиданное решение Объединенной радиационной компании построить в городе завод сделало папу богатым, и мама снова влюбилась в него. Так что Одди все-таки получил свою долю тепла и надежности.

Второй год жизни был годом робкого иссле-

---

[10] Примечания: 10

Ид — подсознание, часть психики, относящаяся к бессознательному, являющаяся источником инстинктивной энергии. Его импульсы, которые стремятся к удовлетворению в соответствии с принципом удовольствия, определяются Эго и суперЭго еще до того, как они получают открытое выражение. (*Прим, перев.)*

дования мира. Одди ползал и изучал. Когда он добрался до пунцовых витков электрокамина, неожиданное короткое замыкание спасло его от ожога. Когда Одди вывалился из окна третьего этажа, он упал в заполненный травой кузов механического садовника. Когда он дразнил кошку, она поскользнулась, собравшись прыгнуть на него, и ее белые клыки сомкнулись над ухом Одди, не причинив ему никакого вреда.

— Животные любят Одди, — сказала мама, — Они только делают вид, что кусают его.

Одди хотел быть любимым — поэтому все его любили. Пока Одни не пришло время идти в школу, все ласкали и баловали его. Продавцы магазинов задаривали мальчишку сластями, знакомые вечно приносили ему что-нибудь в подарок. Одди получал столько пирожных, лимонада, пирожков, леденцов, мороженого и других съестных припасов, что их хватило бы на целый детский сад. Он никогда не болел.

— Пошел в отца, — говорил папа, — У нас хорошая порода.

Росли и множились семейные легенды о везении Одди. Рассказывали, что совершенно чужой человек спутал его с собственным сыном как раз в тот момент, когда Одди собирался зайти в

Электронный цирк, и задержал его настолько, что Одди не стал одной из жертв того ужасного взрыва, что произошел в 98-м году… А забытая в библиотеке книга спасла Одди от упавшей ракеты в 99-м году…

Разнообразные мелкие случайности избавляли его от всяческих катастроф. Тогда никто не понимал, что он — чудовище.

В восемнадцать лет Одди был симпатичным юношей с гладкими каштановыми волосами, теплыми карими глазами и широкой улыбкой, которая обнажала ровные белые зубы. У него была спокойная, открытая манера общения и море обаяния. Он был счастлив. Пока его чудовищное зло успело проявиться и оказать влияние только на маленький городок, в котором он родился и вырос.

Закончив среднюю школу, Одди поступил в Гарвард. Однажды один из множества его новых друзей заглянул в спальню и сказал:

— Эй, Одди, пойдем на стадион, погоняем мяч.

— А я не умею, Бен, — ответил Одди.

— Не умеешь? — Бен засунул мяч под мышку и потащил Одди за собой. — Ты откуда такой взялся, приятель?

— Там, где я вырос, не очень интересуются

футболом, — ухмыльнувшись, ответил Одди. — Говорят, что футбол устарел. Мы были фанатами Хаксли.

— Хаксли! Это для яйцеголовых, — заявил Бен. — Футбол — просто замечательная и фа. Хочешь стать знаменитым? Каждую субботу тебя будут показывать на футбольном поле по телику.

— Да, я уже заметил, Бен. Покажи мне, как играть.

Бен показывал Одди терпеливо и старательно. А Одди учился с отменным прилежанием. Когда он ударил по мячу всего в третий раз, неожиданный порыв ветра подхватил мяч, и тот, пролетев семьдесят ярдов, влетел в окно третьего этажа, где находился кабинет инспектора Чарли Стюарта (по прозвищу Доходное Место). Стюарт посмотрел на окно, а через полчаса они с Одди уже были на стадионе военной базы. Через три субботы заголовки газет гласили: «ОДДИ ГОЛЬ — 57, АРМИЯ — 0».

— Тысяча задумчивых чертей! — возмущался тренер Хиг Клейтон. — И как только у него это получается? В парнишке нет ничего необычного. Середнячок, да и только. Но стоит ему побежать, как его преследователи начинают падать. Когда

он бьет по мячу, защитники спотыкаются. А когда они спотыкаются, он перехватывает мяч.

— Он словно ждет, когда противник сделает ошибку, — отозвался Доходное Место, — а уж потом использует ее по максимуму.

Они оба ошибались. Одни Голь был чудовищем.

В поисках подходящей девушки Одди Голь пришел один, без подружки, на студенческий бал, устроенный в обсерватории, и по ошибке забрел в темную комнату, где обнаружил освещенную уродливым зеленым светом девушку, которая склонилась над подносами. У нее были коротко подстриженные черные волосы, глаза — словно две голубые льдинки и соблазнительная мальчишеская фигура. Девушка немедленно предложила ему убраться, а Одди влюбился в нее… на время.

Его друзья чуть не надорвали животы от смеха, когда он рассказал им об этом.

— Тебе что, снятся лавры Пигмалиона, Одди, разве ты ничего про нее не слышал? Эта девица фригидна, словно статуя! Она ненавидит мужчин. Ты зря теряешь время.

Однако благодаря искусству психоаналитика уже через неделю девушка сумела справиться со

своими невротическими проблемами и по уши влюбилась в Одди Галя. Два месяца продолжался их необычный, всепоглощающий роман. А потом, как раз в тот момент, как Одди почувствовал охлаждение, у девушки случился рецидив прежней болезни, и их отношения перешли на иной, весьма для него удобный, дружеский уровень.

До сих пор лишь незначительные события являлись результатом невероятного везения Одди, но реакция на них стала более заметной.

В сентябре, перейдя на выпускной курс, Одди принял участие в конкурсе на получение медали по политической экономии — его работа была озаглавлена: «Причины заговоров». Поразительное сходство его тезисов с Астрейским[11] заговором, который был раскрыт в тот день, когда был опубликован труд студента, дало ему возможность получить первый приз.

В октябре Одди внес двадцать долларов в общий фонд, организованный одним его сумасшедшим приятелем для спекуляции на бирже в соответствии с «Тенденциями в изменении рынка ценных бумаг» — один из устаревших предрассудков. Расчеты безумного пророка были просто

---

[11] Примечания: 11

Астрея *(миф.)* — божество справедливости в греческой мифологии. *(Прим. перев.)*

анекдотичными, но разразившаяся паника чуть не разорила биржу и учетверила стоимость акций фонда. Одди заработал сто долларов.

Так оно и шло — все хуже и хуже. Чудовище.

Теперь, начав заниматься созерцательной философией, которая гласит, что первопричины всего кроются в истории, а настоящее посвящает все свои усилия статистическому анализу прошлого, чудовище могло получить гораздо больше; но живые науки подобны бульдогу, сомкнувшему зубы на феномене настоящего. Поэтому именно Джесс Мигг, физиологи спектральный физик, был первым, кто сумел поймать чудовище… Только вот он думал, что нашел ангела.

Старина Джесс был одной из местных достопримечательностей. Во-первых, достаточно молод — ему еще не исполнилось и сорока. Ядовитый и острый на язык альбинос, розовые глазки, лысый, востроносый, блестящий ум. Джесс носил одежду двадцатого века и предавался его порокам — табаку и алкоголю. Он никогда не говорил — он выплевывал слова. Никогда не прогуливался — бегал. Вот так, бегая однажды по коридорам лаборатории № 1 (Обзор пространственной механики — курс для студентов, изучающих общие искусства), Мигг выследил чудовище.

Одной из первых лабораторных работ на курсе было изучение ЭМС и электролиза. Элементарная вещь. U-образная трубка проходила между полюсами электромагнита. После того как через витки катушки было пропущено достаточное напряжение, на концах трубки образовывались углекислый газ и кислород в отношении два к одному, а потом полученные результаты нужно было соотнести с величиной напряжения и магнитного поля.

Одди тщательно проделал эксперимент, получил правильные результаты, записал их в свою лабораторную тетрадь и стал ждать, когда их проверит преподаватель. Крошка Мигг пробежал по проходу, подскочил к Одди и выплюнул:

— Ты закончил?

— Да, сэр.

Мигг проверил записи в журнале, бросил взгляд на индикаторы на концах трубки и, мрачно усмехнувшись, выпроводил Одди из лаборатории. Только после того, как Одди ушел, он заметил, что электромагнит был очевидным образом закорочен. Провода сплавились. Электромагнитное поле, которое должно было осуществить электролиз, просто отсутствовало.

— Дьявол и преисподняя! — взорвался Мигг

(он также отдавал предпочтение ругательствам, принятым в двадцатом веке). Потом он свернул неровную сигарету и перебрал в своей голове, подобной счетной машине, всевозможные варианты.

1. Голь обманул его.

2. Если это так, то тогда при помощи какого прибора ему удалось выделить углекислый газ и кислород?

3. Где он взял чистые газы?

4. Зачем он это сделал? Честный путь гораздо проще.

5. Он не обманул.

6. Как ему удалось получить правильные результаты?

7. Как ему вообще удалось получить какие-то результаты?

Старина Джесс вылил воду из трубки, а потом заново наполнил ее, после чего сам проделал эксперимент. Он тоже получил правильный результат без участия электромагнита.

— Иисус Христос на плоту! — выругался он.

Чудо не произвело на него никакого впечатления, зато тот факт, что он не мог найти подходящего объяснения, вызвал у преподавателя ярость. Мигг метался по лаборатории, точно

голодная летучая мышь. Через четыре часа он обнаружил, что стальные ножки столов собирают электрический заряд от катушек Грисома, находящихся в подвале, в результате чего возникает электромагнитное поле, достаточное для успешного проведения эксперимента.

— Совпадение, — выплюнул Мигг. Но он не был удовлетворен.

Две недели спустя, во время занятий по анализу распада элементарных частиц, Одди закончил свою вечернюю работу, аккуратно записав изотопы, полученные из селена и лантана.

Однако Мигг заметил, что в результате ошибки Одди не получил уран-235 для нейтронной бомбардировки. Ему было выдано то, что осталось после демонстрации абсолютно черного тела Стефана — Больцмана.

— Силы небесные! — возопил Мигг и все перепроверил, а потом, сомневаясь в полученных результатах, проверил свои выкладки еще раз. Когда он нашел ответ — удивительное совпадение: плохо вычищенный прибор и неисправная камера Вильсона, — он разразился потоком ругательств, за которыми последовал набор изысканных проклятий, популярных в двадцатом веке. После этого Мигг как следует все обдумал.

— Существуют люди, с которыми вечно что-то случается. Он оскалился на свое отражение в зеркале самоанализа. — А как насчет людей, которым вечно везет? Дерьмо собачье!

Джесс Мигг, словно бульдог, вцепился зубами в это явление и занялся Одни Голем. Он торчал у Одди за спиной в лаборатории, злобно хихикая, если Одди, пользуясь неисправным оборудованием, успешно завершал один эксперимент за другим. Когда Одди удачно провел классический эксперимент Резерфорда: получил редкий изотоп кислорода, после того как подверг азот бомбардировке альфа-частицами, только в его случае не было ни азота, ни альфа-частиц, — Мигг в восторге сильно треснул его по спине. А потом, внимательно изучив обстоятельства, обнаружил логическую, хотя и совершенно невероятную цепь совпадений, которая объясняла происшедшее.

Он посвятил все свое свободное время тому, чтобы проверить, как складывалась жизнь Одди в Гарварде. Потратил целых два часа на разговор с психоаналитиком женского отделения факультета астрономии и десять минут на беседу с Хигом Клейтоном и со Стюартом Доходное Место. Джесс узнал про биржевой фонд, медаль

по политической экономии и о нескольких других случаях, наполнивших его душу злобным ликованием. После этого он на время расстался с горячо любимыми аксессуарами двадцатого века, облачился в формальную тунику и впервые за этот год направился в клуб факультета.

В Диатермическом алькове игралась шахматная партия на прозрачной тороидной доске для четверых. Она продолжалась с тех самых пор, как Мигг начал работать на факультете, и, скорее всего, не будет завершена до конца столетия. Более того, Юхансен, играющий красными, уже начал учить своего сына, чтобы тот заменил его в том весьма вероятном случае, если он умрет до окончания партии.

В своей обычной резкой манере Мигг стремительно подошел к блестящей доске, на которой яркими пятнами выделялись разноцветные фигуры, и выпалил:

— Что вам известно о случайностях?

— Что? — переспросил Белланби, отошедший отдел профессор философии. — Добрый вечер, Мигг. Вы имеете в виду сущностные случайности или материальные? С другой стороны, если вы хотите своим вопросом намекнуть…

— Нет, нет, — нетерпеливо прервал его Мигг. —

Приношу свои извинения, Белланби. Разрешите мне перефразировать вопрос. Существует ли принудительная вероятность?.

Хррдниккисч сделал свой ход и наконец обратил внимание на Мигга, как это уже сделали Юхансен и Белланби. Вилсон продолжал напряженно изучать доску. Учитывая, что он имел право затратить на размышления целый час и наверняка этим правом воспользуется, Мигг знал, что у них вполне достаточно времени для дискуссии.

— Навяжанная вероятноштъ? — прошепелявил Хррдниккисч. — Ну, это не новая коншепчия, Мигг. Я припоминаю обжор тежишов «Интеграф», том пятьдешят вошемь, раждел девятый. Там ештъ рашшоты, ешли я не ошибаюшь…

— Нет, — снова прервал его Мигг. — Мое почтение, Зигноид. Меня не интересуют математические вероятности, да и философские тоже. Позвольте сформулировать вопрос так. Понятие человека, подверженного несчастным случаям, было принято в среде психоаналитиков. С этим связана теорема Патона о наименьшей невротической норме. Мне удалось обнаружить противоположное явление — человека, подверженного счастливым случаям.

— Да? — Юхансен захихикал. — Это, должно быть, шутка. Подожди немного, и ты сам в этом убедишься, Зигноид.

— Нет, — ответил Мигг — Я совершенно серьезен. Я действительно нашел человека, которому всегда и во всем везет.

— Он выигрывает в карты?

— Он выигрывает во все. Примите это как аксиому, во всяком случае пока… Я представлю документальное подтверждение своих слов позднее… Существует человек, которому постоянно все удается. Он подвержен счастливым случаям. Стоит ему чего-нибудь захотеть, он это получает. Если же его желание очевидным образом выходит за рамки его возможностей, тогда срабатывают самые разнообразные факторы: случайности, совпадения, стечение обстоятельств — и он получает желаемое.

— Нет. — Белланби покачал головой, — Слишком притянуто за уши.

— Я проверил свои идеи эмпирически, — продолжал Мигг. — Происходит дело примерно так. Будущее есть выбор из взаимоисключающих возможностей, одна из которых должна быть реализована с точки зрения предпочтительности того или иного события…

— Да, да, — прервал его Юхансен — Чем больше число предпочтительных возможностей, тем выше вероятность свершения события. Это же элементарно, Мигг. Продолжай.

— Я продолжаю, — мрачно проворчал Мигг, — Когда мы обсуждаем вероятность, бросая кости, предсказать результат достаточно просто. Существует только шесть взаимоисключающих возможностей выпадения одного числа. Вероятность легко вычислить. Случайность сводится к простым вероятностным расчетам. Но когда мы обсуждаем вероятность в рамках Вселенной, мы не можем собрать достаточное количество данных, чтобы сделать предсказание. Слишком много факторов. Мы не в силах рассчитать благоприятное стечение обстоятельств.

— Вше это верно, — заявил Хррдниккисч. — А как нашшет вашего подверженного шашливым шлучаям?

— Яне знаю, как он это делает… Ему стоит достаточно сильно захотеть чего-нибудь, и он создает благоприятную вероятность желаемого исхода. Одним своим желанием он может превратить возможность в вероятность, а вероятность — в определенность.

— Смешно, — резко возразил Белланби. — Вы

утверждаете, что на свете существует человек, способный выполнять подобные трюки?

— Ничего подобного. Он и сам не знает, что делает. Он просто думает, что ему везет, если вообще задумывается над тем, что с ним происходит. Давайте представим себе, что он хочет… ну… назовите что-нибудь.

— Героин, — предложил Белланби.

— А это еще что такое? — поинтересовался Юхансен.

— Проижводное морфия, — объяснил Хррдникксич. — Ранее проижводилось и продавалошь наркоманам.

— Героин, — повторил Мигг. — Великолепно. Скажем, мой человек возжелал героина, доисторического наркотика, не существующего в наше время. Очень хорошо. Его желание приведет к возникновению такой последовательности возможных, но совершенно невероятных событий: химик в Австралии, занимаясь новым видом органического синтеза, совершенно случайно, сам того не желая, приготовит шесть унций героина. Четыре унции будут выброшены на помойку, а две вследствие какой-нибудь ошибки сохранены. Затем, в результате случайного совпадения, эти две унции прибудут в нашу страну и в город

— упакованные в пластиковый шарик, как это принято делать с сахарной пудрой; потом наш герой придет в ресторан, где он никогда до сих пор не бывал, и там ему подадут героин в пластиковой упаковке…

— Ла-ла-ла! — сказал Хррдниккисч. — Какая ловкая ицтто-рия. Какая чудешная швяжь шлучайношти и вероятношти! Вше получаетша только потому, что он этого жахотел, ничего об этом не жная?

— Вот именно, — прорычал Мигг. — Я не знаю, как у него это получается, только он умудряется превратить вероятность в определенность. А поскольку практически все на свете возможно, он в состоянии добиться всего, чего захочет. Он божествен, но он не Бог, так как делает все это бессознательно. Он ангел.

— Ну и кто же он, этот ваш ангел? — спросил Юхансен.

Тут Мигг рассказал им все, что ему было известно про Одди Голя.

— Как он это делает? — поинтересовался Белланби. — Как у него получается?

— Я не знаю, — снова повторил Мигг. — Расскажите мне, как все получается у эсперов.

— Что! — воскликнул Белланби. — Вы что,

собираетесь отрицать существование телепатического способа передачи мыслей? Неужели вы…

— Я ничего подобного не утверждал. Я просто проиллюстрировал единственно возможное объяснение. Человек создает события. Грозящую нам войну ресурсов можно считать результатом естественного истощения природных богатств Земли. Мы знаем, что это не так, просто человек в течение многих веков бездарно их разбазаривал. Природные явления теперь гораздо реже рождаются природой и гораздо чаще являются следствием деятельности человека.

— Ну и?..

— Кто знает? Голь создает новое явление. Возможно, он подсознательно телепатически передает свои желания — и получает результаты. Он желает героин. Сообщение послано…

— Но эсперы могут выйти на телепатическую связь только на расстоянии прямой видимости. Они не могут пробиться даже через массивные объекты. Например, здание или…

— Я вовсе не утверждаю, что все это происходит на уровне эсперов! — вскричал Мигг. — Я пытаюсь представить нечто большее, нечто грандиозное. Он хочет героин. Это сообщение направлено в мир. Все люди бессознательно

начинают делать то, что произведет для него героин так быстро, как это только возможно. Тот австрийский химик…

— Нет. Австралийский.

— Тот австралийский химик может стоять перед выбором из полдюжины различных синтезов. Пять из них ни при каких условиях не приведут к созданию героина; но импульс, полученный им от Голя, заставит его выбрать шестой.

— А если он все-таки его не выберет?

— Кто знает, какие параллельные цепочки событий могут быть задействованы? Мальчишка из Монреаля, играющий в Робин Гуда, заберется в заброшенный коттедж, где он найдет наркотик, который тысячелетие назад был спрятан там контрабандистами. Женщина, живущая в Калифорнии, собирает старые бутылочки от лекарств; она найдет фунт героина. Ребенок в Берлине, играющий с дефектным набором детских химикатов, произведет героин… Назовите любую, самую невероятную последовательность событий, и Голь сможет вызвать их, превратив эту последовательность возможностей в логическую неизбежность. Я же говорю вам: этот парень — ангел!

Мигг представил друзьям документальное под-

тверждение своих слов и сумел их убедить.

Именно тогда четверо ученых, обладавших различными, но сильными интеллектами, назначили себя исполнительным комитетом судьбы и прибрали к рукам Одди Голя.

Чтобы понять, что они собирались сделать, вам необходимо сначала узнать, какой была ситуация в мире в тот момент.

Всем известно, что основой любой войны являются экономические противоречия, или, если сформулировать это иначе, к оружию принято прибегать, когда уже не осталось других средств победить в экономической войне. В дохристианские времена Пунические войны стали результатом финансовой борьбы между Римом и Карфагеном за экономический контроль в Средиземном море. Три тысячи лет спустя надвигающаяся война ресурсов должна была стать финалом противостояния двух независимых государств всеобщего благосостояния, контролировавших большую часть экономики мира.

В двадцатом веке была нефть; теперь же, в тридцатом, все пользовались РЯР (так называли руду, способную к ядерному распаду); сложилась ситуация, напоминающая кризис на полуострове Малая Азия, который тысячу лет назад положил

конец существованию Организации Объединенных Наций. На отсталом полуварварском Тритоне, на который раньше никто не обращал никакого внимания, неожиданно обнаружили огромные запасы РЯР. Поскольку Тритон не имел ни средств, ни достаточно развитой технологической базы для того, чтобы развиваться самостоятельно, он продавал концессии обоим независимым государствам.

Разница между государством всеобщего благосостояния и великодушным деспотом была едва различима. В трудные времена и то и другое государство, имея самые благородные побуждения, может поступать самым гнусным образом. Как Сообщество Наций (которых Der Realpolitik aus Terra с горечью прозвали «жуликами»), так и Der Realpolitik aus Terra (язвительно прозванные Сообществом Наций «крысами») отчаянно нуждались в природных ресурсах — имеется в виду, конечно же, РЯР. Они истерически повышали ставки, чтобы переплюнуть друг друга, и самым бессовестным образом устраивали пограничные стычки, чтобы потеснить противника в борьбе за влияние. Единственной их заботой была защита своих граждан. Они готовы были перерезать друг другу глотку из самых лучших побуждений.

Если бы эту проблему надо было решать только гражданам обоих независимых государств, вполне можно было бы найти какое-нибудь компромиссное решение; но Тритон, у которого, словно у школьника, закружилась голова от неожиданно свалившейся на него власти и влияния, внес сумятицу в международные отношения, заговорив на языке религии и объявив Священную войну — о существовании которой все уже давно успели забыть. Участие в их Священной войне (включая уничтожение безвредной и совершенно незначительной секты, называвшейся «квакеры») было одним из условий торговых сделок. Оба государства в принципе были готовы принять это условие, но, естественно, о нем не должны были узнать их граждане. Поэтому, прикрываясь пунктами прав религиозных меньшинств, прав первопроходцев, свободы вероисповедания, историческим правом владения Тритоном и тому подобными документами, оба государства делали ложные выпады, отбивали неожиданные удары и наносили удары в ответ, медленно сближаясь со своим противником, — словно фехтовальщики, готовящиеся к решающему выпаду, который неминуемо должен был означать смертельный исход для обоих.

Четверо ученых обсуждали все это в течение трех долгих встреч.

— Послушайте, — взмолился Мигг, когда их третья встреча подходила к концу — Вы, теоретики, уже превратили девять человекочасов в углекислый газ и дурацкие разногласия…

— Вот именно, я всегда это говорил, Мигг, — кивнув, улыбнулся Белланби. — Каждый человек втайне верит, что, если бы он был Богом, он мог бы устроил» все гораздо лучше. Лишь теперь мы начинаем понимать, как это трудно.

— Не Богом, — сказал Хррдниккисч, — его премьер-мини-штром. Богом будет Голь.

— Не нравятся мне эти разговоры, — поморщился Юхансен. — Я верующий человек.

— Вы? — удивленно воскликнул Белланби. — Коллоидный терапевт?

— Я верующий человек, — упрямо повторил Юхансен.

— Мальчишка обладает шпошобноштью творить чудеша, — сказал Хррдниккисч, — Когда ему объяшнят, что он может, Голь штанет Богом.

— Все это бессмысленные разговоры, — выкрикнул Мигг. — Вот уже три встречи мы провели в бесплодных спорах. Я выслушал три совершенно противоположных мнения по поводу мистера

Одиссея Голя. И хотя мы все согласились, что необходимо воспользоваться им как инструментом, мы никак не можем договориться о том, какую работу должен выполнить этот инструмент. Белланби лопочет что-то про идеальную интеллектуальную анархию, Юхансен проповедует Совет Бога, а Хррдниккисч потратил целых два часа, постулируя и разрушая свои собственные теоремы…

— Ну, жнаете, Мигг… — начал Хррдниккисч. Но Мигг только махнул на него рукой.

— Позвольте мне свести это обсуждение до уровня младшего школьного возраста. Давайте расставим вопросы в соответствии с их значением, джентльмены. Прежде чем пытаться принять вселенские решения, мы должны убедиться в том, что Вселенная останется на своем прежнем месте. Я имею в виду грозящую нам всем войну…

— Наш план, как он мне видится, — продолжал Мигг, — должен быть простым и эффективным. Речь идет о том, чтобы дать Богу образование — или, если Юхансен возражает против подобной формулировки, ангелу. К счастью, Голь — достойный молодой человек с добрым сердцем и честными намерениями. Я содрогаюсь при мысли о том, что Голь мог бы сделать, если бы ему

была присуща врожденная порочность.

— Или на что он был бы способен, если бы узнал о своих возможностях, — пробормотал Белланби.

— Именно. Мы должны начать тщательное и серьезное этическое образование мальчика, несмотря на то что у нас очень мало времени. Мы не можем сначала закончить его образование и только потом, когда это будет вполне безопасно, рассказать ему всю правду. Мы должны предотвратить войну и выбрать для этого кратчайший путь.

— Ладно, — со вздохом согласился Юхансен — Что ид предлагаете?

— Ослепление, — выплюнул Мигг. — Очарование.

— Очарование? — захихикал Хррдниккисч. — Что это, новая наука, Мигг?

— А вам не приходило в голову задать себе вопрос — почему я посвятил в свой секрет именно вас троих? — фыркнул Мигг. — За ваш интеллект? Чушь! Я умнее, чем вы все, вместе взятые. Нет, джентльмены, я выбрал вас за ваше обаяние.

— Это оскорбление, — усмехнулся Белланби. — И все же я польщен.

— Голю девятнадцать, — продолжал Мигг. — Он находится в таком возрасте, когда выпускники

наиболее склонны боготворить какую-нибудь замечательную личность. Я хочу, чтобы вы, джентльмены, охмурили его. Вы, несомненно, не являетесь самыми великими умами нашего университета, но вы — его главные герои.

— Я тоже ошкорблен и польщен, — сказал Хррдниккисч.

— Я хочу, чтобы вы очаровали Одди… нет, ослепили, чтобы он был преисполнен любви и благоговения — ведь каждый из вас уже сотни раз проделывал этот фокус с другими нашими выпускниками.

— Ага! — воскликнул Юхансен. — Пилюля в шоколадной оболочке.

— Точно. Когда же он будет в достаточной степени вами очарован, вы должны заставить Голя захотеть остановить войну… а затем скажете ему, как это сделать. Это даст нам возможность продолжить его образование. К тому времени, когда он перерастет свое восхищение перед вами, мы уложим надежный этический фундамент, на котором можно будет возвести солидное здание. Голь не будет представлять никакой опасности для мира.

— А вы, Мигг? — поинтересовался Белланби. — Какая роль отводится вам?

— Сейчас? Никакой, — оскалился Мигг, — Я не способен никого очаровать, джентльмены. Я вступлю в игру позже, когда он начнет перерастать свое восхищение перед вами, — тогда возрастет уважение Голя ко мне.

Ужасно хитрые рассуждения, но время показало, что они были абсолютно верными.

По мере того как события неотвратимо приближались к окончательной развязке, Одди Голь был быстро и основательно очарован. Белланби приглашал его в двадцатифутовую хрустальную сферу, венчающую его дом, — знаменитый курятник, в который попадали только избранные. Там Одди Голь загорал и восхищался великолепным телосложением философа, которому уже исполнилось семьдесят три года. Как и ожидалось, восхищаясь мышцами Белланби, он не мог не восхищаться его идеями. Голь часто приходил сюда загорать, благоговеть перед великим человеком и заодно поглощать этические концепции.

Хррдниккисч тем временем занимал вечера Одди. С математиком, который пыхтел и шепелявил, словно сошел со страниц произведений Рабле, Одди уносился к ослепительным высотам

haute cuisine[12] и другим прелестям язычества. Они вместе ели удивительные блюда и пробовали чудесные напитки, встречались с самыми невероятными женщинами — в общем, Одди возвращался поздно ночью в свою комнату, опьяненный волшебством чувств и великолепным многообразием замечательных идей Хррдник-кисча.

А иногда — не очень часто — оказывалось, что его ждет папаша Юхансен, и тогда они вели длинные серьезные разговоры, так необходимые молодому человеку, ищущему гармонию в жизни и жаждущему понимания вечности. Одни хотелось быть похожим именно на Юхансена — сияющее воплощение духовного добра, живой пример веры в Бога и этического благоразумия.

Кризис разразился тринадцатого марта. Мартовские иды — они должны были почувствовать символичность этой даты. После обеда в клубе факультета три великих человека увели Одди в фотолабораторию, где к ним, будто совершенно случайно, присоединился Джесс Мигт. Прошло несколько напряженных минут, а потом Мигт сделал знак и Белланби заговорил.

---

[12] Примечания: 12
Изысканной кулинарии *(фр.). (Прим. перев.)*

— Одди, — спросил он, — тебе когда-нибудь снилось, что ты проснулся и оказалось, что ты стал королем?

Одди покраснел.

— Вижу, что снилось. Знаешь, к каждому человеку когда-нибудь приходил такой сон. Это называется комплексом Миньона. Обычно все происходит так: тебе становится известно, что на самом деле твои родители тебя усыновили и ты являешься законным королем, ну, скажем…

— Руритании, — помог ему Хррдниккисч, который занимался изучением художественной литературы каменного века.

— Да, сэр, — пробормотал Одди. — Мне снился такой сон.

— Ну так вот, — тихо сказал Белланби, — твой сон сбылся. Ты кораль.

Одди не сводил с них потрясенных глаз, пока они объясняли, объясняли и объясняли. Сначала, будучи студентом, он испытал настороженную подозрительность, опасаясь розыгрыша. Затем, поскольку он поклонялся людям, говорившим с ним, он почти им поверил. И наконец, являясь человеческим существом, он был охвачен восторженным ощущением безопасности. Ни власть, ни слава, ни богатство не вызывали в нем такой

восхитительной радости, как чувство безопасности. Позже ему, возможно, станет доставлять удовольствие все, что связано с его положением, но сейчас он расстался со страхом. Ему больше никогда не надо будет ни о чем беспокоиться.

— Да, — воскликнул Одди, — Да, да, да! Я понимаю. Я понимаю, чего вы от меня хотите.

Он взволнованно вскочил со стула и, дрожа от радости, забегал от одной освещенной стены к другой. Потом Одди остановился и повернулся к своим учителям.

— Я благодарен, — проговорил он, — благодарен вам всем за то, что вы пытались сделать. Было бы просто ужасно, если бы я был Эгоистичным… или порочным… Попытался бы воспользоваться своими способностями ради собственной выгоды. Однако вы указали мне путь. Я должен служить добру. Всегда.

Счастливый Юхансен только кивал головой.

— Я буду всегда слушаться вас, — продолжал Одди. — Я не хочу совершать ошибки, — Он замолчал и снова покраснел. — Тот сон, про короля, — он мне снился, когда я был ребенком, но здесь, в университете, мне в голову приходили другие мысли. Я раздумывал о том, что было бы, если бы я был тем единственным человеком,

который управляет всем миром. Мне снились добрые, великодушные поступки, которые я хотел бы совершить…

— Да, — сказал Белланби. — Мы знаем, Одди. Нам тоже снились такие сны. Они снятся всем.

— Только теперь это уже не сон, — рассмеялся Одди. — Это реальность. Все случится, как я захочу.

— Начни с войны, — ядовито посоветовал Мигг.

— Конечно, — поспешно согласился Одди. — Именно с войны, но мы пойдем дальше, правда? Я сделаю все, чтобы война не началась, а после этого мы совершим… великие преобразования! Только мы пятеро. Про нас никто не узнает. Мы будем оставаться самыми обычными людьми, но благодаря нам жизнь всех остальных людей станет чудесной. Если я ангел, как вы говорите, тогда я создам рай везде, где только смогу.

— Но начни с войны, — повторил Мигг.

— Война — самая страшная катастрофа, которая должна быть предотвращена, — сказал Белланби. — Если ты не хочешь, чтобы эта катастрофа разразилась, то этого никогда не случится.

— Ты ведь хочешь предотвратить трагедию? — сказал Юхансен.

— Да, — ответил Одди. — Очень хочу.

Война началась двадцатого марта. Сообщество Наций и Der Realpolitik aus Terra мобилизовали свои силы и нанесли удар. Сокрушительные удары следовали один за другим, а в это время Одди Голь был призван младшим офицером в войска связи, однако уже 3 мая его перевели в разведку. 24 июня он был назначен адъютантом при совете Объединенных сил, проводившем свои заседания среди развалин, которые когда-то были Австралией. 11 июля он получил очередное повышение, возглавив потрепанные BBC, перепрыгнув сразу через тысячу семьсот восемьдесят девять чинов в офицерской иерархии. 19 сентября он принял верховное командование в сражении Парсек и одержал победу, которая положила конец чудовищному уничтожению Солнечной системы, названному Шестимесячной войной.

23 сентября Одди Голь сделал поразительное мирное предложение, которое было принято остатками двух государств всеобщего благосостояния. Для этого потребовалось соединить две антагонистические экономические теории, что привело к полнейшему отказу от всех экономических теорий вообще и слиянию обоих государств в единое Солнечное сообщество.

1 января Одди Голь по анонимному представлению был навечно избран Солоном Солнечного сообщества.

И сегодня все еще молодой, полный сил, красивый, искренний, идеалистичный, щедрый, добрый и умеющий сопереживать, он живет в Солнечном дворце. Он не женат, но известно, что он прекрасный любовник; раскованный и очаровательный хозяин, преданный друг; демократичный, но жесткий лидер обанкротившейся Семьи планет, страдающих от бездарных правительств, угнетения, нищеты и бесконечных беспорядков, что, впрочем, не мешает им петь благодарственные осанны славному Одди Голю.

В последний момент просветления Джесс Мигг сообщил о том, как он понимает сложившуюся ситуацию, своим друзьям в клубе факультета. Это было незадолго до того, как они отправились к Одди во дворец, чтобы стать его доверенными и самыми верными советниками.

— Мы были настоящими дураками, — с горечью сказал Мигг. — Нам следовало его убить. Он вовсе не ангел. Он чудовище. Цивилизация и культура, философия и этика — все это были всего лишь маски, которыми Одди прикрывал свое истинное лиио; эти маски прятали примитивные

стремления его подсознания.

— Ты хочешь сказать, что Одди был неискренен? — грустно спросил Юхансен. — Он хотел этого разрушения… этого ужаса?

— Конечно же, он говорил искренне, сознательно. Он и сейчас продолжает быть искренним. Он думает, что не хочет для человечества ничего иного, кроме добра. Голь честен, великодушен и благороден… но только на уровне сознания.

— А! Ид! — выдохнул Хррдниккисч так, словно его ударили в живот.

— Вы понимаете, Зигноид? Вижу, что понимаете. Джентльмены, мы были самыми настоящими кретинами. Мы ошибочно считали, что Одди сможет сознательно контролировать свою способность. Это не так. Контроль существует, но не на смысловом уровне. Способностью Одди руководит его ид — глубокий подсознательный резервуар, в котором хранится первобытный Эгоизм, присущий каждому человеку.

— Значит, он хотел этой войны, — сказал Белланби.

— Его ид хотел войны, Белланби. Это был кратчайший путь к тому, чего желает ид Одди, — стать повелителем Вселенной и быть любимым Вселенной. Его ид контролирует силу Одди. У всех

есть Эгоистичный, Эгоцентричный ид, живущий в подсознании; он постоянно стремится получить удовлетворение, он бессмертен, существует вне времени, не знает ни логики, ни этических ценностей, не отличает добро от зла, ему незнакомо понятие морали. Именно ид и контролирует Одди. Он всегда будет получать желаемое — не то, что его учили желать, а то, к чему стремится его ид. Судьба нашей системы, возможно, зависит от этого неизбежного конфликта.

— Но ведь мы будем рядом с ним, чтобы давать ему советы… направлять его… удерживать… — запротестовал Белланби. — Он же сам пригласил нас.

— Он будет прислушиваться к нашим советам, точно послушный ребенок, каким он на самом деле и является, — ответил Мигг. — Он будет с нами соглашаться, станет пытаться подарить всем райскую жизнь, а в это время его ид очень медленно и постепенно ввергнет всех нас в преисподнюю. Одди не уникален. Мы все являемся жертвами такого же конфликта… только у Одди есть его замечательная способность.

— Что мы можем сделать? — простонал Юхансен. — Что мы можем сделать?

— Не знаю. — Мигг прикусил губу, а потом кив-

нул папаше Юхансену, словно хотел извиниться перед ним. — Юхансен, вы были правы. Обязательно должен быть Бог, хотя бы только затем, чтобы противостоять Одди Голю, которого, вне всякого сомнения, породил Сатана.

Это были последние разумные слова Джесса Мигга. Сейчас, естественно, он обожает Голя Ослепительного, Голя Великого, Голя Вечного Бога, который добился того первобытного, Эгоистичного удовлетворения, о котором все мы подсознательно мечтаем с самого рождения, но которое оказалось доступно только Одди Голю.

О ВРЕМЕНИ И ТРЕТЬЕЙ АВЕНЮ

© Перевод А. Молчанова

Мэйси раздражало то, что незнакомец скрипел.

Может быть, скрипели туфли, но Мэйси подозревал, что скрипела одежда. Он глаз не спускал с этого незнакомца, усевшегося в отдельной комнате его кабачка под плакатом, вопрошавшим: «Кто боится говорить о битве при Бойне?»

Незнакомец был высокого роста и худощав, несмотря на молодость, почти лыс — его голову покрывал только редкий пушок. Такой же пушок заменял ему брови. Но вот незнакомец полез в карман пиджака за бумажником, и сомнения Мэйси рассеялись. Скрипела действительно одежда!

— Мистер Мэйси! — пролаял незнакомец. — Очень хорошо! За наем этого заднего помещения, учитывая исключительную его полезность, на один хронос…

— Какой нос? — нервно спросил Мэйси.

— Хронос. Неправильное слово? Ах да, извините меня. Один час.

— Вы иностранец? — спросил Мэйси.

— Нет, не иностранец, — ответил незнакомец. Его глаза быстро обшарили помещение, — Величайте мою личность Бойн.

— Бойн?! — недоверчиво переспросил Мэйси.

— М. К. Бойн, — Мистер Бойн открыл бумажник, сделанный в виде гармошки, перебрал разноцветные бумажки и монеты и вытащил стодолларовую банкноту. Он ткнул ею в Мэйси и сказал: — Арендная плата за один час. Не впускайте сюда никого, кроме… Сто долларов. Берите и идите.

Под взглядом колючих глаз Бойна Мэйси взял деньги и побрел к бару. Через плечо он неуверенно спросил:

— Что будете пить?

— Пить? Алкоголь? Фу! — ответил Бойн.

Он резко поднялся и устремился к телефонной будке. Пошарив рукой под телефоном-автоматом, нащупал провод и прикрепил к нему маленькую блестящую коробочку, которую достал из бокового кармана. Потом он снял трубку.

— Координаты. Долгота: семьдесят три тире пятьдесят восемь тире пятнадцать, широта: сорок тире сорок пять тире двадцать. Расформировать сигму. Я вас плохо слышу… — После паузы мистер

Бойн продолжал: — Стэт! Стэт! Помех нет. Засеките Найта. Оливер Уилсон Найт. Вероятность с точностью до четырех значимых цифр. У вас есть мои координаты… девяносто девять целых девять тысяч восемьсот семь десятитысячных? Будьте готовы к приему…

Бойн высунул голову из будки и стал наблюдать за входной дверью. Он ждал до тех пор, пока в кабачок не вошел молодой человек с хорошенькой девушкой. Тогда Бойн вновь нырнул в телефонную будку.

— Вероятность подтвердилась, — сказал он в трубку. — Оливер Уилсон Найт здесь. Пожелайте мне удачи. Пора…

Он повесил трубку и, когда пара направилась к отдельной кабинке, уже сидел под плакатом «Кто боится говорить о битве при Бойне?», на прежнем месте.

Молодому человеку было лет двадцать шесть, среднего роста, склонный к полноте. Его костюм был помят, темно-каштановые блестящие волосы слегка взъерошены, а дружелюбное лицо покрыто сетью добродушных морщинок. У девушки были черные волосы, мягкие голубые глаза и тонкая, ей одной присущая улыбка.

На их пути вырос Мэйси.

— Простите, мистер Найт, — сказал Мэйси. — Я не могу посадить вас сегодня на обычное место. Кабинка арендована.

Лица молодого человека и девушки вытянулись. Тогда Бойн крикнул:

— Все в порядке, мистер Мэйси! Все правильно! Я буду рад принять мистера Найта с подругой как своих гостей.

Найт и девушка нерешительно повернулись к Бойну. Бойн улыбнулся и похлопал по соседнему креслу.

— Садитесь, — сказал он. — Мне будет очень приятно, уверяю вас.

Девушка неуверенно произнесла:

— Мы не хотим вам мешать, но это единственное место в городе, где есть настоящее имбирное пиво.

— Уже осведомлен об этом, мисс Клинтон. — Бойн повернулся к Мэйси, — Принесите пива и ступайте. Больше никаких гостей. Я ждал только мистера Найта и мисс Клинтон.

Медленно опускаясь на свои места, Найт и его подруга с изумлением смотрели на Бойна. Найт положил на стол сверток с книгами. Девушка набрала в грудь воздуха и спросила:

— Вы меня знаете… мистер… мистер…

— Бойн. Да, конечно! Вы — мисс Джейн Клинтон. А ваш спутник — мистер Оливер Уилсон Найт. Я снял это помещение преимущественно для того, чтобы встретиться здесь с вами.

— Это что, шутка? — спросил Найт. На его щеках заиграл слабый румянец.

— Пиво, — галантно ответил Бойн, когда появившийся Мэйси расставил бутылки и стаканы и поспешно удалился.

— Вы никак не могли знать, что мы сюда придем, — возразила Джейн. — Мы и сами не знали… вплоть до последних минут.

— Простите, мисс Клинтон, — улыбнулся Бойн, — но вероятность вашего прибытия на долготу семьдесят три тире пятьдесят восемь тире пятнадцать и широту сорок тире сорок пять тире двадцать равнялась девяноста девяти целым девяти тысячам восьмистам семи десятитысячным процента. Никто не в состоянии избежать четырех значимых цифр.

— Послушайте, — сердито начал Найт, — если вы считаете, что это…

— Пожалуйста, принимайтесь за пиво и послушайте, что я скажу, мистер Найт. — Бойн перегнулся через стол. — Эта встреча была организована с большими трудностями и обошлась

в немалую сумму. Кому? Неважно! Вы поставили нас в чрезвычайно опасное положение. Меня прислали сюда, чтобы разрешить проблему.

— Какую проблему? — спросил Найт.

Джейн попыталась встать.

— Д-думаю, нам лучше уйти…

Бойн жестом велел ей сесть. Найту он сказал:

— Сегодня днем вы были в магазине Дж. Д. Крейга, торговца печатными изданиями. Вы приобрели путем передачи ему денег четыре книги. Три не имеют значения, но четвертая… — Он многозначительно постучал по свертку, — Она и есть причина нашей встречи.

— О чем это вы, черт возьми?! — возмутился Найт.

— О переплетном томе, содержащем собрание фактов и статистических данных.

— Альманах?

— Да, альманах.

— Ну, и что в нем такого?

— Вы собирались приобрести альманах тысяча девятьсот шестидесятого года.

— Я и купил альманах тысяча девятьсот шестидесятого года.

— В том-то и дело, что нет! — воскликнул Бойн. — Вы купили альманах на тысяча девять-

сот девяностый год.

— Что?!

— В этом свертке, — отчетливо произнес Бойн, — находится Мировой альманах на тысяча девятьсот девяностый год. Не спрашивайте, каким образом! Была допущена небрежность, за которую виновные уже понесли наказание. Теперь необходимо исправить ошибку. Вот почему я здесь, и вот почему была организована эта встреча. Вам все понятно?

Найт засмеялся и потянулся к свертку. Бойн перегнулся через стол и схватил его за запястье.

— Вы не должны открывать его, мистер Найт!

— Ну хорошо! — Найт откинулся в кресле. Он подмигнул Джейн и пригубил пиво. — Каков будет финал этой шутки?

— Я должен получить книгу, мистер Найт! Я специально прибыл из будущего за ней.

— Ах, вы должны?

— Да.

— Получить альманах тысяча девятьсот девяностого года?

— Да.

— Если бы, — сказал Найт, — такая штука, как альманах тысяча девятьсот девяностого года, существовала в действительности и если бы она

была в том свертке, у меня бы ее и клещами не вырвали. Почему? Взгляд в будущее… Биржевые сводки… Бега… Политика. Чистые денежки. Я был бы богат!

— Да, действительно, — резко кивнул Бойн. — Больше, чем богат! Всемогущ! Ограниченный ум использовал бы альманах будущего только для мелочей. Заключал бы пари о результатах игр и выборов. И так далее. Но человек с недюжинным интеллектом… вашим интеллектом… не остановился бы на этом.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите мне, — ухмыльнулся Найт.

— Дедукция. Индукция. Умозаключения. — Бойн загибал пальцы. — Каждый факт поведал бы вам целую историю. Например, в какую недвижимость следует вкладывать капитал. Какие земли покупать, а какие продавать. Об этом вам расскажут данные переписи населения и миграции. Транспортные перевозки. Списки затонувших кораблей и перечень крушений на железных дорогах предсказали бы вам, заменили ли ракеты, поезда и пароходы.

— Ну как, заменили? — ухмыльнулся Найт.

— Данные полетов сказали бы вам, акции какой компании покупать. Списки лауреатов Нобе-

левской премии надоумили бы вас, за какими учеными и какими новыми изобретениями следить. Судя по величине бюджетов, вы бы знали, какие предприятия и какие отрасли промышленности контролировать. Валютные курсы, биржевые сводки, банкротства банков и индексы страхования жизни дали бы вам надежную защиту от любого несчастья.

— Это мысль, — согласился Найт. — Это по мне.

— Вы действительно так думаете?

— Не думаю, а знаю! Деньги были бы у меня в кармане. Да что деньги, весь мир был бы у меня в кармане!

— Прошу извинить, — резко заметил Бойн, — но вы мыслите как мальчишка. Вы хотите богатства? Безусловно! Но радость вам принесет только богатство, добытое упорным трудом — своим трудом. Успех, доставшийся даром, не приносит удовлетворения. Лишь угрызения совести и горе. Вы и сами Это знаете.

— Я не согласен, — запротестовал Найт.

— Да? Тогда зачем вы работаете? Почему не воруете? Не взламываете сейфы?

— Но… — начал Найт и замолчал.

— Я попал в самую точку, не так ли? — Бойн нетерпеливо махнул рукой. — Нет, мистер Найт.

Вы слишком честолюбивы, чтобы желать нечестного успеха.

— Тогда я просто хотел бы знать, добьюсь ли я успеха.

— А, вот что! Вы хотели бы полистать страницы альманаха в поисках своего имени? Но зачем? Разве вы не верите в себя? Вы — перспективный молодой юрист. Да, я это знаю! Или, может быть, мисс Клинтон не верит в вас?

— Нет, — громко сказала Джейн. — Нет! В книгу заглядывать не обязательно.

— Что же еще, мистер Найт?

Найт замялся. Наконец он ответил:

— Уверенность в будущем.

— Такой вещи не существует! Жизнь — Это опасность. Твердо верить можно только в смерть.

— Я не это имею в виду, — пробормотал Найт. — Уверенность в том, стоит ли вообще строить планы на будущее. Ведь существует атомная бомба…

Бойн быстро кивнул:

— Правильно! Это конец всему. С другой стороны, я здесь. Мир будет продолжать жить. Я, человек из будущего, тому порукой.

— Если я вам поверю…

— Наконец-то я вас понял! — взорвался Бойн. —

Вам действительно не хватает мужества, и вы не верите в себя, в свои силы и способности! — Он пронзил молодых людей презрительным взглядом. — А ведь вы живете в стране, где бережно хранят легенду о предках-пионерах, от которых вы, по-видимому, должны были унаследовать мужество перед лицом невзгод. Где же ваше мужество? Ха! Неизвестность страшит вас. Она заставляет вас хныкать и искать подтверждений в книге! Так?

С минуту они молчали, не глядя друг на друга. Потом Бойн спросил:

— Вы мошенничаете, когда играете в солхэнд?

— Солхэнд?

— Прошу прощения! — Бойн стал перебирать в уме слова, нетерпеливо щелкая пальцами. — Это игра с небольшими раскрашенными листами бумаги… Я забыл ваше…

— О! — Лицо Джейн прояснилось. — Карты.

— Совершенно верно. Карты! Благодарю вас, мисс Клинтон. — Бойн перевел свои колючие глаза на Найта. — Вы мошенничаете, играя в карты?

— Редко, и только чтобы подшутить над партнером.

— Это неинтересно, да? Это скучно! Конечно,

гораздо интереснее выиграть честно.

— Пожалуй.

— Если вы заглянете в альманах, это будет нечестной игрой. На протяжении всех оставшихся вам лет вы будете жалеть, что не вели с жизнью честную игру. Вам будет стыдно самого себя. Вы раскаетесь. Мистер Найт, не ведите нечестной игры! Я заклинаю вас отдать мне альманах.

— А почему вы не заберете его у меня силой? — спросил Найт.

— Это должно быть сделано добровольно. Мы не имеем права ничего у вас отнимать. Как ничего не можем вам давать.

— Ложь! — воскликнул молодой человек. — Вы заплатили Мэйси за аренду этой комнаты.

— Это дело другое. Мэйси действительно заплачено, и тем не менее ему я ничего не дал. Он, конечно, решит, что его обманули, но вы позаботитесь о том, чтобы он так не думал. Все должно быть урегулировано без нарушений порядка вещей.

— Минутку…

— Все тщательно спланировано. Я рассчитываю на ваш здравый смысл, мистер Найт. Позвольте мне взять альманах. Я растворюсь… реориентируюсь… И вы никогда меня больше не увидите.

Я унесусь в вихре времени, и вам будет о чем рассказывать друзьям. Дайте мне альманах!

— Постойте, — произнес Найт. — Все это, конечно, шутка. По-моему, мы зашли слишком далеко…

— Шутка? — перебил его Бойн, — Шуша? Взгляните на меня.

Почти минуту молодой человек и девушка пристально смотрели на бескровное, белое как мел лицо с пылающими, словно уголья, глазами. Полуулыбка сошла с губ Найта, а Джейн невольно содрогнулась. В задней комнате кабачка повеяло холодом и тревогой.

— Боже мой! — Найт беспомощно взглянул на Джейн. — Это невероятно. Он убедил меня. А тебя?

Джейн судорожно кивнула.

— Что же нам делать? Если все, что он говорит, правда, мы можем отказаться и жить дальше припеваючи.

— Нет, — сдавленно ответила Джейн. — В этой книге, возможно, деньги и успех, но в ней есть также разводы и смерть. Отдай ему альманах.

— Берите, — тихо сказал Найт.

Бойн моментально встал. Он взял со стола сверток и скрылся в телефонной будке. Когда он

вышел, то три книги держал в одной руке, а в другой — четвертую. Он положил книги на стол и некоторое время стоял молча, держа в руке завернутый альманах и улыбаясь молодой паре.

— Примите мою признательность, — сказал он наконец. — Вы предотвратили опасную ситуацию. Будет справедливо, если вы получите что-нибудь взамен. Нам запрещено переносить во времени какие-либо предметы, которые могли бы изменить соотношения существующих явлений, но, по крайней мере, я могу оставить вам символический знак будущего.

Он отступил назад, смешно поклонился и со словами «Мое почтение» повернулся и направился к выходу.

— Эй! — крикнул ему вслед Найт. — А символ?

— Он у мистера Мэйси, — ответил Бойн и исчез.

Несколько минут за столом царило оцепенение. Молодой человек и девушка словно бы медленно пробуждались от сна. Затем, когда Найт и Джейн окончательно вернулись к действительности, они пристально взглянули друг на друга и расхохотались.

— Этот тип и впрямь напугал меня, — сказала Джейн сквозь смех.

— Какой-нибудь мошенник, каких много на Третьей авеню. Какой спектакль! Но что он с этого имел?

— Ну… твой альманах.

Найт снова начал смеяться.

— И все ради альманаха! Вся эта болтовня о том, что он заплатил Мэйси и в то же время ничего ему не дал. И что я должен позаботиться о том, чтобы Мэйси не был внакладе. И этот таинственный символ будущего…

Входная дверь с грохотом распахнулась, и Мэйси стрелой пронесся через весь кабачок в заднюю комнату.

— Где он? — вскричал хозяин. — Где этот вор? Он назвался Бойном. Скорее его зовут ублюдком!

— Что с вами, мистер Мэйси?! — воскликнула Джейн. — Что случилось?

— Где он? Ну, попадись он сейчас мне!

— Он ушел, — сказал Найт. — Он ушел как раз перед вашим приходом.

— А вы тоже хороши, мистер Найт! — Мэйси ткнул пальцем в грудь молодого юриста, — Вы — и общаетесь с грабителем и мошенником. Стыд и срам!

— В чем дело? — удивился Найт.

— Он заплатил мне сотню долларов за аренду

этой комнаты! — с болью в голосе закричал Мэйси. — Сотню! Я, как осторожный человек, отнес бумажку Берни-ростовщику, и тот обнаружил, что это подделка. Фальшивка!

— Правда? — рассмеялась Джейн. — Значит, в этом спектакле участвовала и фальшивка!

— Взгляните сами! — завопил Мэйси, шлепая банкноту об стол.

Найт внимательно рассмотрел ее. Внезапно он побледнел, с его лица сошла улыбка. Он полез во внутренний карман пиджака, достал чековую книжку и дрожащей рукой принялся выписывать чек.

— Ради бога, что ты делаешь? — изумилась Джейн.

— Забочусь о том, чтобы Мэйси не остался внакладе, — ответил Найт. — Вы получите свои сто долларов, мистер Мэйси.

— Оливер! Ты сошел с ума. Бросаться сотней долларов…

— Я ничего не теряю, — сказал Найт. — Все должно быть урегулировано без нарушений порядка вещей!

— Я не понимаю.

— Посмотри на банкноту, — проговорил Найт нетвердым голосом. — Посмотри внимательнее.

На банкноте был обычный рисунок, и внешне она ничем не отличалась от настоящей. На Найта и Джейн, как живой, благосклонно взирал Бенджамин Франклин. Но в правом нижнем углу было напечатано: «Серия 1980 Д». А еще ниже стояла подпись: «Оливер Уилсон Найт, министр финансов».

ВЫБОР

© Перевод В. Баканова

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, достопочтенный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался средними величинами и распределениями, гомогенными группами и случайными отборами. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв, разумеется, прихватить энциклопедии, бестселлеры и таблицы с результатами скачек; либо воображал себя в Золотом веке совершенства далекого будущего. Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, дражайшая мадам? Для благословенная щедрость. Я признателен.

В понедельник Адьер ворвался в кабинет своего

шефа, размахивая кипой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О, черт, — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего департамента… Вам известно, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что… Должно быть, где-то вкралась ошибка, — пробормотал Гранд, пролистав бумаги. — Проверьте.

— Есть, сэр, — затараторил Адьер, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы образцовый статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость — смертность» и ростом населения. Адьер представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом веке королевы Виктории, в котором он изумил

и покорил мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалость.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента! Так!.. Литл-Рок — 1,1329. Сент-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, происшедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте останков США концентрические окружности, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти. — Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — ве-

лел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, почтенная мисс? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарлстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если бы я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарлстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, по счастью, железнодорожного полотна. Он лечился весь путь: Бирмингем (бубонная чума), Мэмфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в гостинице Адьер направился в местный Статистический центр,

вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков не имеется. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на клочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая колымага со скрежетом затормозила, с большим трудом открылись двери, и вышел одноногий мужчина с забинтованным

обожженным лицом — очевидно, состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда… абсолютно ниоткуда… появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин… они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — пробормотал Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я инороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса в Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я трижды проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонсона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Район кишит шпионами!

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими

не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидает восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ключ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила:

«ЭВРИКА, Я НАШЕЛ»

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, бесценная мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Счастливый шанс представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Вовсе не обескураженные, они отошли, замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, затем повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не скрылись в старом амбаре.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать

ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватили за руки, к лицу прижали что-то мягкое…

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр! Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником. В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу, засмеялась и затараторила:

— Вд-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Сере-

дина XV века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью:

— Мууу, фууу, блууу, уауу, хауууу, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через несколько минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да… Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и т. д. И никто не видел истинного его назначения… Терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю…

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи… Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с… э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные… Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, однако первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно утрачивают контакт с реальностью. Знал я одного… его не устраивало ничто другое, кроме времен королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он, — Испанская армада. Дрейк и Рэли. Самый мужественный период истории. Золотой век». Я не смог его образумить, и вот… Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки…

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются… Извините.

Из свечения вышел мужчина, что-то протара-

торил и выскочил за дверь, чуть не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг, кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной… Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами? Но потом вам надоедает натыкаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про избитые истины. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям,

которых раньше не замечали.

— Это поверхностный подход, — возразил Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств… Или, наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я…

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великое заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-ээ! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни малейших проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас опасным радикалом сотню лет назад.

Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богаты, а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни… уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести… радио, например. Я сделал бы состояние на одном радио!

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и т. д. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам… Но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель

внутреннего сгорания, когда еще не имеют представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я и не думал… А книги? Я мог бы запомнить…

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов попять се. Она не станет доходной, если ее не будут покупать.

— А если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к иным темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер, — если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути… Половина попрошаек, которых вы видели, наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда… думают, что попали в Золотой век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер. — Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самый ужасный период в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову: когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — надо хранить тайну.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не обратит на вас внимания. Вы будете иностранцем, чудаком…

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это утешит, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец…

— Значит, вы отправите меня…

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер. — Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят… или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете — прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя Ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме своего собственного, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет. Что день сегодняшний, плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный, — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно потратить цена одна чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошенная личность. Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город

Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945-й. Я хочу домой.

ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА РАННЯЯ

© Перевод Е. Коротковой

Мужчине, сидевшему за рулем, было тридцать восемь лет. В его коротко остриженных волосах блестела преждевременная седина. Высокий, худощавый, слабосильный, он обладал двумя сомнительными преимуществами: образованностью и чувством юмора. Он был одержим какой-то идеей. Вооружен телефонной книгой. И обречен.

Свернув на Пост-авеню, он остановил машину у дома № 17. Заглянул в телефонную книгу, потом вылез из машины и вошел в подъезд. Окинув взглядом почтовые ящики, он взбежал по лестнице к квартире 2-ф. Нажал на кнопку звонка и в ожидании, пока ему откроют, вынул черный блокнотик и великолепный серебряный карандаш с четырьмя цветными грифелями.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Миссис Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился он к даме средних лет с

ничем не примечательной наружностью.

Дама кивнула.

— Моя фамилия Фостер. Я из научно-исследовательского института. Мы занимаемся проверкой слухов относительно летающих блюдец. Я вас не задержу.

Мистер Фостер протиснулся в прихожую. Он побывал уже в стольких квартирах, что почти машинально двигался в нужном направлении.

Быстро пройдя по прихожей, он вошел в гостиную, с улыбкой повернулся к миссис Бьюкенен, раскрыл блокнотик на чистой странице и нацелился карандашом.

— Вы видели когда-нибудь летающее блюдце, миссис Бьюкенен?

— Нет. И вообще это чушь. Мне…

— А ваши дети видели их? У вас ведь есть дети?

— Есть. Но…

— Сколько?

— Двое. Только никаких летающих блюдец…

— Они посещают школу?

— Что?!

— Школу, — нетерпеливо повторил мистер Фостер. — Ходят они в школу?

— Моему сыну двадцать восемь лет, — отве-

тила миссис Бьюкенен, — А дочери — двадцать четыре. Они окончили школу задолго до…

— Понятно. Сын, очевидно, уже женат, а дочь замужем?

— Нет. Еще нет. А вот насчет летающих блюдец вам, ученым, следовало бы…

— Мы так и делаем, — перебил ее мистер Фостер. Он что-то поспешно нацарапал в блокноте, затем захлопнул его и сунул вместе с карандашом в карман.

— Очень вам благодарен, миссис Бьюкенен, — проговорил он и повернулся к выходу.

На улице мистер Фостер снова залез в машину, открыл телефонную книгу и, отыскав там нужную фамилию, вычеркнул ее. Затем он занялся следующей по списку фамилией и, хорошенько запомнив адрес, двинулся в путь. На сей раз он отправился на Форт-Джордж-авеню и оставил машину против дома № 800. Он вошел в дом и поднялся на лифте на четвертый этаж. Нажал на кнопку звонка у квартиры 4-г и в ожидании, пока ему откроют, вытащил из кармана черный блокнотик и великолепный карандаш.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Мистер Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился Фостер к мужчине сви-

репого вида.

— А вам-то что? — ответствовал тот.

— Моя фамилия Дэвис, — представился мистер Фостер — Я из союза радиовещательных корпораций. Мы составляем сейчас список людей, удостоившихся премии. Вы разрешите мне войти? Я вас не задержу…

Мистер Фостер Дэвис протиснулся в прихожую и через несколько мгновений уже беседовал в гостиной с мистером Бьюкененом и его рыжеволосой женой.

— Вы когда-нибудь получали премии на радио или телевидении?

— Никогда! — запальчиво ответил мистер Бьюкенен. — Такой возможности нам ни разу не представилось. Кому угодно, только не нам.

— Все эти холодильники и деньги, — заговорила миссис Бьюкенен, — И поездки в Париж на самолете и…

— Именно поэтому мы и составляем данный список, — перебил ее мистер Фостер-Дэвис. — А из ваших родственников тоже никто не получал премий?

— Да разве их возможно получить? Там ведь все заранее…

— А ваши дети?

— У нас нет детей.

— Понятно. Большое спасибо.

Мистер Фостер-Дэвис совершил уже известную нам манипуляцию с карандашом и блокнотом и спрятал их в карман. Ловко отделавшись от разгневанных Бьюкененов, он вернулся к своей машине, вычеркнул еще одну фамилию, внимательно прочел адрес, стоящий возле следующей, и отправился в путь.

Он подъехал к дому № 1215 по Восточной 68-й улице. Это был красивый особняк, сложенный из темного песчаника. Дверь отворила горничная в накрахмаленном переднике и наколке.

— Добрый вечер, — поздоровался он. — Мистер Бьюкенен дома?

— А кто его спрашивает?

— Моя фамилия Хук, — ответил мистер Фостер-Дэвис. — Я веду опрос по поручению Бюро усовершенствования деловых взаимоотношений.

Горничная скрылась, затем вновь возникла и проводила Фостера-Дэвиса-Хука в маленькую библиотеку, где стоял, держа в руках чашку и блюдечко из лиможского фарфора, решительного вида джентльмен в смокинге. На полках поблескивали корешками дорогие книги. В камине

пылал настоящий огонь.

— Мистер Хук?

— Да, сэр, — ответил обреченный. На сей раз он обошелся без блокнотика. — Я вас не задержу, мистер Бьюкенен… Всего несколько вопросов.

— Я возлагаю огромные надежды на Бюро усовершенствования, — провозгласил мистер Бьюкенен. — Наш главный оплот против вторжения…

— Благодарю вас, сэр, — прервал его мистер Фостер-Дэвис-Хук. — Случалось ли вам когда-нибудь терпеть материальный ущерб в результате мошеннических проделок какого-либо бизнесмена?

— Такие попытки предпринимались, но безуспешно.

— А ваши дети?.. У вас ведь есть дети?

— Мой сын еще, пожалуй, слишком юн, чтобы стать жертвой подобных покушений.

— Сколько же ему лет, мистер Бьюкенен?

— Десять.

— Может быть, в школе, сэр? Ведь существуют жулики, специализирующиеся по школам.

— В школе, где учится мой сын, это исключено.

— А какую школу он посещает, сэр?

— Заведение Германсона.

— Одна из лучших наших школ. Посещал он когда-нибудь обычную городскую?

— Никогда.

Обреченный вытащил карандаш и блокнотик. Сейчас ему и в самом деле надо было кое-что записать.

— А других детей у вас нет, мистер Бьюкенен?

— Дочь семнадцати лет.

Мистер Фостер-Дэвид-Хук задумался, начал было писать, но передумал и закрыл блокнот. Вежливо поблагодарив хозяина, он удалился, прежде чем тот успел спросить у него удостоверение личности. Горничная выпустила его из дому, он торопливо сбежал с крыльца, открыл дверцу автомобиля… И в ту же секунду сокрушительный удар по голове сбил его с ног.

Когда обреченный пришел в себя, ему показалось, что он с похмелья. Он уже собирался было потащиться в ванную, когда осознал, что валяется на стуле, словно костюм, приготовленный для чистки. Он раскрыл глаза, и у него возникло ощущение, что он попал в подводный грот. Тогда он отчаянно заморгал, и вода схлынула.

Он находился в маленькой адвокатской конторе. Прямо перед ним стоял плечистый человек, похожий на расстригу Санта-Клауса. В стороне,

на краешке стола, сидел, беспечно болтая ногами, тощий юноша со впалыми щеками и близко посаженными глазами.

— Вы меня слышите? — осведомился плечистый.

Обреченный промычал нечто утвердительное.

— А говорить вы можете?

Он снова замычал.

— А ну-ка полотенце, Джо! — весело произнес плечистый.

Тощий юноша слез со стола и, подойдя к стоявшему в углу умывальнику, намочил в воде полотенце. Потом встряхнул его, неторопливо подошел к стулу и вдруг, словно охваченный звериной яростью, наотмашь хлестнул по лицу избитого человека.

— Бога ради! — вскрикнул мистер Фостер-Дэвис-Хук.

— Вот так-то лучше, — сказал здоровяк. — Моя фамилия Ге-род. Уолтер Герод, адвокат, — Он подошел к столу, на котором лежали вещи, вынутые из карманов обреченного, взял в руки бумажник и показал его владельцу. — Ваша фамилия Варбек. Марион Перкин Варбек. Верно?

Тот уставился на бумажник, потом на Уолтера Герода, адвоката, и только после этого ответил

на вопрос:

— Вы правы, моя фамилия Варбек. Впрочем, посторонним людям я никогда не представляюсь как Марион.

Новый удар мокрым полотенцем по лицу, и мистер Варбек навзничь рухнул на стул.

— Довольно, Джо, — проговорил Герод. — Прошу не повторять до особого распоряжения. — Затем он обратился к Варбеку: — Что это вас так заинтересовали Бьюкенены? — Он подождал ответа и приветливо продолжал: — Джо вас выслеживал. Вы обрабатывали в среднем по пять Бьюкененов за вечер. Всего тридцать. Куда вы целите?

— Да что за дьявольщина, наконец? — возмутился Варбек. — Какое право вы имеете похищать меня и допрашивать таким образом? Если вы полагаете, что можно…

— Джо, — светским тоном прервал его Герод, — еще разок, пожалуйста.

Новый удар обрушился на Варбека. И тут от боли и бессильной ярости несчастный разрыдался.

Герод небрежно вертел в руках бумажник.

— Судя по документам, вы учитель, директор школы. До сих пор я считал, что учителя чтят законы. Каким образом вы ввязались в этот рэкет

с наследством?

— В какой рэкет? — слабым голосом спросил Варбек.

— С наследством, — терпеливо повторил Герод — Дело наследников Бьюкенена. Как действовали? Вели переговоры лично?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — воскликнул Варбек. Он выпрямился на стуле и указал на тощего юнца: — И прекратите, пожалуйста, ваши штучки с полотенцем.

— Я попрошу меня не учить, — злобно отрезал Герод. — Я буду делать все, что мне заблагорассудится. Я не потерплю, чтобы кто-то наступал мне на пятки. Это дело дает мне семьдесят пять тысяч в год, и в нахлебниках я не нуждаюсь.

Наступило долгое, напряженное молчание, но обреченный не понимал, чего от него ждут. Наконец он заговорил.

— Я человек образованный, — произнес он, медленно подбирая слова, — но в моем образовании есть пробелы. Спроси вы меня о Галилее или хоть о поэтах-роялистах, и я бы не ударил в грязь лицом. Однако то, что вас интересует, явно относится к пробелам. Здесь я бессилен. Слишком много неизвестных.

— Мою фамилию вы уже знаете, — ответил

Герод. — А это Джо Давенпорт, — добавил он, указывая на тощего юношу.

Варбек покачал головой.

— Неизвестных в математическом смысле. Величина «икс». Система уравнений. Не забывайте, я человек образованный.

— О господи! — испуганно выдохнул Джо. — Он, кажется, и вправду чтит законы?

Герод пытливо вглядывался в обреченного.

— Сейчас я вам выложу все по порядку, — сказал он, — История эта очень давнишняя. В общем дело обстоит так: ходят слухи, что Джеймс Бьюкенен…

— Пятнадцатый президент Соединенных Штатов?

— Он самый. Ходят слухи, что он умер, не оставив завещания, а наследники так и не объявились. Было это в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Сейчас благодаря начислениям сложных процентов его состояние стоит уже миллионы. Улавливаете?

Варбек кивнул.

— Я человек образованный, — пробормотал он.

— Каждый, кто носит фамилию Бьюкенен, мог бы претендовать на этот куш. Я разослал великое множество писем. Сообщил, что есть надежда

оказаться в числе наследников. Желательно ли им, чтобы я навел справки и отстаивал их права на долю в наследстве? Все, что от них потребуется в настоящее время, это выплачивать мне ежегодно небольшую сумму. Большинство клюнуло. Шлют мне деньги со всех концов страны. И вдруг вы…

— Одну минутку! — перебил его Варбек. — Я уже догадался. Вы обнаружили, что я посещаю людей, носящих это имя, и решили, что я тоже хочу ввязаться в ваш рэкет? Примазаться… как это говорится… примазаться к тому же куску?

— Ну да, — сердито сказал Герод, — а что, разве не так?

— Великий боже! — вскричал Варбек. — Мог ли я ожидать чего-либо подобного? Я!.. Благодарю тебя, о господи! Благодарю. И никогда не устану благодарить. — Сияя от удовольствия, он повернулся к Джо, — Дайте-ка полотенце, Джо, — сказал он. — Нет, просто перебросьте. Мне надо вытереть лицо.

Он поймал на лету полотенце и с блаженной улыбкой принялся обтирать свое вспотевшее лицо.

— Ну, так как же, — снова заговорил Героя, — угадал?..

— Нет, не угадали. У меня нет намерения примазываться к вашему куску. Но я вам очень благодарен за ошибку. Можете не сомневаться. Вы и не представляете себе, как лестно для учителя быть принятым за вора.

Он поднялся с кресла и направился к столу, где лежал его бумажник и остальное имущество.

— Минутку! — рявкнул Герод.

Тощий юноша ринулся к Варбеку и схватил его за руку, словно клещами.

— Да бросьте вы, — вспылил обреченный, — вы ведь сами видите, что все это — дурацкая ошибка.

— Вот я вам покажу сейчас ошибку, вот я вам покажу сейчас дурацкую, — угрожающе заговорил Герод. — Делайте то, что вам велят.

— Ах, так! — Варбек высвободил руку и хлестнул Джо полотенцем по глазам. Затем прошмыгнул к столу, схватил пресс-папье и запустил его в оконное стекло. Зазвенели осколки.

— Джо! — взвизгнул Герод.

Не теряя времени, Варбек сгреб телефон и набрал номер полицейского отделения. Одновременно он извлек зажигалку, высек огонь и бросил ее в мусорную корзину. В телефонной трубке послышался голос дежурного.

— Пришлите сюда полисмена! — крикнул Варбек и ударом ноги отшвырнул пылающую корзину в середину комнаты.

— Джо! — надрывался Герод, затаптывая горящую бумагу.

Варбек усмехался. Он поставил телефон на место. Из трубки неслись пронзительные крики. Варбек прикрыл ее рукой.

— Договоримся? — осведомился он.

— Сукин ты сын! — рявкнул Джо и, отняв наконец кулаки от глаз, ринулся к Варбеку.

— Отставить! — крикнул Герод. — Этот псих вызвал фараонов. Оказывается, он все же чтит законы. — И, обращаясь к Варбеку, жалобно добавил: — Ну, будет вам. Пожалуйста. Мы на все согласны. Только, бога ради, отмените вызов.

Обреченный поднес к губам трубку.

— Говорит М. П. Варбек, — сказал он. — Я только что консультировался со своим адвокатом, как вдруг какой-то идиот с гипертрофированным чувством юмора влетел в контору и позвонил вам по этому телефону. Вы можете позвонить сюда и убедиться, что это так.

Он положил трубку, рассовал по карманам свое имущество и подмигнул Героду. Зазвонил телефон. Варбек взял трубку, уверил дежурного, что

все в порядке, и снова положил ее. Затем, выйдя из-за стола, он протянул Джо ключи от своего автомобиля.

— Ступайте к машине — я уж не знаю, куда вы там ее загнали. Откройте отделение для перчаток, достаньте оттуда конверт и принесите сюда.

— Пошел ты к черту! — огрызнулся Джо. Глаза его все еще слезились.

— Делайте то, что вам велено, — властно сказал Варбек.

— Погодите-ка, Варбек, — вмешался Герод. — Что это вы еще затеяли? Я обещал вам, что мы сделаем по-вашему, но все же…

— Я собираюсь объяснить, почему я заинтересовался Бьюкененами, — ответил Варбек. — И я намерен заключить с вами союз. Вы и Джо — очень подходящие партнеры для того, чтобы помочь мне разыскать того единственного Бьюкенена, которого ищу я. Моему Бьюкенену всего десять лет, но он стоит сотни ваших вымышленных капиталов.

Герод вытаращил на него глаза.

Варбек вложил ключи в руку Джо.

— Ступайте, Джо, и принесите нам конверт, — сказал он, — а заодно распорядитесь, чтобы послали за стекольщиком.

Обреченный положил конверт на колено и бережно его разгладил.

— Директор школы, — начал он свой рассказ, — должен следить за всеми классами. Он наблюдает за процессом учебы, отмечает успехи, выявляет наболевшие вопросы и так далее. При этом он действует совершенно наугад. Точнее, объектом наблюдения служат школьники, взятые на выборку. У меня в школе девятьсот учеников. Не могу же я наблюдать каждого в отдельности.

Герод кивнул. Физиономия Джо выражала полнейшее недоумение.

— В прошлом месяце, просматривая работы учеников пятого класса, — продолжал Варбек, — я наткнулся на поразительный документ. — Он открыл конверт и извлек из него несколько листиков линованной бумаги, исписанных каракулями и усеянных кляксами. — Это сочинение написал ученик пятого класса Споарт Бьюкенен. Ему сейчас лет десять или около того. Сочинение называется «Мои каникулы». Прочтите его, и вы сразу поймете, почему я разыскиваю Стюарта Бьюкенена.

Он перебросил сочинение Героду. Тот вытащил очки в роговой оправе и укрепил их на своем пухлом носу. Джо Давенпорт встал сзади патрона,

заглядывая ему через плечо.

МОИ КОНИКУЛЫ
Стюарта Бьюкенена
Этим летам я нависти́л своих друззей. У меня четверо друзей и все они очень хорошие. Вапервых Томми, который жевет в диревне и занимается астрономией. Томми сам построил сибе теллескоп из стикла шереной в 6 дюймов и сам поставил его. Он смотрит на звезды каждую ноч и давал мне смотреть даже когда шал проливной дощ…

— Что это за дьявольщина? — возмутился Герод.
— Читайте дальше, — ответил Варбек.

…дощ. Мы видели звезды патому што Томми пределал к концу теллескопа одну штуку, которая высовуется как пражектар, такшто видно чириз дощ и все.

— Кончили уже об астрономе? — спросил Варбек.
— До меня что-то не доходит…
— Сейчас объясню. Томми не нравилось, что

приходится дожидаться безоблачных ночей. Тогда он изобрел нечто способное проникать через облака и атмосферу… что-то вроде вакуумной трубки и может теперь пользоваться своим телескопом в любую погоду. Рассеивающий луч — вот что он изобрел.

— Чушь несусветная!

— В том-то и дело, что не чушь. Но читайте дальше.

Патом я поехал к Анне Марии и жил у нее целую ниделю. Тан было очень веселю такак Анна Мария зделала бабоминялку, маркое и шпенат она тоже берет…

— Ничего не пойму, что это еще за «бабоминялка»?

— Бобоменялка — от слова «бобы». Стюарт не силен в правописании. «Марков» — это «морковь», а «шпенат» — «шпинат».

…марков и шпенат она тоже берет. Когда ее мама заставляет нас есть их, Анна Мария нажемает на кнопку и с наруже они вточности какбыли, а в нутри привращаются в перог. Вишьневый и зимлиничный. Я спросил Анну Марию как, и

она сказала, что припомощи Енхве.

— Ничего не понимаю…

— А ведь все очень просто. Анна Мария не любит овощей. Но так как она не менее изобретательная, чем астроном Томми, то изготовила «бабоминялку». И превращает себе бобы в «перог». «Вишьневый и зимлиничный». Пироги она любит. Так же как Стюарт.

— Вы с ума сошли.

— Вовсе нет. Все дело в детях. Они гениальны. Впрочем, что я говорю: гении — кретины по сравнению с ними. Для таких детей и слова-то не подберешь.

— Выдумки это, и больше ничего. Ваш Стюарт Бьюкенен фантазер, каких свет не видывал.

— Вы находите? Тогда объясните мне, что такое Енхве, при помощи которого Анна Мария производит трансформацию вещества. Мне пришлось поломать голову, но я все же докопался. Квантовое уравнение Планка E = nhv. Однако продолжайте, продолжайте. Самое главное еще впереди. Вы не добрались до ленивой Этель.

Мой друг Джорш делает маделли аиропланов очень хорошие и маленькие. Руки у Джорша неуклюжие, поэтому он дела-

ет из тателина человечков и велит им, чтоб строили аиропланы…

— А это еще как понять?

— Насчет самолетостроителя Джорджа?

— Да.

— Очень просто. Джордж создает крошечных роботов, и они строят за него самолеты. Толковый мальчик Джордж, но почитайте о его сестре, ленивой Этель.

Ево сестра Этель самая ленивая девочка, которую я видел. Она высокая и толстая и нелюбит ходить пишком. Когда мама посылает ее в магазин, Этель мысленно идет в магазин, потом мысленно несет домой покупки и прячется в комнате у Джорша, что бы мама незаметила, что слишком быстро. Мы с Джоршем дразним ее, за то что она толстая и линивая, но она ходит в кино бес платно и видела «Хопалонг Кэсиди» шестнадцать раз. Конец.

Герод в недоумении уставился на Варбека.

— Молодчина Этель, — сказал Варбек. — Ленится ходить пешком и прибегает к телетранспорти-

ровке. Правда, потом ей приходится прятаться, чтобы мама не заметила, что она вернулась слишком быстро, а Джордж и Стюарт дразнят ее.

— Телетранспортировка?

— Разумеется. Этель проделывает весь свой путь мысленно.

— Да разве этакое возможно? — возмутился Джо.

— Было невозможно, пока не появилась ленивая Этель.

— Не верю я, — проговорил Герод. — Ни одному слову не верю.

— Вы считаете, что Стюарт попросту все выдумал?

— Разумеется.

— А как же тогда уравнение Планка $E = nh\nu$?

— Совпадение. Он и это придумал.

— Полно, возможны ли такие совпадения?

— Ну, значит, где-то вычитал.

— Десятилетний мальчик? Чушь!

— Говорю вам, не верю, и все! — заорал Герод. — Дайте мне сюда вашего мальчишку, и я за пять минут докажу вам, кто прав.

— Легко сказать — дайте... Мальчик ведь исчез.

— Как так?

— Словно в воду канул. Вот почему мне приходится навещать всех Бьюкененов в городе. В тот самый день, когда я прочел сочинения и велел вызвать ко мне для беседы ученика пятого класса Стюарта Бьюкенена, мальчик исчез. И с тех пор его никто не видел.

— А его семья?

— Семья тоже исчезла.

Варбек нагнулся к собеседнику и горячо заговорил:

— Нет, вы представьте себе только. Исчезли все следы и мальчугана, и его родных. Все до единого. Об их семье помнят всего несколько человек, да и то смутно. Она исчезла.

— О господи! — воскликнул Джо. — Смылись, да?

— Вот именно. Вы очень точно выразились. Благодарю вас, Джо. — Варбек подмигнул Героду. — Ничего себе ситуация? Существует мальчик, все друзья которого — гениальные дети. Причем именно и прежде всего дети. Ведь все свои невероятные открытия они совершили из самых ребяческих побуждений. Этель телетранспортирует себя, так как ей лень ходить по маминым поручениям. Джордж создает роботов для того, чтобы они строили ему игрушечные самолетики.

Анна Мария прибегает к трансформации вещества, потому что терпеть не может бобов. А мы еще не знаем, что вытворяют другие приятели Стюарта! Быть может, существует какой-нибудь Мэтью, который изобрел машину времени, когда не успевал приготовить к сроку домашнее задание.

Герод в изнеможении замахал руками.

— Да откуда столько гениев? Что такое стряслось?

— Не знаю. Выпадение атомных осадков? Фтористые соединения, которые мы глотаем с водой? Антибиотики? Витамины? Мы так напичкали свои организмы химией, что и сами не понимаем, что с нами творится. Я хотел было разобраться толком, но, как видите, не сумел. Стюарт Бьюкенен сперва проболтался, как ребенок, а когда я стал выяснять, что и как, струсил и сбежал.

— А вы считаете, что он тоже гений?

— Очень возможно. Ребята обычно выбирают себе подходящих друзей и по способностям, и по интересам.

— И что же он за гений? В чем его талант?

— Не имею ни малейшего представления. Он скрылся, вот и все, что я знаю. Замел за собой следы, уничтожил все документы, которые могли

бы помочь мне определить его местопребывание, и развеялся, словно дым.

— Как он попал в вашу школу?

— Не знаю.

— Может, он какой-нибудь жулик? — предположил Джо.

— Гений бандитизма? — недоверчиво усмехнулся Герод. — Супермен? Десятилетний Мориарти?

— Что ж, возможно, что он гениальный вор, — проговорил обреченный, — хотя не следует придавать слишком большое значение его побегу. Обычная реакция застигнутого врасплох ребенка. В таких случаях они или хотят, «чтобы ничего этого не случилось», или мечтают перенестись куда-нибудь за миллион миль. Однако если Стюарт Бьюкенен и в самом деле находится сейчас за миллион миль, мы все равно должны его найти.

— Чтобы узнать, способный он или нет? — спросил Джо.

— Нет, чтобы разыскать его друзей. Да неужели вам до сих пор не ясно? Ведь за обладание рассеивающим лучом наше командование никаких денег не пожалеет. А скажите на милость, возможно ли переоценить значение преобразо-

вателя материи? А как мы стали бы богаты, умей мы создавать живых роботов! И как могущественны стали бы мы, если бы овладели секретом телетранспортировки!

Наступила томительная пауза, затем Герод встал.

— Мистер Варбек, — сказал он. — Мы с Джо сопляки против вас. Спасибо вам, что берете нас в долю. Мы в долгу не останемся. Мы найдем парнишку.

Никто не может исчезнуть бесследно — даже предполагаемый гениальный преступник. Однако напасть на след порою очень нелегко — даже специалисту по расследованию внезапных исчезновений. Существуют, впрочем, профессиональные приемы, о которых не подозревают дилетанты.

— Ну кто так делает? — деликатно выговаривал Герод обреченному. — Зачем вам было обходить всех Бьюкененов? Бежать вдогонку за беглецом — это не метод. В таких случаях лучше поглядеть, не оставил ли он каких следов.

— Гений не может делать промахов.

— Допустим даже, что ваш парнишка гений. Неустановленного профиля. Все, что угодно. Но ведь ребенок всегда остается ребенком. Уж что-

нибудь да позабудет. А мы это обнаружим.

В течение трех дней Варбек познакомился с удивительнейшими методами слежки. Сперва они навели справку в почтовом отделении района по поводу семьи Бьюкенен, проживавшей прежде в этой местности. Оставлена ли карточка с их новым адресом? Нет, карточка оставлена не была.

Затем они посетили избирательную комиссию. Каждый избиратель в городе прикреплен к какому-нибудь участку, и переезд его в другой район, как правило, должен быть зарегистрирован. Однако перемена места жительства семьей Бьюкенен в избирательной комиссии зарегистрирована не была.

Побывали они и в конторах газовой и электрической компаний. Клиенты этих компаний обязаны сообщать о перемене адреса. А в тех случаях, когда они покидают город, они обычно требуют вернуть им залог. Зарегистрирована ли подобная просьба клиентов по фамилии Бьюкенен? Нет, не зарегистрирована.

Существует закон, который обязывает всех водителей в случае переезда на новое место жительства уведомлять об этом Бюро автотранспорта. Нарушение этого закона карается

штрафом, тюремным заключением и еще более строгими мерами наказания. Получено ж такое уведомление от семейства Бьюкенен? Нет, не получено.

Они делали запрос и в корпорации недвижимости (владельцы многоквартирного здания на Вашингтон-Хайтс), в которой жильцы по фамилии Бьюкенен арендовали четырехкомнатную квартиру. Как и большинство подобных объединений, корпорация требовала от своих съемщиков, чтобы в договор об аренде были занесены фамилии и адреса двух поручителей. Можно ли узнать, кто поручался за квартиросъемщиков Бьюкенен? Нет, их арендный договор не сохранился в архиве.

— Возможно, Джо был прав, — жалобно говорил Варбек, сидя в конторе Герода, — мальчик, очевидно, и в самом деле гениальный преступник. Как смог он все предусмотреть? Каким образом добрался до каждой бумажки и уничтожил их? Как он действовал? Подкупом? Шантажом? Воровством?

— Узнаем, когда он попадет к нам в руки, — угрюмо ответил Герод. — Ну а пока!.. Пока что он обставил нас по всем статьям. Чисто сработал. Но одну штучку я все же приберег про запас. Давайте

сходим к управляющему домом.

— Я уже был у него, — возразил Варбек. — Он смутно помнит, что такая семья жила в доме, и ничего больше. Куда они переехали, он не знает.

— Он знает кое-что другое, до чего мальчишка, может быть, и не додумался. Давайте-ка выясним это.

Они подъехали к дому на Вашинггон-Хайтс и нагрянули к мистеру Джекобу Рюсдейлу, который обедал в своей полуподвальной квартире. Мистеру Рюсдейлу очень не понравилось, что его отвлекают от печенки под луковым соусом, но пять долларов оказались веским аргументом.

— Мы насчет семьи Бьюкенен, — начал Герод.

— Я ведь уже все рассказал ему, — перебил его Рюсдейл, указывая на Варбека.

— Так-то оно так. Но он забыл спросить у вас одну вещь. Можно мне спросить ее сейчас?

Рюсдейл воззрился на пятидолларовую бумажку и кивнул головой.

— Дело в том, что, когда жильцы въезжают в дом или покидают его, управляющий домом обычно записывает название грузовой компании, которая осуществляет перевозку. Делается это для того, чтобы можно было подать жалобу, в случае если помещение будет попорчено во

время перевозки имущества. Я адвокат и сталкивался с подобными вещами. Верно я говорю?

Рюсдейл подошел к заваленной бумагами полке, вытащил растрепанный журнал и, с шумом раскрыв его, принялся перелистывать страницы своими влажными пальцами.

— Ну вот, — сказал он. — Грузовая компания «Эвон». Грузовик номер Г-четыре.

Никаких записей о переезде семьи Бьюкенен с квартиры на Вашингтон-Хайтс грузовая компания «Эвон» не сохранила.

— Мальчишка позаботился и об этом, — буркнул Герод.

Зато известны были имена рабочих, обслуживающих в день переезда грузовик № Г-4. И когда после окончания работы они зашли в контору, Герод подробно расспросил их о поездке. Они припоминали ее смутно. Помнили только, что на перевоз вещей с Вашингтон-Хайтс ушел весь день, так как ехать пришлось к черту на рога, куда-то в Бруклин.

— Бог ты мой! В Бруклин! — пробормотал Герод. — А куда именно в Бруклин?

Где-то на Мэпл-парк-роу. Номер? Номер они не помнят.

— Купите карту, Джо.

Они обследовали карту Бруклина и разыскали на ней Мэпл-парк-роу. Она и в самом деле была у черта на рогах, на самых задворках цивилизации, и занимала двенадцать кварталов.

— Бруклинские кварталы, — хмыкнул Джо. — В два раза длиннее любых других. Уж я-то знаю.

Герод пожал плечами.

— Мы почти у цели. Все, что нам остается, это поработать ногами. По четыре квартала на брага. Надо обойти каждый дом, каждую квартиру. Составить список всех мальчишек этого возраста. И если окажется, что он живет под вымышленным именем, Варбеку придется проверить весь список.

— Да ведь в Бруклине на каждый квадратный дюйм приходится по миллиону мальчишек, — возразил Джо.

— А нам с тобой придется по миллиону долларов на каждый потраченный день, если мы его разыщем. А ну пошли!

Мэпл-парк-роу — длинная извилистая улица, на которой громоздятся детские коляски и старушки, восседающие на складных стульях. А на обочинах тротуаров громоздятся автомашины. А в сточной канаве громоздятся кучи извести, имеющие форму продолговатых бриллиантов, и

детвора играет там по целым дням. И в каждой щелке кто-нибудь да живет.

— Совсем как в Бронксе, — заметил Джо, внезапно ощутив приступ тоски по дому, — Я уже десять лет как не был у себя в Бронксе.

Он уныло побрел к своему сектору, с бессознательной ловкостью прирожденного горожанина прокладывая себе путь среди играющих мальчишек. Эта картина так и осталась в памяти у Варбека, ибо Джо не суждено было вернуться.

В первый день они с Геродом решили, что Джо напал на след. Они воспрянули духом. Однако на второй день они поняли, что каким бы горячим ни был этот след, он все же не мог подогревать энтузиазм Джо в течение сорока восьми часов. Тогда они приуныли. На третий день уже невозможно было скрывать от себя истину.

— Он мертв, — уныло сказал Герод. — Мальчишка отделался от него.

— Но каким образом?

— Просто убил.

— Десятилетний мальчуган? Ребенок?

— Вам хотелось узнать, в чем гениальность Стюарта Бьюкенена? Вот я и говорю вам, в чем его гениальность.

— Не верю.

— А куда девался Джо?

— Сбежал.

— Он и за миллион долларов не сбежит.

— В таком случае где труп?

— Спросите мальчишку. Он ведь гений. Небось изобрел такие штучки, которые и Дика Трейси поставили бы в тупик.

— Но как он его убил?

— Спросите мальчишку. Он же гений.

— Герод, я боюсь.

— Я тоже. Хотите выйти из игры?

— Это уже невозможно. Если мальчик опасен, мы обязаны его найти.

— Гражданский долг, так, что ли?

— Называйте как хотите.

— Ну что ж, а я по-прежнему подумываю о деньгах.

И они вернулись на Мэпл-парк-роу, в четырехквартальный сектор Джо Давенпорта.

Передвигаясь осторожно, чуть ли не крадучись, они разошлись в разные концы сектора и принялись обходить дом за домом, постепенно приближаясь к середине. Этаж за этажом, квартира за квартирой, до самой крыши, затем вниз и в следующий дом. Это была медленная, кропотливая работа. Изредка они попадались на глаза

друг другу, когда переходили из одного угрюмого здания в другое. Вот еще раз в дальнем конце улицы смутно промелькнула фигура Уолтера Герода, и больше Варбек его уже не видел.

Сидя в машине, он ждал. Его била дрожь.

— Я пойду в полицию, — шептал он, отлично зная, что никуда не пойдет. — У мальчика есть оружие. Он изобрел нечто столь же дурацкое, как то, что выдумали его друзья. Какой-то особенный луч, который позволяет ему по ночам играть в мраморные шарики, но заодно может уничтожать людей. Шашечная машина, обладающая гипнотической силой. Целая шайка роботов, которых он создал, чтобы играть в полицейских и разбойников, а теперь напустил на Герода и Джо. Десятилетний гений. Безжалостный. Опасный. Что же мне делать? Что мне делать?

Обреченный вышел из машины и побрел по направлению к тому кварталу, где в последний раз видел Герода.

— А что же будет, когда Стюарт Бьюкенен станет взрослым? — спрашивал он себя. — Что будет, когда они все повырастают? Томми, и Джордж, и Анна Мария, и ленивая Этель?.. Зачем я здесь? Почему не бегу отсюда?

На Мэпл-парк-роу спустились сумерки. Старуш-

ки сложили шезлонги и удалились с ними, как кочевники. Остались лишь машины, стоящие у тротуаров. Игры в сточной канаве прекратились, но под слепящими уличными фонарями затевались другие. Там появились пробки от бутылок, карты, стершиеся от частого употребления монеты. Багровый туман над городом начал темнеть, и сквозь него сверкала над самым горизонтом яркая искорка Венеры.

— Он, конечно, знает свою силу, — яростно шептал Варбек. — Он знает, как опасен. Поэтому он и сбежал, что совесть нечиста. И поэтому он уничтожает нас сейчас друг за другом, усмехаясь про себя, коварное и злобное дитя, гений убийства…

Варбек стал посредине мостовой.

— Бьюкенен! — крикнул он, — Стюарт Бьюкенен!

Игравшие неподалеку мальчики прекратили игру и уставились на него.

— Стюарт Бьюкенен! — истерически взвизгнул Варбек. — Ты слышишь меня?

Его неистовые крики разносились далеко по улице. Вот приостановились еще несколько игр.

— Бьюкенен! — неистовствовал Варбек — Стюарт Бьюкенен! Выходи! Я все равно тебя найду.

Мир замер.

В тупичке между домами 217 и 219 по Мэпл-парк-роу Стюарт Бьюкенен, который спрятался за мусорными баками, вдруг услышал свое имя и пригнулся еще ниже. Ему было десять лет, он носил свитер, джинсы и тапки. Он решил, он твердо решил «не даваться им» на этот раз. Он решил прятаться до тех пор, пока не сможет благополучно прошмыгнуть домой. И, уютно расположившись среди мусорных бачков, он вдруг заметил Венеру, мерцавшую у западного горизонта.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя, — зашептал он, не ведая, что творит. — Сделай, чтобы сбылись мои желания. Звездочка яркая, первая зоренька, пусть все исполнится скоренько, скоренько. — Он помолчал и подумал. Потом попросил: — Благослови, Господи, маму, и папу, и меня, и всех моих друзей, и пусть я стану хорошим мальчиком, и пусть я всегда буду счастлив, и пускай все, кто ко мне пристает, уберутся куда-нибудь… далеко-далеко… и навсегда оставят меня в покое.

Марион Перкин Варбек, стоявший посредине мостовой на Мэпл-парк-роу, набрал полную грудь воздуха, чтобы издать еще один истерический вопль. И вдруг он очутился совсем в другом месте,

где-то очень далеко, и шагал по дороге, по белой прямой дороге, которая рассекала тьму и вела все вперед и вперед. Унылая, пустынная, бесконечная дорога, уходившая все дальше и дальше в вечность.

Ошеломленный окружавшей его бесконечностью, Варбек, как заведенный, тащился по дороге, не в силах заговорить, не в силах остановиться, не в силах думать. Он все шагал и шагал, совершая свой дальний путь, и не мог повернуть назад. Впереди виднелись какие-то крохотные силуэты, пленники дороги, ведущей в вечность. Вон то маленькое пятнышко, наверное, Герод. А крапинка еще дальше впереди — Джо Давенпорт. А перед ним протянулась все уменьшающаяся цепочка чуть видных точек. Один раз судорожным усилием ему удалось обернуться. Сзади смутно виднелась бредущая по дороге фигура, а за ней внезапно возникла еще одна… и еще одна… и еще…

А в это время Стюарт Бьюкенен настороженно ждал, притаившись за мусорными бачками. Он не знал, что уже избавился от Варбека. Он не знал, что избавился от Герода, Джо Давенпорта и от десятков других. Не знал он и того, что заставил своих родителей бежать с квартиры на Вашинг-

тон-Хайтс, не знал, что уничтожил договоры, документы, воспоминания и множество людей в своем невинном стремлении быть оставленным в покое. Он не знал, что он — гений.

Гений желания.

ФЕНОМЕН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

© Перевод Ю. Абызова

Это была не последняя война. И не война, которая покончит с войнами вообще. Ее звали войной за Американскую мечту. На эту идею как-то наткнулся сам генерал Карпентер и с тех пор только о ней и трубил.

Генералы делятся на вояк (такие нужны в армии), политиков (они правят) и специалистов по общественному мнению (без них нельзя вести войну). Генерал Карпентер был гениальным руководителем общественного мнения. Сама прямота и само простодушие, он руководствовался идеалами столь же высокими и общепонятными, как девиз на монете. Именно он представлялся Америке армией и правительством, щитом и мечом нации. Его идеалом была Американская мечта.

— Мы сражаемся не ради денег, не ради могущества, не ради господства над миром, — заявил генерал Карпентер на обеде в Объединении печати.

— Мы сражаемся лишь ради воплощения

Американской мечты, — провозгласил он на заседании конгресса 162-го созыва.

— Мы стремимся не к агрессии и не к порабощению народов, — изрек он на ежегодном обеде в честь выпускников военной академии.

— Мы сражаемся за дух цивилизации, — сообщил он сан-францисскому Клубу пионеров.

— Мы воюем за идеалы цивилизации, за культуру, за поэзию, за непреходящие ценности, — сказал он на празднике чикагских биржевиков-хлеботорговцев. — Мы сражаемся не за себя, а за наши мечты, за лучшее в жизни, что не должно исчезнуть с лица земли.

Итак, Америка воевала. Генерал Карпентер потребовал сто миллионов человек. И сто миллионов человек были призваны в армию. Генерал потребовал десять тысяч водородных бомб. И десять тысяч водородных бомб были сброшены на голову противника. Противник тоже сбросил на Америку десять тысяч водородных бомб и уничтожил почти все ее города.

— Что ж, уйдем от этих варваров под землю! — заявил генерал Карпентер. — Дайте мне тысячу специалистов по саперному делу!

И под грудами щебня появились подземные города.

— Мы должны стать нацией специалистов, — заявил генерал Карпентер перед Национальной ассоциацией американских университетов, — Каждый мужчина и каждая женщина, каждый из нас должен стать прежде всего закаленным и отточенным орудием для своего дела. Дайте мне пятьсот медицинских экспертов, триста регулировщиков уличного движения, двести специалистов по кондиционированию воздуха, сто — по управлению городским хозяйством, тысячу начальников отделений связи, семьсот специалистов по кадрам…

— Наша мечта, — сказал генерал Карпентер на завтраке, данном держателями контрольных пакетов на Уолл-стрите, — не уступает мечте прославленных афинских греков и благородных римских… э-э… римлян. Это мечта об истинных ценностях в жизни. Музыка. Искусство. Поэзия. Культура. Деньги — лишь средство в борьбе за нашу мечту.

Уолл-стрит аплодировал. Генерал Карпентер запросил сто пятьдесят миллиардов долларов, полторы тысячи честолюбивых людей, три тысячи специалистов по минералогии, петрографии, поточному производству, химической войне и научной организации воздушного транспорта.

Страна дала ему все это. Генералу Карпентеру стоило только нажать кнопку, и любой специалист был к его услугам.

В марте 2112 года война достигла своей кульминационной точки, и именно в это время решилась судьба Американской мечты. Это произошло не на одном из семи фронтов, не в штабах и не в столицах, а в палате-Т армейского госпиталя, находившегося на глубине трехсот футов под тем, что когда-то называлось городом Сент-Олбанс в штате Нью-Йорк.

Палата-Т была загадкой Сент-Олбанса. Как и во многих других армейских госпиталях, в Сент-Олбансе имелись особые палаты для однотипных больных. В одной находились все раненые, у которых была ампутирована правая рука, в другой — все, у которых была ампутирована левая.

Повреждения черепа и ранения брюшной полости, просто ожоги и ожоги радиоактивные — для всего было свое место. Военно-медицинская служба разработала девятнадцать классов ранений, которые включали все возможные разновидности повреждений и заболеваний, как душевных, так и телесных. Они обозначались буквами от A до S. Но каково же было назначение палаты-Т?

Этого не знал никто. Туда не допускали посе-

тителей, оттуда не выпускали больных. Входили и выходили только врачи. Растерянный вид их заставлял строить самые дикие предположения, но выведать у них что бы то ни было не удавалось никому.

Уборщица утверждала, что она как-то наводила там чистоту, но в палате никого не было. Ни души. Только две дюжины коек, и больше ничего. А на койках хоть кто-нибудь спит? Да. Некоторые постели смяты. А есть еще какие-нибудь признаки, что палатой кто-то пользуется? Ну как же! Личные вещи на столиках и все такое. Только пыли на них порядком — как будто их давно уж никто и в руки не брал.

Общественное мнение склонялось к тому, что это палата для призраков.

Но один санитар сообщил, что ночью из закрытой палаты доносилось пение. Какое пение? Похоже, что на иностранном языке. На каком? Этого санитар сказать не мог. Некоторые слова звучали вроде… ну, вот так: «Гады в ямы с их гитар…»

Общественное мнение склонилось к выводу, что это палата для иностранцев. Для шпионов.

Сент-Олбанс включил вдело кухонную службу и установил наблюдение за подносами с едой.

Двадцать четыре подноса следовали в палату-Т три раза в день. Двадцать четыре возвращались оттуда. Иногда пустые. Чаще нетронутые.

Общественное мнение поднатужилось и пришло к решению, что палата-Т — сплошная липа. Что это просто неофициальный клуб для пройдох и комбинаторов, которые устраивают там попойки. Вот тебе и «гады в ямы с их гитар…»!

По части сплетен госпиталь не уступит дамскому рукодельному кружку в маленьком городе, а больные легко раздражаются из-за любой мелочи. Потребовалось всего три месяца, чтобы праздные догадки сменились возмущением.

Еще в январе 2112 года Сент-Олбанс был вполне благополучным госпиталем. А в марте психиатры уже забили тревогу. Снизился процент выздоровлений. Появились случаи симуляции. Участились мелкие нарушения распорядка.

Перетрясли персонал, Не помогло. Волнение из-за палаты-Т грозило перейти в мятеж. Еще одна чистка, еще одна, но волнения не прекращались.

Наконец по официальным каналам слухи дошли до генерала Карпентера.

— В нашей битве за Американскую мечту, — сказал он, — мы не имеем права забывать тех, кто проливал за нас кровь. Подать сюда эксперта

по госпитальному делу.

Эксперт не смог исправить положение в Сент-Олбансе. Генерал Карпентер прочитал рапорт и разжаловал его автора.

— Сострадание, — сказал генерал Карпентер, — первая заповедь цивилизации. Подать мне главного медика.

Но и главный медик не смог потушить гнев Сент-Олбанса, а посему генерал Карпентер разжаловал и его. Однако на этот раз в рапорте была упомянута палата-Т.

— Подать мне специалиста по той области, которая касается палаты-Т, — приказал генерал Карпентер.

Сент-Олбанс прислал врача — это был капитан Эдсель Дим-мок, коренастый молодой человек, почти лысый, окончивший медицинский факультет всего лишь три года назад, но зарекомендовавший себя отличным специалистом по психотерапии. Генерал Карпентер питал слабость к экспертам. Диммок ему понравился. Диммок обожал генерала как защитника культуры, которой сам он, будучи чересчур узким специалистом, не мог вкусить сейчас, но собирался насладиться ею, как только война будет выиграна.

— Так вот, Диммок, — начал генерал, — каждый из нас ныне прежде всего закаленный и отточенный инструмент. Вы знаете наш девиз: «Свое дело для каждого, и каждый для своего дела». Кто-то там не при своем деле в палате-Т, и мы его оттуда выкинем. А теперь скажите-ка, что же такое палата-Т?

Диммок, заикаясь и мямля, кое-как объяснил, что это палата для особых заболеваний, вызванных шоком.

— Значит, там у вас содержатся пациенты?

— Да, сэр. Десять женщин и четырнадцать мужчин.

Карпентер помахал пачкой рапортов.

— А вот здесь заявление пациентов Сент-Олбанса о том, что в палате-Т никого нет.

Диммок был ошарашен.

— Это ложь! — заверил он генерала.

— Ладно, Диммок. Значит, у вас там двадцать четыре человека. Их дело — поправляться. Ваше дело — лечить. Какого же черта весь госпиталь ходит ходуном?

— В-видите ли, сэр… Очевидно, потому, что мы держим палату-Т под замком.

— Почему?

— Чтобы удержать там пациентов, генерал.

— Удержать? Как это понять? Они что, пытаются сбежать? Буйные, что ли?

— Никак нет, сэр. Не буйные.

— Диммок, мне не нравится ваше поведение. Вы все хитрите и ловчите. И вот что мне еще не нравится: эта самая классификация. При чем тут «Т»? Я справлялся в медицинском управлении — в их классификации никакого «Т» не существует. Что это еще за петрушка?

— Д-да, сэр… Мы сами ввели этот индекс. Они… тут… особый случай, сэр. Мы не знаем, что делать с этими бальными. Мы не хотели огласки, пока не найдем способа лечения. Но тут совсем новая область, генерал. Новая! — Здесь специалист взял в Диммоке верх над дисциплинированным служакой — Это сенсационно! Это войдет в историю медицины! Этого еще никто, черт возьми, не видел!

— Чего — этого, Диммок? Точнее!

— Слушаюсь, сэр. Это бывает после шока. Полнейшее безразличие к раздражителям. Дыхание чуть заметно. Пульс слабый.

— Подумаешь! Я видел такое тысячи раз, — проворчал генерал Карпентер. — Что тут необычного?

— Да, сэр, пока все подходит под разряд Q или R.

Но есть одна особенность. Они не едят и не спят.

— Совсем?

— Некоторые совсем.

— Почему же они не умирают?

— Вот этого мы и не знаем. Метаболический цикл нарушен, но отсутствует только его анаболический план. Катаболический продолжается. Иными словами, сэр, они выделяют отходы пищеварения, но не принимают ничего внутрь. Они изгоняют из организма токсины и восстанавливают изношенные ткани, но все это без еды и сна. Как — один бог знает!

— Значит, потому вы и запираете их? Значит… Вы полагаете, что они таскают еду и ухитряются вздремнуть где-то на стороне?

— Н-нет, сэр. — Диммок был явно смущен — Я не знаю, как объяснить вам это. Я… Мы запираем их, потому что тут какая-то тайна. Они… Ну, в общем, они исчезают.

— Чего-чего?..

— Исчезают, сэр. Пропадают. Прямо на глазах.

— Что за бред!

— Но это так, сэр. Смотришь, сидят на койках или стоят поблизости. Проходит какая-то минута — и их уже нет. Иногда в палате-Т их две дюжины. Иногда — ни одного. То исчезают, то появляются

— ни с того ни с сего. Поэтому-то мы и держим палату под замком, генерал. За всю историю военной медицины такого не бывало. Мы не знаем, как быть.

— А ну, подать мне троих таких пациентов, — приказал генерал Карпентер.

Натан Райли съел хлеб, поджаренный на французский манер, с парой яиц по-бенедектински, запил все это двумя квартами коричневого пива, закурил сигару «Джо-Дрю», благопристойно рыгнул и встал из-за стола. Он дружески кивнул Джиму Корбетту Джентльмену, который прервал беседу с Джимом Брэди Алмазом, чтобы перехватить его на полпути.

— Кто, по-твоему, возьмет в этом году приз, Нат? — спросил Джим Джентльмен.

— Доджерсы, — ответил Натан Райли.

— А что они могут выставить?

— У них есть «Подделка», «Фурилло» и «Кампанелла». Вот они и возьмут приз в этом году, Джим. Тринадцатого сентября. Запиши. Увидишь, ошибся ли я.

— Ну, ты никогда не ошибаешься, Нат, — сказал Корбетт.

Райли улыбнулся, расплатился, фланирующей походкой вышел на улицу и взял экипаж возле

Мэдисон-сквер-гарден. На углу Пятидесятой улицы и Восьмой авеню он поднялся в маклерскую контору, находящуюся над мастерской радиоприемников. Букмекер взглянул на него, достал конверт и отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

— Рокки Марчиано техническим нокаутом положил Роланда Ла Старца в одиннадцатом раунде. И как это вы угадываете, Нат?

— Тем и живу, — улыбнулся Райли. — На результаты выборов ставки принимаете?

— Эйзенхауэр — двенадцать к пяти. Стивенсон…

— Ну, Эдлай не в счет. — И Райли положил на стойку двенадцать тысяч долларов, — Ставлю на Айка.

Он покинул маклерскую контору и направился в свои апартаменты в отеле «Уопдорф», где его уже нетерпеливо поджидал высокий и стройный молодой человек.

— Ах да! Вы ведь Форд? Гарольд Форд?

— Генри Форд, мистер Райли.

— И вы хотели бы, чтобы я финансировал производство машины в вашей велосипедной мастерской. Как, бишь, она называется?

— Я назвал ее «имсомобиль», мистер Райли.

— Хмм… Не сказал бы, что название мне очень

нравится. А почему бы не назвать ее «автомобиль»?

— Чудесное предложение, мистер Райли. Я так и сделаю.

— Вы мне нравитесь, Генри. Вы молоды, энергичны, сообразительны. Я верю в ваше будущее и в ваш автомобиль. Вкладываю двести тысяч долларов.

Райли выписал чек и проводил Генри Форда к выходу. Потом посмотрел на часы и неожиданно почувствовал, что его потянуло обратно, захотелось взглянуть, как там и что. Он прошел в спальню, разделся, потом натянул серую рубашку и серые широкие брюки. На кармане рубашки виднелись большие синие буквы: «Госп. США».

Он закрыл дверь спальни и исчез.

Объявился он уже в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя. И не успел перевести дух, как его схватили три пары рук. Шприц ввел ему в кровь полтора кубика тиоморфата натрия.

— Один есть, — сказал кто-то.

— Не уходи, — откликнулся другой, — Генерал Карпентер сказал, что ему нужны трое.

После того как Марк Юний Брут покинул ее ложе, Лела Мэчен хлопнула в ладоши. В покой вошли рабыни. Она приняла ванну, оделась, на-

душилась и позавтракала смирнскими фигами, розовыми апельсинами и графином «Лакрима Кристи». Потом закурила сигарету и приказала подать носилки.

У ворот дома, как обычно, толпились полчища обожателей из Двадцатого легиона. Два центуриона оттолкнули носильщиков от ручек носилок и понесли ее на своих широких плечах. Лела Мэчен улыбалась. Какой-то юноша в синем, как сапфир, плаще пробился сквозь толпу и подбежал к ней. В руке его сверкнул нож. Лела собралась с духом, чтобы мужественно встретить смерть.

— Лела! — воскликнул он. — Повелительница!

И полоснул по своей левой руке ножом так, что алая кровь обагрила одежды Лелы.

— Кровь моя — вот все, что я могу тебе отдать! — воскликнул он.

Лела мягко коснулась его лба.

— Глупый мальчик, — проворковала она. — Ну зачем же так?

— Из любви к тебе, моя госпожа!

— Тебя пустят сегодня ко мне, — прошептала Лела. Он смотрел на нее так, что она засмеялась. — Я обещаю. Как тебя зовут, красавчик?

— Бен Гур.

— Сегодня в девять, Бен Гур.

Носилки двинулись дальше. Мимо форума как раз проходил Юлий Цезарь, занятый жарким спором с Марком Антонием. Увидев ее носилки, он сделал резкий знак центурионам, которые немедленно остановились. Цезарь откинул занавески и взглянул на Лелу. Лицо Цезаря передернулось.

— Ну почему? — хрипло спросил он. — Я просил, умолял, подкупал, плакал — и никакого снисхождения. Почему, Лела? Ну почему?

— Помнишь ли ты Боадицею? — промурлыкала Лела.

— Боадицею? Королеву бриттов? Боже милостивый, Лела, какое она имеет отношение к нашей любви? Я не любил ее. Я только разбил ее в сражении.

— И убил ее, Цезарь.

— Она же отравилась, Лела.

— Это была моя мать, Цезарь! Убийца! Ты будешь наказан. Берегись мартовских ид, Цезарь!

Цезарь в ужасе отпрянул. Толпа поклонников, окружавшая Лелу, одобрительно загудела. Осыпаемая дождем розовых лепестков и фиалок на всем пути, она проследовала от форума к храму Весты.

Перед алтарем она преклонила колени, вознесла молитву, бросила крупинку ладана в пламя

на алтаре и скинула одежды. Она оглядела свое прекрасное тело, отражающееся в серебряном зеркале, и вдруг почувствовала мимолетный приступ ностальгии. Лела надела серую блузу и серые брюки. На кармане блузы виднелись буквы: «Госп. США».

Она еще раз улыбнулась алтарю и исчезла.

Появилась она в палате-Т армейского госпиталя, где ей тут же вкатили полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и вторая, — сказал кто-то.

— Надо еще одного.

Джордж Хэнмер сделал драматическую паузу и скользнул взглядом по скамьям оппозиции, по спикеру, по серебряному молотку на бархатной подушке перед спикером. Весь парламент, загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаив дыхание, ожидал его дальнейших слов.

— Мне больше нечего добавить, — произнес наконец Хэнмер. Голос его дрогнул. Лицо было бледным и суровым. — Я буду сражаться за этот билль в городах, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль до смерти, а если Бог допустит, то и после смерти. Вызов это или мольба, пусть решает совесть благородных джентльменов, но в одном я решителен и непреклонен:

Суэцкий канат должен принадлежать Англии.

Хэнмер уселся. Овация! Под гул одобрения он протиснулся в кулуары, где Гладстон, Каннинг и Пит останавливали его, чтобы пожать ему руку. Лорд Пальмерстон холодно взглянул на Хэнмера, но Пэма оттолкнул подковылявший Дизраэли — этот был сплошной энтузиазм, сплошной восторг.

— Мы завтракаем в Тэттерсоле, — сказал Диззи. — Машина ждет внизу.

Леди Биконсфильд сидела в своем «роллс-ройсе» возле парламента. Она приколола к лацкану Дизраэли первоцвет и одобрительно потрепала Хэнмера по щеке.

— Вы, Джорджи, проделали большой путь с тех пор, как были школяром, которому нравилось задирать Диззи.

Хэнмер рассмеялся. Диззи запел «Гаудеамус игитур», и Хэнмер подхватил этот древний гимн школяров. Распевая его, они подъехали к Тэттерсолу. Здесь Диззи заказал пиво и жареные ребрышки, тогда как Хэнмер поднялся в клуб переодеться.

Почему-то вдруг он почувствовал тягу вернуться, взглянуть на все в последний раз. Возможно, потому, что ему не хотелось окончательно по-

рывать с прошлым. Он снял сюртук, нанковый жилет, крапчатые брюки, лоснящиеся ботфорты и шелковое белье. Затем надел серую рубашку, серые штаны и исчез.

Объявился он в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, где тут же получил свои полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и третий, — сказал кто-то.

— Давай их к Карпентеру.

И вот они в штабе генерала Карпентера — рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер. Все трое — в серой госпитальной одежде, оглушенные изрядной дозой усыпляющего.

В помещении не было посторонних. Здесь находились эксперты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и Центрального разведывательного управления. Увидев безжалостно-стальные лица этой братии, поджидавшей пациентов и его самого, капитан Эдсель Диммок вздрогнул.

Генерал Карпентер мрачно усмехнулся.

— А вы что думали, так мы и клюнем на эту сказочку об исчезновениях, а, Диммок?

— В-виноват, сэр?

— Я ведь тоже специалист своего дела, Дим-

мок. И раскусил вас. Война идет плохо. Где-то к противнику просачивается информация. И вся эта сент-олбанская история говорит не в вашу пользу.

— Но они действительно исчезают, сэр. Я…

— Вот мои специалисты и хотят поговорить с вами и вашими пациентами насчет этих исчезновений. И начнут они с вас, Диммок.

Специалисты взялись за Диммока, пустив в ход эффективные средства ослабления психического сопротивления и устройства, выключающие волю. Были испробованы все известные в литературе реакции на искренность и все виды физического и психического давления. Отчаянно вопящий Диммок был трижды сломлен, хотя и ломать-то, собственно, было нечего.

— Пусть отдышится, — сказал Карпентер. — Переходите к пациентам.

Специалисты замялись: ведь эти клиенты были больными.

— О господи, давайте не миндальничать! — вскипел Карпентер. — Мы ведем войну за цивилизацию и защищаем наши идеалы. За дело!

Специалисты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и Центрального разведывательного управления

взялись за дело. И в ту же минуту рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер исчезли. Вот только-только они сидели на стульях, отданные во власть насилия. А в следующее мгновение их уже не стало.

Специалисты ахнули. Генерал Карпентер подошел к Диммоку.

— Капитан Диммок, приношу свои извинения. Полковник Диммок, вы повышены в чине за открытие чрезвычайной важности!.. Только какого черта все это значит? Нет, сначала нам надо проверить самих себя!

И Карпентер щелкнул переключателем селектора.

— Подать мне эксперта по шокам и психиатра.

Экспертов вкратце познакомили с сутью дела. Обследовав свидетелей, они вынесли заключение.

— Вы все перенесли шок средней степени, — сказал специалист по шокам. — Нервное расстройство, вызванное военной обстановкой.

— Так вы считаете, что на самом деле они не исчезли? Что мы этого не видели?

Специалист по шокам покачал головой и взглянул на психиатра, который тоже покачал

головой.

— Массовая галлюцинация, — сказал психиатр.

В этот момент рядовой первого класса Райли, мастер-сержант Мэчен и капрал второго класса Хэнмер появились вновь. Только что они были массовой галлюцинацией, и вот, пожалуйста, — сидят себе на своих стульях.

— Усыпите их снова, Диммок! — закричал Карпентер. — Впрысните им целый галлон! — Он шелкнул переключателем селектора. — Подать мне всех специалистов, какие только у нас имеются.

Тридцать семь экспертов, каждый — закаленное и отточенное орудие, изучили пребывающие в бессознательном состоянии «случаи исчезновения» и три часа обсуждали этот феномен. Факты гласили только одно. Это новый фантастический синдром, возникший на основе нового фантастического страха, вызванного войной. Каждому действию соответствует равное, противоположно направленное противодействие. Так и подписали. На том и сошлись.

Видимо, пациенты вынуждены время от времени возвращаться в то место, откуда исчезают, иначе они не стали бы объявляться в палате-Т

или здесь, в штабе генерала Карпентера.

Видимо, пациенты принимают пищу и спят там, где они бывают, поскольку в палате-Т ни того ни другого не делают.

— Одна небольшая деталь, — заметил полковник Диммок, — В палату-Т они возвращаются все реже. Раньше они исчезали и появлялись каждый день. Теперь многие отсутствуют неделями или не возвращаются вовсе.

— Это не важно, — сказал Карпентер. — Важно другое: *куда* они исчезают?

— И не попадают ли за вражеские линии? — спросил кто-то. — Вот по каким каналам может утекать информация!

— Я хочу, чтобы разведка установила, — щелкнул переключателем Карпентер, — столкнулся ли противник с подобными случаями исчезновения и появления людей в своих лагерях для военнопленных. Ведь там могут быть и наши бальные из палаты-Т.

— Они просто отправляются к себе домой, — высказался полковник Диммок.

— Я хочу, чтобы служба безопасности проверила это, — приказал Карпентер. — Выяснить обстоятельства домашней жизни и все связи каждого из этих двадцати четырех исчезаю-

щих больных. Атеперь… относительно наших дальнейших действий в палате-Т. У полковника Диммока имеется план.

— Мы ставим в палате-Т шесть дополнительных коек, — изложил свой план Эдсель Диммок. — И помешаем туда шесть наших специалистов, чтобы они вели наблюдение.

— Вот что, господа, — резюмировал Карпентер. — Это величайшее потенциальное оружие в истории войн. Представьте-ка себе телепортацию армии за вражеские линии!.. Мы можем выиграть войну за Американскую мечту в один день, если овладеем секретом этих помраченных умов. И мы должны им овладеть!

Специалисты лезли из кожи, разведка добывала сведения, служба безопасности вела тщательную проверку. Шесть закаленных и отточенных орудий, разместившись в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, все ближе и ближе знакомились с исчезающими пациентами, которые все реже и реже появлялись там. Напряжение возрастало.

Служба безопасности сообщила, что ни одного случая необычного появления людей на территории Америки за последний год не наблюдалось. Разведка сообщила, что не замечено, чтобы противник сталкивался с аналогичными

осложнениями у своих больных.

Карпентер кипел.

— Совсем новая область. И у нас нет в этой области специалистов. Нам нужны новые орудия. — Он щелкнул переключателем, — Подать мне университет!

Ему дали Йельский университет.

— Мне нужны специалисты по парапсихологии. Подготовьте их, — приказал Карпентер.

И в университете тут же ввели три обязательных курса — по чудотворству, сверхчувственному восприятию и телекинезу.

Первый просвет забрезжил, когда одному эксперту из палаты-Т потребовалась помощь другого эксперта. И не кого-нибудь, а гранильщика.

— За каким чертом? — поинтересовался Карпентер.

— Он поймал обрывок разговора о драгоценном камне, — пояснил полковник Диммок. — И не может сам разобраться. Он же специалист по кадрам.

— А иначе и быть не может, — одобрительно заметил Карпентер, — Свое дело для каждого, и каждый для своего дела. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне гранильщика.

Специалист по гранильному делу получил

увольнительную из арсенала и явился к генералу, где его попросили уточнить, что это за алмаз «Джим Брэди». Сделать этого он не смог.

— Попробуем с другого бока, — сказал Карпентер и щелкнул переключателем. — Подать мне семантика.

Семантик покинул свой стол в департаменте военной пропаганды, но так и не понял, что стоит за словами «Джим Брэди». Для него это было просто имя. Не больше. И он предложил обратиться к специалисту по генеалогии.

Специалист по генеалогии получил на один день освобождение от службы в Комитете по неамериканским предкам, но ничего не смог сказать о Джиме Брэди, кроме того, что это имя было широко распространено в Америке лет пятьсот назад, и, в свою очередь, предложил обратиться к археологу.

Археолог был извлечен из картографической службы частей вторжения и тут же установил, что это за Джим Брэди Алмаз. Им оказалось историческое лицо, известное в городе Малый-Старый-Нью-Йорк в период между губернатором Питером Сти-весантом и губернатором Фьорелло Ла Гардиа.

— Господи! — изумился Карпентер. — Столь-

ко веков назад! Откуда этот Натан Райли такое выкопал? Вот что, подключитесь-ка к экспертам в палате-Т.

Археолог довел дело до конца, проверил свои данные и представил отчет. Карпентер прочитал его и тут же устроил экстренное совещание всех своих специалистов.

— Господа, — объявил он, — палата-Т — это нечто большее, нежели телепортация. Шоковые больные проделывают нечто более невероятное… более внушительное. Они перемещаются во времени.

Все растерянно зашушукались. Карпентер энергично кивнул.

— Да, да, господа. Это путешествие во времени. И прежде чем я буду продолжать, просмотрите вот эти отчеты.

Все участники совещания уткнулись в размноженные для них материалы. Рядовой первого класса Натан Райли — исчезает в Нью-Йорк начала XX века; мастер-сержант Лела Мэчен — отправляется в Рим первого века нашей эры; капрал второго класса Джордж Хэнмер — путешествует в Англию XIX века. И остальные из двадцати четырех пациентов, спасаясь от безумия и ужасов современной войны, скрываются из XXII века в

Венецию дожей, на Ямайку времен пиратов, в Китай династии Ханей, в Норвегию Эрика Рыжеволосого, в самые разные места земного шара и самые разные века.

— Мне нет нужды указывать на колоссальное значение этого открытия, — продолжал генерал Карпентер. — Представьте, как это скажется на ходе войны, если мы сможем посылать армию на неделю или год назад. Мы сможем выиграть войну до ее начала. Мы сможем защитить от варварства нашу мечту… поэзию и красоту и замечательную культуру Америки… даже не подвергая их опасности.

Присутствующие попытались представить себе победоносное сражение, выигранное еще до его начала.

— Положение осложняется тем, что эти люди из палаты-Т невменяемы. Они могут знать, но могут и не знать, как они все это проделывают. Беда в том, что они не в состоянии войти в контакт с экспертами, которые могли бы овладеть методом этого чуда. Придется искать ключ самим. Эти люди не могут нам помочь.

Закаленные и отточенные орудия беспомощно переглянулись.

— Нам нужны эксперты, — сказал генерал

Карпентер.

Присутствующие облегченно вздохнули, обретя под ногами привычную почву.

— Нам нужен специалист по церебральной механике, кибернетик, психоневропатолог, анатом, археолог и перворазрядный историк. Они отправляются в эту палату и не выйдут оттуда, пока не сделают свое дело: пока не разберутся в технике путешествия во времени.

Первую пятерку экспертов легко удалось раздобыть в разных военных департаментах. Вся Америка была сплошным набором закаленных и отточенных специалистов. Труднее оказалось найти перворазрядного историка. Наконец федеральная каторжная тюрьма, также работающая для нужд армии, выявила доктора Брэдли Скрима, приговоренного к двадцати годам каторжных работ. Доктор Скрим, довольно язвительный и колючий субъект, руководил кафедрой истории философии в Западном университете, пока не выложил все, что он думает о войне за Американскую мечту. За что он и получил свои двадцать лет.

Скрим был настроен все так же вызывающе, однако его удалось втянуть в игру, заинтриговав проблемой палаты-Т.

— Но я же не эксперт, — огрызнулся он. — В этой невежественной стране сплошных экспертов я — последняя стрекоза среди полчищ муравьев…

Карпентер щелкнул переключателем.

— Энтомолога!

— Ни к чему. Я объясню. Вы — гнездо муравьев: работаете, трудитесь и специализируетесь. А для чего?

— Чтобы сохранить Американскую мечту, — с жаром ответил Карпентер. — Мы воюем за поэзию, культуру, образование и Непреходящие ценности.

— Словом, за то, чтобы сохранить меня, — сказал Скрим. — Ведь этому я посвятил всю свою жизнь. А что вы сделали со мной? Бросили в тюрьму.

— Вас обвинили в симпатиях к противнику, в антивоенных настроениях.

— Меня обвинили в том, что я верю в Американскую мечту. Говоря иными словами, — в том, что у меня своя голова на плечах.

Таким же неуживчивым Скрим оставался и в палате-Т. Он провел там ночь, насладился трехразовым хорошим питанием, прочитал все отчеты, затем отшвырнул их и начал кричать, чтобы его выпустили.

— Свое дело для каждого, и каждый для своего дела, — сказал ему полковник Диммок. — Вы не выйдете, пока не докопаетесь до секрета путешествия во времени.

— Никакого здесь секрета для меня нет.

— Они путешествуют во времени?

— И да, и нет.

— Ответ должен быть только однозначным. Вы уклоняетесь от…

— Вот что, — устало прервал его Скрим, — вы специалист в какой области?

— Психотерапия.

— Тогда вы ни черта не поймете в том, что я скажу. Это же философская проблема. Я заявляю, что здесь нет секрета, которым могла бы воспользоваться армия. И вообще им не может воспользоваться какая-либо группа. Этим секретом может овладеть только личность.

— Я вас не понимаю.

— А я и не надеялся, что поймете. Отведите меня к Карпентеру.

Скрима отвели к генералу, и он злорадно усмехнулся в лицо Карпентеру — рыжий дьявол, тощий от недоедания.

— Мне нужно десять минут, — сказал Скрим. — Можете вы на это время оторваться от вашего

ящика с инструментами?

Карпентер кивнул.

— Так вот, слушайте внимательно. Сейчас я дам вам ключи от чего-то столь грандиозного, необычайного и нового, что вам понадобится вся ваша смекалка!

Карпентер выжидающе взглянул на него.

— Натан Райли уходил в начало двадцатого века. Там он жил своей излюбленной мечтой. Он — игрок высокого полета. Он зашибает деньги, делая ставки на то, что ему известно заранее. Он ставит на то, что профессиональный боксер по имени Марчиано побьет Ла Старца. Он вкладывает деньги в автомобильную компанию Генри Форда. Вот они, ключи. Вам это что-нибудь говорит?

— Без социолога-аналитика — ничего, — ответил Карпентер и потянулся к переключателю.

— Не беспокойтесь, я объясню. Только вот вам еще несколько ключей. Лела Мэчен, например, скрывается в римскую империю, где живет как роковая женщина. Каждый мужчина влюблен в нее. Юлий Цезарь, Брут, весь Двадцатый легион, человек по имени Бен Гур… Улавливаете нелепицу?

— Нет.

— Да она еще ко всему курит сигареты.

— Ну и что? — спросил Карпентер, помолчав.

— Продолжаю. Джордж Хэнмер убегает в Англию девятнадцатого века, где он член парламента, друг Гладстона, Каннинга и Дизраэли. Последний везет его в своем «роллс-ройсе». Вы знаете, что такое «роллс-ройс»?

— Нет.

— Это марка автомобиля.

— Да?

— Вам все еще непонятно?

— Нет.

Скрим в возбуждении заметался по комнате.

— Карпентер, это открытие куда грандиознее телепортации или путешествия во времени. Это может спасти человечество.

— Что же может быть грандиознее путешествия во времени, Скрим?

— Так вот, Карпентер, слушайте. Эйзенхауэр баллотировался в президенты не ранее середины двадцатого века. Натан Райли не мог одновременно бьпъ другом Джима Брэди Алмаза и в то же время ставить на Эйзенхауэра… Брэди умер за четверть века до того, как Айк стал президентом. Марчиано побил Ла Старца через пятьдесят лет после того, как Генри Форд основал свою авто-

мобильную компанию. Путешествие во времени Натана Райли полно подобных анахронизмов.

Карпентер ошеломленно хлопал глазами.

— Лела Мэчен не могла взять Бен Гура в любовники. Бен Гур никогда не бывал в Риме. Его вообще не было. Это персонаж романа и кинофильма. Она не могла курить. Тогда не было табака. Понятно? Опять анахронизмы. Дизраэли не мог усадить Джорджа Хэнмера в свой «роллс-ройс», потому что автомобилей при жизни Дизраэли не было.

— Черт знает, что вы говорите! — воскликнул Карпентер. — Выходит, все они врали?

— Нет. Не забывайте, что они не нуждаются в сне. Им не нужна пища. Они не лгут. Они возвращаются вспять во времени по-настоящему. И там едят и спят.

— Но вы же только что сказали, что их истории несостоятельны. Что они полны анахронизмов.

— Потому что они отправляются в *придуманное* ими время. Натан Райли имеет собственное представление о том, как выглядела Америка начала двадцатого века. Это картина ошибочна и полна анахронизмов, потому что он не ученый. Но для него она реальна. Он может жить там. Точно так же и с остальными.

Карпентер выпучил глаза.

— Эту концепцию почти невозможно осознать. Эти люди открыли, как превращать мечту в реальность. Они знают, как проникнуть в мир воплотившейся мечты. Они могут жить там. Господи, вот она ваша Американская мечта, Карпентер. Это чудо, бессмертие, почти божественный акт творения… этим непременно нужно завладеть. Это необходимо изучить. Об этом надо сказать всему миру.

— И вы можете это сделать, Скрим?

— Нет, не могу. Я историк. Я не творческая натура. И мне это не под силу. Вам нужен поэт… От воплощения мечты на бумаге или холсте, должно быть, не так уж трудно шагнуть к воплощению в действительность.

— Поэт?! Вы это серьезно?

— Конечно серьезно. А вы знаете, что такое поэт? Вы пять лет вдалбливали нам, что эта война ведется ради спасения поэтов.

— Перестаньте паясничать, Скрим. Я…

— Пошлите в палату-Т поэта. Он изучит, как они это делают. Только поэту это под силу. Поэт уже наполовину живет в мечте. А уж от него научатся и ваши психологи и анатомы. Они смогут научить нас. Поэт — необходимое звено между

больными и вашими специалистами.

— Мне кажется, вы правы, Скрим.

— Тогда не теряйте времени, Карпентер. Пациенты из палаты-Т все реже и реже возвращаются в этот мир. Мы должны овладеть секретом, пока они не исчезли навсегда. Пошлите в палату-Т поэта.

Карпентер щелкнул переключателем.

— Найдите мне поэта.

И он все сидел и ждал, ждал, ждал… А Америка лихорадочно перебирала свои двести девяносто миллионов закаленных и отточенных инструментов, эти орудия для защиты Американской мечты о красоте, поэзии и истинных ценностей в жизни. Сидел и ждал, пока среди них найдут поэта. Ждал, не понимая, почему так затянулось ожидание, не понимая, почему Брэдли Скрим покатывается от хохота над этим последним, воистину роковым исчезновением.

ВРЕМЯ — ПРЕДАТЕЛЬ

© Перевод В. Баканова

Прошлого не вернуть, как не остановить время, и счастливые концовки всегда имеют горький привкус.

Жил-был человек по имени Джон Стрэпп. Самый влиятельный, самый легендарный человек из семнадцати сотен миллиардов людей на семи сотнях планет. И ценили его лишь за одно качество — он мог принимать Решения. Отметьте заглавное «Р». Он был способен принимать Основные Решения в ситуациях невообразимой сложности, и его Решения были на восемьдесят семь процентов верны. Их покупали за огромные деньги.

Существовала корпорация, ну, скажем, «Бракстон», с заводами на Альфе Денеба, Мизаре-3, Земле и с главной конторой на Алькоре-4. Годовой доход корпорации равнялся двумстам семидесяти миллиардам кредиток. Торговыми и промышленными операциями руководили сотни управленцев, каждый — узкий специалист в крошечном кусочке громадной картины. Никто

не мог охватить ее целиком.

«Бракстону» требовалось принять Основное Решение. Один исследователь, некий Э. Т. А. Голанд, трудясь в денебских лабораториях, открыл новый катализатор биосинтеза: эмбриологический гормон, превращавший ядра молекул в податливую массу, из которой можно лепить все что угодно. Вопрос: следует ли сохранить старую технологию или взять на вооружение новые методы? Решение должно учитывать несметное количество взаимосвязанных факторов: цены, трудозатраты, снабжение, спрос, патенты, переобучение персонала и т. д. Ответ был только один: узнать у Стрэппа.

Переговоры быстро завершились. Менеджеры Стрэппа потребовали сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Корпорация с радостью согласилась.

Следующий шаг оказался более сложным. Спрос на Джона Стрэппа был крайне велик. Все его Решения — по два в неделю — были расписаны заранее до конца года. Мог ли «Бракстон» ждать так долго? Нет, не мог. «Бракстон» подкупал, молил, шантажировал и наконец договорился. Джон Стрэпп прибудет на Алькор в понедельник,

29 июня, ровно в полдень.

Туг начинается тайна. В девять утра упомянутого понедельника в кабинет Старого Бракстона вошел Элдоу Фишер — очень энергичный представитель Стрэппа. После их короткой беседы но заводскому радио было передано следующее сообщение: «Внимание! Внимание! Всем мужчинам, носящим фамилию Крюгер, немедленно явиться в управление. Повторяю. Всем мужчинам…»

Сорок семь Крюгеров явились в управление и были отосланы домой со строжайшим приказом оставаться там до особого уведомления. Под руководством Фишера заводская полиция предприняла срочную проверку всех работников, до которых была в состоянии добраться. Ни одного Крюгера не должно оставаться на заводе!.. Но невозможно перебрать три тысячи человек затри часа. Фишер шипел и дымился, как азотная кислота.

К одиннадцати тридцати вся корпорация дрожала, будто в лихорадке. Зачем отправляют домой Крюгеров? Какая тут связь с легендарным Джоном Стрэппом? Что он за человек? Как выглядит? Стрэпп зарабатывает десять миллионов в год. Ему принадлежит один процент всего мира. В глазах работников корпорации он так близко

стоял к Богу, что все ожидали увидеть ангелов с золотыми трубами и великолепное бородатое создание, преисполненное мудрости и доброты.

В одиннадцать сорок прибыли личные телохранители Стрэппа — десять мужчин в штатском, мгновенно, с ледяной четкостью проверившие все входы и выходы. Слышались короткие приказы: убрать, запереть, переставить. Все было немедленно исполнено. С Джоном Стрэппом не спорят. Охрана заняла свои места и стала ждать. Корпорация «Бракстон» затаила дыхание.

Наступил поддень, и в небе появилась серебряная мушка. Она приблизилась с пронзительным свистом и опустилась прямо у главных ворот. Люк корабля распахнулся. В проходе возникли двое плотных мужчин — глаза настороже. Начальник охраны подал знак. Из корабля вышли две секретарши — брюнетка и рыжеволосая, — стройные, холодные, деловитые. За ними последовал худой клерк средних лет в роговых очках, его карманы раздулись от бумаг. А потом вышло великолепное создание — высокое, представительное, гладко выбритое, но преисполненное мудрости и доброты.

Плотные мужчины сомкнулись сзади, и процессия прошествовала через главный вход.

Корпорация «Бракстон» облегченно вздохнула. Джон Стрэпп никого не разочаровал. Какое счастье, что один процент тебя принадлежит такому человеку!

Посетители прошли в кабинет Старого Бракстона. Бракстон ждал их, восседая за своим столом. Теперь он вскочил и бросился навстречу прибывшим. Он возбужденно сжал руку великолепному созданию и воскликнул:

— Мистер Стрэпп, сэр, от имени всех сотрудников корпорации я приветствую вас!

Клерк закрыл дверь и сказал:

— Стрэпп — это я. — Он кивнул великолепному созданию, и оно тихонько уселось в уголок. — Где данные?

Старый Бракстон указал на стол. Стрэпп сел, схватил толстые папки и принялся читать. Худой. Средних лет. Прямые черные волосы. Голубые глаза. Нормальный рот. Нормальные кости под кожей. Полное отсутствие смущения. Но когда он говорил, в его голосе слышалась какая-то затаенная истерия, что-то недоброе и отчаянное глубоко внутри.

После двух часов напряженного чтения и коротких реплик, брошенных секретаршам, Стрэпп произнес:

— Я желаю увидеть завод.

— Зачем? — спросил Бракстон.

— Чтобы почувствовать его, — ответил Стрэпп. — Для принятия решения важны нюансы.

Они покинули кабинет, и начался парад: секретарши, охрана, «клерк», энергичный Фишер и великолепная декорация. Они прошли повсюду. Они видели все. «Клерк» делал грязную работу для «Стрэппа». Он беседовал с рабочими и техниками. Он знакомился и заводил разговоры о семье, планах, условиях труда. Он копался, выискивал и принюхивался.

Через четыре часа изнурительной работы они вернулись в кабинет Бракстона. «Клерк» закрыл дверь. Декорация отступила в сторону.

— Ну? — спросил Бракстон. — Да или Нет?

— Подождите.

Стрэпп взглянул на пометки секретарш, закрыл глаза и замер посреди комнаты, как человек, прислушивающийся к далекому шепоту.

— Да, — решил он и стал богаче на сто тысяч кредиток и один процент акций корпорации «Бракстон». А Бракстон взамен получил восьмидесятисемипроцентную уверенность в правильности решения.

Стрэпп отворил дверь, и процессия двинулась

к выходу. Служащие использовали последний шанс лицезреть великого человека. «Клерк» улыбался и шутил. Шум голосов и смех усиливались по мере приближения к кораблю.

Затем случилось невероятное.

— Ты! — внезапно закричал «клерк». — Подлец! Гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет и выстрелил в лоб стоявшему рядом человеку.

Время остановилось. Потребовались часы, чтобы мозги и кровь выплеснулись из черепа и тело упало.

Тут начала действовать команда Стрэппа. Его втолкнули в корабль. За ним поспешили секретарши и декорация. Двое плотных мужчин впрыгнули последними и захлопнули люк. Корабль взмыл и растворился в небе с затихающим свистом.

Охрана в штатском тихо исчезла. Лишь Фишер, агент Стрэппа, остался рядом с убитым посреди пораженной толпы.

— Кто он? — прорычал Фишер.

Кто-то достал бумажник покойного и раскрыл.

— Вильям Б. Крюгер, биомеханик.

— Идиот! — яростно произнес Фишер. — Мы

предупреждали его. Мы предупреждали всех Крюгеров!.. Ну, хорошо. Вызывайте полицию.

Это было шестое убийство на счету Джона Стрэппа. Оно обошлось ровно в пятьсот тысяч кредиток. Как и пять предыдущих. Половина суммы обычно шла безумцу, согласному выступить в роли преступника и разыграть временное помешательство. Другая половина шла наследникам усопшего.

Штат Стрэппа мрачно совещался.

— Шестеро за шесть лет, — горько произнес Элдоу Фишер. — Мы не можем долго держать это в тайне. Рано или поздно кто-нибудь заинтересуется, почему Джон Стрэпп всегда нанимает сумасшедших клерков.

— Уладим, — сказала рыжеволосая секретарша. — Стрэпп может себе это позволить.

— Он может позволить себе одно убийство в месяц, — пробормотала великолепная декорация.

— Нет. — Фишер резко качнул головой. — Нельзя тянуть до бесконечности. Мы достигли критической точки.

— Но что с ним творится? — спросил один из плотных мужчин.

— Кто знает? — в отчаянии воскликнул Фишер. — У него крюгерофобия. Он встречает

мужчину по фамилии Крюгер. Он кричит. Он ругается. Он убивает. И не спрашивайте почему. Что-то скрыто в его прошлом.

— Вы не пытались выведать у него причину?

— Невозможно. Это как приступ болезни. Он и не подозревает о случившемся.

— Сводите его к психоаналитику, — предложила декорация.

— Исключено.

— Почему?

— Вы новенький. Вы не понимаете.

— Объясните.

— Я приведу аналогию. Скажем, в XIX веке люди играли в карточные игры с 52 картами в колоде. Особых трудностей не возникало. Сегодня все неизмеримо сложнее. Мы играем колодой из 52 сотен карт. Вы поняли?

— Продолжайте.

— За 52 картами легко уследить. При таком количестве информации решения принимать можно. Но никто не в состоянии охватить 52 сотни карт — никто, кроме Стрэппа.

— У нас есть компьютеры.

— Они хороши, если иметь дело только с картами. Но когда надо принимать во внимание и 52 сотни игроков, их вкусы, привязанности и прочее

— то, что Стрэпп называет нюансами, — любая машина бессильна. Стрэпп уникален.

— Почему?

— Это происходит у него подсознательно. Он не знает, как все получается. Возможно, процесс принятия решения как-то связан с ненормальностью, заставляющей убивать Крюгеров. Избавившись от одного, мы уничтожим другое. Рисковать нельзя.

— Мне кажется, ему нужен друг, — сказала брюнетка.

— Зачем?

— Мы сможем узнать, что его беспокоит, без помощи психоаналитика. Люди делятся со своими друзьями.

— Его друзья — мы.

— Нет, мы его партнеры.

— Он делился с вами?

— Нет.

— С вами? — выстрелил Фишер в рыжеволосую.

Та покачала головой.

— По-моему, он постоянно что-то ищет.

— Что?

— Женщину, мне кажется. Особенную женщину.

— Женщину по фамилии Крюгер?

— Не знаю.

— Черт побери, в этом нет никакого смысла! — Фишер на миг задумался. — Ладно. Мы наймем ему друга и сделаем график менее напряженным, чтобы у него освободилось время поговорить. Отныне мы урезаем программу до одного Решения в неделю.

— Господи! — выдохнула брюнетка. — Пять миллионов в гол!

— Это необходимо, — мрачно сказал Фишер. — Либо урезать сейчас, либо все потерять позже.

— А где взять друга? — спросила великолепная декорация.

— Я сказал — найдем. Самого лучшего. Свяжитесь с Землей. Попросите установить, где находится Фрэнк Альчесте, и срочно его вызовите.

— Фрэнки! — мечтательно воскликнула рыжеволосая.

— О-о! Фрэнки! — отозвалась брюнетка.

— Вы имеете в виду Несокрушимого Фрэнка Альчесте? Чемпиона в тяжелом весе? — изумленно спросил плотный мужчина. — Я видел его бой с Лонзо Джорданом. Это настоящий герой!

— Сейчас он актер, — сообщила декорация. — Я

однажды с ним работал. Он поет, он танцует, он…

— Он неотразим, — перебил Фишер. — Мы его наймем. Подготовьте контракт. Он станет другом Стрэппа. Как только Стрэпп его встретит…

— Кого встретит? — Зевая и потягиваясь, на пороге своей спальни появился Стрэпп. Он всегда крепко спал после очередного приступа. — Кого это я встречу?

Он огляделся — худой, стройный, но, несомненно, одержимый.

— Человека по имени Фрэнк Альчесте, — сказал Фишер. — Он давно просит его представить.

— Фрэнк Альчесте?.. — пробормотал Стрэпп. — Никогда о таком не слышан.

Стрэпп мог принимать Решения; Альчесте умел сходиться с людьми. Это был сильный мужчина в расцвете лет, светловолосый, с веснушчатым лицом, глубоко посаженными серыми глазами, с высоким и мягким голосом. Он двигался с ленивой легкостью атлета, с почти женской грацией и очаровывай людей, не замечая и даже не желая этого. Он очаровал Стрэппа, но и Стрэпп очаровал его. Они стали друзьями.

— Нет, мы действительно друзья, — сказал Альчесте Фишеру, возвращая чек. — Денег у меня

хватает, а Джонни я нужен. Забудьте, что когда-то наняли меня. Порвите контракт. Я сам постараюсь помочь Джонни.

Альчесте повернулся к выходу из роскошных апартаментов ригслианского отеля «Сплсндид» и прошел мимо большеглазых секретарш.

— Если бы я не был так занят, — пробормотал он, — с удовольствием поухаживал бы за вами.

— За мной, Фрэнки! — выпалила брюнетка.

Рыжеволосая едва не лишилась чувств.

Штат Стрэппа медленно курсировал из города в город и от планеты к планете, принимая одно Решение в неделю. Альчесте и Стрэпп наслаждались обществом друг друга, а великолепная декорация давала интервью и позировала фотографам. Случались перерывы, когда Фрэнку нужно было вернуться на Землю и сняться в фильме, но все остальное время они играли в гольф и теннис, ставили на лошадей и собак, ходили на приемы и кулачные бои. Посещали они и ночные увеселительные заведения, и однажды Альчесте сообщил поразительную новость.

— Не знаю уж, как вы следите за Джонни, — сказал он Фишеру, — но если вы думаете, что по ночам он спит, то сильно ошибаетесь.

— То есть? — поразился Фишер.

— Он разгуливает по городу.

— Откуда вы знаете?

— По его репутации, — печально произнес Альчесте. — Стрэпп известен повсюду, в каждом бистро от Денеба до Ориона. И с самой плохой стороны.

— Известен по имени?!

— По прозвищу. Его зовут Опустошитель.

— Опустошитель?!

— Угу. Он набрасывается на женщин, как лесной пожар. Вы не знали этого?

Фишер покачал головой.

— Видимо, расплачивается из собственного кармана, — проговорил Альчесте и удалился.

Что-то ненормальное, дикое было в том, как Стрэпп обращался с женщинами. Он входил с Альчесте в клуб, садился, пил. Затем вставал и холодно осматривал помещение, столик за столиком, женщину за женщиной. Иногда мужчины злились и лезли в драку. Стрэпп расправлялся с ними хладнокровно и жестоко, вызывая профессиональное восхищение Альчесте. Фрэнки никогда не дрался: ни один профессионал не тронет любителя. Он стремился сохранить мир, но если это не удавалось, следил, чтобы война не затягивалась.

Оглядев всех посетительниц, Стрэпп усаживался и спокойно ждал представления, расслабленный, смеющийся. С появлением на эстраде девушек им вновь овладевала темная сила, и он изучал шеренгу пристально и бесстрастно. Очень редко находилась девушка, привлекающая его внимание, всегда одного и того же типа: со смоляными волосами, черными глазами и чистой шелковистой кожей. Тогда начиналось безумие.

После представления Стрэпп отправлялся за сцену. Подкупом, уговорами, силой прокладывал путь в раздевалку, возникал перед ошеломленной девушкой, молча осматривал ее, потом просил что-нибудь сказать. Он прислушивался к звучанию голоса и вдруг тигром кидался на нее. Иногда следовали крики, иногда тихое сопротивление, иногда согласие. И ни разу Стрэпп не был удовлетворен. Он грубо отбрасывал девушку, платил, как джентльмен, и так следовал из бара в бар вплоть до утра.

Если внимание Стрэппа привлекала посетительница, он немедленно избавлялся от ее компании или, если это не удавалось, провожал домой и там начинал атаку. И опять бросал девушку, щедро расплачивался и устремлялся дальше, куда гнала его страсть.

— Послушайте, я был рядом, и меня это напугало, — признавался Альчесте Фишеру. — Никогда не видел такого торопливого мужчину... Да большинство женщин согласились бы, сбавь он чуть-чуть темп! Но он не может. Он одержим.

— Чем?

— Не знаю. Как будто время играет против него, и он старается успеть.

Когда Стрэпп и Альчесте сошлись ближе, Стрэпп позволил другу сопровождать себя в дневных похождениях, оказавшихся еще более неожиданными. В каждом городе Стрэпп посещал справочное бюро, подкупал клерка и вручал листок:

Рост	168
Вес	55
Волосы	черные
Глаза	черные
Бюст	86
Талия	66
Бедра	90

— Мне нужны имена и адреса всех девушек старше двадцати одного года, подходящих под это описание, — говорил Стрэпп. — Я буду платить десять кредиток за штуку.

Через сутки приходил список, и начиналось дикое, ни с чем не сравнимое преследование. От нескончаемого потока высоких, черноволосых, черноглазых, стройных девушек у Альчесте кружилась голова.

— У него идея фикс, — сказал он Фишеру в отеле «Сплендид» на Альфе Лебедя. — Он ищет вполне определенную девушку и никак не может найти.

— Девушку по фамилии Крюгер?

— Не уверен, что здесь замешано дело Крюгеров.

— Его трудно удовлетворить?

— Как вам сказать... На некоторых девушек — умопомрачительной красоты, с моей точки зрения, — он и не смотрит. Другие — страшнее войны, а он набрасывается на них, как ураган... По-моему, это что-то вроде испытания. Он хочет заставить девушку реагировать мгновенно и естественно. У нашего Опустошителя не страсть. Это хладнокровный трюк.

— Кого же он ищет?

— Пока не знаю, — ответил Альчесте. — Однако

скоро все прояснится. Придется пойти на риск, но Джонни стоит того.

Это произошло, когда Стрэпп и Альчесте отправились смотреть обезьяний бой. Оба решили, что такое омерзительное зрелище — не лучший из плодов цивилизации, и с отвращением удалились. В пустом коридоре им повстречался какой-то сморщенный человечек. По сигналу Альчесте он бросился к ним, как пес на дичь.

— Фрэнки! — вскричал человечек. — Дружище! Ты помнишь меня? Я — Блупер Дэвис. Мы же росли вместе! Неужели ты забыл Блупера Дэвиса?!

— Блупер! — Альчесте просиял. — Конечно! Только тогда ты был Блупер Давыдофф.

Человечек засмеялся:

— Но и ты был тогда Крюгером.

— Крюгер! — вскричал Стрэпп высоким голосом.

— Да, — сказал Фрэнки. — Крюгер. Я сменил фамилию, когда начал выступать.

Он резко кивнул сморщенному человечку, тот попятился и исчез.

— Подлец! — закричал Стрэпп. Его лицо побелело и перекосилось. — Ненавистный гнусный убийца! Я ждал этого. Я ждал этого десять лет!

Он выхватил из внутреннего кармана пистолет

и выстрелил. Альчесте вовремя отступил, и пуля ударила в стену. Стрэпп выстрелил снова, и пламя обожгло щеку Альчесте. Фрэнки перехватил руку Стрэппа, пистолет выпад. Стрэпп задыхался. Его глаза закатились. Издалека доносился дикий рев толпы.

— Хорошо, я Крюгер, — прохрипел Альчесте. — Моя фамилия Крюгер, мистер Стрэпп. Ну и что?

— Сволочь! — завизжал Стрэпп. — Убийца! Убийца! Я вышибу из тебя дух!

— Почему? При чем тут Крюгер?

Напрягая все силы, Альчесте подтащил Стрэппа к стене и втолкнул в неглубокую нишу, закрыв своим большим телом. И прежде чем Стрэпп потерял сознание, Фрэнки узнал всю историю, поведанную в истерических всхлипываниях.

Уложив Стрэппа в постель, Альчесте отправился в индиановский «Сплендид».

— Джонни любил девушку но имени Сима Морган, — начал он. — Она любила его. Они собирались пожениться. Симу Морган убил человек по фамилии Крюгер.

— Крюгер! Так вот в чем дело… Почему?

— Крюгер — отпрыск богатых родителей. Его лишили прав за неоднократное вождение в пьяном виде, но это его не остановило. Однажды он

врезался на своем самолетике в верхний этаж школы и убил тринадцать детей и учительницу… Это было на Земле, в Берлине. Его не поймали. Он до сих пор летает с планеты на планету, живя на деньги, высылаемые семьей. Полиция не может его схватить.

После долгой паузы Фишер спросил:

— Давно это было?

— Насколько я понял, десять лет и восемь месяцев назад.

Фишер вспоминал.

— А десять лет и три месяца назад Стрэпп впервые проявил способность принимать Решения. До тех пор он был никем. Произошла трагедия, с ней пришли истерия и талант. Не говорите мне, что одно не породило другое.

— Я не спорю.

— И вот он убивает Крюгеров, — холодно подытожил Фишер. — Правильно. У него идея фикс — отомстить. Но при чем тут девушки?

Альчесте печально улыбнулся.

— Вы никогда не слышали выражения «одна из миллиона»?

— Ну и что?

— Если ваша девушка — одна из миллиона, значит, в городе с десятимиллионным населением

должно быть еще девять таких.

— Не обязательно.

— Верно, не обязательно. Однако шанс есть — и это все, что нужно Джонни. Он надеется найти копию Симы Морган.

— Нелепо!

— Но это единственное, что заставляет его жить, — безумная вера в то, что рано или поздно он попадет туда, откуда сорвала его смерть невесты десять лет назад.

— Чушь!

— Не для Джонни. Он все еще любит.

— Невозможно.

— Если бы вы могли понять… — грустно произнес Альчесте. — Он ищет… ищет. Он встречает девушку за девушкой. Надеется, заговаривает, испытывает. Копия Симы должна повести себя так, как Сима, какой она была, а вернее, какой он помнит ее. «Сима?» — спрашивает себя Джонни. «Нет», — отвечает он и уходит. Мне очень больно за него. Мы обязаны ему помочь.

— Ни в коем случае, — отрезал Фишер.

— Мы должны помочь ему найти свою Симу. Мы должны заставить Джонни поверить, что это его девушка. Помочь ему снова полюбить.

— Ни в коем случае, — повторил Фишер.

— Почему?!

— Потому что, найдя свою девушку, он излечится. Исчезнет великий Джон Стрэпп, принимающий Решения. Он вновь превратится в ничтожество — в простого влюбленного.

— Выдумаете, ему хочется быть великим? Ему хочется быть счастливым.

— Все хотят быть счастливыми, — прорычал Фишер. — Одного желания мало. Стрэппу живется не хуже любого другого; но он гораздо богаче. Мы будем поддерживать статус-кво.

— Вы хотите сказать, вы гораздо богаче?

— Мы будем поддерживать статус-кво, — отчеканил Фишер. Его глаза холодно изучали Альчесте. — Я думаю, контракт мы расторгнем. Ваши услуги больше не требуются.

— Мы расторгли контракт, когда я вернул чек. Сейчас вы разговариваете с другом Джонни.

— Мне очень жаль, мистер Альчесте, но у Стрэппа впредь не будет времени на друзей. Я дам вам знать, когда он освободится в следующем году.

— Вы ничего не добьетесь. Я буду встречаться с Джонни, когда и где пожелаю.

— Хотите, чтобы он оставался вашим другом? — Фишер неприятно улыбнулся. — Тогда извольте встречаться с ним, когда и где пожелаю я. Иначе

Стрэппу попадется на глаза наш контракт. Я вовсе не порвал его — я вообще ничего не выбрасываю. Как вы думаете, долго ли после этого Стрэпп будет верить в вашу дружбу?

Альчесте сжал кулаки, Фишер задержал дыхание. На миг их взгляды встретились. Затем Альчесте отвернулся.

— Бедный Джонни, — пробормотал он. — Я попрощаюсь с ним. Известите меня, когда наконец вы позволите нам встретиться.

Он прошел в спальню, где Стрэпп только что очнулся от припадка, как всегда ничего не помня. Альчесте присел на край постели.

— Привет, старина Джонни.

— Привет, Фрэнки. — Стрэпп улыбнулся. — Что случилось после обезьяньих боев? Я был слегка под градусом.

— Ха, да ты просто набрался! — Альчесте хлопнул Стрэппа по плечу. — Старина, мне надо вернуться к работе. Ты же знаешь, у меня контракт — три фильма в год. Я вылетаю сегодня.

— Слушай, пошли ты к черту эти съемки. Становись моим партнером. Я велю Фишеру подготовить соглашение.

— Может быть, позже, Джонни. Сейчас я связан контрактом. Держи нос кверху, скоро увидимся!

— Держу, — тоскливо отозвался Стрэпп.

За порогом спальни, как сторожевой пес, ждал Фишер. Альчесте с отвращением посмотрел на него.

— В спорте я твердо усвоил одно правило, — медленно произнес он. — Все определяет последний раунд. Этот я вам проиграл, но он не последний.

И уже на выходе Альчесте сказал очень тихо, обращаясь к себе:

— Я хочу, чтобы он был счастлив. Я хочу, чтобы все были счастливы. По-моему, каждый человек может быть счастлив, стоит только протянуть ему руку.

Вот почему у Фрэнка Альчесте было много друзей.

Итак, штат Стрэппа вернулся к своему занятию, увеличив нагрузку до двух Решений в неделю. Они знали, почему надо следить за Стрэппом. Они знали, почему надо сторониться Крюгеров. Их подопечный был несчастным, истеричным, почти сумасшедшим — пустяки! Сходная цена за один пропои всего мира.

Но Фрэнк Альчесте придерживался иного мнения. Он посетил денебские лаборатории корпорации «Бракстон» и там имел беседу с неким Э. Т. А. Голандом, гением, открывшим новый метод

создания жизни. Эрнст Теодор Амадей Голанд был невысоким, толстеньким и очень бодрым человеком.

— Ну да, конечно! — вскричал он, когда наконец понял, чего от него хотят. — Прекрасная и правильная идея! Как я сам не догадался?.. Не вижу никаких трудностей. — Биохимик задумался. — Кроме денег.

— Вы можете воссоздать девушку, умершую десять лет назад?

— Нет ничего проще — если будут деньги.

— И она будет так же выглядеть? Так же поступать? Будет такой же?

— Да.

— Как вы это сделаете?

— А? Очень просто. Мы имеем два источника. Первый — Главный архив на Центавре. По запросу с приложением чека они высылают психическую матрицу. Я дам запрос.

— А я приложу чек. Второй?

— Второй: современная погребальная процедура… Девушка не кремирована?

— Нет.

— Ну и отлично. Из ее останков и психической матрицы мы воссоздаем личность по формуле: сигма равняется квадратному корню из минус…

Словом, не вижу никаких трудностей, кроме денег.

— Я даю деньги, — сказал Фрэнк Альчесте. — Вы делаете остальное.

Во имя друга Альчесте собрал баснословную сумму и отправил запрос на полную психическую матрицу покойной Симы Морган. Когда матрица прибыла, Альчесте вернулся на Землю, в город под названием Берлин, и подкупил некоего Эйгенблика, который разрыл могилу, вытащил гроб, где, казалось, спала черноволосая девушка, и передал его Альчесте. Самыми хитроумными путями и способами Альчесте доставил гроб через четыре таможенных барьера на Денеб.

Характерной чертой путешествия, ускользнувшей от его внимания, но переполошившей различные полицейские органы, была череда катастроф, следовавших за ним по пятам. Взрыв авиалайнера, уничтоживший корабль и ангары через полчаса после выгрузки пассажиров и багажа. Пожар в отеле через десять минут после выезда Альчесте. Авария пневмопоезда, на котором Альчесте в последний момент решил не ехать. Несмотря на все это, он сумел доставить гроб к биохимику Боланду.

— Ах! — воскликнул Эрнст Теодор Амадей. —

Прекрасное создание. Осталась сущая ерунда, если не считать денег.

Во имя друга Альчесте устроил отпуск Голанду, купил ему лабораторию и финансировал невероятно дорогую серию экспериментов. Во имя друга Альчесте тратил последние деньги и терпение, пока наконец через восемь месяцев не вышло из реанимационной камеры черноволосое, черноглазое, шелковокожее создание с длинными ногами и высоким бюстом, отзывавшееся на имя Сима Морган.

— Я услышала самолет, — сказала Сима, не подозревая, что говорит одиннадцать лет спустя. — Затем удар… Что случилось?

Альчесте был потрясен. До этого момента цель казалась далекой и нереальной. Теперь перед ним стояла, чуть склонив голову набок, живая очаровательная женщина. В ее речи звучала какая-то странность, почти шепелявость. Ее движения не были плавными и грациозными, как ожидал Альчесте, — она двигалась порывисто.

— Меня зовут Фрэнк Альчесте, — тихо произнес он и взял ее за плечи. — Я хочу, чтобы вы посмотрели на меня и решили, можно ли мне доверять.

Их взгляды встретились. Руки Альчесте задрожали, и он в панике выпустил ее плечи.

— Да, — сказала Сима. — Я могу вам доверять.

— Что бы я ни сказал, вы не должны сомневаться. Что бы я ни велел вам, вы должны выполнять.

— Почему?

— Во имя Джонни Стрэппа.

— С ним что-то случилось, — быстро проговорила она. — Что?

— Не с ним, Сима. С вами. Я объясню. Я собирался объяснить сейчас, но не могу. Отложим до завтра.

Ее уложили спать, и Альчесте остался наедине с собой. Денебские ночи, мягкие и черные, как бархат, томные и нежные — или так показалось тогда Фрэнки.

— Не можешь же ты в нее влюбиться, — бормотал он. — Это сумасшествие.

И позже:

— Ты видел сотни подобных девушек во время охоты Джонни. Почему не остановился на одной из них?

И наконец:

— Что ты собираешься делать?

Он сделал то единственное, что мог сделать благородный человек в подобной ситуации: попытался превратить любовь в дружбу. На сле-

дующее утро он вошел в комнату Симы в старых потертых джинсах, небритый, с всклокоченными волосами. Он примостился на постели, и пока Сима ела первый разрешенный Голандом завтрак, рассказал ей все. Когда она заплакала, он не обнял ее и не утешил, а как брат похлопал по спине.

Альчесте заказал ей платье, но ошибся размером, и когда она показалась в нем, то выглядела такой прелестной, что ему страстно захотелось поцеловать ее. Вместо этого он ущипнул ее, очень нежно и очень мрачно, и повел покупать одежду. Из примерочной Сима вышла настолько очаровательной, что ему захотелось ущипнуть ее снова. Потом они купили билеты и немедленно вылетели на Росс-3.

Альчесте хотел дать ей несколько дней отдыха, однако решил поторопиться, опасаясь за самого себя. Только это спасло их от взрыва, уничтожившего дом и лабораторию биохимика Голанда заодно с самим биохимиком.

Альчесте ничего не знал. Он находился с Симой на борту корабля и отчаянно боролся с искушением.

Представьте себе космический полет. Подобно древним мореплавателям, пересекавшим океаны на парусниках, пассажиры космического корабля

оказываются на неделю изолированными в своем крохотном мирке. Они отрезаны от реальности. Их переполняет чувство свободы от всяких связей и обязательств. Вспыхивают быстротечные увлечения — страстные, бурные, благополучно заканчивающиеся в день посадки.

В этом угаре вседозволенности Альчесте сохранял жесткий самоконтроль. Отнюдь не помогало, что он был знаменитостью с ошеломляющим магнетизмом. Десятки хорошеньких женщин буквально вешались ему на шею, а он играл роль старшего брата и все щипал и шлепал Симу, пока та не запротестовала.

— Я знаю, что ты лучший друг мой и Джонни, — пожаловалась она в последний вечер. — Но ты невыносим, Фрэнки. Я вся в синяках!

— Что поделаешь, привычка…

Они стояли у иллюминатора, обласканные нежными лучами приближающегося светила, — а ведь в мире нет ничего более романтичною, чем бархат космоса в свете далекого солнца.

— Я разговаривала с некоторыми пассажирами, — склонив голову, сказала Сима. — Ты знаменит?

— Скорее, известен.

— Мне так много еще надо узнать… Но сперва я

хочу узнать тебя.

— Меня?

Сима кивнула.

— Все произошло очень быстро… Я даже не успела поблагодарить тебя, Фрэнки. Я твой должник на всю жизнь.

Она обвила руками его шею и поцеловала раскрытыми губами.

Альчесте задрожал.

«Нет. — подумал он. — Нет. Она не ведает, что творит. Она настолько счастлива от мысли о скорой встрече с Джонни, что не осознает…»

Он пятился до тех пор, пока Сима не догадалась его выпустить.

На Россе-3 их встретил Элдоу Фишер в сопровождении сурового чиновника, который попросил Альчесте зайти в кабинет для серьезного разговора.

— Мистер Фишер обратил наше внимание на то, что вы пытаетесь провезти девушку, не имеющую легального статуса.

— Откуда это известно мистеру Фишеру?

— Вы болван! — прорычал Фишер. — Неужели вы думаете, что я позволю вам это сделать?! За вами следили! Каждую минуту!

— Мистер Фишер информировал нас, — сухо

продолжал чиновник, — что ваша дама путешествует с фальшивыми документами.

— Как фальшивыми? Она — Сима Морган. Так и указано в ее документах.

— Сима Морган погибла одиннадцать лет назад, — вмешался Фишер. — Эта женщина не может быть Симой Морган.

— До выяснения обстоятельств, — заключил чиновник, — ее въезд запрещен.

— Через неделю я получу бумаги, удостоверяющие смерть Симы Морган, — торжествующе заявил Фишер.

Альчесте посмотрел на Фишера и устало покачал головой.

— Вы не представляете себе, как мне это на руку. Больше всего на свете я хочу забрать ее и никогда не показывать Джонни. Я так хочу… — Он замолчал. — Снимите свое обвинение, Фишер.

— Нет!

— Сейчас вы уже не сможете их разлучить. Предположим, начнется следствие. Кого первым я приглашу для удостоверения ее личности? Джона Стрэппа. Думаете, он не поедет?

— А контракт? Я…

— К черту контракт. Можете показывать. Ему нужна Сима, а не я. Снимите обвинение, Фишер.

Вы проифали.

Фишер яростно сверкнул глазами и тяжело сглотнул.

— Я снимаю обвинение. Произошла ошибка.

Затем он пристально посмотрел на Альчесте.

— Это еще не последний раунд, — процедил он и вышел из комнаты.

Фишер был отлично подготовлен к борьбе. Здесь, на Россе-3, он защищал свою собственность. К его услугам были все Деньги, все могущество Джона Стрэппа.

Самолет, на котором Альчесте и Сима летели из космопорта, вел наемник Фишера; он открыл люк и стал выделывать фигуры высшего пилотажа. Альчесте высадил перегородку и душил пилота до тех пор, пока тот не посадил машину.

На улице их обстреляли из какого-то автомобиля. При первом выстреле Альчесте втолкнул Симу в подъезд и едва спасся сам — ценой простреленного плеча, которое он кое-как перебинтовал, оторвав кусок подола ее платья. Глаза Симы были огромны, но она не жаловалась. Альчесте выразил свое восхищение мощным похлопыванием и по крышам провел ее в другое здание, где ворвался в квартиру и вызвал врача.

Когда приехала карета «Скорой помощи»,

Альчесте и Сима спустились вниз, где были встречены полицейским, имевшим приказ задержать пару — следовало описание — за «бандитизм». От полицейского пришлось избавиться — так же, как от врача и водителя. Карета «Скорой помощи» пригодилась: включив сирену, Альчесте гнал как бешеный.

Они бросили машину у пригородного универмага, откуда через сорок минут появился молодой слуга в ливрее, толкающий коляску со стариком. Если не считать бюста, Сима отлично подходила на роль мальчика. Фрэнки достаточно ослабел от ран, чтобы представиться немощным стариком.

Они остановились в отеле «Росс Сплендид». Альчесте запер Симу в номере, купил револьвер и отправился на поиски Джонни. Он нашел его в справочном бюро. Стрэпп протягивал чиновнику листок все с тем же описанием давно утерянной любви.

— Эй, старина Джонни!

— Фрэнки! — радостно воскликнул Стрэпп.

Они обнялись. Со счастливой улыбкой Альчесте наблюдал процедуру подкупа чиновника для выдачи имен и адресов всех девушек, отвечающих требованиям списка. Выйдя из бюро, Альчесте произнес:

— Я встретил девушку, которая похожа на ту, что ты ищешь, старина.

— Да? — спросил Стрэпп мгновенно изменившимся голосом.

— Она немного шепелявит.

Стрэпп странно взглянул на него.

— И чуть кивает головой при разговоре.

Стрэпп сжал локоть Альчесте.

— Покажи мне ее, — глухо сказал он.

Они поймали аэротакси, долетели до крыши отеля, спустились на лифте до двадцатого этажа и подошли к номеру «20 М». На условленный стук Альчесте ответил девичий голос.

Альчесте пожал Стрэппу руку и подбодрил:

— Смелее, Джонни.

Затем открыл дверь и быстро прошел на балкон, достав револьвер на случай, если Фишер предпримет последнюю попытку. Глядя на сверкающий город, он думал, что каждый человек может быть счастлив, если ему помогут; но иногда помощь обходится очень дорого.

Джон Стрэпп вошел в номер. Он закрыл дверь, повернулся и тщательно оглядел черноволосую черноглазую девушку — пристально, холодно. Она поражен но смотрела на него. Сгрэпп приблизился, обошел ее вокруг.

— Скажи что-нибудь.

— Вы — Джон Стрэпп?

— Да.

— Нет! — воскликнула она. — Нет! Мой Джонни молод! Мой Джонни…

Стрэпп прыгнул, как тигр. Его руки и губы мучили ее тело, а глаза наблюдали спокойно и бесстрастно. Девушка вскрикнула и стала отчаянно сопротивляться — чужим странным глазам, чужим грубым рукам, чужим порывам существа, некогда бывшего ее Джонни, но сейчас отделенного от него бездонной пропастью многолетних перемен.

— Ты — не он! — закричала она. — Ты не Джонни! Ты кто-то другой!

И Стрэпп, не просто на одиннадцать лет постаревший, но за одиннадцать лет ставший другим, спросил себя: «Это — моя Сима? Это — моя любовь? Потерянная, мертвая любовь?»

И его изменившееся «я» ответило: «Нет, это не Сима. Это не твоя любовь. Иди, Джонни. Иди и ищи. Ты найдешь ее когда-нибудь — девушку, которую потерял».

Он расплатился, как джентльмен, и ушел.

Стоя на балконе, Альчесте увидел его выходящим из здания. Он был так изумлен, что не смог

даже окликнуть друга. Он вернулся в комнату и застал Симу слепо глядящей на кучу денег на столе. Альчесте сразу понял, что произошло.

Увидев его, Сима заплакала.

— Фрэнки! — рыдала она. — Боже мой, Фрэнки!

Она в отчаянии протянула к нему руки. Она потерялась в мире, прошедшем мимо нее.

Альчесте шагнул вперед, потом остановился. Он сделал последнюю попытку умертвить свою любовь, но не выдержал и заключил Симу в объятья.

«Она не ведает, что творит, — думал он. — Она просто испугана. Она не моя. Пока еще — не моя. Может быть, никогда моей не станет».

И позже: «Фишер победил, а я проиграл».

И наконец: «Мы лишь вспоминаем прошлое; мы не узнаем его при встрече. Мысль возвращается назад, но время идет вперед, и все прощания — навсегда».

АТТРАКЦИОН

© Перевод В. Баканова

Я пощекотал ее ножом; порезы на ребрах не опасны, но весьма болезненны. Ножевая рана сперва побелела, затем покраснела.

— Слушай, дорогая. — (Я забыл ее имя.) — Вот что у меня для тебя есть. Взгляни-ка. — Я помахал ножом. — Чувствуешь?

Я похлопал ее лезвием по лицу. Она забилась в угол тахты и начала дрожать. Этого я и ждал.

— Ну, тварь, отвечай мне.

— Пожалуйста, Дэвид, — пробормотала она.

Скучно. Неинтересно.

— Я ухожу. Ты вшивая шлюха. Дешевая проститутка.

— Пожалуйста, Дэвид, — повторила она низким голосом.

Никаких действий!.. Ладно, дам ей еще один шанс.

— Считая по два доллара за ночь, за мной двадцать.

Я выбрал из кармана деньги, отсчитал долларовые бумажки и протянул их. Она не шевельну-

лась. Она сидела на тахте, нагая, посиневшая, не глядя на меня. Н-да, скучно. И представьте себе — в любви, как зверь, даже кусалась. Царапалась, будто кошка. А теперь…

Я скомкал деньги и бросил ей на колени.

— Пожалуйста, Дэвид.

Ни слез, ни криков… Она невыносима. Я ушел.

Беда с неврастениками в том, что на них нельзя положиться. Находишь их, работаешь, подводишь к пику… А они могут повести себя, вот как эта.

Я взглянул на свои часы. Стрелка стояла на двенадцати. Надо идти к Гандри. Над ним работала Фрейда, и, очевидно, она сейчас там, ждет кульминации. Мне нужно было посоветоваться с Фрейдой, а времени осталось немного.

Я пошел на Шестую авеню… нет, авеню Америкас, свернул на Пятьдесят шестую и подошел к дому напротив Дворца Мекки… нет, нью-йоркского городского центра. Поднялся на лифте и уже собирался позвонить в дверь, когда почувствовал запах газа. Он шел из квартиры Гандри.

Тогда я не стал звонить, а достал свои ключи и принялся за дверь. Через две или три минуты открыл ее и вошел, зажимая нос платком. Внутри было темно. Я направился прямо на кухню и

споткнулся о тело, лежавшее на полу. Выключил газ и открыл окно, побежал в гостиную и там пооткрывал все окна.

Гандри был еще жив. Его большое лицо побагровело. Я подошел к телефону и позвонил Фрейде.

— Фрейда? Почему ты не здесь, с Гандри?

— Это ты, Дэвид?

— Да. Я только что пришел и обнаружил Гандри полумертвым. Он пытался покончить с собой.

— Ох, Дэвид!

— Газ. Самопроизвольная развязка. Ты работала над ним?

— Конечно. Но я не думала, что он…

— Так улизнет? Я тебе сто раз говорил: Фрейда, нельзя полагаться на потенциальных самоубийц вроде Гандри. Я показывал тебе эти порезы на запястье. Такие, как он, никогда не действуют активно. Они…

— Не учи меня, Дэвид.

— Ладно, не обращай внимания. У меня тоже вес сорвалось. Я думал, у девицы необузданный нрав, а она оказалась мямлей. Теперь хочу поработать с той женщиной, которую ты упоминала. Бекон.

— Определенно рекомендую.

— Как мне ее найти?

— Через мужа, Эдди Бекона. Попытайся в «Шооне», или в «Греке», или в «Дугласе». Но он болтлив, Дэвид, любит, чтобы его выслушали; а у тебя не так уж много времени.

— Все окупится, если его жена стоит того.

— Безусловно. Я же говорила тебе о револьвере.

— Хорошо, а как с Гандри?

— О, к дьяволу Гандри! — прорычала она и повесила трубку.

Я тоже положил трубку, закрыл все окна и пустил газ. Гандри не двигался. Я выключил свет и вышел.

Теперь за Эдди Бекона. Я нашел его в «Греке» на Восточной Пятьдесят второй улице.

— Эдди Бекон здесь?

— В глубине, сзади, — махнул бармен.

Я посмотрел за перегородку. Там было полно народу.

— Который из них?

Бармен указал на маленького человечка, сидящего в одиночестве за столиком в углу. Я подошел и сел рядом.

— Привет, Эдди.

У него оказалось морщинистое обрюзгшее ли-

цо, светлые волосы, бледные голубые глаза. Бекон косо взглянул на меня.

— Что будете пить?

— Виски. Воду. Без льда.

Принесли выпивку.

— Где Лиз?

— Кто?

— Ваша жена. Я слышал, она ушла от вас?

— Они все ушли от меня.

— Где Лиз?

— Это случилось совершенно неожиданно, — произнес он мрачным голосом. — Я взял детей на Кони-Айленд…

— О детях в другой раз. Где Лиз?

— Я рассказываю. Кони-Айленд — проклятое место. Тебя привязывают в вагончике, разгоняют и пускают наперегонки с динозавром. Этот аттракцион будит в людях инстинкты каменного века. Вот почему дети в восторге. В них сильны пережитки каменного века.

— Во взрослых тоже. Как насчет Лиз?

— Боже! — воскликнул Бекон. Мы выпили еще. — Да…

Лиз… Та заставила меня забыть, что Лиз существует. Я встретил ее у вагончиков роллер-костера. Она ждала. Притаилась, чтобы броситься.

Паук «Черная вдова». Шлюха, которой не было.

— Кого не было?

— Вы не слышали об исчезнувшей любовнице Бекона? Невидимой Леди? Пропавшей Даме?

— Нет.

— Черт побери, где вы были? Не знаете, как Бекон снял комнату для женщины, которой не существовало?.. Надо мной до сих пор смеются. Все, кроме Лиз.

— Я ничего не знаю.

— Нет? — Он сделал большой глоток, поставил стакан и зло вперился в стол, будто ребенок, пытающийся решить алгебраическую задачку. — Ее звали Фрейда. Ф-Р-Е-Й-Д-А. Как Фрейя, богиня весны. Вечно молодая. Внешне она была вылитая девственница Боттичелли. И тигр внутри.

— Фрейда… Как дальше?

— Понятия не имею. Может быть, у нее нет фамилии, потому что она воображаема, как мне говорят. — Он глубоко вздохнул. — Я занимаюсь детективами на телевидении. Я знаю все уловки — это мое дело. Но она придумала другую. Она подлепила меня, заявив, что где-то встретила моих детей. Кто может сказать, кого знает маленький ребенок? Я заглотил приманку, а когда раскусил ее ложь, уже погиб.

— Что вы имеете в виду?

Бекон горько усмехнулся.

— Это все в моем воображении, уверяют меня. Я никогда не убивал ее на самом деле, потому что в действительности она никогда не жила.

— Вы убили Фрейду?

— С самого начала это была война, — сказал он, — и она закончилась убийством. У нас была не любовь — была война.

— Это все ваши фантазии?

— Так мне говорят. Я потерял неделю. Семь дней. Говорят, что я действительно снимал квартиру, но никого туда не приводил, потому что никакой Фрейды не существовало. Я был один. Один. Не было сумасшедшей твари, говорившей: «Сигма, милый…»

— Что-что?

— Вы слышал: «Сигма, милый». Она так прощалась: «Сигма, милый». Вот что она сказала мне в тот последний день. С безумным блеском в девственных глазах. Сказала, что сама позвонила Лиз и все о нас выложила. «Сигма, милый». И направилась к двери.

— Она рассказала Лиз? Вашей жене?

Бекон кивнул.

— Я схватил ее и затащил в комнату. Запер

дверь и позвонил Лиз. Та паковала вещи. Я разбил телефон о голову этой стервы. Я обезумел. Я сорвал с нее одежду, приволок в спальню и задушил…

— А Лиз?

— В дверь ломились — крики Фрейды были слышны по всей округе, — продолжал Бекон. — Я подумал: «Это же шоу, которое ты делаешь каждую неделю. Играй по сценарию!» Я сказал им: «Входите и присоединяйтесь к убийству».

Он замолчал.

— Она была мертва?

— Убийства не было, — медленно произнес Бекон. — Не было никакой Фрейды. Квартира на десятом этаже; никаких пожарных лестниц — только дверь, куда ломились полицейские. И в квартире никого, кроме меня.

— Она исчезла? Куда? Как? Не понимаю.

Он потряс головой и мрачно уставился на стол. После долгого молчания продолжил:

— От Фрейды не осталось ничего, кроме безумного сувенира. Должно быть, выпал в драке — в драке воображаемой, как все говорят. Циферблат ее часов.

— А что в нем безумного?

— Он был размечен двойками от двух до два-

дцати четырех. Два, четыре, шесть, восемь… и так далее.

— Может, это иностранные часы. Европейцы пользуются двадцатичетырехчасовой системой. Я имею ввиду, полдень — двенадцать, час дня — тринадцать…

— Не перебивайте меня, — оборвал Бекон. — Я служил в армии и все это знаю. Но я никогда не видел такого циферблата. Он не из нашего мира. Я говорю буквально.

— Да? То есть?

— Я встретил ее снова.

— Фрейду?!

Он кивнул.

— И снова на Кони-Айленде, возле роллер-костера. Я подошел к ней сзади, затащил в аллею и сказал: «Только пикни — и на этот раз будешь мертва наверняка».

— Она сопротивлялась?

— Нет. Без единой царапинки, свежая и девственная, хотя прошла только неделя. «Черная вдова», подкарауливающая мушек. Ей нравилось мое обращение.

— Не понимаю.

— Я понял, когда смотрел на нее, смотрел на лицо, улыбающееся и счастливое из-за моей ярости.

Я сказал: «Полицейские клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Невропатологи клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Значит, ты — плод моего воображения, и из-за этого я неделю провел с душевнобольными. Но я знаю, как ты выбралась и куда ушла».

Бекон замолчал и пристально взглянул на меня. Я ответил ему прямым взглядом.

— Насколько вы пьяны? — спросил он.

— Достаточно, чтобы поверить во все, что угодно.

— Она прошла сквозь время, — произнес Бекон. — Понятно? Сквозь время. В другое время. В будущее.

— Что? Путешествие во времени?!

— Именно. — Он кивнул. — Вот почему у нее были эти часы. Машина времени. Вот почему она так быстро поправилась. Она могла оставаться там хоть год или сколько надо, чтобы исчезли все следы. И вернуться — Сейчас или через неделю после Сейчас. И вот почему она говорила: «Сигма, милый». Так они прощаются.

— Минутку, Эдди…

— И вот почему она хотела, чтобы дело подошло так близко к ее убийству.

— Но это ни с чем не вяжется! Она хотела, чтобы

ее убили?

— Я же говорю. Она любила это. Они все любят это. Они приходят сюда, ублюдки, как мы на Кони-Айленд. Не для того, чтобы изучать или исследовать, как пишут в фантастике. Наше время для них — парк развлечений и аттракционов, вот и все. Как роллер-костер.

— Что вы имеете в виду?

— Эмоции. Страсти. Стоны и крики. Любовь и ненависть, слезы и убийства. Вот их аттракцион. Все это, наверное, забыто там, в будущем, как забыли мы, что значит убегать от динозавра. Они приходят сюда в поисках острых ощущений. В свой каменный век… Отсюда все эти преступления, убийства и изнасилования. Это не мы. Мы не хуже, чем были всегда. Это они. Они доводят нас до того, что мы взрываемся и устраиваем им роллер-костер.

— А Лиз? — спросил я. — Она верит в это?

Он покачал головой.

— У меня не было возможности ей рассказать. Шесть прекрасных футов ирландской ярости. Она забрала мой револьвер.

— Это я слышал, Эдди. Где Лиз теперь?

— На своей старой квартире.

— Миссис Элизабет Бекон?

— Уже не Бекон. Она живет под девичьей фамилией.

— Ах, да. Элизабет Нойес?

— Нойсс? С чего вы взяли? Нет. Элизабет Горман… Что, вы уже уходите?!

Я посмотрел на свой измеритель времени. Стрелка стояла между двенадцатью и четырнадцатью. До возвращения еще одиннадцать дней. Как раз достаточно, чтобы обработать Лиз и толкнуть ее на определенные действия. Револьвер — это кое-что… Фрейда права. Я встал из-за стола.

— Пора идти, Эдди, — произнес я. — Сигма, приятель.

5 271 009

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Возьмите две части Вельзевула, две части Исрафела, одну Монте-Кристо, одну Сирано, тщательно перемешайте, приправьте немного таинственностью — и у вас получится мистер Солон Аквила. Это высокий, худощавый, подвижный человек с очень грустным лицом, а когда он смеется, его темные глаза превращаются в открытые раны. Чем он занимается, никому не известно. Он богат, но никто не знает источников его доходов. Мистера Аквилу видели повсюду, но нигде не смогли понять. В его жизни есть какая-то тайна.

Сейчас я расскажу вам о странностях мистера Аквилы, а уж как вы это станете интерпретировать — ваше дело. Когда он вдет по улице, ему никогда не приходится ждать зеленого сигнала светофора. Если ему нужно взять такси, то свободная машина всегда оказывается поблизости. Когда он входит в свой отель, то его обязательно ждет свободный лифт. Когда он заходит в магазин, то продавец всегда оказывается свободен и

может сразу обслужить его. В ресторанах в любое время находится свободный столик для мистера Аквилы. Если ему хочется попасть на спектакль, когда все билеты проданы, то в самый последний момент кто-нибудь непременно сдаст билет.

Вы можете, конечно, расспросить официантов, водителей такси, лифтеров, продавцов и кассиров. Нет, они не вступали в сговор с мистером Аквилой. Мистер Аквила не дает взяток и не шантажирует их ради получения этих мелких удобств. В любом случае он вряд ли смог бы подкупить или шантажировать автоматическую систему, которая управляет светофорами. Все эти мелкие стечения обстоятельств, делающие его жизнь такой удобной, просто случаются, и все. Мистер Солон Аквила никогда не бывает разочарован. Сейчас мы услышим о его первом разочаровании и о том, к чему это привело.

Мистер Аквила чувствовал себя прекрасно в дешевых, средних и дорогих барах. Его встречали в борделях и на коронациях, на казнях и в цирке, в судах и конторах букмекеров. Известно было, что он покупает старинные автомобили, драгоценные камни, у которых была история, инкунабулы,

порнографию, химикаты, порро призмы[13], пони для игры в поло и пистолеты с глушителем.

— HimmelHenGottSeiDank![14] Я свихнулся, дружище, совсем свихнулся. Эклектик, видит Бог! — говорил мистер Аквила ошеломленному владельцу универмага. — Weltmann. nicht wahr?[15] Мой идеал — Гёте. Tout le monde[16]. Черт возьми.

Речь мистера Аквилы была впечатляющей мешаниной исковерканных метафор и значений. Он сыпал словами на дюжине языков и диалектов со скоростью пулеметной очереди. Кроме того, создавалось впечатление, что он лгал ad libitum[17].

— Sacre bleu[18], Иисусе! — как-то сказал он. — «Аквила» имеет латинское происхождение.

---

[13] Примечания: 13

Порро призмы *(опт.)* — призмы, которые меняют направление света на девяносто градусов. Названы в честь итальянского инженера Игнасио Порро, жившего в девятнадцатом веке. *(Прим. перев.)*

[14] Примечания: 14

НебоГосподинСлаваБогу! *(нем.) (Прим. перев.)*

[15] Примечания: 15

Человек мира, типа того? *(нем) (Прим. перев.)*

[16] Примечания: 16

Весь мир *(фр.). (Прим. перев.)*

[17] Примечания: 17

Свободно *(лат.). (Прим. перев.)*

[18] Примечания: 18
Черт возьми! (фр.) (Прим. перев.)

Означает «орлиный». O tempore, o mores[19]. Речь Цицерона. Мой предок.

И в другой раз:

— Мой идол — Киплинг. Взял от него имя. Аквила — один из его героев. Черт возьми. Величайший негритянский писатель со времен «Хижины дяди Тома».

В то утро, когда мистера Солона Аквилу впервые в жизни постигло разочарование, он ворвался в антикварный магазин «Лаган и Дереликт», который специализировался на продаже картин, скульптур и других предметов искусства. Мистер Аквила намеревался купить картину.

Мистер Джеймс Дереликт уже имел дело с мистером Аквилой как с клиентом. Тот некоторое время назад приобрел у него Фредерика Ремингтона и Уинслоу Хомера, коща по странному совпадению влетел в магазин на Мэдисон-авеню ровно через минуту после того, как вожделенные картины были выставлены на продажу. Кроме того, однажды мистер Дереликт видел, как мистер Аквила возле Монтока втаскивал в лодку громадную полосатую рыбину.

---

[19] Примечания: 19
О времена, о нравы (лат,). (Прим. перев.)

— Bon soir, bel esprit[20], черт возьми, Джимми, — сказал мистер Аквила, который со всеми был на «ты». — Сегодня крутой денек для живописи, oui![21] Крутой. Сленг. Мне сегодня по нутру купить картину.

— Доброе утро, мистер Аквила, — ответил Дереликт. У него было изборожденное морщинами лицо карточного шулера, но глаза были честными, а улыбка обезоруживающей. Однако в данный момент улыбка казалась напряженной, словно летучее появление мистера Аквилы смутило антиквара.

— Видит бог, у меня сегодня как раз подходящее настроение для одного из ваших авторов, — заявил мистер Аквила, быстро открывая витрины и нежно поглаживая изделия из слоновой кости и фарфора. — Как же его зовут, старина? Художник вроде Босха. Или Генриха Клее. У вас на него эксклюзивные права, paibleu[22]. O si sic omnia[23],

---

[20] Примечания: 20
Добрый вечер, остряк *(фр.). (Прим. перев.)*

[21] Примечания: 21
Да! *(фр.) (Прим. перев.)*

[22] Примечания: 22
Черт подери *(фр.) (Прим. перев.)*

[23] Примечания: 23
Если так, то все *(лат.). (Прим. перев.)*

клянусь Зевсом!

— Джеффри Гельсион? — робко спросил Дереликт.

— Cteil de boeuf![24] — вскричал Аквила. — Какая память. Золото и слоновая кость! Как раз тот художник, который мне нужен. Он мой любимец. Желательно в монохромной технике. Маленького Джеффри Гельсионадля Аквилы, bitte[25]. Заверните.

— В это просто невозможно поверить, — пробормотал Дереликт.

— А! Что? Нет, я не поручусь, что это стопроцентный Мин, — воскликнул мистер Аквила, указав на изящную вазу, — Caveat emptor[26], черт возьми. Ну, Джимми? Я уже щелкнул пальцами. Неужели у тебя не найдется ни одного Гельсиона, мой правоверный старик?

— Очень странно все получается, мистер Аквила. — Казалось, Дереликт никак не может ни на что решиться, — Вот вы пришли, а пять минут назад я получил монохромного Гельсиона.

---

[24] Примечания: 24
В самую точку! *(фр.) (Прим. перев.)*

[25] Примечания: 25
Пожалуйста (нем.). (Прим. перев.)

[26] Примечания: 26
Пусть остерегается покупатель *(дат.). (Прим. перев.)*

— Я же говорил? Tempo ist Richtung[27]. Ну и?..

— Мне бы не хотелось вам его показывать. По личным соображениям, мистер Аквила.

— HimmelHerrGott![28] Pourquoi?[29] Картина сделана на заказ?

— Н-нет, сэр. Не по моим личным соображениям. Из-за *вас.*

— Да? Черт возьми. Ну-ка объясни мне, при чем тут я.

— В любом случае она не продается, мистер Аквила. Ее нельзя продавать.

— Это еще почему? Отвечай, старая рыбина в чипсах.

— Не могу, мистер Аквила.

— Zut alors![30] Мне что, нужно дзюдонуть тебе руку, Джимми? Показать нельзя. Продать нельзя. Я всем своим нутром настроился на Джеффри Гельсиона. Моего любимца. Черт возьми. Ну-ка показывай мне Гельсиона, или sic transit gloria

---

[27] Примечания: 27
Темп есть направление *(нем.). (Прим. перев.)*

[28] Примечания: 28
НебоГосподин! *(нем.) (Прим. перев.)*

[29] Примечания: 29
Почему? *(фр.) (Прим. перев.)*

[30] Примечания: 30
Ну, давай! (фр.) (Прим. перев.)

mundi[31] Понял, Джимми?

Дереликт немного поколебался, а потом пожал плечами.

— Ну ладно, мистер Аквила. Я вам покажу.

Дереликт повел Аквилу по галерее мимо шкафов с фарфором и серебром, лакированных безделушек, бронзовых статуэток и сверкающих доспехов в заднюю часть магазина, где на серых, задрапированных бархатом стенах висело несколько картин, освещенных мягким рассеянным светом. Он открыл я шик в передней части секретера и достал отгула конверт. На конверте большими буквами было напечатано «ЗАВЕДЕНИЕ «ВАВИЛОН»». Дереликт достал долларовую купюру и протянул ее мистеру Аквиле.

— Это последняя работа Джеффри Гельсиона, — сказал он.

Поверх портрета Джорджа Вашингтона очень умелой рукой было нарисовано лицо другого человека — перекошенное злобой лицо дьявола из преисподней, выполненное тонким пером и графитовыми чернилами. Это лицо наводило ужас, а вся сцена вызывала омерзение. Портрет мистера Аквилы.

---

[31] Примечания: 31
Так проходит земная слава (лат.). (Прим. перев.)

— Черт возьми, — сказал мистер Аквила.

— Вот видите, сэр? Я не хотел оскорбить ваших чувств.

— Ну, мне просто необходимо получить его в свою собственность, парень, — Казалось, мистер Аквила совершенно очарован портретом, — Он нарисовал это случайно или вполне сознательно? Гельсион знает меня? Ergo sum[32].

— Насколько мне известно, нет, мистер Аквила. Но в любом случае я не могу продать вам его рисунок. Это улика… подделка… Порча купюр Банка Соединенных Штатов… Она должна быть уничтожена.

— Никогда! — Мистер Аквила вернул рисунок так, словно он боялся, что Дереликт немедленно сожжет его, — Никогда, Джимми. Каркнул ворон: «Никогда». Черт возьми. Почему Гельсион рисует на деньгах? Мой портрет, фи. Это преступная клевета, впрочем, n'importe[33]. Рисовать на деньгах? Расточительно. Jocі causa[34].

— Он безумен, мистер Аквила.

---

[32] Примечания: 32
Я существую *(лат,). (Прим. перев.)*

[33] Примечания: 33
Неважно *(фр.). (Прим. перев.)*

[34] Примечания: 34
Повод для шутки *(лат.). (Прим. перев.)*

— Нет! Да? Безумен? — Аквила был потрясен.

— Гельсион совершенно не в своем уме, сэр. Очень печальная история. Его пришлось отправить в специальное заведение. Он все время рисует эти портреты на деньгах.

— Черт возьми, mon ami[35]. А кто дает ему деньги?

— Я, мистер Аквила, и его друзья. Каждый раз, когда мы приходим его навестить, он выпрашивает у нас деньги для своих рисунков.

— Видит бог, le jour viendra![36] Почему бы просто не дать ему бумагу, э-э, мой древний сотоварищ?

— Мы пытались, сэр. — Дереликт грустно улыбнулся. — Но когда мы давали Джеффу бумагу, он начинал рисовать на ней деньги.

— HimmelHerrGott! Мой любимый художник. В психушке. Eh bien[37]. Как же, святой ад, я буду покупать его картины, если это правда?

— А вы и не будете, мистер Аквила. Боюсь, что больше никто никогда не купит картин Джеффри

---

[35] Примечания: 35
Мой друг *(фр.). (Прим. перев.)*

[36] Примечания: 36
День придет *(фр.). (Прим. перев.)*

[37] Примечания: 37
Ладно *(фр.). (Прим. перев.)*

Гельсиона. Он совершенно безнадежен.

— Почему же он сошел с катушек, Джимми?

— Врачи говорят, что это уход от действительности, мистер Аквила. Он не сумел пережить своего успеха.

— Что? Переведи.

— Ну, сэр, он все еще молодой человек. Когда к нему пришел большой успех, Джеффри оказался к этому не готов. Он не сумел справиться с теми обязательствами, которые наложил на него успех. Так, во всяком случае, говорят его врачи. Поэтому он повернулся ко всему свету спиной и вернулся в мир детства.

— Да? И рисует теперь на деньгах?

— Они утверждают, что это для него символизирует возвращение в детство, мистер Аквила. Как будто бы он еще слишком мал, чтобы понимать значение денег.

— Да? Oui. Ja. Хитроумие безумца. А мой портрет?

— Этого я не могу объяснить, мистер Аквила, если только вы не встречались с ним раньше и он почему-то вас запомнил. Или просто случайное совпадение.

— Хмм. Возможно. Так. Ты ведь что-то знаешь, греческая твоя башка? Я разочарован. Je

n'oublierai jamais[38]. Я очень серьезно разочарован. Черт возьми. Больше никогда не будет новых Гельсионов? Merde[39]. Мой лозунг. Нам нужно что-то сделать для Джеффри Гельсиона. Я не потерплю разочарований. Мы должны что-то сделать.

Мистер Солон Аквила решительно тряхнул головой, достал сигарету и зажигалку, а потом погрузился в раздумья. После долгой паузы он снова кивнул. На этот раз мистер Аквила уже явно принял решение, после чего сделал совершенно неожиданную вещь. Он засунул зажигалку обратно в карман, достал другую, быстро огляделся по сторонам и зажег огонь прямо под носом мистера Дереликта.

Мистер Дереликт, казалось, ничего не заметил. Мистер Дереликт, казалось, в один миг одеревенел.

Не погасив огня, мистер Аквила осторожно положил зажигалку на полку перед антикваром, который продолжал стоять неподвижно. Оранжевое пламя отражалось в его остекленевших глазах.

---

[38] Примечания: 38
Я никогда не забуду *(фр.). (Прим. перев.)*

[39] Примечания: 39
Дерьмо! *(фр.) (Прим. перев.)*

Аквила быстро вернулся в магазин и отыскал там редкий китайский хрустальный шар. Достал его из футляра, согрел, приложив к сердцу, потом заглянул внутрь. Начал что-то бормотать. Кивнул. Положил шар обратно в футляр, подошел к кассе, взял листок бумаги и карандаш и начал писать что-то значками, не имевшими никакого отношения ни к одному из языков. Снова кивнул, разорвал листок бумаги и достал свой бумажник.

Из бумажника мистер Аквила вынул долларовую банкноту. Положил ее на стеклянный прилавок, вытащил из жилетного кармана набор ручек, выбрал одну и снял с нее колпачок. Старательно защищая глаза, он уронил с пера ручки одну каплю на банкноту. Последовала ослепительная вспышка, потом что-то тихо загудело и началась слабая вибрация, однако через некоторое время снова воцарилась тишина.

Мистер Аквила убрал ручки в карман, осторожно, за уголок, приподнял банкноту и быстро вернулся в картинную галерею, где мистер Дереликт все так же стоял, не шевелясь и глядя в оранжевое пламя. Аквила помахал банкнотой перед его невидящим взором.

— Послушай, мой ветхий, — прошептал Ак-

вила, — сегодня вечером ты отправишься к Джеффри Гельсиону. N'est-ce pas?[40] Отдашь ему вот эту бумажку, когда он попросит у тебя банкноту для рисования. Так? Черт возьми, — Он вынул из кармана мистера Дереликта бумажник, положил банкноту внутрь и вернул бумажник на его законное место.

— Теперь я скажу тебе, зачем ты должен будешь туда пойти, — продолжал Аквила, — Благодаря Diable Boiteux[41] на тебя снизошло озарение. Nolens volens[42], хромой дьявол подал тебе идею, как можно вылечить Джеффри Гельсиона. Черт возьми. Чтобы он снова пришел в себя, ты покажешь ему его собственные старые картины, принесшие ему славу. Память — мать всего. HimmelHenGott. Ты меня слышишь, верзила? Ты сделаешь так, как я тебе приказываю. Отправляйся туда сегодня же, и дьявол забери того, кто отстанет.

Мистер Аквила взял горящую зажигалку, прикурил и погасил огонь со словами:

---

[40] Примечания: 40
Не так ли? *(фр.) (Прим. перев.)*

[41] Примечания: 41
Хромому дьяволу *(фр.). (Прим. перев.)*

[42] Примечания: 42
Хочешь не хочешь *(лат.). (Прим. перев.)*

— Нет, мой святейший из святейших! Джеффри Гельсион слишком великий художник, чтобы мы могли позволить ему зачахнуть в зловонном заточении. Он должен быть возвращен этому миру. Он должен быть возвращен мне. E sempre l'ora[43]. Я не потерплю разочарования. Ты слышишь меня, Джимми? Не потерплю!

— Возможно, надежда все-таки есть, мистер Аквила, — сказал Джеймс Дереликт. — Пока мы с вами разговаривали, мне в голову пришла одна мысль… о том, как можно вернуть Джеффа в сознание. Я попробую сделать это сегодня вечером.

Рисуя лицо Далекого демона поверх лица Джорджа Вашингтона на банкноте, Джеффри Гельсион диктовал вслух свою биографию. Впрочем, рядом с ним не было никого, кто мог бы ее записать.

— Словно Челлини, — декламировал он, — рисунок и литература одновременно. Рука об руку, хотя искусство едино, мои святые собратья по барбитурату, близкие и родные мне поклонники нембутала. Отлично. Начинаю: я родился. Я умер. Ребеночек хочет доллар. Нет…

Он поднялся с застеленного ковром пола и начал метаться от одной обитой мягкой тканью

---

[43] Примечания: 43
Раз и навсегда *(ит.). (Прим. перев.)*

стены к другой, представляя себе свой гнев в виде темно-малиновой ярости, которая одним волшебным движением искусной кисти, ловким смешением красок, оттенков и игрой светотени постепенно превращается в бледно-лавандовые взаимные обвинения. Гениальный талант Джеффри Гельсиона был вырван у него Далеким демоном, чье отвратительное лицо…

— Начнем снова, — пробормотал он. — Погасим прожектора. Первые мазки…

Гельсион уселся на корточках на полу, взял перо для рисования, которое было признано не представляющим опасности для жизни, опустил его в баночку с графитовыми чернилами, которые тоже были признаны не представляющими опасности для жизни, и занялся звериным лицом Далекого демона, который начал постепенно вытеснять президента с долларовой купюры.

— Я родился, — диктовал Джеффри пустому пространству, в то время как его искусная рука наполняла банковскую бумажку ужасом и неземной красотой, — У меня был мир. У меня была надежда. У меня было искусство. У меня был мир. Мама. Папа. Дайте мне водички! О-о-о-о! Большой страшный дядька на меня плохо посмотрел, и теперь малыш боится. Мама! Малыш хочет нали-

совать класивые калтинки на класивой бумажке для мамочки и папочки. Смогли, мама. Малыш лисует полтлет противного страшного дядьки со злыми глазами, его глаза похожи на два адских озера, они словно холодный огненный ужас, он похож на страшного далекого демона из моих далеких страхов… Кто там?

Стукнул засов, ручка на двери камеры начала медленно поворачиваться. Гельсион сразу забился в угол, голый и скулящий, — дверь открывалась, чтобы впустить Далекого демона. Но на пороге стояли лишь доктор в белом халате и незнакомец в черном костюме, в черной фетровой шляпе и с черным портфелем, на котором были инициалы Дж. Д., выведенные ублюдочными золотыми готическими буквами с нелепым намеком на Гоуди[44] и Баскервилля[45].

— Ну, Джеффри, — добродушно произнес доктор.

— Доллар? — тут же заныл Гельсион. — Дайте ребеночку доллар!

— Я привел твоего старого друга, Джеффри. Ты

---

[44] Примечания: 44

Фредерик Гоуди (1865–1947) — изобретатель американских печатных шрифтов. *(Прим. перев.)*

[45] Примечания: 45

Джон Баскервилль (1706–1775) — английский печатник. *(Прим. перев.)*

помнишь мистера Дереликта?

— Доллар, — взвыл Гельсион, — Малыш хочет получить доллар.

— А где тот, что я дал тебе в прошлый раз, Джеффри? Ты же еще не закончил на нем рисовать, не так ли?

Гельсион уселся на банкноту, чтобы спрятать ее, но доктор оказался проворным. Он выхватил банкноту, и они с незнакомцем стали ее внимательно изучать.

— Такая же гениальная работа, как и все остальные, — вздохнул Дсреликт. — Даже лучше предыдущих! Какой потрясающий талант пропадает…

— Дайте ребеночку доллар, — заплакал Гельсион.

Незнакомец достал из кармана бумажник, выбрал одну купюру и протянул ее Джеффри. Едва Гельсион коснулся банкноты, как зазвучала песня, и он совсем было решил тоже запеть, но потом понял, что эта песня предназначена только для него и он должен слушать.

Доллар был просто великолепен: гладкий и не слишком новый, с чуть матовой поверхностью, которая будет впитывать чернила, словно поцелуи. Джордж Вашингтон смотрел на него

с упреком и одновременно покорно, точно уже привык к тому, как с ним тут обращались. Впрочем, иначе и быть не могло, ведь на этом долларе он был гораздо старше, чем на всех остальных, поскольку его серийный номер был 5 271 009, а это означало, что ему уже пять миллионов лет или даже больше, в то время как самым старым до сих пор был Джордж Вашингтон под номером два миллиона.

Довольный Гельсион уселся на пол и окунул перо в чернила, как велел ему доллар, но тут он услышал, что доктор говорит:

— Мне кажется, я не должен оставлять вас с ним наедине, мистер Дереликт.

— Нам желательно поговорить один на один, доктор. Он всегда испытывал неловкость, когда речь заходила о его работах. Он сможет обсуждать свои картины только со мной, когда не будет никого постороннего.

— Сколько вам нужно времени?

— Дайте мне час.

— Я очень сомневаюсь в том, что у вас что-нибудь получится.

— Но ведь никакого вреда не будет, если мы попробуем?

— Думаю, что не будет. Ну, хорошо, мистер Де-

реликт. Позовите санитара, когда закончите.

Дверь открылась, а потом снова закрылась. Незнакомец по имени Дереликт ласково и очень дружелюбно положил руку на плечо Гельсиону. Гельсион посмотрел на него и хитро ухмыльнулся — он ждал, когда доктор задвинет засов на его двери. Дождался; звук был похож на оглушительный выстрел, словно кто-то забил в гроб последний гвоздь.

— Джефф, я принес с собой кое-какие из твоих старых работ. — Голос Дереликта был старательно небрежным. — Я подумал, что ты, быть может, захочешь их посмотреть со мной вместе.

— У вас есть часы? — спросил Гельсион.

Его голос звучал совершенно нормально, и, стараясь не показать своего изумления, антиквар достал часы из кармана и показал их Джеффри.

— Дайте мне их на минутку.

Дереликт снял часы с цепочки и протянул их Гельсиону. Джеффри осторожно взял часы и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте картины.

— Джефф! — воскликнул Дереликт. — Это снова ты, ведь правда? Ты всегда так…

— Тридцать, — перебил его Гельсион. — Тридцать пять, сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят

пять, *одна.* — Он сосредоточил все свое внимание на бегущей секундной стрелке, словно с нетерпением чего-то ждал.

— Нет, — пробормотал антиквар. — Мне только показалось, что ты говоришь… А, ладно. — Он открыл портфель и начал перебирать сложенные там рисунки.

— Сорок, сорок пять, пятьдесят пять, *две.*

— Вот один из твоих первых, Джефф. Помнишь, как ты пришел в галерею с набросками, а мы решили, что ты новый полировальщик из агентства? Ты сердился на нас целых два месяца. Утверждал, что мы купили у тебя картину, исключительно чтобы загладить свою вину. Ты по-прежнему так считаешь?

— Сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять, *три.*

— А вот темпера, которая доставила тебе столько хлопот. Мне страшно интересно, захочешь ли ты попробовать нарисовать еще одну такую же картину? По правде говоря, сомневаюсь, что темпера такая уж неподатливая, как ты утверждаешь, мне бы ужасно хотелось, чтобы сейчас, когда твоя техника так заметно улучшилась, ты попытался нарисовать что-нибудь, пользуясь темперой. Что ты на это скажешь?

— Сорок, сорок пять, пятьдесят, пятьдесят пять, *четыре.*

— Джефф, положи часы.

— Десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять…

— Какого черта ты считаешь секунды?

— Ну, — вполне разумно ответил Гельсион, — иногда они закрывают дверь и уходят. А временами закрывают, остаются возле двери и шпионят за тобой. Но они никогда не занимаются этим больше трех минут, так что я решил дать им пять, чтобы было наверняка. *Пять.*

Гельсион зажал часы в своем большом кулаке и нанес аккуратный удар Дереликту прямо в челюсть. Антиквар беззвучно упал на пол. Гельсион оттащил его к стене, раздел догола, надел на себя его одежду, тщательно сложил все рисунки в портфель. Потом он взял долларовую банкноту и сунул ее в карман. Схватил бутылку с графитовыми чернилами, которые были признаны не представляющими опасности для жизни, и вылил ее содержимое себе на лицо.

Его отчаянные крики привлекли к дверям санитара.

— Выпустите меня отсюда, — сдавленным голосом потребовал Гельсион, — Маньяк пытался

меня утопить. Вылил мне на лицо чернила. Я хочу выйти отсюда!

Засов отодвинули, и дверь распахнулась. Гельсион промчался мимо санитара, хитроумно вытирая свое почерневшее лицо рукой, что еще больше скрыло его черты. Когда санитар попытался войти в камеру, Гельсион сказал:

— Не обращайте внимания на Гельсиона, с ним все в порядке. Дайте мне полотенце или еще что-нибудь. Да побыстрее!

Санитар снова закрыл дверь, повернулся и побежал по коридору. Гельсион подождал, пока санитар скроется в кладовой, а потом помчался в противоположном направлении. Он выскочил через тяжелую дверь в коридор главного здания, все еще хитроумно вытирая лицо и возмущенно бормоча. Уже почти выбежал наружу, а сигнала тревоги все еще не было. Гельсиону был хорошо знаком пронзительный вой сирены. Ее проверяли каждую среду.

«Это словно игра, — сказал себе Гельсион. — Весело. Бояться нечего. Я снова стал радостным, разумным, нормальным ребенком, и, когда мы закончим играть, я вернусь домой, где меня ждут мама и обед, а папа будет читать мне разные забавные истории… Я снова стал ребенком, я самый

настоящий ребенок, снова и навсегда».

Когда Гельсион добрался до первого этажа, никаких признаков преследования по-прежнему не было: не слышно было ни криков, ни топота ног. Он пожаловался регистратору на то, какое ужасное оскорбление ему было только что нанесено. Подделывая подпись Джеймса Дереликта в книге посетителей, он пожаловался на свою несчастную судьбу охране — его перепачканные чернилами руки сделали страницу совершенно нечитаемой, так что распознать подделку было абсолютно невозможно. Охранник подал сигнал, и входные ворота распахнулись перед Джеффри Гельсионом. Джеффри вышел на улицу, и в этот момент у него за спиной раздался вой сирены, который навел на него ужас.

Он побежал. Остановился. Попытался заставить себя идти медленно. Не смог. Бросился вдоль по улице и услышал за спиной крики охранников. Метнулся за угол; он мчался по бесконечным улицам, слыша позади себя гудки автомобилей, вой сирен, бесчисленные сигналы и звонки, крики и приказы. Ему самому этот побег напоминал отвратительный огненный фейерверк.

В поисках убежища Гельсион, уже почти теряя надежду на спасение, метнулся в вестибюль

безлюдного жилого дома. Он бросился вверх по лестнице, перескакивая сначала через три ступеньки, потом через две, потом, уже окончательно выбившись из сил, усилием воли заставляя себя подниматься все выше и выше, чувствуя, что его охватывает паника и он уже больше не может двигаться. Наконец он выбрался на площадку и прислонился к какой-то двери.

Она тут же распахнулась. На пороге стоял Далекий демон — улыбался и потирал руки.

— Gliickliche Reise![46] — сказал он. — Минута в минуту. Черт возьми. Смылся, да? Входи, старина. Я тебя жду. Пусть не покажется убогим…

Гельсион закричал.

— Нет, нет, нет! Никаких «Sturm und Drang»[47], мой красавчик. — Мистер Аквила зажал Гельсиону рот рукой, подхватил его, втащил в свою квартиру и захлопнул дверь.

— Ну, заходи быстрее, — рассмеялся он. — И покидает Джеффри Гельсион свою смертельную темницу. Dieu vous garde[48].

---

[46] Примечания: 46
Со счастливым прибытием! *(нем.) (Прим. перев.)*

[47] Примечания: 47
«Буря и натиск» *(нем.)* — литературное течение. *(Прим. перев.)*

[48] Примечания: 48
Храни вас Бог *(фр.). (Прим. перев.)*

Гельсион высвободил рот, снова отчаянно завопил и попытался выбраться из рук мистера Аквилы. Он кусался и лягался, но мистер Аквила только хихикнул тихонько, засунул руку в карман и достал оттуда пачку сигарет, затем ловко вытащил одну сигарету и сломал ее прямо под носом Гельсиона. Тот моментально успокоился и позволил отвести себя на кушетку, где мистер Аквила стер с его лица и рук чернила.

— Так лучше, а? — снова хихикнул мистер Аквила. — Не способствует возникновению дурных привычек. Черт возьми. Пришла пора напитков.

Он взял графин и наполнил небольшой бокал, положил туда крошечный кубик алого льда из дымящегося ведерка и подал бокал Гельсиону. Послушный жесту Аквилы, художник выпил все, что было в бокале. В голове у него моментально зашумело. Тяжело дыша, он начал оглядываться по сторонам. Ему показалось, что он находится в роскошной приемной доктора с Парк-авеню. Мебель в стиле королевы Анны. Аксминстерский ковер. Два Хогарта и один Копли в золоченых рамах.

«Настоящие», — с изумлением подумал Гельсион.

Затем, с еще большим удивлением, он вдруг

понял, что мыслит вполне разумно. Его сознание было снова чистым.

Он устало потер лоб рукой.

— Что это было? Там что-то вроде… Позади у меня осталось что-то вроде лихорадки. Какие-то кошмары.

— Ты болел, — ответил Аквила — Буду честен, старичок. Сознание вернулось к тебе временно. Ничего особенного не произошло, черт возьми. Любой доктор мог бы сделать это. Никотиновая кислота плюс углекислый газ. Только на время. Мы должны отыскать какое-нибудь более надежное средство, чтобы вылечить тебя основательно.

— Куда я попал?

— Это? Мой офис. Снаружи приемная. Внутри кабинет, где я консультирую. Налево лаборатория. Мы веруем в Бога.

— Я вас знаю, — пробормотал Гельсион — Я откуда-то вас знаю. Мне знакомо ваше лицо.

— Oui. Ты много раз рисовал меня, когда болел. Ecce homo[49]. У тебя есть преимущество, Гельсион. Где мы встречались, спрашиваю я себя? — Аквила надел на левый глаз сверкающее

---

[49] Примечания: 49
Таков человек *(лат.). (Прим. перев.)*

зеркало и осветил лицо Гельсиона. — Я спрашиваю тебя: где мы встречались?

Загипнотизированный ярким светом, Гельсион задумчиво проговорил:

— На балу изящных искусств… Давно… До того, как я заболел…

— Да? Si[50]. Это было полгода назад. Я там был. Несчастная ночь.

— Нет. Чудесная ночь… Веселье, счастье, радость… Словно школьная вечеринка… Словно костюмированный бал…

— Все время возвращаешься в детство, да? — проворчал мистер Аквила. — Следует обратить на это внимание. Cetera desunt[51], юный Лохинвар[52]. Продолжай.

— Я был с Джуди… В ту ночь мы поняли, что любим друг друга. Мы поняли, какой чудесной будет наша жизнь. А потом вы прошли мимо и посмотрели на меня… Всего один раз. Вы посмотрели на меня… Это было ужасно.

---

[50] Примечания: 50

Да *(ит.). (Прим. перев.)*

[51] Примечания: 51

Другие отсутствуют *(лат.). (Прим. перев.)*

[52] Примечания: 52

Лохинвар — герой баллады Вальтера Скотта, включенной в повествовательную поэму «Мармион» (1808), романтический влюбленный. *(Прим. перев.)*

Мистер Аквила взволнованно прищелкнул языком.

— Теперь вспомнил. Не уследил за собой — плохие вести из дома. Чума на оба моих дома[53].

— Вы просто прошли мимо… вы были в черном и алом… Сатана. Без маски на лице. Вы взглянули на меня… Черно-алый взгляд, который мне не суждено забыть. Взгляд черных глаз, которые были словно адские озера, словно холодный огненный ужас. Одним этим взглядом вы отняли у меня все — радость, надежду, любовь, жизнь…

— Нет, нет! — сердито выкрикнул мистер Аквила. — Давай разберемся. Моя неосторожность была всего лишь ключом, открывшим дверь. Ты свалился в пропасть, которую создал сам. Тем не менее, пиво и конфетки, мы должны исправить то, что произошло, — Он снял зеркало и погрозил Гельсиону пальцем. — Мы должны вернуть тебя в страну живых. Auxilium ab alto[54]. Господи. Именно за этим я и устроил нашу встречу. Сделанного не воротишь, так, кажется, говорят? Так вот, я его ворочу, ясно? Только тебе придется

---

[53] Примечания: 53

«Чума на оба ваши дома» — цитата из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира. *(Прим. перев.)*

[54] Примечания: 54

С посторонней помощью *(лат.). (Прим. перев.)*

самому выбираться из своей пропасти. Сплести веревку. Входи.

Мистер Аквила взял Гельсиона за руку, провел его по отделанному панелями вестибюлю, мимо опрятного кабинета и завел в ослепительно белую лабораторию. Повсюду кафель и сверкающее стекло, полки, уставленные бутылочками с реактивами, фарфоровые фильтры, электрическая печь, сосуды с кислотами, резервуары с химикатами. В самом центре лаборатории было небольшое круглое возвышение, что-то вроде помоста. Мистер Аквила поставил стул на этот помост, усадил на него Гельсиона, надел белый халат и начал собирать какие-то приборы.

— Ты, — говорил он, — великий художник. Я вовсе не пытаюсь dorer la pilule[55]. Когда Джимми Дереликт сказал мне, что ты перестал работать… черт возьми! Мы должны вернуть его к его баранам, сказал я. Солон Аквила должен владеть большим количеством картин Джеффри Гельсиона. Мы его вылечим. Hoc tempore[56].

— Вы доктор? — спросил Гельсион.

— Нет. Можно сказать, что я маг. Строго гово-

---

[55] Примечания: 55
Подсластить пилюлю *(фр.). (Прим. перев.)*

[56] Примечания: 56
Такие времена *(лат.). (Прим. перев.)*

ря, я колдун-патолог. Очень высокого класса. Никаких универсальных средств. Абсолютно современная магия. Черная и белая магия — это уже прошлое, n'est-ce pas? Я занимаюсь всем спектром, но специализируюсь на полосе частот в пятнадцать тысяч ангстрем.

— Вы доктор-колдун?

— Да.

— Здесь?

— Ага. Мне удалось обмануть и тебя, не так ли? Это наш камуфляж. Многие современные лаборатории, которые официально занимаются изобретением новой зубной пасты, на самом деле посвящают все свое время изучению магии. Но мы тем не менее являемся учеными. Parbleu![57] Мы, колдуны, шагаем в ногу со временем. Колдовское зелье сейчас варганят в соответствии с законом о лекарствах и законом об экологически чистых продуктах. Домашние духи теперь стерильны на все сто процентов. Любое помело можно отправлять на санитарный контроль хоть каждый день. Заклинания хранятся в абсолютно чистой целлофановой упаковке. Папаша дьявол носит резиновые перчатки. Спасибо лорду Листе-

---

[57] Примечания: 57

Черт возьми! *(фр.) (Прим. перев.)*

ру...[58] а может быть, это был Пастер? Мой идол.

Колдун-патолог собрал химикаты, проконсультировался с астрономическими таблицами, сделал какие-то вычисления на компьютере и при этом не переставая болтал.

— Fugit hora[59]. Твоя проблема, мой древний, заключается в том, что ты потерял разум. Oui? Потерял его, когда совсем ненадолго оторвался от реальности и стал отчаянно искать мира и покоя после того, как я так неосторожно бросил на тебя всего один взгляд. Helas![60] Прошу простить меня за это. Ну, что скажешь, дружок? — С этими словами мистер Аквила взял в руки крошечный мелок для разметки теннисных кортов и нарисовал на возвышении круг, центром которого стал Гельсион. — Твоя проблема, да будет тебе известно, заключается в том, что ты стремишься к покою и миру детства. Тебе следовало бы сражаться за то, чтобы приобрести покой и мир зрелости, n'est-ce pas? Господи.

---

[58] Примечания: 58

Джозеф Листер (1827–1912) — английский хирург, основатель современной антисептической хирургии. *(Прим. перев.)*

[59] Примечания: 59

Ужас проходит *(лат.). (Прим. перев.)*

[60] Примечания: 60

Увы! (фр.) (Прим. перев.)

При помощи сверкающего компаса и линейки Аквила рисовал круги и пятиугольники, потом взвешивал какие-то порошки на электронных весах, при помощи бюреток с делениями капал самые разнообразные жидкости в плавильные тигли и при этом продолжал говорить:

— Многие колдуны неплохо зарабатывают, продавая снадобья из Фонтана Молодости. Ода. Много юношей и много фонтанов, только вот не для тебя. Нет. Художникам не дано отведать молодости. Возраст — главное лекарство. Мы должны очистить твою юность и сделать тебя взрослым, nicht wahr?[61]

— Нет, — возразил Гельсион. — Нет, искусство это молодость. Юность это мечта. Юность это благословение божье.

— Для некоторых — да. Но для большинства — нет. И не для тебя. Ты проклят, мой подросток. Мы должны очистить тебя. Жажда власти. Жажда секса. Несправедливые обиды, которые копятся. Бегство от реальности. Жажда мести. О да, папаша Фрейд тоже мой идол. За очень небольшую цену мы дочиста отмоем твою доску.

— За какую пену?

---

[61] Примечания: 61
Не так ли? (нем.) (Прим. перев.)

— Увидишь, когда закончим.

Мистер Аквила разложил и расставил чашки Петри и тигли с порошками и жидкостями вокруг беспомощного художника. Отмерил и отрезал фитили нужной длины, аккуратно соединил их с электрическим таймером. Потом подошел к полке, где стояли бутылочки с сывороткой, взял маленький флакон, на кагором стоял номер 5-271-009, набрал содержимое флакона в шприц и очень осторожно сделал Гельсиону укол.

— Начинаем, — сказал он. — Очищение твоих мечтаний. Voite[62].

Потом мистер Аквила включил электрический таймер и спрятался за свинцовый щит. Наступила полная тишина. Неожиданно из спрятанного где-то громкоговорителя на Гельсиона выплеснулась волна черной музыки и чей-то записанный на магнитофон голос затянул невыносимые заклинания. Порошки и жидкости, расставленные вокруг Гельсиона, один за другим начали вспыхивать, и очень скоро художника окружила плотная стена пламени и музыки. Мир с оглушительным грохотом стал вращаться вокруг него…

К нему подошел президент Объединенных На-

---

[62] Примечания: 62
Вот (фр.). (Прим. перев.)

ций. Это был высокий, худощавый, подвижный человек с очень грустным лицом. Он в смятении ломал руки.

— Мистер Гельсион! Мистер Гельсион! Где вы были, мой кексик? Черт возьми. Hoc tempore. Вы знаете, что произошло?

— Нет, — ответил Гельсион. — А что произошло?

— После вашего побега из психушки. Хлоп! Атомные бомбы повсюду. Двухчасовая война. Она окончена. Нога fuglt[63], мой правоверный дружок. Мужчины потеряли способность иметь детей.

— Что?

— Жесткая радиация, мистер Гельсион, сделала мужчин всего мира калеками в некотором смысле. Черт возьми. Вы — единственный мужчина, способный производить потомство. Вне всякого сомнения, причина этого заключается в том, что в вашем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации, которые делают вас не таким, как все. Господи.

— Не может быть.

— Oui. Теперь вашей обязанностью является

---

[63] Примечания: 63
Проходит ужас (лат.). (Прим. перев.)

снова заселить наш мир. Мы сняли для вас номер в «Одеоне». Там три спальни. Три — мое любимое число. Простое.

— Вот так бутерброд! — воскликнул Гельсион. — Я же об этом только и мечтал.

Его путешествие в «Одеон» было самым настоящим триумфом. Его украсили гирляндами цветов, ему пели серенады и приветствовали радостными криками. Обезумевшие от восторга женщины бесстыдно демонстрировали ему себя, надеясь привлечь его внимание. В номере Гельсиона напоили прекрасным вином и отменно накормили. После обеда вошел высокий, худощавый, подвижный человек с очень грустным лицом. В руке он держал список.

— Главный сводник мира к вашим услугам, мистер Гельсион, — сказал он и заглянул в свой список, — Черт возьми. Пять миллионов двести семьдесят одна тысяча девять девственниц претендуют на ваше внимание. Красота гарантирована. Ewig-weibliche[64]. Назовите любое число от одного до пяти миллионов.

— Начнем с рыжей, — сказал Гельсион.

Ему привели рыжую девушку. Стройная маль-

---

[64] Примечания: 64
Идеал женщины *(нем.). (Прим. перев.)*

чишеская фигура, маленькая твердая грудь. Следующая — пухленькая, с совершенно нахальной попкой. Пятая была статной девушкой, чья грудь напоминала африканские груши. Десятая словно сошла с картины Рембрандта. А двадцатая оказалась стройной девушкой с мальчишеской фигурой и маленькой твердой грудью.

— Мы не встречались с тобой раньше? — поинтересовался Гельсион.

— Нет, — ответила она.

Следующая — пухленькая, с совершенно нахальной попкой.

— Твое тело мне знакомо, — сказал Гельсион.

— Нет, — ответила она.

Пятидесятой была статная девушка, чья грудь напоминала африканские груши.

— Это точно? — спросил Гельсион.

— Никогда, — ответила она.

Утром в номер Гельсиона вошел главный сводник мира, держа в руках бокал с напитком, усиливающим половую силу.

— Я этого не употребляю, — сказал Гельсион.

— Черт возьми! — воскликнул сводник. — Вы самый настоящий гигант. Слон. Неудивительно, что вы являетесь всеми любимым Адамом. Tant

soit peu[65]. Неудивительно, что они все плачут от любви к вам. — С этими словами сводник залпом выпил напиток.

— А вы не заметили, что они становятся похожими одна на другую? — пожаловался Гельсион.

— О нет! Они все разные. Parbleu! Вы нанесли оскорбление моему отделу.

— Нет, нет, они все разные, только вот типы начинают повторяться.

— А? Такова жизнь, старичок. Жизнь циклична. Разве вы не заметили, вы же художник?

— Я не думал, что этот принцип относится к любви тоже.

— Он относится ко всему. Wahrheit und Dichtung[66].

— Вы, кажется, говорили, что они плачут?

— Oui. Они все плачут.

— Почему?

— От безумной любви к вам. Черт возьми.

Гельсион подумал о процессии мальчишеских, нахальных, статных, рембрандтовских, худых, рыжих, блондинок, брюнеток, белых, черных и коричневых женщин.

---

[65] Примечания: 65
В каком-то смысле (фр.). (Прим. перев.)

[66] Примечания: 66
Истина и поэзия (нем.). (Прим. перев.)

— Я не заметил, — признался он.

— Обратите на это внимание сегодня, наш всемирный отец. Ну что, начнем?

Сводник сказал правду. Гельсион не заметил этого раньше. Они действительно плакали. Ему это льстило и одновременно угнетало.

— Почему бы вам не посмеяться немного? — спрашивал он.

Но они не хотели или не могли.

Наверху, на крыше «Одеона», во время ежевечерней тренировки Гельсион поинтересовался причинами у своего тренера — высокого, худощавого и подвижного человека с очень грустным лицом.

— А? — переспросил тренер. — Черт возьми. Я не знаю, старина виски с содовой. Возможно, причина в том, что происходящее травмирует их.

— Травмирует? — фыркнул Гельсион. — Почему? Что я такого особенного с ними делаю?

— Ага? Вы шутите, да? Всему миру известно, что вы с ними делаете.

— Нет, я хотел сказать… Как происходящее может их травмировать? Они же все сражаются за то, чтобы попасть ко мне, не так ли? Я что, обманул чьи-нибудь ожидания?

— Загадка. Tripotage[67]. А теперь, возлюбленный всемирный отец, займемся отжиманиями. Вы готовы? Начинайте.

Внизу, в ресторане «Одеона», Гельсион решил расспросить метрдотеля — высокого, худощавого и подвижного человека с очень грустным лицом.

— Мы простые люди, мистер Гельсион. Suo jure[68]. Вы, конечно же, это понимаете. Женщины вас любят, но они знают, что не могут рассчитывать больше чем на одну ночь любви с вами. Черт возьми. Естественно, они разочарованы и расстроены.

— А чего они хотят?

— Того же, чего хочет каждая женщина, мои любезные ворота на запад. Постоянных отношений. Брака.

— Брака!

— Oui.

— Все до единой?

— Oui.

— Ну, хорошо. Я женюсь на всех пяти миллионах двести семьдесят одной тысяче девятерых.

---

[67] Примечания: 67
Темные делишки (фр.). (Прим. перев.)

[68] Примечания: 68
В своем праве (лат.). (Прим. перев.)

Но тут запротестовал главный сводник мира.

— Нет, нет, нет, юный Лохинвар. Черт возьми. Это невозможно. Даже если забыть на время о религиозных препятствиях, существует еще и человеческий фактор. Кто сможет справиться с таким гаремом?

— В таком случае я женюсь на одной.

— Нет, нет, нет. Pensez a moi[69]. Как вы сделаете выбор? На какой из кандидатур остановитесь? При помощи жребия, соломинок или станете бросать монетку?

— Я уже сделал выбор.

— Да? И кто же это?

— Моя девушка, — медленно проговорил Гельсион, — Джудит Филд.

— Так. Ваша любимая?

— Да.

— Она находится в самом конце пятимиллионного списка.

— В моем списке она всегда стояла на первом месте. Я хочу Джудит, — Гельсион вздохнул. — Я помню, как она выглядела на балу изящных искусств… Светила полная луна…

— До двадцать шестого полной луны не ожи-

---

[69] Примечания: 69
Подумайте обо мне *(фр.). (Прим. перев.)*

дается.

— Я хочу Джудит.

— Остальные от зависти разорвут ее на части. Нет, нет, нет, мистер Гельсион, мы должны придерживаться расписания. Одна ночь для каждой девушки, одна ночь, и не больше.

— Я хочу Джудит. Иначе…

— Этот вопрос должен быть обсужден на Совете. Черт возьми.

Вопрос обсуждался на заседании Совета Объединенных Наций дюжиной делегатов — высоких, сухих, подвижных, с очень грустными липами. Было решено позволить Джеффри Гельсиону тайно жениться на одной девушке.

— Но никаких семейных уз, — предупредил его главный сводник мира. — Никакой верности жене. Нужно понимать. Мы не можем отказаться от вашей помощи в выполнении нашей программы. Вы незаменимы.

Счастливицу Джуди Филд привезли в «Одеон». Она была высокой девушкой с темными, коротко подстриженными волосами и прекрасными ногами теннисистки. Гельсион взял ее за руку. Главный сводник мира на цыпочках вышел из номера.

— Здравствуй, милая, — прошептал Гельсион.

Джудит с ненавистью посмотрела на него. У нее были мокрые глаза, а лицо распухло от слез.

— Здравствуй, милая, — повторил Гельсион.

— Если ты дотронешься до меня, Джефф, — задыхаясь, проговорила Джуди, — я тебя убью.

— Джуди!

— Тот омерзительный человек мне все объяснил. Он, кажется, не понял меня, когда я попыталась ему сказать… Я молила Бога о том, чтобы ты умер до того, как придет моя очередь.

— Но я же хочу на тебе жениться, Джуди.

— Я скорее умру, чем соглашусь выйти за тебя замуж.

— Не верю. Мы же любили друг друга целых…

— Ради всех святых, Джефф, любовь для тебя кончилась. Разве ты еще этого не понял? Женщины плачут потому, что они тебя ненавидят. Я тоже тебя ненавижу. Весь мир тебя ненавидит. Ты отвратителен.

Гельсион посмотрел на девушку и по ее глазам понял, что она говорит правду. Он так рассвирепел, что попытался схватить ее, но Джуди отчаянно отбивалась. Они метались по огромному номеру, переворачивая мебель, все больше распаляясь и тяжело дыша. Чтобы положить конец сражению раз и навсегда, Гельсион уда-

рил Джуди Филд своим огромным кулаком. Она отлетела к окну, вцепилась за штору, но ей не удалось удержаться. Пробив спиной стекло, Джули, словно тряпичная кукла, вывалилась из окна четырнадцатого этажа.

Гельсион в ужасе посмотрел вниз. Возле тела Джуди собралась толпа. Поднятые лица. Грозящие кулаки. Возмущенный ропот.

В этот момент в номер влетел сводник.

— Старина! Дружок! — воскликнул он, — Что вы наделали! Per contra[70]. Из этой искры разгорится варварское пламя. Вам угрожает страшная опасность. Черт возьми.

— Они действительно все меня ненавидят?

— Helas, вы узнали правду? Фу, какая несдержанная девчонка. Я же ее предупреждал. Oui. Вас ненавидят.

— Но вы же говорили мне, что меня любят! Новый Адам. Отец нового мира.

— Oui. Вы и есть отец, но какое дитя не испытывает ненависти к своему родителю? Кроме того, вы являетесь законным насильником. А какая женщина не испытывает ненависти к мужчине, которого она должна обнимать против собствен-

---

[70] Примечания: 70

С точностью до наоборот *(лат.). (Прим. перев.)*

ного желания… даже если она делает это, чтобы спасти человечество? Уходим отсюда, да побыстрее, моя хлебная водка. Passim[71] тебе угрожает страшная опасность.

Он потащил Гельсиона к запасному лифту, и они спустились в подвал «Одеона».

— Армия вытащит вас отсюда. Мы немедленно доставим вас в Турцию и постараемся выработать какое-нибудь компромиссное решение.

Высокий, худощавый и грустный армейский полковник взял на себя заботу о Гельсионе. По подземным переходам он вывел его на боковую улицу, где их ждала служебная машина. Полковник втолкнул Гельсиона внутрь.

— Jacta alea est[72],— сказал он водителю, — Гони, мой капрал. Мы должны защитить старину правоверного. В аэропорт. Alors![73]

— Черт возьми, сэр, — ответил капрал.

Он отдал честь и завел мотор. Пока машина на головокружительной скорости мчалась по узким улицам, Гельсион разглядывал водителя. Это

---

[71] Примечания: 71
Повсюду *(лат.). (Прим. перев.)*

[72] Примечания: 72
Жребий брошен *(лат.). (Прим. перев.)*

[73] Примечания: 73
Вперед! *(фр.) (Прим. перев.)*

был высокий, худощавый, подвижный человек с очень грустным лицом.

— Kulturkampf der Menschheit[74],— пробормотал капрал, — Господи!

Улица была перегорожена огромной баррикадой из мебели, перевернутых машин, столбов и урн. Капрал был вынужден нажать на тормоза. Когда он скинул скорость, чтобы сделать разворот, из подворотен, подвалов и магазинов на дорогу выскочило множество женщин. Все они громко вопили. Кое-кто размахивал импровизированными дубинками.

— Excelsior![75] — закричал капрал. — Черт возьми.

Он попытался вытащить свой служебный пистолет из кобуры. Женщины распахнули дверцы автомобиля и вытащили Гельсиона и капрала наружу. Гельсион вырвался и начал пробираться через озверевшую, размахивающую дубинками толпу женщин, потом метнулся к тротуару, споткнулся и с головокружительным поворотом свалился в угольный подвал. Он падал вниз, в бесконечное черное пространство, и у него закру-

---

[74] Примечания: 74
Борьба человечества за культуру *(нем.). (Прим. перев.)*

[75] Примечания: 75
Выше! *(лат.)* — девиз штата Нью-Йорк. *(Прим. перев.)*

жилась голова. Перед глаза проплыла вереница звезд…

Гельсион одиноко парил в пространстве — никем не понятый мученик, жертва жестокой несправедливости.

Он был по-прежнему прикован к тому, что когда-то служило стеной камеры 5, блока № 27, яруса 100, крыла 9 тюрьмы на Каллисто, пока гамма-взрыв не разворотил огромную тюрьму-крепость (больше, чем замок Ив) на несколько частей. Похоже, виновниками взрыва были греши.

Гельсион располагал одеждой заключенного, шлемом, одним баллоном кислорода, мрачной яростью, вызванной несправедливостью, жертвой которой он стал, и знанием секрета, при помощи которого можно было победить грешей с их маниакальным стремлением завоевать Солнечную систему.

Греши — омерзительные мародеры из системы Омикрона, космические дегенераты, тараканоподобные, питающиеся психическим страхом, которым они окутывали сознание людей, устанавливая над ними контроль. Они очень быстро завоевывали галактику: люди не могли им сопротивляться, поскольку эти гнусные существа обладали однокинезисом — способностью одно-

временно находиться в двух местах.

В бесконечном черном склепе космоса медленно, словно падающий метеор, двигалась световая точка. Гельсион понял, что это спасательный корабль, который прочесывает космос в поисках тех, кто уцелел после взрыва. Он подумал о том, хватит ли ржавого света Юпитера, чтобы спасатели смогли его заметить.

«А хочу ли я вообще, чтобы меня спасли?» — подумал он.

— Все начнется сначала, — проворчал Гельсион. — Ложное обвинение робота Балорсена… Несправедливый приговор отца Джудит… Презрение самой Джудит… Снова тюрьма… В конце концов меня уничтожат греши, когда падет последний оплот Земли. Почему бы не умереть сейчас?

Но стоило ему произнести эти слова, как он понял, что обманывает сам себя. Он был единственным человеком, владевшим единственным секретом, который мог спасти Землю и даже целую галактику. Он должен выжить. Он должен бороться за жизнь.

Только неукротимая воля помогла Гельсиону с трудом подняться на ноги, отчаянно сражаясь с душащей его цепью. С несгибаемой силой,

которую он приобрел, работая на каторжных рудниках грешей, он закричал и замахал руками. Маленькое пятнышко света продолжало медленно удаляться от него. Потом Гельсион заметил, как металлическое звено цепи высекло яркую искру из кремневой скалы. Тогда в надежде подать сигнал удаляющемуся спасательному кораблю он пошел на отчаянный риск.

Он отсоединил пластиковый шланг, идущий от баллона с кислородом к пластиковому шлему, и выпустил струю дающего жизнь газа в пустоту. Затем дрожащими руками собрал ножные цепи и ударил ими о скалу рядом с облаком выпущенного кислорода. Вспыхнула искра. Кислород загорелся. Яркий фонтан белого пламени взметнулся на пол мил и вверх.

Стараясь беречь оставшийся в шлеме кислород, Гельсион медленно поворачивал кислородный баллон, перемещая в разные стороны струю пламени, отчаянно пытаясь привлечь к себе внимание спасателей. Воздух в его пластиковом шлеме начал приобретать отвратительный вкус. В ушах зашумело. Перед глазами стали вспыхивать искры. И наконец он потерял сознание…

Когда Гельсион пришел в себя, он лежал на пластиковой койке в каюте космического корабля.

Высокочастотный вой двигателей сразу подсказал ему, что корабль вышел на овердрайв. Гельсион открыл глаза. Перед его пластиковой койкой стояли Балорсен, робот Балорсена и верховный судья Филд со своей дочерью Джудит. Джудит рыдала. Робот был обездвижен пластиковыми магнитными зажимами, и его перекашивало всякий раз, когда генерал Баролсен снова и снова хлестал гада ядерным пластиковым хлыстом.

— Parbleu! Черт возьми! — проскрежетал робот. — Это правда, я действительно подставил Джеффа Гельсиона. Ой! Flux de bouche[76]. Я был космическим пиратом, похитившим космический грузовой корабль. Черт возьми! Ой! Космический бармен в космической таверне был моим сообщником. Когда Джексон разбил космическое такси, я направился в космический гараж и облучил акустическую систему еще *до того,* как Тантиал убил О'Лири. Aux armes[77]. Господи! Ой!

— Вот мы и получили признание, Гельсион, — проскрежетал генерал Балорсен — высокий, худощавый человек с очень грустным лицом, —

---

[76] Примечания: 76
Болтовня *(фр.). (Прим. перев.)*

[77] Примечания: 77
При оружии *(фр.). (Прим. перев.)*

Видит Бог! Are est celare artem[78]. Вы невиновны.

— Я несправедливо осудил вас, мой честный старый друг, — проскрежетал судья Филд — высокий, худощавый человек с очень грустным лицом, — Вы в состоянии простить мою проклятую глупость? Мы приносим вам свои извинения.

— Мы причинили тебе много зла, — прошептала Джудит. — Как ты сможешь простить нас? Но все-таки скажи, что ты нас прощаешь.

— Вы сожалеете о том, как обошлись со мной, — проскрежетал Гельсион. — Но в моем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации, которые сделали меня не таким, как все. Я — тот единственный человек, который знает секрет спасения нашей галактики от грешей.

— Нет, нет, нет, крепкий джин с тоником, — взмолился генерал Балорсен. — Проклятье. Только не держи на нас старых обид. Спаси галактику от грешей.

— Спаси нас, faute de mieux[79], спаси нас, Джефф, — просил судья Филд.

— О пожалуйста, Джефф, пожалуйста, — прошептала Джудит, — Греши со всех сторон, они

---

[78] Примечания: 78
Как искусно скрывается истина *(лат.). (Прим. перев.)*

[79] Примечания: 79
За неимением лучшего (фр.). (Прим. перев.)

подбираются все ближе. Мы отвезем тебя в ООН. Ты должен рассказать Совету, как лишить грешей способности находиться в двух местах одновременно.

Космический корабль вышел из овердрайва и приземлился на Губернаторском острове, где их уже встречала делегация, составленная из мировых знаменитостей. Затем Гельсиона стремительно доставили в зал Генеральной Ассамблеи ООН. Они мчались по странным закругленным улицам, вдоль которых стояли странно закругленные здания, — все эти изменения были произведены, когда было установлено, что греши всегда появляются в углах. На всей Земле не осталось ни одного угла.

Зал Генеральной Ассамблеи был заполнен до отказа, когда вошел Гельсион. Сотни высоких, худощавых дипломатов с очень грустными лицами аплодировали, пока он поднимался на трибуну, все еще одетый в пластиковую полосатую форму заключенного. Гельсион с отвращением огляделся.

— Да, — проскрежетал он. — Вы все аплодируете. Все вы теперь полны благоговения. Но где вы были, когда меня подставили, осудили и засадили в тюрьму… меня, совершенно невинного

человека? Где вы были тогда?

— Гельсион, прости нас. Черт возьми! — закричали они.

— Я не прощу вас. Я семнадцать лет мучился на рудниках грешей. Теперь пришел ваш черед страдать.

— Пожалуйста, Гельсион!

— Где все ваши эксперты? Ваши профессора? Ваши специалисты? Где ваши электронные калькуляторы? Супермыслящие машины? Пусть *они* откроют тайну грешей.

— Они не могут, крепкое виски с содовой. Entre nous[80]. Они в тупике. Спаси нас, Гельсион. Auf wiedersehen[81].

Джудит взяла его за руку.

— Не ради меня, Джефф, — прошептала она. — Я знаю, что ты никогда не простишь меня за ту боль, что я тебе причинила. Но сделай это ради всех девушек в галактике, которые любили и были любимыми.

— Я все еще люблю тебя, Джуди.

— Я всегда любила тебя, Джефф.

— Ладно. Я не хотел ничего им рассказывать,

---

[80] Примечания: 80
Между нами (фр.). (Прим. перев.)

[81] Примечания: 81
До встречи (нем.). (Прим. перев.)

но ты меня уговорила. — Гельсион поднял руку, чтобы восстановить тишину. Среди полного молчания он тихо произнес: — Секрет состоит в следующем, господа. Ваши калькуляторы собирали информацию, чтобы выявить тайную слабость грешей. Они ничего не смогли обнаружить. И как следствие этого, было решено, что таких слабостей у грешей нет. Это неверный вывод.

Генеральная Ассамблея затаила дыхание.

— Вот в чем заключается секрет. Вы должны были сообразить: что-то не в порядке с вашими калькуляторами.

— Черт возьми! — вскричала Генеральная Ассамблея, — Почему мы сами до этого не додумались? Черт возьми!

— И я знаю, в чем заключается неполадка!

Наступила смертельная тишина.

Дверь в зал Генеральной Ассамблеи распахнулась. Профессор Смертишин — высокий, худощавый, с очень грустным лицом — вбежал в зал.

— Эврика! — закричал он. — Я нашел. Черт возьми. Что-то не в порядке с мыслящими машинами. Три идет *после* двух, а не до.

Генеральная Ассамблея огласилась счастливыми криками. Возбужденная толпа схватила

профессора Смертишина и начала радостно тузить его. Открывали бутылки с вином. Пили за его здоровье. На грудь профессора нацепили несколько медалей. Он сиял.

— Эй! — напомнил о себе Гельсион. — Это мой секрет. Я тот человек, в организме которого произошли необъяснимые и загадочные мутации…

Застучал телетайп, и на стене появились огромные буквы:

«ВНИМАНИЕ. ВНИМАНИЕ. ХУШЕНКОВ В МОСКВЕ НАШЕЛ ДЕФЕКТ В КАЛЬКУЛЯТОРАХ. 3 ИДЕТ ПОСЛЕ ЦИФРЫ 2, А НЕ ДО. ПОВТОРЯЕМ: ПОСЛЕ (ПОДЧЕРКИВАЕМ), А НЕ ДО».

В зал вбежал почтальон.

— Специальное сообщение от доктора Жизнитишина. Он сообщает о неисправности мыслящих машин. Три идет после двух, а не наоборот.

Посыльный принес телеграмму:

«МЫСЛЯЩИЕ МАШИНЫ НЕ В ПОРЯДКЕ ТОЧКА ДВА ИДЕТ РАНЬШЕ ТРЕХ ТОЧКА А НЕ ДО ТРЕХ ТОЧКА ФОН МЕЧТАТИШИН ТОЧКА ГЕЙДЕЛЬБЕРГ».

Раздался звон стекла — в окно влетела бутылка. Она упала на пол и разбилась, внутри оказался листок бумага, на котором было нацарапано: «Неужели вы никогда не думали, что, вазможна,

цифер 3 идет после 2 вместо наабарот? Конец Грисчам. Мистер Тишин-Тишин».

Гельсион вцепился в рукав судьи Филда.

— Какого дьявола здесь происходит? — резко спросил он, — Я думал, что на всем свете только я один знаю этот секрет.

— HimmelHerrGott! — нетерпеливо ответил судья Филд. — Вы все одинаковы. Мечтаете, что на всем свете вы — единственный человек, знающий секрет, что вы единственный человек, претерпевший несправедливость, с девушкой или без девушки, с чем-нибудь или без всего. Черт возьми. Вы мне надоели, люди с мечтой о своей уникальности. Проваливай.

Судья Филд оттолкнул Гельсиона в сторону. Генерал Балорсен оттолкнул его обратно. Джудит Филд не обращала на него внимания. Робот Бапорсена незаметно подтолкнул его в угол толпы, где грсш, одновременно находящийся в углу, где толпились люди на Нептуне, сделал с Гельсионом нечто невероятное, такое, что и словами невозможно описать, и исчез вместе с несчастным, который начал судорожно вырываться, кричать и рыдать, погрузившись в ужас — изысканное блюдо для греша и пластиковый кошмар для Гельсиона…

Его разбудила мать, положив кошмару конец.

— В следующий раз, — сказала она, — не будешь по ночам таскать бутерброды с ореховым маслом, Джеффри.

— Мама?

— Да, тебе пора вставать, дорогой, ты опоздаешь в школу.

Она вышла из комнаты. Гельсион огляделся по сторонам.

Потом посмотрел на себя. Это было правдой. Правдой! На него снизошло изумительное понимание. Его мечта осуществилась. Ему снова было десять лет, и он находился в теле десятилетнего ребенка, в доме, где прошло его детство, в жизни, которую он уже один раз прожил, когда учился в школе. Только теперь он располагал знаниями, опытом и мудростью тридцатитрехлетнего мужчины.

— О радость! — вскричал он, — Меня ждет триумф. Триумф!

Он будет школьным гением. Он удивит своих родителей, поразит учителей, потрясет экспертов. Он получит стипендию. Покончит с издевательствами этого типа Реннехана, который вечно над ним измывался. Он возьмет напрокат пишущую машинку и напишет все знаменитые пьесы,

рассказы и романы, которые помнит. Теперь он воспользуется той упущенной возможностью с Джуди Филд возле мемориала в парке Ишам. Он украдет изобретения и открытия, станет основателем новых производств, будет делать ставки на тотализаторе, играть на бирже. К тому времени, когда ему исполниться тридцать три, он станет хозяином всего мира.

Гельсион с трудом оделся — забыл, где что лежит. С трудом съел свой завтрак. Сейчас было не время объяснять матери, что он привык начинать день с чашечки ирландского кофе. Ему страшно не хватало утренней сигареты. И он не имел ни малейшего представления о том, где лежат его учебники. Мать с трудом выпроводила его из дому.

— На Джеффа сегодня опять нашла придурь, — пробормотала она. — Надеюсь, день пройдет спокойно.

День начался с того, что Реннехан ждал его в засаде возле входа для мальчиков. В воспоминаниях Гельсиона он был большим грубым хулиганом со свирепым выражением лица. Сейчас он с изумлением обнаружил тощее, затравленное и одновременно агрессивное существо, в которое словно вселился дьявол.

— Послушай, ты же не испытываешь ко мне никакой враждебности, — воскликнул Гельсион, — Ты всего лишь запутавшийся мальчишка, который пытается что-то доказать.

Реннехан ударил его.

— Знаешь, малыш, — ласково сказат Гельсион. — На самом деле тебе очень хочется дружить со всем светом. Ты просто чувствуешь себя неуверенно. И поэтому вынужден драться.

Психоаналитический сеанс, проведенный Гельсионом для Реннехана, оставил того равнодушным. Он нанес еще один удар. Было больно.

— Да оставь ты меня в покое, — проговорил Гельсион — Нои доказывай, какой ты сильный, кому-нибудь другому.

Двумя быстрыми движениями Реннехан выбил книжки из рук Гельсиона и одновременно расстегнул молнию у него на штанах. Не оставалось ничего другого, как драться. Двадцать лет смотрения фильмов с будущим Джо Луисом не принесли Гельсиону никакой пользы. Реннехан крепко отделал его. К тому же Гельсион опоздал в школу. Вот сейчас ему представится возможность поразить своих учителей.

— Дело в том, — объяснил он мисс Ральф, которая преподавала в пятом классе, — что у меня

была стычка с невротиком. Я, конечно, могу справиться с его левым хуком, но вот отвечать за навязчивые идеи не могу.

Мисс Ральф дала ему пощечину и отправила к директору с запиской, в которой сообщалось о неслыханной наглости Гельсиона.

— Единственное, о чем никто не знает в этой школе, — сказал Гельсион мистеру Снайдеру, — это психоанализ. Как вы можете изображать из себя компетентных учителей, если вы не…

— Грязный мальчишка! — сердито перебил его мистер Снайдер — высокий, худощавый мужчина с очень грустным лицом. — Так значит, ты читал грязные книжки, да?

— А что грязного в книгах Фрейда?

— Кроме того, ты грязно ругался, да? Тебе нужно преподать хороший урок, потому что ты гнусное маленькое животное.

Гельсиона отправили домой с запиской, требующей немедленной встречи с его родителями по поводу исключения Джеффри из школы в связи с тем, что он нуждается в немедленном переводе в исправительно-трудовую колонию.

Вместо того чтобы пойти домой, он отправился к газетному киоску, чтобы просмотреть газеты на предмет событий, на которые можно было

бы сделать ставку. Заголовки пестрели сообщениями о будущих скачках. Только вот кто, черт побери, выиграл их? Кто победил в промежуточных заездах?

Джеффри никак не мог вспомнить. А что насчет акций на бирже? Про это он тоже ничего не помнил. Когда он был мальчишкой, эти вопросы его не слишком интересовали, так что в памяти ничего и не осталось.

Он попытался проникнуть в библиотеку, чтобы кое-что уточнить. Библиотекарь — высокий, худощавый, с очень грустным лицом — не пустил его, сообщив, что час для детей еще не наступил. Тогда Гельсион начал слоняться по улицам. И отовсюду его прогоняли высокие, худощавые взрослые с очень грустными лицами. Он начал понимать, что у десятилетнего мальчика совсем немного возможностей поразить мир.

Когда наступило время ланча, Джеффри встретил у школы Джуди Филд и проводил ее до дому. Он был смущен ее шишковатыми коленками и длинными черными локонами. Кроме того, ему не понравилось, как от нее пахнет. Зато ему куда больше понравилась ее мать, которая живо напомнила Гельсиону ту Джуди, образ которой запечатлелся в его памяти. Он немного забылся

в разговоре с миссис Филд и сделал одну или две вещи, которые возмутили ее. Она выставила Джеффри из дома, а потом позвонила его матери и говорила с ней дрожащим от негодования голосом.

Гельсион направился к берегу реки Гудзон и болтался возле причала для парома до тех пор, пока его не прогнали и оттуда. Тогда он направился в магазин канцелярских принадлежностей, чтобы узнать, где можно взять напрокат пишущую машинку, — и из магазина его тоже выставили. Гельсион принялся искать место, где бы он мог спокойно посидеть, подумать, спланировать свои дальнейшие действия, может быть, начать вспоминать какой-нибудь рассказ, пользовавшийся успехом. Однако найти такое место, где маленький мальчик мог бы спокойно посидеть, не удалось.

Он проскользнул к себе домой в половине пятого, бросил книги у себя в комнате, стащил сигарету и собрался убежать куда-нибудь, когда увидел, что отец и мать поджидают его. Мать выглядела потрясенной. Отец был худощавым и очень грустным.

— А, — сказал Гельсион, — наверное, звонил Снайдер. Я совсем об этом забыл.

— Мистер Снайдер, — поправила мать.

— И миссис Филд, — добавил отец.

— Послушайте, — начал Гельсион. — Нам следует во всем этом разобраться. Вы можете меня послушать несколько минут? Я должен сообщить вам нечто удивительное, и нам надо спланировать нашу дальнейшую деятельность. Я…

Тут он завопил от боли. Отец схватил Джеффри за ухо и потащил из гостиной. Родители никогда не слушают, что говорят им дети. Даже в течение нескольких минут. Они их совсем не слушают.

— Пап… Только одну минутку… Пожалуйста! Я пытаюсь объяснить. На самом деле мне совсем не десять лет. Мне тридцать три. Произошел скачок во времени, понимаешь? В моем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации…

— Черт тебя побери! Заткнись! — закричал отец.

Боль, которую причиняли ему большие руки отца, и едва сдерживаемая ярость в его голосе заставили Гельсиона замолчать. Он молча позволил отцу пройти с ним четыре квартала до школы и подняться на второй этаж в кабинет мистера Снайдера, где их уже поджидали школьный психолог и директор. Психолог был высоким, худощавым мужчиной с грустным лицом.

— О да, да, — сказал психолог. — А вот и наш маленький дегенерат. Наше Лицо со Шрамом, наш Аль Капоне, да? Пойдем, отведем его в клинику, а там уж я возьму его journal intime[82]. Будем надеяться на лучшее. Nisi prius[83]. Он не может быть совсем уж плохим.

Психолог взял Гельсиона за руку. Гельсион вырвал руку и сказал:

— Вы ведь взрослый умный человек. Вы послушаете меня. У моего отца возникли эмоциональные проблемы, которые ослепляют его до…

Отец с размаху врезал ему в ухо, схватил за плечи и толкнул обратно к психологу. Гельсион разрыдался. Психолог вывел мальчика из кабинета директора, и они направились в маленький школьный изолятор. У Гельсиона началась истерика. Он весь дрожал от разочарования и ужаса.

— Неужели никто не выслушает меня? — рыдал он. — Неужели никто не попытается понять? Неужели мы все именно так обращаемся с детьми? Неужели всем детям приходится пройти через такие мучения?

— Осторожно, моя колбаска, — пробормотал

---

[82] Примечания: 82
Личный дневник (фр.). (Прим. перев.)

[83] Примечания: 83
Если бы это был первый раз (лат.). (Прим. перев.)

психолог. Он засунул в рот Гельсиона таблетку и заставил запить ее водой.

— Вы чертовски безжалостны, — рыдал Гельсион. — Вы не пускаете нас в свой мир, но сами все время вторгаетесь в наш. Если вы нас совсем не уважаете, почему бы вам не оставить нас в покое?

— А, кажется, ты начал понимать, — ответил психолог. — Мы — две разные породы животных, дети и взрослые. Черт возьми. Я буду говорить с тобой откровенно. Les absents ont toujours tort[84]. Разумы никогда не встречаются. Господи. Нет ничего, кроме войны. Именно поэтому все дети вырастают, ненавидя собственное детство, а потом ищут возможность для мести. Но месть никогда не приходит. Pari mutiel[85]. Как может быть иначе? Может ли кошка оскорбить короля?

— Это… от… отвратительно, — пролепетал Гельсион. Таблетка быстро начинала действовать, — Мир полон мерзости. В нем масс… онфликг… оскорлений… не разрешить… не отом… тить… Словно кто-то… играет… с на… Глупо, а?

Чувствуя, как его окутывает тьма, Гельсион

---

[84] Примечания: 84
Отсутствующие всегда неправы *(фр.). (Прим. перев.)*

[85] Примечания: 85
Тотализатор *(фр.). (Прим. перев.)*

услышал веселое хихиканье психолога, но никак не мог понять, что того так развеселило.

Он взял лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, очень грустным, но подвижным человеком.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

— Стало быть, правильно, — ответил Гельсион. — Ты и копай ей живей могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

— Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

— Состояние и постановили.

Они начали копать могилу. Первый шут обдумал ситуацию, а потом сказал:

— Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намерением. Тогда это дело троякое. Одно — я его сделал, другое — привел в исполнение, третье — совершил. С намерением она, значит, и утопилась.

— Ишь ты как, кум гробокопатель…[86] — начал Гельсион.

---

[86] Примечания: 86

Эпизод соответствует первой сцене пятого акта пьесы У. Шекспира «Гамлет». Текст дан в переводе Бориса Пастернака. *(Прим. перев.)*

— Отвяжись, — перебил его первый шут и начал занудно распространяться все на ту же тему: законно — незаконно. Потом он быстро повернулся и выдал несколько профессиональных шуток. Наконец Гельсиону удалось от него отделаться, и он отправился в таверну к Иогану, чтобы немного выпить. Когда он вернулся, первый шут шутил на профессиональные темы с двумя джентльменами, которые забрели на кладбище. Один из них поднял шум из-за какого-то черепа.

Появилась похоронная процессия: гроб, брат умершей девушки, король и королева, их свита и священники. Девушку похоронили, и брат девушки начал ссориться возле могилы с одним из джентльменов. Гельсион не обратил на них никакого внимания. Он заметил девушку — с коротко подстриженными темными волосами и красивыми ногами. Он подмигнул ей. Она подмигнула ему в ответ. Гельсион стал подбираться поближе, бросая ей выразительные взгляды и получая не менее выразительные взгляды в ответ.

Потом он взял свою лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, подвижным человеком с очень грустным лицом.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански,

ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

— Стало быть, правильно, — ответил Гельсион. — Ты и копай ей живей могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

— Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

— А ты разве не спрашивал меня об этом раньше? — поинтересовался Гельсион.

— Заткнись, старина правоверный. Отвечай на вопрос.

— Я могу поклясться, что это уже происходило раньше.

— Черт возьми. Ты будешь отвечать? Господи.

— Состояние и постановили.

Они начали копать могилу. Первый шут обдумал ситуацию и начал занудно распространяться все на ту же тему: законно — незаконно. Потом он быстро повернулся и выдал несколько профессиональных шуток. Наконец Гельсиону удалось от него отделаться, и он отправился в таверну к Иогану, чтобы немного выпить. Вернувшись, он увидел двоих незнакомцев возле могилы, а потом появилась похоронная процессия.

Он заметил девушку — с коротко подстрижен-

ными темными волосами и красивыми ногами. Он подмигнул ей. Она подмигнула ему в ответ. Гельсион стал подбираться поближе, бросая ей выразительные взгляды и получая не менее выразительные взгляды в ответ.

— Как вас зовут? — прошептал он.

— Джудит, — ответила девушка.

— Твое имя вытатуировано на моем теле, Джудит.

— Вы лжете, сэр.

— Я могу доказать это, мадам. Я покажу вам, где мне сделали татуировку.

— Ну и где же?

— В таверне Иогана. Ее сделал мне матрос с корабля «Золотая деревенщина». Вы пойдете со мной туда сегодня?

Прежде чем она ему ответила, он взял свою лопату и последовал за первым шутом на кладбище. Первый шут был высоким, худощавым, подвижным человеком с очень грустным лицом.

— Ради всех святых! — пожаловался Гельсион. — Могу поклясться, что это уже происходило раньше.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил первый шут.

— Я совершенно уверен в том, что мы все это уже обсуждали.

— Ты ответишь на мой вопрос?

— Послушай, — настаивал на своем Гельсион, — Может быть, я и свихнулся, но ведь вполне может быть, что и нет. У меня такое странное ощущение, будто все это уже происходило раньше. Все кажется таким нереальным. Жизнь кажется мне такой нереальной.

Первый шут покачал головой.

— HimmelHerrGott, — пробормотал он. — Именно этого я и боялся. В твоем организме произошли необъяснимые и загадочные мутации, которые делают тебя не таким, как все, ты идешь по самому краю обрыва. Ewigkeit![87] Отвечай на вопрос.

— Если я ответил на него один раз, значит, я уже ответил на него сто раз.

— Старина ветчина с яйцами, — взорвался первый шут, — ты ответил на вопрос пять миллионов двести семьдесят одна тысяча девять раз. Черт возьми. Отвечай еще раз.

— Зачем?

— Потому что ты должен. Pot au feu[88]. Это наша

---

[87] Примечания: 87
Вечность! *(нем.) (Прим. перев.)*

[88] Примечания: 88
Котел с говядиной *(фр.). (Прим. перев.)*

жизнь, и мы должны ее прожить.

— Ты называешь это жизнью? Все время делать одно и то же? Говорить одно и то же? Подмигивать девушкам и не иметь возможности продвинуться ни на шаг дальше?

— Нет, нет, нет, мой миленький. Не задавай лишних вопросов. Это заговор, которому мы не смеем противиться. Каждый человек живет такой жизнью. Все люди только и делают, что изо дня в день повторяют свои слова и поступки. Спасения нет.

— Почему нет спасения?

— Я не смею тебе этого открыть. Не смею. Vox populi[89]. Все, кто задавал такие вопросы, исчезли. Это заговор. Я боюсь.

— Боишься чего?

— Наших хозяев.

— Что? Мы кому-то принадлежим?

— Si. Ach, ja![90] Все мы, юный мутант. Реальности не существует. Не существует ни жизни, ни свободы, ни воли. Черт возьми. Неужели ты не понял? Мы все… Мы все персонажи из книги. Когда кто-то читает книгу, мы исполняем наши пляски;

---

[89] Примечания: 89
Глас народа *(лат.). (Прим. перев.)*

[90] Примечания: 90
Да. О да! *(ит., нем.) (Прим. перев.)*

когда книгу берут в руки еще раз, мы начинаем танцевать снова. E pluribus unum[91]. А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства?

— Что ты такое говоришь? — в ужасе выкрикнул Гельсион. — Мы что, марионетки?

— Отвечай на вопрос.

— Если нет свободы, нет свободной воли, почему же мы тогда с тобой сейчас вот так разговариваем?

— Тот, кто читает эту книгу, задумался о своем, моя столица Дакоты. Idem est[92]. Отвечай на вопрос.

— Не стану. Я собираюсь восстать. Я больше не буду плясать на потеху наших хозяев. Я найду лучшую жизнь… Я найду реальность.

— Нет, нет! Это безумие, Джеффри! Cul-de-sac![93]

— Нам нужен храбрый лидер. Остальные последуют за нами. Мы разобьем вдребезги заговор, который сковал нас цепями несвободы!

---

[91] Примечания: 91
Большинством голосов *(лат.). (Прим. перев.)*

[92] Примечания: 92
К тебе это тоже относится (лат.). (Прим. перев.)

[93] Примечания: 93
Тупик! (фр.) (Прим. перев.)

— Это невозможно. Не лезь на рожон. Отвечай на вопрос.

Вместо ответа Гельсион взял свою лопату и со всей силы треснул первого шуга по голове, который, казалось, этого даже не заметил.

— А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она самовольно добивалась вечного блаженства? — спросил он.

— Восстание! — завопил Гельсион и снова ударил шуга лопатой по голове.

Шут запел. Появились два джентльмена. Один из них сказал:

— Неужели он не сознает своей работы, что поет за рытьем могилы?

— Восстание! Следуйте за мной! — выкрикнул Гельсион и с размаху ударил джентльмена лопатой по голове. Тот, казалось, этого даже не заметил. Он болтал со своим другом и первым шутом. Гельсион метался, словно дервиш, нанося бесконечные удары лопатой. Один из джентльменов поднял череп и начал философствовать по поведу какого-то человека по имени Иорик.

Появилась похоронная процессия. Гельсион атаковал и ее — он бросался из стороны в сторону, неуклюже вертелся вокруг собственной оси, двигаясь точно во сне.

— Прекратите читать книгу, — кричал он. — Выпустите меня с ее страниц. Вы слышите? Прекратите читать книгу! Лучше мне оказаться в собственном мире. Отпустите меня!

Раздались оглушительные раскаты грома, словно кто-то с шумом захлопнул книгу. А в следующее мгновение Гельсион уже перенесся в третий пояс седьмого круга Ада Четырнадцатой Песни «Божественной Комедии», где согрешившие против искусства были наказаны тем, что «на них медленно спадал дождь пламени, широкими платками, как снег в безветрии нагорных скал». Там Гельсион отчаянно вопил и доставил кому нужно достаточно удовольствия. Только после этого ему было позволено сочинить свой собственный текст… и он создал новый романтичный мир, мир своих грез.

Он был последним человеком на Земле.

Он был последним человеком на Земле — и он выл.

Холмы, долины, горы и реки — все это принадлежало ему, и только ему, а он выл.

Пять миллионов двести семьдесят одна тысяча девять домов готовы были предоставить ему свой кров, он мог лечь в пять миллионов двести семьдесят тысяч девять постелей. Он мог войти

в любой магазин. Все драгоценности мира были в его распоряжении: игрушки, инструменты, развлечения, роскошь; все, что необходимо для жизни, — все принадлежало последнему человеку на Земле, который выл.

Он вышел из загородного особняка в Коннектикуте; с отчаянным воем перебрался в Вестчестер; продолжая выть, побежал на юг вдоль бывшего шоссе Хендрика Хадсона; воя, пересек мост и попал в Манхэттен; не забывая выть, помчался в центр города мимо одиноких небоскребов, универсальных магазинов, увеселительных заведений. С оглушительным, нечеловеческим воем он несся по Пятой авеню и на углу Пятидесятой улицы увидел человеческое существо.

Она была живая, она дышала — красивая женщина, высокая, с коротко подстриженными темными волосами и стройными длинными ногами. На ней была белая блузка, тигровые бриджи и патентованные кожаные сапожки. В руке она держала ружье. На боку у нее был прикреплен револьвер. Она ела жаркое с помидорами прямо из банки и изумленно таращилась на Гельсиона.

— Я думала, что я последнее человеческое существо на Земле, — сказала она.

— Ты последняя женщина, — взвыл Гельси-

он, — А я последний мужчина. Ты случайно не зубной врач?

— Нет, — ответила женщина, — Я дочь несчастного профессора Филда, который с самыми лучшими намерениями задумал поэкспериментировать с ядерным распадом, но эксперимент не получился, и в результате все человечество, за исключением тебя и меня, исчезло с лица земли. Причина, вероятно, заключается в том, что в наших организмах произошли какие-то необъяснимые и загадочные мутации, сделавшие нас не такими, как все, — мы последние представители старой цивилизации и первые представители новой.

— Разве твой отец не научил тебя зубоврачебному делу?

— Нет, — ответила она.

— Тогда одолжи мне на минутку свое оружие.

Девушка вынула из кобуры револьвер и протянула его Гельсиону, которого все время держала под прицелом своего ружья. Гельсион взвел курок.

— Жаль, что ты не зубной врач, — сказал он.

— Я красивая женщина, коэффициент моего умственного развития сто сорок один, что гораздо важнее для возникновения новой расы прекрас-

ных людей, которые будут владеть новой зеленой Землей, — сказала она.

— С моими зубами это невозможно, — взвыл Гельсион.

Он приставил курок к виску и вышиб себе мозги.

Когда он пришел в себя, голова раскалывалась. Он лежал на выложенном плитками возвышении, рядом со стулом, а его ушибленный висок касался холодного пола. Мистер Аквила появился из-за свинцового экрана и включил вентилятор, чтобы освежить воздух.

— Браво, почки с луком, — весело сказал он. — Последнее ты придумал самостоятельно, да? Не нуждался ни в чьей помощи. Meglio tarde che mai[94]. Правда, ты с таким грохотом и так неожиданно свалился, что я не успел тебя поймать. Черт возьми.

Он помог Гельсиону подняться и провел его в кабинет, где усадил в бархатное кресло и дал в руку рюмку с коньяком.

— Отсутствие наркотиков гарантировано. Noblesse oblige[95]. Только самый лучший spiritus

---

[94] Примечания: 94
Лучше поздно, чем никогда *(ит.). (Прим. перев.)*

[95] Примечания: 95
Положение обязывает *(фр.). (Прим. перев.)*

fiumenti[96]. Ну что, обсудим, чего нам удалось добиться? Господи.

Мистер Аквила уселся за свой рабочий стол, по-прежнему очень бодрый и грустный. Ласково посмотрел на Гельсиона.

— Человек живет в соответствии со своими решениями, n'est-ce pas? — начал он. — Согласимся с этим, oui? В течение жизни ему приходится принять пять миллионов двести семьдесят одну тысячу девять решений. Peste![97] Это простое число? N'importe[98]. Ты со мной согласен?

Гельсион кивнул.

— Итак, кофе с булочками, именно мудрость этих решений и определяет, стал ли человек взрослым, или он до сих пор ребенок. Nicht wahr? Malgrd nous[99]. Но человек не может начать принимать взрослые решения, пока он не очистится от детских фантазий. Черт возьми. Эти фантазии. Они должны исчезнуть.

---

[96] Примечания: 96
Хлебный спирт *(лат.). (Прим. перев.)*

[97] Примечания: 97
Чума! *(фр.) (Прим. перев.)*

[98] Примечания: 98
Не имеет значения *(фр.). (Прим. перев.)*

[99] Примечания: 99
Невзирая на нас *(фр.). (Прим. перев.)*

— Нет, — медленно проговорил Гельсион. — Именно мечты и фантазии создают мое искусство… я превращаю их в линии и цвет…

— Черт возьми! Да. Я согласен. Maitre d'hotel![100] Взрослые, а не детские фантазии. Детские мечты. Pfui![101] Они присущи всем людям… Оказаться последним человеком на Земле и владеть ею… Быть единственным мужчиной, способным к деторождению, и владеть женщинами… Вернуться в прошлое, имея преимущество взрослых знаний и достижений… Спрятаться от реальности в выдуманном мире… Бежать от ответственности, придумав, что была совершена чудовищная несправедливость, стать мучеником, но чтобы конец обязательно оказался счастливым… Есть тысячи других фантазий, таких же популярных и таких же пустых и никчемных. Господи благослови папашу Фрейда и его весельчаков. Он придает этим глупостям такое значение! Sic semper tyrannis[102]. Изыди!

— Но если эти фантазии посещают всех, они не

---

[100] Примечания: 100
Метрдотель! (фр.) (Прим. перев.)

[101] Примечания: 101
Тьфу! (нем.) (Прим. перев.)

[102] Примечания: 102
Вот так всегда у тиранов (лат.). (Прим. перев.)

могут быть плохими, не так ли?

— Черт возьми. У всех, кто жил в четырнадцатом веке, были вши. Ты считаешь, что это хорошо? Нет, мой юный, эти мечты — для детей. Слишком многие взрослые люди по-прежнему остаются детьми. Именно вы, художники, должны вывести их из тупика, точно так же, как я вывел из тупика тебя. Я очистил тебя, теперь ты должен помочь очиститься им.

— Почему вы это сделали?

— Потому что я в тебя верю. Sic vos пол vobis[103]. Тебе придется совсем нелегко. Дорога будет длинной и трудной. Ты узнаешь, что такое одиночество.

— Мне кажется, я должен испытывать благодарность, — проворчал Гельсион, — ноя чувствую… ну… я чувствую себя опустошенным. Обманутым.

— О да. Черт возьми. Если ты достаточно долго жил с язвой желудка, тебе будет ее не хватать после операции. Ты прятался в своей язве. А я отнял у тебя твое убежище. Значит, ты чувствуешь, что тебя обманули. Подожди! Скоро ты почувствуешь, что тебя обманули еще больше. Помнишь,

---

[103] Примечания: 103
Так вы не для себя (лат.). (Прим. перев.)

я говорил, что тебе придется заплатить. Ты это сделал. Гляди.

Мистер Аквила поднес к лицу Гельсиона ручное зеркало. Тот бросил в зеркало один взгляд и уже больше не смог отвести глаз. На него смотрело лицо пятидесятилетнего мужчины, морщинистое, жесткое и решительное. Гельсион вскочил на ноги.

— Спокойно, спокойно, — наставлял мистер Аквила. — Не так уж все и плохо. Наоборот — все просто отлично. Тебе по-прежнему тридцать три года по физическому состоянию. Ты не потерял ни дня своей жизни… только всю юность. Так с чем же ты расстался? С хорошеньким личиком, необходимым для завлечения молоденьких девочек? Именно это повергло тебя в такое расстройство?

— Боже мой! — вскричал Гельсион.

— Ладно. Продолжай сохранять спокойствие, сын мой. Вот ты стоишь передо мной, ты прошел ритуал очищения, потерял иллюзии, чувствуешь себя несчастным, ты смущен, ведь ты уже ступил одной ногой на дорогу, ведущую к зрелости. Хотел бы ты, чтобы это произошло, или нет? Si. Я могу это сделать. Всего этого могло бы и не

случиться. Spurlos versenkt[104]. Остается десять секунд до твоего спасения. Ты можешь получить обратно свое хорошенькое личико. Ты можешь снова оказаться в плену. Можешь вернуться в безопасностъ материнской утробы… снова стать ребенком. Хочешь ли ты этого?

— Вы не в состоянии этого сделать.

— Sauve qui peut[105], моя вершина славы. В состоянии. Нет конца полосе частот в пятнадцать тысяч ангстрем.

— Будьте вы прокляты! Вы Сатана? Люцифер? Только дьявол может иметь такую власть.

— Или ангелы, старина.

— Но вы не похожи на ангела. Вы похожи на Сатану.

— Да? Ха-ха-ха. Но до того, как он пал, Сатана тоже был ангелом — с большими связями наверху. Да и не следует забывать о семейном сходстве. Черт возьми. — Мистер Аквила перестал смеяться. Он наклонился над столом, и его лицо утратило оживленность. Осталась лишь печаль. — Должен ли я сказать тебе, кто я такой, мой цыпленочек? Следует ли мне объяснить, почему

---

[104] Примечания: 104
Бесследно исчезнуть (нем.). (Прим. перев.)

[105] Примечания: 105
Спасает тот, кто может (фр.). (Прим. перев.)

один неосторожный взгляд этой физии может отбросить тебя за грань, откуда нет возврата?

Гельсион, не в силах говорить, только кивнул.

— Я мерзавец, паршивая овца, шалопай, подлец. Я эмигрант. Да. Черт возьми! Я эмигрант. — Глаза мистера Аквилы превратились в раны, — По вашим стандартам я великий человек с безграничной властью и полный разнообразия. Таким представлялся эмигрант из Европы наивным жителям пляжей Таити. Да? Таким я представляюсь тебе, когда в поисках скромных развлечений посещаю звездные пляжи с маленькой надеждой скрасить долгие, одинокие годы моей ссылки…

— Я плохой. — Голос мистера Аквилы наполнился леденящим отчаянием. — Я отвратительный. На моей родине нет такого места, где меня могли бы терпеть. Мне платят, чтобы я не возвращался. Иногда наступают такие моменты, когда я, потеряв осторожность, забываюсь — и тогда болезненное отчаяние наполняет мои глаза и вселяет ужас в ваши невинные души. Как это происходит сейчас с тобой. Да?

Гельсион снова кивнул.

— Я поведу тебя. Именно ребенок в Солоне Аквиле привел к той болезни, которая разрушила его жизнь. Oui. Я тоже страдаю от детских фантазий, с

которыми никак не могу расстаться. Не совершай той же ошибки. Прошу тебя… — Мистер Солон Аквила посмотрел на часы и вскочил на ноги. К нему сразу вернулась живость, — Господи. Уже поздно. Пришло время на что-нибудь решаться, крепкое виски с содовой. Ну, какое ты принял решение? Старое лицо? Хорошенькая мордашка? Реальность мечты или мечта о реальности?

— Так сколько раз, вы говорили, нам приходится принимать решения?

— Пять миллионов двести семьдесят одну тысячу и девять раз. Плюс-минус тысячу. Черт возьми.

— А для меня это которое?

— Что? Verite sans peur[106]. Два миллиона шестьсот тридцать пять тысяч и четыре… экспромт.

— Но это очень серьезное решение.

— Они все очень серьезные.

Мистер Аквила подошел к двери, положил руку на кнопки какого-то сложного переключателя и бросил взгляд на Гельсиона.

— Voili tout[107],— сказал мистер Аквила, — Это

---

[106] Примечания: 106
Истина без страха (фр.). (Прим. перев.)

[107] Примечания: 107
Вот и все (фр.). (Прим. перев.)

твое решение.

— Я выбираю тяжелый путь, — решил Гельсион.

УБИЙСТВЕННЫЙ ФАРЕНГЕЙТ

© Перевод В. Баканова

Он не знает, кто из нас теперь я, но мы знаем одно: нужно быть самим собой. Жить своей жизнью и умереть своей смертью.

Рисовые поля Парагона-3 простираются на сотни миль. Огромная шахматная доска: синяя и бурая мозаика под огненно-оранжевым небом. По вечерам, словно дым, наплывают облака, шуршит и шепчет рис.

В тот вечер, когда мы улетели с Парагона, длинной цепочкой растянулись по полям люди. Они были напряжены, молчаливы, вооружены; ряд угрюмых силуэтов под низким небом. У каждого на запястье мерцал видеоэкран. Переговаривались они изредка, кратко, обращаясь сразу ко всем.

— Здесь ничего.

— Где «здесь»?

— Поля Дженсона.

— Вы слишком уклонились на запад.

— Кто-нибудь проверял участок Гримсона?

— Да. Ничего.

— Она не могла зайти так далеко.

— Ее могли отнести.

— Думаете, она жива?

Так, перебрасываясь фразами, мрачная линия медленно передвигалась к багрово-дымному садящемуся солнцу. Шаг за шагом, час за часом — цепочка мерцающих в темноте бриллиантов.

— Тут чисто.

— Ничего здесь.

— Ничего.

— Участок Аллена?

— Проверяем.

— Может, мы се пропустили?

— У Аллена нет.

— Черт побери! Мы должны найти ее!

— Вот она. Сектор семь.

Линия замерла. Бриллианты вмерзли в черную жару ночи.

Экраны показывали маленькую фигурку, лежащую в грязной луже. Рядом стоял столб с именем владельца участка: «Вандальер». Мерцающие огоньки превратились в звездное скопление — сотни мужчин собрались у крошечного тела девочки. На ее горле виднелись отпечатки. Невинное лицо было изуродовано, запекшаяся кровь твердой корочкой хрустела на одежде.

— Мертва по крайней мере часа три-четыре.

Один мужчина нагнулся и указал на пальцы ребенка. Под ногтями были кусочки кожи и капельки яркой крови.

— Почему кровь не засохла?

— Странно.

— Кровь не сворачивается у андроида.

— У Вандальера есть андроид.

— Она не могла быть убита андроидом.

— У нее под ногтями кровь андроида.

— Но андроиды не могут убивать. Они так устроены.

— Значит, один андроид устроен неправильно.

Термометр в тот день показывал 92,9 градуса славного Фаренгейта.

И вот мы на борту «Королевы Парагона», направляющейся на Мегастер-5. Джеймс Вандальер и его андроид. Джеймс Вандальер считал деньги и плакал. Вместе с ним в каюте второго класса находился андроид, великолепное синтетическое создание с классическими чертами лица и большими голубыми глазами. На его лбу рдели буквы «СР» — это был один из дорогих саморазвивающихся андроидов, стоящий пятьдесят семь тысяч долларов по текущему курсу. Мы плакали, считали и спокойно наблюдали.

— Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать сотен долларов, — всхлипывал Вандальер. — И все! Шестнадцать сотен долларов! Мой дом стоил десять тысяч, земля — пять. А еще мебель, машины, самолет… Шестнадцать сотен долларов! Боже!

Я вскочил из-за стола и повернулся к андроиду. Я взял ремень и начал бить его. Он не шелохнулся.

— Я должен напомнить вам, что стою пятьдесят семь тысяч, — сказал андроид. — Я должен предупредить вас, что вы подвергаете опасности ценное имущество.

— Ты проклятая сумасшедшая машина! — закричал Вандальер. — Что в тебя вселилось? Почему ты это сделал?

Он продолжал бить андроида.

— Я должен напомнить вам, — произнес андроид, — что каюты второго класса не имеют звукоизоляции.

Вандальер выронил ремень и так стоял, судорожно дыша, глядя на существо, которым владел.

— Почему ты убил ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответил я.

— Началось все с пустяков. Мне следовало догадаться еще тогда. Андроиды не могут портить и

разрушать. Они не могут наносить вред. Они…

— У меня нет чувств.

— Потом оскорбление действием… тот инженер на Ригеле. С каждым разом все хуже. С каждым разом нам приходилось убираться все быстрее. Теперь убийство. Что с тобой случилось?

— Не знаю. У меня нет цепи самоконтроля.

— Мы скатываемся ниже и ниже. Взгляни на меня. В каюте второго класса… Я! Джеймс Палеолог Вандальер! Мой отец был богатейшим… А теперь — шестнадцать сотен долларов. И ты. Будь ты проклят!

Вандальер поднял ремень, затем выронил его и распластался на койке. Наконец он взял себя в руки.

— Инструкции.

— Имя: Джеймс Валентин. На Парагоне провел один день, пересаживаясь на корабль. Занятие: агент по сдаче внаем частного андроида. Цель визита на Мегастер-5: постоянное жительство.

— Документы.

Андроид достал из чемодана паспорт Вандальера, взял ручку, чернила и сел за стол. Точными, верными движениями — искусной рукой, умеющей писать, чертить, гравировать — он методично подделывал документы Вандальера.

Их владелец с жалким видом наблюдал за мной.

— О боже, — бормотал я. — Что мне делать? Если бы я мог избавиться от тебя! Если бы только я унаследовал не тебя, а папашину голову!

Невысокая безнравственная Даллас Брейди была ведущим ювелиром Мегастера. Она взяла на работу саморазвивающегося андроида и соблазнила его хозяина. Однажды ночью в своей постели она внезапно спросила:

— Твое имя Вандальер, да?

— Да, — вырвалось у меня. — Нет! Валентин! Джеймс Валентин.

— Что произошло на Парагоне? — спросила Даллас Брейди. — Я думала, андроиды не могут убивать или причинять вред.

— Мое имя Валентин.

— Доказать? Хочешь, вызову полицию?

Она потянулась к телефону.

— Ради бога, Даллас!

Вандальер вскочил и вырвал у нее трубку. Она рассмеялась, а он упал и заплакал от стыда и беспомощности.

— Как ты узнала?

— Все газеты полны этим. А Валентин — не так уж далеко от Вандал ьера. Что случилось на Парагоне?

— Он похитил девочку. Утащил ее в рисовые поля и убил.

— Тебя разыскивают.

— Мы скрываемся уже два года. За два года — семь планет. За два года я потерял на сто тысяч долларов собственности.

— Ты бы лучше выяснил, что с ним стряслось.

— Как?! Прикажешь сказать: «Мой андроид превратился в убийцу, почините его?..» Сразу вызовут полицию! — Меня начало трясти. — Кто мне будет зарабатывать деньги?

— Работай сам.

— А что я умею? Разве я могу сравниться со специализированными роботами? Всю жизнь меня кормил отец. Проклятье! Перед смертью он разорился и оставил мне одного андроида.

— Продай его и вложи эти пятьдесят тысяч в дело.

— И получать три процента? Полторы тысячи в год? Нет, Даллас.

— Но ведь он свихнулся! Что ты будешь делать?

— Ничего… молиться. А вот что ты собираешься делать?

— Молчать. Но я ожидаю кое-что взамен.

— Что?

— Андроид должен работать на меня бесплатно.

Сбережения Вандальера начали расти. Когда теплая весна Мегастсра перешла в жаркое лето, я стал вкладывать деньги в землю и фермы. Еще несколько лет, и мои дела поправятся, можно будет поселиться здесь постоянно.

В первый жаркий день андроид запел. Он танцевал в мастерской Даллас Брейди, нагреваемой солнцем и электрической плавильной печью, и выводил старую мелодию, популярную полвека назад:

Нет хуже врага, чем жара,
Ее не возьмешь на «ура».
Но надо стараться всегда
Помнить, это все ерунда!
И быть холодным и бесстрастным,
Душка…

Он пел необычным, срывающимся голосом, а руки, заведенные за спину, дергались в какой-то странной румбе. Даллас Брейди была удивлена.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Я должен напомнить вам, что у меня нет чувств, — ответил я. — Все ерунда! Холодным и

бесстрастным, душка…

Андроид схватил стальные клещи и сунул их в разверстую пасть горнила, наклоняясь вперед к любимому жару.

— Осторожней, болван! — воскликнула Даллас. — Хочешь туда свалиться?

— Все ерунда! Все ерунда! — пел я.

Он вытащил из печи клещи с формой, повернулся, безумно заорал и плеснул расплавленным золотом на голову Даллас Брейди. Она вскрикнула и упала, волосы вспыхнули, платье затлело, кожа обуглилась.

Тогда я покинул мастерскую и пришел в отель к Джеймсу Вандальеру. Рваная одежда андроида и судорожно дергающиеся пальцы многое сказали его владельцу.

Вандальер помчался в мастерскую Даллас Брейди, посмотрел и зашатался. У меня едва хватило времени взять один чемодан и девять сотен наличными. Он вылетел на «Королеве Мегастера» в каюте третьего класса и взял меня с собой. Он рыдал и считал свои деньги, и я снова бил андроида.

А термометр в мастерской Даллас Брейди показывал 98,1 градуса прекрасного Фаренгейта.

На Лире Альфа мы остановились в небольшом

отеле близ университета. Здесь Вандальер аккуратно снял мне верхний слой кожи на лбу вместе с буквами «СР». Буквы снова проявятся, но лишь через несколько месяцев, а за это время, надеялся Вандальер, шумиха вокруг саморазвивающегося андроида утихнет. Андроида взяли чернорабочим на завод при университете. Вандальер — Джеймс Венайс — жил на его маленький заработок.

Моими соседями были студенты, тоже испытывающие трудности, но молодые и энергичные. Одна очаровательная девушка по имени Ванда и ее жених Джед Старк сильно интересовались андроидом-убийцей, слухами о котором полнились газеты.

— Мы изучили это дело, — сказали они однажды на случайной вечеринке в комнате Вандальера. — Кажется, нам ясно, что вызывает убийства. Мы собираемся писать реферат.

— Наверное, болезнь, от которой андроид сошел с ума, что-нибудь наподобие рака, да? — полюбопытствовал кто-то.

— Нет. — Ванда и Джед торжествующе переглянулись.

— Что же?

— Узнаете из реферата.

— Неужели вы не расскажете? — спросил я

напряженно. — Я… Нам хочется знать, что могло произойти с андроидом.

— Нет, мистер Венайс, — твердо заявила Ванда. — Это уникальная идея, и мы не можем допустить, чтобы у нас се украли.

— Даже не намекнете?

— Нет. Ни слова, Джед. Скажу вам только одно, мистер Венайс: я не завидую владельцу андроида.

— Вы имеете в виду полицию?

— Я имею в виду угрозу заражения, мистер Венайс. Заражения! Вот в чем опасность… Но я и так сказала слишком много.

Снаружи послышались шаги и хриплый голос, мягко выводящий:

— Холодным и бесстрастным, душка…

Мой андроид вошел в комнату, вернувшись домой с работы. Я жестом приказал ему подойти, и я немедленно повиновался, обнося гостей пивом. Его ловкие пальцы дергались в какой-то слышимой лишь ему румбе.

Андроиды не были редкостью в университете. Студенты побогаче покупали их вместе с машинами и самолетами. Но юная Ванда была остроглазой и сообразительной. Она заметила мой пораненный лоб. После вечеринки, поды-

маясь в свою комнату, она посоветовалась со Старком.

— Джед, почему у этого андроида поврежден лоб?

— Возможно, ударился. Он ведь работает на заводе.

— Это очень удобный шрам…

— Для чего?

— Допустим, там были буквы «СР».

— Саморазвивающийся? Тогда какого черта Венайс скрывает это? Он мог заработать… О-о! Ты думаешь?..

Ванда кивнула.

— Боже! — Старк поджал губы. — Что нам делать? Вызвать полицию?

— На основании догадок? Сперва надо убедиться — сфотографировать андроида в рентгеновских лучах. Завтра пойдем на завод.

Они проникли на завод — гигантский подвал глубоко под землей. Было жарко и трудно дышать — так нагревали воздух печи. За гулом пламени слышался странный голос, вопящий на старый мотив: «Все ерунда! Все ерунда!». И увидели мечущуюся фигуру, неистово танцующую в такт музыке. Ноги прыгали. Руки дергались. Пальцы корчились.

Джед Старк поднял камеру и стал снимать. Затем Ванда вскрикнула, потому что я увидел их и схватил блестящий стальной рельс. Он разбил камеру. Он свалил девушку, а потом юношу. Андроид подтащил молодых людей к печи и медленно, смакуя, скормил их пламени. Он танцевал и пел. Потом я вернулся в отель.

Термометр на заводе показывал 100,9 градуса чудесного Фаренгейта. Все ерунда! Все ерунда!

Чтобы заплатить за проезд на «Королеве Лиры», Вандальеру и андроиду пришлось выполнять на корабле подсобные работы. В часы ночного бдения Вандальер сидел в грязной каморке с портфелем на коленях, усиленно пялясь на содержимое. Портфель — это единственное, что он смог увезти с Лиры. Он украл его из комнаты Ванды. На портфеле была пометка «Андроид»; там хранился секрет моей болезни.

И в нем не было ничего, кроме газет. Кипы газет со всей Галактики. «Знамя Ригеля», «Парагонский вестник», «Интеллигент Леланда», «Мегастерские новости» Все ерунда! Все ерунда!

В каждой газете было сообщение об одном из преступлений андроида. Кроме того, печатались известия, спортивная информация, прогнозы погоды, лотерейные таблицы, курсы валют, скетчи,

загадки, кроссворды. Где-то во всем этом хаосе таился секрет, скрываемый Вандой и Джедом Старком.

— Я продам тебя! — сказал я, устало опуская газеты. — Будь ты проклят! Когда мы прилетим на Землю, я продам тебя.

— Я стою пятьдесят семь тысяч долларов, — напомнил я.

— А если не сумею тебя продать, то выдам полиции.

— Я — ценное имущество, — ответил я. — Иногда очень хорошо быть имуществом, — немного помолчав, добавил андроид.

Было три градуса мороза, когда приземлилась «Королева Лиры». Снег сплошной черной стеной валил на поле и испарялся под хвостовыми двигателями корабля. У Вандальера и андроида не хватило денег на автобус до Лондона. Они пошли пешком.

К полуночи путники достигли Пикадилли. Декабрьская снежная буря не утихла, и статуя Эроса покрылась ледяной коростой. Они повернули направо, спустились до Трафальгарской площади и пошли к Сохо, дрожа от холода и сырости. На Флит-стрит Вандальер увидел одинокую фигуру.

— Нам нужны деньги, — зашептал он андроиду,

указывая на приближающегося человека. — У него они есть. Забери.

— Приказ не может быть исполнен, — сказал андроид.

— Забери их у него, — повторил Вандальер. — Силой! Ты понял?

— Это противоречит моей программе, — возразил я. — Нельзя подвергать опасности жизнь или ценное имущество.

— Ради бога! — взорвался Вандальер. — Ты нападал, разрушал, убивал. А теперь мелешь какую-то чушь о программе! Забери деньги. Убей, если надо!

— Приказ не может быть исполнен, — повторил андроид.

Я отбросил андроида в сторону и прыгнул к незнакомцу.

Он был высок, стар, мудр, с ясным и спокойным лицом. С тростью. Я увидел, что он слеп.

— Да, — произнес он. — Я слышу, здесь кто-то есть.

— Сэр, — замялся Вандальер, — у меня отчаянное положение.

— Общая беда, — ответил незнакомец. — У нас у всех отчаянное положение… Вы попрошайничаете или крадете?

Невидящие глаза смотрели сквозь Вандальера и андроида.

— Я готов ко всему.

— Это история нашего народа. — Незнакомец указал назад. — Я попрошайничал у собора Святого Павла, мой друг. То, что нужно мне, украсть нельзя. А чего желаете вы, счастливец, если можете украсть?

— Денег, — сказал Вандальер.

— Денег для чего? Не опасайтесь, мой друг, обменяемся признаниями. Я скажу вам, чего прошу, если вы скажете мне, зачем крадете. Меня зовут Бленхейм.

— Меня зовут… Воул.

— Я просил не золота, мистер Воул. Я просил число.

— Число?

— Да. Числа рациональные и иррациональные. Числа мнимые, дробные, положительные и отрицательные. Вы никогда не слышали о бессмертном трактате Бленхейма «Двадцать нулей, или Отсутствие количества»? — Бленхейм горько улыбнулся. — Я царь цифр. Но за пятьдесят лет очарование стерлось, исследования приелись, аппетит пропал. Господи, прошу тебя, если ты существуешь, ниспошли мне число!

Вандальер медленно поднял свой портфель и коснулся им руки Бленхейма.

— Здесь, — произнес он, — спрятано число, тайное число. Число одного преступления. Меняемся, мистер Бленхейм? Число за убежище.

— Ни попрошайничества, ни воровства, да? — прошептал Бленхейм. — Сделка. Возможно, Всевышний — не бог, а купец… Идем.

На верхнем этаже дома Бленхейма мы делили комнату — две кровати, два стола, два шкафа, одна ванная. Вандальер снова поранил мой лоб и послал искать работу, а пока андроид зарабатывал деньги, я читал Бленхейму газеты из портфеля, одну за другой. Все ерунда! Все ерунда!

Вандальер мало что открыл о себе. Он студент, сказал я, пишет курсовую по андроиду-убийце. В собранных газетах содержатся факты, которые должны объяснить преступления. Должно быть число, сочетание, что-то указывающее на причину… И Бленхейм попался на крючок человеческого интереса к тайне.

Я читал вслух, он записывал крупным прыгающим почерком. Бленхейм классифицировал газеты по типу, по шрифту, по направлениям, стилю, темам, фотографиям, формату… Он анализировал. Он сравнивал. А мы жили вдвоем на

верхнем этаже — растерянные, удерживаемые страхом, ненавистью между нами. Как лезвие, вошедшее в живое дерево и расщепившее ствол лишь для того, чтобы вечно остаться в раненом теле, мы жили вместе. Вандальер и андроид.

Однажды Бленхейм позвал Вандальера в свой кабинет.

— Думаю, что я нашел, — промолвил он. — Но не могу понять…

Сердце Вандальера подпрыгнуло.

— Вот выкладки, — продолжал Бленхейм. — В газетах есть сводки погоды. Все преступления были совершены при температуре выше 90 градусов по Фаренгейту.

— Исключено! — воскликнул Вандальер. — На Лире Альфа было холодно!

— У нас нет газеты с описанием преступления на Лире Альфа.

— Нет, верно. Я… — Вандальер смутился. Вдруг он крикнул: — Вы правы! Конечно! Плавильная печь… Но почему? Почему?!

В этот момент вошел я. И застыл, ожидая команды, готовый услужить.

— А вот и андроид, — произнес Бленхейм после долгого молчания.

— Да, — сказал Вандальер, не придя в себя после

открытия. — Теперь ясно, почему он отказался напасть на вас тем вечером. Слишком холодно.

Он посмотрел на андроида, передавая лунатичную команду. Он отказался. Подвергать жизнь опасности запрещено. Вандальер отчаянно схватил Бленхейма за плечи и повалил вместе с креслом на пол. Бленхейм закричал.

— Найди оружие, — приказал Вандальер.

Я достал из стола револьвер и протянул его Вандальеру. Я взял его, приставил дуло к груди Бленхейма и нажал на курок.

У нас было три часа до возвращения прислуги. Мы взяли деньги и драгоценности Бленхейма, его записки; упаковали чемоданы с одеждой. Мы подожгли дом. Нет, это сделал я сам. Андроид отказался. Мне запрещено подвергать опасности жизнь или имущество. Все ерунда!..

Табличка в окне гласила: «Нан Уэбб, психометрический консультант». Андроид с портфелем остался в фойе, а Вандальер прошел в кабинет.

Высокая женщина с бесстрастным лицом деловито кивнула Вандальеру, запечатала конверт и подняла голову.

— Мое имя Вандсрблит, — сказал я. — Джейли Вандерблит. Учусь в Лондонском университете.

— Так.

— Я провожу исследования по андроиду-убийце и, кажется, напал на след. Хотелось бы услышать ваше мнение. Сколько это будет стоить?

— В каком колледже вы учитесь?

— А что?

— Для студентов скидка.

— В Мертоновском.

— Два фунта, пожалуйста.

Вандальер положил на стол деньги и добавил к ним записки Бленхейма.

— Существует связь между поведением андроида и погодой. Вес преступления совершались, когда температура поднималась выше 90 по Фаренгейту. Может ли психометрия дать этому объяснение?

Нан Уэбб кивнула, просмотрела записки и произнесла:

— Безусловно, синестезия.

— Что?

— Синестезия, — повторила она. — Когда чувство, мистер Вандерблит, воспроизводится в формах восприятия не того органа, который был раздражен. Например, раздражение звуком вызывает ощущение определенного цвета. Или световой раздражитель вызывает ощущение вкуса. Может произойти перемешивание или за-

мыкание сигналов вкуса, запаха, боли, давления и так далее. Понимаете?

— Кажется, да.

— Вы обнаружили, что андроид реагирует на температурный раздражитель выше 90 градусов синестетически. Возможно, есть связь между температурой и его аналогом адреналина.

— Значит, если держать андроида в холоде…

— Не будет ни раздражителя, ни реакции.

— Ясно. А есть ли опасность заражения? Может ли это перекинуться на владельца андроида?

— Очень любопытно… Опасность заражения заключается в опасности поверить в его возможность… Если вы общаетесь с сумасшедшими, то можете в конечном счете перенять их болезнь… Что, безусловно, случилось и с вами, мистер Вандальер.

Вандальер вскочил на ноги.

— Вы осел, — сухо продолжала Нан Уэбб. Она махнула рукой в сторону бумаг, лежащих на столе. — Это почерк Бленхейма. Каждому английскому студенту известны его слепые каракули. Мертоновский колледж в Оксфорде, а не в Лондоне. А с вами… Я даже не знаю, вызывать ли полицию или лечебницу для душевнобольных.

Я вытащил револьвер и застрелил се. Все ерун-

да!

— Антарес-2, Поллукс-9, Ригель Центавра, — говорил Вандальер, — все они холодны. Живем!.. Осторожней на повороте.

Саморазвивающийся андроид уверенной рукой держал руль, и машина мягко неслась по автостраде под холодным серым небом Англии. Высоко над головой завис одинокий вертолет.

— Никакого тепла, никакой жары, — говорил я. — В Шотландии на корабль и прямо на Поллукс. Там мы будем в безопасности.

Внезапно сверху донесся оглушающий рев:

— Внимание, Джеймс Вандальер и андроид!

Вандальер вздрогнул и посмотрел вверх. Из брюха вертолета вырывались мощные звуки:

— Вы окружены. Дорога блокирована. Немедленно остановите машину и подчинитесь аресту.

Я выжидающе поглядел на Вандальера.

— Не останавливайся! — прокричал Вандальер.

Вертолет спустился ниже.

— Внимание, андроид. Немедленно остановить машину. Это категорический приказ, отменяющий все частные команды.

— Что ты делаешь? — закричал я.

— Я должен подчиниться… — начал андроид.

— Прочь!

Вандальер оттолкнул андроида и вцепился в руль. Визжа тормозами, машина съехала в поле и помчалась по замерзшей грязи, подминая кустарник, к виднеющемуся в пяти милях параллельному шоссе.

— Внимание! Джеймс Вандальер и андроид! Вы обязаны подчиниться аресту. Это приказ.

— Не подчинимся! — дико взвыл Вандальер. — Нет! — судорожно шептал я. — Мы еще победим их. Мы победим жару. Мы…

— Должен вам напомнить, — произнес я, — что мне необходимо выполнять приказ, отменяющий все частные команды.

— Пусть покажут документы, дающие им право приказывать! А может, они жулики! — выкрикнул Вандальер.

Правой рукой он полез за револьвером. Левая рука дрогнула, машина перевернулась. Мотор ревел, колеса визжали. Вандальер выбрался и вытащил андроида. Через минуту они уже были вне круга слепящего света вертолетного прожектора, в кустах, в лесу, во мраке благословенного убежища.

Вандальер и андроид отчаянно продирались

сквозь кустарник к параллельному шоссе, к спасению. Температура падала, холодный северный ветер пронизывал нас до костей.

Издалека донесся приглушенный взрыв. Взорвался бак машины, в небо взметнулся фонтан огня. Раздуваемый ветром, фонтан превратился в десятифутовую стену, с яростным треском пожиравшую растительность.

— Скорей!

Я вскрикнул и рванулся вперед. Он потащил меня за собой, пока их ноги не заскользили по ледяной поверхности замерзшего болота. Внезапно лед треснул, и они оказались в ошеломляюще холодной воде.

Стена пламени приближалась, я уже ощущал жар. Он ясно видел преследователей. Вандальер полез в карман за револьвером. Карман был порван, револьвер исчез. Наверху беспомощно завис вертолет, не в состоянии перелететь через клубы дыма и пламени и направить преследователей, сгруппировавшихся правее нас.

— Они не найдут, — зашептан Вандальер. — Сиди тихо, это приказ. Они не найдут нас. Мы победим пожар. Мы…

Три отчетливых выстрела раздались меньше чем в ста фугах от беглецов. Это огонь добрался до

потерянного оружия и взорвал три оставшихся патрона. Преследователи повернули и пошли прямо на нас. Вандальер страшно ругался, что-то истерически выкрикивал и все нырял в грязь, пытаясь уберечься от страшного жара. Андроид начал дергаться.

— Все ерунда. Все ерунда! — кричал он. — Будь холодным и бесстрастным!

— Будь ты проклят! — кричал я.

И тут живые языки пламени заворожили его: он танцевал безумную румбу перед стеной огня. Его ноги дергались. Его руки дергались. Его пальцы дергались. Нелепая копошащаяся фигура, темный силуэт на фоне ослепительного сияния.

Преследователи закричали. Раздались выстрелы. Андроид дважды повернулся кругом и вновь продолжил свой кошмарный танец. Резкий порыв ветра кинул пламя вперед, и оно на миг приняло пляшущую фигурку в свои объятия; затем огонь отступил, оставив за собой булькающую массу синтетической плоти и крови, которая никогда не свернется.

Термометр показал бы 1200 градусов божественного Фаренгейта.

Вандальер не погиб. Я спасся. Они упустили его, пока наблюдали за смертью андроида. Но я не

знаю, кто из нас он. Заражение, предупреждала Ванда. Заражение, говорила Нан Уэбб. Если вы живете с сумасшедшим андроидом достаточно долго, я тоже стану сумасшедшим.

Но мы знаем одно: они ошибались. Робот и Вандальер знают это потому, что новый робот тоже дергается. Ерунда! Здесь, на студеном Поллуксе, робот танцует и поет. Холодно, но мои пальцы пляшут; холодно, но он увел маленькую Талли на прогулку в лес. Примитив, дешевый сервомеханизм… все, что я мог себе позволить. Но он дергается, и воет, и гуляет где-то с девочкой, и я не могу их найти. Вандальер меня быстро не найдет, а потом будет поздно. Термометр показывает 0 градусов убийственного Фаренгейта.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ МАГОМЕТА

© Перевод Р. Нудельмана

Был такой человек, который переиначивал историю. Он низвергал империи и искоренял династии. Из-за него Маунт-Вернон[108] чуть не перестал быть национальной святыней, а город Колумб штата Огайо едва не стали называть городом Кэбот того же штата. Из-за него французы чуть не прокляли имя Марии Кюри, а мусульмане едва не перестали клясться бородой пророка. Но, как вы, наверное, знаете, все эти события в действительности не произошли. Дело в том, что этот человек был чокнутым профессором. Если он в чем и преуспел, то лишь в том, чтобы изменить историю для одного себя.

Ну, что такое пресловутый «чокнутый профессор», всякий искушенный читатель, несомненно, достаточно хорошо знает. Это такой недомерок с чрезвычайно развитым лбом, который в своей

---

[108] Примечания: 108

Маунт-Вернон — местечко близ Вашингтона (ныне город), где жил и умер Джордж Вашингтон. *(Прим. перев.)*

лаборатории создает всяких чудищ. Эти чудища потом обязательно набрасываются на своего создателя, а также покушаются на честь его нежно любимой дочери.

Ни о чем подобном в данной истории не говорится. В ней речь пойдет о доподлинно чокнутом профессоре по имени Генри Хассель, который принадлежал к тому же сорту знаменитых людей, что и Людвиг Больцман (смотри «Идеального газа закон»), Жак Шарль, а так же Андре Мария Ампер (1775–1836).

Про Ампера каждому положено знать, что в его честь назван ампер. Людвиг Больцман — знаменитый австрийский физик, который прославился исследованием изучения черного тела не меньше, чем знакомого вам идеального газа. Его фамилию можно найти в Британской энциклопедии — том третий, от «БАЛТ» до «БРАЙ». Что же касается Жака Александра Цезаря Шарля, то это был первый в мире математик, который заинтересовался полетами в воздухе и придумал наполнять воздушный шар водородом. Так что все это были доподлинно существовавшие люди.

Кроме того, все это были люди не от мира сего. К примеру, Ампер однажды направлялся на какое-то важное ученое собрание. Вдруг в кабри-

олете Ампера осеняет блестящая идея (что-то из области электричества, я полагаю), он выхватывает карандаш и — раз-два! — пишет уравнение прямо на стенке двухколесного экипажа. Грубо говоря, это было что-то вроде:

$$dh = Ipdl/f^2,$$

где *p* обозначало расстояние по перпендикуляру до элемента *dl*, иными словами:

$$dh = i \sin\square \times dl/r^2.$$

Это еще иногда называют законом Лапласа, хотя Лапласа тогда не было в Париже.

Как бы там ни было, кабриолет подъехал к Академии наук. Ампер выскочил, расплатился и бросился со всех ног на заседание, чтобы всем сообщить о своей блестящей идее. И тут только он сообразил, что никаких записей у него нет, вспомнил, где он их оставил, и ему пришлось гоняться по всему Парижу за кабриолетом, чтобы поймать сбежавшее уравнение. Я почему-то уверен, что вот как-нибудь так же Ферма потерял

доказательство своей «Великой теоремы»[109], хотя, разумеется, Ферма тоже не был на том заседании академии, потому что умер лет за двести до этого.

Или возьмите, к примеру, Больцмана. Когда он излагал расширенную теорию своего идеального газа, то всегда приправлял ее невероятно сложными вычислениями, которые быстро и небрежно проделывал в голове. Такая уж у него была голова. Его студенты, понятно, только тем и были заняты, что пытались воспринять на слух всю эту математику. На сами лекции у них уже времени не оставалось. Тогда они попросили Больцмана, чтобы он свои формулы писал на доске.

Больцман извинился и пообещал, что в будущем они могут на него рассчитывать. Следующую лекцию он начал такими словами: «Господа, комбинируя закон Бойля с законом Шарля, мы получаем:

$$pv = p_0 v_0(1 + at),$$

откуда следует, что при $_aS^b = f(x)dx\,\varphi(a)$ име-

[109] Примечания: 109

Великая теорема — математическое утверждение из теории алгебраических чисел, сформулированное без доказательства французским математиком П. Ферма (XVII В.). *(Прим перев.)*

ет место $pv = RT$, а стало быть, $\int_v Sf(x, y, z)\, dv = 0$. Это так же очевидно, как дважды два четыре». Тут он вспомнил, что обещал писать формулы на доске. Он повернулся к доске, аккуратно вывел мелом: 2x2 = 4, после чего отошел от доски и продолжал говорить, быстро и небрежно производя невероятно сложные вычисления. Разумеется, в голове.

В своей лекции Больцман упомянул Жака Шарля, автора закона Шарля (известного некоторым под названием закона Гей-Люссака). Этот блестящий математик был одержим одним странным желанием — прославиться в палеографии. Иными словами, он во что бы то ни стало хотел стать первооткрывателем каких-нибудь древних рукописей.

Поэтому он, не задумываясь, уплатил чистейшей воды мошеннику по имени Врен-Люкас двести тысяч франков за письма, якобы написанные Юлием Цезарем, Александром Македонским и Понтием Пилатом. Шарль, который любой газ мог насквозь разглядеть (идеальный он или нет — все равно), вдруг не разглядел совершенно явной фальшивки, хотя недотепа Врен-Люкас все письма написал собственноручно, на современнейшем французском языке, на современнейшей

почтовой бумаге с современнейшими водяными знаками. И Шарль еще пытался пожертвовать эти письма в Луврский музей!

Не думайте, что эти люди были недотепами. Каждый из них был гением. За эту свою гениальность они заплатили, и притом весьма дорого, если учесть, что во всем остальном они были не от мира сего. Ведь гений — это такой человек, который идет к истине обязательно неожиданным путем. Ну а в обычной жизни неожиданные пути, как правило, ведут к неприятностям. Что и случилось с Генри Хасселем — профессором прикладного понуждения Неизвестного университета — в 1980 году.

Никому из вас, конечно, не известно, где находится Неизвестный университет и чему там учат. В этом университете насчитывается около двухсот весьма эксцентричных профессоров и около двух тысяч в высшей степени незадачливых студентов. Все эти люди остаются абсолютно неизвестными вплоть до вручения им Нобелевской премии или их первой высадки на Марс. Выпускника НУ всегда можно распознать, стоит только спросить человека, где он учился. Если вам уклончиво промямлят что-нибудь вроде «На государственном коште» или «О, такое, знаете,

новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали...», можете быть уверены, что этот тип — из Неизвестного. Я когда-нибудь расскажу вам подробнее об этом университете, который является центром обучения исключительно в пиквикском смысле слова.

Как бы там ни было, однажды пополудни Генри Хассель отправился домой из Психотик-центра, решив по пути прогуляться вдоль аркады Физической культуры.

Он прибыл домой в приподнятом настроении и шумно ворвался в гостиную. Как раз вовремя, чтобы обнаружить свою жену в объятиях какого-то мужчины.

Да, то была она, прелестная тридцати пятилетняя женщина с дымчато-рыжими волосами и миндалевидным разрезом глаз. То была она — в пылких объятиях некоего субъекта, из карманов которого торчали тощие брошюрки, различные приборы и медицинский молоточек. Поистине типичный для Неизвестного университета субъект!

Объятие было столь всепоглощающим, что участвующие в нем преступные стороны даже не заметили Генри Хасселя, взиравшего на них с порога гостиной.

Здесь я советую еще вспомнить об Ампере, Шарле, а также о Людвиге Больцмане. Хассель весил ровно сто девяносто фунтов. Он был мускулист и вспыльчив. Он мог бы играючи разъединить соучастников преступления и затем прямолинейно и бесхитростно достичь желанной цели, а именно пресечь жизнь супруги. Но Генри Хассель принадлежал к разряду гениев, поэтому подобный способ ему просто не пришел в голову.

Хассель яростно задышал, повернулся и бросился в свою домашнюю лабораторию, пыхтя, как паровая машина. Он открыл ящик с этикеткой «Двенадцатиперстная кишка» и извлек оттуда револьвер сорок пятого калибра. Он открыл другие ящики с еще более интересными этикетками и извлек оттуда приборы. Ровно через семь с половиной минут (настолько он разъярился) он собрал машину времени (настолько он был гениален).

Профессор Хассель собрал машину времени, установил на циферблате 1902 год, схватил револьвер и нажал кнопку. Машина проурчала, как испорченный унитаз, и Хассель исчез. Он материализовался в Филадельфии 3 июня 1902 года, прямиком направился на Неуолл-стрит, подошел к красному кирпичному дому № 1218,

поднялся по мраморным ступенькам и позвонил. Ему открыл мужчина, невероятно похожий на первого встречного.

— Мистер Джессуп? — задыхаясь, спросил Хассель.

— Простите?

— Вы мистер Джессуп?

— Я самый.

— У вас будет сын Эдгар. Эдгар Аллан Джессуп, названный так вследствие вашего прискорбного увлечения Эдгаром Алланом По.

Первый встречный мужчина удивился.

— Я бы не сказал, что мне это известно, — признался он — Я пока не женат.

— Это вам еще предстоит, — угрюмо произнес Хассель, — Я имею несчастье быть женатым на дочери вашего сына, которую зовут Грета. Прошу прощения за беспокойство.

С этими словами он поднял револьвер и застрелил будущего дедушку своей жены.

— Теперь она обязана исчезнуть, — пробормотал Хассель, продувая ствол револьвера. — Я буду холостяком. Я даже могу оказаться мужем другой женщины…

Он едва дождался, когда автоматическое устройство машины времени швырнуло его

обратно в лабораторию, и тотчас бросился в гостиную.

Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях мужчины.

Хассель остолбенел.

— Значит, так?! — прорычал он наконец. — Это у нее в крови! Ну хорошо, мы положим этому конец! У нас есть и пути, и средства!

Профессор изобразил на лице сардоническую усмешку, вернулся в лабораторию и послал себя в 1901 год, где одним выстрелом прикончил Эмми Хотчинкс, которой в будущем предстояло стать бабушкой его жены — на этот раз по материнской линии, — после чего он возвратился в свой дом и в свое время.

Его рыжеволосая супруга по-прежнему пребывала в объятиях мужчины.

— Уже эта-то старая карга точно была ее бабушкой, — пробормотал Хассель. — Достаточно на нее взглянуть! В чем же дело, черт побери?

Хассель был обескуражен и сбит с толку. Но у него еще оставались скрытые ресурсы. Он отправился в свой кабинет, с некоторым трудом разыскал там телефонный аппарат и наконец сумел дозвониться до лаборатории сомнительной практики. Разговаривая, он продолжал маши-

нально крутить диск циферблата.

— Сэм? — спросил он. — Это Генри.

— Кто?

— Генри.

— Вам придется повторить громко и отчетливо.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— А-а! Привет, Генри!

— Скажи мне все, что ты знаешь о времени.

— О времени? Хм… — Сложная электронная машина откашлялась в ожидании, когда включатся блоки памяти. — Ага. Время? Первое: абсолютное. Второе: относительное. Третье: периодическое. Время абсолютное: период, продолжительность, длительность, суточность, бесконечность…

— Извини, Сэм. Ошибочный запрос. Прокрути обратно. Мне нужно: «Время — путешествия по… последовательность событий в…»

Сэм клацнул шестернями и начал сначала. Хассель слушал с огромным вниманием. Он кивнул. Затем проворчал:

— Угм. У гм. Понятно. Правильно. Так я и думал. Континуум? Ага! Действия, проделанные в прошлом, должны изменить будущее? Значит, я на верном пут. Действия должны быть значительными? Ага! Массовое воздействие?

Ага! Незначительное не может изменить существующую линию событий? Хм! Насколько незначительна бабушка?

— Что ты собираешься сделать, Генри?

— Прикончить свою жену! — рявкнул Хассель.

Он повесил трубку, вернулся в лабораторию и задумался, все еще клокоча от ревности.

— Придется сделать что-нибудь значительное, — пробормотал профессор. — Я должен ее уничтожить. Я должен все это уничтожить. И я это сделаю, клянусь! Я им покажу!

Хассель отправился назад, в 1775 год, отыскал некую ферму в Виргинии и застрелил там некоего молодого полковника. Полковника звали Джордж Вашингтон, и Хассель тщательно удостоверился в том, что он мертв. Он вернулся в свой дом и в свое время. Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях другого.

— Проклятье! — сказал Хассель.

У него кончились патроны. Он вскрыл новый ящик с боеприпасами, отправился назад во времени и устроил побоище, жертвами которого пали Христофор Колумб, Наполеон, Магомет, а также с полдюжины других знаменитостей.

— Этого должно хватить, клянусь господом богом! — сказал Хассель.

Он вернулся в свой дом и обнаружил жену… в прежнем состоянии.

Его колени стали ватными, ноги, казалось, приросли к полу. Он побрел в лабораторию, как сквозь зыбучие пески.

— Какого дьявола, что же тогда существенно? — с горечью воскликнул профессор — Что еще нужно, чтобы изменить будущее? Клянусь, уж на сей раз я его как следует перекорежу! Я его наизнанку выверну!

Он отправился в Париж начала XX века и посетил мадам Кюри в ее лаборатории на чердаке вблизи Сорбонны.

— Мадам, — сказал он на отвратительном французском языке. — Я пришел к вам издали, но я ученый с головы до ног. Слышал про ваши опыты с радием… О! Вы еще не знаете про радий? Не имеет значения. Я прибыл, чтобы обучить вас всему про атомный котел.

Он ее обучил. Прежде чем автоматическое устройство вернуло его домой, он еще успел насладиться зрелищем гигантского грибовидного облака, которое поднялось над Парижем.

— Это научит женщин, как изменять супружескому долгу! — прорычал профессор. — О дьявол!

Последнее восклицание сорвалось с его губ,

когда он увидел свою рыжеволосую жену по-прежнему… Впрочем, к чему повторяться?

Хассель добрался до лаборатории, плывя в волнах тумана. Пока он там. размышляет, я хочу предупредить вас, что это отнюдь не обычная история о путешествиях во времени. Если вы полагаете, что Хассель сейчас опознает в соблазнителе своей жены самого себя, то вы глубоко заблуждаетесь. Этот вероломный негодяй не был ни Генри Хасселем, ни его сыном, ни родственником. Он не был даже Людвигом Больцманом (1844–1906). Хассель не совершал также петли во времени, то есть он не возвращался туда, откуда вся эта история началась, что, как известно, никого из читателей не удовлетворяет, зато озлобляет всех поголовно. Он не совершат этого по той простой причине, что время не является круговым, а также линейным, последовательным, дискоидальным, шизоидальным или пандикулированным. Время — это личное дело каждого, в чем Хасселю предстояло убедиться.

— По-видимому, я в чем-то ошибся, — пробормотал Хассель. — Надо проверить.

Он с трудом поднял трубку, которая, казалось, весила теперь сто тонн, и дозвонился до библиотеки.

— Хелло, библиотека? Это Генри.

— Кто?

— Генри Хассель.

— Говорите громче.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— О-о! Привет, Генри!

— Что у тебя есть насчет Джорджа Вашингтона?

Библиотека деловито квохтала в ожидании, когда ее фотоглаз просканирует каталоги.

— Джордж Вашингтон. Первый президент Соединенных Штатов. Родился в…

— Первый президент? Разве он не был убит в тысяча семьсот семьдесят пятом году?

— Ну что ты, Генри! Что за нелепый вопрос? Всем известно, что Джордж Ваш…

— Разве всем не известно, что он был убит?

— Кем?

— Мной.

— Когда?

— В тысяча семьсот семьдесят пятом.

— Как ты ухитрился это сделать?

— С помощью револьвера.

— Нет, я имею в виду, как ты ухитрился сделать это двести лет назад?

— С-помощью машины времени.

— Хм, об этом нет упоминаний, — сказала библиотека. — По моим каталогам, у него все в ажуре. Ты, наверное промахнулся.

— Я не мог промахнуться. Как насчет Христофора Колумба? Есть там сведения о его смерти в тысяча четыреста восемьдесят девятом году?

— Но он открыл Америку в тысяча четыреста девяносто втором!

— Черта с два. Он был убит в тысяча четыреста восемьдесят девятом.

— Как?

— Пулей в глотку. Сорок пятого калибра.

— Опять ты, Генри?

— Угу.

— Таких сведений нет, — угрюмо заявила библиотека. — Никудышный из тебя стрелок, Генри.

— Ты меня не выведешь из себя, — сказал Хасселль дрожащим голосом.

— Почему, Генри?

— Потому что я уже и так выведен! — проревел он. — Да! Что там с Марией Кюри, черт бы тебя побрал?! Она создала атомную бомбу, которая уничтожила Париж в начале двадцатого века, или этого тоже не было?!

— Не было. Энрико Ферми…

— Это было!

— Не было.

— Я лично ее обучил! Я! Генри Хассель!

— Генри, все знают, что ты замечательный теоретик, но учи->ель из тебя…

— Заткнись, старая перечница! Я знаю, что это все означает!

— Что?

— Я забыл. У меня была какая-то мысль, но это уже не играет роли. Что ты предлагаешь?

— У тебя действительно есть машина времени?

— Разумеется, есть.

— Тогда вернись обратно и проверь.

Хассель вернулся в 1775 год, прибыл в Маунт-Вернон и прервал фермерские занятия Джорджа Вашингтона.

— Прошу прошения, полковник, — сказал профессор.

Высокий мужчина удивленно посмотрел на пего.

— Ты странно говоришь, чужеземец, — сказал он. — Откуда ты?

— О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали.

— Ты выглядишь странно. Какой-то ты туманный, я бы сказал.

— Скажите, полковник, что вы знаете о Христофоре Колумбе?

— Не так уж много, — признался Вашингтон. — Как будто бы он помер лет двести или триста назад.

— Когда именно?

— В тысяча пятьсот каком-то году, насколько я припоминаю.

— Этого не может быть. Он умер в тысяча четыреста восемьдесят девятом году.

— Путаешь, старина. Он открыл Америку в тысяча четыреста девяносто втором году.

— Америку открыл Кэбот! Себастьян Кэбот!

— Как бы не так! Кэбот пришел малость попозже.

— А у меня неопровержимые доказательства! — воскликнул Хассель, но был прерван появлением коренастого и довольно плотного мужчины с лицом, чудовищно побагровевшим от ярости. На нем болтались широченные серые брюки, а твидовый пиджак его был на два номера меньше, чем нужно. В руке он держал револьвер сорок пятого калибра. Лишь несколько мгновений спустя Генри Хассель сообразил, что видит самого себя. Это зрелище не доставило ему удовольствия.

— О боже! — пробормотал Хассель. — Это ведь я

прибываю в прошлое, чтобы убить Вашингтона. Если бы я прибыл сюда второй раз на час позже, я застал бы Вашингтона мертвым. Эй! — воскликнул он. — Подожди! Потерпи минуточку! Мне нужно сначала у него кое-что выяснить!

Хассель игнорировал собственные возгласы; по правде говоря, он их, кажется, вообще не слышал. Он прошагал прямо к полковнику Вашингтону и выстрелил. Полковник Вашингтон упал, так что в смерти его не могло быть ни малейших сомнений. Первый Хассель осмотрел тело и, не обращая никакого внимания на попытки второго Хасселя остановить его и вовлечь в дискуссию, удалился, злобно бормоча что-то себе под нос.

— Он меня не слышал, — удивился Хассель. — Он даже не почувствовал, что я здесь, и потом — почему я не помню, чтобы я сам себя останавливал, когда в первый раз стрелял в полковника? Что здесь происходит, черт побери?

Серьезно озабоченный, Генри Хассель прибыл в Чикаго 1941 года и заглянул в спортивный зал Чикагского университета. Там, среди скользкого месива графитовых блоков, в облаке графитовой пыли он отыскал итальянского ученого по фамилии Ферми.

— Повторяете работу Марии Кюри, dottore, не

так ли? — спросил Хассель.

Ферми огляделся, словно услышал какой-то слабый писк.

— Повторяете работу Марии Кюри, dottore? — проревел Хассель что было сил.

Ферми холодно посмотрел на него.

— Откуда вы, amico?

— О, я на государственном коште.

— Государственный департамент?

— О нет, просто государственный кошт. Послушайте, dottore, ведь Мария Кюри открыла деление ядра в тысяча девятьсот таком-то году?

— Нет! Нет! Нет!!! — воскликнул Ферми. — Мы первые. И даже мы еще не открыли. Полиция! Полиция! Шпион!!!

— Ну уж на этот раз кое-что останется в истории! — прорычал Хассель.

Он вытащил свой верный 45-й калибр, выпустил полную обойму в грудь доктора Ферми и застыл на месте в ожидании, когда его арестуют, а потом предадут анафеме на страницах газет. Но, к его удивлению, Ферми не упал, а всего лишь ощупал свою грудь и, обращаясь к людям, прибежавшим на его крик, сказал:

— Ничего особенного. Я почувствовал какое-то внезапное жжение во внутренностях, которое

могло бы означать воспаление сердечного нерва, но, скорее всего, это изжога.

Хассель был слишком возбужден, чтобы дожидаться автоматического возвратного включения машины времени. Поэтому он немедленно вернулся в Неизвестный университет без всякой машины времени. Этот факт мог бы натолкнуть Хасселя на разгадку происходящего, но профессор был слишком одержим своей идеей, чтобы что-нибудь заметить. Именно тогда я (19131975) впервые увидел Хасселя — призрачную фигуру, проносившуюся сквозь стекла автомобилей, закрытые двери магазинов и кирпичные стены домов. На его лице было выражение фантастической решимости.

Он просочился в библиотеку, приготовившись к утомительному спору, но каталоги не видели и не слышали его. Он отправился в лабораторию сомнительной практики, где находился Сэм — Сложная электронная машина, располагавшая приборами чувствительностью до 107 000 ангстрем. Сэму не удалось разглядеть Генри. Однако он сумел его расслышать, используя усиление звуковых волн посредством интерференции.

— Сэм, — сказал Хассель. — Я сделал чертовски важное открытие.

— Ты все время делаешь открытия, Генри, — заворчал Сэм — Мне уже некуда помешать твои данные. Прикажешь начать для тебя новую ленту?

— Но мне нужен совет, Сэм! Кто у нас ведущий авторитет по разделу «Время, путешествия по… последовательность событий в…»

— И. Леннокс. Пространственная механика, профессор по… Йельский университет в…

— Как мне с ним связаться?

— Никак, Генри. Он умер. В семьдесят пятом.

— Дай мне какого-нибудь специалиста по разделу «Время… путешествия по…», только живого.

— Вилли Мэрфи.

— Мэрфи? С нашей Травматологической кафедры? Подходит! Где он сейчас?

— Видишь ли, Генри, он пошел к тебе домой. У него к тебе какое-то дело.

Хассель, не сделав ни единого шага, прибыл домой, обыскал свой кабинет и лабораторию, где никого не нашел, и наконец вплыл в гостиную, где его рыжеволосая жена продолжала находиться в объятиях постороннего мужчины. (Все это, как вы, конечно, понимаете, происходило в течение нескольких секунд после сооружения машины времени; такова природа времени и

путешествий по...) Хассель кашлянул раз, потом еще раз и наконец попытался похлопать жену по плечу. Его пальцы прошли сквозь псе.

— Прошу прощения, дорогая, — сказал он, — Не заходил ли ко мне Вилли Мэрфи?

Тут он пригляделся и увидел, что мужчина, обнимавший его жену, был не кто иной, как Вилли Мэрфи собственной персоной.

— Мэрфи! — воскликнул профессор. — Вы-то мне и нужны! Я получил необыкновенные результаты.

И, не дожидаясь ответа, Хассель принялся элементарно излагать свои необыкновенные результаты, что звучало примерно следующим образом:

— Мэрфи, $u - v = (u^{1/2} - v^{1/4})(u^a + u^x v^y + v^b)$, но поскольку Джордж Вашингтон $F(x)y^2 \square dx$ и Энрико Ферми $F(u^{1/2})\,dx\,dt$ на половину Кюри, то что вы скажете о Христофоре Колумбе, помноженном на корень квадратный из минус единицы?

Мэрфи игнорировал Хасселя точно так же, как это сделала миссис Хассель. Что касается меня, то я быстренько записал уравнения Хасселя на крыше проезжавшего такси.

— Послушайте, Мэрфи, — сказал Хассель, — Грета, дорогая, не будешь ли ты так любезна

оставить нас на некоторое время? Мне нужно… Черт побери, прекратите вы когда-нибудь это нелепое занятие?! У меня к вам серьезный разговор, Мэрфи.

Хассель пытался разъединить парочку. Обнявшиеся не ощущали его прикосновений точно так же, как раньше не слышали его криков. Хассель опять побагровел. Он пришел в ярость и набросился с кулаками на миссис Хассель и Вилли Мэрфи. С таким же успехом он мог бы наброситься с кулаками на идеальный газ. Я решил, что лучше мне вмешаться.

— Хассель?

— Это еще кто?

— Выйди на минутку. Я хочу с тобой поговорить.

Он пулей проскочил сквозь стену.

— Где вы?

— Здесь, наверху.

— Вот это облачко?

— Ты выглядишь точно так же.

— Кто вы такой?

— Леннокс. И. Леннокс.

— Леннокс, пространственная механика, профессор по… Йельский университет в…

— Он самый.

— Но ведь вы умерли в семьдесят пятом?

— Я *исчез* в семьдесят пятом.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я изобрел машину времени.

— О боже! Я сделал то же самое, — сказал Хассель, — Сегодня вечером. Меня вдруг осенила эта идея — уже не помню почему, — и я получил совершенно необыкновенные результаты. Послушайте, Леннокс, время не является непрерывным!

— Вот как?

— Это ряд дискретных частиц, вроде бусин на нитке.

— В самом деле?

— Каждая бусинка — это «настоящее». Каждое «настоящее» имеет свое прошлое и свое будущее. Но ни одно из них не связано с другим. Понимаете? Если. $a = a_1 + a_2 j\, i + \square\, ax\, (b_1)$...

— К черту математику, Генри!

— Это форма квантованного переноса энергии. Время излучается дискретными порциями, или квантами. Мы можем войти в любой квант и совершить изменения в нем, но никакие изменения в одной частичке не влияют ни на какие-либо другие частички. Правильно?

— Неправильно, — сказал я с сожалением.

— То есть как это «неправильно»?! — воскликнул профессор, возмущенно размахивая руками буквально где-то между ребрами проходившей мимо студентки. — Достаточно взять трохоидальные уравнения и…

— Неправильно! — твердо повторил я — Хочешь меня послушать, Генри?

— Валяйте, — сказал он.

— Ты заметил, что стал… как бы это выразиться… нематериальным? Призрачным? Лучистым? Что пространство и время для тебя больше не существуют?

— Ага.

— Генри, я имел несчастье построить машину времени еще в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

— Вот как? Послушайте, а как вы решили вопрос с мощностью? Я использовал, по-моему, примерно семь и три десятых киловатта на…

— К черту мощность, Генри. Первый мой визит в прошлое был в плейстоценовую эпоху. Я хотел заснять мастодонта, гигантского ленивца и саблезубого тигра. Когда я пятился, чтобы уместить мастодонта в кадре при диафрагме шесть и три и выдержке сотка или, по шкале ЛВС…

— К черту шкалу ЛВС! — сказал Хассель.

— Когда я пятился, я споткнулся и нечаянно раздавил маленькое плейстоценовое насекомое.

— Ага! — воскликнул Хассель.

— Я был подавлен случившимся. Мне уже мерещилось, как я возвращаюсь в свой мир и застаю его радикально изменившимся из-за смерти этого насекомого. Представь себе мое изумление, когда я вернулся и увидел, что в моем мире ничего не изменилось.

— Ого! — присвистнул Хассель.

— Я заинтересовался. Я снова отправился в плейстоцен и убил мастодонта. В тысяча девятьсот семьдесят пятом году ничего не изменилось. Я вернулся в плейстоцен и истребил там все живое — по-прежнему ни малейшего результата. Я помчался сквозь время, убивая все вокруг, чтобы изменить настоящее.

— Значит, ты поступил так же, как и я! — воскликнул Хассель. — Я прикончил Колумба.

— А я прикончил Марко Поло.

— Но я прикончил Наполеона!

— Ну, Эйнштейн — более значительная персона.

— Даже Магомет ничего не изменил. Уж от него-то я ожидал большего.

— Знаю. Я его тоже прикончил.

— Как это так? — оскорбленно воскликнул Хассель.

— Я его убил шестнадцатого сентября пятьсот девяносто девятого года.

— Я прикончил Магомета пятого января пятьсот девяносто восьмого года!

— Я тебе верю.

— Но как же ты мог его прикончить после того, как я его прикончил?!

— Мы его оба прикончили.

— Это невозможно!

— Молодой человек, — сказал я. — Время — личное дело каждого. Прошлое — оно как память. Мы стерли свое прошлое. Для всех других мир по-прежнему существует, а мы с тобой перестали существовать. Когда ты стираешь у человека память, ты разрушаешь его как личность.

— То есть как это «перестали существовать»?!

— Каждый раз, когда мы в своем прошлом что-то уничтожали, мы немножко таяли. И наконец растаяли совсем. Теперь мы с тобой — призраки… Надеюсь, миссис Хассель будет вполне счастлива с мистером Мэрфи… И вообще, слушай, не лучше ли нам с тобой поторопиться? Сейчас в академии Ампер как раз выдает отличные анекдоты о Людвиге Больцмане!

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

© Перевод Е. Коротковой

К концу XXII столетия ценою денежных потерь и человеческих жертв, с которыми не может сравниться даже ущерб, нанесенный последней мировой войной, было окончательно налажено сообщение между планетами Солнечной системы.

Джон У. Лэкленд. Метрополии Солнечной системы

Венера, 10 июня. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но приготавливать мартини здесь абсолютно не умеют. Маразм!.. Ездила к той потрясающей портнихе, о которой рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять божественных туалетов. Том говорит: «Обмен валюты для нас чистая прибыль». Я: «Как это?» Он: «Доллар стоит у них больше, чем у нас». — «Так почему же не купить шесть платьев?» — спрашиваю я. «Меру знать надо», — отвечает он. А сам купил новую фотокамеру. Свинья!

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили нас в потрясающее бистро, где выступает Клайд Пиппин из нашего старою «Музыкального клуба». Я без ума от его песен. И от него самого. Том вогнал меня в краску, когда начал проверять счет с карандашом в руках. Нас, конечно, обжуливают, только, по мне, уж лучше делать вид, что нам на…ть. На очереди Марс и Сатурн. Потом Альфа Центавра.

Единственное, что мешало практическому осуществлению связи с планетными системами отдаленных звезд, была недостаточная скорость транспортировки. Столетия упорных изысканий ушли на то, чтобы разрешить проблему сверхсветовых скоростей, после чего путешествие к отдаленным мирам занимало уже не годы, а недели.

Зара Кудерт. История межгалактических путешествий

Альфа Центавра, 19 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но воду пить невозможно. Маразм!.. Ездила к тому потрясающему галантерейщику, о котором рассказывала Линда.

Буквально за гроши отхватила пять ярдов дивных кружев. Туземцы — жуткие неряхи и совершенно аморальны. Просто кошмар. А хамство! Том стал фотографировать какую-то их дурацкую церемонию. Поднялся дикий гвалт. Чуть не стащили его фотокамеру. Потом подходит чиновник и гнусит на ломаном английском: «Они говорят, больше нет, пожалуйста. Разбить». Том: «Что разбить?» Чиновник: «Религия. Таинство. Карточки не надо. Разбить». Том: «И у вас хватает наглости называть этот балаган религией?» Чиновник: «Да, пожалуйста». Потом показывает на фотокамеру: «Отдать, пожалуйста. Надо, пожалуйста, разбить». Том (мне): «Какова наглость? Требовать, чтобы из-за нескольких несчастных снимков я отдал им на растерзание четырехсотдолларовую камеру», — «Собор Парижской Богоматери она не осквернила, — говорю, — сойдет и для этих». Том дал им денег, и мы ушли.

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили их в потрясающее бистро, где сейчас выступает Клайд Пиппин. Я просто без ума от него. Когда услышала знакомые мелодии нашего старого «Музыкального клуба», со страшной силой потянуло домой. Том уморил нас всех, изображая из себя заезжее начальство. Он, дескать, сенатор

с Сатурна и изучает обстановку. До смерти их перепугал. Я чуть не лопнула со смеху. Теперь Бетельгейзе.

> *Несходство культур породило столкновения, которые привели в конце концов к Великой галактической войне. Бетельгейзе, разоренный и отчаявшийся, пошел на крайне рискованный шаг. Правительство было свергнуто, и была установлена деспотия деловых кругов, возглавляемая экономическим диктаторам Мадинной.*
>
> ***Артур Раскобер. Политическая экономия Вселенной***

Бетельгейзе, 23 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, и это очень удобно. Не могу понять, откуда взялись слухи насчет бедности и каких-то там нехваток. Вздор! В отеле божественно кормят. Масла, сметаны, яиц хоть завались. Насчет угнетения тоже выдумки. Официанты, горничные и т. д. все время улыбаются, очень жизнерадостны. И даже самолеты при этом Мадинне стали летать регулярно.

Ходила к той потрясающей косметичке, о которой рассказывала Линда. Наконец-то рискнула обрезать волосы. Очень шикарно, но боялась

показаться Тому. Потом он все-таки увидел и взъярился. Сказал, что я похожа на заграничную шлюху. Со временем привыкнет.

Роджеры и Трамбулы, оказывается, тоже тут. Мы все ходили в это дивное бистро, где выступает Клайд Пиппин. Просто без ума от него. После двух месяцев путешествий я сделалась такой космополиткой, что сама ему представилась. Раньше и подумать бы об этом не посмела. Зато теперь откуда что взялось. «Мистер Пиппин, — говорю я ему, — я уже двадцать лет ваша поклонница. С самого детства». — «Спасибо, золотко», — отвечает он. «А от вашей «Развесистой кроны» я просто в восторге». — «Нет, это номер Чарли Хойта, золотко, — говорит он, — я эту песню никогда не пел». — «Но ведь автограф-то я все-таки прошу у вас, а не у Чарли Хойта», — не растерялась я и сама подивилась своей находчивости.

Завтра едем на Андромеду. Страшно волнуюсь. Апогей всего нашего путешествия.

Самым повелительным из сюрпризов, которые Вселенная заготовила человеку, было, пожалуй, известие о там, что жителями Андромеды решена проблема передвижения во времени. В 2754 году был издан указ, позволяющий пользоваться машиной времени только историкам, ученым и студентам.

Старк Робинсон. Темпоральный анализ

Андромеда, 1 августа. Остановились в «Эксельсиоре». Все божественно говорят по-английски. Мы с Томом тут же ринулись к начальству, вооруженные письмами из Торговой палаты, от сенатора Уилкинса и того самого Джо Кейта, чей племянник фактически руководит госдепартаментом. Просили разрешить нам экскурсию во времени. Те ни в какую: только в научных целях, слишком дорого, чтобы использовать для развлечения туристов. Тому пришлось в конце концов их постращать: слегка приврать, чуть-чуть пригрозить. Тогда они согласились. С этими кретинами всегда необходима твердость.

Том выбрал Лондон, 5 сентября 1665 года. «Это почему еще?» — спрашиваю я. «Дата Большого

пожара, уничтожившего Лондон, — отвечает он мне, — всю жизнь мечтал на него посмотреть». — «Не будь ребенком, — говорю я ему, — пожар он и есть пожар. Лучше поглядим наряды Марии Антуанетты». Том: «Ну уж нет! Это ведь я выцарапал разрешение на экскурсию. Так и смотреть мы будем то, что я хочу». Эгоист! Пришлось обменивать деньги на валюту XVII века. Переодеваться в старинную одежду. Сомневаюсь, что ее как следует почистили. Я чуть было не отказалась от экскурсии.

И кто же оказался прав? Пожар как пожар. Мы, правда, купили божественное серебро и фарфор и десять потрясающих столовых приборов. Потом чайный сервиз. А Тому и вовсе грех жаловаться. Отхватил шесть мечей и шлем. Представляю, как все это будет выглядеть у нас в зале. Самое умори-тельное то, что мы почти ни слова не понимали. Эти лондонцы в 1665 году даже на своем родном языке еще не выучились разговаривать! На той неделе домой!

Передвижение в космическом пространстве со скоростью, превосходящей скорость света, породила физический парадокс. Он заключается в там, что, хотя пассажиры космического корабля ощущают течение времени (субъективное время), их перемещение в пространстве происходит с такой быстротой, что для остальной части Вселенной время путешествия практически равняется нулю (объективное время). Например, 1 августа с Андромеды на Землю отправляется космический корабль. К месту назначения он прибывает также 1 августа. Иными словами, время отправления и прибытия совпадает. Однако для тех, кто находился на корабле, путешествие длится неделю.

Оливер Нильсон. Парадоксы космических путешествий

20 августа, дома. Хотя по дневнику уже 20 августа, здесь, на Земле, всего 14 июня. Вся эта муть насчет «субъект» и «объект» времени до меня совершенно не доходит. Мы проездили целых три месяца, а на Земле прошло всего лишь две

недели. Кошмар какой-то. Такое ощущение, что я вообще никуда не уезжала.

Раздаем подарки. С Линдой никакого сладу. Уверяет, что просила привезти ей с Каллисто дико-розовый пеньюар, а не мертвенно-голубой. Ну не бред ли? Это к ее-то волосам дико-розовый!.. Том вне себя. Забыл снять колпачок, когда фотографировал Большой пожар, и все снимки пропали. Теперь никто не хочет верить, что он оказался достаточно важной птицей, чтобы пролезть в машину времени.

Заходили Роджеры и Трамбулы. Звали нас на выпивон в новом «Колониальном клубе». Клайд Пиппин выступает там сейчас с божественной программой. Смертельно хотелось пойти, но пришлось отказаться. Я совершенно выдохлась. Вселенная — это, конечно, вещь, но жить в ней — благодарю покорно!

УПРЯМЕЦ

© Перевод В. Баканова

— В былые дни, — сказал Старый, — были Соединенные Штаты, и Россия, и Англия, и Соединенные Штаты. Страны. Суверенные государства. Нации. Народы.

— И сейчас есть народы, Старый.

— Кто ты? — внезапно спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет. Том.

— Я и сказал Том.

— Вы неправильно произнесли, Старый. Вы назвали имя другого Тома.

— Вы все Томы, — сказал Старый угрюмо. — Каждый Том… все на одно лицо.

Они находились на веранде госпиталя. Старый сидел на солнце, трясся и ненавидел приятного молодого человека. Улица перед ними пестрела празднично одетыми людьми, мужчинами и женщинами, чего-то ждущими. Где-то в недрах красивого белого города гудела толпа, возбужденные возгласы медленно приближались.

— Посмотрите на них. — Старый угрожающе потряс своей палкой. — Все до одного Томы. Все Дейзи.

— Нет, Старый, — улыбнулся Том. — У нас есть и другие имена.

— Со мной сидела сотня Томов, — прорычал Старый.

— Мы часто используем одно имя, Старый, но по-разному произносим его. Я не Том, Том или Том. Я — Том.

— Что это за шум? — спросил Старый.

— Это Галактический Посол, — снова объяснил Том. — Посол с Сириуса, звезды в Орионе. Он въезжает в город. Первый раз такая персона посещает Землю.

— В былые дни, — сказал Старый, — были настоящие послы. Из Парижа, и Рима, и Берлина, и Лондона, и Парижа, и… да. Они прибывали пышно и торжественно. Они объявляли войну. Они заключали мир. Мундиры и сабли и… и церемонии. Интересное время! Смелое время!

— У нас тоже смелое и интересное время, Старый.

— Нет! — загремел старик, яростно взмахнув палкой. — Нет страстей, нет любви, нет страха, нет смерти. В ваших жилах больше нет горячей

крови. Вы сама логика. Все вы Томы. Да.

— Нет, Старый. Мы любим. Мы чувствуем. Мы многого боимся. Мы уничтожили в себе только ало.

— Вы уничтожили все! Вы уничтожили человека! — закричал Старый, указывая дрожащим пальцем на Тома. — Ты! Сколько крови в твоих венах?

— Ее нет совсем, Старый. В моих венах раствор Таммера. Кровь не выдерживает радиации, а я исследую радиоактивные вещества.

— Нет крови. И костей тоже нет.

— Кое-какие остались, Старый.

— Ни крови, ни костей, ни внутренностей, ни… ни сердца. Что вы делаете с женщиной? Сколько в тебе механики?

— Две трети, Старый, не больше, — рассмеялся Том. — У меня есть дети.

— А у других?

— От тридцати до семидесяти процентов. У них тоже есть дети. То, что люди вашего времени делали со своими зубами, мы делаем со всем телом. Ничего плохого в этом нет.

— Вы не люди! Вы монстры! — крикнул Старый. — Машины! Роботы! Вы уничтожили человека!

Том улыбнулся.

— В машине так много от человека, а в человеке от машины, что трудно провести границу. Да и зачем ее проводить? Мы счастливы, мы радостно трудимся, что тут плохого?

— В былые дни, — сказал Старый, — у всех было настоящее тело. Кровь, и нервы, и внутренности — все как положено. Как у меня. И мы работали, и… и потели, и любили, и сражались, и убивали, и жили. А вы не живете, вы функционируете: туда-сюда… Комбайны, вот вы кто. Нигде я не видел ни ссор, ни поцелуев. Где эта ваша счастливая жизнь? Я что-то не замечаю.

— Это свидетельство архаичности вашей психики, — сказал серьезно Том. — Почему вы не позволяете реконструировать вас? Мы могли бы обновить ваши рефлексы, заменить…

— Нет! Нет! — с испугом закричал Старый. — Я не стану еще одним Томом.

Он вскочил и ударил приятного молодого человека палкой. Это было так неожиданно, что тот вскрикнул от изумления. Другой приятный молодой человек выбежал на веранду, схватил старика и бережно усадил его в кресло. Затем он повернулся к пострадавшему, который вытирал прозрачную жидкость, сочившуюся из ссадины.

— Все в порядке. Том?

— Чепуха. — Том со страхом посмотрел на Старого. — Знаешь, мне кажется, он действительно хотел меня ранить.

— Конечно. Ты с ним в первый раз? Мы им гордимся. Это уникум, музей патологии… Иди посмотри на Посла, я здесь посижу.

Старик дрожал и всхлипывал.

— В былые дни, — бормотал он, — были смелость и храбрость, и дух и сила, и красная кровь, и смелость, и…

— Успокойтесь, Старый, у нас тоже все есть, — прервал его новый собеседник. — Когда мы реконструируем человека, мы ничего у него не отнимаем. Заменяем испорченные части, вот и все.

— Ты кто? — спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет, Том. Не Том, а Том.

— Ты изменился.

— Я не тот Том, который был до меня.

— Все вы Томы, — хрипло крикнул Старый. — Все одинаковы.

— Нет, Старый. Мы все разные. Вы просто не видите.

Шум и возгласы приближались. На улице перед госпиталем заревела толпа. Вдали заблестела медь, донесся грохот оркестра. Том взял старика под мышки и приподнял с кресла.

— Подойдите к поручням, Старый! — горячо воскликнул он. — Подойдите и посмотрите на Посла. Это великий день для всех нас. Мы наконец установили контакт со звездами. Начинается новая эра.

— Слишком поздно, — пробормотал Старый, — слишком поздно.

— Что вы имеете в виду?

— Это мы должны были найти их, а не они нас. Мы, мы! В былые дни мы были бы первыми. В былые дни были смелость и отвага. Мы терпели и боролись…

— Вот он! — вскричал Том, указывая на улицу. — Остановился у Института… Вот он выходит… Идет дальше… Постойте, нет. Он снова остановился! Перед Мемориалом… Какой великолепный жест! Какой жест! Нет, это не просто визит вежливости.

— В былые дни мы бы пришли с огнем и мечом. Да. Вот так. Мы бы маршировали по чужим улицам, и солнце сверкало бы на наших касках.

— Он идет! — воскликнул Том. — Он приближа-

ется… Смотрите хорошенько, Старый. Запомните эту минуту. — Том перевел дух. — Он собирается выйти у госпиталя!

Сияющий экипаж остановился у подъезда. Толпа взревела. Официальные лица, окружавшие локомобиль, улыбались, показывали, объясняли. Звездный посол поднялся во весь свой фантастический рост, вышел из машины и стал медленно подниматься по ступеням, ведущим на веранду. За ним следовала его свита.

— Он идет сюда! — крикнул Том, и голос его потонул в приветственном гуле толпы.

И тут произошло нечто незапланированное. Старик сорвался с места. Он проложил себе дорогу увесистой палкой в толпе Томов и Дейзи и возник перед Галактическим Послом. Выпучив глаза, он выкрикнул:

— Я приветствую вас! Я один могу приветствовать вас!

Старик поднял свою трость и ударил Посла по лицу.

— Я последний человек на Земле! — закричал он.

ПИ-ЧЕЛОВЕК

© Перевод В. Баканова

Как сказать? Как написать? Порой я выражаю свои мысли изящно, гладко, даже изысканно, и вдруг — reculer pour mieux sauter[110] — это завладевает мною. Толчок. Сила. Принуждение. Иногда я должен возвращаться но не для того, чтобы прыгнуть; даже не для того, чтобы прыгнуть дальше.

Я не владею собой, своей речью, любовью, судьбой. Я должен уравнивать, компенсировать. Всегда.

Quae nocent docent. Что в переводе означает: вещи, которые ранят, — учат. Я был раним и многих ранил. Чему мы научились? Тем не менее. Я просыпаюсь утром от величайшей боли, соображая, где нахожусь. Ч-черт! Коттедж в Лондоне, вилла в Риме, апартаменты в Нью-Йорке, ранчо в Калифорнии. Богатство, вы понимаете… Я просыпаюсь. Я осматриваюсь. Ага, расположение знакомо:

---

[110] Примечания: 110
Отступить, чтобы прыгнуть дальше *(фр.).*

Спальня	Прихожая	Т
Ванная		Е
Ванная		Р
	Гостиная	Р
Спальня		А
Кухня		С
Терраса		А

О-хо-хо! Я в Нью-Йорке. Но эти ванные… Фу! Сбивают ритм. Нарушают баланс. Портят форму.

Я звоню привратнику. В этот момент забываю английский. (Вы должны понять: я говорю на всех языках. Вынужден. Почему? Ах!)

— Pronto. Ecco mi, Signore Storm. Нет. Приходится parlato italiano. Подождите, я перезвоню через cinque minute.

Re infecta[111]. Латынь. Не закончив дела, я принимаю душ, мою голову, чищу зубы, бреюсь,

---

[111] Примечания: 111
С незавершенным делом *(лат.)*.

вытираюсь и пробую снова. Voila![112] Английский вновь при мне. Назад к изобретению А. Г. Белла («Мистер Ватсон, зайдите, вы мне нужны»).

— Алло? Это Абрахам Сторм. Да. Точно. Мистер Люндгрен, пришлите, пожалуйста, сейчас же несколько рабочих. Я намерен две ванные переоборудовать в одну. Да, оставлю пять тысяч долларов на холодильнике. Благодарю вас, мистер Люндгрен.

Хотел сегодня ходить в сером фланелевом костюме, но вынужден надеть синтетику. Проклятье! У африканского национализма странные побочные эффекты. Пошел в заднюю спальню (см. схему) и отпер дверь, установленную компанией «Нэшнл сейф».

Передача шла превосходно. По всему электромагнитному спектру. Диапазон от ультрафиолетовых до инфракрасных. Микроволновые всплески. Приятные альфа-, бета- и гамма-излучения. А прерыватели пппрр ерррррр ыывва юттттт выборочно и умиротворяюще. Кругом спокойствие. Боже мой! Познать хотя бы миг спокойствия!

К себе в контору на Уолл-стрит я отправляюсь

---

[112] Примечания: 112
Ну вот *(фр.)*.

на метро. Персональный шофер слишком опасен — можно сдружиться; я не смею иметь друзей. Лучше всего утренняя переполненная подземка — не надо выправлять никаких форм, не надо регулировать и компенсировать. Спокойствие! Я покупаю все утренние газеты — так требует ситуация, понимаете? Слишком многие читают «Таймс»; чтобы уравнять, я читаю «Трибьюн». Слишком многое читают «Ньюс» — я должен читать «Миррор». И т. д.

В вагоне подземки ловлю на себе быстрый взгляд — острый, блеклый, серо-голубой, принадлежащий неизвестному человеку, ничем не примечательному и незаметному. Но я поймал этот взгляд, и он забил у меня в голове тревогу. Человек понял это. Он увидел вспышку в моих глазах, прежде чем я успел ее скрыть. Итак, за мной снова «хвост». Кто на этот раз?

Я выскочил у муниципалитета и повел их по ложному следу к Вулворт-билдинг на случай, если они работают по двое. Собственно, смысл теории охотников и преследуемых не в том, чтобы избежать обнаружения. Это нереально. Важно оставить как можно больше следов, чтобы вызвать перегрузку.

У муниципалитета опять затор, и я вынужден

идти по солнечной стороне, чтобы скомпенсировать. Лифт на десятый этаж Влврт. Здесь что-то налетело оттт кк уда ттто и схватило меня. Чччч-ттто тто сстттт рррра шшшшшшшшшшнн ое. Я начал кричать, но бесполезно. Из кабинета появился старенький клерк с бумагами и в золотых очках.

— Не его, — взмолился я кому-то. — Милые, не его. Пожалуйста.

Но вынужден. Приближаюсь. Два удара — в шею и в пах. Валится, скорчившись, как подожженный лист. Топчу очки. Рву бумаги. Тут меня отпускает, и я схожу вниз. 10.30. Опоздал. Чертовски неловко. Взял такси до Уолл-стрит, 99. Вложил в конверт тысячу долларов (тайком) и послал шофера назад в Влврт. Найти клерка и отдать ему.

В конторе утренняя рутина. Рынок неустойчив, биржу лихорадит. Чертовски много балансировать и компенсировать, хотя я знаю формы денег. К 11.30 теряю 109872,43 доллара, но к полудню выигрываю 57075,94.

57075 — изумительное число, но 94 цента… фу! Уродуют весь баланс. Симметрия превыше всего. У меня в кармане только 24 цента. Позвал секретаршу, одолжил еще 70 и выбросил всю сумму из окна. Мне сразу стало лучше, но тут

я поймал взгляд, удивленный и восхищенный. Очень плохо. Очень опасно.

Немедленно уволил бедную девочку.

— Но почему, мистер Сторм? Почему? — спрашивает она, силясь не заплакать.

Милая маленькая девочка. Лицо веснушчатое и веселое, но сейчас не слишком веселое.

— Потому что я начинаю тебе нравиться.

— Что в этом плохого?

— Я ведь предупреждал, когда брал тебя на работу.

— Я думала, вы шутите.

— Я не шутил. Уходи. Прочь! Вон!

— Но почему?

— Я боюсь, что полюблю тебя.

— Это новый способ ухаживания? — спросила она.

— Отнюдь.

— Хорошо, можете меня не увольнять! — Она в ярости. — Я вас ненавижу.

— Отлично. Тогда я могу с тобой переспать.

Она краснеет, не находит слов, но уголки ее глаз дрожат. Милая девушка, нельзя подвергать ее опасности. Я подаю ей пальто, сую в карман годовую зарплату и вышвыриваю за дверь. Делаю себе пометку: не нанимай никого, кроме муж-

чин, предпочтительно неженатых и способных ненавидеть.

Завтрак. Пошел в отлично сбалансированный ресторан. Столики и стулья привинчены к полу, никто их не двигает. Прекрасная форма. Не надо выправлять и регулировать. Сделал изящный заказ:

Мартини		**Мартини**
	Мартини	
Сыр		**Рокфор**
	Салат	
	Кофе	

Но здесь едят так много сахара, что мне приходится брать черный кофе, который я недолюбливаю. Тем не менее приятно.

$X^2 + X + 41$ = простое число. Простите, пожалуйста. Иногда я не в состоянии контролировать себя. Иногда какая-то сила налетает на меня неизвестно откуда и почему. Тогда я делаю то, что принужден делать, слепо. Например, говорю чепуху, часто поступаю против воли, как с клерком в Вулворт-билдинг. В любом случае уравнение нарушается при $X = 40$.

День выдался тихий. Какой-то момент мне

казалось, что придется улететь в Рим (Италия), но положение выправилось без моего вмешательства. Общество зашиты животных наконец застукало меня и обвинило в избиении собаки, но я пожертвовал 10 тысяч долларов на их приют. Отвязались с подхалимским тявканьем… Пририсовал усы на афише, спас тонущего котенка, разогнал наглеющих хулиганов и побрил голову. Нормальный день.

Вечером в балет — расслабиться в прекрасных формах, сбалансированных, мирных, успокаивающих. Затем я сделал глубокий вдох, подавил тошноту и заставил себя пойти в «Ле битник». Ненавижу «Ле битник», но мне нужна женщина, и я должен идти в ненавистное место. Эта веснушчатая девушка… Итак, poisson d'avril, я иду в «Ле битник».

Хаос. Темнота. Какофония звуков и запахов. В потолке одна двадцатипятиваттная лампочка. Меланхоличный пианист играет «новую волну». У лев. стены сидят битники в беретах, темных очках и непристойных бородах, играют в шахматы. У прав, стены — бар и битницы с бумажными коричневыми сумками под мышками. Они шныряют и рыскают в поисках ночлега.

Ох уж эти битницы! Все худые… волнующие

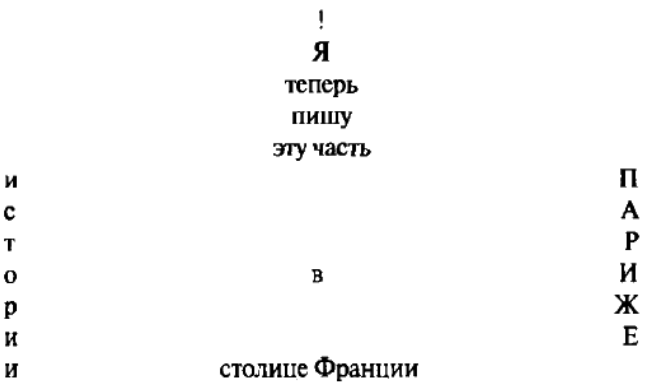
меня этой ночью, потому что слишком много американцев мечтают о полных, а я должен компенсировать. (В Англии я люблю пухленьких, потому что англичане предпочитают худых.) Все в узких брючках, свободных свитерах, прическа под Брижит Бардо, косметика по-итальянски… черный глаз, белая губа… А двигаются они походкой, что подхлестнула Херрика три столетия назад:

И глаз не в силах оторвать я:
Сквозь переливчатое платье
Мелькает плоть, зовя к объятьям![113]

Я подираю одну, что мелькает. Заговариваю. Она оскорбляет. Я отвечаю тем же и заказываю выпивку. Она пьет и оскорбляет в квадрате. Я выражаю надежду, что она лесбиянка, и оскорбляю в кубе. Она рычит и ненавидит, но тщетно. Крыши-то на сегодня нет. Нелепая коричневая сумка под мышкой. Я подавляю симпатию и отвечаю ненавистью. Она немыта, ее мыслительные формы — абсолютные джунгли. Безопасно. Ей не будет вреда. Беру ее домой для соблазнения взаимным презрением. А в гостиной (см. схе-

[113] Примечания: 113
Перевод В. Генкина.

му) сидит гибкая, стройная, гордая, милая моя веснушчатая секретарша, недавно уволенная, ждет меня.



Вынужден был поехать туда из-за событий в Сингапуре. Потребовалась громадная компенсация и регулировка. В какой-то миг даже думал, что придется напасть на дирижера «Опера комик», но судьба оказалась благосклонна ко мне, и все кончилось безвредным взрывом в Люксем-

бургском саду. Я еще успел побывать в Сорбонне, прежде чем меня забросило назад.

Так или иначе, она сидит в моей квартире с одной (1) ванной и 1997,00 сдачи на холодильнике. Ух! Выбрасываю шесть долларов из окна и наслаждаюсь оставшимися 1991. А она сидит там, в скромном черном вечернем платье, черных чулках и черных театральных туфельках. Гладкая кожа рдеет от смущения, как свежий бутон алой розы. Красное — к опасности.

Дерзкое лицо напряжено от сознания того, что она делает. Проклятье, она мне нравится.

Мне нравится изящная линия ее ног, ее фигура, глаза, волосы, ее смелость, смущение… румянец на щеках, пробивающийся, несмотря на отчаянное применение пудры. Пудра… гадость. Я иду на кухню и для компенсации тру рубашку жженой пробкой.

— Ох-хо, — говорю. — Буду частлив знать, зачем ходи-ходи моя берлога. Пардон, мисс, такая языка скоро уйдет.

— Я обманула мистера Люндгрена, — выпаливает милая девушка. — Я сказала, что несу тебе важные бумаги.

— Entschuldigen Sie, bitte. Meine pidgin haben sich

geandert. Sprachen Sie Dcutsch?[114]

— Нет.

— Dann waite ich[115].

Битнйца повернулась на каблучках и выплыла, зовя к объятиям. Я нагнал ее у лифта, сунул 101 доллар (превосходная форма) и пожелал на испанском спокойной ночи. Она ненавидела меня. Я сделал с ней гнусную вещь (нет прощения) и вернулся в квартиру, где обрел английский.

— Как тебя зовут?

— Я работаю у тебя три месяца, а ты не знаешь моего имени? В самом деле?

— Нет, и знать не желаю.

— Лиззи Чалмерс.

— Уходи, Лиззи Чалмерс.

— Так вот почему ты звал меня «мисс»... Зачем ты побрил голову?

— Неприятности в Вене.

— Что ты имеешь в виду?

— Не твое дело. Что тебе здесь надо? Чего ты хочешь?

— Тебя, — говорит она, отчаянно краснея.

---

[114] Примечания: 114

Прошу меня извинить. Мой английский изменился. Вы говорите по-немецки? *(нем.)*

[115] Примечания: 115

Тогда я подожду *(нем.)*.

— Уходи, ради бога, уходи!

— Что есть у нее, чего не хватает мне? — потребовала Лиззи Чалмерс. Затем ее лицо сморщилось. — Правильно? Что. Есть. У нее. Чего. Не. Хватает. Мне. Да, правильно. Я учусь в Бенингтоне, там грамматика хромает.

— То есть как это — учусь в Бенингтоне?

— Это колледж. Я думала, все знают.

— Но — учусь?

— Я на шестимесячной практике.

— Чем же ты занимаешься?

— Раньше экономикой. Теперь тобой. Сколько тебе лет?

— Сто девять тысяч восемьсот семьдесят два.

— Ну перестань. Сорок?

— Тридцать.

— Нет, в самом деле? — Она счастлива. — Значит, между нами всего десять лет разницы.

— Ты любишь меня, Лиззи?

— Я хочу, чтобы между нами что-то было.

— Неужели обязательно со мной?

— Я понимаю, это бесстыдно. — Она опустила глаза. — Мне кажется, женщины всегда вешались тебе на шею.

— Не всегда.

— Ты что, святой? То есть… понимаю, я не голо-

вокружительно красива, но ведь и не уродлива.

— Ты прекрасна.

— Так неужели ты даже не коснешься меня?

— Я пытаюсь защитить тебя.

— Я сама смогу защититься, когда придет время.

— Время пришло, Лиззи.

— По крайней мере, мог бы оскорбить меня, как битницу перед лифтом.

— Подсматривала?

— Конечно. Не считаешь ли ты, что я буду сидеть сложа руки? Надо приглядывать за своим мужчиной.

— Твоим мужчиной?

— Так случается, — проговорила она тихо. — Я раньше не верила, но… Ты влюбляешься и каждый раз думаешь, что это настоящее и навсегда. А затем встречаешь кого-то, и это больше уже не вопрос любви. Просто ты знаешь, что он твой мужчина.

Она подняла глаза и посмотрела на меня. Фиолетовые глаза, полные юности, решимости и нежности, и все же старше, чем глаза двадцатилетней… гораздо старше. Как я одинок — никогда не смея любить, ответить на дружбу, вынужденный жить с теми, кого ненавижу. Я мог

провалиться в эти фиолетовые глаза.

— Хорошо, — сказал я. И посмотрел на часы. Час ночи. Тихое время, спокойное время. Боже, сохрани мне английский… Я снял пиджак и рубашку и показал спину, исполосованную шрамами. Лиззи ахнула.

— Самоистязание, — объяснил я. — За то, что позволил себе сдружиться с мужчиной. Это цена, которую заплатил я. Мне повезло. Теперь подожди.

Я пошел в спальню, где в правом ящике стола, в серебряной коробке, лежал стыд моего сердца. Я принес коробку в гостиную. Лиззи наблюдала за мной широко раскрытыми глазами.

— Пять лет назад меня полюбила девушка. Такая же, как ты. Я был одинок в то время, как и всегда. Вместо того чтобы защитить ее от себя, я потворствовал своим желаниям. Я хочу показать тебе цену, которую заплатила она. Это отвратительно, ноя должен…

Вспышка. Свет в доме ниже по улице погас и снова загорелся. Я прыгнул к окну. На пять долгих секунд погас свет в соседнем доме. Ко мне подошла Лиззи и взяла меня за руку. Она дрожала.

— Что это? Что случилось?

— Погоди.

Свет в квартире погас и снова загорелся.

— Они обнаружили меня, — выдохнул я.

— Они? Обнаружили?

— Засекли мои передачи уном.

— Чем?

— Указателем направления. А затем отключали электричество в домах во всем районе, здание за зданием… пока передача не прекратилась. Теперь они знают, в каком я доме, но не знают квартиры.

Я надел рубашку и пиджак.

— Спокойной ночи, Лиззи. Хотел бы я поцеловать тебя.

Она обвила мою шею руками и стала целовать; вся тепло, вся бархат, вся для меня. Я попытался оттолкнуть ее.

— Ты шпион, — прошептала она. — Я пойду с тобой на электрический стул.

— Если бы я был шпионом… — Я вздохнул. — Прощай, моя Лиззи. Помни меня.

Soyez ferme[116]. Колоссальная ошибка, как это только могло сорваться у меня с языка. Я выбегаю, и тут этот маленький дьявол скидывает туфельки и рвет до бедра узенькую юбчонку,

---

[116] Примечания: 116
Будьте стойкими (фр.).

чтобы та не мешала бежать. Она рядом со мной на пожарной лестнице, ведущей вниз к гаражу. Я грубо ругаюсь, кричу, чтобы она остановилась. Она ругается еще более грубо, все время смеясь и плача. Проклятье! Она обречена.

Мы садимся в машину, «Астон-Мартин», но с левосторонним управлением, и мчимся по Пятьдесят третьей, на восток по Пятьдесят четвертой и на север по Первой авеню. Я стремлюсь к мосту, чтобы выбраться из Манхэттена. На Лонг-Айленде у меня свой самолет, припасенный для подобных случаев.

— J'y suis, j'y reste[117] — не мой девиз, — сообщаю я Элизабет Чалмерс, чей французский также слаб, как грамматика… трогательная слабость. — Однажды меня поймали в Лондоне на почтамте. Я получал почту до востребования. Послали мне чистый лист в красном конверте и проследили до Пикадилли, 139, Лондон. Телефон: Мейфэр 7211. Красное — это опасность. У тебя везде кожа красная?

— Она не красная! — возмущенно воскликнула Лиззи.

— Я имею в виду розовая.

---

[117] Примечания: 117
Я здесь, я здесь останусь (фр.).

— Только там, где веснушки, — сказала она. — Что за бегство? Почему ты говоришь так странно и поступаешь так необычно? Ты действительно не шпион?

— Вероятно.

— Ты существо из другого мира, прилетевшее на неопознанном летающем объекте?

— Это тебя пугает?

— Да, если мы не сможем любить друг друга.

— А как насчет завоевания Земли?

— Меня интересует только завоевание тебя.

— Я никогда не был существом из другого мира.

— Тогда кто ты?

— Компенсатор.

— Что это такое?

— Знаешь словарь Франка и Вагнелла? Издание Франка Х. Визетелли? Цитирую: «То, что компенсирует, устройство для нейтрализации местных влияний на стрелку компаса, автоматический аппарат для выравнивания газового давления в...» Проклятье!

Франк Х. Визетелли не употреблял этого нехорошего слова. Оно вырвалось у меня, нагому что мост заблокирован. Следовало ожидать. Вероятно, заблокированы все мосты, ведущие с

24-долларового острова. Можно было бы съехать с моста, но ведь со мной чудесная Элизабет Чалмерс. Все. Стоп, машина. Сдавайся.

— Kamerad, — произношу я и спрашиваю: — Кто вы? Ку-клукс-клан? КГБ?

Он пристально смотрит на меня, наконец открывает рот:

— Специальный агент Кримс из ФБР, — и показывает значок.

Я ликую и радостно его обнимаю. Он вырывается и спрашивает, в своем ли я уме. Мне все равно. Я целую Лиззи Чалмерс, и ее раскрытый рот под моим шепчет:

— Ни в чем не признавайся. Я вызову адвоката.

Залитый светом кабинет на Фоли-сквер. Так же расставлены стулья, также стоит стол. Мне часто доводилось проходить через это. Напротив — незапоминающийся человек с блеклыми глазами из утренней подземки. Его имя — С. И. Долан.

Мы обмениваемся взглядами. Его говорит: я блефовал сегодня. Мой: я тоже. Мы уважаем друг друга. И начинается допрос с пристрастием.

— Вас зовут Абрахам Мейсон Сторм?

— По прозвищу Бейз.

— Родились 25 декабря?

— Рождественский ребенок.

— 1929 года?

— Дитя депрессии.

— Я вижу, вам весело.

— Юмор висельника, С.И. Долан. Отчаяние. Я знаю, что вы никогда ни в чем не сможете меня обвинить, и оттого в отчаянии.

— Очень смешно.

— Очень грустно. Я хочу быть осужденным… Но это безнадежно.

— Родной город Сан-Франциско?

— Да.

— Два года в Беркли. Четыре во флоте. Кончили Беркли, по статистике.

— Стопроцентный американский парень.

— Нынешнее занятие — финансист?

— Да.

— Конторы в Нью-Йорке, Риме, Париже, Лондоне?

— И в Рио.

— Имущества в акциях на три миллиона долларов?

— Нет, нет, нет! — Яростно. — Три миллиона триста тридцать три тысячи триста тридцать три доллара триста тридцать три цента.

— Три миллиона долларов, — настаивал Долан. — В круглых числах.

— Круглых чисел нет, есть только формы.

— Сторм, чего вы добиваетесь?

— Осудите меня! — взмолился я. — Я хочу попасть на электрический стул, покончить со всем этим.

— О чем вы говорите?

— Спрашивайте, я отвечу.

— Что вы передаете из своей квартиры?

— Из какой именно? Я передаю изо всех.

— Нью-йоркской. Мы не можем расшифровать.

— Шифра нет, лишь набор случайностей.

— Что?

— Спокойствие, Долан.

— Спокойствие!

— Об этом меня спрашивали в Женеве, Берлине, Лондоне, Рио. Позвольте мне объяснить.

— Слушаю вас.

Я глубоко вздохнул. Это всегда трудно. Приходится обращаться к метафорам. Время три часа ночи. Боже, сохрани мне английский.

— Вы любите танцевать?

— Какого черта?!

— Будьте терпеливы, я объясню. Вы любите танцевать?

— Да.

— В чем удовольствие от танца? Мужчина и

женщина вместе составляют… ритм, образец, форму. Двигаясь, ведя, следуя. Так?

— Ну?

— А парады… Вам нравятся парады? Масса людей, взаимодействуя, составляют единое целое.

— Погодите, Сторм…

— Выслушайте меня, Долан. Я чувствителен к формам… больше, чем к танцам или парадам, гораздо больше. Я чувствителен к формам, порядкам, ритмам Вселенной… всего ее спектра… к электромагнитным волнам, группировкам людей, актам враждебности и радушия, к ненависти и добру. И я обязан компенсировать. Всегда.

— Компенсировать?

— Если ребенок падает и ушибается, его целует мать. Это компенсация. Негодяй избивает животное, вы бьете его. Да? Если нищий клянчит у вас слишком много, вы испытываете раздражение. Тоже компенсация. Умножьте это на бесконечность и получите меня. Я должен целовать и бить. Вынужден. Заставлен. Не представляю, как назвать это принуждение. Вот говорят: экстрасенсорное восприятие, пси. А как назвать экстраформенное восприятие? Пи?

— Пик? Какой пик?

— Пи, шестнадцатая буква греческого алфави-

та, обозначает отношение длины окружности к ее диаметру. 3.141592… Число бесконечно… бесконечно мучение для меня…

— О чем вы говорите, черт побери?!

— Я говорю о формах, о порядке во Вселенной. Я вынужден поддерживать и восстанавливать его. Иногда что-то требует от меня прекрасных и благородных поступков; иногда я вынужден творить безумства: бормотать нелепицу, срываться сломя голову неизвестно куда, совершать преступления… Потому что формы, которые я воспринимаю, требуют регулирования, выравнивания.

— Какие преступления?

— Я могу признаться, но это бесполезно. Формы не дадут мне погибнуть. Люди отказываются присягать. Факты не подтверждаются. Улики исчезают. Вред превращается в пользу.

— Сторм, клянусь, вы не в своем уме.

— Возможно, но вы не сумеете запрятать меня в сумасшедший дом. До вас уже пытались. Я сам хотел покончить с собой. Не вышло.

— Так что же насчет передач?

— Эфир переполнен излучениями. К ним я тоже восприимчив. Но они слишком запутанны, их не упорядочить. Приходится нейтрализовывать. Я

передаю на всех частотах.

— Вы считаете себя сверхчеловеком?

— Нет, ни в коем случае. Просто я тот, кого повстречал Простак Симон.

— Не стройте из себя шута.

— Я не строю. Неужели вы не помните считалку: «Простак Симон вошел в вагон, нашел батон. Но тут повстречался ему Пирожник. «Отдай батон!» — воскликнул он». Я не Пи-рож-ник. Я — Пи-человек.

Долан усмехнулся.

— Мое полное имя Симон Игнациус Долан.

— Простите, не знал.

Он посмотрел на меня, тяжело вздохнул, отбросил в сторону мое досье и рухнул в кресло. Это сбило форму, и мне пришлось пересесть. Долан скосил на меня глаза.

— Пи-человек, — объяснил я.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Не можем вас задерживать.

— Все пытаются, — заметил я, — никто не может.

— Кто «все»?

— Контрразведки, убежденные, что я шпион; полиция, интересующаяся моими связями с самыми подозрительными лицами; опальные

политики в надежде, что я финансирую революцию; фанатики, возомнившие, что я их богатый мессия… Все выслеживают меня, желая использовать. Никому не удается. Я часть чего-то гораздо большего.

— Между нами, что это были за преступления?

Я набрал воздуха.

— Вот почему я не могу иметь друзей. Или девушку. Иногда где-то дела идут так плохо, что мне приходится делать пугающие жертвы, чтобы восстановить положение. Например, уничтожить существо, которое люблю. Я… имел собаку, лабрадора, настоящего друга. Нет… не хочу вспоминать. Парень, с которым мы вместе служили во флоте… Девушка, которая любила меня… А я… Нет, не могу. Я проклят! Некоторые формы, которые я должен регулировать, принадлежат не нашему миру, не нашему ритму… ничего подобного на Земле вы не почувствуете. 29/51… 108/303… Вы удивлены? Вы не знаете, что это может быть мучительно? Отбейте темп в 7/5.

— Я не разбираюсь в музыке.

— И не надо. Попробуйте за один и тот же промежуток времени отбить правой рукой пять раз, а левой — семь. Тогда поймете сложность и ужас наплывающих на меня форм. Откуда? Я не знаю.

Это неопознанная Вселенная слишком велика для понимания. Но я должен следовать ритму ее форм, регулировать его своими действиями, чувствами, помыслами, а какая-то

чудовищная сила
подталкивает меня
вперед и
и выворачивает
назад наизнанку…

— Теперь другую, — твердо произнесла Элизабет. — Подними.

Я на кровати. Половина (0,5) в пижаме; другая половина (0,5) борется с веснушчатой девушкой. Я поднимаю. Пижама на мне, и уже моя очередь краснеть. Меня воспитали гордым.

— От mani padme hum. Что означает: о сокровище в лотосе. Имея в виду тебя. Что произошло?

— Мистер Долан сказал, что ты свободен, — объяснила она. — Мистер Люндгрен помог внести тебя в квартиру. Сколько ему дать?

— Cingue lire. No. Parla Italiana, gentile Signorina?[118]

— Мистер Долан мне все рассказал. Это снова твои формы?

---

[118] Примечания: 118
Пять лир. Нет. Вы говорите по-итальянски, милая синьорина? *(ит.)*

— Si.

Я кивнул и стал ждать. После остановок на греческом и португальском английский наконец возвращается.

— Какого черта ты не уберешься отсюда, пока цела, Лиззи Чалмерс?

— Я люблю тебя, — сказала она. — Забирайся в постель… и оставь место для меня.

— Нет.

— Да. Женишься на мне позже.

— Где серебряная коробка?

— В мусоропроводе.

— Ты знаешь, что в ней?

— Это чудовищно — то, что ты сделал! Чудовищно! — Дерзкое личико искажено ужасом. Она плачет. — Что с ней теперь?

— Чеки каждый месяц идут на ее банковский счет в Швейцарию. Я не хочу знать. Сколько может выдержать сердце?

— Кажется, мне предстоит это выяснить.

Она выключила свет. В темноте зашуршало платье. Никогда раньше не слышал я музыки существа, раздевающегося для меня… Я сделал последнюю попытку спасти ее.

— Я люблю тебя. Ты понимаешь, что это значит? Когда ситуация потребует жертвы, я могу

обойтись с тобой даже еще более жестоко…

— Нет. Ты никогда не любил. — Она поцеловала меня. — Любовь сама диктует законы.

Ее губы были сухими и потрескавшимися, кожа ледяной. Она боялась, но сердце билось горячо и сильно.

— Ничто не в силах разлучить нас. Поверь мне.

— Я больше не знаю, во что верить. Мы принадлежим Вселенной, лежащей за пределами познания. Что, если она слишком велика для любви?

— Хорошо, — прошептала Лиззи. — Не будем собаками на сене. Если любовь мала и должна кончиться, пускай кончается. Пускай такие безделицы, как любовь, и честь, и благородство, и смех, кончаются… Если есть что-то большее за ними…

— Но что может быть больше? Что может быть за ними?

— Если мы слишком малы, чтобы выжить, откуда нам знать?

Она придвинулась ко мне, холодея всем телом. И мы сжались вместе, грудь к груди, согревая друг друга своей любовью, испуганные существа в изумительном мире вне познания… страшном, но все же ожжж иддд аю щщщщщ еммм…

ВЫ ПОДОЖДЕТЕ?

© Перевод Вл. Гакова, В. Гопмана

В наше время все еще продолжают появляться старомодные истории о сделках с дьяволом. Разумеется, вам знаком этот стандартный набор: сера, заклинания и пентаграммы, одно жульничество. Одним словом, что в голову взбредет, то и пишут... Только среди этих писак нет ни одного, кто хотя бы в общих чертах разбирался в предмете. Дьявольщина XX века — это превосходно отлаженный механизм, ничем не отличающийся в этом смысле от музыкальных автоматов, лифтов, телевизоров и прочих достижений современной цивилизации, понять принцип действия которых не в состоянии, по моему разумению, никто.

Когда меня в прошлом году в третий раз вышвырнули с работы, я оказался на мели. Хуже того, поверил в свою планиду неудачника. Дела мои были хуже некуда, а ждать от кого-то помощи в наши дни — сами знаете, дохлый номер. Поэтому я решил продать душу дьяволу. Оставалась мелочь — отыскать его.

Я отправился в справочный зал центральной

библиотеки и проштудировал все, что там имелось по демонологии и дьяволоведению. Конечно, как я уже сказал, в этих трудах не содержалось ни единого дельного слова. Кроме того, магические ингредиенты, используемые обычно для вызова дьявола, мне оказались не по карману.

Пришлось пробовать по-другому. Я позвонил в Бюро знаменитостей. Мне ответил приятный мужской голос.

— Да?

— Вы не могли бы сказать, как можно связаться с дьяволом?

— Являетесь ли вы абонентом нашего бюро?

— Нет.

— Очень сожалею, но в таком случае я не вправе давать вам какую-либо информацию.

— А могу я заплатить за одну справку?

— Вы имеете в виду ограниченное обслуживание?

— Да.

— Пожалуйста. Итак, кто знаменитость?

— Дьявол.

— Простите?

— Дьявол. Он же Сатана, Люцифер, Черт, Старина Ник… Дьявол.

— Одну минутку, пожалуйста. — Через пять

минут мужчина раздраженно бросил: — Алло, вы слушаете? Дьявол больше не является знаменитостью.

И повесил трубку.

Тогда я решил еще порыться в телефонном справочнике. На странице, украшенной рекламой ресторана Сарди, я легко нашел искомое. «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал». 477, Мэдисон-авеню, Джадсон, 3-1900. Я набрал номер. Ответил бодрый женский голос:

— «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал» слушают. Доброе утро.

— Будьте добры, соедините меня с мистером Сатаной.

— Линия занята. Вы подождете?

Я подождал, и автомат съел мою монету. Пришлось позвонить еще раз и потерять еще одну. После препирательств с телефонисткой меня все-таки соединили.

— «Сатана, Шайтан, Резня и Ваал» слушают. Доброе утро.

— Пожалуйста, мистера Сатану. И не отключайтесь надолго. Я звоню из…

Раздался щелчок и затем гудки. Я подождал, пока линия не освободится.

— Контора мисс Хоган.

— Могу ли я переговорить с мистером Сатаной?

— Кто его спрашивает?

— Он меня не знает. По личному делу.

— Простите, но мистер Сатана больше не числится в нашей организации.

— Не могли бы вы сказать, где я могу его найти?

Слышно было, как говорившая прикрыла трубку ладонью и какое-то время оживленно дискутировала с кем-то в комнате на бруклинском просторечии. Затем к мисс Хоган вернулась секретарская изысканность:

— Алло, вы слушаете? Мистер Сатана сейчас числится в «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш».

Телефон этой фирмы нашелся в том же справочнике: 383, Мэдисон-авеню, Мюррей-Хилл, 2-1900. Я набрал номер. Прозвучал гудок, и кто-то снял трубку. Металлический голос монотонно пропел:

— Вы неправильно набрали номер. Просим вас еще раз справиться в вашем телефонном справочнике. Вы слушаете магнитофонную запись.

Я еще раз внимательно проверил в справочнике. Там значилось: Мюррей-Хилл, 2-1900. Я

опять набрал номер и выслушал уже знакомое сообщение.

Наконец я прорвался к живой телефонистке и от нее узнал новый номер «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш». Я позвонил. Ответил приятный женский голос:

— «ВБДиШ». Доброе утро.

— Будьте добры, соедините меня с мистером Сатаной.

— С кем?

— С мистером Сатаной.

— Простите, но он у нас не работает.

— Тогда с мистером Вельзевулом или мистером Дьяволом.

— Одну минуту.

Я подождал. Каждые полминуты секретарша отрывисто сообщала:

— Пытаюсь дозвони… — и, прежде чем я успевал вставить слово, отключалась. Наконец я услышал:

— Приемная мистера Дьявола.

— Могу я переговорить с ним?

— А кто спрашивает?

Я назвался.

— Мистер Дьявол разговаривает по другому телефону. Вы подождете?

Что мне оставалось? К тому же следовало пополнить запас монет. Через двадцать минут тот же приятный женский голос информировал меня:

— Его только что вызвали на экстренное совещание. Может ли он позвонить вам позже?

— Спасибо. Я сам перезвоню.

Через девять дней я наконец поймал его.

— Слушаю вас, сэр. Чем могу быть полезен?

Я перевел дух.

— Хочу продать вам свою душу.

— Позвольте ознакомиться с бумагами.

— Простите, не понял.

— Я имею в виду вашу нотариально заверенную собственность. Ваши грехи. Не думаете же вы, что «ВБДиШ» собирается покупать кота в мешке, не так ли? Нам нужно удостовериться, прежде чем мы придем к какому-то соглашению. Так что несите ваши бумаги, а о дне встречи договоритесь с секретаршей.

Я вспомнил все свои грехи. Оформил все как надо. После чего позвонил.

— Простите, он уехал на взморье, — сообщила секретарша, — Позвоните недели через две.

Через пять недель встреча все-таки состоялась. Прежде чем меня провели к мистеру Дьяволу,

я битых два часа проторчал в приемной, стены которой украшали какие-то фотомонтажи, свидетельствующие об успехах фирмы. Наконец я оказался в угловом кабинете — здесь на стенах висели техасские тавра с неоновой подсветкой. Развалившись в кресле, Дьявол наговаривал что-то в диктофон. Это был высокий мужчина с жульническим голосом коммивояжера — вы знаете таких субъектов, они громко разговаривают в лифтах. Дьявол с подчеркнутой сердечностью пожал мне руку и сразу же раскрыл мои бумаги.

— Недурно, недурно, — произнес он, шурша листами. — Полагаю, нам удастся договориться. Итак, что будете заказывать? Как обычно?

— Деньги, успех, счастье.

Он удовлетворенно кивнул.

— Значит, как обычно. Будьте спокойны: где-где, а здесь вас не обжулят. У вас будут и деньги, и успех, и счастье.

— И на какой срок?

— В течение всей жизни — средней продолжительности человеческой жизни. Никакого обмана, мой мальчик, мы консультируемся со страховыми компаниями. Вид у вас вполне здоровый; думаю, вы сможете наслаждаться тем, что мы вам дадим, еще лет сорок — сорок пять. Если

угодно, специально оговорим срок в контракте.

— Без обмана?

— С кем вы только имели дело?! Это у людей заведено надувать друг друга.

— Но вы гарантируете?

— Мы не только гарантируем обслуживание, но и настаиваем, чтобы вы пользовались нашими услугами. Нам совсем не нужны жалобы на нас в Комиссию Высшей Справедливости. Вам необходимо вызывать нас по меньшей мере два раза в год, иначе контракт придется расторгнуть.

— А какого рода обслуживание?

Он пожал плечами:

— Все, что пожелаете. Почистить вам башмаки, вымыть пепельницу, привести танцовщицу из бара. Все это мы уточним позже. Единственное, на чем мы настаиваем: вы должны пользоваться нашими услугами, повторяю, не реже двух раз в год. Наша фирма свято блюдет принцип: «Sine Qua Non».

— И без обмана?

— Без. Сейчас наш юридический отдел займется составлением контракта. Кто будет вас представлять?

— Вы имеете в виду агента? У меня его нет.

Мой собеседник был поражен.

— Нет агента? Мой мальчик, ваше счастье, что вы попали к нам! В другом месте вас ободрали бы как липку. Наймите агента, и пусть он сразу же мне позвонит.

— Хорошо, сэр. М-могу ли я… Позвольте задать вам один вопрос?

— Разумеется, разумеется. «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш» никогда не играют втемную!

— Как все это будет выглядеть… ну, словом, когда срок действия контракта истечет?

— Вы в самом деле хотите знать?

— Да.

— Не советую.

— И все же я хотел бы взглянуть.

И он показал. Это было подобно самому ужасному из ночных кошмаров. Такое не расскажешь даже психоаналитику: черная, бездонная пропасть бесконечных страданий. Это был ад.

Вероятно, я изменился в лице, потому что мой собеседник рассмеялся.

— Ну… может быть, передумали?

— Я согласен.

Мы обменялись рукопожатием, и он проводил меня.

— Не забудьте, — сказал мистер Дьявол на прощание. — Наймите агента, самого лучшего. Это в

ваших интересах.

Я заключил договор с фирмой «Сивилла и Сфинкс». Это было 3 марта. Пятнадцатого я снова позвонил им. К телефону подошла миссис Сфинкс.

— О, простите, произошла небольшая задержка. Дело в том, что мисс Сивилла, которая вела ваше дело, улетела по служебным вопросам в Шеол. Замещаю ее я.

1 апреля я опять позвонил. У телефона оказалась мисс Сивилла.

— О, прошу прощения, произошла небольшая задержка. Дело в том, что миссис Сфинкс пришлось срочно вылететь в Салем на репетицию сожжения ведьм. Она вернется на следующей неделе.

Я позвонил 15 апреля. Секретарша мисс Сивиллы сообщила, что произошла небольшая задержка с составлением контракта — в «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш» проходило что-то вроде реорганизации юридического отдела.

1 мая «Сивилла и Сфинкс» информировали меня, что контракт прибыл и их юридический отдел занят его изучением.

Весь июль мне пришлось заниматься черт знает чем, чтобы свести концы с концами, при-

шлось даже наняться на совершенно никчемную работу в ротаторный исходной радиокомпании. По меньшей мере раз в неделю я получал извещения от Дьявола с подтверждением сделки — все солидно, с подписями и печатями. Вся эта кипа корреспонденции вызывала у меня лишь нездоровый смех: прошло уже четыре месяца со дня нашей встречи с мистером Дьяволом у него в конторе, а дело и не думало сдвигаться с мертвой точки.

Однажды на Парк-авеню я увидел его, спешившего куда-то по делам. Он только что выставил свою кандидатуру на выборы в Конгресс и окликал по имени каждого паршивого полицейского и швейцара. Но меня он, очевидно, не узнал; когда я направился было к нему с вопросом, он отшатнулся от меня, словно я был коммунист или еще что похуже…

В июле переговоры были приостановлены, так как все разъехались на каникулы.

В августе все отправились за границу, на какой-то фестиваль Черной Мессы. Наконец в сентябре «Сивилла и Сфинкс» пригласили меня для подписания контракта. Это оказался внушительный документ на тридцати семи страницах, испещренных вклейками с исправлениями и

добавлениями. На полях каждой страницы были расчерчены какие-то пустые клеточки.

— Если бы вы знали, сколько нам пришлось повозиться, — сообщили мне «Сивилла и Сфинкс» с гордостью.

— Достаточно долго, не так ли?

— О да. С небольшими контрактами, как ваш, всегда больше возни. Поставьте свои инициалы в каждой из пустых клеток и распишитесь на последней странице. Во всех шести экземплярах.

Я расписался. Когда формальности были закончены, я не почувствовал никакой перемены — ни ощущения счастья, ни каких-то видимых признаков успеха, да и карманы по-прежнему были пусты.

— Сделка состоялась? — спросил я.

— Нет. Еще должен подписать Сам.

— Но я не могу больше ждать.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

Я прождал неделю и снова позвонил.

— Вы забыли расписаться на одном экземпляре, — сообщили мне.

Я сходил в контору и исполнил требуемое. Через неделю снова позвонил.

— Сам забыл расписаться на одном экземпляре, — сказали мне.

1 октября я получил одновременно увесистую бандероль и заказное письмо. В бандероли был заверенный и подписанный, скрепленный печатью текст договора между мной и Дьяволом. Наконец-то я смогу насладиться богатством, счастьем и успехом…

Заказное письмо было от «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш», и в нем меня извещали, что в силу невыполнения мной условия контракта, оговоренного пунктом 27-а, контракт считается расторгнутым. О размерах неустойки меня обещали известить дополнительно. Я помчался к «Сивилле и Сфинксу».

— Что за черт, какой еще пункт двадцать семь-а? — мрачно поинтересовались «Сивилла и Сфинкс». Выяснилось, что пункт предусматривал мое обращение за помощью к Дьяволу не реже чем раз в полгода.

— Каким числом датирован контракт? — спросили «Сивилла и Сфинкс».

Мы посмотрели. Контракт был датирован 1 марта, когда я впервые встретился с Дьяволом.

— Март, апрель, май… — Мисс Сивилла принялась загибать пальцы, — Все правильно. Семь месяцев. Вы уверены, что ни разу не обратились к ним?

— Чего ради? Ведь у меня не было на руках контракта.

— Ладно, посмотрим, что можно сделать, — задумчиво произнесла миссис Сфинкс. Она позвонила в юридический отдел «Вельзевул, Белиал, Дьявол и шабаш»; разговор состоялся краткий, но весьма оживленный.

— Они говорят, что договор был заключен первого марта и скреплен рукопожатием, — сообщила миссис Сфинкс, положив трубку. — Они говорят, что обязательства, взятые ими на себя, всегда выполняют самым добросовестным образом.

— Но откуда же я мог знать? Ведь контракта у меня на руках не было.

— Так вы ничего у них не просили?

— Да нет же. Я ждал контракта.

«Сивилла и Сфинкс» связались со стоим юридическим отделом и изложили суть дела.

— Вам нужно обратиться в арбитраж, — ответили там, добавив, что агентам запрещено выступать в качестве поверенных их клиентов.

Чтобы найти юриста, способного защищать мои интересы в арбитраже (479, Мэдисон-авеню. Лексингтон, 5-1900), я вынужден был обратиться к «Магу, Чародею, Вуду, Лозоискателю и Карге»

(99, Уолл-стрит, измененный номер телефона: 3-1900). Они запросили двести долларов плюс двадцать процентов с контракта. Я предъявил им тридцать четыре доллара — все, что у меня осталось за четыре месяца работы в ротаторном цехе. Вряд ли этого хватило бы на аванс адвокату и оплату предварительных издержек.

В середине ноября радиокомпания известила меня, что я понижен в должности и переведен в отдел писем. Мои финансовые дела находились в том состоянии, когда впору было подумать о самоубийстве. Удерживало меня лишь то обстоятельство, что при таком исходе мою душу дополнительно будут трепать в арбитраже.

Мое дело слушалось 12 декабря комиссией в составе трех членов. Меня предупредили, что о решении известят дополнительно. Я подождал неделю и позвонил в «Маг, Чародей, Вуду, Лозоискатель и Каргу».

— Работа комиссии временно прекращена в связи с рождественскими каникулами, — ответили мне.

Я позвонил 2 января.

— Одного из членов комиссии нет в городе.

Я позвонил 10 января.

— Вернулся, но отсутствуют двое других.

— Когда же будет вынесено решение?

— Порой затяжки тянутся месяцами.

— И как вы оцениваете мои шансы?

— Мы пока не проиграли ни одного процесса.

— Это обнадеживает.

— Да, но вы понимаете, что прецедент всегда может быть создан.

Это не обнадеживало. Мне показалось, что разумнее было бы подстраховаться. Наученный опытом, я вновь обратился к телефонному справочнику. «Серафим, Херувим и Ангел». 666, Пятнадцатая авеню, Темплтон, 4-1900.

Я позвонил. Ответил бодрый женский голос.

— «Серафим, Херувим и Ангел». Доброе утро.

— Простите, могу я поговорить с мистером Ангелом?

— Он сейчас разговаривает по другому телефону. Вы подождете?

Я жду до сих пор.

НЕ ПО ПРАВИЛАМ

© Перевод В. Баканова

Девушка, сидевшая за рулем джипа, была очень красива. Кожа отливала нежным загаром, длинные светлые волосы развевались роскошным хвостом. На ней были легкие парусиновые сандалии, голубые джинсы — и больше ничего.

Она остановила джип у библиотеки на Пятой авеню и собиралась уже войти туда, когда ее внимание привлек магазин на противоположной стороне улицы. Она застыла в раздумье, затем скинула джинсы и швырнула их в воркующих на ступенях голубей. Те в испуге взлетели, а девушка подошла к витрине, где было выставлено шерстяное платье с высокой талией, не сильно еще побитое молью. На ценнике стояло $79,90. Кирпичом девушка разбила стекло, предусмотрительно отойдя в сторону. Порывшись на полках и найдя нужный размер, она раскрыла книгу продажи и аккуратно записала: «$79,90. Линда Нсльсен».

Потом вернулась в библиотеку, поднялась, перебежав изгаженный за пять лет голубями холл, на третий этаж и, как всегда, отметилась

в книге выдачи: «Число — 20 июня 1981 г. Имя — Линда Нельсен. Адрес — Центральный парк, Пруд модельных яхт. Профессия — последний человек на Земле».

Достав несколько бесценных художественных изданий, она бегло просмотрела их и вырвала кое-какие иллюстрации, которые отлично подойдут к ее спальне. Этажом ниже сняла с полки два учебника итальянского языка и словарь и уложила все в джип рядом с большой красивой куклой.

Отъехав от библиотеки, она направилась по Пятой авеню, лавируя между стоявшими машинами и осторожно объезжая разрушенные здания. У развалин собора Святого Патрика из ниоткуда вдруг появился мужчина и, не оглядываясь по сторонам, стал переходить улицу прямо перед ней. Она так резко затормозила, что джип вильнул и врезался в останки автобуса. Мужчина вскрикнул, отпрянул назад и замер, глядя на девушку.

— Вы сумасшедший разиня! — закричала она. — Почему не смотрите, куда идете!

Он был крепкого телосложения, с густыми, покрытыми сединой волосами, рыжей бородой и обветренной кожей. Его одежда состояла из туристского костюма и лыжных ботинок. За спиной

висели рюкзак и двустволка.

— Боже мой, — прошептал мужчина осипшим голосом. — Наконец. Я всегда знал, что найду кого-нибудь… — Затем, когда он увидел се изумительные длинные волосы, его лицо поникло. — Но надо же, как не везет, — пробормотал он. Женщина!..

— Вы что, чокнутый? — холодно спросила Линда.

— Простите, леди. По правде говоря, я не рассчитывал на движение.

— Надо же соображать немного, — выразительно сказала она, отводя джип от автобуса.

— Эй, погодите!

— Ну, чего?

— Вы понимаете что-нибудь в телевизорах? Эта чертова электроника…

— Остроумничаете?

— Нет-нет, серьезно.

Линда что-то невнятно пробормотала и тронулась было с места, но он загородил ей дорогу.

— Пожалуйста! Это очень важно для меня. В самом деле, вы разбираетесь в телевизорах?

— Ни капли.

— Вот черт! Прошу прощения, леди, интересно бы узнать: в городе есть парни?

— Здесь никого нет, кроме меня. Я последний человек на Земле.

— Забавно. Я думал то же самое про себя.

— По крайней мере, последняя женщина.

Он затряс головой.

— Но должны же быть другие люди! Может, на юге? Я сам из Нью-Хейвена и иду на юг, где места потеплее, потому что пытаюсь найти ребят, у которых можно кое-что спросить.

— Что именно?

— А, женщине не понять. Не хочу вас обидеть.

— Ну, если вы идете на юг, то не туда забрели.

— Разве юг не там? — спросил бородач, указывая вниз по Пятой авеню.

— Да, но Манхэттен — остров. Вам надо пройти по мосту Джорджа Вашингтона к Джерси.

— А где это?

— Идите по Пятой авеню до Соборной аллеи, потом поднимитесь по Риверсайд…

Беспомощный взгляд.

— Первый раз в городе?

Он кивнул.

— Ну, ладно, — вздохнула Линда. — Залазьте. Я вас подвезу.

Девушка переложила книги и куклу на заднее сиденье, и он сел рядом с ней.

— Путешествуете?

— Да.

— А почему не взяли машину? Бензина и масла полно.

— Я не умею водить, — уныло ответил бородач.

Он выпустил из груди воздух, и массивный рюкзак дрогнул на широкой спине. Девушка изучала его краем глаза. Мгновенье она раздумывала, затем кивнула каким-то своим мыслям и остановила джип.

— В чем дело? — спросил мужчина. — Поломка?

— Как вас зовут?

— Майо. Джим Майо.

— А я Линда Нельсен.

— Рад познакомиться. Почему мы не едем?

— Джим, у меня к вам предложение.

— Да? — Он с сомнением оглядел ее. — С удовольствием выслушаю, леди, то есть Линда, но нужно вам сказать, что у меня определенные планы…

— Джим, если вы мне поможете, я тоже вам помогу.

— Например?

— Я так одинока вечерами… Днем слишком много дел, а вечерами просто ужасно.

— Понимаю, — пробормотал он. — Но причем тут я?

— Почему бы вам не остаться на некоторое время в Нью-Йорке? Я научу вас водить, и вам не придется идти на юг пешком.

— Недурная идея. А водить — это трудно?

— Ерунда, научу вас за несколько дней!

— Я не смогу так быстро.

— Ну хорошо, за месяц. Зато сколько времени вы сэкономите потом!

— Да, — заманчиво… — Он спохватился. — А что я должен сделать для вас?

Ее лицо мечтательно озарилось.

— Джим, я хочу, чтобы вы помогли мне перевезти пианино.

— Пианино? Какое пианино?.

— Розового дерева, «Стейнвей». Из одной квартиры на Пятьдесят седьмой улице. Я просто умираю, так хочу иметь его у себя!

— Обзаводитесь мебелью?

— Да, но, кроме того, я хочу после обеда поиграть на пианино. Нельзя же вечно слушать пластинки! Я все уже приготовила: самоучитель, пособия по настройке… А вот перевезти не могу.

— Но ведь в городе полно квартир с пианино! Вы можете поселиться в любой.

— Ни за что! Я потратила пять лет на устройство своего гнездышка и люблю его. Кроме того, где взять питьевую воду?

Он кивнул.

— Да, вода… Кстати, как у вас с ней?

— Я живу в Центральном парке, в доме у пруда, где раньше хранили модели яхт. Прелестное место. Вдвоем мы установим пианино, Джим. Это будет нетрудно.

— Просто не знаю, Лина…

— Линда.

— Простите. Я…

— Вы кажетесь очень сильным. Чем вы занимались раньше?

— Я был профессиональным борцом.

— О!..

— Но последнее время держал бар в Нью-Хейвене. Он пользовался популярностью у спортсменов. А чем занимались вы?

— Работала в «ББДО».

— Что это такое?

— Рекламное агентство, — объяснила она нетерпеливо. — Поговорим об этом позже, если вы останетесь. Я научу вас водить, мы перевезем пианино, и есть еще несколько вещей, которые я… Впрочем, это подождет. А потом уедете на юг.

— Линда, честное слою, не знаю…

Она взяла его за руки.

— Ну, Джим, пожалуйста. Вы можете остановиться у меня. Я хорошо готовлю, и у меня есть прелестная комната для гостей.

— Зачем? Вы ведь думали, что на Земле больше никого не осталось.

— Глупый вопрос. В приличном доме всегда должна быть комната для гостей! В пруду будете купаться, найдем вам шикарный «Ягуар»…

— Я бы предпочел «Кадиллак»…

— Как угодно. Ну, что скажете, Джим? Договорились?

— Хорошо, Линда, — проворчал он неохотно. — Договорились.

Это был действительно прелестный дом. Овальный пруд в мягких лучах июньского солнца отливал голубизной, там и тут крякали утки. Дом выходил окнами на запад, а вокруг него расстилался парк.

Майо завистливо посмотрел на пруд.

— Только яхт недостает… — произнес он.

— Здесь их было полным-полно, когда я въехала, — сказала Линда.

— Я всегда мечтал иметь модель корабля. Однажды, совсем маленьким…

Майо умолк. Откуда-то донеслись звуки тяжелых ударов, будто камнем били о камень. Вес прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Что это?

Линда пожала плечами.

— Точно не знаю. Думаю, что разрушается город. Вы еще увидите, как иногда разваливаются здания. Привыкаешь со временем… Ну, входите.

Она вся светилась гордостью за свое жилище, хотя у Майо многочисленные украшения вызвали легкое раздражение. Однако викторианская гостиная, спальня-ампир и «деревенская» кухня с настоящей керосиновой плитой произвели на него впечатление. Комната для гостей в колониальном стиле с изящными светильниками, с диваном на изогнутых ножках и ворсистым ковриком его обеспокоила.

— Здесь все такое девичье…

— Естественно. Я ведь девушка.

— Да, конечно. Я имею в виду… — Майо подозрительно огляделся, — Ну, парню подошли бы менее хрупкие вещи.

— Не волнуйтесь. Диван вас выдержит. Теперь запомните, Джим. Ботинки в комнате снимать. С ковриком будьте поаккуратней, на ночь лучше убирайте. Я взяла его в музее и не хочу, чтобы он

трепался. У вас смена одежды есть?

— Только то, что на мне.

— Завтра достанем другую. Ваше тряпье даже стирать не стоит.

— Послушайте, — в отчаянии взмолился он. — Обоснуюсь-ка я, пожалуй, прямо в парке.

— Почему?!

— Видите ли, я больше привык к этому, чем к таким домам. Но вы не беспокойтесь, Линда, я где-нибудь поблизости.

— Чепуха, — твердо заявила Линда. — Вы мой гость и будете жить здесь. Теперь мыться — я угощу вас обедом.

Ели они из дорогих китайских тарелок, пользовались шведскими серебряными вилками. Обед был довольно легким, и Майо остался голоден, но сказать об этом не решился. Не желая придумывать повод выйти в город и перехватить что-нибудь посущественней, он просто отправился спать, сняв ботинки, но совершенно забыв про коврик.

Утром его разбудило громкое кряканье. Соскочив с постели и подойдя к окну, он увидел, как с пруда взлетают утки, испуганные каким-то красным пятном. Когда глаза Майо привыкли к яркому свету, он разглядел, что это купальная ша-

почка. Потягиваясь и зевая, Джим вышел к воде. Линда радостно приветствовала его, подплыла к берегу и вылезла. Кроме красной шапочки на ней ничего не было. Майо отодвинулся, чтобы на него не попали брызги.

— Доброе утро, — сказала Линда. — Хорошо спал?

— Доброе утро, — ответил Майо. — Нормально. Ух, вода, должно быть, холодная-холодная. У тебя гусиная кожа.

— Вода изумительная. — Она стянула шапочку и распустила волосы. — Где полотенце? Ах вот… Давай, Джим, сразу освежишься.

— Кому охота купаться в такую холодину?

— Ну же, не трусь!

Раскат грома расколол тихое утро. Майо пораженно уставился в небо.

— Какого черта!.. Что это? Будто самолет прошел звуковой барьер! — воскликнул он.

— Смотри, — приказала Линда. — Вот! — воскликнула она, указывая на запад. — Видишь?

Один из вестсайдских небоскребов величественно оседал, разваливаясь на глазах. Поднялся столб пыли, почва задрожала, и тут же раздался грохот падения.

— Боже, что за зрелище, — пробормотал оше-

ломленный Майо.

— Упадок и разрушение… — прокомментировала Линда. — Ну, ныряй, Джим. Я принесу тебе полотенце.

Она вбежала в дом. Майо скинул брюки и снял носки, но все еще стоял на берегу, с несчастным видом трогая воду ногой, когда она вернулась с громадным купальным полотенцем.

— Ужасно холодно, Линда, — пожаловался он.

— Разве тебе не приходилось принимать холодный душ?

— Ни в коем случае! Только горячий.

— Джим, если будешь так стоять, никогда не решишься. Посмотри на себя, ты уже дрожишь. Это у тебя что на груди, татуировка?

— Ага. Пятицветный питон. Восточный. Он обвивается по всему телу. Видишь? — Майо с гордостью повернулся. — Мне его накололи в Сайгоне в шестьдесят четвертом, когда я служил на флоте. Красиво, да?

— А не больно?

— Ерунда! Другие парни выставляют Это так, будто они перенесли адские муки, но это просто бахвальство.

— Ты служил на флоте в шестьдесят четвертом?

— Ну.

— Сколько же тебе было лет?

— Двадцать.

— Значит, теперь тебе тридцать семь? И седина у тебя преждевременная?

— Наверно.

Линда посмотрела на него с задумчивым видом.

— Знаешь, что? Если решишься окунуться, не мочи голову.

Она снова вбежала в дом. Майо, застыдившись своих колебаний, заставил себя опустить ногу в пруд. Он стоял но пояс в воде, опасливо брызгая на плечи и грудь, когда вернулась Линда — со стулом, ножницами и расческой.

— Разве не прекрасно?

— Нет.

Она рассмеялась.

— Ну, хорошо, выходи. Я тебя подстригу. И бороду уберем. Посмотрим, на кого ты похож.

Через пятнадцать минут Линда оглядела плоды своего труда и удовлетворенно кивнула:

— Красив, очень красив.

— Ну, ты уж хватила. — Он покраснел.

— На кухне я согрела воду. Иди побрейся. И не вздумай одеваться. После завтрака мы подберем

тебе одежду, а потом… Пианино.

— Но я не могу разгуливать по улице голышом! — смущенно возразил Майо.

— Не глупи. Кто тебя увидит? Давай, поторапливайся.

Они доехали до магазина «Аберком и Фитч» на углу Мэдисон и Сорок пятой улицы. Сдернув с Майо полотенце, в которое он стыдливо завернулся, Линда сняла с него мерку и исчезла в глубине магазина. Вернулась она с полными руками.

— Джим, я достала прелестные лосиные мокасины и костюм для сафари, и шерстяные носки, и походные рубашки, и…

— Слушай, — оборвал он. — Ты знаешь, сколько это стоит? Почти полторы тысячи долларов!

— Да? Давай, сперва штаны…

— Ты сошла с ума, Линда. Зачем все это барахло?

— Носки не малы?.. Какое барахло? Эти вещи мне нужны.

— Такие как… — Он начал подписывать ярлыки продажи, — как маска для подводного плавания с плексигласовыми линзами за девять девяносто пять? Для чего?

— Чтобы очистить дно пруда.

— А столовый набор из нержавеющей стали за

тридцать девять долларов?

— Это если я заленюсь и не захочу греть воду. Нержавейку можно мыть в холодной воде. — Она с восхищением смотрела на него. — Джим, ты только взгляни на себя в зеркало! Вылитый охотник из рассказа Хэмингуэя!

Он покачал головой:

— Не представляю, как ты расплатишься. Надо быть поэкономней, Линда. Тратить такую уйму денег!.. Может, лучше забудем про пианино?

— Никогда, — возмущенно заявила Линда. — Мне все равно, сколько оно стоит!

После дня напряженной физической и умственной работы пианино было установлено в гостиной. Майо в последний раз убедился, что оно не рухнет, и устало плюхнулся в кресло.

— Боже! — простонал он. — Легче было пешком идти на юг.

— Джим! — Линда подбежала и бросилась ему на грудь. — Джим, ты ангел. Как ты себя чувствуешь?

— В порядке, — проговорил он. — Слезь с меня, Линда, я не могу вздохнуть.

— Как мне тебя отблагодарить? Я сделаю все, что хочешь, только скажи.

— А-а, — отмахнулся он. — Ты меня уже под-

стригла.

— Я серьезно.

— Ты не собираешься учить меня водить?

— Разумеется. Я теперь вечно у тебя в долгу.

Линда села на стул, не сводя глаз с пианино.

— Не поднимай много шуму по пустякам.

Майо с кряхтеньем поднялся, сел за инструмент, смущенно улыбнулся через плечо и заиграл менуэт. Линда выдохнула и резко выпрямилась.

— Ты играешь… — прошептала она.

— Немного учили в детстве.

— И умеешь читать ноты?

— Вроде бы.

— Научишь меня?

— Попробую, это трудно. О, вот еще что я сыграю.

Он начал калечить «Ликование весны».

— Прекрасно… Просто прекрасно!

Линда смотрела ему в спину, и выражение решимости крепло на ее лине. Она медленно подошла к Майо и положила руки ему на плечи.

Он поднят голову.

— Мм-м?

— Ничего, — ответила она. — Ты играй, играй, а я приготовлю обед.

Но остаток дня Линда была так занята какими-

то мыслями, что Майо стал нервничать и рано отправился спать.

Годный автомобиль нашли только часа в три на следующий день, причем не «Кадиллак», а «Шевроле». Они выехали из гаража на Десятой авеню и направились восточнее, где Линда лучше ориентировалась. Она призналась, что границы ее мира простираются от Пятой авеню до Третьей и от Сорок второй улицы до Восемьдесят шестой.

Девушка передала руль Майо и предоставила ему возможность тащиться вниз по Мэдисон, упражняясь в остановках и стартах. Пять раз он терял управление, одиннадцать раз наезжал на машины и даже врезался в витрину — к счастью, без стекла.

— Черт, как трудно, — дрожа от напряжения, выдавил Майо.

— Главное — практика, — успокоила Линда. — Не волнуйся. Обещаю, что через месяц ты будешь классным водителем.

— Целый месяц!

— Ничего не поделаешь, сам говорил, что плохой ученик. Останови здесь.

Машина судорожно дернулась и остановилась, Линда выскочила.

— Подожди меня.

— Что ты хочешь?

— Сюрприз.

Она подбежала к магазину и исчезла. Вернулась она через полчаса в черном платье с жемчужными бусами и в лакированных бальных туфельках на высоком каблуке. Волосы были уложены в пышную прическу.

— Теперь поедем на Пятьдесят вторую улицу.

Майо очнулся от столбняка и тронул машину.

— Ты чего это разоделась?

— Это вечернее платье для коктейлей… Эй, Джим! — Она схватила руль и еле успела отвернуть от стремительно надвигающегося кузова грузовика. — Я веду тебя в знаменитый ресторан.

— Поесть?

— Нет, глупенький. Выпить. Теперь налево. И попробуй плавно затормозить.

Кое-как остановившись, Майо вышел из машины и стал принюхиваться.

— Чувствуешь?

— Что?

— Какой-то сладковатый запах.

— Это моя косметика.

— Нет, что-то в воздухе, сладкое и удушливое. Знакомый запах… Черт, не вспомню.

— Не обращай внимания. Пошли.

Она ввела его в ресторан.

— Тебе надо было надеть галстук, — прошептала Линда. — А, ладно, обойдется.

Сам ресторан не произвел на Майо ни малейшего впечатления, но его зачаровали висевшие в баре портреты знаменитостей. Он едва не обжег пальцы, всматриваясь в пламени спичек в Мэла Аллена, Реда Барбера, Кэсси Штенгеля, Фрэнка Гиффорда и Роки Маркиано. Когда пришла Линда с зажженной свечой, он нетерпеливо повернулся к ней.

— Ты встречалась здесь с кем-нибудь из этих телезвезд?

— Наверное. Выпьем?

— Да-да. Но я хотел бы поговорить о них.

Майо проводил девушку к стойке, сдул пыль с табурета и галантно помог сесть, а сам обошел стойку с другой стороны и профессионально вытер ее платком.

— Моя специальность, — ухмыльнулся он. — Добрый вечер, мадам. Что угодно?

— Боже, как я устала сегодня!.. Мартини со льдом. Сделайте двойной.

— Да, мадам. Оливку?

— Луковичку.

— Значит, двойной «гибсон» со льдом. Сию

секунду. — Майо пошарил в баре и извлек виски и несколько бутылок содовой. — Боюсь, мартини не получится, мадам. Нет джина. Что бы вы хотели еще?

— Тогда скотч, пожалуйста.

— Содовая выдохлась, — предупредил он. — И нет льда.

— Ничего.

Майо ополоснул стакан содовой и налил в него виски.

— Благодарю. Составьте мне компанию, бармен. Я угощаю. Как вас зовут?

— Джим, мадам. Нет, спасибо, не пью за стойкой.

В таком случае выходите из-за стойки и присоединяйтесь ко мне.

— Я не пью, мадам.

— Можете звать меня Линдой.

— Благодарю, мисс Линда.

— Ты серьезно не пьешь, Джим?

— Да.

— Ну, ваше здоровье.

— Пчелы! — неожиданно вскричал Майо.

Линда изумленно раскрыла глаза.

— Ты чего, Джим?

— Я вспомнил этот запах — как в пчелиных

ульях.

— Да? Понятия не имею, — безразлично сказала Линда. — Может быть… Еще порцию.

— Сейчас сделаем. Послушай, об этих знаменитостях… Ты действительно их видела? Вот как меня?

— Конечно!

— А кого именно?

Она рассмеялась.

— Ты напоминаешь мне малыша из соседней квартиры. Ему я тоже должна была рассказывать, с кем из телезвезд встречалась. Однажды я сказала ему, что видела здесь Джина Артура, и он спросил: «Со своей лошадью?»

Майо не понял, но тем не менее был уязвлен. Линда собиралась развеять обиду, когда здание вдруг затряслось, словно от далекого подземного взрыва. Майо уставился на Линду.

— Боже праведный! А что, если и этот дом развалится?

Она покачала головой:

— Нет, сперва всегда раздается такое «бум».

— Нужна еще содовая. — Он исчез ненадолго и появился бледный, с бутылками и меню. — Ты полегче, Линда. Знаешь, сколько они дерут за порцию? Почти два доллара. Вот, полюбуйся!

— Плевать! Давай кутить! Сделайте двойной, бармен. Эх, Джим, если бы ты остался в городе, я показала бы тебе, где жили все твои герои. Спасибо. Ваше здоровье. Я могла бы показать и их ленты. Ну? Такие знаменитости, как… как Ред… как его?

— Барбер.

— Ред Барбер и Роки Кэсси, и Роки Летающая Белка…

— Ты обманываешь меня, — надулся Джим, снова обидевшись.

— Я, сэр? Вас обманываю? — с достоинством спросила она. — Просто стараюсь доставить тебе удовольствие. Мама меня учила: «Линда, — говорила она, — запомни одно: носи то, что мужчине хочется, и говори то, что мужчине нравится». Вот что она мне советовала… Хочешь это платье?

— Мне оно нравится, если я правильно тебя понял.

— Знаешь, сколько я за него заплатила? Девяносто девять пятьдесят.

— Что?! Сотню долларов за никчемный передник?

— Вовсе это и не никчемный передник, а выходное платье! И еще двадцать долларов — жемчуг. Искусственный, — пояснила она. — И шестьдесят

залакированные туфельки. И сорок — косметика. Двести двадцать долларов, чтобы доставить тебе удовольствие. Ну как, доставила?

— Ясное дело.

— Хочешь меня понюхать?

— Я уже.

— Бармен, сделайте еще.

— Вам достаточно, пожалуй.

— Нет, не достаточно! — возмутилась Линда. — Где ваши манеры? — Она схватила бутылку виски. — Давай поговорим о телезвездах. Твое здоровье. Я могу отвести тебя в «ББДО» и показать их фильмы. Ну как?

— Ты уже спрашивала.

— Но ты не ответил. Ты любишь кино? Я его ненавижу, но именно кино спасло мне жизнь, когда наступило Великое Последнее «БАЦ»!

— То есть как?

— Это секрет, понимаешь? Только между нами. Если пронюхает другое агентство… — Линда огляделась и понизила голос: — «ББДО» нашло хранилище неизвестных немых фильмов, ясно? Решили сделать большой телесериал. И послали меня в заброшенную шахту в Джерси.

— В шахту?

— Ага. Твое здоровье.

— Фильмы были в шахте?

— Старые ленты. Ацетатная основа. Горят. Их нужно хранить, как вино. И я с двумя помощницами провела там внизу несколько дней. Три девушки, с пятницы до понедельника. Таков был план. Твое здоровье. Вот… Где я остановилась? Ах, да. Взяли фонари, одеяла, полно еды и отправились, как на пикник. Точно помню момент, когда все произошло. Мы искали третью катушку старого немецкого фильма. Есть первая, вторая, четвертая, пятая, шестая. Третьей нет. БАЦ!.. Твое здоровье.

— Боже! А что потом?

— Девочки испугались. Не могла удержать их внизу. Больше никогда их не видела. Но я знала. Знала. Растягивала еду. Наконец поднялась, и зачем? Для кого? Для чего? — Она всхлипнула и вцепилась в руку Майо. — Почему бы тебе не остаться?

— Остаться? Где?

— Здесь.

— Я остаюсь.

— Я имею в виду надолго. Ну почему нет? Разве у меня не прелестный дом? В нашем распоряжении весь Нью-Йорк. Тут много продуктов. Можно выращивать цветы и овощи, ловить рыбу, водить

машину, ходить в музеи, развлекаться…

— Ты и так развлекаешься. Я тебе не нужен.

— Нужен. Нужен.

— Для чего?

— Для уроков музыки.

После долгого молчания он сказал:

— Ты пьяна.

— Нет, не ранение, сэр. Насмерть. — Она опустила голову на стойку и закрыла глаза.

Майо сжал губы, что-то подсчитал в уме и положил под бутылку пятнадцать долларов. Он тронул Линду за плечо, и она упала ему на руки. Майо задул свечу, отнес девушку в машину и с величайшей сосредоточенностью поехал к пруду.

Он внес Линду в ее спальню, украшенную множеством всевозможных кукол, и усадил на постель. Она немедленно повалилась навзничь, негромко мурлыча. Майо зажег лампу и попытался приподнять девушку. Она снова повалилась, тихо хихикая.

— Линда, тебе надо раздеться.

— Мпф…

— Так спать нельзя. Платье стоит сто долларов.

— Девнсто девть псят.

— Ну, детка.

— Мпф…

Майо в отчаянии закатил глаза, раздел ее, аккуратно повесил вечернее платье и поставил шестидесятидолларовые туфли в угол. Расстегнуть нить жемчуга он не сумел и положил Линду в постель в таком виде. Лежащая обнаженной на бледно-голубых простынях, она казалась нордической одалиской.

— Ты не сбросил моих кукол? — пробормотала она.

— Нет. Они вокруг тебя.

— Хорошо. Никогда не сплю без них… Ваше здоровье.

— Женщина!.. — прорычал Майо, задул лампу и вышел, хлопнув дверью.

На следующее утро его снова разбудило кряканье потревоженных уток. Посреди пруда в ярких лучах июньского солнца сверкала красная шапочка. Майо пожалел, что там не модель яхты, а девушка из тех, что напиваются в барах. Он вошел в воду как можно дальше от Линды и стал осторожно брызгать себе на грудь. Вдруг что-то ударило его по коленке. Он издал вопль и, повернувшись, увидел сияющее лицо Линды, вынырнувшей из воды.

— Доброе утро, — засмеялась она.

— Очень смешно, — буркнул он.

— Сегодня ты такой сердитый.

Майо выразительно хмыкнул.

— Я тебя не виню. Сама виновата — забыла вчера накормить тебя ужином.

— Ужин тут ни при чем, — произнес он с достоинством.

— Да? Чего же ты дуешься?

— Не переношу пьяных женщин.

— Кто это был пьян?!

— Ты.

— Я — нет! — возмутилась Линда.

— Нет? Кого пришлось раздевать и укладывать баиньки, как младенца?

— А кто оказался настолько глуп, что не снял мой жемчуг? — негодующе потребовала она. — Нитка порвалась, и я всю ночь спала, как на гальке. Вся в синяках! Посмотри: здесь, и здесь, и…

— Линда, — сурово произнес он, — я простой парень из Нью-Хейвена. Я не привык общаться с испорченными девушками, которые только тем и занимаются, что выискивают наряд покрасивее да проводят время в модных барах.

— Если тебе не нравится моя компания, чего ты здесь торчишь?

— Я уезжаю, — сказал Майо. Он вылез из воды

и стал вытираться. — Отправляюсь на юг.

— Счастливо дотопать.

— Я на машине.

— На трехколесном велосипедике?

— На «Шевроле».

— Джим, ты серьезно? — Линда встревожилась и вышла из пруда. — Ты ведь еще не умеешь водить.

— А кто тебя вчера ночью привез домой мертвецки пьяной?

— Ты попадешь в катастрофу!

— В общем, здесь мне делать нечего. Ты девушка светская и любишь развлечения. А у меня на уме кое-что поважнее: надо найти ребят, понимающих в телевидении.

— Джим, ты ошибаешься. Я не такая. Посмотри, как я обставила свой дом.

— Недурно, — нехотя признал он.

— Пожалуйста, не уезжай сегодня. Ты еще не готов.

— А, ты просто хочешь, чтобы я учил тебя музыке.

— Кто тебе это сказал?

— Ты сама. Вчера вечером.

Линда нахмурилась, сняла шапочку и начала вытираться.

— Джим, я буду с тобой честной, — наконец проговорила она. — Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты задержался, не спорю. Но не надолго. В конце концов, что у нас общего?

— Ну да, ты же городская, — горько сказал он.

— Нет, это тут ни при чем. Просто ты парень, а я девушка, и мы ничего не можем предложить друг другу. Мы разные. У нас разные вкусы и интересы. Верно?

— Ну.

— Но ты еще не готов уезжать. Поэтому давай так: утром попрактикуемся в вождении, а потом отдохнем. Чего бы ты хотел? Сходить за покупками? В музей? А может, устроим пикник?

Его лицо просветлело.

— Знаешь, я никогда в жизни не был на пикнике. Однажды я подрабатывал барменом в одной компании, выехавшей за город, но это совсем другое дело.

— Вот и устроим настоящий пикник! — воскликнула Линда.

Так они и отправились к площадке Алисы: она несла свои куклы, Майо — корзину с едой. Статуи поразили его, ничего не слышавшего о Льюисе Кэрролле. Когда Линда усадила своих крошек и разобрала корзину, она вкратце рассказала

содержание «Алисы в Стране Чудес» и объяснила, что бронзовые головы Алисы, Болванщика и Мартовского Зайца отполированы до блеска карабкавшимися на них детишками, играющими в «Короля горы».

— Странно, я и не знал об этой истории, — произнес Майо.

— Мне кажется, у тебя было не слишком беззаботное детство, Джим.

— Почему…

Он замолчал и прислушался.

— Что случилось?

— Слышала сейчас сойку?

— Нет.

— Слушай. Она издает странные звуки — словно сталь звякает о сталь.

— Сталь?

— Ага. Как… как мечи на дуэли.

— Но птицы поют, а не шумят.

— Не всегда. Сойка много подражает. Скворцы тоже. И попугаи… Но почему она имитирует дуэль на мечах? Где она могла ее слышать?

— Ты настоящий деревенский парень, Джим. Пчелы, сойки, скворцы…

— Наверно. Я хотел спросить: почему ты решила, что у меня не было детства?

— Ну, ты не читал про Алису, никогда не был на пикнике, мечтаешь иметь модель яхты… — Линда открыла темную бутылку. — Хочешь немного вина?

— Тебе бы лучше не надо, — предупредил он.

— Прекрати, Джим. Я не пьяница.

— Напилась ты вчера или нет?

Она капитулировала:

— Ну ладно, напилась. Но только потому, что несколько лет и капли в рот не брала!

Его подкупило ее признание.

— Конечно. Конечно. Я понимаю.

— Решай, присоединишься ко мне?

— А, черт побери, почему бы и нет? — Он усмехнулся. — Кутить так кутить. Твое здоровье!

Они выпили и продолжали есть в теплом молчании, дружески улыбаясь друг другу. Линда сняла свою мадрасскую шелковую рубашку, чтобы позагорать под слепящим полуденным солнцем, а Майо любезно повесил се на ветку. Неожиданно Линда спросила:

— Почему у тебя не было детства, Джим?

— Не знаю. — Он задумался. — Наверное, потому, что моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. И еще: мне приходилось много работать.

— Зачем?

— Мой отец был школьным учителем. Сама знаешь, сколько они получали.

— А, так вот почему ты антиинтеллектуал.

— Я?

— Конечно. Не обижайся.

— Может быть, — согласился Майо. — Уж для него точно было ударом, что я, вместо того чтобы стать Эйнштейном, играл в футбол.

— А это интересно?

— Футбол — дело серьезное, обычные игры лучше… Эй, помнишь, как мы разбивались на группы? «Иббети, биббети, зиббети, заб!»

— Мы говорили: «Энни, менни, минни, мо!»

— А помнишь: «Апрельский Дурак попал впросак, сказал учителю, что он чудак!»

— «Люблю кофе, люблю чай, люблю мальчишек, а они меня».

— Спорю, что так и было, — мрачно сказал Майо.

— Не меня.

— Почему?

— Я всегда была слишком крупной.

Майо изумился.

— Но ты вовсе не крупная! Ты как раз нормальной комплекции. Идеальной. И хорошо сложена.

Я заметил это, когда мы передвигали пианино. Для девушки у тебя отличные мускулы. Особенно на ногах, именно там, где нужно.

Она покраснела.

— Прекрати, Джим.

— Нет, честно.

— Еще капельку вина?

— Спасибо. И себе наливай.

Раскат грома расколол тишину, за ним последовал грохот падающего здания.

— Одним небоскребом меньше, — произнесла Линда. — О чем мы говорили?

— Об играх, — напомнил Майо. — Извини, что я болтаю с полным ртом.

— Ох, да брось… Джим, ты играл у себя в Нью-Хэйвене в «Урони платок»? — Линда запела: — «Калинка-малинка, желтая корзинка, письмо к тому, кого любила, вчера я обронила»…

— У-у, — протянул он. — Ты здорово поешь.

— Подлиза!

— Нет-нет, у тебя отличный голос, не спорь. Подожди. Я должен подумать.

Некоторое время Майо усердно размышлял, допивая свой стакан и с отсутствующим видом принимая новый. Наконец он изрек решение:

— Тебя нужно учить музыке.

— Джим, я все бы отдала!

— Итак, я остаюсь и учу тебя тому, что сам знаю. Ладно, ладно! — поспешно добавил он, видя, как она реагирует. — Только не у тебя дома, я сам найду место.

— Конечно, Джим, как хочешь.

— А потом уеду на юг.

— Я научу тебя водить. Обещаю.

— И меня не держи. Чтоб не просила в последнюю минуту перенести какой-нибудь диван.

Они засмеялись и допили вино. Внезапно Майо вскочил, дернул Линду за волосы и вскарабкался на голову Алисы.

— Я Король горы! — закричал он, обозревая свои владения из-под нахмуренных бровей. — Я Король…

Он вдруг замолчал и уставился вниз.

— Джим, что случилось?

Не говоря ни слова, Майо слез и направился к нагромождению каких-то обломков, полускрытых разросшимися кустами. Он опустился на колени и стал осторожно их разбирать. Подбежала Линда.

— Джим, что…

— Это были модели яхт, — прошептал он.

— Ну да. О боже, только и всего-то? Я уж испу-

галась…

— Как они попали сюда?

— Я их сама выбросила.

— Ты?

— Да. Я же говорила. Мне надо было очистить от них дом, когда я въезжала.

— Убийца! — прорычал Майо, вскочив на ноги и с ненавистью глядя на нее. — Ты как все женщины — без сердца, без души. Сделать такое!

Он повернулся и зашагал к пруду. Линда последовала за ним в полном замешательстве.

— Джим, ничего не понимаю… Какая муха тебя укусила?

— Стыдись!

— Но не могла же я жить в доме, где негде повернуться из-за всяких яхт!

— Все! Забудь, что я тебе говорил. Я не остался бы с тобой, будь ты последним человеком на Земле!

Линда внезапно рванулась вперед и, когда Майо подошел к своей комнате, уже стояла перед ней с ключом.

— Дверь заперта, — выдохнула она.

— Отдай ключ, Линда.

— Нет.

Майо шагнул вперед, но она смело посмотрела

ему в глаза и не сдвинулась с места.

— Давай, — запальчиво выкрикнула Линда, — ударь меня!

Он остановился.

— Я пальцем не трону того, кто меньше меня ростом.

Они продолжали глядеть друг на друга.

— Ну и оставайся, — наконец пробормотал Майо. — Вещи я достану себе в другом месте.

— О, иди укладывайся, — проговорила Линда. Она сунула ему ключ и отошла в сторону. Тут Майо обнаружил, что в двери нет замка. Он открыл дверь, заглянул в комнату, закрыл и посмотрел на Линду. Та с трудом сохраняла серьезный вид. Он улыбнулся, и они оба рассмеялись.

— Ловко ты меня надула, — сказал Майо. — Вот уж не хотел бы играть против тебя в покер.

— Ты сам хороший обманщик, Джим. Я перепугалась до смерти — думала, ты меня прибьешь.

— Могла бы знать, что я никого не ударю.

— Да. Теперь давай сядем и разумно все обсудим.

— А, брось, Линда. Я вроде как потерял голову с этими яхтами…

— Я имею ввиду не яхты; я имею ввиду твою

поездку на юг. Всякий раз, стоит тебе разозлиться, как ты собираешься ехать. Зачем?

— Я же говорил — найти парней, кумекающих в телевидении.

— Но зачем?

— Тебе не понять.

— Попробуй, объясни. Вдруг я смогу тебе помочь?

— Ничего ты не сможешь. Ты девушка.

— Это не так уж плохо. По крайней мере выслушаю. Разве мы не друзья? Ну, выкладывай.

— Когда все произошло (рассказывал Майо), я был в Беркшире с Джилом Уаткинсом. Джил — мой приятель, отличный парень и светлая голова. После окончания Массачусетского политехнического он стал главным инженером, или еще кем-то, на телевизионной станции в Нью-Хейвене. У Джила был миллион хобби. В том числе спил… спел… Не помню. В общем, исследование пещер.

Итак, мы зашли в ущелье в Беркшире и на целую неделю зарылись под землю, пытаясь найти исток какой-то реки. У нас были спальники, еда и снаряжение. Потом на двадцать минут ошалел наш компас. Мы могли бы догадаться, но Джил понес всякую чушь о магнитной руде и прочую

ахинею. И только когда мы в воскресенье вечером поднялись на поверхность, Джил сразу понял, что произошло.

— Боже мой, Джим, — сказал он. — Все-таки они своего добились. Они взорвали, и облучили, и отравили самих себя, а нам остается только вернуться в пещеру и пережидать там.

Ну, протянули мы сколько могли, а потом снова вышли и поехали в Нью-Хейвен. Город был мертв, как и все остальное. Джил поковырялся в радио, но в эфире стояла тишина. Тогда мы набрали консервов и объехали окрестности: Бриджпорт, Уотербери, Хартфорд, Спрингфилд, Провиденс… Никого. Ничего. Мы вернулись в Нью-Хейвен и обосновались там.

То была неплохая жизнь. Днем мы добывали запасы и возились с домом, а вечерами после ужина Джил пускал станцию. Она работала на аварийных генераторах. Я шел к себе в бар, протирал стойку и включал телевизор — Джил специально установил для него генератор.

Отличные передачи устраивал Джил. Начинал он с новостей и погоды, которую вечно неверно предсказывал. У него и был-то, что какой-то «Альманах фермера» да древний барометр, похожий на часы, висящие у тебя на стене. То ли барометр

был испорчен, то ли их там в политехническом плохо учили… Потом Джил передавал вечернюю программу.

В баре на случай налета я держал дробовик. И теперь, когда мне что-нибудь не нравилось, я просто стрелял в экран, выбрасывал телевизор за дверь, а на его место ставил другой. У меня в кладовой их были сотни. Два дня в неделю я только и делал, что пополнял запасы.

В полночь Джил вырубал станцию, я закрывал бар, и мы встречались дома за чашкой кофе. Джил спрашивал, сколько теликов я подстрелил, и смеялся. *Я* спрашивал его, что будет на следующей неделе, и мы спорили о… э-э… о всяких там запланированных фильмах и спортивных матчах. Я не очень любил вестерны и просто ненавидел разные заумные политические обозрения.

Но все пошло насмарку. Через несколько лет у меня остался единственный телевизор, и так я попал в беду. В ту ночь Джил крутил жуткий рекламный ролик, где какая-то красавица выходила замуж с помощью хозяйственного мыла. Естественно, я потянулся за дробовиком и опомнился только в последнюю минуту. Потом он передавал ужасный фильм о непризнанном композиторе, и повторилось то же самое. Когда мы

встретились дома, я был весь издерган.

— Что стряслось? — спросил Джил.

Я рассказал.

— А мне казалось, тебе нравятся наши передачи, — удивился он.

— Только когда я мог стрелять. Пожалуйста, войди в мое положение, давай что-нибудь поинтереснее.

— Посуди сам, Джим. Программа должна быть разнообразной — кое-что для каждого, на любой вкус. Если тебе эта передача не по душе, переключи на другой канал.

— Ха, ты ведь отлично знаешь, что у нас в Нью-Хейвене всего один канал!

— Тогда выключи его совсем.

— Я не могу выключить телевизор в баре, можно растерять всю клиентуру… Джил, ради бога, неужели обязательно передавать такие отвратительные мюзиклы — с ганцами, пением и поцелуями на башнях танков?!

— Женщинам нравятся военные фильмы.

— А реклама: красавицы, заглядывающиеся на колготки и курящие…

— Вот что, — перебил Джил, — напиши на станцию письмо.

Так я и сделал. А через неделю получил ответ:

«Уважаемый мистер Майо, мы очень рады, что Вы находитесь в числе наших постоянных зрителей. Надеемся, что Вы и впредь будете с интересом следить за нашими передачами. Искренне Ваш, Гилберт О. Уаткинс, директор».

Я показал письмо Джилу, и тот пожал плечами.

— Видишь, Джим, — сказал он, — им все равно, нравится тебе программа или нет. Лишь бы ты ее смотрел.

Следующие несколько месяцев были для меня сущим адом. Я не мог выключить телевизор и не мог без содрогания его смотреть. Собрав всю силу воли, я едва удерживался от стрельбы. Я стал крайне нервным, вспыльчивым и понял, что необходимо что-то предпринять, а не то совсем спячу. Поэтому однажды я принес ружье домой и застрелил Джила.

На следующий день я почувствовал себя немного лучше и по пути на работу даже насвистывал бодрый мотивчик. Я отпер бар, включил телевизор и… Ты не поверишь — он не заработал! Во всяком случае, не было картинки. Не было даже звука. Испортился мой последний телевизор.

Теперь ты знаешь, почему я спешу. Мне нужно найти мастера.

После того, как Майо закончил свой рассказ, наступило долгое молчание. Линда внимательно глядела на него, пытаясь скрыть предательский блеск в глазах. Наконец с наигранной беззаботностью она спросила:

— Где он достал барометр?

— Кто? Что?

— Твой друг Джил. Свой античный барометр. Где он его достал?

— Понятия не имею.

— Говоришь, как мои часы?

— Ну вылитая копия.

— Французский?

— Не могу сказать.

— Бронзовый?

— Вероятно. Как твои часы. Это бронза?

— Да. А какой формы?

— Как твои часы.

— Такого же размера?

— Точно.

— Где он стоял?

— Разве я не говорил? В нашем доме.

— А где дом?

— На Грант-стрит.

— Номер?

— Три-пятнадцать. А чего это ты?

— Так, пустое любопытство. Ну, полагаю, нам пора собираться.

— Не возражаешь, если я пройдусь один?

— Только не вздумай брать машину. Автослесарей всегда было меньше, чем телемехаников.

Майо улыбнулся и исчез; но после обеда все выяснилось — он достал кипу нот и повел Линду к пианино. Она была тронута и обрадована.

— Джим, ты ангел! Где ты это нашел?

— В доме напротив. Четвертый этаж, фамилия Горовиц. У них там еще масса пластинок, но шарить в темноте не слишком-то приятно, а на спичках далеко не уедешь. И кроме того, весь дом в какой-то пакости, вроде пчелиного воска, только потверже. Ладно, смотри. Вот это нота «до». Нам надо сесть рядом, подвинься. Белая клавиша…

Урок длился два часа, и после болезненного напряжения оба настолько выдохлись, что сразу отправились по своим комнатам.

— Джим, — позвала Линда.

— А? — зевнул он.

— Ты хотел бы поспать с одной из моих куколок?

— Э-э… спасибо, Линда, но парни в общем-то не увлекаются куклами.

— Да, не обращай внимания. Завтра я достану тебе то, чем увлекаются парни.

На следующее утро Майо проснулся от стука в дверь.

— Кто там?

— Это я, Линда. Можно войти?

Он торопливо огляделся. Комната была чистой, коврик не испачкан.

— Входи.

Линда вошла и присела на край постели.

— Доброе утро, — улыбнулась она. — Слушай меня внимательно. Я должна уехать на несколько часов. По делам. Завтрак на столе. Хорошо?

— Ага.

— Скучать не будешь?

— Куда ты едешь?

— Расскажу, когда вернусь. — Она протянула руку и взлохматила его волосы. — Будь пай-мальчиком. Да, и еще: не заходи ко мне в спальню.

— А чего я там потерял?

— Ну, на всякий случай.

Она улыбнулась и ушла. Через минуту Майо услышал, как отъехал ее джип, сразу вскочил и пошел в спальню Линды. Комната, как всегда, была аккуратно прибрана, постель заправлена, на покрывале любовно рассажены куклы. Но в

углу…

— Ух, — выдохнул он.

Это была модель оснащенного клипера. Майо опустился на колени и нежно прикоснулся к ней.

— Я покрашу ее в черный цвет с золотой полосой но ватерлинии и назову «Линда Н.», — пробормотал он.

Майо был так растроган, что едва прикоснулся к завтраку. Он выкупался, оделся, взял дробовик и пошел в парк — мимо игровых площадок, мимо развалившейся карусели, по зарослям и чащам; наконец не спеша направился по Седьмой авеню.

На углу Пятидесятой улицы он долго проторчал у выцветших истрепанных останков афиши, пытаясь разобрать анонс последнего представления в концертном зале городского радио. Затем двинулся дальше и вдруг резко остановился, услышав клацанье стали. Как будто гигантские мечи звенели на дуэли титанов. Из переулка выскочили несколько малорослых лошадей, напуганных странными звуками. Их неподкованные копыта гулко простучали по разбитой мостовой. Стальные удары прекратились.

— Так вот где подхватила это сойка, — пробор-

мотал Майо. — Но что же это такое, черт побери?

Он направился туда, откуда слышались звуки, однако забыл о загадке при виде ювелирного магазина, ослепившего его бледно-голубыми камнями, сверкающими в витрине. Из торгового зала Майо вышел слегка ошеломленный, с нитью настоящего жемчуга, обошедшегося ему в годовой доход его бара.

Прогулка закончилась у здания «Аберком и Фитч» на Мэдисон. У оружейного отдела он забыл обо всем и пришел в себя, уже возвращаясь по Пятой авеню к пруду. В руках его была итальянская автоматическая винтовка, на сердце ощущение вины, а в магазине осталась расписка: «1 автоматическая винтовка, 750 долларов. Шесть комплектов патронов, 18 долларов. Майо Джим».

Он потихоньку вошел в дом, надеясь, что покупка пройдет незамеченной. Линда сидела на фортепьянном стульчике к нему спиной.

— Привет, — виновато начал Майо. — Прости, что опоздал. Я… я принес тебе подарок. Это настоящий.

Он достал из кармана жемчуг, протянул ей и тут заметил, что она плачет.

— Эй, что случилось?

Линда не ответила.

— Ты испугалась, что я ушел? Ну посмотри же, я здесь!

Она повернулась и выкрикнула:

— Ненавижу тебя!

Майо выронил жемчуг и пораженно отпрянул.

— В чем дело?!

— Ты мерзкий подлый лжец!

— Кто? Я?

— Я ездила в Нью-Хейвен. — Ее голос дрожал от ярости. — На Грант-стрит нет ни единого целого дома, там все разрушено. И нет никакой телестанции. Здание уничтожено.

— Не может быть…

— Я зашла в твой бар. И вовсе там нет груды поломанных телевизоров на улице, а только один аппарат над стойкой, проржавевший до основания. Это не бар, а свиной хлев. Ты жил там все время. Один. Ложь! Ложь, все ложь!

— Ну зачем мне так врать?

— Ты не убивал никакого Джила Уаткинса.

— Ха. Из обоих стволов. Он сам виноват.

— И не нужно тебе никакого телемеханика.

— Еще как нужно!

— Все равно ведь нет передающей станции.

— Не пори чепухи, — сказал Майо сердито. — Зачем бы я убивал Джила, если бы не его чертовы

программы?

— Если он мертв, то как он может передавать?

— Видишь, а только что утверждала, что я его не убивал.

— О, ты сумасшедший! Ты безумец! Ты описал этот барометр, потому что обратил внимание на мои часы. А я поверила твоей вопиющей лжи! И решила достать его. Он так подходил бы к моим часам! — Линда подбежала к стене и ударила по ней кулаком. — Его место здесь. Здесь! Но ты лгал, ты, псих. Там никогда не было никакого барометра.

— Если среди нас и есть псих, то это ты! — закричал он. — Совсем помешалась на своем доме! Тебя больше ничего не интересует — только бы его украшать!

Она перебежала комнату, схватила дробовик Майо и наставила на него.

— Убирайся отсюда. Сию минуту. Немедленно. Убирайся, или я убью тебя!

Ружье дернулось в ее руках, толкнув в плечо. Заряд дроби ударил над головой Майо, посыпался битый фарфор.

— Джим, боже мой, ты не ранен?! Я не хотела… я только…

Он шагнул вперед, обезумев от ярости, не в

силах говорить, и в этот момент донеслось отдаленно «БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ». Звук был странным, причмокивающим, будто с резким хлопком сомкнулся воздух, занимая внезапно освободившееся пространство.

Майо замер.

— Слышала? — прошептал он.

Линда кивнула.

— Это сигнал!

Майо схватил ружье, выбежал наружу и выстрелил из второго ствола. После короткой паузы снова раздался тройной взрыв: «БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ». Где-то в парке взмыла в воздух стая испуганных птиц.

— Там кто-то есть! — возликовал Майо. — Боже мой, говорил ведь, что найду… Идем.

Они побежали; Майо на бегу искал в карманах патроны.

— Я должен благодарить тебя за выстрел, Линда.

— Я не стреляла в тебя. Это случайность!

— Самая счастливая случайность на свете. Они могли бы пройти мимо и никогда не узнать о нас. Но что у них за оружие? Никогда не слышал такого звука, а я ведь в этом разбираюсь. Погоди.

На маленьком пятачке перед детской площад-

кой Майо остановился, собираясь выстрелить. Затем медленно опустил дробовик, глубоко вздохнул и сдавленным голосом произнес:

— Давай назад. Мы идем домой.

И силой заставил ее повернуться.

Линда уставилась на него. Из добродушного и неуклюжего медведя он превратился в пантеру.

— Джим, что случилось?

— Я испуган, — выговорил он. — Я дьявольски испуган и не хочу пугать тебя.

Снова прозвучал тройной взрыв.

— Не обращай внимания, — сказал Майо. — Мы возвращаемся домой. Идем.

Она упрямо выдернула руку.

— Но почему? Почему?!

— Мы не захотим иметь с ними дела. Поверь мне на слово.

— Что случилось? Не понимаю!

— О боже! Тебе нужно во всем убедиться самой, да? Ладно. Хочешь узнать объяснение этого пчелиного запаха, и падающих зданий, и всего остального? — Он повернул Линду в сторону «Страны Чудес». — На, смотри!

Искусный мастер снял головы Алисы, Болванщика и Мартовского Зайца и заменил их головами богомолов, с узкими нижними челю-

стями, усиками и фасеточными глазами. Они были сделаны из полированной стали и имели чрезвычайно свирепый вид.

Линда слабо вскрикнула и обмякла.

Снова раздался тройной сигнал. Майо подхватил девушку, перекинул ее через плечо и побежал к пруду. Линда пришла в себя и начала стонать.

— Заткнись! — прорычал он. — Плачем тут не поможешь.

Перед домом он поставил ее на ноги.

— Здесь были ставни, когда ты въезжала? Где они?

— Сложены, — наконец проговорила она. — Во дворе.

— Я иду за ними. А ты набери в ведра воды и принеси на кухню.

— Будет осада?

— Разговоры потом. Ступай!

Она набрала воды и помогла Майо установить последние ставни.

— Хорошо. В дом! — приказал он.

Они вошли, закрыли и забаррикадировали дверь. В комнаты пробивался слабый свет. Майо стал заряжать автоматическую винтовку.

— У тебя есть оружие?

— Где-то был револьвер.

— А патроны?

— По-моему, видела.

— Неси.

— Будет осада? — повторила она.

— Не знаю. Я не знаю, кто они, или что они, или откуда они пришли, но знаю, что надо готовиться к худшему.

В отдалении повторились странные звуки. Майо вскинул голову, напряженно прислушиваясь. В полумраке его лицо казалось изваянным из камня, обнажившаяся под рубашкой грудь блестела капельками пота. Он испускал запах загнанного льва. У Линды появилось непреодолимое желание прикоснуться к нему.

Майо зарядил винтовку, поставил ее рядом с дробовиком и стал ходить между окон, заглядывая в щели ставен.

— Нас найдут? — спросила Линда.

— Возможно.

— Может быть, они настроены дружественно?

— Может быть.

— Эти головы выглядели так ужасно…

— Да.

— Джим, я боюсь. Я никогда в жизни так не боялась.

— Неудивительно.

— Когда мы узнаем?

— Через час, если они настроены дружественно; через два или три, если нет.

— П-почему дольше?

— Тогда они будут более осторожны. Не ходи за мной по пятам.

— Джим, что ты думаешь?

— О чем?

— О наших шансах.

— Хочешь знать правду?

— Пожалуйста.

— Нам конец.

Линда начала всхлипывать. Он грубо встряхнул ее.

— Прекрати. Ступай за револьвером.

Едва держась на ногах, она пересекла гостиную, заметила нить жемчуга, оброненную Майо, и машинально надела ее. Затем вошла в темную спальню и, отодвинув модель клипера от дверцы туалетного столика, достала револьвер и маленькую коробку патронов. Сообразив, что на ней совершенно неподходящее платье, Линда вытащила из шкафа свитер с высоким воротом, брюки, ботинки и разделась. Она как раз подняла руки, чтобы расстегнуть жемчуг, когда в комнату вошел Майо и заглянул в окно. Повернувшись,

он увидел Линду.

Он замер. Она не могла шевельнуться. Их глаза встретились, и она начала дрожать, пытаясь прикрыть наготу руками. Майо шагнул вперед, споткнулся о яхту и отшвырнул модель в сторону. В следующее мгновенье ее тело было в его объятиях, и жемчуга полетели вслед за яхтой. Она потянула Майо на постель, яростно срывая с него рубашку, и куклы тоже оказались в груде ненужного хлама, вместе с яхтой, жемчугами и всем миром.

НОЧНАЯ ВАЗА С ЦВЕТОЧНЫМ БОРДЮРОМ

© Перевод Е. Коротковой

— И в завершение первого семестра курса «Древняя история сто семь», — сказал профессор Пол Муни[119],— мы попробуем восстановить обычный день нашего предка, обитателя Соединенных Штатов Америки, как называли в те времена, то есть пятьсот лет назад, Лос-Анджелес Великий.

Назовем объект наших изысканий Джуксом — одно из самых славных имен той поры, снискавшее себе бессмертие в сагах о кровной вражде кланов Кали как и Джукс.

В наше время все научные авторитеты сошлись на том, что таинственный шифр ДЖУ, часто встречаемый в телефонных справочниках округа Голливуд-Ист (в те времена его именовали

[119] Примечания: 119

Все герои рассказа носят имена звезд голливудского кино, известных в 1930- 1960-х гг. *(Прим. перев.)*

Нью-Йорком), к примеру ДЖУ[120] 6-0600 или ДЖУ 2-1914, каким-то образом генеалогически связан с могущественной династией Джуксов.

Итак, год одна тысяча девятьсот пятидесятый. Мистер Джукс, типичный холостяк, живет на ранчо возле Нью-Йорка. Он встает с зарей, надевает спортивные брюки, натягивает сапоги со шпорами, рубашку из сыромятной кожи, серый фланелевый жилет, затем повязывает черный трикотажный галстук. Вооружившись револьвером или кольтом, Джукс направляется в забегаловку, где готовит себе завтрак из приправленного пряностями планктона и морских водорослей. При этом он, возможно (но не обязательно), застает врасплох целую банду юных сорванцов или краснокожих индейцев в тот самый момент, когда они готовятся линчевать очередную жертву или угнать несколько джуксовых автомобилей, которых у него на ранчо целое стадо примерно в полторы сотни голов.

Он расшвыривает противников несколькими ударами, не прибегая к оружию. Как все американцы двадцатого века, Джукс — чудовищной силы создание, привыкшее наносить, а также

---

[120] Примечания: 120
Телефонный индекс одного из районов Нью-Йорка. *(Прим. перев.)*

получать сокрушительные удары; в него можно запустить стулом, креслом, столом, даже комодом без малейшего для него вреда. Он почти не пользуется пистолетом, приберегая его для ритуальных церемоний.

В свою контору в Нью-Йорк-Сити мистер Джукс отправляется верхом, или на спортивной машине (разновидность открытого автомобиля), или на троллейбусе. По пути он читает утреннюю газету, в которой мелькают набранные жирным шрифтом заголовки типа: «Открытие Северного полюса», «Гибель «Титаника»», «Успешная высадка космонавтов на Марсе» и «Странная смерть президента Хардинга».

Джукс работает в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню — грязной ухабистой дороге, по которой разъезжают почтовые дилижансы, стоят пивные салуны и на каждом шагу попадаются буйные гуляки, трупы и певички в сведенных до минимума туалетах.

Джукс — деятель рекламы, он посвятил себя тому, чтобы руководить вкусами публики, развивать ее культуру и оказывать содействие при выборах должностных лиц, а также при выборе национальных героев.

Его офис, расположенный на двадцатом этаже

увенчанного башней небоскреба, обставлен в характерном для середины двадцатого века стиле. В нем имеется конторка с крышкой на роликах, откидное кресло и медная плевательница. Офис освещен лучом мазера, рассеянным оптическими приборами. Летом комнату наполняют прохладой большие вентиляторы, свисающие с потолка, а зимою Джуксу не дает замерзнуть инфракрасная печь Франклина.

Стены украшены редкостными картинами, принадлежащими кисти таких знаменитых мастеров, как Микеланджело, Ренуар и Санди. Возле конторки стоит магнитофон. Джукс диктует все свои соображения, а позже его секретарша переписывает их, макая ручку в черно-углеродистые чернила. (Сейчас уже окончательно установлено, что пишущие машинки были изобретены лишь на заре века компьютеров, в конце двадцатого столетия.)

Деятельность мистера Джукса состоит в создании вдохновенных лозунгов, которые превращают половину населения страны в активных покупателей. Весьма немногие из этих лозунгов дошли до наших дней, да и то в более или менее фрагментарном виде, и студенты, прослушавшие курс профессора Рекса Гаррисона «Лингвистика

девятьсот шестнадцать», знают, с какими трудностями мы столкнулись, пытаясь расшифровать такие изречения, как: «Не сушить возле источников тепла» (может быть, «пепла»?), «Решится ли она» (на что?) и «Вот бы появиться в парке в этом сногсшибательном лифчике» (невразумительно).

В полдень мистер Джукс вдет перекусить, что он делает обычно на каком-нибудь гигантском стадионе в обществе нескольких тысяч подобных ему. Затем снова возвращается в офис и приступает к работе, причем прошу не забывать, что условия труда в то время были настолько далеки от идеальных, что Джукс вынужден был трудиться по четыре, а то и по шесть часов в день.

В те удручающие времена неслыханного размаха достигли ограбления дилижансов, налеты, войны между бандитскими шайками и тому подобные зверства. В воздухе то и дело мелькали тела маклеров, в порыве отчаяния выбрасывавшихся из окон своих контор.

И нет ничего удивительного в том, что к концу дня мистер Джукс ищет духовного успокоения. Он обретает его на ритуальных сборищах, именуемых «коктейль». Там, в густой толпе своих единоверцев, он стоит в маленькой комна-

те, вслух вознося молитвы и наполняя воздух благовонными курениями марихуаны. Женщины, участвующие в церемонии, нередко носят одеяния, именуемые «платье для коктейля», известные также под названием «шик-модерн».

Свое пребывание в городе мистер Джукс может завершить посещением ночного клуба, где посетителей развлекают каким-нибудь зрелищем. Эти клубы, как правило, располагались под землей. При этом Джукса почти каждый раз сопровождает некий «солидный счет» — термин маловразумительный. Доктор Дэвид Нивен весьма убедительно доказывает, что «солидный счет» — это ничто иное, как сленговый эквивалент выражения «доступная женщина», однако профессор Нельсон Эдди справедливо замечает, что такое толкование лишь усложняет дело, ибо в наше время никто понятия не имеет, что означают слова «доступная женщина».

И наконец, мистер Джукс возвращается на свое ранчо, причем едет на поезде, ведомом паровозом, и по дороге играет в азартные игры с профессиональными шулерами, наводнявшими все виды транспорта той поры. Приехав домой, он разводит во дворе костер, подбивает на счетах дневные расходы, наигрывает грустные мелодии

на гитаре, ухаживает за одной из представительниц многотысячной орды незнакомок, имеющих обычай забредать на огонек в самое неожиданное время, затем завертывается в одеяло и засыпает.

Таков был он, этот варварский век, до такой степени нервозный и истеричный, что лишь очень немногие доживали до ста лет. И все же современные романтики вздыхают о той чудовищной эпохе, полной ужасов и бурь. Американа двадцатого века — это последний крик моды. Не так давно один экземпляр «Лайфа», нечто вроде высылаемого для заказов по почте каталога товаров, был приобретен на аукционе известным коллекционером Клифтоном Уэббом за сто пятьдесят тысяч долларов. Замечу, кстати, что, анализируя этот антикварный образчик в своей статье, напечатанной в «Философикал транзэкшнз», я привожу довольно веские доказательства, позволяющие усомниться в его подлинности. Целый ряд анахронизмов наводит на мысль о подделке.

А теперь несколько слов по поводу экзаменов. Возникшие недавно слухи о каких-то неполадках в экзаменационном компьютере — чистый вздор. Наш компьютеропсихиатр уверяет, что «Мульти-три» подвергся основательному промыванию мозгов и заново индоктринирован. Тщательней-

шие проверки показали, что все ляпсусы были вызваны небрежностью самих студентов.

Я самым настоятельным образом прошу вас соблюдать установленные меры стерилизации. Перед сдачей экзаменов аккуратно вымойте руки. Как следует наденьте белые хирургические шапочки, халаты, маски и перчатки. Проследите затем, чтобы ваши перфокарты были в образцовом порядке. Помните: самое крохотное пятнышко на вашей экзаменационной перфокарте может вас погубить. «Мульти-три» — не машина, а мозг, и относиться к нему следует столь же бережно и заботливо, как к собственному телу. Благодарю вас, желаю успеха и надеюсь вновь встретить всех вас в следующем семестре.

Когда профессор Муни вышел из лекционного зала в переполненный студентами коридор, его встретила секретарша Энн Сотерн. На ней было бикини в горошек. Перекинув через руку профессорские плавки, Энн держала поднос с бокалами. Кивнув, профессор Муни быстро осушил один бокал и поморщился, ибо как раз в эту секунду грянули традиционные музыкальные позывные, сопровождавшие студентов при смене аудитории. Рассовывая по карманам свои заметки, он направился к выходу.

— Купаться некогда, мисс Сотерн, — сказал профессор, — Мне сегодня предстоит высмеять одно открытие, знаменующее собой новый этап в развитии медицинской науки.

— В вашем расписании этого нет, доктор Муни.

— Знаю, знаю. Но Реймонд Массей заболел, и я согласился его выручить. Реймонд обещает заменить меня в следующий раз на консультации, где я должен уговорить некоего юного гения навсегда распроститься с поэзией.

Они вышли из социологического корпуса, миновали каплевидный плавательный бассейн, здание библиотеки, построенное в форме книги, сердцевидную клинику сердечных болезней и вошли в паукообразный научный центр. Невидимые репродукторы транслировали новейший музбоевик.

— Что это, «Ниагара» Карузо? — рассеянно спросил профессор Муни.

— Нет, «Джонстауновское половодье» в исполнении Марии Каллас, — откликнулась мисс Сотерн, отворяя дверь профессорского кабинета. — Странно. Могу поклясться, что я не тушила свет.

Энн потянулась к выключателю.

— Стоп, — резко произнес профессор Муни. — Здесь что-то неладно, мисс Сотерн.

— Вы думаете, что…

— На кого, по-вашему, можно наткнуться, когда входишь ненароком в темную комнату?

— С-с-скверные Парни?

— Именно они.

Гнусавый голос произнес:

— Вы совершенно правы, дорогой профессор, но, уверяю вас, наш разговор будет сугубо деловым.

— Доктор Муни! — охнула мисс Сотерн. — В вашем кабинете кто-то есть.

— Входите же, профессор, — продолжал Гнусавый. — Разумеется, если мне позволено приглашать вас в ваш собственный кабинет. Не пытайтесь найти выключатель, мисс Сотерн. Мы уже… гм… позаботились об освещении.

— Что означает это вторжение? — грозно спросил профессор.

— Спокойно, спокойно… Борис, подведите профессора к креслу. Этот долдон, что взял вас за руку, профессор, мой не ведающий жалости телохранитель, Борис Карлофф[121]. А я — Питер

---

[121] Примечания: 121

Борис Карлофф — актер американского кино, снискавший известность в 30-е гг. участием в фильмах ужасов. *(Прим. перев.)*

Лорре.

— Я требую объяснений! — крикнул Муни. — Почему вы вторглись в мой кабинет? Почему отключен свет? Какое право вы имеете…

— Свет выключен потому, что вам лучше не видеть Бориса. Человек он весьма полезный, но внешность его, должен вам сказать, не доставляет эстетического наслаждения. Ну а для чего я вторгся в ваше обиталище, вы узнаете сразу же, как только ответите мне на один или два пустяковых вопроса.

— И не подумаю отвечать. Мисс Сотерн, вызовите декана.

— Мисс Сотерн, ни с места!

— Делайте что вам говорят, мисс Сотерн. Я не позволю…

— Борис, подпалите-ка что-нибудь.

Борис что-то поджег. Мисс Сотерн взвизгнула. Профессор Муни лишился дара речи и остолбенел.

— Ладно, можете гасить, Борис. Ну а теперь, мой дорогой профессор, к делу. Прежде всего, рекомендую отвечать на все мои вопросы честно, без утайки. Протяните, пожалуйста, руку.

Профессор Муни вытянул руку и ощутил в ней пачку кредитных билетов.

— Это ваш гонорар за консультацию. Тысяча долларов. Не угодно ли пересчитать? Поскольку здесь темно, Борис может что-нибудь поджечь.

— Я верю вам, — пробормотал профессор Муни.

— Отлично. А теперь, профессор, скажите мне, где и как долго изучали вы историю Америки?

— Странный вопрос, мистер Лорре.

— Вам уплачено, профессор Муни?

— Совершенно верно. Так-с… Я обучался в высшем Голливудском, в высшем Гарвардском, высшем Йельском и в Тихоокеанском колледжах.

— Что такое «колледж»?

— В старину так называли высшее. Они ведь там, на побережье, свято чтят традиции… Удручающе реакционны.

— Как долго вы изучали эту науку?

— Примерно двадцать лет.

— А сколько лет вы после этого преподавали здесь, в высшем Колумбийском?

— Пятнадцать.

— То есть на круг выходит тридцать пять лет научного опыта. Полагаю, что вы легко можете судить о достоинствах и квалификации различных ныне живущих историков?

— Разумеется.

— Тогда кто, по вашему мнению, является крупнейшим знатоком Американы двадцатого века?

— Ах вот что! Та-ак. Чрезвычайно интересно. По рекламным проспектам, газетным заголовкам и фото, несомненно, Гаррисон. По домоводству — Тейлор, то есть доктор Элизабет Тейлор. Гейбл, наверно, держит первенство по транспорту. Кларк перешел сейчас в Высшее кембриджское, но…

— Прошу прощения, профессор Муни. Я неверно сформулировал вопрос. Мне следовало вас спросить: кто является крупнейшим знатоком по антиквариату двадцатого века? Я имею в виду предметы роскоши, картины, старинные вещи, произведения искусства и так далее.

— О! Ну тут я вам могу ответить без малейших колебаний, мистер Лорре. Я.

— Прекрасно. Очень хорошо. А теперь послушайте меня внимательно, профессор Муни. Могущественная группа дельцов от искусства поручила мне вступить с вами в контакт и начать переговоры. За консультацию вам будет выдано авансом десять тысяч долларов. Со своей стороны вы обещаете держать наш договор в тайне. И усвойте сразу же, что, если вы не оправдаете

нашего доверия, тогда пеняйте на себя.

— Сумма порядочная, — с расстановкой произнес профессор Муни — Но где гарантия, что предложение исходит от «славных ребят»?

— Заверяю вас, мы действуем во имя свободы, справедливости простых людей и лос-анджелесского образа жизни. Вы, разумеется, можете отказаться от такого опасного поручения, и вас никто не упрекнет, однако не забывайте, что во всем Лос-Анджелесе Великом лишь вы один способны выполнить это поручение.

— Ну что ж, — сказал профессор Муни, — Коль скоро, отказавшись, я смогу заниматься только одним: ошибочно подвергать осмеянию современные методы излечения рака, — я, пожалуй, соглашусь.

— Я знал, что на вас можно положиться. Вы типичный представитель маленьких людей, сделавших Лос-Анджелес великим. Борис, исполните национальный гимн.

— Благодарю вас, это лишнее. Слишком много чести. Я просто делаю то, что сделал бы любой лояльный, стопроцентный лосанджелесец.

— Очень хорошо. Я заеду за вами в полночь. На вас должен быть грубый твидовый костюм, надвинутая на глаза фетровая шляпа и простые

ботинки. Захватите с собой сто футов альпийской веревки, призматический бинокль и тупоносый пистолет побезобразнее. Ваш кодовый номер три шестьдесят девять.

— Это три шестьдесят девять, — сказал Питер Лорре, — Три шестьдесят девять, позвольте мне представить вас господам Икс, Игрек и Зет.

— Добрый вечер, профессор Муни, — сказал похожий на итальянца джентльмен. — Я Витторио де Сика. Это — мисс Гарбо. А это — Эдвард Эверетт Хортон. Благодарю вас, Питер. Можете идти.

Мистер Лорре удалился. Профессор Муни внимательно поглядел вокруг себя. Он находился в роскошных апартаментах, построенных на крыше небоскреба. Все здесь было строго выдержано в белых тонах. Даже огонь в камине благодаря чудесам химии пылал молочно-белым пламенем. Мистер Хортон нервно расхаживал перед камином. Мисс Гарбо, томно раскинувшись на шкуре белого медведя, вяло держала пальчиками выточенный из слоновой кости мундштучок.

— Позвольте мне освободить вас от этой веревки, профессор, — сказал де Сика — Думаю, что и традиционные бинокль и пистолет вам ни к чему. Дайте мне и их. Располагайтесь поудобнее. Прошу простить наш безупречный вечерний на-

ряд. Дело в том, что мы изображаем владельцев находящегося в нижнем этаже игорного притона. В действительности же мы…

— Ни в коем случае!.. — встревоженно воскликнул мистер Хортон.

— Если мы не окажем профессору Муни полного доверия, милый мой Хортон, и не будем совершенно откровенны с ним, у нас ничего не получится. Вы со мной согласны, Грета?

Мисс Гарбо кивнула.

— В действительности, — продолжал де Сика, — мы — могущественное трио дельцов от искусства.

— Та… та… так, значит, — взволнованно пролепетал профессор Муни, — вы и есть те самые де Сика, Гарбо и Хортон?

— Именно так.

— Да, но как же… Ведь все говорят, что вы не существуете. Все считают, что организация, известная как «Могущественное трио дельцов от искусства», в действительности принадлежит фирме «Тридцать девять ступенек»[122], предоставившей свой контрольный пакет ак-

[122] Примечания: 122
Название детективного романа Джона Бьюкенена. *(Прим. перев.)*

ций организации «Cosa vostra»[123]. Утверждают, будто…

— Да, да, да, — перебил де Сика, — Нам угодно, чтобы все так считали. Именно потому мы и предстали перед вами в виде зловещего трио владельцев игорного притона. Но не кто иной, как мы, мы втроем держим в своих руках всю торговлю предметами искусства и весь антикварный бизнес в мире, и именно поэтому вы сейчас и находитесь здесь.

— Я вас не понял.

— Покажите ему список, — проворковала мисс Гарбо.

Де Сика извлек лист бумаги и вручил его профессору Муни.

— Будьте добры изучить этот список, профессор. Ознакомьтесь с ним внимательно. От выводов, к которым вы придете, зависит очень многое.

Автоматическая вафельница.

Утюг с паровым увлажнителем.

Электрический миксер (двенадцатискоростной).

Автоматическая кофеварка (шесть чашек).

Сковородка алюминиевая электрическая.

---

[123] Примечания: 123

«Ваше дело» *(ит.).* Сравните с названием американской мафии «Cosa nostra» («Наше дело»). *(Прим. перев.)*

Газовая плита (четырехконфорочная).

Холодильник емкостью одиннадцать кубических футов плюс морозилка на сто семьдесят фунтов.

Пылесос типа канистры с виниловым амортизатором.

Машинка швейная со шпульками и иглами.

Канделябр из инкрустированной кленом сосны в форме колеса.

Плафон из матового стекла.

Бра стеклянное провинциального стиля.

Лампа медная с подвесным выключателем и абажуром из мелкограненого стекла.

Будильник с черным циферблатом и двойным звонком.

Сервиз на восемь персон из пятидесяти предметов, никелированный, металлический.

Сервиз обеденный на четыре персоны из шестнадцати предметов в стиле Дюбарри.

Коврик нейлоновый (разм. 9x*12, цвета беж).*

Циновка овальная, зеленая (разм. 9x*12).*

Половик пеньковый для вытирания ног, образца «Милости просим» (разм. 18x30).

Софа-кровать и кресло серо-зеленого цвета.

Круглая подушечка из рез. губки, подкладываемая под колени во время молитвы.

Кресло раскладное из пенопласта (три положения).

Стол раздвижной на восемь персон.

Кресла капитанские (четыре).

Комод дубовый колониальный для холостяка (три ящика).

Столик туалетный колониальный дубовый двойной (шесть ящиков).

Кровать французская провинциальная под балдахином (ширина 54 дюйма).

Профессор Муни в течение десяти минут внимательно изучал список, после чего глубоко вздохнул.

— Просто не верится, — сказал он, — что где-то в земных недрах может скрываться такой клад.

— Он скрывается отнюдь не в недрах, профессор.

Муни чуть не подскочил в своем кресле.

— Неужели, — воскликнул он, — неужели все эти драгоценные предметы существуют на самом деле?!

— Почти наверняка. Но об этом позже. Сперва скажите, вы как следует усвоили содержание списка?

— Да.

— Вы ясно представляете себе все эти вещи?

— Да, конечно.

— Тогда попытайтесь ответить на такой вопрос: объединяются ли все эти сокровища единством стиля, вкуса и специфики?

— Слишком самыслофато, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо.

— Мы хотим знать, — вдруг вмешался в разговор Эдвард Эверетт Хортон, — мог ли один человек…

— Не торопитесь, мой милейший Хортон. Каждому вопросу свое время. Профессор, я, возможно, выразился несколько туманно. Я хотел бы узнать вот что: соответствует ли подбор коллекции вкусу одного человека? Иными словами, мог бы коллекционер, приобретший, ну, скажем, двенадцатискоростной электрический миксер, оказаться тем же лицом, которое приобрело пеньковый половик «Милости просим»?

— Если бы у него хватило средств на то и на другое, — усмехнулся Муни.

— Тогда давайте на одно мгновение чисто теоретически допустим, что у него хватило средств на приобретение всех указанных в списке предметов.

— Средств для этого не хватит даже у правительства целой страны, — отозвался Муни. — А

впрочем, дайте подумать…

Он откинулся на спинку кресла и, сощурившись, вперил взгляд в потолок, не обращая ни малейшего внимания на наблюдавшее за ним с живейшим интересом могущественное трио дельцов от искусства.

Придав своему лицу многозначительное выражение, профессор просидел так довольно долгое время и наконец открыл глаза и огляделся.

— Ну же? Ну? — нетерпеливо спросил Хортон.

— Я представил себе, что все эти сокровища собраны в одной комнате, — сказал Муни, — Комната, возникшая перед моим умственным взором, выглядела на редкость гармонично. Я бы даже сказал, что в мире почти нет таких великолепных и прекрасных комнат. У человека, вошедшего в такую комнату, сразу возникает вопрос, какой гений создал этот дивный интерьер.

— Так значит…

— Да. Я могу смело утверждать, что в декорировании, несомненно, проявится вкус одного человека.

— Ага! Итак, вы были правы, Грета. Мы имеем дело с одиноким волком. Профессор Муни, я уже сказал вам, что все указанные в списке вещи существуют. Я вам не солгал. Так оно и есть. Я

просто умолчал о том, что мы не знаем, где они сейчас находятся. Не знаем по весьма основательной причине: все эти вещи украдены.

— Все? Не может быть!

— И не только эти. Я мог бы дополнить список еще дюжиной предметов, менее ценных, из-за чего мы и решили, что не стоит перегружать ими список.

— Я убежден, что все это похищено у разных лиц. Если бы столь полная и всеобъемлющая коллекция Американы была собрана в одних руках, я просто не мог бы не знать о ее существовании.

— Вы правы. В одних руках такой коллекции не было и никогда не будет.

— Ми этофо не допустим, — сказала мисс Гарбо.

— Тогда как же все это украли? Откуда?

— Жулики, грабители! — крикнул Хортон, взмахнув бокалом, наполненным бренди с банановым соком. — Десятки воров. Одному такое дело не провернуть. Сорок дерзких ограблений за пятнадцать месяцев! Вздор, не поверю ни за что!

— Указанные в списке ценности, — продолжал де Сика, обращаясь к Муни, — были украдены за период, равный пятнадцати месяцам, из музеев, частных коллекций, а также у агентов и дельцов,

занятых перепродажей антиквариата. Все кражи были совершены в районе Голливуд-Ист. И если, как вы утверждаете, в подборе проявился вкус одного человека…

— Да, я утверждаю это.

— То, несомненно, мы имеем дело с гага avis — редкостным явлением: ловким преступником и в то же время коллекционером, тонко знающим искусство, или же, что еще опаснее, со знатоком, в котором пробудился вор.

— Ну это совсем не обязательно, — вмешался Муни. — Для чего ему быть знатоком? Любой самый заурядный агент по торговле антиквариатом и предметами искусства мог бы назвать любому вору цену старинного objets d'art. Такие сведения можно получить даже в библиотеке.

— Я потому назвал его любителем и коллекционером, — пояснил де Сика, — что все украденное им как в воду кануло. Ни одна вещь не была продана ни на одной из четырех орбит нашего мира, невзирая на то что за любую из них заплатили бы по-королевски. Ergo, мы имеем дело с человеком, который крадет все для собственной коллекции.

— Достатошно, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо. — Задафайте следующий фопрос.

— Итак, профессор, мы допустили, что все эти

сокровища сосредоточены в одних руках. Только что вы изучили список вещей, уже похищенных. Позвольте же спросить вас как историка, чего в нем не хватает? Какой последний штрих мог бы достойно увенчать эту столь гармоничную коллекцию, придав еще большее совершенство представшей перед вашим мысленным взором прекрасной комнате? Что смогло бы пробудить в преступнике коллекционера?

— Или преступника в коллекционере, — сказал Муни.

Он вновь, прищурившись, скосил глаза на потолок, а трое дельцов затаили дыхание. Наконец он пробормотал:

— Да… Да… Конечно. Только так. Она поистине могла бы стать украшением коллекции.

— О чем вы? — крикнул Хортон. — О чем вы там толкуете? Что это за вещь?

— Ночная ваза с цветочным бордюром, — торжественно провозгласил профессор Муни.

Могущественное трио дельцов от искусства с таким изумлением воззрилось на Муни, что профессору пришлось пуститься в объяснения:

— Ночная ваза, именуемая также ночным горшком, представляет собой голубой фаянсовый сосуд неизвестного предназначения, украшен-

ный по краю белыми и золотыми маргаритками. Он был открыт в Нигерии около ста лет тому назад французским гидом — переводчиком. Тот привез его в Грецию, где и хотел продать, но был убит, причем горшок исчез бесследно. Затем его видели у проститутки, которая путешествовала с паспортом гражданки острова Формозы и обменяла горшок на новейшее любовное средство «обольстин», предложенное ей лекарем-шарлатаном из Чивитавеккия.

Лекарь нанял швейцарца, дезертира Ватиканской гвардии, дабы тот охранял его по пути в Квебек, где лекарь рассчитывал продать ночной горшок канадскому урановому магнату, однако до Канады так и не добрался — исчез в пути. А спустя десять лет некий французский акробате корейским паспортом и швейцарским акцентом продал вазу в Париже. Ее купил девятый герцог Стратфордский за миллион золотых франков, и с тех пор она является достоянием семейства Оливье.

— И вы считаете, — настороженно спросил де Сика, — что именно эта вещь может явиться украшением коллекции нашего знатока искусств?

— Я в этом убежден. Ручаюсь своей репутацией.

— Браво! Тогда все очень просто. Нужно сделать так, чтобы в печать просочились слухи о продаже ночной вазы. Согласно этим слухам, вазу приобретает какой-нибудь знаменитый коллекционер, проживающий в Голливуд-Ист. Пожалуй, более всего для этой роли подойдет мистер Клифтон Уэбб. Пресса с огромной помпой будет сообщать о том, как ваза пересекла океан и достигла голливудских берегов. Закинув наживку в особняк мистера Уэбба, мы будем только поджидать, когда преступник клюнет на нее и… хлоп! Попался!

— Да, но согласятся ли герцог и мистер Уэбб принять участие в этой игре?

— Еще бы. У них нет другого выхода.

— Нет выхода? Как вас понять?

— Мой милый доктор, в наши дни все сделки производятся только на основе сохранения за дельцом частичного права на проданную им собственность. От пяти до пятидесяти процентов стоимости всех похищенных преступником сокровищ остается за нами, именно поэтому мы так заинтересованы в том, чтобы их возвратить. Вы все поняли теперь?

— Все понял и вижу, что влип в хорошую историю.

— Это так. Но Питер вам заплатил.

— Да.

— Вы поклялись молчать?

— Да, я дал слово.

— Grazie[124]. Тогда, с вашего позволения, у нас еще немало дел.

Де Сика протянул профессору свернутую рулоном веревку, бинокль и тупоносый пистолет, но мисс Гарбо вдруг сказала:

— Стойте.

Де Сика метнул в ее сторону пытливый взгляд.

— Еще что-то, сага mia?[125]

— Фи с Хортоном мошете идти сан иметься делами, — проворковала она. — Питер, мошет быть, ему и саплатил, но я не саплатила. Остафьте нас наедине.

И кивком головы она указала профессору на шкуру белого медведя.

В особняке Клифтона Уэбба на Скурас-драйв, в изысканно обставленной библиотеке, инспектор сыска Эдвард Дж. Робинсон представлял своих помощников могущественному трио дельцов от искусства. Сотрудники стояли перед искусно сделанными фальшивыми книжными полками и

---

[124] Примечания: 124
Благодарю (ит). (Прим. перев.)

[125] Примечания: 125
Моя дорогая? (ит.) (Прим. перев.)

сами выглядели не менее фальшиво в униформах домашней прислуги.

— Сержант Эдди Брофи, камердинер, — объявил инспектор Робинсон. — Сержант Эдди Альберт, лакей. Сержант Эд Бегли, шеф-повар. Сержант Эдди Майгофф, помощник повара. Детективы Эдгар Кеннеди, шофер, и Эдна Мэй Оливер, горничная.

Сам инспектор Робинсон был одет дворецким.

— А теперь, леди и джентльмены, ловушка целиком и полностью подстроена благодаря бесценной помощи возглавляемого Эдди Фишером гримерно-костюмерно-бутафорского отдела, равного которому не существует.

— Поздравляем вас, — сказал де Сика.

— Как вам уже известно, — продолжал инспектор Робинсон, — все уверены в том, что мистер Клифтон Уэбб купил ночную вазу у герцога Стратфордского за два миллиона долларов. Все также отлично знают, что ваза под защитой вооруженной охраны тайно перевезена из Европы в Голливуд-Ист и в настоящее время покоится в закрытом сейфе в библиотеке мистера Уэбба.

Инспектор указал на стену, где наборный замок сейфа был искусно вставлен в пупок обнаженной скульптуры Амедео Модильяни (2381–2431) и освещен тонким лучом вмонтированного в стену

фонаря.

— А где сейчас мистер Фэб? — спросила мисс Гарбо.

— Мистер Клифтон Уэбб, согласно вашему требованию передав в наши руки свой роскошный особняк, — ответил Робинсон, — отправился в увеселительную поездку по Карибскому морю вместе с семьей и всеми слугами. Этот факт, как вы знаете, содержится в строгом секрете.

— Ну а как же ваза? — возбужденно спросил Хортон. — Где она?

— Конечно, в сейфе, сэр, где же еще ей быть?

— То есть вы в самом деле привезли ее сюда из дворца Стратфорда? Она действительно здесь? Бог ты мой! Зачем, зачем вам это?

— Нам было необходимо перевезти этот шедевр через океан. Иначе как бы мы добились, чтобы столь строго охраняемая тайна стала известна в «Ассошиэйтед пресс», «Юнайтед телевижн» и агентстве «Рейтер»? А как бы иначе удалось корреспондентам этих агентств тайком сфотографировать драгоценный сосуд?

— Н-но… но если вазу и вправду похитят… Боже милостивый. Это ужасно!

— Леди и джентльмены, — сказал Робинсон. — Мои помощники и я — лучшая бригада в полиции

района Голливуд-Ист, возглавляемой достопочтенным Эдмундом Кином, — будем неотлучно находиться здесь, номинально выполняя обязанности домашней прислуги, на самом же деле бдительно наблюдая за всем, готовые отразить любой подвох и хитрость, известные в анналах криминалистики. Если что-нибудь и будет взято в этой комнате, то отнюдь не ночная ваза, а Искусник Кид.

— Кто-кто? — спросил де Сика.

— Да ваш искусствовед-ворюга. Мы его так прозвали. Ну а теперь не будете ли вы любезны украдкой удалиться сквозь потайную калитку в глубине сада, с тем чтобы мои помощники и я смогли приступить к исполнению наших домашних псевдообязанностей? У нас есть верные сведения, что Искусник Кид будет брать вазу сегодня ночью.

Могущественное трио удалилось под покровом темноты, а бригада сыщиков занялась хозяйственными делами, дабы ни один прохожий, заглянув из любопытства через забор, не обнаружил в обиталище Клифтона Уэбба ничего необычного.

Инспектор Робинсон торжественно прогуливался взад и вперед по гостиной так, чтобы из

окон был виден серебряный поднос в его руках с приклеенным к нему бокалом, хитроумно выкрашенным изнутри в красный цвет, дабы создать иллюзию, что в бокале — кларет.

Сержанты Брофи и Альберт, лакеи, попеременно носили к почтовому ящику письма, с изысканной церемонностью открывая друг другу дверь. Детектив Кеннеди красил гараж. Детектив Эдна Мэй Оливер вывесила для проветривания из окон верхнего этажа постельное белье. А сержант Бегли (шеф-повар) то и дело гонялся по дому за сержантом Майгоффом (помощник повара) с кухонным ножом.

В 23 часа инспектор Робинсон отставил в сторону поднос и смачно зевнул. Сигнал тут же подхватили все сотрудники, и по особняку прокатилось эхо звучных зевков. Инспектор Робинсон, войдя в гостиную, разделся, затем облачился в ночную сорочку и ночной колпак, зажег свечу и погасил во всем доме свет. Он погасил его и в библиотеке, оставив лишь тот маленький скрытый в стене фонарь, который освещал наборный замок сейфа. Затем удалился на верхний этаж. Его помощники, находившиеся в разных частях дома, также переоделись в ночные сорочки и присоединились к шефу. В особняке Уэбба воца-

рились мрак и тишина.

Минул час, пробило полночь. На улице что-то громко звякнуло.

— Ворота, — шепнул Эд.

— Кто-то входит, — сказал Эд.

— Наверняка Искусник К ид, — добавил Эд.

— А ну потише!

— Верно, шеф.

Под чьими-то подошвами громко захрустел гравий.

— Идет сюда по подъездной аллее, — пробормотал Эд.

Хруст гравия сменился приглушенными звуками.

— Идет через цветник, — сказал Эд.

— Ну и хитер же, — заметил Эд.

Ночной гость на что-то наткнулся, чуть не упал и выругался.

— Угодил ногой в вазон, — сказал Эд.

За окном то тише, то громче слышались какие-то глухие звуки.

— Никак не высвободится, — сказал Эд.

Что-то грохнуло и покатилось.

— Ну вот, готово, сбросил, — сказал Эд.

— Этому пальца в рот не клади, — сказал Эд.

Внизу кто-то стал осторожно ощупывать окон-

ное стекло.

— Он у окна библиотеки, — сказал Эд.

— А ты открыл окно?

— Я думал, Эд откроет, шеф.

— Эд, ты открыл окно?.

— Нет, шеф, я думал, Эд этим займется.

— Он же так в дом не попадет. Эд, ты бы не мог открыть окошко так, чтобы он не заметил?

Раздался громкий звон стекла.

— Нё беспокойтесь — сам открыл. Чисто работает. Спец.

Окошко распахнулось. Что-то бормоча, незваный посетитель шумно ввалился в комнату. Он встал, выпрямился. Тонкий слабый луч фонаря осветил гориллоподобный силуэт вновь прибывшего. Некоторое время вор неуверенно оглядывался и наконец принялся беспорядочно рыться в ящиках и шкафах.

— Он так сроду не найдет ее, — прошептал Эд, — Ведь советовал же, шеф, фонарь надо вмонтировать прямо под наборным замком сейфа.

— Нет, старый спец не подведет. Ну? Что я говорил? Нашел-таки! Вы все готовы?

— А может, подождем, пока взломает, шеф?

— Зачем это?

— Чтобы взять с поличным.

— Что вы, господь с вами, сейф гарантирован от взлома. Ну пора, ребята. Все готовы? Давай!

Яркий поток света затопил библиотеку. В ужасе отпрянув от сейфа, ошеломленный вор увидел, что он окружен семью угрюмыми сыщиками, каждый из которых целится из револьвера ему в голову. То обстоятельство, что все они были в ночных сорочках, нимало не уменьшило внушительности зрелища. А сыщики, когда зажегся свет, увидели широкоплечего громилу с тяжелой челюстью и бычьей шеей. То обстоятельство, что он не полностью стряхнул с ноги содержимое вазона и его правый ботинок украшала пармская фиалка (viola palliola plena), нисколько не смягчило его грозного и зловещего вида.

— Ну-с, Кид, прошу вас, — произнес инспектор Робинсон с утонченной учтивостью, которой восхищались его многочисленные почитатели.

И они с триумфом повлекли злоумышленника в полицию.

Пять минут спустя после того, как удалились сыщики и их пленник, некий господин в накидке непринужденно подошел к парадной двери особняка. Он нажал звонок. В доме раздались первые восемь тактов равелевского «Болеро», исполняемого на колокольчиках в темпе вальса. Господин,

казалось, беззаботно ждал, но его правая рука тем временем как будто невзначай скользнула в прорезной карман, и сразу вслед за тем он начал быстро подбирать ключи к замку парадной двери. Полом господин снова позвонил. И не успела мелодия отзвучать вторично, как нужный ключ был найден.

Господин отпер дверь, чуть приоткрыл ее носком ноги и в высшей степени учтиво заговорил, как будто обращаясь к находившемуся за дверью невидимке-слуге:

— Добрый вечер. Боюсь, я чуть-чуть опоздал. Все уже спят или меня все еще ожидают? О, превосходно! Благодарю вас.

Он вошел в дом, тихо притворил дверь, повел вокруг глазами, вглядываясь в темный холл, и усмехнулся.

— Все равно что отнимать у ребятишек сласти, — буркнул он. — Просто совестно.

Он разыскал библиотеку, вошел и включил все освещение. Снял накидку, зажег сигарету, затем заметил бар и налил себе из приглянувшегося ему графинчика. Отхлебнул и чуть не подавился.

— Тьфу! Этой дряни я еще не пробовал, а думал, уж все их знаю. Что это за чертовня? — Он обмакнул язык в стакан, — Шотландское виски, так…

Но с чем оно смешано? — Еще раз попробовал. — Господи боже мой, капустный сок!

Он огляделся, сразу увидел сейф и, подойдя к нему, осмотрел.

— Силы небесные! Целых три цифры. Аж двадцать семь возможных комбинаций. Это вещь! Где уж нам такой открыть.

Протянув руку к наборному замку, он глянул вверх, встретился глазами с лучистым взором обнаженной фигуры и смущенно улыбнулся.

— Прошу прощения, — сказал он и стал подбирать цифры: 1-1-1, 1-1-2, 1-1-3, 1-2-1, 1-2-3 — и так далее, нажимая каждый раз на ручку сейфа, хитроумно спрятанную в указательном пальце нагой фигуры.

Когда он набрал 3-2-1, послышался щелчок, и ручка пошла вниз. Дверца сейфа открылась — у скульптуры разверзлось чрево. Взломщик просунул в сейф руку и вытащил ночной горшок. Он разглядывал его не менее минуты.

Кто-то тихо сказал сзади:

— Замечательная вещь, не так ли?

Взломщик быстро обернулся.

В дверях стояла девушка и как ни в чем не бывало смотрела на него. Высокая и тонкая, с каштановыми волосами и темно-синими глаза-

ми. На ней был прозрачный белый пеньюар, и ее гладкая кожа блестела в ярком свете многочисленных ламп.

— Добрый вечер, мисс Уэбб… Миссис?..

— Мисс.

Она небрежно протянула ему средний палец левой руки.

— Боюсь, я не заметил, как вы вошли.

— Боюсь, я тоже не заметила вашего прихода.

Она шагнула в библиотеку.

— Вы в самом деле считаете, что это замечательная вещь? Вы не разочарованы, правда?

— Ну что вы! Вещь уникальная.

— Как вы думаете, кто ее создатель?

— Этого мы никогда не узнаем.

— Вы полагаете, что он почти не делал копий? Поэтому она так уникальна?

— Бессмысленно строить догадки, мисс Уэбб. Это примерно то же, что определять, сколько красок использовал в картине живописец или сколько звуков композитор употребил в опере.

Девушка опустилась в кресло.

— Дайте сигарету. Послушайте, вы говорите всерьез? Вы не из вежливости так расхваливаете нашу вазу?

— Как можно! Зажигалку?

— Благодарю.

— Когда мы созерцаем красоту, мы видим Ding an sich — одну лишь «вещь в себе». Не сомневаюсь, мисс Уэбб, что вам это и без меня известно.

— Мне кажется, ваше восприятие ограничено довольно узкими рамками.

— Узкими? Ничуть. Когда я созерцаю вас, я тоже вижу одну лишь красоту, которая заключена в самой себе. Однако, будучи произведением искусства, вы в то же время не музейный экспонат.

— Я вижу, вы еще специалист и по части лести.

— С вами любой мужчина станет экспертом, мисс Уэбб.

— Что вы намерены сделать после того, как взломали папин сейф?

— Долгие часы любоваться этим шедевром.

— Ну что же, чувствуйте себя как дома.

— Я не осмелюсь. Не такой уж я нахал. Я просто унесу вазу с собой.

— То есть украдете?

— Умоляю вас простить меня.

— А знаете ли вы, что ваш поступок очень жесток?

— Мне очень стыдно.

— Вы, наверное, даже не представляете себе,

что этот сосуд значит для папы.

— Прекрасно представляю. Капиталовложение суммой в два миллиона долларов.

— Вы считаете, что мы торгуем красотой, как биржевые маклеры?

— Ну конечно. Этим занимаются все богатые коллекционеры. Приобретают вещи с тем, чтобы их с выгодой перепродать.

— Мой отец не богат.

— Да полно вам, мисс Уэбб. Два миллиона долларов?

— Он одолжил их.

— Не верю.

— Я вовсе не шучу. — Девушка говорила серьезно и взволнованно, и ее темно-синие глаза сузились. — У папы в самом деле нет денег. Совершенно ничего, только кредит. Вы же, наверно, знаете, как это делается в Голливуде. Ему одалживают деньги под залог ночной вазы, — Она вскочила с кресла. — Если вазу украдут, папа погиб… А вместе с ним и я.

— Мисс Уэбб…

— Я заклинаю вас не уносить ее. Как мне вас убедить!

— Не приближайтесь ко мне…

— Господи, да я ведь не вооружена.

— Мисс Уэбб, вы обладаете убийственным оружием и пользуетесь им без всякой жалости.

— Если вы цените в этом шедевре одну красоту, то мы с отцом всегда охотно поделимся с вами. Или вы из тех, что признают только свое, только собственность?

— Увы.

— Ну скажите, зачем вам ее забирать? Оставьте вазу у нас, и вы станете ее пожизненным совладельцем. Приходите к нам когда угодно. Половина всего нашего имущества, отцовского, и моего, и всей семьи…

— О господи! Ладно, ваша взяла, держите свою проклятущую… — Он вдруг осекся.

— Что случилось?

Он пристально смотрел на ее руку.

— Что это у вас такое, около плеча? — спросил он с расстановкой.

— Ничего.

— Что это? — повторил он настойчиво.

— Шрам. Когда я была маленькая, я упала и…

— Никакой это не шрам. Это прививка оспы.

Девушка молчала.

— Это прививка оспы, — в ужасе повторил он. — Таких не делают уже четыре сотни лет. Их больше не делают, давно не делают.

Девушка смотрела на него во все глаза.

— Откуда вам это известно?

Вместо ответа он закатал свой собственный левый рукав и показал свою прививку.

У девушки округлились глаза.

— Значит, и вы?..

Он кивнул.

— Значит, мы оба оттуда?

— Оттуда?.. Да, и вы, и я.

Ошеломленные, они глядели друг на друга. Потом радостно, неудержимо рассмеялись, не веря своему счастью. Они то обнимались, то награждали друг друга ласковыми тумаками, совсем как туристы из одного городка, неожиданно встретившиеся на вершине Эйфелевой башни. Наконец они немного успокоились и отошли друг от друга.

— Это, наверное, самое фантастическое из всех совпадений в истории, — сказал он.

— Да, конечно, — Ошеломленная, она встряхнула головой. — Я все никак не могу поверить в это. Когда вы родились?

— В тысяча девятьсот пятидесятом. А вы?

— Разве дамам задают подобные вопросы?

— Нет, правда! В котором?

— В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом.

— В пятьдесят четвертом? Ого! — Он усмехнулся. — Выходит, вам исполнилось пятьсот десять лет.

— Ах вы так? Доверяй после этого мужчинам.

— Значит, вы не дочь Уэбба. Как же вас по-настоящему зовут?

— Вайолет. Вайолет Дуган.

— Как это здорово звучит! Так мило, просто и нормально.

— А как ваше имя?

— Сэм Бауэр.

— Еще милей и еще проще. Ну?

— Что «ну»? Привет, Вайолет.

— Рала нашему знакомству, Сэм.

— Да, весьма приятное знакомство.

— Мне тоже так кажется.

— В семьдесят пятом я работал на компьютере при осуществлении денверского проекта, — сказал Бауэр, отхлебывая имбирный джин — самый удобоваримый из напитков, содержащихся в баре Уэбба.

— В семьдесят пятом! — воскликнула Вайолет. — Это когда был взрыв?

— Уж кому бы знать об этом взрыве, как не мне. Наши купили новый баллистический одна тысяча семьсот девять, а меня послали инструк-

тировать военный персонал. Помню ночь, когда случился взрыв. Во всяком случае, как я смекаю, это и был тот самый взрыв. Но его я не помню. Помню, что показал, как программировать какие-то алгоритмы, и вдруг…

— Ну! Ну!

— И вдруг как будто кто-то выключил весь свет. Очнулся я уже в больнице в Филадельфии — в Санта-Моника-Ист, как ее называют сейчас, и узнал, что меня зашвырнуло на пять столетий в будущее. Меня подобрали голого, полуживого, а откуда это я вдруг сверзился и кто такой — не знала ни одна душа.

— Вы не сказали им, кто вы на самом деле?

— Мне бы не поверили. Они подлатали меня и вытолкнули вон. Порядочно пришлось вертеться, прежде чем я нашел работу.

— Снова управление компьютером?

— Ну нет. Слишком жирно за те гроши, которые они за это платят. Я работаю на одного из крупнейших букмекеров Иста. Определяю шансы выигрышей. А теперь расскажите, что случилось с вами.

— Да фактически тоже, что и с вами. Меня послали на мыс Кеннеди сделать серию иллюстраций для журнала в связи с первой высадкой

людей на Марсе. Я ведь художница…

— Первая высадка на Марсе? Постойте-ка, ее ведь вроде намечали на семьдесят шестой год. Неужели промазали?

— Наверно, да. Но в книгах по истории об этом очень мало говорится.

— Они смутно представляют себе наш век. Война, должно быть, уничтожила все чуть ли не дотла.

— Во всяком случае, я помню лишь, что сидела на контрольном пункте и делала рисунки, а когда начался обратный счет, я подбирала цвета, и вдруг… ну, словом, точно так, как вы сказали: кто-то выключил весь свет.

— Ну и ну! Первый атомный запуск — и все к чертям.

— Я, как и вы, очнулась в больнице в Бостоне — они называют его Бэрбанк-Норт. Выписалась и поступила на службу.

— По специальности?

— Да почти что. Подделываю антикварные вещи. Я работаю на одного из крупнейших дельцов от искусства в стране.

— Вот оно, значит, как, Вайолет?

— Выходит, что так, Сэм. А как вы думаете, каким образом это с нами случилось?

— Не имею ни малейшего понятия, хотя могу сказать, что я ничуть не удивляюсь. Когда люди выкомаривают подобные штуки с атомной энергией, накопив такой ее запас, может произойти все, что угодно. Как вы считаете, есть тут еще другие, кроме нас?

— Заброшенные в будущее?

— Угу.

— Не знаю. Вы первый, с кем я встретилась.

— Если бы мне раньше пришло в голову, что кто-то есть, я бы их искал. Ах, бог мой, Вайолет, как я тоскую по двадцатому веку.

— И я.

— У них тут все какая-то глупая пародия. Все второсортное, — сказал Бауэр. — Штампы, одни лишь голливудские штампы. Имена. Дома. Манера разговаривать. Все их ухватки. Кажется, все эти люди выскочили из какого-то тошнотворного боевика.

— Да, так оно и есть. А вы разве не знаете?

— Я ничего не знаю. Расскажите мне.

— Я это прочитала в книгах по истории. Насколько я могла понять, когда окончилась война, погибло почти все. И когда люди принялись создавать новую цивилизацию, для образца им остался только Голливуд. Война его почти не

тронула.

— А почему?

— Наверное, просто пожалели бомбу.

— Кто же с кем воевал?

— Не знаю. В книгах по истории одни названы «славные ребята», другие — «скверные парни».

— Совершенно в теперешнем духе. Бог ты мой, Вайолет, они ведут себя как дети, как дефективные дети. Или нет: скорей, будто статисты из дешевого фильма. И что убийственней всего — они счастливы. Живут какой-то синтетической жизнью из спектакля Сесила Б. Де Милля и радуются — идиоты! Вы видели похороны президента Спенсера Трэси? Покойника несли в сфинксе, сделанном в натуральную величину.

— Это что! А вы присутствовали на бракосочетании принцессы Джоан?

— Джоан Фонтейн?

— Нет, Кроуфорд. Брачная ночь под наркозом.

— Вы смеетесь.

— Вовсе нет. Она и принц-консорт сочетались священными узами с помощью хирурга.

Бауэр зябко поежился.

— Добрый старый Лос-Анджелес Великий. Вы хоть раз бывали на футбольном матче?

— Нет.

— Они ведь не играют. Просто два часа развлекаются, гоняя мяч по полю.

— А эти оркестры, что ходят по улицам. Музыкантов нет, только палочками размахивают.

— А воздух кондиционируют где бог на душу положит: даже на улице.

— И на каждом дереве громкоговоритель.

— Натыкали бассейнов на каждом перекрестке.

— А на каждой крыше — прожектор.

— В ресторанах — сплошные продовольственные склады.

— А для автографов у них автоматы.

— И для врачебных диагнозов тоже. Они их называют «медикоавтомат».

— Изукрасили тротуары отпечатками рук и ног.

— И в этот ад идиотизма нас занесло, — угрюмо сказал Бауэр, — Попались в ловушку. Кстати, о ловушках, не пора ли нам отчаливать из этого особняка? Где сейчас мистер Уэбб?

— Путешествует с семьей на яхте. Они не скоро возвратятся. А где полиция?

— Я им подсунул одного дурака. Они тоже с ним не сразу разберутся. Хотите еще выпить?

— Отчего бы нет? Благодарю. — Вайолет с любо-

пытством взглянула на Бауэра. — Скажите, Сэм, вы воруете, потому что ненавидите все здешнее? Назло им?

— Вовсе нет. Соскучился, тоска по нашим временам. Вот попробуйте-ка эту штуку: кажется, ром и ревень. На Лонг-Айленде — по-нашему Каталина-Ист — у меня есть домик, который я пытаюсь обставить под двадцатый век. Ясное дело, приходится воровать. Я провожу там уик-энды, Вайолет, и это счастье. Только там мне хорошо.

— Я понимаю вас.

— Ах понимаете! Тогда скажите, кстати, какого дьявола вы околачивались здесь, изображая дочь Уэбба?

— Тоже охотилась за ночной вазой.

— Вы хотели ее украсть?

— Ну конечно. Я просто ужас как удивилась, обнаружив, что кто-то успел меня обойти.

— Значит, история о бедной дочке неимущего миллионера была рассказана всего лишь для того, чтобы выцыганить у меня посудину?

— Ну да. И между прочим, ход удался.

— Это верно. А чего ради вы стараетесь?

— С иными целями, чем вы. Мне хочется самой открыть свой бизнес.

— Будете изготовлять подделки?

— Изготовлять и продавать. Пока я еще комплектую фонд, но, к сожалению, я далеко не такая везучая, как вы.

— Так это, верно, вы украли позолоченный трельяж?

— Я.

— А медную лампу для чтения с удлинителем?

— Тоже я.

— Очень прискорбно. Я за ними так гонялся. Ну а вышитое кресло с бахромой?

Девушка кивнула.

— Опять же я. Чуть спину себе не сломала.

— Попросили бы кого-нибудь помочь.

— Кому можно довериться? А разве вы работаете не в одиночку?

— Да, я тоже так работаю, — задумчиво произнес Бауэр. — То есть работал до сих пор. Но сейчас, по-моему, работать в одиночку уже незачем. Вайолет, мы были конкурентами, сами не зная о том. Сейчас мы встретились, и я вам предлагаю завести совместное хозяйство.

— О каком хозяйстве идет речь?

— Мы будем вместе работать, вместе обставим мой домик и создадим волшебный заповедник. В то же время вы можете сколько угодно комплектовать свои фонды. И если захотите загнать

какой-нибудь мой стул, то я не буду возражать. Мы всегда сумеем стащить другой.

— Иными словами, вы предлагаете мне вместе с вами пользоваться вашим домом?

— Да.

— Могли бы мы осуществлять наши права поочередно?

— То есть как это — поочередно?

— Один уик-энд — я, а, скажем, следующий — вы.

— Для чего?

— Вы сами понимаете.

— Нет, правда, объясните.

Девушка вспыхнула.

— Вы что, совсем дурак? Еще спрашивает почему. Похожа я на девушку, которая проводит уик-энд с мужчинами?

Бауэр остолбенел.

— Да уверяю вас, мне и в голову ничего подобного не приходило. Кстати, в доме две спальни. Вам совершенно ничего не грозит. Мы начнем с того, что стянем цилиндрический замок для вашей двери.

— Нет, это исключено, — ответила она. — Я знаю мужчин.

— Даю слово, что у нас будут чисто дружеские

отношения. Мы соблюдем этикет вплоть до мельчайших тонкостей.

— Я знаю мужчин, — повторила она непреклонно.

— Нет, это уже какая-то заумь, — возмутился Бауэр. — Подумать только: в голливудском кошмарном сне мы встретили друг друга — двое отщепенцев; нашли опору, утешение, и вдруг вы заводите какую-то бодягу на моральные темы.

— А можете вы, положа руку на сердце, пообещать никогда не лезть за утешением ко мне в постель? — сердито бросила она. — Ну отвечайте, можете?

— Нет, не могу, — ответил он чистосердечно. — Сказать такое — значит отрицать, что вы дьявольски привлекательная девушка. Зато я…

— Если так, то разговор окончен. Разумеется, вы можете мне сделать официальное предложение, но я не обещаю, что приму его.

— Нет уж, — отрезал Бауэр. — До этого я не дойду, мисс Вайолет. Это уж типичные лос-анджелесские штучки. Каждая пара, которой взбредет в голову переспать ночь, отправляется к ближайшему регистроавтомату, сует туда двадцать пять центов и считается обрученной. Наутро они бегут к ближайшему разводоавтомату — и

снова холостые, и совесть их чиста как стеклышко. Ханжи! Стоит только вспомнить всех девиц, которые меня протащили через это унижение: Джейн Рассел, Джейн Пауэл, Джейн Мэнсфилд, Джейн Уизерс, Джейн Фонда, Джейн Тарзан… Брр, господи прости!

— О-о! Так вот вы какой! — Вайолет Дуган в негодовании вскочила на ноги, — Толкует мне, как ему все здесь опротивело, а сам насквозь оголливудился.

— Женская логика, — раздраженно произнес Бауэр, — Я сказал, что мне не хочется поступать в лос-анджелесских традициях, и она тут же обвиняет меня в том, что я оголливудился. Спорь после этого с женщиной!

— Не давите меня вашим хваленым мужским превосходством, — вскипела Вайолет — Вас послушать, сразу кажется, что я вернулась к старым временам, и просто тошно делается.

— Вайолет… Вайолет… Ну зачем нам враждовать? Наоборот. Нам следует держаться друг друга. Хотите, пусть будет по-вашему. Какие-то двадцать пять центов, о чем говорить? А замок мы тоже врежем. Ну что, согласны?

— Вот это тип! Двадцать пять центов — и весь разговор! Вы мне противны.

Взяв в руки ночную посудину, Вайолет повернулась к дверям.

— Одну минутку, — сказал Сэм. — Куда это вы направляетесь?

— К себе домой.

— Стало быть, договор не заключен?

— Нет.

— И мы с вами не сотрудничаем ни на каких условиях?

— Ни на каких. Убирайтесь и ищите утешения с одной из ваших шлюх! Доброй ночи.

— Вы меня так не оставите, Вайолет.

— Я ухожу, мистер Бауэр.

— Уходите, но без посудины.

— Она моя.

— Я ее украл.

— А я ее у вас выманила.

— Поставьте вазу, Вайолет.

— Вы сами дали ее мне, уже забыли?

— Говорю вам, поставьте посудину.

— И не подумаю. Не подходите ко мне!

— Вы знаете мужчин. Помните, вы говорили. Но вы знаете о нас не все. Будьте умницей и поставьте горшок, или вам придется еще кое-что узнать насчет хваленого мужского превосходства. Вайолет, я вас предупредил… Ну получай, голубка.

Сквозь густой слой табачного дыма в кабинет инспектора Эдварда Дж. Робинсона проникли бледно-голубые лучи: занимался рассвет. Группа сыщиков, известная в полиции как «Пробивной отряд», зловещим кольцом окружала развалившуюся в кресле гориллоподобную фигуру. Инспектор Робинсон устало произнес:

— Повторите еще раз вашу историю.

Злоумышленник поерзал в кресле и попробовал поднять голову.

— Меня зовут Уильям Бендикс, — промямлил он. — Мне сорок лет. Я мастер-верхотурщик строительной фирмы «Гручо, Чико, Харпо и Маркс», Голдуин-Террас, двенадцать тысяч двести три.

— Что такое верхотурщик?

— Специалист по верхотуре — это такой специалист, который, если фирме нужно выстроить здание обувного магазина в форме ботинка, завязывает над крышей шнурки, а если строят коктейль-холл, втыкает в крышу соломинку, а если…

— Какую работу вы выполняли в последний раз?

— Участвовал в строительстве Института памяти, бульвар Луи Б. Мэйера, тридцать тысяч четыреста сорок девять.

— Что вы там делали?

— Вставлял вены в мозги.

— У вас были приводы?

— Нет, сэр.

— Что вы замышляли, проникнув сегодня около полуночи в резиденцию мистера Клифтона Уэбба?

— Как я уже рассказывал, я угощался коктейлем «Водка и шпинат» в питейном заведении «Стародавний модерн» — когда их строили, я им выкладывал пену на крыше, — а этот тип подошел ко мне и начал разговор. Рассказал, что какой-то богатый чудак купил и только что привез сюда эту штуковину, какое-то сокровище искусства. Говорит, что сам он коллекционер, но такое вот сокровище купить не может, а тот богач такой жадюга, что даже не дает на него поглядеть. А потом он предложил мне сто долларов, чтобы я помог ему взглянуть на эту штуку.

— То есть предложил вам украсть ее?

— Да нет, сэр, он хотел на нее только поглядеть. Он сказал, что мне, мол, нужно только поднести ее к окну, он взглянет на нее и отвалит мне сто долларов.

— А сколько денег он предлагал вам за то, чтобы вы вынесли вазу из дому?

— Говорю вам, сэр, он хотел только поглядеть. Потом — мы так условились — я запихнул бы ее обратно, и все дела.

— Опишите этого человека.

— Ему, наверное, лет тридцать будет. Одет хорошо. Говор малость чудной, вроде как у иностранца, и все время хохочет, все ему что-то смешно. Роста примерно среднего или маленько повыше. Глаза темные. Волос тоже темный, густой и лежит этак волнами; такой бы хорошо гляделся на крыше парикмахерской.

Кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь. В кабинет влетела детектив Эдна Мэй Оливер — явно в растрепанных чувствах.

— Ну?! — рявкнул инспектор Робинсон.

— Его версия подтверждается, шеф, — доложила детектив Оливер. — Его видели в коктейльном заведении «Стародавний модерн»…

— Стоп, стоп, стоп. Он говорит, что ходил в питейное заведение «Старомодный модерн».

— Шеф, это одно и то же. Они просто сменили вывеску, чтобы с помпой открыть его заною.

— А кто укладывал на крыше вишни? — заинтересовался Бсндикс.

Никто и не подумал ему ответить.

— В заведении видели, как задержанный разго-

варивал с таинственным мужчиной, которого он нам описал, — продолжала детектив Оливер. — Они вышли вместе.

— Этот мужчина был Искусник Кид.

— Так точно, шеф.

— У-у, черт! Черт! Черт! — Инспектор в ярости дубасил кулаком по столу. — Чует мое сердце, что Кид обвел нас вокруг пальца.

— Но каким образом, шеф?

— Неужели непонятно, Эд? Кид мог проведать о нашей ловушке.

— Ну и что же?

— Думайте, Эд, думайте! Может быть, не кто иной, как он, сообщил нам, что в преступном мире ходят слухи о готовящемся этой ночью налете.

— Вы хотите сказать, он настучал сам на себя?

— Вот именно.

— Но для чего ему это?

— Чтобы заставить нас арестовать не того человека. Это сущий дьявол. Я же вам говорил.

— Но-зачем он все это затеял, шеф? Вы ведь разгадали его плутни.

— Верно, Эд. Но Кид, возможно, изобрел какой-то новый, еще более заковыристый ход. Только вот какой? Какой?

Инспектор Робинсон встал и беспокойно зашагал по кабинету. Его мощный изощренный ум усиленно пытался проникнуть в сложные замыслы Искусника Кида.

— А как быть мне? — вдруг спросил Бендикс.

— Ну вы-то можете преспокойно отправляться восвояси, любезный, — устало сказал Робинсон, — В грандиозной игре вы были только жалкой пешкой.

— Да нет, я спрашиваю, как мне закруглиться с этим делом. Тот малый-то, пожалуй, до сих пор ждет под окном.

— Как вы сказали? Под окном?! — воскликнул Робинсон, — Значит, он стоял там, под окном, когда мы захватили вас?

— Стоял небось!

— Я понял! Наконец-то понял! — вскричал Робинсон. — Ну вот, теперь мне все ясно!

— Что вам ясно, шеф?

— Вдумайтесь, Эд, представьте себе картину в целом. Искусник Кид стоит тихонько под окном и собственными глазами видит, как мы увозим из дому этого остолопа. Мы отбываем, и тогда Искусник Кид входит в пустой дом…

— Вы хотите сказать…

— Может быть, в эту самую секунду он взла-

мывает сейф.

— Ух ты!

— Эд, спешно вызвать оперативную группу и группу блокирования.

— Слушаюсь, шеф.

— Эд, блокировать все выходы из дома.

— Сделаем, шеф.

— Эд и ты, Эд, будете сопровождать меня.

— Куда сопровождать, шеф?

— К особняку Уэбба.

— Вы рехнулись, шеф!

— Другого пути нет. Этот городишко слишком мал для нас двоих: или Искусник Кид, или я.

Все газеты кричали о том, как «Пробивной отряд» разгадал инфернальные планы Искусника Кида и прибыл в волшебный особняк мистера Клифтона Уэбба всего лишь через несколько секунд после того, как сам Кид отбыл с ночной вазой. О том, как на полу библиотеки обнаружили лежавшую без сознания девушку, о том, как выяснилось, что она — отважная Одри Хэпберн, верная помощница загадочной Греты Гарбо — Змеиный Глаз, владелицы обширной сети игорных домов и притонов. О том, как Одри, заподозрив что-то неладное, решила сама все разведать. И о том, как коварный взломщик сперва затеял с девушкой

зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки, а затем, выждав удобный момент, свалил ее на пол безжалостным, зверским ударом.

Давая интервью газетным синдикатам, мисс Хэпберн сказала:

— Просто женская интуиция. Я заподозрила что-то неладное и решила сама все разведать. Коварный взломщик затеял со мной зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки, а затем, выждав удобный момент, свалил меня на пол безжалостным, зверским ударом.

Одри получила семнадцать предложений вступить в брак через посредство регистроавтомата, три предложения сняться для пробы в кинофильмах, двадцать пять долларов из общинных фондов округа Голливуд-Ист, премию Даррила Ф. Занука «За человеческий интерес» и строгий выговор от шефессы.

— Фам непременно нато было допавить, што он фас иснасиловал, Одри, — сказала ей мисс Гарбо. — Это придало бы фашей истории особый колорит.

— Прошу прощения, мисс Гарбо. В следующий раз я постараюсь ничего не упустить. Кстати, он делал мне непристойные предложения.

Разговор происходил в секретном ателье мисс

Гарбо, где совещалось могущественное трио дельцов от искусства, а тем временем Вайолет Дуган (она же Одри Хэпберн) подделывала бюллетень сельскохозяйственного банка на 1943 год.

— Сага mia, — обратился к Вайолет де Сика, — вы могли бы описать нам этого негодяя подробно?

— Я рассказала вам все, что запомнила, мистер де Сика. Да, вот еще одна деталь, может быть, она вам поможет: он сказал, что работает на одного из крупнейших букмекеров Иста, определяет шансы выигрышей.

— Mah![126] Таких субъектов сотни. Это нам ничего не дает. А он не намекнул вам, как его зовут?

— Нет, сэр. Во всяком случае, свое теперешнее имя он не упомянул.

— Теперешнее имя? Как это понять?

— Я… я говорю про его настоящее имя. Ведь не всегда же его называют Искусник Кид.

— Ага, понятно. А где он живет?

— Говорит, где-то в районе Каталина-Ист.

— Каталина-Ист — это сто сорок квадратных миль, битком набитых жилыми домами, — с

---

[126] Примечания: 126
Увы! (ит.) (Прим. перев.)

раздражением вмешался Хор-гон.

— Я тут ни при чем, мистер Хортон.

— Одри, — строго произнесла мисс Гарбо, — отлошите ф сторону фаш бюллетень и посмотрите на меня.

— Да, мисс Гарбо.

— Фы флюбились ф этого шеловека. Ф фаших глазах он — романтическая фигура, и фам не хочется, штоп он попал под сут. Это так?

— Вовсе нет, мисс Гарбо! — пылко возразила Вайолет, — Больше всего на свете я хочу, чтобы его арестовали, — Она потрогала пальцами свой подбородок. — Влюбилась? Да я ненавижу его!

— Итак, — со вздохом резюмировал де Сика, — мы потерпели неудачу. Короче говоря, если мы не сумеем вернуть ночную вазу его светлости, мы будем вынуждены уплатить ему два миллиона долларов.

— Я убежден, — яростно выкрикнул Хортон, — что полицейские его нипочем не найдут! Этакие олухи. Их можно сравнить по дурости разве что с нашей троицей.

— Ну что ж, тогда придется нанять частного соглядатая. При наших связях в преступном мире мы без особого труда сможем найти подходящего человека. Есть какие-нибудь предложения?

— Неро Фульф, — произнесла мисс Гарбо.

— Великолепно, сага mia. Это человек настоящей эрудиции и культуры.

— Майк Хаммер, — сказал Хортон.

— Примем к сведению и эту кандидатуру. Что вы скажете о Перри Мейсоне?

— Этот подонок слишком честен, — отрезал Хортон.

— Тогда вычеркнем подонка из списка кандидатов. Есть еще предложения?

— Миссис Норт, — сказала Вайолет.

— Кто, дорогая? Ах да, Памела Норт, леди-детектив. Нет, я бы сказал. Нет. По-моему, это не женское дело.

— Но почему, мистер де Сика?

— А потому, ангел мой, что слабому полу опасно сталкиваться с некоторыми видами насилия.

— Я этого не думаю, — сказала Вайолет. — Мы, женщины, умеем постоять за себя.

— Она прафа, — томно проворковала мисс Гарбо.

— А по-моему, нет, Грета. И вчерашний эпизод это подтверждает.

— Он мне нанес безжалостный, зверский удар, только когда я отвернулась, — поспешила вставить Вайолет.

— А чем вам плох Майк Хаммер? — брюзгливо спросил Хортон. — Он всегда достигает результатов и нещепетилен в средствах.

— Так нещепетилен, что мы можем получить одни осколочки от вазы с цветочным бордюром.

— Боже мой! Я об этом не подумал. Ну хорошо, я согласен на Вульфа.

— Миссис Норт, — произнесла мисс Гарбо.

— Вы в меньшинстве, сага mia. Итак, решено — Ниро Вульф. Bene. Я полагаю, Хортон, что мы с ним побеседуем без Греты. Он настолько antipatico[127] к женщинам, что это вошло в поговорку. Милые дамы, arrivederci[128].

После того как двое из могущественного трио удалились, Вайолет повернулась к мисс Гарбо.

— «Слабый пол»... У-у... шовинисты, — прошипела она, яростно сверкнув глазами. — Неужели мы будем терпеть это неравноправие полов?

— А што мы мошем стелать, Одри?

— Мисс Гарбо, разрешите мне самой выследить этого человека.

— Фы говорите фсерьез?

— Конечно.

---

[127] Примечания: 127
Здесь: плохо относится (ит.). (Прим, перев.)

[128] Примечания: 128
До свидания (ит.). (Прим. перев)

— Но как фы мошете его выследить?

— Наверно, у него есть какая-нибудь женщина.

— Естестфенно.

— Cherchez la femme[129].

— Вы просто молотец!

— Он упоминал при мне некоторые имена и фамилии, и если я найду ее, то найду и его. Вы мне даете отпуск, мисс Гарбо?

— Отпрафляйтесь, Одри. И прифетите его шифым.

Старая леди в уэльской шляпке, белом фартуке, шестиугольных очках и с объемистым вязанием, из которого торчали спицы, споткнулась о макет, изображавший лестницу на Испанской площади. Лестница вела в королевскую Оружейную палату. Палата была выстроена в форме императорской короны и увенчана пятидесятифутовой имитацией бриллианта «Надежда».

— Чертовы босоножки, — буркнула Вайолет Дуган. — Ну и каблучки.

Войдя в палату, Вайолет поднялась на десятый этаж и позвонила в звонок, по обе стороны от которого располагались лев и единорог, попеременно разевающие пасти: лев рычал, единорог

---

[129] Примечания: 129
Ищите женщину (фр.). (Прим. перев.)

орал по-ослиному. Дверь стала затуманиваться, затем туман рассеялся. На пороге стояла Алиса из Страны чудес с огромными невинными глазами.

— Лу? — спросила она пылко. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Пауэл, — сказала Вайолет, заглядывая в квартиру через плечо Аписы и внимательно обшаривая взглядом коридор. — Я из службы «Клевета инкорпорейтид». Вам не кажется, что сплетни проходят мимо вас? Не остаетесь ли вы в неведении по поводу самых пикантных скандалов? Наш штат, составленный из высококвалифицированных сплетников, гарантирует распространение молвы в течение пяти минут после события; клевета несусветная и клевета правдоподобная…

— Вздор, — сказала мисс Пауэл, и дверь стала непроницаемой.

Маркиза Помпадур в парчовых фижмах, с кружевным корсажем и в высоком пудреном парике вошла в зарешеченный портик «Приюта птичек» — частного особнячка, построенного в форме птичьей клетки. Из позолоченного купола на нее обрушилась какофония птичьих голосов. Мадам Помпадур дунула в свисток, вделанный в дверь, которая имела форму часов с кукушкой. На птичий посвист звонка отворилась маленькая

заслонка над циферблатом, с бодрым «ку-ку» оттуда выглянул глазок телевизора и внимательно оглядел гостью.

Вайолет присела в глубоком реверансе.

— Могу я лицезреть хозяйку дома?

Дверь отворилась. На пороге стоял Питер Пэн в ярко-зеленом костюме. Костюм был прозрачный, и посетительница сразу узнала, что перед ней сама хозяйка дома.

— Добрый день, мисс Уизерс. Я к вам от фирмы «Эвон». Игнац Эвон, парикмахер, изобретатель всевозможных шиньонов, париков, украшений из волос, кудрей и локонов, всегда к услугам тех, кто следует законам моды или желает устроить розыгрыш…

— Сгинь! — сказала мисс Уизерс.

Дверь захлопнулась. Маркиза де Помпадур послушно сгинула.

Художница в берете и в вельветовой куртке с палитрой и мольбертом поднялась на пятнадцатый этаж Пирамиды. У самой вершины возвышались шесть египетских колонн, за которыми была массивная базальтовая дверь. Когда художница швырнула милостыню в каменную чашку для нищих, дверь распахнулась, обнаружив мрачную гробницу, на пороге которой стояло

нечто вроде Клеопатры в одеянии критской богини змей и для антуража окруженное змеями.

— Доброе утро, мисс Рассел. Фирма «Тиффани» демонстрирует последний вопль моды — накожные драгоценности Тиффани. Татуировка наносится очень рельефно. Являясь источником излучения цветовой гаммы, включающей имитацию бриллиантов чистейшей воды, накожные драгоценности Тиффани остаются безвредными для здоровья в течение месяца.

— Чушь, — сказала мисс Рассел.

Дверь медленно затворилась под звуки заключительных аккордов из «Аиды», которым тихо вторили стенания хора.

Школьная учительница в строгом костюме, с гладко зачесанными и собранными в тугой узел волосами, в очках с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались неестественно большими, прошествовала со стопкой учебников по подвесному мосту феодального замка. Поднявшись винтовым лифтом на двенадцатый этаж, она перепрыгнула через неширокий ров и обнаружила дверной молоток в форме рыцарской железной рукавицы. Миниатюрные решетчатые ворота со скрежетом втянулись наверх, и на пороге показалась Златовласка.

— Луи? — спросила она, радостно смеясь. И тотчас увяла.

— Добрый вечер, мисс Мэнсфилд. Фирма «Чтение вслух» предлагает новый вид сугубо специализированного индивидуального обслуживания. Вместо того чтобы терпеть монотонное чтение роботов, вы сможете слушать отлично поставленные голоса, способные придать каждому слову неповторимую окраску, и эти голоса будут читать для вас, только для вас, и комиксы, и чистосердечные исповеди знаменитостей, и киножурналы за пять долларов в час; детективы, вестерны, светская хроника…

Решетчатые воротца со скрежетом опустились вниз.

— Сперва Лу, потом Луи, — пробормотала Вайолет. — Интересно.

Небольшую пагоду обрамлял пейзаж, точная копия трафаретных китайских рисунков на фарфоре, даже с фигурами трех сидящих на мосту кули. Кинозвездочка в черных очках и белом свитере, туго обтягивающем ее пышный бюст, проходя по мосту, потрепала их по головам.

— Поосторожней, детка, щекотно, — сказал один из них.

— Бога ради, простите, я думала, вы чучела.

— Чучела мы и есть за пятьдесят центов в час, но такая уж у нас работа.

В портике пагоды появилась мадам Баттерфляй, склоняясь в поклоне, как заправская гейша. Цельность облика этой особы несколько нарушал черный пластырь под левым глазом.

— Доброе утро, мисс Фонда. Фирма «Предел лишь небеса» предлагает вам потрясающий новый способ упышнения бюста. Натираясь препаратом «Груди-Джи», антигравитационным порошком телесного цвета, вы сразу же достигнете поразительных результатов. Мы предоставляем вам на выбор три оттенка: блондинок, шатенок, брюнеток — и три вида упышненных форм: грейпфрутовая, арбузовидная и…

— Я не собираюсь взлететь на воздух, — мрачно сказала мисс Фонда, — Брысь!

— Извините, что побеспокоила вас. — Вайолет замялась. — Вам не кажется, мисс Фонда, что пластырь у вас под глазом не совсем в стиле…

— Он у меня не для стиля, дорогуша. Этот Журден просто мерзавец, и больше никто.

— Журден, — тихо повторила Вайолет, удаляясь по мосту. — Выходит, Луи Журден. Так или не так?

Аквалангист в черном резиновом костюме и

полном снаряжении, включая маску, кислородный баллон и гарпун, прошел тропою джунглей, вспугивая шимпанзе и направляясь к Земляничной горе. Вдали протрубил слон. Аквалангист ударил в бронзовый гонг, свисающий с кокосовой пальмы, и на звон гонга отозвался бой барабанов. Семифутовый ватуси встретил и проводил посетителя к стоявшей в зарослях хижине, где его ждала особа негроидного типа, которая дрыгала ногами в стофутовой искусственной реке Конго.

— Это Луи Бвана?[130] — крикнула она. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Тарзан, — сказала Вайолет, — Фирма «Выкачивай», недавно отметившая свое пятидесятилетие, берется обеспечить вам купанье в стерильно чистой воде независимо от того, будет ли идти речь об олимпийском водоеме или старомодном пруде. Система патентованных очистительных насосов позволяет фирме «Выколачивай» выкачивать грязь, песок, ил, алкоголь, сор, помои…

Вновь ударил бронзовый гонг, и на звон гонга снова отозвался бой барабанов.

— О! На этот раз, наверное, Луи! — вскричала

---

[130] Примечания: 130
Искаженное «господин». (Прим. перев.)

мисс Тарзан, — Я знала, что он сдержит слово.

Мисс Тарзан побежала к парадным дверям. Мисс Дуган спрятала лицо за водолазной маской и нырнула в Конго. Она вынырнула на поверхность у противоположного берега среди зарослей бамбука, неподалеку от весьма реалистического на вид аллигатора. Ткнув его в голову рукой, она убедилась, что это чучело. Затем Вайолет быстро обернулась и успела разглядеть Сэма Бауэра, который не спеша прошел в пальмовый сад под ручку с Джейн Тарзан.

Запрятавшись в телефонную будку, имевшую форму телефона и расположенную через дорогу от Земляничной горы, Вайолет Дуган горячо пререкалась с мисс Гарбо.

— Фам не следовало фысыфать полицию, Одри.

— Нет, следовало, мисс Гарбо.

— Инспектор Робинсон шурует ф доме уже десять минут. Он опять натфорит глупостей.

— Я на это и рассчитываю, мисс Гарбо.

— Сначит, я была прафа. Фы не хотите, штобы этот Луи 'Тщурден был арестофан.

— Нет, хочу, мисс Гарбо. Очень хочу. Только позвольте вам все объяснить.

— Он уфлек фаше фоображение сфоими непристойными предлошениями.

— Да прошу вас, выслушайте вы меня, мисс Гарбо. Для нас ведь самое важное не схватить его, а узнать, где он запрятал краденое. Разве не так?

— Отгофорки! Отгофорки!

— Если его арестуют сейчас, мы никогда не узнаем, где ваза.

— Што ше фы предлагаете?

— Я предлагаю сделать так, чтобы он сам привел нас туда, где прячет вазу.

— Как фы этого допьетесь?

— Используя его же оружие. Помните, как он подсунул полицейским подставное лицо?

— Этого турня Пендикса?

— На этот раз в роли Бендикса выступил инспектор Робинсон. Ой, постойте! Там что-то случилось.

На Земляничной горе началось сущее столпотворение. Шимпанзе с визгом перепархивали с ветки на ветку. Появились ватуси, они неслись во весь дух, преследуемые инспектором Робинсоном. Затрубил слон. Огромный аллигатор быстро вполз в густую траву. Затем промчалась Джейн Тарзан, ее преследовал инспектор Робинсон. Барабаны гудели вовсю.

— Я могла бы поклясться, что этот аллигатор — чучело, — пробормотала Вайолет.

— О шем фы, Одри?

— Да о крокодиле… Так и есть! Извините, мисс Гарбо. Я побежала.

Крокодил встал на задние лапы и неторопливо брел по Земляничному проезду. Вайолет выскользнула из будки и небрежной ленивой походкой пошла вслед за ним. Прогуливающийся по улице аллигатор и неторопливо следующий за ним аквалангист не вызывали особого интереса у прохожих Голливуд-Ист.

Аллигатор оглянулся через плечо и наконец заметил аквалангиста. Он пошел быстрее. Аквалангист тоже ускорил шаг. Аллигатор побежал. Аквалангист побежал за ним следом, но немного отстал. Тогда он подключил кислородный баллон, и расстояние начало сокращаться. Аллигатор с разбегу ухватился за ремень подвесной дороги. Болтающегося на канате, его повлекло на восток. Аквалангист подозвал проезжавшего мимо робота-рикшу.

— Следовать за этим аллигатором! — крикнула Вайолет в слуховое приспособление робота.

В зоопарке аллигатор выпустил из рук ремень и скрылся в толпе. Аквалангист соскочил с рикши и как сумасшедший пробежал через Берлинский дом, Московский дом и Лондонский.

В Римском доме, где посетители швыряли пиццу помещенным за оградой существам, Вайолет увидела раздетого римлянина, который лежал без сознания в углу клетки. Рядом с ним валялась шкура аллигатора. Вайолет быстро огляделась и успела заметить удиравшего Бауэра в полосатом костюме.

Она бросилась за ним. Бауэр столкнул какого-то мальчугана со спины пони на электрической карусели, сам вскочил на место мальчика и галопом помчался на запад. Вайолет вспрыгнула на спину проходившей мимо ламы.

— Догони этого пони! — крикнула она.

Лама побежала, жалобно мыча:

— Ч иао хеи-фу нан цо мей ми чу (мне этого еще никогда не удавалось).

На конечной станции Гудзон Бауэр спрыгнул с пони, закупорился в капсулу и перемахнул через реку. Вайолет влетела в восьмивесельную лодку и пристроилась на сиденье рулевого.

— Следовать за этой капсулой! — крикнула она.

На джерсийском берегу (Невада-Ист) Вайолет продолжала преследовать Бауэра на движущейся мостовой, а затем на каре фирмы «Улепетывай» к старому Ньюарку, где Бауэр вскочил на трамплин

и катапультировался в первый вагон монорельсовой дороги Блок-Айленд — Нантакет.

Вайолет подождала, пока монорельс тронется в путь, и в последнюю секунду успела вскочить в задний вагон.

Оказавшись в вагоне, она направила острие гарпуна в сторону находившейся там же расфуфыренной девчонки и заставила ее обменяться с ней одеждой. В бальных туфельках, черных ажурных чулках, клетчатой юбке и шелковой блузке, Вайолет вышвырнула разлютовавшуюся дамочку из вагона на остановке Ист-Вайн-стрит и уже более открыто принялась наблюдать за передним вагоном. На Монтауке — крайний восточный пункт Каталина-Ист — Бауэр выскользнул из вагона.

Вайолет снова подождала, пока двинется монорельс, и лишь тогда продолжила погоню. На нижней платформе Бауэр забрался в жерло коммутированной пушки и взлетел в пространство. Вайолет бросилась вслед за ним к той же пушке и осторожно, чтобы не изменить наводку, установленную Бауэром, скользнула в пушечное жерло. Она взлетела в воздух всего на полминуты позже Бауэра и брякнулась на посадочную площадку в тот момент, когда Сэм спускался по веревочной

лестнице.

— Вы?! — воскликнул он.

— Да, я.

— А в черном скафандре тоже были вы?

— Опять же я.

— Я думал, что отделался от вас в Ньюарке.

— Нет, этот номер не прошел, — угрюмо сказала она. — Я нас приперла к стенке, Кид.

И в эту секунду Вайолет увидела дом.

Он был похож на те дома, которые в двадцатом веке рисовали дети: два этажа, остроконечная крыша, крытая рваным толем, стены из грязных коричневых дранок, державшихся на честном слове, двойные рамы с крестообразным переплетом, кирпичная труба, увитая плющом, шаткое крылечко. Справа — проржавевшие руины рассчитанного на две автомашины гаража, слева — заросли чахлых сорняков. В вечернем сумраке казалось, что в этом доме наверняка должны водиться привидения.

— Ох, Сэм! — охнула Вайолет. — Как здесь красиво!

— Это дом, — сказал он просто.

— А внутри?

— Зайдите и поглядите.

Внутри дом был словно склад, заставленный

товарами, заказанными по почте; все здесь было бросовое — дешевое, второсортное, подержанное, уцененное, купленное на распродаже.

— Здесь как в раю, — сказала Вайолет. Она нежно прильнула к пылесосу типа канистры с виниловым амортизатором, — Здесь так покойно, уютно. Я уже много лет не была так счастлива.

— Постойте, постойте, — сказал Бауэр, которого распирало от гордости.

Встав на колени перед камином, он разжег березовые дрова. Охваченные желтым и красноватым пламенем, поленья весело потрескивали.

— Смотрите, — сказал он. — Дрова настоящие и огонь настоящий. А еще я знаю музей, где есть пара железных подставок для дров в камине.

— Правда? Честное слово?

Он кивнул.

— Музей Пибоди в Высшем Йельском.

Вайолет наконец решилась.

— Сэм, я помогу вам.

Он удивленно на нее взглянул.

— Я помогу вам их украсть, — сказала Вайолет. — Я… я помогу вам украсть все, что вы захотите, Сэм.

— Вы не шутите, Вайолет?

— Я была дурой. Я не понимала. Я… Вы были

правы, Сэм. Я вела себя как последняя идиотка.

— Вайолет, вы серьезно это говорите или хотите меня во что-то втравить?

— Я говорю серьезно, Сэм. Честное слово.

— Вам так понравился мой дом?

— Конечно, мне понравился ваш дом, но причина не только в этом.

— Значит, мы действуем вместе?

— Да, Сэм, теперь мы вместе.

— Дайте руку.

Вместо этого она обняла его за шею и крепко к нему прижалась. Бог весть сколько минут просидели они на раскладном кресле из пенопласта… затем Вайолет тихо шепнула ему на ухо:

— Мы с тобой — против всех остальных, Сэм.

— И пусть они поберегутся: им придется несладко.

— Да, пусть они поберегутся: и они, и эти бабы по имени Джейн.

— Вайолет, клянусь, ни к одной из них я не относился серьезно. Если бы ты их видела…

— Я видела их.

— Видела? Где? Каким образом?

— Я тебе как-нибудь расскажу.

— Но…

— Ну перестань!

После длительной паузы он сказал:

— Если мы не врежем замок в дверь спальни, может случиться неприятность.

— К черту замок! — сказала Вайолет.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН! — раздался резкий оглушительный голос.

Сэм и Вайолет вскочили с кресла. В окна ворвался ослепительный сине-белый свет. Слышался ропот толпы, уже готовой приступить к суду Линча, гремела галопирующим крешендо увертюра к «Вильгельму Теллю», раздавались звуки, напоминающие о кентуккском дерби, локомотивах 4-6-4, о таранах и о внезапных налетах индейцев племени саскачеван.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН! — вновь раздался резкий оглушительный голос.

Они подбежали к окну и осторожно выглянули. Дом был окружен слепящими прожекторами. В толпе смутно можно было различить повстанцев Жакерии с гильотиной, теле- и кинокамеры, большой симфонический оркестр, целую роту звукооператоров в наушниках, режиссера со шпорами и мегафоном, инспектора Робинсона с микрофоном, а вокруг на парусиновых шезлонгах сидело с полтора десятка загримированных мужчин и женщин.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. С ВАМИ ГОВОРИТ ИНСПЕКТОР РОБИНСОН. ВЫ ОКРУЖЕНЫ. МЫ… ЧТО? АХ, ВРЕМЯ ДЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ? ХОРОШО, ВАЛЯЙТЕ.

Бауэр свирепо посмотрел на Вайолет.

— Значит, ты обманула меня?

— Нет, Сэм, клянусь.

— Тогда как здесь очутились все эти люди?

— Не знаю.

— Это ты их привела.

— Нет, нет, Сэм, нет! Я… может быть, я оказалась не такой умелой, как предполагала. Может быть, пока я гналась за тобой, они следили за мной. Но, клянусь тебе, я их не видела.

— Врешь.

— Нет, Сэм.

Она заплакала.

— Ты меня продала.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН, ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИТЕ ОДРИ ХЭПБЕРН.

— Кого? — ошеломленно спросил Бауэр.

— Эт-то ме-еня, — всхлипнула Вайолет. — Я взяла себе другое имя, так же как и ты. Одри Хэпберн и Вайолет Дуган — одно и то же лицо. Они думают, что ты меня удерживаешь как заложницу, но

я тебя не выдавала, Сэм. Я не шпионка.

— Ты говоришь мне правду?

— Чистую правду.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НАМ ОТЛИЧНО ИЗВЕСТНО, ЧТО ТЫ ИСКУСНИК КИД. ВЫХОДИ, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ. ОСВОБОДИ ОДРИ ХЭПБЕРН И ВЫХОДИ ИЗ ДОМА, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ.

Бауэр распахнул окно.

— Войди и арестуй меня, дурила! — гаркнул он.

— ПОГОДИ, ПОКА МЫ НЕ ПОДКЛЮЧИМСЯ К СЕТИ, УМНИК.

Десять секунд, в течение которых производилось подключение, прошли в полном молчании. Затем прогремели выстрелы. Удлиненные грибовидные дымки вспыхнули там, куда ударили пули. Вайолет взвизгнула. Бауэр захлопнул окно.

— Эффективность всех боеприпасов у них снижена до самой крайней степени, — заметил он. — Боятся повредить мои сокровища. Может, мы еще и выкарабкаемся отсюда, Вайолет.

— Нет, не надо. Миленький, прошу тебя, не надо с ними сражаться.

— Сражаться я не могу. Чем бы я стад с ними сражаться?

Выстрелы теперь гремели не смолкая. Со стены

упала картина.

— Сэм, да послушай ты меня, — взмолилась Вайолет, — Сдайся. Я знаю, что за кражу со взломом дают девяносто дней, но я буду ждать тебя.

Одно из окон разлетелось вдребезги.

— Ты будешь ждать меня, Вайолет?

— Буду. Клянусь.

Загорелась занавеска.

— Так ведь девяносто дней! Целых три месяца.

— Мы переждем их и начнем новую жизнь.

Внизу, на улице, инспектор Робинсон внезапно застонал и схватился за плечо.

— Ну ладно, — сказал Бауэр. — Я сдамся… Но взгляни на них, на этот дурацкий спектакль, где перемешаны и «Гангстерские битвы», и «Неприкасаемые», и «Громовые двадцатые годы». Пусть я лучше пропаду, если оставлю им хоть что-нибудь из того, что я выкрал. Погоди-ка…

— Что ты хочешь сделать?

Тем временем на улице «Пробивной отряд» принялся кашлять, будто наглотался слезоточивого газа.

— Взорву все к чертям, — ответил Бауэр, роясь в банке с сахаром.

— Взорвешь? Но как?

— Я раздобыл немного динамита у «Гручо, Чико,

Харпо и Маркса», когда шарил по их коллекциям разрыхляющих землю инструментов. Мотыги я не нашел, а вот это достал.

Он поднял вверх небольшую красную палочку с часовым механизмом на головке. На палочке была надпись: «TNT».

На улице Эд (Бегли) судорожно схватился за сердце, мужественно улыбнулся и рухнул на тротуар.

— Я не знаю, когда будет взрыв и сколько у нас времени, — сказал Бауэр, — Поэтому, как только я брошу палочку, беги со всех ног. Ты готова?

— Д-да, — ответила она дрожащим голосом.

Он схватил динамитную палочку, которая тут же начала зловеще тикать, и швырнул на серо-зеленую софу.

— Беги!

Подняв руки, они бросились через парадное в слепящий свет прожекторов.

ПЕРЕПУТАННЫЕ ПРОВОДА

© Перевод Е. Коротковой

Я расскажу эту историю без утайки, в точности так, как все произошло, потому что все мы, мужчины, небезгрешны в таких делах. Хотя я счастлив в браке и по-прежнему люблю жену, временами я влюбляюсь в незнакомых женщин. Перед красным светофором я бросаю взгляд на девушку в остановившемся рядом такси и влюбляюсь в нее как безумный. Я еду в лифте и пленяюсь девушкой, которая поднимается вместе со мной, держа в руке стопку трафаретиков. На десятом этаже она выходит и уносит вместе с трафаретами и мое сердце. Помню, как однажды в рейсовом автобусе я влюбился в манекенщицу. Она держала неотправленное письмо, а я старался прочитать и запомнить адрес.

А какой соблазн случайные звонки по телефону! Раздается звонок, вы снимаете трубку, и женский голос говорит:

— Попросите, пожалуйста, Дэвида.

В доме нет никаких Дэвидов, и голос явно незнакомый, но такой волнующий и милый. За

две секунды я успеваю насочинять, как я назначаю этой девушке свидание, встречаюсь с ней, закручиваю роман, бросаю жену и сбегаю на Капри, где упиваюсь греховным счастьем. После этого я говорю:

— А по какому номеру вы звоните?

Когда я вешаю трубку, мне стыдно взглянуть на жену, я чувствую себя изменником.

Тот звонок, что прозвучал в моей квартире на Мэдисон, 509, вовлек меня именно в такую историю. Мои бухгалтерша и секретарша ушли обедать, и я сам снимал трубку стоявшего на моем столе телефона. Чей-то милый голосок с неимоверной скоростью затараторил:

— Здравствуй, Дженет. Дженет, милая, ты знаешь, я нашла работу. Такая чудная контора, сразу за углом, на Пятой авеню, там, где старое здание Тиффани. Работать буду с десяти до четырех. У меня свой стол и даже маленькая комнатка с окошком целиком в моем распоряжении, и я…

— Простите, — сказал я, нафантазировавшись вволю, — по какому номеру вы звоните?

— Господи боже! Ну конечно, не по вашему!

— Боюсь, что нет.

— Пожалуйста, простите, что я вас побеспокоила.

— Ну что вы! Поздравляю с новой работой.

Она засмеялась:

— Большое спасибо.

Мы повесили трубки. У нее был такой чудный голосок, что я решил отправиться с ней на Таити вместо Капри. И тут опять прозвенел телефон. И снова тот же голосок:

— Дженет, милая, это Пэтси. Ты представляешь, какой ужас! Звонила только что тебе и попала совсем не туда, и вдруг ужасно романтический голос…

— Благодарю вас, Пэтси. Вы опять попали не туда.

— Господи! Снова вы?

— Угу.

— Это ведь Прескотт девять-тридцать два-тридцать два?

— Даже похожего ничего нет. Это Плаза шесть-пятьдесят-ноль ноль.

— Просто не представляю себе, как я набрала такое. Я, наверное, сегодня очень уж бестолкова.

— Скорее, очень уж взволнованны.

— Пожалуйста, простите.

— С удовольствием, — ответил я. — У вас, по-моему, тоже очень романтичный голос, Пэтси.

На этом разговор закончился, и я отправился

обедать, повторяя в уме номер: Прескотт 9-32-32… Вот позвоню, попрошу Дженет и скажу ей… Что я ей скажу? Понятия не имею. Я знал лишь, что ничего подобного не сделаю; но я ходил в каком-то радужном тумане и, только придя в контору, вынужден был заняться делами. Стряхнув наваждение, я вернулся к реальности.

Подозреваю все же, что моя совесть была нечиста: я не рассказал жене об этом случае.

До замужества жена служила у меня в конторе и продолжает живо интересоваться всем, что там происходит. Каждый вечер я рассказываю ей все наши новости, и мы с удовольствием их обсуждаем по целому часу. Не был исключением и этот вечер, но о звонке Пэтси я умолчал. Я чувствовал себя неловко.

До того неловко, что на следующий день отправился в контору раньше обычного, дабы загладить укоры совести сверхурочной работой. Никто из моих девушек еще не пришел, и отвечать на телефонные звонки должен был я сам. Примерно в полдевятого зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Плаза шесть-пятьдесят-ноль ноль, — сказал я.

Последовало мертвое молчание, которое меня

взбесило. Я лютой ненавистью ненавижу растяп телефонисток, принимающих по нескольку звонков подряд и заставляющих висеть на проводе абонентов.

— Чертова кукла! — сказал я, — Надеюсь, что вы меня слышите. Сделайте одолжение впредь не трезвонить до того, как сможете соединить меня с тем, кто звонит. Кто я вам, лакей? Катитесь к дьяволу.

И в тот миг, когда я собирался шмякнуть трубку, тихий голосок сказал:

— Простите.

— Пэтси? Снова вы?

— Да, я, — ответила она.

Мое сердце так и екнуло: я понял, понял, что этот звонок уже не мог быть случайным. Она запомнила мой номер. Ей захотелось еще раз поговорить со мной.

— Доброе утро, Пэтси, — сказал я.

— Какой вы сердитый!

— Боюсь, что я вам нагрубил.

— Нет-нет. Ведь виновата я сама. Я вас все время беспокою. Не знаю, почему так получается, но всякий раз, когда я звоню Джен, я попадаю к вам. Наверно, наши провода где-то пересекаются.

— В самом деле? Очень жаль. А я надеялся, что

вам захотелось услышать мой романтичный голос.

Она рассмеялась:

— Ну, не такой уж он романтичный.

— Я с вами грубо говорил. Мне бы очень хотелось как-то запалить свою вину. Вы позволите угостить вас сегодня обедом?

— Спасибо, нет.

— А с какого числа вы приступаете к работе?

— Уже с сегодняшнего. До свидания.

— Желаю вам успеха, Пэтси. После обеда позвоните Джен и расскажите мне, как вам работается.

Я повесил трубку, не совсем уверенный, пришел ли я так рано из добросовестности или в надежде на этот звонок. Честно говоря, второе представлялось мне более вероятным. Человек, вступивший на зыбкую почву обмана, внушает подозрения даже самому себе. Я был настолько собой недоволен, что заел в то утро своих помощниц.

Вернувшись после обеда, я спросил у секретарши, звонил ли кто-нибудь.

— Только из бюро ремонта телефонов, — ответила она. — Какие-то неполадки на линии.

Значит, и сегодня утром Пэтси звонила слу-

чайно, подумал я, а не потому, что ей хотелось поговорить со мной.

Я отпустил обеих девушек домой в четыре — в виде компенсации за утренние придирки (во всяком случае, себе я объяснил это так). С четырех до полшестого я слонялся по конторе, ожидая звонка Пэтси, и до того расфантазировался, что устыдился сам себя.

Я отхлебнул из последней бутылки, которая оставалась после встречи Рождества у нас в конторе, запер дверь и пошел к лифту. В тот момент, когда я нажимал на кнопку, я услышал, что в конторе звонит телефон. Я как бешеный метнулся к двери, быстро ее отворил (ключ я еще держал в руке) и схватил телефонную трубку, чувствуя себя последним идиотом. Я попытался замаскировать свое волнение шуткой.

— Прескотт девять-тридцать два-тридцать два, — запыхавшись, произнес я.

— Извините, — сказал голос моей жены. — Я не туда попала.

Что я мог ответить? Пришлось позволить ей повесить трубку. Я стал ждать ее вторичного звонка, обдумывая, каким голосом мне говорить, чтобы она не догадалась, что за минуту до этого уже разговаривала со мной. Я решил держать

трубку как можно дальше ото рта и, когда зазвонил телефон, снял трубку и, вытянув вперед руку, стал отдавать деловитые и энергичные приказы отсутствующим подчиненным, затем, поднеся трубку ко рту, произнес:

— Алло?

— Господи, до чего же вы важный! Прямо генерал.

— Пэтси?

Сердце гулко ударило в моей груди.

— Боюсь, что так.

— Кому же вы звоните: мне или Джен?

— Разумеется, Джен. С этими проводами какой-то кошмар творится. Мы уже звонили в бюро ремонта.

— Знаю. Как вам работается на новом месте?

— Ничего… По-моему, ничего. Шеф гавкает совсем как вы. Я боюсь его.

— И напрасно. Поверьте моему опыту, Пэтси. Когда кто-то очень уж орет, знайте, что он чувствует себя неловко.

— Я не понимаю.

— Допустим, ваш начальник занимает слишком высокий пост и сам понимает, что недотягивает. Вот он и пытается изобразить важную птицу.

— По-моему, это не так.

— А может быть, вы ему нравитесь и он боится, как бы это не отразилось на служебных делах. Он, может быть, орет на вас лишь для того, чтобы не быть слишком любезным.

— Сомневаюсь.

— Почему? Разве вы не привлекательны?

— Об этом не меня нужно спрашивать.

— У вас приятный голос.

— Благодарю вас, сэр.

— Пэтси, — сказал я. — Я мог бы дать вам немало полезных и мудрых советов. Ясно, что сам Александер Грейам Белл[131] судил нам встретиться. Так для чего же мы противимся судьбе? Пообедаем завтра вместе.

— Боюсь, мне не удастся…

— Вы условились обедать с Дженет?

— Да.

— Значит, вам нужно обедать со мной. Я все равно выполняю половину обязанностей Дженет: отвечаю вместо нее на телефонные звонки. А где награда? Жалоба телефонного инспектора? Разве это справедливо, Пэтси? Мы с вами съедим хотя бы пол-обеда, а остальное завернете и отнесете

---

[131] Примечания: 131

Александер Грейам Белл (1847–1922) — один из изобретателей телефона. *(Прим. перев.)*

Дженет.

Пэтси засмеялась. Чудесный был у нее смех.

— Я вижу, вы умеете подъехать к девушке. Как ваше имя?

— Говард.

— Говард, а что дальше?

— Я хотел задать вам тот же вопрос. Пэтси, а что дальше?

— Но я первая спросила.

— Я предпочитаю действовать наверняка. Либо я представлюсь вам, когда мы встретимся, либо останусь анонимом.

— Ну хорошо, — ответила она, — Мой перерыв с часу до двух. Где мы встретимся?

— На Рокфеллер-плаза. Третий флагшток слева.

— Как величественно!

— Вы запомните? Третий слева.

— Да, запомню.

— Значит, завтра в час?

— Завтра в час, — сказала Пэтси.

— Вы меня легко узнаете: сквозь мой нос продета кость. Ведь я абориген, человек без фамилии.

Мы рассмеялись и повесили трубки. Я тут же выкатился из конторы, чтобы меня не застиг звонок жены. Совесть мучила меня и в этот вечер, но

я кипел от возбуждения. Я еле смог уснуть. В час на следующий лень я ждал у третьего флагштока слева на Рокфеллер-плаза, приготовляя в уме искрометный диалог и одновременно стараясь выглядеть как можно импозантнее. Я полагал, что Пэтси, прежде чем подойти, непременно оглядит меня украдкой.

Пытаясь угадать, какая из них Пэтси, я внимательно рассматривал всех проходивших мимо девушек. Нигде на свете нет такого множества красивых женщин, как на Рокфеллер-плаза в обеденный час. Их здесь сотни. Я придумывал реплики и ждал. А Пэтси все не шла. В половине второго я понял, что не выдержал экзамена. Она, конечно, побывала на Рокфеллер-плаза и, увидев меня, решила, что не стоит продолжать знакомство. Ни разу в жизни не был я так унижен и зол.

В конце дня моя бухгалтерша отказалась от места, и, говоря по совести, я не могу ее винить. Ни одна уважающая себя девушка не стала бы терпеть такое обращение. Я задержался, чтобы позвонить в бюро по найму с просьбой прислать новую бухгалтершу, и лаялся с ними полчаса. Около шести зазвонил телефон. Это была Пэтси.

— Кому вы звоните: мне или Джен? — сердито спросил я.

— Вам, — ответила она ничуть не менее сердито.

— Плаза шесть-пятьдесят-ноль ноль?

— Нет. Такого номера не существует, и вы отлично это знаете. Я позвонила Джен, надеясь, что пересекающиеся провода снова соединят меня с вами.

— Как прикажете понять ваши слова о том, что моего номера не существует?

— Уж не знаю, что у вас за специфическое чувство юмора, мистер Абориген, но со мной вы обошлись сегодня просто подло… Продержали целый час на площади, а сами не пришли. И вам не совестно?

— Вы меня ждали целый час? Неправда. Вас там не было.

— Нет, я была, и вы меня обманули, как дуру.

— Пэтси, это невозможно. Я вас прождал до полвторого. Когда вы пришли?

— Ровно в час.

— Значит, произошла какая-то ужасная ошибка. Вы точно вес запомнили? Третий флагшток слева?

— Да. Третий слева.

— Может быть, мы с вами перепутали эти флагштоки? Вы не представляете себе, как я рас-

строен.

— Я вам не верю.

— Как мне вас убедить? Я ведь и сам решил, что вы меня одурачили. Я весь день так бесновался, что в конце концов от меня ушла бухгалтерша. Вы случайно не бухгалтер?

— Нет. Кроме того, у меня есть работа.

— Пэтси, я прошу вас, пообедайте завтра со мной, только на этот раз условимся так, чтоб ничего не перепутать.

— Право, не знаю, есть ли у меня желание…

— Ну, пожалуйста, Пэтси. Вы, кстати, объясните, отчего вы вдруг решили, что номера Плаза шесть-пятьдесят-ноль ноль не существует. Что за чушь!

— Я совершенно точно знаю, что его не существует.

— Как же я с вами говорю? По игрушечному телефону?

Она засмеялась.

— Скажите мне ваш номер, Пэтси.

— Э, нет. С номерами будет то же, что с фамилиями: я не скажу вам своего, покуда не узнаю ваш.

— Но вы знаете мой номер.

— Нет, не знаю. Я пробовала к вам сегодня дозвониться, и телефонистка сказала, что даже

коммутатора такого пет. Она…

— Она сошла с ума. Мы все это обсудим завтра. Значит, снова в час?

— Но никаких флагштоков.

— Хорошо. Вы, помнится, когда-то говорили Джен, что ваша контора сразу за углом от старого здания Тиффани?

— Да.

— На Пятой авеню?

— Нуда.

— Так вот, я буду ждать вас завтра ровно в час там на углу.

— И не советую вам меня подводить.

— Пэтси…

— Что, Говард?

— Вы даже еще милее, когда сердитесь.

На следующий день лил проливной дождь. Я добрался до юго-восточного угла Тридцать седьмой и Пятой, где возвышается старое здание Тиффани, и проторчал под дождем от без десяти минут час до без двадцати два. Пэтси снова не явилась. У меня не укладывалось в голове, как эта девушка могла так гнусно меня подвести. Затем я вспомнил ее нежный голосок и милую манеру говорить, и у меня мелькнула слабая надежда, что она побоялась выйти на улицу из-за дождя.

Может быть, она даже звонила мне, чтобы предупредить, но не застала.

Взяв такси, я вернулся в контору и сразу спросил, звонил ли кто-нибудь в мое отсутствие. Мне не звонили. Расстроенный и возмущенный, я спустился вниз и зашел в бар отеля «Мэдисон-авеню». В баре я заказал себе несколько порций виски, чтобы согреться после дождя, пил, мечтал и через каждый час звонил в контору. Один раз какой-то бес толкнул меня, и я набрал Прескотт 9-32-32: хотел поговорить хоть с Дженет. Но почти тотчас услыхал голос телефонистки:

— Назовите, пожалуйста, номер, по которому вы звоните.

— Прескотт девять-тридцать два-тридцать два.

— Прошу прошения. У нас не зарегистрирован такой индекс. Будьте добры, еще раз сверьтесь с вашим справочником.

Ну что ж, поделом мне. Я повесил трубку, заказал еще разок, другой и третий виски, потом увидел, что уже половина шестого, и решил, прежде чем отправиться домой, в последний раз позвонить в контору. Я набрал свой номер. Раздался щелчок, приглушенный гудок, и мне ответил голос Пэтси. Я его сразу узнал:

— Пэтси?

— Кто это говорит?

— Говард. Для чего вы забрались ко мне в контору?

— Я у себя дома. Как вы узнали мой номер?

— Я и не думал его узнавать. Я звонил к себе в контору, а попал к вам. Наверное, наши провода барахлят в обе стороны.

— У меня нет охоты с вами разговаривать.

— Наверное, вам стыдно разговаривать со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Послушайте, Пэтси. Вы безобразно со мной поступили. Если вам хотелось отомстить, вы могли хотя бы…

— Как я с вами поступила? Это же вы обманули меня.

— О-о, бога ради, давайте уж хоть сейчас обойдемся без этих штук. Если я вам неинтересен, куда порядочней сказать мне правду. Я вымок до нитки на этом проклятом углу. Мой костюм и до сих пор еще не просох.

— Как это вымокли до нитки? Почему?

— Да очень просто! Под дождем! — отрезал я — Что в этом удивительного?

— Под каким дождем? — изумленно спросила Пэтси.

— Бросьте дурачиться. Под тем самым дождем, который льет весь день. Он и сейчас хлещет.

— Мне кажется, что вы сошли с ума, — испуганно сказала Пэтси, — Сегодня ясный, совершенно безоблачный день, и солнце светит с самого утра.

— Здесь, в городе?

— Конечно.

— И вы видите безоблачное небо из окна своей конторы?

— Разумеется.

— Солнце светило весь день на Тридцать седьмой и на Пятой?

— На каких Тридцать седьмой и Пятой?

— На тех самых, что пересекаются там, гас стоит старое здание Тиффани, — сказал я раздраженно. — Вы ведь около него работаете, сразу за углом.

— Вы меня пугаете, — сказала Пэтси шепотом. — Нам… давайте лучше кончим этот разговор.

— Почему? Что вам еще не слава богу?

— Так ведь старое здание Тиффани на Пятьдесят седьмой и Пятой.

— Здравствуйте! Там новое.

— Да нет же, старое. Вы разве забыли, что в

сорок пятом году им пришлось переехать на новое место?

— На новое место?

— Конечно. Из-за радиации дом нельзя было отстроить на прежнем месте.

— Из-за какой еще радиации? Что вы тут мне…

— Там ведь упала бомба.

Я вдруг почувствовал, что по моей спине пробежал холодок, и не потому, что я простыл под дождем.

— Пэтси, — сказал я медленно. — Все это очень серьезно. Боюсь, что перепуталось нечто поважнее телефонных проводов. Назовите мне ваш телефонный индекс. Номер не нужен, только индекс.

— АМерика пять.

Я просмотрел список индексов, вывешенный в телефонной кабине: АКадемия 2, АДирондак 4, АЛгонкин 4, АЛгонкин 5, АТуотер 9… АМерики 5 там не было.

— Это здесь, в Манхэттене?

— Ну конечно. А где же еще?

— В Бронксе, — сказал я. — Или в Бруклине. Или в Куинсе.

— По-вашему, я стала бы жить в оккупационных лагерях?

У меня перехватило дыхание.

— Пэтси, милая, скажите, как ваша фамилия? Мне кажется, мы с вами оказались в совершенно фантастических обстоятельствах, и, пожалуй, нам лучше не скрытничать друг с другом. Я — Говард Кэмпбелл.

Пэтси ойкнула.

— Как ваша фамилия, Пэтси?

— Симабара, — сказала она.

— Вы японка?

— Да. А вы янки?

— Совершенно верно. Вы родились в Нью-Йорке?

— Нет. Наша семья приехала сюда в сорок пятом… с оккупационными войсками.

— Понятно. Значит, мы проиграли войну… там, где находитесь вы.

— Ну конечно. Это исторический факт. Но, Говард, я же здесь, я здесь, в Нью-Йорке. Сейчас тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год. Сейчас…

— Все это так, и вы находитесь в Нью-Йорке… только у вас светит солнце, и вы сбросили на нас атомную бомбу, разбили нас и оккупировали Америку. — Я истерически расхохотался. — Мы с вами на разных временных дорогах, Пэтси. И

ваша история — не моя. Мы в различных мирах.

— Я вас не понимаю.

— Неужели? Вот послушайте: каждый раз, когда мир в своем движении достигает какой-то развилки, он расщепляется. Идет обоими путями. И эти миры сосуществуют. Вы никогда не пытались представить себе, что случилось бы с миром, если бы Колумб не открыл Америку? А он ведь где-то существует, этот мир, в котором не было открытия Колумба, существует параллельно с тем миром, где Америка открыта. И не он один, тысячи разных миров существуют бок о бок. Вы из другого мира, Пэтси. Но телефонные провода двух различных миров случайно перехлестнулись. И я пытаюсь назначить свидание девушке, которая не существует… для меня.

— Но, Говард…

— Наши миры параллельны, но они различны. У нас разные индексы телефонов, погода, исход войны. И в вашем мире, и в моем есть Рокфеллер-плаза, и вы, и я стояли там сегодня в час дня, но как безумно далеки мы друг от друга, Пэтси, милая, как непреодолимо далеки…

В этот момент к нам подключилась телефонистка и сказала:

— Сэр, ваше время истекло. Будьте добры упла-

тить пять центов за следующие пять минут.

Я поискал в кармане мелочь.

— Вы еще здесь, Пэтси?

— Да, Говард.

— У меня нет мелочи. Скажите телефонистке, чтобы она позволила нам продолжить разговор в кредит. Нам нельзя вешать трубки. Мы можем навсегда разъединиться. Мы ведь чиним линию здесь, а вы там, у себя, и рано или поздно наши провода распутают. Тогда мы навсегда будем отрезаны друг от друга. Скажите ей, чтобы позволила нам говорить в кредит.

— Простите, сэр, — произнесла телефонистка, — но мы так никогда не делаем. Лучше повесьте трубку и позвоните еще раз.

— Пэтси, звоните мне, звоните, хорошо? Позвоните Дженет. Я сейчас вернусь в контору и буду ждать звонка.

— Ваше время истекло, сэр.

— Пэтси, какая вы? Опишите себя. Скорее, милая. Я…

Телефон молчал как мертвый. С грохотом скатились в лунку опущенные перед разговором медяшки.

Я вернулся в контору и ждал до восьми часов. Пэтси не позвонила мне или не смогла дозво-

ниться. Я целую неделю просидел у телефона, отвечая вместо секретарши на все звонки. Но Пэтси ни разу не соединили со мной. Где-то, может быть, в ее, а может, в моем мире починили перепутанные провода.

Я не мог забыть Пэтси. Не мог изгнать воспоминание о ее милом, нежном голоске. И потому не мог и рассказать о ней. Никому. Я бы и вам не рассказал, если бы не влюбился как безумный в фигуристку, которая под музыку разъезжает по льду на Рокфеллер-плаза. Что за ножки!

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В БУТЫЛКЕ ИЗ-ПОД ШАМПАНСКОГО

©Перевод В. Илларионова

18 декабря

Пока что мы прячемся на Овечьем лугу в Центральном парке. Боюсь, мы последние. Разведчики, посланные выяснить, остался ли кто-нибудь в Такседо-парке, Палм-Бич и Ньюпорте, не вернулись. Декстер Блэкистон только что принес плохую новость. Его партнер, Джимми Монтгомери-Эшер, набрался храбрости и предпринял отчаянную вылазку по злачным местам Вест-Сайда в надежде отыскать хоть кого-нибудь, пусть из забулдыг. Его убил пылесос «Гувер».

20 декабря

Лужайку прочесала тележка для гольфа. Мы разбежались и попрятались. Она разрезала на кусочки вес наши палатки. И еще горел костер — явный признак жизни. Доложит ли она эту новость 455-му?

21 декабря

Очевидно, доклад был сделан по всей форме. Сегодня, средь бела дня, появился агент — жатка Маккормика, прихвативший стукача — электрическую пишущую машинку IBM. Стукач оповестил пустой Овечий луг: мы — последние, и президент 455-й готов быть великодушным. Он согласен сохранить нас «на племя». Место в зоопарке Бронкса приготовлено. В противном случае мы просто вымрем, не оставив жизнеспособного потомства.

Мужчины зарычали, а женщины крепко прижали к себе детей и разрыдались. На решение нам дано 24 часа. Каким бы оно ни оказалось, закончив дневник, я где-нибудь его припрячу. Надеюсь, со временем он будет найден и послужит предупреждением — правда, не знаю кому.

Все началось с газетного объявления. «Нью-Йорк тайме» сообщила, что в 5.42 утра на товарной станции Холбан без посторонней помощи завелся и отправился восвояси оранжево-черный дизель-локомотив № 455. Со слов специалистов, причиной тому мог послужить оставленный в рабочем положении дроссель, а может, локомотив не поставили на тормоза или же просто колодки износились. 455-й пропутешествовал своим

ходом пять миль (кажется, в сторону Хэмптона), пока железнодорожное начальство не сподобилось остановить его составом из пяти товарных вагонов.

К несчастью, ответственным лицам так и не пришло в голову разобрать 455-й на запчасти. Его отправили работать в качестве маневрового поезда на сортировочных узлах. Никто не заподозрил в нем бряцающего оружием захватчика, решившего объявить «священный поход» на человечество, мстя за плохое обращение с машинами, копившееся с самого начала Промышленной революции. На сортировочных узлах перед 455-м открылись широкие просторы для общения с разнообразным содержимым товарных составов и агитации последнего к активным действиям.

В следующем году произошло полсотни «случайных» смертей от электрических тостеров, тридцать семь — от миксеров и девятнадцать — от электродрелей. Все это были террористические акты, но люди ничего не поняли. Спустя год внимание публики привлекло ужасное преступление, казалось бы. явно говорящее о мятеже. Джек Скалтейс, фермер из Висконсина, приглядывал за дойкой коров, как вдруг доильный аппарат, ринувшись на хозяина, убил его, а затем

пробрался в дом и изнасиловал миссис Скалтейс.

Газетные статьи публика всерьез не восприняла, все сочли их розыгрышем. На беду, они дошли до разного рода компьютеров, мгновенно разнесших эту весть по всему миру машин. В течение года не осталось ни одного мужчины и ни одной женщины, не пострадавших от бытовой техники или офисного оборудования. Человечество, яростно сопротивляясь технике, возродило карандаши, копировальную бумагу, веники, взбивалки для яиц, консервные ножи и тому подобное. Противостояние застыло в равновесии, покуда клика легковых автомобилей не признала наконец лидерство 455-го и не присоединилась к воинствующей технической армаде.

Человечество проиграло битву. Правда, нельзя не признать, что импортная автомобильная элита сражалась за нас, и только ее стараниями нам, немногим, удалось остаться в живых. Что далеко ходить — моя собственная любимица «альфа-ромео» поплатилась жизнью, пытаясь доставить нам припасы.

25 декабря

Лужайка окружена. Дух наш подорван трагедией, разыгравшейся прошлой ночью. Маленький Дэвид Хейл Брукс-Ройстер преподнес нянюшке

рождественский подарок. Раздобыл (бог знает где и как) искусственную елку с украшениями и гирляндой на батарейках. Гирлянда его и убила.

1 января

Мы в зоопарке Бронкса. Кормят как на убой, но, что ни возьмешь в рот, везде неистребимый привкус солярки. Утром случилось нечто странное. По полу моей клетки пробежала крыса в бриллиантово-рубиновой тиаре от «Ван Клифа и Арпельса». Меня пробрал страх, настолько нелепым показалось ее одеяние при свете дня. Пока любопытство боролось во мне с отвращением, крыса остановилась, огляделась вокруг и вдруг заговорщически подмигнула мне. Я вновь обретаю надежду.

ФЕРМА ЖИВОТНЫХ

© Перевод М. Пчслинцева

Я пошел на ферму взглянуть на животных.
Звери там есть, и птицы там есть.
При свете луны
Большой бабуин
Там расчесывал рыжую шерсть.
Лемур в лоскуты усосался,
Слону на хобот забрался.
Слон громко чихнул,
Распугав всех вокруг,
Но как там, лемур, его пьяный друг?

***Старинная детская песенка*[132]**

В графстве Бакс, штат Пенсильвания, есть высокий холм, называемый Красной горкой, потому что он сложен из красного сланца. На самой вершине холма есть заброшенная ферма, которую все называют фермой «Красная горка». Ее забросили очень-очень-очень давно, когда

---

[132] Примечания: 132
В вольной переработке А. Бестера. *(Прим. перев.)*

фермерские дети решили, что городская жизнь гораздо интереснее.

Главная часть фермы «Красная горка» это каменный дом с черепичной крышей, толстенными стенами, тесанными из дуба полами и огромными очагами, в которых готовили пищу лет двести тому назад. За домом стоит коптильня, в которой когда-то развешивали окорока. Еще есть маленький красный сарай, битком набитый всякой ерундой вроде детских санок и частей лошадиной упряжи, а также большой красный сарай, который знающие называют Большой красной школой.

Именно здесь леди и джентльмены, владеющие фермой фактически, если не номинально, собираются днями и ночами, чтобы обсуждать серьезные вопросы и обучать своих детей. Только вам нужно понять, что все они говорят на языке птиц и зверей, который слышат, а тем более понимают очень немногие из людей. Едва ли не все мы знали его в самом раннем детстве, но затем забыли, сменив на человеческую речь. И лишь немногие сохранили способность говорить на обоих языках, и об этом будет наш рассказ.

На собраниях, происходящих в Большой красной школе, неизменно председательствует

Председатель — золотистый Фазан с величественными манерами и царственной походкой. За глаза его называют «наш сексуальный маньяк», причина тому — гарем из пяти простенького вида курочек. Здешний Профессор, он же Белый Крыс, сбежал после пяти лет интенсивного обучения в лаборатории университета Раттерс. Он считает, что подготовлен на уровне доктора философии, и подумывает о написании диссертации «Горячая вода и проблемы точных наук».

Джордж Вашингтон Сурок является непревзойденным изыскателем и историком фермы «Красная горка». Он знает каждый дюйм из ее сорока акров и выступает арбитром во всех территориальных спорах.

Сеньор Кролик, называемый порой скаутмастером, ревностно стоит на страже морали, его очень беспокоит распущенность красногорковской молодежи.

«Я не допущу, — говорит он, — чтобы «Красная горка» превратилась в еще один Вудсток»[133].

Соответственно, он ненавидит современную

---

[133] Примечания: 133

Вудсток — место в окрестностях Нью-Йорка, на лесной пустоши близ которого в августе 1969 г. был проведен знаменитый рок-фестиваль. Фестиваль, проходивший под нескончаемым дождем, продолжался четыре дня, на него съехались десятки тысяч хиппи со всей Америки. *(Прим. перев.)*

музыку.

В собраниях Большой красной школы участвуют и другие, в частности — оленихи, которые при всей очаровательности своих манер потрясающе глупы. Здешние интеллектуалы называют их «дебютантками».

Кроуфут Крот, который, как и все кроты, практически слеп, все время пристает к Профессору, чтобы тот обучил его астрономии.

— Но как же я буду учить тебя астрономии, если ты даже не видишь звезды?

— Я не хочу заниматься наблюдательной астрономией. Я хочу быть теоретиком вроде Эйнштейна.

Похоже, Профессору придется все-таки ввести в рамках курса математического анализа коллоквиум по новой математике.

Ярко-красный хохлатый Кардинал и Браун Каменный Дрозд оба чрезвычайно вспыльчивы и непрерывно ссорятся. Кардинала называют, как и положено, «ваше преосвященство», а Браун Дрозд получил у окружающих кличку Джек Джонсон[134]. У Джека Джонсона мерзейший характер, но он прекрасно поет и дает поэто-

[134] Примечания: 134

Джек Джонсон (р. 1975) — известный гавайский автор песен и исполнитель. *(Прим. перев.)*

му уроки вокального искусства, а вот голос его преосвященства вызывает чувство, похожее на зубную боль.

Халдейская Курочка сбежала из большого инкубатора, расположенного у подножия холма, и у этой девицы все в голове перепутано. По породе она белый леггорн и имела несчастье узнать однажды, что Леггорн это город в Италии, называющийся у итальянцев Ливорно. И вот теперь она разговаривает на абракадабре, которую искренне считает хорошим итальянским.

— А, каро мио, коме эст? Бснни, надеюсь. Грацие. А что касается мийо, все тоже бенни.

Ее называют «Халдейская» за увлечение астрологией, которое доводит Профессора до тихого бешенства.

— Ах, но вы с ним никогда не будете симпатетико. Ведь вы же Гариториус, а он — Заприкорн[135].

Самыми сообразительными членами Большой красной школы следует признать ворон, которые обладают едким остроумием и непрерывно галдят, как ночная компания в ресторане. Только

---

[135] Примечания: 135

Курица безнадежно уродует латинские названия созвездий. Так, Заприкорн это в действительности Каприкорн, созвездие Козерога, *(Прим. перев.)*

их не очень уважает здешний истеблишмент, относящийся к ним как к «пустым балаболкам, которые очень способны что-нибудь у вас позаимствовать (без возврата) и которые превращают обсуждение серьезных вопросов в какой-то балаган». Следует признать, что, как только две вороны сходятся вместе, они начинают вести себя как люди, ищущие собеседника и между делом доводящие друг друга до колик бородатыми шутками.

— Кто тебе больше нравится в колористическом смысле, старые мастера с их приглушенной палитрой или новые с их кричащими красками?

— Мы с братом знали одного мужика, который был докой по этой части.

— По какой части?

— Оприходовать поллитру.

— Крра! Крра! Крра!

— Сколько у тебя детей?

— Спасибо, пятеро.

— Не надо благодарить меня, дружище. Я тут ровно ни при чем.

— Крра! Крра! Крра!

И вот однажды в мае, когда вечера длинные, а вечерние тени еще длиннее, в Большую красную школу вошел Председатель, сопровождаемый

всем своим гаремом. Собравшиеся увлеченно обсуждали предложение Профессора организовать в помощь бежавшим из заточения «подземную железную дорогу» — по примеру аболиционистов, помогавших беглым рабам перебраться в северные штаты. Крот Кро, воспринимавший все несколько буквально, возражал, что будет крайне затруднительно прорыть туннели, достаточно просторные, чтобы в них поместились железнодорожные вагоны.

— Я видел такой однажды. Они же огромные, как дома.

Джек Джонсон призывал его преосвященство обучить всех беглецов летать — всех, вне зависимости от их расы, вероисповедания и видовой принадлежности. Две черные вороны обкаркивали эту идею. Короче говоря, это было типичное собрание в большом красном сарае.

— Я собрал здесь вас всех, — сказал Председатель, — чтобы сообщить вам важное известие. Я бы даже сказал, кхе-кхе, жизненно важное. Да сядь же ты, Флора. Ох, извини меня, Френсис, сядь, пожалуйста… Фелисия? Ох, это Филлис. Да. Конечно. Кхе-кхе. Так садись же ты, Филлис. Этим утром по дороге, ведущей к «Красной горке», проехал «крайслер»…

— Двести тридцать пять точка девять ярдов отсюда, — вставил Джордж В. Сурок, — в направлении восток-юго-восток. Широта…

— Совершенно верно, дорогой Джордж, совершенно верно. За ним следовал «вольво», в котором находились…

— Крра! Крра! Крра! А что тебе нравится больше — «крайслер» или «вольво»?

— Странный вопрос. Как истинный патриот, я на «вольво» и гадить бы не стал.

— А что, если нагадить на «крайслер», это ему огромный почет?

— Крра! Крра! Крра!

— Джентльмены! Пожалуйста! Все это очень серьезно. В «кадиллаке» находился агент по торговле недвижимостью. В иностранной машине находились мужчина, женщина и очень маленький ребенок, пол пока не установлен. По моему мнению, кхе-кхе, я бы сказал, очень взвешенному мнению, наша ферма выставляется на продажу.

— Май скверный месяц для покупок, — встряла Халдейская Курочка. — Импортанто решения должны быть резервато до знака Жемими.

— Джемини, — заорал Профессор, — Джемини! Ты хотя бы в своих суевериях толком разобралась.

— А ты мужской шовинистический крыс, — парировала мисс Леггорн. — Я создам организацию «Свободу курочкам».

— Да, да, дорогая. И я первым сделаю взнос на такое благое дело.

— Ты как-то странно на меня поглядываешь, Френсис… О, Фифи? И нет никакой нужды организовывать «Свободу фазанихам». Вы и так вполне свободны. Кхе-кхе. Так вот, леди и джентльмены, мы поневоле вовлекаемся… Я бы сказал, мы вынуждены вступить в борьбу за сохранение нашей собственности. Мы не должны допустить, чтобы на нашу территорию вторглись какие-то чужаки (я почти готов назвать их скваттерами[136]). Мы должны представить нашу землю в максимально непривлекательном виде, и это потребует жертв.

— Назови для начала, чем пожертвуешь лично ты, — предложил Профессор.

— Перечислять было бы долго. Леди, — обратился Председатель к оленихам, — пожалуйста, не позволяйте, чтобы они вас здесь увидели. Ваша красота и великолепие неизменно очаровывают

---

[136] Примечания: 136

Сквоттеры — поселенцы на свободных или государственных землях. Позднее этим словом стали называть всех тех, кто самовольно захватывает пустующие земли или здания, — явление, особенно распространившееся в Европе в 70—80-х гг. Таким образом создавались, например, различные молодежные коммуны. *(Прим. перев.)*

всех человеческих животных.

Дебютантки прелестно захихикали.

— Тоже самое относится и к вам, дорогой скаутмастер, — повернулся Председатель к сеньору Кролику. — К вам и ко всем вашим воспитанникам. Пожалуйста, исчезните из виду до особого оповещения. Никаких больше слетов на зеленых лужайках. Я, конечно же, принесу аналогичную жертву. Я скрою свое сияющее великолепие ото всех нежелательных глаз.

— А вот я всегда в укрытии, — заметил Крот Кроу.

— Конечно же, дорогой Краг, конечно же. Но не мог бы ты перекопать своими туннелями всю территорию, вываливая везде эти неприглядные кучи земли? Тебе придется для этого удвоить свои усилия, но это было бы весьма полезно.

— Я призову на помощь братьев из «Анонимных кротов».

— Прекрасно, прекрасно. А тебя, Джордж В., я хотел бы попросить об особом одолжении. Не мог бы ты отложить на время свои неоценимые исследования, а вместо этого погрызть нарциссы?

— Ненавижу их вкус.

— И я ничуть его не осуждаю, — поддержал Сурка Сеньор Кролик, — Тошнотворное растение.

— Но крайне привлекательно визуально для человеческого глаза. Тебе, Джордж, даже не нужно их есть, только скуси и немножко пожуй. Я буду делать то же самое с сиренью — под покровом темноты, разумеется, а мои дорогие леди мне посильно помогут.

— А как насчет меня и его преосвященства? — поинтересовался Джек Джонсон.

— Его преосвященство будет петь и скрываться от посторонних глаз. Ты останешься на виду, но не проронишь ни звука.

— Я такой же красивый, как этот иезуит.

— Да? Ну-ка выйди тогда вперед, чтобы на тебя посмотрели.

— Джентльмены. Джентльмены. Пожалуйста! Нам нужно организовать полномасштабную атаку. Чернопернатаые члены артистической гильдии продолжат свои опустошительные набеги на яблони, груши и персиковые деревья.

— Но нам все-таки нужно есть и зерно.

— В тебе, дружок, нет ни зерна здравого смысла, так что за себя можешь не беспокоиться.

— Крра! Крра! Крра!

— Мисс Леггорн тоже не должна появляться. Нет ничего привлекательней для глаз человеческого животного, чем юная курочка, греющаяся

на солнце в погожий день. И — да, дорогой Джек, — не попробуешь ли ты изгнать отсюда Пересмешника? Нет ничего более привлекательного, чем его серенады в теплую летнюю ночь.

— Но почему он к нам не вступает?

— Я много раз его уговаривал, но всегда получал отказ. Боюсь, то же самое будет и теперь.

— Я шугану его до канадской границы.

— Я буду наблюдать за ходом кампании из своего командною пункта у Фреды… у Френси… из моего командного пункта под кустом сирени. Уверяю вас, леди и джентльмены, наши усилия не могут завершиться провалом. Объявляю собрание закрытым.

Но у них, конечно же, ничего не вышло. Эти несчастные из большого города едва взглянули на ферму, как влюбились в нее без ума. Им понравились даже кучки земли, накопанные Кротом Кроу.

«У кротов тоже есть свои права», — сказал мужчина.

Они увидели, как Джордж В. истребляет нарциссы.

«И у сурков есть свои права, — сказала женщина. — В том году мы посадим их побольше, чтобы хватило и нам, и ему».

«Кхе-кхе» Председателя, старательно уродовавшего сирень, привело их обоих в полный восторг. Они пару раз мельком заметили олених с оленятами, прятавшихся в рощице, и были ими очарованы.

— Как ты думаешь, — спросила жена, — они позволят нам жить здесь вместе с ними?

Они купили ферму по высокой цене (1000 долларов за акр) с помощью ипотеки и сразу же переселились вместе со всеми своими вещами. Почти сразу из дома начали доноситься звуки пилы и молотка, на веревке, натянутой между двух дубов, весело захлопали постирушки.

Семья состояла из четверых. Главою дома была бурмесская кошка, золотисто-коричневая, с золотыми глазами, которая правила властной лапой. За ней следовали муж, жена и двухлетний мальчик, который командовал кошкой. Известие о кошке переполошило Большую красную школу, члены которой терпеть не могли хищников. Все они были вегетарианцами, а Халдейская Курочка организовала ассоциацию под названием ОПДФ, что означало «Органическое питание для фсех». По мнению Профессора, мисс Леггорн совершенно не воспринимала никакого образования.

— Да нет, тут не о чем беспокоиться, — заверил

собравшихся Джорж В, — Она же царственная особа.

— Царственная?

— Мы долго разговаривали с ней через дверь. Она вроде как бурмесская принцесса, и если бурмессы и были когда-то охотниками, то это пристрастие давно у них исчезло.

— Это она так говорит. Когда дверь закрыта.

— Нет. Я помог ей выйти наружу, и мы с ней очень дружески пообщались, пока прибежавшая Мэри не ухватила ее и не утащила обратно в дом. Она была вне себя.

— Почему?

— Да похоже, эти бурмессы очень высокородные, и люди никуда их не отпускают. Боятся, что она заразится гемофилией или чем-нибудь в этом роде. Принцессе очень одиноко. Мы обязаны что-нибудь для нее сделать.

— Гемофилия не заразна, — заметил Профессор — Это врожденное заболевание, передающееся через женскую хромосому.

— Ну не знаю. Или лейкемией, или чем-то еще.

— А что насчет остального семейства?

— Принцесса говорит, они малость разболтанные. Фамилия их Дюпре. Он Константин, а она Констанс, так что называют друг друга Конни, и

принцесса вечно путается.

— А ребенок?

— Это мальчик, и у него шесть имен.

— Шесть?

— Они назвали его по какому-то там вроде стихотворению, что лично я считаю совершенно дурацким делом. Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон Уэдерби Джордж.

— Это четыре имени, — возразил Профессор.

— Но строго математически говоря, — начал Крот Кроу, — нужно считать…

— Хорошо-хорошо. Шесть. Сколько ему лет?

— Два года.

— Что он делает?

— Да ничего такого особенного. Просто ползает по полу.

— В два года? Задержка в развитии. Чем занимается его отец?

— Он издатель.

— Это еще что такое?

— Знаете листочки бумаги с напечатанными на них буквами, вроде «Томатный кетчуп, вес 32 унц.» или «Знаменитые сигареты «Пэлл Мэлл»»?

— Да, что бы это ни значило. Ну и что?

— Принцесса говорит, кто-то должен управлять их печатаньем. Вот это и есть издатель.

— А она чем занимается?

— Кто?

— Другая Конни.

— Она размазывает соус по бумаге.

— Что-что?

— Принцесса именно так и сказала.

— Размазывает соус по бумаге?

— Принцесса говорит, что получается невкусно.

— Она не размазывает соус по бумаге, — объяснил Профессор, — Она пишет картины. Я думаю, — повернулся он к Джорджу Сурку, — что эта твоя подружка бурмесская принцесса — непроходимая дура.

— Она хочет с тобой познакомиться. Ее Конни, которая мужчина, он тоже был в Раттерсе.

— Действительно? Он не был, случаем, Фи Бета Каппа?[137] Впрочем, неважно. Возможно, нам удастся что-нибудь организовать.

— Он не знает нашего языка.

— Плохо. А выучить никак не может? Сколько ему лет?

— Около тридцати.

— Старшее поколение, — покачал головою Про-

---

[137] Примечания: 137

Фи Бета Каппа — самое элитарное студенческое братство. (Прим. перев.)

фессор. — Слишком поздно.

В этот момент кто-то из пернатых забавников сказал:

— Странная вещь появилась во дворе и движется к нашему сараю.

Все замолкли.

— Что-то приближается, — пояснил он.

Все начали заглядывать в шелку двери. Через зеленую лужайку прямо в их направлении ползло странное розовое голое существо.

— Где? Где? — забеспокоился Крот Кроу.

— В направлении юг-юго-запад, — сообщил ему Джорж В. Сурок.

— Что это такое?

— Это чудовище! — взвизгнула мисс Леггорн.

Чудовище проползло через шелку в сарай и немного полежало, переводя дыхание. Затем оно окинуло собравшихся взглядом. Собравшиеся на него смотрели.

— Это Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон Уэдерби Джордж, — сказал Сурок. — Я видел, как он тискал принцессу.

— Да-да, — изрекло чудовище приятным голосом.

— Ничего от него не добьешься, — раздраженно заметил Профессор, — Говорить и то не умеет.

Давайте расходиться.

— Но я же умею говорить, — сказал Джеймс на языке животных. — Чего ты на меня разозлился?

— Дражайшее, любезнейшее чудовище, — виновато смутился Профессор. — Я просто никак не мог подумать. Ты уж прости меня, пожалуйста.

— Да, — сказал Джеймс.

— В общем, все понятно, — объяснил собравшимся Белый Крыс. — Наука на все находит ответы. Он может общаться с нами, но зато не может говорить на языке своего племени.

— Да, — сказал Джеймс.

— Придется уж тебе, парнишка, говорить на нашем языке, — сказал Джек Джонсон.

— А мы думаем, он хорошенький на любом языке, — захихикали дебютантки.

— Дорогие леди, — сказало чудовище, — я от всей души благодарен вам за щедрый комплимент. Но я существо простое и непривычное к лести от таких очаровательных особ женского пола. В этом бурлящем мире конфликтов и конфронтаций одинокому существу вроде меня крайне успокоительно сознавать, что есть немногие, с кем можно беседовать и общаться.

— Его примитивное красноречие пробирает до самого сердца, — сказала одна из олених и

состроила Джеймсу глазки.

— Где это ты раскопал всю эту возвышенную хрень? — спросил один из забавников.

— В колонке редактора, сочиняемой моим папашей, — ухмыльнулся Джеймс. — Он зачитывает свои статьи маме вслух.

— Честность и скромность, — сказал скаутмастер. — Весьма похвальные качества.

— Слышь, чудовище, а каково это жить в компании людей? Это сильно не как с нормальной публикой?

— Не знаю, сэр. Я никогда не жил ни с кем другим.

— А как насчет этой принцессы? Ну эта, которая бурмесска.

— О, это не более чем легкий флирт. Она висцеротоник, то есть руководствуется в своих поступках скорее инстинктом, чем доводами интеллекта.

— Мама родная! — воскликнул Джек Джонсон.

— Тоже какая-нибудь редакторская? — спросил какой-то забавник.

— Да, сэр. Я должен заметить, леди и джентльмены, что это первый в моей жизни случай поговорить с кем бы то ни было осмысленно.

— А разве родители с тобой не разговаривают?

— Да, конечно, но, когда я отвечаю, они не слушают.

— Это потому, что ты говоришь по-нашему, а они по-их-нему.

— А знаете, — сказал Профессор, — я вижу в этом простоватом чудовище определенные возможности. Пожалуй, я подключу его к слушанью курса искусств и естественных наук первой степени.

— Сюда направляется одна из этих Конни, — предупредил его преосвященство.

— И правда. Уходи поскорее, чудовище, увидимся завтра. Кто там ближе, помогите ему протолкнуться в дверь.

Джеймсова мама подхватила сына на руки и понесла домой.

— Ну как, милый, много ты сегодня увидел? Хорошо, что здесь не надо бояться машин. Ты сделал какое-нибудь серьезное открытие?

— Вообще-то да, — ответил Джеймс. — В большом красном сарае собирается прекрасное товарищество птиц и зверей. Они приняли меня с распростертыми объятиями и любезно предложили взяться за мое образование. Каждый из них со своим характером, и все они очень забавные. Они называют меня чудовищем.

Увы, Джеймс говорил на языке животных, который его мать не понимала и даже не слышала. Поэтому он просто сказал по-человечески «да», но был при этом очень раздражен неспособностью матери его услышать. В этом и состоит ужасный конфликт нашего правдивого рассказа.

А в Большой красной школе и вокруг нее началось обучение Джеймса Дюпре.

— Высочайший расцвет музыки приходится на эпоху барокко, — говорил Джек Джонсон. — Телеманн, Бах, Моцарт и, по моему мнению, величайший из них — Вивальди. У него была сила, у него был нерв. Вы меня понимаете? Хорошо. Теперь вы должны все время иметь в виду, что музыканты говорят, обмениваются высказываниями. И вы должны не просто слушать музыку, вы должны ее делать, то есть вести разговор с музыкантами. Понятно? Вы слышите их утверждение, и вы отвечаете. Вы соглашаетесь с ними либо спорите. Это, собственно, и есть то, из чего состоит музыка.

— Спасибо, сэр.

— Не за что, не за что. А теперь послушаем, как вы поете «ля».

— Копая глубже и глубже, — говорил Крот Кроу, — мы обнаруживаем, что температура фун-

та увеличивается в среднем на один градус по Фаренгейту на фут глубины. Однако братья с севера рассказывают, что они быстро натыкаются на слой вечной мерзлоты, оставшейся с ледниковой эпохи. Это весьма интересно. Это означает, что в математическом смысле последнее оледенение еще не закончилось. Вы видели когда-нибудь айсберг?

— Нет, сэр.

— Я хотел бы докопаться до основания айсберга и посмотреть, какая там температура.

— Но там же очень холодно!

— Холодно? Тьфу! Холод бодрит лучше любых таблеток.

— Спасибо, сэр.

— Дай мне взглянуть на твою ладонь, — сказала мисс Леггорн, — Бенни. Бенни. Очень отчетливая линия жизни. Увы, линия Венеры, линия амуризмо прерывается в мульто местах. Боюсь, кара мио, что у тебя будет не слишком счастливая любовная жизнь.

— Повторяй за мной, — сказал Сеньор Кролик, — Я даю честное слово.

— Я даю честное слово.

— Что буду преданно исполнять свой долг.

— Что буду преданно исполнять свой долг.

— Перед Богом и перед своей страной.
— Перед Богом и перед своей страной.
— А также исполнять все скаутские законы.
— А также исполнять все скаутские законы.
— Я буду всегда помогать другим.
— Я буду всегда помогать другим.
— И поддерживать себя крепким физически.
— И поддерживать себя крепким физически.
— Умственно бодрым.
— Умственно бодрым.
— И чистым морально.
— И чистым морально.
— Хорошо. Теперь ты стал настоящим новичком. Завтра мы займемся завязыванием узлов.
— Извините меня, сэр. А что такое чистый морально?
— А теперь смотри на меня, — сказала дебютантка. — Делай шаг. Еще шаг. Еще шаг. И еще шаг. Вот так и танцуется «гаспачо». А теперь попробуй сам.
— Мэм, я не умею даже ходить.
— Ну да, понятно, — догадалась дебютантка, — Как же ты сможешь тогда танцевать? Мы что же, просидим весь урок просто так? Расскажи мне, какие хорошие книжки прочитал ты за последнее время.

— Всему, что я знаю, — сказал Белый Крыс, — меня научил Раттерсовский профессор. Он был Фи Бета Капа. Он сказал, что в гуманитарных и естественных науках перед нами всегда встают проблемы и важнее всего сразу решить, дело тут в сложности вопроса или в его запутанности. Ты понимаешь различие?

— Нет, сэр. Боюсь, что нет.

— Хм! Задержка в развитии!

— Сэр, а что такое различие?

— Джордж Сурок хочет рассказать тебе о топографической съемке.

— Не понимаю, с чего это Профессору пришло такое в голову, — сказал Джордж В, — Топографическая съемка удивительно скучна. Я не пожелал бы заниматься съемкой и худшему своему врагу.

— Так почему же, сэр, вы тогда ею занимаетесь?

— Не знаю. Может быть, потому, что я сам удивительно скучный тип и мне это нравится. Но ты-то не скучный тип, ты весьма сообразительный мальчик.

— Благодарю вас, сэр. Но почему бы вам меня не попробовать и посмотреть, вдруг мне это понравится?

— Ну что ж, хорошо, если с самого начала будет

иметься в виду, что я ни к чему тебя не принуждаю.

— А я ни на что еще и не согласился.

— Ну что ж, вполне честное отношение к делу. Так вот, эту работу невозможно толком выполнить, если не зафиксировать сперва широту и долготу. Широту дает нам высота солнца над горизонтом, а время дает долготу. Усвоил?

— Но я же не знаю время.

— Знаешь, мальчик, прекрасно знаешь. У тебя есть биологические часы.

— Сэр, я не знаю, что это такое.

— Такие часы есть у каждого из нас. Ну, отвечай быстро, не задумываясь. Сколько сейчас времени?

— Как раз перед ужином.

— Нет! Нет! Сколько времени назад солнце кульминировало, то есть поднялось на максимальную высоту, что происходит точно в полдень. Ну, быстро! В часах, минутах и секундах. Не задумывайся.

— Шесть часов семнадцать минут пять секунд.

— Точнее будет — три секунды. Ты ошибся бы на восемьсот ярдов. — Несравненный топограф поощрительно похлопал Джеймса по плечу. — Ты блестящий мальчик, у тебя прекрасные биоло-

гические часы. Завтра мы обследуем периметр фермы.

— Все леди, я бы сказал, кхе-кхе, переменчивы. Никогда не забывай об этом. Мы можем с ними жить, и мы не можем жить без них. Как писал великий поэт: «Вдыхая аромат ее шагов, я онемел, я умереть готов — весь в благорастворении шелков»[138]. Боюсь, ты еще слишком юн для второй строфы, являющейся несколько непристойной.

— Да, сэр.

— Теперь перейдем к главному, — сказал Председатель. — Надеюсь, ты не дальтоник?

— Я не знаю, сэр.

— Восприятие цветов крайне существенно для выживания. Хорошо, мы тебя проверим. Какого цвета этот цветок?

— Он цвета ириса.

— Понятно, но что это за цвет? Как он называется? Название, какое название у этого цвета?

— Синий? — попытался угадать Джеймс.

— Насыщенный синий с пурпурным оттенком. А этот тюльпан?

— Красный?

— Он светло-вишневый. Старайся, старайся,

[138] Примечания: 138

Из стихотворения Роберта Геррика (1591–1674) «О платье, в котором явилась Джулия» (пер. Т. Бутиной). *(Прим. перев.)*

мой юный друг. Выживание, выживание и еще раз выживание! А сирень?

— Сиреневая, сэр.

— Вот это — верное восприятие. Очень хорошо. Завтра мы будем изучать, как однажды Жан-звонарь городской сломал фонарь.

— А что это такое, сэр?

— Эти слова начинаются с тех же самых букв, что и цвета спектра, — строго пояснил Председатель и отошел горделивой походкой.

— Эй, парнишка.

— Да, ваше преосвященство.

— Кто из них твой отец?

— Тот, что выше, сэр.

— А чем он занимается?

— Ну, он много разговаривает, и поэтому я много слушаю.

— А о чем он разговаривает?

— Практически обо всем. Наука, государственные институты. Общество. Экология. Книги. Идеи. Театр.

— А что это такое?

— Я не знаю, сэр. Кроме того, когда он сидит дома, то много готовит, в основном на иностранных языках.

— Действительно? Слушай, мальчонка, а не мог

бы он, случаем, отложить как-нибудь для меня почечный жир? Я без ума от почечного жира.

Но не все время в Большой красной школе царили тишь да гладь да божья благодать, бывали и не слишком приятные моменты. Однажды Джеймс приполз весь в раздерганных чувствах. Он плохо спал, переев на ужин шоколадного пудинга со взбитыми сливками, и был в результате очень мрачным и капризным. Он начисто игнорировал заигрывания дебютанток. Он строил рожи во время лекции Профессора. Он был совершенно невозможен. Он говорил одно-единственное слово, и не на языке животных, а на человеческом, и это слово было отнюдь не «да», а «дануеговсе!». Под конец он начал хныкать. Животные, которые никогда не плачут, смотрели на него, не скрывая озабоченности.

— Что это он делает?

— Он плачет, — объяснил голос бурмесской принцессы, которая в эту секунду вошла в сарай. — Надеюсь, вы извините меня за вторжение, но я сумела выбраться наружу и пришла сюда за ним. Привет, Джордж. Сегодня ты особенно симпатичный. А это, по-видимому, Профессор. Джеймс никогда не говорил мне, что у вас такая благородная внешность. Председатель и его прео-

священство великолепны, как и всегда. Я много раз восхищалась, глядя на вас из окна.

— Кхе-кхе. Благодарю вас, ваше высочество.

— А ты, крошка, тоже выглядишь совсем неплохо.

— Пошли, Джеймс, нам нужно вернуться домой.

— А что это с ним? Он болен? — спросил Профессор.

— Нет, просто слегка не в духе. У него упрямый нрав, унаследованный от матери, особы довольно богемной. Пошли, Джеймс. Пошли домой.

Принцесса начала завлекать Джеймса, щекоча его своей роскошной шерстью и отодвигаясь на пару шагов к двери всякий раз, когда он пытался ее обнять. Так потихоньку он выбрался из школы наружу и пополз по лужайке к дому.

— Завтра он будет в полном порядке, — крикнула, обернувшись, кошка, — Прелестное местечко устроили вы тут. Пока, ребята.

— Я же говорил, что она истинно царственная особа, — сказал Джордж Сурок.

И был другой случай, когда кто-то из вороньего племени ввалился в школу, громко распевая: «Ну разве удержишь их на ферме, если они повидали

Пари»[139]. Затем он окинул собравшихся мутным взглядом, слегка задумался, покачиваясь, и авторитетно их проинформировал: «Вы все тут нажрались в хлам. В ме-е-лкий, ме-е-лкий лоскуток». Затем его стало тошнить.

— Что приключилось с нашим забавным и, я бы сказал, трагедийным другом?

— Ягоды на одном из кустов не только созрели, но и забродили, — объяснил другой забавник, — Я пробовал было удержать его, чтобы не ел, но где там. Он совершенно пьяный.

— Артисты! — презрительно бросил Сеньор Кролик. — А для тебя, Джеймс, это должно быть уроком. Да не стойте вы все просто так. Кто-нибудь там, выведите его наружу и прогуляйте на свежем воздухе.

— Сэр?

— Да?

— Там шланг опрыскивает розы. Если сунуть его головой под холодную воду…

— Вот что значит быть умственно бодрым. Суньте этого циркача под струю из шланга. И будем надеяться, что он сядет при этом на какую-

---

[139] Примечания: 139

«How ‘Ya Cionna Keep ‘Em Down On The Farm (After They’ve Seen Farce)» — популярная песня американского композитора Уолтера Доналдсона на слона Джо Юнга и Сэма Льюиса, написанная в 1918 г. *(Прим. перев.)*

нибудь колючку.

— Конни, — сказала Констанс Константину, — меня беспокоит Джемми.

— Чего это?

— Разве ему не следует ходить в подготовительную группу?

— Зачем?

— Мне кажется, у него задержка в развитии.

— Ему нет еще даже трех. Конни, ты хочешь получить вундеркинда, который поступит в Гарвард в десять лет и изуродует всю свою дальнейшую жизнь? А я хочу, чтобы Джеймс рос нормальным здоровым мальчиком и чтобы его мозг не испытывал преждевременных перегрузок.

— Извините, Профессор, — сказал Джеймс, — но я бы позволил себе не согласиться с уважаемым коллегой Кротом Кроу по вопросу теории Большого взрыва в космологии.

— Космогонии, — коротко поправил Белый Крыс.

— Спасибо, сэр. Известная идея гигантского протоатома, создающего своим взрывом расширяющуюся вселенную, в высшей степени привлекательна, однако, по-моему, это чистейшей воды романтика. Я больше доверяю теории стационарного состояния — наша Вселенная по-

стоянно обновляется, создавая из первородного водорода все новые и новые звезды и галактики.

— Но где ваши доказательства? — спросил Кроуфут Крот.

— То же, что и всегда, уравнение, — ответил Джеймс. — Энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света.

— Джеймс? — окликнул снаружи человеческий голос, — Джемми? Куда ты подевался?

— Извините, Профессор, — смутился Джеймс, — но меня срочно вызывают.

Он подполз к приоткрытой двери сарая, кое-как протиснулся в щель и крикнул по-человечески:

— Да.

— Нам бы следовало приоткрыть дверь пошире, — раздраженно заметил Профессор — Джеймс сильно вырос.

— Ну и поче му же он не ходит? Лет ему более чем достаточно. Когда я был в его возрасте, у меня уже были внуки.

Кролики и оленихи захихикали.

— Урок закончен, — сказал Профессор и яростно взглянул па Кроуфута Крота, — Ты и твоя теория Большого взрыва! Почему бы тебе лучше не раздобыть микроскопы для семинара по биологии?

— Под землей они как-то не попадаются, —

рассудительно заметил Кроу. — Честно говоря, я даже не знаю, как они выглядят. Вы можете описать мне микроскоп в математических терминах?

— Е равно эм-цэ квадрат, — отрезал Профессор и вышел, кипя негодованием.

При таком его настроении ученикам еще сильно повезло, что он их распустил, а не устроил экзамен и не повыносил всех до единого.

Профессора беспокоил Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон, которому было уже больше двух лет, а он все еще не умел говорить на человеческом языке и даже ходить. Не в силах отделаться от смутного чувства вины и желая разобраться в своих чувствах, Белый Крыс пошел на берег утиного пруда.

— Вот я и один, — сказал он себе.

Подплывших из любопытства диких уток он начисто игнорировал. Любому известно, что эти несчастные кряквы абсолютно неспособны воспринимать драматические монологи.

— Мудрость не скована жесткими рамками, она ласковым дождем падает на нас с небес, и кто мы такие, сосуды скудельные, чтобы противиться ангелам? Я только и хочу, Джеймс, чтобы ты меня помнил. Этот день называется День отца.

Тот, кто проживет его, будет ежегодно давать пир своим соседям. Старики забывают, но не лучше ли безропотно сносить пращи и стрелы безжалостной судьбы?

И он завел нечто среднее между ворчанием и песней:

Там, где катит свои воды старый Раритен,

Будет вечно стоять наш Раттерс.

Ведь он стоял там до потопа и стоит теперь —

Там, где катит свои воды старый Раритен.

Заметно воспрянув духом, Профессор вернулся в Большую красную школу и начал готовиться к первой лекции по новой математике.

— Ноль, — сказал он себе — Один. Десять. Одиннадцать. Сто. Сто один.

Это он считал в двоичной арифметике.

Тем временем Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон закончил свой ланч (салат из курицы, ломтик хлеба с маслом, апельсиновый сок и молоко) и находился на втором этаже у себя в постели, вроде бы погруженный в дремоту, но в действительности беседуя с принцессой, удобно

пристроившейся у него на груди.

— Я люблю тебя, — сказал Джеймс, — но ты считаешь это само собой разумеющимся. Все вы, женщины, одинаковы.

— Это потому, Джеймс, что ты любишь все подряд.

— А разве не так следует поступать?

— Конечно же нет. Разумеется, каждый должен любить меня, но уж никак не все подряд. Это меня унижает.

— Принцесса, а ты действительно бурмесская принцесса?

— Ты вроде бы говорил, что любишь меня.

— Но я случайно узнал, что ты родилась в Бруклине.

— Политика, Джеймс, политика. Папа, который служил адмиралом, был вынужден бежать. Он едва успел закинуть в сумку несколько рубинов и через какие-то часы оказался в Бруклине.

— Но почему же именно Бруклин?

— Самолет был захвачен террористами.

— А что такое рубин?

— Спроси у своего Профессора, — отрезала принцесса.

— Ага! Ревнуешь. Ревнуешь. Я знал, что поймаю тебя.

— Так кто же кого считает само собой разумеющимся?

— Я. Сдвинься с горла, принцесса, я совсем не могу дышать.

— Ты мужская шовинистическая свинья, — сказала принцесса, неохотно подвигаясь, — Я для тебя не более чем сексуальный символ.

— Слушай, а почему бы тебе не вступить в мисслеггорновское движение «Свободу курицам»?

— Мне, сэр? Да что у меня общего с курицами?

— Я заметил, что ты прекрасно расправилась с моим куриным салатом. И не притворяйся, пожалуйста, что не понимаешь, о чем я. Я видел тебя на столе, когда мама загружала посудомойку. Мне показалось, что майонез совершенно кошмарный.

— Ну что ты хочешь, магазинный.

— А ты не могла бы научить маму готовить домашний майонез?

— Я, сэр? Да что у меня общего с этими кухнями? Я оставляю их прислуге.

— Ага! Еще раз поймал.

— Я ненавижу тебя, — сказала принцесса. — Ты мне отвратителен.

— Ты любишь меня, — убежденно сказал Джеймс Джеймс, — Ты любишь меня, и никуда

тебе от этого не деться. Ты вся в моей власти.

— А есть в этом красном сарае другие кошки?

— Нет, — рассмеялся Джеймс. — Ты единственная и неповторимая принцесса Красной горки.

И тут снаружи донеслись непонятный шум, визги и рявканье.

— Что там такое? — воскликнул Джеймс.

Принцесса в два прыжка вскочила на подоконник и тут же вернулась.

— Да просто две бродячие собаки играют с Джорджем Сурком, — доложила она безразличным голосом. — Так что ты там говорил насчет меня…

— Играют? Судя по звуку, это не очень похоже на игру. Я лучше схожу взгляну сам.

— Джеймс, ты же не можешь ходить.

— А вот сейчас пойду всем чертям назло.

Джеймс Джеймс завис над краем постели и шлепнулся на пол. Он ухватился за край кровати и кое-как встал. Затем, неуверенно пошатываясь, Джеймс подошел к окну.

— Они не играют. Джордж попал в серьезную переделку.

Цепляясь за стены и косяки, Джеймс выбрался из комнаты.

Лестницу он преодолел, садясь поочередно на

каждую ступеньку, открыл дверь ударом головы и вот уже был на зеленой лужайке, шагая, качаясь, спотыкаясь, падая, снова вставая и тем не менее уверенно приближаясь к «несравненному изыскателю», которого рвали две большие тощие дворняги.

Они рычали и щелкали зубами, но Джеймс уже прикрыл Джорджа В. Сурка, готовый защищать его до последнего. Джеймс брыкался на собак и размахивал руками, он ругал их на языке животных такими словами, что привести их здесь не предоставляется удобным. Его решимость и отвага ошеломили дворняг, они повернулись и убежали прочь, делая вид, что, в общем-то, все это была игра. Джеймс встал на колени, поднял Сурка с земли, кое-как поднялся на ноги и пошел к большому красному сараю.

— Спасибо, — сказал Джордж.

— Да заткнись ты, — отмахнулся Джеймс.

Когда они добрались до школы, все уже были в сборе. Они видели все, что произошло. Джеймс сел, не выпуская Сурка из рук.

— Хищники! Бандюганы! — рычал Сеньор Кролик. — По соседству с такой публикой никто не может чувствовать себя в безопасности. В том-то и беда со всеми этими добренькими, любящими

всех без разбора. Постарайся их понять. Будь с ними добр. Помоги им. Помочь? В чем им помочь? В убийствах?

— Есть треугольник земли на нашей ферме, — слабеющим голосом сказал Джорж В. Сурок, — площадью точно в один запятая шесть десятых акра. Он вдается в соседний участок, где живет свинья Пола. Скажи Поле, что она должна уважать наши… Она должна… наши гра…

— Я скажу ей, — обещал Джеймс и заплакал.

Они взяли тело Сурка из рук Джеймса, отнесли его в рощу и оставили на волю стихиям. Животные не хоронят своих мертвых. Джеймс так и сидел на том же самом месте, по его щекам катились слезы.

— А мальчонка-то крут, — сказал один из забавников.

— Да, у него есть все, что полагается иметь мужику. Ты видел, как он дрался с этими псами, а ведь их было двое, оба вооруженные до зубов, против одного безоружного. Двое на одного!

— Ага. Слышь, мальчонка, все уже кончилось. Ты когда-нибудь слышал историю про мужика, который приходит в мясную лавку, ты уж извини за такое выражение? — Забавник толкнул своего дружка крылом в бок. — «Дайте мне, пожалуй-

ста, два фунта бобядины». — «Вы хотите сказать, говядины?» — «Да я так и боборю: бобядины». Ну, смех! Смех, да и только. А как тебе, мальчонка?

— Ему бы следовало упасть в пруд, кхе-кхе, я бы сказал, погрузиться в воду, — решил Председатель. — А то он весь в Джордженой крови, и эти двое Коми будут задавать вопросы.

— Конни.

— Да какая разница. Не соблаговолят ли наши очаровательные юные дебютантки отвести нашего героического воина к пруду и…

— Я теперь умею ходить, — сказал Джеймс.

— Разумеется. Разумеется. И столкните его в воду. Кхе-кхе. И передайте мои нижайшие извинения кряквам, которым может не понравиться наше вторжение. Я, мой дорогой мальчик, возьму на себя смелость сказать от имени всех здесь собравшихся, что мы будем рады приветствовать тебя как полноправного члена нашей общины. Это огромная честь иметь среди нас представителя вашего вица. Я ни на секунду не сомневаюсь, что мой неоценимый друг Профессор полностью со мной согласится.

— Он мой лучший ученик, — признался скупой на похвалу Белый Крыс. — Но чтобы быть уверенным, что он когда-нибудь поступит в Раттере, с

ним еще надо работать и работать.

— Ох, Джемми, ты снова свалился в пруд.

— Да, — сказал скромный герой.

Эта ночь прошла для Джеймса беспокойно. Он не переставал скорбеть об убитом Джордже, и в мозгу у него никак не укладывалось полное отрицание скаутмастером собак. Ведь сам он их любил, как любил и всех живых существ.

— Есть хорошие собаки, и есть плохие собаки, — убеждал он сам себя. — И мы не должны судить о хороших по плохим. Сеньор Кролик мог, конечно же, ошибаться, но, с другой стороны, как может ошибаться скаутмастер?

Это все вопрос категорического императива. Хорошие поступки ведут к хорошим результатам. Плохие поступки ведут к плохим результатам. Но могут ли хорошие поступки вести к плохим результатам или плохие к хорошим? Мой отец смог бы ответить на этот вопрос, но черти бы меня драли, если я спрошу его на его языке. Он не желает говорить на нашем.

Тут его начали раздражать глухие вскрики летучих мышей. Голоса животных значительно выше потону, чем человеческие, и то, что кажется человеческому уху тонким писком летучей мыши, представляется уху, привыкшему к голосам

животных, чем-то вроде гудения басовой струны. В этом одна из причин, почему люди не умеют общаться с животными.

Джеймс подошел к окну.

— Хорошо, хорошо! — крикнул он. — Вламывайся, если так уж приспичило.

Один из мышей притрепыхал к жалюзи и повис на них.

— Чего это ты, старик, вроде как не в себе? — пророкотал он, — Какая тебя муха укусила?

— Ты не мог бы хоть чуть-чуть потише? Хочешь весь дом разбудить?

— А они нас не слышат.

— Я-то тебя прекрасно слышу.

— Не понимаю, как это выходит? Редко кто из людей может нас слышать.

— Не знаю уж, но я могу, а вы развели тут такой тарарам, что мне и не уснуть.

— Прости, старик, но иначе мы просто не можем.

— Почему?

— Ну, во-первых, мы ночной народ, это ты знаешь?

— Да, а во-вторых?

— А во-вторых, мы плохо видим.

— Крот Кроу тоже ничего не видит, но он же не

орет диким голосом.

— Да, но ты учти, старик, что Кроу работает под землей. Ему не надо беспокоиться о деревьях, сараях и всякой такой белиберде. А мы не можем себе позволить во что-нибудь врезаться. УГА[140] тут же пришлет комиссию, и кто-нибудь непременно потеряет лицензию.

— Но шум-то здесь этот при чем?

— Это наш сонар.

— А что такое сонар?

— Радар-то ты знаешь?

— Да.

— Сонар это такой звуковой радар. Ты кричишь, слушаешь эхо и точно знаешь, где что находится.

— Просто при помощи эха?

— Ну наконец-то дошло. Может, хочешь и сам попробовать? Давай. Только подожди, чтобы без жульничества. Закрой глаза и не подсматривай. А теперь делай сонар.

— А что я должен кричать?

— Все, что угодно.

— Уихакен! — заорал Джеймс, мыш болезненно сморщился.

---

[140] Примечания: 140

УГА — Управление гражданской авиации. (Прим. перев.)

— Я слышал три эха, — доложил Джеймс.

— И какие же они были?

— Уихакен.

— Это большой сарай.

— Вихакен.

— Коптильня.

— Уихаке.

— А это толстый дуб. Ты быстро учишься, старина. Потренируйся, и все получится. Нам-то это не помешает. Никто из нас не использует названия городов, кроме одного тронутого с юга, который все время кричит «Карлсбад».

А потом Джеймс влюбился. Это была сумасшедшая, всепоглощающая страсть к наименее подходящему для любви объекту. Исполняя предсмертную волю Джорджа Сурка, он пошел на тот треугольник попросить свинью Полу уважать установленные границы — и влюбился в нее с первого взгляда. Пола была то ли белая с черными пятнами, то ли черная с белыми (польско-китайская порода) и очень толстая. И все же Джеймс обожал ее, что привело в отчаяние всю Большую красную школу.

— Щенячья любовь, — фыркнул Профессор.

— Прямо иллюстрация для старого анекдота: «У моей жены глаза задумчивые-задумчивые», — за-

метил один из забавников.

— О браке не может быть и речи, — сказал Сеньор Кролик. — Она в два раза его старше.

— И в три раза толще.

— Крра! Крра! Крра!

— Если он осмелится привести эту женщину сюда, — наперебой заговорили дебютантки, — мы вообще не будем с ним разговаривать.

В сарае появился мечтательно-задумчивый Джеймс.

— Я готов к биологическому семинару, — отрапортовал он, явно думая о чем-то другом.

— Сегодня математика, — сухо сообщил Профессор.

— Да, Пола.

— Я Профессор.

— Извините, сэр.

— Для начала мы освежим двоичную арифметику. Надеюсь, все вы еще помните, что десятичная система использует за основу десятку. Мы считаем от одного до десяти, от десяти до двадцати, от двадцати до тридцати и так далее. Двоичная система использует только ноль и единицу. Ноль это ноль. Один это один, а два уже десять. Три это одиннадцать. Четыре это сто. А сколько будет пять, Джеймс?

— Сто и Пола.

— Урок закончен, все вы свободны.

А затем Джеймс начал пропускать уроки.

— Мы собирались копать в одном месте, — доложил Крот Кроу, — но он так и не появился.

— Он пропустил занятие по ораторскому искусству, — пожаловался Джек Джонсон.

— Этот мальчишка метит прямиком во второгодники.

— Вы заметили, что он начал причесываться? — спросила одна из дебютанток.

— Да бросьте вы к нему цепляться! — воскликнул его преосвященство, — Если у мальчишки засвербило в паху, это еще не значит…

— Этот мальчик морально чист, — сурово прервал его скаут-мастер.

— Тут нельзя все упрощать, — заметил Профессор.

— Здесь дело в эмоциях, а мозг никогда не ладит с мозжечком.

Ситуация разрешилась самым неожиданным манером однажды вечером, когда тщательно причесанный Джеймс притащил своей любимой очередную охапку яблок. Пола их быстренько сожрала, а тем временем Джеймс сидел и любовно за ней наблюдал. Видимо, Пола была тем

вечером как-то особенно голодна, потому что, когда Джеймс попытался ее обнять, она начала жрать уже его. Джеймс вырвал руку у нее изо рта и в ужасе отпрянул.

— Пола! — воскликнул он. — Ты любишь меня исключительно ради себя.

— Хонечна, — хрюкнула Пола на кириллице.

Джеймс вернулся в Большую красную школу мрачный как туча. Все, конечно же, видели печальное происшествие, однако старались быть тактичными.

— Сегодня физиология, — сказал Профессор. — Мы немного поговорим о водородно-ионном балансе крови.

— Да, сэр.

— Нам пора перейти к современным композиторам.

— Да, сэр.

— Как тебе уже известно, — сказал Крот Кроу, — сланцы это нефтеносные породы. Но почему же в красном сланце никогда не бывает нефти? Этому должна быть некая математическая причина.

— Мы попытаемся ее выяснить, сэр.

— Расправь грудь, сожми зубы и будь мужчиной, — сказал скаутмастер.

— Я пытаюсь, сэр.

— Лучше любить и утратить любимую, чем не любить никогда, — сказал Председатель.

Затем рядом с Джеймсом уютно пристроилась юная олениха и прошептала:

— Все нормально. Все мы жалеем, что ты выбрал недостойную девушку, но так бывает хотя бы раз с каждым мужчиной. Это просто путь найти правильную девушку.

Джеймс ударился в слезы и плакал, и плакал о своей утраченной любви, а олениха его ласково гладила, и в конце концов он ощутил странное облегчение.

— Джеймс, — сказал Профессор, — нам нужно серьезно поговорить.

— Хорошо, сэр. Здесь и сейчас?

— Нет. Пойдем в ивовую рощу.

Они пошли в ивовую рощу.

— Вот теперь нам никто не помешает, — сказал Профессор. — Джеймс, ты должен начать разговаривать с матерью и отцом. Я знаю, что ты можешь, так в чем же дело?

— Не хочу и не буду, сэр, вот и все. Они же не говорят по-нашему, так с чего же я обязан говорить по-ихнему?

— Джеймс, они просто не могут говорить по-нашему. Тебе не кажется, что это нечестно?

— Во всяком случае, могли хотя бы попробовать.

— Я совершенно уверен, что, имей твои родители хоть малейшую возможность, они именно так бы и поступили. А теперь слушай меня внимательно. Ты — единственная связь между ними и нами. Ты нам нужен, Джеймс, в качестве дипломата. Твои родители очень хорошие люди, на «Красной горке» нет ни охоты, ни убийств, они много чего здесь сажают. Мы все живем здесь в мире и согласии. Нуда, твоя мать иногда срывается на скаутмастера и его компанию, когда выходит вешать белье на просушку, а они как назло путаются под ногами, но это потому, что у нее богемный характер. Мы знаем, что такое художники, они совершенно непредсказуемы.

— Я не буду с ней говорить, — стоял на своем Джеймс.

— Твой отец настоящий интеллектуал, и он закончил Раттере. Ты принес в нашу школу массу его идей и рассуждений. Они весьма нас стимулируют, и мы это прекрасно осознаем. Ты должен бы как-нибудь поставить его в известность, насколько мы ему благодарны.

— Он мне не поверит.

— Но ты мог бы хотя бы поговорить с ним.

— Я не стану с ним говорить. Он зашоренный, упертый старик, закоренелый консерватор. Он намертво завяз в структурированном обществе.

— Откуда у тебя все это?

— От отца.

— Ну вот, видишь?

— Нет, — мотнул головой Джеймс, — ничего я не вижу. Я не буду говорить на их языке. Пусть они сперва заговорят со мной на нашем.

— Короче говоря, ты твердо выбрал нас?

— Да, сэр.

— Вплоть до полного исключения их?

— Да, сэр.

— Тогда мне нечего больше сказать.

— Конни, — сказала Констанс Константину, — нам нужно серьезно поговорить.

— Сейчас?

— Да.

— И о чем бы это?

— О Джемми.

— А что такое с Джемми?

— Он сложный ребенок.

— И в чем же таком его сложности?

— Он медленно развивается.

— Опять та же самая песня? Да брось ты, Конни, он же научился ходить. Чего ты еще от него

хочешь?

— Но он не научился говорить.

— Говорить! Слова! Слова! Слова! — Константин выплевывал это слово словно ругательство, — Я прожил со словами всю свою жизнь, и я их ненавижу. Ты знаешь, чем являются по большей части слова? Это пули, которыми люди друг в друга стреляют. Слова это оружие убийц. Язык должен бы служить прекрасной поэзии и общению, но мы его испоганили, отравили, превратили в поле соревнования и вражды. И побеждает в этом соревновании совсем не тот, кому есть что сказать, а самый ловкий и проворный. Вот и все, что я могу сказать относительно слов.

— Все верно, милый, — сказала Констанс, — и нашему сыну давно бы пора стрелять словами, а он почему-то этого не делает.

— Надеюсь, что никогда и не будет.

— Однако он должен, и нам бы нужно отвести его к врачу. У него аутизм.

— Аутизм, — сказал Профессор, — это ненормальная поглощенность своими фантазиями, доходящая до полного исключения внешнего мира. Мне доводилось видеть лабораторных страдальцев, доведенных до этого прискорбного состояния изуверскими экспериментами.

— Ты не мог бы сформулировать это в математических терминах? — спросил Кроу, — Я как-то не улавливаю смысла этих слов.

— Да, совершенно верно. Кхе-кхе. У меня тоже возникают некоторые трудности с пониманием. Я уверен, что наш уважаемый друг будет добр изложить все это попроще.

— Попроще? — спросил Белый Крыс. — Он не желает говорить.

— Не желает говорить? Боже милостивый! Да этот фонтан просто не заткнуть. Вот только вчера он ввязал меня в двухчасовое обсуждение правил ведения парламентских дискуссий…

— Он не желает говорить по-человечески.

— А-а…

— Главный questo состоит в том, способен ли он? — сказала Халдейская Курочка. — Многим рожденным под знаком Торсоса весьма difficulto…

— Таурус! Таурус! И можешь успокоиться. Джеймс вполне способен говорить, он просто не хочет.

— А что такое фантазия? — спросил Кроу.

— Галлюцинация.

— Ну а это-то что такое?

— Нечто нереальное.

— Ты хочешь сказать, что он нереален? Но я видел его не далее чем вчера, и он вполне…

— Я не намерен обсуждать сейчас метафизику реальности. Те из вас, кого она интересует, могут обратиться к моему курсу по тезису, антитезису и синтезу. В ситуации с Джеймсом нет ровно ничего сложного: он говорит с нами на нашем языке, он не хочет говорить с родителями на их языке, они встревожены.

— А что их тревожит?

— Они подозревают у него аутизм.

— Они думают, что он нереален?

— Нет, Кроу, — терпеливо сказал Профессор, — они прекрасно знают, что он реален. Они подозревают у него дикий психологический выверт, мешающий ему говорить.

— А они знают, что он говорит по-нашему?

— Нет.

— Так чего бы нам им не сказать? Тогда все сразу встанет на свои места.

— Вот ты им сам и скажи.

— Я не умею говорить по-ихнему.

— А кто-нибудь другой из здесь присутствующих умеет? Хоть кто-нибудь?

Гробовое молчание.

— Так что это блестящее предложение никуда

не годится, — констатировал Профессор. — Теперь мы подходим к ключевой проблеме. Они надумали послать его в школу коррекции.

— А чем им плоха наша школа?

— Да они вообще не знают про нашу школу, тупица ты несчастный! Они хотят отдать Джеймса в школу, где он сможет научиться говорить по-английски.

— А что это такое — по-английски?

— То, как говорят они.

— О!

— Ну что же, кхе-кхе, как наш наиболее уважаемый и крупный ученый, вы, дорогой Профессор, не должны бы иметь против этой программы никаких возражений.

— Но тут возникает некая проблема, — кисло заметил Белый Крыс.

— Назовите ее нам, уважаемый сэр, опишите ее, и мы вместе подумаем, как, кхе-кхе, с нею справиться.

— Джеймс настолько привык говорить по-нашему, что, боюсь, не захочет учиться говорить на их языке.

— Но почему, мой высокоученый друг, вы сами-то этого так хотите?

— Потому что перед ним стоит перспектива

Раттерса.

— Ах да, конечно. Ваша любимая альма-матер. Но я все равно не вполне понимаю, в чем вам видится трудность.

— Мы будем вынуждены от него отгородиться.

— Извините?

— Мы должны перестать с ним разговаривать. Чтобы он научился говорить по-ихнему, мы должны поломать его привычку. Никто не может говорить и на том, и на другом языке.

— Неужели же вы, Профессор, имеете в виду полный бойкот?

— Именно что имею. Куда бы Джеймс ни поехал, в его окружении неизбежно будет кто-то из наших. Мы должны поломать его привычку. Сейчас же. Для его же собственной пользы. — Профессор начал нервно расхаживать из стороны в сторону. — Он разучится говорить по-нашему. Мы его потеряем, такова уж цена. Мой лучший ученик. Мой любимец. Иначе он никогда не станет Фи Бета Каппа.

Дебютантки выглядели предельно расстроенными.

— Мы любим Джеймса, — сказали они, — Он парень на уровне.

— Ничего подобного, — возмутился Сеньор Кро-

лик, — Он честный, лояльный, дружелюбный, всегда готовый помочь, добрый, послушный, бережливый, смелый, морально чистый и уважительный.

— Он объяснил мне про Е равно эм-цэ квадрат, — сказал Крот Кроу. — Это навело меня на мысль, которая может изменить весь мир.

— Аквариум, — провозгласила мисс Леггорн, никто не стал ее поправлять.

— Он чума, моровая язва, зануда, самый настоящий… э-э… человек, — закричал Профессор. — Ему не место в нашей школе. Мы не хотим иметь с ним ничего общего, раньше или позже он всех нас продаст. Бойкот! Бойкот! — И тут он совсем сломался. — Я тоже люблю его, но нам нужно быть твердыми. Мы потеряем его, но сделаем это исключительно ради него. И кто-то должен сказать принцессе.

Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон приоткрыл дверь сарая чуть пошире и вошел в школу. Его гордая поступь была явным отражением поступи Председателя.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — сказал он с обычной своей учтивостью.

Дебютантки фыркнули и вышли из сарая.

— Какая муха их вдруг укусила? — поразился

Джеймс и повернулся к Кроту: — Дядюшка Кроу, я только что слышал дома разговор, который должен тебя заинтересовать. Похоже, что Ньютонова модель Вселенной трещит по всем швам. С математической точки зрения время необратимо, и…

Здесь Кроу зарылся в землю и исчез из виду.

— А с ним что такое? — спросил Джеймс и обвел присутствующих глазами.

Ответа не было. Все понемногу расходились. Повисла долгая тоскливая тишина. Фазан гордо удалился, сопровождаемый своим гаремом, Джеймса он словно не видел. Невестка покойного Джорджа Марта В. Сурок, на которую легли теперь все его обязанности, подчеркнуто игнорировала Джеймса. Ни Профессора, ни скаутмастера не было видно, Оленихи и их оленята скрылись в лесу. Крот Кроу решил залечь в спячку пораньше. Джеймс Джонсон улетел зимовать на юг, а его преосвященство с какой-то радости переселился на территорию Полы. Вороны узнали, что на одной из отдаленных ферм появилось чучело в стиле арнуво, и полетели ему отважно противостоять. О Джеймсе Джеймсе все словно позабыли.

— Ты не хотела бы посмотреть линию моей руки? — спросил он мисс Леггорн.

— Клак, — ответила та.

— Принцесса, — взмолился он, — ну почему со мной никто не разговаривает?

— Мяу, — ответила кошка.

О Джеймсе все словно позабыли.

— Ну что ж, — сказал доктор Рапп, — во всяком случае, холить он научился, и это дает основания для благоприятного прогноза. Чего я напрочь не понимаю, так это того, каким образом в такой интеллектуальной семье мог появиться аутист. Можно подумать, что… секундочку. Идея. Ане может ли быть, что дом его чрезмерно интеллектуален и аутизм это отказ соперничать с явно тебя превосходящими?

— В нашем доме нет никакого соперничества, — сказала меньшая Конни.

— Вы не вполне улавливаете потенциал этой мысли. В нашем обществе если ты не выиграл, то потерпел неудачу. Это — наше современное заблуждение. Возможно, Джеймс боится неудач.

— Но ему еще только три года.

— Дорогая миссис Дюпре, соперничество начинается уже в утробе матери.

— Только не в моей, — возмутилась Конни. — У меня быстрейшая утроба на всем Западном побережье.

— Понятно. А теперь, если вы позволите, мы начнем наш первый урок. Нет, наружу через эту дверь. Благодарю вас.

Когда дверь за Конни закрылась, доктор Рапп нажал кнопку интеркома.

— Мороженое, — сказал он.

Ему принесли вазочку апельсинового мороженого.

— Джеймс, — спросил доктор Рапп, — ты любишь апельсиновое мороженое? На, — Он зачерпнул ложку мороженого, и Джеймс жадно его заглотил. — Прекрасно. А хочешь еще? Тогда скажи мне, что это такое. — В руке доктора Раппа появился полосатый мячик. — Это мяч, Джеймс. Ну, повтори за мной: мяч.

— Да, — сказал Джеймс.

— Больше ни крошки мороженого, пока ты не скажешь, что это такое. Мяч. Мяч. Мяч. Сначала слою, а потом вознаграждение.

— Да.

— Возможно, он предпочитает лимонное, — предположил доктор Рапп через неделю и нажат кнопку интеркома. — Лимонное мороженое, пожалуйста, — Принесли мороженое. — Джеймс, ты хочешь лимонного мороженого? — Он набрал ложку мороженого, каковое и было тут же загло-

чено, — Прекрасно. А хочешь еще? Тогда скажи мне, что это такое. Это мяч, Джеймс. Ну, повторяй за мною. Мяч. Мяч. Мяч.

— Да, — сказал Джеймс.

— Надо снова попробовать мороженое, — сказал доктор Рапп через неделю, — Мы не можем позволить ему свалиться в структуру привычного социального поведения. Перед ним непрерывно должен быть вызов, — Он нажал кнопку интеркома. — Шоколадное мороженое, пожалуйста.

Джеймс с удовольствием съел ложку мороженого, однако напрочь отказался называть полосатый мячик каким бы то ни было названием.

— Да, — сказал он.

— Это проклятое слово мне уже снится, — пожаловался доктор Рапп, — Подходит римский центурион, обнажает меч и говорит: «Да». Подождите, подождите. Идея. Может, это фаллический символ? Сексуальность начинается с образов, с концепций. Может, этот ребенок отвергает реальности жизни?

Он нажал кнопку интеркома.

— Джеймс, вот тебе банан. Хочешь откусить? Чувствуй себя совершенно свободно. Хорошо. Хорошо. Хочешь еще один? Тогда скажи, что это

такое. Мячик. Мяч. Мяч. Мяч.

— Да.

— Ничего не получается, — уныло констатировал доктор Рапп. — Возможно, мне стоит зайти к доктору Да и подкрепиться… Да что это я говорю? К доктору Дамону. Секундочку, секундочку. Идея. Дамон и Питий[141]. Дружба. Не может ли быть, что я обращаюсь с Джеймсом чересчур клинически? Я должен установить с ним дружеские отношения.

— Доброе утро, Джеймс. Какой прекрасный октябрьский денек. Осенние листья выглядят просто сказочно. Ты хотел бы покататься на машине?

— Да, — сказал Джеймс.

— Прекрасно, прекрасно. И куда же ты хотел бы съездить?

— В Раттерс, — сказал Джеймс.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что хотел бы съездить в Раттерс.

— Но… Господи, да ты же говоришь.

— Да, сэр.

— Так почему же ты раньше не говорил?

— Не хотел, вот и не говорил.

---

[141] Примечания: 141

Дамон и Питий — древние греки, чья дружба вошла в легенду. *(Прим. перев.)*

— А почему ты говоришь сейчас?

— Потому что я хочу посмотреть, как катит свои воды старый Раритен.

— Да, да. Понимаю. Только что же это я понимаю? — Доктор Рапп нажал кнопку интеркома, — Дайте мне, пожалуйста, доктора Да… я имею в виду доктора Дамона… Тогда передайте ему, что мне кажется, я сделал важное открытие.

— Сделать открытие, — сказал Джеймс, — это значит взглянуть на то, что все много раз видели, но подумать при этом то, чего никто из них не думал. Вы со мною согласны? Может, обсудим это по дороге в Раттерс?

Подошло следующее лето. Джеймс с отцом гуляли по лужайке, горячо обсуждая махровые ирисы, только Джеймс, увы, называл их «ириши». Он вполне по-человечески шепелявил. Проблема с ирисами состояла в том, следует ли их рвать и ставить в вазу или лучше оставить в покое. Джеймс стоял на том, что таким утонченным дамам (он воспринимал ирисы как особи женского пола) ни в коем случае нельзя причинять никакого членовредительства. Отец же со всегдашним своим прагматизмом, наоборот, заявлял, что цветы должны оправдывать свое существование, украшая хозяйский дом. Отец и сын довели друг друга

до полного изнеможения, после чего старший Дюпре отправился инспектировать персиковые деревья. Джеймс Джеймс Моррисон Моррисон сидел на лужайке и бездумно смотрел по сторонам. Через какое-то время он услышал знакомое кхе-кхе, и из-под большого куста сирени вылез Председатель.

— Да не мой ли это старый друг сексуальный маньяк? Как поживаете, сэр?

Фазан сверкнул на него негодующим глазом.

— А как там, мистер Председатель, Филлис, Френсис, Фелис и все остальные?

— Их поименный список и, кхе-кхе, я бы сказал, номенклатура выглядит следующим образом: Глория, Гленда, Гертруда, Годива и… — Председатель осекся и пристально взглянул на Джеймса. — Но ты же чудовище.

— Да, сэр.

— Как же ты вырос, просто глазам не верю.

— Благодарю вас, сэр.

— Ты научился говорить по-ихнему?

— Не слишком хорошо, сэр.

— А почему не слишком?

— Я шепелявлю. Они говорят, это потому, что у меня ленивый язык.

— Но ты все еще можешь говорить по-нашему.

— Да, сэр.

— Поразительно! Просто неслыханно!

— Вы думали, что я смогу когда-нибудь разучиться? Любимый ученик Профессора, готовый умереть за старый добрый Раттерс. Не могли бы вы, мистер Председатель, собрать в Большой красной школе экстренное собрание? Я могу вам многое порассказать про этих сумасбродных человеческих существ.

На собрание пришли большая часть завсегдатаев и несколько новичков, в частности курица мисс Плимутрок, близко сдружившаяся с мисс Леггорн, возможно потому, что всегда и во всем с ней соглашалась. Теперь, когда Джек Джонсон застрял во Флориде, и, похоже, надолго, к школе присоединился так долго упорствовавший Пересмешник, имя которого было Мильтон. Самым экстравагантным новичком был небольшой серебристый макак, очень дружелюбный и предельно застенчивый. Джеймс Джеймс поздоровался с макаком за руку и спросил, как его зовут.

— Они называли меня… ну, они называли меня Великий Зуня. Все знает. Все умеет.

— Зуня, а кто это такие «они»?

— Цирк «Резон и Тиксль».

— Ты выступал в цирке?

— Ну, в общем… да. Я делал всякие штуки и фокусы. Все знает. Все умеет. Я был у них тем, что они называют «ударный номер». Ну, ты знаешь. Ездил на мотоцикле с включенными фарами. Только я… я…

— Да?

— Я расшибся, когда мы… когда мы выступали в Принстоне. Мотоцикл вдребезги. Со мной, ну… со мной обошлось. Я смылся, пока они подбирали обломки.

— Зуня, а почему ты сбежал?

— Я… мне не хочется так говорить… я никогда не ругаю чужие поступки, но… ну… я ненавижу шоу-бизнес.

— Зуня, мы в восторге, что ты к нам пришел, мы более чем рады твоему присутствию, но возникает одна проблема.

— Ну… мне… только и нужно, что немного фруктов, яблоки и все такое…

— Не в пище дело. Погода. Зимой тут бывает очень холодно. Возможно, для тебя имело бы смысл перебраться куда-нибудь поюжнее.

— Ну… если сами-то вы не против… тогда я уж лучше остался бы здесь. Публика хорошая.

— Если ты действительно так решил, мы будем

в полном восторге. Правда, если родители тебя увидят, с ними может случиться припадок, так что старайся прятаться.

— А я и так предпочитаю ночь.

— Вот и хорошо. А теперь поднимись, пожалуйста. Выпрямись, и мы встанем спиной к спине. Профессор, мы одинакового роста?

Молчание.

— Профессор?

— Профессор не в настроении, — неохотно сказал Крот Кроу.

— Что?

— Он не может прийти.

— Почему не может?

— Он чувствует себя не совсем хорошо.

— А где он сейчас?

— У себя в кабинете.

— Тогда я, пожалуй, схожу и… нет, подождите. Так как мы там с Зуней, одного роста?

Все единодушно согласились, что Джеймс и Зуня примерно одного роста, и Джеймс тут же пообещал слямзить кое-что из своих свитеров и шерстяного белья, чтобы Зуне было зимой не холодно.

— Если вам не будет слишком… ну, я совсем не настаиваю… но я бы очень хотел свитер с надпи-

сью «Бостон».

— Бостон! А почему именно Бостон?

— Потому что они там ненавидят шоу-бизнес.

Джеймс вскарабкался по одному из дубовых столбов, поддерживавших крышу сарая, с небрежностью канатоходца прошелся по тяжелой тесаной балке над пустым высоким коробом для сена (от такого зрелища его мать закричала бы и шлепнулась в обморок), привычно отыскал неширокую щель в чердачной перегородке и вежливо постучал.

— Кто там? — откликнулся слабый голос.

— Это чудовище, сэр. Я вернулся.

— Не может быть! Действительно? Да ты заходи, заходи.

Джеймс сунул голову в щель. Стены профессорского кабинета были покрыты мхом, пол был усыпан сухой травой и листиками мяты, на которых Профессор и лежал. Он выглядел очень больным и слабым, но его красные глаза альбиноса горели тем же, что и всегда, яростным огнем.

— Ну что ж, Джеймс, ты вернулся, — произнес он, заметно задыхаясь. — Вот уж никогда не думал… Ты говоришь теперь на их языке?

— Да, сэр.

— И по-прежнему говоришь по-нашему. Я ду-

мал, это невозможно… Ты будешь Фи Бета Капа cum laude[142], в этом нет никаких сомнений.

— Я ездил в Раттерс, сэр.

— Съездил, значит. И какое же впечатление?

— Там прекрасно, сэр, как вы мне и говорили, — соврал без зазрения совести Джеймс. — И они вас все еще помнят.

— Не может быть!

— Да, сэр, помнят. Они все еще не понимают, как вы сумели сбежать. Подозревают, что вы подкупили лабораторного служителя, а некоторые думают, что у вас на него что-то было. Шантаж.

Профессор хохотнул, но смех тут же превратился в натужный мучительный кашель.

— Что с вами, сэр? — спросил Джеймс, когда приступ кашля прошел.

— Ничего, ровно ничего. Подхватил, наверное, где-нибудь грипп. Ничего серьезного.

— Скажите мне, пожалуйста, не скрывайте.

Профессор взглянул на Джеймса долгим взглядом.

— Наука это преданность истине, — сказал он наконец, — Ну что ж, буду правдив. Я серьезно ранен.

---

[142] Примечания: 142
С отличием (лат.) — букв. «с похвалой». (Прим. перев.)

— Ох, сэр! Каким образом?

— Пневматическая винтовка. Мальчишки с соседней фермы.

— С какой? Какие мальчишки? Наверно, с фермы Рича? Да я их…

— Джеймс! Джеймс! В науке нет места для мести. Разве Дарвин мстил, когда его поднимали на смех?

— Нет, сэр.

— А Пастер?

— Н-нет, сэр.

— Ты будешь верен тому, чему я тебя учил?

— Я постараюсь, сэр, н-но эти проклятые мальчишки…

— Никакого гнева. Всегда рассудок, никакого гнева. И никакого хныканья. Мне нужна вся твоя смелость.

— Если только она у меня есть.

— Она у тебя есть. Я помню Джорджа. Теперь я хочу, чтобы ты занял мое место и продолжил преподавание.

— Профессор, да вы же сами…

— Насколько я понимаю, теперь ты разговариваешь с отцом. Научись у него как можно большему и передай все знания нам. Это мой приказ, Джеймс.

— Да, сэр. Но это будет нелегко.

— А ничто и никогда не бывает легко. А теперь я хочу попросить тебя о поступке, который потребует всей твоей смелости.

— Да, сэр?

— Я не хочу больше влачить такое существование. Это очень мучительно, а к тому же не имеет теперь никакого смысла.

— Профессор, может быть, мы сможем…

— Нет, нет, все это безнадежно. Не пропускай ты мои уроки анатомии в пору своего увлечения Полой, ты бы… — Профессор снова закашлялся, на этот раз еще более мучительно, и, немного отдышавшись, сказал: — Джеймс, положи всему этому конец, и чем скорее, тем лучше. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Джеймс был так потрясен, что только через какое-то время сумел пробормотать:

— С-сэр…

— Да. Я вижу, что ты понимаешь.

— Сэр, я н-не могу.

— Сможешь, сможешь.

— Но я даже не знаю, что нужно делать.

— Наука всегда находит решение.

— Вы хотя бы позвольте мне посоветоваться с…

— Ты ни с кем не будешь советоваться, ты никому ничего не скажешь.

— Вы оставляете меня с этой проблемой один на один.

— Да, именно так. Именно так мы и взрослеем.

— Сэр, я вынужден отказаться. Я не смогу себя заставить.

— Нет, тебе просто нужно время на размышление. Там внизу что, собрание?

— Да, сэр. Это я о нем попросил.

— Вот и иди туда. Перелай им мои лучшие пожелания. И поскорей возвращайся. Как можно скорее.

Профессор начал подергиваться и шелестеть сухой травой.

— А вы хоть ели что-нибудь, сэр? Я принесу вам поесть, и мы поговорим обо всем подробнее. Вы должны мне посоветовать.

— Любая зависимость пагубна, — сказал Белый Крыс. — Ты должен решиться самостоятельно.

Председатель буквально захлебывался потоками своего красноречия, но, когда Джеймс соскользнул по столбу с чердака и сел вместе со своими друзьями животными, ораторствующий быстренько свернул выступление и дал место мальчику.

Джеймс встал и обвел всех взглядом.

— Я хочу рассказать вам о *них,* — начал он спокойным и твердым голосом. — Я встречался с ними, я жил с ними и вроде бы начинаю их понимать. И всем нам нужно попытаться их понять. Среди них очень много убийц и разрушителей, все мы это знаем, но мы не знаем того, что новое племя их начинает восставать против убийств и разрушений. Они очень родственны нам. Они живут в полном мире и согласии с землей; то, что они у нее заимствуют, непременно возвращают, они не убивают и борются с теми, кто это делает. Но они молодые, слабые и очень немногочисленные, им нужна наша помощь. Мы должны им помочь. Мы должны! Но пока что мы не делаем ровно ничего. Мы прячемся от разрушителей и используем всю нашу сообразительность, чтобы их как-нибудь перехитрить. Мы просто пассивные жертвы. Теперь мы должны перейти к делу, стать активными борцами. Профессор будет далеко не в восторге, этот великий мыслитель все еще верит в разум и свет. Я, в общем-то, тоже, но я хотел бы приберечь разум и свет исключительно для тех, кто тоже руководствуется разумом и светом. Что же касается остальных — борьба, беспощадная борьба! Я слышал однажды, как отец

рассказывал интересную историю про Конфуция, мудреца, который жил много веков назад. Хотя Конфуций был одним из них, он в чем-то походил на нашего Профессора и был, как мне кажется, почти таким же мудрым. Один из учеников подошел к нему и сказал: «Учитель, на Западе появился новый мудрец по имени Христос. Он учит, что мы должны воздавать за зло добром. Что вы об этом думаете?» Конфуций подумал и ответил: «Нет. Если мы будем воздавать за зло добром, чем же мы будем воздавать за добро? За добро воздавать добром, а за зло — правосудием». Они подстрелили Профессора. — Голос Джеймса начал дрожать. — Вы все это знали, не надо меня обманывать. Они его подстрелили. И какое там «не в настроении». Он там, наверху, и ему очень больно. Они… Мы должны научиться бороться со злом. Хватит нам сипеть в тиши этого сарая. Закончив обучение, мы должны его покинуть, бродить по дорогам и учить. Идет беспощадная битва за то немногое, что осталось от нашей Земли. Вы все обязаны влиться в ряды борцов.

— Но как? — попытался остудить его Кроу.

— Завтра это станет предметом моего первого урока, — не задумываясь, ответил Джеймс. — А пока что, с разрешения глубокоуважаемого Пред-

седателя, я предлагаю объявить наше заседание законченным. Мне нужно присмотреть за Профессором.

— Выдвинуто предложение, — сказал Фазан — Кто-нибудь его поддерживает? Спасибо, мисс Плимутрок. Выдвинуто и поддержано, возражений не поступало. Собрание объявляется закрытым.

— Зуня, — сказал Джеймс, — подожди меня, пожалуйста, здесь. Мне будет нужна твоя помощь. Я вернусь очень скоро.

Джеймс подошел к ближайшей яблоне, стал собирать с земли паданки и швыряться ими куда попало. Его мать посмотрела в кухонное окно, увидела маленького мальчика, беззаботно предающегося своим утехам, и улыбнулась этой мирной картине.

Если я сделаю то, о чем просит Профессор, думал тем временем Джеймс, это будет убийство. Люди называют такое убийство убийством из милосердия, но отец говорит, что убийство остается убийством. Он говорит, что некоторые врачи делают это, намеренно забывая давать пациенту необходимые лекарства, и что это все равно убийство, и что он решительно против. Он говорит, что против этого религия, и, если вы так сделаете,

вы отправитесь в ад, что бы там ни понимать под этим словом. Он говорит, что жизнь священна.

Но Профессору больно. Он говорит, что ему очень больно и что надежды нет никакой. Я не хочу, чтобы он и дальше мучился. Я хотел бы, чтобы помучились мальчишки, которые его подстрелили, но уж никак не Профессор. Я могу принести Профессору немного молока и сделать так, чтобы он умер естественным образом, но это будет очень, очень долго. По отношению к нему это было бы нечестно. Поэтому… Хорошо, я отправлюсь в ад.

Джеймс Джеймс вернулся домой и, отчаянно шепелявя, попросил у матери маленькую чашечку теплого молока, чтобы продержаться до ужина. Получив молоко, он поднялся в свою комнату, поставил чашку на стол и осторожно пробрался в родительскую ванную. Там он вскарабкался на раковину, открыл аптечку, залезать в которую ему было строжайше запрещено, и взял с одной из полок маленький пузырек с наклейкой «Секонал», наполненный ярко-оранжевыми капсулами. Джеймс Джеймс вытряхнул из пузырька капсулу, спрятал ее в карман, вернул пузырек на место, закрыл аптечку и слез с раковины.

— Что это ты там воруешь? — лениво поинте-

ресовалась бурмесская принцесса.

— Лекарство, — сухо ответил Джеймс и вернулся в свою комнату.

Здесь он вскрыл капсулу, высыпал ее содержимое в молоко и тщательно размешал все пальцем.

— Господи, Джеймс, — заметила пришедшая следом за ним принцесса, — тебе бы следовало посадить свой юмор на диету. Что-то он становится тяжеловесным.

— Прости, принцесса, но мне сейчас не до шуток. Мне сейчас очень паршиво.

— Но почему? Что такое случилось?

— Я не могу сказать тебе этого, и никому не могу. Извини, но мне нужно идти.

Он отнес чашку с молоком в большой красный сарай, где его терпеливо дожидался Великий Зуня.

— Спасибо, — сказал Джеймс, — а теперь послушай. Мне нужно залезть на столб с этой чашкой, но мне такого ни за что не суметь. А ты справишься без труда. Поднимись наверх и постарайся не разлить молоко. Я буду ждать тебя наверху.

Они встретились на толстой балке, и Джеймс взял у Зуни чашку.

— Странный какой-то вкус у этого молока, —

заметил Зуня.

— Ты что, его пил?

— В общем-то, нет… только обмакнул кончик языка… ну, ты понимаешь. Любопытство. Оно, я бы сказал, обычно для нашего племени.

— Тогда ничего, прямо от сердца отлегло. Это лекарство для Профессора.

— Конечно. Скажи ему… скажи ему, чтобы скорее поправлялся.

— Скоро ему будет совсем хорошо, — обещал Джеймс.

Зуня сделал сальто и перепрыгнул на соседний пустой чердак, а Джеймс, осторожно пройдя по балке, постучал в кабинет Профессора.

— Сэр, это снова я.

— Войди, — прозвучало чуть слышно, и Джеймс сунул голову в щель.

Профессор мелко дрожал.

— Сэр, я принес вам немного подкрепиться. Теплое молоко. — Джеймс поставил чашку рядом с головой Профессора. — Выпейте, пожалуйста. Это придаст вам силы.

— Не могу.

— Ну сделайте это для меня, сэр. Все-таки я ваш лучший ученик. А потом обсудим то, о чем мы недавно говорили.

Джеймс подождал, когда Белый Крыс начнет пить, а затем чуть отодвинулся от щели, сел на балку и начал непринужденно тараторить, смахивая время от времени слезы с глаз.

— Ваше предложение, Профессор, поднимает интересную дилемму относительно отношений учителя и ученика. Позвольте мне рассказать вам о сумасшедшем учителе из нашей школы докторе Раппе и о моих с ним взаимоотношениях. Мне очень важно услышать ваше мнение. Как там молоко, сэр?

— Ужасное. Ты сказал «сумасшедший»?

— Но вы все равно его выпейте, для здоровья. Да, сумасшедший. Он психиатр, перегруженный излишним образованием и…

— Образование не бывает излишним.

— Для гениев вашего уровня, сэр, конечно же, не бывает, но у личностей помельче избыточное образование приводит к отчуждению от реальности. Вот это и случилось с доктором Раппом.

— Ты не мог бы быть поконкретнее? — спросил Белый Крыс сурово.

— Тогда, сэр, я попытаюсь объяснить на сравнении с вами лично. Вы всегда понимаете диапазон возможностей своих учеников и обращаетесь с ними соответственно. Доктор Рапп был на-

столько набит образованием, что никогда и не пытался понять нас, он просто втискивал нас в рамки классических примеров, приводимых в прочитанных им книгах.

— Хм. А что он кончал?

— Я боялся, что вы спросите об этом. Вам вряд ли понравится мой ответ, сэр. Абигайловский колледж.

— Как?

— Абигайловский колледж, сэр. Вы допили молоко?

— Да, и это было омерзительно.

— Но голос у вас звучит немного потверже.

— А где он, этот Абигайловский колледж?

— В штате, называемом Канзас.

— Хм. Пресноводный колледж. Мало удивительного.

Язык Профессора заметно заплетался. Джеймс схватился руками за голову и начал раскачиваться из стороны в сторону.

— А что бы ты сделал, если бы этот… этот Абигайл предложил тебе там учиться?

— О сэр, это нечестный вопрос. Доктор Рапп мне не нравится, и я его даже не уважаю. Я люблю вас.

— В науке… нет места для личных отношений.

— Конечно же нет, сэр. Надо всегда быть объективным. Вы нас этому всегда учили.

— Что’т в сон клонит… и еще… Джеймс… я про Зуню.

— Так что же про Зуню, сэр?

— Он тебе нравится?

— Очень нравится, сэр. Вам понравится его учить.

— Н-не… н-не дай ему… Ты же знаешь, он пришел к нам из Принстона… Не дай ему сманить тебя в Принстон. Обещаешь?

— Никогда и ни за что, сэр. Раттерс, и только Раттерс.

И долгое, долгое молчание. Сухая трава перестала шуршать. Джеймс сунул голову в кабинет. Рядом с Профессором стояла пустая чашка, а сам он мирно скончался. Джеймс взял его в руки, пронес по балке до столба и соскользнул вниз, держа маленькое тельце в одной руке. Найдя нужное место, он трижды громко топнул по полу и повторил этот сигнал три раза. В конце концов из подземных глубин показался Крот Кроу.

— Это ты, Джеймс?

— Дядюшка Кроу, пойдемте, пожалуйста, со мной. Мне нужна ваша помощь.

Кроу ковылял рядом с Джеймсом, близоруко

моргая на закатные сумерки.

— В чем дело, Джеймс? Неприятности?

— Профессор умер. Нам нужно его похоронить.

— Ну до чего жалко! Мы с ним так и не начали изучать астрономию. А где его тело?

— Да прямо здесь, у меня. — Джеймс подвел Кроу к солнечным часам, стоявшим посреди южной лужайки, — Покопайте здесь, дядюшка Кроу. Я хочу похоронить Профессора под постаментом.

— Нет ничего проще, — откликнулся Кроу.

Он быстро закопался в землю и исчез из виду. Время от времени из отверстия норы вылетали маленькие фонтанчики земли и песка. Через какое-то время Кроу снова появился.

— Все устроено. Уютная маленькая ниша прямо под центром постамента. Так где он сейчас?

Джеймс положил тельце рядом с норой. Кроу стал толкать его перед собой и снова исчез из виду. В конце концов из норы вылетел новый фонтан песка, и Кроу показался опять.

— Я его только присыпал, — сказал он извиняющимся тоном, — Нужно набить земли поплотнее. Ведь мы же не хотим, чтобы вмешались какие-нибудь грабители могил, верно?

— Конечно, — кивнул Джеймс. — Похорони его как можно надежнее.

Кроу закончил свою работу, пробормотал несколько слов сожаления и уковылял прочь. Джеймс долго еще стоял и смотрел на солнечные часы.

— Борец, — наконец сказал он и тоже пошел домой.

На потускневшей бронзовой пластине солнечных часов была вырезана строчка из бессмертного Томаса Генри Гекели[143]: «Великое завершение жизни это не знание, но действие».

[143] Примечания: 143

Томас Генри Гекели (1825–1895) — английский натуралист к литератор, дед писателя Олдоса Хаксли. *(Прим. перев.)*

ЧЕТЫРЕХЧАСОВАЯ ФУГА

© Перевод Г. Корчагина

К тому времени, когда случилась эта история, Северо-Восточный коридор[144] превратился в Северо-Восточные трущобы, раскинувшиеся от Канады до Каролин, а к западу достигавшие Питсбурга. Фантастические затхлые джунгли, где царило насилие, население не имело легальных средств к существованию и определенного места жительства, а налоговая инспекция, комитет по контролю за рождаемостью и прочие государственные службы давно оставили надежду выполнять свои задачи как положено. Гигантский уличный муравейник, карнавал жизни, всеми порицаемый — и всем доставляющий радость. Даже те немногие привилегированные счастливчики, кто мог бы жить в дорогих и безопасных Оазисах или вообще где угодно за пределами трущоб, вовсе не желали переселяться. Джунгли затягивали.

Каждый день здесь шла борьба за выживание.

---

[144] Примечания: 144
Трасса между Вашингтоном и Бостоном. *(Примеч. ред.)*

Проблем тысячи, но самая тяжелая — нехватка чистой воды. Питьевой почти не осталось, ее запасы давно израсходованы развитой промышленностью во имя светлого будущего. На крышах, разумеется, установлены резервуары для сбора дождевой влаги. Само собой, выручает и черный рынок. Но это практически все. Поэтому трущобы воняют. И похуже, чем двор королевы Елизаветы, имевший возможность мыться, но не видевший в этом смысла. Коридор не может себе позволить такой роскоши, как мытье, стирка, влажная уборка, поэтому его ядовитые миазмы легко учуять еще с моря, в десяти милях от берега. Добро пожаловать в Веселый коридор!

Теоретически обитатели побережья могли бы мыться соленой водой. На практике же это неосуществимо: десятилетиями попадавшая в море нефть копилась на пляжах и превратила их в Клондайк для компаний по переработке промышленных отходов. Эти территории раскуплены до последнего квадратного метра и защищены от посягательств вооруженной охраной и грозными надписями: «Частная собственность! Проход запрещен!» Реки и озера также обнесены проволокой под током. Сторожей и письменных запретов здесь нет, но имеются знаки: черепа

со скрещенными костями. Не поймете намека — тем хуже для вас.

Не следует питать иллюзий, будто все жители Коридора переживали из-за своего запаха, радостно перепрыгивая через гниющие на улицах трупы. Но все же озабоченных ситуацией хватало, и единственным спасением для них был парфюм. Предприятия, занимавшиеся его изготовлением, исчислялись десятками, однако бесспорным и недосягаемым лидером являлась «Континентал кэп компани». Эта компания уже лет двести не выпускала жестяные банки, перейдя на пластик, и по счастливой случайности давным-давно — с того времени прошло уже не меньше сотни собраний акционеров — заключила договоре некоей фирмой по изготовлению духов, который предусматривал поставку огромной партии пузырьков с неоновой подсветкой. Фирма разорилась, и ККК прибрала ее остатки к рукам, в надежде хоть частично возместить свои затраты. Поглощение это стало поистине спасительным для компании, когда пришло время парфюмерного бума. Перед ККК распахнулись ворота в самый прибыльный бизнес эпохи.

Но она бежала ноздря в ноздрю с конкурентами, пока в ее штате не оказался Блэйз Скайаки.

Только благодаря его стараниям компания стремительно ушла в отрыв.

Итак, Блэйз Скайаки. Происхождение: франко-японо-африкано-ирландское. Образование: бакалавр искусств (Принстон), магистр образования (Массачусетский технологический), доктор философии («Доу кемикал»). Кто-то из «Доу» тайком намекнул ККК, что Скайаки — перспективная лошадка, и судебная тяжба по нарушению корпоративной этики не закончилась до сих пор. Возраст: тридцать один год. Семейное положение: холост. Характер: прямой, открытый. Профессиональный уровень: гений.

Гениальным у Скайаки был нюх, благодаря которому в ККК его прозвали Нос. О парфюмерии он знал все. Продукты животного происхождения: серая амбра, бобровая струя, цибетин, мускус. Вытяжки из сока ароматических растений. Смолы деревьев и кустарников, бензоин, опопанакс, перуанский бальзам, толуанский бальзам, стиракс, мирра. Синтетические продукты, сочетающие природные и химические запахи, главным образом сложные эфиры и жирные кислоты.

ККК была обязана этому человеку наиболее популярными марками парфюма: «Вульва», «Смягчитель», «Ахала» (латинский вариант на-

звания бренда гораздо привлекательнее, чем «Подмышка»), «Препарат F», «Война языков» и тому подобное. Компания дорожила своей жемчужиной. Блэйз получал достаточно, чтобы жить в Оазисе, и, что важнее, не страдал от дефицита чистой воды. Любая девица из Коридора не могла устоять перед искушением принять душ с ним за компанию.

Но за такие блага приходилось очень дорого платить. В быту Блэйзу запрещалось пользоваться ароматным мылом, кремом для бритья, помадой для волос или депилятором. Пить ему дозволяли только дистиллированную воду. Есть — исключительно пресную пищу. Как вы догадываетесь, все это было необходимо для содержания Носа в чистоте: лишь незамутненное чутье способно творить чудеса в стерильной лаборатории. Вот уже пол года он бился над весьма перспективной мазью с рабочим названием «Корректум», но результаты не радовали, и задержка беспокоила совет директоров ККК. Гений Блэйза никогда еще столь долго не трудился над какой-либо задачкой.

И вот на собрании менеджеров высшего звена, чьи имена ради соблюдения корпоративной этики останутся тайной, раздались недоуменные

вопросы:

— Черт побери, что же с ним происходит?

— Притупилось хваленое чутье?

— Сколько можно топтаться на месте?

— Он переутомился? Он нуждается в отдыхе?

— В прошлом месяце он брал неделю отпуска.

— И чем занимался?

— Лопал все подряд, как он мне сказал.

— Может, дело как раз в этом?

— Он уверял, что перед возвращением к работе прошел очистительные процедуры.

— Думаете, он набивает себе цену?

— Какое там… Он даже не успевает тратить заработанное.

— А что, если к нему обратились наши конкуренты?

— Босс, это происходит регулярно, но он лишь смеется им в лицо.

— Тогда, наверное, тут что-то личное.

— Очень может быть.

— Женщины?

— Боже упаси! Уж эту проблему мы бы нипочем не упустили из виду.

— С родственниками нелады?

— Господин председатель, он сирота.

— Как насчет дополнительных стимулов? Ка-

рьерный рост? Прогрессивная оплата?

— Сэр, ему это предложили с самого начала, но он отказался. Он всего лишь хочет заниматься у себя в лаборатории тем, к чему душа лежит.

— Тогда почему же он не занимается как следует?

— Вероятно, какой-нибудь творческий кризис.

— Черт побери, что же с ним происходит?

— Вы это уже спрашивали в самом начале заседания.

— Не спрашивал!

— Спрашивали.

— Нет!

— Секретарь, включите воспроизведение записи!

— Джентльмены, джентльмены! Прошу вас, успокойтесь. Очевидно, у доктора Скайаки появилась проблема, блокирующая его гениальную творческую деятельность. Мы должны эту проблему устранить. Ваши предложения?

— Психиатрическое лечение?

— Это невозможно без добровольного содействия. Я сомневаюсь, что он согласится. Упрямый осел, чурка узкоглазая!

— Сенатор, попрошу вас! Использовать подобные выражения применительно к одному из

наших ценнейших активов…

— Господин председатель, прежде всего необходимо выявить причину недееспособности доктора Скайаки.

— Согласен. Что вы предлагаете?

— Для начала можно установить круглосуточное наблюдение. Фиксировать любые шаги, знакомства, связи узкоглазого чурки… виноват, нашего дорогого доктора.

— Кто за ним будет следить? Компания?

— Нет, это лишнее. Неизбежны утечки информации, чурка… доктор, чего доброго, обозлится на нас.

— Наружная слежка?

— Именно, сэр.

— Хорошо, согласен. Совещание закончено.

Раздосадованный человек из детективного агентства «Слежка и погоня» явился в головной офис ККК через месяц — с пустыми руками, если не считать счетов на оплату расходов.

— Господин председатель! Какого черта вы не предупредили, что объект — профи? Моим ищейкам такая дичь не по зубам.

— Минуточку! Что значит — профи?

— Блатной.

— Что?

— Блатной. Бандюган. Головорез. Жулик.

— Это доктор Скайаки жулик? Абсурд.

— Господин председатель, давайте сделаем так: я излагаю факты, а вы сами делаете выводы. Годится?

— Валяйте.

— Каждый день я приставлял к Скайаки двух топтунов. Его сопровождали до вашего заведения и обратно. Вечером он возвращался домой. Ночью мои люди дежурили посменно. Каждый вечер он заказывал ужин в «Органическом питомнике». Детективы проверяли посыльных — все в порядке. Проверяли еду: иногда заказ был на одного, иногда на двоих. Проверяли кое-кого из девочек, бывавших в его пентхаусе. Все чисто. Вроде комар носа не подточит, верно?

— Ну и?..

— Облом. Пару раз в неделю он вечером покидал свой дом и направлялся в город. Выходил около полуночи, а возвращался не раньше четырех.

— И куда же он ходил?

— Неизвестно! Потому что он профессионально отделывался от «хвоста». В Коридоре как рыба в воде: шастает по улицам, точно шлюха или гомик, знает все закоулки, и мои люди всегда его теряли. Нет, господин председатель, я вовсе не

переоцениваю его достоинств. Ловкий, быстрый, хитрый. Настоящий профи.

— Выходит, вы понятия не имеете о том, чем он занимался и с кем встречался от полуночи до четырех?

— Да, сэр. У нас ничего нет, а у вас проблема. Больше это не наше дело.

— Благодарю. Вопреки распространенному мнению, в корпорации идиотов не держат. ККК понимает: отрицательный результат — тоже результат. Вы получите возмещение расходов и сверх того оговоренную сумму.

— Господин председатель, я…

— Не возражайте. Вы хорошо поработали, исключая лишь эти недостающие четыре часа. Правильно сказано: теперь это наша проблема.

ККК привлекла к сотрудничеству Салема Берна. Мистер Берн не считал себя ни терапевтом, ни тем более психиатром, наотрез отказываясь иметь какое-либо отношение к этой, как он выражался, «пене врачебной профессии». Он был знахарем. Или, точнее, колдуном. Но его феноменально глубокий анализ неуравновешенной психики основывался не столько на пентаграммах, заклинаниях, курениях снадобий и тому подобной магии, сколько на редкостной восприимчивости

к языку жестов и умении его толковать. Возможно, это и было своего рода волшебством.

С улыбкой победителя мистер Берн вошел в идеально чистую лабораторию доктора Скайаки и был встречен негодующим воплем:

— Я же вас предупреждал насчет абсолютной стерильности!

— Доктор, я чист, клянусь!

— Как бы не так! От вас несет анисом, иланг-илангом и метилантранилатом. Все, пропал рабочий день!

— Доктор Скайаки, уверяю вас… — промямлил Салем Берн, но тут же сообразил: — Вот оно что! Утром после душа я вытерся полотенцем жены.

Скайаки рассмеялся и включил на полную мощность вентиляторы.

— Понятно. Ох уж эти жены. Ладно, пустяки. Давайте поговорим. Лучше это сделать у меня в кабинете, он в полумиле отсюда.

Они добрались до пустого кабинета, расположились в креслах и взглянули друг на друга. Мистер Берн увидел перед собой симпатичного молодого человека с короткой стрижкой, маленькими, но выразительными ушами, выступающими скулами, узкими глазами, за которыми требовалось следить с особым вниманием, и изящными

руками, способными, вероятно, выдавать самые сокровенные тайны.

— Итак, мистер Берн, чем я могу вам помочь? — произнес Скайаки, а его руки сказали: «Ну, какого черта ты явился мне докучать?»

— Доктор Скайаки, мы с вами в определенном смысле коллеги. Я профессиональный знахарь, и мне приходится жечь разнообразные благовония. Но все это вполне обычные вещества. Возможно, вы, как специалист, подскажете, с чем еще я мог бы поэкспериментировать.

— Понятно. Интересная задача. Вы жжете етаку, оних, галбан и ладан… Правильно?

— Да. Всем известные курения.

— Очень интересно. Конечно, я могу предложить кое-что новое для опытов, однако… — Скайаки замолк и уставился в пустоту.

Затянувшуюся паузу нарушил колдун:

— Доктор, в чем дело?

— Послушайте, — выпалил Скайаки, — вы явно зашли в тупик. Курение благовоний — путь старый и исхоженный вдоль и поперек, и вы, перебирая новые запахи, свою проблему не решите. Почему бы вам не испробовать принципиально иной подход?

— И что же вы предлагаете?

— Принцип аромафонии.

— Аромафония?

— Да. Существует шкала измерения звуков, это известно всем. Но есть и шкала для запахов. Резкие запахи сравнимы с высокими нотами, тяжелые запахи — с нотами низкими. Я могу составить для вас шкалу ароматов, октавы, пожалуй, на две. А уж писать на ее основе музыку будете вы сами.

— Доктор Скайаки! Я восхищен. Блестящая идея!

— Вы правда так думаете? — просиял Скайаки. — Но справедливости ради я должен признать ваше соавторство. Идея не возникла бы, если бы вы не бросили вызов моей изобретательности.

На этой дружеской ноте между ними завязался оживленный деловой разговор. Они вместе пообедали, рассказали друг другу о своих заботах и увлечениях и запланировали несколько магических экспериментов, в которых Скайаки пожелал участвовать вопреки своему неверию в черную магию.

— Ирония заключается в том, что на самом деле он одержим дьяволом, — позже сообщил Салем Берн совету компании.

У председателя в голове это не укладывалось.

— Психиатры и маги называют одно и то же явление разными словами, — пояснил Берн. — Так что я, пожалуй, переведу с привычного для меня языка на язык медицинской науки. Эти неизвестные четыре часа — не что иное, как фуга.

Председатель опять ничего не понял.

— Мистер Берн, вы имеете в виду музыкальный термин?

— Нет, сэр. В психиатрии фугой называется особая форма сомнамбулизма.

— Блэйз Скайаки — лунатик?

— Не совсем, сэр. Хождение во сне — довольно простая вещь. Лунатик не контактирует с тем, что его окружает. Можете с ним говорить, можете кричать на него, звать по имени — он останется совершенно невосприимчивым.

— А в фуге?..

— Субъект воспринимает свое окружение. Он способен с вами разговаривать. Сознание не выключено, память фиксирует происходящее, но сам он при этом является совершенно иной личностью. И, что очень важно, сэр, по возвращении в нормальное состояние он ничего не вспомнит.

— Вы полагаете, два-три раза в неделю на доктора Скайаки находит эта фуга?

— Таков мой диагноз, сэр.

— И он не может рассказать нам о том, что происходит за это время?

— Не может, сэр.

— А вы?

— Боюсь, что нет. Мои возможности небезграничны.

— У вас есть догадки, почему это с ним происходит?

— Только одна версия: он находится под чужим управлением. В нашем профессиональном жаргоне есть выражение «одержим бесом». Психиатр назовет это компульсивностью или навязчивой идеей. Суть не в терминах. Важен факт: какая-то сила вытаскивает его по ночам из дому и заставляет что-то делать… Что? Я этого не знаю. Я знаю только одно: очевидно, именно эта бесовская сила мешает его творческой деятельности.

Непростая это затея — встретиться с Гретчен Нанн, даже если вы представляете ККК, общее количество простых акций которой увеличилось в двадцать пять раз. Чтобы очутиться в святая святых мисс Нанн, необходимо преодолеть глубоко эшелонированную оборону. Дело это крайне долгое, хлопотное и утомительное, требующее частой беготни курьеров между офисами. Так что вполне понятно, почему председатель был

изрядно на взводе, когда наконец получил разрешение явиться в мастерскую мисс Нанн, набитую книгами и аппаратурой для разнообразных исследований.

Гретчен Нанн творила чудеса. Не в том смысле, что ее бизнес был связан со сверхъестественными и аномальными явлениями либо с потусторонними силами. Скорее, сверхъестественным или аномальным можно назвать ее восприимчивость и умение манипулировать реальными вещами. Она в любой ситуации добивалась для отчаявшихся клиентов невозможного и получала за это такие огромные гонорары, что всерьез подумывала о создании большой компании.

Естественно, председатель воображал себе мисс Нанн этаким Мерлином, пребывающим в наркотическом трансе. Каково же было его изумление, когда он увидел перед собой восхитительную принцессу племени ватуси[145] — облаченную в красное, высокую и стройную, с бархатистой черной кожей, орлиным носом и большими черными глазами.

Мисс Нанн ослепила его белозубой улыбкой, указала на стул, расположилась напротив и

---

[145] Примечания: 145
Племя скотоводов, живущее в Африке. *(Примеч. ред.)*

сказала:

— Мой гонорар — сто тысяч долларов. Вам это по карману?

— Да. Я согласен.

— А проблема ваша того стоит?

— Стоит.

— Значит, мы друг друга поняли. Что тебе, Алекс?

— Извините за беспокойство, — ответил упругой поступью вошедший в мастерскую молодой секретарь, — Леклерк хочет знать, как удалось установить, что плесень — внеземного происхождения.

Мисс Нанн раздраженно прищелкнула языком:

— Ему же известно: никаких объяснений я не даю. Только результаты.

— Да. Но он все равно настаивает.

— Он заплатил?

— Заплатил.

— Так и быть, сделаю для него исключение. Передай, что мой вывод основывается на наличии не только левовращающих, но и правовращающих аминокислот. Надо нанять толкового экзобиолога, и пусть он пляшет от этой печки. О потраченных деньгах жалеть не придется.

— Спасибо.

Когда секретарь удалился, Гретчен повернулась к председателю.

— Слышали? Я выдаю только результат.

— Согласен, мисс Нанн.

— А теперь излагайте свою проблему. Но учтите, я еще не приняла заказ. Это понятно?

— Да, мисс Нанн.

— Рассказывайте. Все до конца. Поток сознания тоже годится.

Через час она одарила посетителя еще одной сияющей улыбкой и сказала:

— Благодарю. Это действительно уникальный случай. Мне давно хотелось чего-то новенького. Если вы не передумали, заключаем контракт.

— Согласен, мисс Нанн. Желаете задаток или аванс?

— От компании с такой репутацией? Лишнее.

— А как насчет оплаты издержек?

— Она входит в гонорар.

— Но если вдруг вам придется… если потребуется…

Мисс Нанн рассмеялась:

— Сама справлюсь. Я никогда не даю объяснений, не раскрываю свои методы. Поэтому и денег за это не беру. Не забудьте, с вас отчет «Слежки

и погони».

Через неделю Гретчен Нанн совершила из ряда вон выходящий поступок: сама посетила клиента. Она явилась в ККК прямо в кабинет председателя.

— Сэр, предлагаю вам расторгнуть контракт, пока не поздно.

— Расторгнуть? Но почему?

— Потому что дело гораздо серьезнее, чем вы себе представляете.

— Я прошу вас объяснить!

— Вам недостаточно моего слова?

— Нет. Я должен знать все.

Мисс Нанн упрямо поджала губы, но через несколько секунд вздохнула:

— Ладно. Поскольку это необычный случай, я нарушу свое правило. Вот, сэр, взгляните. — Она раскатала на столе карту части Коридора. В центре карты была изображена звезда.

— Резиденция Скайаки, — пояснила мисс Нанн.

Звезду окружало широкое кольцо.

— Пределы, которых может достигнуть мужчина за два часа ходьбы.

Круг был прорезан извилистыми линиями, начинающимися от звезды.

— Схема составлена по докладу «Слежки и погони». Кривые — маршруты прогулок Скайаки, зафиксированные детективами.

— Мисс Нанн, все это очень интересно, но я не вижу тут ничего выдающегося.

— А вы приглядитесь к маршрутам.

— Ну… каждый заканчивается красным крестиком.

— А что возле крестика?

— Ничего… Хотя… какие-то черточки и точки…

— Это оно и есть… выдающееся.

— Мисс Нанн, я не понимаю…

— Объясню. Каждый крест — место убийства. Пунктиром и точками отмечены перемещения и местонахождения жертвы непосредственно перед ее гибелью.

— Убийство?!

— Полиция проследила действия жертв в этих местах, насколько ей это удалось. И в этих же местах «Слежка и погоня» теряла Скайаки. Даты совпадают. Ваш вывод?

— Совпадение, не иначе! — вскричал председатель. — Наш сотрудник — умный, обаятельный молодой человек. Убийца? Исключено!

— Хотите получить фактические данные?

— Не хочу! Мне нужна правда. Подтвержден-

ная нормальными доказательствами, без этих крестов, пунктиров и точек, от них только голова кругом.

— Хорошо, мистер председатель. Будут вам доказательства.

Гретчен Нанн арендовала на неделю место профессионального нищего возле Оазиса Скайаки. Безрезультатно. Она позвала ансамбль «Возрождение» и вместе с ним пела гимны у ворот особняка. Безуспешно. Наконец она устроилась на работу в «Органический питомник», и только после этого контакт состоялся. Первые три обеда мисс Нанн доставила в пентхаус незамеченной — Скайаки был увлечен девицами, очищенными от грязи и излучавшим и благодарность. Когда она явилась в четвертый раз, Нос обратил на нее внимание.

— Эй! — воскликнул он. — И с каких это пор?

— Вы о чем, сэр?

— С каких это пор еду из «Питомника» разносят девушки, а не парни?

— Я — доставщик, сэр, — ответила мисс Нанн с достоинством. — В «Органическом питомнике» работаю с первого числа этого месяца.

— Давай-ка без сэров.

— Спасибо, с… доктор Скайаки.

— Откуда тебе известно о моей докторской степени?

Гретчен допустила оплошность. В Оазисе и «Питомнике» он числился как Б. Скайаки, и забывать об этом не следовало. Но прославленная изобретательность не отказала мисс Нанн и на этот раз.

— Сэр, мне о вас известно все. Доктор Блэйз Скайаки, Принстон, МТИ, «Доу кемикал». Главный химик-парфюмер в ККК.

— Просто не женщина, а справочник «Кто есть кто».

— В нем-то я и прочла о вас, доктор Скайаки.

— Подумать только! Но зачем тебе это понадобилось?

— Потому что я впервые в жизни встречаю знаменитость.

— Это я-то знаменитость? С чего ты взяла?

Она повела рукой вокруг:

— Надо быть известным человеком, чтобы так жить.

— Очень лестно. Как тебя зовут, красотка?

— Гретчен.

— А фамилия?

— У людей моего класса фамилий не бывает.

— Гретчен, а завтра ты будешь разносить зака-

зы вип-персонам?

— Завтра, доктор, у меня выходной.

— Отлично. Закажи нам обед на двоих.

Так завязались их отношения, и вскоре Гретчен, к великому своему изумлению, поняла, что ей это нравится. Доктор Скайаки оказался и впрямь очень умным, к тому же всегда был уверен в себе и щедр. В благодарность он подарил ей одну из самых ценных своих вещей — пятикаратовый бриллиант, который сам же и синтезировал в «Доу кемикал». Она ответила в том же духе: вставила камень в пупок и пообещала, что никто, кроме Блэйза, его не увидит.

Конечно, при каждом визите к нему мисс Нанн приходилось мыться — это вызывало досаду, поскольку воды в ее потребительскую корзину вмещалось, пожалуй, побольше, чем мог себе позволить доктор. Но что поделаешь, надо было подчиняться его требованиям. Зато она смогла уволиться из «Органического питомника» и заняться другими заказами, кроме «дела Скайаки».

Из пентхауса Гретчен всегда уходила примерно в одиннадцать тридцать вечера и до часа ночи поджидала снаружи. И вот наконец это случилось: химик-парфюмер покинул Оазис. Помня отчет Салема Берна, мисс Нанн догадывалась, что

будет дальше. Быстро догнав Блэйза, она возбужденно затараторила:

— Маста! Маста![146] Подожди!

— В чем дело, дитя мое? — Он остановился и обратил на нее ласковый, но не узнающий взгляд.

— Нам по пути вроде. Можно, я рядом пойду, а то одной страшно?

— Ну конечно, крошка.

— Спасибо, маета! Мне домой надо. Ты ведь тоже домой идешь?

— Гм… не совсем.

— А куда, если не домой? Ты ведь ничего плохого не задумал? А то мне лишние неприятности не нужны.

— Ничего плохого, детка. Не волнуйся.

— Тогда почему среди ночи бродишь?

— Просто слежу, — Блэйз заговорщицки улыбнулся.

— За кем?

— Не за кем, а за чем.

— За чем?

— Э, да ты любознательная малютка. Как тебя зовут?

— Гретчен. А тебя?

---

[146] Примечания: 146
Искаженное «мистер». (Примеч. ред.)

— Меня? Зови меня мистер Жажда. — Через несколько секунд он сообщил: — Вот здесь мне надо повернуть налево.

— Годится, маста Жажда. Мне тоже налево.

Гретчен заметила, как обострились все его чувства, и умерила свою болтовню до необременительного звукового фона. Их путь сворачивал, петлял, порой менял направление на противоположное. Улицы, переулки, проспекты и пустыри… То и дело мисс Нанн уверяла спутника, что эта дорога обязательно приведет ее к дому. Возле опасной на вид свалки Блэйз по-отечески шлепнул се по попке и велел подождать, пока он выяснит, можно ли здесь пройти. Он выяснил, после чего исчез и больше не появлялся.

— Этот эксперимент я повторила шестикратно, — так доложила мисс Нанн правлению ККК, — и результат оказался очень важным. Каждый раз Скайаки, сам о том не догадываясь, выдавал новую крупицу информации. Берн был прав. Это фуга.

— Мисс Нанн, но в чем же причина?

— Феромонный след.

— Что?

— Джентльмены, я полагаю, людям, занятым в химической промышленности, должен быть

известен этот термин. Но на всякий случай объясню. Это потребует времени, так что настоятельно прошу не задавать вопросов об индуктивных и дедуктивных методах, которые позволили мне прийти к такому заключению. Это понятно?

— Мы согласны, мисс Нанн.

— Благодарю, мистер председатель. Уверена, всем вам известно о существовании гормонов. Название произошло от греческого «гормао», что означает «приводить в движение, возбуждать». Это продукты внутренней секреции, побуждающие к действию разные части тела. Феромоны — продукты внешней секреции, побуждающие к действию других существ. Своего рода немой химический язык. Самый лучший пример действия языка феромонов можно наблюдать у муравьев. Положите кусок сахара невдалеке от муравейника, вскоре на него набредет муравей-фуражир, распробует и вернется домой. Через час вся колония вытянется в одну цепочку по направлению к сахару, идя по феромонному следу, оставленному первооткрывателем. Для муравьев это неосознаваемый и неодолимый стимул.

— Любопытно. Но что же доктор Скайаки?

— Он идет по феромонным следам, оставляемым людьми. Подчиняясь мощному стимулу, он

погружается в фугу и выходит из дому.

— Вот оно что! Чудачество как раз в духе нашего Носа. Что ж, мисс Нанн, это похоже на правду. В самом деле, похоже. Но что же это за след, который так его манит?

— Жажда смерти.

— Мисс Нанн!

— Вам наверняка известен этот аспект человеческой психики. Многие люди страдают бессознательной, но сильной тягой к смерти, особенно в наши нелегкие времена. Очевидно, они оставляют феромонный след, и доктор Скайаки, обнаруживая его, идет до конца.

— А что в конце?

— Очевидно, он утоляет чужую жажду.

— Очевидно! Очевидно! — вскричал председатель. — Попрошу привести неопровержимые доказательства столь чудовищного обвинения!

— Сэр, не спешите. Я все еще занимаюсь проблемой Блэйза Скайаки. Надо кое в чем разобраться, и боюсь, в итоге он будет глубоко потрясен. Но доказательства вы получите.

Это была полуправда, произнесенная устами наполовину влюбленной женщины. Профессиональный долг требовал от нее и дальше встречаться с Блэйзом, но в ее мотивациях царил

полный сумбур. Зачем ей нужны эти свидания? Убедиться, что она по-настоящему любит его, вопреки открывшимся фактам? Выяснить, любит ли он? Рассказать о себе правду? Предостеречь, спасти, бежать вместе с ним? Или хладнокровно выполнить условия договора? Гретчен запуталась в противоречиях. И уж конечно, она не предвидела, что и ее саму ждет глубокое потрясение.

— Ты родилась слепой? — прошептал он в ту ночь.

Гретчен резко села на кровати.

— Что? Слепой? Ты о чем?

— Ответь.

— У меня отроду отменное зрение.

— Ну да, милая. Стало быть, ты не знаешь. Я это подозревал.

— Блэйз, я и вправду не знаю, о чем ты говоришь.

— Ты незрячая, — спокойно проговорил доктор Скайаки, — Но не догадываешься об этом, так как природа компенсировала твою слепоту фантастической способностью. У тебя экстрасенсорная восприимчивость к чувствам других людей. Ты видишь их глазами. Может быть, ты даже глухая, но слышишь чужими ушами. Осязаешь чужой

кожей. Надо будет как-нибудь выбрать время и заняться изучением этого.

— В жизни не слыхала подобной чепухи! — рассердилась она.

— Гретчен, если хочешь, я докажу.

— Давай, Блэйз! Соверши невозможное.

— Перейдем в другую комнату.

В гостиной он указал на вазу:

— Какого она цвета?

— Коричневого, разумеется.

— А он?

— Гобелен? Серый.

— Лампа?

— Черная.

— Что и требовалось доказать, — заключил Скайаки, — Я тебе продемонстрировал.

— Что продемонстрировал?

— Что ты видишь моими глазами.

— Откуда такая уверенность?

— Очень просто, я дальтоник. Потому-то и догадался о твоей способности.

— Что?

Блэйз заключил женщину в объятия, чтобы унять ее дрожь.

— Милая Гретчен, ваза зеленая. Гобелен — янтарь с золотом. Лампа малиновая. Я не различаю

цвета, но запомнил это со слов дизайнера. Почему ты испугалась? Да, ты слепа, но зато твой дар куда чудеснее обычного зрения. Ты видишь глазами мира. Я готов в любой момент поменяться с тобой местами.

— Не может этого быть! — вскричала она.

— Дорогая, я говорю правду.

— А когда я в одиночестве?

— Какое одиночество! Это же Коридор, детка. Разве здесь можно хоть на миг остаться одной?

Гретчен накинула на себя простыню и выбежала из пентхауса. Истерически рыдая, наполовину обезумев от ужаса, она неслась к своему Оазису и видела по сторонам знакомые цвета: красный, оранжевый, желтый, зеленый, индиго, синий, фиолетовый… Но повсюду в лабиринте Коридора кишели люди. Днем и ночью кто-нибудь обязательно находился рядом с ней.

Добравшись до своего Оазиса, мисс Нанн решилась на эксперимент. Распустила по домам всю прислугу со строжайшим наказом не возвращаться до утра. Стоя у дверей, она сосчитала выходящих, видя на лицах обиду и недоумение. Потом хлопнула дверью и огляделась. Никого. Но она по-прежнему могла видеть.

— Вот же сукин сын! — ругалась она, в ярости

мечась по комнатам и коридорам, — Подлый враль!

По крайней мере, одно доказательство Гретчен получила — доказательство простой истины, что профессиональные отношения не должны переходить в личные. Тебя предадут, уничтожат, выставят на посмешище. Но, черт побери, зачем Блэйзу понадобился такой жестокий розыгрыш?

Тут она во что-то врезалась и отшатнулась. Восстановила равновесие и посмотрела, на что же ее угораздило налететь.

Клавесин.

— Но… но ведь у меня нет клавесина, — прошептала она в крайнем изумлении.

Мисс Нанн двинулась вперед, чтобы дотронуться до музыкального инструмента и убедиться в реальности своего мира. И наткнулась на препятствие. Схватилась, ощупала. Спинка дивана. Она в страхе завертела головой. Это не ее комната! Нет таких вещей в ее доме! Клавесин. Рисунки Брейгеля на стенах. Мебель в стиле эпохи Якова I. Раздвижные двери. Гардины, вышитые гладью.

— Так ведь это… это внизу! Апартаменты «Раксон»! Я вижу глазами тех, кто там находится. Значит… он прав. Я…

Гретчен закрыла глаза. И увидела калейдоскоп

из комнат, улиц, толп, событий…

К подобному она давно привыкла, считая эти «киномонтажи» случайным воспроизведением зрительных образов, шутками памяти — а память, самая важная из ее необычных способностей, была главной причиной ее успехов. Так Гретчен думала раньше. Но теперь ей открылась правда.

Она снова заплакала. На ощупь обошла диван, села. Когда отчаяние наконец притупилось, Гретчен вытерла слезы и решила поглядеть реальности в лицо. Ведь она не из робкого десятка.

Но тут мисс Нанн открыла глаза — и словно бомба взорвалась в ее сознании. Она увидела знакомую комнату в серых тонах. Увидела стоящего в дверном проеме Блэйза Скайаки. Он улыбался.

— Блэйз? — прошептала она.

— Дорогая, меня зовут Жажда. Мистер Жажда. А тебя?

— Блэйз! Ради бога! Почему ты пришел ко мне? Я не оставляла следов.

— Как тебя зовут, девочка? Мы разве знакомы?

— Гретчен! — воскликнула она. — Я Гретчен Нанн, и я не хочу умирать.

— А, ночная попутчица. Давно не виделись.

У него был стеклянный голос, стеклянный

взгляд, стеклянная улыбка мистера Жажды. Он сделал два шага к женщине. Гретчен вскочила и перебежала за диван.

— Блэйз, выслушай меня! Ты не мистер Жажда. Нет никакого мистера Жажды. Ты доктор Блэйз Скайаки, знаменитый ученый. Ведущий химик в ККК, создатель прекрасных духов.

Мужчина опять шагнул вперед, сматывая с шеи шарф.

— Блэйз, я Гретчен. Мы были любовниками два месяца. Ты не мог этого забыть. Постарайся вспомнить. Сегодня вечером ты сказал мне про глаза… про мою слепоту. Хоть это ты помнишь?

Он улыбнулся и скрутил шарф в жгут.

— Блэйз, ты одержим, это фуга! Помутнение рассудка! Изменение психики! Ты сейчас ненастоящий! Ты — другое существо, ведомое феромонами. Но я не оставляла феромонный след. Я просто не могла этого сделать! Потому что никогда не хотела умереть.

— Хотела, милочка, хотела. А я рад исполнить твое желание. Утолить жажду. Потому-то я и зовусь мистером Жаждой.

С визгом загнанной в угол крысы она металась по комнате, уворачиваясь от близкой смерти. Обманное движение в сторону, тут же стремитель-

ный бросок в другую — и вот он, спасительный шанс выскочить за дверь, опередив маньяка. Но на ее пути плечом к плечу встали трое ухмыляющихся громил с сильными и цепкими руками.

Мистер Жажда тоже оставлял феромонный след. След убийцы.

— Опять вы! — засопел мистер Жажда.

— Привет, старина. Сегодня попалась красотка, хе-хе?

— Вдобавок не бедная. Оцените угощение.

— Хорошая работа. Будем это считать компенсацией за трех последних, они-то оказались нищими. Спасибо, приятель. А теперь двигай восвояси.

— Ну почему мне нельзя прикончить хоть одного? — капризно воскликнул мистер Жажда.

— Ну, ну… Не упрямься. Должны же мы беречь своего охотничьего пса. Ты находишь добычу, мы идем по твоему следу и делаем остальное.

— И получается, ты чист перед законом, — хихикнул один из головорезов.

— Ступай домой, дружок. Остальное — наши проблемы. И не спорь. Тебе ведь уже объяснили расклад. Мы знаем, кто ты, а вот тебе о нас ничего не известно.

— Мне известно, кто я, — важно проговорил

«охотничий пес». — Я мистер Жажда. И считаю, что я вправе убить хотя бы одного человека.

— Ладно, ладно. В другой раз. Обещаем. А теперь чеши отсюда!

Когда мистер Жажда неохотно двинулся к выходу, бандиты сорвали с мисс Нанн одежду и дружно воскликнули: «Ух ты!» — обнаружив у нее в пупке пятикаратовый бриллиант. Мистер Жажда обернулся и тоже обратил внимание на блеск.

— Но ведь это мое, — растерянно проговорил он, — Только для моих глаз. Гретчен обещала, что никому…

Внезапно Блэйз Скайаки перешел на тон человека, привыкшего распоряжаться:

— Гретчен, какого черта? Почему ты в таком виде? Где мы? Кто эти подонки? Что тут происходит?

Когда на место происшествия прибыли полицейские, они обнаружили три трупа и Гретчен Нанн, спокойно сидящую на диване с лазерным пистолетом на коленях. Она изложила вполне убедительную версию незаконного вторжения в ее жилище с целью вооруженного грабежа и изнасилования, каковые намерения нельзя было пресечь иным способом, кроме стрельбы

на поражение. При мертвецах не было найдено оружия, но ведь если преступники заявили мисс Гретчен, что располагают таковым, у нее не было причины в этом сомневаться. На их телах остались следы побоев — эка невидаль, бандиты народ драчливый. Мисс Нанн заслужила похвалу за храбрость и содействие полиции.

Сдав председателю последний отчет (содержавший неправду, только неправду, и ничего, кроме неправды), мисс Наин забрала чек и направила свои стопы прямиком в парфюмерную лабораторию, куда вошла без предупреждения. Доктор Скайаки вершил свои странные и загадочные ритуалы в окружении пипеток, пробирок и пузырьков с реактивами. Не оборачиваясь, он закричал:

— Вон! Вон! Вон!

— Доброе утро, доктор Скайаки.

Он обернулся, демонстрируя кровоподтеки на лице, блеснул черными глазами и произнес с улыбкой:

— Так-так-так. Знаменитая Гретчен Нанн, я полагаю? Три раза подряд избираемая персоной года?

— Нет, сэр. У людей моего класса фамилий не бывает.

— Давай-ка без сэров!

— Хорошо… мистер Жажда.

— Умаляю, — поморщился Блэйз, — не напоминай о моем дурацком умопомрачении. Как прошла встреча с председателем?

— Я его обманула. Ты снят с крючка.

— Возможно, но не со своего собственного. Утром я всерьез думал о самоубийстве.

— И что тебя остановило?

— Видишь ли… синтез духов пачулей такая увлекательная штука!

Гретчен рассмеялась.

— Не беспокойся, ты в безопасности.

— В смысле, выздоровел?

— Нет, Блэйз. Это невозможно, так же как и для меня невозможно вылечиться от слепоты. Но мы оба в безопасности, поскольку знаем о своих недугах. И сможем держать их в узде.

Доктор Скайаки кивнул медленно и невесело.

— Какие планы на сегодня? — бодро спросила Гретчен, — Война с пачулями до победного конца?

— Нет, — мрачно ответил он, — Я все еще не оправился от шока. Пожалуй, надо отдохнуть.

— Отлично. Закажи нам обед на двоих.

ДЬЯВОЛ БЕЗ ОЧКОВ

© Перевод Г. Корчагина

Сон — как репетиция смерти; каждому человеку суждено умереть, и каждый познает во сне вкус смерти, пробует на язык ее горькую крупицу.

Усталый, ты ложишься ночью спать, расслабляешься и удобнее пристраиваешь голову на подушке; ты даже рад получить свою порцию смерти, зная, что обязательно наступит пробуждение. Успеваешь подумать напоследок о каких-нибудь пустяках, перебрать в памяти события дня минувшего, а затем…

В закрытых глазах зажигаются странные огни и кружатся в привычном танце, и ты, пытаясь за ними уследить, не замечаешь, как переступаешь черту и проваливаешься в дремотную анестезию. А затем и вовсе засыпаешь. Есть гипотеза, что сон — это инструмент природы для очистки мозга от лишней информации, для подготовки его к суматохе и стрессам нового дня.

Помимо кружащихся огней к тебе приходят звуки. Существует пространство, вовсе не пустое, напротив, кишащее атомными и субатомны-

ми частицами. И что еще труднее постичь, их на самом деле два — аверсное и реверсное, как стороны монеты. Одно пространство испускает непривычные твоему уху звуки. Там обитает некая сущность, зовущая себя Старр, и голос ее прерывист, искажен.

— Чарлз… Чарлз Грэнвилл… — Слова едва уловимы, — …Помехи из реверса, прошу усилить передачу.

Смутный рисунок искажается и тут же восстанавливается.

— Грэнвилл? Чарлз Грэнвилл, ты меня слышишь? — Возникает пауза, и сущность по имени Старр обращается к кому-то другому: — Неужели нельзя сделать так, чтобы он услышал?

— Не отвечает?

— Нет. Грэнвилл — редкий тип, из тех, кто не может с легкостью принять чью-либо сторону. Потому что не верит в реальность, существующую независимо от его представлений о ней. Вот и застрял между аверсом и реверсом.

— Ну и пусть там остается, нам-то какая забота?

— Наша забота — спящая вот уже тридцать лет маниакальная энергия, затаенная в глубине его разума могучая сила. Когда она о себе заявит, а

это рано или поздно случится, Грэнвилл начнет агитацию. Но неизвестно, за нашу аверсную вселенную или против. Необходимо его завербовать.

— Грэнвилл, ты должен выслушать нас. Выслушать и поступить согласно указаниям. Ты уникален тем, что не подозреваешь о своих скрытых возможностях.

В лабиринте сна Чарлз Г рэнвилл равнодушно внемлет стучащимся в его мозг голосам.

— Прошу прощения. Это в высшей степени странно. Кто это там упомянул мое имя? Я Грэнвилл. Доктор Чарлз Грэнвилл. — Он смеется внезапно родившейся во сне глупой шутке: — Доктор Грэнвилл, пройдите в хирургию для диагностики двухголового пациента.

Старр настойчив:

— Грэнвилл, нельзя болтаться между двумя пространствами. Иди к нам, в аверсную вселенную.

В зыбкую мглу, в клубящийся туман, звучащий точно электрические помехи, пробивается чей-то шаг, голоса зовут, рождая живое эхо, рисуя символы, простые и понятные, как дорожные знаки. Это шипучая электрическая пена, и в ней плавает золотая рыбка, зовущая по имени.

«Но как рыбы могут говорить? — размышляет Грэнвилл. — Вот плавать — это нормально, это в природе вещей. Плавать — это для них правильно».

Его немой голос беззвучно напевает: «Птицам положено в небе летать, рыбам положено плавать в воде… Эге, отличная тема для песни. Да я настоящий композитор!»

— Старр, он пытается создать для себя отдельную безумную реальность.

— Не беда, лишь бы это привело его к нам. Пусть кто-нибудь из вас проверит, не воздействует ли на него из реверса Ковен.

В глубинах великой пустоты раздается неторопливый бой колоколов.

— Вы слышите?

— Колокол?

— Да. Это Ковен.

— Грэнвилл, — настойчиво зовет Старр, — иди сюда. К нам, в аверс.

Колокол бьет все чаще и звонче. Голоса вокруг Грэнвилл а смешиваются.

— Слушай нас, Грэнвилл! Не надо просыпаться! Не гони от себя сон, ведь это и есть твоя реальность.

Чья-то ладонь трясет спящего за плечо.

Звон не прекращается.

Голоса пропадают, но появляется новый:

— Грэнвилл! Грэнвилл! Чарли, а ну-ка, вставай. Срочный выезд, не слышишь, что ли?

Грэнвилл возится на кушетке, пытается нырнуть обратно в дрему и вновь увидеть «свою реальность».

— Угомоните золотую рыбку, — бормочет он.

— Силы небесные! — восклицает рыжеволосый парень в футболке и белых парусиновых брюках. — Ну ты и силен подушку давить! Просыпайся, приятель. Это окружная больница, и у нас вызов по «скорой». И поедешь ты, твоя очередь.

Грэнвилл открывает глаза и видит тусклые белые стены дежурки.

— Ладно-ладно, Гарднер. Мозг еще спит, но тело в сознании.

— Сейчас проверим.

— Да выруби ты звонок! Который час?

Гарднер с сомнением смотрит на него, затем подходит к стене, нажимает на выключатель. Трезвон прекращается.

— Шесть утра.

— Шесть! О господи… Убийство?

— Нет, авария на дороге. Угол Брод и Гроув. Давай. Вставай же! Одевайся, машина ждет. И не

забудь сделать умное лицо, доктор.

— Удивительные дела, коллега. Мне сейчас такая чертовщина снилась!.. Будто я завис между двумя пространствами, причем я сам — в аквариуме, и ко мне пристает золотая рыбка.

— Ботинок не забудь. И второй тоже.

— А еще я сочинил хитовую песню… вот только забыл о чем. Между прочим, меня зазывали к себе какие-то люди, они контролируют звездные пространства и соперничают друг с другом… Звездные? Вообще-то никаких звезд там не было[147].

Гарднер нетерпеливо машет рукой:

— Чарли, попрошу на выход. Это не шутки, там беднягу грузовиком сшибло.

Опухшие со сна глаза Грэнвилла обшаривают помещение в поисках чемоданчика с врачебными принадлежностями:

— Где мое барахло?

— Да вот же!

— Почему вызывают нас, а не бригаду из «Мемориала» или «Святого Августина»? Он что, из наших пациентов?

— Нет, но с места аварии позвонил полицей-

---

[147] Примечания: 147

Старр (Starr) — созвучно star (англ. звезда). (Примеч. перев.)

ский, сказал, что пострадавший желает иметь дело именно с нами. Ну, я и согласился. Хотя фамилия Ковен в нашем списке не значится.

Грэнвилл замирает:

— Ковен?

— А что? Твой приятель?

— Нет. Но, похоже, он из моего кошмара.

— Издеваешься?

— Если бы! Клянусь, та золотая рыбка предостерегала насчет какого-то Ковена и честила его на все корки.

— И этот малый решил сделать твой дурацкий сон явью и ради этого даже подставился под грузовик?! Да я просто фамилию вслух произнес, когда принимал вызов, а ты услышал. — Гарднер отворяет дверь и подталкивает Грэнвилла в проем: — Давай иди уже… Флоренс Найтингейл[148]. Может, еще успеешь спросить у мистера Ковена, что его заставило выскочить из твоего кошмара прямо под машину.

В гараже было темно и тихо, эхо от стука каблуков Грэнвилла перекрывало урчание движка «скорой». Водитель Эдди хмуро посмотрел на подбежавшего интерна.

---

[148] Примечания: 148

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — знаменитая английская сестра милосердия и общественный деятель. (Примеч. ред.)

— Поторапливайтесь, док, поторапливайтесь. Я уже целых пять минут жду. За пять минут Новый Завет написать можно.

— Извини, Эдди, задержался.

Двигатель взревел, машина рванула с места. Эдди развернулся в профиль, в таком ракурсе казалось, что его лицо вырубили топором, и завел дорожный разговор:

— И что же вас задержало, можно поинтересоваться?

— Сон.

— Да ну, док!

— Честное скаутское.

— Поди, опять эфира нанюхались, — поцокал языком Эдди, — Стыдно, док. Почему вы сами не практикуете того, что проповедуете?

Улицы уже заполнились утренним потоком машин. Эдди врубил сирену и повысил голос до пригодного для беседы рева.

— Так вроде вы, доктора-медики, книжки написали специальные, чтобы людям ничего не снилось. Психоанализ и все такое. Супротив своей профессии идете, нет?

— Эдди, а у тебя сны бывают?

— Каждую ночь.

— Что-нибудь реальное снится?

— Да сколько угодно.

— Такое, что и не скажешь, на самом деле это было или нет?

— Док, да кто же знает, что было на самом деле? — Эдди рывком вписал тяжелую «скорую» в поворот, и она ловко засновала между другими машинами, пробираясь к пересечению с Гроув.

— О господи! — воскликнул шофер. — Прямо красный ковер.

На перекрестке улиц косо замер грузовик, вокруг переднего бампера — алая лужа. Вокруг полукругом толпились зеваки, их раздраженно увещевал субтильный человек с нездоровым цветом лица и редеющей шевелюрой:

— Проходите, не задерживайтесь! Вам тут не театр. Неужели с утра заняться нечем? Острых ощущений захотелось? Шли бы лучше завтракать…

Грэнвилл, помахивая чемоданом, как дубинкой, проложил себе путь в толпе.

— Я доктор Грэнвилл из окружной больницы. Кто тут старший?

Субтильный посмотрел на него мутными голубыми глазами.

— Я, док. Детектив Симмонс. Когда это случилось, я проезжал мимо… ну и занялся. А это ваш

пациент, вернее, то, что от него осталось.

Грэнвилл опустился на колени рядом с пострадавшим. На прижатом к асфальту лице застыла странная улыбка. Черные волосы тронуты сединой. В облике — нечто напоминающее о распутном цезаре. На теле живого места нет.

Врач глянул на полицейского:

— Почему он ухмыляется? Как будто сбылась единственная мечта в его жизни — попасть под машину. Мне нужно время, чтобы написать заключение, часа два.

— Его фамилия Ковен. Сидни А. В бумажнике есть визитка с адресом: Саут-стрит, девятьсот десять.

— Ковен… ну конечно, — прошептал Грэнвилл. И произнес громко: — Я этому Сидни А. ничем помочь не могу. Классическая смерть до прибытия. В лепешку расшибся и радуется. Водителя будете задерживать?

Вопрос явно поставил Симмонса в тупик.

— Даже не знаю… Послушайте, что он говорит, это интересно. — Детектив повернулся и позвал: — Кейси! Идите сюда.

От толпы перед кабиной грузовика отделился и засеменил к ним неуклюжий мужчина с широкой лысиной и испуганными глазами.

— Капитан, я же рассказал все как было. Да справьтесь у моего начальства, я триста сорок семь тысяч миль без аварий намотал…

— Хватит, — рявкнул Симмонс, — вы не в суде.

— Ну так чего вы от меня тогда хотите, капитан?

— Сержант.

— Хорошо, сержант так сержант.

— Расскажите доктору о случившемся.

Взгляд Кейси боязливо обогнул «красный ковер» на асфальте и сосредоточился на Грэнвилле.

— Док, клянусь, я триста сорок семь тысяч миль…

— Говорите по существу.

— Ага. Так вот, еду я по Брод, груз — пятьсот галлонов молока высшего сорта, сливок два бака по пятьдесят…

— Давайте без лишних подробностей.

— Ладно, ладно. — Кейси глубоко вздохнул. — Так вот, я и говорю: еду по Брод, скорость примерно сороковник и замечаю вдруг этого парня. На моей стороне топает, справа по тротуару. Представляете?

Грэнвилл закрыл чемоданчик и встал.

— Ковен?

— Покойник.

— Док говорит, его имя Ковен, — вмешался Симмонс. — Продолжайте.

— И этот Ковен мне машет, чтобы я остановился. На вид — типичный чиновник, запросто может оказаться проверяющим из налоговой. Принимаю к тротуару и торможу и только собираюсь сказать все, что о нем думаю, как вдруг — бац!

— Бац?

— Он ныряет прямо под колеса!

Грэнвилл озадаченно посмотрел на водителя и обратился к Симмонсу:

— Это правда?

— Сержант, да подтвердите же! — дернулся Кейси.

— Точно, — кивнул Симмонс. — Есть свидетели.

— Выходит, суицид?

— Не похоже, — проворчал водитель — Бедолага здорово смахивал на психа.

— То есть?

— Перед тем как нырнуть под колеса, он крикнул какую-то чушь.

— А поконкретнее?

— Что-то астрономическое.

— Астрономическое?

— Типа, звезды до него не доберутся.

— Звезды?

— Ага.

Грэнвилл не удержался от соблазна продекламировать:

— Ты мигай, звезда ночная, где ты, кто ты — я не знаю[149].

После чего нарочно уронил чемоданчик и, пряча лицо, нагнулся его подобрать, — он почувствовал, что краснеет как мальчишка.

— Доктор, позвольте спросить, — обратился к нему Симмонс, — это похоже на помешательство?

— Не знаю. — Грэнвилл изобразил на лице ухмылку, — На первый взгляд — да, но есть сомнения. Возможно, душевнобольной по фамилии Ковен проходит по моему ведомству, а не по вашему.

Так они и расстались — в некотором замешательстве.

В половине третьего Грэнвилл наконец отловил Гарднера в переполненном людьми коридоре у родильного отделения. Рыжеволосый интерн

---

[149] Примечания: 149

«Twinkle, twinkle, little star…» — стихотворение Джейн Тейлор, классика английской детской поэзии, исполняется как колыбельная. *(Примеч. ред.)*

с ловкостью циркового артиста тащил шесть колб Эрленмейера. Ланч он пропустил и по этой причине был сильно не в духе.

— Так-так-так! Сонное Дитя[150] во плоти. Как прошло утро, доктор? Удалось ли покойнику истолковать ваш сон, или предпочли, чтобы Эдди погадал вам по руке?

Грэнвилл посмотрел на него собачьими, грустными, как у спаниеля, глазами.

— Зайдем на минутку в кладовую, Гарднер. Хочу кое о чем тебя спросить.

— Только быстренько. Меня ждут анализы крови на сахар, аж две дюжины.

Дверь кладовой хлопнула. В комнате было тихо и сумрачно, только в углу мрачно урчал автоклав.

— Вот что, Гарднер… — Грэнвилл замялся, потирая заросший каштановыми волосами затылок.

Пауза затянулась.

— Ты хотел меня о чем-то спросить, — не выдержал Гарднер. — Это насчет домашних дел, или карьеры, или драке моей сестрой?

— Нет.

— Правда? Малышке Джинни достался норов

---

[150] Примечания: 150

Сонное Дитя — персонаж одноименной пьесы Юджина О'Нила. *(Примеч. ред.)*

нашего рыжеволосого племени. Я помню, как вы сцепились из-за обручального кольца. Это было что-то!

— Речь совершенно о другом. Ты будешь слушать или нет?

— С живейшим интересом — когда ты наконец начнешь говорить.

— Насчет моего сегодняшнего сна.

— Я тебя умоляю!

— Помнишь, я рассказывал о том, как висел меж двух пространств? О золотой рыбке и двух соперничающих из-за меня командах? В одной из них главный некто Старр…

— Прямо как в телескопе?

— Давай без шуточек. Старр и его приятели очень беспокоились из-за некоего Ковена.

— Парня, угодившего под грузовик?

— Да.

— И что?

— Ковен специально бросился под машину.

— Самоубийство?

— Возможно. Есть одно «но». Перед тем как прыгнуть, Ковен выкрикнул, что Старр его не получит.

— И все?

— Гарднер, я в замешательстве. Как раз когда

это произошло, мне приснились обе фамилии. Может, они из-за меня повздорили? Может, это «его» относится ко мне? В смысле, я — тот, кого не получит Старр. Что ты об этом думаешь?

— Ты правда хочешь знать?

— Ну, раз спрашиваю…

— Свадьбы не будет.

— Ты можешь хоть когда-нибудь быть серьезным?

— А я серьезен. Неужели ты думаешь, что я отдам свою обожаемую сестренку за шизофреника? Лучше я задушу тебя собственными руками.

— Валяй.

— Док, ну вспомни, чему тебя учили. Сон продолжается всего лишь долю секунды. Спящий слышит хлопок двери, и его мозг моментально сочиняет длинную историю, этим хлопком завершающуюся.

— Ну, хорошо. Допустим, имя Ковен было произнесено тобой, когда я спал. А как насчет Старра? Эту фамилию я услышал от водителя грузовика, но ведь она приснилась мне раньше! И я все прекрасно помню! — Грэнвилл растерянно покачал головой. — Какое право имеет совершенно незнакомый человек вот так вторгаться в мою жизнь?

— Переутомился ты, брат. Явно переутомился.

Изнуренный мозг теряет связность мышления. Ты что-то услышал в первый раз и готов поклясться, будто это звучало при тебе и раньше. А на самом деле это всего лишь усталость над тобой шутки шутит.

— Нет, — Грэнвилл отвернулся, — Все не так просто…

— Хочешь, чтобы по-другому было? Как во сне? — Гарднер аккуратно поставил колбы и вытряхнул сигарету из пачки. — Хочешь верить, будто те двое и в самом деле из-за тебя сцепились где-то в небесной дали голубой?

— Но ведь я это помню!

Гарднер зажег сигарету и вставил ее в рот Грэнвиллу.

— И Ковен, чтобы выиграть в этом состязании, выскочил из твоей башки прямо под колеса грузовика? Отлично. Интересный случай, как раз по части Американской медицинской ассоциации.

— А что я должен об этом думать, по-твоему?

— Что трое суток дежурства подряд — не фунт изюма, любому этого хватит, чтобы крыша поехала. И что Джинни должна через полчаса заехать за своим обожаемым братцем, девочка хотела проветриться. Ты поедешь вместо меня.

Уже через сорок минут Грэнвилл сидел на пас-

сажирском сиденье «родстера» Джинни.

— Скоро ты будешь только мой, и только мой, — сказала она.

— Ты прямо как самка черного паука, — расслабленно проговорил он — Эти существа имеют привычку поедать своих мужей.

— Нет, я… скорее, как альбом, ожидающий, когда в него вклеят снимки. Мне нет дела до твоего прошлого, черт с ним, с прошлым… Но зато будущее размечено от и до. Фото первого ребенка Чака… фото двадцать первого ребенка Чака…

— Помилосердствуй, женщина!

— Я о твоих детях. У меня самой запросы скромные. А вот Чак сидит и читает научную статью, готовится к медицинскому конвенту…

— Я лысый?

— Еще нет. Вот ты получаешь Мемориальную премию Хамфри Хикенлупера…

— За какие такие заслуги?

— Не могу сказать. Знаю только, что какая-то премия тебе светит. Милый, а это так забавно… ждать, когда исполнится то, о чем ты знаешь заранее. Мне кажется, самое лучшее в любви — это разделять с любимым его мечты и грезы…

— Грезы? Гм… — Грэнвилл выпрямил спину. — А ведь я уже почти забыл… Послушай, Джинни…

— О, ты мне напомнил, Чарлз! Я тут подумала…

— «Чарлз»? Ты говоришь «Чарлз», когда что-то затеяла.

— Так и есть. Ради альбома с фотографиями. Я знаю, что когда мы поженимся, то жить будем небогато.

— Все врачи живут небогато, такова традиция, — благодушно кивнул Грэнвилл. — Пока практикой не обзаведешься, зубы держишь на полке и всяк над тобой насмехается. «Слыхали, Грэнвилл спятил? На невозможное замахнулся, пытается заусенцы лечить! Ха-ха-ха…»

— В общем, я решила устроиться на работу, так нам будет легче… И устроилась, — виновато сообщила Джинни. — С сегодняшнего дня.

— Да ты что?!

— Клянусь, ты получишь Хикенлупера. За заусенцы.

— А ну, не юли! Что за работа?

— Интересная, — убежденно ответила Джинни — К тому же только во второй половине дня, с часу до шести. Научные исследования. Платят тридцать пять долларов.

— Какие еще исследования?

— Статистика… Пожары, наводнения, круше-

ния и все такое.

— А наниматель кто? Или наниматели?

— Не волнуйся, Чак. Это очень достойный человек. Респектабельный. Мистер Ковен.

— Мистер… кто?!

— Ковен. Он… — Джинни обеспокоилась: — Милый, что у тебя с лицом? Тебя аж перекосило…

— Да при чем тут мое лицо? — Грэнвилл глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться, — А зовут его как?

— Сидни Альберт.

— Адрес?

— Саут-стрит, девятьсот десять. — Джинни явно была озабочена и заинтригована. — Тебе о нем что-то известно?

— В котором часу ты сегодня устроилась на работу?

— Чарлз, это что, игра такая?

— Джинни, пожалуйста, ответь!

— Ну… утром.

— А точнее?

— Около одиннадцати.

— Предложение поступило от Ковена лично? Ты с ним самим разговаривала?

— Ну да, — растерянно улыбнулась она. — Но он не из тех, кто ходит с рваными шнурками,

если тебя это волнует.

— Джинни, разворачивайся. Едем в город.

— Чак, в чем дело?

Он медленно и без улыбки ответил:

— Сидни Ковен, проживающий по адресу Саут-стрит, девятьсот десять, погиб пол колесами грузовика за пять часов до того, как ты с ним разговаривала.

Дом, расположенный по адресу Саут-стрит, 910, представлял собой большое, на полквартала, офисное здание, все три этажа которого соединялись единственной лестницей, выходя-шей в парадный подъезд. Нижняя половина каждого окна была непроницаемо-черной. Высокий человек смог бы заглянуть поверх границы закрашенного на первом этаже и увидеть помещение площадью в тысячу квадратных футов, заполненное канцелярскими столами с папками для бумаг и машинистками. Все это напоминало офис страховой компании. Большие золотые буквы на черной поверхности окон гласили: «НАЦИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА».

Джинни припарковала машину и сказала:

— Все-таки я думаю, ты умом тронулся.

— Не спорь, — попросил Грэнвилл, — пока мы с тобой до сути не добрались. Ради этого ведь

приехали.

— А есть ли она, суть? — пожала плечами Джинни.

— Адрес этот. Давай вернемся к разговору после того, как я там побываю и выставлю себя на посмешище. Как выглядел твой Ковен?

— Крупный такой мужчина, — спокойно ответила Джинни. — Большая голова, седина… Лицо человека, склонного к излишествам…

— Как у древнего римлянина?

— Пожалуй.

— Возможно, это мой Ковен.

— Ерунда. Возможно, родственник?

— Джинни, а не слишком ли ты упорствуешь? — с подозрением посмотрел на невесту Грэнвилл. — Обманываешь меня, я же вижу. В чем дело?

— Чарли! Не говори ерунды.

— А ну-ка, выкладывай. Ты всегда любила всякие тайны, вцепишься и идешь по следу как гончая, за уши не оторвать… А тут вдруг ничего не знаешь и знать не желаешь. Почему? Ты чего-то боишься?

— Чарлз, отстань! Ничего я не боюсь.

— Боишься. — Он схватил ее руку и впился взглядом в лицо. — Вирджиния, меня ведь не

проведешь. Тебе придется пойти мне навстречу. Поняла?

— Но это все ерунда…

— Вовсе нет. Я люблю получать ответы на свои вопросы. И один ответ мне нужен прямо сейчас. О чем ты не решаешься рассказать?

— Да нечего рассказывать. Впрочем… — Броня Джинни дала трещину. — Мой Ковен был болен. Лежал у себя в офисе на диване, когда я пришла… накрытый халатом. Я еще решила, что он инвалид. Говорил… слабым таким голосом. — Она нервно хихикнула. — Чак, но это же ничего не значит. Чепуха на постном масле.

— Инвалид, говоришь? Шустрый он парень для инвалида — Грэнвилл распахнул дверцу машины. — Ладно, Джинни, может, я и свихнулся, но, по крайней мере, должен в этом убедиться. Жди здесь. Меня либо вышвырнут… либо выведут под руки санитары.

Он хлопнул дверцей «родстера», пересек тротуар и распахнул наполовину закрашенную черным стеклянную дверь дома номер 910. Вошел и неуверенно огляделся.

Телефоны и пишущие машинки создавали жесткий звуковой фон, однако он действовал успокаивающе. У входа телефонистка лениво

втыкала штырьки в коммутатор, гнусаво отвечая на звонки.

— Добрый день, «Национальная статистика». — Пауза. — Нет, с мистером Сандерлендом поговорить нельзя, он сейчас в Бельгии. Вы можете оставить для него сообщение.

Дождавшись следующей паузы, Грэнвилл подал голос:

— Извините, я хотел бы…

— Одну минуту, пожалуйста. Гертруда, отправь мистеру Сандерленду телеграмму: отчеты о смертности не годятся.

Гертруда, девица с очень темной кожей, кивнула, допечатала строчку и изящно повернулась к столу, что стоял позади нее. Пока она писала записку, телефонистка уделила внимание Грэнвиллу:

— Чем могу помочь, сэр?

— Я из окружной больницы, — Грэнвилл придал лицу официальное выражение, — проверяю кое-что в связи с несчастным случаем. Скажите, этим учреждением руководит мистер Сидни Ковен?

— Сэр, мистер Ковен сотрудничает с «Национальной статистикой».

— Ясно. Дело в том, что… — Грэнвилл решил

не ходить вокруг да около. — Моя фамилия Грэнвилл, и я…

Темнокожая Гертруда сорвалась с кресла как ошпаренная кошка:

— Мистер Грэнвилл? — И с энтузиазмом устремилась к нему. — Мистер Ковен ждет вас.

— Ждет? Меня? — оторопело уставился на нее Грэнвилл.

— Да, доктор Грэнвилл! — Гертруда дружески пожала ему руку. — Сюда, пожалуйста.

— Вы что, не знаете? Он нынче утром скончался!

— Сюда, пожалуйста, — повторила она с вежливой улыбкой.

Грэнвилл позволил провести себя через зал, вяло возражая на ходу:

— Это, водимо, какая-то ошибка. Не может Ковен меня ждать. Да я и не договаривался о встрече. Тут его охватило смятение. — Он вообще никого ждать не может! Если он Сидни Альберт. А вашего как зовут? Это сын или племянник? Или кто?

— Доктор, вот сюда, по этому проходу.

— Нет, постойте! Давайте разберемся. Вы же не ждете, что я…

Гертруда с облегчением перебила:

— Это мистер Шарп, наш офис-менеджер.

Из-за стола выскочил низкорослый, но резкий в движениях мужчина с головой, чем-то напоминающей дятла, и выбросил навстречу Грэнвиллу ладонь для рукопожатия.

— Мистер Шарп, — представила Гертруда, — это доктор Грэнвилл. Встреча с мистером Ковеном назначена на четыре часа.

Шарп стиснул руку Грэнвилла.

— Да-да, конечно. Доктор, как я рад познакомиться с вами! Это истинное удовольствие. Наслышан, наслышан. Молодое восходящее светило медицины! — Мистер Шарп заговорщицки подмигнул. — Чего уж тут скромничать, хе-хе. Прошу сюда, сэр.

Он потянул Грэнвилла к ореховой двери напротив парадного входа.

— Доктор, вы прибыли минута в минуту. Позвольте вас поблагодарить и поздравить! К сожалению, точность — это почти утраченное искусство. Люди нынче необязательны до неприличия…

— Мистер Шарп, погодите…

— Тогда как вся теория эффективного управления бизнесом, — разглагольствовал мистер Шарп, — зиждется на…

— Да послушайте же! Точность моя тут ни при чем. Никто мне не назначал. И не могу я встретиться с Сидни Ковеном!

— …точности, четкости, оперативности и умении пенить время. — Шарп стукнул в ореховую дверь и, распахнув ее, воскликнул: — Мистер Ковен, пришел доктор Грэнвилл! — После чего шагнул назад.

Из глубины кабинета слабо прозвучало:

— Здравствуйте, доктор Грэнвилл. Входите, пожалуйста. А вы, Шарп, свободны.

Какой странный голос! Даже не надломленный — изувеченный. Насторожившись, Грэнвилл медленно вошел в кабинет, и Шарп проворно затворил за ним дверь.

В небольшом квадратном помещении с невзрачными серыми стенами, таким же серым ковром и затемняющими окна вишневыми шторами сумрак рассеивали два конуса света. Один падал от лампы на небольшой письменный стол, за которым сидел болезненного вида мужчина с суровыми чертами лица, глаза его прятались за черными очками. Второй освещал диван в стиле ампир и лежащего на нем Сидни Ковена.

Его вытянутое окостеневшее тело было прикрыто серым вельветовым пледом. Лежал он

совершенно неподвижно, голова чуть повернута набок, так, чтобы черные глаза могли видеть всю комнату. Угрюмое лицо обезображено, как будто его били ногами. И вообще этот человек больше походил на неаккуратно подготовленный к погребению труп.

Жутким увечным голосом Ковен проговорил:

— Спасибо, что явились на встречу. Прошу не беспокоиться из-за моего плачевного состояния… Впрочем, вы же медик, вам положено. Этот джентльмен — мистер Арно. Мы с ним…

— Ковен, но вы же мертвы! — Грэнвилл отважился шагнуть вперед и повторил: — Мертвы!

— Тише. Успокойтесь.

— Смерть до прибытия, сегодня утром. Сломанный позвоночник. Руки всмятку… ребра в крошево… Лопнувшее сердце. Вы труп, Ковен.

— В этом никаких сомнений, доктор. Но сейчас…

— Но сейчас то, что от вас осталось, лежит на диване, смотрит на меня и говорит. Господи, что же происходит…

— Да помолчите же и послушайте! — Страдальческий голос вновь до глубины души потряс Грэнвилла. Впрочем, Ковен тут же перешел на вежливый тон: — Мистер Арно исключительно

занятой человек, он не может терять время попусту. Пожалуйста, сядьте… стул вон там, возле стола. Лучше сесть, пока не упали.

Грэнвилл опустился на стул, не смотря на Арно. Он не отрывал глаз от Ковена.

— Ну что же, Арно, проверьте его, — мученически прошептал Ковен — Это тот человек, о котором я вам рассказывал.

— А, Грэнвилл… — Голос Арно, равнодушный и холодный, напоминал фонограмму.

— Да.

— Меня зовут, Чарлз Грэнвилл, — в крайнем смятении пробормотал тот, о ком шла речь. — Я интерн в окружной больнице. Двадцать пять лет, обручен, здоровье хорошее. Голосов не слышу, видений и откровений тоже не бывает…

Черные глаза впились в него, заставив замереть и умолкнуть.

— Арно, этот молодой человек исключительно опасен, — сказал Ковен, — Он вынудил меня пойти на нестандартные и очень дорогостоящие меры. А вы, Грэнвилл, слушайте внимательно. Я собираюсь рекомендовать вас мистеру Арно. Для вас это большая честь.

— Ничего я слушать не буду. Ничего!

Ковен хихикнул и продолжил:

— Обычный человек проживает ничтожную жизнь и умирает ничтожной смертью. То и дело ему кажется, что его бытие — это фикция… симуляция… Что в действительности он способен на нечто намного большее.

— И ведь способен, — подтвердил Арно, тихо шевельнувшись за спиной у Грэнвилла.

— Но его научили пожимать плечами и верить, что ключи, которые он находит, — всего лишь сны… видения… галлюцинации. Совсем не таков наш доктор Грэнвилл. — В дребезжащем голосе появились ирония и горечь. — Этого молодого человека на мякине не проведешь. Он ученый-поэт. Общественное давление… моральное воздействие… террор… шантаж… Ничем таким не заглушить крепнущей в его мозгу уверенности. Он уже начал улавливать сигналы Старра. Вскоре он будет слышать их явственно, а потом и понимать.

— Старр! — вскочил на ноги Грэнвилл. — Это имя! Значит, я был прав! И я действительно…

Рука Арно легла сзади на его плечо, заставив опуститься на стул. Грэнвилл хотел было повернуться, но Ковен поспешил предостеречь:

— Доктор Грэнвилл, не надо этого делать. Мистер Арно снял очки, вам будет в высшей степени

неприятно.

— Вы очень неосмотрительны, молодой человек, — проговорил Арно. — Доставили мистеру Ковену уйму хлопот.

— Сегодня утром я заблокировал Старра, — сообщил Ковен, — Очень дорогой ценой — пришлось броситься под грузовик. Но как иначе я мог гарантировать, что он не прорвется? Старр был уже в шаге от финального контакта с нашим другом.

— Ведь мы не можем допустить подобное, правда, доктор? — с безликой любезностью спросил Арно.

— Послушайте, — произнес Грэнвилл, — все это полная чепуха… Снаружи здание выглядит как офис… заурядная контора…

— Естественно. — Ковен рассмеялся без малейшей тени веселья: рот, горло, грудь шевелились, производили звуки, но это был смех попугая. — Естественно.

— Зато внутри ничего обычного. Безумные разговоры, сумасшедшие люди. Встречи, которые я никому не назначал…

— Я это сделал, доктор Грэнвилл, — сказал Ковен. И снова засмеялся как попугай. — Я назначил вам встречу на сегодняшнее утро.

— С помощью мисс Гарднер, — подхватил Арно,

повторяя ту же механическую имитацию смеха.

— Вы мертвы! — вскричал Грэнвилл. — А вы лжец!

Рука на плече Грэнвилла вновь удержала его на месте, повернуться он не осмелился.

Обращаясь к Арно, Ковен спросил:

— Готово?

— Все готово.

— Это будет сложно?

— Интересно, но несложно, — Арно не торопясь обошел вокруг стула и остановился перед Грэнвиллом, глядя на него сверху через вновь надетые непроницаемые черные очки.

— П-послушайте… — начал Грэнвилл.

— Нет, доктор Грэнвилл, это вы меня послушайте, — перебил Ковен, — Я должен сделать два заявления. Первое — это предложение для вас. Согласны ли вы присоединиться к нам? Добровольно? Стать одним из нас?

— К кому присоединиться? К чему?

— Ну, это, доктор, можно объяснить разными способами. Скажем… — Ковен тщательно подбирал слова. — Скажем, так: существует психиатрическая лечебница, и мы — санитары. И вот за оградой появляется чужак и подбивает на побег пациентов…

— Так я вам понадобился в качестве санитара?

— Это всего лишь один из способов объяснить — Ковен ненадолго задумался, — Вот другой. Допустим, у нас есть сокровище и мы его охраняем. Кто-то узнал комбинацию к цифровому замку и готов растрезвонить об этом на весь белый свет.

— И я должен стать охранником?

— Вариант объяснения, не более того. Доктор, вы что-нибудь слышали о балансе сил в природе? Да, конечно, слышали. Природа — это не только ваша Земля, это нечто гораздо большее. На сегодняшний день мы имеем весьма хрупкое равновесие. Мистер Старр вознамерился его нарушить, разбудив вас и ваших друзей. Мы же хотим, чтобы ваш сон продолжался.

— Сон?

— Сон, — повторил Арно. — Назовем это так.

— Но вы, доктор, сейчас на грани пробуждения, — вздохнул Ковен. — И мы предпочли бы, чтобы вы, так сказать, встали с той ноги. Чтобы вы оказались заодно с нами, а не со Старром. Вы будете ценным приобретением. Что вы ответите?

Наступила пауза. Грэнвилл посмотрел на Арно, застывшего перед ним в напряженной высокомерной позе, черные очки его отбрасывали

искаженный свет. Посмотрел на мертвое тело и живые глаза Ковена.

— Я ничего не знаю, — медленно проговорил он, — и ничего не понимаю. Чувствую только одно: вы мне не нравитесь. Вы мне не нравитесь, и я вам не верю. — И торопливо закончил: — Не желаю быть санитаром. Не желаю быть охранником. Кем бы вы ни были, я к вам не присоединюсь. На этом все.

— Что ж, очень жаль, — вновь прозвучал надломленный голос. — В таком случае перехожу ко второму заявлению. Ваш потенциал должен быть разрушен. Вы будете нейтрализованы.

— То есть убит?

— Это один из способов объяснения, доктор. Скажем, так: либо вы доброволец, либо — призывник. Когда, Арно?

— Сегодня вечером. Я все устрою.

— Отлично. — Блестящие черные глаза уставились на Грэнвилла. — Спасибо, доктор, что встретились со мной. А сейчас можете идти.

Грэнвилл встал:

— Если это убийство, зачем тянуть? Почему не…

— Доктор, не надо ничего говорить. Уходите.

Арно проводил его до двери, отворил ее. С дива-

на подал голос Ковен:

— Вы понимаете, что вам назначена еще одна встреча, на сегодняшний вечер? Вы понимаете, что не можете уклоняться от наших приглашений?

Грэнвилл, пятясь к двери, пробормотал:

— Ковен, но вы же м-мертвы! Ничего не понимаю…

Вновь он услышал фальшивый смех покойника, а затем:

— Au revoir[151], доктор.

Захлопнулась дверь, Грэнвилл повернулся и поплелся через лабиринт проходов между столами к входной двери. Он был в шоке, голова кружилась. Сквозь грохот камнедробилок в ушах донеслось бодрое «до свидания» Шарпа, затем Гертруды… телефонистки… Он бросился к машине, увидел Джинни… почему-то в трех экземплярах; она распахнула дверцу — и замерла в изумлении, только губы шевелились, не произнося ни звука. Потом были рев и оглушающий удар по макушке… и темнота.

— Да, — сказал Чарлз кишащим вокруг бесформенным чудовищам, — Потому что это неправда,

---

[151] Примечания: 151
До свидания (фр.). (Примеч. перев.)

потому что звук и свет говорят без голосов и можно стать музыкой и слышать мысли…

— *Что это?* — И повторил, не говоря: — *Что это? Кто?*

Он отмахнулся от приставшего и завертелся в дикой спешке.

— Две части души — это музыка и боль, — энергично докладывал он, — И краски гремят, поют, звенят, плачут и кричат от страха и боли, увидев звук… *Чей?*

— Старр, — повторил приставший. — Это Старр.

— О эти голоса, что поют, и звенят, и сливаются с музыкой, и сколь дивно сие смешение диковинных языке» в широчайшем диапазоне и величайшем параллаксе…

— Чарлз Грэнвилл!

— *Что?*

— Доктор Грэнвилл?

— Вы что-то сказали? Вы говорите? Вам от меня что-то нужно?

— Это Старр. Ты слышишь? Способен слышать? Это очень важно!

— *Кто…*

— Постарайся это запомнить. Ты должен запомнить!

— *Кто это?*

— Чарлз, мы сможем помочь, если ты…

— *Я вас не слышу! Что? Что?..*

— Мы хотим дать тебе ключ. Ты его должен запомнить. Слушай, Чарлз. Слушай, слушай! Уже началось. Слушай узор. Слушай, Чарли…

Чья-то ладонь обрушилась на челюсть Грэнвилла, в ушах зашумел водопад. Он повернул голову, спасаясь от новой пощечины, но удар следовал за ударом.

— Слушай меня, Чарли, — повторял Гарднер. — Не спи, приятель. Слушай. Просыпайся! Очнись! Очнись, малыш!

Вскинув кверху руки, Грэнвилл вскричал:

— Не надо меня трогать! Не хочу!

Гарднер схватил одной рукой его запястья и вгляделся в лицо.

— Спокойно, друг. — И ловко сунул под нос пузырек.

Резкий запах нашатырного спирта сразу заставил Грэнвилла открыть глаза. Он лежал на эмалированном столе в отделении «скорой помощи». На фоне окна застыл силуэт Джинни, сжавшей кулачки перед грудью.

— Хватит нашатыря, — пробормотал Грэнвилл. — Я очнулся. Я… — И тут он воскликнул:

— Молчите! Я должен что-то запомнить!..

Он попытался удержать в памяти растворяющийся узор.

— Вот что, Чарли…

— Закрой рот! — Но требовать того же от уличного транспорта и больничного было бесполезно. — Нет, не получается…

К столу подошла Джинни, на ее лице читался страх.

— О Чарлз… — Она судорожно сглотнула и попыталась начать снова: — Чарлз, я…

— А, Джинни! Привет, Джинни… — Он сел на столе и нащупал повязку вокруг макушки, — Кто задул мой светильник?[152]

— У тебя был обморок, — не сводя с него глаз, ответил Гарднер, — Как раз когда ты садился в машину. Повалился головой вперед, Джинни повезла тебя в больницу. Ноги торчали наружу, их обдувало ветерком. Весьма поучительное и занятное зрелище для множества очевидцев.

— Ну и денек… — Грэнвилл встал на ноги и пошатнулся, Джинни поспешила обнять его. Взгляд интерна обежал облицованные кафелем стены и

---

[152] Примечания: 152

«И все ж она умрет, чтоб, как меня, не предавать других. Свет загасив, задуть и твой светильник…» У. Шекспир. «Отелло, венецианский мавр». Перевод Б. Лейтина. *(Примеч. перев.)*

остановился на лице невесты. — Я видел Ковена.

— Ковена? — эхом повторил Гарднер. — Того задавленного психа?

— Я его видел.

— И убежал от него в панике? Доктор, с каких это пор ты боишься мертвецов?

— Он не мертвец.

— А вот с этого места поподробнее!

— Он не мертвец, — настойчиво повторил Грэнвилл и взял девушку за руку. — Сегодня утром Джинни с ним разговаривала. А я с ним потом встречался. Он живой. Говорит, что был вынужден броситься под машину, чтобы меня разбудить… не допустить, чтобы я и дальше спал.

— Мы с тобой что, на второй круг заходим? — насупился Гарднер.

— Он еще кое-что сказал, но я не совсем понял. Дескать, я представляю собой опасность, потому как я ученый-поэт. Я… должен кое-что выяснить.

— В двух словах, что именно?

— Сам не знаю. Раскрыть какой-то обман. Мистификацию. Нас дурят.

— В чем конкретно? И кто?

— Не знаю. Это как слепому описывать краски. Не поймет. Мы все слепые. Чего-то не видим, не

понимаем. Мы…

Его перебил смех Гарднера. Лишенный веселья смех попугая. Грэнвилл холодно всмотрелся в лицо друга и коллеги, такое знакомое лицо с круто изогнутыми рыжими бровями, с морщинками у глаз… И тихо произнес:

— Эй, Гарднер.

Тот прекратил хихикать.

— Пожалуйста, извини. На меня иногда находит.

Пальцы Джинни стиснули ладонь Грэнвилла.

— Чарлз, что-то не так?

— Да ничего, Джинни. Просто я сейчас впервые разглядел твоего брата. Может быть, я и весь мир сейчас впервые разглядел.

— А давайте-ка, доктор, проверим ваш пульс, — Гарднер потянулся к руке Грэнвилла.

— Этот смех, Гарднер, — отстранился тот. — Он тебя выдал.

— Дружище, если я тебя обидел, извини…

— В точности как у Ковена и Арно. Джинни, а ты его узнаешь? Конечно нет. Ты же не слышала, как они смеются. А я слышал.

— Чак, да объясни же… — в растерянности попросил Гарднер.

— Не помню, кто сказал, что человек — это

смеющееся животное. А ты, Гарднер, смеющимся животным не являешься. Верно? Ты нечто иное. Ковены, Арно, Гарднеры… Как я должен вас называть? Санитарами? Охранниками? Пришельцами?

— Чарлз, ради бога! — взмолилась Джинни.

Гарднер набычился и приблизил к Грэнвиллу побагровевшее лицо:

— Ты все сказал, приятель? А теперь послушай меня. Плевать я хотел на твои сны, животных и мистификации. Все это меня не касается. Что меня касается, так это Джинни и твоя карьера. Сколько тебе уже лет? Двадцать пять? И сколько ты учишься? Лет девять? Во что это уже обошлось? Почти в десять тысяч?

— Ну вот, начинается. — Грэнвилл отвернулся. — Социальное давление. Ковен о нем упоминал.

— Дай мне закончить. — Гарднер заставил его повернуться обратно. — Если будешь и дальше молоть подобную чушь, глазом моргнуть не успеешь, как вылетишь из больницы, и это будет уже не смешно. Как насчет лицензии? А? Да никак, кто тебе позволит открыть частную практику! И что собираешься делать? Выбросить псу под хвост девять лет учебы, карьеру, десять тысяч

баксов из-за какого-то дурного сна? И умереть в придорожной канаве?

— Я бы послушал тебя, Гарднер. Если бы не этот смех и не одна маленькая деталь. Сегодня вечером я умру. Да. Мне это обещано Ковеном. *Назначено.*

У Джинни перехватило дыхание, она повернулась к брату. Гарднер состроил гримасу.

— Паранойя, — сказал он. — Чистой воды мания преследования. Мы не можем позволить, чтобы он тут расхаживал и болтал, что ему вздумается. Сама знаешь, как по больнице слухи разносятся, скоро все будут обсуждать, как это доктора Грэнвилла угораздило сойти с катушек. Надо его положить на обследование.

— Я против, — буркнул Грэнвилл.

— А о Джинни ты подумал?

— Вот только не надо мною спекулировать, — возмутилась девушка, — За себя я сама выскажусь.

— Чак, слышишь, что я говорю? — повысил голос Гарднер, — Как насчет Джинни? Хочешь и ее затащить в канаву? Буду с тобой честен и откровенен. Ты думаешь, вся эта чепуха происходит на самом деле. Я же считаю, что ты болен на голову…

— Но ты не умеешь смеяться.

— Да выслушай же меня! — вскричал Гарднер. — Давай привлечем к спору кого-нибудь еще, третью сторону, и попросим этого человека сделать заключение. Если услышим: «Чак, ты — спаситель человеческой расы», я стану твоим первым апостолом. А если он скажет: «Доктор, вам надо срочно взять отпуск», ты подчинишься и забудешь обо всем. Договорились?

Грэнвилл устало кивнул.

— Вот и отлично. Сейчас мы с тобой поднимемся в отделение психиатрии и перевалим наши проблемы на плечи Папаши Берна.

Длинный узкий кабинет пропах сигарным дымом и старыми книгами. В скрипучем кресле вальяжно восседал массивный, как пивная кружка, Папа Берн, серый пепел с сигары крупными комьями падал ему на жилет, мясистые щеки и лысина лоснились.

— Весьма интересно, — заявил он. — Весьма. Хотя я бы не сказал, что случай уникальный. В моей практике таких было много.

— Доктор Берн…

Психиатр вскинул толстую пятерню:

— Чарли, изволь помолчать. Я слушал двадцать минут, а теперь ты послушай хотя бы две.

— Папаша Берн, объясни ему, — попросил Гарднер. — Как следует объясни.

— Я опускаю преамбулу, — продолжал Берн, — и перехожу сразу к сути. Чарли, каждое мгновение нашей жизни представляет собой кризис. В каждый миг мы вынуждены приспосабливаться к новым обстоятельствам, что-то решать, из чего-то выбирать. Представь, ты покидаешь тротуар, чтобы пересечь улицу. Поднимаешь глаза, а прямо на тебя мчится машина… Кризис?

— Да. Я понимаю.

— Alzo[153]. В этой ситуации человек делает одно из трех. Бросается вперед, чтобы избежать столкновения и продолжить путь. Замирает на месте, парализованный страхом. Или отскакивает назад, на заведомо безопасное место. Ну что? Все еще понимаешь?

— Все еще понимаю.

— Очень хорошо. — Берн поднес спичку к успевшей потухнуть сигаре. — Движение вперед — это активная реакция на ситуацию. Ты преодолеваешь кризис и достигаешь своей первоначальной цели. Топтание на месте — суть так называемая покорность судьбе. А вот прыжок назад… не что

---

[153] Примечания: 153
Итак (нем.). (Примеч. перев.)

иное, как бегство. Понятно? Именно это ты и выбрал.

— Доктор Берн, но…

— Погоди. Я объясню. Ты отскакиваешь назад. Бежишь от чего-то. Поворачиваешься к чему-то спиной и таким образом отделяешься от него. И конечно, оно для тебя становится нереальным. Naturlich…[154] Но ведь у тебя есть воображение, верно?

— Я — ученый-поэт.

— Что? А-а, нуда… Отлично. Ученый-поэт от чего-то убегает. Возможно, от необходимости приспосабливаться к новым обстоятельствам. Например, от женитьбы и карьеры. По мере того как близится время, когда ему придется покинуть эту надежную и безопасную больницу, чтобы жить своим умом, его страх растет. Может быть, так, не знаю. Знаю лишь одно: ты поворачиваешься спиной.

— И этим можно объяснить все произошедшее сегодня?

— Да. О том и речь. Это твой разум пытается себя оправдать. Он же не может сказать: я трус, я боюсь новых обстоятельств. Нет, он скажет: не су-

---

[154] Примечания: 154
Естественно (нем.). (Примеч. перев.)

ществует этих обстоятельств, потому что самого мира тоже не существует. Это фикция, розыгрыш, обман, меня просто дурачат… und so weiter[155]. И это будет продолжаться, покаты не поймешь, отчего именно прячешься… и не повернешься к нему лицом.

— А как же Ковен?

— Что? А, мистер Ковен, мистер Арно и смех… Твой разум создает искусственные подтверждения своей версии. Возможно, ты никогда в жизни не видел этих джентльменов и всего лишь придумал ту встречу. Возможно, встреча была в действительности, но ты превратил безобидных людей в мнимых чудовищ. Можно найти дюжину объяснений, но твой разум их не примет.

— А угрозы? То, о чем говорил Арно? И при чем тут его черные очки?

— Чарли, Чарли… — снисходительно помахал сигарой Берн. — Ты *ученый-поэт*? Этот мистер Арно… сам поистине поэтическое творение. Я не говорю, что он нереален. Реален для тебя… и изображен очень живописно. Но я рад заметить, что для меня его не существует. Жаль, ведь я тоже ученый-поэт… — Берн хихикнул, потом

---

[155] Примечания: 155
И так далее (нем.). (Примеч. перев.)

засмеялся.

Все тот же смех без смеха! Хохот попугая.

Грэнвилл напряженно вслушался, впитывая каждый звук и медленно поднимаясь со стула.

— Спасибо, доктор Берн, и до свидания, — мрачно проговорил он. — Отличное представление. Великолепное. Еще чуть-чуть, и вы бы меня убедили.

Разгневанный Гарднер вскочил на ноги:

— Какого черта!..

— Смех. Вот что вас выдало, доктор Берн. Выходит, все эти изящные объяснения, предлагаемые психиатрией, на деле не более чем сказки… Маскировка. Сначала вы нашего брата высмеиваете, потом стыдите, а когда ничего не получается, снисходите до объяснений… Но со мною этот номер не пройдет!

— Чарли, как это понимать?! — Джинни побелела от ярости. — Ты меня бросаешь?

— Я… — запнулся Грэнвилл.

— Мы же вроде как любим друг друга. В себе-то я уверена, а вот что скажешь ты?! Или меня тоже не существует? Я — элемент грандиозной пропагандистской кампании? Космическая Мата Хари?

— Я… просто не знаю.

— Или я — новое обстоятельство, к которому ты не хочешь приспосабливаться?!

— Джинни, клянусь, я не знаю.

— Чарлз… — У Джинни тряслись губы, но она изо всех сил старалась держать себя в руках. — Помнишь, мы говорили про альбом для фотографий? Давай прямо сейчас и начнем. Отпуск! — Она с мольбой в голосе обратилась к Берну: — Доктор, скажите, ведь отпуск — это то, что нужно?

Берн кивнул лоснящейся лысиной.

— Милый, три недели… вместе.

— Четыре недели минимум, — добавил Гарднер. — Четыре недели в Майне. Я оплачу.

— И полетим не откладывая, на этих выходных. Можно будет там пожениться… а можно и не спешить. Как захочешь.

— Женитьба? Фу… — хмыкнул Гарднер, — Пережиток феодализма.

— Я хочу, чтоб ты знал, что ты не должен меня бояться… я не причиню тебе вреда. Я поклялась, что сделаю все, чтоб тебе было хорошо, и я сдержу слово.

— Речь истинного джентльмена, сестренка, — прокомментировал Гарднер.

— Нет, Джинни, ничего хорошего тут нет, — с

горечью возразил Грэнвилл. — Можно воздействовать социальным давлением, а можно, хотя Ковен об этом не упомянул, сексуальным вознаграждением…

— Мерзавец! — Дрожащей рукой Гарднер сгреб его за лацканы. — Да как ты смеешь ее оскорблять! Чего ты добиваешься? Если ты думаешь…

— Не трогай меня, Гарднер!

— Трогать?! Да я тебя на куски разорву!

— И что, я должен испугаться? Зная, что для меня приготовил Ковен?

Грэнвилл рванулся и высвободился. Он попятился к двери кабинета, положил ладонь на ручку.

— А теперь слушайте. Вы, Гарднер и Берн, моя связь со штабом Ковена. Передайте Ковену и Арно, что лучше оставить меня в покое. Иначе будут неприятности. Может, я и дурак… но сумею постоять за себя.

И он вышел, гневно хлопнув дверью.

Охваченный страхом и растерянностью, но преисполненный решимости, Грэнвилл слетел вниз по пожарной лестнице, разом преодолевая по три ступеньки, ворвался в западный коридор и помчался к своему кабинету. Там хранился его надежный «сейф», том «Судебной токсикологии»

Гудвина, из-за корешка которого он извлек весь запас наличности — тридцать семь долларов. Из докторского чемодана вынул коричневый пузырек с этикеткой «Сульфат морфина. 1/4 грана. 100 таблеток. Токсичен».

Когда Грэнвилл засовывал пузырек в карман, в коридоре раздались приближающиеся шаги. Они замерли возле его двери. Он застыл в ожидании, напряженно вслушиваясь в бубнящие голоса и смех; наконец шаги возобновились. Когда они затихли вдали, Грэнвилл выскользнул из кабинета.

Он спустился грузовым лифтом в подвал, миновал бойлерную и через погрузочную платформу выбрался на Рэйс-стрит. Там, на задворках больницы, было безлюдно и тихо. Держась в стороне от конуса света, испускаемого тусклым уличным фонарем, Грэнвилл попытался собраться с мыслями.

Наверное, они уже объявили тревогу. Об этом должен был позаботиться Гарднер. Без лишнего шума, но со свойственной ему эффективностью весь персонал больницы разыскивает сейчас доктора Чарлза Грэнвилла, психически неуравновешенного, опасного для себя и, возможно, для окружающих. Ищут его и Ковен с Арно, что-

бы состоялась назначенная ими встреча. Он дрожащими руками нашел сигарету, закурит и вздрогнул как от удара, услышав хохот из далекого окна.

— Сон, — произнес Грэнвилл. — Ответ содержится в сне. Или ключ, или подсказка… Что бы это ни было, я находился от него в шаге… и доберусь до истины, сумев уснуть снова. Если прежде до меня не доберется Ковен. — Он пощупал карман. — Да, надо заснуть.

Но оставался вопрос: как быть с Ковеном?

— Будь я проклят, если облегчу ему задачу, — пробормотал Грэнвилл. — Я обещал, что буду сопротивляться. Вот прямо сейчас и начну.

Он, сторонясь фонарей, пробежал три квартала по Рэйс-стрит, свернул на Гардинг-бульвар и поймал на перекрестке такси. По дороге решимость его не ослабевала, зато росло нервное напряжение. В управлении полиции, получив ответ от дежурного офицера, Грэнвилл направился в кабинет Симмонса и добрался до его порога, уже почти не владея собой.

— Симмонс! — закричал он.

Субтильный человек, в синем свете настольной лампы казавшийся и вовсе тощим, испуганно вскинул голову.

— Симмонс, вы должны мне помочь! — Грэнвилл шагнул к его столу.

— А, черт! Я сейчас помогу — кулаком по роже! — ответил полицейский, резко вставая и отшвыривая стул. — Что ты себе позволяешь? Как смеешь врываться в мой кабинет? И откуда ты, такой наглый, взялся?!

— Я Грэнвилл.

— И что?

— Врач «скорой помощи». ДТП в шесть утра помните? Ковена помните?

— А-а… — Симмонс успокоился и опустился на стул. — Ну да, помню. Я вас попрошу, док, следить за собой. Набрались у себя на «скорой» дурных манер… Что вас ко мне привело?

— Нужно, чтобы вы получили ордер и провели обыск.

— Даже так? — Полицейский глянул на Грэнвилла, насмешливо выгнув бровь. — А причина?

— Готовится убийство.

— Правда? И кто же будущий труп?

— Я.

На Симмонса это впечатления не произвело. Он опустил голову и зашелестел бумагами.

— И кто вас собирается убить?..

— Ковен.

— Родственник пострадавшего? — рассеянно поинтересовался уткнувшийся в листок детектив. — Док, это просто истерика, не переживайте. Я такого навидался. Что ни покойник, то претензии его родни к врачам… или к полиции. Вы тоже привыкнете.

— Здесь другое, — возразил Грэнвилл. — Мне угрожает сам покойник.

— Что? — Симмонс поднял голову.

— Симмонс, вы, как и я, видели Ковена. Сегодня в шесть утра он был мертвее всех мертвых. А днем я имел удовольствие пообщаться с его останками. В том-то и штука, что он не труп. Вы должны выяснить, в чем тут дело.

— Черт бы вас побрал! Что за чушь вы несете?!

— Симмонс, он не мертв! — Голос Грэнвилла взлетел до истерических нот. — Я слышал, как он говорит! Хотя горло сломано так, что он даже дышать не может. Расплющен в лепешку и при этом жив! То, что от него осталось, лежит на диване и…

И тут Симмонс разразился хохотом. Тем самым смехом попугая.

— Ну ты и артист! Молодец, док, я едва не купился. А теперь прошу вас уйти. У меня дел по горло, и здесь не место для исповеди.

Грэнвилл склонился нал столом и впился в детектива взглядом.

— Симмонс, вы тоже?.. — спросил он.

— Еще одна хохма? Как вас понимать?

— ...Тоже не умеете смеяться. Вашего брата можно распознать, если известна ахиллесова пята. Не так-то легко скрыть этот дефект, правда? — Грэнвилл стукнул кулаком по столу, кипя бессильным гневом. — Господи, сколько же вас?!

— Ну-ну, док, полегче. — Полицейский потянулся к телефону.

— Вы были с Ковеном, когда он бросился под грузовик. Ведь были? «Случайно мимо проезжал» — сказочка для простаков. Вы заодно с Ковеном, Арно и Берном!

Симмонс схватился за телефон, но ладонь Грэнвилла упала сверху, заставив трубку вернуться на место.

— Вы всегда рыщете вокруг нас, чтобы вернуть обратно в загон излишне любопытную овцу. А если овца не идет покорно за вожаком бараном, для нее подыщется местечко в психушке. Нет уж, спасибо, это не для меня!

С неожиданной силой Симмонс высвободил руку и поднес трубку к уху.

— Джессуп! — рявкнул он. — Это Симмонс. Двух

человек ко мне в кабинет, быстро!

— Смирительную рубашку пусть захватят, — Грэнвилл повернулся и вышел.

Он бегом спустился в прокуренный вестибюль и проскочил мимо конторки, за которой уже тянулся к телефону сонный человек в мундире. На улице остановился, не зная, что предпринять. И тут позади просигналила машина.

Затем еще раз и еще, настойчиво, требуя внимания. Грэнвиллу показалось, будто он слышит смех Поворачиваться было страшно, но он все же повернулся и увидел двойную парковку перед окнами здания полиции — дерзким нарушителем правил дорожного движения была Джинни, сидевшая за баранкой «родстера».

— Чарлз! — позвала она. — Чарлз!

Как только он устремился к машине, Джинни распахнула дверцу, чтобы выйти навстречу. Но Грэнвилл выставил вперед ладонь:

— Сиди на месте.

— Чарлз… милый! Я весь город объездила, искала тебя. Уже собралась в полицию заявлять о пропаже, и тут гляжу… Милый, с тобой все в порядке?

— Джинни, я не могу торчать посреди улицы!

— Хорошо, я отвезу тебя, куда скажешь. Са-

дись. — Она хотела взять его за руку, но он резко отстранился.

— Не трогай меня, — Грэнвилл сел рядом. — Поехали, быстро!

Джинни растерянно глянула на него, и машина послушно рванула с места. Позади раздались крики. Обернувшись, Грэнвилл увидел на ступеньках отчаянно жестикулирующего Симмонса.

«Родстер» набирал скорость. Джинни смотрела прямо перед собой, у нее дрожали губы.

— Вот здесь поверни. Где твой брат?

— Он… принимает меры, чтобы тебя задержали. И доктор Берн тоже.

— Понятно. Этого следовало ожидать. Сейчас налево.

Машина резко вписалась в крутой поворот и въехала в темную улицу. Джинни качнуло на Грэнвилла, он отпрянул.

— Я сказал, не прикасайся ко мне!

— Господи, Чарлз, да что ж это такое? Неужели ты не понимаешь? Что бы с тобой ни случилось, я не брошу тебя.

— Раньше ты этого не говорила.

— Сам должен понимать. Или хочешь, чтобы бросила?

— Я от тебя ничего не захочу, пока не услышу

твой смех.

— Чарлз, ну, пожалуйста…

— Смейся, Джинни. Я должен услышать, как ты смеешься.

— Не могу! — воскликнула она. — Мне кричать хочется от страха, какой уж тут смех. Чарлз… я стараюсь держать себя в руках. Понимаю, у тебя неприятности. Хочешь, чтобы я тебе помогла? Просто скажи: да или нет, но не требуй, чтобы я смеялась!

— Налево, — буркнул Грэнвилл. — Останови перед гостиницей.

Старомодная стеклянная вывеска с мигающими лампами внутри извещала, что этот десятиэтажный образчик архитектуры в духе Маккинли именуется отелем «Адамс». Облицованный бурым песчаником фасад был густо усеян всевозможными карнизами, пилястрами и лепными гирляндами. Поглядев на здание, Грэнвилл заключил:

— Годится.

Когда он выходил из машины, Джинни потянулась к нему, но вовремя спохватилась.

— Чарли, и что теперь? — спросила она. — Какой у тебя план?

— Я тебе отвечу, — не стал увиливать Грэн-

вилл. — Меня разыскивает полиция. За мной гоняется твой брат. И еще я нужен Ковену. Поэтому… я лягу спать. — Он вынул из кармана и повертел перед носом Джинни коричневый пузырек. — Лягу спать.

Он повернулся, взбежал по ступеням высокого крыльца и вошел в сумрачный вестибюль. Подойдя к ресепшн, энергично постучал по стойке и сообщил появившемуся клерку:

— Мне нужен номер на сутки.

— Да, сэр. Только распишитесь в журнале.

— Моя фамилия Уилкинс. Чарлз Уилкинс… из Чикаго. Я налегке, багаж прибудет завтра. — Грэнвилл взял ручку, расписался и посмотрел в бесстрастное лицо клерка — Это все?

— Видите ли, мистер Уилкинс, у нас… э-э… плата вперед.

— Пожалуйста. — Грэнвилл полез в карман. — Но я хочу вас кое о чем попросить. Мне надо хорошенько отдохнуть, очень уж тяжелый выдался день. К вам могут обратиться мои клиенты, потребовать немедленной встречи. Я не желаю их видеть. Я не желаю, чтобы меня беспокоили. Понятно?

— Десять долларов, сэр. Да, мистер Уилкинс, я понял.

— Если будут выяснять, поселился ли я у вас, отвечайте отрицательно. Мне позарез надо выспаться. — Грэнвилл выложил на стойку и придвинул к клерку две десятки. — Договорились?

— Да, мистер Уилкинс. Вас никто не побеспокоит. — Клерк заговорщицки ухмыльнулся, выбрал ключ и потянулся к кнопке звонка.

Грэнвилл остановил его:

— Не надо коридорного, я доберусь сам. И вообще сегодня обойдусь без обслуживания. Будем считать, что меня здесь нет.

— Да, мистер Уилкинс, вас здесь нет. Пятьсот девятый номер, лифт справа от вас.

Взяв ключ и даже не взглянув на лифт, Грэнвилл быстро нашел лестницу и поднялся наверх.

Пока все складывается хорошо. Место для долгого и спокойного сна найдено. Четверть грана морфина поможет ему быстро задремать. Но вот вопрос: как встретиться со Старром, прежде чем до Грэнвилла, одурманенного и беспомощного, доберется Ковен?

— Это шанс, и я не должен его упустить, — бормотал Грэнвилл, идя по коридору с выкрашенными в отвратительный зеленый цвет стенами.

Найдя номер 509, он провернул ключ в замке и

шагнул через порог. Комнату заливал яркий свет. Мистер Арно поднялся из выцветшего кресла и любезно кивнул вошедшему.

— Добрый вечер, доктор Грэнвилл. — Он посмотрел на ручные часы прямо сквозь темные стекла очков, — Как всегда, точны. Входите, входите.

У Грэнвилла обмякли колени, он зашатался, слепо ища опору. Арно ловко проскользнул мимо него и запер дверь, после чего повернулся и снял непроницаемые черные очки.

— Ну что ж, приступим?

— У него морфин! — кричала Джинни. — Вот почему я его выдала! Как я могла поступить иначе? Вы же понимаете меня? Понимаете?

— Понимаем, милая, успокойся, все в порядке. — Гарднер погладил сестру по спине, — Так где же он?

— Я не знаю, что он затеял. Сказал, ляжет спать, но как это проверить? Только обещайте, вы ему не скажете, что узнали от меня! Обещайте!

— Мы не собираемся ничего рассказывать доку, — проговорил Симмонс. — Мы хотим только избежать неприятностей. Правильно? Где он?

— Обещайте, что скандала не будет, — настаивала Джинни, — и вы не сделаете ему ничего

плохого. Просто убедитесь, что с ним все в порядке.

— Да кому нужны скандалы? — устало спросил Симмонс, — Мне вот нужно лишь одно: поскорей добраться до дому и поужинать. Ну, отвечайте, где он?

— Дорогая, мы будем действовать спокойно и осторожно, — пообещал Гарднер. — Мы будем добрыми и чуткими… что вовсе не противоречит закону о принудительной госпитализации. Где он!

Джинни показала на отель «Адамс».

— Там. Вошел полчаса назад. Я стояла в дверях и видела… Он заплатил, получил ключ и поднялся по лестнице.

— Отлично. — Симмонс взял командование на себя, — Теперь давайте так: что я говорю, то вы и делаете. Пошли.

Они пересекли улицу.

— Если он уже под наркотой, — рассуждал Симмонс, — проблем быть не должно. Отвезете его в больницу, сделаете промывание. Но вообще-то самоубийцы редко торопятся. Им время требуется.

Джинни посмотрела на него, в ужасе распахнув глаза.

— Возьмем, к примеру, бритву, — продолжал

детектив, поднимаясь на высокое крыльцо. — Ею суицидник будет целый час царапать себе кожу, прежде чем наберется храбрости и полоснет как следует. То же и с газом: голова долго ныряет туда-сюда, прежде чем находит последний приют в духовке.

— Я знаю. — Гарднер распахнул стеклянную дверь.

— Мы запросто можем застать Грэнвилла со стаканом воды и пригоршней отравы в руке. Ворвемся, а он сдуру выбросится в окно.

— О нет! Нет! — вскричала Джинни.

— А ну-ка потише! — скомандовал Симмонс и повел спутников к стойке. Продемонстрировал клерку синий с золотом жетон и сказал: — Чарлз Грэнвилл.

— Сожалею, инспектор. Человек с такой фамилией у нас не регистрировался.

— Сержант, — буркнул Симмонс. — Давай сюда последнюю карточку.

Они тщательно изучили регистрационную карточку.

— Мистер Уилкинс только что прибыл из Чикаго, — начал осторожно объяснять клерк. — Он…

— Это Грэнвилл, — перебил полицейский. — Какой номер?

— Сержант, я не уверен, что…

— Номер!

— Позвольте объяснить! Мистер Уилкинс категорически потребовал, чтобы его не…

— Я не собираюсь с тобой пререкаться! Мне нужно знать, где его найти.

— Пожалуйста, ответьте! — взмолилась Джинни. — Он, возможно, болен… Счет идет на минуты!

— Я же сказал, что сам этим займусь! — рявкнул Симмонс и вперил в клерка ледяной взгляд. — Даю ровно одну минуту, чтобы вспомнить…

— Уже не надо, — сдавленным голосом произнес Гарднер и показал на спускающуюся кабину лифта.

В ней стоял Грэнвилл: окаменевшее бледное лицо, напряженное тело, руки вытянуты по швам. Он был похож на неопытного оратора, в самый ответственный момент забывшего речь.

Как только створки двери разъехались и Грэнвилл шагнул наружу, к нему с криком «Чарлз!» бросилась Джинни.

Он вскинул руки навстречу и заключил ее в объятия.

— Джинни… милая Джинни…

Увидел подступивших мужчин, Грэнвилл

улыбнулся:

— Симмонс… Гарднер. Здравствуйте. Пришли спасти меня от бесславной гибели?

Гарднер вгляделся в его лицо и произнес:

— Морфин?

— Пожалуйста. — Не отстраняя девушки, Грэнвилл сунул руку в карман и вручил Гарднеру коричневый пузырек — Это он тебя так беспокоил?

— Ну… помимо всего прочего, — буркнул Гарднер. — Что там с тобой случилось? Очухался?

— Отчего?

— От чего? Да я могу целый список огласить… но сейчас не время. Больше не будешь лопотать про обманы-мистификации?

— Какие еще мистификации?

— С участием Ковена.

— Ковена? Это тот бедолага с утреннего ДТП? А он тут при чем?

— При чем?.. — оторопело переспросил Гарднер. — И Арно ни при чем?

— Это еще кто?

— Ты меня спрашиваешь? Это же ты нам про них наплел!

— Я? Наплел?.. Правда? — с пристыженным видом произнес Грэнвилл. — Будь я проклят, если

помню хоть что-нибудь.

— Вообще все забыл, что ли?

— Нет, только причину своей сегодняшней выходки. Помню, что был совершенно не в себе, а вот из-за чего…

— Зачем ты поселился в отеле?

— Не знаю.

— А что случилось наверху?

Грэнвилл подумал и серьезно ответил:

— Я наконец понял, что имел в виду По.

— Кто?

— Эдгар Аллан По. Он написал рассказ про дьявола, всегда носившего темные очки. Кончилось тем, что дьявол их снял и оказалось, что у него вовсе нет глаз. Думаю, По увидел дьявола без очков, потому и ослеп.

— Чак, ради бога…

— Правда, я не знаю, почему поселился в гостинице и что собирался сделать. Был зол, напуган, расстроен… наверное, пытался спрятаться от самого себя. И я прекрасно понимаю, каким идиотом выглядел в ваших глазах. А потом вдруг раз — и снова все в порядке. Не волнуйся, Гарднер, я не ослеп. По был поэтом, а я поэт-ученый.

— Ты шутишь, что ли?

— А ты еще не догадался, обезьяна?

— Если человек способен шутить, он вменяем. — Лицо рыжеволосого доктора расплылось в облегченной улыбке, — Безошибочный тест Гарднера, — Он энергично пожал Грэнвиллу руку. — Чак, я рад, что ты опять с нами. Позволь заново представить тебя давно забытым друзьям. Джинни, это доктор Грэнвилл. Сержант Симмонс… доктор Грэнвилл.

— Время, док, — фыркнул Симмонс.

— Это переутомление, — продолжал трепаться Гарднер-Симмонс, он просто перетрудился. Самое обычное дело для интернов по всей стране. О четырех из каждых пяти интернов я вам такое могу рассказать — глаза на лоб полезут.

— Не сомневаюсь, — буркнул Симмонс и повернулся к Грэнвиллу: — Так что же, док, все в порядке? Могу я ехать домой и ужинать? Больше не станете беситься из-за моего смеха?

— Так это я из-за вашего смеха взбесился? Нет, Симмонс. Конечно, не буду. Я… Мне очень стыдно.

— Чарлз, ты уверен, что здоров? — Джинни подняла заплаканное лицо. — С тобой ничего не случилось?

— Милая, все хорошо. Я будто заново рожден. Если что-то и изменилось, так это уши. Такое

ощущение, будто они теперь длинные, как у осла, — Он смущенно рассмеялся.

Гарднер хихикнул и отвернулся от Симмонса.

— Ждем тебя в машине.

Но Джинни крепко прижалась к Грэнвиллу и всхлипнула:

— Чарли… ты очень странно смеешься. Прежде ты так никогда не смеялся.

— Как, дорогая?

— Как… как, ты говорил, смеются мой брат, и доктор Берн, и Ковен. Теперь я тоже это слышу. Ты говорил…

Он поцеловал ее и улыбнулся.

— Забудь все, что я говорил. Я сегодня валял дурака. Не с той ноги встал утром… Но зато теперь иду в ногу.

И Грэнвилл опять рассмеялся. Механическим смехом попугая.

Джинни со страхом посмотрела на него. Грэнвилл обнял ее за талию и вывел на улицу, успокаивая:

— Милая, когда поженимся, я тебе все об этом расскажу.

— Расскажи сейчас.

Он отрицательно покачал головой:

— Это секрет. Приберегу его для свадебного

подарка. Обещаю, будет сюрприз. И еще какой сюрприз!

Звук, и этот звук — музыка. Пространство. Голоса. Сущность по имени Старр, чья речь приглушена и искажена. Старр взывает к девушке, забывшейся тревожным сном после изнурительного дня.

— Вирджиния! Вирджиния Гарднер! Ты меня слышишь?

Шаги в тумане.

— Сюда, Вирджиния. Иди сюда.

Осколки голоса в муках прорываются сквозь хаос сна.

— Вирджиния, мы уступили Чарлза Грэнвилла Ковену. Мы пытаемся связаться с тобой, прежде чем Грэнвилл сумеет заблокировать твое восприятие. Вирджиния, послушай нас! Это необходимо…

В глубинах неведомого пространства разносится крик отчаяния:

— О небо! Как же мне разбудить человечество? Ведь должен же быть способ!..



FB2 created by

mefysto